

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ЗВЕРИ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

*В этом издании Вы увидите
гравюры знаменитых
художников - анималистов
второй половины девятнадцатого века:
Р. Кретшмера, В. Кунерта,
Г. Мютцеля, А. Рейхерта,
Ф. Шмидта-Каринга
и Ф. Шпехта*

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ЗВЕРИ

Том II

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000.

УДК 59
ББК 28.693.36
Б87

Авторы комментариев:
кандидат биологических наук Е. А. Коблик
кандидат биологических наук С. В. Крусков

Брем А.
Б87 Звери: В 2 т. Т. 2 / Коммент. Е. А. Коблика,
С. В. Крускова – М.: ООО «Фирма «Издательство
АСТ», 2000. – 776 с.: ил. – (Жизнь животных).
ISBN 5-237-04778-5

Издание подготовлено по переводу, выпущенному в свет
в 1893 году в Санкт-Петербурге. Сохранен стиль повествования
автора — всемирно признанного классика натуралистической
литературы. В полном объеме воспроизведены иллюстрации,
созданные немецкими художниками и граверами в XIX веке
специально для книг А. Брема.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 59
ББК 28.693.36

ISBN 5-237-04778-5

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000
© ООО «Издательство Астрель», 2000

ОТРЯД ЛАСТОНОГИЕ (Pinnipedia)*

Отряд
ластоногие

Ластоногие являются представителями морских животных, которых натуралисты относят к млекопитающим. У них в наличии все четыре конечности, которые хотя и влачатся по земле, но отделены от туловища, и в ступнях ясно видны пальцы. У большей части тюленей пальцы свободно двигаются и соединены между собой плавательной перепонкой; лишь у немногих они неподвижны и покрыты кожей. Несколько своеобразными являются только задние конечности: у них все пальцы одинаковы**. Строение тела ластоногих может сравниться со строением тела некоторых хищных животных, например медведя и речной выдры; этим и оправдывается то, что некоторые натуралисты присоединяют ластоногих к хищным.

Относительно маленькая голова ластоногих довольно ясно выступает из шеи и напоминает голову речной выдры или медведя, хотя при более точном сравнении ясно видны ее особенности. Мозговая часть черепа широкая и плоская, лицевая часть короткая и спереди широко закруглена, пасть глубоко прорезана, верхняя губа усажена крепкими, упругими щетинками, которые очень отличаются от усов хищных животных, нос с косо расположенными, щелевидными ноздрями, которые закрываются клапанами; глаза большие, довольно плоские и снабжены мигательной перепонкой, лоб большой; закрывающееся наружное ухо до определенной степени развито только у некоторых семейств, у большей части ластоногих наружной ушной раковины нет. Короткая и толстая шея непосредственно переходит в цилиндрическое, суживающееся книзу туловище; хвост имеет вид маленького отростка. Толстая и твердая кожа покрыта большей частью длинными жесткими волосами, которые на верху шеи удлиняются в виде гривы; иногда под волосами замечается густой подшерсток. Преобладающий цвет шерсти зеленовато-серый с желтоватым или красноватым оттенком, а местами расположенные темные волосы создают мраморный рисунок; впрочем, бывают и одноцветные и пегие ластоногие***.

Зубы и внутреннее устройство тела, несмотря на сходство с теми же частями тела хищных животных, имеют совершенно особое строение. Тюлени схватывают и удерживают пищу зубами.

* Ныне большинство исследователей под названием «ластоногие» понимают лишь совокупность приспособленных к водному образу жизни хищных млекопитающих. У них деградировал шерстный покров, конечности превратились в ласты, развился толстый подкожный слой жира, сходным образом видоизменились и коренные зубы, утратив способность разрезать.

** Обычно у ластоногих на задних конечностях первый и пятый пальцы длиннее и заметно толще трех, расположенных между ними.

*** У некоторых тюленей к разным участкам кожи подходит разное число сосудов. Там, где их больше, шкура

Отряд ластоногие

высыхает быстрее и кажется более светлой. Из-за этого на шкуре даже одноцветно окрашенного тюленя, когда он выходит из воды, виден как бы мраморный рисунок.

** Единственный соленый внутренний водоем, в котором живут ластоногие, — это Каспийское море. Кроме него есть всего три внутренних водоема (все пресные), в которых живут тюлени: Байкал, Ладожское озеро и озеро Сайма в Финляндии.*

Резцы в основном маленькие, верхних больше, чем нижних, крайние верхние резцы часто удлинены вроде клыков, клыки выдаются меньше, нежели у хищных животных. Между коренными зубами различить ложнокоренные от настоящих трудно, все они конусообразные или плоские и сжаты с боков. Обмен зубов происходит во время утробной жизни, так как детеныши рождаются очень развитыми. Череп имеет глубокую впадину перед лобными костями, вследствие чего выпуклая мозговая часть черепа резко переходит в почти такую же выпуклую лицевую. Позвоночный столб напоминает хребет хищных; шейные позвонки заметно отделены один от другого и снабжены очень развитыми отростками. 14—15 позвонков составляют грудную часть, 5—6 — поясничную, 2—7 сросшихся позвонков — крестец, наконец, 9—15 — хвостовую часть. Ключиц нет. Кости конечностей коротки, кости предплечья и голени разделены, кисти и ступни имеют правильное строение, а пальцы у различных родов бывают разной длины. Относительно развитый мозг имеет многочисленные извилины, расположенные, как у хищных. Желудок простой, удлинённый в виде кишки; слепая кишка очень коротка. Кровеносные сосуды со своими сетчатыми сплетениями, как в конечностях, так и под позвоночным столбом, представляют много особенностей. Число сосцов до 2—4.

Ластоногие распространены по всем морям земного шара, имеют своих представителей как на крайнем юге, так и на севере и даже попадают в внутренних соленых озерах Азии, в которые они заходят по рекам; часть ластоногих осталась в них после отделения этих внутренних морей от океанов*. На севере живет наибольшее число видов, а на юге — самые необыкновенные из них. Они любят близость берега, и многие по временам предпринимают путешествия по суше от одного залива в другой и часто поднимаются вверх по течению рек. На земле они находятся только в особых случаях, во время спаривания и когда малы, настоящим их местожительством остается все-таки вода.

На земле ластоногие кажутся беспомощными животными, в воде двигаются с чрезвычайной легкостью. С трудом взбираются они на плавающие льдины или на твердую землю, чтобы погреться на солнце; при первой же опасности устремляются как можно скорее в привычную для них морскую глубину. Плавают и ныряют животные с большим искусством. По твердой земле многие виды двигаются своеобразным, только им свойственным образом. Когда тюлень на твердой земле передвигается с одного места на другое, он бросается на грудь, выгибает туловище горбом, как кошка, упирается на задние конечности и быстро вытягивает вперед туловище. Таким образом, поочередно опираясь то на переднюю, то на заднюю части туловища, выгибая и вытягивая его, они довольно быстро передвигаются. Передние конечности при этом не играют никакой роли: они используются, когда живот-

ное взбирается на гору, а также очень ловко употребляются для того, чтобы чиститься, чесаться, приглаживаться или чтобы держать, прижимать детеныша к груди.

Все ластоногие в высшей степени общественные животные; их никогда не видно поодиночке. Чем уединеннее местность, тем многочисленнее их стада или семейства. Человек, очевидно, самый страшный и самый кровожадный враг безоружных обитателей вод. Те немногие хищные животные, например белый медведь, нападающий преимущественно на мелкие виды, и жадный хищный кит, нападающий на более крупных ластоногих, для них менее опасны, нежели властитель земли. Этим и объясняется, что над ластоногими можно делать наблюдения только там, где они удалены от человека или находятся под особым его покровительством.

Чем старше животное, тем оно ленивее. Детеныши — живые, игривые и веселые существа, старые же, наоборот, ворчливые и до безобразия ленивые создания; из-за беспомощности на твердой земле они кажутся еще более ленивыми, чем есть на самом деле. Если им угрожает опасность, они поспешно и быстро уходят в воду; если опасность появляется внезапно, то от страха и ужаса начинают вздыхать, дрожать и делать напрасные усилия, чтобы убежать от беды. Но когда надо встать на защиту самки с детенышами, то некоторые самцы проявляют большое мужество. В самых уединенных и пустынных местах ластоногие до того равнодушны к посетителям, что позволяют им ходить вокруг себя; но раз познакомившись с человеком — губителем животного царства, они делаются осторожнее.

Из внешних чувств у ластоногих преимущественно развит слух, несмотря на отсутствующую или очень маленькую ушную раковину, и гораздо меньше развиты зрение и обоняние. Голос состоит из хриплых звуков, похожих то на лай собаки, то на мычание теленка, то на рев быка.

Каждое семейство ластоногих составляет отдельное общество. Самец соединяется с несколькими самками, и некоторые из этих морских султанов имеют гарем в несколько дюжин рабынь. Каждый тюлень бьется не на жизнь, а на смерть за свою самку; впрочем, толстая кожа и слой жира под ней служат лучшим щитом для обоих рыцарей против ударов зубами и когтями, которыми они друг друга наделяют в пылу боя*. Через 6—12 месяцев после случки самка приносит одного, редко двух детенышей.

Взрослые и молодые тюлени с одинаковой нежностью любят друг друга, и мать, жертвуя собственной жизнью, защищает свое потомство от всякой опасности. Отец, забавляясь их веселыми играми, выражает свое удовольствие приятным ворчаньем, и так как строение тела не позволяет ему принять более деятельное участие в игре, он следит глазами за катающимися по земле и кувывркающимися детенышами**. Месяца через два они разви-

Отряд ластоногие

** Это относится в первую очередь к ушастым тюленям (морским львам и морским котикам), из настоящих тюленей лишь очень немногие образуют такие гаремы и охраняют их от других самцов.*

*** Обычно самец морского льва или котика вовсе не обращает внимания на детенышей, гораздо больше озабоченный поведением самок из его гарема. Этим на Командорских островах пользуются песцы, утаскивая детенышей котика, в то время как ревнивый самец не дает самке броситься в погоню. У тюленей же самец вовсе не видит своего потомства или не выделяет его среди других детенышей.*

Семейство ушастые тюлени

** Семейство водных хищных, включающее 7 родов и 14 видов. От других ластоногих отличаются наличием рудиментарной ушной раковины и способностью передвигаться по суше с опорой на лапы. Распространены в арктических, умеренных и тропических водах Тихого океана; в Индийском и Атлантическом океанах — только в южной части. Самцы отличаются от самок гораздо большей массивностью сложения и примерно вдвое большими размерами. В период размножения у всех видов вполне взрослые самцы собирают гаремы из большого числа самок, которые ревностно охраняют (в связи с чем в период спаривания практически не питаются). Многие виды — объект промысла.*

ваются настолько, что могут быть отучены от молока. Они растут быстро: уже по истечении трех месяцев детеныши гренландского тюленя достигают половины величины своей матери. От двух до шести лет они делаются взрослыми, а вот после 25 лет у них наступает старческий возраст.

Пищу ластоногих составляет большей частью рыба, ракообразные и моллюски. Некоторые крупные виды бывают опасны и для морских птиц, и даже для других тюленей.

Всякая охота на тюленя есть безжалостная бойня, именно бойня, резня, а не благородная охота. Молодые и старые, большие и маленькие истребляются без разбора. Вследствие этого многие виды значительно истреблены, а некоторые почти совершенно исчезли. От стад, которые покрывали в прошлом столетии пустынные острова, теперь остались только жалкие остатки. Ворвань и сало, зубы и кожа ластоногих — ценные предметы, чем и объясняется рвение людей к их преследованию.

В неволе многие животные становятся ручными, а некоторые почти превращаются в домашних животных. Они уходят, ловят в море рыбу и добровольно возвращаются назад в жилище своего хозяина, умеют его узнавать и следуют за ним как собаки. Некоторых можно выдрессировать для рыбной ловли.

Ластоногие распределяются естественным образом на три семейства. Прежде всего это тюлени, у которых нет ушной раковины и которые не могут ходить на задних конечностях; вследствие этого они более других приспособлены к жизни в воде. Противоположность им составляют более совершенные ушастые тюлени, или нерпухи, имеющие ушные раковины и задние конечности, способные к ходьбе. Середину между ними занимают моржи.

СЕМЕЙСТВО УШАСТЫЕ ТЮЛЕНИ (Otariidae)*

Ушастые тюлени, или нерпухи, отличаются от своих родичей следующими признаками: зубная система состоит из одного большого резца, похожего на клык, и двух маленьких внутренних резцов, одного клыка и пяти или шести коренных зубов с каждой стороны верхней челюсти; двух резцов, одного клыка и пяти коренных зубов с каждой стороны нижней челюсти. В костях черепа сильно развит задний отросток глазной впадины. Наружное ухо имеет небольшую, но хорошо развитую раковину. Конечности выступают из туловища и ясно отделяются от него; плавательная перепонка сильно развита и удлиняется за пальцами в виде лопастей; нижняя часть пятки голая и разделена продольными бороздками. Пальцы задних конечностей почти равной длины, пальцы передних конечностей уменьшаются постепенно к наружной стороне. Между двумя полами огромная разница в росте,

так как самцы почти вдвое длиннее и в три или четыре раза тяжелее самок.

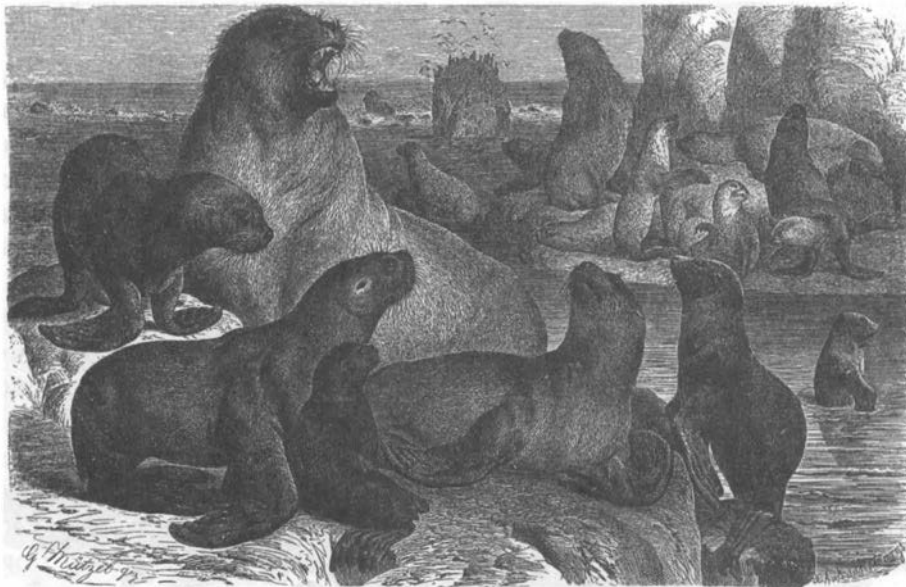
Все известные виды этого семейства схожи между собой и ведут одинаковый образ жизни. Они водятся преимущественно в Тихом океане, поэтому их можно встретить как в вечных льдах Берингова пролива, так и на материке и островах Южного полюса, как в умеренных поясах, так и под отвесными лучами полуденного солнца. Иногда они совершают длительные путешествия, иногда годами живут в одном и том же месте*. Этих животных везде ожесточенно преследуют, а в некоторых районах их даже почти истребили жадные люди, которые ради меха, мяса и жира уже целые столетия охотятся за ними, убивают и уничтожают.

Сивуч (*Eumetopias jubatus*)**, был известен еще во времена Стеллера. Самец сивуча достигает при длине в 4 метра около 3 метров в обхвате; говорят, что встречаются великаны в 5 метров длины, но это еще не доказано верными измерениями. Средний вес, по словам Эллиота, достигает 600 кг. Самки гораздо меньше, не больше 3 метров длины и редко доходят до 200 кг веса. Глаза велики и выразительны, когда животное чем-нибудь взволновано. Ухо цилиндрическое, суживается у основания острым углом и

покрыто короткими тонкими волосами. На верхней губе до 30—40 гибких белых или желтовато-белых щетин, некоторые достигают 45 см длины. Конечности больше приспособлены к движению в воде, чем на суше, покрыты грубой, шероховатой кожей, между тем как все туловище покрыто ровными, короткими, жесткими и блестящими волосами. Окраска меха взрослых особей весьма разнообразна: на одной и той же скале можно видеть черных самцов, красновато-бурых, темно- и светло-серых; в одном и том же стаде встречаются экземпляры со светлыми и темными лапами, темными пятнами на туловище, так же как и серые с более темной шеей и светло-серой головой. Самки окрашены однообразнее, большей частью они светло-бурые; детеныши в ранней юности аспидного или темно-серого цвета, который в конце первого года переходит в ореховый цвет.

Семейство ушастые тюлени

* Лишь некоторые виды склонны совершать миграции, сравнительно короткие. Многие виды привязаны к конкретным островам или архипелагам, воды которых никогда не покидают.

Сивуч
(*Eumetopias jubatus*)

** Сивуч — крупнейший представитель ушастых тюленей. Длина взрослых самцов превышает 3 м, а вес — 1 т. Самки втрое меньше. Распространены в северной части Тихого океана, на побережьях Беринго-

Семейство ушастые тюлени

ва и Охотского морей. Юг области размножения находится на Сахалине, но отдельные особи встречаются и южнее. В Америке распространены южнее: размножающиеся группы есть вплоть до южной части Калифорнии. Крупные самцы могут нападать на молодых тюленей и каланов.

* Калифорнийский морской лев обитает в калифорнийских водах вместе с сивучом. Отличается гораздо более легким сложением и меньшим размером. Кроме Калифорнии живет вдоль побережья США и Мексики, на Галапагосских островах; особая раса жила в Японии и Корее и была полностью истреблена несколько десятилетий назад. Питается преимущественно головоногими моллюсками и мелкой рыбой.

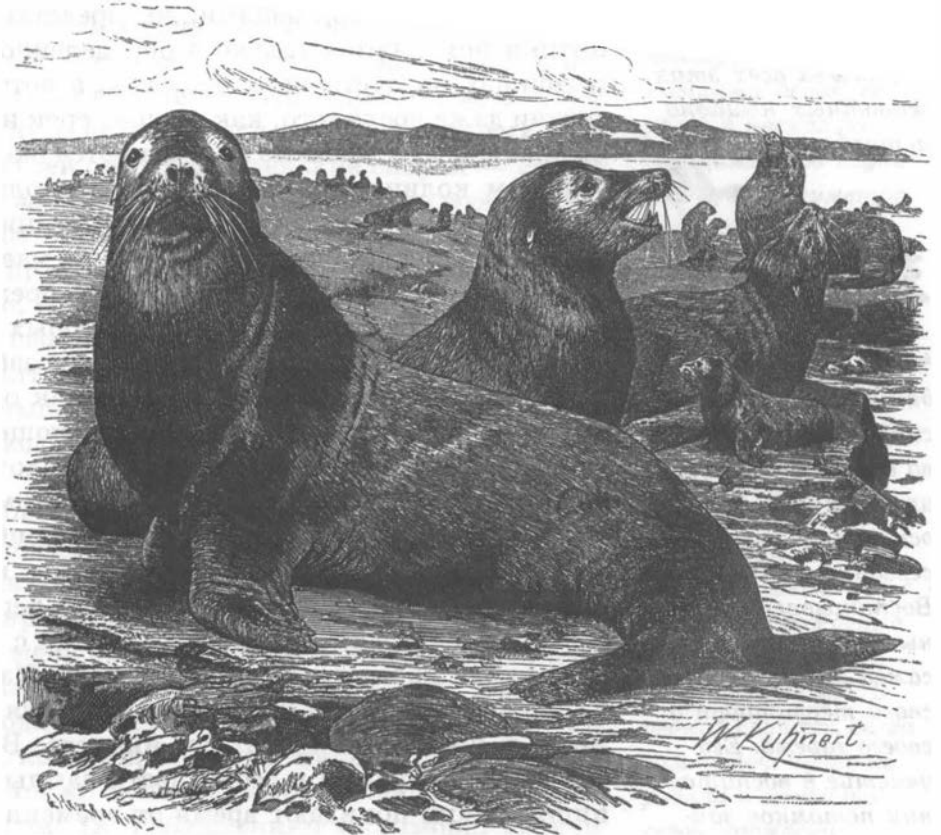
Сивучи распространены в северной части Тихого океана, в восточной его части встречаются до экватора. Места, где они собираются для спаривания, называемые лежбищами, обыкновенно расположены между 53 и 57 градусами северной широты в Америке, Евразии и на большей части островов этой полосы. Здесь они появляются регулярно из года в год тысячами, выходят на берег и рожают детенышей. Вне этой полосы, гораздо южнее, например при въезде в гавань Сан-Франциско и дальше на юг, в некоторых местах южной Калифорнии и на ближних островах встречаются менее значительные лежбища. Впрочем, из тех животных, которые встречаются близ Калифорнии, настоящих сивучей немного, большая часть принадлежит к другому виду — **калифорнийскому морскому льву** (*Zalophus californianus*)*.

«Чрезвычайно широкая и пыльная дорога, — пишет Финч, — ведет нас по пустынным дюнам, бедно заросшим растительностью, песок которых находится в безостановочном движении. Через три четверти часа мы подъезжаем к построенной на скалистом берегу Тихого океана гостинице — это любимое место прогулок жителей Сан-Франциско. Еще издали слышится шум могучего прибоя, и до приближающегося путешественника доносятся странные звуки, напоминающие лай, которые все более усиливаются, чем ближе мы подъезжаем к гостинице. Если идти по направлению этого лая, то на трех конусообразных скалах, отстоящих не более как на 150 шагов от берега, можно заметить движение. Около 60 морских чудовищ расположились на береговых утесах группами по 15 штук или поодиночке. В расщелинах скал или на узких карнизах лежат они, удобно протянувшись, под начальством старого могучего самца, известного всем жителям Сан-Франциско под именем Бен Бутлер. Расположившись на самой высокой точке скалы, этот Бен Бутлер время от времени поднимает голову, сильно раздувает толстую шею и испускает низкий громкий лай, к которому тотчас же присоединяются не только более слабые и высокие голоса его сородичей, но и крик бесчисленных чаек, и карканье бакланов, сидящих рядами на выступках и отдельных вершинах; тут же слышатся и густые басовые ноты пеликанов, помет которых длинными белыми полосами выделяется на темном фоне скал. Даже самый равнодушный посетитель остановится на долгое время, чтобы посмотреть на этих удивительных животных. Пораженный необычайным зрелищем, он наблюдает, как неуклюжие и неповоротливые гиганты влезают на самые вершины скал. Конечно, делают они это медленно, но так искусно извивают длинные туловища, так сильно подпирают их при подъеме на гору растопыренными задними конечностями, что цель все же достигается. В спокойном состоянии животные напоминают гигантских темных слизней; иногда во время сна свертываются на манер собак, уткнувшись мордой в брюхо. Часто можно видеть, как они соскальзывают в море с вершины скал и,

подобно дельфинам, предаются среди волн самым разнообразным играм: опрокидываются навзничь, выпрыгивают из воды, играют между собой, ныряют, изгибаются в прыжке то в глубину, то над поверхностью воды и делают вид, что яростно сражаются, хотя на самом деле эти битвы происходят только для забавы. Точно так же только для вида они нападают друг на друга на суше: злобно разевают страшные пасти, кусаются, рычат, как будто собираются начать борьбу, но скоро опять укладываются рядом и даже иногда облизывают сосед соседа. Целыми часами можно наблюдать за постоянно меняющимися картинами и всегда заметить что-нибудь новое, еще не виданное».

«Иначе вели себя животные того же вида на величественных пограничных скалах при въезде в бухту Сан-Франциско, мимо которых я проезжал с капитаном Скаммоном на борту американского военного корабля «Вианда». На южной стороне своеобразных скалистых берегов этих островов увидели мы стадо до 50 и более тюленей, которые предусмотрительно удалились туда, где прибой ударял с

большой силой. Там лежали они, плотно прижавшись друг к другу, обдаваемые белой пеной морских волн; охотиться за ними было очень трудно, но пули наших винтовок все же долетали до них. Несмотря на большое расстояние, мы стали стрелять по направлению к ревущей толпе и произвели волшебное действие: почти в ту же минуту все животные бросились в море, и в продолжение нескольких часов нижняя часть скалы оставалась пустой. Только гораздо позднее увидели мы с помощью подзорной трубы, как спугнутые нами тюлени вернулись на прежнее место отдыха. Заметная разница в поведении животных становится понятной, когда знаешь, что здесь, при въезде в бухту Сан-Франциско, они живут совершенно свободно, между тем как на скалах близ вы-

Калифорнийский
морской лев
(*Zalophus
californianus*)

Семейство ушастые тюлени

** На подобных
запретных местах
зрители Калифорнии
и ныне могут наблю-
дать сивучей, морс-
ких львов, а также
каланов и тюленей.
В остальных частях
побережья всех этих
животных нещадно
истребляли.*

*** По современным
данным, детеныши у
сивучей рождаются
во всех частях
ареала в мае—июле,
основная масса — в
середине июня.
Воспитывает дете-
ныша только самка,
самец занят охраной
своей территории и
своего гарема. Его
участие в воспита-
нии потомков зак-
лючается в том, что
он может устроить
трепку особенно
надоедающему дете-
нышу. В отличие от
большинства ласто-
ногих детеныши
сивучей умеют
плавать от рожде-
ния, хотя до дости-
жения определенного
возраста избегают
входить в воду.*

шеупомянутой гостиницы находятся под покровительством штата Сан-Франциско, и их нельзя ни убивать, ни ловить. Они ценят эту заботу и спокойно позволяют наблюдать за своей жизнью любознательным посетителям»*.

Стеллеру обязаны мы первым точным описанием образа жизни сивучей. Дальнейшие сведения мы получили от Коцебу и фон Врангеля, через посредство Скаммона и Эллиота. По словам Скаммона, ни один из многочисленных видов морских животных североамериканского берега Тихого океана не заслуживает большего внимания, чем сивуч. Даже морской котик, мех которого высоко ценится торговцами, не представляет такого интереса. Котики появляются только в определенное время года на своих лежбищах на пустынных островах, а потом исчезают без следа; сивучи даже после того, как прошел срок их пребывания на суше, по крайней мере часть из них, остаются около лежбищ. Но в очень большом количестве собираются они только во время спаривания, которое происходит на различных широтах в различное время: на берегах Калифорнии — между маем и августом; на берегах Аляски — между июнем и октябрём. В это время самка производит на свет детенышей, которых воспитывает вместе с самцом; последний делит с самкой все заботы о детенышах, охраняет их и учит своим примером, как они должны вести себя на узкой береговой полосе, представляющей то скалистую, изрытую расщелинами поверхность, то болотистый или песчаный грунт; тут же детеныши обучаются, каким образом нырять, плавать, двигаться во время морского прилива**. Первоначально молодые сивучи боятся воды, но вскоре весело носятся по волнам, а когда приходит время покидать берег, они уже настолько осваиваются с водой, что могут вместе с родителями остальное время года провести в открытом море. Из многочисленного стада очень немногие экземпляры остаются на излюбленном ими месте и уже не покидают его никогда. Во время полового возбуждения сивучи, а в особенности самцы, почти не принимают пищи; самки покидают время от времени лежбище для добывания пропитания, но не решаются отойти от детенышей на далекое расстояние. Не подлежит сомнению, что сивуч долгое время может жить без всякой пищи; наблюдениями за пойманными животными удостоверено, что они в течение целого месяца ничего не ели и, несмотря на то, казались совершенно здоровыми. Говорят, что животные разного пола и возраста не только голодают целыми неделями, но переживают при этом страшные трудности без всякого ущерба для здоровья.

В начале ежегодных сборищ на суше вернувшиеся на старое место и вновь прибывшие животные очень дики и пугливы; но когда на берегах, утесах и скалах уже появились самки, их поведение меняется: с этого времени начинается борьба самцов из-за самок. Бои продолжаются иногда целыми днями, останав-

ливаются только вследствие совершенного изнеможения борющихся и возгораются вновь, когда они немного отдышатся. Конец битвы наступает только тогда, когда оба противника одинаково ослабели, или один из них бежит с поля сражения, или когда обоих изгоняет третий, напавший на них со свежими силами; окончательно побежденный печально крадется на другое место. Обыкновенно стадом управляет только один самец; но может случиться, что их окажется два на одной и той же скале; тогда дело, конечно, не обходится без вызывающего рева и незначительных битв*.

Насколько мог заметить Скаммон, оба пола не чувствуют слишком большой склонности друг к другу. Только самки с нежностью относятся к своему потомству, что, впрочем, не мешает им без колебания покинуть его и уплыть в море в случаях внезапного нападения. Со своей стороны маленькие сивучи — самые упрямые и шаловливые зверьки, каких только можно вообразить, и постоянно показывают себя с самой неприятной стороны в те редкие минуты, когда просыпаются от почти непробудного сна. Несколько раз замечено, что в тех случаях, когда одна из маток отказывается кормить своего детеныша, десятки других самок оспаривают честь заменить ее. По уверению туземцев, самка морского льва только детенышей мужского пола кормит более года, чем и объясняется гораздо большая величина самцов по сравнению с самками**.

С окончанием полового возбуждения, которое у сивучей калифорнийских берегов продолжается почти четыре месяца, большая часть многочисленных стад уходит в открытое море и переплывает его во всех направлениях, охотясь за морскими животными и рыбой. Только меньшая часть может найти пищу в достаточном количестве около берегов. Рыбы, мягкотелые и ракообразные, так же как и водяные птицы, составляют обыкновенную пищу этих ластоногих, которые, впрочем, никогда не упускают случая проглотить несколько булыжников или маленьких камней до 500 граммов весом. По наблюдениям Скаммона, сивучи употребляют особенную хитрость, чтобы поймать морскую птицу: они, увидев чайку, опускаются на большую глубину, затем подплывают под водой ближе к ней и осторожно высовывают на поверхность воды кончик носа; тут, вероятно с помощью усов, устраивают круговое движение воды с намерением обратить внимание летающей чайки. Последняя, думая, что имеет дело с каким-нибудь небольшим морским животным, кидается вниз, чтобы поймать его, и минуту спустя бывает уже схвачена сивучом и увлечена под воду, где он ее рвет на куски и проглатывает. Эллиот же, который наблюдал в течение четырех лет этих животных на Прибыловых островах, никогда не видал, чтоб сивучи гонялись за птицами, хотя они постоянно плавают вместе с водяными птицами, которые не выказывают перед ними никакого страха.

** Толстый слой сала на шее сивуча защищает его от зубов противников. Надо сказать, что во время драк самцы вовсе не в шутку полосуют друг друга клыками, оставляя раны в несколько сантиметров глубиной и до полуметра длиной, которые, впрочем, быстро зарубцовываются.*

*** Самка сивуча кормит детеныша (независимо от пола) молоком вплоть до рождения нового потомства, т. е. полный год. В редких случаях, когда самка почему-то не родила в какой-то сезон, кормление предыдущего детеныша может продолжаться и на второй год, и даже на третий. На разницу размеров самцов и самок это, разумеется, не влияет.*

Несколько десятков лет тому назад у берегов Калифорнии истреблялось столько сивучей, что можно было наполнить тысячи бочек ворванью, вытопленной из их жира. Количество истребляемых животных было просто баснословно, причем надо принять во внимание, что в течение одной охоты большей частью попадались только мелкие животные; редко убивали сивучей таких больших размеров, чтоб из сала трех-четырех вытапливалась целая бочка ворвани. Вследствие заметной убыли этих драгоценных животных в настоящее время убивают преимущественно самцов, и не копыями, а огнестрельным оружием. Направленная в огромное туловище зверя пуля редко имеет желаемое действие, поэтому стреляют всегда в голову, причем целятся в ухо. С дубинами и копыями гоняются за ними там, где поверхность морского берега позволяет загнать животных от берега вглубь, что при их пугливости не представляет особенного труда. После такой бойни у убитых сивучей вырывают щетины усов, снимают кожу и срезают толстый слой подкожного жира, который потом на корабле разрезают на маленькие четырехугольные кусочки и топят. Сначала мех бросали, потом открыли, что он годится на приготовление клея и таким образом приносит выгоду, как и жир.

В то время как европеец охотится за сивучом из-за его жира и шкуры, это животное снабжает жителей Аляски, Алеутских и Прибыловых островов не только пищей, но и необходимым сырьем. Главное место обитания морских львов на острове Св. Павла — северо-восточная оконечность; к этому месту направляются туземцы в надежде на счастливую охоту. Сивучи очень чутки, лежат обыкновенно у самой воды, и застигнуть их врасплох очень трудно. Эллиот рассказывает, что в лунные ночи, когда несущиеся по небу облака поминутно застилают свет месяца и ветер дует с суши, опытные охотники крадутся один за другим вдоль берега; они передвигаются на руках и ногах, чтобы сторожевые морские звери при мелькающем свете приняли их за себе подобных. Убедившись, что им удалось отрезать целое стадо от моря, охотники в один миг вскакивают на ноги со страшным шумом, кричат, стучат, стреляют из ружей, пускают ракеты и этим стараются согнать дальше в глубь суши животных. Тюлени, которые лежали лицом к морю, поспешно бросаются в воду: эти для охотников потеряны безвозвратно. Тех же, которые лежали лицом к суше, охотники гонят и окружают «тряпочной оградой»: на расстоянии 3—6 метров друг от друга ставят колья и соединяют их веревками, на которые вешают разное тряпье. Эта легкая преграда совершенно достаточна, чтобы отрезать животным бегство. В продолжение двух или трех недель, смотря по погоде, охотники продолжают оцеплять и загонять животных на сушу, окружая каждое стадо оградой, пока число пойманных зверей не достигнет 200—300 штук. После этого начинается гоньба — это значит, что сивучей самих принуждают добираться до того места, где их

должны убить. В сырое и холодное время пленники проходят расстояние в 11 английских миль за 5—6 дней, в теплое же и сухое им для этого требуется 2 или 3 недели, а иногда и более.

При гоньбе пускаются в ход всевозможные средства для устрашения: кричат, стреляют, стучат, шумят, машут платками и флагами; в новейшее время с успехом употребляются и обыкновенные синие зонтики, которые быстро открывают и закрывают перед упирающимися животными. Так как молодые сивучи и тщедушные самки подвигаются быстрее, чем старые, жирные самцы, то караван тянется на большое расстояние, и бывает очень трудно заставить измученных и озлобленных животных подвигаться вперед. Но зонтик в опытных руках всегда оказывает свое действие; даже самый разъяренный старый самец бежит от него. Если дорогой встретится озеро, то пользуются водным путем, чтобы быстрее проплыть несколько английских миль всего пути. По мере приближения тюленей к берегу их опять заключают в ограду, пока не подойдут последние из них. Тогда все стадо гонят в воду, где с помощью двух-трех лодок с людьми заставляют плыть в образцовом порядке; таким образом, менее чем за 20 минут оно переплывает все водное пространство. Нужно сказать, как это ни покажется странным, что ни одно животное не осмеливается вырваться и уплыть на середину озера. Потом идет трудный путь опять по суше, еще через два-три небольших озера, и наконец странный караван достигает места назначения. Тут выносят оружие: ружья и пики. Даже самые отважные охотники не решаются выступить с одним копьём против старых самцов — это было бы слишком опасным предприятием. Прежде всего убивают самцов выстрелами в голову, а уж потом самок и детенышей верными ударами копыя в самое сердце. Из этой добычи почти все идет в дело: мясо и жир употребляются в пищу, жилы — на нитки и тесемки, из шкур делают легкие челноки, из кишок — прекрасные непромокаемые одежды. Даже длинные гибкие щетины усов тщательно берегаются; китайцы дорого за них платят и чистят ими, между прочим, трубки для курения опиума.

По словам Эллиота, у которого мы заимствовали это описание, остров Св. Павла вследствие особенностей береговой линии необыкновенно удобен для подобного рода охоты; к нему приплывают ежегодно 10—12 тысяч сивучей. Не так удобен в этом отношении соседний с ним остров Св. Георгия. Эллиот слышал от тамошних жителей, что в начале нынешнего столетия к острову приплывали сотни тысяч этих животных; но так как вследствие неудобного берега охота за ними была почти невозможна и к тому же сивучи отгоняли от земли более ценных морских котиков, то жители острова старались самих сивучей отогнать от берега. Усилия жителей увенчались успехом, и мало-помалу сивучи потеряли привычку приплывать к острову Св. Георгия, уступая

Семейство ушастые тюлени

Семейство ушастые тюлени

* Из-за огромных размеров сивучей приручают реже, чем калифорнийских морских львов. Но они приручаются не хуже и успешно дрессируются в цирках и дельфинариях (в частности, в Московском дельфинарии).

** Северный морской котик распространен примерно там же, где и сивуч, по тихоокеанским берегам Азии и Америки на юг до Японского моря и Калифорнии, соответственно. Взрослый самец до 213 см длиной и 270 кг весом; самки в полтора раза короче и вчетверо легче. Больше других северных ушастых тюленей проводит в открытом море, подходя к берегам в основном в сезон размножения. Изредка заходит в реки. Питается рыбой.

место морским котикам, ценность которых выше и охота за которыми представляет меньше трудностей.

У берегов Сибири, Камчатки и Сахалина этих нерпук и сходные с ними виды ловят иным образом. Все бухты и реки северной азиатской береговой полосы от июня до сентября изобилуют лососями, которые в это время поднимаются в реки для метания икры; следом за ними появляются и нерпухи всех видов. Чтобы их поймать, перегораживают в известных местах реки и заливы редкими сетями, сквозь которые могут проскочить рыбы, но не тюлени, которые в них запутываются и издыхают на глубине или бывают убиты подоспевшими жителями. Таким образом, в разных местностях области распространения за этими животными охотятся различными способами; но ни один из них не угрожает сивучам таким совершенным уничтожением, как способ европейцев, которые и в этом опередили остальные народы.

Сивучи легко уживаются в неволе, если пойманы молодыми; со временем они испытывают необыкновенную привязанность к своему сторожу*.

Северный морской котик (*Callorhinus ursinus*)** по величине уступает сивучам; длина самых больших самцов не превышает 2—2,5 метра от кончика морды до оконечности хвоста; самки редко достигают более половины этой длины; самцы весят 200—250 кг, самки 50—60 кг. Туловище его хотя толстое, но очень длинное, голова длиннее и острее, чем у других ластоногих, шея короткая, но заметно выделяется из туловища, хвост короткий и острый, пасть довольно маленькая, ноздри в виде щелей, глаза очень большие, темные и выразительные; на верхней губе торчат около 20 жестких щетин 16 см длины. Передние конечности имеют форму плавников и покрыты упругой, гладкой черной кожей, которая в конце очень удлиняется и расширяется, так что все пять пальцев, из которых три вооружены ногтями, оканчиваются лоскутом кожи, по крайней мере в 10 см длины. Шерсть, которая на шее и передней части туловища заметно удлиняется, а на спине несколько короче, очень густа и состоит из не слишком жестких волос и необыкновенно мягкого и нежного подшерстка. Основной цвет ее темно-бурый, который у некоторых особей переходит в черно-бурый; на голове, шее и передней части туловища шерсть имеет как бы белую седину вследствие белых кончиков волос; на внутренней и нижней частях туловища она светлее. Старые самки отличаются от самцов почти постоянно серебристым оттенком. Молодые котики серебристого цвета, потому что волосы имеют светлые кончики.

Первое описание этих животных, столь прекрасно составленное еще Стеллером, в последнее время обогатилось многими новыми исследованиями.

Из сообщений старых моряков, хорошо изучивших морских котиков, известно, что они регулярно появляются на островах и

шхерах единственно с целью размножения; остальное время года проводят исключительно в открытом море, где предпринимают далекие путешествия. Многолетними наблюдениями доказано, что эти животные постоянно возвращаются к тем же самым известным им местам на суше, так называемым лежбищам. Когда настает время размножения, то первыми на берегу появляются старые самцы (секачи), посланные, по-видимому, в качестве разведчиков. За ними мало-помалу следуют и все остальные. С высоких мест отдельных южных островов, по словам Скаммона, наблюдали, что они приплывают к берегу огромными обществами; очевидно, они путешествуют вместе и только на берегу разделяются на отдельные стада. При выборе мест действуют с большой осторожностью, особенно, вероятно, с тех пор, как убедились в необходимости защищаться от нападений злейшего своего врага — человека. Котики выбирают маленькие острова или на больших островах такие береговые полосы, где особенно силен прибой, а на островах размещаются по возможности на малодоступных скалах, едва возвышающихся над самой высокой линией прилива. Каждый старый самец из года в год возвращается к одному месту, пока может удержать его за собой. Туземцы Прибыловых островов уверяли Брианта, что они 17 лет подряд замечали возвращение на скалу острова Св. Павла одного и того же секача; узнавали его по отсутствию переднего лапа. Эллиот сообщает об этом несколько другие сведения. Жители острова Св. Павла уверяли его, что только в течение трех лет наблюдали возвращение старого самца если не на ту же скалу, то по крайней мере в ее окрестности. Его узнавали по недостающему заднему лапу. Эллиот поджидал его на четвертый год, но он уже не появился. Чтобы решить этот вопрос, были сделаны доказательные опыты: нескольким самцам подрезали уши. Отмеченных таким образом животных на следующий год нашли в разных местах острова. Этим было доказано, что животные возвращаются в ту же местность, но не на старое свое лежбище*.

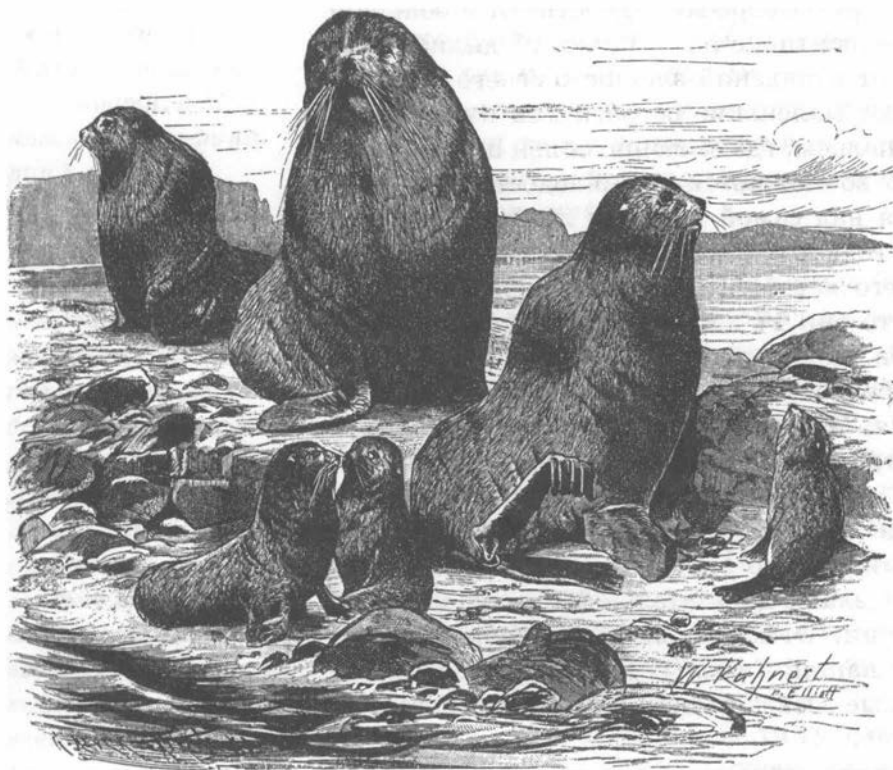
По наблюдениям Брианта, молодые, не достигшие 6 лет самцы (полусекачи) не осмеливаются днем высаживаться на берег; поэтому они почти все время пребывания морских котиков на суше плавают около берегов взад и вперед и разве только ночью, украдкой, пристают к берегу, чтобы хоть немного выспаться. Единственное исключение из этого правила может найти место только там, где для жилья на суше избрана очень длинная полоса морского берега, тогда между различными принадлежащими к одному стаду семействами остаются незанятые места, по которым позволяют свободно двигаться полусекачам.

Жизнь этих животных во время пребывания на суше проходит следующим образом. Около половины апреля у островов появляется несколько старых самцов, которые в течение 2—3 дней плавают около берегов, осмеливаются влезать и на берег, где осто-

** Котики-самцы, прибыв на лежбища, начинают делить и защищать свои участки. Чем лучше участок, тем больше на него придет самок, тем больше с их приходом будет гарем данного самца. Поэтому молодые и неопытные в битвах самцы держатся на малодобных местах по краям лежбища, туда же оттесняются и старые звери, ставшие слишком слабыми для драк. Поэтому неудивительно, если сильный и опытный самец по нескольку лет успешно занимает один участок, а другой, взрослая или, наоборот, старая, год от года перемещается по лежбищу.*

Семейство ушастые тюлени

* На островах
Прибылова самцы
приходят на лежби-
ща в начале июня, а
самки — в середине.

Северный морской
котик
(*Callorhinus ursinus*)

рожно обнюхивая воздух, исследуют знакомые места*. Если исследование удовлетворительно, они 2—3 дня спустя решаются влезть на более высокие места и ложатся там с приподнятой вверх головой, прислушиваясь и осматриваясь кругом. Туземные жители острова Св. Павла, которые хорошо изучили нравы и привычки этих зверей, стараются не попадаться им на глаза в это время и не шуметь, особенно когда ветер дует в сторону животных, тусшат даже огонь, чтобы не возбудить недоверия соглядатаев. Секачи исчезают в скором времени; несколько дней спустя опять появляются самцы в небольшом количестве, как взрослые, так и

молодые. Первые устраиваются на избранных местах, выталкивают молодых с берега и заставляют их или оставаться в воде, или поселиться на незанятых еще местах острова. Каждый старый самец захватывает пространство около 25 квадратных метров, место для спанья и отдыха как для себя самого, так и для своих самок, которых бывает в среднем от десяти до пятнадцати, а на лучших местах от сорока до сорока пяти. Каждый день прибывают все новые и новые самцы: молодые в меньшем, старые в большем количестве.

По мере того как они прибывают, следующим все труднее и труднее пробраться к удобным местам, так как каждое семейство крепко держится своего места и уступает только силе. Здесь ничье право не признается, прибывшие последними должны довольствоваться малым или добиваться лучшего места силой.

Около 15 июня все самцы уже в сборе и все удобные места заняты. Секачи поджидают прибытия самок. Последние прибывают до половины июля, сначала тоже в небольшом числе, а впоследствии все в большем количестве, когда уже все удобные места заняты и даже переполнены. Многие самки вначале имеют, по видимому, желание соединиться с известным им самцом. По крайней мере еще в море они влезают на отдаленные утесы, чтобы оттуда оглядеть места стоянок, издают призывный крик и при-

слушиваются, не отзовется ли знакомый голос. Если этого не случится, они меняют место и повторяют тот же прием, пока наконец один из плавающих молодых самцов (холостяк, по выражению туземцев) не подплывет к ней и не заставит ее, иногда против воли, пристать к берегу острова. Как только самка попала на берег, к ней приближается один из близлежащих самцов, издает звук, похожий на квохтанье наседки, и старается, нежно кивая и ласкаясь к вновь прибывшей подруге, стать между ней и морем, чтоб она не могла ускользнуть от него. Как только ему это удалось, поведение его меняется совершенно; вместо ласки самка испытывает грубое насилие: грозное рычание заставляет ее присоединиться к гарему строгого властелина. Каждый самец повторяет этот прием, пока все места в его гареме не будут заняты. Этим, впрочем, не оканчивается его трудная работа, так, другие самцы постоянно нарушают его права, пользуясь всякой удобной минутой, чтоб увести самку. Происходит это весьма просто: сосед-самец схватывает зубами одну из самок, протаскивает ее через головы остальных, как кошка мыш, и водворяет в собственный гарем. Расположившиеся рядом другие самцы поступают точно так же, и таким образом ловля и увлечение самок продолжаются до тех пор, пока все места не будут заняты. Нередко случается, что два самца спорят за обладание самкой; случается также, что два соперника в одно и то же время нападают на одну самку, и если не растерзают ее окончательно на куски, то во всяком случае нанесут тяжелые раны. Когда наконец все гаремы наполнены, самцы расхаживают с самодовольным видом, обозревая свои семьи, ворчат на самок, которые теснятся или мешают другим, и свирепо отстраняют всякого докучливого посетителя. Подобный надзор продолжается в течение всего времени пребывания на суше.

Два или три дня по прибытии на сушу каждая самка мечет по одному, редко по два детеныша. Молодой морской котик появляется на свет, как все тюлени, чрезвычайно развитым, с открытыми глазами; длина его при рождении 35 см, вес 1,5—2 кг. Наружностью он вначале совершенно непохож на взрослых морских котиков: шерсть его, состоящая из необыкновенно мягкого и курчавого подшерстка и таких же длинных волос, черного цвета*; только к концу пребывания на суше молодые котики принимают ту же окраску, как и взрослые. В первое время самка почти не оставляет детенышей ни на минуту, позднее она на более продолжительное время уплывает в море для добывания пищи. Пока мать на суше, детеныши постоянно следуют за ней при малейшем ее передвижении; по словам Эллиота, они первые 4—6 недель совершенно не способны к плаванию и неминуемо тонут, если случайно попадут в воду. После 6 недель они начинают малопомалу довольно неловко плавать, стараясь подражать движениям матери, но первое время всегда спешат выкарабкаться из воды

* За это жители
Дальнего Востока
называют их «чер-
ненькими».

Семейство ушастые тюлени

** Детеныши морского котика способны плавать от рождения, но добровольно не входят в воду примерно до месячного возраста. Мать непрерывно находится с детенышем только первую неделю его жизни, затем начинает уходить в море кормиться, возвращаясь к «черненькому» дважды в неделю. Таким образом, большую часть времени молодые котики предоставлены самим себе и плаванию не обучаются ни от матери, ни от самца, который их большей частью просто игнорирует. В 3—4 месяца они становятся самостоятельными и покидают мать навсегда.*

*** У котиков и других ушастых тюленей оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии на 3—4 месяца, таким образом, истинный срок развития эмбриона составляет 8—9 месяцев.*

на берег*. Со временем осмеливаются на более далекие путешествия и наконец к половине сентября становятся совсем искусными пловцами. К этому времени они уже очень подросли, весят 14—16 кг и начинают линять. На Прибыловых островах линька оканчивается около 20 октября.

Эллиот подробно описал тот порядок, с которым все эти удивительные происшествия ежегодно совершаются на вышеупомянутых островах. Первые старые самцы появляются в начале мая; они не выказывают ни страха, ни недоверчивости при высадке на берег. Другие следуют за ними; но они, за малыми исключениями, не моложе 6 лет. Самцы ведут между собой борьбу за лучшие места, какими обыкновенно считаются ближайšie к морю; это продолжается до 10 или 12 июня, когда все пространство лежбищ оказывается разделенным по праву сильного. Тогда начинают прибывать самки, от 12—15 июня небольшими группами, позднее в большем количестве, наконец, с 23—25 июня целыми толпами, так что гаремы скоро переполнены. К 8 или 10 июля прибыли все. Детеныши являются на свет большей частью между 10 и 15 июля и никак не позже первых чисел августа. Самки никогда не рожают раньше трех лет; беременность продолжается почти 12 месяцев**. Так как случки начинаются почти тотчас после рождения детенышей, то половое возбуждение прекращается уже к началу августа: старые султаны покидают свои места и своих до той поры так ревниво оберегаемых самок; исхудалые и слабые, они спешат в море. С их уходом нарушается порядок, который до той поры господствовал среди животных. Детеныши, матки, полусакачи, которые не смели показываться все это время, свободно переходят с места на место. Животные располагаются теперь на пространстве в три, четыре раза большем, чем прежде; новорожденные тюлени выделяются из толпы и собираются большими стадами. С 8—9 августа молодые начинают по собственному побуждению учиться плавать, и к 15—20 сентября все уже вполне постигли это искусство. С половины сентября господствует на всех лежбищах свободное и беспорядочное движение: животные приходят, уходят, отдыхают и забавляются. Пребыванию их на суше приходит конец; они уплывают и целых 8 месяцев остаются опять в море. В последних числах октября или во всяком случае не позднее первых чисел ноября, по окончании линьки, все морские котики старше 5 или 6 лет оставляют остров; молодые и новорожденные следуют их примеру, хотя многие еще не покидают места рождения в течение 2—3 недель. В конце ноября почти все исчезают. На острове остаются только сотни две трупов, разбросанных по разным местам, и отдельные экземпляры, которые бывают видны до 12 января.

Но мы должны еще выделить две группы из этих ежегодных сборищ: прежде всего назовем небольшую группу, состоящую из старых секачей, изувеченных во время стычек, изгнан-

ных со своих мест или вовсе не добившихся места. Они соединяются группами и поселяются на пустынных береговых полосах, где, сердитые и угрюмые, проводят все время на суше. Подобные привалы раненых и обиженных самцов моряки весьма остроумно и метко назвали «госпиталиями». Другая отдельная группа гораздо многочисленнее и важнее для промышленников; она состоит из несовершеннолетних, холостых самцов (полусекачей и холостяков), которых старые самцы из ревности не терпят около своих гаремов, почему они селятся на свободных берегах островов. Эти молодые животные собираются в огромном количестве и, не связанные никакими семейными узами, свободно плавают и играют в морских волнах. Они самые искусные пловцы среди котиков. На земле они так доверчивы, что люди спокойно могут проходить среди них, не вызывая ни паники, ни даже волнения. Поэтому становится понятным, каким образом охотникам удастся отделить от стада любое число экземпляров и направить их по своему усмотрению, так как именно эти холостяки и составляют ту добычу, которую люди гонят к местам бойни и убивают ради ценности их меха.

За свой превосходный мех морской котик ценится выше всех своих сородичей. Туземцы убивают их, конечно, и ради мяса, которое составляет значительную часть их питания; европейцы тоже находят мясо морских котиков вкусным. Жители Прибыловых островов вообще питаются преимущественно мясом различных ластоногих и потому во время пребывания сивучей и морских котиков на суше делают запасы на целый год. Пока вышеупомянутые животные живут на суше, мясо только что убитых частью съедается тут же; но на зиму отделяется необходимый запас. Незадолго до отплытия нерпук в море убивают их в наибольшем количестве; мясо или сушат, или морозят всю тушу. Из жира морских котиков вытапливают ворвань, но в незначительном количестве, это второстепенная статья дохода. Главнейший доход с давних пор доставляют шкурки молодых котиков. Но при добыче их поступали так недальновидно и бессмысленно, что истребили за несколько десятков лет огромное количество животных; несколько островов, где они появлялись в прежние времена, совершенно теперь опустели. На Прибыловых островах на них охотились так беспощадно, что уже в начале нынешнего столетия русское правительство издало особые законы, чтобы положить преграду такому варварству. В 1803 году добыли в Уналашке до 800 тысяч шкур, большая часть которых была выброшена в воду и сожжена, так как не было возможности их отделать. А в 1816 году на Прибыловых островах добыли только десятую часть вышеупомянутого количества. Чтобы их не истребить окончательно, следует ежегодно добывать не более 200 тысяч. При этом около 100 тысяч котиков на островах Прибылова, а остальные 100 тысяч на острове Беринга, островах Охотского

*Семейство
ушастые тюлени*

Семейство ушастые тюлени

** С 1969 по 1975 год на островах Прибылова добывали ежегодно по 34 000 котиков, с 1976 по 1983 г. — по 25000. В 1983 г. правительство США запретило промысел котика в связи с неуклонным снижением численности и внесло его в список охраняемых морских млекопитающих.*

*** К моменту прекращения промысла в 1983 г. популяция на островах Прибылова насчитывала 815 000 животных, т. е. почти вшестеро меньше, чем было во времена Брема. И это, если учесть, что после 1950-х годов действовали строгие квоты промысла, «разумно» определяющие количество и состав добываемых животных.*

моря, на берегах Калифорнии и на других, посещаемых ими местах*.

Эллиот после тщательной проверки всех отчетов о морских котиках, бывавших ежегодно на островах Прибылова в середине прошлого столетия, дает нам следующие цифры: на острове Св. Павла в лежбищах перебивало 3 миллиона 300 тысяч старых самцов, самок и детенышей; на острове Св. Георгия 163 тысячи 420. К этому надо добавить около 1 миллиона 500 тысяч полусекачей и холостяков. Следовательно, на этих двух островах круглым числом ежегодно селится до 4 миллионов 700 тысяч морских котиков. Из этого огромного числа убивают около 100 тысяч животных, по большей части малолетних. При таких порядках нельзя опасаться окончательного истребления этих животных, и если промышленники не перейдут за эти строго определенные пределы эксплуатации, то по крайней мере острова Прибылова сохранят этот выгодный промысел надолго**.

Чтобы захватить живьем морских котиков, употребляют тот же способ, какой описан при ловле сивучей. Только охота за ними легче, так как морские коты гораздо доверчивее и смирнее первых; кроме того, охотятся преимущественно не за старыми и сильными, а за молодыми самцами, которые доставляют лучшие шкуры.

Снятые шкуры относят в солеварни и там укладывают для соления в четырехугольные ящики, мездрой вверх. 30—40 дней спустя их вынимают из ящиков, очищают от соли, складывают мездрой вверх, обсыпают свежим слоем соли и отправляют на корабль. Общество «Аляска» приобрело от Соединенных Штатов монополию торговли котиковыми шкурами с обязательством не убивать в Американских владениях более 100 тысяч морских котиков; кроме того, оно арендует право звериной ловли на азиатской стороне Тихого океана. Хотя эта монополия незаконна и против Конституции Соединенных Штатов, однако Общество продолжает, по словам Ломера, доставлять из одних Американских владений ежегодно до 100 тысяч лучших по достоинству шкур ценой 6—8 миллионов марок; другие 100 тысяч шкур гораздо худшего достоинства ценностью около 4 миллионов марок, доставляются на рынок как вышеупомянутым Обществом, так и свободными промышленниками из других местностей. Шкуры морских котиков составляют самый ценный товар торговли мехами. Отделка их производится почти исключительно в Англии. Чтобы освободить мех от длинных, жестких волос его, их на целые месяцы закладывают в ямы, пока корни волос не ослабеют настолько, что их легко можно удалить посредством машины. После этой операции остается чрезвычайно тонкий и мягкий подшерсток, который своей прочностью и красотой превосходит лучший бархат; будучи выкрашены в темно-каштановый цвет, эти шкурки поступают в продажу и употребляются на дамские шубки, шапки и муфты.

В южных морях морского котика заменяет другая нерпуха, **южный морской лев** (*Otaria jubata*)*. Он характеризуется короткими ушами и гривой, которая, впрочем, бывает только у старых самцов и покрывает спину не очень длинными волосами без подшерстка. Взрослые самцы достигают от кончика носа до кончика хвоста 2 метров длины; гладкая вообще шерсть этой нерпухи удлиняется с верхушки головы до половины спины в виде довольно широкой, но относительно короткой гривы, а на подбородке в виде бороды, между тем как на груди она короче. Верхняя часть лица около ноздрей желто-бурого цвета, щеки темно-бурые, морда черная, спина желтовато-серая, живот желтовато-бурый; голые лапы черные. Самки отличаются более темной окраской. Самцы в первый год жизни светлее самок, у которых в том же возрасте спина имеет темно-серую, а брюхо светло-желтую окраску; молодые животные покрыты мягким подшерстком. Кроме цвета шерсти, самки отличаются от самцов значительно меньшим ростом, который достигает немного больше половины величины самцов, и соразмерно меньшими конечностями; вес же их несоразмерно мал.

Область распространения морского льва — южная оконечность Южной Америки со всеми близлежащими группами островов и тянется к югу, до той части Южного Полярного материка, которая носит название Грегемсленда. Особенно в большом количестве встречаются они, как мы уже знаем от Форстера, на Огненной Земле и на Фолклендских островах. Их образ жизни, нравы и привычки существенно не отличаются от нравов их северных сородичей. Они точно так же предпринимая далекие странствования к избранным местам размножения, точно так же проводят на известных островах несколько месяцев, в течение которых родят детенышей и выхаживают их на суше в первые недели жизни; тут же происходит случка, а позднее линька, по окончании которой они опять переплывают далекое море. Форстер нашел на скалистых утесах множество лежбищ морских львов; он наблюдал их битвы из-за самок, нежность и ласку, с которыми члены одного семейства относятся друг к другу; он убедился на собственном опыте, что эти животные так же безобидны, как и другие нерпухи.

На Фолклендских островах также охотятся и на морских львов, но их не преследуют так беспощадно, как других нерпук. Это основывается единственно на том, что эти тюлени приносят гораздо меньшую пользу, чем другие. Они доставляют довольно неважный мех и незначительное количество жира и потому едва оплачивают издержки, которые всегда причиняет европейцам охота на тюленей. Жители Огненной Земли, напротив, считают их выгодными для охоты животными. По словам Филиппи, в Чили употребляют мех морских львов для устройства там своеобразных береговых плотов. Леконт первый

Семейство ушастые тюлени

* Южный морской лев населяет побережье Южной Америки от тропических до умеренных областей, не заходя на юг далее Фолклендских островов. Взрослый самец достигает 2,5 м длины и 200—350 кг веса, самка примерно вдвое мельче. Диета состоит из рыбы и головоногих моллюсков, крупные самцы могут нападать на молодых морских котиков.

В Южном полушарии обитает много других ушастых тюленей (собственно, большая часть семейства). Крупные австралийский и новозеландский морские львы населяют воды Западной Австралии и Новой Зеландии соответственно. Эти два вида сходны размерами и пропорциями тела с южным морским львом. По всему Южному полушарию, населяя различные острова и побережья Австралии, Южной Африки и Южной Америки, обитают 7

Семейство ушастые тюлени

или 8 видов южных морских котиков, очень сходных с северным морским котиком и калифорнийским морским львом (с последним они живут совместно в Южной Калифорнии и на Галапагосских островах).

привез живого морского льва в Европу. Старый моряк, охотясь на тюленей, так изучил и полюбил этих животных, что захотел попробовать содержать их в неволе и, если возможно, приручить. К его удивлению, и то и другое удалось гораздо лучше, чем он ожидал. Без сомнения, он потерял многих из пойманных нерпух, но те, что остались живы, сделались до такой степени ручными, что скоро между воспитателем и воспитанниками образовались настоящие дружеские отношения. Животные научились понимать своего хозяина, выказывали ему необыкновенную привязанность, слушались его слова и даже дали себя научить различным штукам, которые менее всего можно было ожидать от таких неуклюжих на вид созданий. Наш моряк решил выставлять своего ручного морского льва напоказ в различных городах, но его легко уговорили отдать животное в Лондонский зоологический сад и самому принять там должность сторожа. Построили большой и глубокий бассейн с каменной стеной посередине, похожей на остров, соединили и то и другое с хлевом и позволили Леконту давать для забавы посетителей представления по образцу содержателей зверинцев. Морской лев и его воспитатель приобрели вскоре заслуженную известность и привлекли тысячи посетителей. Хотя я и не сочувствую представлениям подобного рода в учреждениях, которые должны служить главным образом науке, но меня Леконт если не помирил с этим, то по крайней мере поразил: я до тех пор никогда не видал подобных отношений между человеком и ластоногим. Сначала я не мог решить, кто из них более привлекателен для посетителей сада, во всяком случае я понял, что тюлень без Леконта не обладал бы и половиною той притягательной силы, которую он имел вместе со своим хозяином. Оба вполне понимали друг друга и, казалось, питали взаимную привязанность; можно предположить, что любовь со стороны тюленя была искренней, но и поцелуи Леконта, которые он запечатлевал на грубых устах животного, были так горячи, как будто они относились к любимому человеку. Морской лев делал все то, что ему приказывал Леконт, который всегда принимал во внимание особенности животного. Во время представлений интерес морского льва состоял единственно в том, чтобы получить кусок пищи. Его номер заключался в том, чтобы подняться из-под воды, достигнуть острова посередине бассейна, перекатиться через узкую доску, забраться на колени к своему воспитателю, взять с его губ действительно находящийся там или воображаемый кусок и, наконец, быстрым скачком прыгнуть в воду, чтобы поймать брошенную в водоем рыбку. Но искусство, с которым он это проделывал, поражало не только простого обывателя, но и ученого и опытного натуралиста.

Должен сказать, что морские львы и своими душевными способностями, и внешним видом производят на меня

очень хорошее впечатление. Выражение морды так же приятно, как и у тюленя. Если можно допустить, что глаза — зеркало души, то их большие подвижные глаза со зрачками, которые, по наблюдениям Муриеса, способны необыкновенно расширяться и сокращаться, указывают на способность понимать, и поведение животных не противоречит этому впечатлению.

Я наблюдал тюленей и видел много таких, которых фокусники возили и показывали как образцы прирученных животных, но, сколько помню, ни одного из них нельзя было сравнить с морским львом Леконта. Описываемый мною ластоногий был таким ручным, каким только может быть на свободе родившееся млекопитающее. Сторож мог с ним проделывать все, что угодно, он не сердился ни на что и не выражал противодействия, напротив, охотно выполнял все фокусы, которые требовал от него его повелитель, и выказывал при этом невероятную сообразительность. Покорностью и готовностью исполнить малейшее желание своего друга он напоминал скорее дрессированную собаку, чем ластоногого. Несомненно было, что морской лев вполне понимает отдельные слова и приказания своего сторожа и действует, сообразуясь со смыслом сказанного. Он понимал, когда к нему обращались со словами, по зову приближался к своему господину и выполнял разные приказания, по команде влезал к нему на колени, губами прикасался к его губам; бросался на спину, скалил зубы, показывал передние и задние лапы, ни разу, по-видимому, не поняв ложно желание своего повелителя. Эти «фокусы» он покорно выполнял во всякое время, несмотря на то, что в течение дня ему приходилось более десяти раз проделывать одно и то же, что, конечно, не соответствовало его любви к покою. За это каждый раз получал какое-нибудь лакомство, большей частью кусочек рыбы, но он всегда был хорошо накормлен и ни в каком случае не голодал, а смотрел на данную рыбку как на награду, заслуженную за исполненную работу.

Способность Леконта обращаться с животным была так же поразительна, как и понятливость морского льва. Он знал превосходно своего питомца; читал, так сказать, в глазах малейшее его желание, обращался с ним с особенной нежностью, никогда не обманывал его и действовал очень обдуманно, чтобы не переутомить своего питомца. Таким образом, обе стороны представляли поразительное зрелище и морской лев стал самой редкой приманкой среди животных богатого зоологического сада. Через несколько лет это драгоценное животное околело. Своими достоинствами оно приобрело такую любовь посетителей, что Леконт был послан на Фолклендские острова с той единственной целью, чтобы приобрести там других ластоногих того же вида.

* Моржи имеют в анатомии черты сходства с ушастыми тюленями и также происходят от примитивного медведеобразного предка. У моржа огромный массивный череп, очень мало напоминающий череп других хищных, равно наземных и водных. Основная пища моржа — двусторчатые моллюски. Их он откапывает из донного грунта или отрывает от скалы огромными бивнями, представляющими собой переразвитые верхние клыки. Прочие зубы, предназначенные в первую очередь для раздавливания раковин, имеют вид толстых коротких колышков с тупой вершиной. Взрослый самец-морж достигает 2,7—3,6 м длины и иногда более 1,5 т веса. Самки несколько мельче и не столь массивны. Распространены моржи в морях Северного Ледовитого океана и прилежащих водах.

Второе семейство этого отряда состоит из одного рода и вида — моржа (*Odobenus rosmarus*)*, самого огромного из всех ластоногих. В зрелом возрасте этот зверь достигает длины 4,25 метра, в редких случаях 5 метров, при толщине 2,5—3 метра, иногда 4 метра, при весе до 2000 кг. Эти измерения относятся к животным, встречающимся в Беринговом море и еще севернее. Один из самых больших моржей, убитых во время второго путешествия Копеланда к Северному полюсу, был длиной 3,7 м и имел 3 м в объеме. Вес свежей кожи взрослого моржа Кюкенталь и А. Вальтер определяют в 230 кг; но попадаются шкуры и тяжелее, в 300 кг. Как и у тюленей, длинное, вытянутое туловище моржей толще всего в середине, книзу оно суживается, но не так сильно, как у других тюленей. Из этого мощного туловища выступают конечности, как большие лопасти, но, однако, у них можно различить локтевой и коленный суставы. Каждая конечность имеет 5 пальцев с короткими тупыми когтями. Хвост представляет незначительную кожистую лопасть. Но главный отличительный признак моржа — в относительно маленькой, круглой голове, с двумя выступающими из верхней челюсти клыками. Морда у него очень короткая, широкая и тупая, верхняя губа мясиста и слишком вытянута; нижняя же губа, напротив, вспухшая. По обеим сторонам морды сидят поперечными рядами округленные, сплюснутые, роговые, щетинистые усы, причем задние длиннее передних. Самые большие из них бывают толщиной в воронье перо и длиной в 10 см; число их доходит иногда до нескольких сотен. Ноздри имеют форму полумесяца; широко расставленные глаза малы, блестящи и защищены выступающими вперед веками. Уши, лишённые наружной ушной раковины, лежат далеко позади. Замечательна его зубная система. В передней части рта два могучих клыка, выступающие далеко вперед, вытесняют шесть передних зубов, которые встречаются только у очень молодых моржей. Эти клыки бывают иногда длиной до 80 см, иногда даже и до 90, весят они в среднем от 2,5—3 до 3,5 кг; но попадались изредка зубы и в 7, и в 8 кг. Уже с первых дней жизни моржа нижние резцы выпадают, а за ними и верхние до самых крайних, и только клыки продолжают развиваться; в нижней челюсти первый невыпадающий зуб также считается клыком, так как строением он отличается от прочих коренных зубов. У молодого моржа с каждой стороны верхней челюсти по четыре ложнокоренных зуба и по одному настоящему коренному. Задние зубы выпадают довольно рано, так что у очень старых моржей рядом с большим клыком бывает только три коренных зуба. Нижняя челюсть молодого моржа содержит с каждой стороны по четыре ложнокоренных зуба, из которых самый последний так же рано исчезает. Искрив-

ленные немного клыки бывают сначала пусты и только по мере приближения к старости наполняются до самого корня.

Позвоночный столб моржа состоит из 7 подвижных шейных позвонков, 14 спинных, 6 поясных, 4 крестцовых и 18 хвостовых; 9 настоящих и 5 ложных ребер замыкают грудную клетку. Лопатки очень узкие, но плечевые и бедренные кости сильны и коротки. Самка имеет 4 сосца. В паху кожа голая, очень толстая, часто покрыта рубцами или от ран, полученных во время борьбы моржей между собой или с белым медведем, или от царапин, прованных об острые края льдин. Преобладающий цвет старых и молодых моржей более или менее бурый, схожий с цветом дубленой кожи, хотя у старых животных бурый цвет отчасти переходит в серый. По словам Броуна, исследовавшего моржей обоего пола и всех возрастов, самцы и самки похожи друг на друга, а детеныши похожи на родителей. Впрочем, кто-то утверждал, что самки не имеют клыков, и действительно такие самки попадались, но Броун видел и таких самок, у которых клыки были развиты. Клыки самки хотя и тоньше, но часто длиннее и красивее притупленных клыков самцов. Также прежде говорили, что морда, нижняя сторона пятки и ладони у детенышей покрыты волосами, которые с годами исчезают; но это было опровергнуто исследованиями Броуна*.

Мы уже целые столетия знаем моржа по картинкам и описаниям, но мало знакомы с живыми животными этого вида и с их образом жизни. Старые рисунки, доставленные Геснером, Олаусом Магнусом, Мартенсом и Бюффоном, являются порождением фантазии, или на них изображены жалкие высохшие шкуры. Правда, некоторые рисунки, например, морского коня, морской коровы Геснера и изображение чудовищной свиньи Северного моря Олауса Магнуса поистине забавные произведения. Но все-таки есть очень хорошие изображения моржа, сделанные с натуры Геселем и изданные еще в 1613 году. Этим рисункам соответствуют и описания старейших повествователей, которые касаются тех же далеких времен. Уже Альбертус Магнус дает нам приправленное множеством легенд и сказок описание моржа. Он говорит, что в северных морях живет огромный слон-кит с опущенными вниз клыками, длиной в 2—3 фута, которыми он цепляется, взбираясь на скалы, и действует во время боя. Рыбаки подходят к спящему животному, отделяют у хвоста шкуру от жира, продевают туда канат, привязывают его к скале и потом бросают в тюленя камнями. Морж, стараясь убежать, пятится назад, сдирает с себя шкуру через голову и морду и оставляет ее, а сам бросается в море, где его, однако, скоро находят ослабевшим и полуживым. Из его кожи выделываются ремни, которые постоянно продаются на рынке в Кельне. Олаус Магнус рассказывает, что при помощи клыков морж взлезает на вершины скал, а оттуда, как по горке, скатывается в море, если только внезапно не заснет там. Один Дрон-

Семейство моржовые

** Тем не менее участки тела детеныша моржа покрыты короткой, плохо заметной шерстью, которая в годовалом возрасте, но местами сохраняется всю жизнь.*

Семейство моржовые

тгеймский епископ велел посолить голову моржа и послал ее в 1520 году папе Льву X в Рим. Старый Геснер видел эту голову в Страсбурге и сделал довольно верное ее описание. Один русский и барон Герберштейн, который в начале XVI столетия был австрийским посланником в Москве, тоже сделали интересное описание моржа. Они указывают, например, что этих животных преследуют за их клыки и что из этих клыков турки, татары и русские выделывают драгоценные рукоятки для шпаг и кинжалов. Мартенс из Гамбурга, видевший в конце XVII столетия моржа в Ледовитом океане, составил о нем хорошее и подробное повествование, с тех пор стали все чаще встречаться подобные описания, и наше знакомство с этим животным начало пополняться точными сведениями об образе жизни и охоте на моржа. Этим мы прежде всего обязаны Скоресби, Куку, Парри, Кану, Броуну, Скаммону, Эллиоту, Норденшильду, путешественникам к Северному полюсу и китоловам.

Моржа, как и многих других зверей, люди понемногу загнали далеко к Северному полюсу, и теперь он может жить только там, куда китоловы и охотники попадают лишь изредка, и то с большими затруднениями. А в далекие времена это животное встречалось около Шотландии, о чем говорят находки вещей и украшений, сделанных древними бриттами из клыков моржа. Шотландский историк Гектор Бозтиус (Воесе) указывает, что морж еще в конце XV столетия был постоянным обитателем или посетителем шотландских берегов. В позднейших рассказах вспоминают лишь о нечаянно забредших моржах, замеченных у берегов Норвегии или Великобритании*. Броун считает возможным, что несколько баснословных «морских коней» и «морских коров», виденных по временам рыбаками у заливаемых морским прибоем северо-западных берегов Шотландии, были моржи. Они и теперь иногда показываются там, а в 1817, 1825 и даже в 1857 годах их убивали у берегов Гебридских и Оркнейских островов. Для такого ловкого пловца, как морж, морское путешествие от Шпицбергена к Финмаркену, Исландии, Ферерским островам и Великобритании не представляло бы большого затруднения, если бы он из-за пищи не был связан с берегом более, чем другие тюлени. Он только в редких случаях переходит настоящую границу области своего распространения. Поэтому в большой степени из-за нелюбви к странствованиям в тех местах, где моржи были истреблены, они исчезли навсегда. В настоящее время область распространения моржей делится не только на восточную и западную части, но обнимает и различные, далеко разбросанные местности. Можно сказать, что он водится во всех морях, расположенных вокруг Северного полярного круга, но не везде там попадает. Его встречают в продолжение всего года в северных частях восточной и западной Гренландии, в Баффиновом заливе, в проливах и бухтах до самого Берингова пролива, который соединяет восточный и западный

**В историческое время моржи южнее Норвегии постоянно не жили, однако отдельные особи встречались заметно южнее, вплоть до побережья Испании. Однако вряд ли можно предположить, что моржи в обозримом прошлом были обычны в водах Шотландии.*

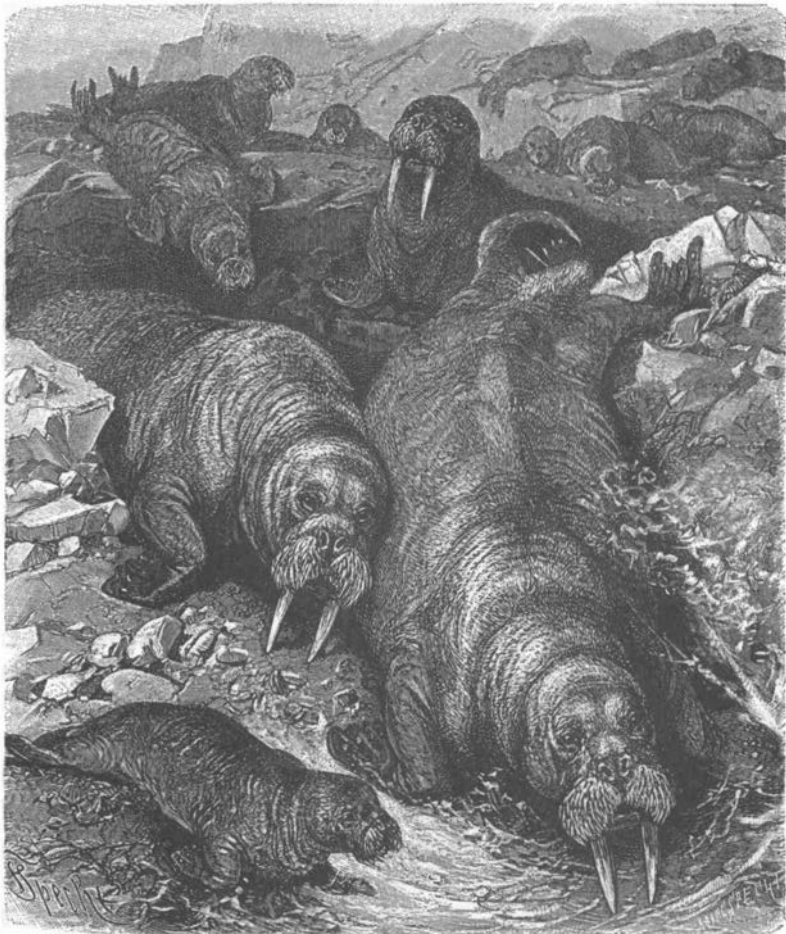
круг его распространения; точно так же он, наверное, встречается около Новой Земли и Шпицбергена и вдоль всего северного берега Сибири. В Беринговом проливе и Беринговом море морж встречается относительно часто. Почти до половины нынешнего столетия он нередко бывал у Алеутских островов, но дальше на юг не распространялся; теперь он едва ли попадает у этих островов, но в мелких, а потому опасных для китоловов водах Бристольского залива его еще можно найти. У северной стороны полуострова Аляски он обыкновенен. Г. Эллиот считает, что там моржей едва ли можно истребить*.

Несколько десятков лет тому назад их встречали в вышеуказанных местах еще в значительном количестве, даже, по уверению китоловов, стадами в несколько тысяч; теперь же только при благоприятных обстоятельствах находят на одном месте несколько сотен. Еще не так давно моржи принадлежали к самым многочисленным животным Шпицбергена, за которыми охотились из-за ворвани, но понемногу они и там сделались редкими, хотя Кюкенталь и А. Вальтер в благоприятное лето 1889 года видели их часто, а с восточной стороны острова даже по нескольку сотен на одном месте. У Медвежьего острова больше чем два столетия тому назад моржи попадались в таком количестве, что в один день их убивали до 1000; еще в начале нынешнего столетия каждый китолов мог убить там за один охотничий сезон 500—700 голов. Теперь они там почти не появляются. В южной части западного берега Новой Земли они бывают очень редки; восточную сторону, напротив, еще часто посещают.

Моржа нужно считать береговым жителем, который избегает открытого моря и очень редко предпринимает путешествия. Все китоловы знают, что находятся близко от земли или льдины, если в тумане видят моржей или слышат их рев; опыт их научил, что моржи не переходят границы твердого или прибитого к бере-

Семейство МОРЖОВЫЕ

* Опыт человечества показывает, что возможно. И хотя тихоокеанская раса моржа еще не

Морж
(*Odobenus rosmarus*)

столь редка, чтобы попасть на страницы Красных книг, без надлежащей охраны это вполне может произойти.

Семейство моржовые

** Природа наградила моржа мощным оружием — бивнями. При помощи бивней раненые или испуганные моржи не раз топили лодки зверодобытчиков и байдары эскимосов.*

гу острова льда. По мнению Броуна, это животное переходит с одного своего лежбища на другое, появляется в одно время года здесь, в другое там. Но иногда морж решается и на более дальние странствования. Так, Джеймс Мак-Байн видел в Баффиновом заливе бесчисленные стада, которые плыли по той же дороге, какой двигались несколько дней до них гренландские киты. В продолжение нескольких часов они проплывали мимо, тысяча за тысячей, не отдыхая, не принимая пищи, все время в одном направлении, стремясь к выходу через Ланкастерский пролив. Через несколько дней ни одного из них уже не было видно.

Первое впечатление, производимое моржом на человека, неблагоприятное. Самые древние мореплаватели и нынешние моряки и путешественники находят его отталкивающим и безобразным. Немецкие северные путешественники говорят, что если к какому-нибудь животному и подходит название «чудовище», так это к моржу, к его наружности, страшному голосу и вообще всему его неприятному существу. Уже древний наблюдатель Мартенс, на которого моржи, очевидно, произвели большое впечатление, дает нам верное изображение их образа жизни. «Они лежат, — говорит он, — на льдине, распластавшись, как тюлени, в большом количестве и страшно режут. Они спят, храпя, не только на льдинах, но и в воде, так что их много раз принимали за мертвых. Эти храбрые животные защищают друг друга до самой смерти; когда люди из шлюпок бьют, колют и рубят их, то одни моржи ныряют в воду около шлюпок и своими большими зубами пробивают в них дыры, другие без всякого страха плывут прямо на шлюпки и, подойдя к ним, подымаются из воды до половины туловища»*. Как ни коротко это повествование старого морехода, оно отлично обрисовывает моржа. Ни один из позднейших повествователей не противоречит Мартенсу, и даже лучшие наблюдатели мало что могут добавить. Жизнь моржа, кажется, должна быть очень однообразной уже и по той причине, что добывание пищи для него представляет меньше труда и берет меньше времени, чем у других тюленей. В коротких словах об их образе жизни в продолжение дня и года можно сказать следующее.

В зависимости от свойства морского берега на нем собираются более или менее многочисленные общества этих животных. Взрослые живут отдельными стадами; самцы соединяются с себе подобными, а самки живут с сосунами. Одна льдина, как говорят немецкие северные мореплаватели, служит часто пристанищем двадцати и более моржам. Их темные туловища плотно прилегают друг к другу, головы из-за длинных зубов наклонены набок или покоятся на спине соседа: «...так они обыкновенно проводят среди сна большую часть своего существования, скучая от дрящегося месяцами созерцания солнца и от однообразного шума морского прилива». Нередко встречается стадо моржей, расположившееся на плывущей льдине, видимо несколько не беспокоясь о

направлении своего путешествия. Среди сидящих на ней моржей один стоит настороже и, увидев опасность, будит других могучим голосом, а, по словам Скаммона, в случае нужды и легким ударом клыков, при этом все стадо или обращается в бегство, или готовится к обороне. Там, где моржи еще не знают людей, незнакомое судно едва привлекает внимание сторожа или всего стада; даже выстрел не тревожит их, так как они привыкли к треску в северных морях, где лед на далеком расстоянии ломается с шумом, подобным громовому удару. Во всяком случае нас не должно удивлять, что они иногда неделями не двигаются с места. Путешественники и китоловы единодушно утверждают, что моржи храбро защищаются, если их беспокоят.

На земле морж двигается тяжело и неловко, но еще ходит, а не ползает, одновременно передвигая накрест лежащие ласты, причем отличается от других тюленей тем, что в передних конечностях ставит вперед пальцы, а в задних — пятки. Забираясь на крутые льдины он, должно быть, прибегает к помощи клыков, цепляясь ими за расселины и щели, тащит свое тяжелое туловище, затем опять вытягивает шею вперед и продолжает так передвигаться, пока не достигнет желаемого места*. Плавает он, подобно всем своим сородичам, быстро и проворно, ныряет на значительную глубину и в состоянии пробыть под водой, наверное, несколько минут. При плавании морж проявляет почти неистощимую выносливость и способен перегнать всякую весельную лодку. Голос его похож то на мычание коровы, то на грубый лай собаки, а во время гнева переходит в настоящий рев. Во время случки голоса моржей слышны так далеко, что капитан Кук и его люди ночью и в тумане определяли по ним близость берега и всегда могли предотвратить столкновение судна со льдиной.

Об умственных способностях моржа трудно составить понятие по имеющимся до сих пор наблюдениям, но, конечно, следует допустить, что морж не глупее других тюленей. Об остроте его внешних чувств Пехуель-Леше говорит: «Зрение его плохо, слух гораздо лучше, но особенно хорошо развито обоняние, так как он чует человека при благоприятных обстоятельствах по меньшей мере за несколько сот шагов, если еще не дальше; поэтому тот, кто хочет к нему подкрасться, должен следить за направлением ветра». Как ни бывает равнодушен морж к первой встрече с человеком, все же скоро приобретает некоторый опыт, изменяет свое поведение и храбро и толково приступает к борьбе с повелителем земли. Среди его качеств следует выделить не только присущее всем тюленям любопытство, но и необыкновенное для ластоногого мужество. Тот смертельный страх, который овладевает гигантскими морскими слонами при встрече с их страшнейшим врагом — человеком, неизвестен моржам; они всегда готовы сопротивляться даже вооруженным людям, и смерть товарища только еще более разжигает их дикую ярость. Между собой они так же

* Само научное название моржа — *Odobenus* — означает «ходящий на зубах».

Семейство моржовые

* Спаривание у моржей происходит зимой, обычно в январе. Оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии до июня—июля, после чего собственно развитие зародыша занимает еще 10—11 месяцев. Таким образом, беременность заканчивается к апрелю следующего после спаривания года и ее общая продолжительность составляет 15—16 месяцев.

сильно дерутся, как с врагами, но только во время течки, которая обыкновенно выпадает на последние весенние месяцы. В это время самцы рычат и буйствуют каждый час дня, нападают друг на друга и наносят противникам зубами глубокие раны на шкуре. После двенадцатимесячной беременности самка производит на свет единственного детеныша* и вся отдается ему с преданной материнской любовью, самоотверженно заботится о его пище и воспитании и защищает со всем мужеством и озлоблением, на которые только способны эти животные. Завидев опасность, она хватается детеныша передними лапами и толкает в море, там сажает себе на спину, чтобы лучше охранять и, презирая смерть, борется с врагом. Детеныш привязывается к матери с искренней нежностью и даже не покидает ее, когда ее убьют. Кто убьет детеныша, тот подвергается ярому сопротивлению и непримиримой жажде мести со стороны матери. Даже если целое стадо моржей-самок обращено в бегство, матери с ревом выплывают из глубины, плывут за качающимися на волнах убитыми детенышами, хватают их и исчезают с ними под водой. Если убивают отделившуюся от стада матку с детенышем, то последний без всякого сопротивления отдается в руки врагов, он ни за что не решится покинуть мать. Капитан Вильямс, старый опытный китолов, убил однажды моржа-самку и на лодке тащил его четыре километра до судна. Детеныш плыл все время за лодкой и, когда добыча была втащена на борт, делал большие усилия, чтобы тоже попасть туда. Когда ему набросили петлю и втащили на лодку, он подполз к убитой матери, взобрался к ней на спину и оставался там, пока его не заставили броситься в море. Но и тогда он оставался поблизости от судна, громко оплакивая потерю своей матери.

Как показали исследования Мальмгрена и Броуна, морж питается исключительно животной пищей. Многие из старых повествователей утверждали, что его главную пищу составляют водоросли, потому что в желудке убитых моржей находили их остатки или принимали что-то за них. Но это мнение уже опровергает Фабрициус, который указывает на раковины как на главную пищу моржа. Мальмгрен и Броун подтверждают наблюдения последнего; оба находили в желудке исследованных ими животных главным образом двухстворчатую раковину (*Mya truncata*), которая покрывает в Ледовитом океане все мели и рифы, и камнеточивую ракушку (*Saxicava rugosa*) и заключили, что моржи употребляют свои сильные зубы на то, чтобы отрывать эти раковины от скал и выкапывать их из ила. По их мнению, морж схватывает оторванную от скалы раковину губами и языком, раздавливает ее коренными зубами, вынимает моллюска из раковины и проглатывает его. При этом он глотает не только низших морских животных, но и приставшие к ним водоросли и другие морские растения, а также, как и многие тюлени, песок и мелкие камни, чем и объясняет заблуждение прежних исследователей.

Для народов крайнего севера, особенно для эскимосов, морж имеет такое же огромное значение, как и тюлень. Нередко случается, что из-за сильного замерзания берегов невозможна добыча животных, тогда эти бедные люди голодают и даже погибают. Охота на моржей и для хорошо вооруженных европейцев вовсе не безопасное предприятие.

Моржи, расположившиеся на берегу или на льдинах, менее опасны, в воде же они проявляют всю свою ловкость и силу. Старые охотники и путешественники по северу много рассказывают о раздражительности и мстительности моржей. Случается, что эти смелые и бесстрашные животные нападают без всякого повода на людей и принуждают таким образом моряков вступать в битву. «Моржи, — говорит Скоресби, — животные бесстрашные. На лодку, которая к ним приближается, они смотрят с любопытством, но не со страхом. Охота на них на воде не всегда бывает безопасна. Нападение на одного моржа часто привлекает многих других к защите. В таких случаях они окружают лодку, проламывают клыками ее доски, поднимаются иногда, если это им удастся, до самых бортов, угрожая перевернуть лодку. Тут самое лучшее средство защититься — это бросать морской песок в глаза разъяренных животных, что заставляет их удалиться, тогда как употребляемые в таких случаях винтовки часто совсем бесполезны».

Вид этих разъяренных морских животных не только удивляет, но и пугает. Неповоротливые шеи мешают им быстро оборачиваться, но необыкновенная подвижность глаз заменяет этот недостаток; они ими так злобно вращают, что их взгляд наводит страх. Броун, на показания которого можно положиться, подтверждает вышесказанное: «Однажды я сам находился в лодке, из которой была брошена острога в единственного моржа, спавшего на льдине. В то же мгновение он нырнул в воду, потом вынырнул и, несмотря на нашу оборону копьями, топорами и винтовками, вонзил свои зубы в края лодки, так что нам не оставалось сделать ничего лучшего, как обрубить веревку гарпуна, и мы были счастливы, что спаслись, перебравшись на ту самую льдину, которую только что оставил морж. К счастью, животное было настолько великодушно, что нас более не преследовало, но нехотя удалилось, ворча и унося с собой воткнутые в его бок острогу и веревку». Ламону также случалось участвовать в подобных битвах. Наши путешественники на Северный полюс прибавляют к этим описаниям еще новые рассказы. Однажды с величайшими усилиями и трудом удалось им спасти одну из их лодок от полного разрушения моржами; другая лодка, спасаясь бегством от целого стада этих животных, достигла берега какого-то острова, но в скором времени была тут осаждена теми же моржами*. «Чем больше наблюдаешь этих животных, тем все более стараешься не иметь с ними дела в их стихии, на воде, если только к этому не принуждает недостаток припасов. Во всяком случае можно посоветовать

** Эти рассказы уже представляются выдумкой, так как, насколько бы морж ни был агрессивен, будучи раненым, стадо моржей, тем более в неродной стихии, вряд ли будет совершать враждебные действия по отношению к кому бы то ни было.*

Семейство моржовые

при поездках на лодке запастись в достаточном количестве оружием, чтобы предохранить себя от подобных нападений».

По мнению Пехуель-Леше, неверно думать, что охотникам часто приходится выдерживать такие битвы с моржами; на такие битвы надо смотреть как на исключение, нежели как на правило. Часто неуклюжая погоня этих животных принимается за угрозу с их стороны, тогда как она на самом деле совершенно невинного свойства. Моржи очень любопытны и нередко, подобно бегемотам в Африке, сопровождают лодку на большом расстоянии, причем они часто, пыхтя и хрюкая, высовываются из воды в непосредственной ее близости, высоко поднимаются над поверхностью и смотрят своими страшными глазами на сидящих в лодке людей. В тихую погоду и при зеркальной поверхности моря можно наблюдать за животными с полным спокойствием, зрелище это представляется в высшей степени привлекательным; при дурной погоде и во время морского волнения движения этих спутников лодок делаются резче, и они часто очень быстро и неожиданно начинают выскакивать из воды; но никогда тому, кто хорошо знаком с жизнью северных животных, не приходит в голову считать подобную встречу опасным нападением. Опытный китолов или охотник совершенно иначе судит о подобных происшествиях, нежели тот, кто вовсе не занимается охотой. Моржи скорее находят удовольствие в том, чтобы следовать за лодкой, рассматривать докучливых незнакомцев, и нисколько не думают нанести им какой-нибудь вред; совсем другое дело, если защищается подстреленный или раненый острой морж. Норденшильд подтверждает этот взгляд: «Общественность и любопытство, кажется, главные чувства в характере моржей. Я имел случай наблюдать за этими их свойствами, когда плыл в один тихий, прекрасный, северный летний день по гладкому, как зеркало, морю, усеянному плавающими льдинами, среди порядочного стада этих животных. Часть их мирно плыла за лодкой, издавая время от времени хрюканье, другие подплывали совсем близко, высовывались высоко из воды, чтобы посмотреть на незнакомцев; наконец, третьи лежали на плававших льдинах, так плотно сжавшись, что погружали их в воду до краев». Очень часто охотники с одной и той же лодки поражают гарпунами сразу нескольких моржей, раненые моржи тащат лодку за собой и не защищаются даже тогда, когда их добивают копьями и ружьями. Опасность, однако, появляется в том случае, когда пораженные острогами животные не все плывут в одном известном направлении, а если одно из них уклонится в сторону, тогда лодка может быть опрокинута веревкой; чтобы предупредить эту случайность, следует отрезать веревку, если силы животного еще не истрачены. Морж, раненый или напав убитый копьем или пулей, пущенной в голову, погружается в воду и безвозвратно пропадает для ловца. Поэтому главная задача охотника — в том, чтобы сначала загарпунить его

и взять на веревку. При этом случается, что одно животное бросается на своих преследователей, как это испытали Кюкенталь и А. Вальтер прошлым летом около Шпицбергена: разъяренный морж пробил клыками стенку лодки и боковую доску стоявшего тут же ящика, но больше никакого вреда не сделал. Вышеупомянутые наблюдатели, впрочем, того мнения, что к защите склонны только молодые, задорные самцы.

Если моржей застигают спящими на льдине, то охотники в последнюю минуту вынимают весла, бесшумно причаливают и выходят на льдину в тылу у животных. Едва один из моржей заметит неприятеля, как тотчас же поднимает голову вверх, будит остальных, и все стадо, толкая перед собой детенышей, неудержимо стремится к краю льдины и бросается в море вниз головой. Эту минуту и следует уловить охотникам для того, чтобы пустить в дело свои копыя и ружья. Нападение будет удачным, если охотники убьют большое число животных, лежащих ближе всего к воде, и туши убитых загрядят остальным путь к бегству. При таких обстоятельствах может произойти крупная резня моржей, добыча бывает чрезвычайно богатая, если отрезанное от воды стадо многочисленно.

Так же как европейцы, охотятся эскимосы и другие туземцы крайнего севера, привыкшие владеть огнестрельным оружием; существенно другим образом охотятся те из них, которые и до нынешних дней остались верны обычаям своих отцов. Как рассказывает Кин, эскимосы нападают на моржа и в воде, и на льду. В первом случае они стараются подойти к нему на лодке как можно ближе; если морж ныряет, то они быстро плывут в его сторону; если он плавает над поверхностью воды, то они выжидают благоприятную минуту и бросают в него гарпун. Раненый морж тотчас же погружается в воду; тогда охотник вбивает в лед обитый железом кол и крепко привязывает к нему веревку от гарпуна. Животное яростно бьется, пока не ослабеет, и тогда его можно добить ударами копыя. По словам Годмана, эти храбрые охотники в разгаре лета стараются подкрасться хитростью к спящему на льдине стаду. Для этого они отправляются сначала на другую льдину поменьше, прикрепляют к ней лодки и затем стараются подойти к стаду на своем ледяном плоту. Дойдя благополучно до места, каждый охотник намечает себе по уговору одного или двух моржей из стада, и все остроги в один миг взлетают со свистом на воздух. Задетые ими моржи бросаются тотчас в воду и стараются уплыть, но их задерживают веревки острог, и животные тем скорее ослабевают, чем больших усилий им стоит тащить за собой ледяной плот охотников, к которому прикрепляются все веревки. Охотники выжидают в своих лодках момента, когда моржи выбьются из сил, и в удобную минуту приближаются и убивают их копыями. В Беринговом море, на северном берегу полуострова Аляски, туземцы стараются обойти расположившихся на земле животных и, вооруженные копыями и тяжелыми

Семейство моржовые

** В битве с моржом-самцом один на один или тем более с целой группой агрессивно настроенных моржей белый медведь проигрывает и отступает. Но обычно моржи не столь «храбры», как пишет Брем, и при опасности стараются поскорее укрыться в море. Медведь пользуется этим, незаметно выходя из моря чуть в стороне от лежбища, и затем пугает моржей ревом и внезапным своим появлением. Стадо бросается к воде в полном беспорядке, и почти всегда один или несколько молодых моржей оказываются задавлены сородичами. Эти жертвы паники и составляют добычу медведя.*

топорами, бросаются на них со страшным криком, надеясь их так напугать, чтоб они бросились внутрь полуострова. В таком случае охота всегда бывает прибыльна. Она бывает неудачна, если хоть одному моржу удастся прорвать линию охотников, тогда остальные бросаются за вожаком и скрываются в морских волнах. Впрочем, и Эллиот говорит, что туземцы, которые занимаются ловлей моржей на берегах и островах Берингова пролива и моря, не считают охоту на воде особенно опасной. Они преследуют зверя в легких лодках из шкур, бьют его острогой, дают ему помучиться, пока он не ослабеет, и затем убивают копьем.

Из всего этого можно заключить, что моржи защищаются не всегда, а делают это только некоторые из них, и то случайно.

Кроме человека у моржа есть еще враги, от которых ему приходится страдать. Эскимосы и китоводы утверждают, что таким врагом является белый медведь, который опасен не только для детенышей, но и для взрослых. Броун ни разу не видел битв между этими животными, поэтому считает себя вправе думать, что рассказы о них следует отнести к басням, хотя окончательно не опровергает их верности*. Скаммон подтверждает показания северных жителей. Он рассказывает еще об одном враге, о хищном ките, который, может быть, еще опаснее для молодых моржей, хотя гоняется за ними только в открытом море. При его появлении мать сажает детеныша на спину и ищет спасения на толстой льдине, но не всегда успевает выполнить свое намерение, так как злодей раньше, чем она доплывет до льдины, ныряет и дает ей такой сильный толчок в брюхо, что детеныш сваливается со спины, и кит его в один миг схватывает. Но, вероятно, гораздо неприятнее белого медведя и хищного кита бывают для моржа меленькие, похожие на огромную вошь, паразиты. По наблюдениям Броуна, один вид гнездится у корней усов, другой — по всему телу, и оба так мучают моржа, что он в отчаянии то прыгает со льдины в воду, то опять взбирается на нее, сильно рычит, вертится или катается, стараясь стряхнуть с себя несносных паразитов. После того как Броун долгое время наблюдал за подобным поведением этих неуклюжих животных, показалась целая стая чеканов на покинутом ими месте и начала усердно что-то собирать. Это привлекло его внимание, он пошел на льдину и нашел там множество вышеупомянутых паразитов, которых моржи сумели с себя благополучно стряхнуть.

Хотя по своему самостоятельному и раздражительному нраву морж не кажется склонным вступать в дружеские сношения с человеком, но все же молодые моржи, бывшие в неволе, делались такими же ручными, как и другие тюлени. Пойманные моржи, несмотря на недостаточно для них приспособленный уход на корабле, несколько раз были доставляемы в Европу, а именно в Норвегию и Англию. О первом морже говорят в 1608 году Вельден и Беннет: «Двенадцатого июля мы приняли на борт двух молодых

живых моржей, самца и самку. Самка околела раньше, чем достигла Англии; самец, наоборот, прожил около 10 недель. 20 августа мы прибыли в Лондон и доставили нашего живого моржа ко двору, где король и многие знатные особы рассматривали его с большим удивлением, так как до тех пор еще никогда не видали подобного зверя живым в Англии. Вскоре после того он заболел и умер. Насколько поразительна наружность этого животного, настолько замечательны его понятливость и охота чему-нибудь научиться, в этом мы часто убеждались». Другие моржи были доставлены живыми в прошлом столетии, а в нынешнем двое в 1853 и 1857 годах были привезены в Англию и Норвегию, одного моржа показывали в 1884 году в разных местностях Германии.

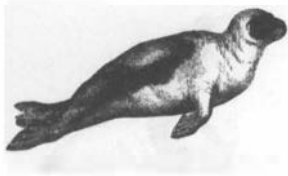
Европейцы употребляют кожу, жир и зубы моржа. Кожу дубят, жир вываривают, а зубы отделивают, как слоновую кость. По словам Норденшильда, в Тромзе при расчете между судовладельцами и китоловами оценка взрослого моржа в 1868 году поднималась до 88 марок, а в 1871 году только до 50 марок. По словам Вестендарпа, клыки моржа имеют различную цену в зависимости от величины; 1 килограмм клыков у больших моржей оплачивается 7 марками, у меньших — 5,5 марки. Раньше, по словам того же наблюдателя, ежегодно в продажу поступало до 30 000 кг моржовых клыков, но такой значительный подвоз их скоро уменьшился, а с 1880 года и совсем прекратился. Но все же цены на эти клыки за последние два десятилетия едва ли изменились. Грубое, волокнистое, пропитанное ворванью мясо моржа употребляется в пищу европейцами только в случае крайней нужды, но язык его считается вкусным. Иначе оценивают моржа народы крайнего севера; они извлекают пользу из каждой его части. Из кожи делают ремни, канаты и рыбные сети, покрывают ею свои летние жилища; из костей изготавливают всевозможные орудия; из жил — нитки; мясо служит им любимой пищей, жир они кладут в кушанья и жгут; таким образом, ни одна часть этого животного у них не пропадает даром.

СЕМЕЙСТВО ТЮЛЕНЕВЫЕ (Phocidae)*

Все тюленевые отличаются короткими конечностями; ступни и плавательные перепонки у них покрыты волосами. Пальцы передних конечностей уменьшаются от внутреннего края к наружному, средний палец задних конечностей укороченный. Зубы состоят из резцов, четырех клыков, четырех ложнокоренных и одного настоящего коренного на каждой стороне верхней и нижней челюсти.

Тело покрыто густыми, более или менее длинными, но никогда не переходящими в гриву волосами ости, под которыми изредка бывает небольшой подшерсток. Цвет шерсти мелкопят-

* Тюлени — семейство водных хищных, по-видимому родственных куньи-м, в первую очередь выдрам. Характерные признаки — отсутствие наружного уха и задние конечности, направленные назад, не сгибающиеся в пяточном суставе и не используемые для движения по суше. Позвоночник чрезвычайно гибкий: тюлени — единственные млекопитающие, способные прижать затылок к крестцу. Распространены преимущественно в холодных и умеренных морях обоих полушарий, два вида живут исключительно во внутренних водоемах (байкальская и каспийская нерпы), один род (тюлени-монахи) распространен в субтропических и тропических водах Северного полушария.

нистый, и только у немногих тюленей шерсть одноцветная или покрыта большими пятнами.

Еще древние народы знали тюленей. Геснер добавляет к сведениям о животных, дошедших с тех времен, рассказы о тюленях из средних веков: «Тюлень причисляется к китам, иногда достигает значительной величины, имеет легкие и отверстия, через которые втягивает воздух, а конечности у него такие же, как и у китов; он не может жить без воды и без земли. Конечно, он обходится довольно долго без воды, но пищу свою достает все-таки в воде, пребывает больше в воде, нежели на суше, и потому справедливо причисляется к водным животным. Тюлень спит и производит детенышей на суше, на берегу. Спит крепче, чем другие звери, с храпом, происходящим от мокроты, находящейся у него в легких. К вечеру взбирается на берег и на скалы для сна, иногда поднимается и среди белого дня. Когда его убивают, он кричит голосом, похожим на рев быка, но, говорят, имеет еще другой, собственный, голос. Тюлень — всеядное животное, ест в воде и на суше рыбу, мясо, траву и все, что может достать, не щадит и людей. Охотясь за рыбами, не удаляется слишком далеко от берега и очень скоро возвращается к нему; он больно кусается и гоняется за целыми стадами рыб, чтобы ими завладеть.

Это животное сильно привязано к своим детенышам, пока они молоды, заботится о них и носит на себе, поэтому молодых и старых тюленей охотники ловят большей частью вместе. Филострат пишет, что Дамис видел на острове Агит тюленя, пойманного рыбаками, который так оплакивал одного из своих детенышей, родившегося мертвым в неволе, что три дня ничего не ел, хотя тюлень и слышет за самое обжорливое животное. Аристотель пишет, что в том месте, где эта «рыба» поселяется, она ведет борьбу со всеми другими «рыбами», самец — с самцом, самка — с самкой, детеныши — с детенышами, до тех пор, пока часть их не будет убита или куда-нибудь прогнана. Тогда это место делается достоянием победителей, они его не покидают, а, напротив, остаются в месте своего поселения. К человеку проявляют такую склонность, что легко делаются ручными, их можно приучить как к доброму, так и к злему обращению; они приветствуют человека голосом и даже выражением своей морды, а когда их называют по имени, то отвечают криком.

Это животное заключает в себе много полезного; его «жвачка» (содержимое желудка), как лекарство, помогает от падучей болезни, и так как он понимает, что из-за этого его преследуют, то сам выбрасывает ее с досады. Его кожа, говорят, предохраняет от грома, молнии и града, вследствие чего моряки покрывают ею верхние части мачт. Палладий, земледelec, пишет, что кожей тюленя обносят поля и виноградники или вешают ее посредине на шесте, чтобы сберечь поля от града и других невзгод. Его мех имеет чудесное свойство: если надеть такую шкуру, то волосы ее во время грозы, урагана и бури на море становятся дыбом, но

когда все успокоится, они опять ложатся гладко; все это было подтверждено недавно некоторыми заслуживающими доверия людьми на острове, называемом Гиспаньола.

Тюлень боится всех земных животных, особенно медведя, который его преследует. Точно так же в воде ему приходится опасаться большого кита, называемого *Ziphius*. Поймать тюленя непросто, он бросает на нападающих задними конечностями много песка, засыпает им глаза, наносит раны. Если тюленя перехватить сетью, то он разгрызает самую крепкую сеть; убить его тоже нелегко благодаря толстому слою жира и твердой коже, которую трудно пробить стрелой или огнестрельным оружием. Поэтому рыбаки, едва увидев тюленя в сетях, тащат его, не мешкая, на берег и бьют веслами и дубинами по вискам, его легче всего убить, ударив в это место. В основном на тюленей охотятся из-за их шкуры и «жвачки» молодых животных. Некоторые племена, называемые массагетами, одеваются в их шкуры. В Скифии эти шкуры употребляют для тележной упряжи и для сумок, а жир — для смазывания и приготовления кожи. Тюлени — из породы китов, поэтому мясо их неудобоваримо.

Сало тюленей вылечивает у людей и у скота коросту, опухоли, уничтожает плешь на голове; кроме того, им пользуются против слабости матки у женщин, чем оно особенно славится. От подагры употребляется зола и жир тюленя. Его печень, легкие, селезенка и содержимое желудка детенышей, смешанные с кровью, помогают от падучей болезни, бешенства, головокружения, удара и других болезней мозга. Частица «жвачки» из его желудка, величиной с горошину, вылечивает от четырехдневной лихорадки, от жабы и других болезней. Запах жженных костей ускоряет роды. Желчь употребляется при глазных болезнях. Опоясываться его кожей полезно для почек и бедер; сделанные из кожи башмаки изгоняют подагру. Тюлень очень крепко спит, поэтому его правый ласт, положенный под голову человека, усыпляет*.

Если мы попробуем создать образ тюленя, очистив его по возможности от всех басен и ложных сведений, то нам придется сказать об этом заслуживающем внимания животном следующее.

Тюлени более распространены, чем остальные ластоногие, они населяют не только океаны, но и большие внутренние озера, которые соединяются с океанами посредством рек или были их частью в давно прошедшие времена, например озеро Байкал и Каспийское море**.

Тюлени обитают во всех поясах земного шара, но особенно многочисленны в холодном поясе, за Северным полярным кругом встречается значительное число их видов. От нерпук они отличаются тем, что более связаны с берегом. Только немногие решаются удаляться от твердой земли на значительное расстояние; большая часть отыскивает необитаемые морские берега и живет там, в воде и на земле. Если встретить в море тюленя, то можно довольно точно определить, что находишься не более чем

** Все описания античных авторов относятся к крупному средиземноморскому тюленю-монаху — единственному виду тюленей, известному древним грекам. Этот тюлень до 2,5 м длиной был распространен в Средиземном и Черном морях и на Атлантическом побережье Африки. Ныне этот вид крайне редок, сохранилось лишь несколько маленьких популяций.*

*** Наличие нерпы в Каспии можно объяснить обитанием видов этого рода в прошлые эпохи в море, существовавшем на месте нынешнего Каспийского и Черного. Происхождение байкальской нерпы остается неясным. Ученые признают ее родство с широко распространенной кольчатой нерпой, но как бы ее предки смогли попасть в Байкал — представить трудно (для этого им пришлось*

Семейство тюленевые

бы проплыть несколько тысяч километров от Ледовитого океана вверх по рекам). По одной из теорий, оба этих тюленя наиболее древние в своем роду и представляют собой реликт фауны Сарматско-Понтического морского бассейна.

в тридцати милях от берега. В некоторых местах обитания это сильно преследуемое животное еще очень многочисленно, хотя надо признать, что число его постепенно убывает.

По своему образу жизни тюлени сходны с нерпухами. Но по земле двигаются особенно, не ходят, а ползают. Только в воде не отстают от них по своей замечательной подвижности: плавают и ныряют мастерски. Работая передними лапами, как рыба плавниками, они то сдвигают оба задних лапа, выталкивая этим собравшуюся между ними воду и таким образом подвигаясь вперед, то размахивают ими в стороны. Им решительно все равно, лежат они на брюхе или на спине, двигаются под водой или по поверхности воды. Они прорезают воду со скоростью хищной рыбы, перевортываются в ней с быстротой молнии. Тюлени в состоянии простоять на месте, сколько им захочется. Для этого они притягивают передние лапы плотно к туловищу, изгибаются так, что нижняя часть туловища находится в отвесном, а голова и верхняя часть его — в горизонтальном положении, и стоят около полчаса так, держа голову наполовину выше поверхности воды. Большие пространства они переплывают с большой скоростью, очень часто на спине или на боку. Играя, они описывают круги, выпрыгивают то тут, то там из воды всем туловищем. Гоняются, поддразнивают друг друга или возятся, как сумасшедшие, совсем одни в воде: кружатся, вертятся, беснуются и вообще ведут себя в высшей степени странно, нередко до того забываются, что ловкий охотник или ловец подкрадывается к ним на расстояние, которое дает возможность бросить в них острогу и убить.

Они могут опускаться на значительную глубину и оставаться под водой довольно долго, но вовсе не так продолжительно, как утверждают некоторые. Они поднимаются каждую минуту на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. По моим собственным наблюдениям с часами в руках, они поднимаются из воды через каждые 15—25 секунд и дышат 5—8 секунд на поверхности. Допустим, что преследуемые тюлени могут выдержать под водой втрое или вчетверо больше времени, но ни в каком случае они не в состоянии провести там целые полчаса, как это несколько раз утверждалось и чему верили. Фабрициус, который очень подробно описывает попадавших ему в Гренландии тюленей, также не думает, чтобы этот зверь мог оставаться под водой более 7 минут.

Броун, который ездил в Гренландию единственно для наблюдения за морскими животными, считает, что тюлень может провести под водой самое большее 15 минут, а в среднем не дольше 8 минут. На мой взгляд, даже 15 минут слишком много. Наблюдать за двигающимся тюленем очень трудно. Нырнув, он проплывает под водой большие расстояния, и если торопится, то появляется на поверхности на одно мгновение для того, чтобы набрать воздуха, причем большей частью высовывает только кончик носа, так что его очень легко проглядеть и тем самым сде-

лать ошибку в наблюдениях. Бывшие на моем попечении пойманные тюлени никогда не оставались в воде более 5—6 минут. Тюлени спят в воде, но не в глубоких местах. Посредством нескольких ударов ластами они поднимаются время от времени на поверхность с закрытыми глазами, чтобы набрать воздуха, затем опять спускаются на дно. При этом все движения их кажутся бессознательными. Они могут спать и лежа на поверхности воды*.

Уоллес сделал очень верное, подтвержденное Броуном и проверенное мною наблюдение, что тюлень нередко спит с одинаковыми перерывами: бодрствует в продолжение трех минут и на такой же срок опять погружается в сон.

Хотя тюлени и живут неделями на море и могут совершать все свои дела в воде, все же они охотно отдыхают на берегу, спят там и греются на солнце. Перемещаются по берегу с большим трудом. Тюлень поднимается сперва на передних конечностях и бросается вперед всем туловищем, затем сгибает передние конечности, ложится на грудь, горбит спину и подвигает вперед заднюю часть туловища, упирается ею в землю, бросается опять вперед и проделывает то же, что и раньше, так что передвигает свое тело наподобие змеи.

Лежащий на суше тюлень представляет собой олицетворение лени. Он любит лежать на берегу неподвижно, особенно когда греет солнце. Поворачивает к солнцу то спину, то брюхо, то правый, то левый бок, открывает глаза или с наслаждением закрывает их, мигает или смотрит неподвижно вдаль, открывает только иногда затягивающиеся клапанами ушные отверстия и ноздри, а часто вообще не обнаруживает никакого другого движения, кроме дыхания. Так он может лежать часами, равнодушный ко всему внешнему миру, погруженный в себя, ленивый и беспечный. Всякая помеха этому приятному состоянию глубоко ненавистна тюленю, и, только если ему очень плохо придется, он начинает шевелиться. На скалах часто завязывается жаркий спор между тюленями из-за лучших мест: сильнейший сбрасывает вниз более слабого только для того, чтобы удобнее расположиться и вытянуться.

На севере эти животные охотно отдыхают на льдинах, спокойно растянувшись. Благодаря очень плотной коже и толстому слою жира они могут часами лежать на них. Температура поверхности кожи тюленя едва превышает температуру окружающего воздуха, поэтому на льду никогда не остается углублений в тех местах, где лежали тюлени, что должно непременно случиться, если бы тело их выделяло тепло. Но если тюлень и в состоянии противостоять влиянию мороза без видимого вреда для себя, он, однако, чувствует холод и не особенно любит его, а предпочитает тепло и, как было сказано, с удовольствием греется на солнце.

Во время зимы, которая в северных странах затягивает льдом большие пространства моря, каждый тюлень, взобравшись на льдину, проделывает во льду одно или несколько отверстий и в про-

** Некоторые виды тюленей могут, по-видимому, обходиться без воздуха и дольше 15 мин. Рекордсменом является живущий в Антарктиде тюлень Уэдделла, который, с одной стороны, ныряет за кормом глубже прочих тюленей, до 600 м, а с другой стороны, вынужден проплывать под обширными ледяными полями, пока не найдет полынью для дыхания. Все ли тюлени способны спать, лежа на дне, не вполне известно. Во всяком случае такой тюлень, по 8—10 мин лежащий неподвижно под водой кверху животом, заставляет заподозрить, что он утонул.*

** Тюлени делают дыхательные отверстия (продухи), процарапывая молодой лед когтями передних лап. В последствии каждый тюлень оберегает свой продух, протаивая дыханием корочку льда сразу, как только она начнет образовываться. Инстинкт делать продухи столь силен, что в неволе молодые нерпы, когда им в бассейн бросали лист пенопласта, процарапывали в нем когтями дырку и далее дышали через нее. Голос тюленя иногда походит на хриплый лай, иногда на плач; во время гнева он ворчит, как собака; во время спаривания, говорят, издает громкий рев.*

должение зимы, часто лагая через них под лед, препятствует их замерзанию. Есть предположения, что тюлень проделывает эти отверстия при помощи своего теплого носа. Но этот нос, хотя и теплее льда, настолько холоден, что мало может растопить образующийся в продолжение всей зимы на отверстиях лед, не помогает этому и выдыхаемый животным теплый воздух. Кроме того, нос слишком слаб и слишком чувствителен, чтобы с его помощью тюлень мог разломать лед. Поэтому только данное нами объяснение и остается возможным*.

Еще древние указывали на тюленя как на богато одаренного природой зверя. Внешние чувства его, кажется, хорошо развиты. Нос и уши запираются клапанами и имеют снаружи вид то треугольных, то круглых отверстий, иногда же просто узких щелей. Ноздри при каждом вдохе открываются, затем закрываются до следующего вдоха, даже если животное находится на земле. Уши только в воде остаются закрытыми. Большой, мало выпуклый глаз наполняет темно-коричневая радужная оболочка: белок глаза виден очень редко. Зрачок не круглый и не продолговатый, а имеет вид четырехугольной звезды. Мне кажется, что это заметил только один Фабрициус, другие натуралисты или проглядели это свойство глаз тюленя, или считают его невероятным, во всяком случае я нашел это указание только у одного выше-названного натуралиста. Это особенное устройство глаза можно разглядеть при хорошем освещении и на очень близком расстоянии. Весьма вероятно, что подобное устройство делает животных способными видеть не только на различных глубинах, а также днем и ночью приблизительно одинаково хорошо. Заслуживает внимания умное выражение глаз тюленя. Замечательно и то, что они, как и другие ластоногие, при возбуждении, а особенно при ощущении боли, проливают слезы.

По степени развития после зрения на второе место мы ставим слух. Несмотря на небольшую величину наружного ушного отверстия, тюлень довольно ясно воспринимает звуки. Как это было известно еще древним, он любит музыку и пение; новейшие наблюдатели указывают, что зверь с большим вниманием прислушивается к громким звукам. Броун утверждает, что часто видел, как тюлени высовывали головы из воды, внимательно прислушиваясь к пению матросов во время поднятия якоря, а Белль упоминает о том, что их привлекает колокольный звон. Может быть, такое расположение к звукам соединяется у этих животных с любопытством; во всяком случае такое поведение кажется поразительным и заслуживающим упоминания. Там, где они уже освоились, их привлекает на поверхность свисток и стук о борт лодки.

Об остроте остальных внешних чувств тюленей мы узнаем из многих фактов. Хотя нос и служит ему более для дыхания, нежели для обоняния, но последнее можно назвать хорошим, так как замечали, что тюлени, желая предохранить себя от опасности,

старательно обнюхивают вызывающие подозрение места. Вкус они выказывают разумным выбором пищи, а осязание обнаруживают при малейшем прикосновении к их коже, которое никогда не проходит для них бесследно.

Дать определенное понятие об умственных способностях тюленя трудно; что они умны, не подлежит никакому сомнению; но все же иногда кажутся такими глупыми и неловкими, что могут ввести в заблуждение. Смелые в необитаемых местностях, они ведут себя с большой осторожностью там, где встречаются своего худшего врага — человека. Верно то, что молодые тюлени слушаются предостережений старших. Пойманные, они скоро привыкают к своим сторожам, а некоторые делаются ручными, знают данное им имя, выходят по приказу из бассейна, принимают рыбу из рук хозяина.

Особенную нежность испытывают тюлени, как и все ластоногие, к своим детенышам. Они играют с ними, мужественно защищают их даже от сильнейших врагов. Наученные горьким опытом, избегают людей, и особенно охотников, но все же в минуты большой опасности остаются при своих детенышах и разделяют их участь. Видели, как тюлени в таких случаях хватили детенышей передними лапами, прижимали крепко к груди и старались перетащить как можно скорее в воду*.

В зависимости от климата того места, где живут тюлени, время их случки бывает в разные месяцы. В Северном полушарии она происходит осенью, в южных странах — между апрелем и июнем**. Старые самцы в это время очень возбуждены, ссорятся между собой и не думают ни о чем, кроме любви. Говорят, что это чувство полностью овладевает ими и заставляет забыть присутствующую им робость. Их ревность так же сильна, как и любовь. Тому, кто умеет подражать их хрюканью и реву, легко приманить к себе самок. «С одним своим товарищем по охоте, — рассказывает Шиллинг, — я нашел однажды на одном пустынном острове от 10 до 12 хрюкающих и кричащих тюленей, которые собрались сюда для спаривания. Когда мы причалили к берегу, они, против своего обыкновения, очень лениво полезли в воду, и я чуть не подумал, что это совсем особого вида звери. Мы решили подкараулить тюленей и с этой целью вырыли себе в песке углубление. Едва наша лодка отъехала шагов на 500, как из воды снова показались все тюлени; с видимым удовольствием и любопытством они прислушивались к звукам, которые издавали мы, старательно подражая их хрюканью, и стали приближаться к берегу острова. Когда мы начали издавать более высокие и слабые звуки, которыми обыкновенно перекликаются самцы, крупные самки первыми вползли на берег и стали приближаться к нашему пристанищу, хотя уже должны были видеть наши головы. Мы выбрали себе по тюленю, прицелились и выстрелили зараз; когда пороховой дым рассеялся, каждый из нас увидел перед собой убитым того тюленя, в которого он целился. Но остальные, которые вышли на берег,

* Сомнительно хотя бы потому, что тюлень на суше ничего держать лапами не может.

** Спаривание тюленей, по-видимому, происходит летом или весной (для Северного полушария это обычно апрель—июль, для Южного соответственно — ноябрь—декабрь), после или незадолго до окончания кормления молоком предыдущего детеныша. У гренландского тюленя спаривание происходит в начале весны, в марте, и сопровождается драками между самцами. Вероятно, описание Брема относится именно к этому виду.

Семейство тюленевые

** Белый детский мех, из-за которого детенышей некоторых тюленей называют «белками», держится разное время у разных видов тюленей. У кольчатой нерпы он сходит через 10—20 дней после рождения, у гренландского тюленя — через 20—28 дней, у обыкновенного тюленя детский мех сходит еще когда детеныш находится в матке, и тюлененок рождается уже серым и вполне способным плавать. Самки остаются по неделям на берегу со своими детенышами, приучая их понемногу к воде и обучая плавать. Для этого они водят их в маленькие и узкие проруби, образующиеся между льдинами, и только когда они сбросят свой теплый покров, пускают в открытое море. К этому времени детеныши достигают уже значительной величины и способны сами добывать пищу. Под руководством мате-*

будто оцепенели. Мы могли бы пустить еще по два выстрела в оставшихся тюленей. Только, когда мы вскочили на ноги, жизнь вернулась к этим как молнией пораженным животным».

Приблизительно через девять с половиной месяцев после случки, в мае, июне или июле самка приносит одного, редко двух детенышей на пустынном, необитаемом острове, чаще на песчаном месте морского берега, в пещерах, иногда на скалах или ледяных полях. Детеныши появляются на свет развитыми. Они покрыты густым нежным белым мехом, который мешает им плавать, но скоро он заменяется гладко прилегающими и твердыми волосами. До этого времени самки остаются на суше с детенышами.

На далеком севере молодые тюлени сбрасывают свой теплый покров, в котором появляются на свет, гораздо позже, чем тюлени, живущие на юге, и потому вначале не могут плавать и тем более нырять*.

Весьма вероятно, что молодые тюлени вначале не едят рыбы, а питаются исключительно раками и другими низшими морскими животными, которыми не брезгают и взрослые тюлени. По исследованиям Броуна, тюлени, встречающиеся в гренландских водах, питаются в разное время года различными морскими животными. В летние месяцы ракообразные, наполняющие северные моря, многочисленные креветки, а также моллюски, морские звезды составляют основную пищу тюленей, а в другое время года они преимущественно охотятся за рыбой. Выбор рыбы, которой они питаются, делает честь их вкусу. Во многих странах рыбаки обвиняют тюленей в хищничестве и прожорливости, так как они едят рыб, пойманных на удочки, особенно лососей, если у них большой выбор, съедают самые лакомые куски. Известные охотники за тюленями в северных морях отец и сын Альтманы исследовали до 500 желудков этих животных и находили там крабов и креветок, а также камбалу. По исследованиям Неринга, кажется сомнительным, чтобы вред, наносимый рыбной ловле тюленями, был так велик, что мог бы оправдать необходимость их истребления. Пойманные тюлени едят и речную рыбу, но если их кормить исключительно ею, они не долго живут в неволе, тогда как, питаясь морской рыбой, могут продлить свою жизнь на многие годы. Из-за питания одной рыбой у них разводятся глисты, и они нередко умирают от разрушения внутренностей этими паразитами. По наблюдениям Броуна, тюлени иногда хватают плавающих птиц; Эллиот не мог в том удостовериться и склонен отрицать этот факт, который, однако, подтверждается наблюдениями фон Штейнена. В желудке одного морского леопарда, пойманного около берегов Южной Георгии, фон Штейнен нашел двух маленьких буревестников, служивших блестящим доказательством необыкновенной ловкости морского леопарда в искусстве плавать и нырять. По моим наблюдениям, тюлени в неволе не едят птиц, даже отталкивают от себя их мясо, с которого снята кожа, с таким же отвращением, как и мясо наших

домашних млекопитающих. Как все питающиеся рыбой животные, они требуют поразительное количество пищи в зрелом возрасте, по крайней мере 5 кг рыбы в день, но и после такого обеда они готовы проглотить приблизительно такое же количество.

Для северных народов тюлени самые важные из всех животных. Гренландцы только ими и живут, используя каждую часть их тела. Даже мы, европейцы, умеем ценить гладкий, красивый, непромокаемый мех, ворвань и мясо. Неудивительно поэтому, что тюленей усердно преследуют во всех морях. Во время охоты огнестрельное оружие употребляется редко, а в открытом море даже совсем не применяется, так как убитый тюлень сразу идет ко дну, как свинец. Другое дело, если охотятся на животных, лежащих на морском берегу.

Иногда удается, по словам Шиллинга, на маленькой лодке при слабом ветре неслышно подъехать на парусах к сидящим на камнях животным. Другой практикуемый способ охоты основывается на сильном любопытстве этих животных. Охотники пробираются на места, где тюлени любят отдыхать, ложатся на землю, а когда животные показываются из воды, начинают проделывать всякие штуки: кивают головой, бьют ногами, переkreщивая их, быстро ползают взад и вперед. Это чрезвычайно смешное для зрителей поведение никогда не остается без должного действия: высунувшиеся из воды животные приближаются, подходят к берегу и могут быть убиты скрывшимися невдалеке стрелками.

Во время продолжительных морозов охота на льду обильна, но всегда опасна. Если открытые места Балтийского моря и замерзают, то тюлени делают отверстия во льду, чтобы через них лазать на льдины и там спать. Каждый тюлень обыкновенно делает одно, а иногда и несколько таких отверстий для своего собственного употребления. К этим прорубям ночью осторожно прокрадываются охотники в валенках, чтобы заглушить звук шагов.

На восточном берегу Швеции охотятся при помощи остроги, реже с ружьем. Морские охотники приучают собак выслеживать на льду тюленей и находиться при них, пока не придут хозяева. На Фарерских островах охотятся главным образом зимой, когда тюлени остаются на суше со своими детенышами.

Из всех народов гренландцы, кажется, искуснее всех умеют не только ловить, но и пользоваться своей добычей. «Гренландцы, — говорит Фабрициус, — большие мастера легко и красиво управлять веслами, так что шум их едва слышен. Когда тюлень показывается из воды, охотники сначала следят за его движениями, чтобы понять, какой способ нападения следует употребить. Если зверь спокоен, они стараются догнать его. При этом следят, чтобы движения весел и лодки не производили сильного шума, так как это может напугать тюленя. Многие так наловчились, что могут незаметно подойти бортом к самому тюленю. Если же

*ри они осваиваются
с ловлей различных
животных и в
очень короткий
срок усваивают
образ жизни всех
тюленей.*

Семейство тюленевые

** Касатка иногда, преследуя тюленей (а чаще — морских львов), буквально выбрасывается на берег, стараясь схватить пастью ускользающую добычу. Белый медведь подстерегает тюленей возле продухов и, дождавшись, резко вонзает в добычу когти передней лапы и выдергивает тюленя на лед (следует учесть, что продух в самом узком месте обычно уже тела тюленя, так что несчастный при такой процедуре погибает мгновенно). Из крупных рыб опасны для ластоногих в первую очередь тигровая и большая белая акулы, но обе чаще сталкиваются с морскими львами, нежели с настоящими тюленями. На детенышей тюленей могут нападать лисы и песцы.*

зверь настороженно оглядывается по сторонам, надо наклониться или лечь на дно, выдавая себя за нечто мертвое, плывущее по воде. Если он нырнет раньше, чем ловец успеет подъехать к нему на расстояние брошенной остроги, то нужно следить за принятым тюленем направлением, передвигаться медленно вперед к тому месту, где он опять появится. Когда наконец подъедут к тюленю довольно близко, в него бросают острогу, и веревка, к которой привязана острога, натягивается и начинает разматываться. Когда ловец видит, что попал в животное, он тотчас должен выбросить из лодки пузырь, привязанный к концу веревки, потому что, когда вся веревка разматается, тюлень может сильно рвануться, потащить лодку за собой и опрокинуть ее. Вот по каким причинам ловцы часто погибают во время этой охоты. Если же охотник успеет освободиться от пузыря, то наибольшая опасность для него миновала. Однако встречаются тюлени, которые могут броситься на тонкую, сделанную из шкур лодку и прокусить ее, тогда гренландец находится в большой опасности.

Когда тюлень с острогой в теле тащит пузырь, ловцы едут вслед за ним и добивают зверя копьями; копья не имеют крючков и выskalзывают из раны. Эти многочисленные раны и таскание за собой большого, наполненного воздухом пузыря утомляют тюленя. Тогда к ослабевшему зверю подъезжают совсем близко и наносят последний смертельный удар кулаком в нос, а если бывает нужно, то доканчивают охотничьим ножом. После этого тушу надо дотащить до дома. На ней затыкают все раны деревянными пробками, чтобы не терять крови, а между шкурой и мясом вдувают воздух, чтобы туша лучше плыла по поверхности воды. Если это туша маленького тюленя, то ее кладут на заднюю часть лодки, привязав к ней около пупка небольшой пузырь, чтобы она могла плыть, если свалится в воду. Тушу большого тюленя тащат за лодкой, прикрепив к ней огромный пузырь. Если ловец убил несколько тюленей, то они прикрепляются один к другому; таким образом счастливый ловец может притащить домой 4—5 тюленей*.

Все тюлени необыкновенно живучи, их можно уложить на месте, если только попасть пулей в середину мозга или в сердце. Кроме человека врагом тюленя является очень ловкий хищник — кит. Гонимые прожорливым чудовищем, они стараются как можно скорее достигнуть маленького пролива и спешат выйти на берег, забывая при этом свой страх перед людьми. Белый медведь также неустанно преследует их. Для молодых тюленей опасны и большие хищные рыбы*.

Северные народы употребляют в дело всю тушу тюленя; не только ворвань и шкуру, но и мясо. Кровь животного, смешанная с морской водой, варится, как суп, а замороженная служит лакомством. Кровь хранят и на черный день, скатав ее после кипячения в шарики и высушив на солнце. Кишки тоже идут в пищу или, с большим трудом промытые и выглаженные, используются

для изготовления окон, одежды и занавесей. Особенно высоко ценится шкура из тюленьей шкуры верхняя одежда, потому что она считается совершенно непромокаемой. Ребра служат орудиями для распорки меха или из них изготавливают гвозди; лопатки употребляются вместо заступов, из сухих жил делают нитки и т.д. Шкура, ворвань и мясо все же составляют главную прибыль, получаемую гренландцами от охоты за тюленями. Шкуры, из которых изготавливают одежду, особенно такие, которые идут на нижнее платье, имеют на крайнем севере высокую цену; по словам Броуна, нельзя порадовать молодую гренландку лучшим подарком, чем подарить ей шкуру тюленя. «Точно так, как европейский молодой человек подносит своей возлюбленной драгоценные камни и украшения, не менее нежный гренландец в замершем фиорде приносит своей невесте охотничью добычу в виде шкуры тюленя». Даже у рыбаков Оркнейских островов эти шкуры, употребляемые главным образом на куртки, имеют свою цену. Мясо тюленей из-за темного цвета и грубого вкуса не нравится немцам, но шведы считают его вкусным, и всеми северными народами оно употребляется в пищу так же охотно, как и мясо их немногочисленных домашних животных, и решительно предпочитается рыбной пище. Только печень выбрасывают в некоторых местностях, приписывая ей ядовитые свойства, которых она в действительности не имеет. Наконец, из сала готовят очень хорошую жидкую ворвань, которая может приносить больше выгоды, чем шкура и мясо, вместе взятые.

Торговцы мехами отличают два рода шкур ластоногих: «меховые» и «волосяные»; к волосяным принадлежат шкуры только что рассмотренных нами тюленей. По словам Ломера, ежегодно привозится от полумиллиона до миллиона тюленьих шкур ценою от 2—4 миллионов марок. Шкуры окрашиваются или употребляются некрашеными для обшивки сундуков, ранцев и т.п., а также для приготовления кожи.

Обыкновенный тюлень (*Phoca vitulina*)*, образ жизни которого послужил основанием для вышеизложенного описания, живет во всех северных морях. Длина взрослого животного колеблется между 1,6 и 1,9 метра, причем самки обыкновенно бывают больше самцов. Голова у тюленя яйцеобразная, морда короткая, глаза большие, темные и с умным выражением. Ухо обозначается только маленьким треугольным возвышением; верхняя губа толстая, очень подвижная и усажена волнистыми щетинистыми усами; шея короткая и толстая. Туловище плавно утончается от плеч к хвосту. Передние конечности очень короткие, задние — широкие и хорошо развитые, хвост, как и у других ластоногих, очень короток. Волосяной наружный покров состоит из твердых и блестящих волос и очень редкого подшерстка. Обыкновенно, цвет шерсти желто-серый с коричневыми или почти черными пятнами по всей верхней части туловища. На голове пятна

* Обыкновенный тюлень распространен в большинстве холодных и умеренных морей Северного полушария, иногда заходит в крупные реки. Длина тела самцов — до 1,9 м, масса — до 150 кг, самка на треть короче и втрое легче. Питается в основном рыбой, поедая те виды, которые наиболее массовые в данный момент. Судя по приводимому описанию, Брем смешивает этот вид с кольчатой нерпой, акибой (*Ph. hispida*), которая иногда живет во внутренних водоемах (в озерах Сайма и Ладожском, но не в Онежском).

* *Каспийская нерпа* населяет Каспийское море и изредка заходит в реки Урал и Волгу. Она мельче обыкновенной нерпы, не более 1,5 м длиной, в целом же весьма на нее похожа.

** Гренландский тюлень, выделяемый иногда в особый род, отличается от нерпы в первую очередь резкой разницей в окраске самца и самки (самец светлый с черной мордой и черными «крыльями» на боках, самка серая с мелким черным крапом). Длина тела около 2 м, вес до 164 кг, самец и самка по размеру не отличаются. Распространен в морях Северной Атлантики, держится у границы плавающих льдов, на которых и размножается.

маленькие, круглые и частые, на спине большие, неправильной формы и реже расположены.

Обыкновенный тюлень распространен по всей северной части Атлантического океана, а также в Ледовитом океане. Он встречается в Средиземном море, куда проникает через Гибралтарский пролив. Живет на всех берегах Атлантического океана в Европе: в Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Великобритании, Скандинавии, Исландии, также и в Балтийском море, в Ботническом и Финском заливах, встречается и в Белом море. По некоторым указаниям, водится на берегах восточной Сибири и Берингова пролива. Наверное, живет на Шпицбергене, на обоих берегах Гренландии, кроме того, был замечен в Баффиновом море, в Дэвисовом и Гудзоновом заливах и странствует вдоль североамериканского восточного побережья до Калифорнии и далее к югу, доходя нередко до Мексиканского залива, случается, что заходит и к северным берегам Южной Америки. Из моря он нередко попадает в реки и потому часто встречается внутри материков, например на берегах Невы, Свири, Ладожского и Онежского морей. На севере совершает длительные путешествия от одного моря к другому.

Близка к нашему обыкновенному тюленю каспийская нерпа (*Phoca caspica*)*, которая живет, как показывает ее название, в Каспийском море, совершенно отрезанном от океана.

Гренландский тюлень, или **лысун** (*Pagophilus groenlandica*)**.

Лысун отличается от обыкновенного тюленя тем, что голова у него длиннее и уже, с плоским лбом и вытянутым рылом, а также отличается строением передних конечностей, которые у него короче. Он едва достигает величины обыкновенного тюленя, причем длина самцов в редких случаях равна 1,9 метра, обыкновенно ниже этой меры. Густой, короткий, плотно прилегающий и блестящий мех почти не имеет подшерстка. У старых самцов преобладающий цвет верхней части туловища буро-серый, иногда он переходит в светло-желтый, иногда в красновато-бурый. Грудь и брюхо как бы линиялого, ржаво-серебристого цвета. Ясно выделяется передняя часть морды, включая лоб, щеки и рыло, которая бывает шоколадного или почти черно-бурого цвета. На спине более или менее ярко обозначенный темный рисунок в форме продолговатой подковы или лиры. Этот рисунок, послуживший англичанам и немцам основанием для названия этого тюленя «седлистый», начинается у задней части затылка, расходится по бокам и спине, спускается вдоль боков до задних бедер и отсюда поворачивает внутрь, где соединяются оба заостренных конца. У одних тюленей это седло узко, как лента, у других оно расширяется или соединяется посередине с более или менее резко обозначающейся поперечной полосой.

Самки меньше самцов и разительно отличаются от них цветом, их даже рассматривали и описывали как особый вид. Мех у самок тусклый, изжелта-белый или палевый, который на спине

темнеет почти до красно-бурого то с красным, то с синим и даже темно-серым отливом. Нижняя часть туловища имеет ту же окраску, как и у самцов, но на спине нет рисунка лиры: иногда видно только несколько яйцеобразных темных пятен. Белоснежный меховой покров молодых лысунов в продолжение нескольких лет принимает понемногу наружный вид меха их родителей.

Область распространения лысуна — высокие градусы северной широты. Южная граница их пребывания едва ли может перейти за 67 градус северной широты*.

Лысунов встречали у берегов Лапландии и Норвегии и даже Великобритании и Германии, но, вероятно, они были прибиты течением, к северу отсюда они встречаются везде в Ледовитом океане. Может быть, через Берингов пролив они попадают в северную часть Тихого океана.

В противоположность обыкновенному тюленю лысуны избегают берега и почти исключительно пребывают на льдинах. Здесь их можно видеть в необыкновенно большом количестве; они сотнями и тысячами заселяют огромные ледяные поля, покрывающие зимой большую часть их родного моря. Когда рождаются детеныши, то лысуны выбирают толстые льдины, чтобы по возможности оградить от опасности беспомощных маленьких тюленей.

Лысуну приходится скитаться для выбора пристанища; летом, когда лед тает, он перебирается дальше на север, зимой, когда лед снова образуется, перекочевывает на юг. Точно так же лысун странствует в западном и восточном направлениях. Он покидает берега Гренландии два раза в год. Первый раз отправляется в странствование в марте и возвращается назад в мае, очень исхудалым. В новое странствование отправляется в июле и возвращается в сентябре, чтобы перезимовать у гренландских берегов. Еще не удалось определить настоящие причины их странствований. Скорее всего эти путешествия зависят от присутствия в водах тех морских животных, которых они употребляют в пищу. Некоторые мореплаватели видели тюленей в открытом море плывущими бесчисленными стадами в одном направлении.

Рождение детенышей совпадает с весенними месяцами, между серединой марта и апреля, смотря по тому, была зима сурова или умеренна.

Как раз к этому времени они собираются на отдельных льдинах огромными стадами, приводящими в изумление даже опытных охотников. После того как самки выберут подходящие льдины, они мечут детенышей и скоро опять спариваются с самцами, которые затем их покидают. Сначала лысуны-самцы плавают у берегов льдины, но мало-помалу они исчезают и направляются в неизвестные страны. Беременность самки продолжается 11 месяцев. По сведениям Броуна, самка рождает одного, но нередко и двух детенышей. Некоторые опытные ловцы утверждают, что она приносит трех за один раз. Однако это кажется невероятным, ошибку наблюдателя

** Лысун не встречается в Тихом океане, его распространение на запад ограничено устьем реки Маккензи, а на восток — островом Новая Земля.*

можно объяснить тем, что одна и та же самка кормила нескольких осиротелых детенышей. Подобно своим сородичам, детеныши лысуна рождаются очень развитыми и тотчас делаются хорошенькими и милыми зверьками. Их первый белый детский покров не уступает по белизне чистому снегу северных широт, он скоро переходит в чудный желтый цвет, который, к сожалению, остается тоже недолго. Маленькие лысуны в первые дни своей жизни очень беспомощны. Они все время, лежа на покрытой снегом льдине, сосут мать или спят, причем белый мех скрывает их от глаз врагов. Матери обходятся с ними с величайшею нежностью и мужественно защищают от охотников, которые преследуют их именно в этом возрасте. Если детенышей не постигнет несчастье, они скоро вырастают и заменяют свой детский покров другим, пятнистым и пестрым, который дал повод сравнить

их с зайцами и назвать «морские зайцы». Как только они приобретают этот мех, мать ведет их в воду и учит плавать. В течение первого лета мех детенышей опять меняется, на спине он переходит в темно-синий, а на груди и брюхе в темно-серебристый. В этом виде они у гренландцев называются «аглекток». Следующий обмен меха еще более приближает молодых тюленей к взрослым, лысуны приобретают его на третьем, а по мнению некоторых наблюдателей, даже на четвертом и на пятом году жизни.

Гренландский
тюлень, или лысун
(*Pagophilus
groenlandica*)

Хотя этот тюлень и походит по своим привычкам на других сородичей, все же он отличается от них в некотором отношении, а именно своими движениями. Его движения в воде отличаются поразительной быстротой и ловкостью, в особенности часто следующими друг за другом прыжками, причем лысун выкидывает все туловище из воды, чем и оправдывает данное моряками название «прыгун». Ньютон думает, что появляющиеся время от времени рассказы о гигантских морских змеях, будто бы виденных моряками, следует отнести к этим животным.

Как уже было замечено, стада тюленей, встречающиеся в открытом море, почти всегда плывут, выстроившись в прямую линию один за другим, и все следуют за вожаком. Если последний, как часто это случается, перевернется или сделает прыжок в воздухе, выбросившись выше поверхности воды, остальные, дей-

дя до того же места, повторяют то же самое. Мысль о морской змее неотступно преследовала Ньютона всякий раз, как он видел плывущих таким образом лысунов, и ему казалось чрезвычайно понятным, что более склонный к фантазии наблюдатель был уверен, что видел в движущейся перед глазами змеинообразной линии пресловутое морское чудовище. Эта игривость и удивительная подвижность «прыгуна» и позволяют отличать его на всяком расстоянии от сородичей. Его умственные способности стоят приблизительно на одной ступени с обыкновенным тюленем, так по крайней мере можно заключить по поведению как живущих на свободе, так и пленных лысунов.

Для гренландцев он имеет особенное значение. Взрослый самец весит, по словам Броуна, 115 кг, из которых 50 идут на мех и жир, 45—48 кг — на мясо, остальное — на кости, кровь и внутренности. Мех и кожа его не ценятся в Гренландии так высоко, как у обыкновенного тюленя, и даже мясо его уступает мясу последнего; но все же ловля лысуна благодаря ворвани приносит довольно хорошую прибыль. В датских поселениях в Гренландии ежегодно убивают около 36 тысяч лысунов, в остальной части Ледовитого океана, может быть, и вдвое больше, но во всяком случае не так много, чтобы можно было опасаться полного исчезновения этих животных.

Хохлач (*Cystophora cristata*)*. Это одно из самых больших ластоногих Ледовитого океана, прежде всего отличающееся кожаными пузырями, который покрывает нос, всю морду и большую часть верха головы. Тюлень наполняет его воздухом и опорожняет. Наполненный воздухом кожаный мешок имеет 25 см в длину и 20 см в высоту и выглядит надвинутой на лоб шапкой; пустой же может быть сравнен с рубцом, разделяющим нос на две части. Голова у хохлача большая, рыло тупое, туловище устроено, как у других ластоногих, так же как и конечности, хвост широкий и короткий. Самцы и самки имеют одинаковый наружный покров, состоящий из длинных, стоячих волос и толстого, пушистого подшерстка. Мех этот сверху темно-бурого или черного цвета с разными по размеру круглыми или яйцеобразными пятнами более темного цвета, снизу же он темно-серый или ржаво-серебристый и без пятен. Голова и лапы темнее остального туловища; прикрытое пузырями место головы обыкновенно бывает одного цвета с темными пятнами меха. Взрослые самцы достигают длины 2,3—2,5 метра, длина же самки, у которой не бывает пузыря, далеко не доходит до этой меры.

Среди ластоногих Северного Ледовитого океана хохлач, кажется, населяет не столь большую область и нигде не попадает в массы. По словам Фабрициуса, подтвержденным Броуном, он чаще всего водится вблизи Гренландии и Ньюфаундленда, на западном берегу Исландии реже, дальше на юге он только иногда появляется как нечаянно забредший гость. У Новой Земли его

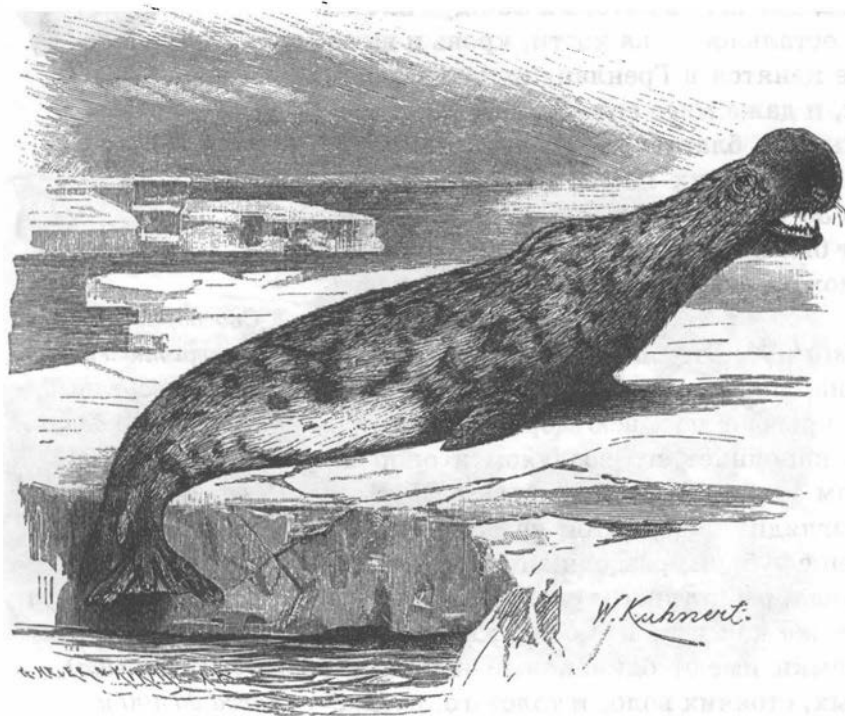

* *Своеобразный крупный тюлень, распространенный, как и гренландский, в полярных водах Северной Атлантики и соседних частях Ледовитого океана. Длина крупных самцов до 3 м (обычно меньше), масса до 400 кг, самка немного мельче. Держится вдали от берегов, вдоль края плавучих льдов, и еще более, чем лысун, привержен высоким широтам. Питается рыбой, головоногими и плавающими ракообразными, за добычей может нырять на несколько сот метров.*

никогда не видали. У берегов Гренландии встречается главным образом вблизи больших льдин, которые чаще, чем земля, служат ему пристанищем для сна и отдыха. Он тоже предпринимает странствования, которые удаляют его от берегов и заводят в самые северные части Ледовитого океана; поэтому его видно только в известное время года на привычных местах. В Гренландии хохлач появляется в начале апреля и остается до конца июня или начала июля, линяет, мечет детенышей и воспитывает их, чтобы они могли следовать за взрослыми в дальнейшее странствование; вероятно, опять совокупляется и снова предпринимает путешествие к северу. От сентября до марта часто встречается в Девисовом

проливе и Баффиновом заливе; затем отправляется к югу, а в июле многие возвращаются назад.

По единодушным рассказам различных наблюдателей, хохлач самый мужественный и самый смелый из всех тюленей, вследствие чего охота на него небезопасна. Броун называет его львом северных морей, который делит свое владычество над полярными водами только с могучим моржом. Лежа на льдине, хохлач производит впечатление тупого и равнодушного к внешнему миру животного, бессмысленно устремляющего вдаль большие черные глаза. Он первым ни на кого

Хохлач
(*Cystophora cristata*)

не нападает, но если его задеть, легко раздражается. Вместо того чтобы бежать при виде приближающегося охотника, он надувает свой кожаный мешок, храпит, как разъяренный бык, и старается, насколько может, защититься от наступающего противника. Еще опаснее такой встречи на льдине бывает охота на лодках, потому что задетый острой тюлень нередко бросается на лодку и кусает сидящего в ней человека. По этой причине только самые опытные гренландские охотники осмеливаются нападать на него в каяке, легкой охотничьей лодке. Вообще ловцы предпочитают найти его лежище на льду и убить пулей в голову, едва хохлач успеет принять оборонительное положение.

Как и у всех ластоногих, между самцами происходят во время течки жестокие битвы. С громким ревом, который при тихой

погоде далеко слышен, надув свои мешки, нападают ревнивые самцы друг на друга и наносят один другому часто большие и довольно глубокие раны, впрочем едва ли опасные. Во время этих битв хохлачи постоянно отстаивают свои владения, они не любят общества своих сородичей, и только в редких случаях их можно видеть вместе с лысунами. О продолжительности беременности самок я не нахожу никаких указаний и потому, ссылаясь на слова Фабрициуса, могу только сказать, что самка в апреле мечет одного, в редких случаях двух детенышей, которые, по исследованиям Броуна, появляются на свет в белом одеянии*.

В Гренландии и вообще на севере из хохлачей извлекают ту же пользу, как и из их родичей. Но их бьют гораздо меньше, чем других тюленей, в датских поселениях Гренландии едва ли больше 2000—3000 штук ежегодно.

Дампиер, первый из путешественников в начале прошлого столетия, познакомил нас с южным морским слонем (*Mirounga leonina*)**; позже Аурон, Пернетти, Молина, Перон и, наконец, Скаммон и фон Штейнен описывали более или менее подробно этого великана, так что мы имеем о нем довольно точные сведения.

Этот вид отличается коротким вытянутым хоботом, в который переходит нос самца. Число и порядок зубов те же, что и у хохлача.

Морской слон известен у некоторых моряков еще под названием «морской волк». Внешним видом он сходен с остальными тюленями, но превосходит их величиной. Его длина, впрочем значительно преувеличенная различными мореплавателями и охотниками, по словам Скаммона, у берегов Калифорнии доходит до 6—7 метров, хотя в большинстве случаев он достигает только 5 метров. Самка имеет приблизительно только половину этого роста и лишь $\frac{1}{3}$ веса, который у самцов бывает более 3000 кг. Фон Штейнен в Южной Георгии определил среднюю длину самца в 5 метров, а самки в 3 метра.

Голова у морского слона большая, широкая и вытянутая, морда не очень длинная, довольно широкая, несколько суживающаяся на конце и как бы обрубленная. Верхняя губа усажена шестью рядами крепких щетин длиной до 15 см. Глаза относительно большие, круглые, выпученные, веки без ресниц, но на бровной дуге заметно от 8 до 10 щетинистых волос, которые заменяют брови. Необыкновенно маленькое ухо, расположенное на небольшом расстоянии от глаза и ниже его, представляет лишь круглое отверстие, которое даже не защищено складкой кожи. Наконец, нос у самца и самки различный. Этот орган у самки не представляет ничего необыкновенного, у самца он удлиняется в хобот почти на 40 см. В спокойном состоянии хобот представлен множеством поперечных складок, свешивается дугообразно и оканчивается обращенными ноздрями. Раздутый, он увеличивается вдвое и стоит прямо, так что все складки исчезают и ноздри видны на плоской передней стороне носа. Относительно длинная, но толстая шея переходит без замет-

* Беременность хохлача длится 11 месяцев, из которых 3,5—4 месяца приходится на задержку развития оплодотворенной яйцеклетки. Детеныш в помете один; он рождается покрытый грубым серым мехом, поскольку белую детскую шерстку сбрасывает еще в утробе матери. Мать усиленно кормит свое чадо 2—3 недели, детеныш сильно жиреет, после чего покидает его. Детеныш еще две недели лежит на льдине, расходуя накопленный жир, затем линяет и в гордом одиночестве отправляется в воду.

** Южный морской слон — самый крупный из тюленей (и самый крупный представитель хищных млекопитающих). Длина взрослого самца может достигать 6,5 м, а вес — 3,5 т. Самки вдвое короче и в шесть раз легче (не тяжелее 900 кг, что

Семейство тюленевые

*все равно превосходит вес любых других тюленей). Южный морской слон распространен в полярных и умеренных морях Южного полушария, но более обычен у берегов Южной Америки. Брем смешивает этот вид с северным морским слоном (*M. angustirostris*), распространенным у берегов Мексики и Калифорнии. Этот последний был одно время так близок к полному уничтожению, что Брем говорит о морских слонах Калифорнии в прошедшем времени. Однако после запрета охоты численность северного морского слона стала быстро возрастать, и он оказался вне опасности вымирания.*

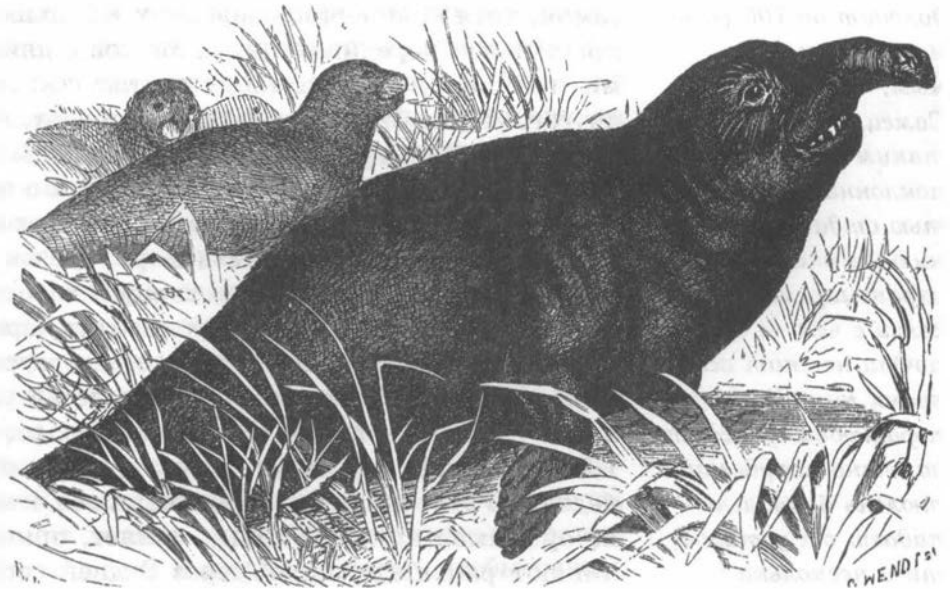
ного выступа в туловище. Передние конечности не особенно длинные, но все же очень сильные и крепкие; из пяти пальцев, соединенных между собой плавательной перепонкой, средний палец короче второго, самого длинного. Очень сильные и довольно длинные задние конечности тоже о пяти пальцах, соединенных перепонками, имеют вид глубоко вырезанного весла. Хвост, как и у большинства тюленей, короткий и заостренный. Мех состоит исключительно из коротких, толстых, жестких и блестящих, но не гладко прилегающих волос, цвет которых меняется не только по возрастам и полам, но и по временам года. У самцов непосредственно после линьки преобладает синевато-серый цвет, при этом спина всегда темнее брюшной части. У самок мех сверху темного оливково-бурого цвета, по бокам желтовато-бурого, снизу светло-желтого. Молодые тюлени в первый год сверху темные, с боков светлые, серебристо-серые, снизу желтовато-белые.

Область распространения морского слона — все южные океаны, начиная приблизительно от 50 градуса южной широты, и может быть, даже переходит Южный полярный круг. Прежде он встречался у южных окраин Америки и лежащих около них островов. У островов Хуан-Фернандес и у южных берегов Чили его видели еще тридцать лет тому назад. Кроме того, встречали на Новой Зеландии, Тасмании и на других островах, лежащих в тех широтах. Но теперь в большинстве этих местностей он совсем или почти истреблен, или появляется так редко и нерегулярно, что совсем не стоит там за ним охотиться. Даже и в нынешних ограниченных областях распространения: на островах Кергелен, Южная Георгия, и, может быть, на островах Крозе он появляется в количестве, едва заслуживающем внимания. Это животное еще в середине нынешнего столетия попадалось в большом количестве в одном месте Северного полушария, а именно в Тихом океане у Калифорнийского берега, между 24 и 38 градусами северной широты, следовательно и около Сан-Франциско. Но из-за настойчивого преследования они стали появляться очень нерегулярно, постоянно меняли свое местожительство, и количество их быстро уменьшилось. Два десятилетия тому назад они уже были у берегов Северной Америки редким явлением, а теперь, вероятно, почти исчезли; только иногда, может быть, появляются на безлюдных местах.

Своим образом жизни морской слон напоминает морского котика и морского льва. Он тоже ежегодно предпринимает путешествия в южную область своего распространения; большие и слабые остаются на месте, а здоровые странствуют. В Патагонию морские слоны прибывают в сентябре и октябре, часто даже и в июне целыми стадами и в конце декабря уходят на юг. На берегу Калифорнии проводят почти весь год, но главным образом от февраля до июня. Предпочитают песчаную и каменистую местность, а также заходят и в пресные воды. Из целой массы отделяются семейства, состоящие из 2—5 членов; их постоянно можно

видеть тесно прижавшимися друг к другу и обыкновенно спящими в камыше или в тине. В большую жару они, как это видел Скаммон в Калифорнии, прохлаждаются тем, что зарываются в мокрый песок и бросают его передними лапами на верхнюю часть туловища; иногда бывают больше похожи на кучи земли, нежели на живые существа.

Их движения на земле очень беспомощны. Чтобы двигаться вперед, они поступают как тюлени, изгибаются и вытягиваются попеременно, откидываясь то вперед, то назад. Если морской слон очень жирен, то при движении назад туловище его колышется и напоминает наполненный студнем пузырь. Пройдя с трудом небольшое расстояние, он должен отдохнуть; но, несмотря на то, морские слоны взбираются в Калифорнии на дюны в 5—10 метров и достигают даже мест, расположенных на высоте 20 метров над уровнем моря и с очень неровной поверхностью. Об этом тюлене в Южной Георгии фон Штейнен говорит: «Морской слон, поработав вытянутыми передними конечностями, чувствует чрезвычайное утомление; после 3—4 толчков вперед эта студнеобразная, жирная масса отдыхает и затем со стоном тащится дальше, оставляя за собой на песчаной почве широкий и глубокий след. Неудивительно после того, что по всему его туловищу заметно множество ссадин. В воде они плавают почти на поверхности с большой ловкостью, эти чудовища представляют очень даже привлекательное зрелище, когда с высоко поднятой головой высматривают место на берегу». Настойчивость и терпение заменяют этому тюленю недостаток проворства. Выйдя из моря, он с трудом доползает до границы морского прилива, отдыхает здесь, иногда спит, затем вновь пускается в путь и, кажется, никогда не бывает доволен своим местопребыванием. В воде он выглядит совсем другим. Морские слоны плавают и ныряют отлично, делают быстрые обороты, спокойно спят на волнах, отдаваясь на волю течению, гоняются усердно и ловко за добычей, состоящей большей частью из головоногих и рыб. Иногда глотают водоросли и камни. Форстер нашел в желудке морского слона 12 круглых камней, каждый

Южный морской
слон
(*Mirounga leonina*)

Семейство тюленевые

** Морской слон — один из лучших ныряльщиков, погружающийся за добычей на несколько сотен метров.*

*** В гареме северного морского слона до 10—12 самок, у южного их число доходит до 100 (а по некоторым данным, — до 300). Самец, окруженный таким количеством поклонниц, полностью отдается оказанию им внимания и охране гарема, в связи с чем не ест и почти не спит все время гона. Когда же пора любви проходит, заметно похудевший тюлень буквально падает от усталости и несколько суток отсыпается, прежде чем пойти кормиться.*

**** Цифры завышены. Самцы морских слонов могут доживать до 20 лет, но обычная продолжительность жизни не превышает 12 лет.*

величиной в два кулака, и таких тяжелых, что он не мог понять, как стенки желудка могли выдержать такую тяжесть*.

На земле морской слон видит хорошо только вблизи. Слух у него очень плохой; осязание притуплено благодаря толстому слою жира под кожей; обоняние тоже не должно быть очень тонко и остро. Он представляет собой ленивого, тупоумного зверя, который только изредка позволяет кому-нибудь нарушить свой покой. Его называют кротким и обходительным, потому что никто не видел, чтобы он нападал на других животных или на человека. Маленькие виды тюленей и спокойно купающиеся люди могут безопасно проплывать между морскими слонами. Пернетти уверяет, что его матросы садились на них верхом, как на лошадей, и понуждали к скорой езде ударами ножей.

Время течки, которое продолжается от сентября до февраля, придает жизни этим животным. Яростно борются самцы из-за самок, хотя количество последних и больше. Среди своеобразного хрюканья и переливающихся звуков с длинно вздутыми хоботами и с широко разинутыми пастьями кидаются борцы один на другого. Раны, впрочем, скоро заживают, и редко один из воюющих делается жертвой боя. Старые самцы бывают покрыты рубцами, на тысячу едва ли найдется один с неразорванным зубами мехом. Самки, видимо, безучастно смотрят на бой и беспрекословно следуют за победителем в море, где он ласками приобретает полное расположение своего гарема**.

Рождение детенышей происходит через десять месяцев после случки, обыкновенно в июле или августе. В Калифорнии, по словам Скаммона, потомство появляется уже в июне; в Патагонии — в начале ноября. Этих больших созданий, длиной в 1,3—1,5 метра и весом в 40 кг, мать кормит и оберегает около восьми недель. В этот промежуток времени вся семья остается на берегу, не принимая никакой пищи, линяет, причем самка и детеныши линяют раньше самцов. Через 8 дней сосуны увеличиваются в длину уже на один метр и вес их удваивается; через 14 дней прорезываются первые зубы, а через 4 месяца пополняется вся зубная система. Детеныши крепнут и полнеют, а старшие тюлени, питающиеся в это время только собственным жиром, наоборот, худеют. На седьмой или восьмой неделе их жизни детенышей ведут в море. Все стадо медленно удаляется от берега и с каждым днем все дальше и дальше уплывает в море. Там они остаются для новой случки и затем опять пускаются в путь. На третьем году жизни у самцов развивается хобот; с этого времени животное мало увеличивается в длину, но зато растет в ширину. На двадцатом — двадцать пятом году жизни тюлень переходит к старческому возрасту, моряки утверждают, что никогда не ловили морских слонов старше тридцати лет***.

Человек преследует морского слона везде, где только его находит. Прежде эти тюлени были в полной безопасности на пус-

тынных островах; но приблизительно с начала нынешнего столетия, с тех пор как европейские охотники стали их преследовать, количество этих беззащитных животных быстро уменьшается. «В полдень, — пишет Кореаль, — я высадился на берег в сопровождении 40 человек. Мы окружили морских слонов и в полчаса убили 40 штук. Люди Мортимера за восемь дней добыли 1200 морских слонов, но могли убить несколько тысяч, если бы хотели продолжить резню». Все указания относятся к охотам, которые происходили в начале нашего столетия; в настоящее время число этих животных уменьшилось и приходится довольствоваться гораздо более скромной добычей. По словам Скаммона, ловля морского слона на берегах Калифорнии уже два десятилетия тому назад едва ли приносила прибыль. Чтобы рассчитывать на верную добычу, следует отыскивать уединенные острова у южной границы области их распространения и оставаться там месяцы и даже годы. Берега этих необитаемых островов считаются самыми удобными для ловли. Они окружены разбитыми, отчасти спрятанными под водой скалами, которые очень затрудняют высадку на берег, не позволяют даже маленьким судам безопасно стать около них на якорь. Яростный прибой во всякое время года бушует вокруг ледяных, окруженных скалами берегов. Недаром Кук назвал Кергелен «безутешным» островом; но еще более заслуживает это название остров Нерд. На Кергелене есть по крайней мере гавани, в которые могут зайти суда; у острова Нерд, самого прибыльного для охоты, судно, высадившее ловцов, должно быть так оснащено, чтобы в состоянии выдержать самые ужасные бури. Корабль, доставляющий к месту назначения завербованных охотников, обыкновенно снабжается двойным набором снастей и еще сопровождается судном меньшего размера, играющим роль тендера. При прибытии на острова судно укрепляют на тяжелых якорях, снимают все паруса, даже реп прячут в трюме и делают другие необходимые приготовления. Только тогда часть людей выходит на берег, чтобы начать охоту. В жалких лачугах, со стенами из разбитого камня и крышами из растянутых парусов, проводят эти люди недели и месяцы в бурю и дождь, мороз и снег, выжидая прибытия морских слонов, затем бьют их сколько могут, тут же потрошат, нагружают бочки салом и ждут благоприятного дня, чтобы перевезти эти бочки на корабль. В большинстве случаев даже по окончании срока пребывания морских слонов на берегу часть ловцов остается, чтобы продолжать охоту зимой.

На этих отдаленных островах охота еще дает сносный доход, который, впрочем, значительно колеблется из года в год. Так, на двух островах группы Крозе в 1866 году было поймано почти 2000, а через год только 346 морских слонов.

Для охоты за морскими слонами употребляются тяжелые дубины и крепкие, длинные, спереди расширяющиеся наподобие лопатки, острые копыя. Вооруженные кольями и ружьями боль-

Семейство тюленевые

** При описанных темпах истребления только приверженность морских слонов самым негостеприимным берегам и, вероятно, высокая выживаемость потомства позволили сохраниться этим замечательным животным. Эти гиганты составили счастливое исключение: для их спасения потребовалось всего лишь прекратить охоту на них. Другие животные, подвергнутые такому истреблению, еще многие десятилетия балансируют на краю гибели, морские же слоны выкарабкались... пока.*

шого калибра, люди стараются занять место между находящимся на берегу стадом и водой, затем производят как можно больше шума криком, стрельбой и другими звуками, медленно подвигаясь, потрясая ружьями, дубинами и копьями. Стадо, испугавшись необычайного шума, пятится назад. Нередко случается, что какой-нибудь из самцов начинает обороняться. Тогда ему пускают пулю в череп, прикончив тут же на месте. Или всовывают в пасть острое копьё, заставляя опуститься на заднюю часть туловища. Потом двое людей с крепкими дубинами бросаются на него и бьют частыми ударами по голове, пока не оглушат или не отнимут жизнь. Покончив со всеми воинственными самцами, охотники общими усилиями устремляются на стадо. Смерть товарищей внушает такой ужас тюленям, что они, обезумев от страха, лезут, перекатываются друг через друга, шатаются из стороны в сторону, когда невозможно спастись бегством. По уверению Скаммона, в Калифорнии при таких обстоятельствах они бросались друг на друга и буквально душили тех, которым пришлось лежать под ними. После бойни с животных снимают жир. Острым ножом распарывают кожу вдоль верхней части туловища и отворачивают ее, затем срезают слой жира толщиной в 2—18 см. Срезав верхний слой, зверя переворачивают и продолжают делать то же самое. Жир режут на большие куски длиной 40 см и шириной 20 см; в каждом куске делают дыру, через которую их связывают вместе крепкой веревкой. Различные связки жира соединяют, привязывают к крепкому канату и тащат к судну, где их режут на мелкие куски и вываривают в особых котлах, чтобы получить ворвань, ценимую как смазочный материал даже выше ворвани моржей. Черное, жирное, почти несъедобное мясо этих животных имеет мало цены, но сердце матросы едят охотно, а печень очень нравится этим неизбалованным людям, хотя употребление ее в пищу вызывает, говорят, непреодолимую сонливость в продолжение нескольких часов. Солёный язык тюленя является настоящим лакомством.

Свежий жир считается у моряков отличным целебным средством, и, зная, что получаемые тюленями раны скоро заживают, люди стали употреблять его как средство против порезов. Кожа животного с короткими, жесткими волосами — прекрасный материал для обивки сундуков и для сбруи. Она была бы еще прочнее, если бы не многочисленные места с бесчисленными рубцами. Но мясо и кожа едва ли заслуживают внимания по сравнению с ценностью жира. Жир взрослого морского слона может принести порядочный доход: по словам Скаммона, в Калифорнии от одного очень толстого и жирного самца в 5,5 метра длины получилось 210 галлонов (954 литра) ворвани. Морские слоны недолго еще будут населять землю. Они не могут даже скрыться от человека в недоступных частях моря, как киты, поэтому обречены выжидать, пока последний из них не падет жертвой самого страшного и ненасытного хищника на земле — человека*.

ОТРЯД КИТООБРАЗНЫЕ (Cetacea)*

Киты — животные, живущие исключительно в воде, и устройство их тела приспособлено для подобной жизни. Ластоногие проводят по меньшей мере треть своей жизни на земле, они там рождаются и отправляются на сушу, когда хотят погреться на солнце или спать; сирены имеют возможность иногда вылезать на берег, китообразные же проводят всю жизнь в море. Уже огромная величина указывает на место их обитания, так как подобные гиганты могут легко двигаться только в воде, и одно лишь бесконечно богатое море может дать им необходимое пропитание. Киты разделяют, однако, с прочими млекопитающими главнейшие отличительные признаки: кровь у них теплая, дышат они легкими и кормят своих детенышей молоком. Все необразованные люди, точно так как и все народы, стоящие на низшей ступени развития, причисляли и ныне еще причисляют китов к рыбам, и лишь точное исследование устройства их тела и образа жизни указало на то место в системе животного царства, которое они должны занимать.

Тело китообразных массивно и неуклюже, без всякого разделения на части. Часто безобразно большая и в большинстве случаев не вполне симметричная голова постепенно переходит в туловище, которое к задней части тела понемногу суживается и оканчивается хвостовым плавником (плесом). Задних конечностей, которые, за исключением сирен, встречаются у всех млекопитающих, у китов вовсе нет, передние превратились в настоящие плавники. Часто встречающийся жировой плавник, сидящий на спине этих животных, еще более увеличивает их сходство с рыбами. Прочими отличительными признаками китообразных служат: сильно расщепленный рот, не окаймленный губами, в котором мы замечаем или необыкновенно большое количество зубов, или особые нёбные роговые пластинки, а также отсутствие мигательной перепонки на глазах и положение сосков назад тела, около половых органов; тонкая, гладкая на ощупь, жирная и бархатистая кожа, на которой только в виде исключения на некоторых местах встречаются щетинообразные волосы. Кожа эта большей частью темного цвета, и под ней между клеточками нижнего слоя кожи отлагается необыкновенно толстый слой жира.

Отряд КИТООБРАЗНЫЕ

* Китообразные — отряд млекопитающих, в наибольшей степени приспособленных к водному образу жизни. В ходе эволюции китообразные полностью утратили задний пояс конечностей (остался только рудимент таза, не соединенный с позвоночником). Тело приобрело вполне рыбообразную форму, передние конечности превратились в ласты, на хвосте, выполняющем функцию основного движителя, развились боковые лопасти. Зубы утратили структуры, свойственные другим млекопитающим, приобретя одинаковую коническую форму, предназначенную только для удержания добычи, либо исчезли совсем. Почти полностью утратилась шерсть и ее производные, в качестве теплоизолятора развился мощный слой подкожного жира. В качестве основного способа ориентации в пространстве

Отряд Китообразные

развилась эхолокация. Наружные ноздри сместились на верхнюю часть головы. В систематическом отношении китообразные относятся к группе копытных животных. Они происходят от наземных всеядных хищников, бывших предками также и парнокопытных (свиней, оленей, быков и т. д.).

* Имеются в виду ребра, сочлененные с грудиной (настоящие) и не сочлененные (ложные). По происхождению и т. е. и другие одинаковы.

** Китовый ус представляет собой сросшиеся в роговые пластины волосы, растущие на редуцированной верхней губе, подвернутой у беззубых китов внутрь рта.

По внутреннему устройству органов киты также отличаются от прочих млекопитающих. Кости скелета замечательны своим губчатым строением и так проникнуты жидким жиром, что от него едва ли могут быть вполне освобождены, поэтому, как их ни белить, они все-таки сохраняют желтый цвет и жирны на ощупь; зато в костях не встречается внутренней, так называемой мозговой полости. Огромный череп редко находится в соответствии с величиной тела; кости на нем очень странно передвинуты, соединены между собой не швами, а лишь мягкими частями; некоторые из них очень мало развиты, другие необыкновенно увеличены, так что сравнение черепа китообразных с черепом других млекопитающих представляет немало затруднений.

В позвоночнике особенно замечательна шейная часть. Мы встречаем здесь еще обыкновенное число позвонков, но они принимают вид тонких кружков и вследствие малой подвижности иногда так срастаются, что только по отверстиям для выхода нервов можно убедиться, что их действительно семь. Срастаются между собой большей частью передние позвонки, но изредка случается, что срастаются шесть, а иногда и все семь. Кроме шейных позвонков, киты имеют 11—14 спинных, 10—24 поясничных и 22—24 хвостовых позвонка. Так как таза нет и он обозначен лишь двумя малоразвитыми подвздошными костями, то не существует и крестца, состоящего у других млекопитающих из нескольких сросшихся позвонков. Все вообще позвонки отличаются значительной простотой отростков. Число настоящих ребер очень невелико: усатые киты имеют лишь одну пару их, а более шести, кажется, не встречается ни у одного животного этого отряда. Ложных ребер всегда гораздо больше, чем настоящих*. Грудная кость у зубатых китов состоит из многих друг за другом лежащих, иногда срастающихся костей, а у усатых китов представляет собой одну кость, которая иногда продырявлена или имеет на переднем крае глубокую вырезку.

Зубная система китообразных не только отличается от зубной системы всех других млекопитающих, но бывает различна даже у обеих главных групп этого отряда. У всех китов, по исследованиям Каруса, в желобках челюстей под слизистой оболочкой существуют в раннем возрасте зародыши зубов, но они развиваются в настоящие зубы только у зубатых китов и уже не сменяются во время жизни, как у многих млекопитающих. У усатых китов зародыши зубов пропадают, а вместо них развиваются на верхней челюсти и на небе совершенно своеобразные органы. В поперечных складках вырастают роговые пластинки, которые свешиваются далеко вниз; из них наружные, прикрепленные к верхней челюсти, самые длинные, а прикрепленные к небу — самые короткие; это и есть так называемый китовый ус**.

Кроме того, можно еще заметить следующее. Язык имеет значительную величину, слюнных желез не бывает, пищевод ве-

дет в желудок, который разделен на 4—5 и даже 7 отдельных мешков, но эти отделения не соединены непосредственно, как у жвачных, с пищеводом, а расположены в выходной части желудка и соединены между собой несколькими отверстиями, имеющими вид воронок. Желчного пузыря не бывает, а почки имеют несколько лопастей. Семенные железы лежат внутри тела, а матка у китообразных двурога.

Органы дыхания устроены очень своеобразно. Нос совершенно потерял значение органа обоняния и служит исключительно для прохода воздуха. Носовые отверстия (дыхало) находятся на самой выдающейся части черепа, от них идет вертикальный проход в носовую полость, а из нее в верхнюю часть дыхательного горла, которая, по описанию Каруса, имеет вид конуса и далеко выдается вперед в глотке. Дыхательное горло не приспособлено к образованию звуков, но зато может в короткое время принять большое количество воздуха. Само дыхательное горло очень широкое, а легкие имеют значительный объем, и все бронхи соединены между собой так, что легкое может наполняться воздухом через каждую из них. Существуют и другие вспомогательные средства для того, чтобы усилить деятельность легких, например, легочная артерия и легочная вена имеют большие расширения, куда может быть собрано значительное количество очищенной и неочищенной крови.

Мускулы имеют простое строение, величина их соответствует величине животного, и они необыкновенно сильны. Количество нервной массы очень незначительно; у кита массой 5000 кг, имевшего 6 м длины, мозг весил менее 2 кг, то есть не более чем у человека, масса которого редко достигает 100 кг*. Все органы внешних чувств очень слабо развиты: глаза необыкновенно малы, а уши снаружи едва видны, как будто только обозначены. Из этого, однако, не следует заключать, что зрение и слух совсем плохо развиты. Все киты доказывают, что они видят хорошо не только вблизи, но даже издали, а также легко воспринимают посредством слуха различного рода звуки**. Обоняние у них почти всегда очень плохое. О вкусе мы не можем сказать ничего, а осязание, как видно, в известной степени развито.

Можно с уверенностью сказать, что вышеописанное строение тела хорошо приспособлено к водной жизни китов. Горизонтально лежащий хвостовой плавник (плес) очень удобен для того, чтобы подниматься и опускаться в воде, и дает таким образом животным возможность находить добычу на различных глубинах. Гладкость кожи облегчает движение этих огромных существ, толстый слой жира уменьшает их вес, заменяет внешний волосистой покров и правильнее распределяет то сильное давление столба воды, которому подвергается кит, когда он опускается в глубину моря. Огромные легкие дают возможность долго оставаться под водой, а расширения артерий сохраняют значительное коли-

** Размер мозга животного пропорционален поверхности его тела. Поэтому чем животное крупнее, тем меньше относительный размер его мозга. Мозг кита в этом случае оказывается даже больше, чем можно было бы ожидать у такого крупного животного, и соответствует очень высоким интеллектуальным возможностям (примерно на уровне собаки или обезьяны).*

*** Главный же орган чувств китов (о котором Брем еще не мог знать) — сонар, или звуковой лока́тор. Издавая очень высокочастотные звуковые колебания (ультразвук), киты воспринимают их отражение от разного рода предметов, и потому очень точно могут определять не только расстояние до предмета, но и его форму и плотность.*

Отряд китообразные

** Главный резервуар кислорода у кита, помимо огромных легких, это мышцы, в которых содержится очень большое количество удерживающего кислород белка — миоглобина. Однако лишь немногие киты могут нырять на большие глубины и на долгое время. У подавляющего большинства китообразных время пребывания под водой не превышает 3—5 минут, то есть отметки, достижимой при определенной тренировке и человеком.*

чество очищенной крови, которая необходима в тех случаях, когда животное по какой-либо причине долго лишено возможности набрать количество воздуха, необходимое для окисления крови*.

Вследствие всего этого киты могут считаться настоящими обитателями открытого моря. Большинство из них избегает по возможности берегов, так как близость их может повредить китам. Только некоторые дельфины живут в пресной воде, другие заходят в реки, но редко далее чем заметен прилив. Все другие китообразные живут только в соленой воде, но предпринимают более или менее регулярно короткие или дальние странствования по морям.

Все киты двигаются с большой легкостью, мастерски плавают, без заметного напряжения, а некоторые с удивительной быстротой; они выказывают иногда такую необыкновенную силу своего огромного плеса, что, несмотря на страшную тяжесть тела, выскакивают из воды и делают над поверхностью ее большие прыжки. Они держатся чаще всего около поверхности воды и, может быть, спускаются на большую глубину только тогда, когда ранены. Верхний слой воды служит обыкновенным их местопребыванием, так как для дыхания они должны высовывать из воды голову и часть спины. Дыхание их происходит следующим образом. Поднявшийся кит прежде всего с большим шумом выбрасывает воду, которая попала в неплотно закрытые ноздри, и это выбрасывание происходит с такой силой, что вода разделяется на множество мелких брызг, которые достигают 5—6 м вышины. Эти фонтаны удобнее всего сравнить со струей пара, выходящего через узкое отверстие из котла, и сопение животного напоминает шум, производимый этим паром. Фонтаны вовсе не состоят исключительно из воды, хотя многие рисовальщики изображают таким образом китов, и даже натуралисты считают такие фонтаны возможными. Тотчас после выдыхания животное быстро втягивает в себя воздух, производя при этом заметный стонущий звук, оно часто вдыхает воздух, 3, 4 и 5 раз в минуту, но фонтан виден только при первом выдыхании, хотя в холодную погоду и во время других выдыханий заметен выходящий пар.

Ноздри расположены у китов так удобно, что при поднятии на поверхность воды они прежде всего выходят на воздух, так что китам дышать так же удобно, как и другим животным. Спокойно плывущий большой кит часто остается 5—15 минут, иногда и дольше, на самой поверхности воды, причем спокойно и равномерно дышит, пока хорошенько не надышится. После этого обыкновенно он ныряет вглубь, причем задняя часть тела и плес поднимаются над поверхностью воды (кит «кувыркается»), и остается там 10—20 минут, иногда и более. Преследуемые большие киты могут оставаться под водой до 30—50 минут. Один кашалот, раненный острогой, оставался, по наблюдениям Пехуеля-Леше, под водой почти час, а другой даже 80 минут, причем спустился на

глубину 1300 м. Недавно Кюкенталь удостоверился, что раненый деглинг (высоколобый клюворыл), то есть относительно небольшой кит, который вытянул всего 300 м бечевы, оставался под водой 45 минут*. В этих случаях употребляется в дело запас окисленной крови, накопившейся в расширениях артерий. В конце концов животное, однако, должно выказать свою принадлежность к млекопитающим, и кит поднимается на поверхность воды, чтобы не задохнуться. По наблюдениям китоловов, кит, лишенный возможности возобновить воздух в легких, задыхается, как и всякий другой зверь, и даже довольно скоро. Кит, однажды запутавшийся в веревке, которой притянули к кораблю другого только что убитого кита, задохнулся по прошествии нескольких минут. Хотя киты дышат атмосферным воздухом, они очень скоро околеваяют, когда попадают на сушу.

Много раз спорили о том, есть у китов голос или нет. Вопрос этот, как и следует ожидать, по теории должен быть решен в положительном смысле, так как у китов существуют голосовые связки, и нет причин, почему бы они не могли исполнять своего назначения. Кроме того, существуют несколько наблюдений относительно голоса китов. Во время большой опасности, при сильной боли от ран, а также когда они бывают выброшены на берег, киты иногда громко кричат. По удостоверению всех свидетелей, которые об этом повествуют, звуки, испускаемые в этих случаях китами, невозможно сравнить с криком какого-нибудь другого животного. Пехуель-Леше пишет следующее: «Сопение больших китов слышно издали; его можно сравнить с шумом, производимым паром, который потихоньку выпускают из локомотива, но сопение это еще протяжнее и, смотря по виду животного, может быть изображено буквами так: у-у-фф, ур-р-р-ф или блур-р. Иногда слышатся при этом своеобразный стон или дрожащие звуки, как при громком сопении; особенно сильных и страшных звуков я, однако, никогда не слышал, даже у сильно возбужденных, раненых и нападающих китов. От многих опытных людей я, правда, слышал, что некоторые большие усатые киты в раздраженном состоянии издают сильный рев, но другие столь же опытные и не менее достоверные свидетели полагают с большой уверенностью, что и эти киты не имеют голоса; с последними я должен согласиться. Очень может быть, что некоторые наблюдатели приняли за рев особенно громкое выдыхание раненых китов»**.

Все киты питаются животными и, вероятно, только случайно проглатывают вместе с ними и растения; по крайней мере, подлежит более точному исследованию вопрос о том, питается ли действительно, как утверждают, полосатик водорослями, которые часто в большом количестве находят в его желудке, и правда ли, что дельфин проглатывает плоды, упавшие в реку. Добычей им служат большие и маленькие морские животные всевозможных сортов: самые крупные виды питаются самыми мелкими морс-

** В обоих случаях речь идет именно о рекордных ныряльщиках среди китообразных.*

*** Рев и крики раненых китов — это именно крики раненого животного, не несущие никакой информации. По причинам, указанным выше, Брем и его современники не могли знать о голосах китов. Лишь век спустя ученые установили, что киты и дельфины переговариваются на ультразвуке (который человек слышать не может) и обладают чрезвычайно богатой звуковой коммуникацией (некоторые исследователи даже склонны называть звуки китообразных «языком»).*

Отряд китообразные

** Пищей большинства зубатых китов служат рыба или головоногие моллюски. Несколько видов дельфинов, которых можно с полным правом считать хищниками, нападают на других китообразных, но не на представителей своего вида!*

*** Брем описывает «игры» кита-горбача. Однако до сих пор остается невыясненным, зачем горбач проделывает все эти трюки.*

Известно только, что к размножению они прямого отношения не имеют. Вообще же у китов самец не принимает участия в воспитании потомства, а у многих видов самцы и самки держатся разными стадами.

**** Детеныши у китов рождаются всегда хвостом вперед (редкий для млекопитающих случай). Как только детеныш полностью оказывается снару-*

жими животными, и наоборот, самые мелкие киты принадлежат к числу самых ярых хищников. Все зубатые киты могут считаться хищными животными в полном смысле этого слова, и многие из них не щадят даже мелких особей своего собственного вида*; усатые же киты довольствуются маленькими животными: мелкой рыбешкой, раками, моллюсками без раковин, медузами и т.п. Можно себе представить, какую невероятную массу пищи требуют эти морские гиганты: один усатый кит пожирает, вероятно, ежедневно миллионы, даже миллиарды мелких животных.

О времени размножения еще недостает точных сведений. Детеныши, может быть, рождаются во всякое время года, но, вероятно, чаще всего в конце лета. По-видимому, в это время стада разбиваются на пары, которые живут некоторое время вместе. Перед спариванием самец выражает свое возбуждение хлопаньем по воде огромными лапами, производя этим при тихой погоде страшный шум. Очень часто он ложится на спину, иногда становится вертикально, головой вниз, сильно волнуя воду широким плесом; случается даже, что он всем своим гигантским телом подпрыгивает над поверхностью воды, снова ныряет в глубину, опять появляется на поверхности и проделывает разные другие движения, чтобы понравиться самке**. Как долго продолжается беременность, еще неизвестно, предполагают, что самки носят от 6 до 10 месяцев, но доказать это очень трудно. У небольших китов цифры эти близки к истинным, но у больших китов беременность может длиться и 21, и 22 месяца, а может быть, и от 9 до 10. Новорожденный, очень развитый детеныш, имеет $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины тела своей матери.

О самом процессе родов мы не имеем никаких указаний; особенно же мало нам известно о том, как мать научает детеныша сосать и как она ему дает понять, где и каким образом искать необходимую ему пищу. Другие водные млекопитающие рождаются на суше, где они могут свободно дышать; если же они рождаются на воде, как у сирен, то мать прижимает детеныша к груди лапами и, вероятно, держит его во время сосания над водой. Новорожденные же киты должны соответственно своему телосложению тотчас после появления на свет жить так же, как и взрослые, и потому, чтобы на задохнуться, часто высовываться из воды. Из этого уже следует, что для поддержания жизни они должны рождаться очень развитыми; несмотря на это, они требуют заботливого ухода и долгого кормления молоком***. Прежние наблюдатели утверждали, что кормящая самка плывет, продолжая путь, и тащит за собой детеныша, висящего на соске; Скаммон же, напротив, определенно говорит, что самка во время кормления ложится боком на воду, выставляя почти всю заднюю часть тела над поверхностью, словом, принимает положение, при котором детенышу было бы удобно сосать. Положение и форма сосков очень удобны для детеныша; концом морды он схватывает боль-

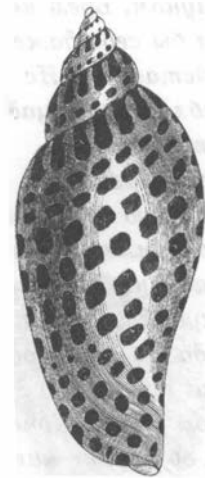
шие и переполненные молоком соски, время от времени показываясь над водой для дыхания. Небольшие виды китов сосут, по видимому, не так долго, как большие, которые, вероятно, требуют около года, чтобы перейти к обыкновенной пище. Во время кормления мать заботится о детеныше с большой нежностью, ради него подвергается всем опасностям, которые угрожают его жизни, и пока жива, никогда не покидает его. Растут молодые киты очень медленно, усатые едва ли сами способны к размножению раньше двадцати лет. Никто не знает, как долго продолжается жизнь кита. Предполагают, что старческий возраст выражается тем, что туловище и голова принимают серый оттенок, а белое брюхо желтеет, жир делается тверже и дает меньше ворвани, а сухожилия окостеневают; никто, однако, не может указать, сколько нужно времени, чтобы произошли все эти перемены.

И у китов есть враги, особенно в первое время их жизни. Многие акулы, а также косатка охотятся за молодыми китами, нападают даже на взрослых и, умертвив их, целыми днями питаются трупом гигантской добычи. Но человек для китов еще опаснее всех морских чудовищ: он уже более тысячи лет охотится за многими видами этого отряда и некоторых успел почти истребить.

Вначале человек, вероятно, довольствовался теми китами, которых море само ему доставляло, то есть такими, которые были выброшены бурями на берег. Только впоследствии он задумал начать борьбу с этими морскими гигантами. Говорят, что баски первыми в XIV и XV столетиях стали снаряжать особые суда для ловли китов. В первое время они довольствовались тем, что отыскивали полосатиков, которые приплывали в Бискайский залив, но уже в 1372 году ездили к северу и там нашли богатую добычу. Около 1450 года бордоские судовладельцы также уже снаряжали корабли, чтобы охотиться за китами в восточной части Ледовитого океана. Междоусобные войны сильно затруднили мореплавание и торговлю басков, а последовавшее в 1633 году нападение испанцев на их страну навсегда прекратило китовую ловлю этого народа; однако большие успехи их возбудили алчность других береговых народов, и уже в XVI столетии английские, а вскоре голландские китоловные суда показались в морях вокруг Гренландии. Рассказывают, что переселившиеся баскские рыбаки научили англичан и голландцев искусству китовой ловли. Город Гуль в первый раз снарядил корабли для китовой ловли в 1598 году; в 1611 году образовалось в Амстердаме общество китоловов, которое направляло свои корабли к Шпицбергену и Новой Земле.

Ловля эта в скором времени стала вестись в большом размере. Уже 60 лет спустя из голландских гаваней в один год вышло 133 китоловных судна, но наибольший разгар китоловного промысла наступил позднее. В 1676—1722 годах голландцы отпра-

жи, другая самка, присутствующая при родах («тетушка»), выталкивает его рылом на поверхность, давая таким образом сделать первый вдох. Позже мать и «тетушка» вдвоем поддерживают малыша, пока он не окрепнет достаточно для самостоятельного плавания.

Отряд китообразные

** Даже охота с ручным гарпуном с баркасов и парусных кораблей подорвала численность многих стад китов вплоть до полного их исчезновения. Так, незадолго до выхода труда Брема прекратил свое существование атлантический серый кит. Однако той бойни, которая развернулась против китов в XX веке, когда в дело были пущены десятки тысяч непотопляемых моторных судов-китобоев и гарпунные пушки, стреляющие разрывным гарпуном, Брем не смог бы себе даже представить. Истреблялись почти все виды китообразных, зачастую без реального коммерческого оправдания даже на текущий момент. Когда в 1970-х годах была подписана рядом стран Конвенция об охране китообразных, некоторые их виды оказались под угрозой исчезновения. Несмотря на*

вили 5886 китоловных кораблей и словили в это время 32 907 китов. Еще в конце прошлого столетия этот прибыльный промысел велся в большом размере. Фридрих Великий в 1768 году приказал снарядить несколько китоловных кораблей, а англичане в это время уже посылали ежегодно 222 корабля. Скоро американцы стали самыми усердными китоловами. По исчислениям, сделанным Скаммоном, с 1835 по 1872 год, то есть в течение 38 лет, 19 943 корабля занимались китовым промыслом и добыли 3 671 772 бочки спермацета и 6 533 014 бочек ворвани. Скаммон вычислил, что для этого ежегодно убивали 3865 кашалотов и 2875 усатых китов. К этим числам следует еще прибавить по одной пятой для раненых и ненайденных китов, так что общая сумма всех истребленных животных в течение 38 лет должна быть исчислена по крайней мере в 292 714 штук.

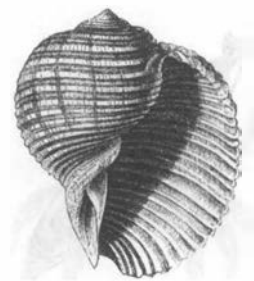
Хотя во время китовой ловли и случаются иногда несчастья, охота на китов не может считаться опасной, если не принимать во внимание опасностей, происходящих от плаванья по полярным морям, переполненным плавучими льдами. Китоловные суда, впрочем, иногда погибают в большом числе. В 1819 году из 63 кораблей погибло 10, в 1821 году из 79 — 11, в 1830 году из 80 кораблей 21 корабль; американцы потеряли на севере Берингова пролива в 1871 году 33 судна, а в 1876 году еще 12 кораблей. К счастью, при таких кораблекрушениях люди редко погибают, так как Полярное море почти всегда спокойно, и экипаж имеет время спастись на другие корабли. Но китовый промысел не только труден и опасен, он представляет всегда рискованное предприятие, так что китоловы его очень метко сравнивают с лотереей. «Насколько китовый промысел зависит от случайностей, — говорит Гартвиг, — можно видеть из следующих официальных данных. В 1718 году 108 голландских кораблей, отправившихся в Гренландское море, словили 1291 кита, ценность которых простиралась до 12 миллионов марок; в следующем же году 137 кораблей добыли лишь 22 кита. Вследствие этой неудачи в последующий затем год снарядили только 117 кораблей, которые добыли 631 кита и таким образом вознаградили отчасти судовладельцев за потери предыдущего года». Что при таком бестолковом и ничем не ограниченном преследовании число китов даже на самых прибыльных местах должно уменьшиться, само собой разумеется. Линдеман в своей книге о полярных рыбных промыслах немецких гаваней приводит ясные доказательства уменьшения прибыли китоловного промысла не только у немцев, но и у всех других морских наций*.

Несколько десятилетий тому назад снаряжали китоловные корабли для продолжительного путешествия, и они гонялись преимущественно за тремя самыми большими видами китов: гренландским китом, кашалотом и большим полосатиком. Ловля кита происходит обыкновенно следующим образом. Когда корабль

прибудет в море, где можно найти китов, он крейсирует туда и сюда, причем на мачте обыкновенно два матроса зорко смотрят во все стороны. Их возглас «Там виден фонтан!» приводит весь экипаж в сильное возбуждение. «По внешнему виду замеченного животного, — говорит Пехуель-Леше, — по его фонтанам, по форме спинного и хвостового плавников опытные люди тотчас узнают, принадлежит ли животное к числу тех китов, ловля которых особенно прибыльна, и вообще стоит ли гоняться за китом. Когда это решено, то по приказанию капитана лодки, которых обыкновенно большое китоловное судно имеет четыре, спускаются на воду. Эти лодки, длиной 7—9 м и шириной около 2 м, легки, но хорошо выстроены, без киля и с обоих концов заострены для того, чтобы одинаково легко двигаться взад и вперед и быстро поворачиваться. На носу, около гарпунщика, приготовлено необходимое оружие, состоящее обыкновенно из 4 гарпунов, многих копий, очень тяжелого ружья, которое заряжается цилиндрическими разрывными пулями, короткой острой лопаты для вырезывания жира, топора и большого ножа. В корме, часть которой прикрыта небольшой палубой, спрятаны компас, ковшик и бочонок, в котором находится запас корабельных сухарей, фонарь, свечи и спички, для того чтобы предохранить их от сырости; другой бочонок с пресной водой лежит обыкновенно посередине лодки.

Важнейшей частью снаряжения лодки следует считать веревку около 350 сажень длины и толщиной в большой палец, которая должна быть приготовлена из самой лучшей пеньки. Веревка эта самым тщательным образом спирально расположена в двух плоских чанах, стоящих ближе к корме между скамьями для гребцов. Перед охотой ее еще раз внимательно осматривают, так как если она при ловле запутается, то может произойти большое несчастье. Лежащие в обоих чанах веревки сплетаются и образуют один длинный трос; в мелких водах берут лишь один чан с веревкой. Веревка идет сначала назад и задевается за большую кнопку из твердого дерева, которая находится на самой корме, на правой стороне от рулевого, оттуда она направляется посередине лодки между гребцами к носу, где проходит через небольшой медный блок. Из левого чана вытаскивают веревку в 5 или 8 сажень и к ней прикрепляют оба гарпуна, которые опытный гарпунщик тотчас по приближении к киту в него бросает; чтобы удобнее схватить их, гарпунщик кладет эти остроги на особый низкий станок с уключинами. Экипаж каждой лодки состоит из 6 человек: рулевого, который сидит на корме и управляет лодкой посредством длинного рулевого весла, могущего одним ударом повернуть ее на четверть круга; гарпунщика, который также снабжен рулевым веслом и помогает направлять судно, пока не готовится к нападению, и, наконец, четырех гребцов. Все эти люди должны быть очень опытные, хорошо приучены к взаимному содействию и точно знать свои места. Они должны работать без

это, несколько стран (в первую очередь СССР, Норвегия и Япония) отказались от подписания Конвенции. СССР вел промысел китов до тех пор, пока он полностью не перестал приносить доходы.

излишней команды, как бы по чутью, и сообща действовать быстро и верно даже во время большой опасности: лодка их должна походить на живое существо. Они смотрят за своей лодкой с очень тщательной заботливостью, и в этом они правы, так как ей поручают свою жизнь в борьбе с волнами и бурями, а также с гигантской добычей, за которой гонятся.

Хороший гарпунщик должен уметь верно кинуть острогу на расстояние 4—5 саженей. В большинстве же случаев киту подплывают гораздо ближе, иногда даже лодка касается его, так что гарпун не бросают, а просто втыкают в его тело. Подобное смелое нападение, конечно, вернее всего ведет к гибели кита, но очень опасно. Как только остроги воткнуты, лодку сильно гонят назад, и это самый опасный момент: никогда нельзя ручаться, что раненый кит случайно или нарочно своим огромным плесом не опрокинет лодку снизу или не ударит по ней сверху. В глубоком море кит большей частью ныряет отвесно вниз, а в мелком быстро плывет вперед на небольшой глубине; в обоих случаях веревка быстро развивается, обходит кнопку на корме и, туго натянутая, проходит между гребцами и со страшной быстротой тянется за плывущим китом; случается, что в одну минуту выходит 100—150 саженей. Тогда нужно быть осторожным. Кто нечаянно схватится за веревку, тот потерян. Лодка быстро движется вперед. Рулевой и гарпунщик меняются местами, так как если гарпунщику предоставлено нанести первый удар киту, то рулевому принадлежит честь его убить. Само собой разумеется, что нельзя и думать об удержании ныряющего кита; кит погрузил бы лодку в воду так же легко, как рыба, попавшаяся на удочку, тянет за собой поплавок. Если животное ныряет слишком глубоко, то поспешно зовут соседнюю лодку и как можно скорее привязывают новую веревку к той, которая уже спущена; если этого не успеют сделать, то киту дозволяют вытянуть конец веревки и свободно с ней плавать. Очень редко удается снова схватить эту спущенную веревку, для чего гребут по тому направлению, куда ушел кит, и стараются захватить плывущий конец.

В большинстве случаев хватает, однако, веревки одной лодки; кит обыкновенно ныряет на глубину 100—200 саженей и там лежит не двигаясь. Если веревка уже более туго не натягивается, то ее соединенными усилиями всех матросов тянут вверх, чтобы побудить добычу подняться на поверхность воды. Если это не нравится капризному киту, то все старания вытащить его на поверхность остаются напрасными, и он спускается еще глубже. Борьба эта, смотря по величине животного, продолжается 10—20 или 30 минут, в редких случаях вдвое дольше, пока наконец кит не почувствует недостатка в воздухе и сам не поднимется наверх. Направление веревки указывает примерно то место, где он выплывет, и там старается подойти к нему другая лодка, чтобы бросить в него вторую острогу. Если это удастся, то добыча может

считаться верной. Вторично раненый кит тогда или сам нападает на преследователей, или быстро плывет по поверхности воды, так как недостаток воздуха не позволяет ему снова нырнуть. Затем начинается бешеная гоньба, причем отпускают лишь небольшое количество веревки, в несколько раз превосходящее длину лодки. Пыхтя и фыркая, несется темное чудовище по волнам, которые с пеной перед ним расступаются и иногда поднимаются вверх белыми брызгами, когда оно неистово ударяет плесом по воде, чтобы избавиться от преследователей. За ним несутся две или три лодки со смелыми ловцами; лодки эти часто исчезают в пене и брызгах, при бешеной езде как бы опускаются вглубь, но бесстрашно несутся вперед среди безграничного океана, не обращая внимания на наступающую ночь. Неподготовленный зритель, наверное, счел бы эти лодки за морское привидение. Наконец усталый кит останавливается и в беспомощной ярости начинает валяться по волнам, махая во все стороны страшным хвостом. Тогда лодки осторожно приближаются, тщательно избегая хвоста животного, и люди стараются убить кита выстрелом из большого ружья или втыкая копьё позади плавников, причем тонкое орудие погружается в тело животного до 2 м. Если он снова ныряет или спасается вплавь, то гоньба повторяется, пока наконец не покончат с ним или не отрежут веревки, если борьба окажется людям не под силу. Если разрывная пуля или копьё достигли легких, то кит через ноздри выдувает кровь или, как выражаются моряки, «выкидывает красный флаг»; в этом случае он умирает довольно скоро, но во время агонии страшно бьется, и лодки в это время осторожно держатся в некотором отдалении.

Такая охота от первого удара острой до смерти кита продолжается 1—2 часа, но время это бывает более или менее продолжительно, смотря по преследуемому животному. В редких случаях кит умирает от ран, нанесенных острогами, и тогда охота продолжается только 15 минут, но может случиться, что она длится несколько часов сряду; она может быть совершенно безопасна для людей, но может оканчиваться очень печально для них; случается, что сам кит нападает на лодки, которые должны от него спасаться; иногда кит разбивает лодки, и люди при этом погибают. При охоте на больших китов, где мне пришлось присутствовать, удалось ранить острой 23 кита. Из этих больших китов было захвачено 14, а 9 спаслись следующим образом: один кашалот при нырянии сразу вытянул 350 саженой веревки и ушел так далеко, что его больше уже не видали; второй разбил приблизившуюся лодку и также исчез; при гоньбе за третьим кашалотом пришлось после долгого преследования отрезать веревку, так как начиналась буря и охоту невозможно было продолжать. Точно так же пришлось обрезать веревку при преследовании трех гренландских китов, потому что они забрались на плавучий лед, куда

Отряд китообразные

** От огромного кашалота шло в дело процентов двадцать — двадцать пять его массы. От кита-полосатика и того меньше, остальное же вываливалось в море. Сто лет спустя (хотя официально считалось, что кит используется целиком: кости — на изготовление клея, мясо — для собачьих консервов и белковой подкормки) в погоне за прибылью от китов брали еще меньше, чем во времена Брема, вываливая в море едва освежеванные туши.*

за ними лодки не могли следовать; четвертый гренландский кит удрал вместе с веревкой, разбив преследовавшую его лодку, и, наконец, два кита освободились тем, что гарпуны выскочили из тела. Во время охоты были совсем разбиты две лодки, а три более или менее повреждены. Два человека были убиты китами ударами хвоста, один гарпунщик был захвачен веревкой и утонул, один из гребцов был также выброшен из лодки веревкой, но выплыл и был спасен.

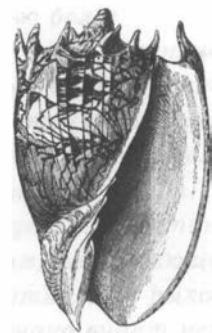
Если корабль не может скоро приблизиться к убитому киту, то труп его лодки тянут на буксире. Привязывают к тонкому месту, около хвоста, крепкую цепь, затем прикрепляют ее к правому борту корабля так, чтобы кит лежал на боку и голова его была направлена к корме. К главной мачте прикрепляют две большие тали, ходовые концы которых прикрепляются к шпилью. К борту корабля приделывается помост, имеющий вид рамы, который горизонтально висит над китом и на котором стоят люди, вырезающие жир острыми лопатами, насаженными на длинные ручки. Другая таль прикрепляется к концу ластанга, который так отрезается, что за ним тянется полоса сала 1,3—1,9 м ширины; подтянув эту полоску сала под марс, накладывают на нее на высоте палубы вторые тали и над ними перерезают полосу, а отрезанную часть спускают на первых таях в жилую палубу, между тем как тали снова приподнимают полосу сала до марса. Поднимание сала — работа очень тяжелая и подвигается очень медленно; сильные тали понемногу отрывают от мяса полосы сала, отрезанные лопатами; это происходит вроде того, как очищают яблоко от кожуры или отвертывают первый лист у сигары. При этом тело кита должно медленно оборачиваться около продольной оси. В самом начале один из матросов спускается на веревках на тело кита и ударами топора отделяет у усатых китов верхнюю челюсть, а у кашалота нижнюю; их притягивают на палубу и отрезают китовый ус у гренландского кита, а у кашалота выламывают зубы, которые часто заменяют слоновую кость. У кашалота разрубает огромную голову на две части, для того чтобы выпустить из нее спермацет. Обработка кита продолжается 4—8 часов, смотря по сорту и величине его, а также по погоде; когда все ценные части вырезаны, то цепь развязывается и бесформенный скелет с мясом спускается на произвол судьбы*.

Под первой палубой огромные полосы жира разрезаются на тонкие продолговатые куски короткими лопатами и затем выбрасываются снова на палубу, где ручной машиной, которая двигает валец с острыми ножами, жир нарезается на мелкие полоски; затем их бросают в большие железные котлы, вделанные в особые печи, находящиеся на палубе. Очаги этих печей для безопасности окружены вместилищами, наполненными водой. Сначала печи эти растапливаются дровами, а потом их топят кусками кожи, оставшимися от растопленного жира; этого горючего мате-

риала хватает для обработки жира всего кита. Полученная ворвань выливается сначала в плоский чан для охлаждения, а затем в бочки. «Одетые в самую плохую одежду, — описывает Пехуель-Леше, — наполовину голые, обмазанные ворванью и сажей, матросы весело справляют свою работу около печей, причем прыгают, танцуют и махают по воздуху своими орудиями. Тогда на корабле господствует оживленная деятельность. Особенно величественно это зрелище ночью, когда палуба освещается кусками китовой кожи, вынутыми из котла и подвешенными довольно высоко в проволочной корзине. Пламя освещает черные клубы дыма, всю палубу, мачты с их парусами и даже небольшую часть моря около корабля. Днем можно издали заметить китоловное судно, занятое вытопкой жира, по черным клубам дыма, которые видны гораздо раньше, чем сам корабль».

Кроме больших кораблей, которые снаряжены для 30—50 месяцев плавания по океану, отправляют также небольшие суда для 5—18 месяцев плавания в известном море; эти последние предназначаются большей частью для ловли небольших китов, особенно полосатиков и дельфинов. Из немецких и шотландских гаваней недавно начали отправлять пароходы в Ледовитый океан на одно лето; они привозят в гавань китовый жир в сыром виде и топят его уже дома. Кроме того, жители тех берегов, около которых в известное время года появляются киты, ставят на возвышенных местах людей, высматривающих приближение животных, и тогда прямо с берега высылаются лодки для ловли кита. Подобная береговая ловля производится уже в течение многих десятков лет очень регулярно и в больших размерах в северной части Норвегии. До 60-х годов полосатиков почти никогда не преследовали, потому что они дают небольшую добычу и очень резвы и опасны своими быстрыми движениями. Уже давно старались изобрести такие огнестрельные орудия, снаряды которых не только ранят, но сразу убивают кита, так как орудия эти дали бы возможность с успехом преследовать всевозможных китов, даже тех, за которыми прежде не гонялись. В 1867 году Кордесу из Бремергхафена удалось устроить небольшое орудие, стрелявшее остройгой; Рейхтен старался ввести это новое орудие у американских китоловов, а Фойн начал в Норвегии с пользой употреблять гарпунную пушку при ловле полосатиков. Предприятие это казалось выгодным, и в 1882 году, когда кончился срок привилегии Фойна, на северном берегу Норвегии образовалось общество, которое не только производит охоту на всевозможные виды китов, но перерабатывает чудовищные остатки, именно мясо и кости, в искусственное удобрение.

Об этом способе ловли Кюкенталь, по устным сообщениям капитана Горна, повествует следующее: «Начиная от Тромсё на север вдоль берегов Финмаркена и России расположено множество китоловных станций, из которых самая восточная находит-

**Отряд
китообразные**

ся на острове Еретик, в устье губы Уры. На каждой станции находится завод для вытопки ворвани и обработки остатков. Около фабрики расположено несколько жилых строений и сараев, а в распоряжении станции состоят один или два небольших парохода, которые служат для китовой ловли. На этих пароходах вместо бушприта находится платформа, на которой стоит гарпунное орудие. Снаряд его состоит из тяжелого чугунного гарпуна, который тянет за собой веревку трехдюймовой толщины; ею в случае удачи притягивают потом кита к кораблю. Гарпун, кроме того, содержит в рукоятке заряд с взрывчатым веществом; если вследствие движения раненого кита веревка туго натянется, то разбивается стеклянный пузырек, находящийся около взрывчатого вещества; жидкость из этого пузырька воспламеняет заряд, отчего происходит взрыв, который чаще всего убивает кита. Если взрыва не произойдет, то раненого кита убивают прежним способом: посредством копья. Труп убитого животного, который большею частью плывет на поверхности моря, привязывается цепью к кораблю и на буксире тащится до завода, где его обрабатывают». По данным Кока, в 1885 году на 23 станциях 36 пароходами было словлено 1398 китов; в 1886 году на 22 станциях 39 пароходами было добыто 954 кита; в 1887 году на 21 станции 32 пароходами — 854 кита и в 1888 году на 21 станции 35 пароходами — 717 китов. «Такая беспощадная ловля, — говорит Кюкенталь, — должна, очевидно, сильно уменьшить число китов, поэтому норвежское правительство издало закон, запрещающий ловлю в продолжение нескольких месяцев в году, и, кроме того, оно позволяет убивать китов только на расстоянии не ближе двух миль от берега. За неисполнение этих правил назначен штраф в 3 тысячи крон; русское правительство издало подобное же постановление». Кюкенталь прибавляет, что в этих водах ловятся четыре вида полосатиков.

Подотряд ЗУБАТЫЕ КИТЫ (Odontoceti)

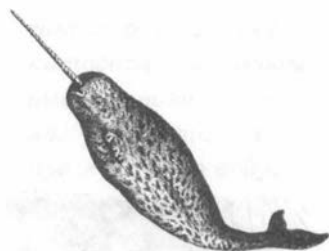
Киты разделяются на две группы, которые с полным правом могут быть названы подотрядами: зубатые киты и усатые киты. У зубатых на обеих челюстях, а иногда только на одной, находятся зубы, которые, раз выросши, уже не заменяются новыми; у некоторых видов, впрочем, зубы эти в молодости выпадают. Признак этот совершенно достаточен для того, чтобы их отличать от усатых китов.

СЕМЕЙСТВО РЕЧНЫЕ ДЕЛЬФИНЫ (Platanistidae)

Уже в 1819 году А. Гумбольдт издал свои наблюдения об одном дельфине, встречающемся в пресных водах Южной Америки, но подробно это животное не описал. Демаре в следующем году получил это животное из Лиссабонского музея и составил его описание, но довольно короткое и неполное. Более подробные сведения обнародовали в 1831 году немецкие натуралисты Спикс и Марциус; однако вполне научное описание было составлено французом Д'Орбиньи. Этому натуралисту, который путешествовал по Перу, скоро после Спикса и Марциуса удалось поймать само животное; еще незнакомый с работами вышеупомянутых немецких натуралистов, он, к своему большому удивлению, узнал, что в пресных водах материка, на расстоянии 500 миль от Атлантического океана, живет большая «рыба», причем он из описания догадался, что дело идет о дельфине. К сожалению, индейцы вовсе не умели владеть гарпуном и потому не могли добыть ему это животное. Наконец на границе с Бразилией, около военного поста Принчипе Добейера, ему словили это животное солдаты, которые занимались этой охотой, таким образом он получил возможность срисовать и подробно описать этого дельфина.

Иния, или **амазонский речной дельфин** (*Inia geoffrensis*)*, служит представителем особого рода. Он отличается узкой, круглой, на конце тупой и покрытой щетинами мордой, которая очень похожа на клюв; в каждой челюсти находится 66 или 68 острых зубов с большими и загнутыми назад коронками. Туловище у него довольно стройное, ласты на конце вырезаны и имеют полулунную форму, хвостовой плавник не разделен на лопасти, а жировой плавник на спине очень низок. Длина туловища колеблется между 2 и 3 м; у животного 2 м длины спинной плавник имеет около 40 см длины и не более 5 см вышины; ласты имеют 41 см длины и 16 см ширины, а хвостовой плавник 47 см ширины. Самка, говорят, бывает вдвое меньше. Верхняя сторона тела у инии окрашена в бледно-голубой цвет, а нижняя — в красноватозеленый цвет; встречаются, однако, изменения в окраске, напри-

Семейство речные дельфины

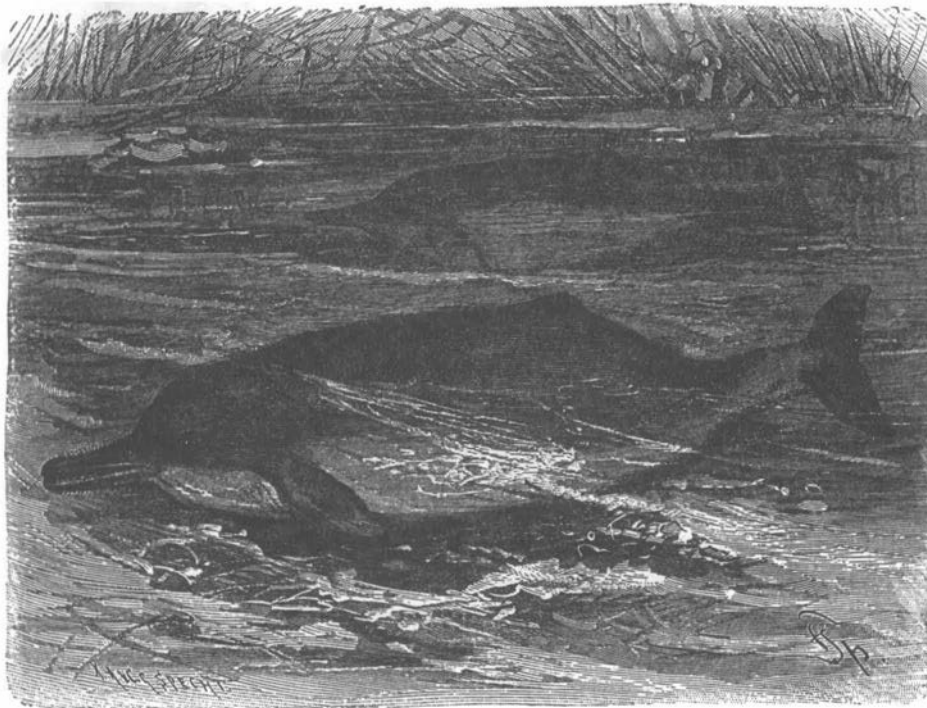

* Иния — сравнительно крупный представитель пресноводных китообразных, достигает иногда 3 метров длины (обычно несколько меньше) и 70 кг веса. Населяет реки бассейна Амазонки и Рио-Негро, а также бассейн реки Ориноко. Это настоящий пресноводный кит, никогда не покидающий рек. Он медлителен и редко плавает со скоростью более 10 км/ч. В мутной воде иния ориентируется с помощью эхолокации и осязания (благодаря коротким щетинкам, покрывающим вытянутое рыло), однако видит неплохо. Питается мелкой рыбой.

Семейство речные дельфины

мер, видели совсем красноватых или совсем черноватых животных. В последнее время старались даже различить несколько видов этих дельфинов.

Насколько до сих пор известно, описываемое животное живет во всех пресных водах Южной Америки между 10 и 17 градусами южной широты. В Амазонской реке и ее притоках, а также в Ориноко оно встречается довольно часто. По своим движениям иния, говорят, сильно отличается от морских дельфинов; она плавает не так быстро и вообще более медленна, для дыхания на поверхность воды она поднимается очень часто и встречается лишь небольшими обществами. Гумбольдт, впрочем, не подтверждает

Иния, или
амазонский
дельфин
(*Inia geoffrensis*)

* Возможно, Гумбольдт видел гвианских соталий, так как инии редко образуют группы более 5—6 особей.

последнего наблюдения, а говорит, что он их встречал в одном месте в большом количестве. «В воздухе совсем стихло, — говорит он, — и на поверхности реки показались довольно большие китообразные животные, похожие на дельфинов наших морей; они плавали многочисленными рядами и играли на поверхности воды*. Крокодилы, по природе своей ленивые и медленные, казалось, боялись этих шумных и подвижных животных; мы видели, что они уходили под воду, когда к ним приближались дельфины. Удивительно, что китообразные встречаются так далеко от океана; их здесь видят во всякое время года, и ничто не заставляет предполагать, что они в известное время поднимаются вверх по рекам, как лососи». Шомбургк наблюдал речных дельфинов, которых он принимал также за иний, в Гвиане. Они появлялись в особенно большом количестве во время тропических дождей и вскоре после них, когда все реки были еще переполнены водой. «Нередко можно было сразу видеть шесть или восемь животных, которые плавали парами; иногда они стремительно плыли около поверхности воды, иногда же правильно поднимались и опускались, причем каждый высывал из воды не только свою острую морду, но и большую часть туловища. Как только голова показывалась над водой, они выпускали проглоченную воду в виде мел-

кого дождя из ноздрей, что придавало большую красоту реке, окруженной тропическими лесами; при этом они издавали довольно громкий шум, несколько похожий на фыркание лошадей»*. От Бэтса мы узнаем, что в Амазонке встречаются по крайней мере три вида дельфинов и что эти китообразные везде довольно многочисленны, а в некоторых местах встречаются даже в удивительно большом количестве. «На широких местах этой реки, — говорит Бэтс, — от устья вверх по течению, на расстоянии 1500 английских миль, беспрестанно слышишь, особенно ночью, как эти дельфины плещутся, дуют и сопят, и эти звуки в значительной степени способствуют тому, что в душе путешественника является такое же чувство одиночества и отчужденности от всего мира, какое бывает, когда путешествуешь по морю». От других наблюдателей мы узнаем, что иния почти всегда держится на поверхности воды и довольно часто высовывает из нее длинную клювовидную морду, проглатывая пойманную добычу над водой. Пища ее состоит главным образом из маленьких рыб, но говорят, что она ест также и некоторые плоды, которые падают в реку со стоящих на берегу деревьев. Инии держатся охотнее всего там, где вода чиста и глубока, а также и около устьев притоков, очевидно, потому, что в этих местах больше всего бывает рыбы**. О времени спаривания и продолжительности беременности еще ничего не известно. Самка, которую наблюдал Д'Орбиньи, за шесть часов до своей смерти родила детеныша, который имел всего один фут длины. Кроме того, известно, что мать точно так же заботится о своем детеныше, как и другие дельфины.

Туземцы инию не преследуют. Мясо ее, говорят, очень твердо, жира мало, а кожа годится разве только для щитов; поэтому охота за нею невыгодна. Однако инию щадят не столько потому, что от нее мало пользы, а скорее вследствие особых воззрений на нее самое и на образ ее жизни. По словам Бэтса, про это животное ходят у туземцев различные таинственные рассказы. В глазах многих прибрежных жителей иния есть злая водяная волшебница, которая иногда появляется в образе прекрасной женщины с длинными вьющимися волосами и привлекает неопытных молодых людей, для того чтобы погубить их. В таком виде она часто появляется даже на улицах города Эг, и многие люди ею увлекались и следовали за ней до берега реки; волшебница тогда с громким победным криком обнимала их и вместе со своей жертвой исчезала в волнах. Никто поэтому не станет нарочно убивать речного дельфина, и, хотя жир его вполне пригоден для горения в лампах, никто не станет пользоваться таким светильником, так как, по общему мнению, вместо того чтобы светить, он производит слепоту или вредит другим образом. Бэтс несколько лет сряду напрасно уговаривал индейцев поймать для него инию и наконец, воспользовавшись большой нуждой одного бедняка, уговорил его заняться этой охотой. Но бедный рыбак потом горько

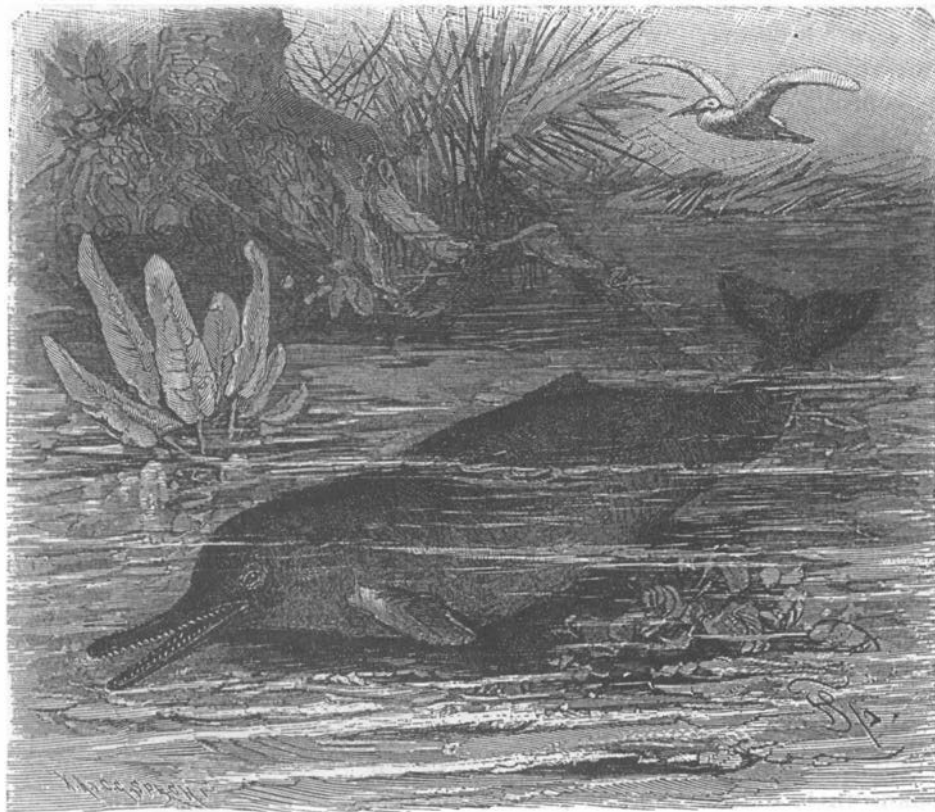
* Следует отметить заблуждение, согласно которому китообразные якобы выбрасывают через ноздри фонтаном проглоченную воду. У китов и дельфинов пищеварительный и дыхательный тракты разделены более, чем у других млекопитающих, и вода изо рта просто не может попасть им в ноздри.

** Кроме рыбы иния ест разных донных рачков и моллюсков, которых выкапывает из ила длинным «клювом» и затем раздавливает на крупных прочных зубах. Плоды она не ест и может проглатывать лишь случайно.

раскаивался в этом поступке и суеверно утверждал, что после этой охоты счастье его совсем оставило.

Под именем *Platanista* Плиний описывает дельфина, который живет в Ганге и, по его словам, достигает 7 м длины. Подобное животное действительно существует, но оно ростом гораздо меньше, чем утверждает знаменитый древний натуралист, именно не более 2 м длины. Дельфин этот отличается от других видов очень стройным туловищем, полулунным и разделенным на две

Гангский дельфин
(*Platanista gangetica*)

лопасти спинным плавником, несколько приподнятой кверху длинной, тонкой, клювовидной мордой, которая на конце почти такой же ширины, как у основания; на верхней челюсти заметен гребень, который окружает длинные, узкие, стоящие рядом ноздри. Дельфин этот называется **су-сук, гаигский дельфин (*Platanista gangetica*)**. На челюстях у него замечаются до 30—32 больших конических и острых зубов, загнутых немного назад; передние из них самые длинные и тон-

кие. Спинной плавник обозначен только небольшой складкой кожи, кожа сверху серовато-черная, а снизу серовато-белая. Жердон уверяет, что довольно часто встречаются животные, испещренные мелкими серыми пятнами, а Андерсон заметил, что самцы меньше ростом, но толще самок и имеют также более короткий клюв.

Это удивительное животное, которое не может, однако, считаться единственным представителем дельфинов, живущих в реках Юго-Восточной Азии, встречается не только в Ганге и ее притоках, но также в Брахмапутре и в Инде. В нижнем течении Ганги его чаще всего видно в холодное время года; предполагают, что в жаркое время он поднимается вверх по реке. Кантор предполагал, что он уходил в море, но это не подтвердилось. Стерндаль полагает, что он всегда живет в пресной воде и что только летом во время дождей его не так легко заметить, потому что

вода делается мутной. Андерсон, который целых 10 дней держал сусука в неволе, говорит, что ему нужно очень мало времени для дыхания; он поднимается на поверхность через каждые 30—45 секунд, но только на одно мгновение. Само собой разумеется, что животное может оставаться и дольше под водой. Пища состоит главным образом из рыб и раков; иногда у него в желудке находят зерна риса и остатки насекомых, но эти вещества, по словам Андерсона, получаются из съеденных дельфином рыб. Предполагают, что беременность продолжается от 8 до 9 месяцев; детеныш бывает один, редко два*; они рождаются от апреля до июня и вначале, говорят, прицепляются мордой к спинному плавнику матери. Мясо его едят в некоторых областях Индии, особенно охотно женщины, так как пища эта, как уверяют там, способствует деторождению. Жидкая ворвань идет на смазку кожи и вообще высоко ценится, так как представляет собою хорошую мазь против боли в конечностях и отекаания их. Мужчины натираются ею, чтобы сделаться сильнее.

СЕМЕЙСТВО ДЕЛЬФИНОВЫЕ (Delphinidae)**

Из многих разнообразных видов этого семейства мы займемся прежде всего страшной косаткой, которая уже с древних времен известна прожорливостью. Наиболее бросающимся в глаза признаком этого вида является очень длинный и узкий спинной плавник, который довольно справедливо сравнивается с косяй или саблей. Туловище довольно толстое, голова короткая, лоб покатый, морда довольно широкая, короткая и тупая и не отделена резко от лобной части. Верхняя челюсть идет горизонтально от глаз, страшная зубная система состоит из немногих, но очень больших и острых зубов.

Косатка (*Orcinus orca*)*** достигает иногда 9 м длины, но чаще бывает меньше ростом, так что средней ее длиной следует считать 5—6 м. Ласты имеют более 60 см длины при 15 см ширины, плес 1,5 м ширины и спинной плавник достигает почти такой же вышины. Голова в сравнении с величиной тела мала, лоб сверху плоский, спереди слабо выпуклый и довольно круто спускается к широкой короткой морде. Пасть лежит довольно низко; маленькие продолговатые глаза сидят тотчас за углом рта и только немного выше его; очень маленькое ушное отверстие находится за глазами, почти в середине между ними и ластами, полулунное дыхало расположено за глазами на верхней части морды; шея незаметна; туловище веретенообразно округлено, спинная его часть мало выпукла, а на животе и на боках выпуклость эта более заметна. Хвост, длина которого равняется почти трети тела, около плавника сильно сжат с боков, а наверху и внизу заострен в виде кия. Ласты, сравнительно с

Семейство дельфиновые

* *Достоверных сведений о рождении у сусука двоен нет, и это вряд ли происходит.*

** *Характерными чертами семейства являются конические зубы и хвостовой плавник с заметной вырезкой посередине.*

*** *Косатка — крупнейший представитель семейства. Распространена почти всесветно от Арктики до Антарктики, избегая только замерзающих приполярных морей. Основная пища — рыба. Однако этот зверь нередко охотится на разнообразных морских млекопитающих (тюленей, моржей, дельфинов), а в Антарктике схватывает и пингинов. Иногда стая косаток атакует кита-полосатика и изматывает укусами, пока гигант не погибнет.*

Семейство дельфиновые

длиной тела, коротки и широки, они расположены довольно низко на первой четверти длины тела, у основания сужены и на конце округлены. Спинной плавник очень высок, имеет форму косы, кончик которой часто наклонен в сторону, и расположен за первой третью длины тела. Большой хвостовой плавник разделен на две лопасти, посередине глубоко вырезан и оканчивается острыми костями. Кожа совершенно гладкая и блестящая, а окраска ее довольно изменчива. Большая часть верхней стороны более или менее густого черного цвета, нижняя, за исключением кончиков морды и хвоста, почти чистого белого цвета; оба цвета довольно резко разграничены, но у различных видов распространение их неодинаково. За глазами замечается обыкновенно продолговатое белое пятно. За спинным плавником находится полулунное грязно-голубоватое или пурпуровое пятно, имеющее, если посмотреть сверху, форму полумесяца, с кончиками, обращенными вперед; пятно это, однако, иногда вовсе незаметно. Иногда встречаются экземпляры, окрашенные гораздо светлее, светло-бурые и даже желтовато-белые.

Косатки, по-видимому, в прежние времена были более распространены, чем теперь. Римские писатели говорят об их присутствии в Средиземном море. Плиний рассказывает, что в царствование Тиберия на берега Италии были выкинуты морем около 300 штук китов, «похожих на слонов и баранов, у которых белые пятна были похожи на рога». Элиен к этому прибавляет, что кит, похожий на барана, имеет на лбу белую перевязь, которая формой похожа на диадему македонского царя. Подобные киты, по его словам, часто встречаются около Корсики и Сардинии.

В новейшее время о присутствии косатки в Средиземном море ничего не слышно. Она водится в северных частях Атлантического и Тихого океанов, а также в Ледовитом, однако заходит довольно регулярно к берегам Англии, Франции и Германии. В противоположность другим китам косатка появляется в более южных морях не в зимние, а в летние месяцы, именно в мае, и исчезая поздно осенью. По словам Тилезиуса, в северных морях косатки встречаются стаями, правильно расположенными в ряды, точно отряд солдат; каждый ряд состоит из пяти животных, которые плывут вместе, причем головы и хвосты опущены в воду, а спинные плавники, как сабли, торчат над поверхностью. Стаи эти плывут очень быстро и зорко осматривают море для отыскания добычи; Пехуель-Леше утверждает, что стаи состоят не менее чем из 4 и не более чем из 10 штук. Нигде косатки не встречаются в очень большом числе, но попадают и в открытом океане, и около берегов; они заходят иногда в большие заливы и даже в устья рек. Если их видишь плавающими при сильном волнении моря, то издали кажется, что им очень трудно удержать в равновесии длинный спинной плавник, так как величина его как бы вовсе не соответствует их стройному телосложению; но впечатление это

оказывается неверным при ближайшем рассмотрении. «Когда видишь, — говорит Пехуель-Леше, — как эти разбойники своеобразно плывут по волнуемому морю, и, грациозно двигаясь по воде, то высоко приподнимаются на волны, то низко между ними опускаются, невольно вспомнишь красивый полет ласточек по воздуху, причем сравнение это еще более подтверждается одинаковым расположением цветов у обоих животных: спина черная, брюшко белое. Во всяком случае, между всеми китами косаткам за красоту следует отдать пальму первенства. Они обыкновенно очень долго остаются под водой, а затем около пяти минут пребывают на поверхности и выпускают от 3 до 10 раз непродолжительные, низкие и тонкие фонтаны. Однако верхняя часть туловища и голова не остаются все время высунутыми из воды, а после каждого выдыхания они округленно изгибаются, ныряют, оставаясь, однако, очень близко от поверхности воды, снова на мгновение появляются, чтобы вдохнуть, и продолжают двигаться так до тех пор, пока надышатся, и тогда, наклонно спускаясь, уходят в глубину».

Косатки охотятся не только за маленькими рыбами, но нападают также и на морских гигантов, так как они не только самые большие, но и самые хищные и прожорливые из всех дельфинов. Уже Плиний говорит о них: «Этот кит неистовствует, как разбойник; иногда он прячется в тени больших кораблей, которые стоят на якоре, и караулит тех людей, которым придет охота купаться, иногда же он высовывает голову из воды и смотрит, нет ли где рыбачьих челноков; увидев, он к ним подплывает и опрокидывает их»*. Последующие наблюдатели только дополняют описание древних. Ронделе замечает, что косатка преследует гренландского кита и кусает его до тех пор, пока он не закричит, как разъяренный бык. «Поэтому рыбаки, которые направляются к Новому Свету, просят тамошних варваров никоим образом не беспокоить косаток, так как с их помощью рыбакам легче осилить китов, тюленей и других морских животных, так как косатки заставляют этих животных из глубины моря приближаться к берегу, где рыболовам легче их убивать стрелами и копьями». По словам Андерсона, этих дельфинов в Новой Англии называют «убийцы китов». Понтопидан описывает косатку: «Десяток или более этих животных впиваются зубами в бока большого кита, висят на нем иногда более часа и не раньше отстают от него, как оторвавши от него кусок жира длиной в локоть. Во время их нападения кит жалобно ревет и подпрыгивает иногда на целую сажень над водой, причем видно, что и в живот его впились неутомимые хищники. Случается, что косатки так обгрызают свою жертву, что она почти совсем лишается кожи и жира. Рыбаки находят тогда плавающими в море большие куски сала, так как косатки его не едят, а находят лишь удовольствие в мучениях кита»**.

* Несмотря на разбойные нападения на тюленей и китов, косатка ни разу не была достоверно замечена в нападениях на человека. Напротив, гигантский дельфин очень неплохо приручается.

** Как и любые хищники, косатки охотятся не ради удовольствия, а ради еды и добывают столько, сколько им необходимо. В случае обилия рыбы они питаются ею и китообразных не трогают. По некоторым сведениям, китовые в ряде мест охотились на китов с помощью диких косаток, которые вскоре осознали, что от подобной совместной охоты выгода есть и им, и охотно принимали в ней участие.

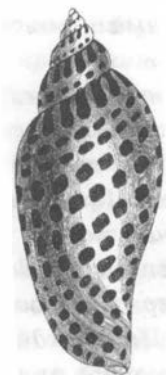

«Животное это, — подтверждает добросовестный натуралист Стеллер, — отъявленный враг гренландского кита и постоянно за ним гоняется. Если кит скрывается в заливе около берега, то косатки подкарауливают его, собираются в большом количестве и, окружив со всех сторон, точно пленного, ведут в открытое море, причем слышно страшное пыхтение и стон; там они ныряют под кита и кусают его своими страшными зубами. Выброшенные на берег мертвые киты совершенно истерзаны косатками, но от них ничего не съедено, что доказывает прирожденную вражду косаток с китами». Из описания Стеллера видно, что прежде считали спинной плавник за главное оружие косатки при нападении. «Мнение это, — продолжает Стеллер, — однако, совершенно ложно, потому что этот плавник, хотя и бывает в 2 локтя вышины и оканчивается тонким острием, так что издали в море кажется острым рогом или костью, однако на самом деле совсем мягок, состоит из одного жира и не заключает в себе никакой кости, которая могла бы кого-нибудь поранить». Стеллер подтверждает вышеупомянутое указание Плиния. «Все те, — говорит он, — которые в море ловят рыбу, чрезвычайно боятся этого животного, так как оно часто опрокидывает лодки, если к нему приблизиться или ранить его стрелой. Поэтому при встрече его задабривают подачками и заговаривают особыми заклинаниями, чтобы оно не делало вреда рыбакам и относилось к ним дружелюбно».

Ни один из вышеупомянутых рассказов не заключает в себе, по-видимому, чего-либо сказочного или слишком преувеличенного; каждый из наблюдателей говорит правду, однако ни один из них не высказывает ее во всей полноте. Во всяком случае, косатка вполне заслуживает краткой характеристики, высказанной о ней Линнеем: «Это тиран и мучитель китов и тюленей». Она не только равняется, но даже превосходит кровожадностью всех акул и других морских хищников. Где бы она ни показалась, становится страшилищем всех существ, за которыми охотятся, и все животные удаляются, если только могут, из тех вод, где она появляется. Прожорливость часто заставляет косатку приближаться к берегу, причем особенно часто она появляется в устьях рек, кишущих рыбами, но при преследовании крупной добычи часто уходит в открытое море и остается там по целым дням и даже по целым неделям. По замечаниям Брауна, там, где встречаются гренландские киты, белухи и тюлени, всегда можно найти и косатку. Белухи и тюлени, увидев своего страшного врага, в смертельном страхе бросаются к берегу, причем белуха часто погибает, так как легче делается добычей косатки, да и тюлени редко от нее спасаются. Все китоловы сильно досаждают при виде этого кита, потому что его присутствие служит верным признаком того, что гренландского кита в этих водах не встретишь; чтобы спастись от их преследования, большой кит часто прячется в узкие места между льдинами. «В 1827 году, — рассказывает

Гольбель, — я был свидетелем кровавой битвы, где главными дейателями оказались эти хищники. Большое стадо белух было загнано в небольшой залив по соседству с Божьей гаванью в Гренландии кровожадными врагами своими, которые так окружили стадо, что ни одна из белух не могла найти выхода в открытое море. Здесь косатки буквально рвали несчастных белух на куски. Они умертвили гораздо больше этих животных, чем могли съесть, так что гренландцы, которые сами воспользовались этим случаем, чтобы напасть на белух, кроме своей добычи еще собрали много животных, умерщвленных косатками». Эшрихт вынул из желудка косатки, имеющей 5 м длины, остатки 13 морских свиней и 14 тюленей; в глотке ее застрял пятнадцатый тюлень, который задушил хищника. Скаммон также нашел у убитой косатки желудок, переполненный молодыми тюленями, и заметил, что даже большие сивучи избегают встречи с нею, и в случае присутствия косаток в воде ластоногие эти благоразумно остаются на берегу. С такой же яростью нападает косатка и на гренландского кита. «В море часто плавают куски китового уса, — пишет Браун, — которые, по всей вероятности, оторваны у китов косатками; это, должно быть, и подало повод к рассказу, что эти хищные дельфины особенно любят язык большого кита и потому прежде всего набрасываются на его пасть». Верно ли последнее предположение, остается еще открытым вопросом, но повествование о нападениях косатки на гренландского кита, кажется, вполне достоверно. Три или четыре этих чудовища, не задумываясь, нападают на самого крупного беззубого кита, и сей последний так запуган их появлением, что как бы лишается силы и почти не старается защищаться от них.

«Нападение этих морских волков на морского кита, — говорит Скаммон, — очень напоминают оленя, затравленного стаей собак. Некоторые косатки повисают на голове кита, другие впиваются ему в брюхо, третьи хватают его за губы или даже рвут ему язык, когда он открывает свою огромную пасть. Весной 1858 года я был свидетелем такого нападения трех косаток на самку полосатика с детенышем. Детеныш ростом был уже в три раза больше косатки и целый час бился с тремя своими врагами. Жестокие звери бросались поочередно то на самку, то на детеныша и наконец умертвили последнего, который пошел ко дну на глубине около 5 саженей. Самка во время битвы тоже в значительной степени обессилела, так как у нее оказались глубокие раны на груди и на губах. Как только детеныш был убит, то косатки ныряли ко дну, отрывали от его тела большие куски мяса и появлялись снова на поверхности воды, чтобы их там пожрать; пока они таким образом насыщались, испуганная мать успела спастись, но при плавании оставляла за собой длинный кровавый след». По показаниям вышеупомянутого опытного моряка, часто случалось, что косатки собирались около кита, раненного острогой, и, несмотр-

Семейство дельфиновые

** Современные видеосъемки подтверждают справедливость этих описаний. Удивительное дело: огромный дельфин, устраивающий в морях кровавые битвы, позволяет ветеринару сверлить и пломбировать ему зубы или разрешает ручной канарейке сидеть на кончике своего языка.*

*** Не исключено, что поводом для многих рассказов послужили киты, умершие своей смертью и уже после этого объеденные косатками. Гурманы-косатки, если пища вдоволь и ее не трудно добыть, действительно не едят сало, а выедают мясистый и нежирный язык.*

**** Продолжительность беременности у косаток составляет около 16 месяцев. Основная масса детенышей рождается в первой половине лета. Новорожденная косатка имеет в длину 2,1—2,7 м.*

ря на старания китоловов, утаскивали обессилевшего кита под воду. После столь многих и согласных между собой показаний едва ли можно сомневаться в справедливости этих рассказов*. Однако следует принять во внимание и мнение Пехуель-Леше, который замечает, что ненависть всех моряков к косаткам бывает причиной многих преувеличений в рассказах. Впрочем, экипаж того корабля, на котором ездил Пехуель-Леше, видел раз мертвого гренландского кита, у которого были отъедены левая губа и большая часть языка; других ран на теле замечено не было. «Несколько дней сряду перед этим мы встречали много косаток и потому имеем полное право предполагать, что раны нанесены ими**». По всей вероятности, эти страшные животные не щадят никаких других китов, за исключением кашалота. Для чаек и других хищных морских птиц косатки являются желанными помощниками, так как при битвах их с другими животными всегда кое-что остается и на долю птиц. По наблюдениям Скаммона, чайки очень хорошо умеют отличать косаток от других дельфинов и, летя по воздуху, по возможности следуют за ними иногда на очень большие расстояния в надежде поживиться чем-нибудь от их добычи.

О размножении этих хищных дельфинов у нас пока нет никаких сведений; неизвестно даже, когда у них рождаются детеныши***. Хотя, по замечанию Стеллера, у косаток почти вовсе нет мяса, а все тело наполнено жидким жиром, за ними нигде правильно не охотятся. Это объясняется, по мнению Скаммона, во-первых, тем, что за этим животным очень трудно гоняться вследствие его быстрых и неправильных движений, а во-вторых, незначительностью выгоды от этой добычи, так как все-таки ворвани от него добывается мало. Иногда косаток, однако, убивают, если они заходят в реки: известны три примера, когда косаток ловили в Темзе. Бэнкс, который был свидетелем одной из таких охот, рассказывает, что косатка, раненная тремя гарпунами, еще имела настолько силы, что два раза протащила лодку от Блэкуэля до Гринича и один раз даже до Дептфорда. Уже сильно раненная, косатка эта плыла по реке против течения со скоростью 8 морских миль в час и долго сохраняла свои силы, хотя получала новую рану всякий раз, как появлялась на поверхности воды. О другой косатке, которая была выброшена на берег, рассказывают, что рыбакам стоило большого труда убить ее длинными ножами и баграми. Перед смертью она выражала свои страдания громким хрипом и стоном. Подробное описание этого животного было сделано только в 1841 году. Около голландской деревни Вик-оп-Зе была выброшена на берег косатка — самка, имевшая 5 м длины, и один местный хороший натуралист имел возможность ее подробно наблюдать. Когда он увидел эту косатку в первый раз, то она еще сохраняла свою своеобразную окраску. Черный цвет верхней части тела был настолько глянцевым, что отражал все

цвета радуги, а белый цвет живота по чистоте и блеску походил на самый лучший фарфор. Но уже через несколько дней кожа совершенно потеряла свою естественную окраску и понемногу стала отставать от тела, и через неделю животное было совершенно обезображено наступившим гниением. Тогда только его стали продавать с аукциона; нашлось много желающих участвовать в торге, и один рыбак получил труп за 140 гульденов. Бедный человек, однако, оказался в сильном начете, так как получил только 40 гульденов за добытую ворвань и почти столько же за скелет, который ныне служит украшением богатого Лейденского музея.

Косатка — настолько заметный и замечательный дельфин, что все народы, имевшие возможность наблюдать ее, дали ей особые прозвища, которые в большинстве случаев обозначают понятия убийцы и разбойника. Американцы называют ее *Killer*, англичане — *Thrasher*, норвежцы — *Speckhugger*, *Hvalhund* и *Springer*, шведы — *Oraqa*, датчане — *Ornswin*, португальцы и испанцы — *Orsa*; русские же, напротив того, сравнивают этого дельфина с ласточкой и потому и дали название «косатка».

Самым обыкновенным дельфином европейских морей следует считать морскую свинью, отличительные признаки которой состоят в следующем: туловище короткое, толстое и веретенообразное, лоб отлогий; широкий у основания и треугольный спинной плавник довольно низок и находится почти на середине спины. Зубная система состоит из многочисленных прямых, сжатых с боков и острых зубов, коронка которых на конце несколько расширяется.

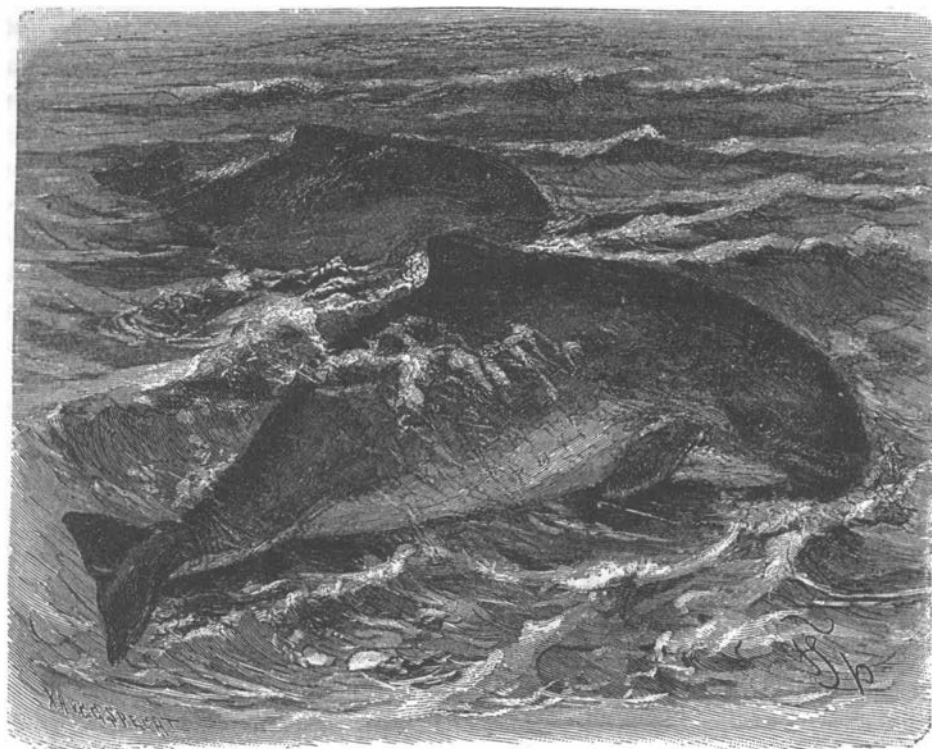
Обыкновенная морская свинья (*Phocoena phocoena*)*. Дельфин этот достигает 1,5—2 м длины, в редких случаях даже 3 м и веса не более 500 кг. Голова у него небольшая, морда широкая, короткая и округленная, глаза расположены позади угла челюсти и имеют продолговатую форму; радужная оболочка его желтовато-бурого цвета и имеет вид треугольника, обращенного вершиной вниз; уши расположены недалеко за глазами и имеют очень небольшие отверстия; дыхалы имеют широкий полулунный вид и расположены на верхушке головы между глазами. Туловище, спереди округленное, а в задней части несколько сжато с боков и с острым краем наверху, а внизу немного сплющено. Хвост занимает почти треть длины тела, несколько сжат с боков, сверху имеет довольно острый, а снизу довольно округленный вид; плавник его имеет сзади вырезку в виде тупого угла и разделен на две лопасти. Ласты прикреплены в конце первой четверти длины тела, расположены довольно низко и имеют удлиненную яйцевидную форму; они заметно сужены у основания, а на конце заострены. Спинной плавник спереди и наверху несколько закруглен, а сзади слабо вогнут. Совершенно голая кожа мягкая, гладкая и блестящая, сверху темно-бурого или черного цвета с зеленоватым или фиолетовым отливом, снизу белого цвета, причем это белое пятно

* Обыкновенная морская свинья, называемая в России азовкой, и еще пять близких видов в настоящее время выведены большинством ученых из состава дельфиновых и представляют особое семейство морских свиней. Их всех отличает широкое вальковатое туловище и округло-притупленная морда, уплощенные в форме лопаточки зубы и ряды мелких роговых бугорков на спине, которые считаются остатками рогового панциря, бывшего у предков китов. Морская свинья распространена в морях всего Северного полушария, предпочитая прибрежные воды и внутренние моря, иногда заходит далеко в крупные реки (в России, например, в Кубань и Дон). Питается рыбой, преимущественно донными видами.

**Семейство
дельфиновые**

начинается узким острием около нижней челюсти; затем сильно расширяется и оканчивается у начала хвостового плавника. Ласты окрашены в более или менее темно-бурый цвет. Зубная система состоит из 20—25 зубов на каждой половине челюсти, так что в общем их бывает от 80 до 100.

Морских свиней можно видеть при всякой поездке через Северное море; они попадаются в большом числе около устьев западноевропейских рек, в которые они очень часто заходят довольно далеко во внутренность страны; они много раз попада-

лись в Рейне и Эльбе, и их убивали около Парижа и Лондона. По словам Коллингвуда, ее каждый год видят в Темзе около Гринича и Дептфорда и точно так же в нижнем течении Эльбы в окрестностях Гамбурга. При случае она очень далеко заходит в широкие реки и по целым месяцам живет в пресной воде, если только водяное пространство довольно просторно. По достоверным сведениям, ее встречали в Эль-

*Обыкновенная
морская свинья
(Phocoena phocoena)*

бе выше Магдебурга и по целым неделям наблюдали в нижнем течении Рейна. В реке Варегам в Дорзетшире, по словам Беля, однажды зимой видали двух морских свиней, а другой раз — трех.

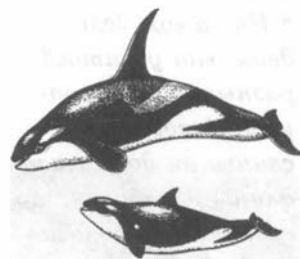
Родиной морской свиньи следует считать весь север Атлантического океана, от Гренландии до севера Африки, включая сюда и Балтийское море. По-видимому, и этот дельфин летом направляется к северу, а зимой к югу. Весной морская свинья следует за стаями сельдей и нападает на них с такой жадностью, что часто бывает очень неприятна рыбакам. Прожорство этого животного вошло даже в пословицу; оно переваривает пищу очень быстро и требует ее в чрезвычайно большом количестве. Рыбаки ненавидят ее, потому что она мешает при рыбной ловле и иногда приносит действительный вред. Без труда разрывает тонкие сети, которыми ловят сельдей, и пожирает всю рыбу, находящуюся в них.

Более толстые сети часто бывают опасны и для нее самой, так как она в них запутывается и задыхается.

Как видно из только что сказанного, морскую свинью следует причислить к тем немногим китам, которые решительно предпочитают близость берегов открытому морю. Она больше всего любит охотиться в больших и малых проливах, заливах и фиордах и держится, как правильно замечает Скаммон, охотнее всего в тех частях моря, где мутная речная вода смешивается с морской; в подобные места морская свинья беспрестанно вновь возвращается. Она любит общество, как и все дельфины, но в очень большие стаи собирается редко; чаще всего ее можно встретить небольшими стадами от 2—8 штук. Плавает морская свинья прекрасно, рассекает волны с большой силой и удивительной быстротой и может делать прыжки над поверхностью воды, однако в этом отношении не так подвижна, как другие дельфины; по крайней мере она не так часто, как ее родичи, играет около поверхности воды, что очень любят другие дельфины. Она имеет обыкновение плыть более или менее близко от поверхности воды, на минуту высовываться, чтобы подышать, а затем нырять снова в глубину, опускаясь головой почти вертикально вниз. При этом она так сильно горбит свою спину, что принимает почти шарообразную форму, и если она несколько раз сряду появляется над водой, то кажется, будто она кувыркается. Уже древние заметили, что морская свинья особенно сильно играет на воде перед бурей или во время нее: она тогда валяется, по-видимому, с особенным удовольствием по высоко поднимающимся волнам, кувыркается и делается очень игривой. Она не боится даже тех мест, где бывает сильный прибой волн к скалам, напротив того, особенно любит посещать эти места и очень хорошо умеет предохранить себя от опасности быть выброшенной на берег, что часто случается с другими видами китов. Пока не было пароходов, морских свиней было гораздо легче наблюдать, чем теперь. Она следует и за пароходами, но не приближается к ним так близко и безбоязненно, как к бесшумно двигающимся парусным судам. Обыкновенные купеческие корабли морские свиньи сопровождают постоянно, пока они на значительное расстояние не удалятся от берега. Ночью морские свиньи часто собираются большими обществами около кораблей, стоящих на рейде или в гавани, и совершенно безбоязненно играют вблизи этих судов.

Морские свиньи спариваются летом, от июня до августа включительно. В это время они сильно возбуждены, с быстротой стрелы носятся по волнам, яростно преследуют друг друга и отыскивают самок. Тогда они пренебрегают всякими опасностями, бросаются, как безумные, на мелкие берега, стучаются головой о корабли и часто погибают тем или другим способом. После беременности, продолжающейся 9 или 10 месяцев, самки рожают одного или двух детенышей, которые очень малы: имеют лишь

Семейство дельфиновые

** На самом деле детеныш у китообразных очень крупный. У морской свиньи он достигает длины 63—86 см, то есть почти половины длины матери.*

*** Морские свиньи не едят водорослей, но в мутной воде устьев рек могут их случайно проглатывать.*

50 см длины и 5 кг веса*. Мать относится к детенышам так же заботливо, как и другие киты, водит их повсюду с собой, защищает от опасностей и кормит молоком целый год, так как только через 12 месяцев молодые морские свиньи достигают возмужалости. Обильное молоко самок имеет соленый вкус и сильно пахнет морской рыбой. Кроме селедков, которые в известное время года составляют почти исключительную пищу морских свиней, они поедают также макрелей, лососей, разных других рыб, а также водоросли; по крайней мере последние очень часто находятся в желудке этих китов**. По-видимому, они не едят мертвых животных и кусков мяса; Пехуель-Леше несколько раз пробовал их кормить кусками мяса с корабля, но они никогда не хватали этих кусков.

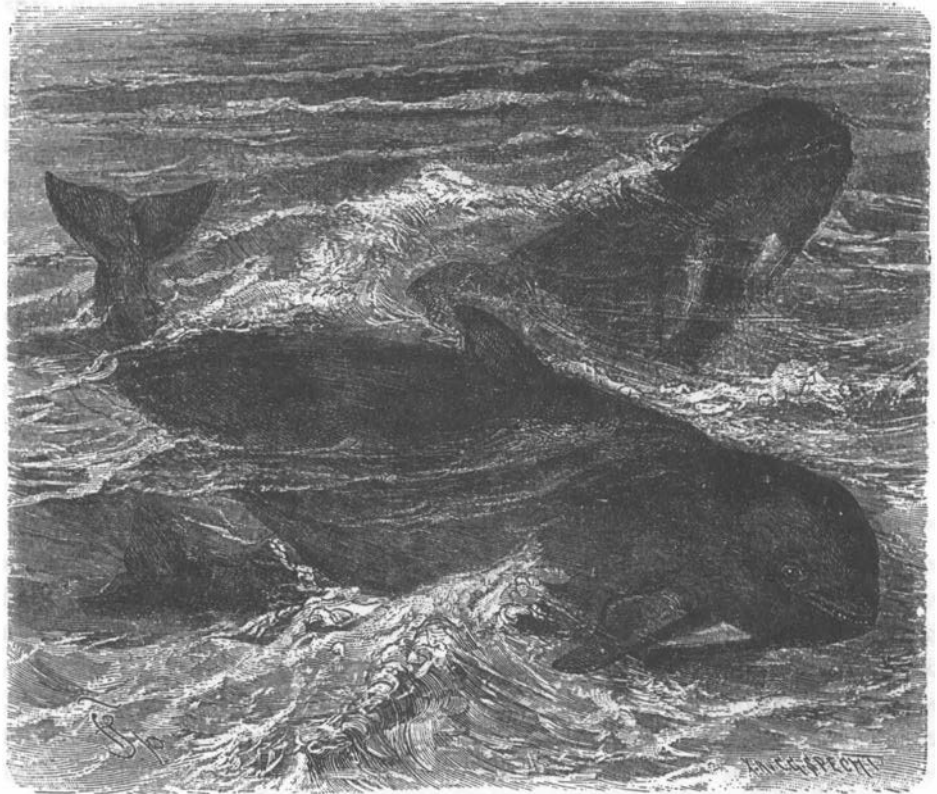
По причине своего хищничества морская свинья везде считается врагом человека, и ее усердно преследуют, тем более что мясо и жир ее имеют некоторую ценность. В тех местах, где в известное время года появляются стаи сельдей, в море опускают толстые сети с большими петлями, сквозь которые сельди свободно могут проскользнуть, но которые задерживают морских свиней. В Исландии рыбаки ставят свои сети в начале спаривания, во время которого морская свинья не замечает ничего окружающего, так что приморские жители утверждают, что она делается слепой. Кое-где стреляют в них из ружей, но больше для того, чтобы показать свое искусство в стрельбе, чем ради выгоды подобного рода охоты. В прежние времена мясо их очень ценилось. Уже древние римляне умели делать из него вкусные колбасы; в позднейшее время повара так хорошо его приготавливали, например, в Англии, что мясо это появлялось на столе самого короля и знатных вельмож. Ныне его едят только бедные жители морских берегов и моряки, когда у них чувствуется недостаток в другом мясе; все, однако, пренебрегают им, если есть только возможность найти что-нибудь вкуснее. Мясо старых животных при варке делается очень черным, жестким и мочалистым, а также сохраняет вкус ворвани, поэтому оно трудно переваривается; мясо молодых животных, напротив того, говорят, довольно мягко и вкусно. В соленом и копченом виде оно кое-где употребляется в пищу неприхотливыми жителями севера. Ворвань, получаемая от морской свиньи, имеет, говорят, хороший вкус и очень ценится; гренландцы в ней жарят свои кушанья и пьют ее с удовольствием в чистом виде. Кожу, наконец, дубят, и она употребляется на разные изделия.

Северные окраины материков представляют собой негостеприимные и бедные страны. Люди там не могут получить достаточного пропитания от земли. Земледелия почти не существует, и хлеб приходится привозить из далеких, более богатых южных стран. Однако природа не так жестокосердна к северным жителям, как можно было бы подумать. То, чего недостает на земле,

доставляет им море; оно представляет известным образом ниву северных жителей; оно заменяет сокровищницы и амбары, одним словом, доставляет им главное пропитание. Ни в какой другой части земного шара человек так исключительно не связан с морем, как на далеком севере; нигде не появляется такая страшная нужда, когда море по каким-либо причинам делается недоступным. Северные жители живут главным образом двумя занятиями — ловлей рыб и птиц. Там каждый занимается этим и потому разделяет горести и радости, труды и заботы, которые связаны с этими промыслами.

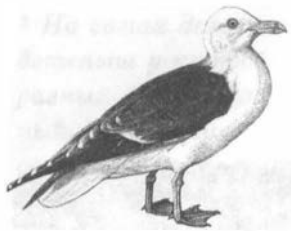
Между всеми дарами, которые море предлагает северным жителям, ни одни не достигают такой важности, как китообразное животное, о котором мы сейчас будем говорить. **Обыкновенная гринда**, или **шароголовый дельфин** (*Globicephalus melaena*), главные признаки которого состоят в следующем: голова шарообразная, сверху как бы распухшая, ласты прикреплены очень низко и имеют вид серпов, спинной

плавник возвышается на середине тела, и межчелюстные кости очень широки и покрывают собою верхнечелюстные. Не только формой головы, но и строением всего тела гринда отличается от прежде описанных и последующих дельфинов. Туловище не веретенообразно, как у других видов, а сжато с боков, спина представляет собой, начиная от головы до начала хвостового плавника, почти прямую линию, которая круто спускается вниз к хвосту; брюхо, особенно в передней части, очень выпукло; боковые линии тела имеют форму отлогих дуг, сближающихся около хвоста. Довольно высокий спинной плавник у основания широк, передняя сторона его внизу почти прямая, а наверху загибается назад дугой, задняя его сторона имеет довольно глубокую вырезку. Ласты прикреплены близко около головы, у основания очень сужены, наружный край их образует правильную дугу, концы заострены, задняя сто-

Обыкновенная
гринда
(*Globicephalus melaena*)

Семейство дельфиновые

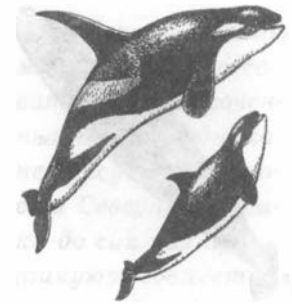
** Обыкновенная гринда хорошо отличается от прочих дельфинов огромной жировой подушкой на лбу, придающей голове зверя сферическую форму, и сильно смещенным вперед низким спинным плавником.*

рона образует сначала округленный выступ, а затем серпообразно выгнута к концу лапа, который таким образом приобретает форму короткой косы. Довольно большой двухсторонний хвостовой плавник снаружи округлен, а сзади имеет посередине глубокую вырезку. Маленькие глаза лежат над углом рта; полулунное дыхало расположено на одной восьмой части длины тела, считая спереди. Рот представляет собою щель, расположенную наискось, спереди назад; на каждой челюсти, в довольно больших промежутках, сидят от 12—14 больших и толстых конусообразных зубов, острые кончики которых направлены назад и внутрь; зубы эти увеличиваются по длине и толщине спереди назад, и при закрытых челюстях верхние зубы приходятся в промежутках между нижними. Зубы эти, однако, выдаются из челюстей немногим больше одного сантиметра и, по-видимому, не очень прочны, так как не только легко стираются, но у взрослых животных часто совсем выпадают. Голая, гладкая и блестящая кожа сверху чисто-черного цвета, а снизу серовато-черного, но на горле почти всегда бывает широкое белое сердцевидное пятно, кончик которого направлен назад; иногда у некоторых экземпляров пятно это превращается в узкую полосу, которая тянется по животу почти до заднего прохода. Очень старые самцы достигают 6—7 м длины, но большинство на 1—1,5 м меньше. У гринд, достигающих 6 м длины, окружность тела в самом толстом месте бывает до 3 м, длина лапа — 1,6 м, ширина лапа — 50 см, высота спинного плавника — 1,3 м, ширина хвостового — 1,8 м*.

Хотя почти ежегодно гринда выбрасывается на берег на каком-нибудь северном острове, однако об образе жизни и привычках его в открытом море мы имеем до сих пор лишь очень неполные сведения. Настоящей родиной его следует считать Северный Ледовитый океан и северную часть Тихого океана. Из Ледовитого океана он часто спускается в северную часть Атлантического, даже до широты Гибралтарского пролива, но не следует по определенным заранее путям, как другие киты. В Тихом океане распределение его несколько иное: по словам Скаммона, гринда там встречается по преимуществу в тех местах, где водится кашалот; нередко гринды собираются большими стадами вблизи берегов как в северных, так и в южных частях Тихого океана. Более чем другие родичи, гринда любит жить обществами, а иногда и большими стадами, состоящими из 10—20, а иногда и до 1000 штук; вожаками таких стад служат, по-видимому, старые опытные самцы, за которыми другие животные следуют с таким же равнодушием и тупоумием, как овцы за бараном-вожаком, что часто ведет их к гибели. По словам Пехуель-Леше, они плавают наподобие других дельфинов, как бы кувыркаясь после всякого вдыхания; они появляются на поверхности воды от 8—10 раз сряду на короткое время, выпуская при этом с сильным шумом тонкий фонтан около 1 м вышины. Когда они плавают очень

Семейство дельфиновые

быстро, то так высовываются из воды, что видна вся голова и даже большая часть туловища. При хорошей погоде, когда море совсем гладкое, особенно в более южных морях, гринды собираются иногда большим стадом, которое в полном беспорядке, без всякого движения лежит на воде, причем животные держат голову постоянно над водой и предаются полному покою. В иных случаях можно встретить животных этого вида, которые стоят в воде почти в вертикальном положении, выставив над поверхностью почти всю голову. По ловкости в плавании гринды не уступают большим дельфинам, но, по-видимому, не так любят играть и возиться, как эти последние. «Я только раз, — замечает Пехуель-Леше, — видал их играющими и прыгающими, именно во время сильной бури. Мы легли на дрейф, чтобы выждать бурю, и вдруг увидели около самого корабля тесную стаю в несколько сот гринд, которые с большой поспешностью плыли против волн, смело бросаясь поперек их, пронизывая волны своим телом и смешно кувыркаясь на другой стороне. Они, казалось, хотели друг друга перещеголять смелостью своих прыжков и странностью своих телодвижений; ни на минуту не останавливаясь, они быстро плыли вперед и скоро скрылись из наших глаз».

Пища гринд состоит главным образом из каракатиц, но в желудке убитых находили также и мелкие виды трески, селедок, других маленьких рыб, мягкотелых и других подобных животных. О времени спаривания этих дельфинов еще нет точных сведений, и кажется, что спаривание происходит не в определенные месяцы, а случается во всякое время года*. В северных морях большинство детенышей рождается, вероятно, в конце лета, так как в поздние осенние месяцы и в январе чаще всего встречаются кормящие самки с сосунами. Однако для Тихого океана наблюдение это оказывается неверным. А в Южном океане среди зимы можно видеть лишь полувзрослых детенышей. Мать любит свое детище точно так же горячо, как и другие самки китов, и дает ему сосать молоко даже тогда, когда она выброшена на мелкое место и гибель ее неминуема.

Никакое китообразное не выбрасывается на берег так часто и в таком большом количестве, как гринда; можно с некоторой уверенностью сказать, что эти животные гораздо чаще умирают на суше, чем в воде. Не проходит почти ни одного года, чтобы где-нибудь не было выброшено на берег большее или меньшее количество этих дельфинов**. На Шетландских островах в 1779 году попало на берег целое стадо из 200 штук, а в 1805 году из 300; в одном заливе на острове Исландии, который известен большим количеством гринд и потому называется китовым фиордом, в 1809 и 1810 годах было поймано без всякого труда 1100 штук этих китов. Седьмого января 1812 года на северных берегах Бретани было выброшено волнами 70 штук. По всей вероятности, большинство случаев этого рода вовсе и не доходит до всеобщего сведения.

* Спаривание у гринд происходит, вероятно, в летние месяцы. Беременность длится около года, примерно столько же времени самка кормит детеныша молоком.

** Гринды довольно часто выбрасываются целыми стадами, иногда по многу десятков или даже сотен животных. Связана ли эта массовость со стремлением еще остающихся в воде животных помочь тем, которые оказались на мели, или же какие-то внешние факторы нарушают работу сонара — главного «навигационного прибора» дельфинов, остается неясным.

Семейство
дельфиновые

Не косатки, как прежде думали, а гринды напугали рыбаков Кильской бухты, появившись там совершенно нечаянно в большом количестве 24 ноября 1861 года. «Когда стало светло, — говорит Мебиус, который описал этот случай, — можно было видеть, что большая часть внутренности бухты была наполнена этими китами. Они плыли рядами от 4—6 штук и прямо направлялись в гавань. За ними следовало парусное судно с несколькими рыбаками, которые рано утром выехали на взморье, чтобы стрелять чаек. Черные саблевидные спинные плавники этих китов высоко поднимались из воды, когда они высовывали спину, а затем голову, чтобы подышать. После каждого дыхания они ныряли под воду. Черные тела их то поднимались, то опускались в воде и производили этим довольно заметное волнение. Когда они дышали над поверхностью воды, то было слышно довольно сильное пыхтение, а когда они выдыхали воздух из легких, то выпускали фонтан высотой в один-полтора метра. Чем ближе эти гиганты приближались к городу Килью, тем больше лодок собиралось за ними, так как с обоих берегов моряки, рыбаки и любопытные спешили принять участие в необыкновенной охоте. Рыбаки задумали их загнать в самое узкое и мелкое место бухты, чтобы они там попали на мель. Действительно, им и удалось отрезать часть стада, около 30 штук, и загнать в гавань; остальная часть стада, более 100 штук, вовремя успела спастись. Загнанные киты были уже около стоящих на якоре кораблей, когда совершенно неожиданно две лодки отчалили от берега и прямо направились на стадо. Киты так испугались, что быстро повернули назад, подбросили одну лодку так, что она чуть не перевернулась, и бросились к выходу из гавани, плывя между лодками и под ними. Тогда стали стрелять и бросать остроги в спасающихся китов, из которых один выпрыгнул из воды на высоту 8—10 метров; таким образом удалось загнать трех китов в мелкую воду. Однако из них два все-таки сумели спастись, и только один застрял в иле на самом конце бухты. Его убили после многих ударов остроги и топора по голове, и он околел, издавая громкое сопение, которое напоминало рев медведя, а из пасти и из ран потекла горячая кровь».

Если бы кильские рыбаки были столь же опытные в китовом промысле, как северные их собратья, то добыча их, несомненно, была бы гораздо обильнее. На всех северных островах уже с древнейших времен привыкли загонять на берег гринд, появляющихся недалеко от земли. Уже в древней рукописи «Königs-spiegel», хотя довольно туманно, говорится об этой ловле. «Сельдяной кит, или рыбий кит, — говорится там, — загоняет селедок и других рыб в большом количестве из открытого моря к берегам и, таким образом, не только не вредит человеку, но даже приносит ему большую пользу, как будто он Богом для этого и создан. Он гонит рыбу перед собой до тех пор, пока рыбаки с благодарностью

и приличным образом собирают дары, которые провидение им посылает из моря. Если же при этом происходят ссоры и драки и кровь животных течет в море, то кит уводит всю стаю рыб, которых он пригнал, обратно и, таким образом, отнимает у жителей островов необходимую для них добычу».

В открытом море за гриндами охотятся только в виде исключения. Китоловы, которые надеются на лучшую добычу, не спускают лодок, чтобы ловить этого кита, и только в случае большой неудачи корабли начинают заниматься этой охотой. Гринду убивают острогами точно так, как и других китов, но каждая лодка гонится за отдельным китом, и они помогают друг другу только тем, что стараются разогнать китов в разные стороны. Обыкновенно гринда при виде своих врагов выказывает такой же бестолковый страх, как и около берегов, начинает медленно плавать то туда, то сюда, так что люди всегда найдут время удачно бросить в него острогу. Очень часто гринда умирает от первого удара, а если нет, то его добивают копьями. Только в редких случаях бывает, что этот кит бросается на лодку и старается ее опрокинуть.

Ни один кит и даже ни одно морское животное не занимали так древних писателей и ученых, как дельфин; он послужил темой для всевозможных басен и поэтических описаний. Предание говорит, что дельфины спасли греческого поэта Ориона, которого разбойники выбросили с корабля в море, и, очарованные его песнями, привезли невредимым к мысу Тенарскому. Плиний приводит привлекательный рассказ о мальчике, который частым кормлением так приручил к себе дельфина и приобрел его любовь, что он несколько лет сряду ежедневно перевозил его через залив в Пуццолли, где мальчик посещал школу, и точно так же ежедневно приводил его домой. «Когда мальчик умер, — говорит этот писатель, — то дельфин все-таки ежедневно появлялся на определенном месте и так скучал о потере своего любимца, что скоро окошел». Рассказывают еще басню о том, что в древности дельфины помогали людям при ловле морских рыб, загоняя их целыми стаями в сети, и за это содействие получали в вознаграждение часть добычи и куски хлеба, намоченные в вине*. Когда один карийский царь велел в гавани привязать на цепь пойманного дельфина, то появилась целая стая других дельфинов, и они так ясно выражали просьбу об освобождении товарища, что царь не мог устоять и велел его отпустить. Плиний совершенно серьезно утверждает, что молодые дельфины плавают в сопровождении старого, который им служит руководителем и дядькой. Говорят, что видели дельфинов, которые уносили мертвого товарища, чтобы его не съели хищные рыбы**. Старый писатель Геснер не только считает все вышеприведенные рассказы за несомненные истины, но даже пополняет их, благодаря своей начитанности, и не забывает рассказать о высоких достоинствах дельфина. «Дельфина совершенно верно считают и почита-

** Вряд ли дельфинов может заинтересовать хлеб, намоченный в вине. Однако некоторые народности Северной Африки до сих пор практикуют совместную охоту с дельфинами, расставляя сети в местах, куда морские звери загоняют косяки рыбы.*

*** Детеныш дельфина долго держится рядом с матерью. Пока он совсем мал, мать и одна из взрослых самок стада поддерживают его, помогая плыть. Точно так же дельфины поддерживают раненого собрата под дыхало над поверхностью воды, и стараются унести его от места ранения. Если причина слабости раненого — всего лишь временный шок, эта мера спасает ему жизнь. В противном случае дельфины держат его на поверхности, пока он не погибнет.*

Семейство дельфиновые

* Распространен почти во всех теплых и умеренных морских водах Земного шара. Это некрупный дельфин длиной обычно менее 2 м. Дельфиний «клюв» хорошо выражен, узкий и длинный. Питаются преимущественно рыбой, а также кальмарами и плавающими ракообразными. Держатся стадами в несколько сотен или даже тысяч голов.

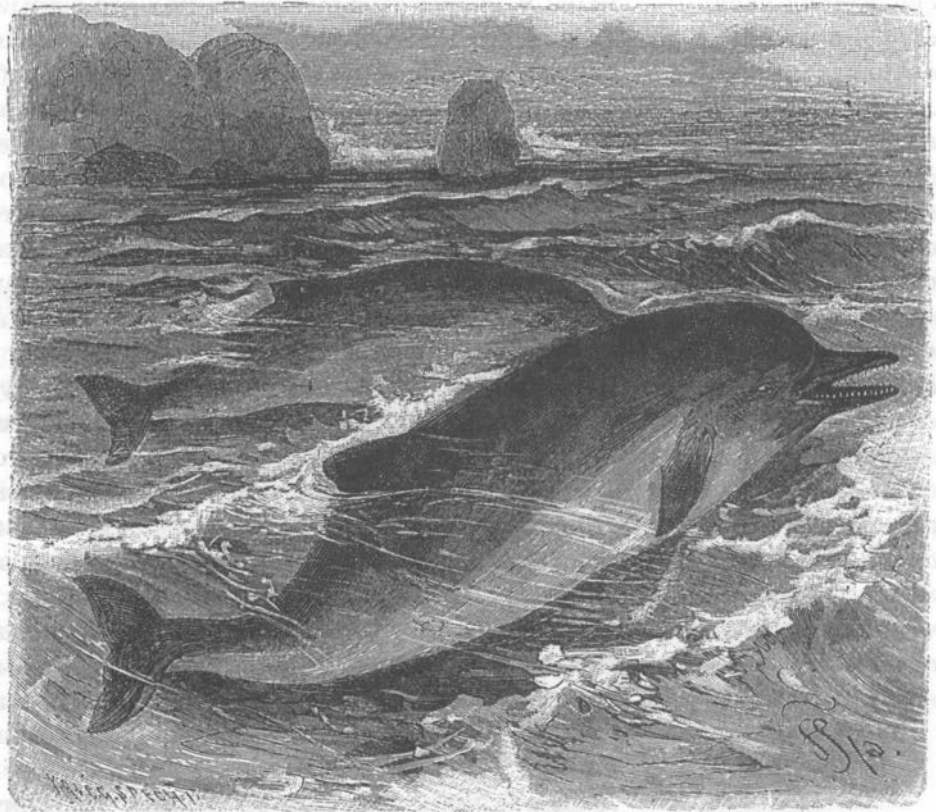
** В длинных челюстях белобочки может сидеть по 58—65 зубов в каждом ряду, тогда общее их число достигает почти 250.

ют как короля и властелина морей, так как это самое быстрое, сильное и хитрое морское животное, почему французский король по имени его назвал провинцию (Dauphin), и многие другие князья и регенты поместили это животное в свои гербы, а его изображение часто встречается на золотых и серебряных монетах, картинах и знаменах. Старший сын французского короля получает название «Dauphin» и в своем гербе имеет изображение дельфина; это же животное изображено на многих монетах римских императоров, например Августа, Тиберия, Домициана, Вителлия, а также на многих греческих. На монете императора Тита Веспасиана изображен якорь с опрокинутым дельфином, что должно означать, смотря по обстоятельствам, быстроту и медлительность, действие и бездействие. Дельфин, впрочем, служил также эмблемой моря, власти над водой, привязанности к маленьким детям, горячности чувств, любви и т.д.».

Обыкновенный дельфин, или дельфин-белобочка (*Delphinus delphis*)*, имеет в среднем около 2 м длины, спинной плавник 30 см длины, а ласты 55—60 см длины и 15—18 см ширины. Относительно маленькая голова занимает приблизительно четвертую часть длины всего тела, лоб слегка выпуклый и отделяется от не очень длинной, совершенно прямой и вытянутой морды поперечной бороздкой и находящимся за нею валиком; морда имеет вид клюва и сплющена как сверху, так и снизу. Продолговатые глаза лежат на небольшом расстоянии за углом рта и имеют сердцевидный зрачок. Уши расположены за глазами, а дыхало между ними. Веретенообразное туловище скорее сжато, чем вытянуто, передняя часть его круглая, а задняя слабо сжата с боков. Спинной плавник узкий, высокий и на конце острый; передний край его выпуклый, а задний довольно глубоко вырезан, так что несколько похож на серп. Ласты прикреплены около первой трети туловища и несколько длиннее и уже спинного плавника; хвостовой плавник разделен на две тупые лопасти и в середине немного вырезан. Кожа необыкновенно гладкая и представляет не только глянцевику, но почти зеркальную поверхность; сверху она зеленовато-бурого или зеленовато-черного цвета, а снизу чисто-белого, причем граница между обоими цветами представляет собою извилистую линию; по сторонам на белом кое-где видны серые или черноватые пятна. Число зубов бывает далеко не всегда одинаково. Обыкновенно их насчитывают до 42—50 в каждой половине челюсти, но случилось, на каждой стороне сверху и внизу было по 53 зуба, так что в общем число зубов доходило до 212**. Зубы сидят на одинаковом расстоянии, так что верхние при закрытии челюстей приходятся между нижними; они довольно длинные, конические, на конце очень острые и немного загнуты снаружи внутрь; средние в каждой челюсти самые длинные, а передние и задние делаются постепенно и довольно заметно все меньше и меньше.

Родиной этого известного животного, которое так забавляет моряков и путешественников, можно считать все моря Северного полушария. По своим движениям и образу жизни дельфин оказывается еще более склонным к разным играм, чем другие его родичи. Иногда он рыщет по волнам в открытом море далеко от берега, иногда же поднимается в реки вверх по течению. Стада дельфинов приближаются к кораблям, возятся около них, пока не отправятся далее, беспрестанно ныряют и снова поднимаются, выставляют на минуту верхушку головы над поверхностью моря, выпускают с шумом свои фонтаны и снова исчезают в глубине. Они плавают так быстро, что не только легко следуют за самым быстрым пароходом, но в это время еще делают разные фокусы, кувыркаются, валяются по воде и кружатся около судна, не отставая от него ни на минуту. Иногда один из них вдруг выскакивает совсем из воды и затем падает вперед вниз головой, не производя при падении почти никакого шума.

Они образуют стаи от 10 до 100 штук, а иногда и более. Пехуель-Леше в тропических морях видал стада дельфинов в несколько тысяч штук. Основной чертой их характера является общественность, но причиной этого явления следует считать скорее общий интерес, а не взаимную привязанность. Древние, конечно, останавливались на последнем предположении и восхваляли взаимную любовь и привязанность дельфинов. Геснер говорит: «Дельфины выказывают удивительную любовь не только друг к другу, но также к своим детенышам, родителям, мертвым товарищам, всем вообще китам и людям. Особенная любовь их к детенышам выказывается в том, что самец и самка, раз спарившись, остаются вместе до смерти и бывают иногда окружены многочисленным семейством. Родители воспитывают своих детей, кормят их, иногда носят на своем клю-

Дельфин-белобочка
(*Delphinus delphis*)

Семейство дельфиновые

** У большинства видов дельфинов самки стараются вовсе не подпускать самцов к группе, в которой находятся детеныши. В период спаривания крупные самцы беззастенчиво отгоняют более мелких, даже если те принадлежат к другому виду, и спариваются с самками как собственными, так и других видов (явление, редкое в природе). От таких спариваний могут рождаться жизнеспособные звери. Это регулярно происходит в условиях неволи, но насколько часто случается в природе — неизвестно.*

*** Продолжительность жизни дельфина-белобочки составляет около 30 лет. Половозрелым обыкновенный дельфин становится на третий год жизни, афалина — на шестой год.*

ве, сопровождают их повсюду и учат охотиться*. Когда они собираются в стаи для битвы, то детенышей оставляют за собой, а если плывут спокойно, то перед собой; за детенышами следуют самки, а сзади плывут взрослые самцы, которые их защищают и не оставляют даже в минуту опасности. Если молодого дельфина ударят багром и тащат к берегу, то родители за ним следуют, чтобы его спасти, так что мать тогда легко убить или словить вместе с ее детенышами. Когда же родители сделаются слабыми и бессильными, то молодые их кормят и помогают при плавании».

Зубы дельфина ясно показывают, что он принадлежит к числу самых больших морских хищников; говорят, что он даже нападает на раненых товарищей. Пища его состоит из рыб, раков, головоногих и других морских животных. Он любит охотиться за сардинками и селедками, а на летучих рыб нападает с особенной жадностью. После 10-месячной беременности самка рождает детеныша до 50—60 см длины и выказывает относительно него довольно долго большую нежность. Предполагают, что детеныши вполне вырастают только через 10 лет, зато, по уверению одного древнего греческого писателя, дельфин может жить до 130 лет. С другой стороны, рыбаки, которые при ловле дельфинов делали им надрезы на хвостовом плавнике, полагают, что они живут не более 25—30 лет**.

Самым злым врагом дельфина следует считать не человека, а хищную косатку, так как человек преследует дельфина только тогда, когда не может добыть себе другого свежего мяса. Еще ныне человек в известной степени щадит дельфина. Однако в некоторых местах и теперь рыбаки окружают своими лодками стадо дельфинов, как это делали еще древние греки, пугают их внезапным криком и стараются загнать к берегу, где животные в страхе попадают на мель. Перед смертью животное издает довольно громкий вздох, похожий на стон. Китоловы, которые нуждаются в свежем мясе, также иногда убивают одного из дельфинов, которые, по обыкновению, играют около корабля. «Весь экипаж, — рассказывает Пехуель-Леше, — собирается на носу корабля и начинает свистеть на разные лады, что образует страшную какофонию; но говорят, что дельфин любит музыку и из-за этого свиста еще больше приближается к судну. К одной из рей приделывают блок и через него пускают веревку, к концу которой приделан гарпун. Гарпунщик отправляется на рею, а 20 или 30 рук держат конец веревки. Несколько штук дельфинов плывут мимо корабля, гарпунщик несколько секунд следит за ними глазами, а затем, сильно размахнувшись, бросает гарпун в спину одного из животных. «Сидит!» — кричит он сверху, и люди, держащие другой конец веревки, быстро тащат ее назад, так что дельфин в одно мгновение оказывается около борта. Ему накидывают петлю на спинной плавник, и бедное животное скоро лежит мертвым на палубе. Его товарищи, конечно, исчезли, так как никак не ожида-

ли такой неблагодарности со стороны людей. Однако на расстоянии одной мили от корабля они снова выплывают и продолжают свое странствование как ни в чем не бывало. Может быть, они скоро приблизятся к другому кораблю и начнут играть около него».

В прежнее время почти все береговые жители ели мясо дельфинов, особенно в католических землях, так как дельфина считали там рыбой и ели даже в пост. Англичане и французы умели очень искусно готовить мясо этого животного, так что кушанья из него выходили довольно вкусными. Теперь же почти везде перестали есть это мясо. У древних римлян дельфин играл довольно важную роль в медицине: печень считалась хорошим средством против перемежающейся лихорадки, а печеночный жир служил лекарством от опухоли; дымом зажженного жира лечили боли в нижней части живота. Сжигали целых дельфинов, золу смешивали с медом и эту мазь употребляли против разных болезней.

СЕМЕЙСТВО НАРВАЛОВЫЕ (Monodontidae)

Белуха (*Delphinapterus leucas*) у жителей Курильских островов называется «печуга»*. Она достигает 4—6 м длины, ласты имеет 60 см длины и около 30 см ширины; большой хвостовой плавник достигает одного метра ширины. Круглая голова относительно невелика, лоб очень выпуклый, маленькие глаза сидят на некотором расстоянии за углом рта, а полулунное дыхало расположено на передней части лба. Туловище довольно тонкое; двухлопастный хвостовой плавник имеет сзади вырезку; кожа на теле гладкая. У старых животных кожа желтовато-белого цвета, у молодых же буровато- или голубовато-серая; впоследствии на ней появляются светлые пятна, которые все далее распространяются, и таким образом понемногу появляется окраска, свойственная взрослым животным.

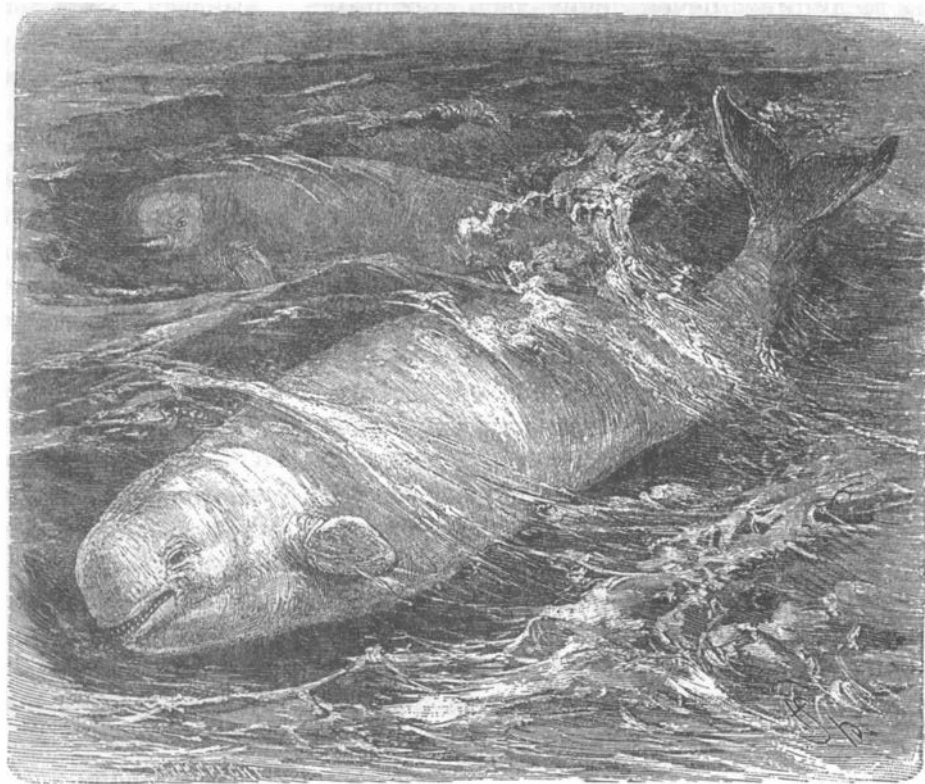
Область распространения белухи обнимает все моря около Северного полюса, но далеко на юг не простирается. На берегах Гренландии ее можно видеть только в зимние месяцы, так как самое позднее в июне она покидает берега южнее 72 градуса, чтобы направиться в Баффинов залив и к западным берегам Девисова пролива; в октябре можно ее встретить направляющейся к западу, а зимой большей частью в обществе нарвалов она плавает поблизости ледяных полей; только в октябре появляется она, по словам Гольбея, часто стаями в несколько тысяч штук около 69 градуса, в начале декабря — около 64 градуса и несколько позднее — около 63 градуса. Она держится во всех заливах южной Гренландии в продолжение всей зимы, но уже в апреле и начале мая медленно начинает подвигаться на север. В редких случаях

* Белуха — средних размеров зубатый кит. Окраска молодых зверей темно-бурая или черноватая, взрослых — чисто-белая. Своеобразны зубы белухи — они крупные по сравнению с зубами дельфинов и наклонены вперед. Верхние и нижние зубы трутся друг о друга и за счет этого на них образуются режущие кромки. Таким образом, белуха — единственное китообразное, способное откусывать куски от добычи. Питаются в основном крупной стайной рыбой. Распространены во всех северных морях у берегов Евразии и Америки, иногда заходят далеко в крупные реки (например, в Амур).

Семейство нарваловые

она появляется в более южных морях, однако уже несколько раз заходила к берегам средней Европы. Так, в 1793 году две молодые белухи около 2 м длины были найдены на песке в одном из заливов Шотландии, а в 1815 году довольно взрослая белуха жила около 3 месяцев в Эдинбургском заливе, причем приплывала в залив вместе с приливом и уходила в открытое море вместе с отливом; она очень привыкла к своей обстановке, так что жители Эдинбурга нарочно выезжали в залив, чтобы посмотреть на нее. К сожалению, с этим северным гостем там очень худо поступили: рыбаки, может быть и довольно основательно, утверждали, что белуха уничтожает лососей в заливе, и потому стали ее очень усердно преследовать.

Белуха
(*Delphinapterus leucas*)

* *Вслед за идущим на нерест лососем белухи поднимаются по реке Амур на 2000 км от устья.*

Благодаря своей быстроте и ловкости белуха долго спасалась, но наконец была убита метким выстрелом. Убитое животное, однако, к счастью, не пропало для науки: хорошие натуралисты анатомировали его и составили такое подробное описание внутренних его органов, какое не существует ни для какого другого морского животного.

По уверениям гренландцев, белуха редко далеко уходит от берега и может считаться, точно так

как и морская свинья, прибрежным животным. Случается, что она поднимается вверх по рекам на большое расстояние от устья, и потому ее видели иногда в глубине материка; так, например, Даль говорит о белухе, которая была поймана в 1863 году на расстоянии 700 английских миль от моря в одной реке в Северной Америке*. Белуха питается маленькими рыбами, раками и головоногими; кроме того, в ее желудке постоянно находят песок, что дало повод гренландцам в виде шутки утверждать, что белуха не может плавать без балласта.

По своим движениям и привычкам белуха во многих отношениях отличается от буйных косаток, а также и от морских свиней. Почти никогда не встречается она поодиночке, но посто-

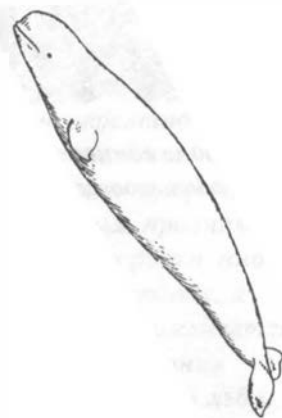
янно обществами, которые иногда бывают чрезвычайно многочисленны. Вид такого стада, по словам Фабера, представляет собой великолепное зрелище, так как белоснежные животные, поднимаясь на поверхность воды для дыхания, иногда высовываются до половины своего туловища. По наблюдениям Скаммона, в этих стадах, состоящих как из самцов, так и из самок, всегда заметны отдельные группы из 2—3 экземпляров, вероятно, отец, мать и детеныш. Гонясь за рыбами, держащимися на дне, например, камбалами, белуха очень часто попадает в мелкие места; в этих случаях она сохраняет спокойствие духа и не бьется так, как это делают при подобных обстоятельствах другие киты, что часто ведет их к гибели. В начале и конце ее пребывания на поверхности воды для дыхания слышатся звуки, которые, по словам Скаммона, похожи на слабое мычание быка*; Браун же утверждает, что звуки эти переходят иногда в настоящий свист, похожий на пение птицы, почему моряки называют белуху «морская канарейка».

Китоловы встречают белуху с радостью, так как они считают ее предвестником большого гренландского кита и часто плывут в сопровождении стад этих животных, ничем не беспокоя их. При этом белуха подплывает к самим кораблям, качается на водах поблизости их, но остается все-таки пугливой и удаляется при малейшем шуме. Хотя животное это и имеет довольно большую ценность, китоловы, однако, за ним не охотятся, так как вследствие своей быстроты и ловкости белуха в открытом море почти всегда уходит от преследования, так что охота за нею тянется слишком долго, чтобы быть выгодной для европейцев. Северные инородцы относятся к ней иначе: для них белуха из-за жира и мяса считается самым важным из китообразных животных. Браун считает, что в Гренландии ежегодно убивают около 500 белух и единорогов, причем первых гораздо в большем числе, чем вторых. Большинство их ловят с помощью сетей, которые устанавливаются при входе в фиорды и бухты, а также и в проливах между островами. Точно так же ловят белух и норвежские китоловы около Шпицбергена и Новой Земли. Инородцы северной и восточной Сибири подобным же образом охотятся за этим животным и очень радуются появлению их, так как вместе с ними появляется в мелких бухтах и устьях рек множество рыб, которые ищут места для нереста, например, дорша, треска, камбала и лосось. Некоторые народности считают этого кита в известной степени священным животным: так, самоеды втыкают черепа белух на шесты в виде жертвы своим богам, а прочие части словленного животного употребляют в пищу. Почти все северные народы единогласно утверждают, что мясо и жир белухи представляют собою приятное кушанье, и старый путешественник Стеллер с этим соглашается. Ласты и хвостовой плавник считаются за особые лакомства, если хорошо приготовлены. Кожу белух су-

Семейство нарваловые

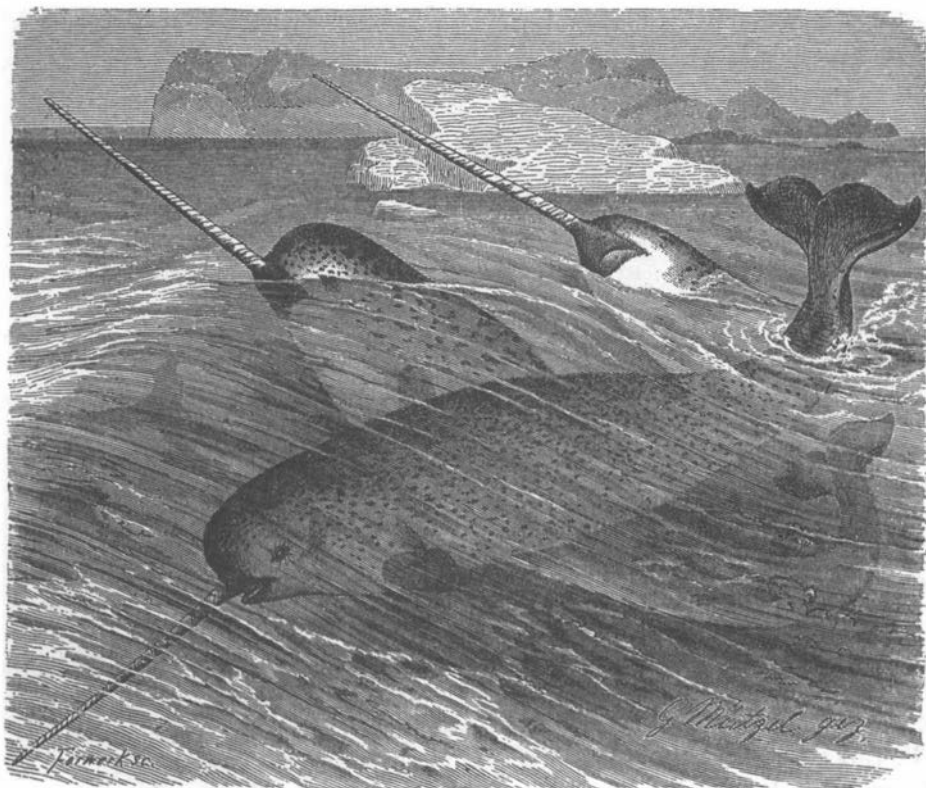
** Отсюда происходит выражение «реветь белугой»; оно связано именно со звуками, издаваемыми белым китом, а не с молчаливой осетровой рыбой.*

шат, дубят и употребляют на разные изделия, например, на Камчатке из нее делают ремни, которые высоко ценятся по своей мягкости и прочности.

Нарвал, или **единорог** (*Monodon monoceros*), отличается от других зубастых китов. Его выделяют в особый род. Зубная система его отличается особенно двумя резцами, из которых один, большую частью левый, развивается в огромный бивень, имеющий 2—3 метров длины; бивни эти выдаются из челюсти в горизонтальном направлении, относительно довольно тонки, внутри пустые и свернуты винтом справа налево. У самок бивни эти развиваются только в виде исключения и бывают гораздо мень-

ше. Кроме того, на верхней челюсти заметны два небольших передних зуба и по одному коренному; но зубы эти бывают большей частью только у молодых животных; на нижней челюсти зубов никогда не бывает. Череп развит несимметрично, второй шейный позвонок срастается с третьим и четвертым, а иногда с пятым и шестым; позвоночник состоит, кроме того, из 12 спинных, 9 поясничных и 24—26 хвостовых позвонков; грудная кость спе-

Нарвал, единорог
(*Monodon monoceros*)

реди и сзади имеет вырезки, а посередине — отверстие; лопатки короткие и широкие; плечевая кость на верхнем конце очень утолщена, внизу плоская и срослась с предплечьем, кисть состоит из 7 костей запястья и 5 пальцев, имеющих 3, 4 и 5 суставов. Цилиндрическая, спереди округленная голова занимает седьмую часть удлиненного веретенообразного тела; очень короткая, широкая и толстая морда с правой стороны несколько скошена, не отделяется от плоского лба и спереди срезана почти отвесно. Глаза сидят довольно далеко по сторонам головы, немного выше рта, а очень маленькие уши расположены около 15 см за ними; полулунное дыхало находится на середине лба, между глазами. От дыхала идет короткая общая трубка к двум воздушным меш-

кам, которые находятся под ноздрями, довольно широки и внутри одеты темно-серой кожей; мешки эти соединяются с дыхательным горлом и могут быть сверху закрыты клапанами. Настоящего спинного плавника нет, и он обозначен только складкой кожи. Ласты сидят на конце первой пятой части тела; они короткие, спереди толще, чем сзади; очень большой хвостовой плавник разделен на две лопасти и сзади имеет посередине глубокую вырезку. Окраска очень глянцевицей, мягкой, бархатистой кожи довольно разнообразна, смотря по возрасту и полу. У самцов на белой или желтовато-белой основной окраске замечаются многочисленные, неправильной формы, но большей частью удлиненные, довольно большие темно-бурые пятна, которые гуще всего сидят на спине, а на животе очень редки, на голове же эти пятна почти сливаются. У самок пятна меньше, но сидят гуще, чем у самцов; молодые животные гораздо темнее старых. Встречаются иногда единороги совсем белые, желтовато-белые и серовато-белые без пятен. Длина животного доходит до 6 м, но чаще бывает от 4—5 м, ласт длиной в 30—40 см, ширина хвостового плавника 1—1,3 м.

Неудивительно, что наши предки рассказывали об единорогах разные баснословные истории. Столь поразительное животное, без сомнения, должно возбуждать удивление людей, а до тех пор пока наука не скажет своего трезвого и дельного слова, фантазия досужих людей может сильно разыгрываться. Особенно баснословные предположения относились к зубу единорога. Уже Страбон говорит о морском единороге, который очень большого роста и вместе с китом встречается у берегов Испании. Альберт Великий рассказывает довольно много об этом животном и называет его рыбой, у которой на лбу сидит рог; этим рогом животное может проткнуть других рыб и даже корабли, но оно так медленно в своих движениях, что от него легко спастись. Рошфор первый дает хорошее изображение нарвала и первый же приводит рассказ о том, что этот кит пользуется своим зубом для борьбы с другими китами и что он им также разбивает лед, отчего очень часто встречаются животные с обломанными зубами. Фабрициус первый сомневается в том, что нарвал протыкает камбал и других рыб, которыми он питается, своим зубом, а затем поднимает зуб кверху, чтобы добыча понемногу скользила до рта, где он схватывает ее языком. Скоресби наконец соглашается с мнением, что бивень единорога служит ему необходимым орудием для разламывания льда. Мы со своей стороны думаем, что бивень единорога нужно считать одним из тех многочисленных орудий для защиты и нападения, которым снабжены самцы многих животных. Если бы этот зуб был необходим для ловли и добычи или для какой-нибудь другой настоятельной надобности, то трудно было бы объяснить, как самки обходятся без него*.

* *Функция бивней нарвала и по сегодняшней день не до конца ясна. Наиболее вероятно предположение, что бивень служит вторичным половым признаком, подобно рогам многих копытных, а также применяется для пробивания отдушины во льду, через которую затем дышит все стадо, включая детенышей и беззубых самок.*

Семейство нарваловые

** Интересно, что крупные стада нарвалов состоят из животных разного пола и возраста, а мелкие группы (от нескольких особей до нескольких десятков нарвалов) либо только из взрослых самцов, либо из самок с детенышами. Во времена Брема встречались стада по несколько тысяч голов, однако охота сократила их численность, и теперь стадо более чем из ста особей — большая редкость.*

Единорог должен считаться жителем северных морей и чаще всего встречается между 70 и 80 градусами северной широты. Он очень обыкновенен в Девисовом проливе и Баффиновом заливе, в Ледовитом океане между Гренландией и Исландией, около Новой Земли и на северных берегах Сибири; его редко можно встретить южнее полярного круга: на берегах Великобритании, насколько мне известно, в последние столетия были выброшены на берег только 4 нарвала; у немецких берегов видали и убили двух единорогов в 1736 году. На родине он почти всегда встречается многочисленными стадами, так как любит общество не менее других китов. «Во время их странствований, — говорит Браун, — я видал стада в несколько тысяч экземпляров. Тесными рядами, зуб около зуба и хвост около хвоста, точно полк кавалерии, направлялись они к северу, правильно приподнимаясь и опускаясь, причем путь их извивался волнообразно. Подобные стада не всегда состоят из особей одного и того же пола, как утверждает Скоресби, но в них попеременно встречаются самцы и самки». Относительно своих странствований и выбора местожительства единороги ближе всего подходят к белухам, но, может быть, больше, чем эти последние, должны быть названы полярными животными, так как направляются на юг только с наступлением самых сильных зимних морозов и возвращаются на север, как только лед начинает таять. Когда льды понемногу затягивают поверхность воды и, таким образом, уменьшают пространство, где они могут ловить добычу, то нарвалы большей частью вместе с белухами собираются в тех местах, которые остаются незамерзшими даже в самые сильные морозы, и при дыхании на поверхности воды образуют такую густую толпу, что старый писатель Фабрициус удивляется, как они искусно маневрируют, чтобы не ранить друг друга своими бивнями. На подобного рода наблюдениях основывается, вероятно, и в последнее время высказанное предположение, что животные эти разбивают лед своими бивнями, между тем как вернее предположить, что подобные небольшие полыньи именно потому и не замерзают зимой, что такое большое количество крупных животных в них беспрестанно толкутся и колышут воду. По описаниям новейших мореплавателей это китообразное животное представляет собой подвижное и веселое создание, которое привлекает взоры наблюдателя быстротой своих движений и беспрестанным появлением на поверхности воды и нырянием. Они вовсе не заводят битв с другими китами, как сочиняли древние, и живут между собою довольно мирно до тех пор, пока не вмешается в дело любовь и не возбудит гнев двух самцов. Что подобное действительно встречается и что битвы между двумя самцами бывают действительно серьезные, можно с достоверностью предположить по тому, что редко убивают старого нарвала с неповрежденным зубом и что часто наблюдали такие случаи, где не только бивни были обломаны, но в пустых ячейках их торчали

кончики чужих зубов. О размножении единорогов до сих пор известно очень мало: Браун один сообщает, что самка рождает лишь одного детеныша*.

Пищей единорогов служат рыбы, голые моллюски и голотурии. Скоресби находил в желудке их камбал, которые были в три раза шире их глотки, и удивлялся, как животное может своим беззубым ртом удержать такую большую добычу и проглотить ее; он поэтому предполагает, что нарвал прежде протыкает камбалу своим зубом и проглатывает уже мертвую. Почтенный натуралист, однако, снова забывает бедную самку, которая также должна питаться. Вероятно, единорог ловит свою добычу на ходу и так ее сжимает своей пастью, что ее оказывается возможно проглотить; живущие в неволе тюлени имеют также обыкновение свертывать камбалу так, как кухарки свертывают блины в трубочку, и таким образом приготавливают эту широкую добычу к проглатыванию.

Много опасностей и врагов угрожает жизни единорога, и не от какого кита не находят так часто остатков, как от них. Зима наступает в полярных морях иногда удивительно скоро и внезапно покрывает ледяным покровом поверхность воды, что в высшей степени затрудняет жизнь всем морским животным, дышащим атмосферным воздухом; таким образом погибают сотни и тысячи этих китообразных, и море впоследствии выбрасывает их трупы или скелеты на берег. Единорога мучат маленькие паразиты, и на него нападают крупные враги. Небольшие червеобразные паразиты встречаются в огромном количестве не только во внутренностях, но и в полости рта, за нёбом; они жадно впиваются в кожу, причиняют злокачественные воспаления и затрудняют единорогу принятие пищи. Наконец, и человек усердно их преследует. Этой охотой, впрочем, занимаются больше северные инородцы, а не приезжие китоловы, так как быстрота и ловкость этого животного затрудняют ловлю его, которая делается легкою только в тех небольших полыньях, где единороги собираются в большом количестве для дыхания. В открытом море иногда бьют их острой, но ловля, однако, незначительна, так как она не особенно выгодна для европейцев и американцев. Мясо и жир одинаково высоко ценятся. Первое очень вкусно, особенно если хорошо приготовлено. Все датчанки, живущие в Гренландии, подают это мясо на стол вареным или жареным и покрытым желе, которое приготовлено из жирной кожи нарвала, причем убеждены, что это кушанье понравится даже чужому избалованному гостю. Туземцы Гренландии едят это мясо вареным и сушеным, а кожу и жир в сыром виде; жир, кроме того, жгут в лампах; из сухожилий приготавливают нитки, из глотки делают пузыри, которые употребляются при рыбной ловле, и даже кишки идут в дело.

В прежние времена за бивни единорога платили необыкновенно большие деньги. Им приписывали разные волшебные свой-

** Известно, что определенного сезона размножения нет. Самка после 14—15 месяцев беременности рождает одного детеныша, которого затем кормит молоком примерно 20 месяцев. Таким образом, самка нарвала спаривается раз в 2—3 года.*

Семейство кашалотовые

ства и умели ими пользоваться гораздо разнообразнее, чем мы, которые видим в этих зубах только вещество, несколько похожее на слоновую кость. Еще полтора-два столетия тому назад в Европе было мало бивней единорогов, и те, которые привозились изредка мореплавателями, очень легко продавались. Их считали за рог библейского единорога, и потому англичане украшали таким зубом лоб баснословного единорога, изображенного на их гербе. Фитцингер пишет: «Императоры и короли приказывали из этих зубов готовить себе трости, которые были украшены искусной резьбой; их носили за королями в торжественных случаях, как нечто особенно драгоценное. Из подобных зубов готовились и епископские посохи. Еще в XVI столетии в Байрейтском архиве сохраняли 4 подобных зуба, как необыкновенную редкость. Два байрейтских маркграфа получили один из этих зубов от императора Карла V в уплату значительного долга, а за самый большой из них в 1559 году венецианцы предлагали огромную сумму в 30 тысяч цехинов, но предложение их было отвергнуто. Третий употреблялся как лекарство, но только для лиц княжеского семейства, и его считали столь драгоценным, что когда приходилось отрезать ломтик, то при этом присутствовали уполномоченные от обоих владетельных князей. Бивень единорога, который висел на золотой цепи в музее саксонского курфюрста в Дрездене, ценили в 100 тысяч талеров».

С увеличением мореплавания зубы эти все более и более теряли цену. Гренландское торговое общество в начале XVIII столетия послало много подобных зубов в Москву, предлагая их купить русскому царю, но врач царя отсоветовал их покупать, сказавши, что это не рога настоящих единорогов, а зубы большой рыбы. Посланный должен был вернуться в Копенгаген, не продавши ни одного бивня, и там над ним очень смеялись и бранили его. Чем более убеждались в том, что зубы эти вовсе не рога баснословного единорога, тем более переставали верить в их чудесную силу; но еще в конце прошлого столетия куски этих зубов находились во всех аптеках, и некоторые врачи прописывали жженую кость единорога. В нынешнее время, по Вестендарпу, один килограмм бивня величиной в 1 м стоит около 12 марок, а каждый килограмм бивня в 2 м и больше — 18 марок.

СЕМЕЙСТВО КАШАЛОТОВЫЕ (*Physeteridae*)

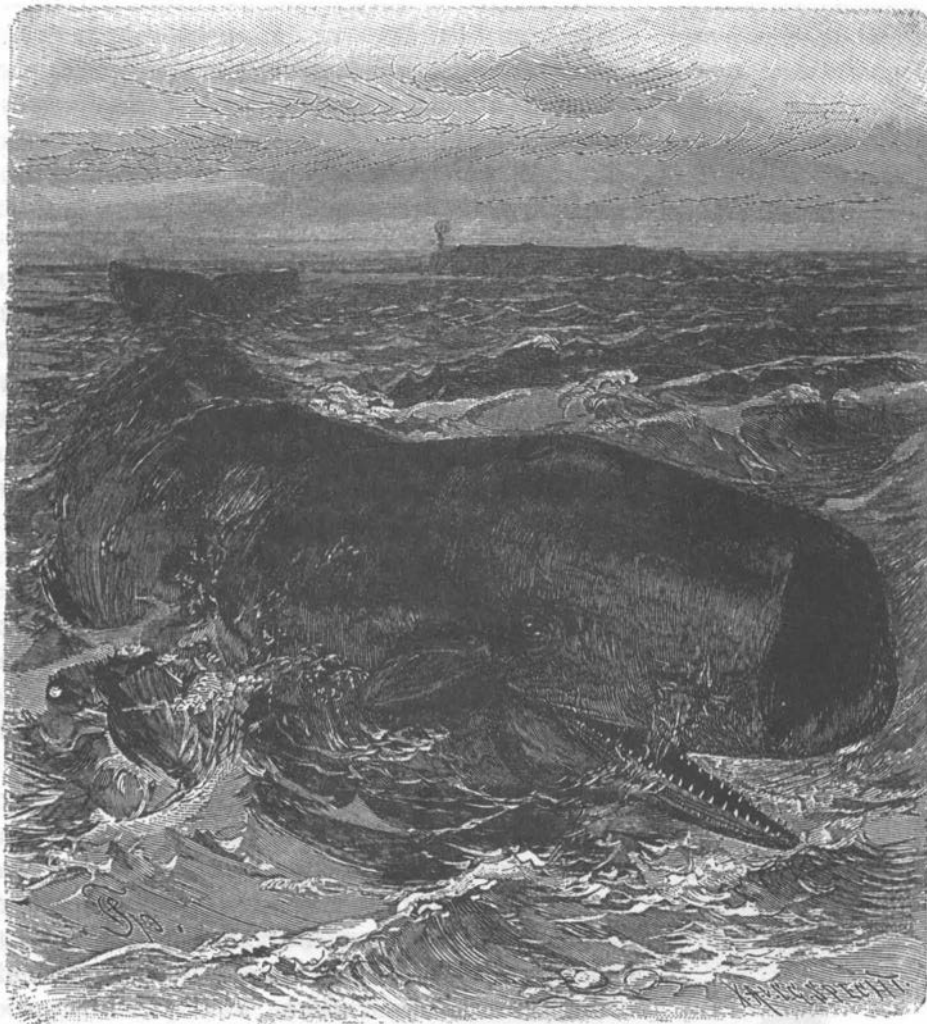

Представителем семейства зубатых китов является кашалот (*Physeter catodon*), называемый гренландцами «кегутилик». Кашалот, несомненно, самый неуклюжий и безобразный вид этого отряда китообразных; он отличается необыкновенно массивной головой, у которой морда сильно раздута и спереди как бы обрублена; у него только одно дыхало, расположенное не совсем сим-

метрично на левой стороне головы. Нижняя челюсть кашалота состоит из двух половин, очень близко стоящих друг к другу и образующих спереди чрезвычайно острый угол; на нижней челюсти мы замечаем один ряд конусообразных, почти одинаковой величины зубов; на верхней челюсти заметны только недоразвитые зубы. Грэй очень определенно различает два вида кашалотов, из которых каждый, по его мнению, служит представителем особого подсемейства.

Однако следует еще решить вопрос, постоянны ли отличительные признаки, приводимые Грэм, и не принадлежат ли они к числу случайных. Опытные китоловы считают, что все кашалоты принадлежат к одному виду, но полагают, что различные местные условия и количество пищи имеют влияние не только на величину этого кита, но и на строение некоторых частей тела. Исследование этих животных встречает почти непреодолимые трудности и мешает, как правильно замечает Пеппиг, составить себе верное понятие о его внешнем виде. «Хорошенько рассмотреть

это животное можно только тогда, когда оно бывает выкинуто волнами на берег; однако и в этом случае тело его не сохраняет настоящей формы, и рисовальщик не может его верно срисовать, потому что чудовищно большое тело сжимается от собственной тяжести и, кроме того, вдавливается в песок. Спокойно лежащих на воде кашалотов может видеть только китолов, и то при счастливом случае; но при виде такой богатой добычи ему, конечно, не до рисования. Этим можно объяснить, что до сих пор не существует вполне безукоризненного рисунка кашалота, составленно-

Кашалот
(*Physeter catodon*)

Семейство кашалотовые

** Эти размеры, очевидно, завышены: обычно длина кашалота-самца чуть менее 20 метров, а самки — около 10.*

*** Хвостовой плавник кашалотов отчетливо разделен на две лопасти глубокой срединной вырезкой.*

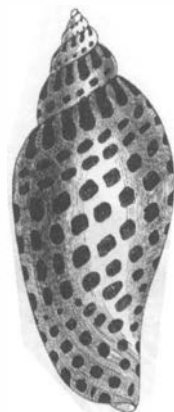
го опытным глазом наблюдателя-специалиста, а без подобного рисунка зоологам очень трудно устранить всякие недоразумения, касающиеся этого животного».

По длине тела кашалот уступает только немногим беззубым китам; по некоторым наблюдениям, длина старых самцов доходит до 30 м, но, вероятно, правильнее определить эту длину средним числом в 20—23 м, пока еще не сделаны точные измерения*. Окружность тела достигает 9—12 м, а ширина огромного плеса до 5 м. Все эти измерения относятся к самцам, потому что самки всегда гораздо меньше и не достигают даже половины этой длины. Ласты в сравнении с длиной тела удивительно малы: у самого большого животного они бывают не длиннее 2 м при 1 м ширины. Огромная голова кашалота похожа на безобразную колоду и по ширине и высоте не отличается от туловища, которое незаметно с нею соединяется. Если рассматривать туловище спереди в поперечном разрезе, то середина спины несколько вогнута; бока сначала идут почти отвесно, но к животу очень сильно расширяются, а на нижней стороне живота образуется как бы киль, очень тупой на передней трети тела, а затем к хвосту все более и более заостряющийся. На последней трети спины возвышается низкий горбовидный и как бы раздутый жировой плавник, который не может двигаться, спереди возвышается постепенно, а сзади как бы обрезан. Короткие, широкие и толстые ласты прикреплены тотчас за глазами; на верхней поверхности их заметны пять продольных складок, соответствующих пальцам, а на нижней стороне они совсем гладки. Хвостовой плавник не имеет сзади большой вырезки и потому не разделен на две лопасти; у молодых экземпляров задний край его имеет складки, а у старых он гладкий, и задний край образует почти прямую линию**. От спинного плавника до хвоста вдоль спины расположено несколько возвышений, имеющих вид небольших горбов. Дыхало расположено не на лбу, как у других китов, а около верхнего края морды; оно лежит не на самой середине, а немного налево и имеет вид щели, искривленной в виде французского S, до 20—30 см длины. Пасть очень широка и раскрывается почти до глаз. Нижняя челюсть гораздо короче и уже верхней, которая при закрытом рте ее обхватывает; на верхней челюсти замечаются также конусообразные зубы без корней, из которых многие потом выпадают, а другие почти не выдаются из десен. Зубов нижней челюсти гораздо больше, их бывает до 39—52; на одной стороне часто больше, чем на другой. У молодых животных кончики зубов острые, впоследствии они пригупляются, а у очень старых животных они состоят из пустого эмалевого конуса, полость которого наполнена костяным веществом. Голова поражает своей огромной массой и тем, что к морде она вовсе не суживается, череп же замечателен своей несимметричностью. На голове под слоем жира, имеющего несколько сантиметров толщины, нахо-

дится слой сухих жил, закрывающий собой полость, разделенную пополам поперечной перегородкой со многими отверстиями. Вся эта полость наполнена прозрачной маслянистой жидкостью, спермацетом, который, кроме того, находится в длинной трубке, идущей от головы к хвосту, и в небольших мешочках, рассеянных в мясе и жире*. В шее срастаются шесть позвонков. Лопатка довольно узкая, плечевая кость коротка и толста и срастается с еще более коротким предплечьем. Мясо кашалота твердое, крупноволокнистое и перерезано многими толстыми и крепкими сухожилиями. Поверх мяса лежит слой жира различной толщины. Кожа голая, почти совершенно гладкая и блестящая; сверху она темнобурого, иногда почти черного цвета, а живот, хвост и нижняя челюсть окрашены светлее; у очень старых китов светлая окраска распространяется и на голову. Язык всей нижней поверхностью сросся с нижней челюстью, желудок разделен на четыре части, кишки в 15 раз длиннее туловища, дыхательное горло разделено на три главные ветви. Кроме того, еще замечательно строение мочевого пузыря, который наполнен темной, маслянистой, оранжевого цвета жидкостью. В этой жидкости плавают иногда шарообразные твердые комки до 8—30 см в диаметре и до 6—10 кг веса; по всей вероятности, это болезненный продукт, сходный с мочевыми камнями других животных. Комки эти и представляют драгоценное вещество — амбру, имеющую большое применение в парфюмерном искусстве.

Кашалот водится почти во всех морях, за исключением Ледовитого океана и соседних с ним морей. Кашалот, по крайней мере в прежнее время, когда он был многочисленнее, нередко встречался и в северных широтах и до сих пор иногда там попадает. По-видимому, он точно так же хорошо себя чувствует в умеренном и холодном поясе, как и в тропических морях, под палящими лучами солнца. Однако в большом количестве кашалот встречается только в теплых морях, а в холодных попадают лишь отдельно странствующие или отставшие от стада животные. По мнению Пехуель-Леше, настоящей родиной кашалота следует считать моря между 40 градусом северной широты и таким же градусом южной широты; оттуда он, следуя по теплым течениям, заходит иногда как на север, так и на юг до 50 градуса, а иногда и дальше. Те экземпляры, которые иногда попадались около 55 и 60 градуса северной и южной широты или еще дальше от экватора, следует считать заблудившимися животными; стада кашалотов в этих широтах не встречал еще ни один опытный китолов, на слова которого можно положиться. Около южной оконечности Африки кашалотов никогда не встречали, а около южной оконечности Америки они попадались нередко. По словам Брауна, он в высшей степени редко встречается в Девисовом проливе и Баффиновом заливе. «Как было прежде, мне неизвестно, — говорит этот натуралист, — но ныне китоловы Девисова пролива знают

** Кашалотовые — семейство зубатых китов, включающее три современных вида. Кроме собственно кашалота в семейство входят когия, или карликовый кашалот, и малая когия. Всех кашалотовых характеризует наличие спермацетового мешка в лобной части головы, который выдается вперед за края челюстей, прочных зубов в нижней челюсти и слабых, быстро выпадающих — в верхней.*

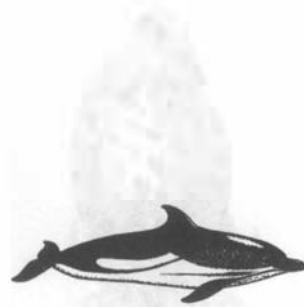
Семейство кашалотовые

кашалота только по имени, и многие из них улыбаются, когда спрашивают их о присутствии этого кита в тамошних водах. Даже между эскимосами я нашел только некоторых, которые кое-что знали о кашалоте от третьих лиц, и, несмотря на очень тщательные расспросы, я мог узнать только об одном случае, именно в новейшее время, в 1857 году, что кашалот был убит около берегов Гренландии».

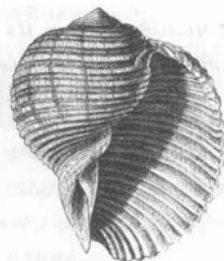
Кашалоты, подобно дельфинам, плавают тесными кучками или стадами; количество экземпляров этих стад бывает очень различно, но они всегда держатся глубоких мест. Они охотно плавают около крутых берегов и старательно избегают губительных для них мелей, хотя изредка и там показываются. Китоловы рассказывают, что каждое стадо имеет предводителя, старого большого самца, который ведет всю толпу самок и молодых, из которых состоит прочая часть стада, и защищает их от нападения враждебных животных. Старые самцы появляются иногда в одиночестве или собираются в небольшие общества. Большое стадо состоит обыкновенно из 20—30 животных; но в известное время собираются несколько стад вместе и тогда странствуют в числе нескольких сотен. Скаммон подтверждает в главных чертах эти сведения. По его наблюдениям, чаще всего видишь стада в 15—20 штук, а иногда и более сотни, и хотя самцы большую часть года встречаются поодиночке, однако бывают случаи, что эти чудовища собираются вместе и образуют довольно большие общества. Вожаками в стадах бывают по очереди несколько старых самцов, что необходимо вследствие того, что самки, когда у них есть детеныши, только о них и заботятся и ни на что другое не обращают внимания. Молодые самцы иногда образуют отдельные стада и не разлучаются до полной возмужалости.

Относительно скорости движения кашалот мало уступает другим быстро плавающим китам. Даже при спокойном плавании он проходит 3—6 морских миль в час, а при возбуждении так быстро прорезает волны, что оставляет за собой пенящийся след, как пароход. Его можно издали узнать по его движениям. Когда он плавает спокойно, то бесшумно движется под поверхностью воды; когда же он торопится, то так сильно машет хвостом вверх и вниз, что голова его то поднимается над поверхностью воды, то глубоко опускается вниз. Нередко становится он в воде отвесно, высоко выставляя или голову, или хвостовой плавник, чем отличается от большинства других китов. Случается даже, что он с большой силой выбрасывается над поверхностью воды, повторяет это два, три раза сряду, а затем надолго уходит в глубину. Если его долго преследуют или беспокоят, то он также становится вертикально в воде, выставляя голову, чтобы оглядеться кругом, или ложится горизонтально на воду и перевертывается с боку на бок. Когда он играет, то приподнимает то один, то другой плавник и сильно бьет ими по воде или так

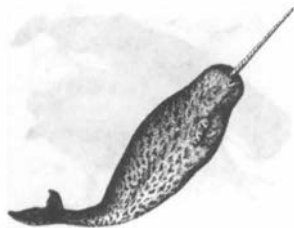

сильно хлопает по волнам своим плесом, что шум слышен очень далеко; при этом над поверхностью воды поднимаются высокие пенистые волны, которые в светлые дни видны на расстоянии до 10 морских миль и служат китоловам указанием на присутствие кашалотов. Обыкновенно подобного рода усиленные движения чудовища приписывают его стараниям освободиться от мучащих его паразитов; но на кашалотах редко встречаются те животные паразиты, которые в столь огромном количестве живут на коже других китов, и потому следует предположить, что он исполняет подобные гимнастические упражнения для мощи она или ради удовольствия.

При отсутствии ветра кашалоты лежат иногда совершенно неподвижно на воде и качаются на волнах, иногда же становятся вертикально, очень смешно выставляя свои головы на воздух. В последнем случае издали кажется, что видишь перед собой торчащие из воды толстые бревна или горлышки чудовищно больших бутылок. Вышеупомянутый натуралист точно так, как и Скаммон, утверждает, что ни один кит не двигается и не дышит столь правильно, как кашалот. Когда он выныривает, то выпускает не очень высокий, обыкновенно не выше одного метра, фонтан, который, однако, очень толст и раскидист; фонтан этот наклонен вперед и несколько налево и с мачты корабля виден на расстоянии от 3 до 5 морских миль. Если кашалот торопится, то дышит лишь в течение 2—4 секунд и при этом громко пыхтит; если же он спокоен, то остается на поверхности воды вдвое и втрое дольше. Число вдохов зависит от величины животного, но каждое вдыхание, если его не беспокоят, происходит всякий раз одинаковое число секунд над поверхностью воды, и промежутки между вдыханиями, во время которых он остается в глубине, также одинаковы. Самки и детеныши обоих полов остаются под водой гораздо меньше, чем старые самцы; последние выдувают свои фонтаны в течение 10—15 минут, повторяя это 40, 60 и даже 70 раз сряду; после того они как бы кувыркаются, выставляют над водой свой плес и, достигнув отвесного направления, глубоко ныряют в воду, где остаются до следующего вдыхания 20, 40, а иногда и 50 минут. Когда Скаммон в 1853 году находился на китоловном судне, то около Черепашьих островов в Тихом океане был убит большой кашалот, за которым гнались с 11 часов утра до 4 часов пополудни; в это время он правильно брызгал 55 раз при каждом появлении на поверхности воды и затем каждый раз оставался 55 минут под водой, при преследовании он плыл как под водой, так и на поверхности ее со скоростью 3 морских миль в час. Небольшие и молодые кашалоты не выказывают такой правильности при дыхании и нырянии, брызгают не так много раз подряд и чаще ныряют. По наблюдениям Скаммона, маленькие кашалоты остаются над водой лишь четвертую или пятую часть того времени, какое употребляют на это большие, выдыха-

Семейство кашалотовые

** Как и у других зубатых китов, у кашалота развита взаимовыручка, когда члены стада пытаются поддержать на плаву раненого товарища. Природа, к сожалению, не подготовила кашалотов к встрече с человеком, и их естественное поведение часто обращается им же во вред.*

ют от 30 до 40 раз, и под водой остаются не дольше 20—30 минут. Опытные китоловы уверяют, что они по слуху могут отличить кашалота от других китов, так как его выдыхание производит совершенно своеобразный шум, который нельзя спутать с шумом, производимым другими морскими животными.

Между внешними чувствами осязание, по-видимому, занимает первое место: в коже находится множество нервных сосочков, и она способна воспринимать самое незначительное прикосновение. Зрение не очень плохо, и слух, вероятно, довольно развит, так как кашалот слышит даже негромкие звуки. Китоловы знают это очень хорошо и при тихой погоде избегают всякого шума, если желают подстеречь свою добычу. По своему характеру кашалот более похож на дельфинов, чем на беззубых китов, но избегает близости человека гораздо тщательнее, чем общительный дельфин. Если кашалота преследуют или на него нападают, то вместо страха у него иногда появляется такая страсть к борьбе, которую мы не замечаем ни у одного из китов. Часто наблюдали, что небольшая стая дельфинов может обратить в поспешное бегство огромное стадо кашалотов; по опыту также известно, что старые самцы при приближении корабля стараются как можно скорее спастись бегством. Случалось, что целое стадо так сильно пугалось приближения врага, что, как бы обезумев, оставалось на месте, двигаясь бестолково и неловко, и давало таким образом возможность людям убить несколько штук зараз. Китоловы говорят, что подобный беспорядок и страх случается тогда, когда ранена сначала самка; если же ранен вожак, то все стадо обращается в бегство. По наблюдениям Скаммона, самки выказывают большую привязанность друг к другу; они собираются около раненой подруги, окружают шлюпку и долго остаются около умирающей, хотя очень часто это ведет к гибели некоторых из них*. Между молодыми самцами этой привязанности не замечается; они оставляют товарища, раненного остройгой.

Кашалот питается разными видами головоногих, причем, конечно, проглатывает и маленьких рыб, которые очутятся в его широкой пасти, но специально за ними он не охотится. Мореплаватели прежних времен рассказывали, что кашалот нападает на акул, тюленей, дельфинов и даже на беззубых китов, но новейшие наблюдатели ничего подобного не замечали. С другой стороны, утверждают, что он не пренебрегает и растительной пищей, например, проглатывает плоды, занесенные реками в открытое море. Так как он долее других китов может оставаться под водой, то ему легко исследовать различные пещеры и углубления морского дна, недоступные его родичам, поэтому едва ли он когда-нибудь испытывает недостаток в пище. В точности мы еще не знаем, каким образом он схватывает добычу, но опытные наблюдатели полагают, что он это делает так: спустившись в глубину, он открывает свою очень подвижную нижнюю челюсть настолько, что

она образует с туловищем почти прямой угол; подвигаясь медленно вперед, он ею, как сеть, захватывает попадающихся животных, раздробляет их зубами и глотает. Скаммон подтверждает это предположение, при этом очень верно замечает, что в высшей степени трудно себе представить, каким образом такое громадное животное добывает себе то изумительно большое количество пищи, которое ему необходимо для насыщения. При этом следует, однако, иметь в виду, что между головоногими встречаются столь громадные животные, что для полного насыщения достаточно и одного из них*.

Матери с сосунами встречаются во всякое время года. Беннет же, который подробнее других говорит о детенышах, утверждает, что сосуны в марте, апреле, октябре и ноябре не встречаются; это, однако, не доказывает, что в указанные месяцы детеныши вовсе не рождаются. После 10-месячной (?) беременности самки рожают одного и редко двух детенышей**. Новорожденные кашалоты в четыре раза меньше матери и тотчас после появления на свет начинают весело плавать около матери. Для кормления мать ложится на бок, и детеныш схватывает сосок не кончиком, а углом рта.

Охотиться за кашалотами начали уже с древних времен, но особенно усердно китоловы стали преследовать его с конца XVII столетия по примеру американцев. С начала нынешнего столетия главным местом ловли кашалотов служит южная часть Тихого океана, и делом этим почти исключительно занимаются англичане и североамериканцы. В период с 1820 по 1830 год английскими китоловами было добыто 45 933 бочки спермацета, следовательно, средним числом в год 4600 бочек; в 1831 и 1832 годах добыча увеличилась до 7605 и 7165. Но в последние десятилетия добывание спермацета значительно уменьшилось: в пятидесятых годах американцы ежегодно добывали от 73 до 103 тысяч бочек ворвани, а в семидесятых и восьмидесятых годах только половину этого количества. От большого кашалота-самца получается до 80—120 бочек ворвани, и цена животного, смотря по очень колеблющимся ценам ворвани, бывает от 9 до 20 тысяч марок; самки гораздо меньше ростом и стоят менее половины этой цены.

Охота на кашалота сопряжена с большими опасностями, чем ловля других китов. Беззубые киты только в виде исключения пытаются нанести вред своим преследователям, между тем как кашалот при нападении на него защищается, храбро устремляется на противников и как оружием пользуется не только своим хвостом, но даже своими страшными зубами. Что он действительно защищается зубами, доказано многочисленными наблюдениями: например, случалось убивать старых самцов с совершенно изуродованной нижней челюстью, которая, очевидно, была повреждена в битве с другим кашалотом или каким-нибудь дру-

** Большие скопления кальмаров, достойные внимания кашалота, большую часть времени держатся на глубине в несколько сотен метров. Там же обитают гигантские кальмары — архитевтисы, длина которых хоть и преувеличена различными авторами, но может превышать (считая длинные щупальца) 10 м. То, как кашалоты в крошечной темноте отыскивают добычу, стало ясно, когда открыли, что китообразные пользуются ультразвуком. В погоне за кальмарами кашалот способен нырять на глубину до 1 км, глубже всех прочих китообразных, и оставаться под водой до 1 часа.*

*** Самка кашалота рождает одного детеныша; продолжительность беременности точно не известна, разные авторы указывают сроки от 10 до 17 месяцев.*

** Этот эпизод, в соединении с несколькими другими рассказами, положен Мелвиллом в основу романа о Моби Дике. Образ белого кита был навеян рассказами о реальном самце-кашалоте, хорошо известном морякам по широкой белесой полосе на голове. Этого кашалота добыли только после нескольких лет попыток, причем в его спине были найдены вросшие в кожу остатки 14 гарпунов. Несмотря на наличие документальных подтверждений гибели судов от нападения кашалота, это явление исключительно редкое, и многие без вести пропавшие корабли напрасно внесены в список жертв китов.*

гим, может быть, неизвестным морским чудовищем. Кроме того, китоловы знают по собственному опыту, что защищающийся кашалот не только наносит лодкам удары своей головой или мощным хвостом, но прямо схватывает их пастью и легко разламывает зубами. Наблюдения показали, что он может раздвинуть свою зубастую нижнюю челюсть так, что она образует с головой почти прямой угол, а также легко двигает ею из стороны в сторону. Когда в него попадает гарпун, то он иногда неподвижно остается на месте, как бы парализованный, и дает, таким образом, возможность китоловам быстро удалиться; но в большинстве случаев он отчаянно защищает свою жизнь, не ищет спасения в бегстве, но мстит за нанесенные раны с большим ожесточением. Все опытные моряки рассказывают случаи несчастий, происшедших от столкновения с кашалотом; многие из этих рассказов, вероятно, преувеличены, некоторые даже просто выдуманы, но значительное число несчастных случаев вполне достоверно и официально доказано. Мы приведем для примера некоторые подобные столкновения.

В 1807 году на берегах Массачусетса кашалот напал на корабль «Нантукет» и так его разбил, что судно пришло в полную негодность. В 1820 году шлюпки корабля «Эссекс» гнались за стадом кашалотов, между тем как корабль следовал за ними с полуопущенными парусами. Вдруг недалеко от него появился огромный кашалот-самец, который направился к кораблю и как бы случайно ударил его головой в бок. При этом ударе корабль был довольно сильно поврежден, но и кит, по-видимому, сильно ушибся, потому что он стал неистово валяться по воде, но затем поправился и удалился от корабля. Экипаж полагал, что он уже избавился от чудовища, и стал усиленно выкачивать воду, так как следствием столкновения оказалась значительная пробоина, но скоро с ужасом увидели, что кашалот остановился на расстоянии ста саженей, обернулся и яростно снова бросился на корабль: он ударил его в нос и так разбил его, что корабль тотчас начал тонуть. Экипаж среди океана должен был спастись на своих шлюпках; две из них плавали 93 и 97 дней по морю и были наконец спасены другими кораблями, причем в каждой шлюпке остались живыми только 2 и 3 человека, которые долго питались трупами своих умерших товарищей; прочие шлюпки пропали*. Другое американское китоловное судно, бриг «Анна Александр», в 1851 году около берегов Перу было также сильно повреждено кашалотом и пошло ко дну. В том же году другое китоловное судно, «Цитизен», не подверглось той же участи только потому, что вследствие сильного ветра могло быстро повернуть в сторону, так что кашалот только мимоходом задел его. Четыре месяца после гибели корабля «Анна Александр» экипаж барки «Ревекка» напал на огромного кашалота, которого убили довольно легко без приключений. В его теле нашли два гарпуна с надписью

«Анна Александр»; голова кита была сильно повреждена, из огромных ран торчали куски досок корабельной обшивки.

Рассказывают даже случаи нападения кашалотов на корабли, которые вовсе не беспокоили кита. Так случилось с английским кораблем «Ватерлоо», нагруженным южными плодами. Трудно перечислить все те корабли, которые были разбиты этими морскими гигантами, так как часто весь экипаж при этом погибал. Пехуель-Леше рассказывает следующий случай. «16 декабря 1867 года один из офицеров барки «Осцеола» ранил острой кашалота, но шлюпка его была тотчас разбита китом, другой офицер поспешил на помощь, но и его шлюпка подверглась той же участи; третья шлюпка занялась спасением плавающих в море людей, а четвертая приблизилась к киту, который схватил ее зубами и совершенно раздробил. Тогда были спущены две запасные лодки, но кашалот так яростно напал, что они должны были искать спасение на корабле. Тогда чудовище бросилось на сам корабль, но нанесло ему только удар боком в нос, так что, хотя он был очень сильно потрясен и потерял несколько досок, но все-таки остался годным к плаванию. Кит также получил значительные повреждения от столкновения и от нескольких пущенных в него разрывных пуль; поэтому он перестал так яростно нападать. К вечеру оба противника как бы заключили перемирие, но оставались на поле сражения. Утром экипаж снова напал на кашалота, который значительно ослабел и тащил за собой веревку с остатками разломанной лодки. Наконец его удалось убить. Но подобные приключения оканчиваются не всегда так благополучно; многие пропавшие без вести корабли, вероятно, уничтожены кашалотами, так что никто из экипажа не спасся и не мог дать знать о несчастье. Некоторые старые самцы приобрели у китоловов печальную известность своей способностью разбивать корабли и расщеплять зубами шлюпки, например, огромный кашалот, живший в морях около Новой Зеландии и потому получивший от моряков прозвище Новозеландский Том. Он, говорят, не позволял ни одной шлюпке приблизиться к себе, шел им навстречу и разбивал, если они не успевали вовремя спастись. Но на корабли он не нападал. Об этом Томе у китоловов существуют многие сказания и даже песни; в спине его торчит множество гарпунов, так что он имеет вид ежа. Достоверно известно о нем следующее приключение. Корабль «Адонис» и некоторые другие хотели в пятидесятых годах завладеть им соединенными силами, но кашалот в короткое время разгрыз и разбил 9 шлюпок и убил 4 людей, так что прочие должны были отказаться от преследования. Во всяком случае, кашалота следует считать за самого храброго и свирепого из всех китов; это, без сомнения, самое страшное морское чудовище».

Выгоды от ловли кашалота довольно значительны, но едва ли вознаграждают за те опасности, которым подвергаются при

*Семейство
кашалотовые*

Семейство кашалотовые

** До недавних пор истребление кашалотов находило оправдание именно в добыче спермацета, шедшего на смазочные материалы высшего качества, необходимые для некоторых отраслей промышленности. По крайней мере двадцать лет назад еще не было адекватной замены спермацету.*

*** Заметное снижение численности кашалота по всему его ареалу потребовало принятия охранных мер. Кашалот включен в Конвенцию о международной торговле животными, и к концу 1980-х годов прекращен промысел этих китов в Антарктике и в северной части Тихого океана.*

этом китоловы. Кроме сала, из которого получается очень хорошая ворвань, кашалот доставляет еще спермацет и амбру. Спермацет, который получается из полостей на голове, в свежем состоянии жидок, прозрачен и почти бесцветен, но на холоде застывает и получает тогда белый цвет. Чем больше его очищают, тем он делается крепче и суше, так что наконец получает вид мелкозернистой массы, состоящей из тонких листочков, имеющих блеск перламутра. Его употребляют для некоторых мазей и делают из него также свечи, которые считаются самыми лучшими*. Еще более драгоценный продукт представляет собой амбра, о которой уже с древних времен существует много баснословных рассказов. Это легкая, мягкая, воскообразная масса, окрашенная в различный цвет; на ощупь она жирна, имеет приятный запах, от теплоты размягчается, в кипящей воде обращается в маслообразную жидкость, а при сильной жаре испаряется. Ее чаще всего употребляют для благовонных курений или примешивают к эфирным маслам и мылу. Уже древние римляне и арабы высоко ценили амбру и знали употребление ее, а у греков она была известна как успокаивающее медицинское средство, которое употребляли против судорог; еще до конца прошлого столетия амбру держали в аптеках в качестве лекарства. Очень долго происхождение амбры было вполне загадочно. Древние греки справедливо считали ее испражнениями какого-то животного, но впоследствии явились другие предположения. То ее считали за помет баснословной птицы, питающейся исключительно благовонными травами, то за морское растение, похожее на губку, то за смолу, то наконец за видоизменившуюся морскую пену. Бойльстаун первый в 1724 году узнал, от какого животного получается это драгоценное вещество. Рассказывают, что некоторые счастливые китоловы находили во внутренностях больших самцов комки амбры в 25 кг веса, и прежде полагали, что в мочевом пузыре кашалота находили даже комки в 70 и 75 кг. Еще чаще, чем из внутренностей кашалота, амбру находят плавающей на поверхности моря. Несомненно, что действительно находили куски в 90 кг веса. Кроме вышеупомянутых продуктов зубы кашалота также находят применение. Они внутри желтоваты, как сообщает Вестендарп, но состоят из очень плотного и прочного вещества, поэтому из них часто делают пуговицы и игральные марки; один килограмм зубов стоит до 5—8 марок**.

Подотряд УСАТЫЕ КИТЫ (Mysticeti)*

Небогатый видами подотряд беззубых (усатых) китов отличается тем, что у относящихся сюда животных зубов нет, а на верхней челюсти и нёбе вырастают особые роговые пластинки. Прочими признаками могут служить: очень большая широкая голова, отдельные продольные дыхалы, узкая глотка. Легче всего, однако, их распознать по присутствию роговых пластинок во рту. Они вовсе не заменяют зубов и не похожи на них ни по происхождению, ни по способу прикрепления к челюсти. У очень молодых китов находили в челюстях небольшие костяные тельца, которые можно считать зачатками зубов; позже вырастающие роговые пластинки появляются не на челюстях, а на нёбе и не соединены непосредственно с костями головы. Их поперечное положение на верхнем своде полости рта напоминает нёбные зубы рыб. Эти пластинки состоят из рогового, а не костяного вещества, очевидно, кожного происхождения, и имеют вид трехгранных, реже четырехгранных призм, у которых можно различить наружное и внутреннее вещество. Первое состоит из тонких, друг на друге лежащих роговых листочков, а последнее, то есть внутреннее вещество, образуется параллельными трубочками, которые на конце пластинки расщепляются на множество грубых щетинок. Искривленные роговые листочки соединяют пластинки около их корней, сидящих в богатом кровеносными сосудами слое кожи, который имеет до 2 см толщины; слой этот и служит для питания пластинок. Они имеют треугольную форму и висят вертикально с нёба по сторонам срединного продольного киля, образованного покрытым лишь слизистой оболочкой сошником. Самые длинные из этих пластинок, которых насчитывают от 250 до 400, находятся посередине каждой челюсти; самые короткие на конце морды и сзади, около места прикрепления нижней челюсти, причем от середины к краям величина их уменьшается постепенно. Впереди пластинки сидят очень тесно друг около друга, сзади промежутки между ними увеличиваются. Если смотреть на этот аппарат сбоку, то он походит на гигантский гребень, отдельные зубцы которого имеют довольно гладкую и выпуклую поверхность. Если же рассматривать его спереди, то он похож на свод, с потолка которого по сторонам находящегося посередине киля висит множество длинных гибких волокон. Когда кит закрывает рот, то нижняя челюсть помещает в себе весь роговой аппарат верхней челюсти; пластинки касаются, если не везде, то по крайней мере по краям языка и совершенно отделяют нёбную полость от окружающей воды; таким образом пластинки эти образуют как бы сито, останавливающее даже самых маленьких и скользких животных, которыми эти киты питаются.

Подотряд усатые киты

** Беззубые (усатые) киты — подотряд китообразных, включающий лишённые зубов виды, питающиеся преимущественно планктоном. Свою пищу усатые киты процеживают, пропуская воду через цедильный аппарат. Последний состоит из свисающих с верхней губы роговых пластин, образованных сросшимися волосами и несущих по краю густую щетку, в которой и застревает планктон. Подотряд состоит из трех семейств (гладкие киты, серые киты и полосатики), включающих 3, 1 и 6 видов соответственно.*

Подотряд усатые киты

** Подотряд включает в основном крупные формы, в том числе крупнейшие виды китообразных. Рекордные размеры синего кита, известные науке, составляют 33 метра длины и 198 тонн веса (масса 35 слонов). Однако средняя длина и тем более масса большей части видов уступает таковым кашалота.*

*** Серые киты и гладкие киты живут только в относительно холодных водах (первые — только в северном полушарии, вторые — в обоих). Полосатики, напротив, широко распространены в тропических и субтропических морях, но заходят и в воды Арктики и Антарктики (обычно в летнее время). Усатые киты обычно держатся подножке или парами, но некоторые виды, например серый кит, могут образовывать небольшие стада.*

Беззубые киты — громадные животные с очень большой головой, широко расщепленным ртом, двойными дыхалами, скрытым ушным отверстием и очень маленькими глазами. Позвоночник их состоит из 7 шейных, 14—15 грудных, 11—15 крестцовых и 21 и более хвостовых позвонков. Одна лишь пара ребер соединяется с грудной костью, все прочие должны считаться ложными. Челюсти имеют громадную величину сравнительно с очень небольшой мозговой частью черепа; они согнуты большими дугами и спереди вытянуты в виде клюва. Лопатки очень широки, а передние конечности устроены различным образом, но большого пальца в большинстве случаев нет. Огромный язык по краям прирос к коже рта и неподвижен. Отверстие пищевода очень узко, а желудок разделен на три части. Взрослые киты достигают до 20—30 м длины и весят от 20 до 150 тыс. кг*. Это самые большие животные из ныне живущих на земле. У большого кита масса тела соответствует примерно 30—35 слонам или 150—170 быкам; из жира такого чудовища получается иногда до 300 гектолитров ворвани (более 600 сорокаведерных бочек).

Беззубые киты живут большей частью одиноко; они соединяются в стаи, вероятно, только случайно, когда на одном месте находится много корма. Большинство из них живут в Ледовитом океане и только иногда выходят из бухт, образованных ледяными полями; другие странствуют в более южные моря**. Как уже выше сказано, они не всегда живут в одном месте, а довольно правильно переселяются. Несмотря на свою необыкновенную массивность, они двигаются в воде быстро и ловко; большинство из них прорезают волны со скоростью парохода. Если их не тревожат, то они чаще всего плавают около поверхности воды, иногда ложатся на воду то на спину, то на бок, валяются, становятся вертикально и играют иным способом; случается, что они выдвигаются из воды наполовину, а иногда даже совсем из нее выпрыгивают. Когда море спокойно, то киты иногда спят, покачиваясь на волнах.

Пища этих самых больших животных состоит из мелких рыб и маленьких незначительных моллюсков, головоногих, медуз и червей, из которых многие едва заметны простым глазом; но они зараз проглатывают миллионы этих существ. Кит плывет, широко раскрыв свою огромную пасть, наполняет всю полость рта водой и животными, в ней живущими, и когда его чувствительный язык покажет ему на присутствие большого числа их, то он закрывает ловушку. Пластинки усов стоят перпендикулярно и образуют собой сито, которое при закрытом рте пропускает воду, но останавливает всех находящихся в ней животных. Незначительное движение огромного едва подвижного языка проталкивает студнеобразное вещество через пищевод в желудок. Ловушка снова раскрывается, и кит плывет далее по волнам. Маленькая рыбка, которая случайно попадет в эту жи-

вую вершу, конечно, тоже проглатывается, а также и водоросли, попавшие в рот.

По своим душевным качества беззубые киты похожи на описанных уже нами сирен. Из внешних чувств у них лучше всего развиты зрение, слух и осязание. По понятливости эти киты, кажется, стоят ниже зубастых. Все беззубые киты пугливы, робки и легко обращаются в бегство, поэтому они живут в мире со всеми остальными морскими животными. Когда на них нападают, то иногда пробуждается свойственная всем животным смелость, которая в некоторых случаях переходит в сильное раздражение; они тогда защищаются отчаянно и нередко с успехом, но в большинстве случаев они наносят своим врагам мало вреда. Главным орудием защиты служит у них плес, о страшной силе которого можно получить понятие, если вспомнить, что посредством его кит подвигает вперед свое огромное туловище по волнам со скоростью парохода. Один удар китового хвоста достаточен, чтобы разбить в щепки большую лодку или подбросить ее на воздух; подобным же ударом убиваются сразу большие животные и, конечно, также и человек*. О размножении беззубых китов мы знаем еще мало, разве только то, что самки рожают одного, редко двух очень больших детенышей, имеющих при рождении $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины матери; они долго кормят их молоком, очень к ним привязаны, защищают их с большим мужеством, часто поддерживают их, прижимая к себе одним ластом, и водят с собой, пока детеныш не сделается вполне взрослым**. Беззубые киты, вероятно, растут очень скоро, но все же проходит много лет, пока они не достигнут своего настоящего роста.

СЕМЕЙСТВО

НАСТОЯЩИЕ, ИЛИ ГЛАДКИЕ, КИТЫ (*Balaenidae*)***

Гладкие киты неуклюжее и массивнее всех китов; у них нет спинного плавника и бороздок на нижней части тела, ласты у них широкие, на конце как бы обрубленные, пластинки во рту длинные и узкие, шейные позвонки по большей части сросшиеся, лопатки ромбической формы, и длина их больше ширины.

Представителем этого семейства следует считать наиболее известного **гренландского кита** (*Balaena mysticetus*), неуклюжее создание, у которого все части тела кажутся непропорциональными. Присущее людям стремление преувеличивать все странное и удивительное имело большое влияние на описание этого издавна известного животного. Существуют однако и хорошие описания этого кита. Уже мореходы, которые ловили этого кита 300—400 лет тому назад, говорят лишь о китах, имевших не более 20 м длины, а Скорсби, который присутствовал при ловле 320 китов, не нашел между ними ни одного, длина которого превосходила 12 м; Пехуель-Леше дает следующие размеры кита, убитого в Ледовитом океане север-

Семейство НАСТОЯЩИЕ КИТЫ

* Нет подтвержденных свидетельств того, что усатые киты, даже спасая свою жизнь, нападают на человека или лодки. Гибель лодок и людей в них может стать следствием случайного удара хвостом бьющегося в агонии гиганта.

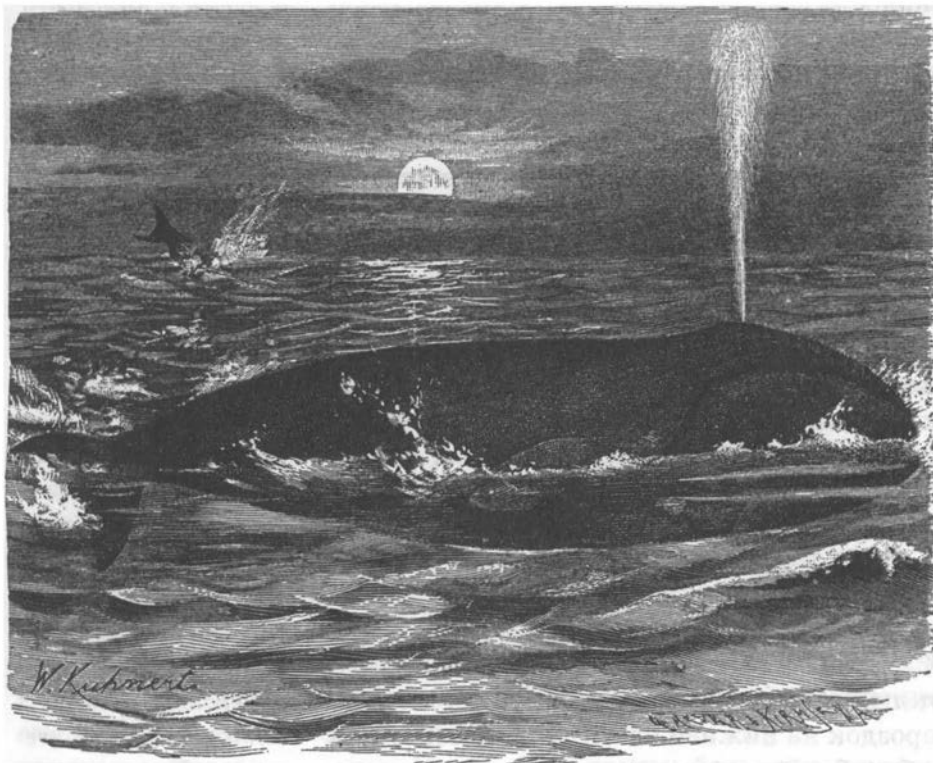
** Когда детеныш не кормится, он обычно располагается над матерью, что облегчает ему и доступ к воздуху, и движение вперед.

*** Настоящие, или гладкие, киты — семейство усатых китов, включающее три вида из трех же родов. У двух видов нет спинного плавника, откуда и происходит название «гладкие».

Семейство настоящие киты

нее Берингова пролива: длина тела 16,4 м, ширина хвоста — 6,7 м, длина самых больших роговых пластинок — 3,25 м. Однако нельзя отрицать, что иногда ловили китов и больших размеров; а теперь таких китов находят в отдаленных частях океана. Карл Гизеке рассказывает о ките, пойманном в 1813 году, который имел 20,4 м длины, и в начале нынешнего столетия около Шпицбергена убили кита, который примерно был такой же величины и роговые пластинки которого имели до 5 м длины. Браун также утверждает, что после описания Скоресби длину китов обыкновенно убавляют и приводит измерения, сделанные Годсиром, чтобы найти настоящие размеры китов: самка, которая была убита в Девисовом проливе, от

морды до развилины хвоста имела 19,8 м; окружность тела за лапами — 9,1 м, длина головы до сочленения нижней челюсти — 6,4 м, длина лапа — 2,4 м, наибольшая ширина лапа — 1,2 м, ширина хвоста — 7,3 м, длина самой большой пластинки во рту — 5 м. Этот кит, однако, не может считаться самым большим китом: капитан А. Дейхарст, очень опытный и добросовестный китолов, сообщил Брауну, что в 1849 году ему удалось убить

Гренландский кит
(*Balaena mysticetus*)

кита, имевшего 24,4 м длины, хвост которого имел 8,8 м ширины.

Во всяком случае, кит 18 м длины представляет собой удивительное и даже страшное чудовище. Массивная голова занимает, как видно из вышеприведенных измерений, около одной трети длины всего тела; в пасти может поместиться средней величины шлюпка со своим экипажем, так как длина пасти до 5—6 м, а ширина — до 2,5—3 м. В сравнении с другими животными этого отряда гренландский кит более массивен и толст, туловище короткое, толстое и круглое, к хвосту оно сильно сужается, на середине головы, около того места, где находятся дыхалы, замечается небольшое возвышение, а внизу около горла — незначительное углубление; глаза, величиной едва превосходящие глаза быка, расположены тотчас за сочленением нижней

челюсти; уши, отверстия которых не шире толщины гусяного пера, находятся немного позади глаз; дыхалы имеют вид двух узких щелей около 45 см длины и формой напоминают латинскую букву S; они находятся на расстоянии 3 м от конца морды на самой возвышенной части головы. Ласты этого кита относительно довольно широки, толсты, на передней части едва выпуклы, а на задней части сильно вогнуты и на верхней и нижней стороне имеют по короткому округленному килю; они прикрепляются тотчас за глазами, примерно на середине тела. Во рту находят до 300—360 роговых пластинок (китоловы говорят, что число их равняется числу дней в году); самые большие из них могут иметь до 5 м длины и весить до 3—3,5 кг*. Язык мягкий и всей своей нижней поверхностью прирос к челюсти. Кожа везде голая, за исключением нескольких толстых щетин на конце обеих челюстей и несколько более тонких на сторонах головы и между дыхалами, где они очень коротки, сидят в два или три ряда и часто бывают совсем стертые. Верхняя кожа, покрывающая тело, относительно говоря, довольно тонкая, крепкая, мягкая, как бархат, и похожа на сапожную кожу, пропитанную маслом. Под ней лежит слой жира, имеющий до 20—45 см толщины. Окраска тела чрезвычайно изменчива; верхняя часть головы, по словам Брауна, окрашена в серовато-белый, как бы молочный цвет, который на конце морды переходит в черное пятно, имеющее около 15 см ширины. Остальная часть спины почти одноцветна, именно темно-синяя, причем старые киты темнее, а молодые светлее. У старых китов темный цвет туловища распространяется и на челюсти, между тем как у молодых там замечают неправильные белые пятна. За глазами и сочленениями нижней челюсти замечаются обыкновенно два светлых пятна; подобное же маленькое пятно находится на веках, а у начала хвоста также видно несколько неправильных белых пятнышек. Видоизменения этой окраски встречаются, как выше сказано, довольно часто: киты бывают пегие и однообразно желтовато-белые, как слоновая кость. Самки обыкновенно больше и жирнее самцов. Оба вымени их, которые по величине примерно равняются вымени коровы, окружены белыми пятнами.

Гренландский кит живет в северных частях Атлантического и Тихого океанов, а также в Ледовитом, но определенного местопребывания не имеет. Присутствие и странствование этого кита, очевидно, в сильной степени зависят от состояния льда в различные времена года. Все точные наблюдатели полагают, что гренландский кит всегда держится вблизи льда, добровольно никогда далеко от льдин не уходит и направляется к северу, когда лед начинает таять, а к югу — когда вода снова замерзает. Он так любит близость льда, что тотчас оставляет местность, где лед растаял, и очень часто плавает под ледяными полями: так, его иногда встречали в полыньях, образованных приливом и отливом

** Гренландский кит — самый большой вид семейства, до 21 метра длиной. Огромная голова составляет до 1/3 длины тела. Верхняя челюсть очень сильно выгнута, откуда происходит другое английское название этого кита — «дугу-головый». Пластины цедильного аппарата достигают 3—4,5 метра длины, черного цвета. Распространен в полярных морях Северного полушария.*

Семейство настоящие киты

** Гренландский кит, испугавшись, уходит под воду вертикально, вскинув в воздух хвост, хотя ныряльщик он неважный и глубоко не ныряет. Обычно он плавает со скоростью 4 мили в час (около 7 км/ч — скорость быстрой ходьбы взрослого человека), а при опасности ускоряется до 9 миль в час. По сравнению со скоростью дельфинов и полосатиков это, конечно, немного.*

среди огромных ледяных полей, где он, очевидно, показывается над поверхностью воды, чтобы подышать.

Гренландский кит любит жить обществами. Чаще всего его встречают небольшими стаями, до 3—4 штук, но во время своих дальних странствований киты собираются иногда в довольно большие стада. Браун узнал от Мак-Бэна, что лет пятьдесят тому назад было замечено необыкновенно большое стадо китов южнее Понтбая. Соединившись в стаи, по несколько сот штук, животные эти плыли к северу, а через несколько дней по тому же пути за ними следовали огромные стада моржей. Опытные китоловы утверждают, что в стадах встречаются лишь киты примерно одного и того же возраста, так что старые соединяются отдельно от молодых. Как долго держатся эти киты стадами и в какое время расходятся, неизвестно.

Движения этих животных медленными и неуклюжими назвать нельзя. «Несмотря на массивность туловища, — говорит Скоресби, — кит может двигаться быстро и ловко, в 5 или 6 секунд он может скрыться от своих преследователей; однако эта большая быстрота продолжается только несколько минут. Иногда он с такой силой ударяется о поверхность воды, что совершенно из нее выскакивает, иногда же становится головой вниз, поднимает хвост на воздух и бьет им по воде с ужасной силой. Шум от этого плескания при тихой погоде слышится на большое расстояние, и волнение воды распространяется очень далеко. Когда он ранен гарпуном, то в первые минуты с ужасной быстротой, как стрела, направляется в глубину, так что иногда ломает себе челюсть, ударяясь о дно в мелком месте*». По Брауну, последнее замечается главным образом у молодых китов, потому что старые обыкновенно спокойнее и ленивее; однако каждый из них может проплывать довольно большие расстояния очень быстро. Когда кит ничем не встревожен, то он приближается к поверхности воды через 10—15 минут, остается там до 1—3 минут, чтобы подышать, и под конец до 4—6 раз сильно втягивает в себя воздух. Оба фонтана его соединяются почти в один, и высота их часто доходит до 4 м, так что они видны издали. Скоресби говорит, что гренландский кит, когда ищет себе пищу, остается под водой до 15—20 минут; если же он ранен, то может там оставаться полчаса, а иногда даже целый час; однако тот кит, который пробыл в воде более 40 минут, поднимается на поверхность в сильном изнеможении. Скаммон приводит только один случай, когда старый раненый кит, который, вероятно, нырнул до самого дна, так как голова его потом была вся покрыта илом, оставался под водой час и двадцать минут и вынырнул на поверхность еще живым, но очень ослабевшим.

О душевных способностях гренландского кита многого сказать нельзя. Из внешних чувств довольно развиты только зрение и осязание, однако предполагают, что и другие внешние чувства

довольно хорошо действуют, когда кит находится под водой, и оказываются очень слабыми только тогда, когда он на воздухе. Говорят, что кит узнает о присутствии других китов на удивительно большом расстоянии, но над водой глаза его видят очень недалеко*. Слух его на воздухе так слаб, что он, по наблюдениям Скоресби, не слышит громкого крика на расстоянии длины корабля; когда же он плывет под водой, то пускается в бегство от незначительного плеска весел и какого-нибудь шума на корабле. Между его душевными способностями следует упомянуть о привязанности его к другим китам и замечательно сильно развитой любви самок к своим детенышам. О других проявлениях понятливости наблюдатели почти не упоминают, все-таки можно заметить, что опыт делает умнее даже эти неуклюжие создания. Насколько известно, никто никогда не слышал, чтобы гренландский кит «ревел», однако трудно согласиться со Скоресби, который утверждает, что он не может издавать никакого звука.

При хорошей погоде многие наблюдали кита и во время его сна. Он тогда, как труп, лежит не шевелясь на поверхности воды, причем верхушка головы находится над водою; он тогда дышит спокойно, не выпуская фонтанов, и удерживается в равновесии тихим движением плавников. Пища его состоит главным образом из мелких ракообразных животных, особенно ращепоногих, а также из мягкотелых, по преимуществу крылоногих, которые в таком большом количестве встречаются в море, что окрашивают некоторые места его поверхности в оливковый цвет. Трудно предположить, чтобы он глотал крупных рыб, и вероятно, он проглатывает лишь тех небольших рыб, которые случайно попадут в его огромную пасть. Количество мелких морских животных, которые необходимы киту, чтобы насытиться, не поддается никакому вычислению. Помёт его окрашен в красный цвет.

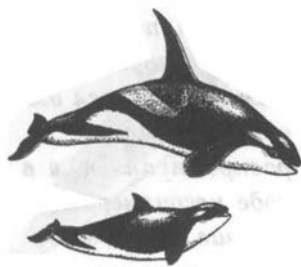
О размножении гренландского кита еще нет подробных и обстоятельных наблюдений. По согласным между собой указаниям Скоресби и Брауна, спаривание происходит в июне, июле и августе. Оба пола выказывают тогда сильное возбуждение и предаются всем тем играм и движениям, которые при подобных обстоятельствах свойственны другим китам. Браун, точно так как и Скоресби, определяет продолжительность беременности в 10 месяцев и очень определенно отвергает мнение, что самка рождает лишь через два года, хотя не отрицает трудности проверить наблюдениями это предположение. Обыкновенно рождается только один детеныш и только в редких случаях — два. Рождение детенышей происходит в марте или апреле**.

Детеныш долго кормится молоком, может быть, даже целый год; он сосет так, как выше описано: самка ложится немножко на бок, чтобы детеныш мог удобно схватить сосок. По словам Скамона, величина новорожденных детенышей бывает очень различна: средним числом величина его определяется до 3—5 м. Рас-

** Звук, в том числе и ультразвук, которыми пользуются для общения киты, распространяется в воде несоизмеримо дальше, чем в воздухе. Не исключено, что киты могут «переговариваться», находясь за километры или даже за десятки километров друг от друга. Следует помнить, что у кита нет никаких образований для улавливания звука в воздухе, поскольку в воде звуковые колебания свободно распространяются сквозь его тело. Поэтому кит оказывается глухим к звукам в воздушной среде, тогда как под водой он обладает тонким слухом.*

*** До сих пор трудно добавить подробности о размножении гренландского кита. Детеныш рождается где-то между февралем и маем, после 9—10 месяцев беременности, и затем самка кормит его молоком около года.*

Семейство настоящие киты

тет он чрезвычайно быстро, так что еще во время сосания длина его достигает 6 м при окружности в 4 м, причем вес доходит до 6000 кг. По единогласному уверению всех наблюдателей, мать очень сильно привязана к своему детенышу. Маленьких китов, которые еще не понимают опасности, ловят очень легко, главным образом для того, чтобы приманить мать: она всегда приходит на помощь к своему раненому детенышу, вместе с ним поднимается на поверхность воды, чтобы подышать, гонит его перед собой, чтобы он уплыл, старается помочь ему, обхватывая его одним из ластов, и очень редко оставляет его, пока он жив; тогда бывает очень опасно приблизиться к самке. Из боязни за жизнь своего детеныша она забывает все предосторожности, смело бросается на преследователей и остается около маленького кита даже тогда, когда сама ранена несколькими гарпунами.

Убитый кит составляет очень ценную добычу. По наблюдениям Пехуель-Леше, киты отличаются между собой не только по росту, но также и по количеству жира: у китов одинакового роста слой жира бывает различной величины. Кроме того, жир бывает различного качества и в иных случаях дает гораздо меньше ворвани, чем можно было бы ожидать по объему. По наблюдениям этого натуралиста, гренландский кит дает средним числом 12—15 тысяч литров ворвани, и до 1000 кг китового уса. Самое большое количество ворвани, по сведениям, собранным Пехуель-Леше, дал гренландский кит, убитый в 1867 году в Беринговом море капитаном шхуны «Тамерлан Инслоу», именно 36 тысяч литров. Смотря по очень изменяющимся ценам ворвани и китового уса, прибыль от убитого кита может при наилучших условиях достигать 20 тысяч марок, но особенно большой кит может дать вдвое больше. Цена китового уса составляет большую часть этой прибыли, так как никакой другой вид китов не дает китового уса такого прекрасного качества, как гренландский кит. Мясо этого кита нельзя считать совсем несъедобным. Французские корабельные повара, по Брауну, умеют его хорошо готовить, а северные народы едят его без колебания и даже лакомятся жиром. Вдали от людей гренландский кит достигает, вероятно, глубокой старости. Мертвые киты, которые иногда попадают к китоловам, большей частью умерли от ран, нанесенных острогами, но часто убивают китов, у которых железо от прежних гарпунов глубоко сидит в жире, и, по-видимому, особого беспокойства животному не доставляет. Кроме человека на кита нападает только страшная косатка. Этих животных сильно беспокоят различные паразиты, которые поселяются на их теле, особенно из класса ракообразных, так называемая китовая вошь; рак из отряда плосконогих встречается на спине у кита в количестве многих сотен тысяч и так разъедает его кожу, что животное кажется пораженным серьезной болезнью. Желудники (*Balanus*) живут также в большом количестве у него на коже; около них произрастают многие водо-

росли, так что кит часто носит с собой целый мир мелких морских животных и растений.

Хотя нельзя отрицать, что число гренландских китов значительно уменьшилось в последнее время, трудно, однако, предположить, чтобы животные эти скоро были совсем истреблены. Негосприимная родина китов представляет между своими ледяными полями так много убежищ, совершенно недоступных кораблям, что животные эти пока еще застрахованы от полного истребления их человеком*.

СЕМЕЙСТВО ПОЛОСАТИКОВЫЕ (*Balaenopteridae*)**

Полосатики отличаются глубокими продольными бороздками, которые находятся на горле, шее, груди и части живота; бороздки эти лежат друг около друга, а иногда одна за другой и идут почти параллельно. Полосатики — животные, относительно стройные, имеют всегда заметный спинной плавник, ласты у них длинные ланцетовидные, а роговые пластинки во рту короткие, но широкие. Шейные позвонки не всегда срстаются; каменистые части височной кости имеют яйцевидную форму, и ширина лопатки больше ее длины.

Длиннорукий полосатик, или горбач (*Megaptera novaeangliae*)***, может считаться представителем особого рода, отличающегося очень длинными лапами, длина которых достигает одной пятой или даже четверти длины всего тела. Этот распространенный, во всех океанах встречающийся кит имеет до 15 м длины, ласты при одном метре ширины бывают длиной 3—4 м, ширина плеса доходит до 4 м. Это один из массивных и неуклюжих видов этого семейства. Сравнительно с другими полосатиками он довольно безобразен: туловище его толстое и короткое, спина едва выпукла, а нижняя сторона тела, напротив, значительно выпукла, начиная от нижней челюсти; передняя часть туловища очень вздута, а задняя к хвосту значительно утончена, нижняя челюсть заметно длиннее и шире верхней, ласты необыкновенно длинные, а плес большой и широкий. На последней четверти спины находится различного вида жировой плавник, который китовы называют горбом; спереди на середине подбородка находится нарост в виде бугра, а около крестца, в том месте, где туловище делается тоньше, примерно в середине между горбом и хвостовым плавником, замечается бугорчатое возвышение, а на темени неправильно округленные шишки, имеющие около 10 см длины при 2—3 см ширины. На горле и груди замечаются до 18—26 складок, имеющих до 10—15 см ширины; они заходят за ласты, могут получить еще большее распространение и, как предполагают, служат животному для того, чтобы оно могло по желанию в большей или меньшей степени расширять свою пасть. Окраска

Семейство полосатиковые

* К настоящему времени численность возросла примерно до 3,5 тысяч, но вид продолжает оставаться под угрозой исчезновения.

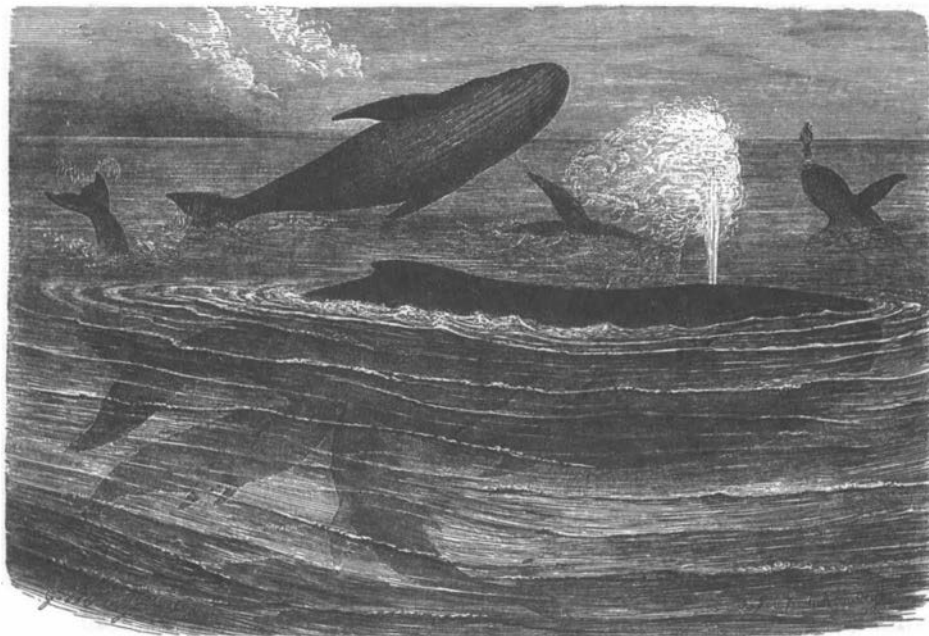
** Полосатики — семейство усатых китов, включающее шесть видов из двух родов.

*** Горбач отличается от других полосатиков более коротким телом, меньшим числом складок на горле и очень длинными, до четверти длины тела, грудными плавниками.

довольно гладкой кожи бывает очень разнообразна. Спина часть тела чаще всего однообразно черная, а брюшная сторона и ласты беловатого цвета с мраморным рисунком; некоторые киты сверху черные, снизу чисто-белые, другие совсем черные, снизу белые, а ласты и хвостовой плавник пепельно-серые. Ласты и плес значительно разнятся по величине и форме; у иных ласты очень длинные, узки и на конце острые, у других относительно широки и короткие, а у третьих принимают среднюю форму. Хвостовой плавник имеет иногда полулунную форму, с узкими острыми концами, иногда он широк и сзади как бы обрублен; спинной плавник, вышеупомянутые возвышения и складки на нижней стороне тела значительно разнятся у различных экземпляров.

Немногие киты встречаются морякам и китоловам чаще горбача в большом числе и во всех широтах, начиная от экватора

Горбач
(*Megaptera
novaeangliae*)
(на заднем плане
выпрыгивает из воды)
Полосатик
(*Balaenoptera*)
(на переднем плане)

до ледовитых океанов как севера, так и юга; его можно встретить и в открытом море, и вблизи берега, во всех больших заливах и широких проливах, причем замечено, что он ежегодно правильно странствует от полюсов к экватору. В заливе Монтерей в Верхней Калифорнии длиннорукие полосатики встречаются в наибольшем числе в октябре и ноябре, и только немногие из

них остаются там от апреля до декабря, так как большие стаи их весной переселяются к северу и остаются там до сентября и только начиная с этого месяца снова направляются на юг. На берегах Гренландии, по словам Брауна, его находят только летом, а на западных берегах Америки и Африки он встречается во все времена года, но не во все месяцы в одних и тех же местах. Появление горбача, впрочем, бывает довольно неправильно, и движения его точно так же не всегда одинаковы. Он редко плывет прямо, по известному направлению, то там, то здесь останавливается на более или менее продолжительное время и часто изменяет направление своего пути. Иногда его замечают в многочисленных обществах, занимающих огромное пространство моря, которое только можно осмотреть с верхушки мачты; иногда же он встречается

поодиночке, но ведет себя так, как будто окружен сотней товарищей, то есть играет и плещется, как животные, плывущие стаями. Характерными признаками для него служат: обыкновение сильно горбить спину и показывать то один, то другой ласт, а также неправильность направления при плавании. Даже тогда, когда он плывет под водой, то бросается туда и сюда по сторонам и опускается и поднимается в воде точно так, как птица летает по воздуху. Когда он в спокойном состоянии опорожняет и снова наполняет воздухом свои огромные легкие, то выпускает от 6 до 10 раз сряду, а иногда от 15—20 раз двойные фонтаны, которые бывают то слабы, то очень сильны, иногда 1,5—2 м вышины, иногда же достигают 6 м. Пища его состоит из мелких рыб и ракообразных животных*. Игривость горбачей еще увеличивается во время спаривания. Оба пола ласкают друг друга очень странным и забавным образом; они хлопают друг друга ластами, и хотя эти удары должны считаться нежностями, но так сильны, что звук их при тихой погоде слышен за версту. После этого они валяются с одного бока на другой, слегка трут друг друга ластами, поднимаются над поверхностью воды и даже иногда выпрыгивают из нее и делают многие другие движения, которые гораздо легче можно наблюдать, чем описать словами. Продолжительность беременности в точности неизвестна, но предполагают, что она не продолжается более 12 месяцев. Новорожденный детеныш имеет от четырех до четырех с половиной метров длины и точно так же вскармливается, как и у других китов, причем мать выказывает к нему сильную привязанность, воспитывает и защищает его, подобно другим самкам китообразных**.

Хотя выгоду от ловли горбача нельзя назвать незначительной, но в этом отношении она стоит гораздо ниже той, которая получается от ловли кашалота и гренландского кита, главным образом потому, что жир дает гораздо меньше ворвани, чем можно ожидать по объему. Китолов Валкер, по сообщению Брауна, за неимением лучшей добычи, словил в заливе Диско 15 полосатиков и получил от них столько жиру, что, по расчету, должен был бы вытопить из него до 70 бочек ворвани, на самом же деле он добыл лишь 18 бочек. Поэтому горбача ловят только тогда, по крайней мере около Гренландии, когда никакой другой добычи не предвидится. Несколько лет сряду около Фридрихсгафена в южной Гренландии ежегодно убивали несколько горбачей, а далее на севере на них не обращали внимания. Когда Браун жил в гавани Эгедесмюнде, то он сам видел, как большие полосатики спокойно появлялись в заливе и удалялись из него, так как никто из тамошних рыбаков и не думал их беспокоить. По словам Скаммона, за этим китом довольно правильно охотятся вдоль американских и африканских берегов Атлантического океана. Убитый кит идет ко дну; если это случится не на слишком глубоком месте и лодка не может там остаться, то место, где лежит

Семейство полосатиковые

* Горбач питается в основном стайными рыбами, кальмарам и крылоногими моллюсками, но есть сведения о нападении на пингвинов. В некоторых местах горбачи охотятся своеобразным способом. Кит подплывает снизу под косяк рыбы и начинает описывать круги, постепенно выдыхая воздух из легких. Цепочки пузырьков пугают рыб, и те оказываются как бы в ограде из воздуха, которую не решаются пересечь. Приближаясь к поверхности, кит суживает круги, заставляя рыб сбиться тесной кучей, которую затем разом захватывает пастью.

** Горбачи спариваются круглогодично, но в основном в зимние месяцы. Беременность 10—11 месяцев.

Семейство полосатиковые

* Финвал — второй по величине представитель полосатиков и китообразных вообще: длина самцов достигает 26,8 метров, самок — 27,3 метра. Тело очень прогонистое, стройное и обтекаемое. Распространены в водах всех океанов, от экватора до границы плавучих льдов, но в полярных водах живут только летом, совершая ежегодные миграции. Живут маленькими группами или поодиночке, однако при обилии пищи могут собираться вместе в большом количестве.

кит, обозначают буйком и едут за помощью, чтобы вытащить его соединенными силами. На северных берегах Скандинавского полуострова за горбачом охотятся вышеописанным способом, преследуя его на парходах и стреляя в него гарпунным орудием; цена этого кита, по Кюкенталю, равняется приблизительно 2500 марок. С тех пор как бывшие русские владения принадлежат Соединенным Штатам, американцы большей частью ездят к Аляске, чтобы охотиться за этим полосатиком. Однако и заливы Магдалина, Китовые и Монтерей, которые прежде считались лучшими местами для охоты, и теперь еще доставляют хорошую добычу. Индейцы и эскимосы также убивают полосатика, несмотря на свое плохое оружие.

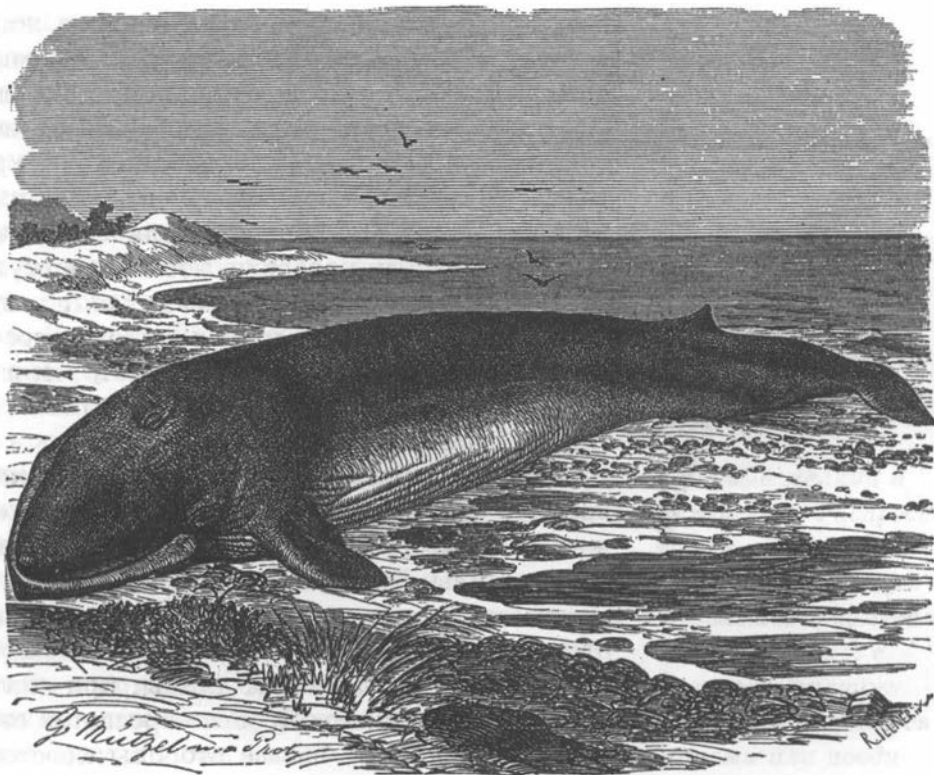
Настоящий полосатик, финвал (*Balaenoptera physalus*)*, один из наиболее стройных китов, может достигать 25 м длины. Длина ластов достигает $\frac{1}{10}$, а ширина их $\frac{1}{50}$ длины тела. Самую большую свою толщину туловище имеет тотчас за ластами, к голове сужается лишь немного, а к хвосту очень значительно; к хвостовой части тело так сильно сжато с боков, что высота его в два раза превосходит толщину. На большей части хвостового плавника посередине заметен киль. Ласты плоские, спереди выпуклые, а сзади вогнутые, вертикально стоящий и имеющий не более 60 см высоты спинной плавник серповидной формы. Глаза лежат немного выше и сзади углов рта, очень маленькие ушные отверстия находятся между глазами и ластами; дыхалы имеют вид двух согнутых косых щелей, разделены узкой перегородкой и окружены возвышенным вальком. На передней части головы, как на верхней, так и нижней челюсти, расположено несколько коротких щетинистых волос, далеко отстоящих один от другого, на подбородке, кроме того, есть ямка с пучком щетин. Прочая часть тела совершенно голая, сверху густого черного цвета, снизу белого цвета, как фарфор; бороздки на нижней части тела — синевато-черные. Эти бороздки начинаются у края нижней челюсти и оттуда тянутся вдоль нижней части тела до пупка, то есть далее половины живота. Средние из них самые длинные, а наружные самые короткие. Они похожи на надрезы, сделанные ножом, имеют очень острые края до 1—2 см глубины и отстоят друг от друга на расстоянии около 4 см; они, однако, не продолжают таким образом на всем протяжении, но некоторые из них оканчиваются, а в промежутках начинаются другие, которые идут в том же направлении; нигде, однако, эти бороздки не скрещиваются и всегда отделены друг от друга гладкой поверхностью кожи. Беззубые челюсти имеют с каждой стороны до 350—375 роговых пластинок, которые спереди стоят очень тесно, а сзади имеют более широкие промежутки. Края верхней челюсти внизу немного загнуты кнаружи, а сзади поднимаются в виде дуг к глазам. Нижняя челюсть менее выгнута, так что обе челюсти неплотно закры-

ваются. Нижняя губа служит для полного закрытия рта и совершенно прикрывает концы роговых пластинок.

Местопребыванием этого полосатика служит северная часть Атлантического океана и граничащий с ним Ледовитый океан. Особенно часто встречается он около Медвежьих островов, Новой Земли и Шпицбергена, но и около Нордкапа довольно обыкновенен. По наблюдениям Брауна, полосатик не поднимается на севере выше широты южной оконечности Гренландии. В начале осени он переселяется в более южные моря и потому встречается также в умеренном и даже в жарком поясе. Уверяют, что он даже попадает иногда в южных полярных морях.

По внешнему виду уже можно догадаться, что полосатик двигается быстро и ловко; его считают одним из самых скоро плавающих китов. При спокойном плавании он держится прямого направления и, по моим наблюдениям, для дыхания поднимается довольно часто на поверхность воды, средним числом через каждые девяносто секунд. Шум от выдыхания я уже слышал на расстоянии одной морской мили. Шум этот очень короток и силен, а двойные

фонтаны достигают четырех метров вышины. Большой полосатик очень часто появляется вблизи парусных судов, плавает кругом них и иногда по целым часам следует за ними. Часто он ложится на воду боком и бьет ластами по волнам, вертится и валяется, бросается на спину, ныряет и вообще весело играет; случается даже, что он ударом огромного хвоста выбрасывает свое громадное туловище из воды*. Пища полосатика состоит главным образом из небольших рыб, которых он целыми стаями загоняет к берегу или льдине и ловит в большом количестве широкой пастью. При этом, вероятно, ему оказывают большие услуги бороздки на нижней части тела, так как они дают возможность еще шире раскрывать пасть. Хотя некоторые естествоиспытатели и сомневаются в этом,

*Семейство
полосатиковые*

*Финвал
(Balaenoptera physalus)*

* На бок же финвал ложится, возможно, чтобы было удобнее захватывать скопление пищи у поверхности воды.

однако следует допустить, что это верно, так как другие натуралисты подтвердили это своими наблюдениями. Когда полосатик находит богатую добычу, то он несколько дней сряду, а иногда и по неделям остается на том же месте, что, например, случается, по словам Брауна, в Гренландии, где он во время нереста рыбы долго остается на тресковых мелях около Рисколя, Голстенборка и в других местностях южной Гренландии, причем съедает невероятно большое количество разных видов трески. Демулен говорит, что в его желудке было найдено до 600 штук доршей, а Браун уверяет, что число проглоченных рыб доходит иногда до 800 штук. Если принять даже, что каждая рыба весит лишь один килограмм, то окажется, что 1200—1600 человек могли бы насытиться одним приемом пищи этого громадного животного. Большой полосатик вместе с двумя близкими видами, полярным и малым полосатиками, преследуют доршей и сельдей далеко на юг, попадают в европейские моря и собираются иногда в стаи, которые некоторое время охотятся сообща. Кроме рыб полосатик проглатывает голых моллюсков и других морских животных, а вместе с ними иногда такое большое количество водорослей, что некоторые наблюдатели полагали, что он преимущественно ими питается. Вследствие охоты за стаями рыб, плывущих к берегам, большой полосатик чаще других китов встречается около опасных для него берегов, например, его часто можно видеть в норвежских фиордах и других узких морских заливах, а потому он чаще других выбрасывается волнами на берег.

Беременные самки бывают по крайней мере 20 м длины. О времени спаривания ничего не известно, но беременность продолжается более 12 месяцев. О числе детенышей известия довольно разноречивы; большинство наблюдателей говорят лишь об одном детеныше, другие же утверждают, что их иногда бывает два. Мать относится очень нежно к своему детенышу, который при рождении имеет уже до 4—5 м длины; при опасности она по возможности защищает его. Яростно бросается она на лодку своих преследователей, бьет во все стороны хвостом и плавниками и не боится ран, когда дело идет о защите дорогого детища.

Охота за большим полосатиком довольно трудна вследствие быстроты и внезапности его движений, да при том она гораздо менее выгодна, чем охота за гренландским китом. Сравнительно с последним китоловы считают этого полосатика за очень плохую добычу. Браун рассказывает, что китоловы, встретившие в Девисовом проливе плывущий труп этого кита, осмотрели его, приняв за гренландского, но, убедившись в своей ошибке, бросили его без внимания. При осмотре оказалось, что на его боках были вырезаны названия многих других кораблей, которые, следовательно, также пренебрегали им. Иначе бывает там, где охоту можно вести с берега и воспользоваться всеми частями убитого кита, как это случается

на северных берегах Норвегии. В нынешнее время, по Кюкенталю, большое животное этого вида ценится около 2500 марок, причем короткие роговые пластинки имеют ценности лишь на 200 марок.

У норвежского купца и естествоиспытателя Нордви в Вадзе я видел скелет большого полосатика, который в Варангер-фьорде попал между шкерами в такое узкое место, что скалы окружали его со всех сторон, так что животное не могло двинуться ни вперед, ни назад и в таком положении околело. Раз случилось, что молодой полосатик весной 1874 года, вероятно преследуя сельдей, попал в Балтийское море и долгое время блуждал около южных берегов его. Во многих местах он пугал рыбаков и наконец 23 августа, к своему несчастью, попал в Данцигскую гавань, где тогда стояли три немецких военных корабля. Морские офицеры сильно обрадовались возможности заняться столь интересной охотой. Прежде всего схватили ружья и приветствовали неопытного пришельца целым дождем конических пуль; кит вследствие этого хотел уйти из негостеприимной гавани, но моряки бросились в шлюпки и стали его преследовать, осыпая пулями при каждом появлении на поверхности воды. Как впоследствии оказалось, в мягкие части головы до черепа проникло 75 пуль, но ни одна из них костей не пробила. Киту этому, наверное, удалось бы спастись, если бы один из офицеров не вонзил свою шпагу в нижнюю часть живота и не разрезал при этом одну из артерий; кит наконец околел от потери крови.

Малый полосатик (*Balaenoptera acutirostrata*)*. Это самый маленький из беззубых китов, длина которого редко превышает 10 м. Скаммон измерил самку этого вида, длина которой равнялась 8,2 м, длина ласта 1,25 м, ширина ласта 35 см и ширина хвостового плавника 2,3 м. Туловище у него очень стройное и действительно немного напоминает внешнюю форму щуки; спинная линия лишь немного выпуклая, за исключением возвышения около дыхал и спинного плавника; брюшная линия образует несколько более крутую дугу; голова сильно сужена около морды; ротовое отверстие очень велико и расположено несколько косо спереди назад; маленькие глаза сидят несколько сзади и выше угла челюсти; очень маленькое ухо лежит тотчас за глазом; дыхалы, которые образуют две щели, спереди расширены и находятся посередине головы перед и между глазами. Ласты сидят почти посередине толщины тела в конце первой трети длины туловища; они длинные и острые, спереди почти прямые, а сзади, начиная от очень тонкого сочленения, немного вогнуты; спинной плавник, вышина которого около 25 см, наклонен назад и имеет вид толстого серпа; хвостовой плавник довольно длинный и на заднем крае мало вырезан, киль на хвосте довольно плоский. Верхняя сторона кожи малого полосатика совершенно гладкая, а на брюшной стороне замечается большое количество, до 60—70, параллель-

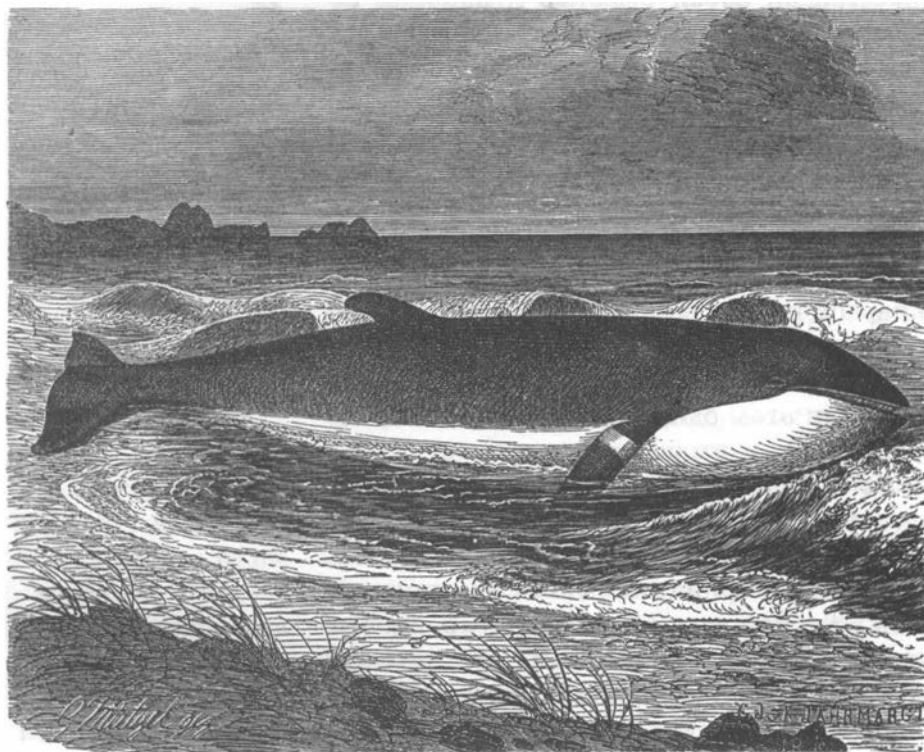

* Самый мелкий в семействе. Распространен всесветно в океанах, благодаря небольшим размерам часто заходит в заливы и внутренние моря. Держится парами или поодиночке, но в местах, богатых кормом, может собираться до 100 китов.

ных узких и мелких бороздок, которые расположены очень близко одна к другой, начинаются, как обыкновенно, у нижней челюсти и продолжаются почти по всей брюшной поверхности. Верхняя часть тела темно-серого, почти черного шиферного цвета, брюшная сторона красновато-белого цвета, ласты сверху темные, снизу белые, как брюхо, и имеют посередине белую поперечную полосу. У некоторых экземпляров замечается несколько щетин на конце верхней и нижней челюстей, но часто их и не бывает.

Область распространения малого полосатика простирается на все моря, расположенные кругом Северного полюса. Зимой кит этот переселяется на юг и тогда появляется как около евро-

пейских, так и у американских и восточноазиатских берегов; на Скандинавском полуострове он встречается около западных берегов, но около Нордкапа не водится. В Девисовом проливе и Баффиновом заливе его видно, по словам Брауна, только летом, но не зимой, когда даже на юге Гренландии он встречается очень редко. Далекое странствование этого кита лучше всего доказываются тем, что его выбрасывает на берег чаще дру-

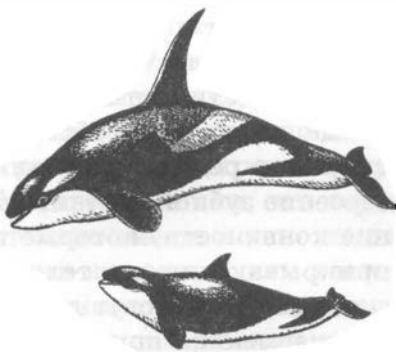
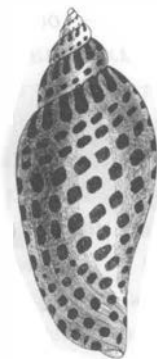
Малый полосатик
(*Balaenoptera
acutirostrata*)

гих китов, а именно на северных и западных берегах Европы. По дороге он останавливается более продолжительное или короткое время, смотря по желанию, в местах, богатых кормом; иногда остается целое лето около норвежских берегов, входит в заливы и даже в устья больших рек, а весной возвращается снова на север; подобным образом проплывает большую часть Тихого океана. По своим движениям он очень похож на большого полосатика. Обыкновенно встречается поодиночке, иногда парами и только изредка большими обществами; чаще всего плывет близко от поверхности воды, время от времени ныряет, а иногда играет на воде, как другие киты. Когда он появляется на поверхности, чтобы дышать, то выбрасывает быстро и без шума тонкие и низкие фонтаны, подобно тому, как это делают молодые больша-

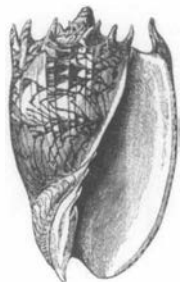
тики; он вдыхает воздух несколько раз, а затем уходит под воду на продолжительное время. Во время своих странствований он не только посещает различные заливы, но бесстрашно появляется около кораблей и ныряет поблизости их по нескольку раз. В полярных морях держится вблизи ледяных полей, часто проплывает под ними большие пространства и появляется только кое-где в полынье или трещине, чтобы подышать, причем высовывается так сильно, что можно видеть большую часть его головы. Он питается, как все его родичи, главным образом маленькими и средней величины рыбами, может быть, также головоногими моллюсками и преследует добычу с такой жадностью, что во время охоты попадает на совсем мелкие места, откуда обратно выбраться не может, и там погибает. О времени размножения и беременности еще нет никаких сведений, но предполагают, что самка бывает беременна до 11—12 месяцев и новорожденный детеныш имеет около 2,5 м длины. Скаммон нашел в октябре в исследованной им самке почти доношенного зародыша, который был длиной не более 2 м.

У берегов Америки, как западных и северных, так и восточных, за малым полосатиком не охотятся, по крайней мере регулярно; около северных и западных берегов Европы ловят его только тогда, когда он подходит очень близко к берегу. Говорят, что рыбаки в Норвегии, Исландии и на Фарерских островах, когда заметят около берега этого полосатика, то окружают его на лодках и громкими криками так пугают, что он бросается к берегу и попадает в мелкое место, где легко на него напасть и убить.

*Семейство
полосатиковые*

* Сирены — особый отряд млекопитающих, подобно китам, полностью перешедший к водному образу жизни. Их ближайшие наземные родичи — слоны и даманы. В строении черепа сирены сохранили довольно много черт сходства с примитивными даманами и хоботными, хотя остальное их тело претерпело значительные изменения. Все сирены растительноядные и поедают как водоросли, так и высшие водные растения. С легендарными морскими девами этих созданий могли бы объединить только молочные железы, расположенные на груди между передними лапами (как и у хоботных).

ОТРЯД СИРЕНЫ (Sirenia)*

Жестоко бы ошибся тот, кто при названии сирен вспомнил бы о сказочных существах древнего мира — полуженщинах и полурыбах, которые живут в хрустальной глубине моря и своим чудным пением, огненным взором, киванием головы, играми и ласками завлекают бедного смертного с целью погубить его. Натуралисты в этом случае показали лишь свою любовь к поэтическим названиям, но о древнем сказании вовсе не думали. Название сирен соответствует описываемым нами животным примерно таким же образом, как имя греческой нимфы Гамадриады — уродливому и разве только в глазах натуралиста красивому павиану (гамадрилу).

Сирены образуют отдельный отряд. По внутреннему строению тела они скорее всего походят на копытных животных и могут считаться особой группой копытных, которые приспособились к постоянной жизни в воде. Многие натуралисты причисляли их к китам, составляя из сирен отдельное семейство этих животных; но описываемый нами отряд так сильно отличается от китов, что отделить его оказалось вполне целесообразным. Отличительными признаками сирен могут служить: маленькая, от туловища ясно отделенная голова с толстогубой мордой, щетинистыми губами, ноздрями, расположенными на конце морды; своеобразно устроенное неуклюжее туловище, покрытое редкими щетинистыми волосами и, наконец, особое строение зубной системы. Мы замечаем у них только две передние конечности, которые имеют вид настоящих ластов. Кожа, прикрывающая все тело, покрывает и пальцы настолько, что суставы их не могут двигаться отдельно. Только следы ногтей, замечаемые на концах этих ластов, указывают на существование отдельных пальцев. Хвост, который заменяет собой задние конечности, оканчивается плесом, как у китов. Необходима большая доля фантазии, чтобы даже издали принять этих животных за сказочных сирен: тело этих неуклюжих и массивных животных только тем и похоже на тело красивой женщины, что соски находятся на груди между ластами, а млечные железы имеют более выпуклую форму, чем у прочих млекопитающих.

Отряд этот состоит из трех семейств, из которых одно, морская корова, или капустница, более уже не встречается в числе современных животных. Семейства так сильно отличаются друг от друга по своим зубам, что мы считаем более удобным говорить о зубной системе при описании отдельных животных.

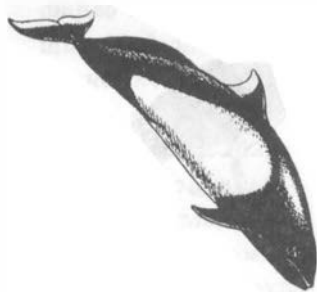
Внешние признаки живущих еще видов сирен те же, как у всего отряда. Относительно скелета и внутренностей можно заметить следующее: череп довольно короткий, сзади несколько выпуклый; наиболее узкое место приходится около задней части лобной кости, скуловая дуга очень массивная, от височной кости отделяется очень широкий скуловой отросток; небольшие лобные кости образуют передней своей частью границу носового отверстия, и у переднего края их лежат маленькие носовые кости; межчелюстные кости у дюгоней сильно вздуты, так как в них сидят большие резцы, имеющие вид бивней, у ламантинов же эти кости не очень длинные. Зубы замечаются на обеих челюстях. Кроме семи шейных позвонков, позвоночный столб состоит из спинных, поясничных и хвостовых позвонков; крестцовых совсем нет; позвонки снабжены очень простыми отростками. Грудная кость составлена из нескольких друг за другом лежащих частей. Треугольные лопатки на внутреннем переднем углу закруглены, с довольно хорошо развитым гребнем, так что они похожи на лопатки других млекопитающих. Передние конечности довольно хорошо развиты, пальцы подвижны и состоят лишь из трех суставов*.

Местожительством сирен служат болотистые берега и морские бухты жарких стран, устья рек и отмели. Животные эти только редко встречаются в умеренном поясе, но точных сведений мы об этом не имеем, так как их трудно наблюдать. Однако нам известно, что сирены меняют свое местопребывание и иногда предпринимают большие странствования, именно поднимаются далеко вверх по течению рек в глубь страны и доходят иногда до озер, которые соединены с большими реками. Их встречают или парами, или небольшими обществами и предполагают, что пары эти, то есть самец и самка, живут постоянно вместе и никогда не расходятся. Сирены гораздо более водные животные, чем ластоногие; они только в редких случаях выдвигают переднюю часть своего массивного туловища на берег, выше поверхности воды. Они далеко не так ловко плавают и ныряют, как другие водные млекопитающие; хотя они двигаются в воде довольно быстро, но избегают глубоких мест, вероятно, потому, что не могут хорошо спускаться в глубину и подниматься из нее. На суше они передвигаются лишь с величайшим трудом; ласты их слишком слабы, чтобы двигать по суше объемистое туловище, тем более что оно не имеет гибкости туловища ластоногих. Пищей сирен служат водоросли, морские и встречающиеся в реках, на мелких ме-

* Сирены, по крайней мере ламантины, очень активно пользуются передними конечностями: ходят на них по дну водоемов, подтягивают к себе и удерживают различные предметы, держат детеныша во время кормления и при опасности. Из других черт скелета следует сказать о его большой массивности и плотности — тяжелые кости, прежде всего ребра, выполняют функцию балласта, уменьшая плавучесть сирен и облегчая им ныряние.

Семейство ламантиновые

стах; это единственные водные млекопитающие, которые кормятся исключительно растительной пищей. Они срывают растения своими толстыми губами и в большом количестве проглатывают их в широкий пищевод, подобно бегемотам.

Как все прожорливые создания, сирены представляют собой ленивых и тупоумных животных с мало развитыми внешними чувствами. Их называют мирными и безвредными существами, но под этим следует подразумевать, что жизнь их проходит только в еде и сне. Они не пугливы, но и не смелы, живут в мире с другими животными и вообще заботятся единственно только о своей пище. Понятливость их очень ограничена, однако вовсе отрицать ее присутствия нельзя. Оба пола друг к другу очень привязаны, оберегают и защищают один другого, а матери ухаживают за своими детенышами заботливо и с большой любовью; говорят, что когда мать кормит детеныша, то придерживает его, подобно женщине, одним из ластов и нежно прижимает маленького к своему толстому туловищу. При опасности и боли у них из глаз текут слезы, однако было бы ошибочно из этого заключать об особой чувствительности их: слезы сирен не имеют большого значения, и их вовсе нельзя сравнивать с притворными слезами сказочных сирен. Голос этих животных также вовсе не похож на чудное пение морских русалок, а состоит из слабого и глухого стона. При дыхании их слышится сильное сопение. Следует заметить, что эти неуклюжие создания не только переносят неволю, но даже могут быть в довольно значительной степени приручены.

Мясо и жир их, а также кожа и зубы находят применение, но какой-либо другой пользы сирены не приносят.

СЕМЕЙСТВО ЛАМАНТИНОВЫЕ (Trichechidae)

* Ламантины — семейство сирен с тремя видами. Отличаются округлым хвостовым плавником и расщепленной верхней губой. Плавают сравнительно медленно и избегают открытого моря, предпочитая закрытые заливы, эстуарии рек и озера. Живут в Южной Америке и в западной Африке.

У ламантинов* хвостовой плавник округлен, толстое туловище немного похоже на рыбу и покрыто очень редкими, короткими волосами, которые сидят чаще только на морде и здесь имеют форму довольно длинных щетин. На пальцах округленных передних ластов заметны четыре плоских ногтя. Резцы встречаются только у молодых животных; они скоро выпадают, так что у взрослых мы находим лишь одни коренные зубы. Их бывает на каждой стороне челюсти до 7—8, но число это непостоянно, потому что у ламантинов зубы меняются, как у слонов; когда передние совсем сотрутся, то сзади вырастают новые, так что число зубов может изменяться до 7—50. Местожительством обоих американских видов этого семейства служит берег Атлантического океана от 25 градуса северной до 19 градуса южной широты, а также и устья сюда впадающих рек. Африканский вид (*M. senegalesis*) живет в озере Чад и в больших и малень-

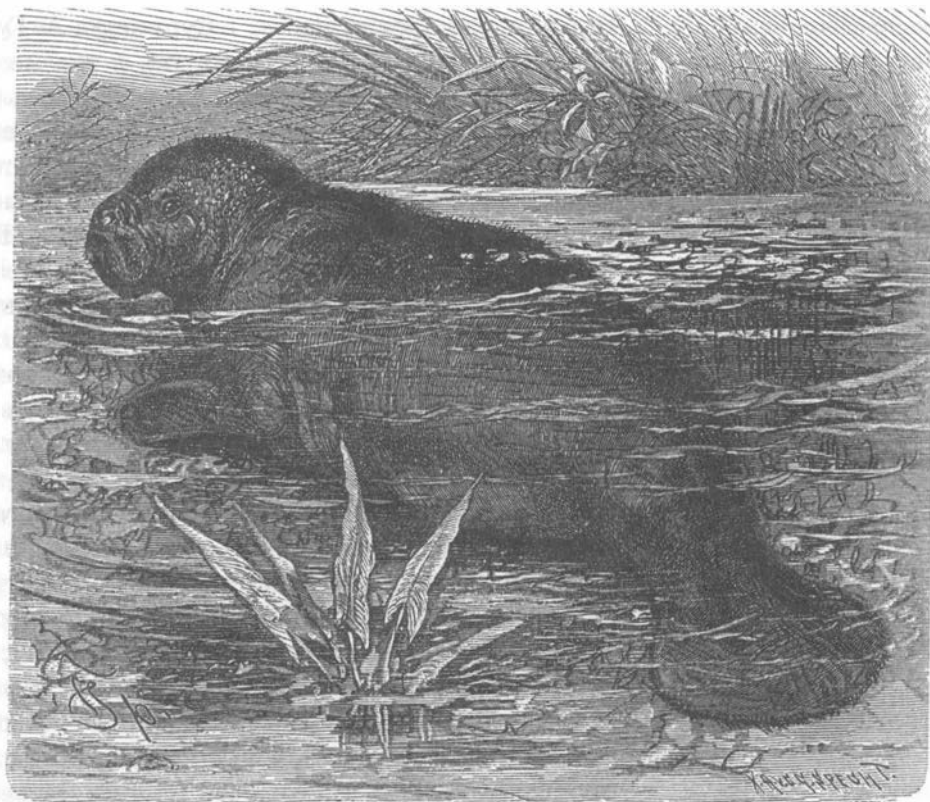
ких реках, которые впадают в Атлантический океан между 20 градусом северной и 10 градусом южной широты; указания о нахождении этого животного в южной Африке, вероятно, основаны на ошибке.

Американский ламантин (*Trichechus manatus*)*, вид, известный более других, имеет 3 м длины и весит 300 кг, а по Каплеру, даже 400 кг; туземцы, однако, утверждают, что видали ламантинов гораздо большего роста, в 5 и даже 6 м длины. Тело покрыто почти голой кожей, на которой сидят короткие, щетинистые волоса, отстоящие друг от друга приблизительно на 2 см. Все тело окрашено довольно однообразно голубовато-серым цветом, который на спине и на боках немного темнее, чем внизу. Волосы имеют желтоватый цвет.

Первыми обстоятельными сведениями об этом животном мы обязаны А. Гумбольдту. У вскрытого им ламантина, имевшего около 3 м длины и пойманного в Карричане на нижнем течении Ориноко, он нашел следующее: верхняя губа у него очень выдается вперед, покрыта нежной кожей и, очевидно, служит для ощупывания близлежащих предметов, а полость рта, которая у только что убитого животного очень теплая, имеет в высшей степени своеобразное строение. Язык почти неподвижен; на каждой челюсти находится мясистая шишка, а против нее в другой челюсти — углубление, одетое очень жесткой кожей: при закрытии челюстей шишка хорошо помещается в этом углублении. Если вскрыть животное со спины, то удивляешься длине и ширине его легких: они имеют более одного метра длины, состоят из чрезвычайно больших отдельных пузырьков и вообще похожи на огромные плавательные пузыри, в которых может поместиться очень много воздуха. Желудок разделен на несколько отделений, а кишки имеют более 30 м длины.

Семейство ламантиновые

* Американский ламантин распространен в проливах, лагунах, мелких прибрежных водах

Американский
ламантин
(*Trichechus manatus*)

Карибского моря и Мексиканского залива и во впадающих туда крупных реках. Отличается наличием маленьких копытцев на пальцах. Длина тела до 210 см.

Семейство ламантиновые

* Бразильский ламантин отличается отсутствием копытцев и белым пятном на груди. Он распространен в бассейне Амазонки, но не в Ориноко.

** Ламантин ежедневно поедает количество растений, равное десятой части его собственной массы. Самка раз в 2—5 лет рождает одного, редко двух детенышей после примерно 13-месячной беременности.

От этого ламантина другой американский вид, бразильский ламантин (*Trichechus inunguis*)*, отличается более узким и тонкокостным черепом. Этот вид достоверно найден в верхних частях течения Амазонской реки и Ориноко; может быть, он встречается и в небольших береговых реках Бразилии на юг до реки Св. Матфея, где находили ламантинов, но вид их с точностью не мог быть определен.

Ламантины живут на восточном берегу Флориды, на берегах Больших и Малых Антильских островов, в реке Св. Магдалины и на восточном берегу Южной Америки и в реках ее на юг до мыса Норда, но по преимуществу в Суринаме. А. Гумбольдт заметил, что в море ламантины любят держаться в тех местах, где находятся источники пресной воды; они поднимаются высоко по течению рек, а во время наводнений проникают в озера и болота. «Вечером, — рассказывает Гумбольдт, — мы прибыли к устью Каньо-дель-Манати (река ламантинов), названная так вследствие большого количества ламантинов, которые ежегодно там ловятся. Вода там покрыта очень вонючим помётом этих животных. Ниже водопадов в Ориноко, в реках Мета и Апуре они очень обыкновенны».

Образ жизни ламантина почти такой же, как и у других сирен. Некоторые путешественники утверждают, что он иногда выходит из воды и пасется на земле, но уже в прошедшем столетии другие наблюдатели самым определенным образом отрицают это. Он ест только ту траву, которая растет в воде. Так как все южные реки в мелких местах покрыты богатой растительностью, то корма ему хватает вдоволь, и он не должен далеко плавать, чтобы его искать. Он пожирает так много травы, что его желудок и кишки буквально набиты пищей; наевшись, он ложится так, что морда его немножко выдается из воды, так что он не должен подниматься выше, чтобы дышать, и в этом положении спит несколько часов сряду днем. Во время его бодрствования он высывает голову из воды только тогда, когда дышит, что, впрочем, происходит очень часто, несмотря на большой объем легких; вот почему, вероятно, он держится по преимуществу в мелких местах рек. Время спаривания, по-видимому, еще неизвестно, и о размножении нет точных сведений**.

Некоторые говорят, что у самки рождается два детеныша, другие же упоминают лишь про одного. Все превозносят любовь матери к своему детенышу. Везде, где встречается ламантин, за ним охотятся очень усердно. Мясо его очень вкусно, но считается нездоровым: от него, говорят, делается лихорадка. По словам Гумбольдта, оно более похоже на свинину, чем на говядину; соленое и высушенное на солнце, оно сохраняется в течение года. Уже Гонзало Овиедо хвалил мясо ламантина и рассказывает, что в 1531 году он привез его в Испанию и им угощал даже при дворе. «Оно всем так понравилось, — говорит он, — что его считали за говядину, привезенную из Англии». Многие индейцы считают мясо

ламантина за самое вкусное кушанье и потому очень усердно за ним охотятся. Другие племена, напротив, полагают, что те люди, которые едят это мясо, непременно умирают, и так ненавидят это животное, что когда Бонплан анатомировал одно из них, то все туземцы попрятались, чтобы их не заставили дотронуться до этого, по их понятию, поганого мяса.

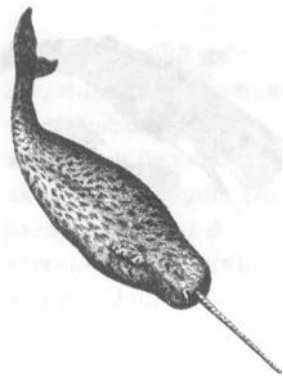
Охота на ламантинов довольно проста. На челноке приближаются к тому месту, где пасутся эти животные, и ждут, пока одно из них не высунется из воды, чтобы подышать; тогда в него пускают стрелы, к которым на бечевке привязаны небольшие деревяшки, указывающие потом путь этого животного, или его бьют острогой, вытаскивают в лодку и уже там режут ножом. Чтобы втащить среди реки тяжелое животное в лодку, употребляют следующий прием: наполняют лодку на две трети водою, подводят ее под ламантина, а затем вычерпывают воду ковшом, сделанным из тыквы. Легче всего убивают это животное в конце наводнения, во время которого они держатся в озерах и болотах; когда вода начинает сбывать, то ламантинов часто находят почти на суше. Когда иезуиты-миссионеры заведовали поселениями на нижнем течении Ориноко, то они вместе с индейцами ежегодно приходили к устью реки, ниже впадения Апуре, и организовывали большие охоты на ламантинов в пользу своих приходов. Жир его, который жгут в лампадах церквей, а также употребляют и для кушаний, вовсе не имеет противного запаха, свойственного ворвани китов и жиру некоторых других млекопитающих. Толстую кожу разрезают на ремни, из которых делают бичи и употребляют так же как веревки, но они могут быть пригодны только в сухом месте, так как в воде они гниют.

Уже у старых писателей мы находим указания, что ламантина можно сделать ручным. Мартир, путешественник, который умер в первой четверти шестнадцатого столетия, рассказывает, что Кацик на острове Сан-Доминго держал в небольшом озере «молодую рыбу, которую называют Манато» и приказал ее кормить ежедневно хлебом из кукурузной муки. «Ламантин постепенно сделался совсем ручным, приплывал, когда его звали, ел хлеб из рук и позволял себя гладить; он несколько раз перевозил на своей спине людей с одного берега на другой, куда им было нужно. Эта добродушная и ручная рыба долго жила в озере, к великому удовольствию всех людей. Из всех частей острова приходили посмотреть, как она по зову приближалась к берегу и перевозила людей на своей спине. Но однажды случился страшный ливень; в озеро наглекло много воды, которая стала выливаться в море; она унесла Манато, которого больше и не видали». Гэмар, который, очевидно, рассказывает ту же историю, прибавляет, что Манато жил 26 лет в озере Гуайнабо и под конец был ростом с дельфина.

Сообщение новейших писателей подтверждает вероятность вышесказанного. Каплер занимался в Суринаме приручением

Семейство Дюгоневые

* В неволе продолжительность жизни обыкновенного ламантина достигает 29 лет.

** Дюгонь отличается от ламантинов большими размерами и двулопастным, как у китов, хвостовым плавником.

Обычно размер дюгоня не превышает 3 метра (самки несколько мельче самцов), но отдельные особи могут достигать 5,8 метра длины. Распространены в прибрежных водах Индийского (включая Красное море и Персидский залив) и западной части Тихого океанов. Чаше, чем ламантины, встречаются в море и реже — в реках.

молодого ламантина и о нем писал Розенбергу следующее: «Когда я получил это животное, то велел сделать плотину на небольшом ручейке, впадающем в реку, на расстоянии около 100 м от устья его, и в образовавшийся пруд поместил моего питомца. Он сначала не принимал никакой пищи, но пил молоко, которое, однако, приходилось вливать ему почти силой в рот. Когда он досыта напивался молока, то тряс головой, и мы ему впихивали в рот куски спелых бананов. Его кормили два раза в сутки, в 5 часов утра и в 5 часов вечера, и каждый раз давали по пол-литра молока и до 6—8 маленьких бананов. Кормление продолжалось иногда до трех четвертей часа, так как ламантин часто уплывал, несколько минут играл в воде, возвращался к берегу, а затем опять уходил. Впоследствии он сделался очень ручным, но выказывал мало понятливости и, очевидно, имел слабое зрение и слух. Когда я появлялся у его пруда и входил в воду, то он всегда приплывал, обнюхивал мои ноги, и когда я садился, то влезал ко мне на колени. К сожалению, животное это околело после 17-месячной неволи на пароходе, который должен был свезти его в Англию».

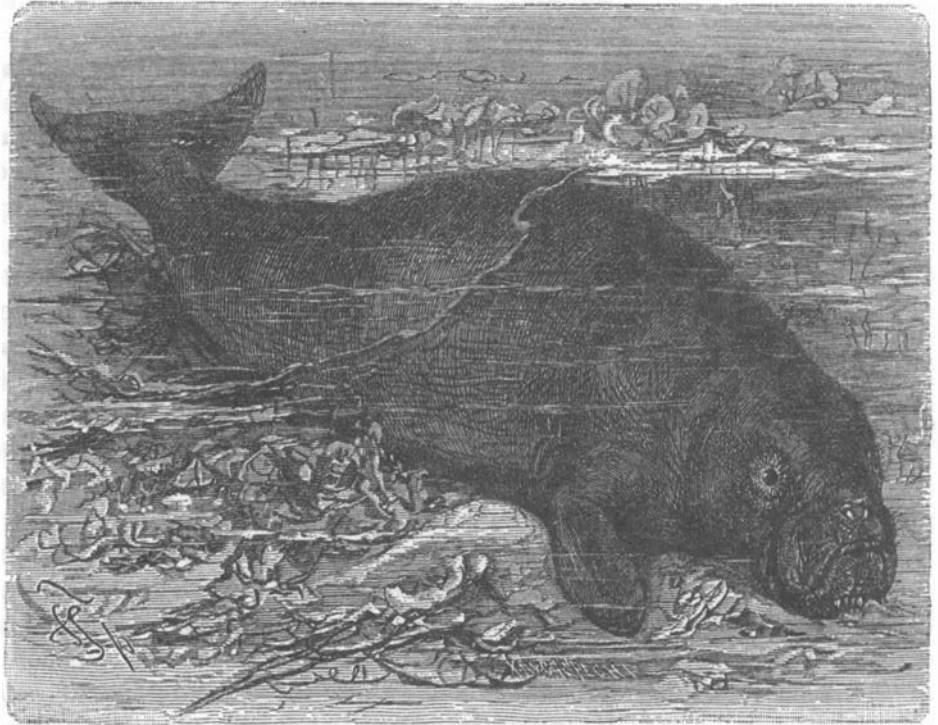
В 1864 году Латимер, австрийский консул в Порто-Рико, держал пару живых ламантинов в большом, хорошо законопаченном ящике, который имел по сторонам закрытые досками помещения; он потом послал животных в Англию, но с ними случилось то же, что с ламантином Каплера. Наконец узнали мы от Кунингама, что с 1867 года два ламантина живут в пруде одного общественного сада в Рио-де-Жанейро, где вместе с ними помещаются кайманы и некоторые водные птицы. В 1870 году ламантины эти имели 1,5 м длины и, по-видимому, чувствовали себя вполне хорошо в своем узком помещении*.

СЕМЕЙСТВО ДЮГОНЕВЫЕ (*Dugongidae*)

Китайцы и арабы уже несколько столетий тому назад знали другого представителя отряда сирен, о котором мы, европейцы, до начала нынешнего столетия получали лишь изредка очень неполные сведения, именно о дюгоне (*Dugong dugon*)**.

Возможно, что Мегасфен и Элиан имели в виду это животное, когда говорили о живущих в Индийском море существах, имеющих сходство с женщиной, и не подлежит сомнению, что «морская дева», которую анатомировал португальский врач Боскец, и «морские люди», и «женщины», о которых много рассказывает голландец Валентин, были дюгоны; однако эти описания так неточны, что они ни на сколько не подвинули вперед сведений об этих сиренах. Французы Диар и Дювосель, которые исследовали этих животных, впервые нам дали хорошее описание их. Куа и Гэмар первые срисовали дюгоня, а Рюппель, нашедши их в Красном море, доставил первое подробное описание их образа жизни.

Дюгонь достигает длины 3—5 м. Короткая и толстая шея непосредственно переходит в туловище, которое равномерно округлено, от шеи до середины утолщается, а затем делается постепенно тоньше к хвосту. Передние ласты находятся недалеко от ушных отверстий, ближе к нижней части туловища, и не очень длинные, но широки; передний край их округлен, задний заострен, пальцы совсем незаметны и о присутствии их можно узнать лишь на ощупь; когтей нет и следа. Хвост образует плоский горизонтальный плес, имеющий форму полумесяца. На короткой толстой морде особенно выдается, по словам Клюнцингера, плоская верхняя губа, которая сзади более отвисает, чем спереди, и под которой находится толстый мясистый валек. Валек этот сзади соединяется со своеобразной роговой пластинкой, покрывающей межчелюстную кость; подобная же роговая пластинка замечается и на нижней челюсти. Нижняя губа также образует мясистый валек, сзади резко притупленный. Ноздри, сидящие на верхней части морды, расположены очень близко одна от другой и состоят из двух серпообразных щелей; глаза невелики, яйцевидной формы, очень

выпуклы, черного цвета; глаза лежат в косой щели, у которой на верхнем крае замечаются ресницы, сидящие полукругом. Век не бывает, но есть мигательная перепонка, и кроме того, глаза могут закрываться сжатием окружающей их кожи. Уши обозначены лишь маленькими круглыми отверстиями.

Верхняя часть тела покрыта гладкой и блестящей кожей, имеющей серовато-синий свинцовый цвет, принимающий на голове и вдоль спины желтовато-зеленый оттенок; на нижней части тела кожа морщиниста, покрыта рубцами и имеет голубовато-мясной цвет с редкими продолговатыми пятнами. На всем теле замечаются короткие, тонкие, но довольно крепкие щетины, которые на верхней губе имеют вид игл. Ласты совершенно голые, а на хвосте заметны только следы волос. Зубная система состоит из резцов и коренных зубов, которые корней не имеют и к старости часто вы-

Дюгонь
(*Dugong dugon*)

Семейство Дюгоневые

падают. Резцы у самки короткие и тупые, а у самца гораздо больше и трехгранной, долотообразной формы; коренных зубов бывает в каждом ряду по 5, и величина их уменьшается спереди назад. Клыков совсем не бывает, но у самца вырастают два длинных резца, достигающих 20—25 см длины при 2 см толщины; они имеют вид бивней, но $\frac{7}{9}$ их длины покрыты мясистыми деснами.

Дюгонь, кажется, встречается во всех частях Индийского океана и соединенных с ним морей. Его довольно часто находят около южных берегов Китая, во всех морях, окружающих Зондские острова; к северу он распространен до половины Красного моря, где все прибрежные жители его хорошо знают. Если спросить тамошних моряков о дюгоне, то все они могут дать более или менее подробное описание этого очень заметного животного. Его там называют «водяная верблюдица». На востоке он живет на берегах Новой Гвинеи и Квенсленда, на юге — до Моретонской бухты.

Если принять во внимание все известные, хотя довольно скудные, сведения об этом животном, то можно вывести заключение, что дюгонь встречается преимущественно в море и только изредка в пресной воде речных устьев, но никогда не заходит в реки; он держится близ берегов, а в море заходит лишь до границы растительности на его дне. Любимым местопребыванием этого зверя можно считать мелкие бухты, где солнце свободно проникает до дна моря и потому растительность там особенно роскошно развивается. На берег он, вероятно, никогда не выходит; если иногда и находили дюгоней на суше, то следует предположить, что они были занесены приливом и вследствие своей неповоротливости и ленивости не могли вернуться в свою стихию, а предпочли дожидаться следующего прилива. В мелких местах дюгонь поднимается приблизительно каждую минуту на поверхность воды, высовывает нос, а иногда и верхнюю часть тела, вдыхает свежий воздух, а затем тихо и спокойно погружается снова в воду. По словам рыбаков, дюгоны живут парами и только изредка небольшими семьями, однако это относится скорее к животным, живущим в Аравийском заливе, так как в других частях Индийского океана их иногда встречали большими стадами. Ключингер мне сообщает, что, по словам арабских рыбаков, дюгоны встречаются в Аравийском море по крайней мере парами, а иногда до 10 штук вместе. Все наблюдатели говорят, что движения дюгоня крайне медленны и тяжелы, но сила хвоста его весьма значительна. Случалось иногда видеть дюгоня, который, лениво лежа на дне моря, отрывал своими твердыми толстыми губами водоросли, растущие на склонах и на дне. Эти растения составляют главную часть пищи, и если на известном месте их достаточно, то он, вероятно, и держится там долгое время; когда же одно из этих морских пастбищ опустошено, то дюгонь медленно переселяется в другое место, где опять остается, пока находит там водоросли. Очень может быть, что сильные бури, свирепствующие в известное время в Индийском океане, имеют влия-

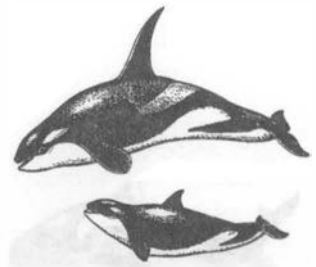

ние на перекочевки дюгоня: сильное волнение заставляет его искать тихих заливов и проливов, где он может спокойно лежать. Влияние бурь на странствования этих животных доказывается тем, что они иногда встречаются в таких местах, где в тихую погоду их никогда не видно. В южных частях Красного моря на берегах Нубии и Абиссинии их можно встретить во всякие времена года, а далее на север они заходят только в зимние месяцы.

Душевные способности дюгоня вполне соответствуют неподвижности и неуклюжести его тела. Внешние чувства у него развиты слабо, и один только Клюнцингер приписывает дюгону некоторую понятливость. Голос его состоит из пыхтения или глухого стога, который у молодых животных более резок. Только во время спаривания у этих тупоумных животных заметно некоторое возбуждение; говорят даже, что самцы сильно дерутся из-за самок и так при этом забываются, что ничего кругом не замечают, почему охотники считают это время самым лучшим для ловли. Рассказывают, что оба пола защищают друг друга во время опасности. Несколько раз наблюдали, что самец заботливо плыл за раненой самкой и старался защитить ее от преследователей ударами своего сильного хвоста. Если убить одно из спаренных животных в отсутствие другого, то оставшееся в живых долго плавает на привычных местах, осматривает в окрестностях все излюбленные пастбища и удаляется только тогда, когда заметит, что все поиски напрасны.

Клюнцингер о размножении этих животных узнал от рыбаков следующее: спаривание и рождение детенышей бывает зимой, из чего видно, что беременность продолжается около года.

Детеныш при рождении имеет около метра длины и сосет по крайней мере в течение года, причем мать его прижимает ластом к груди. Позднее он залезает иногда на спину матери, чтобы отдохнуть на спокойном месте. Мать выказывает нежнейшую любовь к своему детенышу, никогда не оставляет его и подвергается из-за него смертельной опасности. По прошествии года детеныш отлучается от молока и начинает самостоятельную жизнь. Клюнцингер, впрочем, не ручается за достоверность всех этих сведений. Во время спаривания и рождения детенышей за дюгоном усердно охотятся, так как прибыль от него довольно значительна. Натуралистам, однако, нелегко добыть этих животных, так как только немногие рыбаки имеют достаточно опытности и ловкости, чтобы совладать с этим крупным и сильным животным; большинство из них вовсе не занимаются этой охотой. Днем можно видеть спокойно пасущегося дюгоня только случайно; ночью же его легче заметить по волнению почти всегда светящегося моря. В том месте, где поднимается дюгонь, замечают большей частью три фонтана светящихся брызги, которые, вероятно, соответствуют поднятию головы, середины спины и плеса этого животного. Опытные рыбаки по этим брызгам отыскивают дюгоня. «Когда я путешествовал

Семейство Дюгоневые

по Красному морю, — пишет Клюнцингер, — многие меня просили прислать в Европу дюгоней, но никто из туземцев не мог мне ничего сообщить об этих животных. Когда я наконец им показал плохое изображение его, то они узнали в нем дюгоня, но утверждали, что он встречается весьма редко. Так как требования из Европы о доставке этих животных делались все более и более настоятельными, то я стал задавать больше вопросов туземцам и назначил довольно высокую цену за поимку дюгоня. Только по прошествии нескольких месяцев, зимой, приплыла барка, на которой находился дюгонь в 3 м длины. Он был уже мертвый, но довольно свежий, с целой кожей и волосами. Через несколько дней привезли другого дюгоня, затем третьего, четвертого и еще других; некоторых из них привозили на барках, других сухим путем на верблюдах, иногда все животное, иногда только шкуру, снятую бедуинами, и однажды у меня на дворе были распялены целые четыре кожи этих животных. Богатство добычи объяснялось тем, что бедуины, вследствие высокой цены, бросили все свои другие занятия и исключительно занялись охотой на дюгоня. Животных этих ловят толстыми сетями, когда они ночью приходят пастись в бухты и проливы коралловых рифов. Бедуины подкарауливают их в этих местах и бросают тогда на них сети. При этом следует соблюдать большую осторожность, так как дюгони очень пугливы и хитры, и поэтому только немногие рыбаки умеют с ними справиться. Когда зверь чувствует себя пойманным, то страшно бьется, причем более и более запутывается в сеть; его тащат на сушу и тем убивают или долго держат под водой, пока он не захлебнется». В южной части Красного моря дюгоня убивают, как и в Малайском архипелаге, гарпунами. Охотой этой занимаются успешнее всего ночью, так как во время тишины легче услышать на большом расстоянии пыхтение животного*. По словам Рэффлса, охотники стараются прежде всего попасть в плес, так как, ранив этот орган, отнимают у животного всю его силу.

** А также и потому, что дюгони активны в основном по ночам.*

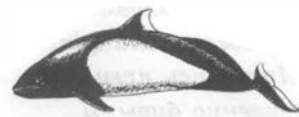
Малайцы и абиссинцы едят мясо дюгоня; но, впрочем, не считают его лакомством и говорят, что его следует сначала несколько дней вялить на солнце, сильно посолить, а затем долго варить. Только при таком приготовлении оно делается съедобным, иначе оно нездорово и даже может быть причиной многих болезней. Мясо молодых животных ценится гораздо выше, так как оно очень нежно и не так жирно. Европейцам мясо это почти всегда противно из-за его сладковатого вкуса, да и арабы едят его не везде, хотя по другим причинам, а именно они справедливо сомневаются, принадлежит ли действительно это животное к рыбам и не поганое ли оно. Свободные от предрассудков люди ценят жир этого животного гораздо выше, чем мясо, а вполне взрослое животное может доставить до 30 кг этого жира. Толстая кожа дюгоня, которой, как утверждают некоторые ученые, была обита скиния Завета у евреев, по словам Рюппеля, не дубится, а ее на абиссинском побережье

просто сушат на воздухе, а затем вырезают из нее сандалии. Но так как кожа эта сохраняет внутри себя сырость, то сандалии из нее годятся только при сухой погоде; если они попадут в воду, то кожа разбухает и размягчается. В прежние времена выше мяса и кожи ценились зубы дюгоня, и из них делали четки, которым приписывали чудесные свойства.

СЕМЕЙСТВО МОРСКИЕ КОРОВЫ (Hydrodamalidae)

«На всех берегах острова, особенно там, где ручьи впадают в море и где собирается большое количество морских растений, встречается очень часто целыми стадами во всякое время года животное, называемое русскими «морская корова». Вследствие того что морские выдры стали все более и более редки и приходилось их привозить с северной стороны острова, у нас не стало хватать мяса для пищи, и мы начали обдумывать средства завладеть этим животным и воспользоваться его мясом для приготовления кушанья. Поэтому 21 мая я привязал большой, нарочно для этого сделанный, железный крючок к толстой веревке и попробовал зацепить им морскую корову, чтобы вытащить ее на берег; опыт этот, однако, не удался, так как кожа была слишком тверда, а крючок недостаточно остер. Крючок изменяли различным образом и делали несколько других опытов, которые, однако, ни к чему не привели, и морские коровы часто уплывали в море с крючком и веревкой. Наконец нужда нас заставила приготовиться к охоте с острогой. Для этого в конце июня исправили элбот, который осенью был очень поврежден ударами о скалы, посадили на него гарпунщика, рулевого и четырех гребцов; первому дали острогу с очень длинной веревкой, приготовленной как для ловли китов, а другой конец веревки отправили на берег, где его держали все остальные сорок человек нашего экипажа. После этих приготовлений элбот потихоньку подплыл к морским коровам, которые без всяких опасений целыми стадами паслись на подводных лугах у берега. Как только гарпунщик бросал в одно из этих животных свою острогу, люди, оставшиеся на берегу, постепенно тащили его к берегу, а сидящие в элботе подплывали к морской корове и измучивали ее различными движениями, а затем ударами больших ножей и штыков, причем кровь фонтанами выходила из ран; таким образом волокли это животное во время прилива на берег. Как только вода сбывала и животное оставалось на суше, из него вырезали мясо и жир большими кусками и с большой радостью несли их к нашим жилищам, где мясо сохраняли в больших кадках, а жир вешали на высокие козлы. В скором времени у нас было такое обилие этой пищи, что мы могли спокойно и беспрепятственно продолжать постройку нового судна, которое должно было служить нам средством к спасению».

Семейство морские коровы

* Стеллерова корова — самая большая сирена, дожившая до современности. Ее длина достигала 7—10 метров, а масса — 4 тонн. Внешне похожая на огромного дюгоня, стеллерова корова отличалась полным отсутствием у взрослого животного зубов, отсутствием фаланг пальцев на передних конечностях и толстой бугристой кожей, непохожей на гладкую кожу других сирен. Морские коровы в доисторические времена были распространены по побережьям северной части Тихого океана, от Калифорнии до Аляски и от Японии до Камчатки. Однако в историческое время сохранялась единственная популяция в водах Командорских островов, которые стеллеровы коровы, будучи слабыми пловцами, не могли покинуть. Питались преимущественно бурыми водорослями («морской капустой»).

Этими словами начинает часто упоминаемый нами натуралист Стеллер отчет о своем десятимесячном невольном пребывании на еще вовсе не известном Беринговом острове в 1741 году. Он говорит здесь об одном из самых удивительных млекопитающих, которое теперь совершенно истреблено и вымерло, именно о так называемой **капустнице**, или **морской (стеллеровой) корове** (*Hydrodamalis gigas*)*. Привлеченные отчетом русской экспедиции, в котором участвовал Стеллер и которая сулила большие выгоды, множество китоловов и смелых авантюристов отправились в Берингово море и устроили такую страшную бойню этих беспомощных животных, что морские коровы скоро исчезли с лица земли. Впоследствии напрасно старались найти хоть одно животное этого вида. Каждому кораблю, отправлявшемуся в Берингово море, давали инструкцию собирать сведения о морских коровах, но ни один из них не привез никаких известий. В 1768 году экспедиция под начальством Попова убила, говорят, последнюю капустницу, и Брагин, ездивший туда в 1772 году, о них уже не упоминает. Норденшильд, который посетил Берингов остров в 1879 году, другого мнения: он спрашивал многих старых людей и узнал, что капустниц убивали еще в 1779 и 1780 годах, а видали несколько десятков лет спустя; поэтому он предполагает, что животное это исчезло лишь в 1854 году. Во всяком случае, остатки этого удивительного животного вовсе не так редки, как прежде предполагали, так как Норденшильд мог собрать так много костей капустницы, что наполнил ими двадцать один ящик; между ними было три целых черепа и несколько немного поврежденных.

Стеллер считал капустницу за ламантина, открытого Гернадцем, но из его описания явствует, что морская корова значительно отличается от других известных видов сирен. Вместо зубов у нее на челюстях были четыре роговые жевательные пластинки, которые были прикреплены к коже десен. Уже этот отличительный признак хорошо характеризует вышеназванное животное.

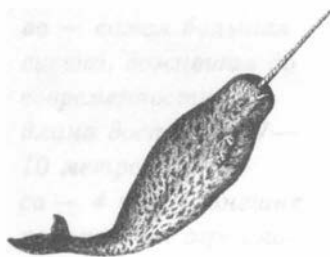
«Самые большие из этих животных, — продолжает Стеллер, — имели 4—5 сажень длины и в самом широком месте в середине туловища $3\frac{1}{2}$ сажени в окружности. Передняя часть туловища этого животного напоминает тюленя, а задняя до хвоста — рыбу. Череп имеет некоторое сходство с черепом лошади, а когда он покрыт мясом и кожей, то имеет сходство с головой буйвола, причем сходство это особенно заметно в губах. Во рту вместо зубов у него на каждой стороне по две широкие, продолговатые гладкие кости, из которых одна прикреплена наверху на небе, а другая к нижней челюсти. Обе пластинки покрыты многими бороздками и выдающимися ребрами, расположенными в виде углов, и этими пластинками животное разжевывает морские растения, служащие обыкновенно ему пищей. Губы покрыты многими толстыми щетинами, из которых прикрепленные к нижней челюсти бывают толщиной со стержень пера курицы и своей внутренней пустотой очень наглядно представляют в увеличенном виде строение волос. Глаза этого огромного животного не

больше глаз овцы и век не имеют; ушные отверстия до того малы и спрятаны, что их вовсе нельзя заметить между множеством морщин и впадин кожи; только если снять кожу, то ушное отверстие выделяется своими черными, как бы полированными краями, и оно так мало, что в нем едва помещается горошина. Наружного уха нет и следа. Голова соединена с туловищем короткой, малозаметной шеей. На груди выделяются передние конечности странного вида и соски. Конечности состоят из двух суставов, и конец их имеет некоторое сходство с копытом лошади; на нижней стороне их замечается как бы грубая щетка из коротких и густых щетин. Передними конечностями, на которых не видно ни пальцев, ни костей, капустница загребает воду при плавании и отрывает водоросли от каменистого грунта. Под ластами находятся млечные железы с черными морщинистыми сосками, имеющими два дюйма длины; на конце их видно бесчисленное количество отверстий млечных каналов. Если их подавить, то выходит большое количество молока, которое слаще и жирнее молока сухопутных животных, но в остальном очень на него похоже. Спина этих животных похожа на спину быка, бока и живот округлены, причем брюхо так наполнено кишками, что при малейшей ране они вылезают с большим шумом. Задняя часть тела животного внезапно очень суживается; хвост около плеса, который заменяет задние конечности, еще тоньше; однако и в этом тонком месте он имеет около двух футов в поперечнике. Кроме хвостового плавника у животного других на спине нет, чем оно отличается от больших китов. Плес у него лежит плашмя, как у китов и у дельфинов.

«Эти животные живут, как рогатый скот, целыми стадами в море. Самец и самка плывут рядом и перед собой подгоняют детеныша. На берегах они занимаются исключительно отыскиванием пищи. Спина и половина туловища постоянно находятся над поверхностью воды. Они жрут, как и травоядные животные, тихо подвигаясь вперед, отрывают морскую траву своими ластами и постоянно жуют. Строение желудка их, однако, показало мне, что они жвачки не пережевывают, как я сначала предполагал. Во время еды они постоянно двигают головой, как быки, и через несколько минут высовывают голову из воды, вдыхают свежий воздух, храпя и фыркая, как лошади. Когда вода сбывает при отливе, морские коровы уходят в море, а с приливом снова возвращаются и подходят так близко к берегу, что мы могли доходить до них и бить их палками. Случалось, что эти животные окружали раненого товарища, стараясь не подпускать к берегу, другие пробовали опрокинуть элбот, иногда ложились на бок и старались вынуть из тела острогу, что им несколько раз и удавалось. Мы не без удивления заметили, что один самец два дня сряду приплывал к своей самке, лежавшей мертвой на берегу, как бы желая осведомиться о том, что с ней делается. Однако, несмотря на то что многие были убиты, животные все-таки возвращались к тому же берегу. Спаривание происходит в июне после многих заигрываний.

Семейство морские коровы

** Кроме Стеллера ни один натуралист живьем это животное увидеть не успел. Стеллеровы коровы фактически спасли жизнь экспедиции Беринга (хотя и не ему самому), экспедиция же своими собранными данными обрекла их на полное истребление. Справедливости ради следует отметить, что сам Стеллер предвидел такой исход и писал (или собирался писать) императрице просьбу о наложении запрета на истребление морской коровы, так как это животное вполне могло бы быть одомашнено и в таком виде принесло бы гораздо больше пользы.*

Когда морские коровы хотят отдохнуть, то ложатся на спину в каком-нибудь тихом заливе и тогда несутся по волнам, как деревянные колоды. Во все времена года на всем Беринговом острове можно встретить огромные стада капустниц, так что жители восточного берега Камчатки ежегодно в изобилии запасаются их мясом и жиром. Кожа морской коровы состоит из двух слоев: верхнего — черного или темно-бурого цвета в дюйм толщиной и почти такого твердого, как мягкое дерево; около головы она вся покрыта рытвинами, морщинами и дырками. Слой этот состоит из множества отвесных волокон, лежащих плотно между собой, как в лучистом гипсе. Этот наружный слой, легко отстающий от кожи, состоит, по моему мнению, из плотно стоящих видоизмененных волос, что я замечал также у китов. Нижний слой кожи белого цвета, имеет толщину бычачьей шкуры и очень крепок. Под этими двумя слоями кожи лежит на всем теле животного слой жира в четыре пальца толщиной, а затем уже мясо. Вес животного вместе с кожей, салом, костями и внутренностями, я полагаю, не менее 1200 пудов или 480 центнеров. Сало не мягко и не маслянисто, напротив, крепко, зернисто и бело как снег; когда оно пролежит несколько дней на солнце, то получает приятный желтый цвет хорошего голландского масла. В кушанье оно вкуснее лучшего говяжьего жира; топленое по виду и цвету похоже на хорошее оливковое масло, а по вкусу — на миндальное. Мы его пили чашками, не чувствуя никакого отвращения. Хвост состоит почти исключительно из жира, который еще вкуснее, чем на других частях тела. Сало молодых животных похоже на сало молодых поросят, а мясо их — на лучшую телятину. При варке оно сильно разбухает и занимает почти вдвое больше места, чем прежде, причем поспекает через полчаса. Мясо взрослых животных нельзя отличить от говядины; оно обладает замечательным свойством не портиться даже в самые жаркие летние месяцы, если лежит две недели и более на воздухе; оно не воняет даже тогда, когда мясные мухи его изгадят так сильно, что оно кишит червями. Мясо это гораздо краснее мяса других животных; оно точно пропитано селитрой. Мы очень скоро на себе испытали, как оно здорово, так как все почувствовали себя крепче и сильнее. Особенно заметно было полезное влияние этой пищи на матросах, страдавших от цинги и еще не вполне поправившихся. Мясом морских коров мы запаслись и для обратного путешествия и без него были бы поставлены в большое затруднение относительно нашего продовольствия*.

Меня сильно удивляло, что до моего путешествия в Берингово море я на Камчатке ничего не слышал о морской корове, несмотря на то что я расспрашивал старательно о всех животных. На обратном пути я, однако, узнал, что это животное водится повсеместно от Кроноцкого мыса до залива Авачи, и иногда на берегу находят мертвых морских коров, выброшенных морем; камчадалы за недостатком другого имени называют ее «капустница».

ОТРЯД ХОБОТНЫЕ (Prodocidea)*

Отряд
хоботные

Хоботные животные представляют собой группу, клонящуюся к упадку, последних представителей прежде многочисленного отряда млекопитающих; они служат живыми свидетелями прежних времен мироздания, дошедшими до нас представителями минувших дней нашей планеты.

Из видов этого отряда, населявших Землю, до наших дней дожили лишь два, но именно они-то, очевидно, связывают настоящее время с первобытным миром; к их семейству принадлежали те гиганты, хорошо уцелевшие трупы которых сохранили нам в течение тысячелетий сибирские льды.

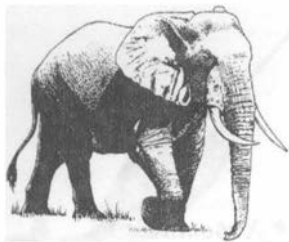
Наши слоны отличаются длинным подвижным хоботом и зубами, а именно бивнями, которые считают за видоизмененные резцы. Тело коротко и толсто, шея очень коротка, голова кругла и вздута благодаря полостям в верхних костях черепа; довольно высокие столбообразные ноги имеют по пять соединенных между собою пальцев и плоские роговые подошвы.

Важнейшим органом слона служит хобот — продолжение носа, отличающийся подвижностью, чувствительностью, с пальцеобразным отростком на конце. Он служит одновременно органом обоняния, осязания и хватания. Хобот состоит из кольчатых и продольных мускулов, распределенных, по Кювье, в 40 тысяч отдельных пучков, позволяющих ему не только всячески изгибаться, но и вытягиваться и сокращаться. Во рту он заменяет недостающую верхнюю губу, а для самого животного он так важен, что жизнь слона без него была бы невозможна. Строение тела не позволяет слону опускать голову до земли, и животному было бы поэтому трудно питаться, если бы этот удивительный орган не служил ему сразу в качестве губы, пальца, кисти руки и всей руки. Этот хобот прикрепляется к лобным, верхнечелюстным, носовым и межчелюстным костям плоской лицевой поверхности черепа; сверху он округлен, снизу сплюснен и постепенно суживается от корня к концу.

Все остальные органы, даже органы чувств, слона менее замечательны. Глаза малы, с флегматичным, но добродушным выражением, уши, напротив, очень велики и похожи на лоскуты кожи. Пальцы так тесно заключены в общую кожу, что отдельное дви-

* Хоботные — отряд копытных млекопитающих, включающий ныне всего 2—3 вида из двух родов. Хоботные близки к даманам и сиренам и исторически происходят из Африки. Современные хоботные — слоны — самые крупные из ныне живущих наземных зверей. Их отличает в первую очередь сросшаяся с носом вытянутая мускулистая верхняя губа, образовавшая хобот — орган, который слоны с успехом используют в качестве руки. Еще одна уникальная черта — устройство коренных зубов, приспособленных для измельчения грубого растительного корма.

Отряд хоботные

жение каждого из них невозможно. Они покрыты, правда, маленькими, но крепкими, широкими и плоскими, ногтеобразными копытами, которые одевают лишь концы пальцев. У азиатского слона на передних ногах по пять, на задних по четыре таких копыта, у африканского — спереди по четыре, сзади по три. Нередко случается, что одного из копыт недостает, так как оно выпало и совершенно вытесано благодаря быстрому росту остальных. Хвост средней длины довольно круглый, доходит до коленного сочленения и оканчивается кистью из очень густых, жестких, похожих на проволоку щетин.

Очень замечательны зубы. В верхней челюсти у слона два чрезвычайно развитых бивня, но нет ни резцов, ни клыков, а обыкновенно лишь по одному большому коренному зубу в каждой челюсти. Этот зуб состоит из довольно значительного числа отдельных пластинок эмали, которые связаны между собой особым соединительным веществом. Они образуют на жевательной поверхности у азиатского слона лентообразные, у африканского — ромбовидные фигуры. Когда коренной зуб благодаря жеванию настолько сотрется, что не может более нести свою службу, то позади него образуется новый, который постепенно подвигается вперед и вступает в деятельность, прежде чем выпадет остаток предыдущего. Наблюдали, что такая смена зубов происходит 6 раз в течение жизни, и потому можно сказать, что у животного бывает до 24 коренных зубов. Бивни, которые не меняются, растут непрерывно и потому могут достигать значительной длины и изумительного веса.

Кроме числа копыт, формы головы и расположения эмалевых пластинок в коренных зубах азиатские и африканские слоны различаются еще и тем, что у первых, несмотря на большой череп, уши относительно малы и бивни тонки, а у вторых уши очень велики и бивни очень толсты. Кроме того, большая часть самок первого вида вовсе не имеет бивней, и немногие имеют лишь зачаточные, у второго вида, напротив, большая часть самок имеет довольно большие бивни, хотя вообще меньше, чем у самцов. Впрочем, и многие самцы азиатских слонов лишены бивней; на Цейлоне это встречается особенно часто: по словам Бекера, лишь один экземпляр из 300 доставляет слоновую кость. На материке эти беззубые самцы, называемые «мукназ», встречаются не так часто, а приблизительно в отношении 1:10. Из хорошо вооруженных некоторые теряют свое оружие благодаря несчастному случаю; у других же иногда развивается лишь один зуб: если это правый зуб, то такое животное, по Сандерсону, называется по имени бога мудрости «гунеш», и индусы воздают ему божеские почести. Однозубые экземпляры вовсе не редки и между африканскими слонами-самками, тогда как между самцами они встречаются лишь в виде исключения. Иногда в Африке приходится слышать рассказы о слонах с двойными или тройными бивнями; Бэнс расска-

зывает даже об одном убитом в 1856 году к югу от Замбези слоне, у которого было 9 вполне развитых бивней — 5 в правой, 4 в левой челюсти. Они были расположены один за другим и частью прямы, частью загнуты вниз или назад; две самые крупные пары весили приблизительно по 30 кг каждая, остальные были гораздо меньше*. Смотря по областям, в которых водятся слоны, бивни по форме, строению, а также по цвету имеют особенности, которые выражены настолько резко, что знатоки слоновой кости могут, исследуя нагроможденные зубы, определять с достаточной уверенностью, из какой страны происходят любые экземпляры.

Длиннейшие из известных бивней ныне живущих видов слона происходят из Африки, и именно из области озер. Вестендарп имеет зуб из средней Африки длиной в 2,94 м, а из северной части Бекер привез зуб, имеющий, по Стерндалю, даже 3,27 м длины. Эти зубы, однако, тонки и относительно легки: так, первый из них весит лишь 44 кг. В прежнее время попадались, говорят, зубы весом в 120—130 кг и более, однако это мало вероятно, судя по величине находящихся в собраниях утвари и художественных произведений, сделанных из слоновой кости. Понятно, что громадные зубы должны становиться тем реже, чем быстрее вывозится из Африки старая слоновая кость и чем ревностнее охотятся за слонами.

«Хорошо выросшие клыки, — пишет Вестерндарп, — обыкновенно длиной до 2 м, редко 2,5 м и при этом весом 30—50 кг, в исключительных случаях 75—90 кг. Самый тяжелый из зубов, привезенных в последнее время в Европу, был куплен на Восточном берегу фирмой «Гейнрих Мейер». Длина его равнялась 2,6 м, вес 94 кг**. Как относительно величины слонов, так и относительно величины слоновьих зубов часто встречаются неверные сведения даже в специальных сочинениях. Так, например, в описании древних предметов, сделанных из слоновой кости, находящихся в Британском музее, говорится, что зубы слонов в прежнее время должны были быть гораздо больше, так как в настоящее время не встречается более пластинок в 40,6 см длиной и 14,5 см шириной, которые использовались тогда для выполнения некоторых работ. Это заявление неверно, так как пластинки такого рода и в настоящее время не представляют еще ничего необыкновенного и ежегодно доставляются в большом количестве. Упомянутый выше зуб, весивший 94 кг, мог бы даже дать пластинки в 20 см ширины и 76 см длины. Самая тяжелая, совершенно безукоризненная пара зубов была выменяна в Тете, на Замбези, в 1882 году; она весила 144,5 кг, каждый зуб был длиной 2,27 м, и наибольший обхват посредине зуба равнялся 0,6 м. Самая красивая и длинная пара слоновьих зубов, которая когда-либо попадала в Европу, находится в моем собрании; она весит 101 кг, имеет 2,57 м в длину, совершенно свободна от недостатков, происходит из Уганды и заключает в себе слоновой кости на сумму 3775 марок». Вообще пары зубов значительной величины

** Подобные явления в природе называются атавизмами. У предков слона в каждой половине челюсти было по три резца (из современных млекопитающих четыре резца бывает только у сумчатых), два из которых впоследствии исчезли. Но, возможно, в какой-то ситуации закладки этих зубов, существующие у эмбриона слона, не исчезают, а прорезаются, образуя зубы, хотя вид слона с шестью бивнями должен быть довольно странным.*

*** Самый большой известный бивень африканского слона достигал 3,5 м длины и массы 107 кг. Обычно же они гораздо меньше.*

Семейство слоновые

* Индийский слон распространен по всей материковой части Юго-Восточной Азии и на больших островах; впрочем, в большинстве мест дикие слоны истреблены человеком и от прежнего ареала осталась кучка разрозненных участков. Длина тела 5,5—6,5 м, высота в плечах до 3 м, максимальный вес до 5 т. Его спина несколько выгнута вверх на уровне лопаток, а к крестцу несколько понижается. Уши небольшие и по форме напоминают контур полуострова Индостан. Живет преимущественно в лесах, а также в высокотравных саваннах.

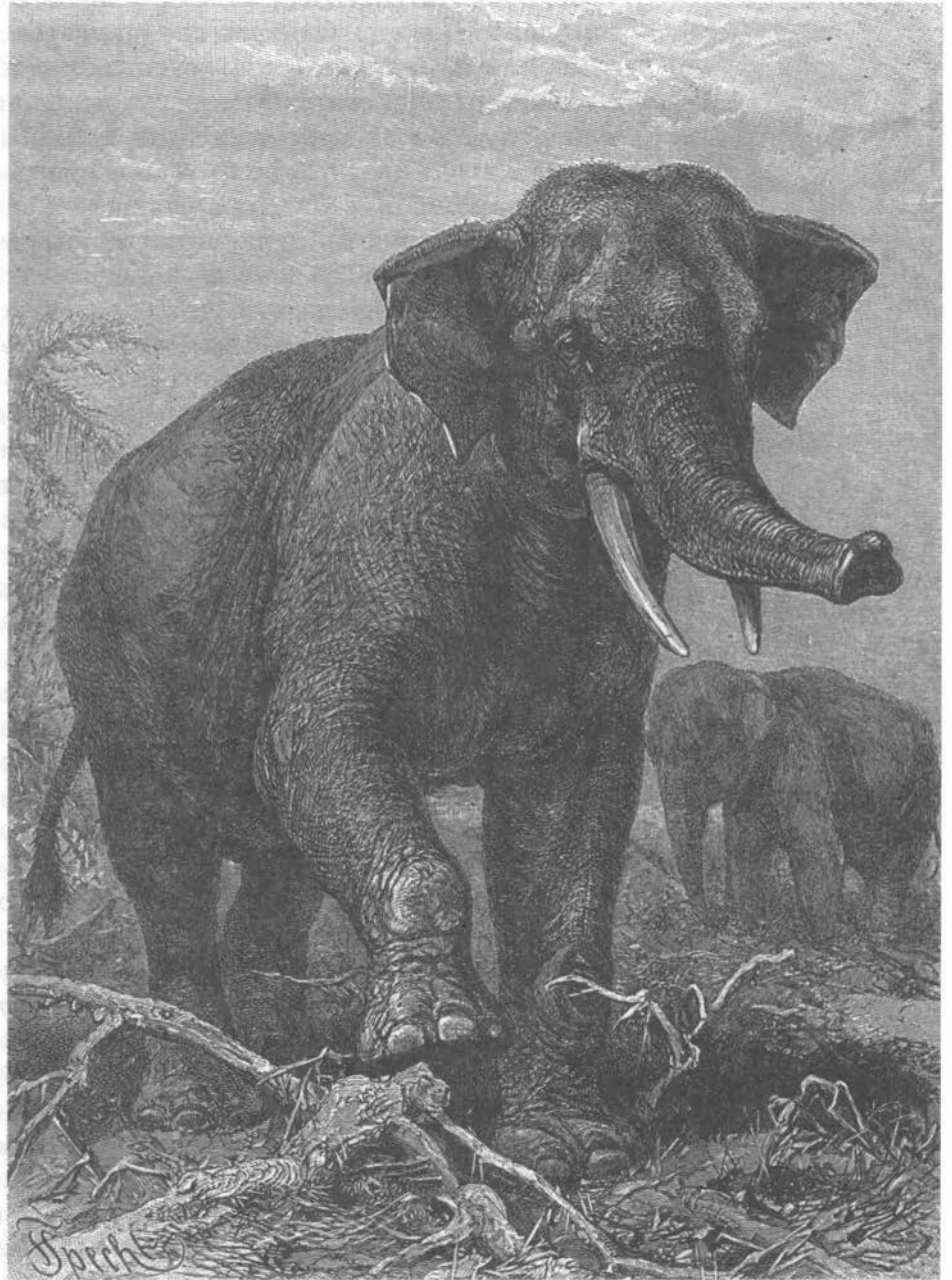
всегда представляют в торговле замечательную редкость, так как бивни одного и того же слона обыкновенно не поступают в обмен вместе. Этому способствует прежде всего то обстоятельство, что оба зуба одного животного не остаются собственностью счастливого охотника, так как на основании господствующего во многих областях Африки охотничьего права тот зуб, которым убитый слон касается земли, должен быть отдан «господину земли», то есть старшине местного племени.

Бивни азиатского слона гораздо меньше, чем у африканского, и лишь редко достигают длины более 1,6 м и до 20 кг веса. Однако в виде исключения встречаются экземпляры, которые не слишком уступают по длине бивней африканским слонам. Наибольший известный зуб принадлежит слону, у которого был один лишь этот здоровый зуб, а другой был испорчен и сломан; слон этот был убит в 1863 году сэром Виктором Бруком и Дугласом Гамильтоном в восточном Майсуре. Здоровый зуб имел в длину 2,4 м, наибольший обхват почти в 0,43 м и вес 40,8 кг; он выдавался наружу из головы на 1,75 м. Левый больной зуб был сломан на расстоянии 35 см от черепа, остаток имел еще в длину 0,99 м, наибольший обхват в 0,5 м и вес 22,2 кг. Свежий зуб теряет вообще при высыхании, смотря по обстоятельствам, приблизительно до одной десятой и даже девятой части своего первоначального веса.

СЕМЕЙСТВО СЛОНОВЫЕ (Elephantidae)

Азиатский, или индийский, слон (*Elephas maximus*)*, на которого мы обыкновенно смотрим как на прообраз этого рода и семейства, есть большое, толстое, неуклюжее животное с массивной, широколобой головой, короткой шеей, сильным телом и колоннообразными ногами. Его голова, которую он держит почти вертикально, существенно содействует усилению подавляющего впечатления, производимого гигантским животным на зрителя. Она мощного сложения и, при всей простоте своих форм, хорошо развита. Она высока, коротка и широка, лицевая линия ее почти пряма, темя увенчано двумя высокими буграми, сильно выдающимися вперед, которые составляют самую высокую точку тела животного и спереди связаны при основании валикообразным возвышением. Высоко на голове сидит ухо средней величины и неправильной четырехугольной формы, удлинненное внизу в несколько вытянутый кончик; верхний край спереди и на внутренней стороне заворочен, а повислый конец загнут назад. Маленькие глаза лежат довольно глубоко в орбитах, защищены толстыми веками, усаженными толстыми черными ресницами, и окружены многочисленными кольцеобразными складками кожи; зрачок их очень мал и кругл.

Изрезанные складками углы широкого рта лежат недалеко от глаз, снизу и сзади от них, в глубокой ямке, образованной очень сильными жевательными мускулами и корнями бивней; нижняя губа довольно подвижна, часто свешивается вниз и спереди образует острый кончик. Между глазами, простираясь вверх до лба, лежит место прикрепления почти вальковатого хобота, который к концу лишь немного и постепенно становится тоньше; в вытянутом состоянии он достигает земли, и потому животное должно обыкновенно держать его свернутым. Передняя часть его округлена, каждая из сторон несколько сжата, задняя часть, ограниченная с обеих сторон выдающимся валиком, в верхней четверти длины плоская. Спереди хобот снабжен отличным хватательным органом — ясно отделенным, коническим, пальцеобразным отростком, а на самом конце его находятся ноздри. Бивни выходят из верхней челюсти, делая сильный изгиб. Шея коротка, к голове несколько приподнята и отчетливо отделена от нее.

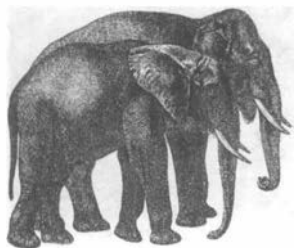
Размеры слона по большей части преувеличивают и часто определяют неверно. По старому охотничьему правилу двойной обхват ноги равен высоте плеч животного, причем допускается ошибка в 3—5 см. У самых больших самцов вся длина — от

Индийский слон
(*Elephas maximus*)

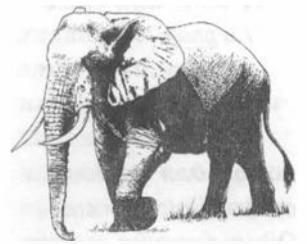
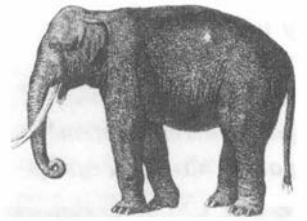
конца хобота до конца хвоста — равняется приблизительно 7 м, из которых около 2 м приходится на хобот и до 1,5 м на хвост; а высота у загривка доходит до 3 м. Более крупных экземпляров трудно найти, а имеющих более 3,5 м в высоту и вовсе не встречается. Сандерсон (который в течение половины человеческой жизни заведовал ловлей слонов в Индии и потому, несомненно, может считаться специалистом, достойным доверия) измерил самых крупных из сотен слонов и определил их высоту в плечах: у двух самых крупных самцов она равнялась 3 и 2,95 м, а у двух самых крупных самок — 2,57 и 2,52 м. И в прежние времена эти животные не были больше; по крайней мере Корзе в конце прошлого столетия не нашел ни одного, который был бы более 3 м, и из 150 штук лишь некоторые из самых крупных самцов достигали 2,9 м высоты в плечах. Совершенно особняком стоит одно указание Стерндаля, относящееся к новейшему времени: 3,22 м. Вес крупных животных может равняться 4000 кг и даже больше.

Животные светлого цвета или хотя бы лишь испещренные светлыми пятнами, так называемые белые слоны, встречаются очень редко. В рассказах об Индии лишь изредка упоминается о таких экземплярах. Сандерсон видел лишь двух; один из них был со светло-голубыми глазами. В Сиаме, где высоко ценят всех альбиносов, полагая, что они повелители животных того же вида, где белый слон, как самое сильное из животных, считается священным и даже один из титулов короля есть «господин белого слона», — и там, несмотря на все усилия, могли добыть, по-видимому, лишь экземпляры, окрашенные немного светлее обыкновенного, а настоящего альбиноса не имели вовсе. Когда Бок в 1881 году жил в Бангкоке, ему показывали там двух таких животных, «которые были светлее остальных и имели на ушах пару белых пятен. Различие в цвете было едва заметно». Но именно в это время был, как говорили, пойман в горной стране действительно белый слон, которого везли к королю. В объявленный день его прибытия весь город находился в праздничном возбуждении, и встреча была обставлена чрезвычайно роскошно. Наш наблюдатель сошел к реке, чтобы тоже посмотреть, как будут выгружать священное животное, и следующим образом описывает торжественную встречу и героя праздника: «В это мгновение музыканты заиграли национальный гимн; мы отошли в сторону, чтобы пропустить процессию мимо себя. За трубачами шел отряд сямских музыкантов, одетых с головы до ног в алые одежды, с тамтамами, раковинами и другими неблагозвучными инструментами. Затем государственные слоны, три самых больших впереди с золотыми чепраками, которые в противоположность их матовой коже сверкали и блестели на солнце; на спине у них были богато украшенные и позолоченные носилки. Затем несколько лейб-гвардейцев короля, герольды, камергеры и другие чиновники, потом

Его Величество, которого несли на богато позолоченном и выложенном перламутром великолепном стуле, на котором он сидел скрестив ноги, защищенный от палящих лучей солнца большим позолоченным зонтиком. За Его Величеством следовали пажи и слуги с блестящими золотыми сосудами для бетеля, вазами для чая и подарками для народа и особенно духовенства в честь счастливого события. Затем явился окруженный принцами и должностными лицами дядя короля и министр северной части Сиам и Лао, на плечах которого лежало все бремя приготовлений к приему белого слона. Наконец явился герой дня, сам белый слон в обществе трех других, так называемых белых слонов, по сравнению с которыми он, конечно, вполне заслуживает почетное место. Меня могли бы, правда, считать слепым в отношении цветов, если бы я назвал его белым; но он действительно был совершенный альбинос: все его тело казалось бледным красновато-бурым, на спине находилось несколько действительно белых волос. Радужная оболочка глаз, цвет которой считается хорошим признаком альбиноса, была бледно-желтого цвета. Он смотрел очень мирно; карнак вел его, а не ехал на нем верхом; его душевное спокойствие составляло резкую противоположность общему возбуждению: он как будто чувствовал свою важность.

Удивительное животное было отведено в специально построенное помещение, где оставалось около двух месяцев, чтобы наконец, хорошо подготовившись и освободившись от всех злых духов, занять место в королевском дворце. Его сначала привязывали веревкой за заднюю ногу к белому столбу на возвышенном помосте и повесили около него красную доску со следующей золотой надписью в буквальном переводе: «Слон прекрасного цвета; волосы, копыта и глаза белы. Совершенство формы со всеми знаками действительной принадлежности к высокому семейству. Цвет кожи — цвет лотоса. Потомок ангела браминов. Приобретен в собственность могуществом и славой короля для служения ему. Подобен кристаллу высочайшей цены. Принадлежность к высочайшему семейству слонов из всех существующих. Источник силы привлечения дождя. Он так редок, как чистейший кристалл высочайшей ценности на свете». Дядя короля, Тшау-Фа-Маха-Мала, заказал иностранцу сделать красками изображение священного животного, но, осмотрев готовое произведение художника, он остался недоволен цветом, который показался ему слишком темным, так как слон должен ведь быть белым. Он просил Бока еще раз осмотреть животное, и оказалось, что теперь кожа животного благодаря усердной обработке тамариндовой водой приняла действительно более светлый тон, чем ее естественный; тем не менее она все еще казалась не белого цвета, а лишь цвета светлой кожи. И, однако, этот слон был самым белым, какой был пойман на памяти людей, и на основании этого можно было заключить, что не следует принимать буквально за истину

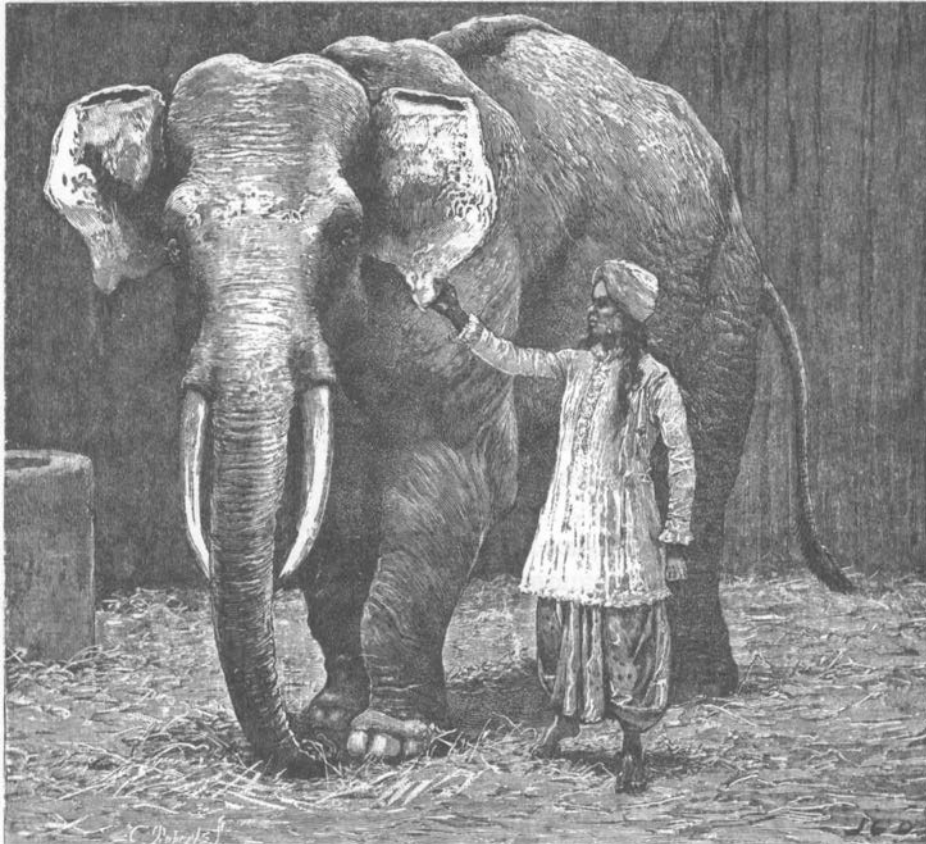

Семейство слоновые

* Половая зрелость у индийского слона наступает в 9—12 лет. Сезонности размножения нет, равно как и регуляр-

старые рассказы сямских летописей, которые говорят о белых слонах».

В Индии, по словам Сандерсона, слон вырастает до 25 лет, хотя своей полной силы он достигает лишь в 35 лет. Самец становится способным к размножению приблизительно на 20-м году. Самки рожают первого детеныша приблизительно в возрасте 16 лет, а потом производят детенышей приблизительно через 2,5 года; продолжительность беременности определяется в 18—22 месяца и, как говорят, короче для детеныша женского пола, чем для мужского. Несколько раз наблюдались двойни. Новорожден-

Азиатский слон
(*Elephas maximus*)

ности для каждой отдельной самки. Одна слониха приносит потомство в среднем 4 раза в жизни.

ные детеныши бывают вышиной в плечах 90 см и на второй день весят в среднем 90 кг; в течение 6 месяцев они питаются исключительно молоком, затем понемногу начинают есть нежную траву, но тем не менее питаются еще несколько месяцев преимущественно молоком. Большинство детенышей рождается в сентябре, октябре, ноябре, и лишь в виде исключения некоторые рождаются в другие месяцы*.

Легко понять, что размножение этих гигантов незначительно. Состояние течки узнается у слона прежде всего по тому, что две железы около ушей выделяют в большом количестве вонючую жидкость, между тем как виски в то же время опухают. Само животное очень возбуждено; даже ручное становится часто страшно свирепым по отношению к своим жокакам, к которым вообще относится превосходно. В Индии это состояние называют «муст». Как только замечают его приближение, то стараются всячески стеречь животное и делать его безвредным, чтобы избежать несчастных случаев. Даже привыкшие к нему лица, которые ходят за ним, избегают приближения к слону, ставшему теперь до некоторой степени безумным, и кормят и поят его

на большом расстоянии. Впрочем, по Сандерсону, вовсе не все слоны, одержимые мустом, становятся злобными и буйными, а часто лишь сонными и равнодушными к окружающему. Это состояние длится от нескольких недель до нескольких месяцев и почти исключительно замечается у самцов; однако упомянутый автор замечал его дважды и у недавно пойманных самок, но полагает, что у действительно ручных самок оно еще не замечалось. Сандерсон сомневается, составляют ли муст и течка одно и то же явление, так как он четыре раза имел случай наблюдать совокупление слонов — два раза у дико живущих и два раза у прирученных, и ни в одном из этих случаев у самцов не было и признака состояния «муст».

Первая смена зубов происходит на втором году жизни, вторая — на шестом, третья — на девятом. Поздние зубы остаются дольше*.

Животное это водится в большей части лесистых областей юго-восточной Азии: в Индостане от подножия Гималаев, где оно встречается от Дехра-Дун (к востоку от реки Джумны) до Бутана, далее в Ассаме, Бирме, Сиаме, на Малаккском полуострове и, в меньшем числе, на трех ближайших больших островах: Цейлоне, Суматре и Борнео. В некоторых местностях слон уже истреблен или по крайней мере стал очень редок, вообще же в пределах указанной области он живет еще во всех более значительных и обширных лесах, как в горах, так и на равнинах. Принадлежат ли слоны, водящиеся на Цейлоне, Суматре и Борнео, к одному виду со слонами материка или в самом деле составляют особый вид, как уверяет нас старый зоолог Шлегель, опираясь на сравнение скелетов материкового и островного слонов, — этот вопрос мы оставляем нерешенным.

Африканского слона (*Loxodonta africana*)** должно отличать от азиатского. Он превосходит величиною своего азиатского родича. Тело его короче, но выше, чем у его родича; плоская голова с тонким хоботом, большими бивнями и огромными ушами, выпуклая линия спины, узкая грудь и некрасивые ноги представляют совокупность признаков, которые ясно отличают его от азиатского слона. На голове лоб, начиная от носовых костей, отступает назад, образует лишь слабо выдающуюся верхушку и снова плоско опускается за теменными костями к затылку. Все возвышения и ямки головы более плоски, чем у азиатского слона; края глаз мало выступают, и глаз почти совершенно наполняет орбиту; нижняя челюсть относительно слаба, и жевательные мускулы мало заметны; хобот, прикрепляясь ко лбу, не образует выпуклости и толстого корня, а быстро утоньшается.

Хобот спереди округлен, с боков несколько сжат, сзади плоский. Оконечность хобота окружена лишь незаметным валиком. Очень широкому пальцу, едва заслуживающему это имя, соответствует подобная же вытянутая часть заднего края отверстия; оба

* Как уже было замечено, щечные зубы слонов представляют собой фактически одну генерацию, состоящую из трех ложнокоренных и трех коренных зубов. Ложнокоренные зубы один за другим снашиваются к 15 годам, и тогда начинают функционировать первый истинно коренной зуб.

** Африканский слон представляет собой особый род, который по сравнению с индийским слоном сохранил более древние черты. У африканского слона более длинное тело и как бы провислая спина, середина которой ниже крестца. На хоботе два хватательных отростка, выше и ниже ноздрей. Африканские слоны населяют всю Африку к югу от Сахары, однако единый в прошлом ареал теперь разорван на отдельные участки.

нароста могут плотно прикладываться друг к другу своими краями и так запирают хобот, что остающимся видимым отверстием окажется лишь поперечная щель. Носовая перегородка глубоко отступает, и продолговатые, прямые ноздри лежат поэтому тоже в бокаловидном углублении. Короткая, округленная нижняя губа не свешивается, а обыкновенно подтянута. Глаза малы и щелевидны; радужная оболочка светлого красновато-желто-бурого цвета. Высоко на голове сидят на толстых корнях громадные уши, которые не только покрывают весь затылок, но и простираются еще за лопатку. Складки и щели сетеобразно изборозжденной кожи представляют собой более грубое строение, чем у азиатского слона. За исключением редкого ряда волос на шее и загривке, редких черно-бурых волос длиной до 15 см, свешивающихся с груди и брюха, отдельных волос вокруг глаз и на нижней губе и кисти на хвосте, похожие на проволоку волосы которой могут достигать длины 40 см и более, волос вовсе нет. Цвет кожи густой аспидно-голубовато-серый, затемняется приставшей грязью и пылью и переходит в некрасивый желтовато-бурый.

У одного самца, убитого Джоном Кирком в области Замбези, длина от конца хобота до темени равнялась 2,75 м, длина изогнутой спинной линии отсюда до места прикрепления хвоста 4,2 м, длина хвоста 1,3 м, вся длина, следовательно, около 8 м при высоте плеч 3,14 м. Несмотря на то, каждый из бивней весил лишь 15 кг, а следовательно, это животное вовсе не достигло еще старости.

Область распространения африканского слона значительно сократилась в течение нашего столетия, и именно с юга, и в настоящее время простирается приблизительно от широты озера Чад на севере до широты озера Нгами на юге. Точных границ установить нельзя, так как слоны не только предпринимают далекие странствования, но и меняют на время области, в которых живут, исчезают из некоторых местностей на годы и десятки лет и точно также неожиданно появляются в других.

Оба вида слонов были хорошо известны древним и уже давно привозились довольно часто живыми в Европу. «Древние египтяне, — говорит Дюмихен, знали не только африканский вид, но и слонов далекой Индии и высоко ценили и тех и других. Ценные бивни этих гигантов животного царства составляли во все времена египетского владычества главную составную часть ежегодной дани, которую должны были платить фараону жалкие жители Куша и живущие еще южнее негры, а также находившиеся под властью Египта народы Азии».

По отношению к тому, что древние египтяне знали азиатского слона, особенно важна надпись, найденная Эберсом в одной верхнеегипетской гробнице, а именно в Курнахе, на западной стороне Фив. Гробница, как видно из находящихся на ней царских имен, относится к XVII столетию до Рождества Христова, и умер-

ший, по имени Аменемхем, который имел честь сопровождать царя-героя Тутмосиса Третьего в его азиатских военных походах, рассказывает на стенах своей гробницы о некоторых выдающихся происшествиях из этого похода. Надпись гласит: «Я снова видел совершенный подвиг владетеля Египта в стране Ниниве, где он на охоте убил 120 слонов для слоновой кости».

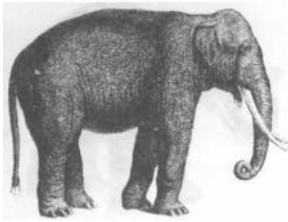
О любви египетских царей к опасным охотам рассказывает многое в надписях. Как у древних египтян, так и у других народов древности слон и слоновая кость обозначались одинаковыми словами. Геродот первый подразумевает под словом «Elephas» действительно само животное. Ктезий, придворный врач Артаксеркса Второго, был первым из греков, описавшим слона на основании собственного изучения. Он видел в Вавилоне живого слона, который, должно быть, был привезен туда из Индии; он первый распространил и сказку о том, что у слона нет сочленений в ногах, что он не может ни ложиться, ни вставать и потому должен спать стоя. Насколько известно из истории, Дарий первый употребил слонов для военных целей, и именно против Александра Великого*. Из добытых этим последним слонов Аристотель видел некоторых и мог довольно точно описать это животное. Начиная с этого времени слоны часто упоминаются в истории. Почти 300 лет сряду они употреблялись даже в Европе в бесконечных войнах, которые различные народы вели из-за всемирного господства, пока наконец римляне не вышли победителями из этих битв. Но рядом с индийскими слонами употреблялись и африканские, и именно карфагеняне умели дрессировать этих животных и пользоваться ими во время войны, хотя позднее считали африканских слонов неспособными к приручению**.

Римляне употребляли своих слонов главным образом для битв в цирках, и их должно считать виновниками того, что слоны были истреблены к северу от Атласа. До какой степени дрессировали африканских слонов, видно из того, что римляне научали их в цирках рисовать грифелем буквы, подниматься и опускаться по косо натянутой веревке, носить вчетвером на носилках пятого, который изображал больного, танцевать в такт, есть за великолепно накрытым столом из золотой и серебряной посуды с полным соблюдением утонченности и приличия и т.п. Но насколько часто древние имели возможность наблюдать слонов живыми, настолько же неправильны дошедшие с того времени до нас описания. В настоящее время имеется ряд превосходных описаний обоих видов и потому можно составить подробную и верную картину жизни этого животного.

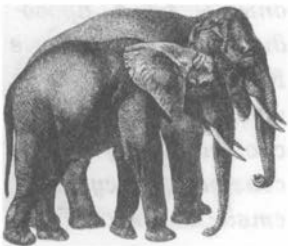
В указанных странах слонов находят в каждом значительном лесу. Чем он богаче водою, чем более он похож на настоящий первобытный лес, тем чаще встречаются в нем слоны. Но было бы заблуждением думать, что они попадают лишь в таких лесах. Утверждали, что это огромное млекопитающее боится

* Азиатские слоны использовались в военных целях правителями государств Азии, вероятно, с момента одомашнивания.

** Дикие африканские слоны (и саванные, и лесные) в целом менее агрессивны, чем дикие индийские, и приручению поддаются по меньшей мере не хуже. Ганнибал вел на Рим армию, включавшую именно африканских слонов. Хорошую приручаемость последних подтвердили и опыты XX в., проводившиеся в Заире и в ЮАР. Легенда о том, что африканский слон не приручается, связана с отсутствием необходимости и желания его приручения у коренных жителей Африки.

** Слоны живут даже в песчаной пустыне Калахари (правда, только в окраинных, заросших кустарником частях), где совершают длинные и многотрудные переходы от водопада к водопаю.*

холода и высоких гор, но добросовестные наблюдения опровергают это самым определенным образом. На Цейлоне именно холмистые гористые местности составляют его любимое местопребывание. То же относится и к африканским слонам.

Ни на высоких или средней высоты горах, ни на равнинах слон не держится постоянно в лесах, напротив, он меняет местопребывание не только на местности, но и смотря по обстоятельствам и в короткое время переселяется часто чрезвычайно далеко. Так, в большей части Африки его целые месяцы встречают лишь в открытой степи, если только там есть деревья и кусты, созревающие плоды которых привлекают его, или же его находят в болотах, тростник которых составляет самое высокое растение во всей окрестности. Выбранное им местопребывание должно всегда удовлетворять одному условию: в нем не должно быть недостатка в воде*. От одного стока к другому, от водоема к ближайшему лесу ведут тропинки, и каждый пруд служит местом отдыха и освежения, так как слоны постоянно пользуются ими, чтобы охлаждать и очищать кожу купанием или по крайней мере обрызгиванием водой. «Не только до полудня и с наступлением темноты, — говорит Гейглин, — но даже в ясную погоду после полудня мы встречали в уединенных местах слонов, которые часто, стоя глубоко в воде или даже лежа, мучили и грязнили воду пометом и обрызгивали ею себя».

Как ни обыкновенны слоны внутри Африки, но иногда бывает трудно найти их местопребывание в данное время, так как они ведут кочевой образ жизни. При переходах они обыкновенно держатся определенных тропинок или пролагают себе новые, все равно, идут ли они через леса или болота, через крутые горы или узкие ущелья. Препятствий для них, по-видимому, вовсе не существует: они переплывают реки и озера, без труда пробираются через самый густой первобытный лес, взбираются на крутые, каменистые и скалистые высоты, проделывая на твердой почве настоящие дороги, так как они идут не только тесной толпой, но обыкновенно выстраиваются в длинные ряды гуськом и потому оставляют относительно узкие тропинки.

Вожак стада идет спокойно через лес, не обращая внимания на подлесок, который он мнет своими широкими ногами, не заботясь также о ветвях деревьев. На открытых песчаных или же пыльных лесных полянах стадо слонов, по-видимому, обыкновенно делает остановку, чтобы поваляться в песке, как это делают куры. На таких местах я наблюдал глубокие ямы, соответствующие величине слона, которые отчетливо показывали, что мощные животные здесь барахтались. Слоны всегда разыскивают для своих дорог самые удобные горные проходы, которые только можно найти на обширном пространстве. По некоторым из этих проходов они ходят так постоянно и с таких давних пор, что даже стерли своими ногами и совершенно отшлифовали твердый камень.

Слон только кажется неуклюжим, в действительности же он очень ловок. Обыкновенно он ходит спокойным ровным шагом, как верблюд или жираф, причем проходит по 4—6 км в час, но этот спокойный шаг может быть настолько ускорен, что слон пробегает по 15—20 км, по-видимому не очень торопясь. Если не слишком жарко, то, подгоняемый вожаком, слон короткое время может бежать так быстро, что в час пробежал бы 20—25 км, если бы мог это выдержать долго. Сильно испуганные или подстреленные животные непрерывно идут, не останавливаясь, на расстоянии 60—70 км и более. Часто случается, что животные, внезапно заметив вблизи врага, очень поспешно, но без шума удаляются.

Старое поверье, будто бы слон не может ложиться, самым основательным образом опровергается на каждом экземпляре, который мы видим в зверинце. Конечно, наш гигант не всегда спит лежа, а часто и стоя; но если он хочет расположиться удобно, то с такою же легкостью, с какою он и вообще движется, он ложится и встает со своего ложа. Не менее легко это неуклюжее животное плавает, поэтому оно с истинным удовольствием бросается в воду и по желанию погружается в глубину. Если слон захочет, он переплывает широкие и быстрые реки, плавает иногда и совершенно под водою, причем выставляет над поверхностью воды только конец хобота*. Переплывая через воду, матери обыкновенно поддерживают своих совершенно маленьких детенышей хоботом. Взрослые плавают, быть может, лучше, чем какое-либо другое земное млекопитающее; 79 прирученных слонов, которых Сандерсон посылал в другую часть страны, должны были перейти нижний Ганг, который разделен на множество рукавов; раз они плыли целых 6 часов, не касаясь почвы, отдохнули короткое время на песчаной мели и затем снова проплыли без остановки 3 часа. При этом ни один не погиб и ни один не отстал из-за утомления.

Хобот служит для слона превосходным орудием, пригодным для различного употребления, но он употребляется реже всего или вовсе не употребляется таким образом, как бывает часто изображено на рисунках, например, в случае нападения для схватывания врага, или при подъеме больших тяжестей, или при корчевке больших деревьев. Лишь в исключительных случаях он наносит хоботом удар или схватывает им человека. Хобот — очень чувствительная часть тела; поэтому при всех столкновениях и грубых или опасных действиях животное тщательно оберегает его и для этой цели возможно тесно свертывает. На основании многочисленных наблюдений Сандерсон прямо уверяет, что индийский слон идет на противника, всегда тесно свернув хобот; относительно африканского Селус сообщает нам следующее: «Я никогда не видал, чтобы слон напал, подняв хобот. Хобот главным образом употребляется для того, чтобы схватывать пищу, набирать воду и отправлять то и другое в рот, а также для того, чтобы

** Слоны иногда переходят вброд водоемы, если только глубина позволяет выставлять конец хобота над водою. У плывущего слона над поверхностью видна и часть головы. Хотя обычно слоны долго не плавают, стараясь при всяком случае идти по дну, но известен случай, когда эти гиганты переплывали озеро Виктория, проплыв более 30 км.*

** Слон может использовать хобот как оружие, но в относительно безопасных для самого хобота ситуациях. Для этого конец органа свертывается спиралью, внутри которой оказываются наиболее чувствительные части, и ударяет противника как бы «тыльной», верхней стороной хобота. Удар такого «кулака» способен отбросить в сторону и даже убить человека.*

обнюхивать и ощупывать предметы*. Если слон повредил себе хобот, то, желая утолить жажду, он должен войти глубоко в воду и пить так, как обыкновенно пьют животные; здоровым же хоботом он всасывает воду и выпускает ее себе в рот. Он отламывает хоботом ветви, а также ломает и тонкие деревца, но для более толстых пускает в дело ногу и давит ею, а чтобы сдвинуть что-нибудь, пользуется, кроме того, еще и частью головы ниже глаз, где прикрепляется хобот. Если, служа человеку, он должен поднимать большие тяжести, то берет прикрепленную к тяжести веревку в рот и в то же время кладет ее на один из бивней, если они у него есть. Поэтому слоны, вооруженные бивнями, как верно наблюдал и сообщал уже Мельхиор, более производительные работники, чем беззубые слоны или самки. Бивни употребляются, кроме того, для различных действий, но всегда, как и хобот, с большой осторожностью и уж во всяком случае не в качестве рычага, чтобы катать каменные глыбы или вырывать корни деревьев. Они служат слону главным образом в качестве оружия для защиты и для нападения, а в других случаях животное по возможности щадит их, так как они относительно легко ломаются. Самцы с поврежденными бивнями или, по крайней мере, одним отчасти или совершенно сломанным встречаются всюду. Мерсер прислал Теннету конец слоньего зуба, диаметр которого равнялся 12 см, а вес — 12 кг и который был обломан в битве с другим слоном.

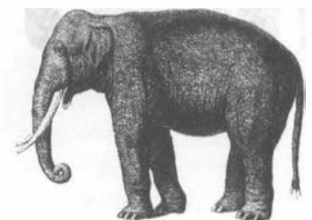
Душевные способности слона соответствуют вышеупомянутым качествам его. Зрение, кажется, не особенно развито; по крайней мере все охотники держатся того мнения, что поле зрения животного очень ограничено. Но тем лучше развито обоняние и слух, а вкус и осязание, как можно легко убедиться на слонах, содержащихся в неволе, по крайней мере не слишком слабы. О тонкости слуха этого животного могут рассказать все охотники. Самого незначительного звука достаточно, чтобы возбудить внимание слона; треска маленькой ветки довольно, чтобы нарушить его покой. Обоняние превосходно развито и позволяет животным чувствовать на чрезвычайно больших расстояниях; ни один охотник не в состоянии приблизиться к ним на близкое расстояние с наветренной стороны. Сандерсон наблюдал, что прирученные слоны при благоприятном ветре чувствуют своих родичей в пустынной местности на расстоянии около трех английских миль. Осязание сосредоточено преимущественно в хоботе, а пальцеобразный придаток на конце его по тонкости осязания соперничает с привычным пальцем слепого.

Голос у слона сильный, и звуки, которыми он выражает свои чувства, разнообразны. Удовольствие он проявляет очень тихим ворчанием или бормотанием, исходящим из горла, или слабым продолжительным писком, исходящим из хобота; страх он обнаруживает сильным ревом из самой глубины груди, внезапный испуг — коротким резким трубным звуком из хобота; если он в

ярости, ранен или чем-либо озабочен, то издает непрерывные глубокие и громкие горловые звуки; при нападении он, напротив, пронзительно трубит, причем под словом «трубит» должно подразумевать, однако, лишь звучный визг хоботом.

Каждое стадо слонов представляет большое семейство, и, наоборот, каждое семейство составляет отдельное стадо. Число членов семьи может быть различным: стадо от 10, 15, 20 голов может возрасти до нескольких сотен. Андерсон видел у озера Нгами стадо из 50 голов, Барт у озера Чад — стадо из 96, Вальберг в стране Каффов — стадо из 200 голов. Отдельные путешественники говорят о 400, 500 и даже 800 слонах, которых они видели вместе. Так, Гейглин уверяет, что встретил стадо, которое, по его мнению, должно было состоять по крайней мере из 5000 зверей, а Кирк утверждает, что встретил раз на Замбези стадо из 800 слонов. В таком изумительно большом количестве они, конечно, встречаются лишь очень редко. В Индии, по словам Сандерсона, стада обыкновенно состоят из 30—50 голов, однако вовсе не редко встречаются и вдвое более многочисленные. Если они держатся в местностях, бедных пищей, то часто разделяются на более мелкие стада по 10—20 голов, которые удаляются друг от друга на несколько английских миль. При этом матери с детенышами составляют передовой отряд, а самцы, вооруженные бивнями, идут как попало сзади. Если же стадо обращается в бегство, то этот порядок совершенно изменяется: самцы, которых ничто не задерживает, проходят вперед и бегут впереди, между тем как матери, заботясь о детенышах, следуют за ними как могут. Из одной местности в другую слоны идут обыкновенно гуськом; где они останавливаются, там они рассеиваются, чтобы искать корм. С 10 или 11 до 3 часов днем и ночью они обыкновенно отдыхают и спят, причем многие из них ложатся. В более холодную, дождливую погоду они остаются весь день в движении и вообще охотно оставляют мокрые леса и чащи и уходят на открытое место. Если рождается детеныш, то стадо, по крайней мере в Индии, остается два дня около матери; по прошествии этого времени детеныш может странствовать вместе с остальными и с помощью матери перебирается даже через трудные холмистые страны и широкие, водные бассейны.

Некоторые животные одного стада, по-видимому, особенно привязаны друг к другу, по крайней мере они почти всегда вместе; даже между прирученными слонами случаи такой дружбы очень обыкновенны. Хотя вожаком и передовым животным стада бывает всегда одна из самок, однако настоящим властелином стада всегда бывает сильнее всего вооруженный самец. Все самки и другие самцы боятся его из-за его бивней, так что его влияние растет вместе с величиной его оружия. Ни один слабее вооруженный слон не осмеливается ему противиться. Прирученные слоны обоего пола тоже отступают перед сильно вооруженными товари-

щами, хотя бивни в неволе по большей части обрезаны, то есть отпилены до известной длины. Ручные самцы очень хорошо годятся для того, чтобы сделать послушными недавно пойманных диких слонов, так как сильный самец может в короткое время запугать даже самых буйных; в том случае, если их бивни укорочены, к ним прикрепляют часто стальные острия, с помощью которых они могут бороться с любым противником.

Одинокий слон, который более не ходит с себе подобными, встречается очень редко и вовсе не бывает постоянно злобным существом. Однако он часто становится деятельным грабителем плантаций и, ознакомившись с безвредными хитростями сторожей, он перестает бояться обычных средств, которыми пугают слонов. Некоторые из этих одиночек становятся, правда, опасными для человека, который неожиданно потревожит их или внезапно застанет врасплох; они, как и многие другие хорошо вооруженные животные, нападают на людей до известной степени под впечатлением первого испуга. Таков был, например, слон, называемый Мандла-Рог, который жил в середине семидесятых годов недалеко от Джабалпура, в центральных провинциях Индии, и умертвил очень многих людей, пока двум английским офицерам не удалось застрелить его. Другого самца, который только начинал становиться бешеным, убил Сандерсон, знавший его уже целые годы и именно не как одиночку, а как неразлучного товарища другого слона. Кинлох рассказывает о бешеных слонах, встречавшихся в лесах у подножия Гималаев, что самые опасные из них, подобно тиграм-людоедам, по временам даже совершенно прекращали сообщение по некоторым дорогам, так как нападали на всех прохожих.

Душевные способности слонов слишком преувеличены теми, кто наблюдал их в прирученном состоянии, а не на свободе. Да и большая часть рассказов об уме и сообразительности прирученных слонов, которые беспрестанно повторяются, как, например, о портном, который раз вместо того, чтобы по обыкновению дать слону сладостей, уколол его иглою и из-за этого был потом облит вместе со своею работой грязной водой, когда слон возвратился с реки, или рассказ о слоне, который приподнял колесо орудия, чтобы оно не раздавило упавшего солдата, и другие истории представляют скорее красивую выдумку, чем действительно наблюдавшиеся случаи. Слон в диком состоянии, несомненно, обнаруживает больше простоты, чем ума, а дрессированный, по-видимому поступающий по своим соображениям, в действительности делает лишь то, что указывает ему вожак. Едва ли между конем и всадником существует более тесная связь, чем между слоном и вожаком на его спине. Самая выдающаяся черта в характере дрессированного слона есть именно его послушание, и он выполняет многое по самому легкому знаку всадника, влияние которого вовсе и не заметно тому, кто не посвящен в искусство дресси-

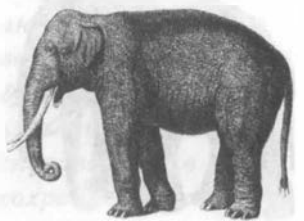
ровки. Это привело к недоразумениям, которых не избежал и Теннет; описывая поведение ручных слонов при ловле диких родичей на Цейлоне, он говорит между прочим: «Прирученные слоны обнаружили полнейшее понимание всего происходившего — как цели, к которой стремились, так и средств достичь ее. Они предусмотрительно замечали затруднение или опасность и «без приказа» старались предотвратить их». Вот до чего доходят в своих размышлениях те, кто знает слонов лишь поверхностно! Я видел за работой самых отборных из дрессированных слонов, словленных в Майсуре и Бенгалии; я сам пользовался ими при самых разнообразных обстоятельствах и тем не менее могу уверить, что я не нашел ни одного, который выказал бы себя способным справиться без помощи человека с каким-нибудь неподвижным случаем*.

Лучшие качества слона — послушание, кротость и терпение. В этом отношении его не превосходит ни одно домашнее животное даже при самых неприятных обстоятельствах: если ему приходится ждать под палящими лучами солнца или переносить хирургическую операцию, он редко проявляет какую-либо раздражительность. Никогда не отказывается сделать что-либо, если его правильно обучают, кроме разве того случая, когда им овладевает страх. Слон, как дикий, так и ручной, чрезмерно боязлив, и страх у него очень легко вызывается чем-нибудь непривычным. Тем не менее многие могут сделаться очень мужественными, если искусно развить эти задатки; это доказывает поведение некоторых слонов на охоте за тиграми».

Выходя по ночам на пастбище, слоны иногда посещают и засеянные поля, и в таком случае стадо может причинить большой вред. Но уже самого нехитрого чучела или самой легкой изгороди бывает, говорят, достаточно, чтобы не допустить этих толстокожих на поля. В Индии, где земледельцы, живущие в местностях, покрытых джунглями, устраивают поля отдельно на выжженных местах, выставляют сторожей и стараются прогнать случайно попавших туда слонов шумом и факелами, которые готовятся из бамбуковых щепок. Сторожа часто бывают настолько смелы, что подходят довольно близко к непрошеным гостям, но и грабители упрямы и часто врываются на соседнюю плантацию, если их прогоняют с первой. В иные ночи полевые сторожа данной местности вовсе не имеют покоя, так как отовсюду постоянно врываются на плантации слоны из джунглей и наедаются на ходу. Некоторые опытные животные довольно равнодушно относятся при этом к шуму и размахиванию факелами и не так легко отступают перед угрожающими им людьми, как более боязливое большинство стада. Так, Сандерсон рассказывает об одном старом самце, который был истинным бичом сел в одной местности в Майсуре, так как регулярно налагал контрибуцию на их рисовые поля: «Однажды утром лакомка, возвращаясь с недозволен-

** Экспериментами показано, что слон не умеет считать и распознает предметы только индивидуально. Но слоны, по-видимому, обладают высокой способностью к экстраполяции (сопоставлению действия и ожидаемого результата), не уступающей, а может быть, и превышающей таковую других копытных.*

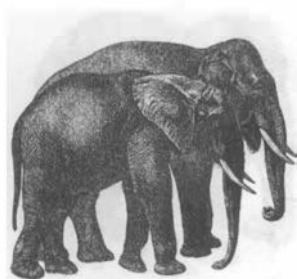

Семейство слоновые

ного пастбища, был замечен возле самого местечка Морлей. Высыпавшие жители подняли такой сильный шум, что даже этот закоренелый злодей был сбит с толку и во время бегства попал в болото. Там он завяз, и в него стали кидать камнями и дубинами. Но когда люди заметили, что слон беспомощно застрял, то они осмелились приблизиться с пучками соломы, побросали их на заднюю часть слона и подожгли кучу. Пока они обсуждали, как окончательно истребить врага, он собрал последние силы и выбрался из огня и болота. Хотя он был довольно сильно обожжен, однако остался живым и еще несколько лет мстил жителям села за жестокость, упорно продолжая опустошать их разбросанные полосы посевов. Индусы рассказывают также, что некоторые из самых смелых грабителей подпускают сторожей с факелами близко к себе, затем посредством хобота, извлекают воду из глотки и гасят ею факелы. Эти и другие данные основаны, однако, на неточном наблюдении или просто выдуманы.

Слон тоже принадлежит, к сожалению, к тем животным, которые близятся к гибели. Его преследуют не для того, чтобы отомстить за причиняемый им вред, а лишь из любви к охоте или ради драгоценной слоновой кости и потому издавна ведут против него истребительную войну. Слона беспощадно преследовали в Индии и преследуют еще в Африке. В Индии и на Цейлоне из одной только страсти к охоте стреляли и беззубых или слабооруженных самцов, даже беззубых самок и детенышей; быть может, еще чаще ловили их в ямы, где они нередко получали такие повреждения, что оказывались непригодными для работы. В Африке охотятся ради слоновой кости за обоими полами, которые оба имеют бивни, и притом как туземцы, так и европейские охотники-промышленники. К сожалению, и эти последние не всегда щадят слонов, а часто убивают и без пользы. Так, десять лет назад несколько бозров в северной части нынешних немецких владений в юго-западной Африке в один день перестреляли целое стадо: 105 самцов, самок, детенышей. Животные эти живучи, и выстрелы из обыкновенных ружей ведут разве к тому, что раненые слоны погибают позднее от потери крови или нагноения ран. В открытой местности, как, например, в южной Африке, где на хорошо обученной лошади можно двигаться на любом расстоянии от слона, обыкновенно употребляют для охоты английское военное ружье и быстро посылают из него пулю за пулей, пока животное не свалится. Там же, где муха цеце не позволяет пользоваться лошадьми, особенно в местностях лесистых или богатых кустарником, охотятся пешком и употребляют очень тяжелые ружья с гладким стволом или тяжелые двустволки, по большей части 8-линейного калибра, из которых стреляют зарядом в 20 г пороха и круглыми пулями в 60 г весом. Длинные свинцовые пули со стальным наконечником или разрывные пули у опытных охотников вышли из употребления как неудобные ухищрения. Так как в

чаще к добыче подкрадываются совершенно близко и стреляют по большей части на расстоянии 30 шагов, то даже не особенно искусному стрелку нетрудно попасть в часть тела, которую наиболее легко ранить, если возможно, в место величиною с ладонь, лежащее между ухом и глазом. В таком случае при очень сильном заряде нередко одной пули бывает достаточно, чтобы свалить самого громадного слона. Так как движения животных и без того не очень быстры и особенно в жаркие дни постоянно замедляются и, кроме того, стада, на которые нападают сразу с нескольких сторон, легко приходят в смятение, то люди, которые хорошо бегают, особенно в местности, заросшей кустами, могут всегда снова приблизиться к стаду и убить еще несколько штук. Селус в южной Африке не раз убивал таким образом, следуя бегом за убегающим стадом, пересекая ему путь, прячась и так далее, до 5 слонов в один день и из одного стада. Он собственноручно убил в 1873 году в местности между реками Гвай и Замбези за четыре месяца 42 слона; его товарищ Г. Вед убил в Африке наибольшее число слонов — 50 голов, а их туземные охотники — еще 40 штук, и притом лишь отборных, у которых были самые крупные бивни.

Такие охоты, правда, так трудны, что лишь самые закаленные люди могут переносить их, но опасность для охотника не так велика, как это может казаться. Случается, конечно, что раздраженные слоны бросаются на своих губителей. И некоторые из последних действительно испускали дух под ногами лесных гигантов, но трем четвертям из тех, которые подвергались нападению, удавалось спастись, даже когда они находились уже, так сказать, между ногами животных. Быстро и решительно бросается иногда взбешенное животное на нападающего, но редко преследует его далеко, а довольствуется тем, что обращает его в бегство и удерживает за собой поле битвы. Несмотря на такую умеренность, всякий по мере возможности старается не довести дело до нападения со стороны слона; действительно, раздраженный слон помимо своей массы, под которой дрожит земля, производит неизгладимое впечатление на человека. Свернув хобот, несколько приподняв уши, размахивая хвостом, он с диким ревом бросается на врага; передняя часть его как бы вырастает, во всяком случае кажется больше и выше, чем когда-либо, на задних ногах появляются длинные болтающиеся складки кожи, огромная масса быстро и неудержимо движется вперед; гневное сопение смешивается с криками ярости, о которых ухо, никогда не слышавшее таких звуков, не может получить и представления. Если при этом рассерженный великан догонит своего противника, то последний неминуемо погибнет и подвергнется справедливой мести, от которой его по большей части не могут спасти товарищи.

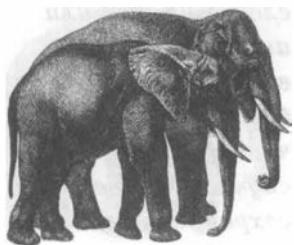
Истребление индийского слона произойдет еще не скоро*. Число слонов, которых ловят ежегодно дозволенными законом

** В природе осталось во всей Южной Азии не более 48 тыс. слонов, и вполне вероятно, что эта цифра сильно завышена. Во многих местах азиатский слон исчез полностью, во всех остальных оказался под угрозой исчезновения. И если ранее основную опасность представляла охота, то ныне — это уничтожение местобитаний дикого слона. Впечатление об обилии диких слонов на тех или иных участках уже во времена Брема было связано с тем, что животные скучиваются в сохранившихся пригодных местобитаниях, оттесняемые наступающей цивилизацией.*

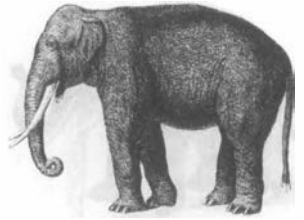
средствами, очень незначительно, и не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время пустынные местности, которые предоставили этим толстокожим, настолько обильно населены ими, как только можно пожелать. Я изучил записи относительно ловли слонов в последние 45 лет в Бенгалии и нашел, что теперешние результаты лова не дают права делать заключение об уменьшении числа животных в тех областях, где охота возможна. Мы можем лишь поздравить себя, что такое полезное и безобидное животное, как азиатский слон, не подверглось такой печальной участи, как его африканский родич, который быстро приближается к истреблению». В докладе, сделанном позднее в Симле, Сандерсон приводит еще, что в течение трех лет, с 1880 по 1883 год, в северо-восточной Бенгалии, в охотничьей области Дакка, было поймано 503 слона, и притом на участке длиной лишь 65 км, а шириною вдвое меньше. Кроме того, во время приготовлений к облаве стад видели еще около 1000 слонов. Напротив, с 1868 по 1875 год в той же области ежегодно добывали в среднем лишь по 59 голов. Самому Сандерсону удалось в 1887 году поймать сразу 140 слонов; это самый значительный результат ловли, какого когда-либо достигали в Индии. На основании этого легко понять, как много слонов водится еще в некоторых ее областях.

В Африке туземцы и теперь, как в незапамятные времена, жестоко и беспощадно охотятся за этими громадными животными. Уже Страбон упоминает, что живущие в степях Атбары «элефантофаги» (слоноеды) перерубают этим гигантским животным мечом ахиллесову жилу, чтобы овладеть ими; номады, бродящие по упомянутым степям, и ныне еще поступают точно так же. Они садятся на лошадь голые, чтобы им по возможности ничего не мешало, преследуют стадо слонов, стараются разбить его, гонятся так быстро, как только могут бежать их лошади, за отбившимся от стада слонем, бежит ли он в гору или с горы, через ущелья, леса, колючие кустарники или по высокой степной траве, утомляют его, нападают на него с копьем и этим отвлекают его внимание от товарища, который наносит сзади удар, рассекающий ахиллесову жилу. Бекер, который долгое время охотился в обществе этих людей, полагает, что нельзя найти слов, чтобы описать ловкость и мужество этих охотников, прекрасно владеющих мечом. Выстрел, сделанный ими в слона, заставил животное лишь с большей поспешностью устремиться к чаще. «Но в то же мгновение, — рассказывает он, — охотники с мечами бросились, как борзые собаки на травле, по песчаной равнине, отрезали слону отступление и выступили против него с мечом в руке. Бешеное животное тотчас же встретило врага, который с безрассудною храб-

ростью принялся за дело. Вместо того чтобы завлечь слона убегающим от него всадником, как поступают обыкновенно, все охотники с мечами мгновенно соскочили с лошадей и пешком в глубоком песке напали на громадное животное. С точки зрения охотника, нет более великолепного и безумно опасного зрелища, чем такой бой, который мог бы поспорить с любым боем гладиаторов. Слон был в высшей степени бешенства и, казалось, знал, что охотники стараются подойти к нему сзади; поэтому он с большой ловкостью избегал открыть свой тыл, причем с чрезвычайной быстротой поворачивался во все стороны, как на оси, и, опустив голову, выступал против одного противника за другим, издавая в то же время бешеный рев и вздымая хоботом облака пыли. Охотники увертывались с проворством обезьян, хотя глубокий песок помогал слону и настолько мешал им, что только с чрезвычайными усилиями они могли избегнуть нападений животного. Лишь благодаря решительности и мужеству всех троих они по очереди спасали друг друга, причем, как только слон нападал на одного из них, двое других забегали сбоку и тем принуждали противника повернуться к ним». Они занимают слона таким образом до тех пор, пока одному из них не удастся ударом меча перерубить ахиллесово сухожилие задней ноги слона и тем сделать его неспособным к битве.

И в юго-восточной Африке, по ту сторону Замбези, а именно в стране Машуна, охотились таким же образом, пока туда не проникло хорошее огнестрельное оружие. Вместо меча туземцы, по словам Селуса, пользовались топором с широким лезвием и поодиночке подкрадывались к слонам, которых старались застать спящими и парализовать мощным ударом по задней ноге. Они употребляли также ассагаи с лезвием длиною в локоть и шириною в кисть руки, с короткой толстой рукояткой, которые они вонзали слонам сверху между лопаток; для этой цели охотники взбирались на удобные деревья, под которыми должны были проходить слоны пасущегося стада. Негры области верхнего Нила устраивают на тропинках, ведущих к водопою, глубокие ямы, которые книзу суживаются конусом, и на дне ямы вбивают иногда толстый остроконечный кол. Ямы эти покрываются очень тщательно сверху, чтобы осторожный слон по возможности не заметил их, и, чтобы придать этой дороге вид более безопасный, бросают собранный помет слонов на тонкую крышку, которая предательски скрывает яму, а также и на тропинку; при этом они стараются сделать с помощью засек так, чтобы слоны почти не могли избежать этой дороги. Где позволяет местность, такие ямы выкапывают в узких долинах; тогда охотники сгоняют слонов с обширного пространства так, чтобы они должны были проходить по

Семейство слоновые

опасной долине и падать в ямы, которые они легко могут не заметить во время поспешного бегства.

Туземцы южной Индии охотились прежде за слонами с особого рода огнестрельным оружием, называемым «джинджалл» и похожим на маленькую поворотную пушку. У двух из них, принадлежащих Сандерсону, стволы весят 18,5 кг и стреляют почти полуфунтовым снарядом. На охоте два человека несли повешенный на шесте ствол, третий тащил подставку, имеющую вид треножника, а четвертый, руководивший охотой, выслеживал, где остановились слоны, выбирал место для установки смертоносного орудия, направлял его и стрелял. Воспламенение пороха производилось посредством фитиля, который давал стрелявшему несколько секунд для того, чтобы поспешно убежать оттуда, так как орудие, по большей части слишком сильно заряженное, при выстреле обыкновенно с большой силой опрокидывалось назад и подвергало людей почти такой же опасности, как и животное, в которое стреляли. Обыкновенно в выбранное животное стреляли на расстоянии 30—40 шагов, и оно по большей части умирало в самое короткое время от тяжелой раны, причиненной большой пулей. Ловкие охотники убивали, говорят, из такого джиджалла иногда по 5 и 6 слонов в день.

Гораздо привлекательнее и человечнее, чем всякая охота, — овладевать живыми дикими слонами, чтобы приручить их и заставить служить человеку. Индусы — мастера в этом искусстве. У них есть настоящий цех слоновых ловцов, в котором ремесло передается по наследству от отца к сыну. Искусство, хитрость, осторожность и смелость, с которыми эти люди занимаются своим ремеслом, поистине достойны удивления. Они уходят вдвоем в лес и ловят одного из слонов, составляющих семейство.

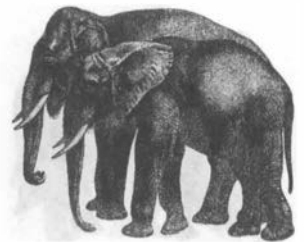
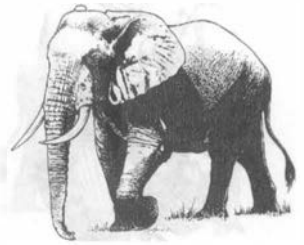
Лучшие ловцы слонов на Цейлоне, называемые «паники», идут по следам слона, как хорошая собака по следам оленя; незаметные для глаза европейца следы составляют для них как бы четко написанные листы понятной рукописи. Люди эти мужественны и сообразительны; они умеют вести слона, как им угодно, по желанию приводят его в страх и ярость. Единственное оружие их состоит из крепкой и растяжимой петли из кожи оленя или буйвола, которую они, если выходят на ловлю поодиночке, бросают на ногу намеченного ими слона. Для этого они неслышными шагами следуют за ним, когда он идет, и в удобный момент связывают его или даже, если он стоит спокойно, накладывают петлю на обе ноги. Как ухитряются они незаметно подкрасться к пугливому животному, это было и остается загадкой. Европейец не может следовать за этими людьми в таких экскурсиях, так как он испортил бы все дело, и должен поэтому довольствоваться рассказами*.

** По заслуживающим доверия сообщениям, индийцы ловили слонов либо в ямы, либо в построенные из бревен ловушки.*

Сандерсон описывает и другие способы лова, которые употребляются преимущественно на материке. В ямы слонов ловят лишь туземцы на свой страх; большая часть животных при этом погибает, так как падение сопровождается вывихами и переломами костей или внутренними повреждениями. Другой, тоже очень грубый способ ловли заключается в том, что подъезжают на ручных слонах к стаду диких, преследуют бегущих, не разбирая дороги, бросают большие петли на голову настигнутому слону и силою принуждают его сдаться в плен. Производительнее заманивание самых больших самцов, которые и так охотно держатся в стороне от стад, посредством дрессированных самок. Если откроют местопребывание такого самца, то погонщики слонов, прикрывшись по возможности попонами, выезжают туда на 4—5 надежных самках и ведут их так, что они кажутся свободными животными. Расхаживая взад и вперед, поедая корм, они постепенно приближаются к дикому слону, если этот последний не идет к ним навстречу или, чуя людей, опрометью убегает прочь. Но этот случай, по-видимому, встречается нечасто. Если дикий слон присоединяется к обществу ручных самок, то они под руководством вожаков все дальше и дальше завлекают его; но так как иногда проходит несколько дней и ночей, прежде чем удастся действительно овладеть обманутой жертвою, то в отдалении следуют запасные люди, которые через каждые 12 часов сменяют вожаков самок, отводя их незаметно поодиночке в сторону. Куда ни повернется самец, за ним всюду следуют дрессированные животные и стараются всячески утомить его, пока он не предастся беззаботно крепкому сну. Этого только и ждут вожаки. Между тем как ручные самки плотно окружают жертву, двое людей стараются крепко обвязать самцу веревками задние ноги и если поблизости есть дерево, то привязать к нему. Если это удалось, то самок удаляют, и один из ловцов хлопает связанного во сне гиганта по бедру и иронически советует ему не терять присутствия духа. Проснувшийся в испуге старается спастись и разорвать путы, а если не привязан к дереву, то и убегает, ковыляя связанными ногами. Перехитрившие его, не торопясь, следуют за ним, пока он совершенно не выбьется из сил, избегают попасться ему под бивни, которые он теперь без колебаний пустил бы в ход, и навязывают ему новые путы. Дня через два вожаки, навязав ему один повод на шею, а другой на заднюю ногу, отводят его общими усилиями вместе с ручными слонами в то место, где его окончательно укротят и приучат к службе.

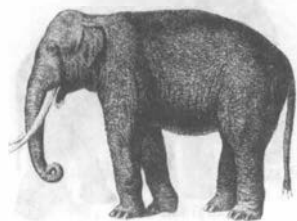
Гораздо интереснее и выгоднее, чем этот способ охоты, тот, который имеет целью завладеть целыми стадами слонов. Для этой цели обыкновенно ожидают начала сухого времени года и

Семейство слоновые

затем отправляются с несколькими сотнями опытных туземцев и возможно большим числом ручных слонов в ту местность, где обнаружено присутствие многочисленного стада диких слонов. Это стадо без шума окружают сначала цепью загонщиков, расставленных парами, смотря по природе местности, на расстоянии 60—100 шагов друг от друга, причем вся цепь занимает от 5 до 10 километров. На опыте убедились, что таким образом оцепленное стадо слонов может уйти лишь благодаря грубой оплошности загонщиков. В несколько часов люди, соблюдая полную тишину, устраивают вдоль всего кольца слабую изгородь из расщепленного бамбука, а для себя делают щиты из ветвей; ночью зажигают огни. Если окружен очень большой участок, обильный пищей и водою, то слоны обыкновенно причиняют некоторое беспокойство лишь в течение первых ночей, а если они тем не менее приближаются к изгороди, то их прогоняют назад факелами, выстрелами и криком. Слонов продолжают держать оцепленными таким образом в течение 4—10 дней, то есть до тех пор, пока не окончат одновременно начатую постройку крепкой загородки, «кхеддаса», в удобном месте внутри оцепленного пространства. Крепкая загородка высотой около 4 метров, построенная из стволов и кольев, окружает круглое пространство 20—50 метров в поперечнике, оставляя свободный вход шириною метра в 4, который запирается тяжелой опускной решеткой; от него расходятся в виде крыльев два частокола на расстоянии 100 метров. Как только эти приготовления закончены, то суживается круг около оцепленного стада. Ближайшие загонщики отходят на концы крыльев изгороди, стоящие дальше подаются ближе к слонам, сначала медленно и осторожно, потом быстрее. Когда наконец животные дойдут до широкого отверстия кхеддаса, то на них с криком и выстрелами делают общий натиск, который и загоняет их между двумя частоколами в узкие ворота кхеддаса. Затем перерезают веревку, поддерживающую опускную решетку, она падает — и стадо поймано! Не всегда слонов можно загнать без приключений; иногда животные замечают опасность, устремляются на загонщиков, прорываются, и их приходится снова окружать или же их не удастся более задержать. Обыкновенно же удается загнать окруженное стадо в ловушку и удержать в ней, несмотря на их беспокойство, а иногда и попытки разломать частокол. Когда первая суматоха пройдет, в кхеддас посылают ручных слонов с погонщиками и путами, которые постепенно овладевают отдельными животными и выводят их в окружающий лес, где их привязывают цепями к деревьям. Этим оканчивается ловля и начинается приручение. Когда дикие слоны, сначала более или менее упрямые, привыкнут к человеку и

ручным слонам, их уводят во дворы, где заканчивается их дрессировка.

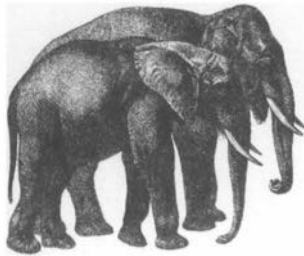
Большой главный торг слонами происходит ежегодно во время полнолуния в октябре и ноябре в Сонеपुरе на Ганге. Тысячи лошадей и сотни слонов приводятся туда и переходят из рук в руки. Цены этих животных чрезвычайно поднялись в течение последних десятилетий. В 1835 году средняя цена равнялась 900 маркам за слона, в 1855 году уже 1500 маркам, в 1874 году в Сонеपुरе было куплено для правительства Бенгалии 20 слонов в среднем по 2655 марок; в следующем году там, говорят, нужно было купить еще 70 слонов по 2800 марок, но нельзя было приобрести ни одного за эту цену. В конце семидесятых годов самая низкая цена равнялась 3000 марок, и то за не выросших молодых животных, главным образом самок; хорошие рабочие слоны-самки стоили уже по 4000—6000 марок. Цена самцов зависит от их внешнего вида; за пригодных для пышных зрелищ охотно платят от 16 000 до 30 000 марок, а безукоризненный слон не раз продавался за 40 000 марок. При подобных ценах в счастливом случае очень хорошо окупаются значительные расходы на необходимые приготовления к ловле слонов. После того как усилия Сандерсона в Майсуре в 1873 году не увенчались успехом, ему удалось в следующем году произвести первую ловлю, а именно поймать целое стадо: 9 детенышей, 30 частью полувзрослых, частью взрослых самок и 16 самцов, в том числе 3 мукна и 3 великолепных тускера. Из этого стада одну злую самку пришлось застрелить во время загона, девять умерло; остальные животные были проданы за 75 080 марок. Все расходы для лова в 1873—1874 годах равнялись 31 120 маркам, следовательно, правительство получило чистой прибыли 43 960 марок. Эта прибыль возросла бы еще вдвое, если бы с пойманными животными обращались осмотрительнее.

Правда, ловля удается не всегда: добывается лишь немного слонов, или слишком много их умирает; в таком случае очень значительные издержки на обширные приспособления часто совершенно пропадают даром. Так, в одной Мадрасской области хотя и было поймано с 1874 по 1876 год 76 слонов, но этим далеко не были покрыты очень значительные издержки, и промысел пришлось прекратить.

По Сандерсону, дикие слоны в Индии едят лишь в малом количестве и лишь изредка ветви с листьями; главная пища их состоит из сочных трав. Подобный корм должно по возможности давать и дрессированным слонам, так как они при этом чувствуют себя лучше всего и прекрасно выживают. Обильная и хорошая пища составляет для всех слонов первое условие; часто счи-

Семейство слоновые

тают больными и лечат экземпляры, которые в действительности просто голодают и хиреют вследствие недостаточного питания. Взрослые слоны получают ежедневно в Бенгалии 181,4 кг зеленого корма или 108,8 кг сухого, в Мадрасе — 113,4 кг зеленого или 56,7 кг сухого. Этого совершенно недостаточно, так как, по Сандерсону, рабочий слон употребляет в день вообще столько зеленого корма, сколько он может добыть сам на свободе, а именно достигший полного роста — около 365 кг (около 22 пудов), или около одной десятой или двенадцатой части своего веса.

Издержки на все содержание взрослой самки, считая в том числе и жалованье погонщику и сторожу, равняются в месяц в Бенгалии лишь 48 маркам, в Мадрасе же — 96 маркам, так как здесь жалованье и цены на корм значительно выше.

Благодаря чувствительности его спины и ног слона нельзя считать безукоризненно хорошим вьючным животным, особенно, если у него нерадивый погонщик, за которым хозяин не смотрит постоянно. Рабочая сила его тоже не так велика, как обыкновенно предполагают. Правда, вьючный слон может нести около одной тонны (1000 кг), следовательно, около четверти своего веса, но лишь по дороге и на очень небольшое расстояние (около 0,5 км), а слон, принадлежащий правительству, следовательно, отборный, прекрасный и сильный самец, в торжественных случаях носит по улицам и площадям тяжесть в 800 кг в виде парадной упряжи и всадников. Но в случае продолжительных переходов на слона нельзя класть на ровном месте более 500 кг, а в холмистых и болотистых местностях лишь 350 кг. Быстрые и легко навьюченные верховые слоны могут, правда, проходить в день по 60 и 70 км, для чего им нужно по крайней мере 10—12 часов, но от вьючных слонов, нагруженных, как было сказано выше, можно при продолжительных переходах требовать, чтобы они проходили в день не более половины этого расстояния, если притом они получают обильный питательный корм и жар не очень томителен, а именно солнце не печет слишком сильно.

Если сравнить затем услуги и издержки по содержанию слона в Индии, то окажется, что слоны необходимы в бездорожной пустыне, через которую нужно зачем-либо проезжать с большой поклажей*; напротив, в странах уже культурных, где есть хорошо содержащиеся дороги, железные дороги, водяные пути сообщения, они излишни, так как там все другие перевозочные средства быстрее и, во всяком случае, дешевле. Употребление слонов как с военными, так и с мирными целями будет всюду в Индии отступать на задний план, по мере того как отдельные области будут совершенствоваться в экономическом отношении. И рабочий слон должен уступить культуре. Не то в пустыне; в ней он

** Под пустыней имеется в виду, естественно, не тип ландшафта, а пустынная, малонаселенная и некультуренная местность.*

оказывает важные услуги, и потому в известных областях Индии его надо еще сохранять.

Со слоном как вьючным животным надо вообще обращаться осторожно: кожа его крайне чувствительна и в высокой степени подвержена нагноению. У него легко заболевают также ноги, и в таком случае он целые месяцы бывает негоден для работы. Часто делается у него и воспаление глаз, и именно в этом отношении врачи, лечащие слонов, приносят действительно так много пользы, что они славятся уже со времен древних греков.

Продолжительность жизни дикого слона Сандерсон определяет по крайней мере в 150 лет; продолжительность жизни прирученных слонов на материке опытные индусы считают равную средним счетом 80 годам, а в виде исключения — до 120 лет. Подробные наблюдения об этом были сделаны на Цейлоне. Из 240 слонов, принадлежавших правительству и умерших между 1831 и 1856 годами, относительно 138 была записана продолжительность их жизни в неволе. На первом году умерло 72 (29 самцов и 43 самки), между первым и вторым — 5 самцов и 9 самок. Долее всего прожила в неволе одна самка, которая выдержала почти 20 лет. Из 72 умерших на первом году своей службы 35 умерло в течение первых 6 месяцев, многие из них совершенно непонятным образом: они внезапно ложились и умирали. Эти цифры показывают, однако, лишь то, сколько времени отдельные животные прожили в неволе, а не то, какого возраста они вообще достигали, так как не указано, в каком возрасте они были пойманы. На Цейлоне бывали случаи, что слоны проживали в неволе более 140 лет. Широко распространенное мнение, что на свободе продолжительность их жизни почти безгранична, происходит от того, что в диких местностях очень редко находят их трупы. Европейец, проживший в джунглях непрерывно 36 лет и прилежно наблюдавший слонов, часто высказывал удивление по поводу того, что хотя и видел много тысяч живых слонов, тем не менее ни разу не находил скелета слона, за исключением тех, которые умерли от какой-либо заразной болезни. То же самое сообщают Форсит, Кинлох, Шекспир, Стерндаль и другие. У некоторых народов Индии распространено поэтому поверье, что слоны вовсе не умирают. Сингалезцы же рассказывают, что каждое стадо слонов хоронит своих мертвых, и утверждают даже, что каждый слон, чувствуя приближение смерти, отправляется всегда в одну из уединенных долин, лежащих между горами к востоку от Адамового пика, где есть озеро с чистой водой*.

Впрочем, нет ничего странного, что находят так мало останков азиатских слонов, умерших естественной смертью; вообще лишь крайне редко случается как в пустыне, так и у нас натолк-

Семейство СЛОНОВЫЕ

* Большинство слонов (если даже не брать во внимание охоту) оканчивает свою жизнь до предельного срока от ран, травм и болезней. Если слону не суждено умереть от болезни или насильственной смертью, то он доживает до момента, когда последние зубы стираются и выкрашиваются. Это происходит в зависимости от того, сколь твердым кормом питался слон, между 50 и 70 годами, что и составляет естественный предел жизни этих зверей. Есть сведения, что иногда члены стада могут кормить такого «пенсионера» пережеванной пищей; специальный корм может продлить жизнь престарелого слона в зоопарке, но ненадолго. Чаще всего в природе такой слон отстанет от стада и вскоре умирает от истощения.

Малое количество останков погибших слонов в Азии связано с тем, что на огромную тушу находится много потребителей: от шакалов, барсуков, медведей, коршунов и ворон, поедающих мясо, до дикобразов и других грызунов, с удовольствием гложущих кости. Оставшийся скелет быстро разрушается в богатой растительными кислотами лесной почве.

** Современные опыты приручения слонов обоих видов дали положительные результаты: эти животные все чаще используются как ездовые в некоторых национальных парках, возя наблюдателей и вооруженную охрану. Можно ли было использовать африканского слона в качестве рабочего — не ясно.*

нуться на останки умерших животных, даже таких видов, которые встречаются в гораздо большем числе, чем слоны. Дело в том, что заболевшие или ослабевшие от старости животные, чувствуя близость смерти, отыскивают всюду укромные места и оканчивают там свое существование. В Африке, правда, можно легко натолкнуться на скелеты различных зверей, а также слонов, но здесь их всюду преследуют гораздо ревностнее, чем в Азии, и можно принять, что те, останки которых попадают на глаза, по большей части умерли не от болезни.

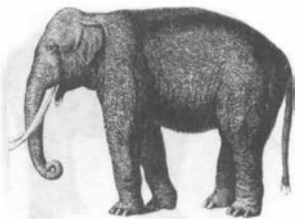
Из наблюдений, собранных как в Африке, так и в Европе, следует, что и африканский слон, подобно своему индийскому родичу, мог бы быть приручен и, наверное, с большою выгодой сделан пригодным для служению человеку на своей родине, которая так бедна удобными для этого животными. Приносил бы он столько же пользы, как индийский слон, — это вопрос. Опыт древних народов говорит, по-видимому, против этого, а впечатление, которое он производит на наблюдателя, подтверждает предположение, что африканский слон не может принести такую же пользу, как азиатский. Как рассказывают Плиний, Ливий, Страбон и другие римские писатели, индийские слоны решительно превосходили африканских силой и мужеством: в битве при Рафия, которую Птоломей Филопатор дал в 217 году до Р. Х. Антиоху, 73 африканских слона египетского царя, как указывает Гартман, жалким образом бежали перед 102 слонами сирийского царя. Однако мы знаем, как от римлян, так и от наших укротителей зверей, что африканский слон способен вообще к дрессировке. Он, может быть, приносил бы и меньше пользы, чем его родич, но все же очень много, если бы только пожелали обращаться с ним так же, как обращаются индусы с видом, водящимся на их родине*. До сих пор никто не принимался серьезно за то, чтобы воспользоваться им во время экспедиций в Африке; немногочисленные временно живущие там европейцы должны выполнять другие задачи, а туземцы слишком низко стоят, слишком лишены всяких потребностей, чтобы заняться приручением этих животных, на что требуется много времени и терпения.

Последнее известие об употреблении прирученных африканских слонов, которое мы можем считать исторически верным, относится к одному случаю, происшедшему в год рождения основателя религии Магомета. 105-я сура Корана, «Эльфилъ», начинается фразой: «Разве ты не думаешь о том, что сделал твой Господь со всадниками на слонах?» Опираясь на мусульманских толкователей текста, Валь замечает: «История, к которой это относится, заключается в следующем: Абраха ибн Эзельбаз, абиссинский вице-король Йемена, преданный христианской религии, хо-

тел построить в Санае, главном городе счастливой Аравии, великолепную церковь, чтобы привлечь туда арабов и тем отклонить их от посещения храма в Мекке. Когда же корейшиты заметили, что число пилигримов в Каабу уменьшается, они послали одного араба, по имени Нофаила, который ночью пробрался в новую церковь и осквернил ее алтарь и стены. Этот постыдный поступок побудил раздраженного Абраху разрушить храм в Мекке. Он выступил поэтому против Мекки во главе очень значительного войска, при котором находилось некоторое число (указывают 13) слонов. Но когда войско прибыло туда и Абраха, сидя на своем слоне, называемом Махмуд, хотел въехать в город, то этот слон, белый и значительной величины, отказался идти дальше, бросался на колени и шел по всем направлениям, только не к Мекке, куда он должен был идти. Мусульманские авторы смотрят на это происшествие как на особую божественную защиту святого меккского храма; однако известно, что слоны нередко упрямятся таким образом. Эта война случилась в том году, когда родился Магомет. Зрелище войска слонов на войне представляло для арабов нечто до такой степени новое, самый вид громадных созданий, которых нет в Аравии, всех настолько поразил, а исход происшествия показался столь чудесным, что арабы начали считать годы от этого дня, и это летосчисление, общеизвестное арабским писателям, которое долгое время было в употреблении, называется «Эльфилъ» — летосчисление, или эпоха, слонов. Введение особого арабского летосчисления, названного в память замечательного происшествия, а также согласное свидетельство всех арабских историков об этом историческом факте, хотя в подробностях рассказ несколько варьирует и украшен сказочным элементом, говорит в пользу подлинности этого события».

В наших зоологических садах африканский слон живет так же хорошо, как и азиатский, даже при таких условиях, которые мало соответствуют его естественным потребностям.

Мясо африканского слона имеет вкус бычачьего, но гораздо жестче и с более грубыми волокнами; жир серовато-белого цвета, несколько грубозернист и тверд и при этом так легко застывает, что уже при температуре 25 градусов превращается в довольно твердую массу. Так рассказывает Гейглин, который первый ел мясо слона в свежем и сушеном виде и нашел его вкусным. Кусок передней ноги, простояв на огне 24 часа, дал большое количество хорошего бульона и вкусного мяса. Селус, напротив, называет слоновью ногу безвкусной пищей, но хвалит сердце, жаренное на углях на вилообразных палках, как одно из тончайших лакомств, какое только может добыть охотник в южной Африке; он называет также вкусным мясо у основания хобота и

то, которое вырезают на голове над глазами; его, впрочем, надо варить очень долго, прежде чем оно станет мягким. Что касается азиатского слона, то Теннент хвалит язык, а Корзе находит очень вкусным зажаренный в золе хобот. Негры разрезают все мясо слона на длинные полосы, высушивают их на солнце или над огнем и растирают до употребления в грубый порошок, который примешивают к своим простым кушаньям. На охотах, которые устраивают в стране Ниям-Ниям, иногда истребляют столько слонов, что потребность многих сел в мясе удовлетворяется на несколько месяцев. «Часто, — говорит Швенфурт, — я видел туземцев, которые шли к своим хижинам, как мне казалось, с большой вязанкой хвороста: они несли свою долю слоновьего мяса, которое, будучи разрезано на длинные ремни и высушено над огнем, совершенно принимает вид дров или прутьев».

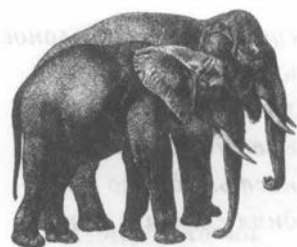

Для всемирной торговли слон важен лишь в одном отношении, но значение его очень велико — именно доставлением слоновой кости. О сортах и величине бивней говорилось уже выше. По словам Вестендарпа, все количество слоновой кости от ныне живущих видов слона, поступающее на мировой рынок, равнялось за 1879—1883 годы ежегодно средним счетом 868 000 кг. Из этого количества Цейлон и Суматра доставляли 2000 кг, Индокитай — 7000 кг, Индостан — 11 000 кг и Африка — 848 000 кг. Из африканского вывоза в среднем на западный берег приходилось 284 000 кг, на восточный берег (вместе с северным) — 564 000 кг; по отдельным областям вывоз распределялся следующим образом: Сенегамбия и Верхняя Гвинея доставили 19 000 кг, Нигер и Бинуэ — 89 000 кг, Камерун и Габун — 64 000 кг, Конго — 86 000 кг, Бенгуэла — 26 000 кг, Южная Африка — 29 000 кг, Мозамбик — 142 000 кг, Занзибар — 196 000 кг, Абиссиния и страна Сомали — 26 000 кг, Египет и Триполис — 171 000 кг. Условия вывоза в последнее время сильно изменились вследствие политических событий в восточной и северо-восточной Африке, изменения некоторых торговых путей и удаления или истребления слонов.

Цена слоновой кости в течение 50 лет более чем удвоилась. Хотя повышение цены было неправильным и подвергалось частым совершенно неожиданным колебаниям, но по десятилетиям оно шло следующим образом: в среднем один килограмм стоил в 1840—1850 годах 11 марок, в 1850—1860-х — 15, в 1860—1870-х — 15,50, в 1870—1880-х — 23, в 1880—1890 годах — 24,5 марки. «Тяжесть и качество зубов, — пишет Вестендарп, — обуславливают их цену. Маленькие твердые зубы весом около 1 кг, имеющие трещины, стоят теперь по 5 марок за килограмм, за здоровые мягкие зубы весом около 50 кг платят по 30 марок за

килограмм». Среднее, ежегодное потребление слоновой кости в период 1879—1883 годов наш автор определяет в 838 000 кг, из них в Китай пошло 19 000 кг, в Индию — 123 000 кг, в Америку — 112 000 кг, а в Европу — 535 000 кг. В Европе из этого количества ежегодно перерабатывалось на рукоятки ножей 214 000 кг, на гребни — 138 000 кг, на клавиатуру — 112 000 кг и на бильярдные шары — 42 000 кг.

По отношению к внутреннему строению слоновых зубов различают прежде всего мягкую и твердую слоновую кость. Мягкая, называемая также мертвой или плотной, лучшего качества, нежная и белая, привозится из Египта, Занзибара и Мозамбика, следовательно, из восточной части Африки. Она особенно пригодна для изготовления клавиатуры, гребней и бильярдных шаров. Твердая, называемая также живой, прозрачной или стеклянной, привозится исключительно с западного берега Африки, лучшая — с Габуна и Конго, менее ценная — с Нигера. Она употребляется главным образом на рукоятки ножей, разные работы всякого рода, ручки палок и зонтиков, переплеты и ручки щеток, веера и т. п.». Слоновая кость, вывозимая на судах с северной границы области слонов, всего грубее и наименее ценна, то же можно сказать и о вывозимой с южной границы до Капланда. Чем дальше от экватора, чем выше и суше лежит область, тем грубее слоновая кость, и, напротив, чем ниже и влажнее местность, тем слоновая кость, в ней добываемая, нежнее и прозрачнее. С Габуна мы получаем самую прекрасную, прозрачную, так называемую зеленую слоновую кость, из Сенегамбии и страны Дамара — самую грубую. Еще одно замечательное различие заключается в цвете, который принимает тонкая наружная кора (цемент) бивней. Зубы, привозимые с восточного берега Африки, светлы — от чисто-белого до соломенно-желтого цвета; зубы, вывезенные с западного берега, из Нижней Гвинеи, преимущественно темного цвета, а именно от коричнево-бурого до каштаново-бурого, часто даже буро-черного. Зубы из верхней Гвинеи более светлого цвета и отличаются от зубов с Нигера корою желтовато-белого или соломенно-желтого цвета; зубы из Сенегала отличаются более светло-серой корою. Часто высчитывали число африканских слонов, которые должны были лишиться жизни, чтобы снабдить мировой рынок 848 000 кг слоновой кости. Расчет этот сделать не так легко. Так как число вывезенных зубов неизвестно, то его приходится определять путем вычисления, устанавливая для этого на основании возможно большего числа зубов всех величин средний вес одного зуба. По словам Вестендарпа, который принимает этот вес равным 6,5 кг, в Африке должны ежегодно добываться зубы 65 000 слонов. Пехуель-Леше определил на западном берегу средний вес на осно-

Семейство слоновые

** Несколько облегчило существование слонов изобретение пластмассы, кое-где заменившей слоновую кость. Однако последняя стала в результате предметом еще большей роскоши, а значит, возросла в цене.*

вании многих сотен зубов в 8,15 кг, что соответствовало бы около 52 000 слонов. Наибольшее значение имеют сообщенные Ноаком данные П. Гессе, который тщательно исследовал этот вопрос в нижней Гвинее и в течение многих лет взвесил почти 30 000 зубов, поступавших на рынок. Он нашел средний вес в 9 кг; это количество можно получить от 47 000 слонов. Если мы возьмем среднее из трех определений, то окажется, что в Африке ежегодно почти 55 000 слонов должны доставить слоновую кость, чтобы покрыть указанный вывоз, причем предполагается, что у каждого животного действительно было по два бивня, а это, как мы уже видели выше, неверно*.

Правда, пока еще многочисленные стада слонов бродят по обширным пустыням Африки; но число их все более и более уменьшается от преследований человека. Как на севере и юге, так и на востоке и западе, а также и внутри Африки им когда-нибудь предстоит участь быть вычеркнутыми из списка живых существ.

ОТРЯД НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ (Perissodactyla)

Семейство
лошадиные

Отряд непарнокопытных, подобно отряду хоботных, включает лишь немногочисленных выживших представителей некогда богато развитой ветви животного царства, которые все достигают крупных размеров. Они ступают на снабженные копытами пальцы, причем палец, соответствующий третьему пятипалой ноги, всегда развит сильнее остальных. Зубная система характеризуется слабым развитием или даже полным отсутствием клыков и соединенными посредством валиков бугорками на коренных зубах; резцы есть в обеих челюстях. Скелет не имеет ключиц. Желудок простой, желчный пузырь отсутствует.

Около 25 известных видов непарнокопытных распространены почти по всей земле и могут быть сгруппированы в три семейства: лошадиных — с одним пальцем, тапировых — с четырьмя пальцами на передних ногах и тремя на задних, носороговых — с тремя пальцами. Вследствие значительного различия между этими семействами, даже по образу жизни, общее их описание оказывается невозможным*.

СЕМЕЙСТВО ЛОШАДИНЫЕ (Equidae)

Лошади отличаются средней величиной, прекрасным сложением, относительно сильными конечностями и худощавой вытянутой головой, имеющей большие, живые глаза, заостренные подвижные уши средней величины и широко открытые ноздри. Шея толстая, с сильными мускулами, тело округлено и мясисто, волосы мягкие и короткие, но плотно прилегают к коже; на шее они образуют гриву, на хвосте также удлинены. Единственный палец, вооруженный изящным копытом, представляет достаточный признак для отличия лошадей от всех остальных непарнокопытных. В каждой половине верхней и нижней челюсти зубная система состоит из трех резцов, шести длинных четырехгранных коренных зубов с извилистыми складками эмали на жевательной поверхности и одного маленького, немного загнутого тупоконического клыка (последнего иногда не бывает). В скелете бросается в глаза длина черепа, причем лишь одна треть прихо-

* Почти до конца миоцена непарнокопытные были самым многочисленным и разнообразным отрядом крупных травоядных, затем эта группа стала стремительно угасать, возможно проигрывая в конкуренции с парнокопытными. До наших дней дожили лишь 17 видов непарнокопытных из 6 родов. Дикие непарнокопытные встречаются в Азии, Африке, тропической Америке; одомашненные (включая вторично одичавших) — по всему свету.

Семейство лошадиные

** Наиболее архаичные формы лошадиных — ослы и зебры — сохранились в Африке, более прогрессивные — лошади и куланы — населяют Евразию.*

*** В конце плейстоцена (10—12 тыс. лет назад) лошади в Западном полушарии полностью вымерли. Лишь в XVI в. в Новый Свет были завезены домашние лошади; некоторые из них одичали.*

**** Возможно, одна из причин быстрого вымирания непарнокопытных — слишком низкий темп воспроизводства.*

***** Предположительно лошадь была одомашнена древними индоевропейцами в степях Поволжья и Приуралья (а возможно — и Южной Сибири) около 5 тыс. лет назад.*

дится на мозговую коробку, а две трети — на лицевые кости. Спинных позвонков 16, поясничных — 8, крестцовых — 5, число же хвостовых доходит до 21. Из органов пищеварения особого внимания заслуживает узкий пищевод, отверстие которого в желудок снабжено клапаном. Сам желудок представляет простой, не разделенный на части, продолговато-округлый небольшой мешок.

Первоначальной областью распространения лошадей, останки которых мы впервые встречаем в третичных пластах, должно считать большую часть северного полушария. В Европе дикие лошади, по-видимому, вымерли не слишком давно: они встречались в западной Европе, например в Вогезах, еще в XVI столетии; в Азии и Африке они еще и теперь бродят табунами по горам и высоко лежащим степям*. В Америке, где лошади вымерли раньше, они сначала одичали; даже в Австралии есть уже одичавшие лошади**. Пищей им служат травы и другие растения; в неволе они научились есть и животные вещества: мясо, рыбу, саранчу.

Все лошади — живые, бодрые, подвижные, умные животные; движения их привлекательны и горды. Обыкновенная походка видов, живущих на свободе, представляет довольно быструю рысь, при ускоренном беге — легкий галоп. Мирные и добродушные по отношению к другим животным, которые не причиняют им вреда, они боязливо избегают человека и больших хищников, но в случае крайности мужественно защищаются от врагов зубами и копытами. Их размножение незначительно: кобыла после продолжительной беременности рождает лишь одного жеребенка***.

Человеком порабощены по крайней мере два, а вероятнее — три вида этого семейства. Никакая история, никакие сказания не говорят нам о том времени, когда они впервые были обращены в домашних животных; достоверно неизвестно даже, в какой части света были приручены первые лошади. Полагали, что этим мы обязаны народам средней Азии; однако у нас нет никакого надежного указания относительно времени и народа, у которого это приручение произошло****. «На древнеегипетских памятниках, — сообщает мне мой ученый друг Дюмихен, — изображения лошадей не попадают до времен Нового царства, следовательно, ранее XVIII или XVII столетия до нашей эры. Лишь после освобождения Египта от иноземного ига азиатских гиксов, которые владычествовали там почти половину тысячелетия, то есть с начала нового царства, изображения и надписи доказывают нам, что лошадь употреблялась у древних обитателей долины Нила. Я вовсе не думаю, однако, что лошадь была неизвестна египтянам раньше XVIII века до Рождества Христова, на основании отсутствия указаний на древних памятниках или, лучше сказать, на основании того, что до сих пор не найдено еще памятника, относящегося к более раннему времени, на котором изображена лошадь. Таким образом, нет никаких доказательств в пользу выставленного Эбер-

сом предположения, что введение этого животного в Египет произведено гиксами. Относительно этого вопроса я вполне разделяю взгляд Шаба, что все дошедшие до нас свидетельства заставляют думать, что у этих варваров не было ни повозок, ни лошадей, древние египтяне должны были знать лошадь уже задолго до владычества этих диких племен, так как для приручения коня и изобретения упряжи для него потребовалось, конечно, гораздо более продолжительное время пребывания лошади в стране фараонов. Здесь начиная с XVIII столетия лошадью пользовались для военных целей.

Походы египтян Нового царства совершенно изменяют свой вид. Между тем как на памятниках Старого царства мы находим лишь изображения тяжело- и легковооруженных пеших войск, с этого времени запряженные конями военные колесницы занимают первое место в рядах египетских войск, с этого же времени их завоевательные походы простираются далеко в глубь соседней Азии, до стран, лежащих на Евфрате и Тигре. И такому употреблению для военных целей коня и колесницы, столь характерному для того времени, египтяне, по-видимому, научились действительно лишь от азиатских народов, записных наездников, конечно хорошо знакомых с лошадью; к ним, однако, не принадлежали гиксы, так как это был пастушеский народ. Но лошадь употребляли не исключительно для войны; различные надписи свидетельствуют вне всякого сомнения, что древние египтяне пользовались ею также при домашних и сельских работах. Мы читаем, что на лошади знатный египтянин выезжает из своего поместья, на ней же предпринимает он путешествие*, запряженных лошадей выводит для обработки полей, у земледельца «лошадь падает, таща плуг» и т. д. Короче, множество мест указывает, что уже в Древнем Египте умели всесторонне пользоваться этим благородным домашним животным».

Несравненно более скудные данные, чем египетские источники, дают относительно первых периодов приручения лошади остальные памятники. Мы принимаем, что в Индии и Китае ее употребляли в качестве домашнего животного приблизительно в то же время, что и в Египте, но мы не в состоянии доказать этого; мы нашли ее остатки в свайных постройках Швейцарии, относящихся к позднему каменному веку, но не можем точнее определить это время.

Еще и теперь в степях юго-восточной Европы во множестве бродят табуны лошадей; одни считают их дикими родоначальниками нашего домашнего животного, другие думают, что это одичавшие его потомки. Эти лошади, которых называют тарпанами (*Equus caballus*), обладают всеми качествами настоящих диких животных, каковыми их считают татары и казаки. Тарпан маленького роста, у него тонкие, но сильные ноги с длинными бабками, довольно длинная и тонкая шея, относительно толстая

* Египтяне, как и большинство средиземноморских народов, использовали лошадей только как упряжное животное, хотя современные им индоевропейцы наверняка уже умели ездить верхом. Для сельскохозяйственных работ использовались в основном быки и ослы, лошадей же запрягали в боевые и праздничные колесницы. Боевая конница появилась в начале первого тысячелетия до нашей эры у ассирийцев; очевидно, они переняли навыки верховой езды у скифо-сарматских (индоевропейских) племен. Ассирийцы же изобрели седло и некоторые важные части верховой сбруи. В Европе седло было изобретено вторично германцами и римлянами в IV в. н. э.

Семейство лошадиные

** Наиболее распространенной мастью тарпанов была мышасто-серая с черными ногами,*

Тарпан
(*Equus caballus*)

гривой, хвостом, «ремнем» по спине. Нередко на передних ногах просматривались неясные поперечные полосы.

горбоносая голова, остроконечные, направленные вперед уши и маленькие, живые, со злым огоньком глаза; шерсть густая, короткая, волнистая, на задней части ее можно назвать почти курчавой; зимой же она становится жесткой, крепкой и длинной, особенно на подбородке, где она образует нечто вроде бороды; грива короткая, густая, взъерошенная и курчавая, хвост средней длины. Летом в окраске преобладает равномерный черно-бурый, желтовато-бурый или грязно-желтый цвет; зимой волосы делаются светлее, иногда даже белыми, а грива и хвост равномерно-темного цвета*. Пегих тарпанов не встречается никогда, вороные редки.

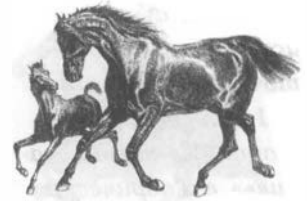
Первые подробные данные о тарпане, сколько мне известно, доставил Гмелин на основании наблюдений, которые он мог произвести в 1769 году; дальнейшими сведениями мы обязаны Палласу. Их показания довольно согласованы между собой. «Лет двадцать тому назад, — говорит первый, — здесь, около Воронежа, водилось довольно много диких лошадей; но так как они приносили много вреда, то их отгоняли все далее и далее в степи и очень часто рассеивали их». Гмелин рассказывает

далее, как он получил новое известие о присутствии этих животных и, выехав затем на охоту, увидел их в окрестностях уездного города Боброва. Вместе с ними была русская кобыла. Убив жеребца, вожака стада, и двух кобыл, он, кроме того, овладел живым жеребенком. Паллас тоже считает лошадь и тарпана за один вид. «Я начинаю более и более предполагать, — говорит он, — что дикие лошади, бродящие в яицких и донских, а также в Барабинской степи, по большей части не что иное, как потомки одичавших киргизских или калмыцких лошадей, или они произошли от жеребцов, принадлежавших бродившим здесь прежде пастушеским народам; эти жеребцы уводили то отдельных кобыл, то

целые табуны и давали с ними приплод». Иначе высказывается Радде; он пишет мне следующее: «В начале 50-х годов к востоку от нижнего Днепра тарпаном называли лошадь гнедой масти, неуклюжего сложения, малого роста, с тяжелой головой и несколько дугообразным очертанием морды. Эту лошадь там считали не одичавшей, а дикой. По словам господ Базелль, которые имели большие поместья в низовьях Днепра (на их слова вполне можно положиться), тарпан держался в степях маленькими табунами, и за ним охотились. С этими рассказами совершенно согласуются сообщения швейцарцев Мерца и Филиберта в имении Атиманай у Азовского моря, недалеко от цветущих поселений менонитов и вюртембергцев. И здесь местные жители и переселенцы считают это животное диким. Я присоединяюсь к этим взглядам».

Об образе жизни тарпанов рассказывают приблизительно следующее: тарпанов встречают всегда табунами, которые могут состоять из нескольких сот голов. Обыкновенно большой табун распадается на меньшие общества, похожие на семейства; во главе каждого из них стоит жеребец. Эти стада занимают обширные открытые и возвышенные степи и перекочевывают с места на место, идя обыкновенно против ветра. Они чрезвычайно внимательны и пугливы, осматриваются, высоко подняв голову, прислушиваются, настораживают уши, раздувают ноздри и почти всегда вовремя замечают угрожающую им опасность. Жеребец — единственный властелин общества. Он заботится о безопасности его, но зато не терпит никаких беспорядков между своими подчиненными. Молодых жеребцов он прогоняет, и, пока они сами не смазнят или не завоюют себе нескольких кобыл, они следуют за большим табуном лишь на известном расстоянии. Заметив что-нибудь подозрительное, жеребец начинает фыркать и быстро двигать ушами, выбегает, высоко подняв голову, в известном направлении, пронзительно ржет, если замечает какую-нибудь опасность, и тогда весь табун срывается с места самым безумным галопом. Иногда животные исчезают как по волшебству: они прячутся в каком-нибудь овраге и ждут, что будет. Хищных животных храбрые и воинственные жеребцы не боятся. На волков они бросаются с ржанием и сбивают их наземь ударами копыт передних ног. Басня, будто бы они становятся кругом табуна головами внутрь и непрерывно бьют задними ногами, давно опровергнута.

Обитатели степей, разводящие лошадей, боятся тарпанов еще больше, чем волков, так как они часто причиняют им большой вред. По сведениям, собранным Гмелиным, они охотно держатся поблизости больших стогов сена, которые русские крестьяне ставят часто на расстоянии от селений, и сено им так нравится, что два тарпана в одну ночь могут уничтожить целый стог. Гмелин полагает, что этим обстоятельством легко можно объяснить, почему они так жирны и круглы.

* *Последние лесные тарпаны были истреблены в Восточной Пруссии в 1814 г., степные тарпаны «продержались» в Таврических степях до 90-х годов XIX в., последний из них умер на конном заводе в 1918 г. В 30—50-х годах в Германии и Польше велась селекционная работа по выявлению скрытых признаков тарпана среди домашних лошадей. Полученная порода обладала всем набором внешних черт тарпана. Однако генетически эти лошади являются не тарпанами, а всего лишь «тарпаноидами».*

** *Предком домашней лошади обычно считают степного тарпана, реже — лошадь Пржевальского.*

Тарпана трудно приручить; это животное кажется неспособным переносить неволю. Перед его крайне живым характером, силой и дикостью оказывается бессильным даже искусство опытных в обращении с лошадьми монголов. «Осип Шатилов, — замечает Радде, — получил в конце 50-х годов живого тарпана и послал его императорской Академии наук, которая передала его Брандту. При спокойном содержании в конюшне тарпан вел себя очень хорошо, пока от него требовали, только чтобы он ежедневно съедал даваемое ему сено; в остальном же он как был, так и оставался злым, капризным животным, которое при всяком удобном случае настойчиво пыталось кусать и лягать подходившего к нему и не поддавалось даже самому кроткому обращению. Так как в Академии его считали лишь одичавшей лошадью, то по прошествии некоторого времени подарили одному любителю лошадей». Благодаря значительному вреду, который тарпаны приносят разведению лошадей в степях, уводя с собой часто целые табуны, за ними ревностно и ожесточенно охотятся. Особенно преследуют жеребцов, так как если их убивать, то кобылы рассеиваются и легко становятся добычей охотников*.

Приведенные данные оставляют нерешенным вопрос о происхождении домашней лошади (*Equus caballus ferus*); существующие воззрения противоречат друг другу**. Образ жизни тарпана не позволяет делать предположений относительно того, чем он был первоначально, так как лошади дичают легко и быстро. Этот факт убедительно доказывают табуны, населяющие степные области Южной Америки. Бросим же прежде всего взгляд на них, основываясь на указаниях надежных людей.

«Основанный в 1535 году город Буэнос-Айрес, — говорит Азара, — был впоследствии покинут. Уезжавшие обитатели его позаботились о том, чтобы собрать всех своих лошадей. Но 5—7 лошадей остались и были предоставлены самим себе. Когда в 1580 году тот же город был снова занят и населен, нашли множество лошадей, потомков этих немногих оставленных, но совершенно одичавших. Уже в 1596 году каждому было позволено ловить этих лошадей в свою пользу. Таково происхождение бесчисленных стад лошадей, которые бродят южнее Рио-де-Лаплаты». Циммароны, как называют этих лошадей, живут теперь во всех частях пампасов многочисленными табунами, которые иногда могут состоять из нескольких тысяч голов. Каждый жеребец собирает себе столько кобыл, сколько может, но остается вместе с ними в обществе прочих лошадей табуна. Особого вожака не бывает.

Циммароны причиняют много вреда, так как не только уничтожают хорошие пастбища, но также уводят домашних лошадей. К счастью, они никогда не являются ночью. С удивлением приходится замечать, что дороги, по которым они проходят, иногда бывают покрыты их навозом на протяжении нескольких километров. Не подлежит никакому сомнению, что они отыскивают

дороги, чтобы испражняться. А так как все лошади имеют привычку обнюхивать испражнения других животных того же вида и увеличивать их количество своими, то такие места, покрытые навозом, возрастают до размеров настоящих гор. Дикари в пампасах едят мясо циммаронов, именно жеребят и кобыл. Они также ловят некоторых из них, чтобы приручать; испанцы же не употребляют их ни на что и крайне редко ловят дикую лошадь для приручения.

Лошади Южной Америки проводят весь год под открытым небом. Через каждые 8 дней их сгоняют вместе, чтобы они не рассеивались, осматривают их раны, очищают и обмазывают коровьим пометом и время от времени, приблизительно через 3 года, обрезают жеребцам гриву и хвост. Об улучшении породы никто не думает. Пастбища там плохие, так как почву покрывает единственный вид травы. Весной эта трава сильно вырастает, но производит тогда у лошадей понос и поэтому истощает их. Летом и осенью мустанги поправляются и даже жиреют, но, как только их начинают употреблять для езды, они спадают с тела. Зима — самое худое время для них. Трава вянет, животные должны довольствоваться жесткой, вымокшей от дождей соломой. Эта пища вызывает у них потребность в соли. Можно наблюдать, как они по целым часам остаются на солончаках и лижут соленую глину. При содержании в конюшне они не нуждаются в соли. Лошади, которых лучше кормят и о которых больше заботятся, уже через несколько месяцев приобретают короткую и блестящую шерсть, крепкие мускулы и благородные формы.

«Обыкновенно, — говорит Ренггер, — лошади эти живут стадами в определенной области, к которой привыкли с юности. Каждому жеребцу поручают 12—18 кобыл; он собирает их вместе и защищает от чужих жеребцов. Если ему дают слишком много кобыл, то он более не охраняет их. Жеребята живут с матерями до третьего или четвертого года. Матки обнаруживают большую привязанность к жеребяткам, пока те еще сосут, и иногда защищают их даже против ягуара. Нередко им приходится выдерживать битвы с мулами, в которых временами возбуждается нечто вроде материнской любви. Тогда они стараются хитростью или силой уводить жеребят и дают им сосать свое лишнее молоко вымя, но бедные существа, конечно, погибают при этом.

Когда лошади достигают возраста несколько более 2 или 3 лет, из молодых жеребцов выбирают одного, дают ему молодых кобыл и приучают его пастись вместе с ними в определенной местности. Остальных жеребцов кастрируют и соединяют в особые стада. Все лошади, принадлежащие к одному табуну, никогда не смешиваются с другими и так крепко держатся вместе, что бывает трудно отделить нескольких пасущихся лошадей от остальных. Если нарушают такой порядок, например когда сгоняют вместе всех лошадей одной фермы, то они тотчас же снова отыс-

Семейство лошадиные

** Одичавшие лошади существуют во всех частях света. Особенно популярны североамериканские мустанги — крупные лошади легкого сложения, произошедшие от лошадей конкистадоров. Первые мустанги появились в Америке, вероятно, в 40-х гг. XVI в. Их численность быстро выросла до миллионов голов. В настоящее время сохранилось не более 17 тыс. мустангов в Северной Америке, в Южной они, видимо, истреблены. Больше всего одичавших лошадей сейчас в Австралии. В России одичавшие лошади встречаются в Прикаспии, на некоторых Курильских островах. Несмотря на многие поколения, выросшие на воле и подвергавшиеся естественному отбору, мустанги и другие одичавшие лошади не вернули себе признаков дикой лошади. У них длинные «лежачие» или полустоячие гривы и челки (у всех диких лошадиных — толь-*

кивают друг друга. Жеребец ржанием призывает к себе своих кобыл, мерины отыскивают друг друга, и каждое стадо снова отправляется на свое пастбище. Для 1000 и более лошадей нужно менее четверти часа, чтобы разделиться на кучки по 10—30 голов. Я, кажется, заметил уже, что лошади одинаковой величины или одной масти легче привыкают друг к другу, чем разные, а также что чужие, ввезенные из Банда-Орианталь и Антре-Риос, соединяются преимущественно между собой, а не с местными лошадьми. Животные эти обнаруживают притом большую привязанность не только к своим товарищам, но и к своим пастбищам. Я видел некоторых, которые вернулись на старые, привычные места, пройдя расстояние в 80 часов пути.

Чувства этих почти диких животных кажутся более острыми, чем у европейских лошадей. Слух их крайне тонок; ночью они движением ушей показывают, что улавливают самый легкий, для всадника совершенно неслышный шорох. Зрение их, как у всех лошадей, довольно слабое; но благодаря жизни на свободе они приучаются различать предметы на значительном расстоянии. При помощи обоняния они составляют себе понятие об окружающих предметах. Они обнюхивают все, что кажется им незнакомым. С помощью этого чувства они научаются узнавать своего хозяина, упряжь, сарай, в котором их седлают, умеют различать в болотистых местностях трясину и находить в темную ночь или в густой туман дорогу к своему жилищу или пастбищу. Хорошие лошади обнюхивают своего седока в то время, когда он садится в седло, и я видел таких, которые или вовсе не позволяли всаднику сесть на себя, или не слушались его, если на нем не было пончо или плаща, какой всегда носят деревенские жители, укрощающие и объезжающие лошадей. Если они пугаются какого-нибудь предмета, то их легче успокоить, дав обнюхать этот предмет. На большом расстоянии они, правда, не чуют. Я редко видел лошадь, которая могла бы узнать о присутствии ягуара в 50 шагах и даже менее. Поэтому в населенных местностях Парагвая они составляют самую обыкновенную добычу этого хищника. Когда в сухие годы источники, откуда мустанги привыкли пить, пересыхают, то они скорее погибнут от жажды, чем отыщут другие, между тем как рогатый скот ходит за водой часто на расстояние до 10 часов пути. Вкус у них развит по-разному: некоторые легко приучаются к конюшенному корму и привыкают есть различные плоды и даже сушеное мясо, другие готовы скорее околоть от голода, чем тронуть иную пищу, кроме обыкновенной травы. Осязание у них очень притуплено уже с молодости благодаря жизни под открытым небом и тому, что их мучают комары и слепни».

Жизнь одичавших лошадей в льяносах*, расположенных далее к северу, мастерски описал нам в коротких словах Гумбольдт: «В продолжение лета вертикальные лучи солнца, никогда не зак-

рываемого облаками, совершенно выжигают и обращают в пыль весь травяной покров этих неизмеримых равнин; почва постоянно трескается, точно разорванная мощными подземными толчками. Окруженные густыми облаками пыли, мучимые голодом и томимые жаждой, там бродят лошади и рогатый скот, первые — высоко вытянув шею и нюхая против ветра, чтобы по влажности воздуха угадать близость еще не совсем высохшего озера. Более рассудительные и хитрые мулы стараются другим образом утолить жажду. Одно шарообразное и ребристое растение, дынный кактус, заключает под своей колючей оболочкой обильную водоносную мякоть. Мул сбивает передними ногами шипы и пьет прохладный сок кактуса. Но черпать из этого живого растительного источника не всегда безопасно; часто можно видеть животных, которые хромают, занозившись шипами. Когда наконец за палящим дневным жаром наступает прохлада ночи, столь же продолжительная, то и тогда лошади и рогатый скот не могут отдохнуть. Вампиры преследуют их во время сна и садятся на их спины, чтобы высосать кровь.

Когда после продолжительной летней засухи наступает благодатное дождливое время года, декорация совершенно изменяется. Едва только смочится поверхность земли, как степь начинает покрываться прекрасной зеленью. Лошади и рогатый скот выходят на пастбу, радостно наслаждаясь жизнью. Однако в высокой траве прячется ягуар и верным прыжком схватывает лошадь или жеребенка. Реки скоро выходят из берегов, и те же самые животные, которые томились несколько месяцев от жажды, должны теперь вести жизнь земноводных. Кобылы с жеребятами отступают на более высокие места, которые выдаются в виде островов над поверхностью воды. С каждым днем пространство суши уменьшается. Вследствие недостатка пастбища стеснившиеся животные плавают по целым часам и скудно питаются цветущими верхушками трав, выступающих над поверхностью бурой болотной воды. Многие жеребята тонут, многих схватывают крокодилы, раздробляют их тело ударами хвоста и проглатывают. Нередко на бедрах лошадей остаются следы зубов крокодила в виде больших рубцов. Среди рыб они тоже имеют опасного врага. Болотная вода кишит электрическими угрями. Эти замечательные рыбы обладают достаточной силой для того, чтобы своими электрическими ударами убивать самых крупных животных, особенно если сразу разрядить в известном направлении все свои батареи. Одну степную дорогу около Ури-Туку пришлось оставить вследствие того, что в маленькой речке, пересекающей путь, накопилось такое множество угрей, что они ежегодно оглушали многих лошадей, которые тонули во время переправы».

Надо сказать, однако, что лошади сами часто приносят себе более вреда, нежели самые опасные враги. Ими иногда овладевает сильнейший испуг. Сотни и тысячи их, как бешеные, бросаю-

Семейство лошадиные

ко стоячие), может быть самая разнообразная масть. Лишь дикие лошади Камарга, в южной Франции, во взрослом состоянии всегда светло-серые.

Семейство лошадиные

* Лошадь Пржевальского (*E. przewalskii*), найденная в Джунгарии второй экспедицией Н.М. Пржевальского в 1877 г., иногда рассматривается как один из подвидов дикой лошади наряду с тарпанами. Последние дикие лошади этого вида наблюдались в Западной Монголии в 60-х годах XX в. Ведется планомерное разведение лошади Пржевальского в зоопарках (всего в неволе более 500 голов), первую партию (около 40 животных) в настоящее время уже выпустили в места бывшего обитания.

** Всего в мире зарегистрировано более 200 пород лошадей.

ся в бегство, не останавливаясь ни перед каким препятствием, избегают на скалы или разбиваются в пропастях. Они внезапно появляются на стоянках путешественников, ночующих в открытой степи, бросаются между огнями через палатки и повозки, наводят панический страх на вьючных животных, срывают их с привязи и увлекают навсегда в своем живом потоке. Так рассказывает Муррей, который испытал и пережил такое нападение. Далее к северу индейцы увеличивают собой число врагов, которые отравляют существование этим животным. Они ловят их, приучают к седлу и пользуются ими на охотах, при этом так мучают, что даже самая бодрая лошадь погибает в короткое время. Как у бедуинов Сахары, так и у индейцев лошадь часто становится причиной самых кровавых битв. У кого нет лошадей, тот старается украсть их. Конокрадство пользуется у краснокожих почетом. Шайки воров целыми неделями следуют за кочующими племенами или караванами, пока не найдут случая отогнать всех верховых животных. Американских лошадей ревностно преследуют также ради шкур и мяса. Около Лас-Нокаса, как рассказывает Дарвин, еженедельно убивают большое число кобыл ради шкур. На войне отряды войск, посылаемые в дальний путь, берут с собой для пропитания только стада лошадей. Эти животные еще и потому удобнее для них, чем рогатый скот, что допускают большую подвижность войска.

Что домашние лошади могут дичать еще и в настоящее время, мы узнаем от Пржевальского. Во время своих путешествий по Монголии этот прекрасный наблюдатель видел маленькие табуны одичавших лошадей, которые еще лет за десять до того жили в домашнем состоянии; оставленные на произвол судьбы жителями китайской провинции Ганьсу во время дунганских смут, они в течение короткого времени стали настолько пугливыми, что убегали от человека, как настоящие дикие лошади*.

Описание или хотя бы перечисление почти бесчисленных пород домашней лошади не входит в рамки этого сочинения**. Здесь будет достаточно присовокупить несколько слов к прекрасным изображениям, которыми мы обязаны искусной руке Кампгаузена, более для того, чтобы объяснить подписи, чем с целью дать полные описания.

Выше всех пород лошадей стоит еще и теперь **арабская лошадь**. «Чистокровные лошади, — пишет граф Врангель, — не имеют более благородного представителя, чем чистая арабская лошадь; она стоит на границе между естественными и культурными расами и в качестве благороднейшего животного в мире одинаково приводит в восхищение и естествоиспытателя, и знатока лошадей, и поэта». Древность этой расы, во-первых, вовсе не так велика, как принимают обыкновенно и как охотно готовы верить арабы. Они держатся того мнения, что пять самых замечательных семейств их лошадей происходят от пяти кобыл царя

Соломона, что еще подтвердил Абд-эль-Кадер, споря с Блентом. Но граф Врангель, опираясь на исследования А. Баранскиса, указывает, что лишь в IV веке нашей эры Аммиан Марцеллин упоминает о быстрых лошадях сарацинов: «В VII столетии, во времена Магомета, лошадь всюду употребляется в Аравии и с этого времени становится предметом настоящего культа сынов пустыни».

По общепринятым требованиям арабов благородная лошадь должна соединять в себе пропорциональное сложение, короткие и подвижные уши, тяжелые, но изящные кости, сухую морду, ноздри «такой же ширины, как пасть льва», прекрасные, темные, выпуклые глаза, «по выражению похожие на глаза любящей женщины», несколько изогнутую и длинную шею, широкую грудь и широкий крестец, узкую спину, крутые бедра, очень длинные истинные ребра и очень короткие ложные, поджарое тело, длинные голени «как у страуса» с мускулами «как у верблюда», черное одноцветное копыто, тонкую и редкую гриву и густой хвост, толстый у корня и тонкий к концу. У арабской лошади

должны быть четыре широкие части: лоб, грудь, бедра и сочленения; четыре длинные: шея, верхние части конечностей, брюхо и пах; четыре короткие: крестец, уши, стрелка и хвост. Эти качества доказывают, что лошадь — хорошей породы и быстра на бегу, так как она в таком случае сложением своим похожа на «борзую собаку, голубя и верблюда сразу». Кобыла должна иметь «мужество и ширину головы дикой свиньи, привлекательность, глаза и рот газели, веселость и ум антилопы, плотное сложение и быстроту страуса и хвост короткий, как у гадюки».

Породистую лошадь узнают и по другим признакам. Ей нравятся деревья, зелень, тень, проточная вода, притом в такой степени, что при виде этих предметов она ржет. Она не пьет, пока не коснется воды ногой или ртом. Губы ее всегда сжаты, глаза и уши всегда в движении. Свою шею она быстро вытягивает направо и налево, как будто хочет говорить с седоком или

Арабская лошадь

просит о чем-нибудь. Далее утверждают, что она никогда не спаривается со своим близким родичем. По нашим понятиям, арабская лошадь очень мала, так как едва достигает 1,5 м высоты, очень редко более. Настоящие неджедские лошади, по В. Г. Пэльгрэву и Винченти, в среднем тоже не превосходят этой величины. Пэльгрэв не видел ни одной, которая достигала бы вышины 1,6 м. Де Вогренан описывает неджедских лошадей даже как очень маленьких и определяет рост их лишь в 1,32—1,43 м. Понятно само собой, что животные такой незначительной величины, хотя и могут спорить с нашими крупными чистокровными лошадьми, но лишь по выносливости, а не по скорости на бегах.

В глазах арабов лошадь — самое благородное из всех созданных животных, и потому она пользуется почти таким же уважением, как знатный человек, и бóльшим, чем обыкновенный смертный. У народа, скудно населяющего обширное пространство этой части земного шара, народа, который несравненно менее привязан к земле, чем мы, жители Запада, главное занятие которого составляет скотоводство, лошадь должна быть в величайшем почете. Она необходима арабу для жизни, для существования, с помощью ее он кочует, путешествует, верхом на ней пасет свои стада, благодаря ей блистает в битвах, на празднествах, общественных собраниях; он живет, любит и умирает на коне. Любовь к лошади у араба — врожденное чувство, особенно у бедуина: он всасывает с молоком матери уважение к этому животному. Это благородное создание — самый надежный товарищ воина, самый верный слуга властелина, любимец всего семейства. Вот поэтому араб и наблюдает за лошадью с тревожной заботливостью, изучает ее нрав, потребности, воспевает ее в своих стихах, прославляет в песнях, находит в ней самый приятный предмет для беседы. «Когда творец пожелал создать коня, — поучают восточные мудрецы, — он сказал ветру: я хочу, чтобы от тебя родилось существо, назначенное для того, чтобы носить моих поклонников. Это существо должно быть любимо и почитаемо моими рабами. Оно должно внушать страх всем тем, которые не слушаются моих заповедей». И он создал лошадь и воззвал к ней: «Я сделал тебя совершенной. Все сокровища земли лежат перед твоими глазами. Ты будешь повергать под свои копыта моих врагов и носить на спине моих друзей. Ты станешь седалищем, с которого будут возносить ко мне молитвы. По всей земле ты должна быть счастлива и почитаема больше всех остальных созданий, так как тебе будет принадлежать любовь господина земли. Ты должна летать без крыльев и побеждать без меча!» Вследствие такого мнения сложилось поверье, что лошадь может быть счастлива лишь в руках арабов; этим, говорят, объяснялось прежнее нежелание уступать коней иноверцам, которое теперь, правда, уже строго не соблюдается. Абд-эль-Кадер, когда он находился еще на высоте своего

могущества, наказывал смертью всех правоверных, на которых ему доносили, что они продали христианам одну из своих лошадей.

Все арабы полагают, что благородные лошади уже целые тысячелетия сохраняются в одинаковом совершенстве, и потому заботливо следят за разведением своих коней. На жеребцов хорошей породы существует очень большой спрос: владельцы кобыл ездят далеко, чтобы достать для случки таких жеребцов. В вознаграждение за это владелец жеребца получает в подарок известное количество ячменя, овцу и бурдюк молока. Брать деньги считается постыдным; тот, кто захотел бы сделать это, приобрел бы позорное название «продавца любви лошади». Только в том случае, если от знатного араба требуют, чтобы он одолжил своего благородного жеребца для случки с обыкновенной кобылой, он имеет право отвергнуть просьбу. Во время беременности с лошастью обращаются очень осторожно, однако на ней не ездят лишь в последние недели. В то время как кобыла жеребится, должны присутствовать свидетели, чтобы удостовериться происхождения жеребенка. Жеребенка воспитывают с особой тщательностью и с юности смотрят на него как на члена семьи. Поэтому-то арабские лошади стали домашними животными, и их можно смело пускать в палатку хозяина или к детям.

С 18-го месяца начинается воспитание благородного создания. Сначала ездить на нем пробует мальчик. Он водит лошадь на водопой, на пастбище, чистит ее и вообще заботится о всех ее потребностях. Оба учатся одновременно: мальчик становится наездником, жеребенок — верховым конем. Но никогда молодой араб не заставит доверенного ему жеребенка работать слишком много, никогда не будет требовать от него того, что выше его сил. За каждым движением животного следят, обращаются с ним с любовью и нежностью, но не терпят упрямства и злости. Лишь на третий год надевают на него седло; по окончании третьего года постепенно приучают напрягать все свои силы. Лишь тогда, когда лошадь достигла седьмого года, ее считают выученной. Поэтому арабская поговорка говорит: «Семь лет для моего брата, семь лет для меня и семь лет для моего врага». Нигде не проникнуты так сознанием силы воспитания, как в пустыне. «Всадник обучает свою лошадь, как муж свою жену», — говорят арабы. При этом надо, однако, заметить, что, по отзыву беспристрастных знатоков, искусство верховой езды стоит у арабов на очень низкой ступени: они по большей части очень плохие или по крайней мере грубые наездники и умеют ехать лишь шагом или неправильным галопом.

Хорошо воспитанная породистая арабская лошадь неутомима, хотя об этом рассказывали и очень много басен. В. С. Блент много раз объездил весь Восток со специальной целью ознакомиться с самыми лучшими лошадьми и закупить их; он составил

себе очень высокое мнение об арабской расе и высказывает об этих лошадях и их всадниках в главных чертах следующее: «Арабская лошадь — смелый скакун, может быть самый смелый во всем свете. О быстроте ее бега сравнительно с быстротой чистокровной английской лошади я не могу говорить на основании опыта; однако я не думаю, чтобы на расстоянии 3 английских миль арабская лошадь имела какие-либо шансы обогнать английскую скаковую лошадь, исключая разве тот случай, когда эта последняя была второстепенного качества. На протяжении 5 миль дело принимает другой оборот, и я уверен, что на 20 милях лишь отличная английская лошадь может равняться с арабской. Она, по-видимому, способна проходить с тяжелой ношей значительные расстояния, не уставая. Хотя об этом рассказывают очень много, но едва ли возможно выяснить что-либо определенное о действительной быстроте их, так как бедуины не устраивают регулярных скачек. Если бы даже они хотели, то не умеют объезжать своих лошадей так, чтобы они могли вполне проявить все свои беговые способности. Их приходится очень сильно погонять, чтобы они прошли галопом без остановки более 1—2 английских миль. Даже при необходимости торопиться лошади постоянно прерывают езду остановками и отдыхом, так что непрерывная езда в течение целого дня для них вещь незнакомая. Тем не менее арабы проезжают таким образом, то есть галопом, прерываемым частым отдыхом, чрезвычайно большие расстояния и остаются в пути иногда целый месяц; в течение этого времени их лошади получают очень недостаточный корм и часто целые дни не получают воды, к тому же они подвергаются всем переменам погоды — жаре, холоду и сильному ветру. Таким образом, лошадей ценят более за их силу и выносливость при неблагоприятных условиях, чем за быстроту».

Кроме того, Блент не раз указывает на то, что бедуины проявляют более гордости, что владеют хорошей лошадью, чем привязанности к ней; они очень хорошо знают ее цену в продаже и обращают более внимания на происхождение лошади, чем на ее качества. Об этом, впрочем, Винченти высказывается совсем иначе; он говорит: «Бедуин требует, безусловно, чтобы родители кобылы были свободны от недостатков, но безукоризненная кобыла неизвестного происхождения дороже ему, чем имеющая недостатки, но могущая похвастаться блестящим родословным деревом». Происхождение жеребенка определяется по матери, то есть принадлежность его к тому или иному семейству лошадей определяется по кобыле, а не по жеребцу.

Арабы различают много семейств лошадей; каждая область, каждое племя хвалится своими. В Аравии, вообще в областях, лежащих между Красным морем и Евфратом, различают, по словам Блента, 21 породу или семейство, из них 5 самых знаменитых, которые соединяются вместе под названием «кхамса» и пред-

ставляют собой породы, произошедшие, как было уже сказано, от пяти кобыл Соломона. Наиболее древняя и благородная называется «кехилан» или, как указывает Нибур, «кохлани».

Интересно послушать похвалы, расточаемые благородной лошади. «Не говори, что это животное — моя лошадь, скажи, что оно — мой сын! Она бежит быстрее бурного ветра, быстрее, чем взгляд скользит по равнине. Она чиста, как золото. Ее взор ясен и зрение так остро, что она видит волосок в темноте. Она догоняет на бегу газель. Орлу она говорит: я несусь по воздуху так же, как ты! Когда она слышит пение девушек, она ржет от радости, а свист пуль поднимает ее дух. Из рук женщин она выпрашивает себе подачку, а врага бьет копытом в лицо. Когда она может бежать по желанию ее сердца, она проливает из глаз слезы радости. Для нее все равно, чисто ли небо или бурный ветер пылью застилает солнце, так как благородный конь презирает ярость бури. На этом свете нет лошади, ей равной. Она несется с быстротой ласточки, она так легка, что могла бы танцевать на груди твоей возлюбленной и та не ощутила бы ее тяжести. Поступь ее так спокойна, что на полном скаку ты можешь выпить на ее спине полную чашку кофе, не пролив ни капли. Она понимает все, как сын Адама; ей недостает лишь языка».

Рядом с настоящей арабской лошадейю стоит **берберская лошадь** — северной Африки и Сахары*. Эта восточная порода нашла широкое распространение в Европе. «Все знатоки лошадей согласны между собой в том, — говорит граф Врангель, — что эта лошадь происходит от древней нумидийской расы, которая приобрела известность еще во времена Пунических войн. Меньше единогласия существует относительно древнейших предков берберской лошади. Абд-эль-Кадер утверждал, правда, очень определенно, что берберская раса арабского происхождения. Однако другие авторы, познания которых в истории, конечно, превосходят познания, приобретенные храбрым эмиром в течение его славной жизни, защищают так же решительно взгляд, что берберская лошадь есть самостоятельная порода, возникшая в северной Африке. Как обстоит дело в действительности, решить трудно. Самые благородные берберские лошади разводятся в Тунисе; ближе всего к ним стоят лошади в алжирской части пустыни Сахары и последнее место занимают марокканские лошади.

Самый благородный родственник арабской лошади в Европе — это **английская чистокровная верховая лошадь**. Многие знатоки утверждали даже, что различие между этими обеими расами заключается лишь в небольших отклонениях, вызванных измененными условиями жизни, и что, следовательно, в жилах английской чистокровной лошади течет несмешанная восточная кровь. Это утверждение свидетельствует, однако, о недостаточном знакомстве с историей английской лошади, так как родословная этой расы доставляет нам, напротив, неопровержимое доказатель-

** Берберская лошадь относится к той же группе пород, что и арабская. Сюда же относят и туркменских ахалтекинцев (аргамаков).*

Семейство лошадиные

** Английская верховая — вторая порода чистокровных лошадей — выведена при*

Английская чистокровная верховая

участи арабской породы. Отличается наивысшей резвостью на скачках, но менее вынослива, чем арабская лошадь.

ство того, что в ней нет ни одной лошади, для которой можно было бы доказать исключительно восточное происхождение как с отцовской, так и с материнской стороны». Автор на основании исторических данных принимает, что в Англии существовала уже облагороженная порода, прежде чем кто-нибудь стал думать о скрещивании с восточной кровью*. Он указывает далее, что драгоценнейшие качества благородной лошади — быстрота, выносливость и энергия — могут быть получены и укреплены лишь путем упражнения на скачках. Как по форме тела, так и по каче-

ствам современная чистокровная лошадь во всех отношениях превосходит своих предков; между ними существует большое число прекрасных лошадей, которые достигают вышины 1,75 м и более. Сложение стало пропорциональнее и благороднее, чем у арабского коня. Их вывозят во все страны, населенные европейцами, чтобы облагораживать местные породы лошадей.

В Германии на разведение лошадей стали обращать должное внимание лишь в начале прошлого столетия. До

того времени довольствовались обыкновенными лошадьми и не старались облагородить породу. В конце XVII века коневодство в Германии стояло, вероятно, повсюду на более низкой ступени, чем в средние века, когда, как известно, с Востоком поддерживались несравненно более оживленные сношения. О местном коневодстве не было и речи. В Пруссии лишь Фридрих Вильгельм I поставил его на более твердую почву. Прежде всего, чтобы снабдить свои придворные конюшни хорошими лошадьми, он в 1732 году построил конный завод Тракенен и тем положил начало разумному облагораживанию древней прусской породы, оставленной до того времени без внимания. Путем многократного скре-

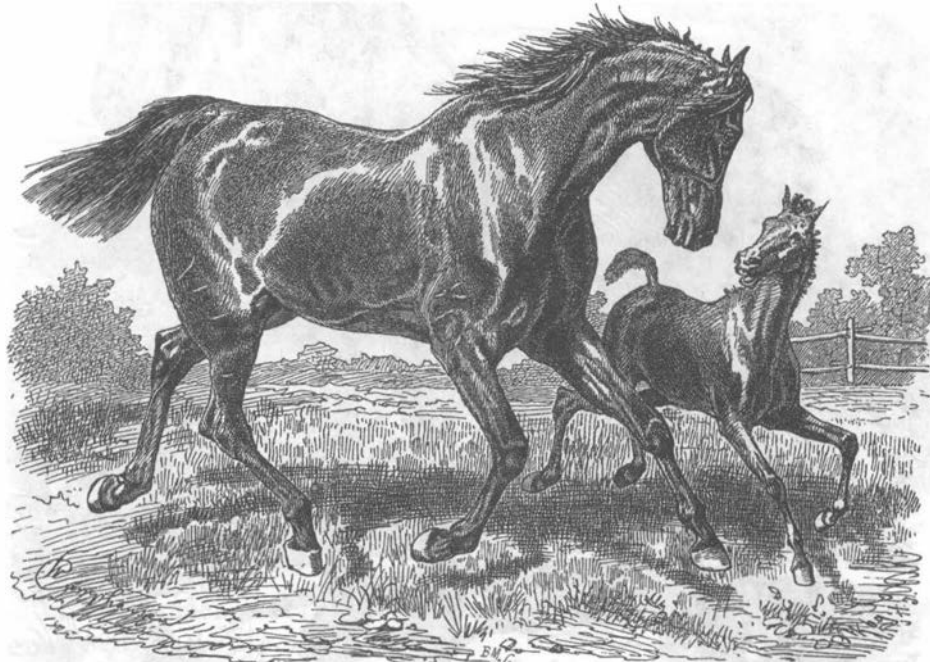
щивания с восточными и особенно с английскими чистокровными лошадьми постепенно получили **тракненскую лошадь**, прекрасно сложенную, выносливую и вообще хорошую во всех отношениях. В настоящее время ее с полным правом можно назвать немецкой лошастью, тем более что Тракненский завод и его отделения имели и теперь еще имеют огромное влияние на разведение и облагораживание всех вообще прусских лошадей. Точно так же они имеют величайшее значение для немецкой кавалерии. «Поэтому вполне понятна та гордость, — пишет граф Врангель, — с которой все германские наездники указывают на восточную Пруссию, где находится этот завод».

Лошади крупных пород могут достигать высоты 1,8 м в загривке. Лошади тяжелых бельгийских, французских или английских пород имеют массу в среднем 750 кг, часто даже 800 кг, в редких случаях — 900—1000 кг*.

Самая маленькая лошадь — **шотландский пони** с густой, длинной, косматой гривой и пушистым хвостом — достигает обыкновенно 90 см вышины, иногда лишь 85 и даже 82 см, следовательно, не больше крупной собаки.

Сообразно с особенностями и рабочей силой лошадей бывает чрезвычайно различной. В общем можно сказать, что лошадь может нести до 175 кг, следовательно, в среднем около четверти своей массы, но по твердой дороге везет 2500 кг, а ломовики даже 3000—3500 кг, то есть тяжесть, которая в среднем по крайней мере в 4 раза превосходит ее собственную массу**. При таких условиях лошадь проходит около 4 км в час, а ненагруженная за то же время шагом — около 5 км; крупные лошади с более легким ходом идут шагом несколько быстрее. Выездные лошади спокойной рысью проходят 1 км в 4—5 минут, рысаки — то же расстояние почти вдвое скорее, самые лучшие рысаки в упряжи на ипподроме могут пробегать 1 км в 1,5—1,6 минуты. Скаковые лошади, которые вместе со всадником и седлом весят немногим более 400 кг, пробегают по ровной дороге в среднем 900 м, иногда даже 1000 м

** Крупнейшие лошади принадлежат к двум породам тяжеловозов — бельгийским барбансонам и английским шайрам. Они достигают массы 1,5 т, в холке бывают до 2—2,2 м.*

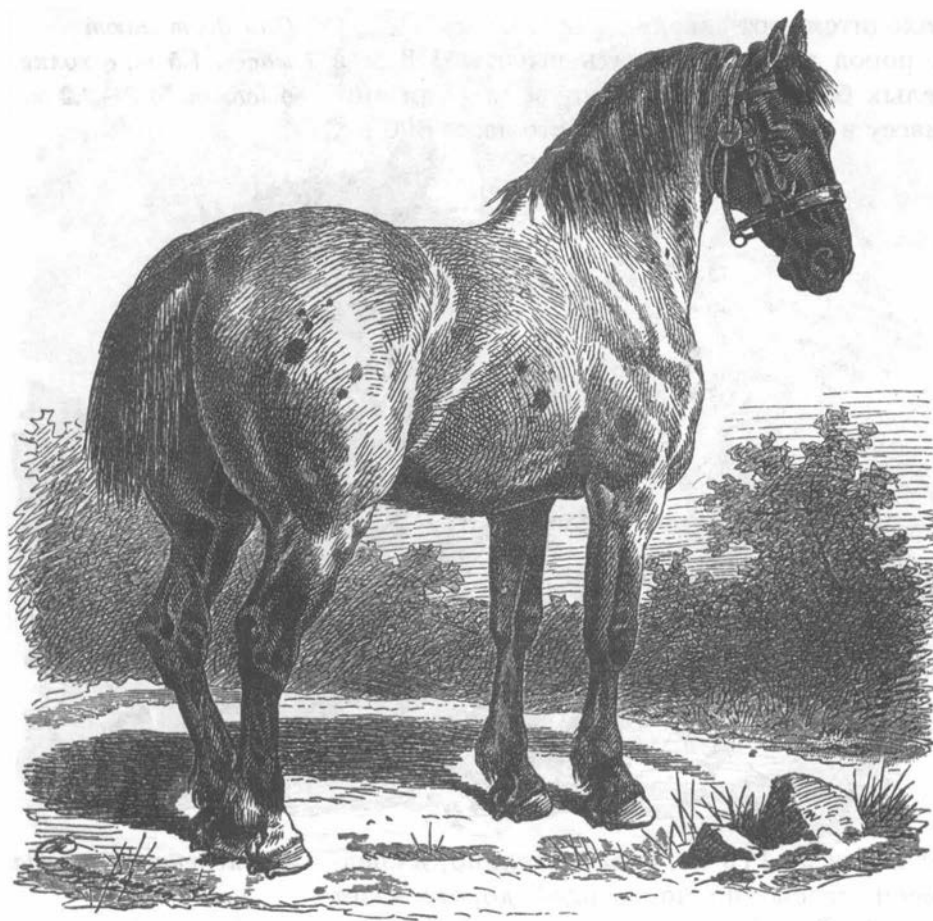

Тракненская порода

*** Рекордный вес груза, свезенного парой тяжеловозов, составил 51 т.*

и более в минуту. Ноша легкой кавалерийской лошади равна 46 кг, не включая сюда веса всадника в 60—70 кг; дневной переезд ее — 22—30 км, усиленный переезд — 50—60 км. При непродолжительных поездках очень хорошие лошади, запряженные в легкий экипаж, могут проходить ежедневно средним счетом не более 70—80 км.

В настоящее время домашняя лошадь распространена почти по всему земному шару. Ее нет лишь в самых холодных странах и на некоторых островах, где человек еще не нуждается в

Першерон

** В XIX в. во Франции (район Перш) была выведена знаменитая порода тяжеловозов — першероны.*

ней. Сухие местности она предпочитает влажным болотистым, хотя может есть более грубое сено, чем другие домашние животные. Лошадей при разведении держат в диком, полудиком или домашнем состоянии. В первом случае, например в России, табуны целый год остаются в степи и предоставлены самим себе. Рождающиеся там лошади очень выносливы, сильны и неприхотливы, но никогда не достигают такой красоты, как рожденные и воспитанные под присмотром человека. В полудиком состоянии табуны лошадей

бродят от весны до осени по лесам или обширным пастбищам, а зимой их держат на конюшнях и ухаживают за ними. Наконец, высшую степень заботливости человека о лошади мы видим на конных заводах, где разведение ведется под строжайшим присмотром*.

Коневодство, как и требует его высокое значение для народного хозяйства, стало наукой. Ему посвящают все более и более крупные научные силы. Первое и главнейшее условие успеха заключается в умелом и искусном выборе производителей, причем должно постоянно иметь в виду ту специальную цель, которой

хотят добиться в потомстве. После выбора родителей результат разведения обуславливается главным образом целесообразным воспитанием жеребят, так как задатки хороших качеств, унаследованных от родителей, развиваются лишь при благоприятных для них условиях.

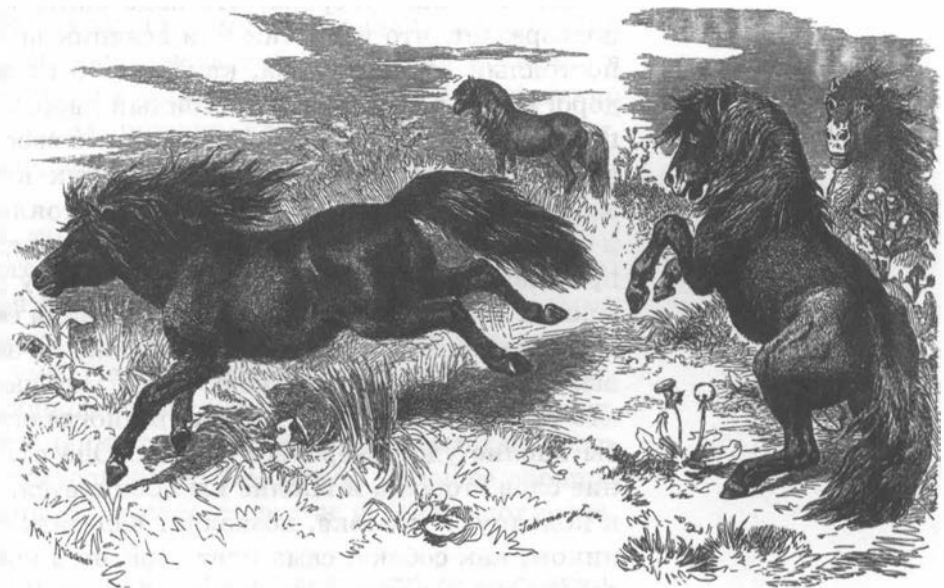
К сожалению, лошадь подвержена многим болезням. Важнейшая из них — наколенный грибок, опухоль и позднейшее затвердение пяточного сочленения; мыть — опухоль желез под нижней челюстью; короста — сухая или мокрая сыпь, при которой выпадают волосы; сап — сильное воспаление носовой перегородки, которое страшно заразно и переходит даже на человека; острое бешенство, болезнь мозга, или оглум, — подобное же страдание; серые и черные бельма на глазах и другие. Кроме того, животное мучают многочисленные внутренние и наружные паразиты.

Лошадь может достигать 40 лет и более, но с ней часто так дурно обращаются, что иногда она стареет уже в 20 лет, и нужно признать, что она лишь в редких случаях достигает 30 лет. Лошадь, на которой ездил в турецкую войну австрийский фельдмаршал Ласи, по

приказанию императора пользовалась заботливым уходом и, как говорят, достигла 46-летнего возраста*.

О качествах, привычках, нраве и особенностях лошадей, короче, об их духовной жизни я предоставляю говорить Шейтлину: «Лошадь имеет способность различать пищу, жилище, пространство, время, освещение, цвет, форму, также семейство своего хозяина, соседей, друзей, врагов, товарищей, людей и вещи. Она может воспринимать впечатления и представления, имеет память и большую разностороннюю восприимчивость к различным состояниям своего тела и души. Она при различных условиях бывает в хорошем или дурном расположении духа, довольна окружающей обстановкой или требует, чего ей хочется, она способна даже к страстям, например к любви и ненависти. Лошадь очень умна и легко усваивает дрессировку, так как чрезвычайно понятлива.

Многие животные видят и слышат лучше лошади. Она обладает также не особенно тонким обонянием и вкусом, а осяза-

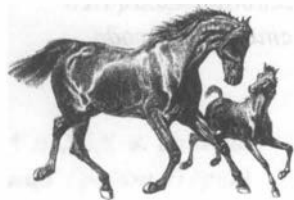

Шетландский пони

** Максимальный достоверно зарегистрированный срок жизни лошади составил 62 года.*

ние вообще слабое, несколько тоньше лишь на губах. Зато ее способность изучать до мелочей близкие предметы удивительна: она научается точно узнавать все ее окружающее, тем более что с этим связана превосходная память. Всякий отлично знает, как хорошо помнит лошадь места, свою конюшню, дороги и мосты, как верно она узнает тропинку, по которой хоть раз прошла. Она даже знает дорогу гораздо лучше, чем тот, который ею управляет. Уверенная в своем знании, она на перекрестке упрямится и не хочет идти не по настоящей дороге. Всадник или кучер может спокойно спать и в самую темную ночь, предоставив выбор дороги лошади. Многих пьяных извозчиков выручали таким образом их лошади и спасали путникам жизнь и имущество. Как быстро узнает она постоялый двор, в который хоть раз заезжала, и всегда вполне уверена, что надо опять заехать! Она как будто подозревает, что извозчик или всадник не так хорошо знает этот постоялый двор, как она, как будто бы она должна показать им дорогу. Но, раз миновав постоялый двор, она опять бежит совершенно спокойно, как бы убедившись в своей ошибке, и признает, что хозяин поступил справедливо, так как он не хотел теперь заезжать туда. Однако она узнает постоялый двор не по вывеске и охотно бежит мимо тех, в которых никогда еще не была. Своего прежнего хозяина и работника она сразу узнает по прошествии многих лет, подбегает к нему, ржет, видя его, лижет и обнаруживает искреннюю радость; она только не знает хорошенько, как выразить свой восторг. Она тотчас замечает, если на нее сядет кто-нибудь чужой, а не хозяин, и иногда оглядывается назад, чтобы вполне удостовериться в этом. Она отлично понимает значение слов сторожа и вполне им повинуетя. Она идет из конюшни к колодцу, к повозке, позволяет надевать сбрую, бегают за работником, как собака, сама идет обратно в конюшню. На нового человека или на новую лошадь она смотрит осмысленно. Все новое сильно возбуждает ее: новая телега, новая карета — все это ей интересно.

Кто хочет научить лошадь исполнить что-нибудь, как человек, тот должен по крайней мере учить ее по-человечески, а не побоями, угрозами или голодом, действовать лишь добрым словом и обращаться с ней совершенно так, как добрый и умный человек обращается с другим. Что влияет на человека, то влияет и на лошадь. Во многом лошади очень похожи на детей и в хорошем, и в дурном. Вместе с памятью места лошадь обладает и понятием о времени. Она научается идти в такт, ехать рысью, галопом и танцевать. Она умеет также различать время, знает, утро ли, полдень или вечер. Она не лишена также музыкального чувства и, как воин, любит звук трубы. Весело бьет о землю копытом, когда слышит этот звук, призывающий к скачке или к битве; знает и понимает также барабанный бой и вообще все звуки, внушающие ей мужество или страх. Она узнает пушечную пальбу,

но неохотно слышит ее, если ей пришлось видеть на поле сражения других коней, убитых выстрелами. Гром тоже неприятен ей. Может быть, на нее дурно влияет гроза.

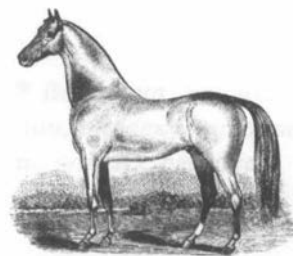
Лошадь очень подвержена страху и в этом отношении походит на человека. Она пугается необыкновенного звука, необыкновенного предмета, развевающегося знамени, рубашки, вывешенной из окна и колеблемой ветром, тщательно осматривает каменистую дорогу, осторожно входит в ручей или реку.

На узких горных тропинках она вся дрожит, так как знает, что должна надеяться лишь на свои ноги и не может ни обо что опереться. Молнии очень боится и в грозу дрожит и потеет. Если одна лошадь бросается в бегство, то другая, испуганная, может удержать ее; обыкновенно же испуг овладевает и другой, и обе мчатся под влиянием все возрастающего страха, бешено летят через все, что попадает на пути к дому, и останавливаются лишь на дворе или у стены. Сколько несчастий прямо или косвенно в подобных случаях причиняет это животное, которое обыкновенно так разумно, послушно и благонравно, которое повинуется хозяину, работнику, женщине, девушке — словом, каждому, кто с ним хорошо обращается!

Лошадь, как дитя, может удивляться, смущаться, пугаться от незначительных обстоятельств, но ее легко можно вывести из заблуждения и благодаря ее уму нетрудно познакомить с новыми предметами. Ясно, что ум ее может помутиться, как у человека, что она может сойти с ума. Не одна лошадь была уже безвозвратно испорчена грубым обращением, руганью и побоями конюхов, была лишена всех своих ценных внутренних качеств и сделалась совершенно глупой и сумасшедшей. Напротив, хорошее обращение облагораживает лошадь, высоко ставит ее и делает полуволком.

У лошади есть одно лишь истинное удовольствие — скачка. Она от природы странник. Только ради удовольствия пасущиеся лошади в русских степях скачут, галопом следуют по целым часам за повозкой, уходят даже на расстояние дневного пути с уверенностью, что найдут длинный обратный путь. На пастбищах они весело резвятся, бьют передними и задними ногами и делают разные шалости, скачут вместе, кусают друг друга. Есть такие задорные, которые постоянно дразнят других. Молодые дразнят даже людей. Это замечательный факт! Животное, которое пытается играть с человеком, должно ведь чувствовать себя близким к нему, почти видеть в нем себе подобного!

Жеребец — страшное животное. Его сила громадна, его мужество непомерно, его глаза мечут огонь. Кобыла гораздо тише, добродушнее, послушнее, уступчивее; поэтому ее часто и предпочитают жеребцу. Лошадь способна ко всяким чувствам. Она любит и ненавидит, бывает завистливой и мстительной, коварной и т. д. Ни одна лошадь не похожа на другую. Одна зла и любит

кусаться, другая доверчива и кротка. Или природа, или воспитание, или и то и другое вместе сделали их различными.

Как различна судьба лошадей! Жребий большинства их таков, что в молодости их любят и кормят овсом, в старости заставляют возить тяжести и дают жесткую траву, бьют и презирают. Многих коней оплакивали люди и справедливо воздвигали им мраморные памятники. У них есть детство для игр, молодость для щегольства, зрелый возраст для работы, наконец наступает возраст, в котором они становятся более вялыми и слабыми; они цветут, созревают и увядают!»

Кулан, или джигетай (*Equus hemionus*), описан Палласом, который открыл его, следующим образом: «Этих джигетаев нельзя,

собственно, называть ни лошадьми, ни осликами. По своему внешнему виду они представляют нечто среднее между теми и другими. Кулан имеет некоторые прекрасные статьи, которые ставят его гораздо выше осла. Крайне легкое тело, тонкие конечности, дикий и быстрый взгляд и прекрасный цвет волос — вот его преимущества. Стоячие уши, имеющие более красивую форму, чем у мула, тоже не безобразят его. Таким образом, можно было бы и не обращать внимания на то, что его голова несколько тяжела, а маленькие копыта имеют такую же

Кулан
(*Equus hemionus*)

форму, как у осла. Его обезображивают только прямая острая спина и некрасивый коровий хвост, такой же, как у осла. Он несколько больше ростом, чем маленькая порода мулов, и почти равен клепперу. Форма головы тяжелая, грудь велика, снизу угловата и несколько сдавлена. Спинной хребет не вогнут и не округлен, как у лошади, и не так прям и угловат, как у осла, а плоско выгнут кнаружи, и хребет образует тупой угол. Уши длиннее, чем у лошади, но короче, чем у обыкновенных мулов. Грива

короткая и стоит дыбом, совершенно как у осла; хвост и копыта также сходны с ослиными. Грудь и плечи узки и далеко не так мясисты, как у лошадей, задняя часть также худощава, конечности же чрезвычайно легкие и тонкие и притом довольно высокие. Масти кулан светлой желто-бурой, нос и внутренняя сторона ног — чало-желтоватые, грива и хвост черноваты, а вдоль спинного хребта пробегает изящная полоска в виде черно-бурого ремня, который расширяется на крестце и снова суживается к хвосту»*.

С этими данными согласно описание Радде, но оно во многих отношениях дополняет их. Зимой волосы достигают длины 2 — 5 см и кажутся в это время косматыми и мягкими, как верблюжья шерсть; кончики их серебристо-серые, у корня они бледного железно-серого цвета; летом волосы немного длиннее 1 см и имеют несколько более светлый желтовато-рыжий цвет с серым налетом; на морде, более чем на треть ее длины — от рта до внутреннего угла глаза, и желобок между ветвями нижней челюсти становятся постепенно светлее, переходя в почти чистый белый цвет, между тем как нижняя сторона лишь между передними ногами переходит в не совсем чистый белый цвет. Полоска по средней линии спины, окрашенная в темно-бурый цвет, переходящий в желтый и серый, к середине спины суживается от ширины пальца до ширины менее 1 см, затем быстро расширяется, на крестце достигает в поперечнике 3 пальцев, сохраняет эту ширину на всем протяжении таза, потом очень быстро суживается и пробегает по спинной стороне хвоста в виде тонкой продольной полоски; она всюду резко отделяется от цвета тела. По бокам тела лишь в паху окраска становится светлее. На ногах цвет тоже постепенно переходит в более светлый по направлению сверху вниз; полоса бурых длинных волос шириной в палец окружает все основание копыта и на передней стороне ноги поднимается вверх, постепенно светлея. Вся длина тела равняется приблизительно 2,5 м, из них на голову приходится 50 см, на хвост без кисти — 40 см; вышина у загривка колеблется между 1,3 и 1,5 м; А. Вальтер определил, однако, в 1887 году высоту в плечах одного большого, совершенно взрослого жеребца лишь в 1,11 м.

До новейшего времени источником сведений о жизни кулана служило данное Палласом описание; лишь с начала 50-х годов мы получили ценные дополнения к этому первому сообщению. Более подробными сведениями мы обязаны Ходжсону, Адамсу, Хэю, Эверсману, Радде, Северцову, А. Вальтеру, Пржевальскому и А. Русинову. Я попытаюсь сопоставить в дальнейшем изложении различные данные и дать по возможности полную картину жизни этого предполагаемого прародителя осла.

Кулан — дитя степи**. Хотя он предпочитает жить около озер и рек, но не избегает и бесплодных, безводных пустынь, точно так же он не боится и гор, если только они носят степной характер, не покрыты лесом. Главным образом на основании различ-

** Величина, пропорции, окраска куланов из разных регионов очень различны.*

*** Исторический ареал куланов охватывал всю засушливую зону Азии — от Аравии, Сирии, Малой Азии и Предкавказья до Монголии, Тибета, Северо-Западной Индии.*

** Сейчас этих куланов обычно разделяют на два вида — джигетай и кианг.*

ного местонахождения пробовали различать джигетая и кулана. Считали невозможным, по крайней мере невероятным, чтобы одно и то же животное могло жить и на низменных равнинах, и на высоких горах (более 3000 м над уровнем моря). По мнению братьев Шлагинтвейт, кулан, несомненно, должен был бы погибнуть в низменности. Это ни на чем не основанное воззрение самым решительным образом опровергает Пржевальский, который видел, бесспорно, одно и то же животное пасущимся и на высоких горах северного Тибета, и на богатых лугах около Куку-Нора*. Ни разреженный воздух высоких гор, ни палящий солнечный жар летом и ледяная стужа зимой в степях, ни резкие горные вьюги, ни горячие облака песка, поднимаемые ветром в пустыне, не препятствуют распространению этого закаленного в непогодах животного. Хотя он вовсе не зависит от человека, однако один человек оказывает влияние на его распространение. Там, где бродячие пастушеские народы еще не посещали обширных пространств степей, кулан может жить, а там, где пастух со своими стадами регулярно проходит взад и вперед, он спугивает кулана. Эта дикая лошадь требует полной, ничем не стесняемой свободы. Поэтому она водится только там, где среди роскошных пастбищ расстилаются пространства настолько бедные, бесплодные и пустынные, что даже невзыскательный предшественник оседлого человека избегает их.

Уже во времена Палласа, после того как в степях была учреждена пограничная стража, в русских владениях редко видели табуны под предводительством старого жеребца, а только случайно забежавших отогнанных молодых жеребцов или отдельных кобыл. В настоящее время эти быстрые животные отеснены еще далее, но не истреблены вовсе в расширившихся за это время пределах России. Их даже можно встретить у самой границы Европы. Они живут еще теперь в значительном количестве в некоторых частях Акмолинской области, далее в степной полосе между Алтайскими горами и озером Зайсан и встречаются к востоку и югу отсюда во всех удобных местах в южной Сибири и Туркестане, хотя и не в таком большом числе, как в пустынных степях Монголии и северо-западного Китая или в горах Тибета. «В Туркменских степях, — пишет Вальтер, — кулан еще и теперь встречается на всем их протяжении в довольно значительном числе. Он удалился в нетронутые пустыни лишь из частей, оживленных Закаспийской железной дорогой и новыми военными постами. В начале постройки железной дороги часто замечали большие стада около линии в окрестностях Казанчика и между Душаком и Кара-Бендом. Теперь они, по-видимому, исчезли оттуда. Чаще встречаются они, как говорят, на бесплодных степных равнинах к северу от Атрека, а особенно их много вдоль афганской границы, как и вообще в холмистой пустыне между Тедженом и Мургабом. Так, недалеко от колодца Адам-Илень,

между Пуль-и-Хатун и Акрабатом, я встретил много их в апреле 1887 года рядом с бесчисленными стадами сайгаков»*.

Общественность составляет основную черту характера этой дикой лошади. Кулан пасется на высоких горах вместе с дикими баранами, тибетской антилопой и яком, а на низменностях вместе с сайгой. Они мирно живут также вместе с отделившимися от стада лошадьми. Русинов пишет мне, что лошади боятся куланов и удаляются от них, так как им, по-видимому, противен запах их родичей; этого не подтверждает, однако, одно собственное мое наблюдение. Когда мы 3 июня 1876 года пересекали степь около озера Зайсан, причем не раз наталкивались на куланов, мы увидели двух лошадей, стоявших на хребте длинного холма, которых признали было за диких. При нашем приближении одна из них убежала, а другая пошла прямо к нам: это была домашняя лошадь. Она, вероятно, убежала из своего стада, заблудилась в степи и за недостатком более подходящего общества присоединилась к куланам; теперь она оставила их, чтобы снова примкнуть к лошадям. Она без сопротивления позволила поймать и взнуздать себя и несколько минут спустя так равнодушно бежала рядом с нашими верховыми животными, точно никогда не пользовалась полной свободой.

Любимая пища куланов — степная полынь и одно кустообразное колючее растение, называемое баялыш, которое часто встречается именно в Голодной степи. Во время переселений эти животные, обыкновенно столь разборчивые, должны довольствоваться и другими растущими в степи травами; зимой же им приходится есть побеги тамарисков и других кустарников, хотя эта пища так мало пригодна для них и так их обессиливает, что они делаются похожими на бродячие скелеты**. При скудном корме они пасутся почти во всякое время дня, при обильном они тоже заняты едой очень долго; после заката солнца они отдыхают, однако, как уверяют киргизы, всегда лишь короткое время. Относительно времени, когда куланы спариваются и когда жеребятся, указания расходятся. В западной части области распространения первое приходится на время между серединой мая и серединой июля, последнее приблизительно месяцем раньше, так как продолжительность беременности такая же, как у лошади. Свое мнение, будто кулан в Тибете жеребится зимой, Хэй подкрепляет замечанием, что кобыла, убитая им в августе, имела почти доношенного жеребенка и что он никогда не видел летом жеребят, которым могло быть менее 6 месяцев от роду; однако это воззрение, должно быть, не совсем верно или, по крайней мере, относится к исключительным случаям. Мы поймали 3 июня жеребенка, которому, очевидно, было всего несколько дней***.

Тот, кто когда-нибудь видел куланов на их родине и на полной свободе, без колебаний назовет их высокоодаренными животными. Их движения невольно очаровывают зрителя; в восторге и

Семейство лошадиные

** В настоящее время туркменский кулан сохранился лишь в заповедниках.*

*** Осенью и зимой табунки-«гаремы» куланов объединяются в большие стада по несколько сот голов. В зависимости от обилия корма и наличия водопоев куланы совершают незначительные сезонные кочевки.*

**** Гон куланов приходится в среднем на май—июнь, жеребенок рождается через год — с апреля по июль включительно. Первые дни он лежит в укрытии. Перед родами самка уходит из табуна и возвращается обратно на второй неделе, когда детеныш окрепнет.*

** Максимальная скорость кулана заметно выше, чем у лошади, — 70—75 км/ч, но с этой скоростью животное может бежать не более нескольких минут. Крейсерская скорость, с которой куланы могут бежать многие часы, — 40—50 км/ч, что также недостижимо для лошади.*

изумлении он старается уловить взором изящные формы этих быстрых животных. «Удивительнейшее зрелище, — как вполне справедливо говорит Хэй, — представляют куланы, когда с необыкновенной быстротой взбираются на горы или ловко спускаются вниз, никогда не спотыкаясь». Куланы, которых мы преследовали, мчались по степи через холмы и долины, точно дразня нас своей быстротой и неутомимостью. Ни один всадник не может догнать их; они соперничают в быстроте с любой антилопой*. Точно так же и в искусстве лазания по горам они едва ли уступают серне или горному козлу.

Острота их чувств и духовные дарования соответствуют их физической силе. Киргизы называют их упрямыми; самоуверенность и храбрость, любопытство и отвага — вот главнейшие черты их характера. Если их не преследуют, они не спеша трусят своей дорогой и весело помахивают своими всегда подвижными хвостами; в случае же преследования они бросаются легким, изящным и очень быстрым карьером, но и тут время от времени останавливаются, все смотрят в одном направлении, прислушиваются и затем с прежней быстротой беззаботно и резво мчатся далее вперед, вытянувшись в одну линию. Обыкновенно, хотя и не всегда, они убегают, еще издали завидев человека. Одно из животных, по словам Хэя, стоит на страже по большей части на расстоянии 100—200 метров от табуна. Этот часовой, заметив угрожающую опасность, не торопясь приближается к товарищам, предупреждает их об опасности, становится во главе, и весь табун убегает или рысью, или полным галопом. Спугнутый кулан бежит всегда против ветра, поднимает на полном бегу голову и вытягивает свой длинный хвост. Жеребец должен не только собирать табун, но и заботиться также о его безопасности, он постоянно обегает его кругом и в случае опасности подает знак к бегству. Нередко он бежит рысью прямо на приближающегося охотника, и в таком случае его легко застрелить. Иногда он долго следует за всадником. «Раз, — рассказывает Хэй, — два кулана долго бежали за пони, на котором ехал верхом один из моих слуг, и настолько приближались к нему, что он даже боялся нападения с их стороны». То же сообщает Бальдвин, который на охоте должен был отгонять этих любопытных животных.

Кулан легко уходит от преследования крупных хищников. В западноазиатских степях, впрочем, и нет таких, которые преследовали бы куланов; живущие здесь волки не смеют нападать на здоровых диких лошадей, так как они прекрасно умеют защищаться своими сильными копытами. Нападению волков могут подвергнуться разве что истомленные, больные экземпляры, идущие в стороне от стада. В южных и юго-восточных частях области распространения куланов врагом их может являться тигр; но так как степи лишь местами доставляют удобное для него местопребывание, а этих мест куланы избегают, то, вероятно, и он не

причиняет им значительного вреда. Более опасным врагом оказывается человек. Кочующие степные пастухи страстно любят охоту за куланами, тем более что она требует от охотника большой ловкости. Редко удается, даже на волнистой местности, подкрасться на расстояние ружейного выстрела. Только пуля, попавшая в грудь, сваливает это сильное, выносливое животное; раненое в живот или с раздробленной ногой, оно убегает почти с такой же быстротой, как и здоровое; скрывшись наконец из глаз стрелка, оно прячется в какой-нибудь яме, умирает здесь и становится тогда добычей волков, а не охотника. Поэтому киргизы и монголы предпочитают подстергать дикую лошадь на водопое или ставить на нее петли в то время, когда самый опасный ее враг, зима, приходит на помощь человеку.

В восточной Сибири, по словам Радде, охота производится иным образом: «Охотник, намеревающийся подстеречь пугливую джигетая, выезжает рано утром на светло-рыжей лошади и направляется в горы. Тихо едет он по пустыне через горы и долины и высматривает дичь. Увидев ее издали, он старается незаметно приблизиться к ней, и тогда-то начинается настоящая охота. Своей быстроногой маленькой лошадке охотник подвязывает хвост, чтобы он не мог свободно развеяться по ветру, после ведет ее на какое-нибудь высокое место, а сам ложится на землю шагах в ста от того места, где спокойно пасется его лошадь; положенное на короткую рогатку ружье его приготовлено к выстрелу. Джигетая замечает лошадь и, приняв ее за кобылу своей породы, направляется к ней стремительным галопом. Но, подбежав на короткое расстояние, озадаченный, он останавливается и так стоит несколько мгновений. Это самая удобная минута для выстрела. Охотник целит обыкновенно прямо в грудь и нередко кладет животное на месте. Однако случается, что оно падает только после пяти всаженных в него пуль. Несмотря на тонкое чутье джигетая, его чаще всего удается подстеречь, когда он в ветреную погоду пасется в широком месте какой-нибудь долины и медленно передвигается». Туркмены вместо лошади употребляют на охоте верблюдов. «Я видел, — рассказывает Вальтер, — как сарыкские туркмены охотились на кулана с помощью верблюда. Заметив издали джигетая, охотник медленно гонит перед собой ничем не нагруженного верблюда, позволяя ему время от времени останавливаться для того, чтобы попасться; таким образом подходят они к намеченной дичи, по возможности на расстояние выстрела, при этом охотник тщательно избегает попасть под ветер, все время прячется за верблюда и направляет ствол ружья под грудью или шеей своего живого щита».

Выгода, приносимая охотой на кулана, довольно значительна. Киргизы и тунгусы высоко ценят его мясо. Первые сравнивают его с мясом лошади, вторые считают его особенным лакомством. По словам Вальтера, туркмены его тоже очень любят. Кожа

** Шагреневая кожа из одноименного знаменитого романа Оноре де Бальзака — не что иное, как выделанная особым образом (со вдавливанием зерен) шкура кулана.*

с крупа и бедер продается бухарцам, которые из нее выделывают сафьян*. Остальную кожу разрезают и сплетают для ремней и уздечек. Кожа хвоста вместе с длинной кистью волос обладает, по поверью тунгусов, целительной силой: если больному животному дать втянуть в себя дым от сожженного на углях куска этой кожи, оно наверное выздоровеет.

В последнее время в отечестве кулана сделано немало попыток приручить его, но полного успеха еще ни разу не достигнуто. Русинов сообщает, что некоторым киргизам удавалось время от времени поймать жеребят; они заставляли кобыл выкармливать и выращивать их. Маленькие дикари скоро привыкают к своим кормилицам, сосут их с таким же удовольствием, как собственных матерей, выказывают детское послушание, не покидают их даже в более зрелом возрасте, а свободно пасутся с домашними животными и держатся с ними вместе вблизи юрт. Таким образом, пока они малы и бесполезны, они возбуждают самые лучшие надежды. Однако поведение их совершенно изменяется, как только они начинают входить в полную силу. Оба кулана, которых нам показывал Русинов, пойманы были вскоре после своего рождения и выкормлены киргизскими кобылами. Первое свое лето они провели в табуне, к которому принадлежали их кормилицы, и с ними же легко пережили зиму в холодной конюшне. Очень скоро они привыкли есть сено, овес и печеный хлеб, охотно шли на зов человека и на предложенные им лакомства, позволяли даже себя гладить и только не любили, чтобы дотрагивались до их спины. Возмужав, однако, ни разу не допустили оседлать себя, но кусались, били задом и страшно бесились, когда хотели им надеть узду. Запрячь их в экипаж не было никакой возможности. С каждым годом становились они злее и неукротимее, так что наконец должны были отложить все попытки к приручению их.

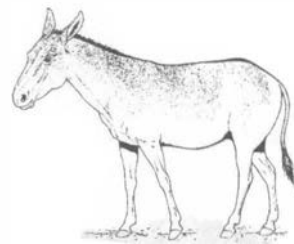
В сказаниях и рассказах киргизов куланы играют важную роль. Одно из самых древних сказаний говорит следующее: когда-то жил один киргиз, по имени Каргер-бей, который был так же богат, как и скуп. Он умер, не оставив после себя наследников. Но его богатство все-таки никому не досталось, потому что все его стада, в знак поучительного примера соотечественникам, были превращены в диких степных животных: овцы — в сайгаков, лошади — в куланов. С тех пор те и другие населяют пустыню.

Другая дикая лошадь Азии, составляющая, может быть, один вид с куланом, есть онагр древних; о нем не раз упоминается в Библии. Ксенофонт встречал много этих диких лошадей вблизи Евфрата, Страбон, Варрон и Плиний — в Малой Азии, а Марселин — в земле курдов. Склатеру, который сравнивал всех ныне живущих диких лошадей между собой, кажется более чем вероятным, что водящийся в пустыне Индии дикий осел не отличается от онагра. От Тристрама же мы знаем, что этот последний жи-

вет еще и в настоящее время не только в Месопотамии, но также и в Палестине; нередко пойманных онагров привозили и в Дамаск. Итак, область его распространения простирается от Сирии, через Аравию, Персию и Белуджистан до Индии и даже далее на юг (как говорит Стерндалль), до Гуджарата, а на восток — не далее 75 градуса восточной долготы.

Онагр (*Equus onager*) значительно меньше джигетая, однако выше ростом и тоньше сложен, чем обыкновенный осел. Голова его еще выше и больше, чем у кулана, толстые губы покрыты густыми, жесткими, щетинистыми волосами, уши довольно длинные, но все-таки короче, чем у обыкновенного осла. Преобладающий цвет шерсти этого животного — красивый белый с серебристым блеском, переходит на верхней части головы, на боках шеи и туловища и на бедрах в светло-рыжий. На плечах сбоку тянется белая полоса шириной в руку, другая полоса идет вдоль всей спины и на задней стороне бедер, посередине ее проходит узкая полоса в виде шнура кофейно-бурого цвета. Шерсть онагра еще мягче и шелковистей, чем у лошади. Зимние волосы ее можно сравнить с шерстью верблюда, летние же в высшей степени нежные и гладкие. Торчащая кверху грива состоит из мягких шелковистых волос длиной около 10 см, кисть хвоста почти в пядь длины.

По образу жизни онагр напоминает кулана. Жеребец ведет стадо, состоящее из кобыл и жеребят обоих полов, но, как кажется, жеребцы менее ревнивы, чем у родственных видов; по крайней мере, говорят, что часто во время переходов многие жеребцы соединяются вместе, однако при этом они нередко кусают друг друга. В быстроте бега онагр отнюдь не уступает джигетая. Уже Ксенофонт утверждал, что онагр далеко опережает даже самую лучшую лошадь; новейшие писатели также отдают справедливость быстроте его бега. Путешественник Портер с удивлением говорит об этой дикой лошади. В провинции Фарсе его прекрасная борзая собака погналась за каким-то диким животным, которое его проводники приняли за антилопу. Тотчас же погнались за ним полным галопом, и благодаря ловкости собаки удалось снова увидеть его. К немалому удивлению, увидели, что мнимая антилопа была на самом деле дикая лошадь. «Я решился, — говорит путешественник, — погнаться на необыкновенно быстром арабском коне вслед за этим красивым животным, но все усилия моего коня догнать его были напрасны; вдруг дикая лошадь остановилась, и это дало мне возможность посмотреть на нее вблизи. Но потом она опять пустилась бежать с быстротой молнии, прыгая, лягаясь, играя на бегу, как будто она несколько не устала и травля доставляла ей удовольствие». Внешние чувства онагра, особенно зрение, слух и обоняние, так тонки, что в открытой степи к нему совершенно невозможно подойти. Крайне умеренный, он приходит к водопою не чаще, чем через день, почему его почти

невозможно подкараулить. Самая любимая его пища — солончаковые растения; он также любит горькие травы, такие, как одуванчик, осот. Не пренебрегает он различными видами клевера, люцерной и другими бобовыми растениями. Но ему не нравятся все душистые, бальзамические, а также болотные и колючие растения, ранункулы и репейник. Соленую воду он любит более, чем пресную, но она должна быть чиста, мутной он никогда не пьет.

О времени случки и рождения детеныша ничего не известно, однако можно предполагать, что последнее бывает весной. Мясо онагра высоко ценится всеми народами, живущими в странах, где он чаще водится. Даже арабы, которые вообще очень разборчивы в пище и ни за что не станут есть ручного осла, считают мясо онагра чистым. Вероятно, то же самое было и у евреев. Мы знаем, что римляне любили лакомиться молодыми онаграми. Плиний рассказывает, что лучшие онагры водились во Фригии и Ликаонии. «Мясо жеребят этого животного было известно как лакомство: его называли *Lalisiones*. Меценат первый ввел обычай подавать на своих пирах мясо жеребят мулов вместо этой чужестранной дичи».

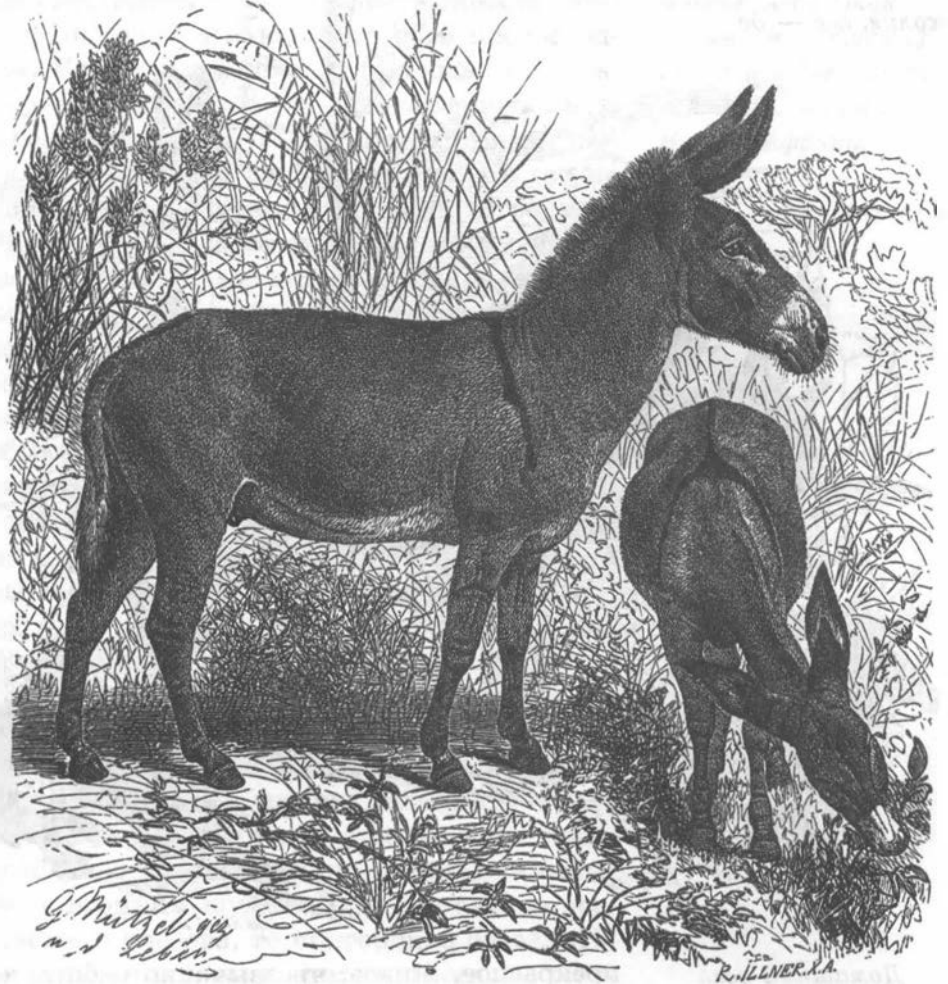
Персы употребляют не только мясо дикого осла, но и его желчь как средство против болезней глаз. Поэтому все эти народы усердно охотятся за этим благородным животным. Персы выезжают на охоту целой гурьбой, останавливаются на расстоянии 8—10 км от тропинок, где обыкновенно можно встретить диких ослов, и затем преследуют их, сменяя друг друга, до тех пор, пока они, усталые, не сделаются их добычей. Еще поступают иначе: роют ямы, покрывают их ветвями и травой и наполняют до известной высоты сеном, чтобы упавшие туда животные не повредили себе членов; затем загоняют онагров в долины, где устроены эти ямы; пойманных жеребят продают на племя за очень дорогую цену. От этих жеребят, когда они вырастут, происходят от случки с домашними ослами самые красивые и самые ловкие верховые ослы, какие только встречаются в Персии и Аравии. Они сохраняют все хорошие качества своих диких предков: красивое строение тела, бодрую осанку, быстроту бега, терпение и умеренность. Нибур говорит, что среди арабских верховых ослов есть много таких, цвет которых совершенно одинаков с цветом онагра*.

* В связи с вымиранием онагра на Ближнем Востоке такие гибриды сейчас неизвестны.

Дикий вид, от которого происходит домашний осел, живет в Африке. **Африканский дикий осел** (*Equus asinus*), от которого происходит домашний осел, встречается в двух разновидностях. Первая из них — **нубийский осел** (*Equus asinus asinus*) — походит по величине и наружному виду на своего домашнего потомка в Египте, но по нраву и образу жизни — на диких азиатских родичей. Он велик ростом, сложен стройно и красиво, светло-рыжего цвета, нижняя сторона туловища светлее; на спине ясно обозначена черная полоса, другая проходит крестообразно

по плечам, а на наружной стороне голени находится несколько более или менее ярких поперечных волос. Грива короткая и прямостоящая, кисть хвоста большая и длинная. **Сомалийский осел** (*Equus asinus somaliensis*) от нубийского осла отличается большей величиной и более длинной висящей гривой; он серого цвета, с неясной полосой на спине. Плечевого креста совсем нет, на ногах многочисленные черные поперечные полосы. Его родина — Сомали. Нубийский степной осел, который нам более известен, водится в степях верхней Нубии. Он часто встречается около Атбары, главного притока Нила, а также в равнинах земли Барка; область его распространения доходит до берегов Черного моря. Здесь он живет в таких же условиях, как джигетай и онагр. Каждый жеребец ведет стадо, состоящее из 10—15 кобыл, он его охраняет и защищает. Он очень пуглив, осторожен, так что охота на него в высшей степени трудна. От одного путешественника, который проехал путь между Красным морем и Хартумом, я узнал, что дикие ослы, так же как и лошади в Парагвае, прибегают на лагерный огонь, останавливаются за несколько сот шагов от него и

стоят как бы в изумлении; при малейшем движении в лагере они поспешно убегают, высоко подняв хвост. Говорят, они нередко уводят в свои стада ручных ослиц. Все употребляемые на юге и, вероятно, также в Абиссинии ручные ослы, как кажется, происходят от этого вида, потому что, по уверению арабов, дикие ослы так необыкновенно похожи на ручных, что можно ошибиться и не отличить их. Мне показывали ослов, которые, как уверяли, были пойманы и приручены. Я не проверял справедли-

Дикий осел
(*Equus asinus*)

Семейство лошадиные

* *Нубийский осел достигает в холке 110—120 см, весит 200—220 кг. Сомалийский осел крупнее — до 165 см в холке, вес — до*

восьть этих слов. Могут только сказать, что эти ослы отличались от других лишь немного более гордой осанкой и большей выносливостью*. Полосатые ноги этого животного, в особенности сомалийского осла, — достойный внимания признак. Они показывают, что осел является переходом от своих азиатских сородичей к зебрам.

Домашний осел. Степного нубийского осла приручали уже в древние времена; пойманные дикие животные употреблялись для облагораживания ослиной расы. Древние римляне тратили большие суммы на это облагораживание, а арабы до сих пор занимают с этим.

Если сравнить осла, который в западной Европе везет мешки на мельницу или тележку с молоком, с его южными собратьями, то можно легко принять их за различные виды — так мало сходства между ними. Северный осел, как известно, ленивое, упрямое, часто строптивое животное, которое обыкновенно, хотя и несправедливо, считается олицетворением глупости и простоты; южный же осел, особенно египетский, —

Домашний осел

250 кг. Грива у сомалийского осла хотя и длинная, но не висящая, а окраска не серая, а светло-бежевая.

прекрасное, живое, чрезвычайно работающее и терпеливое существо, которое в исполнении своей работы не только не уступает лошади, но даже во многих отношениях превосходит ее. Зато о нем заботятся гораздо больше, чем о европейском осле. Во многих восточных странах так же стараются сохранить чистоту ослиных пород, как и самых кровных лошадиных; для этого ослов кормят очень хорошо, не мучают в молодости и за это могут требовать от взрослых услуг, которых был бы не в состоянии оказать наш осел.

Совершенно правы те, которые прилагают много стараний к делу разведения ослов, потому что на Юге это домашнее животное в полном смысле слова; его можно встретить как во дворцах богачей, так и в хижинах бедняков; он самый необходимый слуга для жителей Юга. Уже в Греции и Испании попадаются очень красивые ослы, хотя они еще далеко уступают ослам восточных стран, особенно тем, которые употребляются в Персии, Туркмении и Египте*. Греческий и испанский ослы по величине равняются маленькому мулу; их шерсть гладкая и мягкая, грива довольно длинная, кисть хвоста очень длинная; уши также длинные, но красивой формы, глаза блестящие. Большая выносливость, легкий, скорый шаг и мягкий галоп делают этого осла превосходным для верховой езды. Некоторые имеют от природы иноходь, как, например, самые крупные из всех когда-либо виденных мною ослов, так называемые ослы испанских угольщиков, которые главным образом служат для того, чтобы доставлять уголь с гор на юг. Кроме ослов большого роста в Греции и Испании встречаются менее крупные, но они все-таки более стройные и красивые и покрыты более красивой шерстью, чем наши домашние ослы.

Но арабские ослы, особенно те, которых разводят в Йемене, еще красивее этих прекрасных животных. Здесь существует два сорта ослов: одни большие ростом, смелые, проворные, крайне пригодные для верховой езды, другие меньше ростом, более слабые, употребляемые обыкновенно для переноски тяжестей. Первые произошли, вероятно, от скрещивания с онагром и его потомками. Подобные же породы встречаются в Персии и Египте, где платят очень дорого за хорошего осла. Пригодный для верховой езды осел там стоит выше в цене, чем посредственная лошадь.

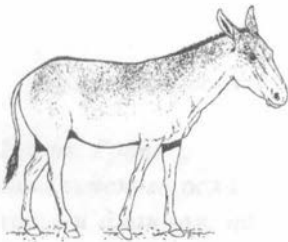
Ослы лучшей породы встречаются только у самых знатных людей в стране. Такой осел бывает ростом с обыкновенного мула и, начиная с длинных ушей, так на него похож, что их трудно различить. Стройное телосложение и гладкая, мягкая шерсть составляют его отличительные особенности. Обыкновенный осел, который есть у всякого жителя страны, средней величины, но тем не менее очень прилежен, крайне умерен в пище и очень терпелив. Ночью он получает свою главную пищу — твердые бобы, которые он раздробляет с громким шумом; днем же ему по временам дают то пучок свежего клевера, то пригоршню бобов. «Не может быть животного лучше и полезнее, чем этот осел, — говорит Богумил Гольц. — Рослый мужчина может сесть на осла, который бывает часто не более шестинедельного теленка, и несется на нем в галоп. Эти, по-видимому, слабые животные идут превосходной иноходью. Но мне кажется просто сверхъестественным, откуда они берут силы носить на себе целыми часами рысью и даже галопом взрослого человека по самой сильной жаре: это уже переходит в область тех ослиных тайн, которые не нашли еще автора, разгадавшего их». Верховому ослу коротко стригут

** Наиболее мелки и неказисты как раз «восточные» беспородные ослы (так называемые ишаки) Средней и Центральной Азии, Ирана, Индии, Африки.*

** Одичавшие ослы в некоторых районах Ближнего Востока и Средней Азии заняли экологическую нишу вымерших здесь куланов и онагров.*

*** Имеются в виду, конечно, домашние ослы. Больше всего ослов в Китае; в Латинской же Америке гораздо более распространены мулы.*

шерсть на всем теле, кроме бедер, где ее оставляют длинной, но вырезают там разные линии и фигуры, так что это придает животному совершенно особенный вид.

В древние времена одичавшие ослы встречались на некоторых островах Греческого архипелага и на острове Сардиния; в настоящее время они еще попадаются в Южной Америке*. Такие ослы, избежавшие человеческого влияния, принимают в скором времени нравы своих диких предков. Жеребец составляет себе стадо и борется за него с другими не на жизнь, а на смерть; он чуток, осторожен, бдителен и нелегко покоряется опять воле человека. В Южной Америке такие дикие ослы встречались в прежнее время чаще, теперь же они почти совсем исчезли.

Восточная часть Индостана и Средней Азии, северная и восточная Африка, южная и средняя Европа и, наконец, Южная Америка — все это страны, в которых больше всего ослов**. Чем суше страна, тем ослы в ней лучше. Сырость и холод осел менее переносит, чем лошадь. Поэтому в Персии, Сирии, Египте и южной Европе находятся самые лучшие ослы, в средней Африке и в средней Европе, составляющих границу области их распространения, — самые плохие. Правда, в средней Европе и во внутренней части Африки осел находится большей частью в пренебрежении, тогда как в странах северной Африки и в Азии, по крайней мере, стараются его облагородить через скрещивание. Испанец, например, украшает своего осла различными кистями и бантами, пестрыми лентами, красивыми чепраками и утверждает, что его осел гордится своими украшениями и что внимание хозяина доставляет ему удовольствие. Тем не менее он обращается со своим четвероногим слугой очень дурно, заставляет его голодать, много работать и бьет его самым безжалостным образом. То же самое бывает и в большей части стран Южной Америки. «В Перу, — пишет мне Гаскарль, — осел самое жалкое существо; там он всеобщее вьючное животное. Он должен таскать на себе камни и бревна для постройки дома, воду для хозяйства и другие тяжести одним словом, все то, что нужно человеку, но чего он, по своей лени, не хочет сам носить; при этом полновесный цамбо (помесь индейца и негра) садится сзади и безжалостно бьет бедное животное. Два всадника на одном осле также не редкость».

Нигде, как кажется, ослы так часто не употребляются для верховой езды, как в Египте. Здесь в больших городах эти покладистые животные совершенно необходимы для удобства жизни. Их нанимают так же, как мы нанимаем кареты, и совсем не считается стыдом пользоваться ими. При тесноте улиц некоторых городов они одни умеют сокращать и облегчать дорогу. В Каире их можно видеть везде среди непрерывного людского потока, теснящегося по улицам. Погонщики ослов в Каире образуют особое сословие, настоящую касту; они способствуют характерности города так же, как минареты и пальмы. Они необходимы как ту-

земцам, так и иностранцам; никто не может приносить так много пользы и в то же время никто не умеет так досадить, как эти погонщики. «Настоящая потеха и вместе с тем настоящее мучение, — говорит Богумил Гольц, — иметь дело с погонщиками ослов. Невозможно понять, добры они или злы, строптивы или услужливы, ленивы или расторопны, лукавы или наглы; они представляют собой смесь всевозможных качеств. Путешественник встречает их, как только он высадится на берег в Александрии. С восхода и до заката солнца стоят они со своими животными на всякой площади. Прибытие парохода — целое событие для них: тут они стараются овладеть несведущим и, по их мнению, глупым иностранцем. Они сначала заговорят с новоприезжим на трех или четырех языках, и горе ему, если он станет говорить по-английски: тотчас же из-за него возникает драка между погонщиками; это продолжается до тех пор, пока он не сделает лучшего, что только он может сделать, а именно не взлезет на первого попавшегося осла и не велит везти себя в какую-либо гостиницу». Такими они кажутся сначала; но только тот, кто знает арабский язык и может вместо тарабарщины, составляющей смесь из трех-четырех языков, говорить с ними на их языке, узнает их хорошо.

«Посмотри, господин, на этого осла, которого я тебе предлагаю; ведь это настоящий паровоз! Сравни его с теми, которых выхваляют тебе другие погонщики. Они развалятся под тобой, потому что это жалкие создания, а ты сильный человек! Но мой осел! Он побежит под тобой, как газель». «Вот кахирина осел, — говорит другой, — его дед был самец газели, а прамасть — дикая лошадь. Эй ты, кахиринаец, побеги и докажи господину, что я говорю правду! Не посрами своих родителей, иди с Богом, моя газель, моя ласточка!» Третий хочет превзойти обоих, называя своего осла Бисмарком, Мольтке и т. п., и это продолжается в том же роде до тех пор, пока путешественник не сядет на одного из ослов. Тогда погонщик начинает дергать, толкать, бить осла или колоть его заостренной на конце палкой, только после этого животное пускается галопом; сзади же бежит сам погонщик, крича, понукая осла, ободряя его, болтая и надрывая свои легкие так же, как осел, бегущий перед ним. Так мчатся они по улицам между животными и всадниками, между уличными повозками, навьюченными верблюдами, экипажами и пешеходами, и осел ни на одно мгновение не теряет своей бодрости, но скачет очень приятным галопом до цели путешествия. Каир — это высшая школа ослов. Только там можно узнать и научиться ценить, уважать и любить это прекрасное животное.

К обыкновенному европейскому ослу можно вполне применить слова Окена: «Домашний осел так опустился вследствие постоянно дурного с ним обращения, что он теперь почти не похож на своих прародителей. Он отличается от них не только го-

раздо меньшим ростом, но и цветом шерсти, которая у него более бледного серо-пепельного цвета; уши его тоже длиннее и более дряблые, чем у дикого осла. Бдительность перешла у него в упрямство, проворство — в медленность, живость — в леность, ум — в тупость, любовь к свободе — в терпение, мужество — в равнодушные к побоям».

Походка осла необыкновенно тверда. Только иногда он вдруг ни за что не хочет сойти с места, а иногда же, напротив того, вдруг пускается вскачь. Всегда следует смотреть на его уши, потому что он постоянно ими двигает и выражает посредством их, как и лошадь, свои чувства и намерения. Он не обращает внимания на побои и из-за них не ускоряет шага, что указывает частью на его упрямство, частью на толщину его кожи. Очень хорошо знает своего хозяина, но не может быть и речи о том, чтобы он так привязался к нему, как лошадь. Однако подбегает к нему и выказывает некоторую радость. Замечательно то, что осел заранее чувствует изменение погоды: перед дурной погодой печально свешивает голову или же весело прыгает, если будет вёдро.

Все внешние чувства ручного осла хорошо развиты. Выше всего стоит слух, за ним следует зрение, а потом обоняние; осязание его очень слабо, вкус также не особенно развит, потому что иначе он бы, наверное, был требовательнее и жаднее, чем лошадь. Его умственные способности, как говорит Шейтлин, не так ничтожны, как обыкновенно думают. Он обладает превосходной памятью и всегда найдет дорогу, по которой раз прошел. Хотя он кажется глупым, но иногда бывает очень хитер и лукав, и он совсем не так добродушен, как обыкновенно полагают. По временам он даже выказывает ужасное коварство. Иногда вдруг останавливается посреди дороги, и тогда его даже побоями нельзя заставить двинуться с места; иногда бросается вместе со своей ношей на землю, кусается и брыкается. Многие думают, что причиной тому его тонкий слух, что его пугает и оглушает всякий шум, хотя, вообще говоря, он не труслив, а только капризен. Если ему завяжут глаза, то он останавливается на месте; то же самое бывает, если ему закроют или заткнут уши; только когда он может владеть всеми своими чувствами, он продолжает путь.

Осел довольствуется самой плохой пищей и самым скудным кормом. Трава и сено, до которых ни одна порядочная корова не дотронется и которыми пренебрегает лошадь, для него составляют лакомство; он даже предпочитает чертополох, колючие кустарники и травы. Но он очень разборчив в питье: ни за что не станет пить мутной воды; она может быть солоня, но непременно чиста. В пустынях часто не знают, что делать с ослом, потому что, несмотря на сильную жажду, он не хочет пить мутной воды из кожаных мехов.

У нас время случки ослов бывает в последние весенние и первые летние месяцы, на Юге же продолжается целый год.

Через 11 месяцев после случки (обыкновенно принимают время в 290 дней) ослица жеребится одним, очень редко двумя совершенно развитыми, зрячими детенышами, облизывает их с большой нежностью и дает им уже через полчаса после рождения свое вымя. Через 5 — 6 месяцев осленок может быть отнят от матери, но он еще долгое время всюду следует за нею. Даже в самой ранней юности осел не требует никаких особенных забот и попечения; он довольствуется, так же как и взрослые ослы, всякой пищей, которую ему дадут. Он малочувствителен к переменам погоды и потому редко хворает. Это очень живое, резвое животное, выражающее свою шаловливость и внутреннее душевное довольство забавными прыжками и движениями. Он радостно встречает всякого осла, а также привыкает и к человеку. Когда его хотят разлучить с маткой, то встречают сопротивление с обеих сторон; если же это сопротивление не поможет, то оба выражают свое горе и тоску тем, что испускают по целым дням жалобные крики или, по крайней мере, выказывают сильное беспокойство. Мать мужественно защищает свое детище, когда ему грозит опасность, и даже иногда жертвует собой для него; она даже готова идти в огонь и в воду, чтобы только защитить своего осленка. Уже на втором году жизни осел достигает полного роста; но только на третьем году входит в силу. Несмотря на то что ослы должны много работать, они живут довольно долго. Были случаи, что ослы жили 40—50 лет.

Уже с древних времен случали лошадь и осла и через такое скрещивание получали помеси, которые называются мулами, если отец — осел, и лошаками, если мать — ослица. Как те, так и другие по своему наружному виду похожи более на мать, но нрав свой более наследуют от отца*.

Один древний латинский писатель рассказывает, что Каракалла в Риме в 211 году нашего летосчисления выпускал на арену вместе с тиграми, слонами и носорогами также и «гиппотигров». Едва ли можно сомневаться в том, что этот писатель под именем «гиппотигры», то есть «тигровые лошади», подразумевает один из видов зебры — африканской полосатой лошади. Теперь различают пять видов полосатых диких лошадей; вопрос, справедливо ли это разделение на отдельные виды, должен пока остаться нерешенным**.

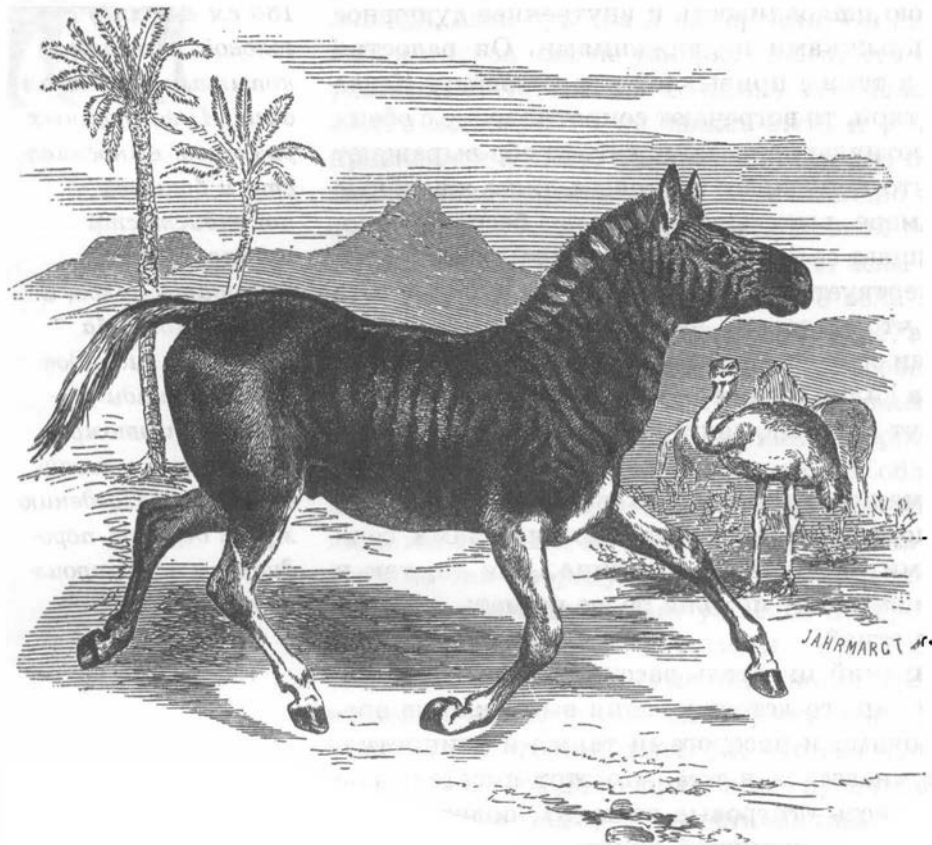
Квагга (*Equus quagga*) походит своим внешним видом и строением тела более на лошадь, чем на осла. Туловище ее стройное, голова небольшая и красивая; уши короткие, ноги сильные. Вдоль всей шеи поднимается короткая и прямостоячая грива. Покрытый с самого основания волосами хвост длиннее, чем у прочих полосатых лошадей, но короче, чем у лошади. Шерстью квагга походит на лошадь; волосы короткие и плотно прилегают к телу. Главный цвет шерсти гнедой, на голове более темный; на спине, крестце и на боках — светлее; живот, внутренние стороны

** Лошак невелик, имеет лошадиную голову, хвост и голос, очень своенравен. Мул же — скорее лошадь (до 160 см в холке) с головой, хвостом, копытами и голосом осла. Из-за крупных размеров, выносливости и большей покладистости предпочитают разводить мулов, а не лошаков. Оба варианта гибридов осла и лошади бесплодны, поэтому в специальных хозяйствах по разведению мулов держат породистых ослов-производителей.*

*** Сейчас выделяют 4 вида зебр, один из них истреблен человеком. Большинство зебр относят к подроду *Hippotigris* — буквально «лошадетигр».*

Семейство лошадиные

* Квагга многочисленными стадами некогда населяла Южную и Юго-Западную Африку. В природе последние

Квагга
(*Equus quagga*)

табуны квагг были перебиты в 1878 г. Существовало несколько типов окраски квагг. Брем описывает вариант, считающийся сейчас классическим.

бедер и волосы — чисто-белые. По голове, шее и плечам тянутся беловато-серые, впадающие в рыжий цвет полосы; на лбу и висках они расположены вдоль и очень часты, на щеках же идут поперек и довольно далеко отстоят друг от друга; между глазами и ртом они образуют треугольник. На шее насчитывают до десяти таких полос, которые видны и в гриве, на плечах — до четырех и на всем туловище еще несколько полос, которые к заду становятся все бледнее. Вдоль всей спины до самого хвоста тянется черно-бурая полоса, окаймленная рыжевато-серым. Уши с внутренней стороны покрыты белыми волосами, снаружи они желтовато-белые, окаймленные темно-коричневой полоской*.

Самки и самцы очень похожи друг на друга; только самка немного меньше ростом, и хвост у нее короче. Взрослый самец достигает 2 м, с хвостом — 2,6 м длины; высота его у загривка — около 1,3 м.

Саванная, или бурчеллова, зебра (*Equus burchelli*), бесспорно, самое благородное животное этой группы, так как видом своим больше всего напоминает коня; она почти

такого же роста, как квагга. Длина ее — 2 м, высота холки — 1,3 м. Туловище круглое, с очень выгнутым затылком; ноги крепкие, грива поднимается в виде гребня на 13 см высоты, хвост, как у квагги, или, лучше сказать, как у лошади, почти до корня покрыт волосами и довольно длинен; уши узкие и не очень длинные. Мягкая, гладко лежащая шерсть наверху светло-рыжего цвета, внизу — белая. Четырнадцать узких черных полос тянутся вверх по всей лицевой части, начиная с ноздрей. Семь из них уклоняются в сторону и соединяются с таким же числом полос, идущих сверху вниз. Остальные тянутся вкось по щекам и соединяются с полосами на нижней челюсти; глаза окаймлены темным кольцом. По середине спины идет темная полоса с белой каймой. По

шее тянутся десять широких черных, иногда раздвоенных полос, между которыми виднеются узкие бурые полосы. Последняя полоса раздваивается книзу и соединяется с тремя-четырьмя другими полосками. Такие же полосы идут кругом всего туловища, но редко видны на ногах, которые чисто-белого цвета; однако существует так много отступлений, что нельзя еще составить общего правила на этот счет. У зебры восточно-африканского побережья полосы, окаймленные желтым, шире, чем у южных видов.

У зебры Чапмана (*Equus burchelli chapmani*) ноги покрыты полосами до самых копыт, но и тут встречаются исключения. Цвет шерсти колеблется между желтым с шоколадными полосами и белым с почти черными полосами. Этот вид, как уже заметил Бюклей, почти ничем не отличается от бурчелловой зебры.

Горная зебра (*Equus zebra*) почти такой же величины, как саванная, но отличается от нее тем, что все ее тело покрыто полосами. При более тщательном исследовании выступают еще другие отличительные признаки. По телосложению она менее походит на лошадь, чем на

осла, и преимущественно на джигетая. Туловище ее полное и сильное; ноги стройные, шея изогнутая, голова короткая, морда толстая, хвост не очень длинный, покрыт короткими, только на конце удлиняющимися волосами, так что похож на ослиный; грива густая, но очень короткая. По белому или желтоватому фону тянутся от самой морды до копыт косые блестящего черного или рыжевато-бурого цвета; только задняя часть брюха и внутренняя сторона бедер не покрыты полосами. Вдоль спины видна темно-бурая полоса, другая тянется вдоль брюха*.

Наконец, зебра Гревя (*Equus grevyi*) может считаться ближайшим родичем саванной зебры, однако полосы у нее гораздо многочисленнее и уже.

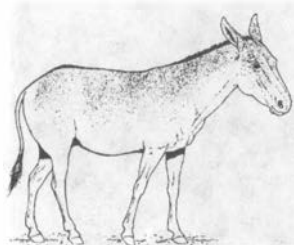
* Особое устройство копыт помогает этой зебре без труда двигаться по каменистому грунту. Два подвида распространены в горах

Саванная, или бурчеллова, зебра
(*Equus burchelli*)

Южной и Юго-Западной Африки. В середине XX века горных зебр только в Намибии было 50—75 тыс., сейчас в природе сохранилось около 8 тыс. особей.

Семейство лошадиные

** Зебра Гриви была открыта в 1882 г. и названа в честь тогдашнего президента Франции Жюль Гриви.*

*** Как и у других лошадей, у зебр бывают табунки «гаремного» типа (5—15 особей), объединяющиеся в стада при кочевках. Жеребцы подтверждают свой ранг и статус «семьянина» периодически жестокими стычками с претендентами. У зебры Гриви между взрослыми особями не существует стойких семейных привязанностей: жеребцы территориальны и привязаны к местности, кобылы с жеребятами широко кочуют.*

Европейцы, вероятно, познакомились прежде всего с зебркой. Нельзя сказать с полной достоверностью, что убитая Каракаллоу зебра принадлежала именно к этому виду, так как описание ее не совсем точно*. Также позднейший наблюдатель Цилосторг, писавший около 425 года о больших, диких и пятнистых ослах, дает весьма недостаточное описание этого дикого животного. Первые более подробные сведения имеем мы от тех португальцев, которые после своего переселения в восточную Африку впервые познакомились с зебркой. В 1666 году первая настоящая зебра была привезена в Каир одним посланцем из Эфиопии в подарок султану. О жизни зебр на свободе читаем мы позднее у Кольбе, Шпаррмана, Левальяна, Лихтенштейна, Буршеля, Гарриса и Бема, а в новейшее время многие наблюдатели, начиная с Кювье, доставили нам сведения о жизни его в неволе.

Область распространения всех столь схожих видов этого семейства различна, но до сих пор еще не совсем точно разграничена; очень вероятно, что тут встречаются и некоторые ошибки, тем более что различные виды еще не вполне определены. Настоящая родина зебр — восточная Африка. В ближайших к экватору странах западной Африки и во всей области Конго, за исключением ее отдаленнейшей юго-восточной части, они не встречаются вовсе. На северо-востоке их область распространения ограничена 10 и 5 градусами северной широты, а на западе — течением Нила. «Они не встречаются, — говорит В. Юнкер, — далее 33—34 градуса восточной долготы; я видел тигровых лошадей только южнее озера Виктория».

Зебры живут обществами от 10 до 30 голов; говорят, что их часто встречали стадами в 100 голов и более; но тогда они, вероятно, собирались для переселения в другие местности**. Каждый вид, как замечают, живет отдельно. Может быть, зебры боятся своих близких родичей, других же животных они не чуждаются. Почти все наблюдатели единогласно утверждают, что среди стад квагг почти постоянно встречаются антилопы гну и страусы и даже буйволы. Говорят, что страусы — постоянные спутники диких лошадей, вероятно, потому, что последние умеют из бдительности и осторожности этих птиц-великанов извлекать для себя величайшую пользу. По наблюдению Гарриса, квагги часто соединяются с полосатым гну, а обыкновенная квагга — с обыкновенным гну; можно сказать, что вышеупомянутые животные друг без друга чувствуют себя неловко. Подобная дружба некоторых животных с более пугливыми и умными, чем они сами, вовсе не редкость. В таких случаях самые осторожные члены подобных смешанных стад руководят всем обществом. Пока они спокойны, все стадо ни о чем больше не заботится, как о добывании пищи и приятном препровождении времени; когда они начинают выражать беспокойство, все стадо становится настороже; когда же они пустятся бежать — все общество бежит за ними без оглядки.

Все зебры — необыкновенно быстрые, подвижные, бдительные и пугливые животные. Они носятся с быстротою ветра как по равнине, так и по горам*.

Всаднику на хорошей лошади нетрудно догнать сомкнувшийся тесными рядами табун зебр, между тем как самый быстрый ездок не догонит одиноко скачущую пеструю лошадь. Рассказывают, что молодые квагги охотно дают себя поймать, если охотнику удастся вскочить в середину стада и отделить их от матерей; тогда они добровольно следуют за лошадей, как прежде за собственной матерью. Вообще между зебрами и домашними конями, по-видимому, существует известная дружба; по крайней мере, квагги часто присоединяются к коням путешественников и спокойно пасутся среди них.

О жизни зебр в восточной Африке сообщает нам Бем, который часто их встречал табунами в сто голов и более. «Они наносят иногда большой вред полям, особенно просыным. Встречаются преимущественно в степях, однако днем их часто можно видеть в редких лесах, где они, спасаясь от солнца и оводов, стоят, тесно прижавшись друг к другу. Особенно часто находят там пары во время течки. Вечером, при закате солнца, эти животные выступают одно за другим длинными вереницами из леса в степь. Точно так же лошади спускаются вечером на водопой под предводительством сторожевого жеребца. В их сообществе встречаются также ибисы, буйволы, антилопы, которые тогда служат сторожами не очень бдительным зебрам, между тем как буйволы со своей стороны полагаются на бдительность зебр. Последние совсем не пугливы и при приближении охотника только медленно удаляются от него; и вообще если в открытом месте с ними нет антилоп, то подкрасться к ним довольно легко. Тогда они весело скачут по всей степи. Впрочем, они живучи, и нелегко подстрелить их. Ржание издали удивительно похоже на лай целой своры собак. Мясо только что убитого животного приторно и сладковато, но вообще оно недурно на вкус. Они часто попадают в когти льву. В июле и сентябре мы видели часто жеребят; а в середине октября была убита однажды кобыла с вполне выношенным жеребенком»**.

Все вышесказанное относится к кваггам и другим родственным видам. Совершенно иначе живут настоящие зебры. По словам Гарриса, они держатся исключительно горных стран, добровольно не спускаются в равнины и никогда не смешиваются со своими родичами. На горах зебра выбирает самые дикие и отдаленные местности и, кроме того, обыкновенно ставит сторожа на выступ скалы, откуда удобнее всего обозреть всю окрестность. При малейшей тревоге все пестрое стадо пускается в бегство и несется вдоль крутых обрывов, мимо зияющих пропастей с такой быстротой, проворством и уверенностью, что человек не может следовать за ними, и охотнику редко удается убить из своего

* Скорость зебр достигает 50—60 км/ч.

** Сезон размножения у зебр привязан к сезону дождей, вес родившегося жеребенка — 30 кг. Зебры становятся половозрелыми раньше других лошадиных — в 2 года, живут до 30—35 лет, в среднем 20 лет.

Семейство лошадиные

* *Голос саванных зебр напоминает двухсложный лай, но ему предшествует еще один звук (не-что вроде сипения) на вдохе, такой же, как у осла, перед очередной «руладой».*

** *Зебра — основная дичь после гну для львов, гиен, гиеновых собак. Изредка на зебр нападают леопарды, совсем редко — гепарды. Зебра может дать эффективный отпор хищнику (особенно жеребцы, буквально убивающие гиен), но обычно спасается бегством. Полосатая окраска не служит камуфляжем, как предполагали ранее, а сбивает с толку нападающего хищника. Полосы мельтешат перед глазами, зрительно разбивают корпус копытных и мешают следить за выбранной жертвой в суматохе. Другая функция окраски — опознавание членами группы.*

дальнострельного ружья хоть одно из этих горделивых животных. Справедливее будет, впрочем, сказать, что зебры живут не исключительно на гористых местностях, а только предпочитают их; точно так же и пестрых квагг можно встретить как на горах, так и на равнинах.

Относительно пищи полосатые лошади не очень прихотливы, однако им далеко до неприязнательности осла. Родина доставляет им все необходимое для жизни, а когда корм в одном месте уничтожен, они отыскивают себе новые благоприятные места. Когда засуха уничтожила всю зелень в тех степных пространствах, которые составляют их любимое местопребывание, они предпринимают, подобно всем животным, живущим стадами в южной Африке, временные путешествия. Замечено, что они в это время в сообществе с различными видами антилоп посещают обработанные земли и причиняют жителям большой убыток. Но с наступлением дождливого времени добровольно оставляют населенные места, где подвергаются стольким неприятностям или, по крайней мере, беспокойствам, и возвращаются на свои старые пастбища.

Голос полосатых коней так же мало напоминает ржание лошади, как и крик осла. По описанию Кювье, квагга до 20 раз подряд испускает слог «оа-оа»; другие же путешественники утверждают, что она кричит: «Ква-ква» или «Квага», и таким образом объясняют происхождение готтентотского названия этого животного; о голосе зебр я не имею никаких сведений и со своей стороны могу сказать только, что никогда не слышал, чтобы они кричали или ржали*.

Все внешние чувства зебр очень развиты. Уши чувствительны к малейшему шуму, и глаза редко ошибаются. В умственном отношении почти все равны между собою. Всем свойственны необузданное стремление к свободе, своеволие, некоторая доля дикости, иногда коварство и большое мужество. От нападений хищных зверей они храбро защищаются копытами и зубами**. Гиены благоразумно держатся от них в стороне. Вероятнее всего, один только могучий лев успешно справляется с зеброй; дерзкий леопард нападает только на самых слабых. Злейшим врагом полосатой лошади опять-таки является человек. Трудность охоты на этих животных и красота их меха, для которого находят разнообразное употребление, побуждают европейцев к преследованию этих в сущности безобидных животных. Многие колонисты южной Африки страстно за ними охотятся, но и абиссинцы, кажется, не менее усердно их преследуют, так как их знатные люди любят украшать шею своих лошадей бахромой, составленной из пестрой гривы этих диких родичей коня. Европейцы убивают зебр пулями, туземцы — метательными копьями; но чаще всего попадают эти красивые звери в западни, где их убивают без труда или берут в неволю. Туземцы ценят только убитых животных, так как мясо

их они считают лакомством, и, по словам ГARRИСА, даже иногда оспаривают у льва остатки им убитых зебр.

Зебр несправедливо считали неукротимыми. Ничья твердая рука не бралась еще до сих пор за приручение этих чудных животных, никто не стремился серьезно к достижению этой цели. Некоторые отдельные попытки удались, другие оказались безуспешными. Квагг несколько раз удавалось приучить возить экипажи и носить тяжести: так, например, в Англии Паркинсу удалось довести пару этих красивых животных до того, что они позволяли себя впрягать в легкий экипаж и ездить, как на обыкновенных лошадях. По другим сообщениям, подобные попытки оказывались неудачными. Кювье рассказывает, что одна пойманная квагга иногда спокойно позволяла подходить к себе близко и даже гладить, но вдруг, без всякой видимой причины, начинала бешено лягаться и даже пыталась кусать своего хозяина. Когда ее хотели перевести из одной загородки в другую, она бесилась, падала на колени и грызла зубами все, что только могла захватить. Шпаррман рассказывает следующее о первом опыте приручения зебр, сделанном богатым поселенцем Капской области. Этот человек воспитал нескольких молодых пойманных зебр и поведение их, казалось, было вполне хорошим. В один прекрасный день ему пришла мысль запрячь в свой экипаж хороших животных. Он сам взял в руки вожжи и поехал на своих бегунах. Езда была, вероятно, очень быстрая, так как после довольно значительного промежутка времени счастливый обладатель зебр очутился в своей конюшне без чувств, рядом с совершенно изломанным экипажем; зебры же стояли совсем смирно. За другой молодой зеброй в детстве заботливо ухаживали, а впоследствии некоторое время не обращали на нее внимания, отчего ее прежняя кротость и понятливость перешли в лукавство и злобу. Тем не менее одному смелому наезднику вздумалось укротить это животное. Но едва успел он вскочить ей на спину, как зебра начала бешено бить задом, ударилась о землю и осталась лежать вместе со своим всадником; потом мгновенно вскочила опять на ноги, прыгнула с высокого берега реки в воду и там сбросила седока; но тот крепко держался за поводья и был благополучно вытащен самой зеброй, которая подплыла к берегу. Тут животное дало всаднику такой чувствительный урок, что он, без сомнения, не забыл его во всю жизнь: зебра внезапно повернулась назад и откусила своему укротителю ухо.

Эти и подобные им опыты запугали жителей Капской области и заставили их прийти к заключению, что приручение зебр — дело невозможное; но все серьезные наблюдатели не сомневаются, что со временем пестрых лошадей можно будет употреблять для домашних услуг*.

Все зебры легко переносят неволю в Европе. При хорошем корме они чувствуют себя отлично, а при хорошем уходе плодят-

Семейство лошадиные

* Особого смысла в одомашнивании зебр, по-видимому, нет.

Семейство тапировые

* В неволе зебры и лошади дают бесплодное потомство — «зеброидов», нередко весьма причудливой окраски — с узкими темными полосами или рябью по более светлому фону, с контрастными полосатыми ногами при однотонном корпусе и т.п.

** Семейство тапировые сближается с носорогами. Тапиры в наибольшей мере сохранили архаичный облик и исходный — околотовидный образ жизни древних непарнокопытных. В настоящее время сохранился лишь род *Tapir* с одним азиатским и тремя американскими видами.

ся. Вейнланд в издаваемой прежде им, а теперь Ноллем газете «Зоологический сад» поместил описание всех животных, которые плодились в неволе. Из сообщенных им сведений мы узнаем, что зебры скрещивались не только с себе подобными, но и с другими копытными*.

СЕМЕЙСТВО ТАПИРОВЫЕ (*Tapiridae*)

Тапиры — сравнительно небольшие и неуклюжие животные, в которых привычный глаз натуралиста тотчас заметил близкое сродство с лошадьми**. Оно видно в довольно статном туловище с удлиненной узкой головой, стройной шеей, коротким хвостом и довольно высокими, крепкими ногами. Стоячие уши короткие и довольно широкие, косо лежащие глаза, напротив, малы. Верхняя губа удлиняется в виде хобота и далеко опускается над нижней губой. На передних ногах по четыре, на задних — по три пальца. Густая шерсть везде гладко прилегает к телу. Короткие, но густые волосы у американских видов образуют с середины головы до холки род гривы. Зубная система состоит из трех резцов и одного клыка на каждой стороне челюсти, семь коренных зубов в верхней и шесть в нижней челюсти. Скелет, в котором видно большое сходство со скелетом других непарнокопытных, отличается довольно тонкими костями. Позвоночный столб состоит кроме шейных из 18 спинных, 5 поясничных, 7 крестцовых и 12 хвостовых позвонков. В черепе длинная, узкая лицевая часть сильно выдвинута сравнительно с мозговой, заметно сдавленной частью. Из американских видов этого рода по крайней мере один известен нам с давних пор, между тем как прочие открыты, описаны и определены только в новейшее время. Удивительно, что американский тапир прежде всех других был описан научным образом, между тем как об индийском мы получили точные сведения только в начале нынешнего столетия. Известен он был, конечно, давно, только не нам, а китайцам, которые упоминают о нем в своих учебниках. Относительно тапиров мы видим повторение общего правила, которое почти постоянно замечается в семействах животных, имеющих представителей как в Старом, так и в Новом Свете: виды Старого Света стройнее, можно сказать, совершеннее представителей этого рода в Новом Свете.

Чепрачный тапир (*Tapirus indicus*) отличается от своих родичей значительно бóльшим ростом и более стройным телосложением и в особенности цветом. Голова его в лицевой части уже, а череп более выпуклый, чем у других видов, хобот толще и длиннее, ноги крепче и гривы совсем нет, но особенно важным признаком для характеристики этого животного я считаю строение его хобота. Между тем как у американских тапиров он резко отделяется от морды и принимает вид круглой трубки, у дву-

цветного тапира верхняя губа незаметно переходит в хобот, который имеет такую же форму, как у слона, то есть на верхней стороне округлен, а на нижней плоский.

Цвет его везде одинаково длинной шерсти тоже весьма оригинален. Основным цветом должно считать чисто-черный; от него резко отделяется серовато-белый чепрак. Голова, шея и весь перед, не исключая передних ног, широкая полоса, идущая вдоль груди и середины брюха, задние ноги, включая и бедра, так же как и хвост, чисто-черного цвета; остальное серовато-белого. Уши окаймлены белым. Почти невозможно изобразить словами оригинальный блеск и переливы, которыми отличается как белый, так и черный мех этого животного.

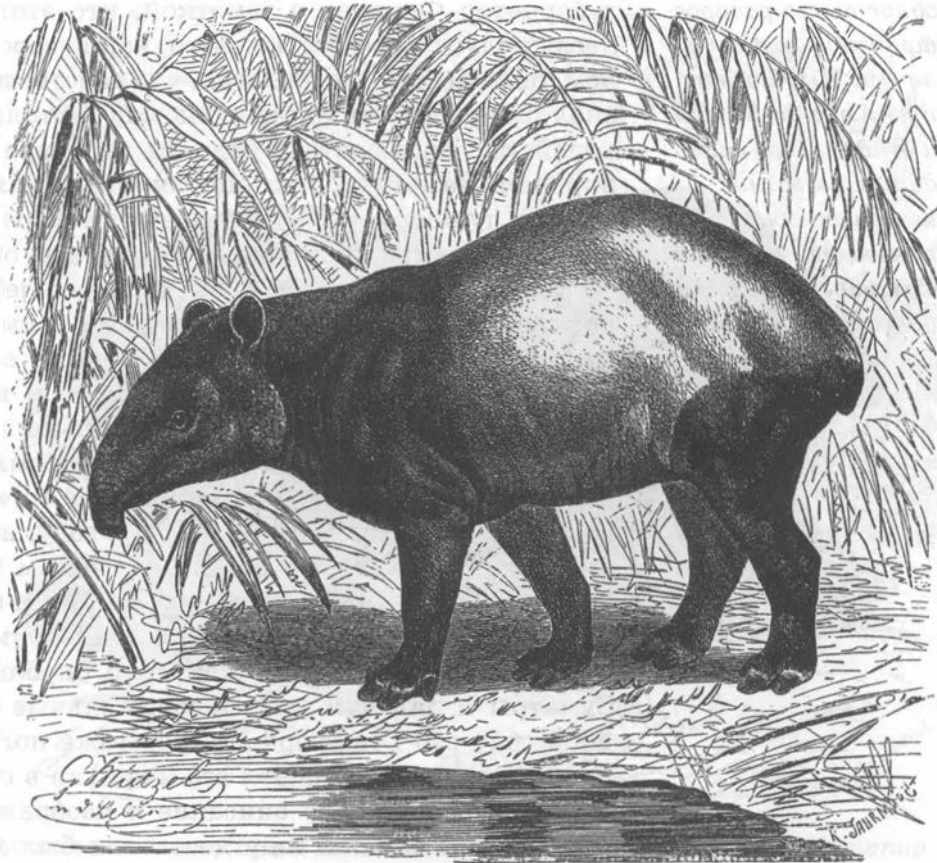
Отдельные волосы с корня до конца всегда одинаково окрашены. Копыта темно-рогового цвета, радужная оболочка глаз темно-фиолетовая, круглые зрачки черные. Детеныши, по словам Стерндаля, очень красиво и пестро окрашены, а именно: на верхней части туловища покрыты бледно-желтыми полосами и пятнами, а нижняя часть чисто-белого цвета*.

Точного измерения совершенно взрослого самца я нигде найти не мог; но вот размер взрослой самки, за которой я наблюдал: длина 2,5 м, включая хвост в 8 см, при высоте у зашейка 1 м, а у крестца 1,05 м; длина головы от конца хобота до задней части уха 63 см, длина втянутого хобота 7 см, вытянутого — 16 см. Родина этого животного Тенассерим и Сиам от 15 градуса северной широты к югу, Малайский полуостров, Суматра и Борнео**.

Удивительно то, что, несмотря на наши частые сношения с Индией и вообще с южной Азией, мы только в 1819 году, и именно от Кювье, получили более точные сведения о двухцветном тапире. Кювье незадолго перед тем высказал мнение, что в на-

Семейство тапировые

* Детеныши всех тапиров покрыты светлыми продольными полосами по темному фону, прекрасно маскирую-

Чепрачный тапир
(*Tapirus indicus*)

щими их в игре светотеней под пологом леса.

** Чепрачный тапир сохранился в некоторых изолированных друг от друга участ-

ках тропических лесов Суматры, Малакки, Тенассерима (юг Бирмы и Таиланда). Некогда область его распространения охватывала всю Юго-Восточную Азию до Китая и Индии. Вид находится на грани исчезновения; предполагают, что на Суматре осталось не более 50 животных.

стоящее время почти немисливо открытие еще новых больших млекопитающих, и вдруг от своего ученика Диара получил самое лучшее доказательство несостоятельности этого мнения. Диар прислал в Европу прежде всего только изображение этого животного со следующим замечанием: «Когда я в первый раз, в Барракупуре, увидел тапира, изображение которого я вам пересылаю, то очень удивился, каким образом такое большое животное до сих пор не было еще открыто и описано; еще более удивился я, когда нашел в Азиатском обществе голову подобного животного, которую еще в апреле 1806 года прислал туда губернатор Фаркуар с заметкой, что этот тапир встречается в лесах полуострова так же часто, как носорог и слон». Диар, впрочем, ошибается, предполагая, что действительно никто ничего не знал о двуцветном тапире, так как не только китайцы, но и европейские наблюдатели задолго до Диара описали его. Нужно, впрочем, заметить, что описание мудрых китайцев оставляет желать лучшего. В очень древнем словаре «Эуль-я» слово «ме», название тапира, придано белой пантере, однако прибавлено, что ме тоже походит на медведя, но имеет небольшую голову и короткие ноги, что шкура его покрыта белыми и черными пятнами и не пропускает сырости. Из другого словаря — «Хуэн-Вен» — узнаем мы, напротив, что ме хоть и похож на медведя, но желтоватого цвета и встречается только в стране Лу.

Помимо китайской учености история открытия чепрачного тапира следующая: гораздо раньше того времени, когда Диар описал его Кювье, а именно в 1772 году, англичанин Вальфельд упоминает о двуцветном тапире в своем отчете о путешествии по Суматре. Он принимал его за бегемота и описал в этом смысле, но в приложенном изображении нельзя не узнать тапира. Около того же времени Мародено опубликовал свое описание Суматры и дал нам уже положительные сведения о тапире. В 1805 году сэр Стамфорд Рэффлс тоже получил сведения о нем. Несколько позднее нашел его Фаркуар в окрестностях Малакки и послал в 1816 году описание и изображение его в Азиатское общество. В том же году доставлен был живой тапир в зверинец в Барракупуре, близ Калькутты, где его и увидел Диар. Таким образом, честь открытия этого непарнокопытного принадлежит не французам, а англичанам.

В 1820 году в первый раз доставлены были в Европу кожа, скелет и внутренности этого до той поры малоизвестного животного. С тех пор мы многое узнали о чепрачном тапире, хотя не можем похвалиться, что очень хорошо знаем его. О жизни тапира на воле мы не имеем еще никаких сведений, а наблюдения о содержащихся в неволе тоже не могут считаться удовлетворительными. Стерндаль называет его диким и любящим уединение животным, но говорит, что, пойманный молодым, он легко приручается и способен сильно привязаться к своему хозяину.

Короткая грива и одноцветный мех служат отличительными признаками **равнинного тапира** (*Tapirus terrestris*). Это первый вид семейства тапиров, с которым мы познакомились*.

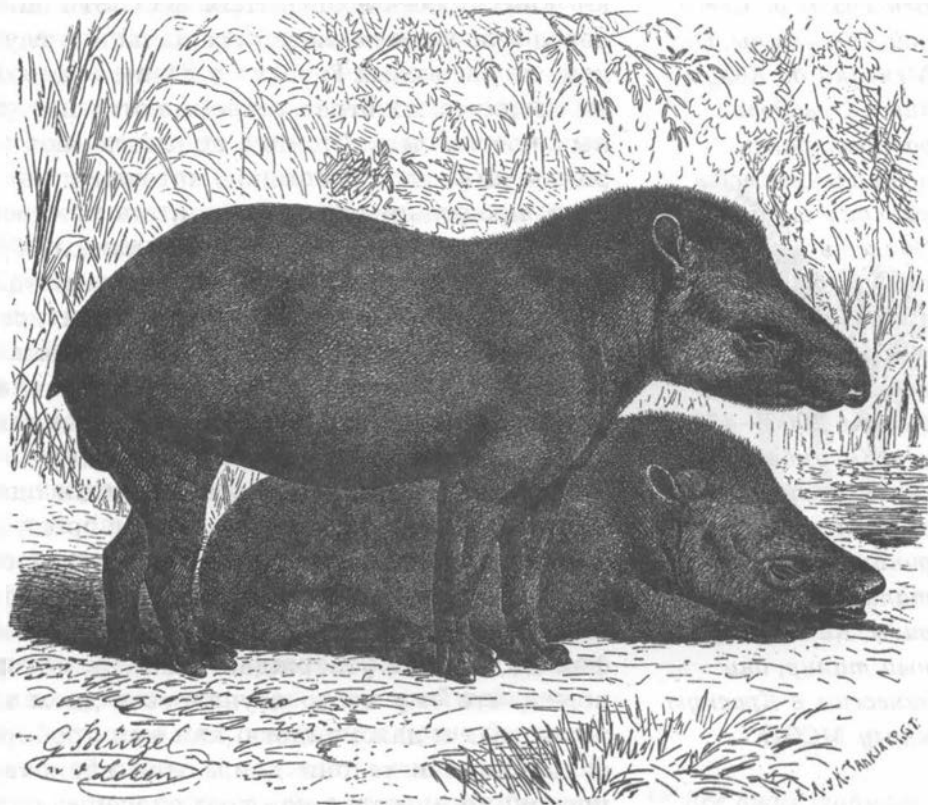
Вскоре после открытия Нового Света путешественники стали говорить о большом звере, которого они принимали за бегемота. Только очень известный наблюдатель граф фон Либштад дает нам в половине XVIII столетия первое подробное описание и изображение этого животного. Позднейшие путешественники и натуралисты дополнили описание, и в настоящее время мы с не многими большими животными так хорошо знакомы, как с

этим тапиром. Тело его покрыто довольно равномерно шерстью, которая только с половины головы до плеч удлиняется в виде небольшой стоячей гривы. Черновато-серо-коричневый цвет шерсти становится светлее по бокам головы, а в особенности на шее и груди. Ноги и хвост, идущая по середине спины, и затылок обыкновенно окрашены темнее. Уши имеют беловато-серую кайму. Встречаются часто чалые, серые, желтоватые и бурые особи. У молодых животных только на спине такая же шерсть, как у родителей; верхняя часть головы густо покрыта круглыми пятнами, а вдоль каждой стороны туловища идет непрерывный ряд светлых точек, которые распространяются и на ноги. С возрастом эти пятна сливаются в полосы, а к концу второго года исчезают совершенно. По измерениям Чуди, тапир при 2 м длины достигает 1,7 м высоты**, но Каплер утверждает, что при такой длине высота у плеч достигает только 1 м. Замечательно, что эти измерения относятся не к самцу, а к самке, которая всегда больше ростом.

По новейшим исследованиям оказывается, что, вероятнее всего, тапир водится только на юге и востоке Южной Америки, а на севере и западе, так же как и в центре, заменен другими, хотя

Семейство тапировые

* Наиболее обычный и широко распространенный вид семейства.

Равнинный тапир
(*Tapirus terrestris*)

** Средние размеры взрослого равнинного тапира — около 180 см длины, около метра высоты в холке и масса 225—250 кг.

Семейство тапировые

** Равнинный тапир обитает в лесах, саваннах и околородных биотопах Южной Америки к востоку от Анд — от Венесуэлы до Северной Аргентины. От Мексики до Колумбии и Эквадора распространены центральноамериканский тапир. Область обитания горного тапира охватывает некоторые участки умеренного пояса Анд на высоте 2000—4700 м в Колумбии, Венесуэле, Перу и Эквадоре. Центральноамериканский и горный тапиры — редкие виды. Как и чепрачный тапир, они занесены в Красную книгу МСОП.*

и родственными, но не совсем одинаковыми видами, которых мы оставим пока в стороне*.

При описании жизни тапиров мы должны руководствоваться сообщениями Азары, Ренггера, принца фон Вида, Чуди, Шомбургка и др. Об американских видах этих животных, как и о жизни чепрачного тапира, мы не имеем никаких точных сведений. Впрочем, все виды до того схожи между собой, что совершенно достаточно обратить внимание на жизнь и нравы одного из них, чтобы иметь понятие о других.

Все тапиры постоянно живут в лесах и старательно избегают в них просек и открытых мест. Эти животные сами отступают перед нашествием людей все дальше в глубину лесов, между тем как, по рассказам Гензеля о Южной Америке, все остальные звери тропических стран устремляются постепенно к более населенным частям леса. Тапиры протаптывают себе в чащах южноамериканских лесов тропинки, которые легко можно принять за дороги, сделанные индейцами, так что неопытные люди часто соблазняются следовать по ним и таким образом лишь удаляются от населенных мест. Этими тропинками тапиры пользуются, пока их никто не беспокоит, но в минуты испуга они без заметных усилий пробивают себе дорогу сквозь самые непроходимые чащи.

Тапиры преимущественно сумеречные животные. «Мы часто, — говорит Чуди, — целыми месяцами бродили по густым девственным лесам, где тапиры живут в большом количестве, не встречая в течение целого дня ни одного из них. По-видимому, они в это время скрываются среди густых кустарников, в прохладных, тенистых местах, преимущественно вблизи стоячих вод, в которых они любят валяться». Но по совершенно глупым и темным лесам бродят они и днем, как уверяет принц Вид; то же утверждает Каплер, который положительно говорит, что ему часто случалось и днем встречать в лесах этих животных и даже видеть, как они пробирались через воду. При солнечном свете они двигаются неохотно и в самый полдень постоянно ищут в чаще леса спасения от утомительной жары и еще более от мучительных комаров. «Когда без шума плывешь, — пишет принц фон Вид, — рано утром или вечером по реке, то часто видишь, как тапиры спускаются к воде, чтобы освежиться и освободиться от оводов. Нужно сознаться, что ни одно животное не умеет лучше тапира оберегаться от этих докучливых насекомых: для этой цели он пользуется всякой лужей, всяким ручьем или прудом. Поэтому шкура убитых тапиров часто оказывается покрытой илом и землей». К вечеру тапиры отправляются на пастбище и, вероятно, находятся в движении целую ночь; образом жизни они очень напоминают нашего кабана, только не соединяются такими большими стадами, как кабаны, но живут, подобно носорогу, большей частью одиноко.

Самцы ведут уединенную жизнь и только во время полового возбуждения соединяются с самками. Встретить семейство тапиров — большая редкость, а общества более чем в 3 штуки попадаются только там, где особенно хорошее, тучное пастбище случайно привлекает нескольких отдельных тапиров*.

По движениям своим тапиры напоминают свиней: походка их медленная, осторожная; лениво плетутся они нога за ногу, причем голова всегда пригнута к земле, и только обнюхивающий все кругом хобот, который они поворачивают то в одну, то в другую сторону, и постоянно движущиеся уши оживляют его бесстрастную фигуру. Так движется тапир в спокойном состоянии, но при малейшем подозрении опасности он останавливается, хобот и уши приходят на короткое время в лихорадочное движение, после чего животное стремительно пускается в бегство. Пригнув еще ниже голову к земле, он несется по прямому направлению, не взирая ни на какие препятствия, так же быстро, как по болоту и воде. «Когда случайно встретишь тапира в лесу, — говорит принц фон Вид, — то он постоянно сильно пугается и тотчас шумно пускается в бегство. На коротком расстоянии он довольно быстр, но хорошая собака легко настигает его, после чего он обыкновенно останавливается перед ней и защищается». Тапир отлично плавает и еще лучше ныряет, поэтому он не только во время бегства, но и при всяком удобном случае бесстрашно переплывает самые широкие реки. Прежние натуралисты сомневались в этом, но новейшие наблюдатели подтверждают это мнение.

Келлер-Лейцингер так описывает нравы тапира: «С первыми лучами солнца направляется он тяжелой поступью по протоптаным дорожкам к реке, чтобы выкупаться, и часто, огибая крутой изгиб реки, мы натыкались на толстокожего, спокойно стоявшего в воде по самое горло. Он плавает и ныряет с удивительной ловкостью; нужно думать, что, преследуемый собаками, он направляется к реке не столько для освежения после бешеной скачки, сколько для большей свободы движения среди влажной стихии». Вероятно, тапир, как и бегемот, может подолгу бежать по дну реки; по крайней мере, у пленного чепрачного тапира в Барракупуре наблюдали, что он часто таким образом переходил с одной стороны своего бассейна на другую, но никогда в нем не плавал**.

Из внешних чувств у тапиров решительно первенствуют обоняние и слух и, кажется, в одинаковой степени; зрение, напротив того, слабо, о вкусе трудно судить, однако я заметил на пленных тапирах, что они прекрасно умеют отличать различные яства и весьма ценят некоторые лакомства. Органами осязания служат как хобот, так и вся кожа. Хобот — превосходное орудие осязания и находит самое разнообразное применение.

Голос тапира — совершенно своеобразный резкий свист, никак не соответствующий, по словам Азары, огромным размерам

** Тапиры имеют индивидуальные участки, но иногда объединяются в пары.*

*** Все виды тапиров (может быть, кроме горного) можно считать околотоводными и даже полуводными животными. Они привязаны к руслам рек, болотам, мангровым зарослям, влажным лугам с тростниковыми крепями, много времени проводят в воде.*

** Сезонность в размножении у тапиров отсутствует, в среднем приплод бывает каждые 15 месяцев. После 13—13,5 месяца беременности самка приносит одного, редко двух крупных, развитых детенышей весом до 7 кг. До 6—8-месячного возраста детеныш остается с матерью, которую почти догоняет по величине. Самки половозрелы в 3—4 года, самцы — на год позже.*

*** Тапиры хорошо приручаются и размножаются в неволе, доживают до 35 лет.*

этого животного. Тот же натуралист утверждает, что свободно живущие тапиры испускают его только во время полового возбуждения; Шомбургк же думает, что так кричат только молодые тапиры. Но и то и другое мнение неверно. Пленные тапиры, как чепрачный, так и бразильский, часто свищут таким образом не только в пору любви, но и во всякое другое время; обеспокоенный чем-нибудь бразильский тапир издаст, кроме того, сердитое сопение, которое невозможно описать словами.

Все тапиры, по-видимому, добродушные, боязливые и миролюбивые животные и только в крайнем случае пускают в ход свои средства защиты. Они бегут перед всяким врагом, даже перед маленькой собакой, но больше всего боятся человека, превосходство которого они хорошо оценили. Это видно уже из того обстоятельства, что они гораздо осторожнее и боязливее вблизи плантаций, чем в непроходимых лесах. Однако и это правило имеет свои исключения. В известных случаях тапиры храбро обороняются, и тогда они, несомненно, опасные противники. Они бешено кидаются на врага, стараясь его опрокинуть, и даже пускают в ход зубы наподобие нашей свиньи. Таким образом матери защищают своих детенышей, когда видят их в опасности: они тогда без оглядки идут навстречу врагу, не обращая внимания ни на какие раны. Келлер-Лейцингер свидетельствует: «Самка тапира не бежит со своими детенышами от лающих собак; она мужественно становится перед своим логовищем, стараясь собственным телом защитить маленькие беспомощные создания, которые кидаются ей под ноги, дрожат и пронзительно свищут. Беда неосторожной собаке, осмелившейся отделиться от своры (которая в таких случаях держится в почтительном отдалении) и приблизиться к разъяренному животному: высоко приподнятый короткий хобот обнажает ряд страшных зубов, и под сильными передними ногами слабые кости собаки хрустят, как тонкий хвост. Наконец простреленная бесчисленными пулями подоспевшего на лай собак охотника, эта жертва материнской любви падает на своих полумертвых от страха детенышей»*.

Умственные способности тапиров весьма ограничены, хотя эти животные не так тупы, как кажутся на первый взгляд. Кто наблюдал пойманных тапиров, тот знает, что они по умственным способностям стоят на одной ступени со свиньей, но, во всяком случае, гораздо выше носорога и бегемота.

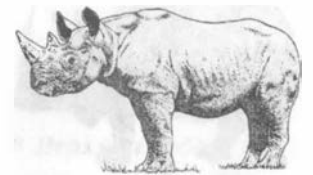
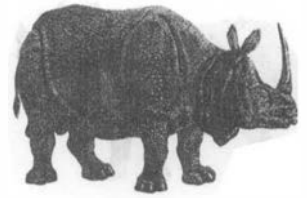
При хорошем уходе тапиры живут в неволе довольно долго. В последнее время удавалось даже в Европе довести их до размножения**. Говорят, что на родине чепрачного тапира старались обратить в домашнее животное не столько ради мяса, сколько для перевозки экипажей и клади. Намерение, может быть, и похвальное, но едва ли удобоисполнимое: тапир недостаточно понятлив, чтобы приносить большую пользу в качестве домашнего животного. Во всяком случае, в упряжь он едва ли годится. Ко-

нечно, было бы недурно прокатиться на паре чепрачных тапиров по улицам какого-нибудь города в Индии, но едва ли подобный способ передвижения может соответствовать новейшим потребностям, так как заставить пленного тапира бежать рысью гораздо труднее, чем может показаться тем людям, которым впервые пришла эта мысль.

На свободе тапиры питаются только растениями, особенно листьями деревьев. В Бразилии они предпочитают листья молодых пальм. Нередко нападают они и на плантации и тогда доказывают, что сахарный тростник, манго, дыни и другие овощи им тоже очень по вкусу. Чуди уверяет, что на плантациях, где разводят деревца какао, они иногда причиняют огромные убытки, затаптывая нежные растения и обгладывая листья. В необитаемых больших лесах иногда целыми месяцами питаются упавшими плодами деревьев, между которыми они особенно любят сливы спондия, или сочными и водяными растениями. К соли они чувствуют особое пристрастие: она необходима им, как и жвачным. «Во всех низменных местностях Парагвая, — говорит Ренггер, — где почва содержит много сернокислого и солянокислого натра, тапиры живут во множестве. Они здесь лижут пропитанную солью землю». По словам Келлер-Лейцингера, тапиры, подобно многим другим млекопитающим и птицам, едят даже глину, точно так же, как в других странах многие люди очень любят есть землю. Впрочем, они едят все то, что едят свиньи, но с благодарностью принимают всякую вкусную подачку. Древесные листья и плоды, сухари и сахар принадлежат к их любимым лакомствам.

Человек усердно преследует всех тапиров из-за мяса и шкуры. Мясо их считается нежным, сочным и вкусным. Толстую шкуру их дубят и разрезают на ремни, которые округляют, делают мягкими посредством втирания в них горячего жира и потом употребляют на бичи и поводья. Из Аргентины вывозится на рынки ежегодно множество подобных ремней. Для обуви, по словам Чуди, эта шкура не годится: она трескается в сухую погоду и разбухает в сырую. Копытам, волосам и другим частям тела тапира приписывают разные целебные свойства. На восточном берегу Америки простой народ, однако, совсем не пробует на себе действие этих средств, а довольствуется тем, что предлагает их посторонним. Но индейцы, как уверяет Чуди, носят на шее копыта этих животных как предохранительное средство против падучей болезни, даже принимают их внутрь в виде подсушенного и мелко истолченного порошка. Это же средство в индейской врачебной науке занимает почетное место, так как его употребляют и против чахотки, но тогда варят в какао вместе с печенью вонючки. Наконец, копыта тапира употребляются женщинами во время пляски как кастаньеты.

В Америке на тапира охотятся обыкновенно с помощью собак, преследующих его до самой воды, к которой тапиры постоян-

но спешат в подобных случаях. Но тут у берега их сторожит в легком челноке охотник и преследует со сворой собак плавающее и ныряющее животное. Если водное пространство не слишком велико, тапира легко настигают и убивают пулей или длинным охотничьим ножом. Конечно, подобная охота не всегда оканчивается счастливо и просто.

Шомбургк следующим образом описывает приключения подобной охоты среди чащи лесов: «Едва мы обогнули изгиб берега, как увидели, к нашему крайнему удовольствию, тапира со своим детенышем, странствовавших в воде на одной из многочисленных отмелей реки; но не успело еще слово «майпури» сорваться с уст наших индейцев, как оба зверя нас заметили, пустились бежать и исчезли в густой прибрежной поросли. Так же быстро, как они, подплыли мы к берегу, почти одновременно с ними выскочили на сушу и побежали за тапирами с ружьями, стрелами и луками. Пробираясь по лесной опушке, мы заметили, что беглецы старались спрятаться в высокой траве и камышах, которые покрывали тут огромное пространство. Наши собаки находились в несколько отставшей третьей лодке, и мы, европейцы, наученные давним опытом, остановились в недоумении перед непреодолимой стеной тростника, которая внушала нам невольный ужас. Но наших индейцев ничто не могло удержать: они, как змеи, поползли между опасным тростником. Раздались один за другим два выстрела, и радостный крик охотников возвестил нам удачу. Все бросились по тому же направлению и тем проложили нам менее опасный путь; скоро мы увидели обоих охотников, стоявших, опершись на ружья, перед трупом старого тапира. Пуля, как оказалось при вскрытии трупа, пробилла ему легкое. Это была самка необыкновенной величины. Мы обступили густой толпой желанную добычу, как вдруг треск раздвигающегося камыша дал знать нам о прибытии собак, которые с жадностью стали лизать кровь тапира. После этого погнались за детенышем, след которого скоро отыскивали наши превосходные собаки.

Когда испуганный зверек заметил за собой погоню, он пронзительно засвистел, но мы еще ничего не могли видеть, пока резкие свистящие звуки не выдали нам, что животное гнали по краю высокого тростника к открытому полю, почему мы поспешили взобраться на пригорок, чтобы наблюдать за охотой. Едва успели мы достигнуть возвышения, как животное выскочило из тростника, а за ним лающая стая и наши 30 индейцев, которые не отставали от собак; их торжествующие крики почти заглушали лай собак и крики ужаса тапира. Это было странное, невиданное еще мной зрелище! Силы преследуемого животного стали заметно ослабевать, и его скоро задержала наша прекрасная гончая собака; после упорного, но тщетного сопротивления с его стороны нашим индейцам удалось наконец перенести связанное по ногам жи-

вотное в лодку, среди оглушительных радостных криков и яростного лая собак. Оно было величиной с большую свинью.

Теперь надо было перенести на отмель и старую самку, на что потребовались уже общие усилия всей компании. Мы привязали к ногам исполина длинную веревку и поволокли его, сопровождаемые громкими криками. Скоро услужливые руки рассекли на части огромное тело животного. Часть мяса отнесли в копильню, остальное было сварено. Мясо нашли мы необыкновенно вкусным: оно напоминало говядину не только вкусом, но и видом. Когда тапир был выпотрошен, индейцы тщательно собрали кровь, смешали ее с мелко изрубленными кусками мяса и наполнили этой массой кишки. Однако они не сварили этой колбасы, а только прокоптили ее. Я попробовал и больше уже не захотел есть ее в другой раз».

Еще более опасным врагом, чем человек, можем мы назвать больших кошек родины тапира. Все путешественники утверждают, что ягуар жестоко преследует американских тапиров. То же можем мы сказать о тигре относительно чепрачного тапира. Рассказывают, что тапир, если ягуар ему вскочит на шею, поспешно бросается в самую густую чащу, чтобы сбросить с себя врага, что ему иногда и удается, так как когти хищника едва ли могут глубоко вонзиться в кожу тапира. Этот рассказ не так невероятен, как, кажется, утверждают, что на спинах убитых тапиров были найдены заметные следы когтей тигров и ягуаров.

СЕМЕЙСТВО НОСОРОГОВЫЕ (Rhinocerotidae)

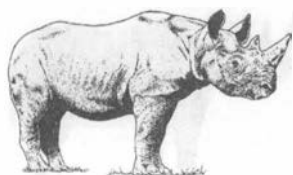
Носороги — неуклюжие, неловкие животные довольно значительной величины, с очень сильно вытянутой в длину головой, на лицевой части которой возвышаются один или два рога. Шея короткая; покрытое толстой кожей туловище почти совсем или только отчасти голое; хвост короткий; на ступнях коренастых, но довольно стройных ног сзади и спереди по три пальца, оканчивающихся копытами. Каждая отдельная часть тела, даже в сравнении с соответствующими частями тела других непарнокопытных, имеет своеобразный вид. Голова узкая и длинная, особенно лицевая часть необыкновенно удлинена и вытянута вперед. Черепные кости, напротив, сильно сдавлены в задней части, так что лоб очень круто опускается вниз и между ним и высоко приподнятыми носовыми костями образуется как бы седло, углубленное в середине и приподнятое по краям. Углы нижней челюсти довольно сильно выдаются в стороны, сама же челюсть, более или менее изгибаясь, приподымается к концу морды; отверстие рта несоразмерно мало, верхняя губа вытянута в середине в виде узкого хоботообразного отростка*; нижняя губа спереди округлена или как бы обрублена; яйцевидные продолговатые ноздри, имеющие сза-

Семейство НОСОРОГОВЫЕ

* Верхняя губа вытянута в хоботок далеко не у всех современных носорогов.

Семейство носороговые

ди вид щели, расположены почти горизонтально и отделены одна от другой большим промежутком; глаза очень малы; продолговатые зрачки стоят поперек глазного яблока; верхнее веко вооружено густыми, но короткими ресницами. Уши имеют обыкновенную форму и довольно велики; наружные края их закруглены, а внутренние до половины завернуты внутрь.

Короткая, всегда морщинистая шея гораздо толще головы и незаметно переходит в массивное туловище, которое отличается резко выдающимся острым хребтом, округленным висячим брюхом, и еще тем, что загривок несколько выше крестца. Короткий хвост или сильно сжат с боков и везде одинаковой ширины, или имеет конусообразную форму. Ноги носорогов имеют очень толстые и широкие плечевые и бедренные части и гораздо более тонкие предплечья и голени; пальцы и ступни еще тоньше. Ноги изогнуты, как у такс, снаружи вовнутрь и только с пальцы и ступни опять отвесно спускаются вниз. Книзу ноги расширяются равномерно, как сзади, так и спереди, и оканчиваются мясистыми ступнями, подошвы которых имеют округленно-яйцевидную форму. Из трех довольно красивых копыт среднее вдвое шире боковых. Очень толстая кожа у большей части видов образует род рогового панциря; она или плотно прилегает к телу, за исключением немногих мест, образующих неглубокие складки, или разделяется на множество щитков, отделенных друг от друга глубокими складками; щитки эти получают некоторую подвижность только вследствие того, что более тонкая и гибкая кожа внутренних бороздок этих складок дает возможность задвигать щитки один за другой.

Глаза и рыло окружены глубокими морщинами, способствующими поднятию и опусканию век и сообщаящими удивительную гибкость неуклюжим, но относительно подвижным губам. Кожа покрыта меньшими перекрещивающимися бороздками, образующими заметный рисунок, и кругловатыми возвышенностями очень правильной формы; все это вместе придает щиткам своеобразный, довольно изящный вид. Более или менее длинные волосы окаймляют уши и находятся еще на конце хвоста, образуя широкую плоскую кисть. Кроме того, у некоторых видов на спине торчат там и сям негустые щетинистые пучки волос. Рога носорогов представляют собой кожное образование и состоят из параллельных, чрезвычайно тонких, круглых или угловатых полых волокон рогового вещества; рога эти лежат широким круглым основанием на толстой коже, покрывающей всю лицевую часть головы*. Нередко у отдельных экземпляров, кроме того, кожа на некоторых местах головы покрыта роговыми наростами в несколько сантиметров вышины. Скелет носорога состоит из массивных и широких костей. Череп очень длинный и низкий; лобные кости занимают треть или четверть длины всего черепа и соединяются непосредственно с широкими, крепкими носовыми костями, которые образуют свод над носовой впадиной и иногда

* Рога носорогов состоят из кератина — рогового вещества, составляющего основу ногтей, когтей, копыт, волос. Учитывая волокнистую структуру рога и способность к довольно быстрому росту, рог носорога можно фигурально уподобить «слипшемуся» пучку волос.

еще поддерживаются средней носовой перегородкой. Под тем местом, где прикрепляется рог, кости эти неровные, шероховатые, бугристые и тем шероховатее, чем рог больше.

Позвоночник состоит из крепких позвонков с длинными остистыми отростками; к 18—20 из них прикрепляются сильно изогнутые, толстые и широкие ребра, однако грудобрюшная преграда прилегает уже к 14—17-му позвонку. Уже в ранней молодости срастаются те пять позвонков, которые образуют крестцовую кость. Хвост состоит из 22—23 позвонков. Все остальные кости скелета бросаются в глаза только своей тяжеловесностью и толщиной. В зубной системе постоянно недостает клыков, а у африканских видов — и резцов в обеих челюстях; азиатские же виды большею частью сохраняют резцы на всю жизнь. Кроме того, каждая челюсть вооружена еще семью коренными зубами, которые как бы состоят из нескольких сросшихся между собой бугорков и столбиков; жевательная поверхность их так стирается со временем, что на ней образуются различные рисунки эмали.

О мягких частях тела следует тоже сказать несколько слов. Кожа верхней губы очень тонкая и богатая сосудами и нервами, язык большой и чувствительный, желудок простой, продолговатый. Между органами чувств глаза поражают своими малыми размерами.

Носороги, которые в настоящее время встречаются только в восточной и эфиопской областях Африки, в древние времена водились как в южной Германии, Франции и Англии, так и в России, даже в Сибири. Из известных нам до сих пор вымерших видов стоит упомянуть об одном, а именно о **шерстистом носороге** (*Coelodonta antiquitatis*)*, ископаемом носороге, так как от него сохранились не только кости, но и куски кожи с шерстью. В северной Азии от Оби до Берингова пролива нет ни одной реки, протекающей по ровной местности, в которой не нашлись бы кости допотопных животных: слонов, буйволов и носорогов. «Когда я, — пишет Паллас, — в марте 1772 года приехал в Якутск, губернатор Восточной Сибири показал мне заднюю и переднюю ноги носорога, еще покрытые кожей. Животное это было найдено в прибрежном песке устья какой-то реки. Туловище и обе другие ноги оставили в песке». После того Паллас продолжал на месте расследование этой находки и вскоре привез в Петербург голову и ногу.

Позднее Брандт исследовал эти останки, и таким путем мы узнали, что допотопный носорог, населявший среднюю и северную Европу и север Азии, принадлежал вместе с мамонтом к самым распространенным видам больших животных Старого Света. Кроме Сибири кости его находили в европейской России, Германии, Англии и Франции, а в некоторых местах даже в изумительном количестве. Отличительный признак этого животного состоит в том, что носовая перегородка, которая у остальных ви-

Семейство носороговые

* *Шерстистый носорог* — крупный вид, обитавший во внетропической Евразии в плейстоцене, был прекрасно приспособлен к суровым условиям ледникового периода. Размерами, пропорциями, образом жизни, очевидно, напоминал современного белого носорога, питался травой и ветками кустарников, зимой добывал подножный корм, разбивая снежную корку очень длинным передним рогом (у найденных экземпляров его передняя часть обычно сильно стерта).

Семейство носороговые

* Индийский, он же панцирный, носорог — крупнейший сухопутный зверь Азии после индийского слона. Длина тела некоторых старых самцов достигает 4,2 м, высота в холке — 2 м, длина рога — до 60 см, масса — 4 т. К сожалению, столь крупные экземпляры сейчас практически не встречаются, средняя масса большинства животных — 1,5—2 т, длина рога — 20 см.

дов носорога хрящевая, у него окостенела, что обуславливается, вероятно, непомерной длиной носовых костей. Животное отличается от других носорогов также своим внешним покровом. Высушенная кожа его грязно-желтого цвета, не образует складок, но толстая, на губах зернистая и густо покрыта сетчатыми круглыми порами. Мех, состоящий из жестких остей и мягкого подшерстка, пучкообразно выступает из этих пор; во всем остальном оно так похоже на ныне живущих носорогов, что его можно признать разве за особый. Пищей ему служили, вероятно, иглы и молодые побеги сосен; впрочем, достоверно это неизвестно.

Наше знакомство с ныне живущими видами в последнее время значительно обогатилось новыми сведениями, но не может назваться еще вполне удовлетворительным. Едва ли мы хорошо изучили даже те виды, которые недавно стали доставляться живыми в наши зоологические сады и могли быть сравнены между собой сведущими натуралистами.

Носорог, называемый обыкновенно индийским носорогом (*Rhinoceros unicornis*), достигает, включая 60 см хвоста, 3,75 м длины, 1,7 м высоты в плечах и около 2000 кг массы*. Он очень массивен и неуклюж и отличается от своих сородичей относительно широкой и толстой головой и ему одному свойственным расположением щитов. Седлообразное углубление между очень круто спускающимся лбом и большим (около 55 см высоты), несколько загнутым на конце рогом глубокое, но короткое. Нижняя челюсть спереди немного загнута кверху. Длинное и узкое ухо покрыто по краям короткими волосами в виде щетки; пасть широкая, нижняя губа широкая и угловатая, хоботообразный отросток верхней губы короткий, хвост, доходящий до колен, большей частью спрятан в глубокой складке заднего прохода и закрывает ее, в конце же он сплюснен с обеих сторон и жидко покрыт волосами. Большие, спереди выпуклые, снизу остро срезанные копыта оставляют свободной большую часть длинной, голой, мозолистой и твердой подошвы, имеющей сердцевидную форму. Все тело покрывает необыкновенно толстая кожа, гораздо более твердая и сухая, чем у слона; она лежит на толстом слое рыхлой клетчатки, вследствие чего может легко двигаться из стороны в сторону. Кожа эта образует роговой панцирь, разделенный на отдельные щитки многочисленными, правильно расположенными и глубокими складками, которые обозначены уже у новорожденных животных. Цвет кожи различный: у старых животных равномерный темно-серо-бурый, более или менее впадающий в рыжеватый или голубоватый. В глубине складок кожа бледно-красноватого или буровато-телесного цвета. От пыли или от других внешних влияний кожа носорога кажется темнее, чем на самом деле. Молодые животные гораздо светлее старых.

В 1513 году португальскому королю был прислан один индийский носорог. В Англию же первые живые носороги привезе-

ны были в 1685, 1739 и 1741 годах. Как видно уже из первого известного нам изображения носорога, сделанного Альбрехтом Дюрером и воспроизведенного впоследствии Геснером, у некоторых старых животных бывают на различных частях тела накожные наросты, имеющие большее или меньшее сродство с рогом на носу. Эти наросты появляются иногда в огромном количестве. Так, в Антверпенском зоологическом саду жил 18-летний носорог, у которого накожные рога были очень заметны. Отличаясь один от другого величиной и формой, рога эти походят друг на друга тем, что состоят из сплошной роговой массы. Как мне сообщает Мютцель, у вышеупомянутого антверпенского носорога было довольно много таких наростов на голове и на всех более заметных складках кожи. Те из них, которые находились на бровных наростах, были величиной с лесной орех, другие же значительно больше. Так, например, с каждой стороны сильно выдающихся скуловых костей у него было по 3—4 заостренных на концах рога длиной 2,5—7 см; на каждом из больших теменных бугров, закрытых складкой кожи, лежащей перед ушами, было по одному рогу, а на верхнем сгибе горловой складки тоже был толстый рог длиной по крайней мере 12 см; вместе с другими близлежащими наростами он образовал как бы пирамиду. Вся эта группа рогов была направлена назад и, как большая часть подобных наростов, гладко отшлифована спереди. Между лобными и теменными буграми замечались подобные же бородавки величиной с лесной орех; они окружали шрам в 4 см в поперечнике, происшедший вследствие выпадения подобной же мозоли. Посередине шеи поднимались пять прямых рогов, из которых средний 8 см вышины. Наконец, подобные же наросты находились наверху крестцовой складки и на верхней части хвоста. Как те, так и другие во многом отличаются от больших морщинистых бородавок, которые покрывают бока носорога. По боковой их поверхности проходят продольные желобки; гладко отшлифованная сторона бледно-желтого цвета; по словам сторожа, эти накожные наросты иногда отпадали и после них оставались рубцы вроде тех красноватых пятен, которые остаются после отпадения оленьих рогов*. Область распространения этого носорога простирается еще в настоящее время до северной части Индии по той узкой полосе земли, которая тянется от подошвы Гималаев на восток от Непала, до самых отдаленных областей Ассама**. По словам Стерндаля, носороги очень долговечные животные. Одна пара, говорит Блайт, жила в Барракупурском зоологическом саду 45 лет.

Другой вид этого семейства — **яванский носорог** (*Rhinoceros sondaicus*), которого жители Явы называют «вара» или «варак». Это один из самых маленьких видов носорога: при высоте 1,4 м в плечах он имеет в длину около 3 м, включая сюда и хвост в 50 см. Однако Кокбурн дает более значительные размеры: по его словам, одна самка имела 3,7 м длины, хвост ее был в 72 см,

* *Скорее всего речь идет о животных с патологическим разрастанием шишек, которыми во множестве покрыта кожа панцирных носорогов.*

** *Некогда индийский носорог обитал по всей Индо-Гангской низменности — от Пакистана и предгорий Гималаев до Ассама и Бенгалии, а также, вероятно, на западе Бирмы. В настоящее время мировая популяция насчитывает около 2 тыс. животных, обитающих в изолированных участках ареала, преимущественно в национальных парках Непала (Читван — около 700) и Индии (Казиранга в Ассаме — до 1000, некоторые парки Бенгалии).*

* *Яванский носорог сохранился только в заболоченных приморских лесах Западной Явы (национальный парк Уджунг-Кулон — до 60 особей) и на небольшом участке горного тропического леса на юге Вьетнама (10—15 особей).*

** *Обитатель кустарниковых саванн Тропической Африки к югу от Сахары.*

*** *В виде аномалии у черных носорогов бывает 3 и даже 5 рогов.*

а высота в плечах 1,67 м. Кинлох соглашается с этими цифрами и прибавляет, со своей стороны, что взрослые экземпляры этого вида немного меньше или же одного роста с индийским носорогом. В остальном вара отличается от последнего более длинной головой, не имеющей такой глубокой впадины у лба, как у других видов, более коротким рогом (около 25 см длины), которого, по словам Кинлоха, у самки даже совсем нет, и более длинным хоботообразным отростком верхней губы. Расположение щитков и форма выпуклых валиков кожи тоже иные, чем у его родича. Накожные шишки у него гораздо меньших размеров, чем у индийского носорога, имеют пяти- или многогранную форму и лежат в виде мозаики одна около другой; в середине каждого бугра находится углубление, и тут же растет по одному (а иногда и больше) пучку черных щетинистых волос; у старых животных они обыкновенно на боках стираются, остаются только на спине и покрывают кожу жидким волосным покровом. Цвет шерсти этого животного грязно-серовато-бурый.

Насколько нам известно, область распространения вара гораздо обширнее, чем предшествующего вида. Кинлох находил его в 1878 году в Сикким-Терое; кроме того, он попадает в болотистых низменностях дельты Ганга, затем встречается часто дальше на востоке, в болотах, у подножия холмов южнее Ассама и, по словам Кокбуерна, в юго-западных провинциях Китая, далее в Бирме и на Яве; на этом острове поднимаются они иногда, по словам Юнгхуна, на 3000 м над уровнем моря*.

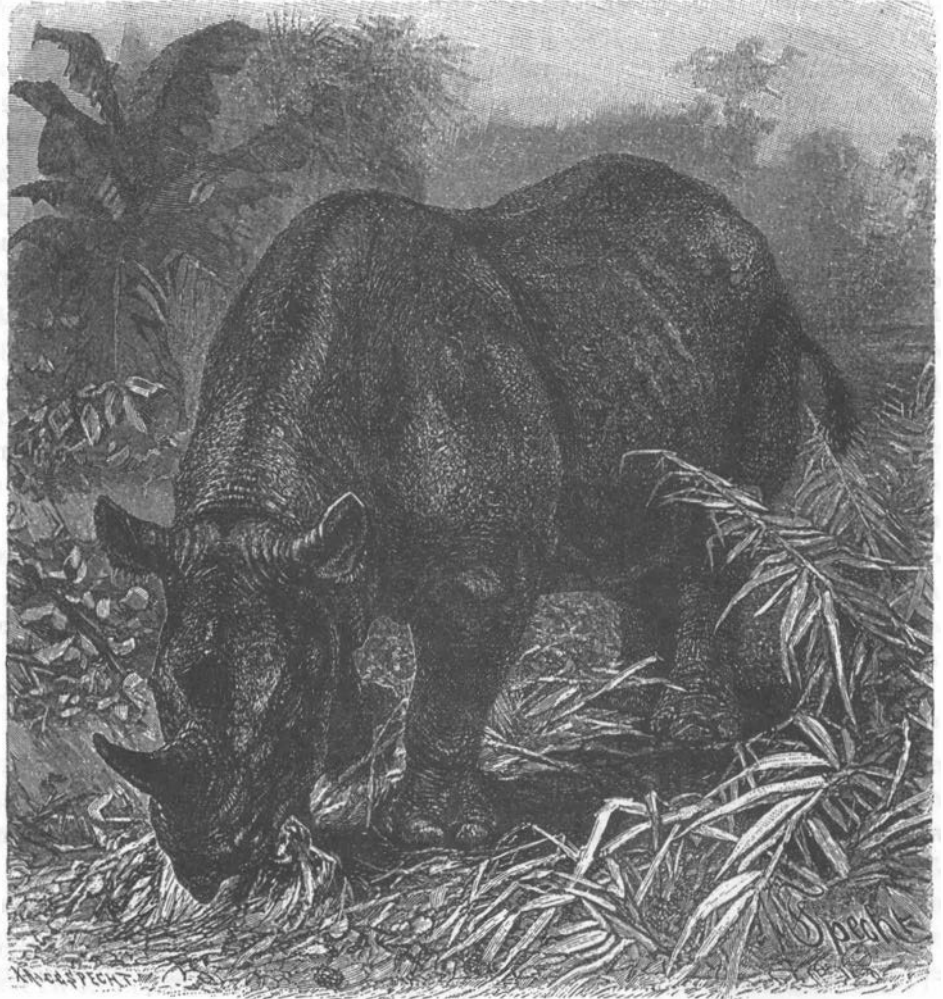
Самый известный представитель африканских носорогов — двурогий **чёрный носорог** (*Diceros bicornis*)**. Я его описываю по почти взрослой самке Берлинского зоологического сада. Голова его, может быть, и короче, нежели у других африканских носорогов, но относительно длиннее, чем у панцирных; задняя часть ее сильно выдается; лицевая часть ото лба слегка вдавлена наподобие седла, нижняя челюсть заметно выгнута наружу, рыло маленькое; хоботообразный отросток верхней губы явственно, но не слишком сильно развит; нижняя губа тупо закруглена; каждая губа покрыта глубокими, различным образом расходящимися и растяжимыми складками. Окруженные морщинами глаза очень малы, зрачок продолговатый; уши, у корня которых также пробегает несколько морщинистых складок, короткие и широкие, покрытые короткими, но густыми волосами только у основания заворачивающегося внутреннего края. Первый рог прикреплен ко лбу овальным основанием, сжат с боков, вытянут вперед и вверх, с немного загнутым назад кончиком; второй рог большей частью короче переднего, у основания также сжат с боков и имеет спереди и сзади по округленному ребру, вследствие чего поперечный разрез его имеет форму ромба с округленными углами; он поднимается прямо вверх или немного наклоняется вперед***. Тол-

стая и короткая шея, заметно превосходящая голову по толщине, возвышается за загривком и оканчивается внизу поперечным подгрудком, отделяющимся двумя довольно глубокими складками от головы и плеч.

Туловище очень длинное, затылочная и к середине несколько вдавленная часть спинного хребта заострены; крестец широкий и закругленный, хотя тазовые кости явственно обрисованы; хвост дрябло спускается вниз. Сильно выгнутые вовнутрь ноги

кажутся выше, чем у панцирного носорога, и не так безобразно толсты, нижние части их даже красиво сложены и имеют правильно развитые подошвы и копыта, которые по форме похожи на копыта других носорогов. Кроме двух вышеупомянутых шейных складок можно заметить еще одну короткую за плечевой частью передней ноги и другую, более длинную, в месте прикрепления задней ноги. Толстая безволосая кожа, за исключением упомянутых морщин, равномерно гладкая и только при более внимательном рассмотрении оказывается покрытой бес-

численными перекрещивающимися или пересекающимися желобками, между которыми образуются небольшие пространства разнообразной формы. Преобладающий цвет темно-серый, похожий на шифер, местами сменяющийся грязноватым рыже-бурым. У совершенно взрослого самца длина всего тела равняется 4 м, включая сюда длину хвоста в 60 см, высота около зашейка 1,6 м. Более или менее отогнутые назад рога величиной доходят до 70—80 см. Только в редких случаях задний рог приблизительно так же длинен или даже длиннее переднего, у большинства же экзем-

Чёрный носорог
(*Diceros bicornis*)

Семейство носороговые

* При довольно крупных размерах этот носорог отличается от собратьев сравнительно легким сложением. Самки несколько мельче самцов, однако в размерах рога половых различий нет.

** Черный носорог специализирован в питании листвой и ветками кустарников.

*** Численность черного носорога катастрофически сократилась за последние 30 лет — с 65 тыс. до нескольких сот.

**** Белый носорог — крупнейшее после слонов наземное млекопитающее. Длина тела достигает 5 м, высота в холке — 2 м, масса — до 3,6 т.

***** Возможно, названия «черный» и «белый» были даны носорогам случайно, по цвету пыли или грязи, в которой в данный момент извлялось животное. Есть мнение,

пляров он не достигает и половины длины переднего и часто имеет вид округленного мозолистого нароста*.

В южной Африке носорог питается исключительно листьями и корнями, но на северо-востоке Генель находил в желудках убитых только траву**. Хотя в настоящее время область распространения носорога на юг значительно уменьшилась, все-таки его можно встретить от 15 градуса северной широты к югу до линии, пересекающей южную Африку от реки Кунене до озера Нгами. Отсюда граница области распространения направляется к северной излучине Лимпопо и затем по восточной границе Трансваальской республики к заливу Делагоа. В экваториальных местностях западной Африки и, кажется, во всей области Конго носороги не встречаются. Р. Бем нашел их в последнем десятилетии на востоке, близ озера Танганьика, но нигде не видел их в большом количестве. Томсон часто видел их в земле масаев, а по новейшим исследованиям Джемса, они нередки и в Сомали, но, кажется, он имел здесь в виду другой вид, к которому мы сейчас перейдем. Согласно показаниям Нахтигалья, двурогий носорог часто попадает в Удаи и в окрестностях озера Шари. На юге, по наблюдениям Шинце в 80-х годах, он довольно часто встречается по Кунене, вверх по течению от Гумбе, и реже по Кубанго и около озера Нгами. Селус говорит, что в 70-х годах небольшое число их водилось еще по болотам Чобе и довольно много в поросшей кустами полосе земли, которая простирается к югу от Замбези, на восток от водопада Виктория. В гористых местностях это животное встречается даже на высоте 2600 м***.

Широкорылый белый носорог (*Ceratotherium simum*), имеет высоту около зашейка почти 2 м, так как Чапман у самки определил ее в 195,5 см, а Селус у самца — в 198 см; длина животного, включая хвост в 60 см, достигает 5 м, так что оно превосходит величиной всех представителей семейства****.

Отличительные признаки этого вида следующие: голова так вытянута, что по длине равняется почти трети всего туловища; морда широкая и угловатая; верхняя губа не выдается острием; уши заостренные и довольно длинные; шея короткая; тело очень толстое; кожа образует две складки, сбегаящие с затылка на грудь; цвет светло-желтый или светлый серо-коричневый, иногда переходит в светло-серый, обыкновенно принимает более темный оттенок на плечах, бедрах и брюхе. Селус, который имел случай наблюдать в пустыне много носорогов, говорит, что преобладающая окраска этого вида темно-серая, похожая на цвет шифера, и, опровергая местное описание обоих африканских видов, прибавляет: «Как тот, так и другой вид не бывают совершенно белого или черного цвета, и я не мог бы поручиться, который из них темнее»*****. Еще существеннее, чем вышеприведенными признаками, белый носорог отличается от своего сородича своеобразной формой черепа и меньшим числом спинных позвонков, ко-

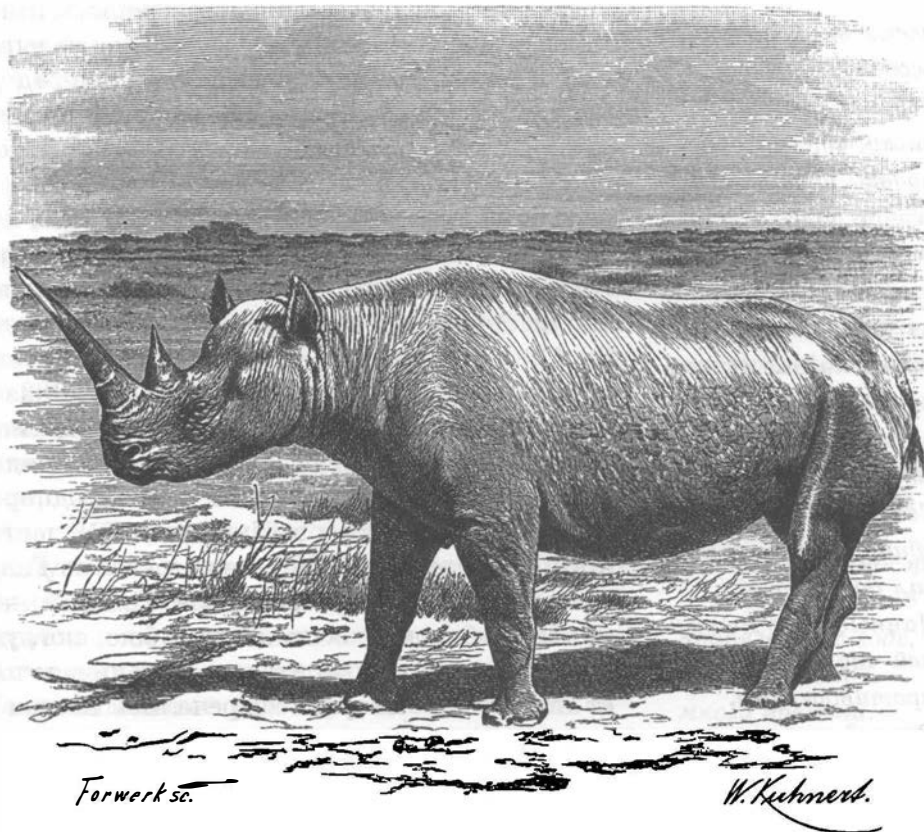
торых у него не 20, а только 18; кроме того, резцы если и бывают, то пропадают вскоре после рождения. Задний рог короче переднего, доходит до 60 см, но обыкновенно бывает только 6—12 см. Передний рог, по большей части мало или вовсе не согнутый, длиннее, чем у всех прочих видов этого семейства.

В настоящее время очень редко попадаются экземпляры, у которых передний рог длиннее 80—90 см, потому что самые старые и большие животные почти все уничтожены; в 70-х годах Селус находил еще рога в 109, 122 и 137 см. Отличительным признаком очень длинных рогов служит то, что они на конце как бы плоско срезаны, так как, когда животное пасется, они трутся о землю.

Животное это в буквальном смысле слова травоядное, по Селусу, оно питается только травой, чем и отличается от двурогого носорога. Вследствие этого оно водится преимущественно в степях, тогда как сородич его предпочитает места, заросшие кустарником. Водится белый носорог на очень ограниченном пространстве и только в южной Африке; сомнительно, чтобы он встречался в степях к югу от

Абиссинии. Но в настоящее время вследствие беспощадной и часто бессмысленной страсти к охоте носороги почти перевелись и на этом ограниченном пространстве южной Африки, где наши отцы могли их видеть до дюжины в день, ночью же на водопое можно было встретить 20—25 штук. В средней части юго-западных немецких владений, начиная с Китовой бухты, в 1874 году были перебиты последние экземпляры, как это видно из слов Вильмера. В болотах Чобе, где Селус в 1874 году встречал этих животных довольно часто, в 1879 году они совершенно исчезли, так что и туземцы говорили, что они перевелись. По словам Шинце, они встречаются еще на западе южной Африки по Кунене, Кубанго и около озера Нгами; на востоке же они водятся только в тех мес-

что английские эпитеты «black», «white» в данном случае не что иное, как искаженные

Белый носорог
(*Ceratotherium simum*)

слова буров, обозначающие «широкий» и «узкий» (имеется в виду форма верхней губы носорога).

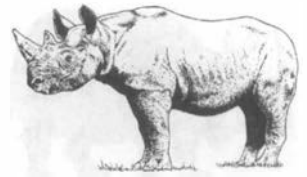
** Белый носорог был практически истреблен к середине XX в. (оставалось не более нескольких десятков особей), но меры охраны привели к тому, что южный подвид насчитывает сейчас более 4 тыс. особей, став самым «многочисленным» из всех носорогов. Этот подвид сейчас акклиматизируют во многих местах Восточной Африки. Северный подвид одно время насчитывал до 821 особи. Данные о его нынешней численности противоречивы. Очевидно, она резко снижается, из Уганды северный белый носорог уже исчез.*

тностях, где муха цеце вредит домашнему скоту, а потому косвенным образом препятствует вторжению охотников. По Селусу, они еще довольно многочисленны в северо-восточной части земли Машуна, но, вероятно, вскоре их изведут и там; тогда их последним убежищем на востоке южной Африки останутся низменности по реке Саби и, может быть, еще окрестности залива Делагоа*.

Древним носорог был хорошо известен. По Дюмихену, он встречается на египетских памятниках как пояснительное изображение после слова «ав». «Рисунок разрешает всякое сомнение насчет того, что здесь подразумевалось именно это животное, которое у древних египтян, вероятно, называлось тем же именем, как и слон, вследствие выгнутых вперед рогов, напоминающих бивни». Я убежден, что его надо подразумевать под библейским единорогом, о котором говорится в Книге Иова: «Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде, и станет ли он боронить за тобою поле? Понадеешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ты ему работу твою? Поверишь ли ему, что он семена твои возвратит и сложит на гумно твое?» (Иов. 39. 9—12).

В еврейском тексте это животное названо «рем» и ему приписываются то один, то два рога. Римлянам были известны и однорогие, и двурогие носороги, и оба вида появлялись на арене цирка. Плиний говорит, что первый однорогий носорог был привезен на игры в Рим в 61 году до Рождества Христова Помпеем; с ним вместе были привезены рысь из Галлии и павлин из Эфиопии. «Носорог, — рассказывает Плиний, — врожденный враг слона. Он побеждает последнего в бою, погружая ему в живот свой рог, который предварительно оттачивает на камне». И прибавляет также, что носороги встречались вблизи Мероз. «В городе Адудетоне, главном торговом пункте троглодитов и эфиопов, находящемся в пяти днях плавания от Птолемаиды, продается слоновая кость, рога носорога, кожа гиппопотама и тому подобные товары». Первым говорит об этих животных Агатархид, затем Страбон, который видел носорога в Александрии. Павзаний называет его «эфиопским быком». Марциал воспеваает оба вида: «На обширной арене, о Цезарь, носорог выигрывает в честь тебя такие бои, что этого нельзя было бы и предвидеть. Как свирепствует чудовище, распаляясь страшной яростью! Как силен его рог, на котором он подбрасывает быка, как мяч!» Так описывает он однорогого носорога, а о двурогом прибавляет: «Пока загонщик старается привлечь к битве носорога, исподволь раздражая это сильное животное, нетерпеливые зрители теряют уже надежду на продолжение боя. Но наконец в чудовище просыпается врожденная ярость. Двойным рогом своим он легко поднимает сильного медведя и подбрасывает его вверх, как бык собаку».

Арабские писатели с давних пор упоминают об этих носорогах, которых разделяют на индийских и африканских; в их сказках животные нередко являются существами волшебными. Известный писатель Марко Поло, сообщения которого имеют важное значение для зоологии, первый после большого промежутка времени прервал молчание относительно носорога. Он видел это животное в XIII столетии во время путешествия в Индию, на Суматре. «Там водятся, — говорит он, — много слонов и «рогатых львов», которые сложением ног похожи на слонов, но меньше их, а кожей более походят на буйволов. На лбу у них рог, который им ни к чему не служит. Когда они нападают на кого-нибудь, то опрокидывают соперника ударами колен и потом колют его языком, который снабжен несколькими длинными острями*. Голова их походит на голову кабана, и они держат ее всегда опущенной вниз. Это грубые, неопрятные животные, которые любят залезать в тину». В 1513 году португальский король получил из Индии живого носорога, слух о котором проник в другие государства. Альбрехт Дюрер вырезал его изображение на дереве, руководствуясь присланным ему из Лиссабона очень плохим рисунком. Изображение это представляет животное как бы покрытым чепраком и с чешуйчатой броней на ногах; маленький рот помещен на плече. Почти 200 лет этот рисунок знаменитого мастера был единственным изображением носорога; неувидительно поэтому, что Геснер тоже им воспользовался. Шардин, видевший носорога в Испании, первым дал в начале прошлого столетия более точное его описание. Образ жизни носорогов был более основательно описан Бонциусом в середине XVII столетия. С этого времени путешественники-естествоиспытатели описывают оба вида, но особенно подробно южноафриканских носорогов, так что в настоящее время легче дать общее понятие о жизни всех носорогов, чем отметить отличительные черты различных видов.

Все носороги походят друг на друга образом жизни, нравом, качествами, движениями и пищей; но все-таки у каждого вида есть свои особенности. Суданские арабы склонны считать исполинских животных, каковы, например, гиппопотамы и носороги, оборотнями: они верят, что злой колдун может принять вид этих животных, и стараются оправдать свое суеверие тем, что как гиппопотамов, так и носорогов ничем нельзя обуздать, когда они разъярены.

Любимым местопребыванием носорогов служат места, обильные водой: болота, широко разливающиеся реки, озера с тенистыми, поросшими тростником берегами, вблизи которых находятся травянистые пастбища, богатые ручьями леса и тому подобные местности**. Африканские носороги охотно селятся также в сухих травянистых или поросших кустами местностях, если только вблизи есть большое болото. Сокровенная лесная чаща, недоступная другим существам, расступается перед этими массивными

** Удивительно верное наблюдение. Действительно, нападающий индийский носорог поражает противника не рогом, а длинными заостренными нижними резцами.*

*** Однорогие носороги особенно тесно привязаны к воде, проводят в ней много времени, питаются сочной водной растительностью, уходят в воду при опасности, прекрасно плавают и ныряют. Сложением и повадками эти виды отчасти даже напоминают бегемотов. Двурогие носороги более «сухопутны», но тоже любят валяться в грязевых лужах и на мелководье.*

** Носороги спят, лежа на брюхе, подогнув под себя ноги. На бок они никогда не ложатся.*

*** Индийский носорог предпочитает влажные высоко-травные саванны и приречные заросли. Очевидно, сходные предпочтения были и у яванского носорога, в заболоченные и горные леса он был «загнан» человеком. Похоже, что лишь суматранского носорога можно назвать лесным жителем. В отличие от азиатских сородичей оба вида африканских носорогов вовсе избегают густых тропических лесов, населяя кустарниковые и травянистые саванны, сухие колючие редколесья.*

толстокожими животными, которым не могут повредить самые ужасные шипы. Поэтому большинство видов встречаются в лесах, даже недалеко от морского берега; некоторые же виды чаще попадают в высоких местах, чем в низких. Так, например, яванский носорог, хотя и попадает на заросшем кустами берегу, но чаще в горах на высоте 3000 м. По крайней мере раз в день каждый носорог ходит к воде, чтобы напиться и поваляться в тине. Это купание в грязи существенно необходимо всем живущим на суше толстокожим, потому что, хотя строение их кожи и оправдывает данное им название, все-таки они очень чувствительны к укусам мух, оводов и комаров, и только толстый слой ила до известной степени защищает их. Прежде чем отыскивать себе пищу, носорог спешит к топким берегам озер, болот и рек и, выкопав в грязи яму, роется и валяется в ней, пока спина, плечи, бока и брюхо не покроются слоем ила. Валяние в грязи доставляет им такое удовольствие, что они при этом громко ворчат и хрюкают и долго не могут расстаться с приятной ванной, которая заставляет их даже забывать осторожность.

Носороги деятельнее ночью, чем днем. Сильный жар невыносим для них, поэтому во время него они спят в каком-нибудь тенистом местечке, лежа наполовину на боку, наполовину на брюхе*, вытянув голову, или неподвижно стоят в чаще леса, где листва высоких деревьев защищает их от лучей солнца. Все естествоиспытатели согласны в том, что сон у этих животных очень крепкий. Многие охотники приближались без особенных предосторожностей к отдохавшим носорогам — они не шевелились и походили на каменные изваяния. Обыкновенно грозный храп спящего носорога слышен на довольно далекое расстояние, и путешественник остерегается, хотя и не видит самого спрятавшегося животного. Но случается иногда, что оно дышит тихо, и тогда можно внезапно очутиться перед чудовищем, не подозревая заранее о его близости. С наступлением ночи, а в некоторых странах немного после полудня неповоротливое животное поднимается, берет грязевую ванну, в которой валяется в свое удовольствие, и отправляется на пастбище.

Носороги селятся одинаково охотно в густых, непроходимых для других животных лесах, на открытых равнинах, в воде, так же как и в тростниках болот, как на горах, так и в долинах**. Там, где носороги живут по соседству со слонами, они обыкновенно пользуются дорогами этих последних, но им не представляет затруднения проложить их и самим. В джунглях Индии встречаются длинные, как бы по шнурку проведенные ими дороги, по обеим сторонам которых растения поломаны, а почва утоптана. Во внутренней Африке можно видеть подобные же проходы. Нередко можно встретить хорошо протоптанные дороги, которые ведут через скалистые или каменистые холмы от одного леса к другому; вследствие постоянного прохода животных по одному

месту в каменистой почве делается углубление, так что образуются глубокие тесные дорожки.

Гаскарль пишет: «На Яве я нашел такие дороги как на высоте 3000 м над уровнем моря, так и в болотистых береговых равнинах южной части острова. Идя по этим дорогам, можно всегда быть уверенным, что выйдешь наконец к источнику или к луже. Местами поперек дороги, углубленной часто более чем на полметра, падает дерево, под которое носорог может пролезть только с трудом; однако он из-за этого не переменяет своей обычной тропинки, так что нижняя часть ствола оказывается стертой и даже как бы отполированной». Гейглин свидетельствует, что двурогий носорог держится раз проложенных путей, не ведет, подобно слону, бродячей жизни, а тем более не любит переменять своего местопребывания, что делает только в случае сильной засухи. Мор, Юнгхун и Гаскарль рассказывают о вдавленных дорогах двурогого носорога, которые можно встретить к югу от Замбези на крутых скатах, горах и даже на почти отвесных круглых или заостренных вершинах; этими дорогами иногда пользуются пешеходы.

Носорог ест древесные ветки и различные сухие кустарники, репейник, дрок, камыш, степную траву и тому подобное, но не откажется и от более мягкого корма. Как уже упомянуто при описании обоих африканских видов носорога, представители одного вида питаются главным образом листвой, преимущественно очень распространенных в тех местах тернистых мимоз; другой же вид питается кустисто растущими травами. Если животные встретят обработанные поля, то не упустят случая порядком опустошить их, так как им требуется большое количество пищи ввиду внушительных размеров желудка, длина которого 1,5 м, а ширина 75 см. Но они еще более портят и топчут в полях, чем поедают. Пища захватывается широким ртом или отрывается хоботообразным придатком верхней губы. Я замечал на одном пойманном индийском носороге, что он вытянутой губой своей чрезвычайно искусно подбирал очень маленькие кусочки, например крошки сахара, которые с помощью этого отростка клал на высунутый язык. Всякую пищу животное пережевывает сейчас же по принятии, но самым грубым образом, так как пищевод его достаточно широк, чтобы допустить пройти и большим кускам. Индийский носорог может вытянуть хоботообразный придаток верхней губы до 15 см, захватить им толстый пучок травы, вырвать его и положить в рот. При этом ему, кажется, безразлично, чиста ли трава или к корням пристала земля. Однако он все-таки раз ударит вырванным пучком по траве, чтобы отряхнуть главную массу приставшей земли, а потом спокойно кладет его в широкую пасть и без труда проглатывает. Он охотно ест даже корни, которые легко достает себе. Находясь в веселом настроении, он любит иногда, уже ради удовольствия, вырыть из земли маленькое де-

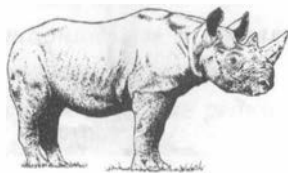
Семейство носороговые

Семейство носороговые

** Большинство носорогов — одиночные территориальные животные, строго охраняющие свой участок от посягательств других особей. Границы участков животные метят мочой и кучами помёта (в строго определенных местах). Ряд продолжительных засух в Африке серьезно подорвал численность черных носорогов, умиравших от голода и жажды на своих охраняемых участках либо гибнувших в схватках с соседями. Белые носороги не территориальные животные, почти не агрессивны друг к другу и часто пасутся небольшими группами.*

*** В рывке черный носорог достигает скорости 50 км/ч.*

ревцо или куст; с этой целью он до тех пор подкапывается под корни своим сильным рогом, пока может наконец захватить растение и выдернуть его; после этого новыми ударами отламываются корни, которые пожираются. Притом замечено, что различные виды обыкновенно выбирают различную пищу.

Нрав носорогов представляет мало привлекательного. Они или едят, или спят и почти не обращают внимания на все окружающее. В противоположность слонам они живут не стадами, а по большей части поодиночке или, самое большое, группами в 4—10 голов*. В таких обществах мало единства: каждый живет сам по себе и делает, что ему вздумается. Однако нельзя утверждать, чтобы они всегда относились друг к другу с тупым равнодушием; напротив, не говоря уже о привязанности самки носорога к своему детенышу, нередко устанавливаются дружеские, чтобы не сказать супружеские, отношения между различными полами, которые могут быть очень искренними и оканчиваются, может быть, только со смертью. На свободе часто встречаются пары, которые все делают согласно, а между попавшими в неволю и привыкшими друг к другу носорогами обоего пола можно наблюдать поистине нежную любовь.

Душевные способности носорога кажутся такими же тяжеловесными, как и тело, но и то и другое в действительности неверно. Обыкновенно носорог ходит тяжело и несколько неуклюже, а когда ложится и валяется, то делает это, по-видимому, чрезвычайно искусно; но все эти движения выглядят более неловкими, чем они бывают на самом деле. Конечно, носорог не может быстро оборачиваться и наклоняться, но на ровном месте, раз придя в движение, он бежит очень быстро. Он не ходит иноходью, подобно слону, но шагает, подвигая вперед одновременно ноги, расположенные по диагонали, как большинство животных. Он может также бежать очень быстро и крупной рысью**. По наблюдениям Селуса, при ходьбе белый носорог всегда держит голову низко наклоненной, а двурогий — высоко поднятою; кроме того, молодой детеныш первого вида бежит обыкновенно впереди, а второго вида — позади матери. Всякий носорог умеет плавать, но предпочитает держаться на поверхности воды и не ныряет без нужды. Однако некоторые естествоиспытатели уверяют, что он ныряет до самого дна болот и рек, вырывает там рогом корни и стебли водяных растений и выплывает с ними на поверхность воды, где и съедает их.

Среди внешних чувств слух у носорога стоит первым, за ним следует обоняние и уже после него осязание. Зрение развито очень слабо. Слух, должно быть, очень тонок, так как животное на далеком расстоянии слышит малейший шум. Нельзя у него отрицать и присутствие вкуса; по крайней мере, на ручных я наблюдал, что сахар — их любимое лакомство и они едят его с особенным удовольствием. Голос выражается в глухом хрюканье, которое пере-

ходит в дикий храп и фыркание, когда животное разъярено, а до такого состояния его очень легко довести, так как его равнодушные ко всему, что не касается корма, очень легко может перейти в противоположное чувство. Рэффлс наблюдал, что яванский носорог обращался в бегство от одной собаки, а другие путешественники видели, как носороги быстро убегали, почуяв людей; но поведение их изменяется, когда животное раздражено. Тогда оно не обращает внимания на степень вооруженности своих врагов и, зажмурив глаза, прямо бросается на предмет, вызвавший его гнев. В таком случае рассвирепевшему животному безразлично, находится ли перед ним группа вооруженных людей или предмет его ярости совершенно безобидный и незначительный. Красный цвет, должно быть, противен носорогу так же, как и быку; по крайней мере, видели, как он нападал на людей, одетых в платье ярких цветов, хотя они не причиняли ему ни малейшего вреда. К счастью, от бегущего разъяренного носорога нетрудно спастись. Опытный охотник, допустив его приблизиться на 10—15 шагов, отскакивает в сторону; бешеный противник пробегает мимо него, теряет след, по которому шел раньше, и наудачу бросается вперед, часто, чтобы излить свой гнев на совершенно невинном предмете.

Раздражительность носорога затемняет истинное проявление его характера и затрудняет верную и правильную оценку его понятливости. Несмотря на вышеприведенные наблюдения, на свободе живущее животное еще слишком мало известно, чтобы мы были в состоянии дать о нем хотя бы до некоторой степени верное суждение; в действительности его очень редко наблюдали, а при встречах с ним люди или нападали на него, или убегали. Слабо развитая мозговая часть черепа и маленький мозг, во всяком случае, не говорят о богатом умственном развитии, а его телесная неповоротливость, кажется, оправдывает предположение о душевной косности, но верны ли то и другое умозаключения?

О размножении носорогов у нас нет пока точных сведений, почерпнутых из самостоятельных наблюдений. У индийского носорога время течки падает на ноябрь и декабрь; в апреле или мае самка родит детеныша после 17—18-месячной беременности. Случке часто предшествуют ожесточенные битвы самцов между собой. Так, Андерсон был однажды свидетелем яростной битвы четырех носорогов, из которых он убил двоих; оказалось, что они покрыты ранами, вследствие которых не могли наедаться досыта*.

Самка родит обыкновенно только одного детеныша; это неуклюжее, маленькое, величиной с полувзрослую свинью существо рождается с открытыми глазами. Его красноватая кожа еще гладка, но зачаток рога уже заметен.

Из наблюдений над жизнью носорогов на воле мы узнаем, что мать выказывает горячую любовь к своему детенышу, кормит его почти в течение двух лет, все это время заботливо охраняет и

** Строгой сезонности в размножении у носорогов нет. Во время гона границы территории самки становятся «прозрачными» для соседних самцов; нередко между ними происходят схватки, но менее жестокие, чем за территорию, — скорее турнирные бои с «обозначением» фехтования рогами. Схватки сопровождаются разнообразными звуками — сопением, фырканием, ревом. Ухаживание самца за самкой продолжается долго (до нескольких недель), временная пара кочует с места на место, самец толкает самку головой и корпусом, обрызгивает мочой и помётом. После нескольких спариваний животные расстаются.*

Семейство носороговые

** Детеныш, зрячий, безрогий, весит около 40 кг, способен почти сразу следовать за матерью. Вскармливание молоком продолжается около 2 лет, только после отлучения от вымени у молодого носорога начинают расти рога. Промежутки между родами составляют 2,5 — 3 года. Во время гона матери детеныш сильно рискует быть затоптанным или поднятым на рог самцом. Еще до рождения следующего детеныша молодой носорог покидает мать.*

*** Рост черного носорога продолжается до 7 лет.*

**** Как правило, конфликты случаются на водопоях, и, чтобы свести вероятность схватки к минимуму, в природе давно выработалась совместная система доминирования слонов и носорогов. При встрече животное низшего ранга*

защищает в минуты опасности. Еще не знают наверное, сколько времени детеныш остается при матери, точно так же не известны отношения между отцом и детенышем*. Первые месяцы маленький носорог растет чрезвычайно быстро. Детеныш, имевший на третий день после рождения 60 см высоты и 1,1 м длины, вырос в один месяц на 13 см в высоту и на 15 см в длину. В 13 месяцев он уже был 1,2 м вышины, 2 м длины и 2,1 м в обхвате. Кожа в первые месяцы жизни темно-красная, позднее она получает бурые полоски по более светлому фону. У известных нам видов складки кожи до 14 месяцев едва заметны, но после этого они образуются так быстро, что в течение немногих месяцев совершенно исчезает различие между старыми и молодыми носорогами. Впрочем, носорог к восьми годам достигает только половины своего нормального роста, а после 13 лет замечено, что пленные носороги больше не прибавляют ни в величине, ни в объеме**. Рог от постоянного трения загибается все больше назад. Многие, в особенности пленные, носороги имеют привычку его так усердно оттачивать, что он уменьшается до едва заметного отростка. Совершенно стертые рога отрастают вновь, сломанные принимают иногда вид, совершенно не похожий на первоначальный, из чего следует, что мы не имеем права определять вид носорога по одним рогам.

В старое время ходило много басен о дружественных и враждебных отношениях носорога к другим животным. Так, например, говорили, что он со слонем ведет упорную борьбу и постоянно одолевает его. Рассказы эти, передаваемые еще Плинием и повторенные другими путешественниками, очевидно, басни. Весьма вероятно, что раздраженный носорог и нападает на слона, но в таких случаях слон также умеет защищаться, а не только подставляет свое тело под удары рога разъяренного противника***. Достовернее сведения о дружбе носорога с более слабыми животными. Андерсон, Гордон Кюмминг и многие другие путешественники сообщают, что постоянно видели как черного, так и белого носорога в обществе услужливой птицы, так называемого волокля. Она усердно сопутствует огромному животному в течение целого дня, предупреждает его об опасностях, а сама питается покрывающими его паразитами, поэтому она всегда держится в непосредственной близости от носорога или даже сидит на нем. Эти птицы — лучшие друзья носорога и почти всегда успевают предупредить его о грозящей опасности. Само собой разумеется, что животное благодарно птице за ее верную службу, и даже такое тупоумное млекопитающее способно понимать оказанное ему благодеяние, хотя бы в виде истребления мучительных насекомых. Но я не верю, что птицы эти с приближением человека клевали своего благодетеля прямо в ухо с целью разбудить его; скорее всего, беспокойства, в которое они сами приходят при близкой опасности, уже вполне достаточно для возбуждения подозритель-

ности носорога. Известно, впрочем, что особенно чуткие птицы всегда служат сторожами и сигналами для других, менее чутких животных.

Можно сказать, что у носорога, кроме человека, почти нет врагов. Львы и тигры избегают его, так как знают, что их когти недостаточно остры, чтобы нанести его панцирю достаточно глубокие раны, однако оставшему от матки молодому носорогу они могут быть очень опасны*. Носорог боится некоторых маленьких животных гораздо больше, чем больших хищников, и видит в слепнях и комарах злых врагов, против которых он совсем бессилен. Но, конечно, самый опасный враг носорога все-таки человек. Все племена и народы, живущие в тех местностях, где он водится, жестоко преследуют его. В прежние времена утверждали, что пуля не в состоянии пробить его толстую кожу, однако не подлежит сомнению, что нож, копье и даже метко направленная стрела пробивают ее. Туземные охотники стараются обойти неуклюжее животное под ветром, во время сна и тогда бросают в него метательное копье или стреляют почти в упор, чтобы придать пуле большую силу. Абиссинцы употребляют дротики, которые всаживают иногда до 50—60 в одного носорога. Когда, наконец, животное истощено сильной потерей крови, какой-нибудь смельчак приближается к нему и старается перерезать ему ахиллесову жилу, чтобы изувечить его и сделать неспособным к дальнейшему сопротивлению. В Индии охотники выезжают на слонах, но и им иногда грозит опасность от разъяренного животного. «Поднятый охотниками носорог, — говорит Борри, — бесстрашно бросился на толпу людей, и, когда они перед ним расступились, отскочив в сторону, он пронесся прямо между образовавшимися рядами и наткнулся на слона, на котором сидел губернатор; носорог тогда кинулся на слона, стараясь его поранить своим рогом, между тем как тот употреблял все усилия, чтобы схватить хоботом нападающего противника. Наконец губернатор, улучив минуту, метким выстрелом положил его на месте».

За африканскими видами носорогов европейцы охотятся точно так же, как за слонами: их подкарауливают ночью у водопоя, подкрадываются к ним днем в чаще лесов или даже в открытом поле, стараясь подойти на возможно близкое расстояние и всадить пулю из ружья большого калибра в самое чувствительное место туловища. Само собой разумеется, что такое сильное животное, как носорог, нападает иногда на своих преследователей, особенно если за ним гонятся на лошади, или он доведен до крайности, или ранен. Андерсон не раз был в большой опасности от раненых носорогов. Один из них напал на него и даже повалил, но не задел рогом, а только отбросил его задними ногами на большое расстояние. Но не успело животное отбежать нескольких шагов, как повернуло назад, снова напало на несчастного путешественника и на этот раз нанесло ему опасную рану в бедро. К

Семейство носороговые

уступает место животному более высокого ранга. Наиболее высокий ранг — у самок слонов, затем идут самцы носорогов, самцы слонов, низший ранг — у самок носорогов.

** Смертность молодых носорогов от львов, тигров и даже гиен достаточно высока, несмотря даже на заступничество матери. Осиротевший детеныш не имеет никаких шансов выжить в саванне.*

счастью, носорог этим последним нападением удовлетворил, по-видимому, свою злобу: он стремительно бросился в ближайшую чащу, и Андерсону удалось спастись.

Гордон Кюмминг тоже рассказывает, что однажды преследуемый им яванский носорог, который вообще считается не очень злым, яростно напал на него и сильно изранил. Он же сообщает, что черный носорог, без всякого повода с его стороны, вдруг набросился на него и заставил долгое время бегать вокруг куста. «Будь он так же проворен, как безобразен, мне бы, вероятно, пришлось проститься с жизнью; но обдуманная быстрота моих движений спасла меня. После того как он довольно долгое время ходил вокруг куста, пофыркивая и посматривая на меня через листву, он вдруг испустил громкий крик и повернул назад, предоставив мне поле битвы».

О многих подобных происшествиях и печального и комического свойства сообщают нам Бэнс, Чапман, Дрюмонд, Гаррис, Освел и другие путешественники. Но когда подумаешь, что в течение более 100 лет тысячи носорогов были убиты без особых разговоров и толков, то подобные немногочисленные рассказы о несчастных случаях с путешественниками не имеют для нас большого значения. Многим охотникам удавалось в течение дня пристрелить пять, шесть и даже до восьми этих животных и остаться при этом невредимыми. Гаррис, например, рассказывает, что в конце 30-х годов он однажды только на английскую милю удалился от своего экипажа, чтобы отыскать убитую антилопу, и на этом коротком пространстве он встретил до 22 носорогов, из которых он убил четырех мимоходом, не имея даже нужды уклониться от своей цели и не устраивая охоты.

Подобные и еще более удивительные рассказы встречаются беспрестанно в записках различных охотников, которые употребили все старания, чтобы в течение немногих десятилетий совершенно истребить носорогов на огромных пространствах. Вследствие этого мы позволяем себе думать, что охота на этих животных не представляет больших опасностей, что вообще носороги вовсе не так свирепы и злобны, как их описывали в прежнее время. Конечно, бывают случаи, что носороги набрасываются на противника, не дождавшись нападения с его стороны. Так, например, рассказывают, что они иногда ночью вторгаются в лагерь мимо сторожевых огней, что днем разгоняют мирные караваны, что один раз даже напали на упряжных волов. Но и в этих случаях произошло больше смятения, чем настоящей беды, и вскоре сами нападающие поспешили скрыться из виду. Вероятнее всего, что тут носороги, подобно многим другим животным, действовали под влиянием внезапного страха и напали на нарушителей своего спокойствия только затем, что надеялись между ними или мимо них проскакать в более безопасное место. Между тем подобные случаи, в которых животные, действуя под влиянием внезапного

страха, только искали собственного спасения, приняты были за проявление их свирепости и злобы.

Известный наблюдатель и опытный охотник Селус, который всегда так добросовестно проверяет факты и очень не любит неосторожных обобщений единичных случаев, говорит нам следующее о столь оклеветанном африканском носороге: «Нужно полагать, что нравы этих животных не везде одинаковы, но там, где мне случалось с ними встречаться, я не нашел их опасными, и только у одного из встреченных мной носорогов заметил попытку напасть на меня. Это была спасающаяся от погони самка, которой я заступил дорогу с целью заставить ее переменить направление; но вместо того, чтобы повернуть в сторону, она с гневным сопением бросилась прямо на меня; однако же мне удалось отскочить с лошадью в сторону, и она благополучно промчалась дальше. Я, впрочем, не хочу утверждать, что двурогий носорог чересчур добродушное животное, но говорю только, что он далеко не такой раздражительный, свирепый и опасный зверь, каким его хотели изобразить некоторые путешественники. Каким бы образом ни утвердилась за этим видом его дурная слава, она, вероятно, переживет его, но после того, как я в течение 8 лет убил до 100 носорогов, я имею право сказать, что охота на них менее опасна, чем охота на львов, слонов и буйволов»*.

Ловля носорогов еще труднее охоты. Яванского носорога ловят, как сообщает нам Гаскарль, преимущественно ради его рога, который сбывается китайцам за высокую цену. Чтобы поймать его, роют на его пути узкие ямы, на дне вбивают острые колья и тщательно покрывают их ветками. Тяжелое животное, идя по своему обыкновенному пути, падает в яму на колья, которые проникают в его тело; впрочем, даже и не раненный, он обыкновенно не в состоянии вылезти из ямы без посторонней помощи. Взрослых животных убивают без дальнейших церемоний, так как живыми их невозможно вытащить из ямы, молодых же стараются взять в плен и отправить в населенные местности, где надеются их продать. В Африке ловят молодых носорогов, которых время от времени доставляют на наши рынки следующим способом: в то время когда детеныши еще очень молоды, охотники стараются напасть на след самки с ее детенышем; мать убивают, после чего уже легко овладевают молодым носорогом.

Иногда помогает и случай, как это было, например, при поимке первого кистеухого носорога. Офицеры, охотившиеся в северной части Бенгальского залива за слонами, чтобы доставить их в английские войска, услышали от туземцев о поимке носорога. Оказалось, что животное, попав в береговой сыпучий песок, уже не было в состоянии из него выбраться само; 200 человек вытащили его на берег с помощью веревок и привязали между двумя деревьями, где оно и находилось в вожделенном здравии, и

** Носорог (прежде всего черный) традиционно входит в «большую пятерку» африканских животных, охота на которых сопряжена с повышенной опасностью. Помимо носорога туда входят слон, буйвол, лев и леопард. Однако с изобретением автоматического оружия и автомобилей повышенной проходимости охота на носорога стала практически безопасной, чем и пользуются браконьеры.*

Семейство носороговые

никто не решался его отвязать. Это известие заставило Гуда и Викеса отправиться с восьмью слонами на место, отстоявшее от них на 16 часов ходьбы, где находилось пойманное животное. Прибыв туда, они нашли самку носорога 2,6 м длиной при высоте в плечах 1,3 м, но с едва развившимися еще рогами. Они приказали привязать ее веревками между двумя слонами и повели с большими трудностями, но при живом участии народа в Читангонг. Отсюда ее перевезли в Калькутту и, наконец, продали в Лондонский зоологический сад.

Мы предполагаем, что все виды носорогов, иные скорее, другие труднее, могут быть укрощены и, несмотря на свой раздражительный нрав, довольно легко сделаться ручными, если с ними обращаться как следует.

В наших зоологических садах носороги по большей части добродушны и кротки, позволяют себя трогать, гонять в ту или другую сторону без всякого сопротивления и мало-помалу привязываются к сторожу, который хорошо обращается с ними. Известен нам только один случай, когда носорог, вероятно раздраженный приставанием двух посетителей, бросился на них и убил на месте. Индийский носорог Антверпенского зоологического сада был так добродушен, что Кретчмер мог входить в его клетку, чтобы удобнее срисовывать его со всех сторон. Пара индийских носорогов Берлинского зоологического сада выказала себя такими же кроткими и покладистыми, между тем как живший там же черный носорог оказался страшно злым и упрямым. Индийские носороги в хорошую погоду ежедневно выходили в открытую загородку, находящуюся при их конюшне, и часами купались в обширном водоеме; черного же носорога ни добром, ни силой нельзя было принудить выйти из закрытого помещения, и приходилось обливать его из насоса. Ни один сторож не решался входить в его конюшню и тем более дотрагиваться до него, потому что он свирепо отстранял всякую подобную попытку и даже угрожал нападением на самых знакомых ему сторожей. Строгостью с такими носорогами ничего не поделаешь, так как тупость и упрямство этого животного превосходят всякое понятие, но в подобных случаях добром все же лучше действовать, чем силой, и ласковые слова, предложенные лакомства приносят больше пользы, чем кнут, который, впрочем, все-таки оказывается необходимым орудием при воспитании носорогов.

Относительно качества пищи они не особенно прихотливы, хотя умеют отличать лучшую пищу от худшей, но количество пищи, употребляемое ими, довольно значительно: они уничтожают ежедневно около 20 кг сена, 3 кг овса или другого зерна и 15 кг репы. Ветки лиственных деревьев и клевер принадлежат к их любимым лакомствам. Белый хлеб и сахар им, очевидно, очень нравятся, но и обыкновенной соломой и болотными травами они не пренебрегают. При правильном уходе носороги выживают довольно долго и

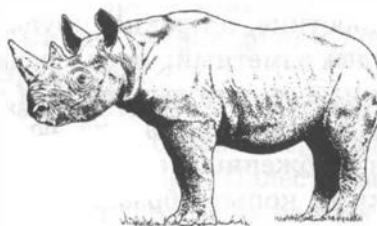
в нашем климате; известны случаи, что они 20, 30, а в Индии до 45 лет жили в неволе, поэтому я думаю, что им с полной справедливостью можно приписать 80—100 лет жизни*.

Полезьа, приносимая убитым носорогом, далеко не может окупить причиненный им при жизни вред. В тех местностях, где постоянно возделывают землю, он положительно не может быть терпим; он как бы создан только для пустыни. Почти все части тела убитого животного идут в дело. Не только кровь, но и рога высоко ценятся восточными народами ради их мнимой таинственной силы. На Востоке можно видеть в богатых домах множество кубков и сосудов, выточенных из рогов этого животного. Говорят, что влитая в эти сосуды ядовитая жидкость начинает тотчас кипеть, так что в них видят верное средство охранения себя от отравления. Турки высших классов постоянно носят с собой такую чашечку и во всех сомнительных случаях выливают в нее свой кофе. Совсем не редкость, что турок, пришедши в дом, где не ожидает для себя ничего особенно хорошего, велит слуге налить кофе, предлагаемый там всякому посетителю, в свою роговую чашечку, но страннее всего, что хозяина, по-видимому, вовсе не обижает подобная оскорбительная выходка. Еще чаще употребляют эти рога на рукоятки дорогих сабель; если уметь их хорошо выбрать и отполировать, то они принимают прелестный красновато-желтый оттенок и по справедливости могут считаться лучшим украшением оружия. Из кожи туземцы выделывают обыкновенно щиты, панцири, блюда и другую домашнюю утварь. Мясо употребляют в пищу, а жир высоко ценится, хотя европейцы и то и другое не особенно хвалят. Сало иногда употребляется на различные мази; мозг из костей тоже считается в некоторых местах целебным средством**.

Семейство носороговые

* *Максимальная продолжительность жизни носорогов в неволе — до 60 лет, в природе обычно 20—40 лет.*

** *Особенно высоко ценится нежное мясо белого носорога, а мясо черного считается малосъедобным. Рог с точки зрения подделочного материала и лекарственного средства не представляет большой ценности, но носороги всегда уничтожались и уничтожаются ныне главным образом из-за рога.*

** Отряд даманов включает лишь одно семейство дамановых с тремя современными родами и семью видами. Раньше даманов нередко называли когтекопытными или жиряками. На внутреннем пальце их задней ноги действительно развит раздвоенный коготь для расчесывания шерсти.*

*** Даманов считали родственниками грызунов, зайцеобразных, непарнокопытных. Сейчас почти доказано, что наиболее близкими к даманам современными отрядами млекопитающих являются хоботные и сирены.*

ОТРЯД ДАМАНЫ (Hyracoidea)

СЕМЕЙСТВО ДАМАНОВЫЕ (Procaviidae)

В диких скалистых горах Африки и западной Азии часто заметна кипучая жизнь: маленькие животные величиной с кролика, которые греются на солнце на каком-нибудь выступе скалы, испуганные появлением человека, быстро пробегают по отвесной скале, прячутся в бесчисленных расщелинах и оттуда поглядывают на необычайное для них явление. Это даманы, или жиряки*.

Мнения естествоиспытателей сильно расходились относительно места, которое должны занимать эти хорошенькие обитатели скал среди млекопитающих. Паллас по их внешности и образу жизни относил даманов к грызунам, Окен видел в них сородичей сумчатых животных, Кювье поставил наряду с многокопытными. Теперь же, по примеру Гексли, и это место у них отпаривают и относят к представителям совсем особенного отряда**.

Наружные признаки даманов следующие: туловище вытянутое и овальное; голова относительно большая и неуклюжая, заостренная спереди и сильно сплюснутая с боков; верхняя губа раздвоена; мордочка изящная; глаза маленькие и выпуклые; уши короткие, широкие, круглые, совсем почти скрыты в мехе; хвост едва заметный; ноги средней величины и довольно слабые, нежные ступни вытянуты и имеют на передних ногах четыре, а на задних по три пальца, соединенных до последнего сустава кожей и снабженных, за исключением заднего внутреннего пальца, плоскими копытообразными ногтями, тогда как задний внутренний палец вооружен когтеобразным ногтем; голая ступня покрыта множеством разделенных глубокими трещинами липких присасывательных мозолей. Туловище и конечности покрыты мягким густым мехом; этот мех у корня волнист и потому заменяет недостающий подшерсток.

Относительно внутреннего строения надо заметить следующее: заостренный вперед череп имеет очень плоское темя; скуловая дуга образуется скуловой костью, отросток которой, направ-

ляясь вверх, соединяется с лобной костью, так что височные впадины и глазные орбиты отделяются друг от друга почти сплошным костяным мостиком.

Позвоночный столб состоит из 21—22 грудных, 8—9 поясничных, 5—7 крестцовых, 5—10 хвостовых позвонков и 7 шейных. Остальные кости вытянуты, лучевая и малая берцовая кости сильно развиты и заметно отделяются от локтевой и большой берцовой кости. Зубная система очень своеобразна. Из резцов боковые выпадают, так что наверху и внизу остается по два резца, разделенных пустым промежутком. Верхние резцы полукруглые, в разрезе трехгранные, на конце заостренные от частого употребления, нижние прямые, почти горизонтально сидят в ячейках, проникающих далеко назад; клыков совсем нет, поэтому между резцами и 7 коренными зубами, увеличивающимися спереди назад, образуется пространство*. Из коренных зубов четыре ложнокоренных и три истинных. Внутренности тоже заслуживают внимания: желудок разделен перегородкой на два мешка; вначале очень узкая толстая кишка расширяется посередине и здесь же с обеих сторон имеет по короткому остроконечному приростку; печень с несколькими лопастями не имеет желчного пузыря; матка двурогая; семенные железы лежат внутри туловища, тотчас за почками.

Уже в древние времена даманы упоминаются как общеизвестные животные. Виды, живущие в Сирии и Палестине, кажется, были известны под библейским названием «сафан», переведенным Лютером словом «кролик». В Священном писании говорится, что сафан живет обществами на скалах и отличается слабоумием, зато наделен большим лукавством. Моисей относит сафана к жвачным животным с разделенными пальцами, которых евреи не должны были употреблять в пищу; на этом основании, вероятно, и в наше время в Абиссинии ни христиане, ни мусульмане не едят мясо даманов. В других местностях, а именно в северной Аравии, бедуины не находят ничего предосудительного в этой дичи и усердно преследуют ее. В Сирии дамана до сих пор называют «ранем израэль» — овца израильтян.

Когтекопытных надо принимать за животных, характерных для гор, лежащих в степях и пустынях. Их разнообразные, трудноразличимые виды населяют горные хребты Сирии, Палестины, Нильских стран, западной и южной Африки; при этом на хребтах выше 2000—3000 м над уровнем моря они встречаются в количестве не меньшем, чем на холмах и вершинах, выступающих наподобие островов, которые придают такой особенный отпечаток степным странам северо-восточной Африки**.

Который из видов известных ныне даманов мы выберем для нашего описания, почти безразлично, так как все они схожи между собой по образу жизни, хотя некоторые из них живут на деревьях. Я предлагаю здесь описание жизни скалистого дамана

** Питание преимущественно жестким растительным кормом сказалось на строении резцов — они сходны с резцами грызунов: имеют долотовидную форму, самозатачиваются друг от друга и растут всю жизнь, не образуя корней. В отличие от грызунов резцы даманов широко расставлены, лишены эмали, верхняя пара всегда больше нижней. У самцов верхние резцы всегда крупнее, чем у самок.*

*** Даманы — субэндемики Африки, лишь один вид живет и на Ближнем Востоке — в Палестине, Сирии, Аравии. Встречаются по всей Тропической Африке, включая острова, населяют даже безводные нагорья Сахары, но отсутствуют в горах Атласа и на Средиземноморском побережье.*

Семейство дамановые

* Даман, о котором рассказывает Брем, тогда назывался сирийским (*P. syriacus*), и его распространение в Африке ограничивали северо-востоком континента.

** Скорее всего Брем имел дело с молодыми животными. Взрослые даманы достигают длины 60 см (не считая хвоста 1—3 см), могут весить свыше 4 кг, но обычно вес не превышает 1,5—2 кг.

*** Сигнальный крик дамана очень пронзителен; одни ученые описывают его как вой, другие — как свист, трель или визг.

(*Procavia capensis*) только потому, что сам имел случай познакомиться с ним во время своих охотничьих поездок по Абиссинии*. Длина этого животного 25—30 см**; мех его состоит из довольно длинных, у корня волнистых, но вообще прямых и тонких волос. Общая окраска имеет бледно-серый цвет с темными или светлыми крапинками. Цвет брюха светлее, а именно бледно-желтый. Разновидности встречаются, кажется, довольно часто. Чем больше в скалах расщелин, тем чаще встречается это животное. Если тихо проезжать по ущелью, то можно видеть, что они сидят рядами или, еще чаще, лежат на карнизах скал; они большие лентяи и неженки и любят погреться под теплыми лучами солнца. Быстрое движение или громкий шум мгновенно испугивают их — все общество тотчас же оживает — все обращается в бегство и с проворством исчезают в один миг. Вблизи деревень они встречаются чуть ли не около самых домов и почти не боятся туземцев, даже не прячутся от них, как бы зная, что тут никто и не думает их преследовать, но при виде человека в чуждой для них одежде или с другим цветом кожи они мгновенно разбегаются по щелям скал. Гораздо больше страха, чем человек, внушают им собака или какое-нибудь другое животное. Даже когда им удается хорошенько запрячься от него в расщелинах скал, они долго еще издают своеобразный звонкий крик, очень похожий на крик маленьких обезьян***. Если вечером или утром слышатся их голоса, то абиссинцы предугадывают приближение крадущегося по скалам их злейшего врага — леопарда, так как известно, что даманы никогда не кричат после заката солнца, если их никто не трогает. Птицы тоже приводят их в ужас. Случайно пролетевшая мимо ворона или даже ласточка заставляет их бежать назад в свое укрепленное убежище.

Даманы неохотно покидают свои скалы; когда вся трава, растущая на них, съедена, они спускаются в долину, но на вершине скалы всегда остается сторож, при первом знаке которого все общество поспешно обращается в бегство.

Когда даманы движутся по ровной местности, походка их относительно тяжела; они, подобно носорогам, медленно передвигают ноги и как бы крадутся по земле, боясь, чтобы их не увидели. Сделав несколько шагов, они останавливаются, осматриваются, затем продолжают свой путь. Совсем иное бывает, если они чем-нибудь испуганы. Тогда они начинают быстро прыгать короткими скачками по направлению к скалам, и тут выказывается их быстрота и ловкость. Лазают даманы мастерски, так как нижняя часть их ступни отлично приспособлена для этого; подушечки на ней мягки, но упруги, вследствие чего каждый шаг приобретает уверенность, необходимую при быстром движении по наклонным плоскостям. Они мне сильно напоминают ящериц с липкими пальцами, так называемых гекко, хотя и не могут, подобно этим подвижным животным, ходить по ниж-

ней стороне горизонтальных плоскостей, зато в остальном ни в чем не уступят им. Они бегают вверх и вниз головой, почти по отвесной поверхности с такой же уверенностью, как по ровной земле, буквально прилипают к скале, над страшными обрывами, быстро бегают вверх и вниз по углублениям и расщелинам, причем удерживаются в последних на любом месте, упершись спиной в одну стену, а ногами в другую. К тому же они опытные и ловкие прыгуны. Им ничего не стоит сделать прыжок в 3—5 м. Можно видеть, как они скользят, подобно кошкам, со скал, даже если они совершенно отвесны, или висят над пропастью; при этом три четверти расстояния они пробегают, а затем мгновенно отталкиваются от стены, чтобы одним прыжком очутиться на другом камне.

Швенфурту, как и мне, казалась совершенно непонятной необыкновенная ловкость когтекопытных и умение лазать по самым гладким плоскостям, пока случай не помог ему разрешить эту загадку. Один туземный охотник обратил его внимание на то обстоятельство, что раненый даман в предсмертных муках так крепко прилипает к гладкой скале, как будто прирастает к ней, и вскоре этот исследователь убедился в истине такого показания: когда он однажды хотел снять со скалы раненного им дамана, то встретил такое сильное сопротивление, что должен был употребить значительную силу, чтобы преодолеть его. Внимательное исследование крепких и упругих, как каучук, ступней животного убедило этого внимательного наблюдателя, что когтекопытные могут присасываться к самым гладким поверхностям посредством произвольного сокращения и растяжения средней складки мягкой части ступни. Швенфурт справедливо замечает, что подобное свойство, встречающееся у пресмыкающихся и насекомых, не было замечено до сих пор у млекопитающих и вообще у теплокровных*.

Отличительной чертой нрава даманов является большая кротость, почти тупость в соединении с невероятной пугливостью и трусостью; они очень общительны, их почти никогда нельзя встретить в одиночку, и если это случается, то можно наверное сказать, что остальных членов общества нет налицо только в настоящую минуту. Раз избранного местожительства они держатся крепко, будь оно очень обширно или очень мало. Иногда их удовлетворяет одинокий большой обломок скалы, и самое большее, если их можно видеть один день на одной, другой день на противоположной стороне его. В хорошую погоду они лежат рядами на удобных камнях, причем принимают самые ленивые позы, поджав под себя передние ноги и вытянув задние, как это иногда делают зайцы. Но и в таких случаях несколько даманов стоят настороже**.

Когтекопытные, кажется, не брезгливы относительно пищи и едят необыкновенно много. Родина их, богатая душистыми гор-

** Последние исследования не подтверждают способности даманов «присасываться» к поверхности. Скорее всего губчатый толстый и влажный эпидермис подошв просто обеспечивает хорошее сцепление с субстратом.*

*** Единственные серьезные враги даманов — это крупные орлы. У зверьков выработалось устройство, которое помогает этим дневным животным постоянно следить за небом. Сетчатка глаза дамана «затенена» от попадания прямых лучей сверху «козырьком» радужины. Это свойство глаза дамана привело к появлению легенды, что из всех зверей только лев и даман могут не мигая смотреть на солнце.*

Семейство дамановые

** Даманы поедают траву, мох, побеги кустарников, листья, кору. Охотно едят насекомых. Могут обходиться водой, содержащейся в тканях растений и животных, употребляемых в пищу. Малая потребность в воде позволила даманам заселить наиболее засушливые части Африки. В поисках пищи даманы могут уходить на 1—3 км от родных скал.*

*** Колонии даманов представляют собой несколько семейных групп-гаремов. Обычно самцы выполняют роль часовых, охраняя территорию. Каждая семья занимает свою расщелину между скалами либо роет неглубокую нору. В году обычно один выводок из одного — трех детенышей.*

ными растениями, всегда доставляет им обильную пищу. Я часто их видел пасущимися у подножия скал совершенно таким же образом, как это делают жвачные. Они откусывают траву зубами и при этом двигают челюстями точно так же, как это делают двукопытные, когда пережевывают жвачку. Некоторые естествоиспытатели предполагали, что даманы действительно пережевывают жвачку во второй раз, но я у тех даманов, за которыми наблюдал, не заметил ничего подобного, по крайней мере во время отдыха. Мне кажется, что они совсем не любят воды или, по крайней мере, весьма редко пьют*.

Так как у самок даманов по шесть сосков, то предполагали, что они мечут большое число детенышей. Однако Швенфурт утверждает, что их бывает не более двух и что они являются на свет очень развитыми. Это сообщение согласуется со словами Рида, который часто видел в Капской области самок с двумя детенышами, но я всегда сомневался в справедливости этого мнения. Во всех тех многочисленных стадах, которые я видел, было так мало детенышей, что можно было заподозрить, будто среди них не более 2—3 плодящихся самок, что, конечно, решительно невозможно допустить. Мне также не случалось видеть самки, окруженной многими детенышами. На этом-то основании я считаю возможным, что самка дамана мечет только по одному детенышу**.

Охота за даманами не представляет больших трудностей, если этих трусливых животных не тревожили несколько раз раньше. Обыкновенно охотнику удается подстрелить сидящего на некотором расстоянии сторожа. Но после нескольких выстрелов все стадо становится очень пугливым и убегает, издали завидев человека, и показывается снова только в самых высоких трещинах скалы. Живучесть этих маленьких созданий невероятна: даже тяжело раненные успевают добраться до расщелины, где, конечно, всякие поиски их оказываются напрасными.

Только в Аравии и южной Африке даманов ловят из-за их мяса, напоминающего кроличье. На полуострове Синай бедуины роют яму, выкладывают ее плоскими камнями, закрывают каменной проваливающейся крышкой, поставленной на подпорках. Как только даман примется есть ветку тамариска, служащую приманкой, подпорки сдвигаются с места, крышка падает, и глупенький зверек попадает в тюрьму, стены которой оказывают непреодолимое сопротивление его слабым лапам, не приспособленным к рытью. Таким способом Эренберг во время пребывания в каменной Аравии приобрел семь даманов. Кафры, как утверждает Кольбе, ловят руками живущих в южной Африке даманов. Один из туземцев, у которого останавливался этот старый опытный наблюдатель, имел девятилетнего невольника, который пас стадо и потому часто взбирался на скалы; он приносил иногда домой такое количество своей любимой дичи, что едва мог ее донести, и возбуждал этим всеобщее удивление, так как никто не мог объяс-

нить такого искусства в ловле этих проворных животных. Впоследствии мальчик выдрессировал собаку, которая помогала ему на охоте. Капканы, расставленные перед входами излюбленных даманами расщелин, могли бы тоже оказать услугу.

Бедуины в Аравии, как я уже говорил, очень любят мясо даманов. Пойманных живыми они тотчас убивают и потрошат тут же, на месте, так же как и застреленных, и вместо внутренностей набивают ароматическими травами, частью для придания мясу лучшего вкуса, частью для сохранения его от порчи. Другого употребления даманов эти люди не знают, между тем как капские жители умеют извлекать и другую пользу из этих животных.

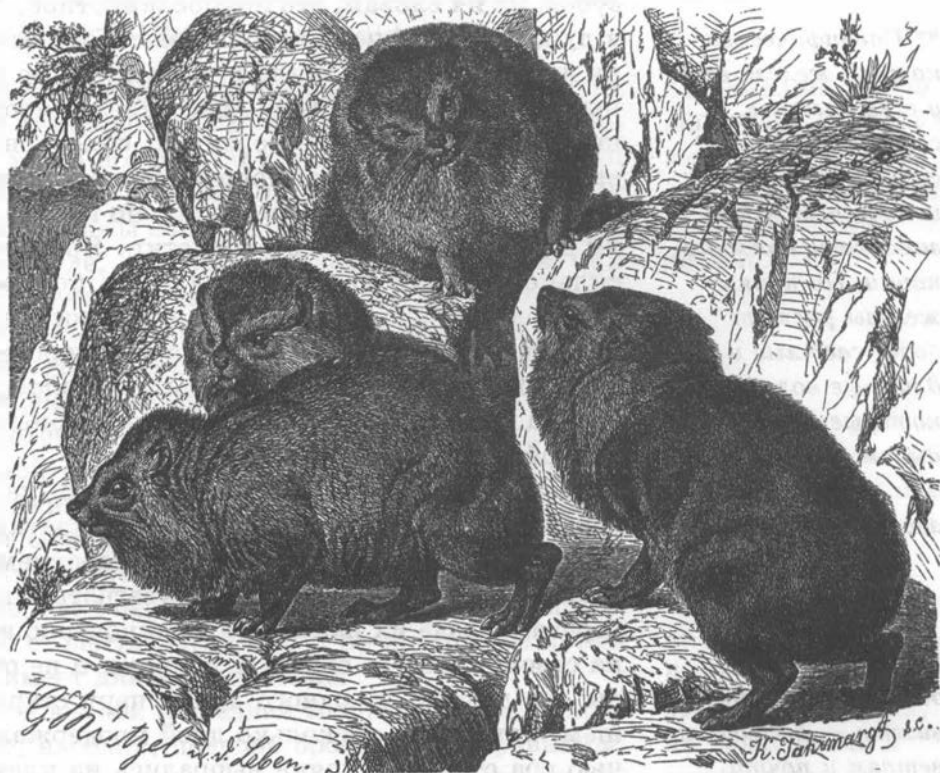
До сих пор кал даманов, смешанный с их мочой (смесь эта у голландских поселенцев называется «барсучья моча»), появляется в продаже под именем Нугасеуп. Даже в Европе есть доктора, которые прописывают это средство при известных нервных болезнях. Жаль только, что действие его, как почти всех других заимствованных из животного царства, основано на одном воображении. Но на всякий случай, если Нугасеуп действительно может принести какую-нибудь пользу, я сообщаю своим читателям, что на всех скалах земли Богоса можно собрать сколько душе угодно этого лекарства. Благодаря своей страшной прожорливости даманы оставляют удивительное количество помета; на всех камнях, где они только посидели, он лежит кучами; в щелях же скал его можно набрать целыми четвериками*.

То же самое, что сказано о скалистом дамане, можно сказать о живущем в южной Африке и нижней Гвинее до Конго капском скалистом дамане (*Procavia capensis*), и об обитающем в восточной Африке дамане Брюса (*Heteroxyrax brucei*).

Бюттикофер в Либерии открыл и описал еще один вид, который мы можем назвать древесным даманом (*Dendroxyrax*

Семейство дамановые

* Даманы оставляют свой помёт только в определенных местах — «уборных». Уборные, используемые многими поколениями

Скалистый даман
(*Procavia capensis*)

ми даманов, заполнены метровыми пластами окаменевшего до плотности асфальта гуано, которое используют в лекарственных целях и как удобрение.

Семейство дамановые

** В отличие от других даманов древесные — ночные животные. Основа их питания — листва, почки, плоды.*

*** Специфическая кожная железа есть у всех даманов, у самцов развита сильнее. Очевидно, используется при запаховой коммуникации. По краям железы растут более светлые и длинные волосы, которые встают дыбом при испуге или раздражении зверька.*

**** Древесные даманы очень подвижны — бегают по ветвям и почти вертикальным стволам, нередко спускаются на землю. Эти территориальные одиночные животные общаются между собой сигнальными криками. В неволе древесные даманы жили до 7 лет, скалистые — до 11 лет.*

arboreus). «Этот жиряк, — пишет Бюттикофер, — постоянный житель лесов и деревьев. Уже в первый вечер после своего прибытия я был поражен своеобразными звуками, которые раздавались в соседнем лесу и которых я вовсе не слышал в первое мое пребывание в этих местностях. Это было пронзительное и отрывистое «керр», которое с короткими промежутками далеко разносилось по окрестности; я не знал, приписать ли эти звуки птице или какому-нибудь пресмыкающемуся, но, во всяком случае, никак уж не млекопитающему. Туземцы, однако, утверждали, что виновник этих звуков — млекопитающее, живущее в дуплах деревьев и лазающее по стволам с помощью своих длинных зубов; по их словам, это ночное животное, которое проводит день в дуплах. Назначенное мною высокое вознаграждение за поимку животного соблазнило туземцев, и мне вскоре были доставлены один за другим несколько экземпляров. Все они были принесены мне живыми в корзинах, сплетенных из толстых прутьев наподобие рыбных вершей; предосторожность эта была необходима, потому что зверьки сильно кусались и даже не позволяли дотрагиваться до своей клетки. Яростно грызли они прутья, сильно ударяли передними лапами по земле и ерошили длинные волосы на спине, причем эти волосы на задней части спины большей частью распадались на две стороны, обнаруживая скрытую под ними голую голубоватую полоску. Известно, что эта полоса, встречающаяся у всех когтекопытных, образуется особенной подкожной железой**.*

Большая часть этих животных была поймана следующим образом: выход из дупла был на время заткнут, дерево обрублено; затем перед открытым вновь отверстием привязана крепкая рыбная сеть, в которую старались загнать животное, стуча по стволу дерева. Гнезда их находятся обыкновенно на высоте от 2,5 до 5 м на стволах, всегда обвитых лианами и не очень толстых. Однажды мы добыли из одного дупла пару старых даманов с детенышем, которых я несколько дней продержал в клетке. Но раз ночью оба старых жиряка выбрались из клетки, взобрались вверх по косяку двери и ушли через верхнее отверстие в поле. Но детеныш остался, и с ним мне удалось то, что никогда еще не удавалось со взрослыми: он стал почти совсем ручным, и я мог под некоторым присмотром пускать его бегать по комнате. Само собой разумеется, что я жаждал видеть, как он лазает, и это мне тоже удалось сверх всякого ожидания, так как он вскоре стал взбираться по ножке на мой рабочий стол и оттуда по оконному косяку на укрепленную над окном дощечку. Из этого темного уголка он часами наблюдал за моей работой. Лазанье облегчалось ему тем, что животное прижимало голые ступни к обеим сходящимся под углами сторонам четырехугольной ножки стола и оконного косяка и с большой легкостью взбиралось наверх»***.

ОТРЯД ТРУБКОЗУБЫЕ (Tubulidentata)*

СЕМЕЙСТВО ТРУБКОЗУБОВЫЕ (Orycteropodidae)

Африканский, или капский, трубкозуб (*Orycteropus afer*). Трубкозуб достигает в длину почти 2 м, из которых на хвост приходится около 85 см, масса его 50—60 кг. Кожа очень толстая и одета гладко прилегающими и довольно редкими, жесткими и щетинистыми волосами; волосы на верхней стороне тела несколько короче, чем на нижней, где, особенно у основания пальцев, они торчат пучками; цвет очень равномерен. Спина и бока желтовато-бурого цвета с рыжеватым оттенком, нижняя сторона и голова светлые, рыжевато-желтые, задняя часть, корень хвоста и конечности бурые; новорожденные детеныши мясного цвета.

Голландские поселенцы на мысе Доброй Надежды назвали это животное «земляной поросенок», так как мясо его по вкусу близко к мясу дикой свиньи; с давних пор охотились за ним и потому хорошо с ним ознакомились. Еще во времена Бюффона оно считалось сказочным существом; этот естествоиспытатель очень решительно оспаривал первое описание Кольбе, относящееся к началу прошлого столетия, хотя оно и по настоящее время еще более или менее имеет для нас значение.

Трубкозуб живет в южной и средней Африке, от восточного до западного берега ее, населяя, подобно броненосцам, равнины, пустынные местности и степи, где водятся муравьи и термиты**. Это создание, живущее одиноко, едва ли более общительно, чем броненосцы, хотя его иногда и находят в обществе других; строго говоря, каждый трубкозуб живет сам по себе, отдыхая днем в больших норах, выкопанных им самим, а ночью бродя вокруг своего жилища.

В степях Кордофана, как на поросших редким лесом низменностях, так и на широких равнинах, заросших высокой травой, где находится лишь немного кустов, я часто видел норы трубкозуба и много слышал о его образе жизни, хотя мне ни разу не пришлось видеть самого животного. Номады называют его Абу-Делаф (когтистый отец) и ревностно охотятся за ним. Гейглин первый имел счастье достать живым одно из этих животных и мог дать более точные сведения о его образе жизни. От него я узнал следующее.

Семейство
трубкозубовые

* Это самый маленький отряд млекопитающих. В настоящее время эндемичен для Тропической Африки.

** Трубкозубы имели других предков — древних копытных, но экологически и морфологически стали похожи на неполнозубых. Конечности трубкозуба, вооруженные мощными когтями, также приспособлены к рытью, сокрушению стенок термитников, язык червеобразный, челюсти удлиненные, сильно развиты слюнные железы.

Семейство трубкозубовые

* Обычно норы трубкозуба имеют длину 2—3 м, диаметр около 40 см, уходят на глубину до полутора метров, заканчиваются

Африканский
трубкозуб
(*Orycteropus afer*)

гнездовой камерой, выстланной листьями. По некоторым данным, норы могут достигать 20 м.

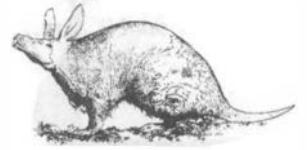
** В поисках пищи трубкозуб может проходить 10—30 км за ночь. Толстая кожа предохраняет зверя от укусов муравьев и термитов.

Трубкозуб спит целый день, свернувшись в глубокой норе*, выкопанной им самим, которую он закрывает за собой, заткнув отверстие землей. К вечеру он выходит добывать себе пищу. Он бежит особенно быстро, но делает при этом очень своеобразные и довольно широкие прыжки. При этом касается земли всей ступней, держит голову с заложенными назад ушами перпендикулярно опущенной к земле, сгибает спину и волочит по земле хвост для поддержания равновесия. Конец морды проходит так близко над землей, что пучок волос, окружающий ноздри, метет ее. Время от времени трубкозуб останавливается, чтобы прислушаться, нет ли поблизости врага, и идет дальше. При этом очевидно, что обоняние и слух у него

развиты лучше всего: насколько он работает ушами, настолько же ползает и носом. Быстрым движением морды он поворачивает кончик носа в стороны и местами испытующим образом поднимает вверх свою длинную морду, чтобы искать добычу с помощью обоняния. Так он подвигается, пока не найдет след муравьиной дороги. Держась ее, он дохо-

дит до жилища муравьев и начинает здесь охоту совершенно так же, как броненосцы или настоящие муравьеды**.

Он обладает невероятной ловкостью в рытье. Несколько мгновений ему совершенно достаточно, чтобы совсем зарыться в землю, как бы ни была тверда почва. При рытье он работает большими когтями передних ног и с силой откидывает назад огромные комки земли; задними ногами он так далеко отбрасывает за себя вырытую землю, что его окружает настоящий дождь пыли. Подойдя к жилищу муравьев или термитов, трубкозуб сначала тщательно обнюхивает его со всех сторон, затем начинает копать и врывается в землю до тех пор, пока не наткнется на главное гнездо или один из главных ходов насекомых. В такие главные ходы, которые в холмиках термитов имеют по большей части 2 см в диаметре, трубкозуб всовывает свой длинный язык, оставляет его там, пока он не покроется муравьями, затем вытягивает его вместе с муравьями в рот и повторяет это до тех пор, пока не насытится вполне. Иногда он просто схватывает губами сотни муравьев сразу, а в настоящем гнезде термитов, где кишат миллионы этих насекомых,

он ест почти как собака, с каждым глотком проглатывая сотни сразу. Так он переходит от одной постройке к другой и производит среди все опустошающих термитов, в свою очередь, величайшее опустошение. С рассветом зарывается в землю, причем для него совершенно безразлично, найдет ли он свою нору или нет, так как в несколько минут он зароется так глубоко, как находит нужным для того, чтобы провести день в полнейшей безопасности. Если нора оказывается недостаточно глубокой, то с приближением опасности он роет дальше. Никакому врагу невозможно проникнуть за ним в нору, так как он с такой силой выбрасывает назад вырытую землю, что всякое другое животное смущенно возвращается назад. Даже человеку трудно рыть вслед за ним, и каждый охотник через несколько минут оказывается совершенно покрытым землей и песком.

Трубкозуб чрезвычайно осторожен и робок и даже ночью при малейшем шуме немедленно зарывается в землю. Слух позволяет ему издали заметить приближение большого животного или человека; таким образом, он почти всегда оказывается в безопасности, прежде чем враг приблизится. Большая сила делает его, впрочем, способным защищаться от разных опасностей. Охотник, который действительно застанет врасплох трубкозуба и схватит его, вовсе еще не овладел желанной добычей. Как броненосец, он со всей силы прижимается к стенам норы, даже если лишь наполовину находится в ней, крепко вцепляется в землю своими острыми когтями, сгибает спину и с такой силой прижимает ее кверху, что становится почти невозможным отцепить хоть одну ногу и вытащить животное. Один человек никогда не может сделать это, да и нескольким довольно долго приходится повозиться с ним. Поэтому поступают совершенно так же, как в Америке с броненосцами. Туземцы восточного Судана осторожно приближаются к норе, решают по лежащей у входа земле, находится ли там трубкозуб или нет, и вдруг со всей силы колют пикой в глубь норы. Если она прямая, то животное обыкновенно ранят, если она изогнута, то охотиться не стоит.

О спаривании и размножении трубкозуба нет еще точных сведений. В северных частях области его распространения самка мечет в мае — июне единственного детеныша, который является на свет голым и очень долгое время питается молоком матери*. Годовалый трубкозуб сильно покрыт волосами; позднее благодаря работе под землей волосы все более и более стираются.

Гейглин кормил трубкозуба, которого он держал в неволе, молоком, медом, муравьями, финиками и другими плодами. Животное скоро стало ручным, привыкло к своему хозяину и следовало за ним, когда он ходил по двору. Трубкозуб доставлял удовольствие очень комичными прыжками, но в общем был все же тупым и скучным существом, которое, как только могло, зарывалось и спало почти весь день. Для своих испражнений, имеющих

** У трубкозуба две пары сосков на брюхе и в паху. Пик размножения — в начале дождливого сезона. Обычно рождается один, редко два детеныша. Детеныш трубкозуба рождается зрячим, лишенным шерсти и с очень морщинистой кожей. Уже в возрасте двух недель он начинает сопровождать мать, в полгода — роет собственную нору недалеко от материнской. Самец покидает мать через год, самка остается дольше, нередко мать сопровождает два разновозрастных детеныша.*

Семейство трубкозубовые

** В неволе трубкозубы жили до 10 лет.*

*** Естественных врагов немного. Он моментально зарывается в землю или отбивается от хищников когтистыми лапами, иногда опрокинувшись на спину. Человек уничтожает трубкозуба из-за мяса и кожи.*

очень сильный запах, трубкозуб всегда вырывал, прежде чем испражняться, задними ногами маленькую ямку, которую потом снова прикрывал землей с помощью передних ног.

В последние десятилетия трубкозуба не раз привозили в Европу, и здесь при соответственном уходе он проживал более года*. Несмотря на свою сонливость днем, он всегда привлекает внимание каждого любителя животных. Я должен еще прибавить, что он часто спит и сидя, причем опирается на длинные задние ноги и хвост, как на треножник, и старается спрятать голову с длинной мордой между передними ногами и бедрами. Животное кормят мелко изрубленным мясом, сырыми яйцами, куколками муравьев и мучной кашей, но заменяют ему таким образом его естественную пищу в очень недостаточной степени. Он, по-видимому, страдает от недостатка движения, легко получает опухоли и раны, благодаря этому гибнет скорее, чем было бы желательно хозяину.

Лишь в странах, где часто проходят караваны, трубкозуб становится вредным человеку из-за рытья; вообще же он приносит скорее пользу, чем вред**. После смерти части тела его имеют различное применение. Мясо его похоже на свиное, и его называют то превосходным, то вязким и отвратительным по запаху; из толстой крепкой шкуры выделяется кожа.

ОТРЯД ПАРНОКОПЫТНЫЕ (Artiodactyla)

В отряд парнокопытных объединяют, согласно предложению Окена, всех копытных млекопитающих, у которых на каждой ноге только два развитых пальца или эти два пальца более развиты, чем три остальных. Эти большие одинаковой величины пальцы соответствуют третьему и четвертому пальцу человеческой руки. Палец, соответствующий большому пальцу на руке человека, у парнокопытных отсутствует.

Парнокопытных нет в Австралии и «Новой Зеландии»; на других материках и островах, где встречаются сухопутные млекопитающие, можно найти представителей этого отряда. Палеонтологические формы парнокопытных появляются только в третичных формациях**.

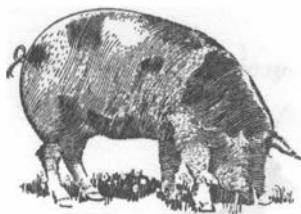

Отряд парнокопытные

** Одомашненные парнокопытные завезены человеком в Австралию и на многие острова и архипелаги.*

*** Наиболее древние парнокопытные, размером с кролика, известны из раннего эоцена Северной Америки. Возникнув 55 млн лет назад, парнокопытные еще 20 млн лет были мелкими лесными всеядными созданиями. Начиная с миоцена, когда широкое распространение на земле получили открытые травянистые пространства, парнокопытные объединились в стада, научившись быстро бегать и перемещаться на дальние расстояния.*

* *Расцвет нежвачных (или многокопытных, по Брему) давно позади. К ним относят всего три современных семейства — свиных, пекари и бегемотов. Это лесные или околородные животные, лишь немногие встречаются в саваннах. Они отличаются тяжелым строением, массивной головой, короткими шеей и конечностями.*

** *Свиные — наиболее архаичные из современных копытных. На ногах — по 4 пальца с копытами, имеют простой желудок с двумя отделами. Характерные особенности — жесткий пяточок, образованный уникальной предносовой костью и хрящом, и загигающийся вверх и в стороны крючковатые верхние клыки.*

Подотряд НЕЖВАЧНЫЕ (Suiformes)*

СЕМЕЙСТВО СВИНЫЕ (Suidae)**

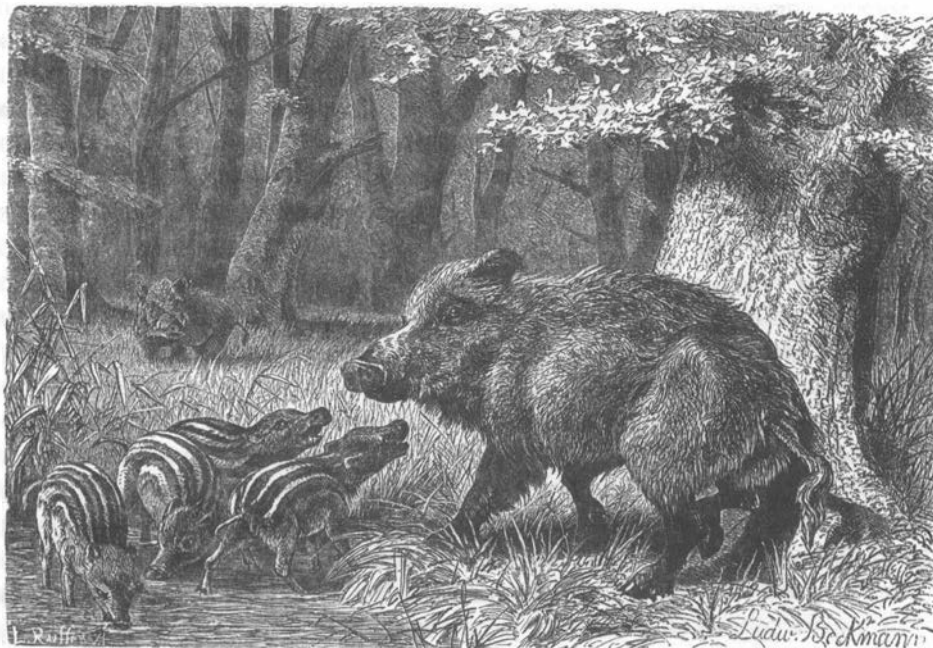
Кабан, или дикая свинья (*Sus scrofa*), вполне соответствует вышеуказанным признакам. Это большое, сильное и вполне способное защищаться животное, достигает полных 2 м общей длины или 1,8 м длины туловища, 25 см длины хвоста, при высоте 95 см в крестце; оно весит 150—200 кг. Объем и вес тела сильно меняются в зависимости от местожительства, времени года и свойства пищи. Кабаны, живущие в болотистых местах, обыкновенно больше ростом, чем обитающие в сухих местах; те, которые живут на островах Средиземного моря, не похожи на живущих на материках. По наружному виду кабан очень похож на своих потомков, то есть на домашних свиней. Орудие для защиты, бивни, больше и острее. Цвет шерсти разнообразный; у немецких охотников кабаны известны под именем «черная дичь». Поросята их полосатые, по серовато-красному фону у них видны желтые полосы, идущие довольно правильно спереди назад; полосатость эта исчезает уже в первый месяц их жизни. Волосной покров их состоит из жестких, длинных, заостренных, на кончике часто расщепленных щетин. Между ними, смотря по времени года, растет более или менее густой мягкий подшерсток, называемый свиным пухом. На нижней части шеи и на задней части живота щетина обращена кпереди, на остальных частях тела назад, на спине щетина образует род гребня или гривы. Обыкновенная их окраска — черная, концы же щетинок желтовато-серые, вследствие чего и общий цвет кажется светлее. Уши темно-бурые, хвост, конец морды, нижние части ноги и копыта черные.

Кабаны прежде водились почти во всей Европе и в средней части ее встречались почти так же часто, как и в южной; теперь же, на горе охотников и на радость сельских и лесных хозяев, они во многих странах и в целых местностях вовсе истреблены или же живут в парках, где их берегут любители охоты. Область распространения их не заходит севернее 55 градуса северной широты.

Количество их еще больше в гористых частях Франции и Бельгии, нежели в Германии; также много их водится еще в Польше, Галиции, Венгрии, на Дунайских низменностях, на западе и юге России, на Балканском и на Пиренейском полуостровах. В Азии кабаны водятся от Кавказа до Амура и от 55 градуса северной широты до северного склона Гималайских гор. В Малой Азии, Сирии и Палестине водится дикая свинья, называемая Грэм *Sus lybicus*, которая, вероятно, принадлежит к тому же виду.

Кабаны размножаются в удобных для них местностях, например вовсе отсутствуют в степных горных возвышенностях, между тем как в горах Тянь-Шаня живут вплоть до лесного пояса, на высоте 3300 м над уровнем моря. В Африке они распространены во всех удобных для них странах северного берега этой части света.

Кабаны живут преимущественно в сырых и болотистых местах, все равно, будь это лесистые низменности или безлесные места, только бы они были покрыты болотными растениями; больше всего, впрочем, они любят обширные чащи молодых хвойных зарослей. Во многих местах Египта дикие свиньи из года в год живут на полях сахарного тростника, никогда не покидая их. Тут они питаются тростником, валяются в грязи проведенной на поля воды и чувствуют себя до того хорошо, что никакими средствами их оттуда не выжить. В Азии они также иногда покидают лесистые места и на время забираются на луга, изыскивая близость проточной или стоячей воды*. Для отдыха свинья выры-

вает себе яму такой величины, чтобы только в ней поместиться, и если возможно, то выстилает эту берлогу мягким мхом, сеном и листьями и затем укладывается в ней отдыхать, высыпаясь всласть. Целое стадо устраивает точно таким же образом общее логовище, которое называется у охотников «котлом». Все животные стараются улечься в нем головами в середину. Желая устроиться зимой потеплее, самки покидают котлы и логовища и предпочитают забираться в кучи старой соломы или перепрелого тростника, куда совершенно закапываются; поэтому охотники, наталкивающиеся на подобные гнезда, бывают свидетелями престранного явления: холм, к которому они подходят, ничего не предполагая, начинает двигаться и вдруг выпускает из недр своих целое стадо свиной-маток.

Как животные общительные, кабаны живут стадами, которые устраиваются всегда так: матки ходят отдельно с поросятами, с ними молодые и слабые кабаны; особенно сильные кабаны

Кабан
(*Sus scrofa*)

* Кабан — преимущественно оседлый вид. Он действительно привязан к воде, по крайней мере — к грязевым лужам, где с удовольствием валяется, охлаждая тело (у кабана не развиты потовые железы).

Семейство СВИНЫЕ

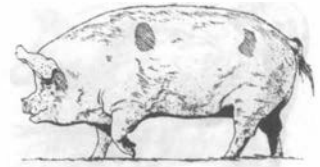
** Обычно весной и летом группы свиной насчитывают не более 10—12 животных (включая самок с выводками). Молодые самцы (1—2 года) живут на периферии семейных групп. Осенью и зимой кабаны объединяются в стада по 30—40 голов. Участок секача-одиночки может охватывать от 300 до 15 000 га.*

*** Животная пища занимает большое место в меню молодых, растущих кабанов и составляет примерно 20 процентов. Главный источник животного белка — дождевые черви.*

**** В день, точнее, в ночь кабан проходит 2—14 км, за сутки стадо кабанов обследует территорию от 50 до 75 га.*

часто подбирают себе отдельное стадо взрослых самок; старые кабаны живут большей частью отшельниками и только во время спаривания примыкают к стадам*. Обыкновенно днем стадо лежит, лениво растянувшись в берлоге, а под вечер все вылезает и идет пастись. Сначала они, по выражению охотников, «идут рыться» в леса и на луга, где взрывают землю пяточком, или спешат к ближайшей луже, в которой они валяются с полчаса. Кажется, такие прохладительные ванны им необходимы, так как они иногда бегают за несколько миль, чтобы разыскать воду. После того как все успокоится, кабаны отправляются пастись на поля, и их нелегко прогнать оттуда, где они раз водворились. Выколосившиеся поля очень трудно уберечь от свиней, так как в это время их ничем оттуда не выживешь. Съедают они гораздо меньше, чем опустошают, и в этом-то и состоит их главный вред. В лесах и на лугах кабаны отыскивают корм в почве, именно гусениц, насекомых и всяких червей; осенью же и зимой желуди, буковые орешки, простые лесные орехи, каштаны, а в полях хлебные зерна, картофель, свеклу и всякие другие овощи. Они поедают всевозможные вещества, как растительного, так и животного царства: павших животных и птиц, даже трупы своих собратьев, положительно уподобляясь в некоторых случаях хищным животным, так как нападают на молодых оленей, преследуют и убивают подстреленных или ослабевших от недостатка корма благородных оленей, ланей и косуль, а в случае сильного голода съедают даже своих детенышей**. Если зима жестокая и в пище чувствуется недостаток, то иногда они перекочевывают, предпринимая подчас даже довольно далекие путешествия. Домашняя свинья свойствами своими еще очень во многом напоминает своих предков, и по привычкам одних легко можно судить о привычках других. Само собой разумеется, что дикая свинья — существо гораздо более совершенное и храброе, нежели наша искаженная рабством домашняя обитательница хлевов. Движения диких хотя несколько тяжеловаты и неуклюжи, зато быстры и необузданны. Бегают они быстрее и охотнее всего, с самого места поднимаются в галоп по прямому направлению, так как кабаны не любят делать крутых поворотов. Они с поразительным искусством продираются сквозь такие чащи, которые для всех других существ положительно непроницаемы***. Плавают свиньи прекрасно, и если того требуют обстоятельства, то могут переплыть широкие пространства, от одного морского острова до другого; наблюдатели замечали, что они легко проплывают расстояние в 7 и 8 километров.

Все дикие свиньи осторожны и внимательны, хотя не трусливы, так как вполне спокойно могут положиться на свою силу и на свое оружие. Видят они очень плохо, но зато слышат и чуют очень хорошо; чувство обоняния у них развито не хуже, чем у оленей, так как они чувствуют приближение человека за 500—600 шагов. Нельзя сказать, чтобы вкус у них был плохо развит,

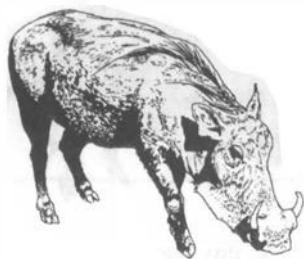
так как при изобилии разнообразной пищи они всегда отдают предпочтение всему лучшему. Они не так глупы и бесчувственны, как обыкновенно думают. Ведут они себя, во всяком случае, ни глупо, ни неловко, а проявляют нередко замечательную хитрость. Все существо их представляет странную смесь самоуверенного спокойствия, невинного добродушия, необузданности и необыкновенной раздражительности. Если их не сердить, то они первые никогда не обидят человека, но против собаки они с первой же минуты встречи возбуждены и всячески стараются вступить с ней в бой. Все самки вообще, а особенно поросята, не переносят ни обид, ни даже поддразниваний. Если человек смиренно идет своей дорогой, то свинья или не обращает на него никакого внимания, или быстро убегает; если же ее раздражить, то она вступает в бой даже с вооруженным человеком и в бешенстве слепо и яростно бросается на своего противника. «Раненые свиньи, — говорит Дитрих Винкель, — опасны даже охотникам; они неимоверно быстро догоняют человека или животное, которое преследуют, и своими бивнями могут наносить опасные удары, причем редко останавливаются и никогда не обращаются в бегство». Самка в поединке может стать опаснее кабана, так как, разъяренная, останавливается перед противником и начинает кусаться так сильно, что часто вырывает куски мяса. Даже слабые свиньи и поросята нападают на человека, причем матери с непоколебимым мужеством защищают своих малышей. Самки, которые еще водят поросят, долго преследуют похитителей своих детенышей.

Рассматривая бивни кабанов, понимаешь, почему это оружие следует считать опасным. У всех видов свиней клыки или бивни самцов отличаются от клыков самок. Клыки эти уже на втором году жизни вырастают на верхней и нижней челюстях, направляясь при этом непременно кверху. У трехлетнего кабана бивни нижних челюстей вырастают гораздо более бивней верхних челюстей; они растут косо и непременно загибаются кверху*. Клыки верхней челюсти с самого начала загибаются кверху и почти в половину короче нижних. Все бивни трехгранной формы, белые, блестящие и чрезвычайно острые, с годами, вследствие постоянного трения один о другой, они делаются все острее и как бы натачиваются; чем старше кабан, тем крепче его клыки и тем более загнуты кверху. Удары, наносимые ими, не только опасны, но могут быть даже смертельны. Нападающий зверь с необыкновенной легкостью бьет своим оружием по ногам или вонзает его в тело своего врага и, беспрестанно вскидывая голову и потряхивая ею, производит длинные разрезы, до того глубокие, что на бедре человека кабан прорывает все слои мускулов до костей, или пропарывает все брюшные покровы так, что внутренности вываливаются. Такой участи подвергаются чаще всего нападающие собаки. Нанося свои ужасные удары большим животным, взрослые кабаны даже подпрыгивают и немилосердно раз-

* Нижние бивни секача порой достигают 30 см, верхние — в половину меньше. У свиней верхние клыки обычно не выдаются за пределы ротовой полости, почти не заметны при закрытом рте и нижние клыки.

Семейство СВИНЫЕ

** Это ошибочное мнение — на юге ареала у кабанов, как правило, бывает два выводка.*

*** В период гона у самцов в передней части туловища под кожей образуется «калкан» — двух-, трехсантиметровый слой хрящевидной соединительной ткани, служащий защитой от ударов клыков соперника.*

**** На юге ареала поросята появляются уже в феврале, на севере — в апреле—мае. Новорожденные весят по 0,6—1 кг. Величина выводка зависит от возраста свиньи и кормности предыдущего года.*

дирают лошадям грудь и брюхо. Очень старые самцы уже менее опасны, нежели шести- и семилетние, так как клыки их нижней челюсти с годами сильно загибаются внутрь. Впрочем, кабаны нападают на охотника не тотчас после выстрела, а как все без исключения сильные животные: когда получают рану, спешат спрятаться и лишь в том случае, если охотник, разыскивая их, подойдет слишком близко, животные вступают в бой. Тогда в сильнейшей ярости кабан стучит клыками, трет их друг о друга, как бы натачивая их, фыркает, бешено храпит и с поразительной быстротой нападает на врага. Если промахнется кабан, то он не сется дальше, между тем как самка старается вернуться и продолжает кусаться. Вообще нрав их своеобразен, глядя по обстоятельствам и по субъективным особенностям отдельных животных. Повторяем, что взбешенного кабана ни в каком случае не следует считать неопасным врагом, опытный охотник не должен рисковать и подходить слишком близко к подстреленному животному.

Голос кабана совершенно такой же, как у нашей домашней свиньи. Когда он идет спокойно, то добродушно похрюкивает; самки, поросята и молодые кабаны громко визжат. Взрослые кабаны даже при самых болезненных ранениях не издают ни звука. Голос их грубее голоса свиньи и часто переходит в злобное ворчанье.

Время спаривания начинается с конца ноября и продолжается от 4 до 6 недель. Если дикая свинья случайно поросится два раза в год, то это заставляет предполагать, что она была когда-то домашней и случайно переселилась в лес, дикие же поросята только один раз*. По мере приближения поры увлечений, бывшие отшельники возвращаются в стада, опять занимают главенствующую роль, изгоняют слабых кабанов из стада и ухаживают за самками до тех пор, пока не достигнут своей цели. Между равносильными животными бывают беспрестанные столкновения и долгая борьба. Удары, которыми храбрецы награждают друг друга, бывают, впрочем, редко смертельны, так как приходится по клыкам и по толстой коже**. При драках между равными спор остается нерешенным и обыкновенно кончается тем, что они, хотя очень неохотно, мирятся с присутствием навязчивых противников. Ласки, которые расточает ошалелый влюбленный, совсем странного свойства: он беспрестанно толкает предмет своей страсти рылом куда попало, а иногда даже очень бесцеремонно; не очень щепетильные самки, по-видимому, понимают цену подобных ласк и принимают их благосклонно.

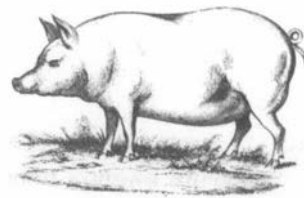
Через 18—20 недель после спаривания свиньи поросята, причем слабые матки приносят от 4 до 6, здоровые же 11—12 поросят***; свинья заблаговременно готовится себе где-нибудь в чаще берлогу, выстилает ее мхом, хвоей и листьями, тщательно скрывает и держит тут своих нежно любимых малюток первые

две недели их жизни, покидая их и гнездо изредка и на короткое время, только чтобы похватать какой-либо пищи. По прошествии этих 14 дней она выводит свою семью на свет Божий и учит рыть землю, а маленькие живые детеныши показывают ей, как хорошо они умеют действовать своим рыльцем с пяточком. Несколько свиной иногда сходятся вместе, водят поросят сообща, причем случается, что если одна из матерей лишается жизни, то остальные начинают заботиться и кормить сирот. Такое маленькое стадо пестрых зверьков представляет очень симпатичное зрелище, так как маленькие поросята прелестные и забавные создания. Цвет шерсти их очень им к лицу, резвость и шаловливость детенышей составляют контраст с неповоротливостью и серьезностью родителей. Матки важно выступают вперед, а поросята, пища и похрюкивая, бегут за своими родительницами то кучкой, то в рассыпную, то останавливаются, пороются, выкинут какую-нибудь неуклюжую штучку, то опять засуетятся и, толкаясь, торопятся за матерью. По временам они начинают ее до того осаждать, что принуждают остановиться и удовлетворить их неотступному требованию дать им пососать; насытившись, снова весело удирают, и таким чередом дело идет всю ночь, и даже днем в берлоге они не могут угомониться и улечься смирно, вертятся и копошатся там без конца*. «Ничто, — говорит Винкель, — не может превзойти той храбрости и неустрашимости, с которой мать семейства защищает своих детенышей или приемышей от опасности. При первом жалобном писке поросенка свинья бросается к нему и, презирая опасность, нападает на всякого врага, будь это даже человек, который пытается похитить у нее детеныша».

Восемнадцатилетние, девятнадцатилетние дикие свиньи достигают уже половой зрелости, пяти- и шестилетние считаются взрослыми, а живут они, кажется, до 20—30 лет**. Дикие свиньи очень мало подвержены болезням. Только очень жестокие холода с глубоким снегом отнимают у них возможность рыться и разыскивать пищу, а кора, намерзающая на снегу, ранит их ноги и бывает причиной того, что многие околевают. Главные враги диких свиной у нас волки и рыси, иногда и кумушка-лиса решится стянуть поросеночка; в южных странах за этой лакомой дичью охотятся большие кошки вроде тигра***. Но самым жестоким их врагом все же остается человек, ибо охота на кабанов с давних времен считалась самым благородным и мужественным развлечением. В настоящее время она нечто иное, как забава, а никак не поединок между охотниками и животным. Конечно, прежде было иначе, особенно тогда, когда самым употребительным оружием на охоте были самострел и рогатина.

От собак дикие свиньи защищаются с неослабевающим ожесточением. Для этой охоты прежде употребляли легавых, а также особых, так называемых кабаньих, собак; это были смелые, сильные, горячие животные, которых намеренно содержали в полудиком со-

Семейство СВИНЫЕ

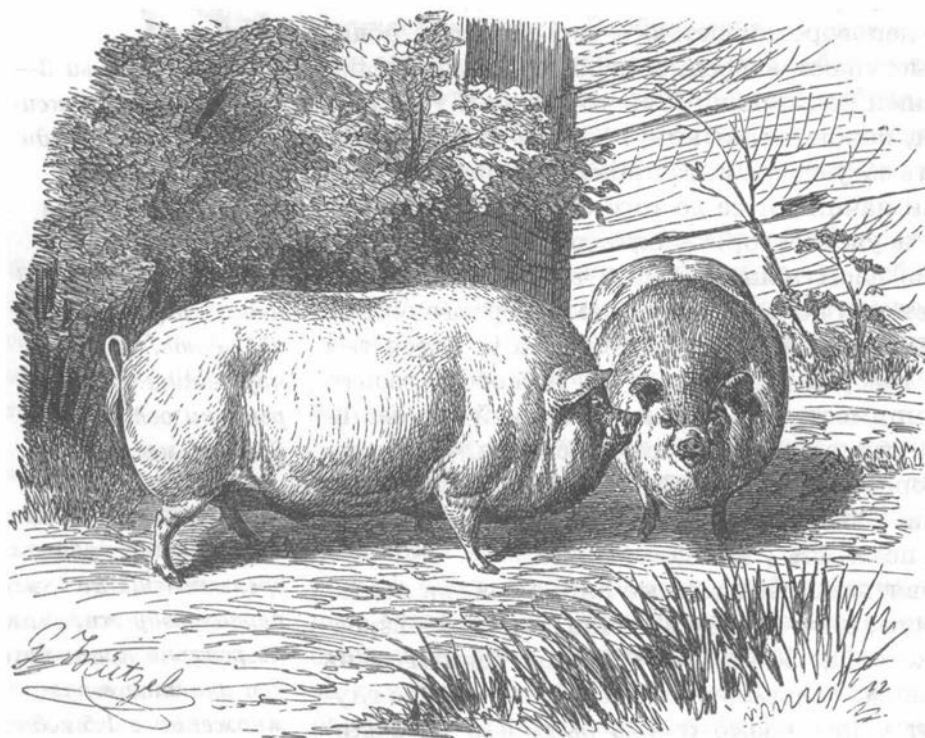

* У дикой свиньи 3—6 пар сосков (максимальное число среди парнокопытных). Лактация длится 2—3,5 месяца, но уже в возрасте 2—3 недель поросята добывают червей и корневища. С матерью они остаются до 3—4 месяцев.

** Молодые кабаны становятся половозрелыми еще на первом году жизни, но реально принимают участие в размножении в 1,5 года (самки) или 3—5 лет (самцы). В природе кабаны живут 10—12 лет, в неволе — до 27 лет.

*** Кабаны являются основной питания амурского тигра на Дальнем Востоке. Зафиксированы случаи гибели тигров во время неудачных нападений на старых секачей.

стоянии и употребляли исключительно для охоты на кабанов. Легавые должны были разыскать и поднять, а кабаньи собаки преследовали и, по выражению охотников, «накрывали» дичь — задерживали кабана и набрасывались на него со всех сторон. Не успеют собаки еще схватить врага, впиться ему в уши, как у иной уже вспорот живот или нанесена другая рана. Обе стороны одинаково храбро сражались, но если на одного кабана спускали 8—9 храбрых, сильных собак, то ему приходилось сдаться. Преследуемый кабан очень умно выбирает положение для обороны, а именно, предохраняя свою спину, он прислоняется к толстому стволу или отступает в чащу, где защищен сзади и с боков, а спереди злобно отбивается от нападающих. Больше всего, конечно, доставалось передовым собакам. Если же один из этих незаменимых псов вцеплялся в кабана, то никакие уловки его не спасали, собаки держали его до тех пор, пока не подспевал охотник, чтобы покончить со зверем.

Домашняя свинья
(*Sus scrofa domesticus*)

дичины. Голова и задние окорока считаются самыми лакомыми кусками. Колбасы, приготовляемые из кабаньего мяса, также чрезвычайно вкусны; не менее ценится белый жир — сало, которое в хорошее время бывает толщиной в ладонь. На берега египетских озер, где кабанов водятся большими стадами, часто являлись европейские мясники и несколько месяцев подряд охотились за дичью, «нечистой» по мнению магометан. Из мяса убитых животных они тут же делали колбасы и продавали их, наживая большой барыш. Кожа также идет в дело, а щетина раскупается нарасхват. Как бы велика ни была приносимая ими выгода, она никогда не сравнится с убытками, наносимыми кабанями хозяйству.

Не одни наши дикие свиньи, но, как кажется, и многие другие индейские, малайские и азиатские их родичи с давних пор сделались домашними животными. По мнению Жюльена, еще за 4900 лет до нашего летосчисления в Китае уже разводили до-

защищен сзади и с боков, а спереди злобно отбивается от нападающих. Больше всего, конечно, доставалось передовым собакам. Если же один из этих незаменимых псов вцеплялся в кабана, то никакие уловки его не спасали, собаки держали его до тех пор, пока не подспевал охотник, чтобы покончить со зверем.

Мясо диких свиней недаром ценится так высоко, потому что соединяет в себе со вкусом свиного мяса вкус

машних свиней*. Кютимейер, исследователь свайных построек, определил, что уже в то время в Швейцарии были два вида этих полезных домашних животных. Дюмихен пишет мне: «Хотя свинья и принадлежит к тифоновым животным (животные, посвященные злему божеству Тифону), она все-таки водилась у древних египтян в домашнем быту, так как в надписях говорится о ней, а также встречаются изображения как отдельных свиней, так и целых стад. Но, кажется, их содержали только с целью принести в жертву в некоторые главнейшие праздники в году». В Библии о них часто упоминается. В Одиссее говорится о них как об общеизвестных домашних животных.

С этих незапамятных времен появилось и снова исчезло множество пород, да и теперь еще некоторые породы исчезают, другие появляются, соответственно требованиям прихоти или благодаря случайности.

При откармливании домашних свиней стараются, чтобы они как можно меньше двигались, между тем как при выращивании их на племя следует озаботиться, чтобы помещение позволяло им побегать и повозиться. Не менее важно, чтобы хлева были чисты и теплы. Случка происходит обычно два раза в год: в начале апреля и в начале сентября. Спустя 16—18 недель свинья поросится и приносит 4—6, иногда 12—15 и в редких случаях 20—24 поросят. О детенышах она не очень заботится и даже не всегда приготовляет себе к этому времени гнездо. Нередко многочисленное семейство становится ей в тягость и она пожирает собственных чад, если ей случится предварительно нечаянно задавить их. За некоторыми матками надо следить задолго перед родами и избегать кормить их животной пищей. У хорошей молодой свиньи поросятам дают сосать четыре недели и нисколько о них не заботятся во все это время. По прошествии месяца их отделяют от нее и вскармливают легкой питательной пищей. Растут они очень быстро и уже по прошествии восьми месяцев сами способны к размножению.

О выгодах, доставляемых зарезанной свиньей, здесь не стоит распространяться, ибо каждый знает, что нет такой частицы во всем теле свиньи, которая не шла в дело.

К только что поименованному семейству относятся и африканские дикие свиньи, бесспорно самые красивые члены этой семьи; отличительными признаками их служат костяные бугорки, расположенные между глазами и носом, удлинённые лицевые части черепа, не очень длинное и тонкое рыло, сильно заостренные уши, украшенные пучком волос, умеренной длины, покрытый волосами хвост и лишь четыре соска на брюхе самок. Зубы их мало отличаются от зубов прочих, именно тем, что в каждой челюсти только по шесть коренных зубов.

Кистеухая свинья (*Potamochoerus porcus*) известна уже с половины XVII столетия и есть самая красивая из всех свиней**. По величине она совершенно одинакова с кабаном, взрослая дос-

** Предполагают, что кабана впервые одомашнили в Юго-Восточной Азии 12 тыс. лет назад. В Европе и на Ближнем Востоке домашняя свинья известна 7 тыс. лет.*

*** Размерами кистеухая, или речная, свинья заметно уступает секачу и сходна с самкой кабана. Она весит 60—130 кг, в холке может достигать почти метра, несмотря на очень короткие ноги. Название получила за заостренные пучки белых волос на ушах. Клыки самца развиты довольно слабо, верхние — 7,5 см, нижние — 19 см. В природе кистеухие свиньи встречаются группами от 4—20 до 100 особей. Это ночные животные, днем отдыхают в норах, которые роют сами. Хорошо бегают и плавают. В году бывает 1—2 помёта по 3—6 детенышей.*

тигает 55—60 см высоты в плечах и 1,5—1,6 м в длину, включая сюда и хвост в 25 см. Кожа покрыта тонкой и мягкой, густой и плотно прилегающей щетиной, которая несколько длиннее по сторонам головы, на нижней челюсти и на нижней части шеи, на спине она образует короткую и жидкую гриву, под глазами пучки, а на щеках густые бакенбарды, а на кончике почти голого хвоста разрастается в густую кисть. Преобладающий цвет затылка, загривка, спины и боков прекрасный яркий красновато-бурый с желтым отливом или темный красновато-желтый; лоб, темя и уши, а также ноги черные; грива, края ушей, брови, полоса под

Кистеухая свинья
(*Potamochoerus porcus*)

глазами и бакенбарды белые или желтовато-белые. Морда сероватая, а нижние части тела сероватые или почти беловато-серые. Детеныши такие же полосатые, как поросята кабанов, очень красиво окрашенные и живые зверьки. Родина этих животных западная Африка, хотя Бем упоминает о том, что видел их и в восточной Африке. О жизни кистеухой свиньи на воле мы имеем очень ограниченные сведения, хотя животное это было известно европейцам во времена Маркграфа (в середине XVII столетия); уже тогда ее ловили и вывозили живой, так как Маркграф видел ее в Бразилии, а не в западной Африке. Члены экспедиции Гюсфельда в Лоанго несколько раз ловили детенышей этого животного. О живущих в диком состоянии кистеухих свиньях Пехуель-Леше говорит: «Это очень живые и подвижные существа; судя по следам, они живут большими стадами, главным образом во влажных лесах, в близости рек, встречаются, однако, и в горах. Сталкиваясь с ними очень близко в лесной чаще, слышишь их хрюканье, чаще же всего они особенным самодовольным образом добродушно мурлычут. Спугнутые, редко убегают с шумом, напротив, надеясь быть незамеченными, скрываются потихоньку. Они чрезвычайно живучи, так как

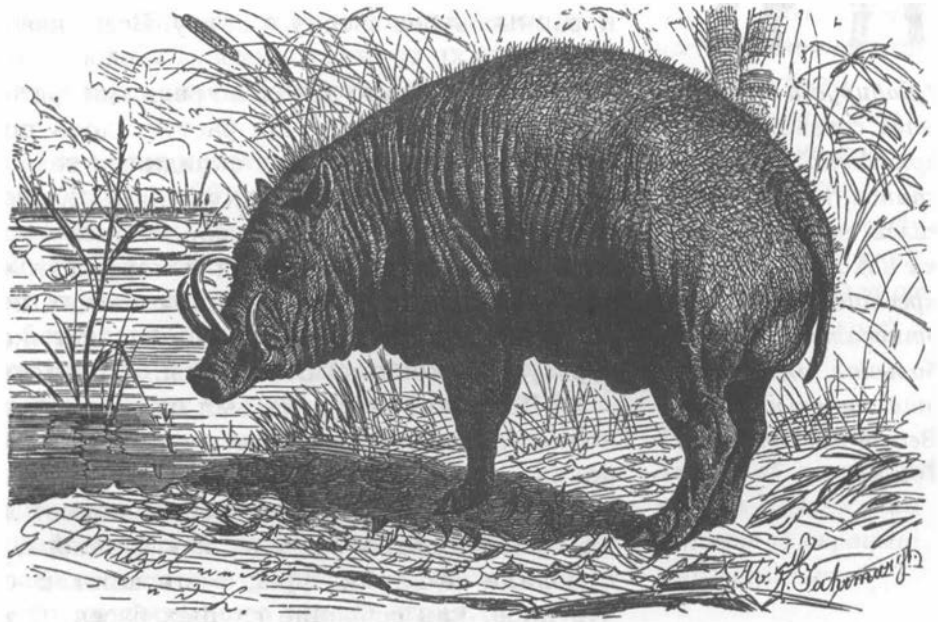
довольно долго бегут раненые с засевшей пулей; мясо их очень вкусно».

Первая живая кистеухая свинья получена в Лондонский зоологический сад в 1852 году; с тех пор уже много их привезено в Европу; впрочем, в большинстве зоологических садов они считаются еще редкостью. Я видел их довольно часто, мог даже наблюдать и не нашел, чтобы они по свойствам и образу жизни во многом отличались от наших диких свиней и остальных своих родичей. Судя по моим собственным наблюдениям и по собранным сведениями, ее можно считать довольно добродушным созданием.

На Целебесе и соседних островах, именно на Сулле, Монголе и Буру*, живет совсем особенная свинья. Она гораздо стройнее прочих и выше ростом и, кроме того, отличается сильным, коротким и узким рылом, маленькими глазами без ресниц, маленькими узкими торчащими ушами, довольно коротким, украшенным кистью хвостом и редким волосяным покровом. Особенно же поразительны ее клыки, которые достигают такой длины, что могут быть сравнены с рогами.

Европейцы называют это животное местным, очень характерным прозвищем «бабирусса», что означает «кабан-олень». Своими клыками оно так отличается от прочих свиней, что имеет полное право быть представителем особого рода.

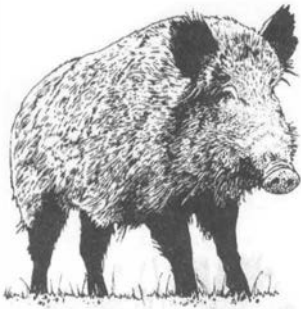
Бабирусса (*Babirusa babirusa*) — животное очень большое. Новейшие охотники утверждают, что они видели отдельные экземпляры, которые по величине равнялись ослу среднего роста. Общая длина тела взрослого животного 1,1 м, хвоста — 20 см. Высота в плечах и в крестце около 80 см. Тело длинное, круглое и полное, с боков слегка сжато, спина округлая, шея короткая и толстая, голова несоразмерно мала, вытянута, лоб тоже закругленный, рыло очень тонкое, выдается над нижней губой и, как у всех свиней, оканчивается голым хрящевым пяточком с твердыми, мозолистыми краями; на этом пяточке расположены ноздри. Ноги у этой свиньи мускулистые, но довольно длинные; на всех конеч-

Бабирусса
(*Babirusa babirusa*)

* Современное название — остров Сулавеси и архипелаги Буру, Тогван и Сулак востоку от Сулавеси.

Семейство свиные

** Бабирусса отличается сравнительно арковидно выгнутой спиной, так что самая высокая точка находится на крестце. Голова относительно небольшая, пятючок и уши маленькие. Весит животное до 100 кг.*

ностах по четыре копыта; на передних они разве немножко дальше отстоят друг от друга, чем у прочих свиней; хвост тонкий и висячий. Клыки верхней челюсти, которые у самца очень длинные, тонки и остры, прорастают сквозь кожу морды; они на передней стороне закруглены, с боков сплюснуты, сзади с тупым ребром, растут кверху, загибаясь одновременно назад, так, что под старость врастают в кожу лба и принимают полукруглый вид. Более короткие и более толстые бивни нижних челюстей прямые и направлены в стороны. У самки клыки очень коротки, верхние пробурывают морду, как у самцов, но торчат не более чем на дюйм. Резцов в верхней челюсти четыре, в нижней — 6 и по 5 коренных зубов вверху и внизу. Всего два соска, и они находятся в паху*.

Тело покрыто довольно редкими, разбросанными щетинами, которые несколько гуще растут вдоль позвоночника на спине, между многочисленными складками тела и на конце хвоста, где они даже образуют маленькую кисть. Кожа толстая, твердая, грубая и морщинистая, а на морде, около ушей и на шее образует глубокие складки. Верхняя и наружная части грязноватого буровато-серого, а на внутренних частях ноги сплошного ржаво-рыжего цвета. Посередине спины идет желтовато-бурая полоса, образуемая кончиками щетины. Уши черноватые.

Кажется, бабирусса был известен уже в древности; по крайней мере филологи старались отнести к этому животному несколько мало понятных названий, встречающихся у древних писателей. Череп его знали уже несколько сот лет тому назад, чучела же привозились и прежде, как и теперь, очень редко. Рисунки походили на карикатуры, а описания их образа жизни были нечто иное, как собрание глупых басен. С тех пор как несколько живых экземпляров было привезено в Европу, появилась возможность делать наблюдения, снять с них верное изображение и описать их образ жизни, но их жизнь, особенно на свободе, так мало поддается изучению, что до сих пор в описаниях этих встречается много баснословного. Остров Целебес, и только, по мнению Розенберга, северная часть его должна считаться родиной бабируссы. Кроме того, он находится на вышешпоименованных островах, между тем как его нет на остальных Зондских островах, ни на Австралийском и Азиатском материках.

По образу жизни бабируссы не отличаются от прочих свиней. Болотистые леса, тростниковые поросли, лужи и озера, где есть много водяных растений, — вот его любимые места. Здесь они собираются большими или малыми стадами, ночью пасутся и едят все, что попадается съедобного. Бабирусса ходит довольно скорым шагом, бежит быстрее, чем наши дикие свиньи, однако нельзя сравнивать, как прежде думали, его бег с быстрой эластичной походкой оленя. Чтобы каким-нибудь образом пояснить себе поразительное развитие его клыков, придумали басню, что он за-

цепляется ими за низкие сучья деревьев, чтобы поддержать голову, или что он для собственного развлечения, вися на них, покачивается взад и вперед*. Доказано, что бабирусса прекрасно плавает, и не только в пресных водах, посещает все места, где можно найти пищу, но и очень смело переплывает с одного острова на другой через морские проливы.

Из внешних чувств лучше всего развиты слух и обоняние. Звук голоса — протяжное, слабое хрюканье. Умственное развитие таково же, как и у прочих свиней. Бабирусса не любит встречаться с людьми, в случае нападения он защищается так же храбро, как и все остальные кабаны, пуская в ход свои нижние клыки, которые представляют такое грозное оружие, что заставляют призадуматься самых смелых людей. Туземцы убивают их стрелами, иногда же устраивают травлю, причем бабируссы пытаются спастись бегством.

Говорят, что в феврале самка мечет одного или двух поросят, маленьких, милых зверьков 15 и 20 см длины; мать их нежно любит и защищает. О размножении их больше ничего не известно**. Если удастся поймать поросят очень маленькими, то они скоро делаются ручными, привыкают к людям, при случае сопутствуют им и, выражая благодарность, потряхивают ушами и виляют хвостом. У предводителей туземных племен часто можно встретить живых бабирусс, так как туземцы считают их необыкновенными существами и держат в неволе как диковинку. Но такие случаи приручения бывают очень редко, и поэтому ручной бабирусса стоит даже на месте очень дорого.

Маркус, голландский правитель Молуккских островов, подарил пару бабирусс французским натуралистам Куа и Гэмару, посетившим его во время кругосветного путешествия; это была первая живая пара, привезенная в Европу в 1820 году. Животные сделались довольно ручными. Самка была более дика, чем самец. К сожалению, они прожили недолго. Холодный климат погубил их. Но к обыкновенной пище свиней они привыкли очень скоро; картофель и мука с водой им очень нравились. Позднее в Лондонском зоологическом саду появлялись живые бабируссы, но всегда составляли большую редкость, одни экземпляры выносили неволю хуже, другие лучше***.

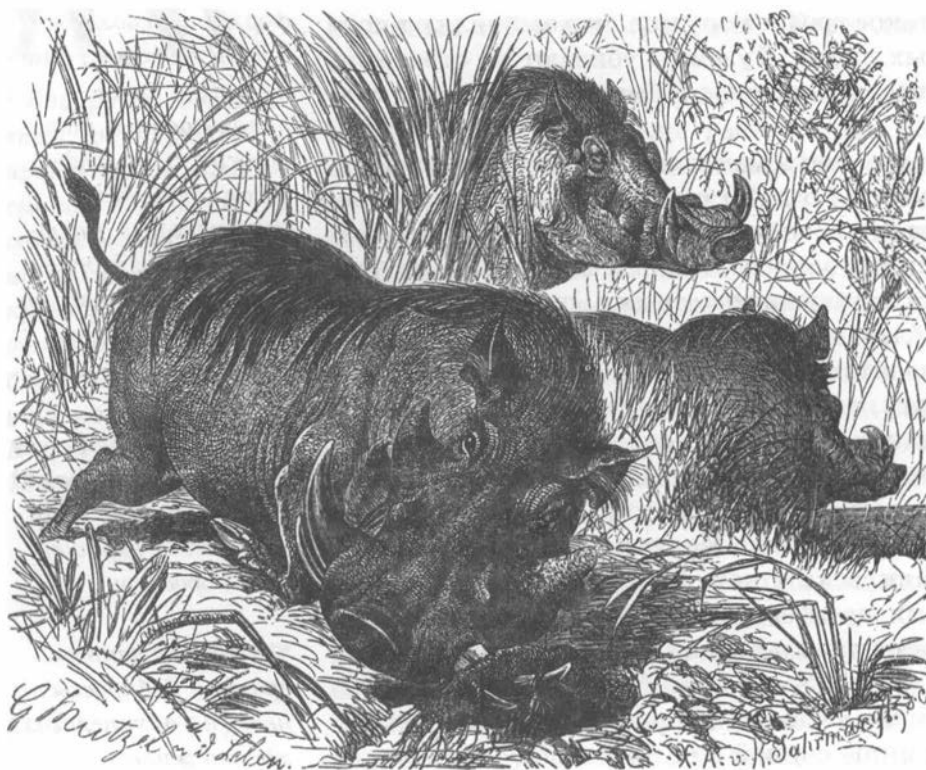
В Африке кроме дикой африканской свиньи водятся чудовища того же семейства, именно бородавчники. Это самые неуклюжие и уродливые из всех свиней: приземистые, на коротких ногах, главным образом отличающиеся своей некрасивой головой и необыкновенными зубами. Тело их с боков не сжато, цилиндрическое, на середине спины вдавлено, шея короткая, голова огромная, лоб широкий и низкий, вся морда заметно расширена, особенно несообразно широка верхняя губа. Морда с обеих сторон обезображена тремя бородавчатыми наростами, из которых один, в несколько сантиметров вышины, заострен и подвижен, то поднят кверху, то

* Клыки являются лишь вторичнополым признаком, возможно используются в ритуальных поединках. Из-за формы и невозможности заточки, они не могут быть использованы, как оружие, и малоэффективны, как копательный инструмент. Возможно, защищают глаза от колючек в густых зарослях.

** Беременность длится 5 месяцев. В помёте обычно один однотонно окрашенный поросенок.

*** Естественных врагов у бабируссы нет (на архипелагах, где она живет, отсутствуют крупные хищники). Однако из-за прямого преследования человеком и уничтожения естественных местобитаний бабирусса находится сейчас на грани исчезновения. Налажено содержание и размножение бабируссы в некоторых зоопарках и питомниках.

висит под глазами; другой, поменьше, всегда торчит кверху и находится спереди на верхней челюсти; третий у основания очень длинный, начинается у нижней челюсти и доходит до самого рта. Глаза маленькие, на выкате, как у бегемота, окаймлены снизу большими полулунными складками, которые можно сравнить со слезными ямками; может быть, здесь и находится какая-нибудь железа. Уши заостренные, пяточок так расширен, что образует спереди удлиненную яйцевидную плоскость. На кистевых суставах передних ног находятся широкие мозоли*. Длинный хвост имеет вид бича и кончается густой кистью. Кроме бакенбард и гривы на спине тело

Африканский
бородавочник
(*Phacochoerus aethiopicus*)

* Бородавочники — наиболее высоконогие из всех свиней. Они пасутся, пьют и роют землю клыками, «упав на колени» передних ног, на сгибах которых сформировались особые роговые мозоли.

покрыто кое-где редкими разбросанными щетинами. Во рту гигантские, очень большие клыки, которые более или менее искривлены, на концах тупые, загнуты кверху, как у всех свиней.

Африканский бородавочник (*Phacochoerus aethiopicus*) достигает 1,9 м общей длины, включая длинный хвост в 45 см; в плечах имеет 70 см высоты. Волосы на боках и на нижней части живота коротки и редки даже в холодное время года, в теплое же

время и особенно после линьки они так незначительны, что серовато-аспидная кожа ясно видна, и мягкие, тонкие щетинки, ее покрывающие, придают коже только более светлый оттенок. Напротив, грива, идущая вдоль всей спины от лба до крестца, сильно расширяется на спине, состоит из толстых, почти не сгибающихся черных волос с коричневыми концами, которые так длинны, что ниспадают на бока до брюха. Глаза с густыми ресницами окружены жесткой щетиной, подобная же щетина образует на нижней челюсти заметные бакенбарды. Область распространения африканского бородавочника преимущественно средняя и южная Африка.

О привычках и образе жизни бородавочника еще по настоящее время мы имеем очень неточные сведения. Он встречается в

Абиссинии на высоте до 3000 м над уровнем моря, у Белого Нила, во всех поросших кустами местностях, на полях, в тростниках или в почти непроницаемых бамбуковых рощах, которые эти животные предпочитают другим, так как белые молодые побеги бамбука составляют их любимую пищу. По мнению Гейглина, бородавочники собираются стадами разной величины, так же как большинство видов этого семейства. Они пасутся с вечера до утра, день охотнее всего проводят в логовище, преимущественно в болоте, там, где можно улечься в воду. По сведениям Бема, в восточной Африке бородавочник предпочитает сухие леса и степи, поросшие травой, и может быть рассматриваем как неочующее животное, так как время от времени его всегда можно найти в известном округе. Стадами он живет редко, чаще попарно, и самка покидает неохотно даже подстреленного самца. Старые самцы предпочитают одиночество*. Пищу их, по мнению Рюппеля, составляют корни, из чего делается понятным значение их огромных клыков. Чтобы добыть пищу, животное становится на колени передних ног, подталкивается задними ногами и скользит на мозолистых наростах, которыми снабжены колени. В таком положении оно, чтобы добраться до своей любимой пищи — корней и клубней, начинает прорывать глубокие борозды, действуя больше клыками, чем пяточком. Кроме того, они едят и всякую животную пищу: гусениц, куколок, жуков, червей и даже пресмыкающихся и падаль**.

«Несмотря на огромные клыки и действительно сильное телосложение, — говорит Гейглин, — эти животные не очень злы и, даже подстреленные, не умеют так хорошо защищаться, как европейские кабаны. Мясо их менее вкусно, чем мясо наших диких свиней, и часто причиняет расстройство желудка». О размножении их он замечает следующее: «В июне я застрелил поросую свинью; в июле другую с годовалыми поросятами, которые вслед за матерью были убиты; в конце сентября нам попались свинья, кабан и десять маленьких поросят; в декабре — свинья с довольно большими поросятами, которые убежали вместе с тяжело раненной матерью»***.

Первый бородавочник был привезен с Капской земли в Европу в 1775 году. Его держали недолго в зоологическом саду в Гаге, где его считали за очень добродушное существо, пока в один прекрасный день не обнаружилась его свирепость: он бросился на своего сторожа и нанес ему своими ужасными клыками смертельную рану. Желая случить его с домашней свиньей, к нему посадили таковую, но он ей распорол живот. Относительно пищи не отличался ничем от обыкновенных свиней. Ел всякие хлебные злаки, кукурузу, гречку, репу, зеленые корни и очень охотно хлеб****.

Семейство СВИНЫЕ

** Обычно бородавочники держатся семейными группами, состоящими из самок, родственных между собой, и их неполовозрелого потомства.*

*** Бородавочник более растительноядный, даже травоядный, по сравнению с другими свиньями.*

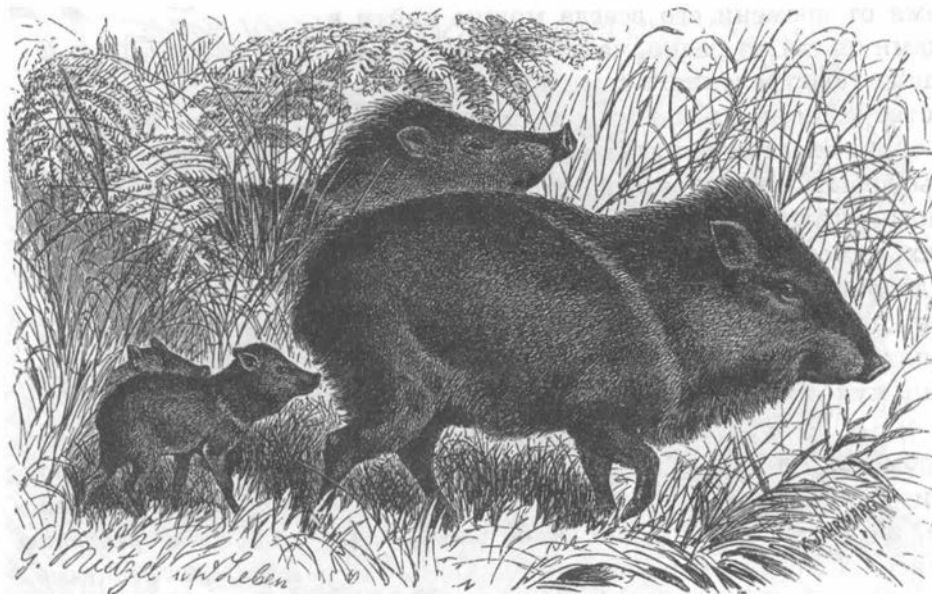
**** В году у бородавочников бывает 1—2 помёта (осенью и весной) по 2—4 поросенка. Самки половозрелы с 9, самцы с 18 месяцев.*

***** В неволе бородавочник, как и большинство свиней, доживает до 15—20 лет, во многих зоопарках налажено размножение.*

Отличительными признаками пекари служат зубы, которых бывает 38, четыре резца на верхней и шесть на нижней челюсти, четыре клыка и по шесть коренных на каждой стороне обеих челюстей. Клыки не выворочены кверху и не пробуравливают верхней губы. Туловище короткое, голова и рыло также короткие, конец рыла заострен, уши маленькие, узкие, с тупым кончиком; на задних ногах нет наружного маленького копытца, так

что на них лишь по три копыта. Хвост мало развит, на задней части спины находится особая железа, а у самки только два соска.

Ошейниковый пекари (*Tayassu tajacu*). Это маленькая свинья, у которой голова короткая и морда тупая, впрочем, телосложение довольно стройное. Длинная густая щетина у основания темно-бурого цвета, затем кольцеобраз-

Ошейниковый пекари
(*Tayassu tajacu*)

* Семейство пекариевые — аналог свиней в Новом Свете. Верхние клыки направлены вниз. Хвост короткий, снаружи почти не виден, желудок имеет 3 отдела. Кости пясти и плюсны срастаются, на задних ногах — всего 3 пальца (наружный исчезает).

но чередуется желтый с черным; на конце щетина опять черновато-бурая. Между ушами и на середине спины она удлиняется, не образуя гривы. Общий цвет животного темно-бурый, переходящий на боках в желтовато-бурый, перемешанный с белым. Брюхо также бурое, грудь спереди белая, от плеч спускается книзу беловато-желтая, довольно широкая полоса. Из спинной железы постоянно вытекает жидкость с сильным запахом, который, по-видимому, животным очень нравится, так как они часто обоюдно трутся носами о железу.

Другой вид — **белогубый, или белобородый, пекари** (*Tayassu pecari*) ростом заметно больше предыдущего, имеет 1,1 м длины, включая мало развитый хвост в 5 см, при 40—45 см высоты в плечах. От другого вида он резко отличается большим белым пятном на нижней челюсти и общей окраской тела. Толстая, грубая, ребристая щетина очень редко покрывает тело, кроме спины, начиная от затылка, где она несколько длиннее. Окраска тела довольно равномерно серовато-черная, причем яркое светлое пятно на щеках выделяется необыкновенно резко.

Во всех лесистых местностях Южной Америки до 1000 м над уровнем моря оба вида пекари составляют обычное явление. Белогубые пекари бродят по лесам большими стадами, в несколько сот штук, под предводительством сильнейших боровов; стада ошейниковых пекари меньше и состоят только из 10—15 голов*. Все они ежедневно меняют свое местопребывание, так что постоянным странствиям их нет конца. По уверениям Ренггера, можно целый день идти по их следам и ни одного не увидеть. «В их переходах, — говорит он, — ничто их не задерживает: ни открытые равнины, которые они обычно избегают, ни вода. Если они дойдут до открытого места, то несутся до него напрямик, если же река или поток преграждают им путь, то они, не задумываясь ни минуты, бросаются вплавь. Я видел, как они переплывали реку Парагвай в таком месте, где ширина ее равнялась получасу пути. При переправе в стаде господствует большая толкотня. Все самцы плывут впереди, а матери со своими детенышами позади. Уже издали слышно приближение стада, и не только по глухим звукам, которые они издают, но и по треску сучьев сломанных по пути кустарников». Бонплан был однажды на ботанической экскурсии с проводником-индейцем, который вдруг стал просить натуралиста спрятаться за дерево, опасаясь, как бы бегущее стадо этих свиней не опрокинуло Бонплана на землю. Пекари разыскивают себе корм днем и ночью, и, вероятно, недостаток в подходящей пище и есть причина, заставляющая их постоянно перекочевывать. Пищу эту составляют всевозможные древесные плоды и корни. Их зубы так крепки, говорит Шомбургк, что они могут раскусить самые крепкие пальмовые семена. В населенных местностях они врываются на плантации и опустошают поля. Говорят, что кроме растительной пищи пожирают змей, ящериц, червей и гусениц**. По движениям и по нраву они похожи на наших диких свиней. Днем охотно забираются в дупла или в ямы под корнями больших деревьев; особенно если за ними охотятся, то они укрываются в таких укромных уголках***. Внешние чувства развиты плохо, умственные способности ограничены. Слух и обоняние, по-видимому, развиты лучше, зрение слабое.

Некоторые путешественники рассказывают чудеса о храбрости этих свиней; спокойные наблюдатели судят о них беспристрастнее. «Проходя, — рассказывает Шомбургк, — по одному лесистому оазису, мы услышали необыкновенный шум, который можно было сравнить с шумом бегущего табуна и который, казалось, все приближался. Индейцы с криками подняли ружья, натянули луки и ожидали приближения шумевших, которые не замедлили появиться, причем оказалось, что это огромное стадо пекари. Как только они нас увидели, как тотчас приостановили свой дикий бег, испустили крик, похожий на хрюканье наших свиней, и пустились удирать в другую сторону. Мимо нас стадо промчалось с визгом, ужасно стуча и скрежеща зубами. Поражен-

Семейство пекариевые

* Границы участка звери метят выделениями специфических спинных и окологлазничных желез, оставляя пахучую жидкость, быстро темнеющей на воздухе. Существуют и общественные «отхожие места», периодически посещаемые всеми членами клана.

** В тропических лесах основу питания пекари составляют опавшие плоды. Стада пекари даже сопровождают стаи обезьян, подбирая за ними брошенные фрукты и орехи. В пустынной местности пекари поедают много агав и кактусов, удовлетворяя потребность не только в пище, но и в воде. Они очищают кактусы от колючек, катая по земле либо удерживая копытом и сдирая кожу зубами. Животная пища составляет очень небольшой процент в рационе.

*** Пекари своих нор не роют. Для родов самки устраивают логова в зарослях.

Семейство пекариевые

** На самом деле пекари чаще убегают при опасности. Загнанный в угол пекари действительно может нанести серьезные раны клыками. Угрожая, он широко разевает рот, клацает зубами, вздыбив шерсть на спине.*

ный таким необыкновенным явлением, прервавшим наше молчаливое путешествие, я в первую минуту забыл стрелять и, не слыша выстрелов спутников, чтобы наверстать пропущенное, я только что хотел выстрелить, как сосед мой, индеец, выхватил у меня ружье. Это привело меня в еще большее изумление, но скоро загадка разъяснилась. Когда главная часть стада уже промчалась мимо нас, а позади были только отставшие, тогда ружья и стрелы были опять подняты и мы убили четырех свинок. Удивительно, что собаки вели себя так же спокойно, как и мы, и даже легли на землю. Индейцы говорили мне, что стрелять в такое стадо чрезвычайно опасно, так как все животные с испугу рассыпаются в разные стороны и во время такого бегства разрывают всякое живое существо, попадающиеся им навстречу, и уничтожают все своими бивнями. В то время как разъяренное стадо несло мимо нас, мой негр Гамлет, перепуганный и дрожащий, стоял подле меня и подтверждал этот рассказ, говоря, что его отец таким образом погиб, получив смертельную рану, когда выстрелил в подобное бегущее стадо. Если же стрелять по отсталым, то главная часть стада беспрепятственно продолжает свой путь»*.

Шомбургк сообщает дальше, что охота на пекари у индейцев более других в ходу, потому что она самая выгодная. Собаки, с которыми на них охотятся, дрессированы совсем особенно, и это тем необходимее, что обе породы этих свиней питают к ним непримиримую вражду. «Дрессировка состоит в том, что собаки при встрече со стадом должны отделить одну от отставших и задерживать ее до тех пор, пока подспеют охотники и убьют животное. Как только эта убита, собаки пускаются вдогонку за стадом и опять отделяют другую, третью, четвертую и т. д. В случае если собаки слишком горячи и бросаются в середину стада, то их ожидает почти верная смерть, так как они остаются на поле битвы с распоротыми животами. Такой же участи подвергается и пума, и ягуар, раз они вломились в стадо; оба животных, кажется, сознают опасность и следят за стадом издали, предпочитая напасть на отставших. Громкие радостные крики раздаются в среде охотников, если им удастся загнать стадо пекари в реку. Как только животные влезут в воду, индейцы бегут за ними и начинают их бить дубинами; для этого ударяют раз или два по рылу; второй удар убивает их непременно. Убитую свинью преспокойно оставляют плавать, чтобы смертельным ударом покончить еще с несколькими другими, и когда убивать больше невозможно, то начинают вылавливать добычу».

А. Гумбольдт и Ренгер ничего не знают о ходячих баснословных рассказах про пекари. «На пекари, — говорит последний, — охотятся частью из-за мяса, частью же из-за повреждений, производимых ими на плантациях. Обыкновенно их разыскивают с собаками в лесах и убивают выстрелами или ударами копыя. Совсем не так опасно, как рассказывали, нападать на стада этих живот-

ных. Какой-нибудь неопытный охотник, конечно, мог получить несколько ран, если он один отважился идти против большого стада; если же охотиться с собаками и подступать со стороны или сзади, то охотнику не грозит опасность, так как животные торопятся удирать и защищаются разве только от небольших собак».

Самка мечет почти всегда одного и очень редко двух поросят, которые если не в первый день после рождения, то во всяком случае очень скоро после того, всюду следуют за матерью и не хрюкают, а скорее блеют, как козы. Поросята эти легко приручаются и при хорошем уходе делаются настоящими домашними животными*.

Ошейниковые пекари привозятся в Европу в значительном количестве, а белогубые пекари гораздо реже. Оба вида довольно хорошо переносят наш климат и даже размножаются. При обыкновенном свином корме они живут у нас несколько лет**. Особенной дружбы к человеку я у них не замечал: в тесной загородке они оказываются, напротив, противными, вспыльчивыми, злыми и мстительными созданиями, которых опытные сторожа боятся больше, чем крупных представителей этого семейства.

Кожа пекари идет на мешки и ремни, а мясо употребляется в пищу бедными людьми. Оно довольно вкусно, но вовсе не похоже на свиное мясо. Толстого слоя сала у них никогда не бывает, а только тоненькая прослойка довольно жидкого жира. Если ошейникового пекари перед смертью довольно долго гоняли, то мясо приобретает запах отделения спинной железы; чтобы этого избежать, следует как можно скорее ее вырезать. В других случаях, кроме времени течки, можно дать убитой свинье лежать в своей коже до полного охлаждения, причем мясо не получает никакого неприятного вкуса или запаха.

СЕМЕЙСТВО БЕГЕМОТОВЫЕ (*Hippopotamidae*)

Бегемот, или **гиппопотам** (*Hippopotamus amphibius*). Арабы называют его «речным буйволом», но более точно этого неуклюжего великана называли древние египтяне — «речная свинья»***.

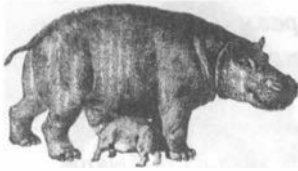
Рассматривая его внешность, мы находим, что от других млекопитающих он отличается четырехугольной по форме головой и особенно безобразной мордой, гладкой и толстой, сзади суженной, а спереди расширенной; конец морды вздут, верхняя губа круто спадает вниз, закрывая со всех сторон пасть. Уши и глаза маленькие, большие дугообразно рассеченные ноздри лежат наискось. Шея у бегемота короткая и сильная, туловище хотя и удлиненное, но чрезмерно толстое и потому чрезвычайно неуклюжее. Спина около крестца выше, нежели в плечах, посередине вдавлена, брюхо необыкновенно толстое и круглое, висит

** В тропиках пекари размножаются круглый год. В году 1—3 выводка. Беременность длится 4—5 месяцев. Обычно рождаются два необычайно крупных (400—800 г) и развитых детеныша. Уже с 8 месяцев самки способны к размножению, самцы — с года.*

*** Молодые пекари легко уживаются в неволе, обычно по несколько животных содержится в каждой индийской деревне. В зоопарках неплохо размножаются. В природе средняя продолжительность жизни 7—15 лет, в неволе доживают до 24 лет.*

**** В русском языке название «гиппопотам» было очень распространено до середины XX века, сейчас более популярно древнееврейское «бегемот» — мифический зверь, упоминаемый в Ветхом завете.*

Семейство бегемотовые

** Кожные железы бегемота вырабатывают специфическую слизистую смазку, придающую коже эластичность и предохраняющую от пересыхания на суше и чрезмерного набухания в воде. Этот секрет иногда называют «кровавый пот» из-за красноватого оттенка. Благодаря ему цвет бегемота может изменяться от голубовато-серого до различных оттенков красноватого, фиолетового, бурого.*

*** Обыкновенный бегемот замыкает пятерку крупнейших обитателей суши (африканский и азиатский слоны, белый и индийский носороги, бегемот).*

**** Желудок у бегемотов «нежвачный», хотя имеет три камеры.*

так низко, что касается земли, хвост короткий и тонкий около кончика, с боков сдавленный. Четырехкопытные ноги несоразмерно коротки и толсты, а все пальцы, соединенные между собой короткими перепонками, выступают вперед. Только на кончике хвоста торчат короткие, похожие на проволоку щетинки; на других частях тела можно заметить лишь очень немного коротких щетинистых волос. Толстая кожа в 2 см толщины около шеи и на груди образует несколько глубоких складок. Кожа имеет медно-коричневую окраску, которая на верхней части тела переходит в темный грязно-бурый, а на брюхе скорее в светлый фиолетово-бурый цвет. Впрочем, окраска изменяется, смотря по тому, сухой бегемот или мокрый. Когда он только что выходит из воды, то спина его кажется голубовато-бурой, а нижняя часть почти телесного цвета; высохнув, кажется темнее*.

Длина взрослого самца, включая длину хвоста в 45 см, достигает 4,2—4,5 м при 1,5 м вышины в плечах. Масса этих животных в среднем 2000—2500 кг, а старый самец иногда весит до 3000 кг; одна голова такого великана равна 200 кг**. Челюсти бегемота отличаются от челюстей свиньи, с которой у него больше всего общего, не столько количеством зубов, сколько их расположением. В каждой половине верхней и нижней челюстей находятся по два резца, по одному клыку и по семь коренных зубов, стало быть, зубной аппарат состоит из сорока зубов. Два средних резца нижней челюсти, отстоящие друг от друга на некотором расстоянии, могут быть сравнимы с клыками, но имеют горизонтальное положение; резцы верхней челюсти, средняя пара которых разделена еще большим промежутком, меньше, загнуты и расположены вертикально. Громадные клыки нижней челюсти, которые в среднем могут достигать 50 см длины (у Пехуель-Леше имеются клыки двух старых самцов, длина которых достигает 69 см) и 4 кг веса, имеют трехгранную форму, изогнуты в дугу, на конце косо срезаны и исполосованы глубокими продольными бороздками. Верхние клыки направлены книзу, заметно короче и тоньше, но также согнуты и косо обрублены. Скелет бегемота необыкновенно массивен. Череп почти четырехгранный, сверху плоский и приплюснутый. Затылок маленький, глазные впадины имеют высокие края, образованные лобной и скуловой костями; остальные кости скелета толстые и тяжелые. Из внутренних органов особенно поражает разделенный на четыре части желудок***.

Бегемот был хорошо известен древним народам. Это достаточно доказывают нам древние памятники, Библия, сочинения греков и римлян. «Бегемот, — пишет мне мой ученый друг Дюмихен, — в египетских рукописях называется не гиппопотамом, а речной свиньей, или пер, — «валяющееся животное». Это название относилось одинаково к валяющимся в воде или в грязи бегемоту и свинье. Судя по изображениям и надписям, гиппопотам в древ-

ние времена был обыкновенен в Ниле. Охота на это животное была любимейшим занятием знатных египтян. На стенах древних гробниц часто находят изображения, которые наглядно показывают, как охотились на этих водяных исполинов, убивая их гарпунами или овладевая ими с помощью металлических крючков, прикрепленных к двум или трем веревкам». В Библии (кн. Иова, гл. 40, ст. 10) говорится о бегемоте следующее: «Вот его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его... Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья... Вот он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его». Греческие и римские писатели, начиная с Геродота и кончая Плинием, часто упоминают о нем и довольно верно характеризуют нравы и привычки. Все позднейшие писатели ссылаются главным образом на сведения древних, и новые сообщения, по словам Белона, впервые сделал Геснер. В настоящее время, чтобы встретить это животное, нужно довольно далеко проникнуть в глубь Африки. Именно по Нилу эти животные удалились сильно на юг, в верхнее течение «реки, которая скрывает свои истоки».

Только в глубине материка как бы воскресают изображения, начертанные четыре тысячи лет тому назад на стенах египетских храмов*. Там и поныне встречаешь тех же животных и таких же людей, как во времена давно прошедшие. Там и поныне встречаются павианы и крокодилы, священные ибисы и клювачи, слоны, носороги и бегемоты. В тех местах люди и поныне являются единственными врагами бегемотов. Еще летом в 1600 году неаполитанскому врачу Церенги удалось вблизи Дамиэтты, стало быть, у начала одного из рукавов Нила, поймать в яму двух бегемотов, их шкуры затем были привезены в Рим, куда прежде привозились их живые предки. В настоящее время бегемоты истреблены во всем Египте, а также в Нубии, где еще в начале этого столетия Рюпель встречал их в довольно большом количестве. Против города

Бегемот
(*Hippopotamus
amphibius*)

* У древних египтян гиппопотам считался одним из символов плодородия.

** В Египте последний бегемот был убит в 1816 г. Бегемоты способны преодолевать морские проливы, что доказывает присутствие (или былое присутствие) этих животных на островах у побережья Африки и даже на Мадагаскаре.*

*** Скопления бегемотов оказывают значительное влияние на ландшафты. Вдоль берегов создается полоса «подстриженной» травы, со временем она зарастает кустарником и перестает использоваться животными. Постоянные тропы бегемотов иногда превращаются в заболоченные траншеи. Образуются заливчики, где животные устраивают залёжки. Помёт этих травоядных, во множестве попадающий в водоемы, ведет к бурному росту водной растительности, увеличению количества планктона, рыбы.*

Хартума, у слияния Белого и Голубого Нила, лежит маленький лесистый островок. На нем в 1851 году я видел хорошо известную парочку бегемотов, которая ежегодно во время половодья приплывала из верховьев этой реки, и я не раз безуспешно посылал в их головы ружейные пули. В настоящее время бегемот представляет собой обычное явление в большинстве рек и озер Африки, между 17 градусом северной и 25 градусом южной широты, на юго-востоке он даже заходит за эту границу. В восточной, южной и западной Африке бегемоты, спускаясь по течению реки, подходят гораздо ближе к морскому берегу, нежели в ее северной части; они даже нередко выплывают в море: Деккен уверял меня, что на Занзибаре несколько раз видели бегемотов, которые, очевидно, могли перебраться только с противоположного берега. Бем сообщает, что они еще и в новейшее время выплывают в морскую воду из устья Кингани*. Таким же образом они путешествуют и вверх по реке, насколько это им позволяет течение; поэтому они водятся даже в Абиссинии, в озере Тана, лежащем на высоте 1940 м над уровнем моря. Во всех реках с изменяющимся уровнем воды они ведут настоящую кочевую жизнь; при убыли воды отправляются из местностей, лежащих у верховья, вниз по реке, и наоборот, снова поднимаются вверх, когда верхняя часть русла пополняется дождями. Может случиться, что во время таких кочевок они надолго поселяются в понравившемся им месте.

Бегемот более других толстокожих привязан к воде, он вылезает из нее на сушу в исключительных случаях. Это бывает только там, где река не изобилует растениями, притом всегда по ночам и только ради корма; в виде исключения это случается также и днем, когда он вылезает на песчаные отмели, чтобы погреться на солнце. В нескольких милях от «столицы Ада», как называют Хартум путешественники по Судану, по берегам реки, на илистых отмелях можно видеть множество следов этих животных, имеющих вид глубоко вдавленных ям, расположенных по обеим сторонам корытообразной борозды. Ямы происходят от ног, борозда же от волочившегося брюха, по которое чудовище погружается в мягкой илистой почве. Места, где бегемоты выходят на сухие и высокие берега, бывают до того круты, что даже человек в состоянии взобраться на них, если только будет держаться справа и слева за сучья. Потому совершенно непонятно, каким образом это неуклюжее животное совершает такие упражнения**.

В благоприятных водных местах сведущий человек весьма скоро может обнаружить присутствие этих гигантских животных. Через три-четыре минуты при тихой погоде кое-где видишь лучеобразно поднимающуюся на высоту около половины метра водяную пыль и вместе с тем слышишь громкое сопение или храпение: в том месте только что вынырнул бегемот, чтобы подышать воздухом. Если находишься достаточно близко, то мож-

но заметить и голову. Если спокойно стоять с подветренной стороны, то можно без труда наблюдать за плавающим взад и вперед или как бы играющим в воде животным. Бегемот чрезвычайно редко остается под водой более трех-четыре минут, не дыша. Сообщения путешественников, говорящих о десяти- или пятнадцатиминутном пребывании этого животного под водой, происходят, вероятно, от неверных наблюдений. Дело в том, что если бегемот потревожен, то он появляется на поверхность крайне осторожно. Он выставляет наружу только одни ноздри и дышит так тихо, что его можно не заметить; или же тихо уплывет под водой и вынырнет в другом месте, причем может случиться, что на первоначальном месте вместо него наблюдается другое приплывшее туда животное*.

Бегемоты живут обществами; поодиночке проживают лишь старые самцы**. Часто довольствуются большой, глубокой лужей. Если они живут в узких и не очень глубоких водоемах, которые в жаркое время частично высыхают, то целый день не покидают определенных мест. Там они, вероятно, как впервые заметил Гейглин, вырывают ямы, длинные, глубокие впадины вдоль реки, в которых легко могут нырять, а в случае преследования и скрыться. Иногда несколько таких впадин соединены между собой проливами, вроде глубоких канав, образуют подводную тропу животных. Если в одном месте пастбище скудеет, то бегемот не спеша перебирается на другое. Днем животные покидают воду только в совершенно безлюдных местах, для того чтобы на мели вблизи берега или на самом берегу погреться на солнце и предаться сладкой полудремоте. Они не особенно заботятся о том, что происходит вокруг них, и только в тех местах, где они познакомились с человеком и его страшным огнестрельным оружием, остерегаются своего главного, можно сказать, единственного врага.

Под вечер бегемоты оживляются. Хрюканье самцов усиливается, и все стадо, играя, начинает нырять и высовываться на поверхность реки. При спокойном плавании этого животного поверхность воды остается гладкой и неподвижной. Но когда разъяренный зверь бросается на врага или, раненый, беснуется в реке, он отталкивается задними ногами, большими прыжками поддается вперед так сильно, что волнует чуть не целое озеро и образует высокие волны. Сила его движений настолько велика, что он, как доказано, может приподняться и разрушить довольно большие лодки. Если внезапно потревожить сон бегемотов и испугнуть их, когда они спокойно греются на солнце или спят на берегу реки, то можно увидеть, что они не так неуклюжи, как кажутся. Большим прыжком звери соскакивают в воду с довольно высокого места, как утверждает Бэкер, даже тогда, когда под ними глубина в шесть метров, и вздымают при этом такие волны, как будто проехал полным ходом маленький колесный пароход. «Описать, хотя бы приблизительно, голос этих великанов, — совершен-

** В исключительных случаях бегемот может оставаться под водой до получаса, обычно — 3—5 минут. Бегемоты плавают в основном загибая задними ногами, чаще же ходят по дну, как и по суше, используя большой удельный вес.*

*** Самки и молодые бегемоты обычно образуют группы в 6—30 особей. Самцы держатся поодиночке на своей территории. Группа самок и молодежи, оказавшаяся на территории того или иного самца, автоматически становится его «семьей», но спустя некоторое время может перейти на другую территорию и оказаться во владениях соседнего самца. В период засухи бегемоты могут скапливаться на пересыхающих старицах стадами по 100 и более голов. Иерархические отношения в это тяжелое время ослабевают.*

Семейство бегемотовые

** Периодически между самцами вспыхивают драки из-за границ участков или обладания самками. Драки сопровождаются ревом, позами устрашения, схождением с широко открытыми пастьями. Ночью, во время пастьбы группы бегемотов тоже перекликаются, издавая звуки, похожие на басистый гогот.*

*** Характерно, что бегемот не ест водяной гуацинт (*Eichhornia crassipes*) — сорное водяное растение, завезенное из Южной Америки и заплодившее все стоячие водоемы тропической зоны.*

**** Границы своих участков самцы помечают на берегу помётом, разбрызгивая его при помощи быстрых движений хвоста в радиусе 2 м. Тропы к пастьбищам также завалены кучами помёта, служащими животным ориентиром.*

но справедливо говорит Гейглин, — не во власти человеческого слова. Он состоит из рева, имеющего отдаленное сходство с ревом буйвола, звучит одной протяжной или несколькими, быстро друг за другом следующими нотами и представляет собой низкий, далеко раздающийся бас, который, как кажется, исходит из громадной пустой бочки. Поневоле думаешь, что этот рев есть проявление величайшего гнева и раздражения, а между тем зверь мирно играет. Рев нескольких борющихся бегемотов*, внезапно раздающийся в ночной тишине пустыни, соединяясь с шумом, пыхтением и плеском ныряющих гиппопотамов, производит необыкновенное впечатление, кажется, и на диких зверей. Шакал, гиена и даже лев смолкают и прислушиваются, когда, подобно гулу землетрясения, проносится над поверхностью вод громовой голос и, смягченный в отдалении девственным лесом, раздается на громадное расстояние». Во всяком случае, могучий голос бегемота превосходит голоса других животных, но во всей силе слышится сравнительно редко.

В местах верхнего течения Нила, принимающих вид озер и богатых растительностью заливов, бегемот не покидает русла реки даже ночью или покидает его совсем редко. Он ест днем и ночью находящиеся в воде растения. Лотос, этот величественный царственный брат нашей скромной, миловидной кувшинки, служит главной пищей бегемоту. Тростник и даже камыш при случае тоже им пожирается. В той части Абиада (Голубого Нила), где река превращается то в тихое спокойное озеро, то в гниющее болото, то в ручеек, тихо несущий свои воды мимо множества островков с райской прелестью роскошной растительности, там гиппопотамы и крокодилы водятся сотнями и живут в воде. Знаменитый папирус, лотос, грациозный амбач и сотня других растений дают здесь обильную пищу нашему толстокожему. В таких местах можно видеть, как он постоянно погружается в воду и достает еду со дна**.

Иначе происходит в местах, где бегемот должен выходить для пастьбища на сушу. Приблизительно спустя час после заката солнца гиппопотам выходит из воды, прислушиваясь и озираясь с величайшей осторожностью. Вблизи населенных мест он отправляется на поля. Здесь он опустошает все, нередко в одну ночь уничтожает растения целого поля. Прожорливость бегемотов непомерна, и, несмотря на плодородие их отечества, они могут обратиться в истинный бич страны, если их много. Они топчут своими неуклюжими ногами и ломают, валяясь, наподобие свиней, в глубоких ямах, гораздо больше, чем им в действительности нужно для насыщения. Пожирают все виды культурных растений и овощи, которые разводят в стране, а также, судя по Бэкеру, и арбузы. Испражняются бегемоты обыкновенно при выходе из воды, причем помёт разбрасывают сильными и быстрыми движениями хвоста, так что следы его можно найти в кустах и довольно высоко на стволах деревьев***.

На пути к пастбищу гиппопотам наносит вред не только опустошением полей, но иногда может быть опасным для жизни человека и животных. Четыре громадных клыка служат страшным оружием против других зверей. Рюппель рассказывает, что однажды бегемот растерзал четырех рабочих волов, которые спокойно стояли у водочерпального колеса. «У Кингани, — рассказывает Бем, — один из бегемотов внезапно бросился на двух женщин, которые проходили вечером, громко разговаривая, мимо нескольких пасущихся гиппопотамов, и, укусив их несколько раз, изувечил так, что обе от этого умерли». На одного араба, который хотел защитить свои дыни от нападения чудовища, по словам Бекера, бегемот бросился немедленно и убил его одним ударом зубов. Ободренный этим случаем тот же зверь стал при различных обстоятельствах нападать на пастухов и их стада и этим навел такой страх на живших в окрестностях людей, что никто больше не осмеливался приближаться к воде, где обитало это животное. Между тем не везде смотрят на гиппопотама как на необыкновенно опасное животное, всегда готовое к нападению; в некоторых областях его не боятся на суше, зато боятся в воде. Правда, он редко нападает на большие суда, но маленьким наносит, случайно или намеренно, большой вред. «Нрав бегемотов, — пишет из восточной Африки Бем, — далеко не всегда миролюбив, в чем мы убедились. На реке Унгалла они часто преграждали нам путь или, ныряя и появляясь вновь, нападали на нашу лодку, так что мы должны были поспешно удалиться к прибрежным кустам. Однажды бегемот нанес нашему челну такой удар зубами, близко вынырнув около нас, что лодка едва не перевернулась».

Такого рода простые и точные указания на вред, приносимый бегемотами, встречаются довольно редко; в большинстве случаев пересказывается только слышанное, описывается лишь то, чего сам рассказчик не видел.

Столкновения и даже несчастные случаи, конечно, бывают, но значительно реже, чем следовало заключить, судя по рассказам. Несчастья и лично пережитые приключения, засвидетельствованные надежными очевидцами, происходят в высшей степени редко. Спокойный наблюдатель, который часто встречался с бегемотами и вел на них правильную охоту, приходит к тому убеждению, что страх перед ними хотя имеет некоторое основание, тем не менее слишком преувеличен. Часто неуклюжие шалости этого чудовища и невинное желание поиграть легко принимаются за злобные и умышленные нападения. Конечно, поведение животных чрезвычайно разнообразно и зависит от внешних условий, характера и возраста. Можно даже принять, что в разных местностях они обладают различными нравами.

Особенно опасен бегемот, когда ему приходится защищать детеныша. О зарождении, рождении малыша и времени беременности только в последнее время были сделаны наблюдения над

** Массовый гон у гиппопотамов обычно приурочен к сухому сезону. Беременность длится около 7,5—8 месяцев, единственный детеныш рождается в сезон дождей. Длительность выкармливания молоком — 4—6 месяцев. Детеныш остается при матери до рождения следующего, а иногда и дольше. Самка отчаянно защищает малыша от опасности, которую представляют не только крокодилы, но и самцы бегемотов. Самец может убить детенышей самок, оказавшихся на его территории, если он не является отцом этих детенышей. Такой механизм протекции собственным, а не чужим генам в последнее время открыт у самцов животных из самых разных отрядов. Смертность молодняка от разных причин очень высока и составляет до 50%.*

пойманными животными, которые неоднократно плодились. О размножении этих животных на свободе известно только то, что детеныши рождаются приблизительно в первой трети дождливого времени. Значит, в различных местах Африки они появляются на свет в разное время, смотря по тому, когда наступает весна в тропических странах. Нежно озабоченная своим детенышем, мать видит опасность даже в самых безобидных явлениях. Вероятно, и отец не дремлет, оберегая свое потомство*.

Мать легко узнать: она ни на миг не упускает из виду свое детище и охраняет каждое его движение с материнской любовью и нежной заботой. Иногда неуклюжее животное весело играет со своим любимцем. Они дружно ныряют и всплывают и, ворча, как бы беседуют друг с другом. Во всяком случае, детеныш сосет под водой. Гейглин сообщает также, что самка, произведя на свет детище в наиболее скрытых местах на суше или в болоте, не всегда сразу ведет его к реке, а иногда сажает в яму, которую маленькое животное не может покинуть без помощи матери. В воде самки обыкновенно носят своих детенышей верхом на затылке и, чтобы они могли дышать, приподнимают их над водой чаще, нежели высовываются сами. Выносит ли самка детенышей постоянно верхом на себе на сушу — достоверно еще не известно, но, что такое случается, свидетельствует Гопкинс, наблюдавший за одной семьей.

Слепая ярость раздраженного бегемота достаточно ясно свидетельствует, что охота на это животное без огнестрельного оружия с очень сильными зарядами не может доставлять удовольствия охотнику-любителю. Легкие ружейные пули, пущенные даже на весьма небольшом расстоянии, не имеют почти никакого успеха. «С одним бегемотом, которого убили, — рассказывает Рюппель, — мы боролись четыре часа. Еще немного, и чудовище уничтожило бы большой баркас, а вместе с ним и всех нас. 25 пуль, пущенных в голову чудовища на расстоянии около двух метров, пробили только кожу и кость около носа. Все остальные пули застряли в его толстой коже. При каждом фырканьи животное обрызгивало баркас большими струями крови. Тогда мы воспользовались ружьем, прикрепленным к лафету; употребление его, вследствие небольшого расстояния, казалось нам сначала излишним. После пяти пуль, выпущенных из этого орудия на расстоянии немногих метров и произведших в голове и теле животного страшнейшие разрушения, чудовище испустило дух. Темнота ночи еще более увеличила ужас поединка». Однако не только одни чрезвычайно большие животные, но и животные меньших размеров и даже самки могут доставить неосторожным охотникам довольно много хлопот, если они не вооружены тяжелыми ружьями. В борьбе с такими охотниками бегемот, разумеется, вскоре начнет признавать превосходство человека, и страх тем скорее и сильнее овладевает им, чем надежнее действует огнестрельное оружие.

Там, где благодаря трусливому поведению человека бегемоты сделали отважными, они, пожалуй, могут присвоить себе с некоторой гордостью господство над человеком в своих владениях, но и такие животные ведут себя, смотря по обстоятельствам, весьма различно. Поэтому я не желаю соблазнять неопытного и неосмотрительного охотника, не располагающего хорошим оружием и надежными людьми, — неосторожно накликав на себя опасность. Линднер в продолжение трех лет убил на реках в низменности Конго 49 бегемотов и употребил их для пропитания своей прислуги в колонии. При этом три раза случалось, что расвирепевшие животные нападали на его довольно большую лодку, сильно качали ее толчками и раз даже попортили зубами кормовую часть. Но Линднер охотился чрезвычайно много, поэтому три случая нападения разъяренных животных можно считать сравнительно редкими происшествиями.

Стрельба из безопасного места по показывающимся из воды головам — занятие, во всяком случае недостойное охотника; это просто истязание животных. Пули, ударяющие под острым углом, не убивая великанов, причиняют им одну боль; животные, подвергшиеся такому жестокому обращению, легко могут впоследствии выместить свою злобу на невинных людях. Кто желает убить бегемота, должен взять винтовку большого калибра, подъехать шагов на 30 и ближе, чтобы быть уверенным в выстреле, и послать пулю в уголок глаза. Можно принять за правило, что каждое животное, не убитое выстрелом на повал, потеряно для охотника. Если оно трясет головой или, хрюкая и фыркая, быстро ныряет, то пуля не исполнила своего назначения; если же оно высоко приподнимается из воды, иногда опрокидываясь навзничь, и затем тихо, недвижно погружается вниз, то оно, наверное, убито. Дальнейшим, никогда не обманывающим признаком служат большие воздушные пузыри, выходящие в том месте, где животное погрузилось в воду. Гиппопотам, убитый в воде, сначала тонет, но по прошествии 30—60 минут или немногих часов всплывает на поверхность. Это время колеблется от того, в какой степени переварена принятая им пища и насколько образовавшиеся газы распучили живот».

Жители верхней области Нила, не владея огнестрельным оружием, были почти бессильны против бегемота; но все-таки они оставались его единственными опасными противниками, потому что кроме пиявок, комаров и глистов ни одно существо не нападает на бегемота, а все рассказы о битвах между ним и крокодилом, слоном, носорогом и львом должны быть, безусловно, отнесены к области басен*.

В крайнем случае молодой бегемот мог подвергнуться нападению одной из больших кошек, если бы мать не находилась все время вблизи, готовая к отражению любой опасности. Человек разными способами старается защититься от этого вредного животного. Ког-

** Определенную опасность для молодняка бегемотов представляют крупные крокодилы. Бегемоты очень не любят крокодилов и изгоняют их из мест своего обитания. Известен случай, когда бегемот спас от крокодила антилопу. Молодые бегемоты на суше изредка становятся добычей львов, особенно если пасутся в одиночку. Зафиксирован случай поединка бегемота и черного носорога со смертельным исходом для обоих. Вообще бегемот может вести себя на берегу довольно агрессивно, разгоняя других животных. Нападая или убегая, он способен развивать в броске скорость до 30 км/ч. Бегемоты страдают главным образом не от хищников, а от периодической нехватки пищи, в связи с засухами и от эпизоотий (в том числе таких болезней, как сибирская язва, ящур).*

Семейство бегемотовые

да мы плыли по Нилу во время созревания плодов, в заселенных местностях на обоих берегах реки видны были огни: они зажигались исключительно как средство для устрашения бегемотов и тщательно поддерживались всю ночь напролет. В некоторых местах при помощи барабанов производился постоянный шум, чтобы пугать речных великанов. При всем этом они нередко оказывались столь отважными, что выходили на берег и возвращались обратно в реку только тогда, когда с криками, с барабанным боем и с пылающими головешками в руках на них бросалась огромная толпа людей.

Впрочем, кроме подобных мер к защите, еще искони на это чудовище охотились с дротиками и копьями. При этом поступали и поступают, в сущности, по способу древних египтян, с охотой которых нас познакомили изображения на памятниках и некоторые древние писатели, главным образом Диодор Сицилийский. Об остроумно придуманном приборе, состоящем из копья, приделанного к согнутому дереву, которое выпрямляется и убивает бегемота, когда он, отправляясь на пастбище, проходит мимо, в северо-восточной Африке ничего не знают. Единственным оружием, которым пользуются жители верхнего Нила для охоты на бегемота и в наше время, являются копье и большой дротик, к которому привязана веревка с поплавком. Около полуночи охотник вдоль берега прокрадывается до места, откуда гиппопотамы возвращаются с пастбища. Прячется под ветром в кустарнике и ожидает, когда один из них приблизительно до половины погрузится в реку. Тогда охотник наносит ему удар дротиком. На следующее утро охотник со своим помощником садится в лодку и ищет раненое животное по плавающему дротику или деревянному поплавку. Как только они найдены, к ним подплывают с величайшей осторожностью и, держа наготове дротики и копья, вытягивают веревку. При малейшем напряжении ее бегемот с бешеной злобой появляется на поверхности воды и устремляется на судно, но его встречают градом ударов копий и дротиков. Впрочем, нередко случается, что бегемот настигает баркас и раздробляет его своими клыками. В счастливых для ловцов случаях бегемота до тех пор поражают оружием, пока он не издохнет.

Прибыль от охоты на гиппопотамов довольно значительна. Как сало, так и высоко ценимое мясо едят повсюду. В доброе старое время колонисты Капской земли не могли себе представить большего удовольствия, чем охоту на бегемотов. Мясо и сало убитого великана свеживали на месте и на повозках отправляли домой. Мясо молодых животных, говорят, отличается особенно приятным вкусом, а сало старых оказывается лучше свиного; язык в свежем и копченном виде слывет лакомством, это утверждается почти всеми охотниками. Относительно достоинства мяса многие придерживаются другого мнения, находя его губчатым и безвкусным. В восточной Африке сало считается лучшей мазью для волос и тела. Из толстой кожи изготавливают очень хорошие бичи, палки и щиты. Зубы

бегемота, по словам Вестендарпа, служат прекрасным материалом для многих тонких токарных изделий, так как они своей чистотой, твердостью и белизной превосходят даже слоновую кость. Однако для обработки их необходимы искусные мастера. Изогнутые зубы нижней челюсти покрыты хрупкой, как стекло, эмалью, которая не поддается обработке, так что их приходится освобождать от нее, подвергая вытравлению, вследствие чего теряется около трети веса, и подвергшийся обработке товар соответственно этому повышает-ся в цене. Зубы верхней челюсти свободны от этой твердой эмали и поэтому поступают в обработку нетравленными. Соответственно годности к употреблению и величине отдельных зубов устанавливается в торговле и цена на них. В настоящее время один килограмм кривых зубов стоит 4—6,5 марки, а прямых 6—6,5 марки.

Ловля живьем этого чудовища похожа на охоту. Каким образом могли римляне ловить и перевозить бегемотов, мы не знаем; по словам древних писателей, они доставляли в столицу своей империи для триумфальных шествий и гладиаторских боев не только молодых и полувзрослых, но и старых животных. В 58 году до Р.Х. эдил Скавр вывел на показ римскому народу пять крокодилов и большого бегемота. Август, Антоний, Пий, Гордиан, Гелиогабал и Кар также показывали их в цирке. По приказанию Коммода в цирке были убиты пять гиппопотамов. С того времени и до половины XVI столетия нашего летосчисления ни одно из этих животных не появлялось в Европе. Минули 300 лет, прежде чем новые животные были доставлены нам живыми. Почти все без исключения бегемоты, которых мы можем видеть в Европе, пойманы молодыми.

Разумеется, прежде чем помышлять о ловле молодого животного, необходимо убить его мать. Слепая привязанность маленького неуклюжего создания к своей матери значительно облегчает ловлю. Молодое животное повсюду следует за раненой матерью и даже не покидает ее труп. В подобном случае бросают гарпун в менее чувствительное место его тела или стараются опутать его сетью и затем уж вытаскивают на берег. Сначала он вырывается, испускает громкие, пронзительные крики и доставляет людям много хлопот; однако скоро привыкает к человеку и следует за ним. Молодой бегемот охотно сосет корову; конечно, одной кормилицей он вскоре не может довольствоваться, молодой великан по прошествии недолгого времени нуждается в молоке двух, трех и даже четырех коров или восьми—двенадцати коз.

По наблюдениям, бегемоты в Европе легко переносят продолжительную неволю. Если для пары животных устроить такое помещение, где они могли бы жить как в естественных условиях, то есть находиться то в воде, то на суше, тогда можно рассчитывать на потомство. Бегемот принимает всякую пищу, особенно ту, которую обыкновенно дают домашним свиньям*.

Кроме человека вряд ли существует у бегемота опасный враг, который мог бы выступить против него**.

** В некоторых районах Африки рассматривается перспектива создания бегемотовых ферм наряду с разумной эксплуатацией природных популяций бегемотов. Бегемоты неприхотливы в еде, легко переносят неволю, неплохо размножаются. Одно животное может дать до тонны мяса, около 90 кг жира, не считая шкуры, ценной кости зубов и помёта в качестве удобрения. В водоемах, удобряемых помётом «домашних» бегемотов, можно наладить разведение рыбы.*

*** В силу особенностей биологии бегемот пострадал от преследования человеком гораздо меньше, чем другие африканские гиганты — слоны, носороги. Во многих местах его численность остается высокой и он является охотничьим видом.*

Там, куда не проникает человек со своим страшным оружием, бегемот, вероятно, достигает глубокой старости. Хотя он растет сравнительно быстро, однако пройдут многие годы, прежде чем достигнет своего полного роста. По всей вероятности, он становится способным к размножению на втором или на третьем году жизни; растет бегемот, как показали наблюдения над пойманными животными, несколько лет даже после того, как произведет на свет детенышей*.

* Самцы приступают к размножению в возрасте 6—13 лет, самки — 7—15 лет.

Когда он наконец достигнет полного возраста, то зубы его увеличиваются в длине и толщине. В какое время жизни начинается для него старческий возраст и на сколько лет вообще может продлиться его жизнь — неизвестно**.

** Продолжительность жизни бегемота в природе — 30—40 лет, в неволе — до 54 лет.

Либерийский, или карликовый, бегемот (*Choeropsis liberiensis*) в своем распространении ограничивается небольшой областью Верхней Гвинеи. Милан-Эдвардс говорит, что его кожа бледно-розового цвета; Иентинк же указывает на то, что этот цвет только хранящихся в коллекции чучел, с которых сошел верхний слой кожи. Бюттикофер, видевший недавно убитых животных, утверждает, что спина у них аспидно-черного, брюхо — грязного зеленовато-белого, бока — зеленовато-серого цвета. Масса туши взрослой самки равнялась всего 400 кг и при высоте в плечах в 76 см была длиной в 185 см, из которых 17 см приходилось на долю хвоста***.

*** Длина тела карликового бегемота — 150—170 см, высота в холке — 75—100 см, масса — 160—275 кг.

Образ жизни этого животного до сих пор мало известен; он значительно отличается от образа жизни большого бегемота. Бюттикофер сообщает об этом следующее: «Его любимым местопребыванием служат лес и болото; в реках его, по-видимому, не находят. Обстоятельство, которое делает охоту за ним столь трудной и часто безуспешной, заключается в том, что он не ограничивается небольшой областью и не ходит по одним и тем же тропам, а распространяет свои странствия на очень большое, хотя и не безграничное пространство. Как дикая свинья, с образом жизни которой он имеет много общего, этот бегемот ищет в старом и молодом лесу корм, состоящий из трав и лесных плодов, и затем удаляется в обширные, часто недоступные охотнику болота. Отправляется он за пищей ночью или днем, я не могу сказать ничего достоверного, но считаю, что ночью. Его легко узнать по своеобразному следу и по помёту****.

**** Карликовый бегемот — лесной зверь. Активен ночью, днем отдыхает на лежаках в зарослях. Метит границы участков и общие тропы кучами помета.

***** Редкий вид, внесен в Красную книгу МСОП. Численность его, очевидно, снижается в связи с уничтожением тропических лесов.

Достоверно известно, что либерийский бегемот не живет семьями, подобно обыкновенному бегемоту; странствует по лесу постоянно один. Каждая пара, если они вообще живут парами, обладает обширной областью. Эти животные нигде не встречаются часто, однако в тех местностях Либерии, через которые я проезжал, их знают, хотя бы только по названию». До сих пор в Европу не привозили живыми этих редких животных; скелеты и чучела также составляют в коллекциях большую редкость*****.

ПОДОТРЯД ЖВАЧНЫЕ (Ruminantia)*

СЕМЕЙСТВО ОЛЕНЬКОВЫЕ (Tragulidae)**

Относительно деления представителей этого семейства на роды и виды натуралисты еще не вполне согласны между собой.

Эти красивые животные населяют западную Африку и южную Азию. Своим видом они несколько напоминают косуль: с довольно толстым туловищем, стройной, красивой формы головой, прекрасными светлыми глазами, тонкими ножками, толщиной едва превышающими карандаш, с красивыми копытами, маленьким хорошеньким тупым хвостиком, мягкой гладкой шерстью разнообразной окраски.

Малый оленек, или яванский канчиль (*Tragulus javanicus*), имеет около 45 см длины, из которых 4 см приходятся на хвост; высота в плечах достигает 20 см, в крестце двумя сантиметрами более. Довольно тонкая шерсть имеет разнообразную окраску. На голове она красновато-чалая, на темени почти черная. Верхняя часть тела — красновато-желто-бурая, спина темная, бока светлее. Верхняя часть шеи с белыми крапинками, а нижняя — белая. От нижней челюсти по обеим сторонам шеи до плеч проходит по белой полосе. За ними следует по темной полосе, которые на середине шеи заключают в себе третью белую полосу. Иногда вдоль живота проходит еще желтоватая полоска. Конечности чаложелтые, предплечье и голень светлые — ржаво-красные, нижние части конечностей — желтовато-чалые. Маленькие тонкие копыта — светло-бурого рогового цвета. Взрослые самцы имеют сильно загнутые клыки, на 3 см выступающие из десен и направленные назад. Клыки приплюснуты, с боков как бы выдолблены и имеют режущий край. Молодые животные ничем не отличаются от взрослых.

Эти красивые зверьки живут на Яве, около Сингапура и на Малаккском полуострове; на Суматре, Борнео, Цейлоне и в Индии. На Яве они обитают более в горах, на южных опушках девственных лесов и главным образом в кустарниках, откуда могут за несколько минут достичь склонов, покрытых травой. Оленька никогда не встречаются стадами, так как он живет одиноко и только во время спаривания — попарно. Днем лежит, спрятавшись в густом кустарнике***, отдыхая и жуя жвачку. С наступлением сумерек выходит на пастбище и отыскивает для пищи всевозможные листья, травы и ягоды. Вода для него необходима. Все движения маленького животного в высшей степени красивы, легки и притом очень проворны. Канчиль делает сравнительно большие прыжки и с ловкостью преодолевает на своем пути всевоз-

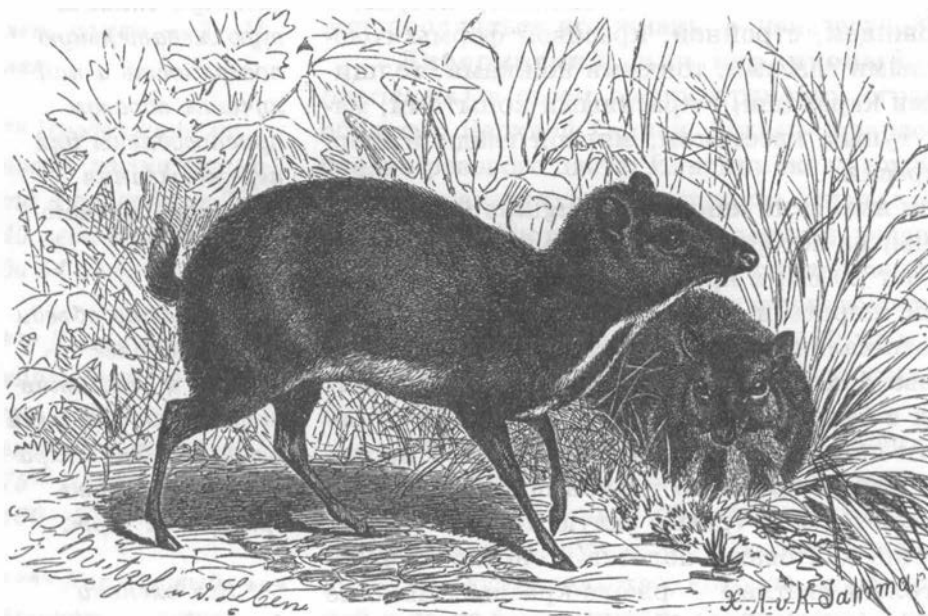
Семейство
оленьковые

* У жвачных коренные зубы имеют высокие коронки, сложную складчатую жевательную поверхность и наилучшим образом приспособлены для пережевывания жесткого зеленого корма.

** Семейство объединяет наиболее мелких и примитивных представителей жвачных. Они сохранили множество архаичных черт.

*** Все оленьки держатся поодиночке, метят свои участки запаховыми метками. Их дневными убежищами служат норы других животных, ниши под корнями деревьев, иногда — низко расположенные дупла. Они хорошо плавают, ныряют, нередко охотятся на мелководье на крабов, моллюсков, рыб, поедают насекомых, мелких млекопитающих.

возможные препятствия. Но когда он понимает, что может попасть во власть своих врагов, то прибегает к хитрости. Как только он увидит, что уйти от преследователя не может, то ложится спокойно на землю и притворяется мертвым, как и опоссум при подобных же обстоятельствах. Неприятель приближается, думая схватить свою добычу, но не тут-то было: прежде чем он подойдет, наш маленький оленек делает один или два прыжка и с быстротой молнии убегает. Туземцы, кроме того, присочиняют, что самцы умеют еще и другим способом защищаться от нападений диких животных. Они будто бы подпрыгивают в воздухе и цепляются клыками за сучья деревьев.

*Малый оленек
(Tragulus javanicus)*

* Сезонности в размножении у оленьков нет. После 4—6 месяцев беременности рождаются 1, редко 2 детеныша, способных уже через час двигаться за матерью. По окраске детеныши неотличимы от взрослых. К 5 месяцам молодые становятся половозрелыми.

Индии, бывает в июне и июле, и их родится по два*.

В настоящее время этих и других оленьковых часто привозят в Европу и держат в неволе довольно продолжительное время. Многие хозяева зверинцев развозят повсюду некоторые виды и выставляют их напоказ. Я не раз воспитывал и часто видал это животное. Канчиль красив и миловиден; он чрезвычайно чистоплотен, постоянно чистится и облизывает себя. Большие прекрасные глаза заставляют предполагать в нем способное, высоко одаренное животное; однако это неверно, так как он не выказывает особенной понятливости; это скорее спокойное, тихое и скучное создание. Весь день распределяется у него между едой, пережевыванием жвачки и сном. Редко слышен его нежный тихий голос, похожий на слабый звук рожка.

Жители Явы усердно преследуют это животное и охотно едят его мягкое и сладковатое мясо. В некоторых местах из его ножек делают приспособления для набивания курительных трубок.

СЕМЕЙСТВО ОЛЕНЕВЫЕ (Cervidae)*

Ни одна группа из отряда жвачных не может быть так легко охарактеризована, как семейство оленей. «Животные с ветвистыми рогами» — этими словами мы достаточно их определили, потому что все остальное рядом с этой особенностью имеет второстепенное значение. Олени стройны и красивы, туловище изящно и довольно вытянуто, шея сильная и пропорциональная, голова к концу морды сильно сужена, ноги высокие и тонкие; пальцы снабжены очень развитыми задними копытцами и узкими, острыми копытами. Большие живые глаза, прямостоящие, узкие, довольно длинные и подвижные уши, гладкая верхняя губа и 6 коренных зубов на каждой челюсти — вот прочие признаки этого семейства.

Рога большей частью бывают только у самцов. Это парные ветвистые отростки, состоящие из вещества, похожего на кость, которые ежегодно отпадают и потом снова вырастают. Их рост и падение находятся в тесной связи с половой деятельностью. Еще до рождения оленя место, где должны вырасти рога, обозначается сильным утолщением черепа. На шестом или восьмом месяце после рождения образуется возвышение лобной кости — костяной пенек, который приподнимает наружные покровы и остается на всю жизнь; это так называемая дудка, на которой и вырастают потом рога. Сначала рога имеют один ствол, впоследствии они разветвляются все более и более, причем от главного ствола идут отростки, число которых может дойти до двенадцати на каждой стороне.

«С годами у оленя, — говорит Блазиус, — происходит перемена в рогах. Первое и самое значительное изменение испытывают дудки, которые при постоянном росте костяных пеньков с каждым годом все расширяются и все больше приближаются к середине лба; таким образом выступ лба понемногу подвигается назад и вместе с тем относительно уменьшается мозговая часть черепа. Но еще удивительнее изменение в форме рогов и числе ветвей. Молодые рога покрыты богатой сосудами волосистой кожей, шишковаты, мелки и гибки. Сначала появляются на главном стволе нижние, затем верхние ветви, и, когда они окончательно разовьются, и коны их окостенеют, кровообращение останавливается, и олени чувствуют потребность удалить кожу или кору, которая начинает отваливаться сама собой»**.

Изменение рогов и дальнейшее их развитие идут следующим путем: прежде чем олень достигнет одного года, образуются как непосредственное продолжение дудки конусообразные прямые отростки; эти отростки у некоторых видов отпадают, а в следующем году в таком же виде снова появляются. Но у большинства оленей рога уже на втором году получают один или два отростка, или ветви. Весной третьего года повторяется тот же процесс, но вновь выросший рог имеет уже на одну ветвь больше

Семейство оленевые

** Оленевые (Cervidae) — одно из наиболее процветающих ныне семейств копытных, самое крупное в отряде после полорогих. Оно объединяет 4—6 подсемейств, 14 родов и около 40 современных видов. Первые примитивные олени появились в начале миоцена, сначала это были мелкие животные, сходные со своими предками — оленьками.*

*** У самцов всех оленей (и у самок северного оленя) развиты рога, состоящие из губчатой костной ткани и сменяемые ежегодно. Рога вырастают на особых выростах лобных костей — пеньках, покрытых шерстью и несменяемых, в период роста они покрыты кожным чехлом с короткой шерстью, под которым проходят кровеносные сосуды. Такие рога называются «панты».*

Семейство оленевые

** На крупе большинства оленей развито светлое пятно — зеркало. Зеркало (часто в сочетании с поднятым вверх хвостом) играет сигнальную функцию при тревоге, следовании животных друг за другом в зарослях, позволяет детенышу лучше держать в поле зрения мать.*

*** Олени — обитатели всей Евразии и обеих Америк, но их нет в Африке. В России обитает 7 видов из 5 родов.*

**** В крупные стада объединяются северные олени.*

***** Случаи питания леммингами доказаны для северного оленя.*

по сравнению с предыдущим годом; так продолжается до тех пор, пока рога не достигнут наибольшего своего развития. Болезни или плохая пища нередко задерживают их рост; точно так же обильная пища и покойная, беззаботная жизнь могут ускорить развитие рогов.

У большинства оленей за несколько дней до сбрасывания рогов замечается опухоль, которая окружает дудку и корни рогов; олень бережет свои рога, избегает ударов ими, так как эти места становятся необычайно болезненными. Рога сбрасываются или под собственной тяжестью, или благодаря какому-нибудь внешнему толчку. В высшей степени редко отпадают оба рога одновременно; обычно между падением первого и второго проходит от нескольких минут до нескольких дней.

После сбрасывания начинается новое образование головного украшения. Обыкновенно форма рогов очень правильная, хотя местные условия и пища могут производить некоторые изменения в них. Рога всегда могут служить отличительными признаками одного вида оленей от другого, хотя некоторые натуралисты и считают этот способ определения видов ненаучным. По внутреннему устройству тела олени сходны с остальными жвачными и не требуют особого описания. У оленей нет желчного пузыря*.

С незапамятных времен олени были распространены по всей земле. В настоящее время они водятся во всех частях света за исключением Австралии; живут в разных климатах, на равнинах, в горах, открытых местах и лесах. Одни обитают на значительных высотах, другие в густых лесах, песчаных степях или болотах**.

В зависимости от времени года они меняют свое местожительство, причем, отыскивая пищу, то поднимаются на высоты, то опускаются на равнины. Некоторые, смотря по обстоятельствам, предпринимают довольно большие странствия. Все олени общественные животные, собираются громадными стадами***.

Старые самцы обыкновенно отделяются летом от стада и живут одиноко или с другими самцами. Во время течки они присоединяются к стадам самок, вызывают своих соперников на бой, дерутся между собой; тогда изменяется все их существо и они кажутся в высшей степени возбужденными. Большинство оленей — ночные животные, хотя те, которые живут в высоких горах и в ненаселенных местностях, выходят на корм и днем. Олени живые, боязливые и подвижные существа, быстрые в своих движениях, с тонко развитыми внешними чувствами, но умственно не высоко одаренные. Их голос состоит из коротких глухих рычаний у самцов и блеющих звуков у самок.

Пищу оленя составляют исключительно растения; мнение, что северные олени едят пеструшек, вовсе не доказано. Травы, цветы, листья, хвоя, почки, молодые побеги и ветки, злаки, овощи, ягоды, кора, мох, лишайники и грибы составляют их главную пищу. Соль для них лакомство, а вода — необходимость****.

Оленья самка мечет одного-двух, в редких случаях трех детенышей, которые появляются на свет вполне сложившимися и уже через немного дней следуют за матерью*.

Оленята очень охотно принимают ласки матери, которая заботится о них самым нежным образом, защищает от всех опасностей. У некоторых видов и отец ласково относится к своему потомству.

В странах, где земледелие и лесоводство ведутся согласно современным требованиям, олени, к несчастью, приносят вред, который превосходит ту пользу, которую они могут доставить. Если бы не было законов об охоте, оленей давно бы уже истребили в западной Европе. До этого еще, правда, дело не дошло, но все виды этого во многих отношениях замечательного семейства близки к верной гибели, и, вероятно, в скором времени их можно будет видеть только в парках и зоологических садах.

Приручение оленей не так легко, как обыкновенно думают. Даже северный олень, уже с давних пор живущий в неволе, не представляет исключения в этом отношении. Его нельзя приручить полностью, как многих других животных; можно сказать, что это лишь наполовину домашнее животное**.

Сибирская кабарга (*Moschus moschiferus*) не имеет ни рогов, ни слезных ямочек, ни щеток на задних ногах, и хвост у нее очень короток. Самцы отличаются длинными выступающими наружу большими клыками в верхней части челюсти, которые торчат по бокам рта и направлены несколько назад. В верхней челюсти нет резцов, в нижней на каждой стороне замечается по три резца и одному клыку и, кроме того, в обеих челюстях по шести коренных зуба. Внутренности у них такие же, как у антилоп и оленей; желудок имеет четыре отделения. У самца кабарги около пупка находится особый железистый мешок, который выделяет мускус. От оленей кабарги отличаются отсутствием рогов, слезных желез, наличием желчного пузыря и другими признаками. Высокие горы Китая и Тибета составляют родину кабарги. Они живут там в скалистых местах, редко в долинах, куда спускаются, если лишь суровая зима прогонит их с высот и заставит искать убежище и пищу в более тихих местах***.

Жизнь кабарги, как и большинства жвачных, начинается после заката солнца; в продолжение дня они лежат, спрятавшись, и спят. Они веселы, проворны, легки и быстры в своих движениях, великолепно прыгают, лазают и бегают, подобно серне, по снежным полям; выказывают большую робость и пугливость и стараются убежать при малейшей опасности. К жизни в неволе кабарги привыкают очень скоро, легко приручаются и заключают с человеком довольно тесную дружбу, не оставляя, однако, врожденную робость.

За кабаргой охотятся ради ее мяса и меха, но в особенности ради мускуса, который, как известно, и по сие время считается в высшей степени важным лекарством.

** Исключение составляет водяной олень, самка которого рождает от 2 до 7 детенышей одновременно (это рекорд для жвачных). Оленята имеют маскировочную окраску — светлые пятна, собранные в продольные полосы, даже у видов однотонных во взрослом состоянии. Лишь у молодых прогрессивных видов — лось и северного оленя — детеныши стали однотонными.*

*** Северный олень одомашнен именно в той степени, в какой это было необходимо и выгодно жителям Севера.*

**** Долгое время считалось, что существует единственный вид кабарог — *Moschus moschiferus*, описанный Палласом. Сейчас так называют только сибирскую кабаргу.*

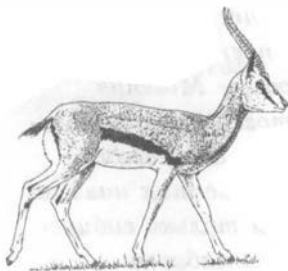
Семейство оленьевые

* Масса всех кабарог колеблется в пределах 10—17 кг, в холке они достигают 55—67 см, в крестце — 67—80 см.

** Обычно с возрастом пятнистость кабарги уменьшается, может исчезнуть вовсе. Окраска брюха от белой до оранжево-желтой у разных видов. По нижней стороне шеи проходят две светлые продольные полосы, распадающиеся на пятна на нижней челюсти и щеках.

*** Клыки самца достигают иногда 10 см.

Кабарга — красивое животное от 90—100 см длины и 50—55 см высоты в плечах, причем задняя часть немного выше передней, коренастого телосложения, со стройными конечностями, довольно длинной шеей, тупо закругленной мордой. Глаза средней величины, обрамлены длинными ресницами, с очень подвижными зрачками; уши длиной с половину головы, также подвижные*.

Ноги оканчиваются довольно маленькими, длинными, узкими и острыми копытами, которые однако с помощью находящейся между ними складки кожи могут быть очень широко расставлены, что облегчает вместе с доходящими до земли недоразвитыми копытцами ходьбу по снежным полям и глетчерам, так что кабарга двигается по ним твердо и уверенно. Хвост короткий и толстый и почти треугольной формы, у самца он весь голый, за исключением кончика, на котором находится пучок волос.

Плотно прилегающий мех покрывает тело и удлиняется только по обеим сторонам груди между задними бедрами и на шее. Отдельные волоски жестки, довольно длинные, грубые, волнисты, клеточное строение у них заметнее, чем у всяких других волос. Окраска, по показаниям Адамса, Маркгама, Кинлоха и других, очень непостоянна. Одни экземпляры бывают сверху темными, снизу же грязно-белыми, другие сверху красно-бурые или желто-бурые, а снизу белые, у некоторых на спине заметен продольный ряд светлых пятен**.

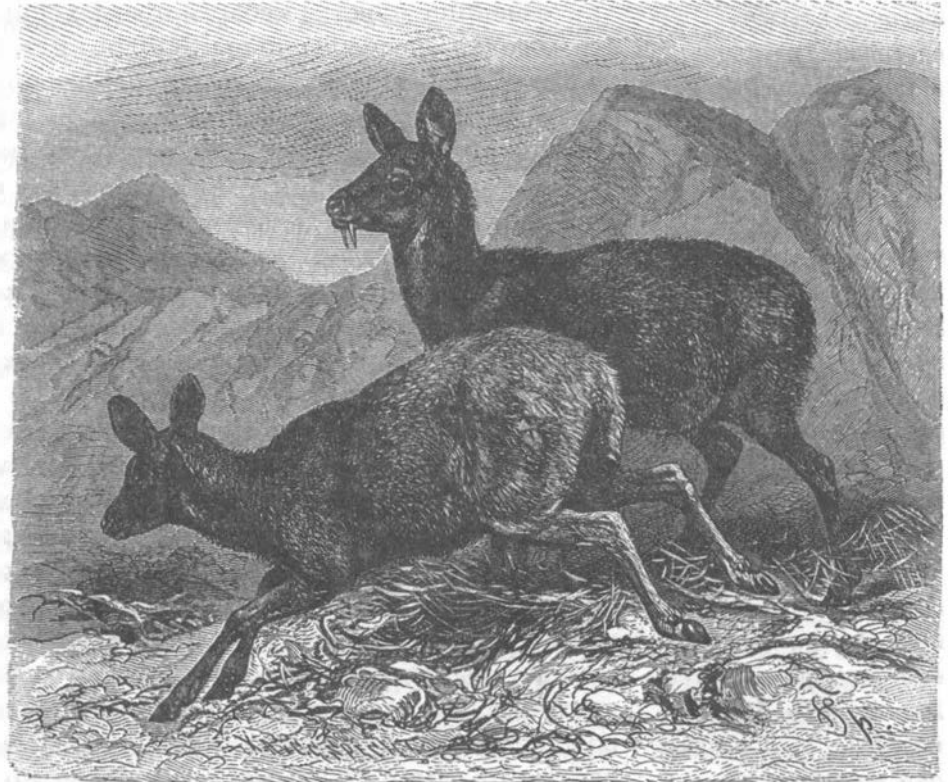
Клыки у самцов высовываются на 5—7 см*** и сначала слабо загнуты наружу, затем серпообразно назад. Задний режущий край клыков приплюснут, а конец очень остер. У самки тоже есть клыки, но они не выступают из-под губ.

Мускусная сумочка находится на задней части живота, между пупком и половыми органами, и имеет вид мешкообразной и немного выступающей круглой сумки около 6 см длины, 3 см ширины и 4—5 см высоты. Плотно прилегающие, наклонные друг к другу волосы покрывают мешок с обеих сторон и оставляют посередине круглое голое место. Маленькие железы внутри мешка выделяют мускус, который выступает из переднего каналца, когда мешок переполнен. Только у взрослой кабарги мешок достигает своей настоящей величины и имеет полное количество мускуса. Можно принять 30 г за среднее количество этого драгоценного вещества, встречающегося в мешке; но в некоторых случаях его находили даже вдвое больше. Молодые самцы доставляют лишь около восьмой части этого количества. Во время жизни животного мускус имеет плотность мази, но в сухом виде обращается в зернистую или порошкообразную массу красно-бурого цвета, с течением же времени она темнеет и становится угольно-черной.

Греки и римляне ничего не знали про кабаргу, хотя они, как прекрасно замечает Окен, страстно любили всякие благовонные мази и получали их большей частью из Индии и Аравии. Китайцы, напротив, употребляли мускус уже несколько тысячелетий тому на-

зад. Мы получили первое ясное понятие о нем от арабов. Уже Ибн Сина говорит, что лучший мускус получался из Тибета и его находили в пупке животных из вида антилоп, изю рта которых выступают два клыка наподобие рогов. Мозадиус прибавляет, что тибетский мускус потому лучше китайского, что животное в Тибете ест белоус и другие благовонные травы, которых нет в Китае. В 1300 году Марко Поло дал нам подробные сведения. Он описывает кабаргу и прибавляет: «При полнолунии у кабарги вырастает на пупке кровавый пузырь, и тогда охотники отправляются ловить ее, вырезают этот пузырь, сушат на солнце и получают самый лучший бальзам, который где-либо известен». Позднейшие путешественники рассказывают об этом животном всякий вздор, до тех пор пока наконец Паллас не дал нам тщательно составленное жизнеописание этого животного. Кроме него, мы обязаны Адамсу, Кинлоху подробными сведениями об этом интересном животном.

Чаще всего кабарга встречается в окрестностях Байкальского озера, в Монголии и Гималайских горах, где летом она редко спускается ниже 2500 м над уровнем моря; в этих странах она местами так многочисленна, что охотники в одну зиму могут убить несколько сот штук. Кинлох, однако, сообщает, что в тех частях Гималайских гор, где много охотятся, она сделалась чрезвычайно пугливой. Крутые косогоры и большие леса служат любимым местопребыванием этих замечательных животных, где они попадаются поодиночке или самое большее по двое. Кинлох сравнивает образ жизни кабарги с жизнью зайца, так как она, подобно последнему, устраивает себе маленькое логовище и очень крепко спит в нем в продолжение дня. Для пастбища предпочитает косогоры, где луга, покрытые травой, перемежаются с мелким кустарником, и только в сумерки или утром выходит на открытые поля. Походка ее состоит из ряда скачков, за

Сибирская кабарга
(*Moschus moschiferus*)

Семейство оленьевые

** Бег кабарги трудно назвать галопом, она передвигается скачками, как заяц, поскольку задние ноги у нее заметно длиннее передних. Стремительные и высокие прыжки обеспечиваются не только силой ног, но и гибкостью позвоночника.*

*** Во время гона кабарги собираются группами до 7 особей, поединки между самцами носят ритуальный характер, клыки в ход пускаются нечасто.*

**** Беременность длится около 190 дней, самка приносит двух детенышей массой 300—500 г каждый. 2—3 месяца они находятся в укромном месте.*

***** Кабарга кормится древесными лишайниками-бородачами, побегами, ест хвою, почки, гложет кору, летом переходит на травянистые растения. Охотно посещает солонцы.*

которыми следуют короткие остановки исключительно с намерением убедиться в безопасности. Тогда она опять начинает идти тихими шагами и снова переходит в свойственный ей галоп*. Встревоженная кабарга издает шипящий звук, а при поимке громко и звонко кричит. Движения ее быстры и уверенны. Она бежит с быстротой антилопы, прыгает с уверенностью козерога и лазает со смелостью серны. На снежных полях, где проваливается каждая собака и человек может едва двигаться, кабарга спокойно бежит, почти не оставляя за собой заметного следа. При преследовании прыгает, как серна, без всякого вреда со значительной высоты или бежит по утесам, где едва представляется возможность упереться ногами. В случае нужды без рассуждения переплывает широкие реки.

Внешние чувства кабарги превосходны, душевные способности довольно незначительны. Кабарга пуглива, однако не умна и не расчетлива. Попав в затруднительное положение, часто не знает, что делать, и бежит взад и вперед, как помешанная. Только что пойманная кабарга ведет себя точно так же.

Время спаривания у них наступает обыкновенно поздней осенью, в ноябре, и в декабре, в Гималайских горах, по Ходжсону, вообще зимой. Самцы устраивают жестокие битвы и пускают с большой ловкостью в дело свои острые клыки. Они стараются всадить их в шею противника и делают тогда глубокие раны. Говорят, что почти все взрослые самцы сохраняют на себе рубцы от таких побоищ**.

В продолжение этого времени они распространяют положительно невыносимый запах мускуса; охотники говорят, что его можно ощутить на расстоянии четверти мили. Правда ли, что самцы, как утверждали прежде, во время течки выпораживают свои мускусные мешки на древесные стволы и другие твердые предметы, нам с достоверностью ничего не сообщали. Через шесть месяцев после спаривания у самки рождаются один или два пестрых детеныша, которых она с нежной любовью держит при себе до следующего спаривания и тогда их прогоняет. Детеныши при рождении вполне развиты. Уже в ранней молодости самцы отличаются от самок тупой мордой и более значительным весом. На третьем году они делаются вполне взрослыми***.

Пища их зависит от места жительства. Зимой она состоит преимущественно из древесных лишайников, летом из альпийских трав, которые растут на возвышенных лугах. Говорят, что кабарги очень прихотливы и выбирают себе только лучшие и самые пряные растения. Качество мускуса зависит главным образом от пастбищ, хотя еще не известно, каких растений недостает сибирским кабаргам. Эти последние питаются, по словам Палласа, корнями болотных трав, листьями ягодных кустов, альпийских рододендронов, брусникой и различными лишайниками. Коренья они выкапывают копытами из-под мха и снега. В Гималайских горах, говорят, они пожирают змей****.

Охота за этими важными животными хотя и выгодна, но, по крайней мере в Сибири, очень затруднительна. Чрезвычайная пугливость животного редко позволяет охотнику подойти к нему на расстояние выстрела. Чаще всего для ловли кабарги расставляют на протоптанных ею тропинках веревочные силки и находят ее иногда живой, иногда уже задушенной. У Енисея и около Байкала оцепляют долину кольями, вбитыми один около другого наподобие забора, за исключением небольшого прохода, и ставят на этом узком проходе силки*. Тунгусы приманивают кабаргу, подражая бляению телят, и затем убивают ее стрелами. При этом нередко случается, что вместо ожидаемого жвачного животного показываются медведи, волки и лисицы, которые также были обмануты зовом воображаемого теленка и надеялись на добычу. «Опытные охотники, — говорит Радде, — пользуются постоянством привычек кабарги, чтобы подкараулить ее. Спугнутая дичь спасается быстрыми скачками со скалы на скалу и скоро скрывается с глаз стрелка, но он ложится в засаду, так как уверен, что животное, обежав вершину горы, на которой оно выбрало себе местопребывание, снова вернется на то же место, с которого ее согнали. Лов их также основывается главным образом на этом свойстве кабарги». Впрочем, замечает Радде, лову кабарги особенно мешают россомаха, сибирская ласка и ворона. Хищники пожирают животных, попавшихся в силки, которые ставятся на отдаленных местах, куда трудно взбираться, и которые не всегда могут быть вовремя осмотрены охотниками. Орел бородач и другие хищные птицы подстерегают телят, пантеры и леопарды, по словам Адамса, нападают на взрослых животных этого вида**.

Английские охотники убивают эту дичь в Гималайских горах из засады и на облове с загонщиками.

Это животное высоко ценится в Индии даже европейцами; мускусный мешок его стоит от 20 до 30 марок. Наилучший мускус вывозится в Англию, но чистым получают его очень редко: хитрые китайцы уже с древних времен усердно производили подделку этого драгоценного вещества. Один священник из Тунки рассказывал Кинасту, что китайцы подвергают мускусный мешок сибирской кабарги перед дальнейшим употреблением особому виду брожения, зарывая его в землю туда, где зимовали овцы, затем оставляют его лежать там известное время и вынимают только после того, как он получит желаемое свойство, высушивают и приготавливают к продаже. Древнейшие путешественники сообщают странные вещи о силе запаха мускуса. Тавернье и Шарден говорят, что охотники бывали принуждены перед обрезанием мешка затыкать себе рот и нос, так как неосторожное вдыхание этого испарения производило смертельные кровотечения. Шарден уверяет, что он никогда не мог приблизиться к продавцу мускуса и принужден был поручить закупки третьему лицу***. Этот запах, по его уверениям, невыносим, а для непривычных ев-

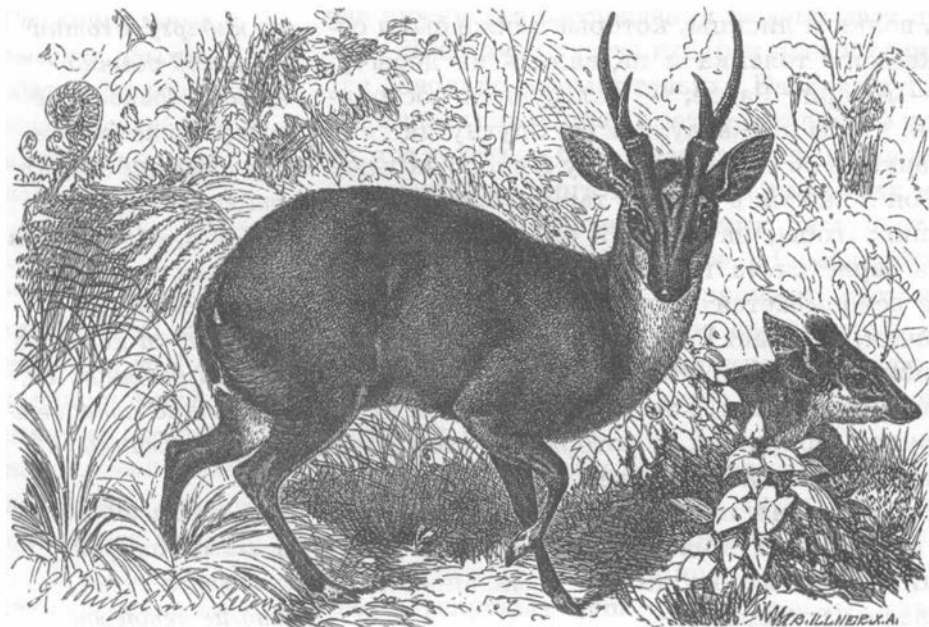
** В горах Сихотэ-Алиня, где развита промысловая охота на кабаргу, охотники зимой обычно валят хвойное дерево, густо покрытое бородачом, и окружают его силками. Кабарга, объедающая бородачи на своей территории до высоты, на которую может дотянуться, неизбежно попадает на приманку.*

*** Естественными врагами кабарги являются очень многие четвероногие и пернатые хищники, от волка, тигра, медведя до беркута, филина, соболя. Специализируется в зимней охоте на кабаргу куница харза.*

**** Мускусный секрет (кабарожья струя) ценится в основном в китайской и тибетской медицине, используется в парфюмерии для закрепления запахов.*

ропейцев даже опасен. мех этих животных употребляется во многих местах на шапки и зимнюю одежду, или из него выделывают замшу, которая тоньше замши, получаемой от косули. Самки кабарги, несчастным образом попавшие в ловушки, прежде просто выбрасывались русскими охотниками, с них никогда не сдирали даже кожу.

Мунтжак, или **киданг** (*Muntiacus muntjak*), — самый известный вид из мелких оленей; длина его достигает 115—120 см, из которых 15—18 занимает хвост, высота в плечах 65—70 см. Мунтжак довольно стройный, сильный олень, со средней величины

шей, короткой головой, высокими и стройными ногами, средней длины хвостом и лохматым мехом; мех — короткий, гладкий и густой, шерсть — тонкая, блестящая и жесткая. Окраска тела — темная желто-бурая*.

Рога беловатые, отдающие немного желтоватым цветом; но встречаются и отклонения от этой окраски. Рога сидят на очень длинных шероховатых

Мунтжак
(*Muntiacus muntjak*)

дудках и направлены косо назад; они наклоняются сначала немного наружу и вперед, затем к концу крючкообразно изгибаются назад и внутрь. Внизу рог образует один ствол, затем заметна короткая, толстая, остроконечная надглазная ветвь, направляющаяся вперед и вверх. Шероховатые дудки очень своеобразны; они поднимаются на 8—10 см вверх, покрыты густо заросшей волосами кожей, которая около венчика образует каемку из пучкообразно расположенных волос, и оканчиваются очень узким венчиком, состоящим из ряда больших шарообразных желваков. С возрастом эти шероховатые дудки становятся толще, и количество желваков на них увеличивается. На самих рогах ясно заметны глубокие продольные борозды, но бугорков нет. У самки вместо рогов волосистой хохол.

* Мунтжаки коротконоги и приземисты, с относительно короткой шеей и выгнутой спиной. Их окраска варьирует от черной до светло-рыжей.

Мунтжаки водятся на Суматре, Яве, Барнео, Банке и Малаккском полуострове, а также в Бирме, Хайнане и Британской Индии. По Жердону, они поднимаются в Гималайских горах почти до 3000 м над уровнем моря и живут в лесах, предпочитая хол-

мистые и гористые страны*. По Горсфильду, они выбирают для своего жительства определенные местности, к которым так привязываются, что добровольно никогда их не покидают. Некоторые места с незапамятных времен считаются любимыми убежищами этих оленей. Не особенно возвышенные страны, в которых встречаются то холмы, то долины и главным образом которые прилегают к подошвам самых высоких гор или приближаются к большим лесам, соединяют в себе, по-видимому, все подходящие условия для жизни этого животного. На Яве подобные местности часто встречаются, их покрывают высокая трава, кусты и средней величины деревья, которые образуют группы и небольшие рощи, прерываемые лишь узкими полосами обработанной земли. Здесь можно встретить мунтжаков или поодиночке, или парами; более двух они встречаются так редко, что Балдвин и особенно Макмастер сообщают как нечто необыкновенное, что они видели один раз четырех и другой раз трех животных вместе. Кроме того, мунтжаки любят богатые водой и незаселенные места. Животные эти крадутся, как пишет Ходжсон, с низко наклоненной головой сквозь непроходимую чащу между сломанными деревьями и умеют проворно пробираться через самые маленькие просветы. Крик мунтжака слышен как днем, так и ночью; это хриплый, резкий, звучный крик или лай. Кинлох говорит, что голос необыкновенно громок для такого маленького животного и что иногда можно слышать в продолжение часа лай испуганного мунтжака.

Течка бывает в марте и апреле; продолжительность беременности еще не определена**. Жердон сообщает, что язык мунтжака необыкновенно длинен, и он может им облизывать всю переднюю часть головы.

Туземцы Явы мало охотятся, по словам Горсфильда, на мунтжака, но знатные особы этой страны находят в этой охоте большое удовольствие. Мунтжак оставляет за собой очень ясный след, и потому собаки легко и верно гонятся за ним. Если животное видит, что его преследуют, то не пускается бежать далеко, как олень, а бежит сначала как можно скорее, затем тише и осторожнее, описывая большую дугу, и постепенно снова возвращается на свое прежнее место. Туземцы, которые хорошо знают его нрав, утверждают, что мунтжак — бессильное и ленивое животное. Если преследование не прекращается долгое время, то он наконец прячется в густой кустарник, лежит там без движения и не обращает внимания на приближение охотника, так как чувствует себя в полной безопасности. Если охотнику не удастся убить животное в первый день, то на второй он может найти его на том же месте, откуда накануне согнал. Многие из богатых людей на Яве держат хорошо выдрессированные стаи собак исключительно лишь для этой охоты. Как только собаки нападут на след зверя, то горячо принимаются за преследование; охотник потихоньку за ними следует и вовремя приходит на то место, где собаки и мунтжак находятся в жаркой

** Мунтжаки разных видов населяют всю тропическую Азию, включая Шри-Ланку, Тайвань и Большие Зондские острова (кроме Сулавеси), а также юг Тибета и восток Китая. В Гималаях встречаются до верхней границы леса на высоте 4 тыс. м. Один вид акклиматизирован на юге Англии.*

*** Сезонность в размножении в тропиках не выражена. Гон сопровождается ритуальными поединками самцов, громким возбужденным лаем. Беременность длится полгода, самка рождает одного, редко двух пятнистых детенышей массой 550—650 г. Молодняк переходит к самостоятельной жизни через полгода. Половозрелость у самок — в 7—8 месяцев, у самцов — с года. Продолжительность жизни — 12—15 лет.*

Семейство оленьевые

* Некоторые виды мунтжаков в результате преследования стали редки, нуждаются в охране.

** Относящийся к подсемейству настоящих оленей (*Cervinae*) свиной олень (*Axis porcinus*), по размерам, телосложению, образу жизни является как бы переходной формой от мунтжаков к более крупным видам.

*** Зимняя шерсть свиного оленя приобретает сероватый, а не рыжеватый оттенок, пятна на шкуре могут быть почти не выражены.

схватке. Мунтжак — очень смелое животное и ловко умеет пользоваться своими рогами и клыками. Многие собаки при схватке с ним получают на затылке, шее или на животе глубокие раны, стоящие им жизни. Но олень бывает все-таки убит или совместными усилиями собак, или же выстрелом охотника.

Кроме человека, этих оленей усердно преследуют тигры и пантеры. Но мягкий климат и богатство пищи настолько им благоприятствуют, что все потери, которые человек и хищные животные причиняют стадам, скоро возмещаются новыми поколениями.

Во время защиты и при нападении мунтжаки употребляют не только свои рога, но и зубы; они бросаются, по словам Шмидта, как кусающая собака, на противника и наносят ему при случае хотя не опасные, но мучительные раны. По всей вероятности, они поступают так же во время борьбы со своими соперниками — самцами. Кинлох упоминает о длинных клыках как о превосходном оружии, так как животные умеют ими ловко пользоваться; из очень достоверных источников его уверяли, что приготовившийся к обороне самец не только тяжело ранит этими зубами, но иногда и убивает даже самых сильных собак. Мясо мунтжака считается хотя не жирным, но вкусным блюдом*.

Свиной олень (*Axis porcinus*), один из самых обыкновенных индийских видов, достигает 1,2—1,3 м общей длины, из коих приблизительно 20 см приходится на долю хвоста, высота плеч до 65—70 см. Он принадлежит к самым неуклюжим животным всего семейства**. Сложение его довольно тяжеловесное: толстое брюхо, короткие ноги, короткая шея и короткая голова. Волосы грубые, жесткие и ломкие, но гораздо тоньше и менее волнисты, нежели у длинногривого оленя и у близких ему родичей.

Животные имеют самую разнообразную окраску, и на этом основывается несогласие, которое встречается в описаниях свиного оленя. Обыкновенно общая окраска его бывает прекрасного кофейного цвета, который у самца может принимать черно-бурый оттенок, а у самки более светлый. Каждый волос у основания пепельно-серого цвета, посредине черно-бурого, а кончик покрыт светло-коричневыми колечками. Эти светлые кольца у самки заметнее, чем у самца. Полоса вдоль спины, вокруг морды, между глазами по направлению к морде и продольная полоса посреди лба имеют более темный, почти черный цвет. Нижняя часть брюха и ноги сероватые, темно-пепельного цвета; голова и обе стороны шеи, горло, уши и неправильно расположенные пятна по бокам имеют более светлую окраску, бледно-серую. Кончик нижней челюсти, нижняя часть хвоста и прикрытое хвостом продолговатое пятно — белого цвета. Более светлые пятна я замечал у всех свиных оленей, которых видел живыми, но у самок со светлой окраской они всегда выступают больше, нежели у темных, у которых эти пятна иногда почти совсем исчезают и показываются только тогда, когда приподнимаются волосы***.

Мех молодого оленя отличается от меха старого только тем, что пятна, по-видимому, больше и светлее. По словам Жердона, только телята до шестого месяца бывают покрыты красивыми пятнами, хотя у многих старых животных и на летней шкуре еще видны матовые пятна. Макмастер, говоря об оленях в Бирме, подтверждает показания Жердона только в отношении телят и обращает особенное внимание на то, что на более взрослых экземплярах он вообще никогда не замечал пятен. Рога оленя обыкновенно имеют по три ветви; стволы слабые, сидят на довольно высоких дудках и достигают 35—40 см.

Родиной свиного оленя является большая часть Британской Индии и Бирма. Чаще всего он встречается в местностях, расположенных по Гангу, реже в Центральной Индии, а в Малабаре его совсем нет, там его заменяет близкий родственный ему вид. По словам Жердона, его нет и на Цейлоне, между тем Стеридаль приводит его как жителя этого острова*. Обыкновенно животные эти встречаются поодиночке, иногда же их можно найти по два-три экземпляра вместе. Они живут охотнее в местах, заросших травой и кустарником, нежели в больших лесах, хотя и здесь они при случае встречаются на более обширных прогалинах. Днем олени лежат прячутся в убежищах, а пасутся ночью; спугнутые, они убегают с опущенной головой довольно своеобразным и неуклюжим образом, чем и заслужили свое наименование. Обыкновенно сбрасывают рога в апреле, а течка у них наступает в конце сентября или в октябре.

Большинство свиных оленей, населяющих зоологические сады, мы получаем из Бенгалии. Они очень хорошо переносят наш климат, но при холодной, суровой погоде чувствуют потребность в закрытом помещении, чтобы укрыться; легко размножаются даже в тесном пространстве. По словам Стеридала, эти олени успешно скрещиваются с аксисами, и ублюдки их способны к размножению.

Судя по пойманным свиным оленям, способности их хуже развиты, чем у других оленей. Самка труслива, пуглива и неумна, самец смел даже в отношении к человеку, задорен, властолюбив и склонен к насилию. Перед течкой он упражняет свою силу на всевозможных предметах; бьется о деревья и решетки, роет дерн короткими рогами и разбрасывает его во все стороны, угрожает каждому приближающемуся, нагнув голову в сторону и злобно наступая боком; он не задумываясь идет на человека и весьма чувствительным образом пускает в ход рога. У одной воспитанной мною самки течка наступила в июле, спаривание последовало 16 августа, а рождение теленка 1 апреля; таким образом, продолжительность беременности определяется в 228 дней.

Насколько известно, у свиного оленя те же враги, что и у его родичей. На охоте в него стреляют обыкновенно сидя на спине слона, так как густая растительность тех мест, в которых он оби-

** Свиной олень распространен в заболоченных травянистых пространствах и редколесьях южных предгорий и подножия Гималаев, а также в Ассаме, Бирме и Индокитае. Акклиматизирован человеком на некоторых тропических островах как охотничий объект.*

Семейство оленьевые

* Характерны белое
пятно на горле и
довольно длинный
хвост. Весит 75—
100 кг.

Аксис
(*Axis axis*)

тает, едва допускает охоту по следу с оружием и другие способы ловли. Мясо оленя считается очень вкусным.

Из других индийских оленей прежде всего заслуживает нашего внимания аксис (*Axis axis*). Аксис при длине тела в 135—150 см достигает в плечах лишь 90—95 см высоты. Его вытянутое туловище поддерживается короткими ногами, вследствие чего кажется довольно толстым; шея толстая; голова короткая, правильно сложенная, сильно суживающаяся к морде; уши средней величины, узкой остроконечной формы; хвост довольно длинный, закругленный. Благодаря окраске его можно назвать одним из

самых красивейших оленей*. Основная окраска его тела замечательного серовато-буро-красного цвета; полоса, проходящая по спине, очень темная, на холке почти черная; горло, живот и внутренняя сторона ног желтовато-белые, внешняя сторона ног желтовато-бурого цвета. На боках семь рядов неравномерно разбросанных пятен образуют узор. Внешняя сторона хвоста светло-бурая; нижняя — белая. Внутренняя сторона бедер довольно чистого белого цвета. Прекрасные лирообразные рога при основании ото-

гнуты назад, затем, выгибаясь наружу, поднимаются кверху. Длина крупнейших рогов, о которых сообщает Форсит, измеренная по изгибам, достигает 96 см. Рога, впрочем, бывают очень разнообразными, как по величине, так и по форме; поверхность их то гладкая, то шероховатая. Изменения эти находятся, по-видимому, в зависимости от местности, где олени живут.

Область распространения аксиса занимает всю Индию с Цейлоном, включая Пенджаб и восточные земли до Кохинхины. Это животное населяет как равнины, так и холмистые местности, встречается в предгорьях Гималайских гор и болотистых низ-

менностях устья Ганга, в густых лесах, а также в джунглях, обыкновенно поблизости воды*. Там, где условия для них благоприятны, они встречаются часто и образуют большие стада, которые до утра пасутся на открытых местах, а на день обыкновенно удаляются под сень леса**. За аксисом ревностно охотятся как туземцы, так и англичане; вследствие этого, вероятно, в тех местах, где он подвергается преследованиям, аксис так же пуглив, как и наши олени. Тем не менее пойманный аксис весьма скоро делается совершенно ручным. Уже много лет тому назад этот вид был ввезен в Англию; при этом убедились, что он переносит умеренный климат превосходно. Из Англии олени были впоследствии разосланы дальше, между прочим, и в Германию. В одном парке близ Людвигсбурга они, как говорят, живут уже более 50 лет***.

Движения этого животного, конечно, не столь красивы, быстры и выдержанны, как движения прочих равных ему по величине оленей, но, во всяком случае, достаточно милостивы, чтобы доставлять удовольствие взору охотника. О нравах аксиса и о его размножении я не могу сообщить ничего, что бы могло считаться для него характерным. В этом отношении он, вероятно, более всего походит на ланей.

Лань (*Dama dama*) любит скорее умеренные, чем холодные, страны и издавна живет в местностях, расположенных около Средиземного моря. Область ее распространения простирается на юг до северной окраины Сахары, а на север — до южной Швеции и Норвегии. Кювье получил дикую лань из лесов южного Туниса, Белон нашел ее на островах Греции. Прежде в Сардинии и в Италии она, кажется, попадалась часто. В настоящее время эти животные в германских зоологических садах встречаются, может быть, чаще, чем в Испании, Франции и Италии; но многочисленнее всего они в Англии, где их разводят в большом числе в парках богатых землевладельцев****. Холмистая местность, в которой отлогие равнины сменяются невысокими возвышенностями, роции, кустарники, лиственные леса, где почва поросла низкой травой, лучше всего пригодны для лани. Она как бы создана для парка, и трудно приобрести для таких обширных местностей лучшее украшение, чем лань, латинское название которой намекает на то, что это «дамская» дичь.

Лань уступает по величине благородному оленю. В общем длина ее тела равняется 1,6 м, включая хвост в 16—19 см, высота в плечах равняется 85—90 см, а высота крестца 90—96 см, вес редко превышает 100—120 кг. Самка ростом меньше самца. От оленей лань отличается более короткими и менее сильными ногами, сравнительно толстым туловищем, более короткой шеей и рогами и удлиненным хвостом, а также окраской шерсти. Летом бока, бедра и конец хвоста красновато-бурые, живот и внутренняя сторона ног белые, черные кольца окружают рот и глаза; волосы

Семейство оленьевые

* Аксис замещает свиного оленя в светлых лесах Индии и Шри-Ланки, не встречается в Индокитае и предгорьях Гималаев, болотистых лесов избегает.

** Аксис — стадное животное; группы «гаремного» типа насчитывают до 30 животных, иногда объединяются в стада в сотни голов.

*** Акклиматизирован в ряде районов Европы, Австралии и Новой Зеландии.

**** Естественный ареал лани, по видимому, охватывал восточное Средиземноморье. В качестве паркового и охотничьего животного человек расселил ее во многие места Европы еще в раннем средневековье.

Семейство оленьевые

** Лани практически ведут оседлый образ жизни. В «маточном» стаде бывает до 30 голов (включая самцов, не достигших 18 месяцев). Питание разнообразно, в широколиственных лесах Европы лани любят подбирать опавшие желуди, каштаны, буковые орешки. Кормовые территории никак не метятся и не охраняются.*

*** В Европе гон у лани приходится на конец октября. На облюбованной для ритуальных схваток поляне может собираться до 9 самцов, привлеченных ревом соперников. Турнирные поединки очень редко кончаются увечьями или гибелью одного из соперников. Самцы метят деревья и кусты вокруг, разбрызгивая мочу и натирая ветки и стволы секретом запаховых желез. Доминирующий самец спаривается со всеми самками в округе.*

на спине при основании белые, в середине красно-бурые и на концах черные. Зимой верхняя часть головы, шеи и ушей буровато-серые, спина и бока черноватые, живот пепельно-серый, иногда впадающий в рыжий. Нередко встречаются совершенно белые экземпляры, которые не меняют цвета по временам года и зимой отличаются только более длинной шерстью. Некоторые самцы имеют в молодости желтоватую шерсть, реже встречаются черные животные. Относительно образа жизни и телодвижений лань во многих отношениях походит на благородного оленя. Органы чувств обоих животных находятся на одинаковой степени развития, и душевные качества их почти одинаковы. Однако лань не так боязлива и осторожна, как олень, не на таком далеком расстоянии чует человека, а именно только на 300 шагов; часто в светлые дни пасется на открытых лесных полянах и ходит на водопой не так правильно и далеко, как ее родич. В быстроте, силе прыжка и проворстве лань уступает оленю, на бегу она выше поднимает ноги, при не очень быстром беге прыгает наподобие козы, приподнимая разом все четыре ноги и поднимая хвост. Она может перескочить препятствие в два метра высотой. В случае надобности плавает так же хорошо, как благородный олень, но никогда не валяется в грязи. Ложится она, подгибая все четыре ноги. Укладываясь на покой, лань опускается сначала на передние ноги, а когда встает, поднимает сначала задние. Пища та же самая, что и у оленя, но лань чаще объедает кору. Очень странно, но это животное иногда ест ядовитые растения, отчего умирает.

Лань более привязана к месту, в котором живет, и к известному водопою и обыкновенно собирается в большие стада. Летом сильные самцы ходят поодиночке или маленькими стадами, а подростки и молодые олени с самками и детенышами*.

В середине октября взрослые самцы присоединяются к стаду и выгоняют подростков и молодых оленей, которые вынуждены вследствие этого образовывать небольшие стада; но когда у сильных самцов половое возбуждение прекращается, то слабые опять присоединяются к стаду. Лани, у которых течка начинается в то время, когда у оленя она заканчивается, очень возбуждены в этот период. Переключка самцов с самками, которую можно часто слышать около полуночи, не особенно громкая и не имеет ничего грубого; звук этот походит на сухое короткое фырканье или на хрип человека, которого давят**.

Самка ходит беременной 8 месяцев и телится обыкновенно в июне одним детенышем, реже двумя. Новорожденный в первые дни жизни совсем беспомощный, а потому самка должна старательно охранять и оберегать его. Мелких хищников, которые желают завладеть им, мать отгоняет ударами передних ног; от больших хищных животных она медленно уходит, чтобы отманить их от места, где спит ее детеныш, потом быстро бежит, а

возвращается на прежнее место только после бесчисленных поворотов и обходов*.

Когда детенышу лани минет 6 месяцев, у него, если он мужского пола, появляются на дудках возвышения, из них к концу следующего февраля выходят прямые рога, без ветвей, которые растут до августа, когда олень сдирает с них кожу. На второй год у рогов появляются развилины; на третий год вырастает надглазная ветвь, а при очень хорошем корме на каждом стволе выступает один или два тупых отростка, которые в следующие годы увеличиваются в числе. Только на пятый год начинается образование лопаточек, которые с течением времени получают все большее число зубцов по краям. Рога старых самцов часто очень красивы и весят от 5 до 7 кг. Старые самцы сбрасывают рога в мае, годовалые — только в июне; обыкновенно оба рога сбрасываются не в одно время, второй спадает через 2—3 дня после первого. К августу или сентябрю вырастает новое головное украшение.

Охотятся на ланей или большими облавами, или просто с ружьем; удобна также охота засадой, потому что животные держатся постоянных тропинок.

Шкура лани ради ее растяжимости и мягкости ценится дороже, чем шкура благородного оленя. Мясо ее очень вкусно и лучше всего с июля до середины сентября, когда животное сильно жиреет. Но ко времени спаривания мясо самца приобретает козлиный запах.

Для заселения парков лань годится лучше всякого другого вида оленей; она скоро делается доверчивой, расхаживает и днем по открытым местам, весела, даже игрива и очень расположена к резвости. В известном отношении лань может считаться предсказательницей погоды: когда она особенно беспокойна и резва, можно довольно верно заключить, что скоро наступит неблагоприятная, дурная погода. Веселость свою лань сохраняет и в тесной неволе, к которой скоро привыкает. Пойманный молодым, вскормленный коровьим или козьим молоком детеныш лани делается чрезвычайно ручным и может быть доведен до того, что бегаёт за своим хозяином, как собака**.

По моему мнению, к числу самых красивых и благородных оленей следует отнести **индийского замбара** (*Cervus unicolor*)*** — оленя, которого довольно хорошо описал еще Аристотель под именем конеоленья. Общая длина его тела достигает 2,1—2,4 м, из коих около 30 см приходится на долю хвоста; высота в плечах 1,25—1,35 м. Геснер, Каюс и другие прежние естествоиспытатели считали его за лося или за близкий ему вид. Эркслебен и Линней присоединяли его к благородным оленям; Бюффон считает разновидностью последних, хотя Аристотель говорил, что его рога не имеют более трех ветвей. Кювье объяснил наконец это недоразумение, предположив, вероятно справедливо, что Аристотель имел в

Семейство оленьевые

* При рождении детеныш весит 4—5 кг, в годовалом возрасте его вес достигает 19—80 кг. Лактация прекращается в 9 месяцев. Половая зрелость у самок наступает в возрасте 16 месяцев, самцы допускаются к размножению обычно после 3 лет. Продолжительность жизни — в среднем 10—20 лет, рекорд — 32 года.

** В парковых и охотничьих хозяйствах лани практически не угрожают хищники, не грозит ей и вымирание. Численность мировой популяции оценивается в 200 тыс. голов.

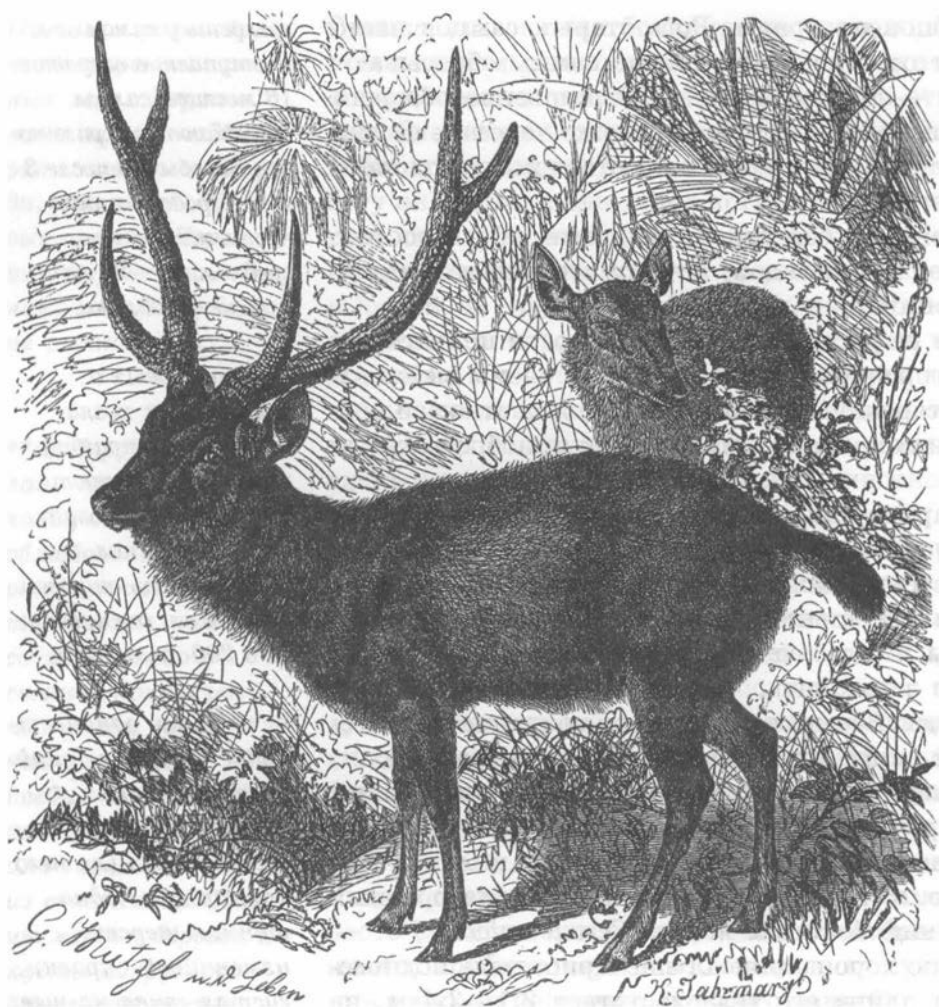
*** «Олень одноцветный» — крупнейший из тропических оленей, достигает веса 300 кг. Для него характерны однотонная шерсть изменчивой окраски, густая грива на шее, удлинённая морда, сравнительно высокие ноги. В некоторых районах замбара называют оленем Аристотеля, или индийским лосем.

виду под этим породу оленей, которую он наблюдал в Индии. От родственного длинногривого оленя замбар, кроме роста, отличается более темной окраской. Самка цветом вполне походит на самца, да и теленок немногим отличается от взрослых. Рога замбара постоянно имеют только три ветви. Жердон же уверяет, что он, особенно в южной Индии, видел многих замбаров, у которых вместо вилообразного разветвления была трехконечная крона. Эллиот упоминает о рогах даже с четырехконечной кроной.

Рога то более гладкие, то более шершавые, в разной степени изборождены и покрыты шишечками; средняя длина рогов, изме-

ренных по изгибам, достигает 90 см, хотя нередки рога и в 100 см; в виде исключения встречаются в 110 и в 120 см. Надглазные ветви достигают длины в 30—45 см. При этом стволы отличаются особенной толщиной; над дудками они достигают 17—24 см в обхвате, около середины — 14—20 см. Замбары различных областей отличаются величиной тела, крепостью и формой рогов.

Область распространения замбара занимает всю Британскую Индию с Цейлоном, Бирмой, Сиамом, некоторые части Малаккского полуострова. На Гималайских горах

Индийский замбар
(*Cervus unicolor*)

этот олень поднимается до 3000 м над уровнем моря. Холмистые, покрытые лесом и гористые местности он предпочитает равнинам и вне леса и джунглей на открытых местах встречается редко. По словам Стеридала, замбар обыкновенно пьет один раз в три дня, следовательно, не особенно часто ищет рек и других источников.

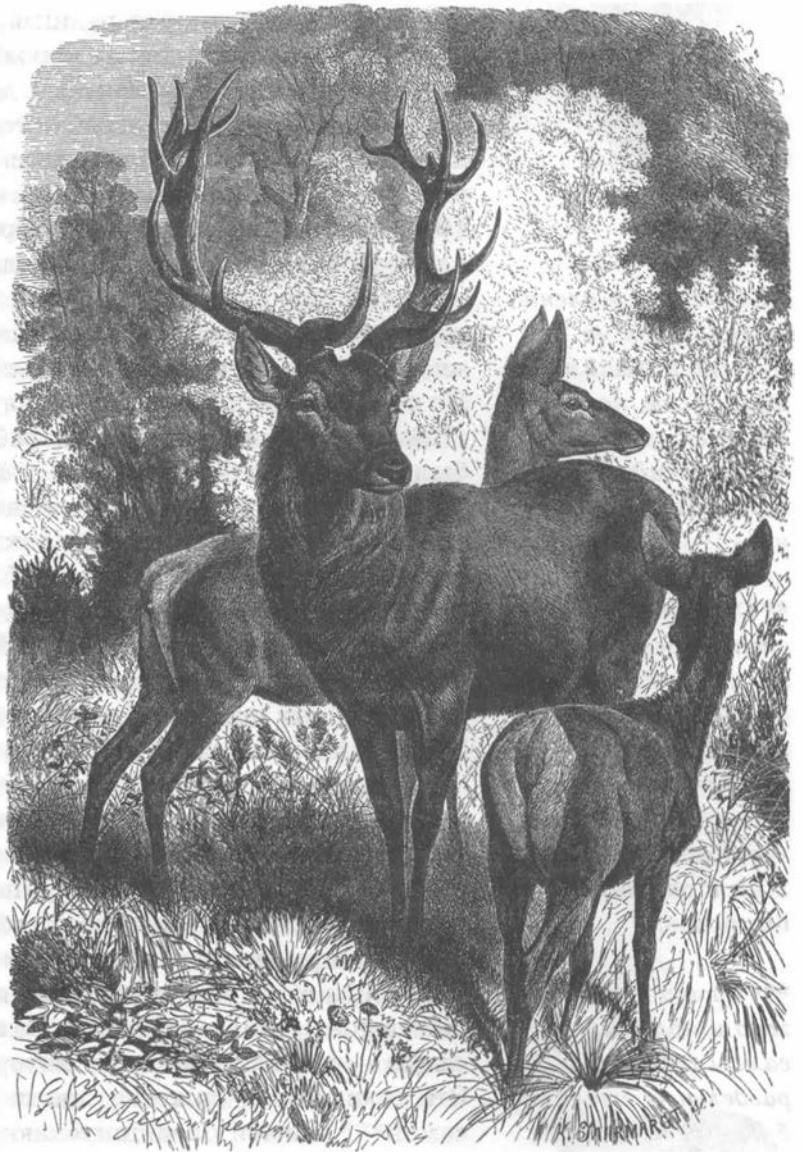
Пища его состоит из травы, молодых побегов древесных пород и различных плодов. Эти животные избегают солнечных лу-

чей и в продолжение всего дня пребывают в тенистых местах. Пасутся же ночью вплоть до утра, как в одиночку, так и парочками, а также маленькими и большими стадами. Самцы сбрасывают рога в апреле, новые окостеневают у них в конце сентября. По словам Жердона, около этого времени у самок начинается течка, и их своеобразный крик бывает слышен главным образом по утрам и под вечер. Самка рождает лишь одного детеныша; подробности о ее беременности и рождении теленка нам не известны.

Для индийских охотников замбар имеет такое же значение, как благородный олень для наших. За замбарами охотятся преимущественно с ружьем по следу, иногда подстерегают у мест, где они обыкновенно пьют. Там, где они встречаются в большом количестве, на них устраиваются облавы. Их движения, говорят, не особенно красивы, но довольно быстры, даже на очень неровной почве. Если оленя преследуют, то он часто спасается, переплывая реки. По словам Жердона, в Гималайских горах туземцы иногда окружают в глубоком рыхлом снегу многих замбаров и закалывают их копьями или убивают ударами дубин. Тот же писатель находит, что мясо их твердое, в редких случаях жирное, хотя иногда и довольно вкусно.

В наших зоологических садах замбар не считается редкостью.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Стройное животное чрезвычайно сильного и красивого телосложения и при этом держится с таким благородством и гордостью, что с полной справедливостью носит данное ему прозвище. Его величина весьма непостоянна. Длина тела достигает 1,85—2,15 м, из которых около 15 см приходится на долю хвоста; высота плеч 1,2—1,5 м и общий вес 160—170 кг; но встречаются и

Благородный олень
(*Cervus elaphus*)

Семейство оленьевые

** Европейские олени отличаются не самыми большими и тяжелыми, но самыми красивыми рогами с раскидистой вершинной — «коронной».*

*** Сплошных лесов олень избегает, так же как и полностью открытых лугов, степей, прерий, предпочитает пересеченную местность с чередованием закрытых и открытых биотопов.*

**** Самки с молодежью и половозрелые самцы образуют отдельные стада от 5 до 40 голов (более крупные — зимой) с четкой иерархической структурой, некоторые самцы одиночны.*

необыкновенно крупные олени, которые весят 300 кг и более. Самки значительно меньше ростом и обыкновенно другой окраски. Смотри по времени года, полу и возрасту, окраска оленей меняется. Зимой волосы ости серовато-бурого, летом скорее красновато-бурого цвета; подшерсток пепельно-серого цвета с бурыми кончиками. У морды окраска волос переходит в черноватый, у хвоста — в желтоватый цвет. Только у телят в первые месяцы на красновато-буром фоне появляются белые пятна. Взрослые особи, у которых на темном фоне заметны белые пятна, или совершенно белые олени считаются редким явлением.

Рога у оленя сидят на короткой дудке; они имеют один ствол с многочисленными ветвями и держатся прямо. У корня стволы рогов довольно круто изгибаются назад и в стороны, затем они изгибаются внутрь и сближаются своими концами. Крупные рога весят 5—8 кг, но в наше время в виде исключения достигают 10—12 кг и более. Стволы, измеренные по изгибам, могут иметь в длину 80—120 см, а в крайне редких случаях даже 130 см. Самые тяжелые еще с прежних веков сохранившиеся рога (в Моренбурге) весят 18,8 кг, самые тяжелые рога новейшего времени от оленя, убитого в 1844 году, весят, по словам Домбровского, 15,5 кг. По словам того же автора, длина самых больших из вообще известных рогов, измеренная по изгибам, равнялась 132—133 см. Рога были сняты с оленя в Бадене в 1762 году и имели 26 ветвей*.

Еще и в наше время олени живут почти во всей Европе, исключая крайний север, а также в значительной части Азии. Граница их распространения в Европе простирается до 65 градуса, а в Азии до 55 градуса северной широты; южной границей служат Кавказ и горы Манчжурии.

Олени предпочитают гористые местности равнинам; в особенности они любят пространства, покрытые непрерывным лесом, главным образом лиственным**.

Здесь они, сообразно возрасту и полу, разбиваются на отдельные большей или меньшей величины стада. Старые самки, телята, годовалые и двухгодовалые самцы и самки обыкновенно соединяются вместе; более крупные маралы образуют отдельные небольшие стада; старые самцы большей частью живут в одиночку до наступления течки у самок. Сообразно с этим, самые большие стада образуются из самок и молодых оленей, небольшие — из самцов среднего возраста. Во главе стада постоянно находится самка — вожак, действиям которого подчиняются все остальные. Это происходит даже во время течки, пока самец не разгонит самок***. Зимой олени спускаются с гор в долины, летом поднимаются на крайние вершины лесистых гор. Но пока их никто не тревожит, они остаются верны своему местопребыванию и только во время течки, или при смене рогов, или, наконец, в случае недостатка пищи добровольно покидают старое пастбище. Мягкие рога принуждают крупных оленей жить или в очень низком кустар-

нике, или в редком лесу, в котором они не задевали бы рогами за сучья; если в лесу становится очень беспокойно, то они иногда поселяются в хлебных полях или на выгонах, покрытых низким кустарником. Весь день олени лежат в логовищах и только к вечеру выходят пастись, причем летом несколько раньше, чем зимой. Только в местностях, где они чувствуют себя вполне в безопасности, они пасутся иногда и днем. Вечером на пастбище отправляются или быстрой рысью, или скорым шагом; утром же возвращаются, наоборот, медленно. Даже когда солнце давно взошло, они не покидают опушки леса, потому что утренняя роса, покрывающая листья, им крайне неприятна.

Все движения благородного оленя легки, изящны и в то же время грациозны, в особенности отличаются своей благородной осанкой самцы. Обыкновенная походка марала довольно быстрая; мелким шагом он продвигается вперед весьма скоро, а в галопе почти с невероятной быстротой. При мелкой рыси олень вытягивает шею вперед, когда же он скачет в галопе, то закидывает ее назад.

Из органов чувств благородного оленя слух, обоняние и зрение развиты прекрасно. Он чует человека на расстоянии до 600 шагов. У него также необыкновенно острый слух; от него не скроется ни малейший шорох, раздающийся в лесу. Относительно его характера и умственных способностей мнения резко расходятся. Охотник склонен видеть в своей любимой дичи соединение всех совершенств; менее увлеченный наблюдатель, сравнивающий оленя с другими животными, не столь высокого мнения о нем. По новейшим понятиям, олени не добродушнее и не умнее остальных диких жвачных животных. Они чрезвычайно робки и пугливы, но не умны и не понятливы. Память оленя, по-видимому, слаба, и понятливость незначительна. Но мало-помалу он набирается опыта и хорошо использует его. Когда страсти возбуждены, олень часто забывает об опасностях, на которые обыкновенно прежде всего обращает внимание. Во время течки делается безумным; забывает все, пренебрегает даже пищей и, по-видимому, исключительное внимание обращает на самок, о которых так мало заботился прежде, и на других самцов, одержимых подобной же страстью. Олень во время течки представляет в лесу прекрасное, а в зоологических садах за решеткой — отвратительное явление. Самки нежнее, податливее, привязчивее, — одним словом, добродушнее самцов, но, в общем, похожи на них. Необыкновенно тонкие органы чувств, благодаря которым они вовремя узнают об опасности, заставляют судить о них как о животных более умных, чем они есть на самом деле.

В отношении ухода и пищи пленные благородные олени не особенно разборчивы, поэтому очень хорошо сохраняются даже в тесном заключении, свободно плодятся и производят со своими ближайшими родичами помеси, способные в свою очередь к размножению.

Семейство оленьевые

** Спектр питания оленя обширен — до 300 видов растений. Зимой это веточный корм, кора, летом — главным образом травянистая и водная растительность.*

*** Общая продолжительность периода роста рогов около 140—150 дней, рост и очистка от кожи завершаются почти за месяц до гона.*

**** Начало и продолжительность периода гона зависят от местности, в Северном полушарии это амплитуда от конца августа до середины ноября. Осенний трубный рев благородного оленя гораздо громче, чем у любого другого вида семейства. «Рев» быков служит больше для сбора самок, чем для вызова соперников. На подражании голосу ревущего оленя основан один из способов охоты, тигр в Приморье также умело подманивает оленя, подражая его голосу.*

Смотря по времени года, олени разнообразят свою пищу. Зимой она состоит из озимых посевов и многих растений, растущих вблизи источников, из почек, древесной коры, вереска, листьев ежевики, омелы; весной пищей им служат почки и молодые побеги с листьями и без них, всевозможные травы и злаки; позднее они едят хлебные зерна, репу, капусту, различные плоды, картофель, буковые орешки и желуди*. Как и большинство жвачных животных, олени чрезвычайно любят соль.

Крупные маралы сбрасывают рога уже в феврале, самое позднее в марте и окончательно заменяют их новыми к концу июля; молодые олени, главным образом годовалые самцы, часто носят рога еще в мае, но уже в августе они их окончательно заменяют новыми и сдирают с них кожу**. Со сменой рогов совпадает до известной степени линька оленей. После того как олень сменил рога, у него появляются волосы летнего покрова, а ко времени, когда линька и смена рогов закончены, самки телятся. Олень спаривается еще в летнем покрове; волосы ости у него начинают выпадать вскоре после спаривания, а затем постепенно происходит развитие зимнего покрова.

«Течка, — говорит Дитрих Винкель, — у оленей начинается в начале сентября и продолжается до середины октября. Уже в конце августа, когда олени наиболее жирны, у крупнейших проявляется половое возбуждение. Они выражают его особым криком (звук, крайне приятным для охотника, но для музыкального уха вовсе не мелодичным), причем у них с самого начала распухает шея***.

С утра до вечера стонет лес от криков самцов, которые в это время питаются только самым необходимым и лишь иногда отправляются освежиться в соседнем источнике или в луже, куда должны сопровождать их и самки. Другие менее счастливые соперники завистливо отвечают на их крики. Они приближаются с твердым решением испытать все средства, чтобы храбростью или хитростью занять их места. Едва олень, находящийся при самках, заметит другого, как, пылая ревностью, готовится к встрече последнего. Начинается поединок, нередко оканчивающийся смертью одного, а иногда и обоих противников. Опустив рога, они яростно бросаются друг на друга и с достойной удивления ловкостью стараются поочередно то нанести удар противнику, то отразить его. Далеко по лесу раздаются удары рогов, и горе тому противнику, который вследствие старческой слабости или случайно подставит обнаженное место! Противник непременно воспользуется этим, чтобы нанести ему рану острыми концами своих роговых ветвей. Известны случаи, когда во время поединка рога оленей до того крепко сплетались, что следствием этого являлась смерть обоих; но даже в подобном случае никаким человеческим усилием нельзя было разнять туши животных, не сломав кончиков рогов. Часто в продолжение не-

скольких часов поединок остается нерешенным*. Победенный покидает поле битвы лишь при полнейшем изнеможении; победитель же находит награду в благосклонности самок, наблюдавших за ходом битвы. Во время боя иногда удается совсем молодым самцам на короткое время завладеть правами, из-за которых старшие так упорно дерутся; они подкрадываются к самкам и пользуются тем, что обыкновенно выпадает на их долю лишь спустя недели три, когда более крупные олени, совершенно обессилевшие, покидают места спаривания.

Беременность самки длится 40—41 неделю**. В конце мая или в июне, смотря по тому, когда произошло оплодотворение, она рождает одного, в редких случаях двух детенышей. Когда приближается время родов, самка ищет уединения и покоя в самой чаще леса. Телята в первые три дня своей жизни до того беспомощны, что не трогаются с места. Их можно даже взять руками. В это время мать редко покидает их даже на короткое время; если ее испугнуть, то она удаляется только для того, чтобы притворным бегством отвлечь действительную или воображаемую опасность. Ловить без сетей теленка, имеющего отроду более недели, значило бы напрасно тратить время. Он повсюду следует за матерью и тотчас же прячется в высокой траве, как только она подаст голос, издаст испуганный крик или начнет сильно и быстро бить передними ногами о землю. Теленок сосет матку до наступления следующей течки и с молодости научается ею выбирать пригодную для себя растительную пищу».

Самка считается взрослой уже на третьем году, самцу нужно несколько лет, прежде чем он приобретет все права на самостоятельное господство в стаде***.

На седьмом месяце у него вырастают рога, и с этих пор он меняет свое головное украшение уже ежегодно. У марала с двенадцатью ветвями впервые появляется крона. Более двадцати правильных ветвей на обоих рогах встречаются чрезвычайно редко; рога с восемнадцатью ветвями можно видеть во всякой посредственной коллекции; олени с шестнадцатью ветвями нередко еще встречаются и теперь. При обильной пище случается, что рога с шестью ветвям сменяются сразу на рога с десятью ветвями; но еще чаще при смене рогов повторяется старое число ветвей и столь же часто число их уменьшается. В этом отношении десять ветвей представляют замечательную границу. У оленя, носившего хоть один год крону, число ветвей, если и уменьшается, то никогда не бывает менее десяти.

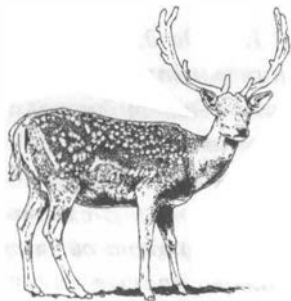
Врагами оленя являются волк, рысь, россомаха и изредка медведь. Самые страшные из них — волк и рысь. Волки стаями преследуют оленей в глубоком снегу, травя их до изнеможения; рысь бросается сверху им на шею, когда они, ничего не подозревая, проходят мимо деревьев. Но самым страшным врагом есть и будет человек, хотя в настоящее время он их не так преследу-

** Иногда для выяснения ранга соперникам бывает достаточно нескольких угрожающих ритуальных поз. В схватки вступают обычно самцы, равные по силе. Олени не «бодаются», а, сцепившись рогами, напирают друг на друга. Суть поединка сводится к тому, чтобы преодолеть напор противника и заставить его открыть незащищенный бок или даже опрокинуть его. Победитель некоторое время преследует побежденного. Смертельные случаи бывают редко.*

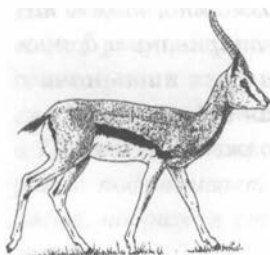
*** Беременность — 34 недели. Самки могут рожать каждый год. Вес новорожденного олененка — 6—8 кг.*

**** Самки половозрелы к 1,5 года, самцы, возможно, тоже, но к спариванию допускаются лишь начиная с 4—5 лет и позже.*

Семейство оленьевые

* В средневековой Европе олень считался «королевской», «красной» дичью, охотиться на него позволялось лишь дворянам. Олени издавна охраняются во многих частных землях, парковых, заповедных, охотничьих хозяйствах. В ряде мест осуществляется зимняя подкормка, разрешен выборочный трофейный отстрел, практикуется выбраковка неполноценных животных.

ет, как прежде. Я думаю, что могу здесь умолчать об охоте на оленя, так как подробное описание завлекло бы нас слишком далеко, да при том желающие всегда могут прочесть о ней в других книгах*.

Сильно мучают оленей некоторые виды слепней. Эти отвратительные насекомые кладут под кожу яйца, причем личинки продырявливают бедным животным почти всю шкуру. Вши, гнездящиеся в волосах, мухи и комары также беспокоят оленей в высшей степени. Чтобы избавиться от этих крайне ненавистных насекомых, они часто по целым часам проводит время в воде. Кроме того, олени подвержены многим заболеваниям. Сибирская язва нередко является между ними повальной болезнью; воспаление печени, понос, цинга и чахотка иногда причиняют страшные опустошения; много оленей погибает в холодные зимы от голода и мороза.

В прежние времена каждой части тела марала приписывалось суеверное значение; в наше время этих суеверий придерживаются, по-видимому, одни китайцы, употребляющие мягкие рога в виде лекарства и платящие за них огромные деньги. Шпорцы, слезные железы, внутренности, кровь, половые органы, нередко находимые в желудке безоаровые камни, даже испражнения считались у нас прежде замечательными лечебными средствами и поэтому чрезвычайно ценились. Из оленьих копыт приготавливали кольца как предохранительные средства от судорог; оленьи зубы оправляли в золото и серебро, и охотники носили их как талисманы; да, впрочем, и в наше время их еще носят. О нраве оленя рассказывают много басен, и даже охотники долго верили в них, пока более подробные исследования не ознакомили нас ближе с жизнью животного.

Виргинский, или белохвостый, олень (*Odocoileus virginianus*) может сравниться с нашей ланью величиной, но отличается от нее изящным телосложением, а в особенности длинной тонкой головой, которая красивее, чем у всех других оленей. Впрочем, по уверениям принца фон Вида, виргинский олень часто достигает большего размера, чем наша лань, и не многим уступает благородному оленю.

Окраска его изменяется, смотря по временам года. Летом его шкура прекрасного равномерного желто-бурого цвета, который на спине принимает более темную, а с боков более светлую окраску; брюхо и внутренняя сторона ног бледнее; верхняя часть хвоста темно-бурая, а его нижняя часть и боковые стороны ослепительной белизны. Характерна окраска головы, летом она всегда темнее остального туловища и окрашена в серовато-бурый цвет. Зимой спина оленя также имеет серовато-бурый цвет и приблизительно соответствует зимней окраске нашей косули. Судя по измерениям принца фон Вида, длина оленя средней величины 1,8 м, длина хвоста 30 см, в плечах такой олень достигает 1 м

высоты. Самка значительно меньше самца, ее длина только 1,3 м и высота не более 80 см. Высота рогов 30 см, а длина каждого ствола, измеренного по кривой, приблизительно 30 см. У теленка на темно-коричневом фоне расположены хорошенькие белые или палевые пятна, в остальном он походит на своих родителей*.

По указаниям американских исследователей, этот прекрасный олень обитает по всем лесам Северной Америки, за исключением самых северных мест; в Канаде, однако, встречается. Он распространен от восточного берега Северной Америки до Скалистых гор, а на юг — до Мексики**.

Говорят, что в прежние времена его находили повсюду в большом количестве; в настоящее время он почти вытеснен из густонаселенных местностей, или по крайней мере ему пришлось удалиться в более обширные горные леса***. Благодаря Одюбону и другим исследователям, мы довольно хорошо знакомы с образом жизни и нравами виргинского оленя. Подобно благородному оленю, виргинский олень образует стада, к которым присоединяются взрослые олени во время течки. Олень сбрасывает рога в марте, а в конце июля или августа нарастают новые; затем он в октябре сдирает кожу с рогов, и в это же время наступает течка****.

К этим кратким словам, заимствованным у принца фон Вида, я хочу прибавить еще кое-что из описаний Одюбона. «Этот олень, — говорит он, — сильно привязан к однажды избранному месту и после преследования всегда возвращается к нему. Конечно, в этом случае он несколько дней не ложится на одно и то же логовище, но его часто все-таки находят не более как в 50 шагах от того места, с которого спугнули. Любимым местопребыванием ему служат заброшенные поля, отчасти поросшие кустарником, за которым он прячется. В холодное время года олень предпочитает защищенные и сухие места; летом в дневное время удаляется в тенистые части леса и держится поблизости маленьких речек или прохладных потоков. Чтобы избавиться от преследований комаров и слепней, часто заходит в реку или пруд и лежит там по самый нос в воде.

Пища этого оленя различна, смотря по времени года. Зимой он обгладывает ветки и листья кустов, весной и летом с величайшим наслаждением выбирает самую нежную траву и часто заходит на поля, поедая маис и другие зерна. Он чрезвычайно любит разного рода ягоды, орехи и тому подобные плоды. При таком богатом выборе пищи можно думать, что виргинский олень представляет собой вкусную дичь, но это совершенно неверно, потому что он почти всегда худощав, за исключением нескольких месяцев в году. Нам приходилось убивать таких, которые весили около 80 кг, и нам сообщали, что отдельные экземпляры достигают веса более чем в 90 кг. Течка, по крайней мере в Каролине, наступает в ноябре, а иногда и раньше. Тогда олень постоянно на ногах,

** В зависимости от подвидовой принадлежности белохвостый олень имеет 70—110 см в холке и весит от 22 до 180 кг. Очень характерны черная окраска носовой области и губ, белое пятно на горле.*

*** Распространен также на севере Южной Америки. Акклиматизирован в ряде районов Европы и на некоторых океанических островах.*

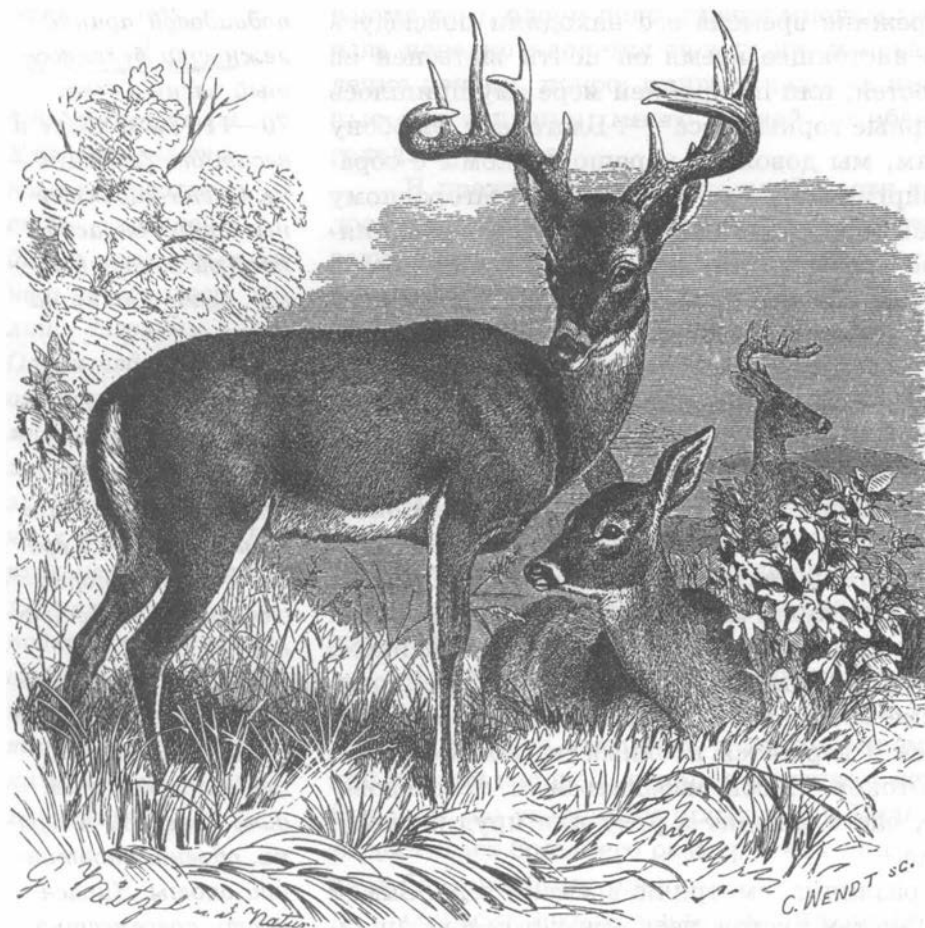
**** Этот вид — самая распространенная и массовая дичь Северной Америки, объект спортивной охоты. Численность повсеместно высока (однако есть редкие охраняемые подвиды).*

***** В тропиках гон и соответственно смена рогов, рождение детенышей не приурочены к определенному сезону.*

Семейство оленьевые

* Беременность длится 6,5—7 месяцев, большинство родов приходится на май—июнь. Молодые

всюду рыщет, отыскивая своих противников. Когда он сходится с другими оленями, то начинается ожесточенный поединок, в котором иногда один из них погибает; нередко два одинаково сильных оленя до того сцепляются рогами, что не могут расцепиться и оба погибают жалким образом. Мы старались разнять переплетенные таким образом рога, но нашли, что ни наша ловкость, ни наша сила не были достаточны, чтобы выполнить это. Мы несколько раз видели две, один раз даже три пары рогов, перепутанных таким образом. Течка у оленей продолжается приблизительно

Белохвостый олень
(*Odocoileus virginianus*)

самцы покидают мать в годовалом возрасте, самки остаются до 2 и более лет. Продолжительность жизни — 12—15 лет.

два месяца и у более старых начинается раньше, чем у молодых. Около января олени сбрасывают свои рога и с этого времени живут дружно все вместе.

Самки жирнее всего от ноября до января, после чего по мере приближения времени родов худеют и снова полнеют, когда телята сосут их. Детеныши в Виргинии рождаются в апреле. В северных широтах время родов наступает немного позднее, чем в южных. Удивительно, однако вполне справедливо, что в Алабаме и Флориде большинство телят рождаются в ноябре*. Самка прячет своего только что родившегося теленка под густым кустом или в высокой траве и навещает его несколько раз в сутки: утром, вечером и ночью. Только позднее она берет с собой детеныша. Когда телятам только несколько дней от роду, они иногда спят так крепко, что их можно захватить прежде, нежели они заметят приближение человека.

Самка телится первый раз, когда ей по крайней мере два года от роду, и то приносит одного теленка, тогда как впоследствии приносит двойню. Сильная, здоровая самка часто рождает и трех телят, а в животе одной убитой нами оленихи мы нашли

даже четырех вполне развившихся детенышей. Самка чрезвычайно любит своего теленка и тотчас прибегает на его зов. Индейцы употребляют хитрость: игрой на дудочке подражают зову теленка, чтобы привлечь матку, которая тогда падает жертвой их стрел. Нам самим два раза удалось таким способом заманить животных. От человека матка не в состоянии защитить свое дитя и думает только о своем спасении. Виргинский олень очень общителен, его часто можно видеть в западных прериях многочисленными стадами в несколько сот экземпляров. После течки, как мы уже упоминали, самцы собираются в стада и присоединяются к самкам, которые большую часть года проводят вместе.

Виргинский олень не может существовать без воды и вынужден каждую ночь отыскивать реки или ключи. Олени очень любят соль. Охотники, которым это известно и которые знают, где находятся солончаки, вблизи их всегда удачно охотятся. Виргинского оленя можно назвать ночным животным, но следует прибавить, что в прериях, в местах, где его мало беспокоят, он отправляется на пастбище утром и в полдень. При таких обстоятельствах он отдыхает обыкновенно только в обеденные часы. Конечно, в штатах, лежащих у Атлантического океана, где его постоянно тревожат охотники, олень редко поднимается со своего логовища до заката солнца. Впрочем, весной и летом его чаще можно видеть днем на пастбище, чем зимой.

Для добычи этой дичи индейцы должны были употреблять всю свою хитрость и терпение, пока в их охотничьи районы не вошел белолицый человек с ружьем, конем и собаками. Дикарь оспаривал эту дичь у волка и пумы, причем употреблял самые разнообразные приемы для охоты. Чаще всего убивал оленей, подражая зову теленка или самца. Иногда дикарь надевал на себя шкуру убитого оленя, рога привязывал к голове и очень верно подражал походке и другим движениям животного; таким путем ему удавалось пробраться в самую середину стада и убить из лука несколько оленей прежде, чем стадо обращалось в бегство. Но, с тех пор как вошло в употребление огнестрельное оружие, большинство племен забросили лук и стрелу и стали применять ружье.

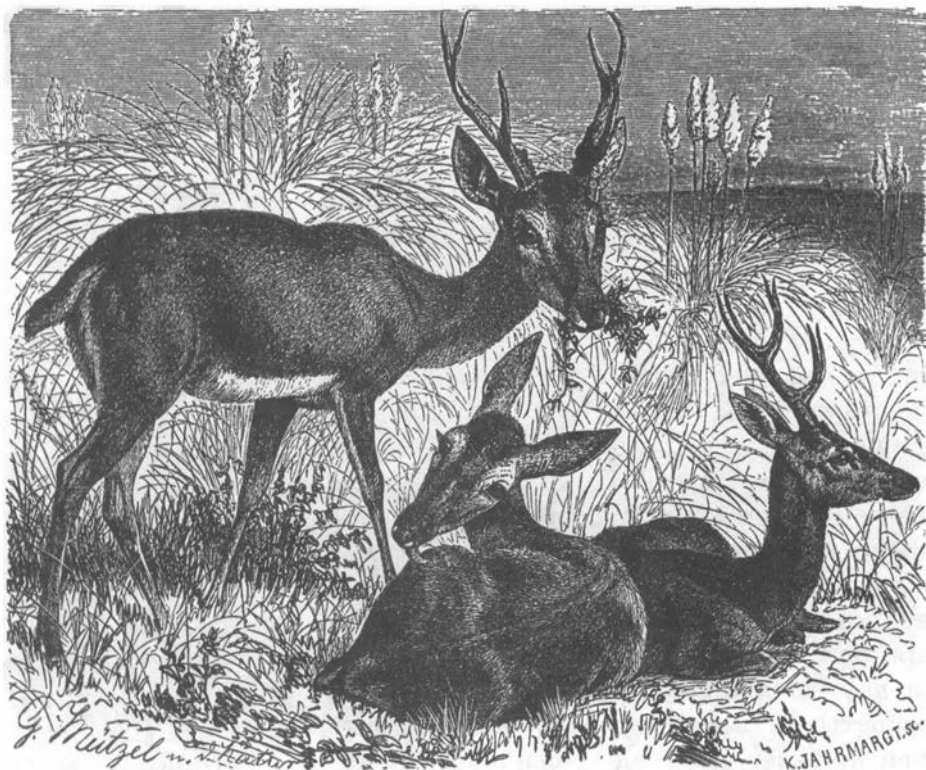
Белый человек охотится, принимая во внимание особенности местности. В гористых странах он предпочитает идти по следу оленя пешком, в густых лесах берет на помощь собак и тогда вместо штуцера пользуется двустволкой, заряженной крупной картечью. В некоторых странах, когда выпадает глубокий снег, употребляют в дело лыжи и преследуют на них дичь, которая при подобных условиях передвигается медленно. В Виргинии законы охоты не так строго соблюдаются. Там вблизи воды ставят крепкие стальные капканы, а на полях вбивают в землю с внутренней стороны изгородей острые колья, на которые натывают олени при перепрыгивании через забор. В некоторых местах охота про-

изводится с лодки; зная места, в которых дичь обыкновенно переплывает через реки или морские заливы, ее выгоняют при помощи собак, преследуют на лодке и стреляют в плывущих животных. Весьма оригинальна охота с огнем. Для нее требуются два охотника. Один несет железную сковороду, на которой при помощи смолистого дерева поддерживается небольшое пламя, другой, идущий совсем близко, несет ружье. При виде непривычного огня среди леса олени до того бывают поражены неожиданностью, что спокойно останавливаются; в глазах их отражается свет пламени, что и дает охотнику возможность прицелиться. Часто случается,

что после выстрела некоторые животные снова возвращаются к огню. Единственная неприятность при такого рода охоте заключается в том, что охотник, заметивший оба огненных глаза, не в состоянии бывает отличить, видит он перед собой дикого оленя или животное из стада; нередко случается, что во время такой охоты убивают домашних животных, пасущихся в лесу.

Нас уверяли, что виргинского оленя всегда может догнать и схватить

Пампасный олень
(*Ozotoceros bezoarcticus*)

хорошая борзая собака. Пара таких превосходных собак, привезенных в Каролину из Европы, обыкновенно уже настигала оленя, когда тот едва успевал пробежать расстояние в несколько сот шагов. Легавые собаки употребляются для того, чтобы выследить и выгнать оленя, затем уже борзые продолжают преследование.

К величайшему нашему сожалению, мы должны подтвердить опасения охотников, что эта дичь быстро убывает и, может быть, совсем скоро совершенно исчезнет. Уже в настоящее время в Каролине едва ли находится пятидесятая часть тех оленей, которые жили там двадцать лет тому назад. В северных и средних штатах он уже истреблен. Еще в большом количестве водится олень только в южных штатах, где обширные леса, топи и болота препятствуют возделыванию земли, хотя и здесь уже многие план-

таторы раздарили своих собак, потому что для них не находится больше работы».

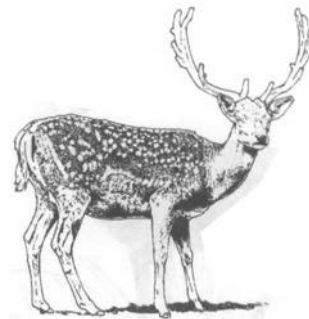
К этому описанию Одюбона, которое я, впрочем, перевел не очень точно и передал только вкратце, я хочу прибавить, что, по моим личным наблюдениям, пойманные виргинские олени, которые содержатся надлежащим образом, принадлежат к числу самых приятных ручных животных.

Пампасный олень (*Ozotoceros bezoarcticus*) — животное средней величины: длина его тела от 1,1 до 1,3 м, длина хвоста 10 см, высота в плечах 70 см, а в крестце 75 см; по фигуре и окраске он похож на других оленей. Волосы у него толстые, грубые, ломкие и глянцевитые, спина и верхняя часть тела светлого красновато-бурого или бледно-желто-бурого цвета, бока, передняя часть шеи и внутренняя часть ног еще светлее; кончик хвоста чисто белый. Вокруг глаз видно белое кольцо. Его рога напоминают рога нашей косули, но они длиннее, тоньше и отличаются более длинными ветвями. Иногда встречаются рога, у которых от передней части ствола отделяется еще вторая ветвь, направленная вперед. Длина рогов редко достигает 25 см; рога в 30 см длины составляют исключение*.

Парагвай, Уругвай и северная Аргентина являются родиной этого всюду многочисленного оленя. По словам Ренггера, он встречается преимущественно на открытых и сухих полянах малонаселенных мест, избегает близости болот и лесов даже тогда, когда его сильно преследуют. Олень живет парами и маленькими стадами; старый самец держится отдельно**. Днем олень отдыхает в высокой траве и лежит так спокойно, что можно проскакать мимо, а он и не пошевелится. Между тем чутье и слух его тоньше, а движения быстрее и более ловкие, чем у многих других оленей. Его может догнать только очень хорошая лошадь; если же он успеет забежать вперед, то и самый лучший скакун не в состоянии настигнуть его. После заката солнца олень отправляется на пастбище и бродит там всю ночь. Самка рождает только одного детеныша весной или осенью и несколько дней спустя приводит его к самцу. Родители выказывают относительно детеныша большую заботливость и любовь. Как только грозит опасность, они прячут его в высокой траве, сами показываются охотнику, отвлекая его от следов теленка, и затем окольными путями снова возвращаются к нему.

Взрослый олень, особенно во время течки, издает очень неприятный запах; эта вонь до того сильна, что ее ощущаешь даже в таких местах, где самец пробежал четверть часа тому назад. «Однажды я бросил аркан на рога оленя, — рассказывает Ренгер, — и не снял его, пока не убил животное; тем не менее аркан успел пропитаться таким зловонием, что я в продолжение 14 дней не мог употреблять его». У меня есть пара рогов, стволы которых еще покрыты кожей, они и теперь, по прошествии 8 лет, сохрани-

Семейство оленьевые

* Рога пампасного оленя обычно имеют три отростка.

** Ареал простирается от юга Бразилии и востока Боливии до центральных областей Аргентины. В настоящее время олень вытеснен человеком из открытых травянистых пространств в лесистые местности. Олени ведут сумеречный образ жизни, держатся поодиночке или группами в 3—4 особи, сезонности в размножении нет.

ли свойственный этому оленю запах. Запах появляется не раньше первого года от рождения, и, как уверял меня один охотник, его совсем не бывает у оленя, если его оскотить в молодости. Чтобы убить оленя, надо устраивать облавы. Несколько охотников на лошадях образуют полукруг в степи и поджидают дичь, которую на них гонят другие охотники с помощью собак. Как только один из оленей достаточно приблизится к охотнику, тот быстро подъезжает и кидает ему аркан с шарами на рога или между ног. Самое главное, чтобы охотник не бросался раньше времени на подходящее животное; иначе оно заметит его издали, и тогда охотник уже более не в состоянии догнать спасающегося оленя. Если за оленем гонятся долгое время, то он, подобно нашей лани, часто делает прыжки в сторону, чтобы отвлечь собак от следа, и наконец, нагнувшись, прячется в таком месте, где находит высокую траву. В случае опасности выказывает храбрость, от людей и собак защищается рогами или ударами передних ног. Если ехать по пампасам осторожно, то иногда удается с лошади застрелить этого оленя в тот момент, когда он вскакивает на ноги. Кроме человека, опасным врагом его является только пума. Мясо молодых животных приятно, мясо старых самок несколько жестко, а мясо самцов из-за запаха совершенно несъедобно. Кожу отделяют и употребляют на одеяла и чепраки.

В Южной Америке живут несколько маленьких оленей, которые составляют особую группу. У этих оленей рога самцов состоят только из двух стволов без разветвлений; довольно длинный, густо обросший волосами хвост; маленькие слезные ямочки, пучок волос на лбу и кисточки волос на внутренней стороне ступней. Как у самца, так и у самки в молодости есть клыки, которые впоследствии выпадают.

Большой мазама (*Mazama americana*) крупнее нашей косули и почти достигает величины годовалой самки лани; длина его 1,1 м, длина хвоста 10—11 см, высота в плечах 60 см, длина рога 7 см*. Туловище продолговатое, шея короткая и стройная; голова короткая и спереди очень узкая; уши довольно большие, но не особенно длинные; глаза маленькие и живые, слезные ямочки едва заметны; ноги высокие, стройные и очень красивого сложения. Гладкая и плотно прилегающая шерсть напоминает мех нашей косули. На голове и на ногах он очень короток, хотя довольно густ; на лбу поднимается в виде большой челки. Общая окраска волос желто-буро-серая; место между глазами, лоб и темя темно-буро-серого цвета, который на нижней стороне шеи, груди и брюха переходит в серый. Внутренняя сторона ног белая, хвост сверху желто-бурый, а снизу белый.

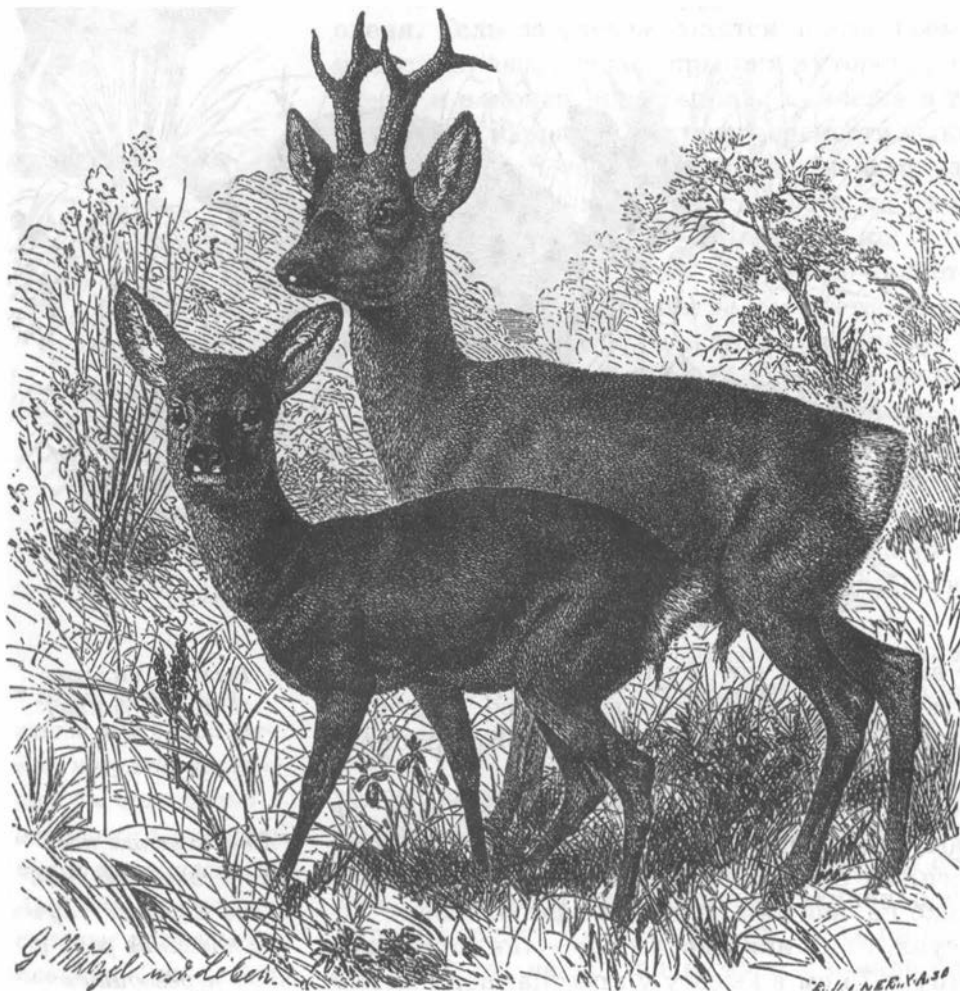
Мазамы живут в большом количестве в Гвиане, Бразилии, Перу и Парагвае**. Они встречаются как на равнинах, так и в горах, поднимаясь даже на высоту 5000 м над уровнем моря. Местом их пребывания служат леса и низкие кустарники. В низ-

* Брем называет этот вид бразильской косулей. Мазамы как бы замещают азиатских мунтжаков в тропической Америке, имеют сходные размеры и повадки. Они любят держаться у воды, хорошо плавают.

** Большой мазама распространен от центральной Мексики до северной Аргентины.

голые треугольные впадины длиной не более 6 мм. Уши средней величины и расположены на далеком расстоянии друг от друга. Рога отличаются широкими дудками и относительно толстыми стволами, усеянными сильно выдающимися шаровидными бугорками. Ствол рогов обыкновенно имеет только две ветви; этим, однако, не ограничивается их развитие. В первую зиму у годовалого самца вырастают неразветвленные тонкие рожки с едва заметным круговым утолщением у основания ствола; у двухгодовалого ствол разветвляется приблизительно в середине. У трехгодовалого изогнутая назад главная ветвь делится вторично и

после разветвления снова изгибается вперед, между тем как кончики передней ветви направлены назад. Развитие этих трех ветвей обыкновенно заканчивается рост рогов, так как при последующих сменах у самца повторяется то же самое число ветвей, но иногда рога еще усложняются. У четырехгодовалого самца одна из двух ветвей выше второго разветвления, иногда изгибы делятся снова и образуют боковой отросток. Рога с пятью ветвями — это высшая степень раз-

Европейская косуля
(*Capreolus capreolus*)

вития головного украшения косули, которая мне известна.

Всякого рода anomalies рогов встречаются у косули необыкновенно часто. В коллекциях можно видеть рога самой странной формы; одни из них имеют целый ряд настоящих, с охотничьей точки зрения, ветвей, другие лопатообразно сплющены и усажены отростками по краям. Встречаются самцы с тремя рогами и тремя дудками или с одной дудкой и одним

простым рогом. Бывают, наконец, так называемые париковые рога, которые состоят из большого числа округленных шишек, но ветвей не имеют. У очень старых самок также иногда появляются короткие дудки на лбу и вырастают небольшие рога. Радде получил из Саянских гор один рог, который рос у самки посередине лба. На них имеются четыре довольно длинные, выходящие из одного и того же основания ветви, расходящиеся в два противоположных направления.

Густая шерсть косули изменяется смотря по времени года, причем, как мне кажется, летом развиваются только волосы ости, а зимой исключительно подшерсток. Верхняя и наружная части туловища летом бывают темно-ржавого цвета, зимой буро-серого, нижняя и внутренняя стороны конечностей окрашены всегда светлее. Наружная часть ушей немного темнее, внутри они покрыты желтовато-белыми волосами. Задние части бедер резко отличаются своей светлой окраской; летом они желтоватого, а зимой белого цвета*. У телят по красноватой основной окраске выступают рядами маленькие кругловатые белые или желтоватые пятна.

За исключением самых северных стран, косуля распространена по всей Европе и по большей части Азии. В настоящее время она еще живет в Германии, Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Шотландии, Венгрии, Галиции, Трансильвании, по низовьям Дуная, в южной части Швеции, в Польше, в Литве и во всей северной России; в Турции и Греции встречается редко, но снова появляется в Крыму, на Кавказе, в Армении, Малой Азии, Палестине и Персии. Она встречается также в средней и южной частях Сибири, в местах, покрытых лесами, далее на востоке до устья Амура, и на юге до высоких гор Средней Азии; но в голых безлесных высоких степях попадает лишь редко и только отдельными экземплярами. В Швейцарии косуля почти истреблена, за исключением отдельных небольших стад, а там, где встречается, не уходит высоко в горы, между тем как на Кавказе поднимается на высоту 2000 м, а в горах южной Сибири даже на высоту 3000 м над уровнем моря.

Возможно, что *сибирскую косулю* (*Capreolus pygargus*), как особый, более крупный вид, следовало отделить от европейской**.

В общем, можно сказать, что внутри своей области распространения косуля водится как в больших лесах, так и в молодых рощах и порослях, если они только изобилуют кустарником, причем безразлично, расположены эти лесные пространства в гористых местностях или равнинных, состоят они из хвойного или из лиственного леса. Последние, если они растут на болотистой почве, по-видимому, особенно нравятся косуле. Зимой она с высот спускается в долины, летом же поднимается еще выше. В Сибири косуля ведет кочевую жизнь в периоды, когда ей становится

* Летом зеркало не развито, зимой же оно велико и имеет чисто-белый цвет.

** Сейчас косуль, обитающих в Азии выделяют в отдельный вид — *сибирскую косулю* (*С. pygargus*), действительно отличающуюся более крупными размерами (до 1 м в холке и до 59 кг), относительно крупными раскидистыми рогами, лучше развитым зеркалом. Сибирская косуля населяет южную и среднюю тайгу Урала, Сибири, степи и лесостепи северного Казахстана и северной Монголии, предгорные леса Средней Азии, широколиственные леса Дальнего Востока, Кореи и Китая. Сибирскую косулю акклиматизировали в лесостепных районах Поволжья и Предкавказья.

Семейство оленьевые

** Прыжки косули достигают 5 м в длину и 2,5 м в высоту.*

*** Косули обычно ведут одиночный образ жизни, лишь осенью иногда образуют смешанные стада до 20—30 голов, зимой разбиваются на группы по 2—4 особи.*

трудно или невозможно зимовать на летних стоянках. С наступлением холодного времени года она покидает места летнего пребывания, собирается в многочисленные стада и тогда уже окончательно избегает гор, чтобы провести зиму в лесах равнины. Нечто подобное можно встретить в наших высоких и средних горах, с той только разницей, что здесь эти странствования не простираются на столь большие пространства.

Движения косули проворны и грациозны. Она может производить удивительно большие дугообразные прыжки и без заметных усилий прыгает через широкие рвы, высокие заборы и кусты*, плавает и лазает так же хорошо. Косуля прекрасно слышит, чует и видит; хитра, осторожна, но притом и очень доверчива. «Каждый взгляд ее выражает ласку и доверчивость, — говорит Дитрих Винкель, — тем не менее она становится ручной только в том случае, если воспитана человеком с самых ранних лет; в противном случае, даже при самом лучшем уходе, сохраняет свойственную ей в диком состоянии робость и боязнь перед людьми и животными. Боязнь эта доходит до того, что в минуту опасности она легко теряет всякую способность к бегу, боязливо топчется на одном месте и нередко становится жертвой простых, совсем не быстрых крестьянских собак или хищных зверей. Только в таких парках, где мало стреляют и никогда не беспокоят косуль, они настолько перестают бояться человека, что, не смущаясь, продолжают пастись и тогда, когда человек проходит мимо них на расстоянии 20—30 шагов. Ни одну дичь нельзя чаще застать в логовище, чем косулю; там она или спит, или лежит, пережевывая жвачку; под густым кустом или в высокой траве косуля чувствует себя достаточно безопасно от бдительных взоров своих преследователей».

Что касается «ласковости и доверчивости», которые так превозносит Винкель, то при более близком знакомстве с косулей эти качества далеко не оправдываются. В молодости она действительно очень мила, но в старости своенравна, упряма и зла. Даже старая самка и та имеет свои причуды, но у нее недостает силы для того, чтобы выразить свои намерения. Но самец — неуживчивое, злое, властолюбивое животное; с более слабыми и нередко даже с самкой он обращается ужасно, подставляет рога всем животным, которых ему нечего бояться или которые более не пугают его, и может нанести очень опасные раны. Ему никогда не следует доверяться, потому что он в высшей степени непостоянен и изменчив, его раздражительность необыкновенно велика, нельзя также не упомянуть и о его настойчивости. Косули никогда не образуют таких больших стад, как олени. Большую часть года они живут семьей, самец с одной, редко с 2—3 самками и их детенышами. Стада в 12—15 экземпляров можно видеть только там, где недостает самцов. Зимой иногда сходятся несколько семейств и довольно долгое время живут вместе**. Телята до следующего периода теч-

ки остаются со взрослыми косулями, затем выгоняются и часто образуют самостоятельные стада. Днем косуля остается в одном из своих временных надежных убежищ; под вечер она отправляется пастись в молодые кустарники, лесные поляны и луга или на поля; под утро снова возвращается в чащу леса или в высокие хлеба, передними ногами разрывает мох или дерн и таким образом устраивает себе постель или логовище для отдыха. Она держится, хотя и непостоянно, определенных тропинок.

Едят косули почти то же самое, что и благородные олени, но избирают более нежные растения. Корм состоит главным образом из листьев, молодых побегов разнообразных лиственных деревьев, из почек хвойных деревьев, незрелых посевных злаков и разных трав. В Сибири, кроме этих и им подобных видов растений, едят побеги полыни, лапчатки и др. Косули очень охотно лижут соль, а чистая вода для них необходима, но в дождь или сильную росу довольствуются каплями на листьях. Они иногда забегают и в сады, вкусные овощи которых им нравятся, и при этом смело и ловко перепрыгивает через довольно высокие заборы. От оленей косуля отличается тем, что не вырывает картофель и не мнет так много злаков на полях, ложась в посевы; зато в лесах и садах обгладывает молодые деревья и этим причиняет ощутимый вред.

По странному стечению обстоятельств история размножения косули стала известна лишь в новейшее время. Много лет подряд шли споры о том, когда именно настает время течки у косули. Различали настоящую и ложную течку; полагали, что первая происходит в августе, а вторая в ноябре. История размножения косули в коротких словах следующая. После того как сброшенные взрослым самцом в октябре или ноябре рога образовались и разветвились снова, а самец также содрал с них кожу, что обыкновенно происходит в конце марта, самое позднее в апреле, он уже становится не таким безобидным. Но все-таки он еще не находится в возбужденном состоянии, ведет себя скорее как сносный сожитель самки и даже иногда как заботливый отец, принимает участие в уходе за своими и чужими детенышами. В половине июля эти прекрасные отношения прекращаются. Им овладевает беспокойство, страсть к борьбе и драке; сильный самец расстается со своими прежними сожителями, рыщет в окрестностях, угрожающим образом выходит навстречу другим самцам, довольно часто подает голос, издавая глухой отрывистый звук «бэ-бэ» или «бе-бе-бе», и начинает бегать за самками, с горячностью гоняет их взад и вперед. Его возбуждение возрастает с каждым днем; он часто с безумным ожесточением дерется со своим соперником, нападает и на других животных, в редких случаях на людей, истязает, даже убивает телят, когда их присутствие кажется помехой, бешено и беспощадно обращается с самками, которые не тотчас подчиняются его воле. Его ревность и драчли-

вость доходят до того, что он обыкновенно оставляет в стороне желанную красавицу и, не обращая на нее больше никакого внимания, ожесточенный и жаждущий боя, бросается на самцов, которые, как и он, гоняются за самками*. Косуля бывает беременна приблизительно 40 недель и, сколько известно, отличается от других своих родичей лишь тем, что зародыш необыкновенно долгое время пребывает в одном и том же состоянии. Однако может случиться, что самка оплодотворяется несколькими неделями позже, но рождает всегда вовремя**.

** Гон у косуль наступает в августе—сентябре. Самцы не собирают вокруг себя «гарем» из самок, но последовательно спариваются с двумя—тремя, ухаживая за каждой несколько дней. Детеныш, который еще находится с матерью, в это время держится отдельно. Как и для других оленей, для косуль характерны ритуальные поединки самцов.*

*** Для оплодотворенных в конце лета — начале осени самок косуль действительно характерна задержка в развитии оплодотворенной яйцеклетки, отчего беременность длится очень долго — 9—10 месяцев. У самок, спаривавшихся поздней осенью, латентной стадии нет, и они рожают детенышей одновременно с первыми — в мае—июне.*

Дня четыре или пять перед родами она приискивает себе спокойное место, по возможности в самой уединенной части леса, и там рождает телят. Самки, которые помоложе, обыкновенно рожают только одного теленка, те, которые постарше, имеют двух, в редких случаях трех. Мать с заботливостью прячет своих детенышей от каждого приближающегося врага и, предчувствуя малейшую опасность, предупреждает их знаками, топя одной ногой, или издает отрывистый звук, похожий на чириканье. В самой ранней молодости телята припадают к земле, как только слышат этот звук; впоследствии они спасаются вместе с матерью. В первые дни жизни телят, когда они еще совсем беспомощны, самка прибегает к притворству и старается отвлечь от них внимание врага. Если же она не могла воспрепятствовать похищению, то следует за похитителем и выражает свою озабоченность тем, что зовет детенышей, не переставая испуганно бегать взад и вперед.

Приблизительно на восьмой день после рождения мать берет детенышей с собой на пастбище, а спустя 10—12 дней они уже достаточно сильны, чтобы бежать за ней. Тогда она возвращается с ними на прежнее место, как бы с намерением представить отцу его потомство. Телята сосут матку до августа, но уже на втором месяце от роду едят мелкую зеленую траву. Мать учит их выбирать подходящую пищу. Четырнадцати месяцев от роду они достигают половой зрелости.

Уже в конце четвертого месяца лобная кость у косули образует выпуклость; в следующие затем четыре недели появляются маленькие, постепенно возвышающиеся шишки, а в зимние месяцы пробиваются первые рожки длиной в 8—10 см. В марте молодой самец с наслаждением и гордостью сбрасывает кожу с рогов, а в декабре сбрасывает рога. В течение трех месяцев образуются вторые рога. Они сбрасываются немного раньше, чем первые, и заменяются третьими. Старые самцы сбрасывают рога уже в ноябре.

За косулей охотятся почти таким же способом, как и за другими оленями, хотя в районах, где с дичью обращаются не поохотничьи, для истребления ее чаще пользуются дробовиком, нежели винтовкой. Опытные охотники во время течки приманивают самца, подражая любовному призыву самки, и затем убивают его. В Сибири местные жители на тропинках устраивают волчьи

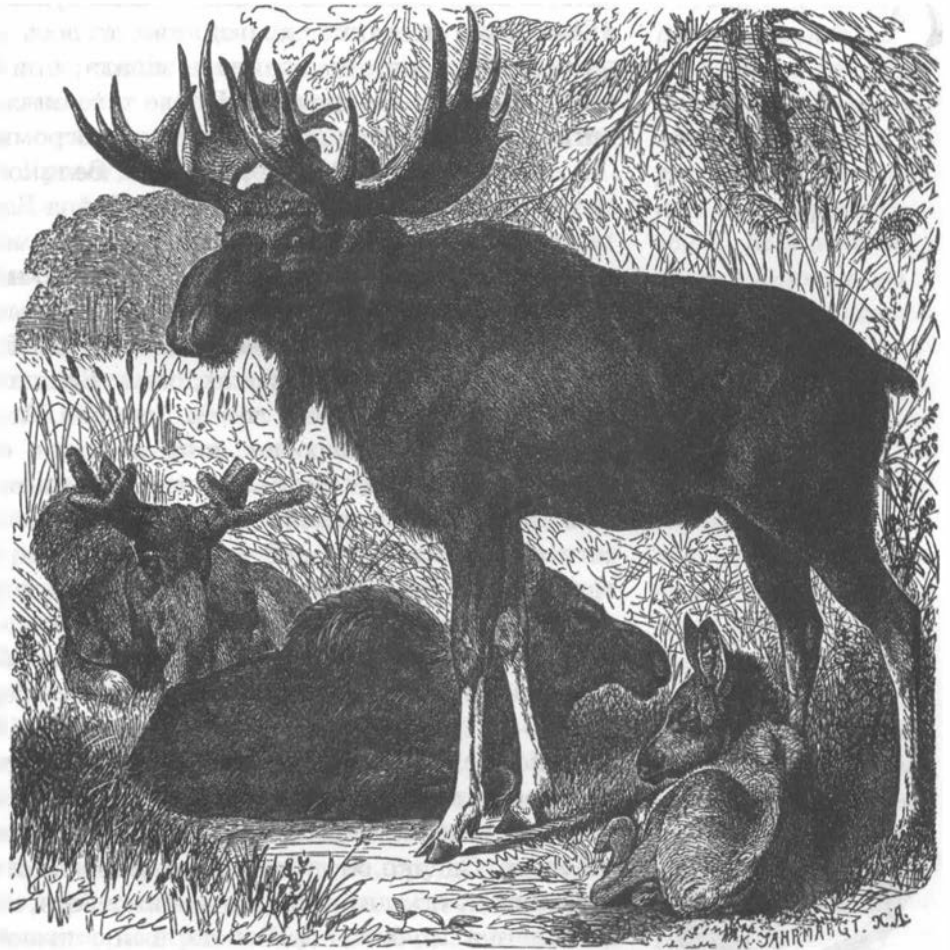
ямы, травят косуль собаками и на лошадях; когда снег после оттепели покрывается тонким слоем льда, осторожно подъезжают к ним на санях и убивают; закалывают животных, когда они переплывают реки во время своих странствий; в общем же ведут неправильную охоту, вроде того как немецкие браконьеры и крестьяне. Кроме человека косулю преследуют рысь, волк, дикая кошка и лисица; крупные хищники без различия преследуют больших и малых животных, мелкие — исключительно телят*. Польза, которую косуля приносит человеку, довольно значительна; вред, который она причиняет, относительно невелик. Тем не менее она беспощадно хозяйничает в молодых лесах и в течение нескольких дней может уничтожить долголетние труды лесничих. В Германии часто употребляют в пищу прекрасное мясо косули; рога, кожа и мех также идут в дело; в Сибири из меха шьют шубы.

Как в парке, так и в зоологическом саду или еще в более тесном заключении косулю труднее содержать, нежели других оленей, потому что необузданный нрав ее не терпит никакого принуждения.

Лоси (*Alces alces*) — очень крупные, несколько неуклюжие животные, с короткой и толстой шеей, широким и коротким туловищем, высокими ногами и ветвистыми рогами, концы которых расширены в виде лопаток и вырезаны наподобие пальцев. У них есть маленькие слезные ямки, волосяные пучки на внутренней стороне ступней и межкопытные железки; клыков вовсе нет.

Лось был хорошо известен с давних времен. «В Герценийском лесу, — пишет Юлий Цезарь, — живет лось — животное,

* Естественными врагами косули являются, помимо волка, рысь, россомаха, иногда даже лисица и харза.

Лось
(*Alces alces*)

похожее по виду и по шерсти на козу, но больше ее; эти животные не ложатся на землю, когда отдыхают, и не могут подняться, когда упадут. Чтобы спать, они прислоняются к деревьям, поэтому охотники подкапывают эти деревья или подрубают их так, чтобы они легко могли упасть вместе с прислонившимся к ним животным». Плиний прибавляет, что лось имеет очень большую верхнюю губу и потому, когда пасется на траве, должен пятиться назад, чтобы зацепить ее. Павзаний говорит, что рога бывают только у самцов. При Гордоне III в Рим было привезено 10 лосей. Во время своего триумфального въезда в Рим Аврелиан велел вести перед собой несколько лосей. В средние века тоже упоминается об этом животном, а именно в «Песне о Нибелунгах», где оно называется «Ело». Если предание справедливо, то лось встречался в те времена по всей Германии до крайнего запада; при описании охоты Зигфрида в Вогезах говорится: «После того он снова убил зубра и лося, четырех сильных туров и свирепого огромного оленя».

В грамотах императора Оттона Великого в 913 году мы видим запрет на охоту без разрешения епископа Бальдериха в лесах Дрента на Нижнем Рейне за оленями, медведями, сернами, кабанами и «за теми дикими животными, которых по-немецки называют «Ело» или «Schelo». Такой же запрет находим мы в грамоте Генриха II в 1006 году и в законоположениях Конрада II в 1025 году. В северогерманских торфяных болотах, около Брауншвейга, и других местах до сих пор находят рога лосей. Епископ Упсальский Олаус Магнус первый дал более подробное описание лося. «Эти животные, — говорит он, — подобно оленям, рыщут большими стадами в пустынях, и охотники часто загоняют их большими собаками в расставленные сети и западни, чтоб потом убить кольями и стрелами; горностаи тоже иногда бросается на них, когда они стоят прямо или пасутся, хватая их за горло и прокусывает его так, что они истекают кровью. Но с волками лоси иногда вступают в бой и часто убивают их ударами копыт, особенно на льду, где лоси держатся крепче, нежели волки». «В Померании, — говорит Канцов (1530 г.), — есть большие вересковые пустыри, где разводят лосей. У этого животного нет никаких средств для защиты. Правда, у него широкие рога, но он не умеет ими пользоваться, а прячется от врагов в непроходимые леса и болота. Однако он далеко чувствует человека и собаку, что тоже часто его спасает, но едва собаки догоняют лося, как охотники его тотчас же ловят или убивают. Копыта лося считаются хорошим средством против падучей болезни, поэтому из них делают кольца и носят на пальце. Некоторые думали, что у него ноги не сгибаются в коленях, но это неверно». Геснер, который передает нам басни древних писателей о лосе, придерживается того же мнения: «Это животное действительно жалкое, и, с полным правом названное несчастным, оно постоянно страдает от разных болезней, от которых, говорят, избавляется только тогда, когда положит копыто правой задней ноги в левое ухо».

В последнее столетие в Европе повсеместно стало очень быстро уменьшаться количество этих животных. В Саксонии последний лось был убит в 1746 году, в Селезии, по словам Гаугвица, — в 1776 году. В Померании он, кажется, продержался так же долго; в восточной Пруссии в это время лоси были еще довольно распространены; но и здесь, уже после Семилетней войны, пришлось издать указ об охране этих животных. В начале этого столетия в лесах Шорель, Тзулькиен и Скаллизен было еще много лосей. В лесу Ибенгоред, около Тильзита, они под защитой королевского постановления сохранились до наших дней. Хотя количество этих животных в 1848 году, когда были временно уничтожены все охранительные законы, уменьшилось там до шестнадцати, а в следующем году даже и до одиннадцати, но строгий надзор и привоз шведских лосей снова увеличил их число, так что к 1874 году, по заявлению главного королевского лесничего Акста, в Ибенгорецких лесах насчитывалось до 76 лосей, а в настоящее время до 100. Кроме того, в Кенигсбергском округе находятся еще до 70—80 лосей. Вот почему и до сих пор мы можем считать лося немецким животным.

Кроме этих лесных уголков, находящихся под строгим надзором, лосей встречают в более северных широтах, во всех богатых лесом странах Европы и Азии. В нашей части света он встречается в прибалтийских низменностях, следовательно, кроме восточной Пруссии, в Литве, Курляндии и Лифляндии, а также в Швеции и Норвегии и почти во всех лесах северной России. В Норвегии водится в юго-восточных провинциях, в Швеции — в прилегающих к Норвегии западных провинциях. В Азии лось еще гораздо более распространен, чем в Европе. Там он живет от 50 градуса северной широты до Амура и встречается везде, где есть густые леса. В бассейне Лены, близ Байкальского озера, на Амуре, в Монголии и в земле тунгусов он встречается еще в значительном количестве*.

Лось — огромное животное. Длина туловища от 2,6—2,9 м, длина хвоста приблизительно 10 см, высота в плечах 1,9 м. Масса очень старых лосей достигает иногда 500 кг; средний же вес нужно считать 350—400 кг**.

Туловище сравнительно короткое и толстое, грудь широкая; на загривке нечто вроде горба, спина прямая, а крестец опущен. Ноги очень высокие, сильные, все равной длины и оканчиваются узкими прямыми глубоко рассеченными копытами, соединенными между собой растяжимой перепонкой. Задние копыта легко касаются земли, если почва мягкая. На короткой сильной шее сидит большая вытянутая голова, которая у глаз сужена и оканчивается длинной, толстой, раздутой, спереди как бы обрубленной и тупой мордой. Морда эта сильно обезображена хрящевым носом и толстой, сильно вытянутой верхней губой, которая очень подвижна, морщиниста и покрыта волосами***.

** В Европе лось сохранился только в Скандинавии, Польше, Прибалтике, Белоруссии и северных районах Украины. В России распространен по всей лесной зоне до широколиственных лесов, по долинам рек заходит в степную и тундровую зоны. Был истреблен на Кавказе, но сейчас восстановлен в Предкавказье.*

*** Лось — самое крупное копытное таежной зоны и крупнейший современный олень. Американские и восточносибирский подвиды лоса достигают 2,3 м в холке и веса до 800 кг. Европейские, западносибирские и дальневосточные лоси заметно мельче, весят порой всего 270—350 кг, достигают в холке 1,4—1,8 м.*

**** Под нижней челюстью лоса находится кожный вырост — «серьга», часто она покрыта густыми длинными волосами — «бородой».*

** Наиболее крупные и красивые рога украшают восьмилетнее животное, позже они становятся менее эффектными.*

*** Цвет шерсти варьирует от сезона и местности, летом он рыжевато-коричневый, зимой — серо-бурый, до черноватого. Ноги большинства подвидов лосей одеты в белесые «чулки».*

**** Раздвинув пальцы и увеличив площадь опоры ноги, лось лучше любого копытного может перемещаться по топкой почве. Летом лоси много времени проводят в воде, спасаясь от гнуса и питаясь водными растениями. На голом льду лось беспомощен, зато хорошо ходит по глубокому снегу благодаря длине ног. Как и другие копытные, лось не любит наст. Лось меньше тяготеет к горным местностям, чем другие олени.*

Маленькие тусклые глаза глубоко сидят в глазных впадинах, слезные ямки незначительны. Большие, длинные, широкие, но остроконечные уши расположены на задней части головы, но так подвижны, что могут быть пригнуты друг к другу. Рога взрослого лося очень велики. Широкие и плоские, они имеют треугольную лопатообразную форму. Рога эти направлены в стороны и поддерживаются короткими, толстыми, округленными дудками. В первую осень у молодого самца замечается на месте рогов волосистый бугорок; на следующую весну вырастает дудка; на вторую весну — второй отросток длиной около 30 см, который отпадает только в следующую зиму. Рога затем разветвляются все более и более. На пятом году образуется плоская лопатка, которая расширяется и разделяется по краям на все большее число зубцов, иногда доходящих до 20. Главные ветви также срастаются с лопаткой. Эти рога весят до 20 кг*.

Шерсть лося длинная, густая и прямая. Она состоит из волнистых, тонких и ломких волос ости, между которыми находится короткий, тонкий подшерсток; по вершине затылка проходит большая, очень густая, посередине разделенная грива, которая отчасти продолжается на шее и груди и бывает длиной до 20 см. Цвет шерсти равномерно рыжевато-бурый; на гриве и по сторонам головы он переходит в блестящий темный черно-бурый**.

От октября до марта цвет шерсти светлее. Самка не меньше самца, но рогов не имеет, копыта ее длиннее, задние копытца короче и менее оттопырены. В России лось-самец называется «сохатый».

Дикие пустынные леса, изобилующие непроходимыми болотами и топями, особенно такие, в которых преобладают ветла, береза, осина и вообще лиственные деревья, служат местом жительства лосей. Болота и топи, кажется, совершенно необходимы для его благоденствия и здоровья. Это неуклюжее животное скрывается летом в глухих и сырых местах, а зимой выходит на более открытые. В тихую, ясную погоду лось предпочитает лиственные леса; в дождь, снег и туман — хвойные. Чувствуя недостаток в пище и покое, он часто меняет свое местопребывание. В России и на Скандинавском полуострове кочует на большие расстояния. В Восточной Сибири в очень снежные зимы доходит до безлесных высоко расположенных степей, которых летом старательно избегает***.

Лось никогда не устраивает себе ложа, а располагается прямо на земле, не обращая внимания, болото или топь, сухую землю или покрытую снегом почву избрал он для своего отдыха.

Лоси соединяются в стада различной величины, и только во время рождения телят старые самцы отделяются и образуют новые общества. В тех странах, где лоси распространены повсюду, но попадают редко, как, например, в Восточной Сибири, они со-

единяются зимой в небольшие группы, а летом странствуют по одиночке или семьями — мать с телятком*.

Лось ненавидит всякого рода беспокойства. В безопасном для себя месте он спит только утром и после полудня, а начиная с 4 часов дня и до раннего утра — пасется. По словам Вангенгейма, пища его состоит из листьев и побегов болотной ивы, березы, ясеня, осины, рябины, клена, липы, дуба, сосны и ели, а также из молодого тростника и камыша. На болотах он ест вереск, пушицу, хвощи, которыми плотно набивает брюхо. В мае и июне хвощи и одуванчики составляют его главную пищу.

Исследователи единогласно замечают, что лось не ест хлебных злаков. «Сколько раз я не справлялся об этом, — пишет мне Левис, — я никогда не слышал в Лифляндии о том, чтобы лось заходил в хлеба или льняные поля и производил там опустошения. Наоборот, я часто замечал, что лоси предпочитали растущие около хлебного поля тростник и кустарники». Мейеринк замечает: «Хлебные поля они никогда не посещают, не едят ни картофеля, ни полевых овощей, ни плодов, растущих на деревьях. Они питаются ивняком, ветлами, вереском, черникой, сосновыми побегами и даже багульником — растением, до которого не дотрагивается никакое другое лесное животное. Полям они могут повредить разве только тем, что случайно пройдут по хлебу и истопчут его своими большими копытами».

В Восточной Сибири лось главным образом питается побегами карликовой и кустовой березы. С особенным удовольствием лакомится мясистыми корневищами некоторых водяных растений, для этого он спускается летом в долины к озерам и добирается до них вплавь. Лоси очень ловко обламывают ветки с помощью своей длинной хоботообразной губы. При сдирании коры с деревьев пользуется зубами как стамеской, отрывает кусок, захватывает его губами и зубами и дерет кверху длинной полосой. Более высокие стволы головой наклоняет вниз и обламывает верхушки; при этом он, конечно, предпочитает деревья и кусты с сочной корой — осину, ясень, иву, тополь, так что нередко объедает кору даже с очень больших деревьев. Из хвойных более любит сосну, тогда как ели касается только в крайнем случае**. Лось постоянно чувствует потребность в воде и должен много выпить, чтобы вполне утолить свою жажду.

Движения у лося далеко не так грациозны и легки, как у благородного оленя, он не может долго бежать, но ходит быстро и подолгу. Некоторые наблюдатели утверждают, что лось может пройти 30 миль в день. Завидев человека, он обыкновенно на минуту останавливается, а потом отправляется дальше, редко оборачивается в случае опасности, а чаще продолжает идти с прежним спокойствием***.

Лось слышит отлично, но зрение и чутье у него не очень тонки. Он кажется неуклюжим и глупым, что, по-видимому, и

* Лоси — территориальные звери, индивидуальный участок составляет 5—10 км².

** Скусывая верхушки молодых сосен, лось местами вредит лесопосадкам. Уменьшение численности лося в ряде районов связывают с выходом лесопосадок из оптимального для кормежки животных возраста.

*** Лось не очень подвижен, передвигается в основном широким шагом или рысистой иноходью, при опасности может короткое время бежать галопом, развивая скорость до 55 км/ч. Хорошо плавает, может проплыть без остановки до 20 км, ныряет на глубину до 5 м за водными растениями. Во время сезонной миграции на севере ареала лось преодолевает до 200 км.

** Во время гона становятся агрессивны как самцы, так и самки. Голос лося звучит как глухое отрывистое уханье или мычание, тем не менее слышимое до 3 км. Охотники называют его «стоном». Гон продолжается до 2 месяцев, иногда на турнирные бои собирается до 30 быков. Настоящего «гарема» не образуется, хотя самец меняет самок, но каждый данный момент времени ухаживает за одной.*

*** Нередко лосенок остается с матерью и после рождения следующего помёта. Половая зрелость наступает после 2 лет.*

**** Поголовье лосей больше всего страдает от волков, нападающих на животных стаей. Охоты волков по глубокому снегу или насту бывают особенно удачливы. Остальные хищники нападают на лося эпизодически.*

оправдывается на самом деле. Все поступки его указывают на ограниченный ум. Он совсем не робок и не может быть назван осторожным, едва умеет отличить настоящую опасность от воображаемой, на все окружающее смотрит безучастно, трудно приспособливается к обстоятельствам и вообще мало способен к изменению своих привычек. Твердого сплоченного стада у лосей не заметно. Каждое отдельное животное действует по собственному усмотрению, и только телята следуют за матерью. Еда и покой, кажется, составляют высшую задачу лося, только половое возбуждение несколько изменяет однообразие его жизни.

Старые лоси сбрасывают рога в ноябре или не ранее октября, молодые месяцем позже. Вначале рост новых рогов идет чрезвычайно медленно и только с мая начинает продвигаться быстрее. В европейской и азиатской части России течка наступает в сентябре или октябре. В это время самцы очень раздражительны. Вообще говоря, лоси редко подают голос, только в исключительных случаях старые самцы кричат, подобно оленям, причем испускаемый ими звук значительно сильнее, ниже и громче; но во время полового возбуждения голос их звучит, почти как у благородных оленей, лишь отрывистее и жалобнее. Этим криком они вызывают на единоборство своих соперников, с которыми потом вступают в ожесточенную борьбу*. В это время лоси без устали, день и ночь, перебегают с места на место, низко опустив голову, как бы отыскивая чей-то след, преследуют целыми днями взрослых самок и даже переплывают за ними широчайшие реки. Старые самцы отгоняют молодых, которые редко находят возможность удовлетворить свое естественное побуждение. Беременность самки продолжается до 36—38 недель, в конце апреля она мечет в первый раз одного детеныша, а в следующий раз — двух и большей частью разного пола. Крайне редко случается, что родятся за один раз три теленка, да и то они почти всегда так слабы, что умирают. Телята вскакивают на ноги, как только мать их оближет, но вначале шатаются из стороны в сторону, как пьяные, и мать должна подталкивать их, чтобы сдвинуть с места. Но уже на третий или четвертый день они бегут за матерью; сосут ее почти до следующей течки, даже тогда, когда становятся так велики, что должны под нее ложиться, чтобы сосать. Мать горячо любит своих детенышей; если ей не удастся отстоять их, то она отыскивает след и бродит целыми днями по тому месту, где их захватили**.

Левис пишет мне, что в ранней молодости лоси так пугаются всякого нападения, что сразу ложатся на землю и без всякого сопротивления даются в руки охотнику.

Несмотря на силу, у лося, кроме человека, еще много врагов, например волк, рысь, медведь и росомаха***. Волк может осилить его зимой, в то время, когда снег покрывает землю густым слоем; медведь подкарауливает отдельных животных, но остере-

гаются нападать на группу, а рысь и росомаха прячутся за деревья и прыгают на спину проходящего мимо них лося, вцепляются когтями в шею животного и перекусывают ему сонные артерии. Эти звери самые опасные враги сильного лося; тогда как волки и медведи сами должны остерегаться его, ведь лось, даже в то время, когда у него нет больших рогов, умеет защищаться крепкими и острыми копытами передних ног. Одного ловко направленного удара достаточно, чтобы убить наповал или изувечить волка.

Лось мало обращает внимания на животных, кроме хищных зверей и несносных паразитов. Иногда его даже находят среди стад рогатого скота. Как сообщает Радде, поздней осенью 1851 года около озера Тарайнор в Азии появились шесть лосей и присоединились к стаду коров, с которыми они мирно паслись несколько дней. Прогнанные жителями степей, которые никогда не видели таких животных, они отправились назад по той же дороге, по которой пришли, оставаясь еще некоторое время около пограничного поста в Дурулугинске, и отсюда опять ушли в леса. В начале сентября 1867 года подобный случай произошел в лесу Ибенгорста. Однажды после полудня пастух, пасший стадо, увидел большого лося, который шел из соседнего леса, находившегося на расстоянии 800 шагов от него; лось этот направился напрямик к стаду коров. Когда он приблизился, его увидел бык, бросился на него и вступил с ним в драку. Между ними произошел ужасный бой, потому что лось, находившийся в половом возбуждении, принял вызов. Вскоре он одержал верх над быком, повалил его на землю и с громким ревом принялся так безжалостно бодать побежденного врага в бока, не обращая внимания на крики пастуха, что бык не мог подняться. Пастух побежал за помощью на соседний двор, но даже когда прибежали несколько человек и начали кричать, лось продолжал бить быка рогами. Только убедившись, что его неосторожный противник лежит на земле побежденный, измученный и беззащитный, лось спокойно удалился, победоносно подняв голову, и отправился назад по той же дороге, по которой пришел. Бык был весь изранен и получил несколько тяжелых повреждений.

Лоси, пойманные в молодости, быстро становятся ручными, их даже можно приучить к тому, чтобы они уходили на пастбище и снова возвращались в хлев. Однако у нас они редко долгое время переносят неволю. Говорят, что в Швеции лосей, пойманных молодыми, приручали настолько, что их можно было использовать для езды на санях. Но прибавляют, что закон запретил подобное превращение диких зверей в домашних на том основании, что вследствие быстроты бега и выносливости лосей невозможно было догнать преступников, убежавших на них. Позднейшие попытки сделать лосей домашними животными не удалась*.

На лося охотятся или из засады, или с загонщиками, или же посредством крепких сетей. На крайнем севере охотники пре-

* Лось весьма перспективен в качестве домашнего животного таежной зоны. В России существует опытная лосеферма на Урале, где лоси используются в качестве вьючных, верховых, упряжных животных; прирученные лосихи доят (до 430 л молока жирностью 8—13% в год от одной особи). В неволе живут до 27 лет.

следуют лося на лыжах и стараются загнать его на лед, где и убивают. Польза, которую извлекает человек из убитого животного, значительна. Мясо, шкура и рога его употребляются так же, как оленье. Мясо жестче, но мех плотнее и лучше, чем у оленя. В средние века кожа лося (лосина) высоко ценилась и дорого стоила. «Из его кожи, когда она обработана в виде замши, — говорит старый Геснер, — делают хорошие куртки, которые выдерживают дождь, удары и уколы оружия, и еще употребляются вместо брони. Лосиная кожа стоит от 3—4 червонцев и отличается от оленьей тем, что она скважная, и если держать под ней руку, то чувствуешь сквозь нее дыхание». И в позднейшие времена кожу этого животного ценили выше, чем кожу других животных, почему и охотились за лосем без пощады. При императоре Павле I были настоящие гонения на лосей, так как из лосины шили рейтузы для кавалеристов русской конницы. Некоторые северные народы считают лакомством рога, когда они еще в хрящевом состоянии, а также уши и язык лося. Лапландцы и сибиряки расщепляют сухожилия и употребляют их так же, как сухожилия северных оленей. Особенно славятся кости лося: они тверды и ослепительной белизны. В прежние времена из разных частей его тела приготавливали лекарства; в древней Пруссии это животное почитали за божество. В особенности высоко ценились копыта лося, потому что их считали превосходным средством против падучей болезни и других немочей. За них очень дорого платили; рога скоблили напильником и принимали внутрь этот порошок, носили кольца из копыт и употребляли в дело иным образом. Умные люди уже в конце XVI столетия не верили в целебные свойства этих копыт. Геснер говорит: «Я узнал, что такие средства иногда помогали, иногда нет; все-таки я думаю, что действие этого лекарства во многом зависит от силы веры. Мнение, что копыта лося помогают от падучей болезни, возникло из-за того, что животное само часто страдает от этой болезни. Вместо копыт лося (этого надо остерегаться!) цирюльники и шарлатаны продают иногда коровьи копыта. Однако есть люди, которых нельзя ввести в обман; не обращая внимания на другие признаки, они отличают копыта по запаху: если отколоть кусочек и бросить на горячие угли, то копыта лося хорошо пахнут, тогда как коровьи дурно».

Североамериканский лось отличается от лося, живущего в Старом Свете, главным образом глубокими надрезами на рогах и отделившейся от сплошного рога главной ветвью, редкими волосами на холке и более темным цветом шерсти. Животное это еще не вполне исследовано, хотя некоторые естествоиспытатели берутся определить его не только по шкуре, но и по копченным окорокам. Я видел его живого рядом с нашим европейским лосем, но не был в состоянии найти между обоими животными существенно важного различия и думаю, что едва ли его можно считать за отдельный вид. Рога североамериканского лося больше и тяжелее, чем у нашего, и достигают 30—40 кг*.

** Размах рогов некоторых лосей Аляски и Западной Канады достигает 2 м. Почти такие же рогачи встречаются на Колыме в Сибири.*

Гамильтон Смит описывает его: «Североамериканский лось — самое большое животное из семейства оленей, потому что у загривка он выше лошади. Животное это производит своей громадностью сильное впечатление; если кто отрицает это, тот, вероятно, видел только чучело самки или детеныша. Мы имеем случай видеть самцов на свободе, в полном расцвете возмужалости, с хорошо развитыми рогами, и должны сознаться, что ни одно животное не производит такого поражающего впечатления».

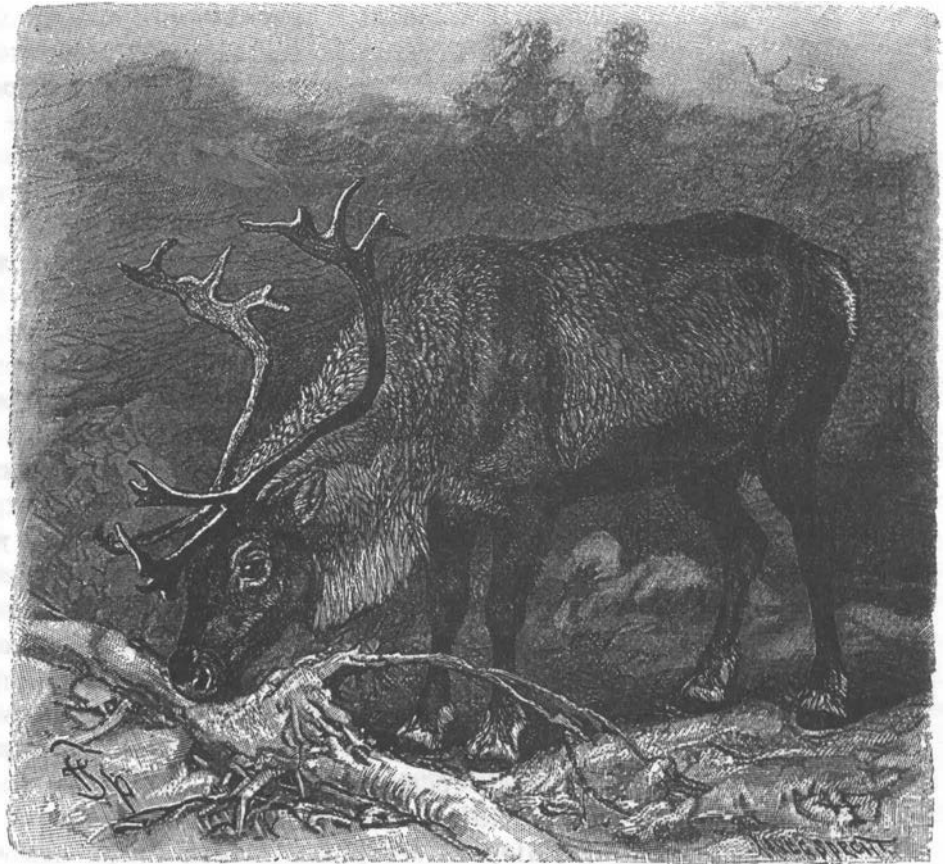
В настоящее время североамериканский лось водится лишь на севере Америки под 65 градусом северной широты. Маккензи находил его на вершинах Скалистых гор.

Североамериканский лось сбрасывает рога позднее, чем европейский, обыкновенно в январе и феврале, а в суровые зимы только в марте. Пища его, вероятно, такая же, как у европейского лося.

Индейцы усердно гоняются за североамериканским лосем и охотятся на него различными способами. Одна из любимых уловок их состоит в том, чтобы загнать животное в воду, где они в лодках окружают его и без труда убивают. Индейцы уверяют,

что, поев мяса лося, можно смело предпринимать самое длительное путешествие. Из рогов животного они выделывают большие ложки, кожей обтягивают лодки.

Северные олени (*Rangifer tarandus*), как самки, так и самцы, имеют рога, которые, начиная с короткой дудки, дугообразно изогнуты; на концах они расширены в виде лопаты; надглазные ветви, часто состоящие из одного отростка, имеют форму пальцев и покрыты неглубокими бороздами. Широкие копыта и длинные, но тупые задние копытца отличают этот вид оленей от других. Внешность северных оленей довольно неуклюжая, особенно некрасивая голова, ноги сравнительно

Северный олень
(*Rangifer tarandus*)

короткие, хвост мал. Только старые самцы имеют в верхней челюсти клыки, да и то не всегда.

Северного оленя следует отметить как самое полезное животное этого семейства. Целые народы обязаны ему своим благосостоянием и даже жизнью. Без этого несколько необычного домашнего животного они не могли бы существовать. Лапландцам и другим северным народам олень более необходим, чем нам рогатый скот или лошадь, а арабу — верблюд и коза, потому что он заменяет им почти всех прочих домашних животных. Домашний северный олень дает мясо, чтобы накормить, шкуру, кости и жилы, чтобы одеть своего хозяина; он дает молоко, служит вьючным животным и на легких саночках перевозит семейство лопаря или самоеда со всем его домашним скарбом с одного места на другое — другими словами, северный олень делает возможной кочевую жизнь северных народов.

Северный олень довольно крупное животное величиной с благородного оленя, но ниже его. Длина туловища 1,7—2 м, хвоста — 13 см, высота у загривка — 1,08 м. Рога уступают по величине и тем более по красоте рогам благородного оленя, но тем не менее довольно велики.

Туловище у северного оленя отличается, кажется, только более широким задом, но шея и голова гораздо толще и не так красивы, ноги ниже и копыта менее изящны. Северному оленю недостает гордой осанки благородного оленя; он держится не так красиво, как это животное. Шея почти такой же длины, как и голова, толстая, сжатая и очень мало вытянутая вверх; морда немного суживается, переносье прямое, уши короче, чем у настоящего оленя, но такой же формы; глаза большие и красивые; слезные ямочки малы и покрыты пучками волос, кончик носа совершенно оброс шерстью; ноздри расположены вкось; верхняя губа отвисла; рот очень широк. Бедрa толстые; ноги мясистые и низкие; копыта очень большие, широкие, плоские, приплюснутые и глубоко надрезанные; задние копытца почти касаются земли. Дикие олени сложены гораздо красивее и изящнее, чем домашние, которые несколько не облагородились.

Шерсть северных оленей гуще, чем у всех прочих видов. Волосы очень длинные, густые, вьющиеся, волнистые, довольно жесткие и хрупкие; только на голове и на передней части шеи они мягче и более упругие; на ногах они еще длиннее. На шее находится грива, которая иногда спускается до груди; на скулах волосы также удлиняются. Зимой шерсть по всему телу достигает 6 см длины, а так как волосы лежат очень густо один на другом, то образуется руно по крайней мере в 4 см толщины, что вполне объясняет, почему северный олень очень легко переносит сильную стужу. Дикие северные олени меняют два раза в год шерсть и ее цвет. У домашнего северного оленя шерсть летом на голове, спине, брюхе и ногах темно-бурая; темнее всего, почти чер-

ная, на хребте, светлее на боках. Шея гораздо светлее спины, нижняя часть тела белая, лоб обыкновенно темно-бурого цвета, глаза окружены черным кольцом, голова с боков белая. Зимой темный цвет пропадает, и везде прорастают белые волосы. Многие северные олени отличаются зимой только более длинной шерстью, а цвет не меняют*.

Рога самок обыкновенно меньше и не так сильно разветвлены, как у самцов**.

Но у тех и у других стволы рогов очень тонкие и только у основания закруглены, а кверху делаются плоскими. Надглазная ветвь, которой на одном из рогов часто не бывает, оканчивается широкой лопаточкой и так близко подходит к морде, что между ними с трудом можно просунуть палец. Над ней возвышается средняя ветвь, которая также плоская и ветвистая. Конец рога имеет форму вытянутой лопатки с разнообразными зубцами. Чрезвычайно редко можно встретить правильно развившиеся рога, как у благородного оленя; часто случается, что даже главные ветви, например надглазная, почти исчезают. Американский северный олень, называемый «карибу», имеет не такие большие рога и более темный цвет, живет уединенно, преимущественно в лесах***.

Уже древние знали северного оленя. Юлий Цезарь описывает его довольно верно: «В Герцинийском лесу водится бык, похожий на оленя, у которого находятся рога большей величины, чем у прочих быков; верхушка рога разделяется на зубцы наподобие пальцев руки. У самки такие же рога». Плиний в своем описании смешивает северного оленя с лосем. Элиан рассказывает, что дикие скифы ездят на ручных северных оленях верхом, как на лошадях. Олаус Магнус приписывает северному оленю три рога: «Два больших рога расположены, как у оленя, но только ветвистее и имеют иногда до 15 ветвей. Третий рог находится посреди головы и служит для защиты от волков». Этот писатель знает, что пища северных оленей состоит из горного мха, который они откапывают из-под снега; их держат и стерегут стадами; в другом климате они быстро вымирают. Он рассказывает, как король Шведский в 1533 году подарил десять северных оленей нескольким прусским вельможам, которые их выпустили на волю. Сообщает, что пастухи с пасущимися оленями проходят ежедневно до 50 тысяч шагов. Животные эти используются для далеких путешествий, шкуры их употребляются на одежду, постели, седла, жилы — на шнурки и нитки, кости и рога — на лук и стрелы; копыта — как средство против судорог и т. д. Следующие естествоиспытатели смешивали правду с вымыслом, пока Шеффер из Страсбурга в 1675 году довольно верно не описал это животное в своем сочинении о Лапландии. Великий Линней первым из ученых, и весьма тщательно, наблюдал северного оленя. После него очень многие естествоиспытатели описывали северного оленя, потому о нем собрано достаточно сведений.

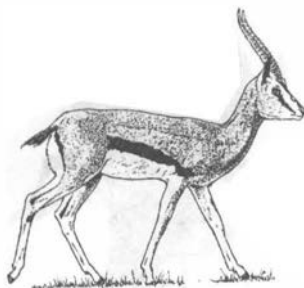

* Окрас вида очень изменчив, от почти черных до практически белых животных. Наиболее распространенный тип окраса — бурый корпус, светлые плечи и шея с волосным подвесом, темная голова, ноги, полоса на боку, белые конец морды, живот и небольшое зеркало. Домашние олени часто бывают пегими.

** Рога самок редко больше 50 см в длину. Они часто бывают асимметричны, впрочем, и у самцов асимметрия рогов развита больше, чем у других оленей.

*** Всех северных оленей в Америке, включая тундровые популяции, называют «карибу».

Семейство оленьевые

** Северный олень населяет большинство островов Арктики, тундровую и таежную зоны Старого и Нового Света. Изолированная популяция живет в Скалистых горах США. В Европе дикие олени в небольшом числе сохранились в Скандинавии, на Кольском полуострове, в Большеземельской тундре, одичавшие северные олени живут в Исландии и Шотландии. В ледниковый период ареал северного оленя был намного шире.*

*** На большей части Сибири, Аляски, Канады северный олень — типично таежное животное, на юге ареала придерживается горных хвойных лесов на высоте до 2500 м.*

Родина северного оленя — север Старого Света и северные страны Нового Света. Он встречается везде севернее 60 градуса, постоянно его еще находят около 80 градуса; в некоторых местностях спускается до 52 градуса. В диком состоянии его можно встретить на покрытых снегом горах Скандинавии и Лапландии, в Финляндии, во всей северной Сибири, Гренландии и на самых северных горах материка Америки. Этот олень живет на Шпицбергене; в Исландии, куда был завезен более 100 лет назад, он совершенно одичал и распространился по всем горам этого острова. В Норвегии я встречал северных оленей в значительном числе. В северной Азии северные олени распространяются гораздо дальше на юг, но там нигде не попадаются в большом количестве. В настоящее время они живут еще небольшими стадами в восточной части Саянских гор, у истоков Иркутка, Китая, около Байкальского озера и на Яблоновом хребте, но и здесь год от года встречаются реже. Напротив, трудно найти в Азии гору севернее 50 градуса северной широты, где бы не было северного оленя; на всем этом пространстве он водится в значительном числе, как в диком, так и в домашнем состоянии*.

Северный олень такое же дитя гор, как и серна, и водится только на обширных, безлесных, покрытых мхом и скудной альпийской травой площадях и никогда не заходит в лесную полосу. Голые горные склоны на высоте от 1000 до 2000 метров над уровнем моря, где между камнями прозябает скудная растительность, или те обширные тундры, которые кое-где покрыты ягелем, надо считать главным местопребыванием дикого северного оленя, и только при переселении с одной горной цепи на другую проходит он через болотистые, вязкие, низкие равнины, но и при таких переходах избегает лесов. Паллас сообщает, что в северной Сибири это животное попадает иногда в лесах, и Врангель подтверждает это**.

От этих писателей мы узнаем, что в Сибири северный олень совершает длинные и регулярные путешествия. Чтобы избавиться от оводов, олень, по Палласу, переходит летом с открытых мест в леса и возвращается оттуда в тундры только к зиме. Как при переходах через горы, так и во время странствий по равнинам северные олени соединяются в громадные стада, которые идут, напоминая своими рогами движущийся лес, вытаптывают длинные тропинки и переходят через большие реки приблизительно в одних и тех же местах. Самки с детенышами открывают шествие, а самцы замыкают его. «К концу мая, — дополняет Врангель, — северный олень большими стадами покидает леса, где зимой ищет защиты от страшного холода и направляется в тундру, отчасти потому, что находит там лучшую пищу, отчасти, чтобы спастись от мух и комаров, которые с наступлением весны несметными роями стоят в воздухе. При весеннем переходе северные олени не имеют большого значения для тамошних жителей, потому что

в это время года они очень тощи и от укусов насекомых покрыты желваками и ранами; но в августе—сентябре, когда животные возвращаются с равнины снова в лес, они здоровы, тучны и дают вкусное питательное мясо. В благоприятные годы переселяются тысячи северных оленей, которые, хотя и разделяются на стада в 200—300 голов, но все держатся близко друг к другу, так что вместе образуют несметную массу. Дорога их неизменно одна и та же. Для перехода через реку они выбирают такие места, куда ведет сухая покатая дорога, а на противоположной стороне находится отлогая отмель, которая облегчает им подъем на берег. В воде животные теснятся друг к другу, и вся поверхность покрывается плывущими оленями».

На Американском материке, так же как и в Сибири, животные спускаются с гор к морскому берегу и обратно. По показанию Франклина, они оставляют прибрежные страны с рожденными здесь детенышами в июле—августе, в октябре достигают границы скудной полосы, а зимой ищут защиты и пропитания в лесах. Едва начинает таять снег, как они снова выходят из лесов и мало-помалу переселяются на равнины. Следом за ними идут стаи волков, и многие олени становятся их жертвами. А толпы индейцев поджидают их в проходах, где животные делают ежегодные остановки.

В Норвегии северные олени не странствуют, а самое большое переходят с одной горной цепи на другую; как далеко простираются эти переходы — еще не известно. Зато в родных горах они находят все необходимое для жизни. Во время размножения комаров удаляются к глетчерам и снеговым полям; осенью, зимой и весной спускаются в нижние пояса гор. Все дикие северные олени в высшей степени общительны. Стада их гораздо больше, чем у других видов; отдельных животных можно встретить чрезвычайно редко, и это всегда старые самцы, которые изгоняются из стада*.

Олени прекрасно приспособлены к жизни в тех северных странах, которые летом представляют болото, а зимой — сплошное снеговое поле. Широкие копыта помогают им так же хорошо ходить по болотистым и снежным местам, как и удерживаться на крутых скатах. Они ходят довольно скорым шагом или быстрой рысью. При медленном передвижении по болотистым тундрам так раздвигают копыта, что след, оставляемый ими, более напоминает след коровы; подобным образом ходят они по снегу, в котором не тонут. Плавают северный олень очень легко**.

Внешние чувства у него превосходно развиты. Обоняние действительно выдающееся и простирается на 500—600 шагов, в чем я лично убедился; слышит хорошо, а видит так зорко, что охотникам приходится старательно скрываться, идя даже против ветра. В хорошем осязании его легко убедиться, когда кусают комары; домашний северный олень вздрагивает при малей-

** Дальние (до 1600 км за год) регулярные миграции особенно характерны для тундровых популяций северных оленей, перекочевывающих к зиме под защиту тайги, а летом — поближе к морю, чтобы избавиться от гнуса и влажной жары. В настоящее время постоянные пути миграций в значительной степени нарушены деятельностью человека. Лесные популяции оленей почти оседлы, лишь в горах бывают ограниченные вертикальные кочевки.*

*** У этого оленя лучше других развито обоняние, он чувствует человека за 4 км, ягель — сквозь метровые сугробы. В то же время он плохо переносит летнюю жару, испытывает трудности, когда снежный покров превышает 70 см.*

Семейство оленьевые

** Потребляет до 100 видов растений и грибов, животная пища — лемминги, кладки птиц. Основу питания составляет ягель. Утверждение, что северный олень не только копытит снег, но и роет его рогами, основано на том, что рога имеют и самки.*

*** Между периодами кочевок северные олени держатся группами «гаремного» типа, во время гона другие самцы стремятся отбить «гарем» у хозяйина.*

**** Беременность длится 7,5 месяца, рождение детенышей происходит одновременно у самок одного стада в специально избранных местах. Пик рождений приходится на май. Новорожденный однотоного цвета, весит 5—9 кг. Молочного олененка называют «пыжик», его мех очень ценится. Полугодовалый олененок — «неблүй» — весит до 50 кг.*

шем прикосновении насекомого. Животное это большая лакомка, потому что выискивает лучшие альпийские травы. Все охотники, наблюдавшие северных оленей, приписывают им понятливость и даже некоторую долю хитрости; то, что они в высшей степени боязливы и осторожны, не подлежит сомнению. К другим животным олени не выказывают не малейшего страха. Они доверчиво подходят к лошадям и коровам, которые пасутся на их высотах, охотно сближаются с домашними оленями, хотя хорошо знают, что имеют дело не с равными себе. Отсюда вытекает, что осторожность и страх их по отношению к человеку — следствие опыта. Это подтверждается исследованиями Кюкенталья и Вальтера. В западной части Шпицбергена, где на северного оленя много охотились, Кюкенталь в 1886 году заметил, что он чрезвычайно боязлив.

Дикий северный олень питается летом сочными альпийскими травами, а именно листьями и цветами подснежного лютика, оленьего щавеля, жабника; зимой лишайниками. В Норвегии он и зимой избегает богатого пищей леса, чаще ходит на болота, чтобы поесть там различных трав. Очень охотно ест почки и молодые побеги карликовой березы. Выбор пищи в высшей степени тщательный и ограничен немногими растениями. Откапывает травы северный олень передними копытами, а не рогами, как часто утверждают*.

Он усердно ищет пищу утром и вечером; в полуденные часы спит, пережевывая жвачку, чаще всего на снежных полях, или глетчерах, или, по крайней мере, вблизи них. Спит ли он ночью, не известно.

В Норвегии у северных оленей в конце сентября начинается течка. Рога, которые сбрасываются в конце декабря или в январе, достигают теперь полного развития, и самец умеет употреблять их в дело. Громким криком вызывает он соперника; протяжно и выразительно кричит, затевая на виду всего большого стада частые драки с соперниками. Храбрые борцы переплетаются рогами и иногда по целым часам остаются как бы прикованными один к другому. В это время случается, что более слабые самцы пользуются случаем и спариваются с самками**. В апреле самки начинают телиться; они ходят стельными почти 30 недель и никогда не приносят более одного детеныша за один раз***. К весне беременная самка отделяется с самцом от стада и ходит с ним до рождения детеныша, а иногда и позднее. Такие семьи можно встретить часто. Новорожденный — маленькое миловидное создание, мать нежно его любит и долго кормит молоком. Годовалые олени и молодые самки образуют большое стадо, которое ведет яловая самка. Только когда детеныши вырастут, семьи эти снова присоединяются к стадам. Северные олени заботятся о своей безопасности; пока животные спят, вожак стоит на страже. Если он захочет отдохнуть, то поднимает другого оленя, который и продолжа-

ет сторожить. Никогда стадо не пасется на скалах, где против ветра легко может быть застигнуто врасплох, а выбирает такие места, откуда приближение врага можно увидеть издали; в случае чего олени быстро убегают, часто за несколько миль. Но на удобные места возвращаются спустя несколько дней.

Охота за северным оленем может служить удовольствием лишь для страстного охотника или истинного естествоиспытателя, которые не боятся трудов и лишений. В Норвегии для людей опытных охота с ружьем лучше всех прочих способов. Нередко обстреливаемое стадо так бывает ошеломлено первым выстрелом, что значительное время стоит в оцепенении и убегает, только, увидев стрелков. Это знают норвежские охотники и потому любят ходить на охоту вдвоем, втроем и вчетвером; одновременно подкрадываются к стаду и, условившись, целятся в намеченных животных; сначала стреляет один, после чего принимаются за стрельбу остальные. Для многих народов Сибири охота за северным оленем имеет очень важное значение. «Народы Сибири, живущие по реке Анюй, — говорит Врангель, — совершенно зависят от северного оленя, который здесь, как и в Лапландии, почти исключительно доставляет им пищу, одежду, повозки и жилища. Охота за северным оленем решает, будет ли в продолжение года голод или благосостояние. Здесь время переселения этих животных представляет важнейшую часть года. Когда животные во время своих регулярно повторяющихся путешествий приходят к реке и готовятся переплыть через нее, охотники на быстрых, как стрела, челноках стремительно выплывают из-за кустов и камней, за которыми они до сих пор скрывались, окружают стадо и стараются задержать его. В это время двое или трое самых искусных охотников, вооруженных короткими рогатинами, проникают в середину плывущих животных и за невероятно короткое время убивают или тяжело ранят громадное число их; раненые олени успевают только достигнуть берега, где попадают в руки ожидавших там женщин, девушек и детей. Но все-таки охота эта сопряжена с большой опасностью. В громадной массе близко друг к другу плывущих животных маленький легкий челнок каждую минуту может опрокинуться; кроме того, преследуемые животные защищаются насколько возможно: самцы — рогами и зубами, а самки — передними ногами, которые они вскидывают на борт челнока. Если при этом челнок опрокидывается, то охотник обыкновенно погибает, потому что ему почти невозможно выбраться из середины плывущего стада».

Подобным образом, по сообщениям Кинга, охотятся на северных оленей индейцы Северной Америки. Эти дикари также почти исключительно живут за счет этого животного. Громадные стада северных оленей в несколько тысяч голов тянутся весной на север, к Ледовитому океану, а осенью обратно на юг. Тогда у них на спине и бедрах имеется слой жира в 7—12 см толщиной,

Семейство оленьевые

** Главным врагом северных оленей является не волк, а «гнус», прежде всего овод. Личинки оводов разных видов паразитируют в носоглотке и под кожей животных, вызывая истощение, а иногда и смерть от удушья. Шкуры многих оленей оказываются безнадежно испорченными. Описаны случаи гибели оленей, у которых легкие были забиты комарами и мошкой. В районах, где гнус отсутствует, завезенные олени за несколько поколений достигли огромных размеров и находятся в прекрасной форме.*

*** Северного оленя одомашнили ненцы в европейских тундрах, откуда оленеводство распространилось в Скандинавию и в Азию. Лесной сибирский северный олень, возможно, был одомашнен эвенками. Стада домашних оленей в большинстве мест вытесняют диких.*

поэтому они и составляют в это время главный предмет охоты. Животных убивают огнестрельным оружием, ловят в петли, убивают при переправе через реки рогатинами, вырывают глубокие ямы-западни или делают из ветвей и кустарника две изгороди, оставляя в обеих узкие промежутки, в которые ставят петли; потом гонят стадо между изгородами и ловят тех животных, которые пытаются прорваться, или наповал убивают их при выходе.

Индейцы умеют использовать дикого северного оленя, как лапландцы своего ручного. Из рогов и костей они изготавливают остроги и удочки, расколотыми берцовыми костями соскребают мясо, жир и волосы с кожи, оленьим мозгом смазывают шкуры, чтобы сделать их мягче. Выдубленную посредством копчения на кострах из гнилушек кожу они натягивают на кольца палаток, из этой же кожи делают тетивы для лука и сети; из сухих жил изготавливают посредством расщепления тонкие нитки. Из мягких, покрытых пушистой шерстью шкурок детенышей шьют одежду. Индейцы с головы до пят закутываются в шкуры северных оленей, стелят хорошо выдубленную мягкую кожу на снег, накрываются второй и могут в таком виде выдержать самые суровые холода. Ни одна часть тела северного оленя не остается у них без полезного применения, не исключая пищевой кашицы в желудке. Когда она полежит и подвергнется известному брожению, то считается в высшей степени вкусным блюдом. Кровь варится и обращается в суп, кости толкутся и также варятся; добытый из них костный мозг смешивается с салом и сушеным мясом или употребляется для смазывания лица и волос.

Дикий северный олень, кроме человека, имеет много врагов. Самый опасный из них — волк. Он осаждает стада постоянно, а упорнее всего зимой. Когда снег становится настолько плотным, что может выдержать оленя, этому коварному разбойнику очень редко удается завладеть животными; но обстоятельства меняются при свежем снеге. Тогда северный олень глубоко вязнет в пушистой пелене, выбивается из сил и гораздо легче может быть пойман хищником, скрывающимся где-нибудь за скалой или густым кустарником. В горах волки собираются большими стаями как раз в то время, когда и северные олени собираются в большие стада, и тогда начинается нескончаемая борьба за существование. Росомаха, рысь и медведь тоже стараются поживиться северным оленем. К злейшим врагам следует причислить и совсем маленьких, но жестоких насекомых, которые страшно мучают этих животных*.

Оленеводством занимаются не только лапландцы и лопари, также многие народы северной России**.

Домашний северный олень составляет опору и гордость, радость и богатство, мучение и тягость для лапландца; по его понятиям, тот, кто считает своих оленей сотнями, достиг предела земного счастья. Некоторые лапландцы имеют до 3000 оленей, но основная часть жителей не более 500 голов. Впрочем, норвежец

никогда не узнает точное число голов в стаде, так как все лапландцы верят, что волк или непогода сейчас же уничтожит нескольких животных, если их владелец без нужды будет говорить об их числе. С презрением смотрит лапландец, истый оленевод, на своих земляков, которые отказались от кочевой жизни и занимаются рыбной ловлей по рекам, озерам, морским заливам или нанимаются в услужение к скандинавам. Однако себя считает свободным человеком. Такая жизнь дорога лапландцу, который думает, что ему выпал лучший жребий на земле.

А между тем, что за жизнь ведут эти люди? Не они распоряжаются животными, а стада ими; северные олени идут куда хотят, а лапландцы должны за ними следовать. Лапландец-оленевод ведет истинно собачью жизнь. Целыми месяцами проводит он большую часть дня под открытым небом, летом его осаждают комары, зимой донимает холод, от которого не может защититься. Часто даже остается без огня, потому что на высотах, где пастись его стадо, нет леса. Скучно защищенный одеждой, он отдан на произвол погоды; образ жизни довел его до полуживотного состояния. Он не моется, питается самой отвратительной пищей, на которую голод заставляет набрасываться; часто у него нет другого спутника, кроме верной собаки, с которой он по справедливости делит свое скудное пропитание. И все это оленевод охотно и с любовью переносит ради своего стада!

По образу жизни домашние северные олени почти во всех отношениях отличаются от диких. Как я уже заметил, они меньше ростом и не так красиво сложены, как дикие, позже меняют рога, размножаются также позже и постоянно странствуют. В июле и августе они живут в горах или на морском берегу, в сентябре возвращаются оттуда. И в это время лапландец, достигнув своей осенней стоянки, маленького домика, где он хранит все необходимое для жизни, позволяет своим оленям наслаждаться полной свободой, потому что ни одного волка нет поблизости. В это время происходит течка, тогда случается, что домашние олени смешиваются с дикими, к величайшей радости владельца стада, который через это получает лучшее потомство. С первым снегом северных оленей опять ловят и стерегут, потому что в это время их надо более чем когда-либо беречь от волков. Но вот настает весна; животные еще раз собираются в стада, в это время самки телются и дают превосходное молоко. Оленей гонят в места, где мало комаров. Так продолжается из года в год.

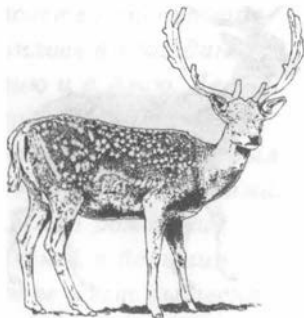
Если вблизи есть хорошее пастбище, лапландец для облегчения доения устраивает загон, куда каждый вечер загоняет самок. Своей беготней взад и вперед и постоянным бляением олени напоминают овец, иногда громкий их крик походит на хрюканье свиньи. Большая часть содержащихся в стадах северных оленей невелика ростом; из нескольких сот можно выбрать очень немного крупных животных.

Семейство оленьевые

** Поголовье северных оленей в Евразии оценивается в 3,5 млн, однако в основном это домашние олени. В Америке — до 1,5 млн диких карibu. Некоторые подвиды редки, нуждаются в охране, новоземельский северный олень занесен в Красную книгу России.*

Приближаясь к загону, слышишь сначала несмолкаемое блеяние. Внутри загона лежат несколько больших древесных стволов, к которым животные крепко привязываются во время доения. Без аркана ни одна самка не отдаст своего молока; поэтому каждый лапландец и лапландка постоянно носят таковые при себе. Аркан состоит из длинного ремня или веревки и легко свертывается в кольцо; его крепко держат за оба конца и бросают так, чтобы он обвился вокруг шеи или рогов животного; затем кольцо укорачивают, пока животное не подойдет совсем близко; тогда ему делают на морде глухой узел, чем крепко и надежно обуздывают и принуждают к безусловному повиновению. Потом животное крепко привязывают к колоде и начинают доить. В это время самка делает всевозможные усилия, чтобы убежать, но лапландцы умеют справляться с ними, особенно строптивым животным так крепко затягивают у носа петлю, что они поневоле стоят спокойно. Молоко имеет приятную сладость и густое, как сливки. Сразу после доения загон отворяется, и скот снова выгоняется на пастбище, все равно, утро на дворе или вечер, так как олени пасутся днем и ночью.

Различные повальные болезни производят между северными оленями жестокие опустошения; кроме того, суровый климат препятствует увеличению стад так, как это можно было бы ожидать, зная плодовитость оленей*.

Польза, которую домашние северные олени приносят своим владельцам, с нашей точки зрения, не может быть вполне оценена. Все, что дает животное, каждая часть тела, мясо, кровь, молоко употребляются в дело. Мягкие еще рога северного оленя охотно едят; из шкур пыжиков (детенышей) шьется одежда; шерсть прядут и ткут; из костей готовят различные орудия; сухие жилы идут на нитки; зимой олени перевозят семейство со всем имуществом с одного места на другое. В Лапландии северного оленя используют главным образом для езды в упряжи, реже как вьючное животное, потому что из-за слабого крестца ему очень трудна такая служба. Тунгусы и коряки ездят на сильных самцах верхом, надевая на них маленькое седло как раз на передние лопатки. В Лапландии на северных оленях никто верхом не ездит, и только самых сильных самцов, или «оленьих быков», как их называют норвежцы, употребляют для езды в упряжи. За сильных животных охотно платят от 30 до 50 марок, тогда как обыкновенный северный олень стоит самое большее 12—18 марок. Хороший северный олень пробегает с санями около 10 км в час и может везти тяжесть от 120 до 140 кг, но обыкновенно на него нагружают гораздо меньше. В Норвегии летом северного оленя не используют для езды. Если сильных, хорошо выкормленных оленей щадить, запрягать только по несколько часов утром и вечером, то можно, не утомляя их, проехать невероятно большие пространства.

Неволя не очень нравится северному оленю, но он живет в наших зоологических садах и при соответствующем уходе очень хорошо размножается. Вкусное мясо оленя так нравится у нас, что в благоприятное время года регулярно доставляется из Скандинавии на наши рынки.

СЕМЕЙСТВО ЖИРАФОВЫЕ (Giraffidae)

Между жвачными встречаются такие животные, которые своим видом мало согласуются с другими, ныне живущими, и скорее похожи на сказочные образы давно прошедших дней: к таким существам может быть отнесен жираф. Варрон отчасти прав, называя это странное существо «помесью пантеры и верблюда», а позднейших наблюдателей, конечно, можно извинить в том, что они, зная это животное лишь по изображениям, встречающимся на египетских памятниках, считали его за праздную выдумку древних художников. Когда римляне при Юлии Цезаре впервые увидели жирафа на играх в цирке, то в высшей степени были удивлены странностью всей его фигуры, то же впечатление производит это животное и на нас, когда мы смотрим на живых жирафов в зоологических садах, хотя изображения и описания их встречаются даже в детских книжках.

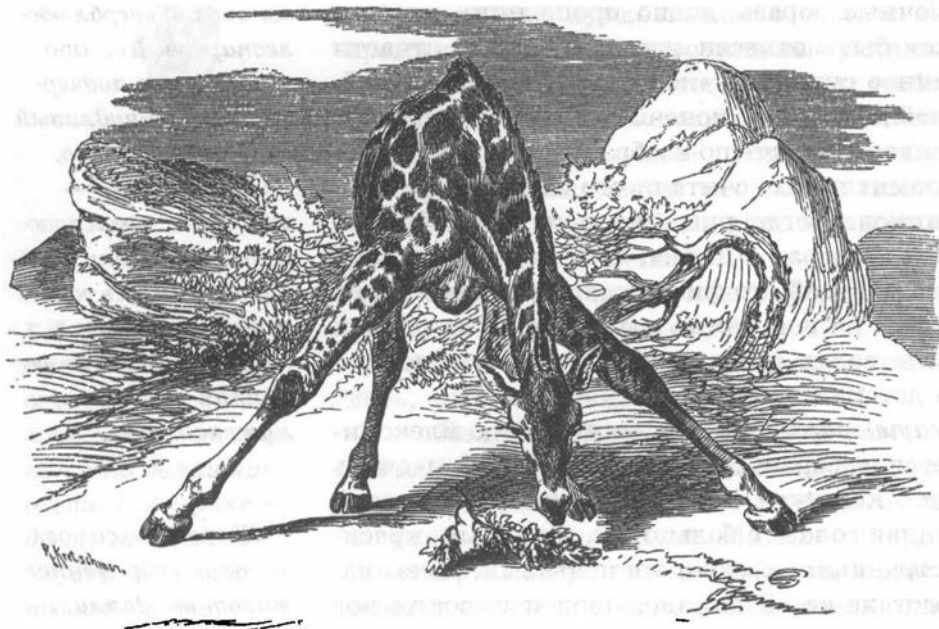
Жираф (*Giraffa camelopardalis*)*. от всех других млекопитающих резко отличается несоразмерно длинной шеей и очень высокими ногами. У него короткое, толстое туловище с покатою спиной, маленькая изящная голова с большими, светлыми, красивыми глазами и двумя странными костяными пеньками, возвышающимися на лбу. Вследствие своей длинной шеи и высоких ног жираф оказывается самым высоким и, относительно, самым коротким из всех млекопитающих. На самом деле длина его тела не превышает 2,25 м, а высота в плечах доходит до 3 м, голова же находится на высоте 5—6 м. Хвост вместе с кистью имеет 1,1 м длины, а без кисти — 80 см. Расстояние от кончика морды до начала хвоста около 4 м, а вес тела 500 кг**. Измерения эти ясно доказывают, что жираф по своему строению значительно отличается от всех прочих млекопитающих; телосложение его так удивительно, что нуждается в более подробном описании. Если взглянешь на жирафа, то он кажется как бы соединением в одно целое отдельных частей различных животных. Голова и туловище будто заимствованы от лошади, шея и плечи — от верблюда, уши — от быка, хвост — от осла, ноги — от антилопы, а кожа, покрытая красивым мехом, — от леопарда. Подобное пестрое соединение может только сделать безобразным животного, и действительно, никто не назовет жирафа красивым и пропорционально сложенным. Хороша только голова, очень красивы глаза и пестрая окраска, все же остальное поражает. Удлиненная голова жирафа вследствие до-

* Видовая латынь жирафа (*Giraffa camelopardalis*) означает «верблюдо-леопардовый», что лишней раз подчеркивает причудливый облик животного. Слово «жираф» — арабского происхождения, в России употреблялось как в мужском, так и в женском роде (современная норма — мужской род).

** Жираф — самое высокое современное животное Земли. Отдельные особи достигают 6 м в высоту (3,3 м в холке) и массы 1300 кг. Однако такие гиганты встречаются редко, средняя высота 5,3 м (самцы) и 4,3 м (самки), вес — 500—750 кг. Окапи значительно меньше — длина тела около 2,1 м, хвоста — 40 см, высота в холке — 1,7 м, масса 200—280 кг, причем самки тяжелее самцов.

вольно узкой морды кажется еще длиннее; на ней мы замечаем большие, блестящие, но крайне кроткие глаза, большие, нежные и замечательно подвижные уши длиной около 15 см и два пенька, которые несколько напоминают рога. Между ними возвышается округленный костяной нарост*.

Шея имеет примерно такую же длину, как и передние ноги; она очень тонка и сжата со сторон и украшена короткой, как бы обстриженной гривой. Туловище около груди расширено, у загривка гораздо шире, чем около крестца, спина несколько вогнута; на передней части туловища сильно выдаются нижние концы лопаток, которые соединены с плечевыми костями почти под пря-

Жираф
(*Giraffa camelopardalis*)

* Рога у жирафов достигают длины 25 см. Они постоянные, костяные, но закладываются в эмбрионе отдельно от лобных костей и имеют особое название — «рожки» (оссиконы). Новорожденные уже имеют оссиконы.

мым углом; задняя часть гораздо уже, так что если смотреть на животное спереди, то задняя часть тела вовсе не заметна. Ноги довольно тонкие, и все почти одинаковой длины, копыта небольшие и имеют красивую форму. Кожа у жирафа очень толстая и равномерно покрыта довольно короткими волосами, которые удлиняются только на гриве, на лобном костяном наросте и на конце хвоста. Основной цвет шерсти песочно-желтый, который на спине несколько темнее, а на брюхе переходит в беловатый цвет. Все тело испещрено довольно большими угловатыми темными или более светлыми пятнами ржаво-бурого цвета, причем они так часто расположены, что фон виден только в виде светлой сетки. На шее и на ногах пятна эти не так велики, как на туловище. На брюхе и на внутренней стороне ног пятен нет. Грива состоит из чередующихся чалых и бурых пучков волос. Кисть на конце хвоста черная. Очень старые самцы получают чрезвычайно темную окраску, а старые самки, напротив того, делаются светлее, как будто шерсть у них выцветает.

«Так как изображение жирафа встречается в иероглифических письменах в виде слогового знака, — замечает Дюмихен, — то из этого можно вывести, что древние египтяне знали это животное. Изображения эти встречаются также на стенах храмов и могильных склепов, по ним можно заключить, что жирафов приводили с юга в виде дани. Изображение жирафа выразилось словом «зер»,

которое имело значение «большой, возвышенный, высокий». Обозначало ли «зер» название животного, с точностью сказать нельзя».

Нынешняя область распространения жирафов простирается на всю восточную часть Африки от 16 градуса северной до 23 градуса южной широты; только в степи Калахари он живет несколько южнее, но во всяком случае за Оранжевой рекой еще встречается. На берегах Атлантического океана встречался лишь в юго-западной Африке, здесь он совершенно истреблен несколько десятилетий тому назад. В начале пятидесятых годов за жирафами еще охотились не очень далеко от Китовой губы; последние жирафы, по словам Бринкера и Айрла, были убиты в 1870 году гораздо дальше от берега, восточнее Окагандии. На востоке от озера Нгами, около реки Лимпопо, в области Метабеле, степи Калахари и около болот Чобе они еще встречаются. Монтэгю Керр видел нескольких жирафов в 1884 году южнее Шошонга; а по словам Селуса, с семидесятых годов они стали появляться дальше на востоке, где прежде их не было. Севернее Замбези они на больших пространствах не попадают, а появляются в немецких колониях восточной Африки, где они, по словам Бема, встречаются на озере Танганьика, но не западнее его. Жираф может считаться обитателем по преимуществу кустарных и мелколесных степей Африки, но не избегает и гористых стран. Фишер наблюдал его в области Массай до 1700 метров над уровнем моря*.

В своих родных лесах жираф живет иначе, чем в тесной загородке зоологического сада. Удивительное соответствие строения тела и внешнего вида жирафа с окружающей обстановкой его родины очень заметно. Гордон Кьюминг пишет: «Когда видишь стадо жирафов, пасущихся в роще живописных зонтиковидных мимоз, украшающих степи его родины, и наблюдаешь, как эти животные вследствие своего огромного роста могут без усилий обгладывать верхние побеги этих деревьев, то, не обладая даже особенной любовью к красотам природы, невольно приходишь к заключению, что жирафы в этой обстановке действительно очень красивы». Все другие наблюдатели вполне соглашались с этим мнением. Сэр Самюэль Бэкер замечает, что жираф на своей родине, без сомнения, самое красивое животное. Их часто встречают в таких местах, где много высохших длинных стволов мимоз, которые благодаря растущим на них лишайникам издали удивительно похожи на шею жирафа. «Мне часто случалось, — говорит выше-названный охотник, — ошибаться, глядя на эти стволы, и только благодаря хорошему биноклю я мог заметить свою ошибку; даже мои полудикие спутники должны были сознаться, что, несмотря на свое острое зрение, привыкшее издали разглядывать предметы в пустыне, они часто принимали высохшие стволы за жирафов и, наоборот, настоящих жирафов принимали за деревья».

Жирафы встречаются обыкновенно небольшими семьями**; там, где их не тревожат, они собираются в большом ко-

Семейство жирафовые

** В настоящее время ареал жирафа распался на несколько изолированных участков в зоне саванн, наиболее крупный из которых охватывает Восточную Африку от Чада и Судана до Замбии.*

*** Небольшие группы жирафов постоянно меняются по составу. Есть матриархальные семьи, группы холостых самцов, смешанные группы. Каждая особь в течение года может присоединяться к нескольким группам либо держаться поодиночке какую-то часть времени. Иерархия в таких временных группах устанавливается произвольно. Изредка объединяются в крупные стада по 100 и более голов. Контакт между членами группы поддерживается при помощи разнообразных ритуальных поз и движений.*

Семейство жирафовые

** Скорость жирафа в галопе достигает 56 км/ч. Из-за длинных ног и раскачивающейся шеи аллюр жирафа кажется неторопливым, а сами движения — плавными, как при замедленной съемке. Шея животного служит балансиром и управляет ритмом шагов. При медленном передвижении жираф использует иноходь, только при таком способе длинные ноги не задевают друг друга.*

*** Жирафы спят (точнее, дремлют) лежа на брюхе и подогнув ноги под себя, при этом голова на шее высоко поднята. В короткие периоды глубокого сна жираф изгибает шею назад и упирает голову в круп или в землю позади крупа.*

личестве. Гордон Кюмминг говорит о стадах в 30 и 40 голов, но думает, что чаще всего их собирается около 16 голов. Бэкер заявляет, что встречал стада даже из 70—100 жирафов. Я в Кордофани слышал о семьях, состоящих из небольшого числа экземпляров.

Все движения жирафа очень своеобразны. Красивее всего он выглядит, когда идет спокойно, шагом; тогда его движения грациозны и величественны. Шагом он двигается иноходью; но во время бега движения его сильно изменяются. Тогда он может скакать только галопом, в чем я убедился из собственного наблюдения. Но этот галоп так бестолков, неуклюж и неповоротлив, что кажется, будто человек может легко перегнать его пешком. На самом деле это не верно, так как он делает очень большие скачки, длина которых простирается до 4—5 м. Во время бега жираф приподнимает хвост и держит его выгнутым над спиной. Селус утверждает, что, несмотря на кажущуюся неповоротливость, жираф удачно избегает столкновения с ветвями встречающихся деревьев, причем иногда очень грациозно нагибает шею до самой земли. Чтобы догнать жирафа, пустившегося в бегство на некотором расстоянии от всадника, нужна очень быстрая лошадь*.

Жираф, чтобы достать с земли еду или попить воды, чаще всего поступает так: раздвигает передние конечности как можно шире, опускает переднюю часть тела и, нагнув длинную шею, достает мордой до земли. Кто этого не видел, тот не может поверить, что жираф принимает такое удивительное положение.

Впрочем, Селус говорит, что жирафы на водопое не только раздвигают передние ноги, но и подгибают их, а иногда одну переднюю ногу выставляют вперед, а другую назад, а Бем замечал, как они часто становятся на колени. Чтобы лечь на землю, жираф сначала сгибает передние ноги, затем задние и ложится на грудь, как верблюд. Во время сна он поворачивается на бок, причем подгибает к животу одну или обе передние ноги, шею откидывает назад, а голову кладет на бедро задней ноги. Сон его очень чуток и продолжается недолго; говорят, что жираф может несколько дней оставаться без сна и отдыхает тогда стоя**.

Пища животного соответствует своеобразному строению его тела. Жирафу не очень удобно щипать траву на земле, зато он может легко срывать листья и молодые ветки с деревьев, причем ему сильно помогает длинный подвижный язык. Как известно, большинство жвачных пользуется языком для хватания пищи, но ни одно из них не употребляет в дело его так искусно, как жираф. Язык для жирафа имеет то же значение, что хобот для слона; он может им схватить самые мелкие предметы, сорвать самый нежный листок и положить его в рот. На своей родине жирафы питаются преимущественно ветвями, поч-

ками и листьями мимоз; однако они охотно едят листья многочисленных вьющихся растений, которые в большом количестве обвивают стволы деревьев*. Мимоза по величине немного выше жирафа, поэтому он срывает пищу без всяких затруднений, причем замечено, что его язык и губы так же не чувствительны к уколам острых шипов мимоз, как и губы верблюда**. Степную траву жираф щиплет редко и преимущественно весной, пока она еще зелена. При питании сочной растительной пищей он, как и верблюд, может долго обходиться без воды. В обыкновенных случаях довольствуется той влагой, которая заключается в свежих листьях и побегах, и потому жирафа встречают иногда в таких местностях, которые на многие мили отдалены от рек, озер и ключей. В жаркое время года, когда на деревьях листья большей частью засыхают и ему приходится кормиться степными травами, жираф вечерами проходит несколько верст, чтобы напиться воды в грязных водоемах и лужах, оставшихся в оврагах от потоков, текущих здесь во время дождей.

Жираф пережевывает жвачку стоя, большей частью ночью и на это, по-видимому, потребляет меньше времени, чем другие двукопытные.

Внешние чувства жирафа, особенно зрение и слух, очень хорошо развиты, и умственные его способности нельзя назвать незначительными. Он очень понятлив и необыкновенно добродушен, кроток и смирен; не только живет в мире с себе подобными, но никогда не ссорится с другими животными, пока те ему не угрожают. В случае нужды умеет хорошо защищаться, не рогами, которые служат ему только украшением, а сильными ударами жилистых ног. Ударами ног он защищает своих детенышей от крадущихся крупных кошек, и удары эти так сильны, что могут повалить даже льва. Сторожа в зоологических садах должны очень опасаться лягания жирафа, хотя в большинстве случаев он ведет себя очень смиренно***.

О размножении жирафов мы кое-что узнали лишь в последнее время. Из наблюдений, сделанных до сих пор в различных зоологических садах, оказывается, что спаривание происходит в конце марта или в начале апреля, а рождаются детеныши в мае или июне; следовательно, беременность длится 431—444 дня. Рождение детеныша происходило легко и скоро, причем прежде появляются наружу передние ноги и голова молодого животного. Первую минуту он лежит без движения, потом начинает дышать. Через полчаса детеныш уже пробует встать, а еще через 20 минут приближается к матери. Десять часов спустя молодое животное пробует бегать, а на третий день уже прыгает. При рождении детеныш имеет в длину 2,1 м, передние конечности равны 1,5 м, а хвост 50 см. Через три недели он уже ест растения, а в четыре месяца пе-

** Жираф питается в самом продуктивном древесном ярусе саванны на высоте от 2 до 6 м. Здесь у него практически нет конкурентов, кроме отчасти слона. Под влиянием жирафов, выедающих нижние части кроны, деревья саванны постепенно приобретают форму зонтика.*

*** Кончик морды жирафа усеян длинными волосками—вибриссами, сигнализирующими о наличии колючек и степени жесткости листьев.*

**** Выясняя отношения между собой, самцы жирафов бьют друг друга головой и шеей, встав боком друг к другу. Большинство выпадов не достигает цели, но метко направленный удар тяжелой рогатой головой может ошеломить соперника.*

Семейство жирафовые

** Самка приносит детеныша каждые 18 месяцев до достижения 20 лет. Самка рождает стоя, и детеныш падает с высоты 2 м. Рост новорожденного достигает 2 м, вес — 50—70 кг. Выкармливание молоком прекращается через 8—12 месяцев. Смертность детенышей порой достигает 58%, они становятся жертвами львов, гиен, гиеновых собак, леопардов. Иногда несколько детенышей под присмотром родителей образуют «ясли». Детеныш покидает мать в возрасте около 16 месяцев.*

*** Жираф способен обнаружить человека или льва на расстоянии 2 км.*

режевыбывает жвачку. Через девять месяцев рост его достигает 3 м*.

Как туземцы, так и европейцы усердно занимаются охотой на жирафов. Туземцы гонятся за ними на дромадерах и конях до тех пор, пока не догонят уставшее животное; тогда они острым мечом перерезают ему ахиллесовы жилы, отчего жираф валится набок, и затем перерезают горло. Европейцы охотятся на жирафов с огнестрельным оружием, но могут приблизиться к нему на расстояние выстрела только после усиленной травли, когда жираф устанет. Необыкновенная высота дает жирафу преимущество перед охотниками, он имеет очень большое поле зрения, издали замечает приближающегося врага**. Гейглин, правда, упоминает, что ему удавалось несколько раз в лесу незаметно приблизиться к жирафам на расстояние пистолетного выстрела, но, кажется, это был единственный пример; все другие наблюдатели и охотники согласны в том, что едва ли к какому-нибудь животному в африканских пустынях так трудно приблизиться, как к жирафу. При травле жирафов лошади устают больше, чем при всякой другой охоте. Жираф легче переносит продолжительный бег, чем самая лучшая лошадь, если только местность благоприятна для его быстрого передвижения: бежать в гору жирафу в высшей степени затруднительно. Самюэль Бэкер говорит, что охотнику приходится с самого начала пускать лошадь в полный карьер. Если дать жирафу опередить себя хоть на пять минут, то лошадь не выдержит этой травли. По наблюдениям Селуса, жирафы пускаются в самый быстрый бег только в крайних случаях, и потому есть возможность на хорошей лошади приблизиться к ним настолько, чтобы быстро соскочить с седла и пустить пулю вдогонку.

Полезьа от убитого жирафа самая разнообразная. Шкуру выделывают в виде кожи и меха, кисть хвоста идет на опашало, из копыт делают различные изделия, а прекрасное мясо едят. Но выгоднее всего достать жирафа живым. Это удивительное животное всем нравится, везде его желают иметь около себя. В городах центральной Африки часто можно видеть из-за высоких стен пару выглядывающих голов этих животных; нередко вблизи жилых мест встречали ручных жирафов, которые там свободно прогуливались.

В Европе жирафа впервые увидели триста лет тому назад. Животное это считалось каким-то баснословным существом, несмотря на то, что Левальян довольно обстоятельно описал его. Египетский паша, узнав, что арабы из Сенаара успешно выкормили верблюжьим молоком пару молодых жирафов, отправил этих зверей в подарок европейским монархам. В течение трех месяцев они отдыхали в Каире и готовились к дальнему путешествию, а затем были перевезены на больших барках в Александрию, где их и поместили на корабль для отправки во Францию и Англию.

В Париже эти животные произвели такой фурор, что даже имели влияние на моду, и в 1827 году еще причисывались *a la girafe*. Мой знакомый, Тибо, живший в Кордофани, в 1834 году снова привез в Европу живых жирафов. Молодых жирафов он поймал в степи лишь после того, как были убиты старые. Из его рассказов видно, что ловить этих животных очень трудно и хлопотно.

К сожалению, привезенные в Европу жирафы только при самом хорошем уходе переносят заточение. Большая часть оклеветана от особой болезни костей, получившей название «болезнь жирафа»; она развивается, по всей вероятности, от недостатка движения и неподходящей пищи. Во всяком случае, большое пространство и теплый пол в хлеву жирафа — необходимые условия для сносного существования в неволе этого достойного участия животного*.

СЕМЕЙСТВО ВИЛОРОГОВЫЕ (*Antilocapridae*)**

Вилороги отличаются от всех полорогих тем, что их рога хотя полые, но вместе с тем ветвистые. Они не растут всю жизнь, а время от времени падают и вновь вырастают. Все отличительные признаки этих замечательных жвачных так своеобразны и существенны, что их нельзя присоединить ни к какому семейству, а следует рассматривать как представителя особенного семейства.

Вилорог (*Antilocapra americana*) фигурой напоминает сильную антилопу. Общая длина его 1,5 м; на хвост идет 17—20 см; высота в плечах 80 см, а у крестца 20 см***. Голова некрасивая, похожа на баранью, вытянута вперед и суживается постепенно к морде. Лоб вдавлен, около глаз заметны выпуклости; большие темные, выразительные глаза окружены и защищены сильно выдающимися краями глазных впадин, передний угол этого края выше заднего; на верхнем и нижнем веке замечаются щетинистые ресницы. Уши довольно длинные и острые, наружный край их отогнут, внутренний в верхней части образует выемку. Шея недлинная, туловище не кажется очень толстым, потому что покоится на довольно высоких и стройных ногах, хвост короткий, немного суженный книзу, более напоминает обрубленный хвост некоторых пород оленя, чем хвост антилопы; копыта острые, похожи на овечьи.

Очень густой мех покрывает все тело. Только небольшое голое кольцо окружает ноздри, и узкая полоска между ними покрыта редкими волосами. Шерсть состоит из длинных, волнистых, хрупких и жестких волос без подшерстка. Она удлиняется на затылке и крестце в виде небольшой гривы в 7—10 см. Рога окружены как бы пушистым венком волос, на ушах и ногах шерсть значительно укорачивается и становится реже. В рисунке меха преобладают три различных, друг от друга отличающих-

* Численность жирафов в Африке пока еще высока, но постоянно снижается. С появлением просторных загонов жирафы стали хорошо переносить неволю, доживают до 26 лет, неплохо размножаются.

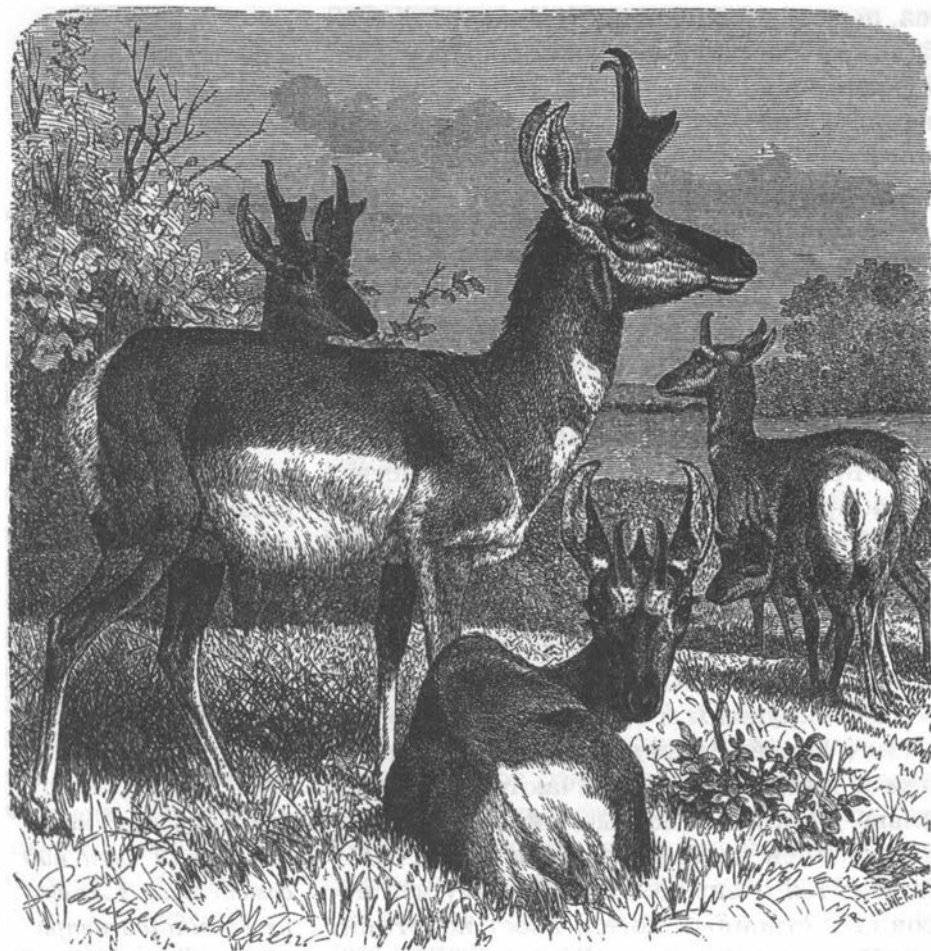
** Вилороговые — некогда обширное семейство, вся эволюция которого протекала на Североамериканском континенте. Почти целиком вымерли в плейстоцене, возможно, из-за конкуренции с полорогими, вторгшимися из Азии.

*** Единственный уцелевший ныне вид семейства. В Америке его иногда неправильно называют «антилопой», или «вилорогой антилопой», чаще *Pronghorn* — «крячкорог».

Семейство вилороговые

* Белое пятно на
крупе играет сиг-
нальную роль. В
случае опасности
животное распушает

Вилорог
(*Antilocapra americana*)

шерсть на крупе и
площадь пятна
сильно увеличивает-
ся, что служит
сигналом для осталь-
ных.

ся цвета, что придает этому животному большую пестроту. Красивый нежный рыжевато-чалый цвет покрывает большую часть шеи, всю спину и верхнюю часть бедер, на наружной стороне ног и ушей он принимает рыжевато-желтый оттенок. Бока, нижняя часть брюха и верхняя часть ног — белые; того же цвета внутренняя часть ушей и пятнышки под ними, а также губы, подбородок, горло, грудь до плеч. Волосы на хвосте тоже белые; только около самого хвоста проходит темная полоса*. Наконец, черно-бурого цвета: верхняя часть морды от макушки до конца носа, узкая

полоска вокруг глаз и за щеками, продолговатое, почти закрытое волосами пятно, имеющее вид щели и окружающее выводное отверстие железы, середина затылка и концы волос гривы. Посередине лицевой части тянется красновато-бурая полоса; окружность глаз — бледно-ржавого цвета, так как волосы у основания серые, а концы их желтовато-бурые. Рога и копыта черные. Рога бывают у обоих полов, но, по свидетельству Тильмана, они разветвляются только у самца. Рога сидят посередине лба, над самыми глазами круто поднимаются

вверх и только на верхушке загнуты крючком. У старых самцов рога имеют вдвое большую ширину, чем толщину, так как внизу они сильно сплющены. Наружная их поверхность не имеет ни колец, ни борозд, но чрезвычайно шероховата, груба и бугриста и местами покрыта короткими острыми шишками. У самцов рога бывают 25—30 см, у самок 8—10 см длиной.

Вилорог по скелету и по внутреннему строению тела напоминает других антилоп. Его длинный и низкий череп имеет большое сходство с черепом оленя и замечателен своими пеньками для рогов, которые с боков сдавлены, а спереди тонкие, как лезвие

ножа. Остальные кости скелета изящны и тонки. Зубная система ничем не отличается от зубной системы антилоп; желудок состоит из четырех частей; желчный пузырь присутствует.

Образ жизни вилорога описан подробно. Он распространен по всему западу Северной Америки: от Саскачевана до Рио-Гранде, и от Миссури до берегов Тихого океана*. Любимое местопребывание вилорога — покрытые травой прерии. По словам Финша, он часто встречается на обширных равнинах Канзаса и в долинах между Скалистыми горами и Сьерра-Невадой или между этими горами и океаном. Тильман встречал его на голых долинах Скалистых гор на высоте до 2500 м**. Левис и Кларк, которым мы обязаны открытием вилорога, утверждают, что он зимой перебирается с равнин в горы. Переходы эти принц фон Вид объясняет тем, что животные боятся холодных северных ветров, дующих в долинах, где, кроме того, добывание пищи затруднено выпавшим глубоким снегом. Вследствие этого вилороги вынуждены переходить на возвышенности или спускаться в лежащие между ними ложбины, где они находят пастбища, защищенные от ветра и снега. Подобные странствования предпринимают они и весной, когда иссякают пастбища, которыми они пользовались до той поры.

О ежедневной жизни вилорогов и о тех изменениях, которым она подвергается в течение года, сообщает нам подробнее и точнее всех Канфильд, который, по его собственному уверению, так же хорошо изучил нравы и привычки этих животных, как хозяин — привычки и потребности своих домашних коз и овец. «Я прожил, — говорит он, — несколько лет в южной части Монтерейского округа в Калифорнии. Долина, в которой я жил, имела в длину несколько миль и в ширину полмили и была окружена холмами, поросшими густой травой; здесь я наблюдал за вилорогами, охотился на них, убил до 150 штук, а нескольких поймал и воспитал. Могу сказать, что они почти каждый день проходили мимо моего дома или пили у источника в ста шагах от него. В последнем случае было нетрудно подстрелить их из револьвера Кольта. Они появлялись то небольшими группами, то целыми стадами в несколько сот голов»***.

Мы уже знаем от прежних наблюдателей, что пища вилорогов состоит преимущественно из низкой сочной травы; кроме того, они едят мох, коренья, а может быть, и ветки деревьев. Соленую воду и чистую соль чрезвычайно любят подобно всем вообще жвачным, поэтому живут преимущественно около тех мест, где почва пропитана солью. Возле солончаков можно часто видеть их лежащими по целым часам, после того как они вдоволь нализуются соли и напьются воды.

По-видимому, один голод может прогнать их оттуда. При хорошем пастбище осенью они становятся очень жирными, зимой же, когда снег покрывает землю на целый фут, терпят большую нужду и довольствуются самой скудной пищей. Тогда ви-

** До колонизации Америки европейцами вилороги обитали от средней Канады до средней Мексики. В настоящее время сохранились на немногих изолированных участках бывшего ареала.*

*** В горах вилорог встречается до 3350 м над уровнем моря, а вот высокогорных прерий (где травяной покров выше 40 см) действительно избегает.*

**** К зиме вилороги собираются в стада по несколько сот и даже тысяч голов, летом разбиваются на группы по 8—30 особей, состоящие из самок и молодых животных, а также отдельные группы холостых самцов. Большинство самцов держатся поодиночке на помеченных запаховыми метками участках, куда стараются привлечь самок. Лишь территориальные самцы участвуют в спаривании.*

Семейство вилороговые

** Вилорог — самое скоростное млекопитающее Западного полушария, при этом отличается большой выносливостью. На коротких дистанциях он развивает скорость 64—72 км/ч. Во время бега животные совершают гигантские прыжки до 6 м в длину. У вилорога необычайно крупное для его размеров сердце, обеспечивающее быструю прокачку крови и большой приток кислорода к мышцам.*

*** Гон начинается в июле на юге и в сентябре на севере, продолжается около трех недель. После 252 дней беременности самка рождает детенышей-близнецов одного пола (молодая самка — одного детеныша). Крайне редко бывают 3 детеныша (сосков у вилорога две пары).*

лороги быстро спадают с тела; ходьба по снегу сильно утомляет, и их довольно много погибает.

Все наблюдатели единогласно восхищаются быстротой и проворством вилорогов. Может статься, что некоторые виды антилоп и превосходят их в этом отношении, но среди животных луговых степей Америки они, бесспорно, занимают в этом отношении первое место. Легко и быстро, «подобно ветру в поле», несутся они по равнине, высоко вскидывая стройные ноги. При этом превосходят выносливостью всех жвачных Америки*. Финш утверждает, правда, что при медленной ходьбе они волочат ноги, низко опустив голову, и что обыкновенно их походка, короткая иноходь, весьма некрасива, но тем изящнее они, когда несутся полным галопом. «Вспугнутое стадо вилорогов, — говорит Финш, — представляет такое невыразимо прекрасное зрелище, что, увидев его раз, никогда не забудешь». Грациозные животные несутся вдоль холмов, в гору и под гору с такой же уверенностью и быстротой, как и на ровном месте. По словам Одюбона, при этом они так проворно перебирают передними ногами, что невозможно разглядеть отдельных движений, вилороги мелькают перед глазами, как спицы колеса. Они имеют привычку первые 30—40 шагов бежать рысью, подпрыгивая, как лани, всеми четырьмя ногами разом. После этого вытягивают туловище, как борзые собаки, и пробегают полным галопом огромное пространство. По словам Одюбона, они легко переплывают широкие реки.

Вилороги одарены очень острыми чувствами. Видят далеко, слышат превосходно и за несколько сот шагов чуют врага, крадущегося под ветром. Чуткие и пугливые, относительно умные и, во всяком случае, очень осторожные, вилороги умеют для своих дневных стоянок выбирать такие места, откуда им открывается вид на всю окрестность; они отлично используют направление ветра и, кроме того, всегда выставляют сторожа. Вилороги избегают близости человеческого жилья, но домашних животных не чуждаются и даже часто пасутся безбоязненно недалеко от коров и лошадей.

Гон у них начинается в сентябре. Около шести недель самцы находятся в возбужденном состоянии и борются между собой довольно яростно. Самый ранний срок рождения детенышей — май, самый поздний — половина июня. Обыкновенно самка мечет двух детенышей, похожих цветом меха на родителей, только на нем еще нет пятен. Годовалые самки редко приносят более одного детеныша**. После двух недель молодой вилорог делается настолько сильным и проворным, что может вместе с быстроногой матерью спастись от преследования волка или других четвероногих врагов. Но если случится, что волк подберется к беспомощному детенышу, то мать оказывает своему страшному противнику сопротивление с изумительным мужеством. Она броса-

ется на него, бьет короткими рожками и пускает в ход передние ноги, которыми умеет наносить очень чувствительные удары; если волк не очень силен и не очень голоден, она нередко обращает его в бегство*.

Молодые вилороги, как почти все жвачные, растут сравнительно быстро. Уже около июня появляются у обоих полов короткие, тупые конусообразные рожки, которые в декабре достигают 2—5 см величины, но с этого времени рожки больше не растут, а скоро совсем спадают, и на их месте вырастают новые. Но вся эта процедура смены рогов у вилорога существенно отличается от таковой у оленей.

Пойманные в старости вилороги, как кажется, не могут свыкнуться с потерей свободы. Те, которых ловили зимой в глубоком снегу, оставленные в огороженном месте, казались добродушными, даже доверчивыми, но только до тех пор, пока были слабыми и усталыми. Как только голод удовлетворен, у них появлялось страстное стремление к неограниченной свободе, и они проявляли природную дикость. Тогда, словно бешеные, бегали и прыгали на решетку своей изгороди и буйствовали до тех пор, пока не упали замертво. Даже пойманные после рождения, животные обыкновенно умирали после недолгой неволи, если только за ними не было особенно тщательного ухода. Привезенные в Европу вилороги с трудом уживались и погибали от различных болезней. Содержавшийся в Берлинском зоологическом саду вилорог умер от глистов**.

По сообщениям принца фон Вида, еще 20—25 лет тому назад охота на вилорогов велась вяло, и только «в крайнем случае, когда нельзя было достать мяса бизонов». В то время индейцы были самыми опасными врагами животного; теперь же европейцы не уступают им в страсти к этой охоте. По словам Одюбона, индеец перенимает у волка способ охоты, основывая его на любопытстве вилорогов: он принимает необыкновенные позы, делает руками и ногами странные движения и таким образом заставляет изумленное животное приблизиться на расстояние выстрела. Вышеупомянутый наблюдатель уверяет, что он сам мог убедиться в верности этих показаний. «Во время одной охоты, — говорит он, — мы подошли к вилорогу и решили озадачить его, легли на спину в траву и подняли на воздух сначала одну, а потом другую ногу. Замечательно то, что вилорог стал медленно подходить к нам, хотя и с величайшей осторожностью и большим недоверием. Он все ближе и ближе подходил к нам и скоро действительно оказался на расстоянии выстрела». В настоящее время, по словам Финша, никто не знает о подобной охоте и смеются над такими охотничьими рассказами. Однако Тильман упоминает о сильном любопытстве этого животного, указывая на то, что он сам видел удивительные примеры этого. Вообще там, где водятся

Семейство вилороговые

** У вилорога сравнительно мало естественных врагов. На детенышей нападают койоты, рыси, беркуты, основную угрозу взрослым представляют стаи волков, однако благодаря стадному образу жизни, скорости бега и выносливости вилорогов их охота бывает малоэффективной, а ущерб популяциям копытных невелик.*

*** Вилороги плохо приживались в неволе из-за тесноты помещений и невозможности создать полноценную крупную группу. В настоящее время легко содержатся и размножаются в сафари-парках, доживают до 12 лет.*

Семейство полорогие

* Численность вилорога до освоения прерий европейцами достигала 35 млн голов. В результате неумеренной охоты она упала до 20 тыс. в начале XX века. В результате охранных мероприятий численность восстанавливается и, возможно, дошла до 1 млн.

** Семейство полорогих, или бычьих — самая обширная и разнообразная группа парнокопытных, включает 45—50 современных родов и около 130 видов.

*** Из-за сезонной неравномерности роста на рогах некоторых парнокопытных заметны «годовые кольца», позволяющие узнать возраст животного.

вилороги, не много встречается людей, которые бы занимались охотой на них, так как она сопряжена с большими трудностями. Обыкновенный род охоты — это охота с ружьем по следу, которая требует, по крайней мере, терпения и напряжения. Кто по собственному опыту знаком со степями Запада, знает, чего это стоит.

Полезьа от этой охоты немаловажна. Некоторым людям противно мясо этого животного из-за сильного отталкивающего запаха, но большинство европейцев находит, что оно отличается от мяса оленей и косуль, имеет необыкновенно пряный вкус и потому по праву может считаться одним из тончайших блюд западных областей Северной Америки. Жир отличается твердостью, поэтому из него выделывают свечи. Легкая и мягкая кожа употребляется индейцами на изготовление рубашек, а европейцами — на выделку перчаток*.

СЕМЕЙСТВО ПОЛОРОГИЕ (Bovidae)**

Полорогие животные составляют естественную, ясно очерченную группу. Как ни близки олени к полорогим, однако отличаются от них строением и развитием рогов, которые имеют свойство ежегодно сваливаться, вновь вырастать и все более и более разветвляться. «Полорогие, — говорит Блазиус, — имеют на лбу конусообразно заостряющиеся костяные наросты, которые окружены роговым футляром; эти костяные наросты растут постоянно в длину, а у основания и в ширину. При росте на этом костяном пеньке постоянно образуются новые роговые слои, для которых старые слои служат как бы футляром. И в полых рогах новая роговая масса отделяет старые слои рогов от костяного нароста, но эти старые слои не опадают, как у оленей, так как конусообразный вид поверхности старых роговых слоев препятствует этому. Годовые слои на рогах заметны волнообразными желобками. Растет роговое вещество не весь год одинаково. Ежегодный прирост также изменяется, смотря по возрасту; чем старше животное, тем ежегодный прирост бывает меньше»***.

Другими признаками этого семейства может служить зубная система: все принадлежащие к полорогим животные имеют шесть резцов и два клыка только на нижней челюсти; на верхней челюсти нет передних зубов; на каждой стороне челюстей вверху и внизу мы находим по шесть коренных зубов. Скуловая дуга очень плотная.

Кроме зубной системы и рогов трудно найти общие признаки, свойственные всем полорогим. Строение их тела очень разнообразно, к этому семейству относятся как толстые и массивные животные, так и легкие и грациозные. Форма рогов и копыт, длина хвоста, волосяной покров и окраска бывают очень различны;

слезные ямочки иногда встречаются, иногда нет; кончик морды покрыт волосами или голый — одним словом, при ближайшем рассмотрении этих животных замечаешь у них много отличительных признаков*.

Образ жизни полорогих так же разнообразен, как и внешний вид. Они распространены по всей земле, за исключением Южной Америки и Австралии**; множество видов встречается во всех поясах земного шара и в самых разнообразных местностях: в безводных пустынях и в богатых растительностью тропических лесах, в болотистых равнинах и в высоких горах. Большинство живут стадами. Почти у всех хорошо развиты душевные способности. Многие виды отличаются сообразительностью, но некоторые, напротив того, от природы очень глупы. Размножаются они довольно быстро, хотя самка за один раз приносит одного детеныша, реже двух, в виде исключения — трех и только в редких случаях — четырех. Молодые животные по росту и по развитию не отличаются от других жвачных. Они рождаются развитыми и большей частью через несколько часов после рождения могут следовать за своими родителями по самым опасным местам. У многих видов рост продолжается несколько лет, но у большинства молодые уже через год сами способны к размножению, и этим объясняется быстрое увеличение числа особей в отдельных стадах жвачных.

Полорогие имеют для человека более важное значение, чем все прочие жвачные. Между ними человек выбрал себе самых необходимых домашних животных; от них мы получаем значительную часть пищи и материала для одежды; без них человеку ныне жить было бы невозможно. Даже дикие, пользующиеся неограниченной свободой виды этого семейства приносят гораздо больше пользы, чем вреда. Почти все без исключения доставляют нам вкусное мясо, шкуру, шерсть и рога. Все дико живущие полорогие считаются охотничьими животными. Кроме человека эти животные имеют и других врагов, но еще чаще, чем от насильственной смерти, они погибают от голода и различных, очень распространенных у них болезней.

Быки — это большие, сильные и неуклюжие жвачные, признаками которых служат, главным образом, более или менее круглые и гладкие рога, широкая морда с далеко отстоящими одна от другой ноздрями, длинный хвост, достигающий пяточного сустава, с кистью на конце, отсутствие слезных ямок и межкопытных желез; у самок вымя с четырьмя сосками. Большинство имеет отвислый подгрудок или складку кожи на верхней части шеи. Скелет состоит из очень грубых и толстых костей. Череп широк у лба и к морде мало сужен; круглые глазные впадины расположены по сторонам черепа далеко одна от другой; лобные отростки, на которых сидят рога, выдвигаются по сторонам из задней части лобной кости. Устройство зубов ничем особенным не вы-

Семейство полорогие

* В отличие от оленевых, у полорогих никогда не бывает верхних клыков, коренные зубы имеют более высокую коронку и более сложную жевательную поверхность. Число пальцев иногда сокращается до двух.

** Будучи многочисленными и разнообразными в Африке и Евразии, полорогие в ограниченном числе проникли в Северную Америку только в плейстоцене, преодолев берингийскую сушу. Сейчас здесь встречаются всего 5—6 видов из 4 родов (подсемейства *Caprinae* и *Bovinae*). Южной Америки и Австралии полорогие так и не достигли, так же как и многих островов, архипелагов. В России — 12 диких видов полорогих из 8 родов.

деляется. На каждой челюсти самыми большими оказываются внутренние резцы, передние обыкновенно малы, задние же очень развиты. Рога у корня расширяются и поэтому могут закрывать почти весь лоб, но у большинства оставляют его открытым. Рога гладкие, округленные и только у основания имеют поперечные морщины; сгибаются различно: наружу или внутрь, назад или вперед, вверх или вниз или же имеют лирообразную форму. Волосной покров короткий и гладко прилегает к коже, но на некоторых частях тела может удлиняться в виде гривы.

Родиной быков нужно считать всю Европу и Африку, Среднюю и Южную Азию, а также Северную Америку; в настоящее время одомашненные виды распространены во всех частях земного шара. В диком состоянии быки населяют самые разные местности; одни живут в густых лесах, другие среди вольных степей, одни на равнинах, другие в горах, где достигают высот до 6000 м. Некоторые виды предпочитают болотистые местности и топи, другие — более сухие места. Те, которые живут в горах, спускаются зимой в долины; живущие на севере передвигаются на юг; в других областях переходят из одних мест в другие, более богатые растительностью. Все без исключения виды живут обществами и собираются в стада под предводительством сильных и опытных животных. Старые самцы обыкновенно отделяются и живут отшельниками.

Хотя быки кажутся неуклюжими и неповоротливыми, они в состоянии быстро двигаться и выказывают гораздо больше ловкости, чем можно было бы предположить. Обыкновенно они передвигаются медленным шагом, однако бегают рысью и переходят иногда в чрезвычайно неуклюжий галоп, ускоряющий их передвижение в значительной степени. Виды, живущие в горах, лазают мастерски. Все быки легко и хорошо плавают, некоторые без опасений переправляются через широчайшие реки. Они обладают необыкновенной силой, и выносливость их достойна удивления. Из органов чувств выше всего развито обоняние, слух тоже хорош, зрение не особенно сильное. Дикие обнаруживают гораздо больше сообразительности, чем домашние, которым нет необходимости напрягать свои душевные силы. Они кротки и доверчивы к животным, которые для них не опасны и им не надоедают. Но бывают чрезвычайно свирепы, упрямы и в высшей степени мужественны. Раздраженные, бросаются, презирая смерть, на хищных зверей, даже на сильнейших, и с такой ловкостью умеют пользоваться своим страшным оружием — рогами и копытами, что часто остаются победителями. В общем миролюбивые друг с другом, в известные периоды, особенно в период случек, они вступают в бои, выказывая большую свирепость. Голос их представляет ясное или глухое мычание или же походит на хрюканье и ворчание, которое слышится главным образом, когда они возбуждены.

Пищу быков составляют растения. Они поедают листья и нежные почки, побеги и ветви самых разных деревьев, травы и злаки, древесную кору, мхи и лишай, болотные и водяные растения, даже острую режущую осоку и тростниковые растения. В неволе они также питаются растительными веществами. Соль для всех служит лакомством, вода — насущная потребность; многие с удовольствием валяются в илистых болотах или часами лежат в реках и прудах.

Случке предшествуют жестокие битвы между быками; 9—12 месяцев спустя корова телится одним теленком, очень редко двумя. Теленок рождается вполне развитым и почти немедленно в состоянии следовать за матерью. Она обращается с ним с большой нежностью, кормит и чистит, облизывает и ласкает его, а в случае опасности защищает от всякого нападения с большим мужеством; у некоторых видов самцы также охраняют детенышей.

Все виды быков поддаются приручению и подчиняются, более или менее охотно, человеку, привыкают к своим хозяевам, любят и узнают их, идут на их зов и повинуются даже слабому ребенку.

Охота на диких быков принадлежит к опасным. Особенно грозным противником является раздраженный бык, слепая ярость которого не знает границ. Но именно вследствие опасности охота эта кажется для многих привлекательной, некоторые народы ее особенно высоко ценят. Охота на диких быков приносит немало важный доход, люди пользуются не только их кожей, но и мясом, которое, несмотря на часто присущий ему мускусный запах, служит отличной пищей.

Быки, живущие в диком состоянии, вредят человеку, разве лишь обгладывая деревья и кусты в лесах, уничтожая травы на лугах и разные насаждения на плантациях; прирученные, напротив, приносят пользу своей силой, мясом и костями, кожей и рогами, молоком, шерстью и даже навозом. На западе России находится своеобразное сокровище. Это знаменитая Беловежская пуца, настоящий северный первобытный лес пространством в 2000 квадратных километров. Он расположен обособленно и, подобно острову, окружен полями, селами и вересковыми пустошами. В лесу находится лишь одна деревня, называемая так же, как и пуца, но населенная не хлебопашцами, а лесниками и егерями. Около четырех пятых площади леса составляют сосны, сохраняющие исключительное господство на большом пространстве. В более сырых местах появляются ели, дубы, липы, грабы, березы, ольхи, тополя и ивы. В этом лесу живет величайшее европейское млекопитающее — **зубр** (*Bison bonasus*). Лишь здесь и в некоторых лесах Кавказа, а также в Мецерцице в Силезии сохранилось в настоящее время это мощное животное; на всей остальной поверхности земли оно уже истреблено. В Беловежской пуце его охра-

** Ареал зубра в средние века охватывал Центральную и Восточную Европу от Германии и Венгрии до бассейна Дона и Кавказа. Дольше всего дикие зубры сохранялись на Кавказе и в районе Беловежской пуши. К 20-м годам XX века из природы исчез. 45 голов номинативного подвида сохранилось в зоопарках, главным образом в Польше. В результате восстановительных работ в неволе (в том числе поглотительном скрещивании с бизоном) зубра удалось спасти как вид и вернуть в некоторые места бывшего обитания — заповедники Польши и бывшего СССР. В Подмоскowie функционирует питомник при Приокско-Террасном заповеднике, группы зубров реакклиматизированы на Кавказе, в Карпатах, завезены на Тянь-Шань. Сейчас в мире насчитывается около 1,5 тыс. животных.*

няют строгие законы и, если бы в течение многих столетий менявшиеся владельцы этого удивительного зверинца не оказывали зубру подобного покровительства, то к нашему времени зубра можно было бы найти разве только на Кавказе.

В прежние времена дело было, конечно, иначе; можно доказать, что зубр был распространен по всей Европе и значительной части Азии. Во время процветания Древней Греции он часто попадался в нынешней Болгарии; в средней Европе водился почти повсеместно. Аристотель называет его «бонассус» и делает точное описание, Плиний приводит его под именем «бизон» и считает родиной Германию. Старинные письменные памятники упоминают о нем в VI и VII веках после Рождества Христова, а в «Песне о Нибелунгах» говорится, что он живет в Вогезах. Во времена Карла Великого зубр встречался в Гарце и Саксонии, около 1000 года, по Эккегарду, это дикое животное попадалось у Сент-Галлена. Около 1373 года он жил еще в Померании, в XV веке — в Пруссии, в XVI веке — в Литве, в XVIII веке — в восточной Пруссии, где еще в 1755 году браконьером был убит последний представитель этого вида.

Короли и магнаты Речи Посполитой ревностно занимались охраной зубров. Их содержали в особых садах и парках, например, близ Остроленки, Варшавы и Замойска. Увеличивающееся население и обработка полей сделали с течением времени такую охрану невозможной; зубры удержались еще некоторое время в Прусской Литве, где лесничие оберегали их, устраивая зимой открытые сараи с кормом. Ловили их тогда обыкновенно для подарков иностранным дворам. Так, в 1717 году два зубра были доставлены ландграфу Гессен-Кассельскому, столько же английскому королю Георгу. Повсеместная чума рогатого скота в начале XVIII столетия уничтожила большую часть этих стад. Несомненно, что зубров, живущих в Беловежской пуше, постигла бы та же участь, если бы польские короли, а потом русские императоры не охраняли редкого в современном мире животного.

По сведениям, дошедшим до меня через покойного графа Лацар, дольше, чем в Пруссии, зубр жил в Венгрии, в лесистой Трансильвании. На это указывает и тот факт, что названия некоторых гор, ручьев и даже селений содержат слово «зубр». В Турецкой хронике, которая была напечатана при короле Матвее I, находятся богато разукрашенные начальные буквы, на одном их таких украшений мы видим венгерского короля верхом, с короной на голове; он замахивается высоко поднятым копьём на бешено мчащегося зубра. Во времена трансильванских князей зубр часто там встречался, и вполне подтверждается, что еще в XVII веке его шкура была употребляема на разные изделия. Как доказано, он еще в 1729 году жил в горных лесах Венгрии и в конце прошлого века встречался в горных лесах Секлеров, недалеко от местности Фюле*.

Хотя можно с уверенностью признать, что зубр уменьшился в росте, он все же и теперь могучее животное. Зубр, убитый в Пруссии в 1555 году, был 7 футов высотой и 13 футов длиной, при этом весил 19 центнеров и 5 фунтов. В настоящее время самый большой зубр редко достигает в высоту 1,7 м, в длину 3,4 м, а массы 500—700 кг*. Зубр представляется нам образцом первобытной силы и мощи. Голова его умеренно велика и не только не неуклюжа, а скорее стройна, лоб высок и очень широк, переносье немного выгнуто, лицевая часть равномерно сужена к концу. Морда широкая и некрасивая; она занимает все пространство между большими, круглыми, косо расположенными ноздрями; уши короткие и закруглены, глаза скорее малы, края глазных впадин выдаются над щеками; очень сильная, короткая и приподнятая шея образует подгрудок. На сильных, но не коротких ногах, снабженных большими овальными копытами и довольно маленькими мозолистыми пальцами, покоится массивное туловище; спина значительно возвышается от затылка до середины, откуда спадает к крестцу; хвост короткий и толстый. Рога расставлены далеко один от другого, не слишком толсты, круглы и остры; они загибаются несколько вперед, затем внутрь и назад. Туловище покрыто густым мехом, состоящим из длинных, большей частью завитых волос ости и сбитого, как войлок, подшерстка. Мех этот удлиняется на затылке в широкую челку, состоящую из гладких волос и спадающую на лоб и на виски; на спине волосы образуют высокий гребень, на подбородке свешивается вниз длинная и довольно жидкая борода. Шею и подгрудок охватывает большая грива. Все лицо покрыто густыми волосами; ушные раковины на краях мохнатые; на конце хвоста широкая и длинная кисть, спускающаяся почти до пяточного сустава. Общая окраска меха — светло-бурая, борода и кисть хвоста черные, ноги темно-бурые, челка светло-коричневая. Корова по телосложению заметно меньше и тоньше, чем бык, рога у нее слабее, грива менее развита; окраска, однако, одинаковая. Только что родившийся теленок более светлого цвета**.

До последнего времени вопрос: принадлежит ли живущий в Кавказских горах дикий бык к тому же виду, что и зубр, остался нерешенным. Мы до сих пор получили мало сведений об этом животном. Более 200 лет тому назад Архангело Ламберти только упомянул, хотя и по слухам, о существовании «дикого буйвола» на границе Мингрелии. В конце прошлого столетия Гюльденшtedт нашел в одной пещере на Кавказе 14 зубровых черепов. Эйхвальд в начале нашего века собирал известия о местонахождении оставшихся еще в живых диких быков. Но только Бэр мог на основании присланной ему в 1836 году бароном фон Розаном шкуры удостовериться в том, что кавказский дикий бык и зубр принадлежат к одному виду. С тех пор было много сообщений о диком быке Кавказа. А в 1868 году там был пой-

Семейство половогие

* Высота быков в холке — до 2 м, масса — до 850 кг. Коровы могут быть вполонину легче.

** От бизона зубр отличается более крупной величиной, но одновременно более легким телосложением. У него не столь большая голова, посаженная гораздо выше, более длинные и тонкие рога, прогнутый профиль спины, сильнее развита задняя часть тела. Ноги заметно выше, хвост длиннее. Шерсть более равномерной длины и однотонного коричневого цвета. В рационе большее значение играют ветки и листья (все же зубры потребляют более 200 растений).

** Последние зубры
особого кавказского
подвида
(*B.b. caucasicus*),
отличавшегося очень
темной курчавой
шерстью и некото-
рыми другими осо-
бенностями, были
истреблены браконь-
ерами в 1925—
1927 годах в районе
Теберды. Сейчас в
Тебердинском и
других парках и
заповедниках Кавка-
за живут стада
зубров, беловежских
по происхождению, а
также зубробизонов.
Оседлые на равни-
нах, в горах зубры
совершают верти-
кальные кочевки,
поднимаясь летом до
2000 м над уровнем
моря.*

ман молодой зубр-самец, и доставлен в Московский зоологический сад. Таким образом, установлено, что наш европейский дикий бык — зубр — имеет еще и другое местопребывание и может считаться застрахованным от истребления по крайней мере на ближайшее время.

Нордман, Торнау и Радде сообщили между тем дальнейшие сведения о существовании и образе жизни кавказских зубров, а также об охоте на них. Нордман свидетельствовал в конце тридцатых годов, что зубр уже не встречается вблизи горной дороги из Тамани в Тифлис, но что внутри горных цепей Кавказа попадает нередко, постоянным местом его обитания служит пространство не меньше 200 километров вдоль побережья Кубани до истоков Бзыби. Опираясь на устные сообщения Торнау, он рассказывает об одной кавказской охоте на зубров в долине Большого Зеленчука и замечает, что животные эти водятся не только на указанной реке, но и в скалистых, обильных ущельями долинах Урупа и Большой Лабы, а также в хвойных лесах Главного хребта ниже линии вечного снега. Радде сообщает Брандту, из труда которого я заимствовал нижеизложенные известия о зубрах, что еще в 1865 году в обширных сосновых лесах к западу от глетчера Марухи ютились зубры, которые попадались там стадами в 7—10 голов. Торнау, живший три года в горах в качестве пленника у горцев и присутствовавший при охоте на зубров, часто видел становище этих животных и тропинки, прокладываемые ими даже на самых крутых обрывах, чтобы перейти из скалистой долины к ручью, где можно утолить жажду. Однажды на Зеленчуке он услышал громкий шум, происходивший от топота стада зубров и ломающихся ветвей, и скоро увидел до 20 коров и телят, которые следовали за громадным быком, важно шагавшим с опущенной головой; все они направлялись к обычному водопою*.

Число зубров в Беловежской пуще, согласно произведенной переписи, доходило в 1829 году до 711 голов, между которыми было 633 старых быка, в следующем году стадо возросло до 772 голов, но затем уменьшилось снова до 657 вследствие происшедшего в эти годы польского мятежа. В дальнейшем усиление охранительных законов так благоприятствовало их размножению, что в 1857 году число всех зубров, живущих в Беловежской пуще, равнялось 1898. Но по другим сведениям, в 1863 году в стаде было только 874 зубра, и с тех пор число их постоянно колеблется от 800 до 900 голов; по словам Фриза, в настоящее время насчитывают до 1500 быков.

В 1865 году князь фон Плесс сделал попытку поселить зубров в поместье Плесс в Силезии, в парке пространством более 600 гектаров. Из Беловежья по железной дороге были привезены один бык и три коровы, которые хорошо ужились и даже размножились на новом месте. Позже, в 1871 году, животные были переведены в лес Мецерцица. Как сообщает Фризе, в 1889 году там уже

насчитывалось 11 зубров, хотя за это время девять быков были застрелены.

Летом и осенью зубр живет в сырых местах леса, обыкновенно спрятавшись в чащах; зимой предпочитает более сухой и выше расположенный лес. Очень старые быки живут одиноко, более молодые бродят небольшими стадами, летом в 16—20, а зимой в 30—50 голов. Каждое стадо имеет свое постоянное становище и всегда возвращается к нему.

Зубры деятельны и днем и ночью, пасутся охотнее всего утром и вечером, иногда даже и ночью. Пищу их составляют различные травы, листья, почки и кора деревьев: они насколько могут обгладывают кору с деревьев и пригибают к земле молодые гибкие стволы, чтобы достать макушку, которую совсем уничтожают. Их любимое дерево, кажется, ясень, сочную кору которого они предпочитают всем другим; хвойные деревья, напротив, не трогают. Зимой едят почти исключительно кору и ветки доступных им лиственных деревьев, кроме того, лишайники и сухую траву. В Беловежской пуще скошенное на лугах сено запасают для них в стогах; но они, не довольствуясь этим, делают набеги на стога соседних деревень, ломая при этом изгороди. Свежая вода для питья им необходима.

На первый взгляд движения зубра кажутся тяжелыми и неуклюжими, но, присмотревшись, можно заметить, что они достаточно проворны. Ходят зубры скорым шагом, бегают тяжелым, но быстрым галопом, причем опускают голову к земле, а хвост поднимают кверху и вытягивают*.

Они легко переходят вброд или переплывают болота и реки. Между внешними чувствами первое место занимает обоняние; зрение и слух развиты меньше, а вкус и осязание лишь посредственно. Нрав зубров меняется с годами. Молодые животные бывают веселыми, живыми, игривыми существами; хотя они не очень кротки и миролюбивы, но все же не злы. Старые, напротив, имеют сумрачный, даже свирепый нрав; они становятся раздражительными и не расположенными к каким бы то ни было играм. Хотя зубры обыкновенно не трогают людей, которые их не беспокоят, но малейший повод может пробудить в них гнев и сделать чрезвычайно опасными. Летом они стараются избегать человека, зимой никому не уступают дороги, и случалось не раз, что крестьянам приходилось долго ждать, пока зубру заблагорассудится уйти с занятой им тропы, по которой никто не может пройти. Дикость, упрямство и вспыльчивость — отличительные черты этих быков. Более молодые пугливее и боязливее старых. Живущие отшельниками старые звери могут стать истинным бичом страны. Они, кажется, находят особое удовольствие в том, что дразнят людей. Один старый бык-вожак овладел на некоторое время дорогой, проходящей через Беловежский лес, опрокидывал не раз экипажи и причинил много дурных несчастий. Лошади выказывают

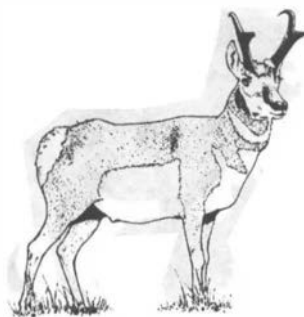
Семейство половогие

* Зубры могут прыгать до 3 м в длину и до 2 м в высоту.

Семейство половогие

** Во время гона при быке находится «гарем» из 2—6 самок.*

*** Вес новорожденного около 22 кг, лактация продолжается 5—6 месяцев (иногда до года), но теленок начинает есть траву уже с 2—3 недель. Иногда теленок остается с матерью до 2 лет, несмотря на то, что при благоприятных условиях следующей весной самка приносит новое потомство. Половое созревание наступает в 1,5—2 года, но окончательных размеров животные достигают к 5—8 годам. Максимальная продолжительность жизни — около 40 лет.*

перед зубром еще издали страх и ужас и, почуяв его, стараются убежать.

Период случек, наступающий обыкновенно в августе, а иногда только в сентябре, продолжается две или три недели. Около этого времени зубры находятся в наилучшем состоянии, тучны и сильны. Перед случкой забавляются своеобразными играми, а между быками бывают серьезные битвы. Бешеному от любви животному, кажется, доставляет особое удовольствие вырывать из земли не очень толстые деревья и валить их. Затем они начинают драться, сперва, может быть, только шутя, потом все серьезней и серьезней, наконец бешено бросаются друг на друга и так сталкиваются рогами, что можно только удивляться, как оба не расшибутся от такого сильного удара. Мало-помалу отшельники собираются в стада, и поединки делаются теперь еще ужасней, более молодой и слабый бык должен или отступить, или умереть. В 1827 году в Беловежском лесу был найден околешивший трехлетний бык с раздробленной ногой и отбитым у корня рогом. Не только быков находили мертвыми в это время, но и коров*.

Тотчас после окончания периода спаривания старые быки снова отделяются от стада и возвращаются к прежней тихой, отшельнической жизни. Коровы телятся через девять месяцев после случки, обыкновенно в мае или начале июня. Перед этим они уединяются, находят удобное место где-нибудь в глубине леса и скрываются здесь с теленком в течение нескольких дней. В случае опасности с необыкновенным мужеством защищают свое детище. Теленок прижимается к земле, поднимает уши и ворочает ими, широко раскрывает ноздри и глаза и пугливо смотрит на врага, навстречу которому спешит мать. Тогда и человеку, и зверю опасно приближаться к самке зубра — она храбро идет против всякого врага. В течение нескольких дней после рождения теленок следует за матерью, которая обращается с ним с необыкновенной нежностью. Пока он еще не умеет как следует ходить, она головой нежно подталкивает его вперед и старается защитить от холода и опасности, помещая между передними ногами; каждый день дочиста облизывает его; во время кормления стоит на трех ногах, чтобы теленку было удобнее достать вымя, а пока он спит, охраняет его безопасность. Телята прелестные, грациозные животные, хотя уже с юности проявляют задатки характера. Они развиваются очень медленно и достигают полного роста, вероятно, только к восьмому или девятому году**. Возраст, до которого зубры могут дожить, определяется приблизительно в 30—50 лет. Коровы умирают лет на 10 раньше быков, но и последние в старости обыкновенно слепнут или лишаются зубов, тогда уже они не способны питаться надлежащим образом, не могут обкусывать молодые ветви, быстро слабеют и наконец околевают.

По сравнению с другими быками зубры размножаются медленно. В Беловежской пуще провели наблюдение и выяснили, что

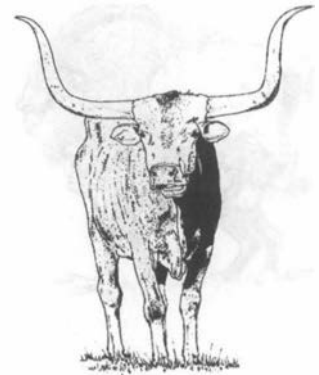
коровы бывают стельными раз в три года, а в более зрелом возрасте остаются бесплодными несколько лет кряду. В 1829 году из 258 коров отелились только 93; из остальных большинство уже были бесплодными, а другие еще слишком молодыми.

Эти сильные животные превосходно защищаются от врагов. Медведи и волки могут быть опасны только телятам, и то если по какой-нибудь причине матери нет в живых и детеныш беззащитен. Однако случается, когда выпадает глубокий снег, голодные волки гоняют взрослых зубров до изнеможения и наконец одолевают их.

Еще во времена Юлия Цезаря охотник, убивший одного тура или зубра, приобретал большую славу; все древние песни восхваляют таких героев. В средние века рыцари и бароны доблестно сражались с зубрами и турами. Одни охотились верхом на конях, другие пешком, но всегда избирали оружием нападения копьё. Выходили на зверя вдвоем: один приближался к бешеному зверю, другой криками и размахиванием красного платка старался отвлечь внимание зубра от нападающего и привлечь к себе; в это время первый вонзал копьё в тело животного. Простые охотники, чтобы овладеть могучим животным, сооружали на его тропе глубокую яму и убивали зубра, провалившегося в нее.

По преданиям, которыми так богата история Венгрии и Трансильвании, охота на зубра составляла самое воинственное занятие мадьярского рыцарства и знати соседних стран. Во времена первых венгерских королей охота сделалась исключительным правом короля или владетельного князя. Есть много сообщений на эту тему. «В том же году (1534), — говорится в одной немецкой рукописи, — дикие быки, известные в Венгрии под названием «бегин» или «беогин», жившие стадами в горах Журжево в стране Секлеров, причиняли много вреда и нападали на мужчин и женщин, ходивших в лес. Поэтому Мойлар Истван, согласно древнему обычаю, созвал в день святого Фабиана на большую охоту старых воевод. Тогда съехалось много господ и знати, которые поохотились удачно, а также порядочно попиروвали». И спустя 100 лет охотились с такой же пышностью, как можно видеть из письма Георга Ракочи I, князя Трансильванского к Павлу Борнемиссеру в 1643 году.

В Беловежской пуце владетельные особы прошлых столетий появлялись с многочисленной свитой, созывали лесничих и принуждали окрестных крестьян идти в загонщики. Отряд в 200—300 человек должен был гнать зубров к месту, где на безопасном помосте стояли охотники. Об одной блестящей охоте, устроенной польским королем Августом III в 1752 году, свидетельствует еще и теперь шестиметровая пирамида из белого песчаника с надписью на немецком и польском языках; в один день тогда было убито 42 зубра, 13 лосей и две косули; только одна королева застрелила 20 зубров, не промахнувшись ни разу. Восемнадцатого и

девятнадцатого октября 1860 года устроил охоту русский император: сам государь застрелил шесть зубров-быков и одного теленка, двух лосей и шесть ланей, три косули, четырех волков, одного барсука, одну лисицу и одного зайца. Великий герцог Веймарский и принцы Карл и Альбрехт Прусские убили еще восемь зубров. Эта охота была подробно описана в особом сочинении на русском языке.

Д. В. Долматов, главный лесничий казенных лесов Гродненской губернии, рассказывает, как ловили этих животных. Государь император обещал королеве Виктории для зверинца двух зубров и поэтому приказал поймать несколько голов. Это было в июле. На рассвете собрались 300 загонщиков и 80 охотников с ружьями, заряженными одним порохом, и обступили выслеженное стадо. Долматов и его спутник, граф Киселев, привезший царский приказ, увидели стадо, которое расположилось на холме. Телята весело прыгали, высоко подбрасывая песок проворными ногами, возвращались время от времени к своим матерям, терлись о них, лизали и затем снова весело прыгали. Вдруг звук рога прервал эту идиллию. В страхе стадо вскочило, телята пугливо прижались к матерям. Когда раздался лай собак, стадо поспешно собралось в обычном порядке: телята впереди, а взрослые образовали арьергард, охраняя их от нападения собак. Старые зубры прорвались сквозь цепи загонщиков и бросились дальше, не обращая внимания на людей, крики и выстрелы. Сразу посчастливилось поймать двух молодых зубров: теленком около трех месяцев от роду овладели без особого труда; другой, приблизительно пятнадцатимесячный, повалил на землю восемь человек и убежал, но, преследуемый собаками, был пойман в саду одного лесничего. Четырех телят, одного самца и трех самок поймали позже, одной самке от роду было всего несколько дней.

Я видел зубров в зверинце в Шенбруне. Они жили в продолжение многих лет в одном хлеву, перед которым находился двор, огороженный толстыми бревнами. Очень крепкие дубовые столбы изгороди, вкопанные на метр в землю и сверх того укрепленные подпорками, скреплялись перекладинами. При моем посещении у коровы был сосущий теленок, заботу о нем она выражала всем своим поведением. Чтобы лучше рассмотреть редкостных животных, я подошел к изгороди ближе, как вдруг корова опустила голову и устремилась на меня, мыча и далеко высунув длинный язык, причем бросилась головой на балки с такой силой, что даже дубовые столбы задрожали. Другое существо раздробило бы себе череп при таком ударе: зубр же без малейшего труда повторил свои упражнения три или четыре раза подряд.

В наших зоологических садах при благоприятном уходе зубры прекрасно выживают, без труда спариваются и размножаются даже больше, чем на свободе. По наблюдениям Шепфа, период стельности продолжается 270—274 дня. Мать чрезвычайно

нежно обращается со своим новорожденным, если только его не тронула человеческая рука; она приходит в ярость и вымещает на беззащитном теленочке всякое непрошеное прикосновение надсмотрщика. Быка следует отделять от стельной коровы, так как семейная жизнь этих животных невозможна в тесном помещении. В Дрездене 22 мая 1865 года только что родившийся теленок был подхвачен своим родителем на рога и переброшен через изгородь; здесь он снова встал на ноги и был принесен в хлев к матери, разлученной с быком. Корова, обнюхав своего теленка и, вероятно, заметив, что к нему уже прикоснулись человеческие руки, подбросила его и затоптала до смерти. За много недель до отела самая кроткая корова-зубр делается дикой и злобной, а отелившись и начав кормить теленка, она ведет себя в большинстве случаев так, как я выше описывал.

По вкусу мясо зубра нечто среднее между мясом домашних быков и олениной; особенно славится мясо коров и телят. Поляки считали соленое мясо зубров превосходным лакомством и употребляли его на подарки дворам государей. Шкура дает крепкую и прочную, но мягкую и скважистую кожу, которая употребляется для выделки ремней и постромок.

Рогам и копытам приписывают лечебные свойства. Наши предки делали из прекрасных крепких рогов сосуды для питья. На Кавказе еще и теперь используют их вместо кубков. На обеде, которым один кавказский князь чествовал генерала Розана, вместо стаканов употреблялись 50—70 рогов зубра, отделанных себром.

Та же участь, которой подвергался зубр в течение столетий, постигла его единственного родича — бизона (*Bison bison*)*, в невероятно короткий срок, можно сказать, в одно десятилетие. Несколько десятков лет тому назад по необозримым пространствам Северной Америки бродили миллионы этих мощных животных; в настоящее время там не более нескольких сот бизонов. История не знает, да и впредь не занесет на свои страницы другого примера такого систематического уничтожения, такого безжалостного массового истребления ради ничтожной выгоды безобидных и полезных животных. Причем правительство ничего не сделало для их защиты. Теперь только белеющие кости, разбросанные по далеким пустыням, указывают на некогда бесчисленные стада североамериканских бизонов.

Число уцелевших бизонов доходило, по точным сведениям Вильяма Горнедея, на 1 января 1889 года до 835 голов, включая тех 200 быков, которые живут под охраной правительства в парке Йеллоустоуне. Это истребление бизонов началось с семидесятых годов, когда были проведены железные дороги на дальний Запад. Свыше 50 000 индейцев поддерживали свою жизнь за счет бизонов, с их гибелью они были бы лишены средств к существованию, если бы правительство Соединенных Штатов не поддерживало их.

* Бизоны проникли в Америку из Евразии в ледниковый период. Разные их формы сменяли друг друга в тундростепях, лесах и прериях, некоторые виды намного превосходили современного степного бизона (*Bison bison*) размерами; размах их длинных рогов достигал 2 и более метров. Несмотря на обиходное американское название (*Buffalo*), бизоны, как и зубры, родственны скорее быкам, чем буйволам.

Бизона нужно считать характерным животным тех необозримых степных пространств, которые американцы называют прериями. Здесь бизоны жили в большом количестве, но попадались повсюду лишь небольшими группами. Когда первые европейцы начали заселять Северную Америку, площадь распространения бизонов, по исследованиям Аллена, простиралась почти от берегов Атлантического океана на запад, до границ Невады и Орегона, на юг до 25 градуса, на северо-запад приблизительно до 65 градуса северной широты и охватывало как лесные, так и степные пространства. В шестидесятых годах нашего столетия бизоны еще

Бизон
(*Bison bison*)

занимали средние части Северной Америки между 95 градусом западной долготы и Скалистыми горами. Мюльгаузен в 1851 году видел в прериях на западе от Миссури сотни тысяч бизонов; Фребель в 1858 году переходил с караваном повозок из Миссури в Мексику и в продолжение восьми дней ехал непрерывно среди их стад. «Семьями, стадами и целыми массами, — говорит Генворт Диксон, — с топотом неслись перед нами черные мохнатые животные, то с севера на юг, то с юга на север; 40 часов мы наблюдали неисчислимые

стада этих животных, мяса которых, как можно думать, хватило бы, чтобы снабдить вигвамы индейцев на целую вечность».

Союзная Тихоокеанская железная дорога, строительство которой было окончено в 1869 году, привлекла много охотников на бизонов. Полчища бизонов были разделены этой дорогой на северные и южные стада; с этого времени истребление животных шло неудержимо вперед, чему способствовала постройка других железных дорог. Охотой, или, вернее, убийством, занимались как

очень выгодным промыслом. Все южное стадо, число которого сведущими людьми еще в 1871 году определялось в 3 миллиона голов, к 1875 году было истреблено до незначительных рассеянных остатков. Подобным образом истребление северных стад началось в 1880 году и было окончено в течение трех последующих лет. На необозримых пространствах, недавно бывших отечеством многих миллионов бизонов, остались бродить тысячи быков, рассеянные в небольшие стада. Большая часть и этих беглецов в последние годы сделалась жертвой охотников, пока наконец охота не перестала быть выгодным занятием.

Горнедей пишет, что при разумном и своевременном регулировании законом можно было бы из громадного числа бизонов убивать ежегодно по полмиллиона молодых быков, выручать за них до 10 миллионов марок, не причиняя стадам заметной убыли; теперь же требуется много усилий, чтобы сохранить сотню другую из оставшихся в живых.

Нижеследующее описание относится, следовательно, к животным, стада которых населяли еще двадцать лет тому назад Северную Америку, но теперь почти совершенно уничтожены*.

Бизон, или буффало, среди североамериканских животных то же, что зубр среди европейских: это великан из всех местных сухопутных млекопитающих. Длина быка 2,7—3 м; длина хвоста с волосами 65 см; высота в плечах 1,7—1,9 м, у крестца 1,4—1,6 м; масса от 600 до 1000 кг. Коровы значительно меньше быков. Голова бизона очень велика, широколоба, неуклюжа и тяжелее, чем у зубра; переносье более выпуклое, уши длиннее. Отличительными признаками этого животного нужно считать размеры головы, необыкновенное развитие передней части тела при удивительном сужении задней, короткость толстого хвоста и тонкость ног. Рога бизона значительно сильнее, толще, тупее на концах и проще в изгибе, чем у зубра; загнуты они назад, наружу и вверх, так что концы их уже не сближаются. мех похож на мех зубра. Голова, шея, плечи, передняя часть туловища и плечевые части передних ног, передняя часть бедер и конец хвоста покрыты длинной шерстью. На плечах образуется грива, на подбородке и нижней части шеи борода; на лбу и затылке шерсть вьющаяся и всклокоченная; все остальные части тела покрыты лишь короткими и густыми волосами. Зимой шерсть значительно удлиняется. Почти все охотники и наблюдатели (Додж, Гинд, Макоун, Юнг) различают наряду со степным бизоном очень редкого лесного бизона, отличающегося более слабым телосложением и короткими, но коренастыми ногами**.

К августу—сентябрю, когда начинается период случек, стада приходят в возбуждение, тесно сплавиваются и образуют волнуемую массу. Быки гоняются за коровами, бросаются друг на друга и сражаются до тех пор, пока их не оттеснят другие. По описанию Катлина, эти единоборства очень страшны, но, по рассказам

Семейство половогие

* До прибытия европейцев численность степного бизона оценивалась в 50 млн голов. В настоящее время численность восстановлена на уровне около 60 тыс. голов. Большинство степных бизонов происходят от небольшой группы животных (около 200 голов), сохранившихся в Йеллоустонском национальном парке, и отдельных особей из зоопарков.

** Лишь в конце XIX века в лесах севера Канады был открыт лесной бизон (*B. b. athabascae*). Он крупнее степного. Некоторые ученые считают лесного бизона дожившим до наших дней подвидом первобытного бизона (*B. priscus*). В настоящее время охраняются не более 500 животных в национальном парке «Вуд-Баффало».

** Последние наблюдатели находятся ближе к истине.*

*** Двойни крайне редки. Новорожденный весит около 30 кг, покрыт светлой рыжеватой шерстью.*

**** В основном бизоны передвигаются шагом или неторопливой рысью, но в галопе могут развивать скорость до 50 км/ч.*

***** Основную информацию об окружающем мире бизон получает при помощи обоняния, слух и зрение играют лишь дополнительную роль.*

****** Бизон съедает в день до 25 кг травы, площадь кормового участка стада зимой составляет 94 км², летом вдвое меньше. Каждые 10—12 дней стадо перемещается на новый участок.*

других наблюдателей, например Одюбона, Доджа, они довольно безбидны*. Толстый череп, вдававок еще хорошо защищенный мехом, выдерживает сильные удары, а короткие рога представляют оружие, совсем не приспособленное к нанесению смертельных ран одинаково сильному противнику. Телята рождаются по одному, но нередко и по два, между мартом и июлем, некоторые только в августе**. Стельные коровы уединяются в безопасное место и ждут там, пока их детеныши не окрепнут. С того времени, как телята примкнули к стаду, быки охраняют их. Телята сосут в продолжение девяти месяцев, а иногда еще дольше, всюду следуют за матерями, пока следующее поколение не оттеснит их.

Хотя бизон по наружности неуклюжее животное, однако двигается с достаточной легкостью и, несмотря на короткие ноги, проходит значительные расстояния. Ходит всегда скоро, бегаёт рысью и неутомимо, а в галопе мчится с такой быстротой, что лошадь должна напрягать все свои силы, чтобы догнать его. Его движения очень своеобразны когда торопится, то тело описывает волнистые линии. В плавании выказывает силу и неутомимость; без малейшей робости идет в воду и переплывает широкие реки. Голос бизона скорее глубокое грудное рычание, чем мычание. Когда раздаются голоса тысячи бизонов, то образуется гул, который можно сравнить с отдаленным раскатом грома***.

Из внешних чувств выше всего стоят обоняние и слух. Бизон обладает превосходным чутьем, а слышит на далекие расстояния****. Все наблюдатели признают его зрение слабым, хотя глаза у него устроены хорошо и мало чем отличаются от глаз других животных; вероятно, густой мех, окутывающий голову, мешает смотреть. Своими душевными способностями бизон не отличается от других родичей. Он не очень понятлив, довольно добродушен, пуглив и не способен на быстрое возбуждение, но, будучи раздражен, забывает обычные свои опасения и смело идет навстречу врагу.

Бизоны переходят с места на место, от сочных пастбищ к рекам, куда они направляются, чтобы напиться и освежиться. При этом вытаптывают дорожки, которые всем путешественникам через прерии известны под именем «буйволовоых тропинок». Буйволовоые тропинки идут большей частью по несколько сот следов в ряд и пересекают реки там, где берега удобны для спуска и подъема. Эти тропинки напоминают те, которые протаптывает и по которым аккуратно проходит наш домашний скот, когда пасется в большом числе на свободе в лесах и на лугах. Можно точно знать, где недавно прошли бизоны, так как по их следу по земле еще долго тянется стая тощих волков, а в воздухе коршуны, орлы и вороны летят за верной добычей. Летом невысокая, но сочная трава прерий доставляет пищу пасущимся бизонам; зимой они довольствуются скудным пропитанием, наряду с ветками и засохшими листьями находят тощую траву, лишайники и мох*****.

Бизону все время приходится вести борьбу за существование. Его жизни угрожают не только человек и волк, но также холод и голод. Зима, тяжелая в прериях, истребляет сотни этих животных, предварительно обессилив и ослабив их. Собственно говоря, бизон может достаточно хорошо противостоять холоду: густой мех защищает его от непогоды, линька точно соответствует времени года, так что зима никогда не застигает его врасплох. Но условия жизни могут сделаться очень печальными, когда снежный покров глубок и животное, ищущее пропитание, несмотря на все усилия, не находит его в достаточном количестве. Жир, накопленный за лето, быстро истрачивается, изнеможение растет, и дальнейшее поддержание жизни оказывается невозможным*. Тогда ослабевшее животное спокойно и безнадежно ложится на землю и без сопротивления дает снегу похоронить себя. Бизоны гибнут зимой, если они неосмотрительно доверяются ледяному покрову реки. Их обычай идти один за другим часто губителен в таких случаях; под громадной тяжестью стада лед ломается, животные падают в воду, напрасно стараются выбраться, встречая препятствие в сотнях напирających сзади товарищей, и погибают. Подобным образом гибнут многие бизоны и летом, переплывая через реки, когда стремятся выбраться на берег в таком месте, где затруднительно сделать это.

Врагов у бизона так же много, как и у других видов. Говорят, медведь не боится боя с быками, а волк опасен молодым бизонам**. Самым же главным врагом остается человек, особенно европеец, охота которого, как сообщает Горнедей, приняла уже в двадцатых и тридцатых годах нашего столетия опасные размеры. «В прежние времена, — так изображает нам Мюльгаузен, — когда бизон мог считаться некоторым образом домашним животным индейцев, не было заметного уменьшения необозримых стад; наоборот, они размножились и жили спокойно на роскошных пастбищах своей родины. Но вот в этих местах появились белые. Большие шкуры с роскошным мехом понравились им, жирное мясо пришлось по вкусу — от того и другого они ожидали больших выгод. Сначала европейцы возбудили у индейцев жадность к блестящим украшениям и опьяняющим напиткам; эти продукты отдавались в малых количествах в обмен на добычу, тут-то и началось опустошение. Тысячи бизонов были убиты ради языков, еще чаще ради меха. Беззаботный индеец не думает о будущем: он живет и наслаждается лишь настоящим. Раз убедившись в выгоде охоты, он в дальнейших поощрениях не нуждается и охотится на бизонов до тех пор, пока последний из них не оставит ему своей шкуры. Несомненно, недалеко то время, когда могучие стада будут жить лишь в воспоминании и 300 тысяч индейцев, лишенных средств к существованию и гонимых свирепым голодом вместе с миллионами волков, сделаются бичом для соседней цивилизации и в качестве такого будут истреблены самым жестоким образом».

Семейство половогие

** Зимой животные ищут малоснежные участки, позволяющие копытить корм. Бизоны легко переносят 30-градусные морозы.*

*** Из хищников некоторый урон популяциям бизонов наносит только волк. Гораздо опустошительнее и опаснее для бизонов — эпизоотии инфекционных заболеваний, общих с крупным рогатым скотом: ящура, сибирской язвы и др.*

* Хрестоматийным стал «подвиг» Уильяма Фредерика Коди (Буффало Билла), истребившего за 18 месяцев 6400 животных.

В прежние годы ежегодно до сотни тысяч бизонов лишались жизни. Преследователи двигались в места их обитания настоящими, хорошо организованными армиями с главнокомандующими и начальниками, с возами припасов и лагерных приспособлений. Пока охотились на лошадях, нужны были объединенные усилия 15—25 охотников, которые в продолжение одного охотничьего сезона добывали до 1000 бизонов. Результаты стали совсем иными в последние два десятилетия, когда начали употреблять почти исключительно «тихую охоту», как называют американцы этот способ истребления. Хороший стрелок получил возможность уложить за одну охоту 1000—3000 голов; так, например, Жак Брейджес один застрелил 1142 бизона в течение шести недель*.

Такое успешное истребление сделалось возможным благодаря действию дальнобойных тяжелых ружей, заряжающихся с казенной части. По доставленным Горнедеем описаниям, «тихая охота» велась следующим образом. Обыкновенно группа охотников из четырех человек доставала необходимое снаряжение или это делало лицо, у которого они состояли на службе. Охотники ехали по железной дороге до ближайшей станции, складывали там свой багаж на повозки и направлялись к месту охоты. Один из них заботился о приготовлении пищи, остальные шли стрелять, каждый сам по себе, с ружьем, боевыми припасами и скорняжим ножом. Все искусство состояло в том, чтобы высмотреть стадо бизонов на таком месте, где стрелок незаметно и против ветра мог бы подкрасться к ним как можно ближе. Если это удавалось, человек клал возле себя патроны и, найдя опору для ружья, целился в вожака. Свист пули привлекал внимание стада, но не пугал его; ближайшие соседи подходили к вожаку, который с простреленными легкими скоро сваливался. Второй бык, только что задумавший принять руководство стадом, падал сам от следующей пули, а за ним следовали третий, четвертый и т. д. Стрелявший старался, чтобы его движений не увидели звери, и целился в того быка, который пытался отойти, потому что за ним последовали бы все остальные. Делая каждую минуту по выстрелу, опытный стрелок мог легко убить с расстояния 200—250 метров несколько дюжин глупых созданий. Горнедей приводит как доказательство, что некто Андриус менее чем за час убил с одного места 63 бизонов, а от Мак-Нансе он слышал, что другой стрелок уложил на месте 91; Додж сообщает о третьем человеке, который за 45 минут убил не менее 112 бизонов внутри полукруга с радиусом не более 200 м. Когда стрельба окончена, начинают сдирать шкуры, потом сушат и упаковывают их. После этого стрелок спешит попытать счастья на другом месте. Последним средством истребления явился отстрел животных у водопоя.

Везде, где жили бизоны, бесчисленные маленькие компании вели такого рода охоту, поэтому нечего удивляться, что беззащит-

ные животные исчезли с лица земли с поразительной быстротой. Но день, в который навсегда прекратилось хищническое избиение бизонов, наступил скоро и неожиданно.

Сушеное мясо бизонов, размельченное и смешанное с жиром, известно под названием «пеммикан». Участники полярных экспедиций к нему обыкновенно примешивают еще изюм и считают вкусным и питательным кушаньем. Мясо коров еще жирнее, чем быков, а мясо телят чрезвычайно нежно. Из шкур индейцы изготавливают одежду, палатки, постель, седла, пояса и т. п.; прежде обивали шкурами остовы своих челноков. Из костей делали станки для седел и ножи, которыми очищали кожу. Из жил сучили тетиву для лука и нитки для шитья; из ног и копыт варили прочный клей; крепкие волосы скручивали в веревки; из хвостов мастерили опахала, чтобы отгонять мух; помет служил топливом. Европейцы также ценили кожу и мех бизона. Кожа его превосходна, хотя несколько рыхла; мех можно употреблять на ковры и поверхности всякого рода; безукоризненные экземпляры, стоившие лет 30 назад 30—50 марок, теперь в 3 и 4 раза поднялись в цене, а скоро и совсем исчезнут из продажи. С одной шкуры можно получить до четырех килограммов шерсти, она так же хорошо поддается обработке, как и овечья, и в некоторых странах употребляется для производства теплых и очень прочных тканей.

В наших зоологических садах бизоны появились лишь несколько десятков лет тому назад. Один английский лорд, как мне сообщили в Лондоне, привез из Америки несколько пар и развел в Шотландии на землях своих имений стадо в 15—20 голов; но после его смерти бизоны были проданы. Два бизона, которых я содержал, были вначале очень пугливы и боязливы, поспешно прятались от приближавшегося человека, но нередко и угрожали ему до такой степени, что возбуждали серьезные опасения; поэтому надсмотрщик тяготился уходом за ними.

К началу января 1889 года в Соединенных Штатах содержалось для разведения 216 и для показа 40 бизонов; кроме того, было еще 40 ублюдков. Под охраной правительства в Йеллоустонском парке живут 200 диких бизонов.

Остается нерешенным вопрос о том, сколько еще сохранилось живых из тех немногочисленных экземпляров, которые бродили в диком состоянии по необитаемым степям и лесам Северной Америки.

«Индейцы, — так рассказывает еще Элиан, — приносят своему повелителю в дар двух быков. Они черного цвета, но хвосты, из которых делают опахала, ослепительно белые. Животное чрезвычайно пугливо и быстро спасается бегством; но если к нему слишком близко приближаются собаки, то оно прячет свой хвост в кусты, а головой обращается против врагов, так как полагает, что ему ничего не сделают, если не увидят хвоста; бык хорошо знает, что его и ловят ради красоты последнего. Но он заблужда-

Семейство половогие

* Яка обычно объединяют с быками в род *Bos*, в последнее время нередко выделяют в отдельный род *Poephagus*. Нередко выделяют два вида яков — дикого

Домашний як
(*Poephagus grunniens*)

(*P. mutus*) и домашнего (*P. grunniens*), в случае объединения в один вид яку присваивается латынь домашнего, поскольку он был описан раньше. Дикий як был открыт Н.М. Пржевальским только в 1883 г.

ется. Его убивают отравленной стрелой, обрезают хвост, снимают кожу, а мясо бросают». За Элианом упоминают о нем Марко Поло, Николо ди Конти, Белон, Пеннант и другие путешественники; позднее Паллас составил более подробное описание этого быка. Только в последнее время путешественники Стюарт, Турнер, Муркрофт, Герберт, Герард, Гимильтон Смит, Радде, братья Шлагинтейт и Северцов, в особенности Пржевальский, точнее познакомили нас с ним. С тех пор, как ручные яки были доставлены в наши зоологические сады, появилась возможность и наблюдения над ними.

Як (*Poephagus mutus*)* имеет следующие признаки: туловище мощное и плотное; голова умеренной величины и равномерно суживается от длинного, высокого, но плоского лба к не-

красивой округленной морде. Нос выступает вперед, узкие ноздри расходятся вкось; глаза малы и с тупым выражением, узкий зрачок поставлен поперек; небольшое ухо закруглено и густо покрыто волосами. Рога широко расположены по сторонам лобного утолщения; они покрыты поперечными округленными, но довольно плоскими буграми, которые у корня более заметны. Рога

обращены сначала в сторону назад, потом вперед и вверх. Шея короткая, задняя ее часть и перед загривка возвышаются горбом; спина до основания хвоста постепенно опускается в виде чрезвычайно волнистой линии. Туловище у плеч узкое, в середине вздутое и отвислое; хвост длинен и украшен спускающейся до земли густой кистью; ноги короткие, сильные, копыта велики, расщелина между ними широка, и побочные копытца хорошо развиты. Волосяной покров состоит из тонкой и длинной шерсти, курчавой и волнистой на лбу до затылка, часто покрывающей всю морду; на загривке она удлиняется в низко висящую, мягко волнистую гриву, имеющую вид бахромы, которая волочится по земле точно так, как и чрезвычайно густая, похожая на лошадиный хвост кисть хвоста. Напротив, живот и внутренняя сторона бедер, а также задние и передние ноги вниз от коленного сустава покрыты гладкой,

короткой, ровной шерстью. У старых животных шерсть красиво-ровного черного цвета, на спине и боках с бурым отливом; шерсть вокруг морды — сероватая, а вдоль спины проходит серебристо-серая полоса. Шерсть теленка имеет серый оттенок, шерсть молодого быка черная. Общая длина старого быка до 4,25 м, длина хвоста без кисти 75 см, высота 1,9 м, длина рогов 80—90 см; масса 650—720 кг. Длина взрослой коровы едва превышает 2,8 м, высота 1,6 м, масса 325—360 кг*.

Як живет на плоскогорьях Тибета и на всех связанных с ними горных хребтах; высокие равнины между 4000 и 6000 м над уровнем моря служат ему местопребыванием**. Несколько десятков лет тому назад яки водились в верхней долине Селенги и даже переходили на юг от этой реки; но, по сообщению Кинлоха, из-за постоянных преследований английскими охотниками они совершенно истреблены и вытеснены оттуда. Голая почва негостеприимных равнин их родины лишь кое-где обросла жалкой травой, которую зимой сильные вьюги покрывают снегом; летом же зной и ветры задерживают успешное развитие растительности. Но среди таких пустынь як находит удовлетворение всех своих потребностей и защиту от человека и легче, чем можно было бы предполагать, выдерживает борьбу за существование.

Подробными сообщениями о жизни этого мощного животного на свободе мы обязаны Пржевальскому; во всех пройденных им частях северного Тибета он находил одиноких старых быков и небольшие семьи яков. Многочисленные стада встречались только в местах, где находились более богатые пастбища. Такие стада странствуют довольно далеко; они появляются, по словам монголов, летом на богатых травой пастбищах, где зимой их не заметишь. Они предпочитают близость источников, в соседстве с которыми трава растет лучше. Напротив того, старые быки, по лени или по другим причинам, из года в год остаются на одних и тех же местах и живут в одиночестве или же соединяются самое большее с тремя или пятью себе подобными. Более молодые, хотя уже взрослые быки, иногда присоединяются к старшим, но чаще образуют собственное стадо, состоящее обыкновенно из 10—12 голов, и принимают иногда к себе старого быка. Коровы, полувзрослые бычки и телята соединяются в стада, в которых число голов доходит до нескольких сот, по уверению монголов, даже до тысячи. Совершенно ясно, что такой массе трудно найти достаточно пищи на скудных лугах, и потому яки, пока пасутся, рассеиваются на обширных равнинах, но собираются вновь во время отдыха или сильных бурь. Почувяв опасность, животные смыкаются и помещают в середину телят; при этом несколько взрослых коров, стараясь определить причину тревоги, расходятся в разные стороны от стада***.

Для логовища стадо выбирает северный склон горы или глубое ущелье, чтобы избежать солнечных лучей. Як боится зноя

* Самец дикого яка имеет в холке 2 м, весит до 1 т. Одомашненная форма в два раза меньше и легче.

** В ледниковый период несколько видов яков было широко распространено в холодных и умеренных областях Азии; яки встречались и на Аляске. Исторический ареал современного вида дикого яка охватывает горы Центральной Азии: Тибет, Гималаи, Памиро-Алай, Тянь-Шань, Алтай, Саяны. В настоящее время дикий як сохранился на небольшом участке Тибетского плоскогорья, на высотах 4—6,1 тыс. м над уровнем моря. Общая численность — не больше нескольких сот.

*** По некоторым данным, самки и молодые держатся крупными стадами (ранее до 1000 экземпляров), взрослые самцы — поодиночке или небольшими группами.

больше, чем холода, и поэтому ложится охотнее всего на снегу, даже в тени; если нет снега, он взрывает землю и устраивает себе ложе. Случается, впрочем, по крайней мере зимой, что он располагается на том месте, где раньше пасся. Вода для него — необходимое условие существования. Бесчисленные следы и кучи помета вблизи не замерзших ручьев доказывали Пржевальскому, что водоемы постоянно посещаются яками. Только в местах, где вокруг нет воды, животные довольствуются снегом.

Несмотря на свою массу, як в ловкости не уступает другим горным животным. Он может соперничать с дикими овцами и козерогами, потому что лазает с не меньшей уверенностью, чем они, среди самых высоких и диких скал, по хребтам и обрывам, а во время бега по ровной поверхности догонит всякую лошадь. Из его внешних чувств обоняние далеко превосходит все остальные. Як чует человека уже на 500 шагов, но разглядеть его в ясный солнечный день может едва лишь на расстоянии 1000 шагов, а при облачном небе самое большее на половине этого расстояния; слышит он так слабо, что только при непосредственной близости звук шагов или другой какой-либо шум пробуждает в нем беспокойство. То, что его понятливость находится на низкой ступени развития, доказывается несоразмерно малым мозгом, а еще больше поведением в случае беды и опасности. «Самое достопримечательное свойство яков, — говорит Пржевальский, — его лень. Утром и вечером он идет на пастбища; остаток дня посвящает покою, которому предается стоя или лежа. В это время только пережевывание жвачки свидетельствует, что он жив, так как в остальном походит на высеченное из камня изваяние».

Однако этот образ жизни совершенно меняется, когда приходит время спаривания. По словам монголов, время случки начинается в сентябре и продолжается целый месяц. Тогда быки и днем, и ночью в беспокойстве и возбуждении. Одинокие быки собираются в стада, бегают, как безумные, разыскивая коров и постоянно при этом хрюкая; когда они встречаются с другими быками, то становятся один против другого, чтобы в серьезном поединке добиться права обладания самкой. Под страшными ударами, от которых иногда один из рогов ломается у основания, сильные животные сталкиваются. Однако ни один из толстых черепов не трескается, а серьезные раны, нанесенные друг другу, скоро заживают. Удовлетворенные или пресыщенные и усталые после периода случек, они возвращаются на свои пастбища, успокаиваются и ведут снова тот же образ жизни, что и раньше. Через 9 месяцев после случки корова телится и заботится о своем детеныше в продолжение одного года, так как, по показанию монголов, она бывает стельной только один раз в два года. В 6—8 лет як делается взрослым, в 25 умирает от старческой слабости, если болезнь или пуля охотника не сократят еще раньше его жизнь. Другие враги не поднимаются на его родные высоты.

Охота на яков для храброго и хорошо вооруженного стрелка настолько же заманчива, насколько и опасна. Могучий зверь, если случилось, что первый выстрел не оказался смертельным, иногда без размышления бросается на охотника. Последний, даже обладая мужеством, ловкостью, хладнокровием и наилучшим оружием, никогда не может с уверенностью рассчитывать на то, что следующий его выстрел уложит превосходящего его силой противника. Пуля из самого дальнобойного ружья, только тогда проникает в череп, когда перпендикулярно ударяет в небольшое место на голове, где находится мозг, а удар в тело бывает смертельным только в том случае, когда пуля пробивает сердце. Поэтому монголы боятся яка, как опасного чудовища, охотно уступают ему дорогу и если уж решаются на охоту, то стреляют в гордого гиганта из надежной засады и группой в 8—12 человек, надеясь, что он их не увидит, а получив рану, убежит и через два-три дня околет, тогда и будет отыскан охотниками. Европейец полагается на свое ружье, заряжающееся с казенной части, и на нерешительность яка. Зверь, несмотря на всю свою свирепость, не может преодолеть страха перед смело наступающим на него человеком, медлит и после продолжительного размышления обращается в бегство, несмотря на полученные раны. Выносливость и живучесть его почти невероятны. Один як, в которого Пржевальский и два его спутника стреляли до тех пор, пока не помешала наступившая ночь, был найден околовшим лишь на следующее утро с тремя пулями в голове и 15 в груди. Очень немногие из яков, убитых мужественным охотником, падали бездыханными на землю после первого же меткого выстрела. Судя по описанию Кинлоха, трудность охоты состоит отнюдь не в том, чтобы застрелить зверя, а более в том, чтобы подойти на достаточно близкое для выстрела расстояние к дикому животному, обладающему в высшей степени острым чутьем.

Кинлох расхваливает мясо яка, хотя он и находит его недостаточно жирным; язык и мозг из костей считает лакомством. Но еще выше, может быть, чем мясо, ценится в печальном отечестве яка помет, представляющий единственное горючее вещество, которым можно воспользоваться на обнаженных высотах Тибета.

Во всех странах, расположенных около высоких гор, где водится як, мы встречаем его прирученного в качестве полезного и важного домашнего животного. Общим видом и шерстью ручной як может не отличаться от дикого, но бывает совсем другого цвета. Ручные яки чистого черного цвета очень редки; обыкновенно даже у наиболее похожих на диких заметны белые пятна; кроме того, попадаются бурые, рыжие и пегие яки. Многие породы уже переродились, вероятно, благодаря скрещиванию с другими видами быков*.

Тибетцы пользуются яком как вьючным животным. Со знакомыми людьми як обходится довольно дружелюбно, позволяет

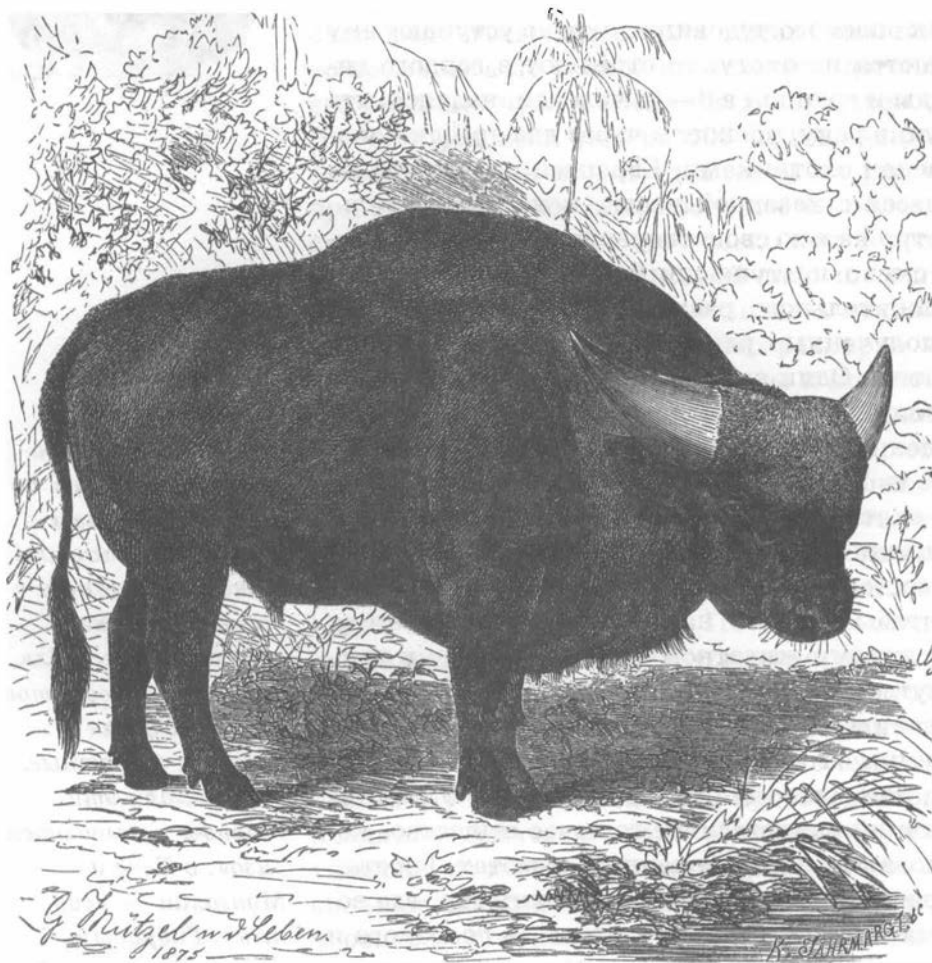

** В одомашненном состоянии як широко распространен по горным системам Азии. Домашние яки легко дают помеси с коровой, также используемые для получения продуктов питания и как вьючные животные. В Гималаях эти гибриды называются «цзо», в Туве и Монголии — «сарлык». Гибриды в отличие, скажем, от гибридов лошади и осла плодовиты. Впрочем, плодовиты все гибриды между представителями настоящих быков (роды *Bos*, *Poephagus*, *Bison*).*

трогать, чистить себя и управлять веревкой, привязанной к проде- тому через нос кольцо; с чужими ведет себя иначе, беспокойно, опу- скает голову к земле и делает такие телодвижения, как будто жела- ет вызвать противника на бой. Иногда им внезапно овладевает бешеный гнев, он трясется всем телом, высоко поднимает хвост, хлещет им по воздуху и смотрит угрожающими злыми глазами на своего хозяина. Известную степень дикости он сохраняет все- гда. С домашним рогатым скотом як сживается хорошо, и потому не трудно довести его до случки с другими видами рогатого скота. Коровы испытывают сильную привязанность к своим детенышам,

вечером возвраща- ясь к телятам с пас- тбища за несколько часов до захода сол- нца, нежно облизы- вают их, тихо и лас- ково хрюкают.

Як без труда носит на себе груз в 100—150 килограм- мов по самым труд- ным скалистым тропинкам и снеж- ным полям. С его помощью возможно переправлять тяже- сти через очень вы- сокие горные прохо- ды, так как он дви- гается там уверенно, несмотря на разре- женный воздух, обессиливающий и пугающий других животных. Ему нельзя ходить лишь по тропам с больши- ми камнями, потому что вьюк мешает

Гаял
(*Bos frontalis*)

прыгать через них так, как он это делает обыкновенно при дру- гих условиях. Муркрофт видел, как як, не задумываясь, без вреда соскакивал со скалистых уступов даже в 12 метров высоты.

Молоко и мясо ручного яка одинаково хороши. Из шкур выделывают кожу, из шерсти вьют веревки. Всего драгоценней хвост, который дает столь известные бунчуки, давно славящиеся как символ власти у восточных народов. Николо ди Конти сооб- щает, что «тонкие волосы хвоста ценятся на вес серебра, так как

из них изготавливают опахала для царей, волосы оправляют в золото и серебро для украшения лошадей и слонов, укрепляют их на копыях, как знаки предводителей войска». Китайцы красят белые волосы хвоста в огненно-красный цвет и носят их в качестве кистей на летних шляпах. Белон сообщает, что подобные хвосты стоят 4—5 червонцев и немало содействуют подорожанию богатой конской сбруи, которую так любят турки и персы. Черные хвосты ценятся дешевле белых.

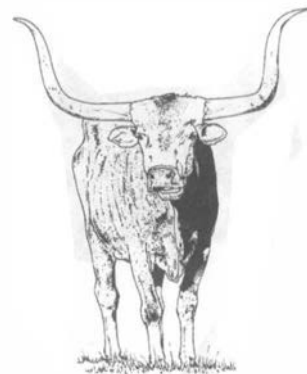
Яки, завезенные в Европу, живут здесь лучше, чем можно было ожидать. На этом основании надеялись акклиматизировать в Европе этого красивого и полезного быка. Предполагали получить большие выгоды, потому что як дает отличную шерсть, вкусное мясо, превосходное жирное молоко, он силен и неутомим в работе и довольствуется более дешевым кормом, чем другие быки. В горных странах Тибета и Туркестана длинношерстные быки действительно оказываются драгоценными и полезными животными, но у нас в Европе условия иные, чем в этих странах, и поэтому еще вопрос, окупится ли водворение их здесь.

В 1802 году Ламберт сообщил научному миру описание дикого быка, которого он очень удачно назвал «широколобым»; описание это было сделано по живому экземпляру, привезенному в Англию из Индии. При этом Ламберт приводит краткое жизнеописание широколобого быка, составленное Гаррисом, где говорится, что в Индии это животное называют «гаялом», что оно очень известно туземцам, легко приручается и приносит ту же пользу, что и домашний скот, его часто скрещивают с домашними коровами для улучшения породы.

О живущем в Антверпенском зоологическом саду быке, который для этого сочинения был описан и нарисован Мютцелем и вполне похож на животное, описанное Ламбертом, я могу сообщить следующее.

Широколобый бык гаял (*Bos frontalis*)*, по измерениям Ламберта и других исследователей, достигает 3,6 м, из которых 80 см приходится на хвост; высота в плечах 1,5—1,6 м. Корова отличается от быка только тем, что меньше ростом, сложена стройнее и имеет более короткие рога.

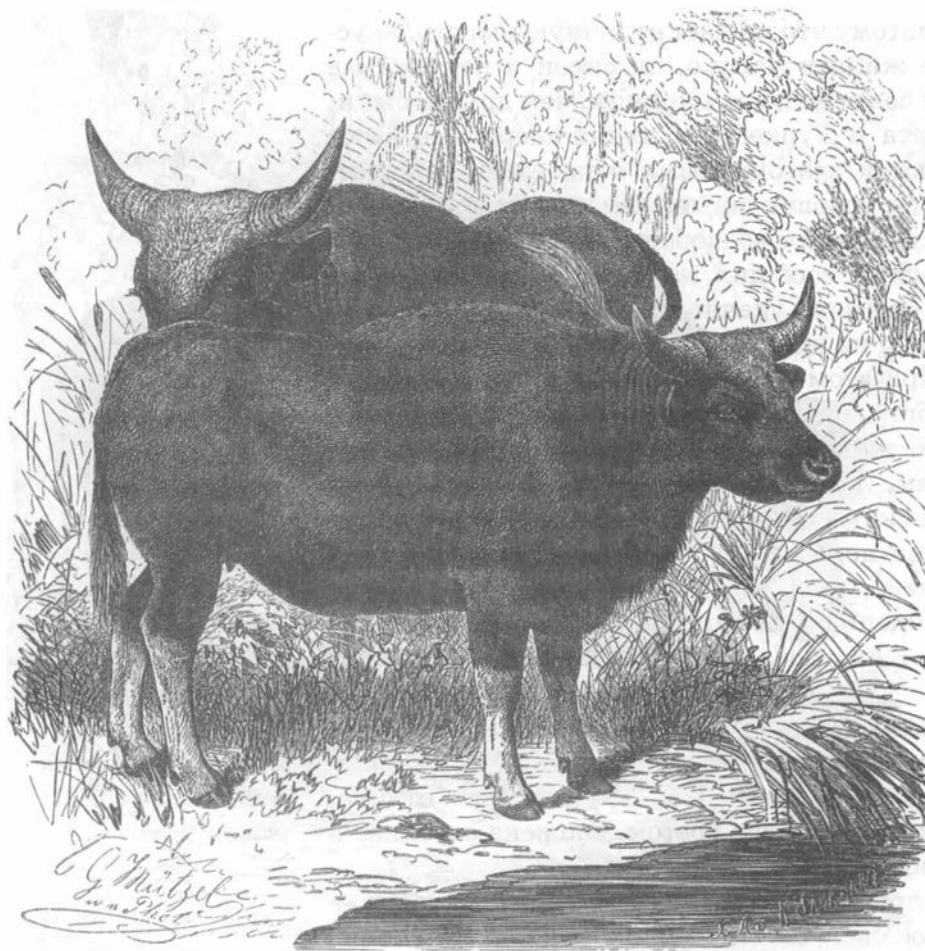
«Мне никогда не приходилось, — пишет мне Мютцель, — видеть животное, которое было бы названо столь верно — «широколобый», как именно это; да его иначе и назвать нельзя, потому что могучий, бросающийся каждому в глаза своей необыкновенной шириной лоб отличает его от всех сородичей и при первом взгляде представляется самым заметным признаком животного. Все части тела в высшей степени пропорциональны; все в нем подбористо и сильно; поэтому бык производит впечатление мощной силы и совершеннейшей красоты. Толстая, морда образует как бы узкую часть пирамиды, основание которой лежит между корнями рогов и углами нижней челюсти; впрочем, не все стороны

* Большинство исследователей считают гаяла (*B. frontalis*) одомашненной формой гаура. Отличается от дикого предка меньшими размерами и иной формой рогов.

этой пирамиды равны между собой: между корнями рогов они длиннее. Ширина почти ровного лба между корнями рогов равна его длине от переносья до теменных костей и составляет две пятых части от общей длины головы. Очень толстые рога имеют круглую форму и отклоняются легким загибом назад. Небольшие глаза сидят довольно глубоко под надглазными дугами; прямо стоящие уши очень велики и заострены. Под подбородком выступает небольшой двойной подгрудок, который оканчивается у нижней челюсти. Три или четыре глубокие складки кожи отделяют голову от продольного, толстого, похожего на горб возвышения, которое покрывает всю

Гаял
(*Bos frontalis*)

шею, загривок, а также половину спины, и как истинная «бычачья шея» дает представление о значительной силе. Остальная часть туловища очень мясистая; подгрудок у шеи едва заметен или совершенно сливается с отложившимся на этом месте жиром. Ноги сильные, но хорошо сформированы; копыта своей величиной соответствуют им, однако короткие и спереди имеют отвесную поверхность; тонкий хвост заканчивается кистью. Короткая, толстая, гладкая и блестящая шерсть равномерно покрывает все тело, удлиняется только немного на нижней стороне шеи и у основания передних конечностей образует кудрявые вихры. Преобладающая окраска шерсти — черная; рога серовато-белые, а их концы черные. К этому описанию, на основании сообщений Жердона, а также Сандерсона, можно прибавить, что у гаяла нижние половины ног окрашены в белый цвет. Родиной гаяла служат горные страны к востоку от долины Брахмапутры до Бирмы.

Гаял по своей живости и проворству — горное животное, и действительно, он почти с такой же уверенностью карабкается по

горам, как и як. Держится в стаде, утром, вечером и в ясные ночи выходит на пастбище, прячется от душного полуденного зноя в густых лесах и отдыхает там, жуя жвачку в тени, любит воду, но не грязь, поэтому избегает болот, а прохлаждается в чистых горных ручьях. Его описывают как кроткое и доверчивое животное. Он никогда не нападает на людей и немедленно уступает им дорогу, но от хищных животных защищается смело и обращает в бегство даже тигра и пантеру. Его острые чувства предупреждают об опасности, а ловкость и быстрота бега спасают в случае необходимости.

Туземцы с незапамятных времен сделали гаяла домашним животным, его или приручали, или скрещивали с другими породами рогатого скота. Люди дают быку возможность на свободе случаться с обыкновенными домашними коровами, а также часто берут телят гаяла для увеличения своего стада. По словам Жердона, гаял, как домашнее животное, встречается от Читтагонга к северу до высоких горных стран. В горах его можно видеть пасущимся вместе с яком, даже вблизи снежной границы.

Молоко гаяла густое, а мясо славится превосходным вкусом. Вот почему делают попытки разводить такое ценное животное в местностях Индии, лежащих к западу от его родины; но, по видимому, как прирученный гаял, так и дикий любят только высоко расположенные лесистые местности, а не жаркие равнины.

Корова после беременности, продолжающейся 8—9 месяцев, рождает только одного теленка и кормит его 8—9 месяцев; следующий затем год она отдыхает. Широколобый бык охотно спаривается с другими породами рогатого скота, а ублюдки при спаривании друг с другом и с другими родичами оказываются плодовитыми.

Бык джунглей гаур (*Bos gaurus*) английскими охотниками называется «индийский бизон»*.

Преобладающая окраска прекрасного темно-коричневого цвета переходит на нижней стороне тела в желтовато-бурую, на ногах в грязно-белую. Радужная оболочка глаз светло-голубая. По измерениям Эллиота, общая длина взрослого быка достигает 3,8 м, длина хвоста 85 см, высота в плечах 1,86 м, высота крестца от копыта до начала хвоста 1,7 м. Сандерсон нашел, что у самого большого из убитых им быков высота в плечах достигла 1,83 м**. Длина мощных рогов не превосходила 188 см***. Корова отличается от быка небольшой и красивой головой, белой окраской ног, более слабой шеей, отсутствием спинного бугра и более слабыми рогами.

Гаур гораздо шире распространен, чем широколобый бык, и за ним больше охотятся, поэтому мы имеем больше сведений о его жизни, чем и обязаны в первую очередь Эллиоту, Фишеру, Жердону, Райсу, Роджерсу, Томсону, Трайлу, Форситу, Кинлоху, Сандерсону, Стерндалю и другим. Как уже упомянуто, область распространения гаура весьма велика. Он встречается во всех

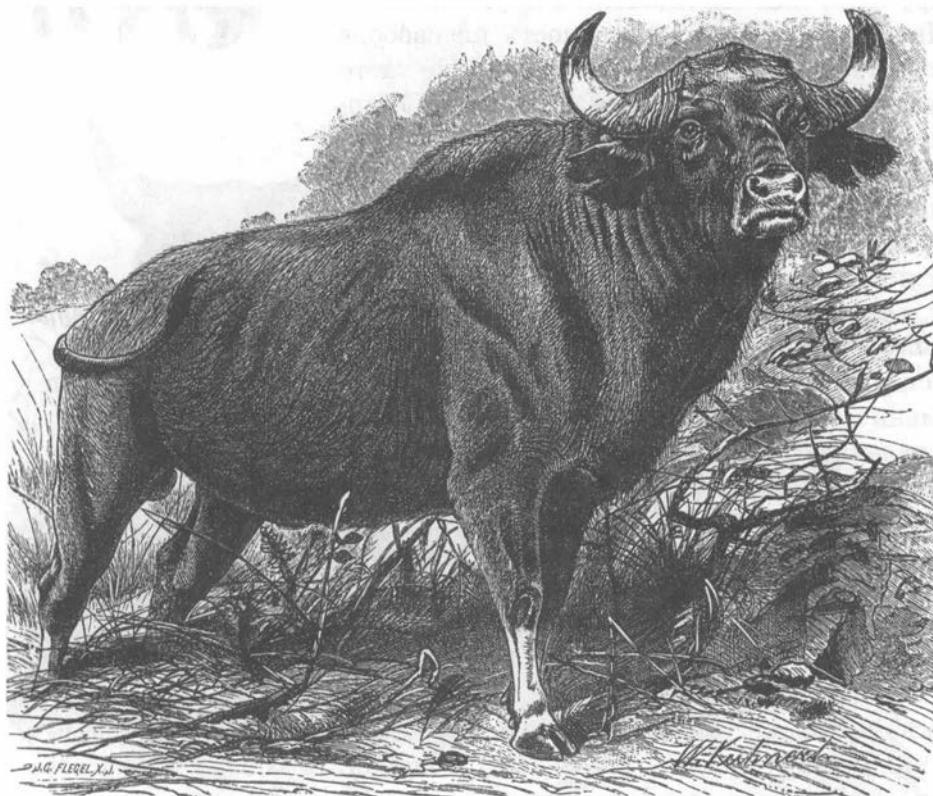
* Если гаяла и гаура считать одним видом, тогда название дикой формы тоже будет *B. frontalis*, а не *B. gaurus*.

** Рекордная высота в холке — 213 см, масса — до 1 т. Быки темно-бурые или черные, коровы и телята — красновато-коричневые. Радужная оболочка глаза — карья (непонятно, откуда взялись сведения о голубых глазах).

*** Длина рога гаура по внешней стороне может достигать 117 см, 52 см в обхвате, между концами рогов до 84 см.

Семейство половогие

** Арал гаура прежде охватывал всю материковую тропическую Азию, в настоящее время*

Гаур
(*Bos gaurus*)

распался на несколько изолированных участков; в основном гаур сохранился в заповедниках. На о. Шри-Ланка, островах Малайского архипелага гауры никогда не водились.

заросших лесом горных и холмистых странах, даже довольно крутых и скалистых, — от южной оконечности Индии до Гималайских гор и к востоку, по словам Стерндаля, до Бирмы и Малайзии. Жердон сообщает, что гаур прежде водился на Цейлоне и вымер в первое десятилетие нашего столетия; однако подтверждения этого сообщения получить не пришлось*. Сандерсон, который охотился за гауром вблизи моря и даже на низменностях, утверждает, что любимым местопребыванием его служит пояс от 600 до 1700 метров над уровнем моря. Дикие, заросшие лесом склоны, непроходимые кустарники, заросли папоротника, бамбуковые рощи служат для него желанным убежищем, в особенности в глубоких, богатых водой ущельях, на крутых обрывах и едва доступных вершинах. Гаур славится своей способностью двигаться по самым непроходимым местам. Впрочем, иногда появляется и на равнинах, куда заманивает его свежая, сочная трава.

В северных местностях, по словам Кинлоха, гаур встречается стадами от 4—5 до 30 голов; в южных, по свидетельству Сандерсона,

стадами из 12, редко из 30—40 голов. Когда трава на холмах вянет от жары или бывает уничтожена огнем, отдельные группы, как свидетельствуют о том вместе Сандерсон и Фишер, соединяются в многочисленные стада, но как только выпадут первые капли дождя и появится новая растительность, стада эти снова разделяются, чтобы вести обычный образ жизни. При неблагоприятной погоде, в особенности во время бури, животные прячутся в долинах, там они ищут спасения от мух и оводов, которые их жестоко мучают. Нередко посещают богатые солью места, которой недостаточно в обычной их пище. Вожаком стада всегда бывает взрослый, сильный бык, который только терпит подле себя молодых самцов, еще слишком слабых для того, чтобы восстать против его господства. Но как только он начинает стареть, терять провор-

ство, между ним и набирающими силу быками начинается борьба, которая в конце концов завершается изгнанием старого вожака.

Как и все виды диких быков, гаур живет уединенно, старательно избегая близости человека. Обыкновенно пасется только ночью, с особенным удовольствием там, где растет молодая трава, ее и нежные отростки бамбука он предпочитает всем другим растениям. Если гаур живет вблизи обрабатываемой местности, то нападает на нивы, опустошает их и бывает настолько навязчивым и дерзким, что его едва можно выгнать оттуда. Утром возвращается с пастбища и скрывается в высокой траве или в молодой бамбуковой чаще, здесь он отдыхает и пережевывает жвачку. Сандерсон сообщает, что в южной Индии гаур в противоположность другим лесным обитателям никогда не посещает плантаций и нив. «Индийские бизоны, — продолжает он, — занимаются едой почти до 9 часов утра и долее при пасмурном небе или во время дождливой погоды; затем они предаются покою в бамбуковых зарослях или кустарнике до полудня, затем снова поднимаются, идут на пастбище или водопой».

Гаур, как сообщает Сандерсон, издает три ясно различимых звука. Первый не походит ни на один из известных, издаваемых другими быками, но напоминает крик слона. Гауры пользуются им для того, чтобы призывать друг друга, и притом на довольно значительном расстоянии; при отсутствии неблагоприятных условий его можно слышать на расстоянии английской мили. Призыв этот походит на громкий лай. Второй звук — тихое «му» — выражает беспокойство и любопытство. Я слышал его у нескольких коров, которые заметили меня и моих охотников, подползающих к ним в высокой траве; коровы на расстоянии 50 шагов в течение получаса оставались на своем месте, пока я, воспользовавшись удобной минутой, не выстрелил в находящегося вместе с ними быка. Третий звук — сильное свистящее сопение, которое они издают, когда, будучи испуганы, обращаются в бегство. Впрочем, мне пришлось слышать гаура, преследуемого собаками, он мычал, как разъяренный домашний бык. Тот же наблюдатель сообщает, что гауры гибнут от чумы, распространенной между индийским домашним рогатым скотом; они легко заражаются, когда посещают те участки джунглей, на которых паслись домашние животные. В восточном Майсуре в 1867 году гауры в громадном количестве пали от чумы рогатого скота, там погибло две трети животных этого вида. Еще в 1869 году Сандерсон находил их скелеты валяющимися в пустыне. В апреле 1877 года в той же местности чума появилась снова.

Во время спаривания зрелые быки ведут ожесточенную борьбу со своими соперниками, и действительно, все молодые самцы изгоняются из стада*. По словам Фишера, продолжительность беременности гаура такова же, как и у домашних коров. Телята

* Гон приходится на сухой сезон (с ноября по март).

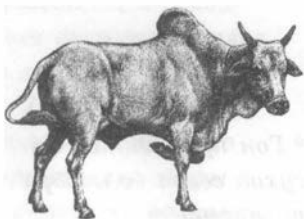

рождаются после периода дождей, следовательно, между июлем и октябрём, в одном месте раньше, в другом — позже. Сандерсон, который, конечно, в данном случае имеет в виду юг Индии, говорит определенно, что телята рождаются большей частью в сентябре, но некоторые в апреле и мае. Молодой теленок до поразительности похож на теленка домашнего рогатого скота, бывает рыжевато-бурого цвета, а лоб и ноги, которые позднее делаются белыми, слегка окрашены бледно-серым цветом. Корова, которой предстоит телиться, отдаляется от стада и в течение четырех дней держится от него отдельно со своим детенышем, пока тот не окрепнет. Молодые пойманные телята быстро становятся ручными, но их нелегко сохранить живыми.

Чтобы убить гаура, употребляют ружья большого калибра. Выследив по следу, их выгоняют из джунглей с помощью загонщиков. Опытные ловцы охотятся не за семьей или стадом, а только за старым, уединенно живущим быком, который вместе со слонем считается самым сильным зверем, какого только можно там убить. Все единогласно признают, что раненый и преследуемый бык может оказаться таким противником, которым не следует пренебрегать. Форсит пишет: «Путешественники, которые больше заботятся о том, чтобы рассказами поднять свой престиж, сообщают ужасные вещи о необузданной ярости гаура. Но сам я находил их крайне робкими и никогда не подвергался их нападению, хотя и не раз бывал в таком положении, при котором каждый склонный к борьбе зверь напал бы на меня. За все время наблюдений мне пришлось слышать только о двух достоверных случаях, когда гауры, подвергшиеся перед тем преследованию и потерпевшие от выстрелов, перешли в нападение. Конечно, легко представить, что взволнованные охотники принимают за яростное нападение отчаянные действия думающего только о бегстве зверя. Много необычного, что рассказывают о гауре, как нельзя более согласуется с его внешним видом, так как разъяренный бык, без сомнения, производит сильное впечатление. Отсюда и возникают дикие истории туземцев, которые много говорят о страшной свирепости зверя, но не могут представить на то никаких доказательств. Видимо, туземцы этими рассказами стремятся удержать европейцев от охоты. Однако нельзя сомневаться, что раненый и жестоко преследуемый зверь иногда нападает на своего противника и может причинить ему увечье или смерть». Точно так же судят о гауре Стерндаль и Сандерсон.

Мясо гаура, по мнению Томсона, гораздо нежнее, чем мясо домашнего рогатого скота; Сандерсон находит его грубоволокнистым, но очень вкусным.

Самым красивым из всех известных и доселе живущих в диком состоянии быков я должен признать **бантенга** (*Bos javanicus*), который по красоте своего сложения может соперничать с антилопой и, кроме того, отличается очень красивой окрас-

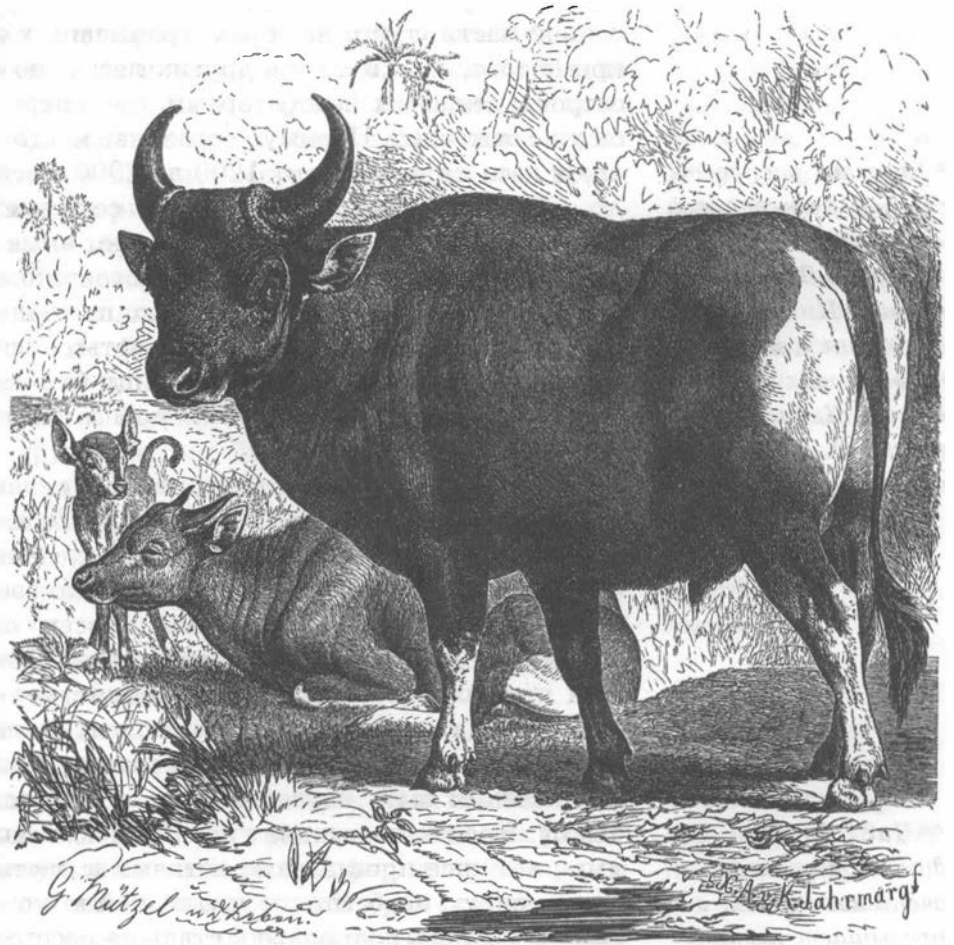

кой. Голова его небольшая, но широкая, у лобных костей высокая; лоб выпуклый; морда к концу сужена и несколько вздута из-за утолщенных губ; голая часть носа очень большая и выпуклая; верхняя губа, которая занимает все пространство между ноздрями, посередине разделена бороздкой. Глубоко посаженные темно-коричневые глаза большие и блестящие; уши большие, овальные. Шея короткая, непосредственно за головой утончается, а затем утолщается; туловище сильное, но не массивное, загривок возвышается, образуя вдоль спины длинный и невысокий горб; спина прямая, задняя часть тела слегка округленная; на подбородке замечается небольшой, а на нижней части шеи довольно значительный висячий подгрудок. Хвост средней длины, тонкий, к концу суживающийся; ноги короткие, но, во всяком случае, красивые; копыта круглые и изящные. Рога утолщены у основания и там покрыты рубцами, но на первой трети своей длины они гладкие; внизу немного плоские, а в других частях круглые, на концах довольно острые. Рога достигают длины от 40 до 50 см. Повсюду равномерно и густо прилегающий волосяной покров имеет темный серо-бурый цвет с красноватым оттенком сзади; нижняя половина ног белого цвета.

Пятно на верхнем углу ноздрей и полоса на верхней губе бледно-желтого цвета. У замечательно стройной и красиво сложенной коровы вместо серовато-бурой окраски преобладает светлая рыжеватая-бурая; по спине от загривка и до корня хвоста проходит темная полоса; теленок во всем походит на мать*. Общая длина животного, включая хвост в 85 см, достигает 2,9 м, высота у загривка 1,5 м.

Семейство половогие

* Бантенг похож окраской на гаура, отличается от него лишь крупным белым зеркалом на задней стороне бедер.

Бантенг
(*Bos javanicus*)

** Бантенг распространен в материковой части Азии — от Ассама и Бирмы до южного Индокитая и Малакки, а также на островах Ява, Бали и Калимантан (Борнео). На Суматре отсутствует.*

*** Численность диких бантенгов очень низка, не превышает нескольких тысяч голов. Падение численности связано с охотой и исчезновением естественных местобитаний. Образ жизни сходен с таковым у гаура.*

По свидетельству Соломона Мюллера, область распространения бантенга захватывает Яву, Борнео и восточную часть Суматры; по словам Блайта и Стерндаля, он водится на полуострове Малакка и, вероятно, в Бирме, на хребте Пегу. По мнению Юнгхуна и Гаскарля, местопребывание его ограничивается покрытыми лесом горами, в поясе, лежащем на высоте от 600 до 2000 метров над уровнем моря; Мюллер, напротив, прямо говорит, что его можно встретить в лесах вдоль берега*. «Охотнее всего он выбирает для своего местопребывания влажные или болотистые, богатые водой части леса, поэтому ему более нравятся ровные горные долины с текущими по ним реками, чем все другие лесные местности. На Яве он встречается всюду, и его можно видеть как на горах восточной части, так и на горах, граничащих с Зондским проливом; кроме того, он живет и в других лесах, но из многих местностей острова, лежащих между горами, где теперь обрабатываемые поля, он уже вытеснен. Преимущественное местопребывание его составляют леса на высотах от 1200 до 2000 метров над уровнем моря.

Бантенг живет небольшими семьями, которые состоят из вожака-быка и 4—6 коров. Старые, злые быки изгоняются из стада дружными усилиями молодого поколения и осуждены влачить жизнь угрюмых, ворчливых пустынников. Мягкая и сочная трава, покрывающая почву, цветы, листья, побеги различных деревьев и кустов составляют пищу бантенга; в особенности же он любит питаться молодыми побегами и листьями бамбука и аланга**.

Дикость и пугливость этого быка делают охоту на него опасной и трудной. Он убегает, увидев приближение человека, но доведенный до крайности или раненый, не боится охотника, нападает на него и с ловкостью пускает в дело свои острые рога. Кроме уединенно живущих быков больше всего следует бояться коров, которые водят с собой сосущих телят. Бантенга убивают из ружья или гонятся за ним по травянистым степям верхом на лошади; когда охотник догонит преследуемое животное, то употребляет в дело тяжелый яванский охотничий нож, но пользуется им, из опасения быть изувеченным, лишь против коров и молодых быков. Кроме того, ставят петли из толстых веревок или копают ямы, которые прикрывают ветвями и листьями. Г. О. Форбес находит охоту на бантенга чрезвычайно трудной: ему только однажды удалось подползти к стаду на расстояние выстрела и убить одного теленка. Мясо молодого и полувзрослого бантенга даже европейцы, по причине его нежности и тонкого вкуса, находят превосходным; жесткое и отчасти пахнущее мускусом мясо старых быков употребляют в пищу только бедные туземцы.

Взрослых бантенгов нельзя приручить; напротив, телята делаются домашними животными, так как по природе своей животное отличается, по-видимому, большей кротостью и мягкостью, чем все остальные дикие быки. Телята пасутся вместе с домашним

скотом, когда вырастут, спариваются с ним и порождают прекрасно сложенных телят, так что на Яве практикуется обычай выгонять домашних коров в леса, с тем чтобы они могли там спариваться с живущими в диком состоянии быками-бантенгами.

Почти все единогласно принимают теперь, что крупный рогатый скот, который во всех трех частях Старого Света более или менее одновременно сделался домашним, имеет не одного, а нескольких родоначальников*. Время, когда человек впервые укротил диких быков, лежит за пределами нашей истории. Самые ранние рассказы упоминают о стадах прирученного крупного рогатого скота; мы находим их изображения на древнейших памятниках стран, которые считаем колыбелью цивилизации**.

«Мы находим быков и коров, — пишет мне по этому вопросу Дюмихен, — точно так, как и козу, уже в древнейшие времена в качестве домашнего животного жителей Нильской долины. Знатные египтяне в надписях на своих могильных памятниках особенно охотно хвалятся обладанием многочисленных стад крупного рогатого скота. Все эти рисунки, в большинстве случаев относящиеся к древнейшему периоду, свидетельствуют о той великой заботе, с какой в Древнем Египте ухаживали за быками и коровами. Рисунки представляют изображения длиннорогого и короткорогого рогатого скота, быков, коров и телят, то пасущихся, то переплывающих реки; на одних изображены погонщики, ведущие отдельных животных за веревку и управляющие парой, запряженной в плуг; на других видим быков, выгоняемых на ток для молотбы ногами снопов или загоняемых в хлев, где рабы дают им корм, чешут скребницей и доят, тщательно осматривают заболевших животных и лечат их. Некоторые рисунки изображают случку, другие — рождение теленка, а рядом — двух разъяренных дерущихся быков; наконец, мы видим заклание жертвенных животных. Все эти рисунки доказывают, как внимательно относились древние египтяне к скотоводству.

Вглядываясь в изображения животных на этих превосходных рисунках, мы ясно различаем три породы рогатого скота. Во-первых, длиннорогую породу, которая, очевидно, была наиболее распространена. Порода эта в свою очередь распадается на три разновидности: с рогами, согнутыми в виде лиры, в форме полумесяца и с рогами, расходящимися далеко в стороны. Вторая порода — короткорогие быки, во всем сходные с первой, но с короткими и загнутыми в форме четверти круга рогами. Третья порода — горбатые быки: они встречаются на рисунках, изображающих подношение дани египетскому фараону народами Судана».

Относительно этих трех пород Гартман замечает следующее: «Форма голов на всех рисунках соответствует признакам головы зебу; это особенно ясно видно на так часто изображаемых телятах: здесь заметен тот же суживающийся лоб, незначительный выступ края глазных впадин, бросающаяся в глаза плоскость и

** Сейчас единственным предком крупного рогатого скота (включая зебу и другой горбатый скот, но исключая одомашненных гаялов, бантенгов, яков, буйволов) считают тура. Вероятно, в становлении разных групп пород участвовали разные подвиды тура. Жировой горб, развитый у зебувидного скота засушливых областей, служит для запаса питательных веществ в сухой период и является сравнительно недавней адаптацией животных к засухе.*

*** Большинство исследователей считает, что одомашнивание тура произошло 8500 лет назад на территории Малой Азии.*

прямызна верхнего очертания морды. Горбатый бык и ныне еще распространенный во всей внутренней Африке есть родоначальник как древнего, так и теперешнего египетского домашнего рогатого скота, который, очевидно, принадлежит к породе горбчатых быков. Если ехать из Нижнего Египта вдоль Нила через Нубию и Донголу в Сенаар, можно заметить, как египетский домашний рогатый скот, отличающийся высокой холкой, постепенно переходит в настоящих южноафриканских горбчатых быков. В южной Донголе и в пустыне Байюда попадаются уже только горбчатые быки. Древняя египетская порода длиннорогих быков, в особенности имеющая

рога в форме лиры, совершенно походит на зангу абиссинцев; хотя у нее и нет высокого жирового горба, однако этот последний и у чистой породы горбчатых быков внутренней Африки весьма слабо развит. Древняя египетская порода длиннорогих быков вымерла в настоящее время; даже тот, до некоторой степени длиннорогий рогатый скот, которого можно видеть в Египте, по величине рогов не представляет никакого сходства с древним длиннорогим скотом. Чума рогатого скота и грубое

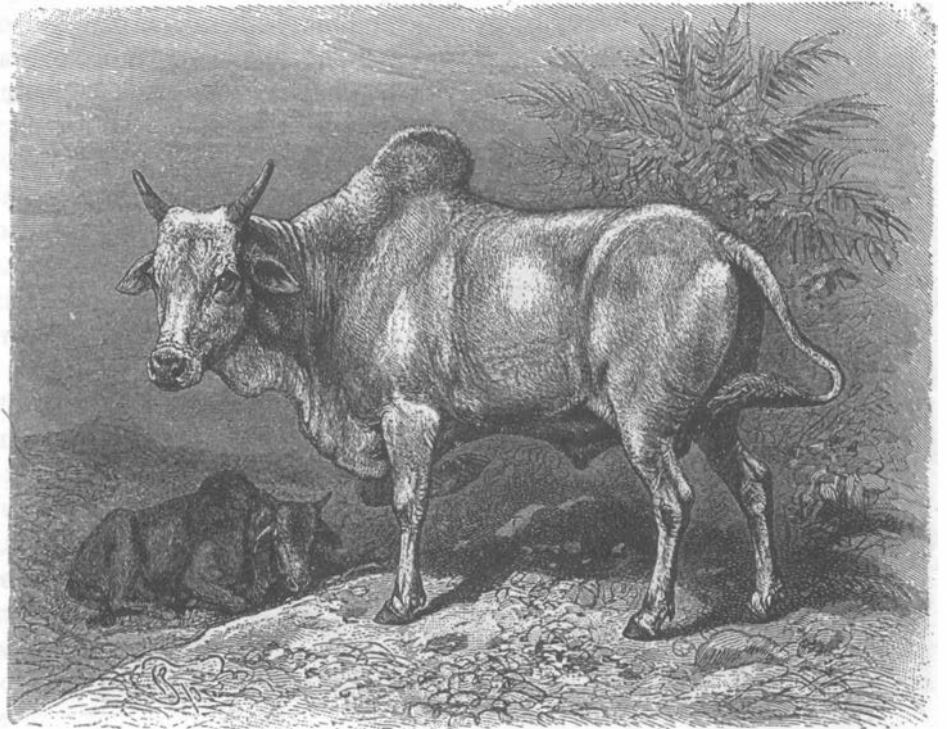
*Африканский скот
ватусси
(Bos taurus)*

с ним обращение нанесли в течение столетий великий ущерб египетскому скотоводству, и чтобы возместить потери, стали, как это делается еще и в нынешнее время, пригонять большие стада короткорогих сенаарских быков в Египет и скрещивать с ними остатки местной длиннорогой и короткорогой породы. Таким образом, порода длиннорогих быков постепенно уничтожилась в Египте или, лучше сказать, перешла мало-помалу в породу короткорогих. Неоднократно скрещенные массивные горбчатые быки Сенаара постепенно вырождались и превратились в длиннорогую, жидкую породу, имеющую некоторое сходство с антилопами, но

без жирового бугра, это должно быть приписано главным образом климатическим условиям, измененному образу жизни и дурному уходу египетских поселян и нубийцев за своим рогатым скотом».

Таким образом, из сообщений Дюмихена мы видим, что в Древнем Египте уже в ранние времена существовали различные породы крупного рогатого скота, а из сообщений Гартмана — что некоторые из них совершенно исчезли или изменились до неузнаваемости, и наоборот, некоторые сохранили почти все существенные признаки.

Б о л ь ш а я часть естествоиспытателей, начиная с Линнея и кончая Дарвином, смотрят на зебу как на особый вид быков, другие же признают его только разновидностью домашней породы. Мы знаем, что зебу в некоторых частях Индии живет совершенно независимо от человека в лесах; однако не подлежит сомнению, что встречающиеся в диком состоянии животные — потомки убежавших от

человека быков и коров, которые снова одичали. До настоящего времени тщетно стараются отыскать родоначальника различных пород зебу. Последние легко скрещиваются, как это с полной определенностью доказано различными опытами, со всеми породами домашнего рогатого скота и производят ублюдков, которые при самых разных смешиваниях крови оказываются плодовитыми.

Несколько легче представляется решение вопроса о родоначальнике нашей европейской породы рогатого скота, хотя и здесь далеко еще не сказано последнего слова. По мнению Рютимейера, в происхождении живущих теперь в Европе и отличающихся друг от друга 40 или 50 пород рогатого скота принимали участие три различных вида диких быков: первобытный бык (*Bos primigenius*), длиннолобый бык (*Bos longifrons*) и лобастый бык (*Bos frontosus*); остатки их найдены в различных частях Европы. Нильсон дума-

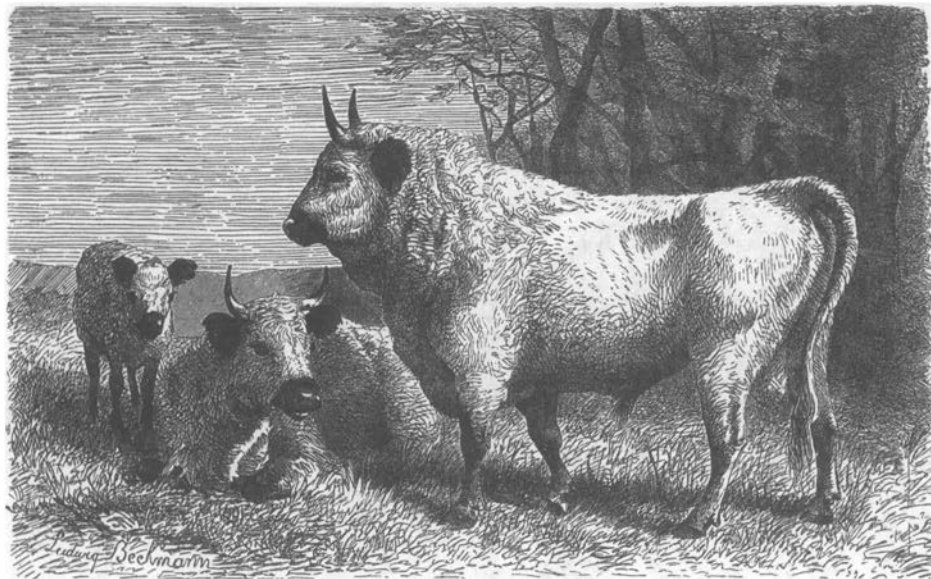
Домашний зебу
(*Bos taurus*)

ет, что, быть может, лобастый бык и есть родоначальник норвежского горного рогатого скота. На длиннолобого быка смотрят как на предка тех быков и коров, которые в каменный век содержались в Швейцарии в качестве домашнего скота и впоследствии были перевезены римлянами в Англию. Первобытный же бык есть родоначальник крупнейших европейских пород. Это предположение подтверждается сравнением его черепа с черепом домашних быков.

По мнению Рютимейера, в настоящее время в северной Англии и Шотландии в больших парках существует непосредственное, хотя и выродившееся потомство первобытного быка. Этот натуралист на основании тщательного сравнения черепа первобытного быка с черепом шотландского быка, присланных ему лордом Тэнкеруилем, уверяет, что эти черепа отличаются друг от друга

гораздо менее, чем от черепов всякой другой породы.

Те быки, которые высоко ценятся в Испании, так как составляют необходимую принадлежность известных боев, также произошли от животных, некогда бывших ручными. Теперь они живут, как совершенно дикий рогатый скот; по целым годам не входят в хлева, и

**Шотландский
парковый скот**
(*Bos taurus*)

никто о них не заботится; только изредка приезжают надсмотрщики, чтобы проверить число животных. Бык этот не слишком велик ростом, но красив, необыкновенно силен и отличается довольно длинными, выгнутыми наружу и очень острыми рогами; окраска его почти всегда темно-каштанового или черно-бурого цвета. «Быки, которые своей свирепостью и внешним видом кажутся пригодными для боя, — описывает В. Иест, — воспитываются следующим образом. Рожденные в каком-нибудь большом поместье в Кастилии или Андалусии, они по достижении одного года пригоняются в известное место, где их клеймят для обозначения принадлежности определенному хозяину. Пастухи, которые гонят стадо длинной палкой, снабженной острым наконечником, скоро замечают, какой бык обнаруживает склонность к нападению, какой — нет. Быки, которые не боятся чувствительных уколов острием палки и не раз нападают на загонщиков,

подвергаются дальнейшему наблюдению; животных, склонных к приручению, обращают в домашний скот. Злым быкам насаживают на рога подушки или деревянные шарики и предоставляют им полнейшую свободу в деревнях и маленьких городах; быки гуляют там по главной площади, куда собирается уличная молодежь и любители боя быков. Дети разных возрастов раздражают и мучают быков разными способами, не нанося им особенного вреда. Животное, лишенное возможности пользоваться своими рогами, никогда не видевшее вместе и десяти человек, ведет себя при этом крайне неловко и чувствует себя беспомощным.

Устроители боя быков выбирают на лугу подходящее животное, достигшее 4—5-летнего возраста, платя при этом за него чрезвычайно высокие цены; в ночь перед боем его помещают в стойло, находящееся при каждом амфитеатре».

В Новом Свете условия для одичания рогатого скота были более благоприятны, чем в другом месте. Колумб впервые привез быков на остров Сан-Доминго во время своего второго путешествия. Здесь скот размножился с такой быстротой, что уже через несколько лет телята обоего пола распространились по всему острову, а 27 лет спустя стада в 4000 голов стали здесь уже обыкновенным явлением. В 1587 году с острова вывезли 35 000 бычьих кож.

Около 1540 года быки были перевезены из Испании в Южную Америку. Они нашли климат Нового Света до такой степени благоприятным, что в короткое время освободились из-под власти человека, который и без того лениво смотрел за ними. Столетие спустя они населяли пампасы в таком неимоверном количестве, что убивали их только для того, чтобы воспользоваться кожей. Мясо и жир предоставляли домашним и диким собакам и коршунам. Следствием такого бессовестного истребления было то, что эти громадные стада стали сильно редеть, и только теперь они снова размножились.

На Фолклендских островах рогатый скот совершенно одичал, за ним иногда охотятся моряки, чтобы пополнить запас мяса. Число одичавших быков и коров молочно-белого цвета, которые были найдены лордом Джорджем Ансоном в 1742 году на острове Тиниан, равнялось примерно 10 000 голов. На островах Галапагос, на Филлипинах, Гавайях и, по словам Бигмора, на Зондских островах также находят одичавший рогатый скот, равно как и в Австралии и Новой Зеландии. «Здесь я встречал его, — пишет Ленденфельдт, главным образом на горных лугах. Он чрезвычайно пуглив, и я никак не мог приблизиться к стаду на расстояние выстрела. Говорят, если какой-нибудь человек внезапно показывается вблизи стада, то бык-вожак тотчас же бросается на него. Дикий рогатый скот, виденный мной в Новой Зеландии, был белого цвета с бурыми пятнами». На возвышенных местах внутренней Азии также встречается одичавший рогатый скот, и именно

** Одичавший скот, который встречается во многих районах Земли, частично вернулся к экстерьеру предковой формы — тура, но никогда не достигает таких размеров. Будучи внешне очень похожими на туров и, очевидно, придерживаясь сходного образа жизни, шотландский парковый скот имеет белую или рыжую окраску; одичавшие быки Камарга (юг Франции) менее похожи на туров сложением, но имеют черную «исходную» окраску. В результате селекционной работы в зоопарках Германии в середине XX века удалось вывести породу скота, полностью сходную экстерьером и окраской с туром (бык — черный с белой полосой по хребту, корова — светло-бурая, теленок — рыжеватый), но значительно уступающую ему размерами (в холке европейский тур достигал 2 м и весил, очевидно, около 1 т).*

там, где, по словам Пржевальского, стада остались без владельцев вследствие войн. В Колумбии, как и в других странах Южной Америки, рогатый скот живет на полной свободе, но не на равнинах, а на высотах Кордильер*.

Итак, домашний рогатый скот в одних странах освободился от власти человека, в других продолжает быть его рабом. Рогатый скот везде чрезвычайно чтит и чтят до сих пор. Древние египтяне поклонялись богу плодородия Апису в облике быка и оказывали ему большие почести во время многих празднеств. В Ливии рогатый скот жил в прирученном состоянии, но его никогда не убивали, а пользовались только молоком. В Киренаике считалось преступлением ударить корову. Кельты смотрели на коров, как на дар, ниспосланный им божеством, а у теперешних индусов существует такой же культ быков, как и у древних египтян. У кашмирских браминов, по сообщению Югеля, корова считается настолько священной, что каждый человек, убивший ее, наказывается смертью. Герц называет быков общественным злом всех индусских городов. Кто-нибудь из туземцев, в намерении сделать доброе дело, выжигает на теле своих быков и коров знак Шивы, эти животные бегают по улицам, не уступают никому дороги, преследуют и толкают всех, кто им встречается.

Такое же почитание, как в Индии, оказывает домашнему скоту и племя динка, живущее на Белом Ниле. «Все, что происходит от рогатого скота, — говорит Швейнфурт, — считается чистым и благородным; помет, превращенный в золу, употребляется для того, чтобы спать на нем или чтобы белить лицо и тело; моча служит для омовений и даже примешивается к пище, взамен недостающей в этих местах Африки соли». Это последнее обстоятельство несколько извиняет в наших глазах такое употребление мочи, которое для нас кажется отвратительным. Рогатый скот никогда не убивают, за больными ухаживают в нарочно устроенных для этого больших хижинах; едят только палый скот или погибший от несчастных случаев. Впрочем, жители племени динка, по-видимому, не отказываются принять участие в каком-нибудь пиршестве, где угощают гостей мясом, лишь бы убитые коровы не были их собственными. Таким образом, они почитают своих быков и коров не столько как священных животных, сколько ради своей пользы. Однако трудно представить скорбь и страдания, испытываемые теми, у кого погибнет скот от случайной причины или от руки жестокосердного чужестранца. В южной Африке некоторые племена владеют многими сотнями тысяч, если не миллионами голов скота, хорошо за ним ухаживают и, можно сказать, выработали настоящую «науку о рогатом скоте». Они ведут друг с другом многочисленные войны, главным образом из-за того, чтобы овладеть стадами противника.

Даже у наиболее щепетильных сект, которые во всем видят что-нибудь нечистое, бык признается чистым животным, обще-

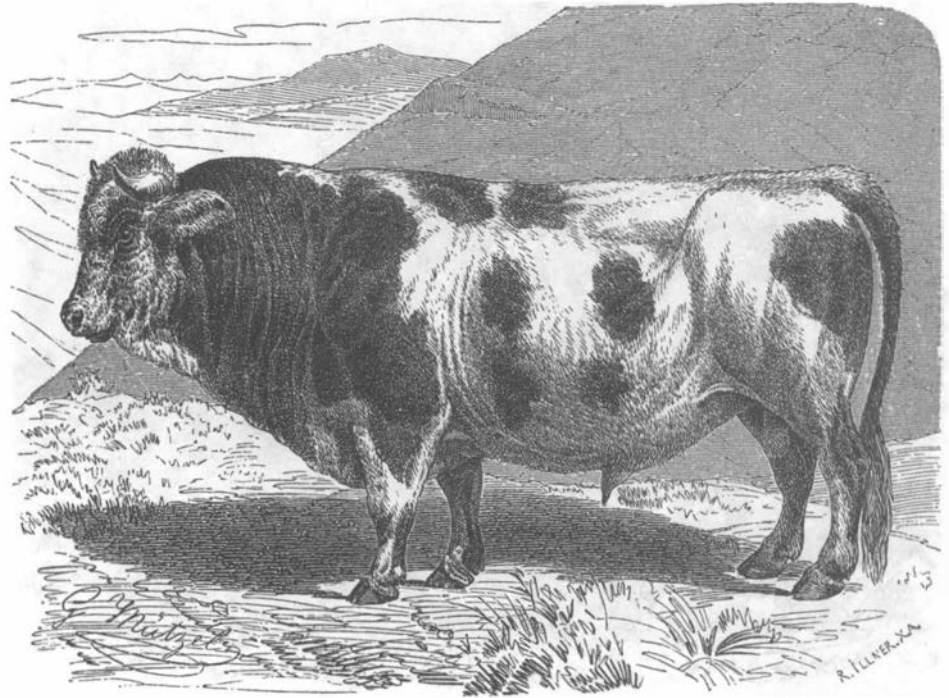
ние с которым только приносит пользу душе верующего. Суданцы с большим удовольствием слушают, если их называют почетным титулом «бык» и, хвастаясь силой своих сыновей, сравнивают ее с силой вола. Более чем всякое другое животное, рогатый скот способствовал цивилизации людей.

Скотоводство у кочевников восточного Судана находится в том же положении, как и у их предков несколько тысяч лет тому назад. Стада, которыми они владеют, составляют их единственное богатство. Многие племена арабов находятся в постоянной войне друг с другом из-за стад и по этой же причине ведут постоянно бродячую жизнь. В этих местностях скотоводство ведется под открытым небом, никто и не думает строить хлева для домашних животных. Только там, где часто появляется лев, пробуют защищать место ночлега коров, овец и коз толстым плетнем из мимоз. Там, где не приходится платить дани царю пустыни, стадо оставляют ночевать на пастбище*.

Племя динка также владеет многочисленными стадами и старательно заботится о них; днем выгоняет на луга, а ночью укрывает в открытых дворах, так называемых мурах. «При сооружении таких загонов, — говорит фон Гейглин, — пастухи выбирают по возможности сухое и возвышенное место — условия, которые редко можно встретить на Белом Ниле. Место это окружается грубым частоколом, и, когда вечером скот бывает загнан в загородку, вход запирается стволами деревьев или колючими кустарниками.

Бережно собранный коровий помет сушат в течение дня на солнце, так что всегда имеется значительный запас сухих лепешек, которые потом складывают в равные кучи внутри изгороди. Когда стада возвращаются вечером с поля, под каждую из этих куч подкладывают небольшой огонь, и скоро над загоном, как над большим костром, появляется густое облако дыма. Так поступают с той целью, чтобы удалить различных жалящих мух и доставить

** В большинстве регионов Африки и Ближнего Востока именно перевыпас крупного рогатого скота, являющегося мерилем богатства,*

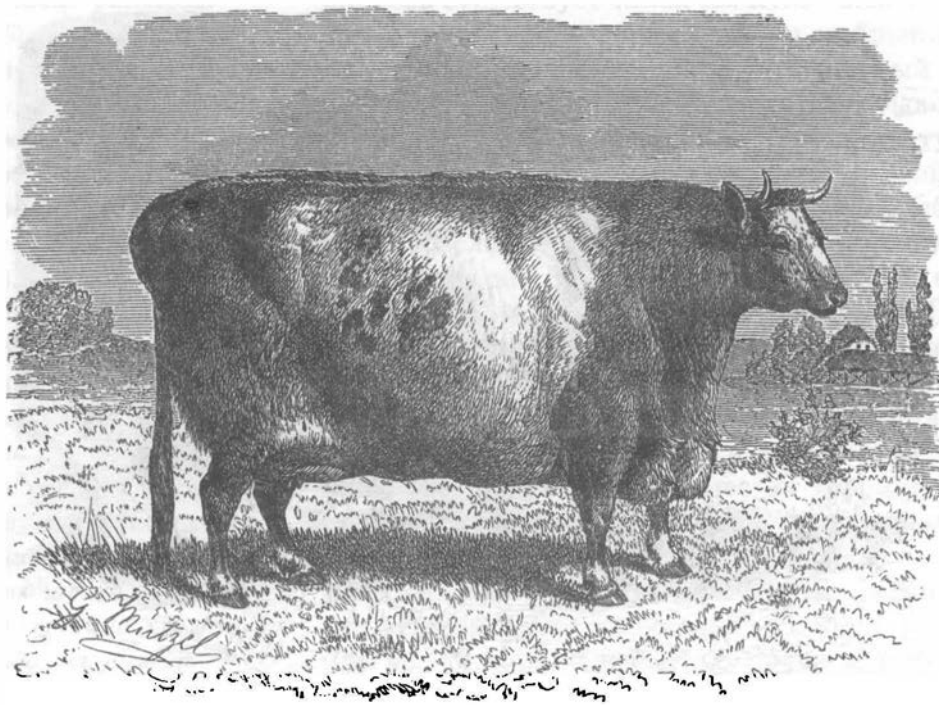

*Домашний скот
(Bos taurus)*

наряду с перевыпасом коз и овец привел к быстрой деградации природных сообществ и стремительному опустыниванию местности.

коровам и без того дающим очень мало молока необходимый ночной покой. Это странное окуривание продолжается всю ночь, и запертые животные, судя по их виду, чувствуют себя вполне довольными. Вместе с тем от сгорания помета образуется тонкий пепел, который днем тоже сгребают в кучи, а к вечеру им посыпают все огороженное пространство, и таким образом скот получает отличную подстилку и новое верное средство защиты против мух».

В горах Абиссинии быки используются как вьючные и упряжные животные, в Судане, на равнинах Кордофана, их содержат преимущественно для приплода, хотя и пользуются молоком для приготовления масла. В южной Африке быки оказывают особенно важные услуги. Без помощи этих животных здесь невозможно предпринимать дальних торговых и охотничьих пу-

Скот мясной породы
(*Bos taurus*)

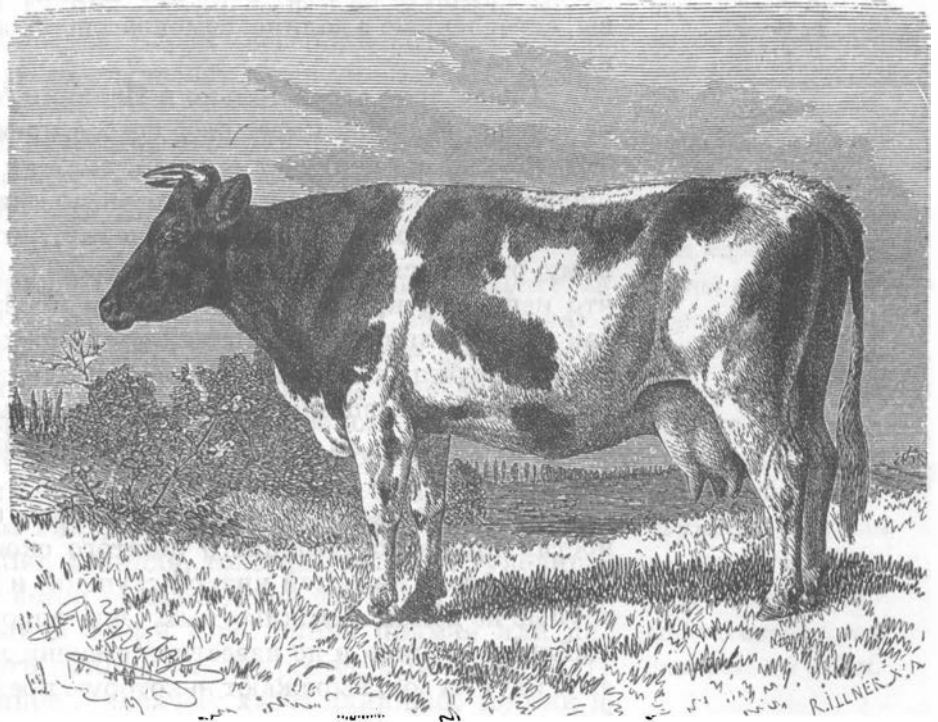
тешествий. Запряженные цугом от пяти до восьми пар в огромную фуру, волы привычно тянут тяжелую кладь по равнинам и сыпучим пескам, через болота, реки и глубокие овраги, по горам среди утесов с пропастями и по такому пути, который мы в наших местах считали бы решительно непроходимым. При этом животные глотают огромное количество пыли, днем терпят палящий сол-

нечный жар, а ночью очень чувствительный холод, часто вынуждены сами отыскивать корм и в течение долгих дней довольствуются скудным количеством испорченной воды или совсем обходятся без питья, что случается очень не редко. Но выносливость южноафриканских быков имеет свои пределы, и рассказы о том, будто они в пути могут оставаться шесть—восемь и более дней без питья и пищи, сильно преувеличены. В самое жаркое время без питья они едва ли в силах работать более 40—60 часов, а в прохладное время более 70—90 часов; конечно, при крайней необходимости они могут брести еще 20—30 часов, но потом падают и околевают. Когда же бедные истомленные животные достигают хорошего водоема, то они пьют до тех пор, пока опавшие бока не раздуются, как бочки.

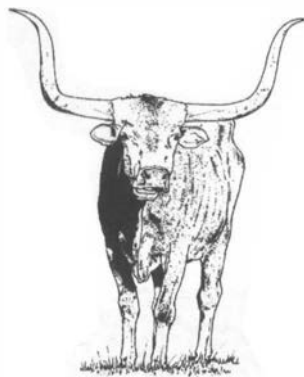
В южной России и в большей части Средней Азии содержатся значительные стада рогатого скота. По всей южнорусской степи пасутся табуны лошадей и стада овец и быков. Летом изо дня в день весь домашний скот ходит на воле; в суровую, длинную зиму дрогнет под каким-нибудь земляным валом, несколько укрывающим его от непогоды. Но если к этому валу приделан с одной стороны жалкий навес вместо крыши, то такая постройка считается уже превосходным скотным двором. Между названными животными быки занимают главное место по своей численности, да и во многих отношениях имеют перед мелким скотом большие преимущества: с ним реже случаются несчастья во время столь опасных для лошадей и овец снежных метелей, потому что они не теряют присутствия духа и сразу спешат домой, если только их не застанет очень сильный буран. Почти во всех местностях стада остаются предоставленными самим себе, и забота пастуха проявляется только в том, чтобы по возможности держать животных вместе и отделять подрастающих быков от маток. Животные до невероятности выносливы; они почти

не чувствительны к непогоде и довольствуются плохим кормом. У киргизов и калмыков, использующих их в качестве вьючного скота, они ведут кочевой образ жизни. В летнюю пору степь, конечно, везде дает обильный корм; для перезимовки избираются местности, богатые тростником, и тогда скот должен довольствоваться одними высохшими листьями этого растения. В южнорусских степях скот поутру поят и потом гонят в поле; к вечеру стада возвращаются сами, причем матки соединяются с телятами, которых утром от них отделяют. Дойные коровы и телята зимой получают корм дома, а быки только тогда, когда на поле лежит глубокий снег.

Совершенно иным уходом пользуется домашний скот в горах средней Европы, а именно в Альпах, хотя и здесь еще можно

*Корова фризской
породы
(Bos taurus)*

пожелать лучшего. «Больше всего, — говорит Чуди, — недостает тут целесообразно построенных скотных дворов, иногда последних даже вовсе нет. Коровы ходят летом по горам, общипывая малорослую, но сочную траву. А если весной или осенью внезапно выпадет снег, то стада с жалобным ревом собираются перед хижиной, где они редко находят закрытое пристанище и где пастух часто не может им дать даже клочка сена. При продолжительных холодных дождях скот ищет защиту под утесами и в лесах. Беременные коровы телятся вдали от людей и вечером, к изумлению пастухов, являются с полным выменем и в сопровождении резвого теленка; не всегда, конечно, это дело для них кончается благополучно. Но даже и при самом плохом уходе скот очень любит прекрасное, спокойное пребывание на Альпах. Часто коровы, оставленные в долине, самовластно уходят на отдаленные горные луга».

Среди всех стран только в Испании больше ценится бык, а не корова. Испанец имеет свое особое мнение о красоте быка: он осматривает и оценивает его, как знатоки у нас породистую лошадь или хорошую собаку. Даже мимо смиренного рабочего вола он не пройдет равнодушно, а к теленку, сильно и красиво сложенному, относится с величайшей нежностью. Это происходит оттого, что испанцы, как живущие в своем первоначальном отечестве, так и переселившиеся в Новый Свет, все страстные охотники до таких зрелищ, которыми когда-то восхищались древние римляне. Всякий попавшийся на глаза бык вызывает у них одно соображение: может ли он надлежащим образом исполнить роль в бое быков.

Мне остается сказать очень немногое об умственных способностях крупного домашнего рогатого скота. Бесспорно, животные эти стоят на самой низкой ступени, и после овцы они самые глупые из домашних животных. Они, впрочем, знают своего ближайшего хозяина и до известной степени любят его, повинуются ему, идут на зов, выражают некоторую преданность тому, кто особенно много занимается ими; но здесь играет роль скорее привычка, чем понятливость. «Душевные свойства, — говорит Шейтлин, — проявляются сильнее у тех быков и коров, которые более живут на воле, чем взаперти. Альпийские коровы скорее начинают узнавать своего пастуха, имеют веселый вид, живее проявляют чувство радости, делаются бодрее от звона колокольчиков, менее пугливы и дерутся храбро как в шутку, так и серьезно. Бык стоит выше самой умной коровы: имеет более крепкое телосложение, в нем больше мужества, он чувствует свою силу, осознает себя сильным защитником стада, смело идет на врага и храбро защищается, не терпит в стаде присутствия соперника и будет биться с ним не на жизнь, а на смерть».

Быки и коровы уже на втором году жизни способны к размножению. Беременность обыкновенно продолжается 285 дней,

хотя срок этот может значительно изменяться, увеличиваясь или сокращаясь. Теленок поднимается на ноги и сосет матку в первый день после рождения. Новорожденный при появлении на свет уже имеет восемь резцов. На шестом году жизни зубы от первоначального молочного цвета постоянно переходят в более желтый, а в 16 или 18 лет они начинают падать и крошиться. С этой поры корова перестает давать молоко, а бык уже не годится для спаривания. Средняя продолжительность жизни быков и коров, кажется, не превышает 25 лет.

Различные растения в свежем и сухом виде, горох всех сортов, молодые злаки и сочная трава составляют любимую пищу крупного рогатого скота. Вредно действует на них лен, тис, волчеч, кошачья петрушка, ситник, лютик, железняк, молочай, молодая дубовая и ореховая листва, сырой клевер и некоторые другие растения. Петрушка, сельдерей, чеснок и лук уменьшают количество молока. Тимьян, лютик, подорожник употребляются в пищу только в случае нужды; но всякие плоды, картофель, морковь составляют лакомство, а соль — потребность. Быков и коров по справедливости считают самыми прибыльными из всех домашних животных*.

Африканский черный, или кафрский, буйвол (*Syncerus caffer*)** — самый сильный и самый свирепый вид, отличающийся своеобразными рогами. Он сложен плотнее других буйволов; голова у него сравнительно небольшая, с несколько узким лбом, немного горбатым носом и широкой мордой. Глаза средней величины с темно-карей радужной оболочкой и поперечным зрачком. Уши очень большие, верхний край у них выгнут и концы обращены вниз; по краям уши обросли густыми, длинными волосами. Шея длинная, толстая, могучая; туловище около загривка поднимается невысоко, так что здесь образуется только слегка заметный плоский горб; спина прямая или несколько впалая; немного приподнятый крестец круто спускается к хвосту; брюхо полное и висячее; хвост длинный, тонкий и заканчивается покрывающей половину его длины сильной, густой кистью волос.

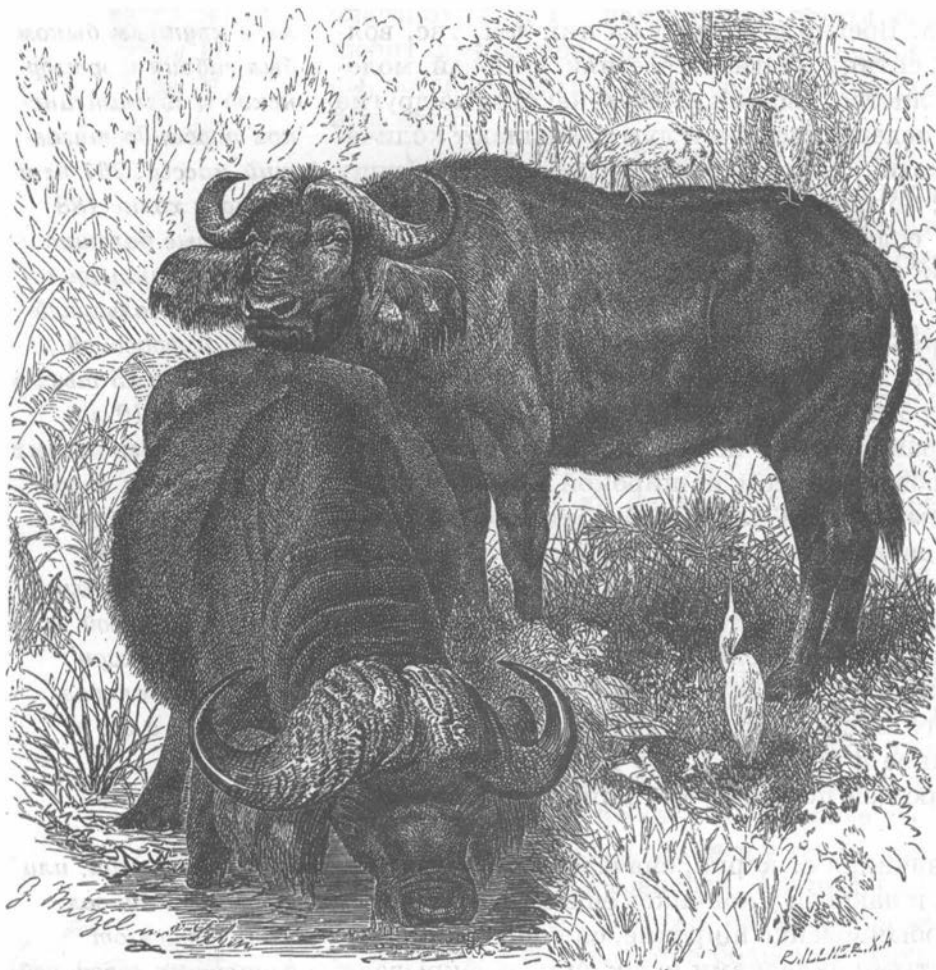
Рога загибаются, начиная от корня, сначала в стороны и назад, потом вверх и назад и наконец у кончиков еще заметно внутрь. У старых быков рога необыкновенно широкие, сплющены, покрыты толстыми морщинистыми складками и так сильно закрывают весь лоб, что от него остается свободной только узкая полоска посередине. Окраска животного зависит не столько от его черных волос, сколько от темного цвета его серовато-бурой кожи. Коровы, телята и молодые животные имеют грязновато-бурую или тускло-рыжеватую окраску. Высота в плечах у черного буйвола, смотря по полу и крепости сложения, колеблется от 1,5 до 1,8 м. Рога у обоих полов достигают длины 1—1,12 м. У самки они не так широки и массивны.

** Всего в мире более миллиарда голов коров и быков. Самым крупным быком был гибрид шортгорнской и гольштейнской пород, достигавший массы 2267 кг и роста в холке 188 см. Самые большие надои характерны для коров гольштейнской и фризской пород — до 25 тыс. л в год и до 110 л в день. Рога некоторых африканских пород скота (ватусси и др.) достигают двухметровой длины, у тexasской породы лонгхорн зафиксирован размах рогов в 3,2 м.*

*** Африканский, или кафрский, буйвол отличается от азиатских сородичей сложением и строением рогов и выделен в отдельный род с единственным видом.*

Семейство половогие

* Крупные стада состоят из нескольких семейных кланов, возглавляемых самками, но имеют и общих лидеров из

Африканский буйвол
(*Syncerus caffer*)

самцов самого высокого ранга. Самые старые быки живут обособленно.

Область распространения черного буйвола — большая часть восточной половины Африки. Он предпочитает равнины гористым странам и для своего постоянного местопребывания избирает местность, где нет недостатка в воде, так как вода или, по крайней мере, жидкая грязь составляет главное условие его благоденствия. Он почти одинаково хорошо уживается в первобытном лесу и в кустарниковых порослях, среди густых тростников и в открытой степи, не боится и гористых стран; на Килиманджаро Ганс Мейер нашел его следы до 3000 м высоты. Как говорил Гейглин, препятствия почти не существуют для этого сильного

животного, которое с одинаковым проворством карабкается вверх и вниз по самым крутым откосам ущелий, ломится сквозь чащи леса, перебирается через болота и с легкостью переплывает широкие воды.

По своей природе черный буйвол принадлежит к общественным животным и образует с себе подобными стада; там, где его очень беспокоят, стадо состоит от 30—60 голов, но в местах более спокойных оно включает сотни и даже тысячи голов*. Генель сообщает нам, что он вместе с графом Телеки к западу от Килиманджаро, в горах

Меру, наблюдал стада от 400 до 500 голов, а под экватором южнее озера Баринго даже до 5000 голов. Именно в этой стране, где путешественники, охотясь, провели около двух месяцев, они могли ежедневно видеть до 20 000 черных буйволов. Коровы живут всегда мирно, а быки только до наступления полового возбуждения, когда они храбро бьются за первенство в стаде. Они нередко изгоняют из своей среды какого-нибудь старого сердитого быка, который затем проводит в одиночестве остаток дней. Селус заме-

тил, однако, в южной Африке, что эти изгнанники охотно собираются в отдельные стада от 8 до 15 голов. Случка и рождение телят происходят в разные месяцы, в зависимости от чередования времен года в разных частях обширной области их распространения. В южной Африке, говорит Селус, телята рождаются от января до марта*.

Самые жаркие часы черный буйвол лежит смиренно и неподвижно на одном и том же месте, причем спит или пережевывает жвачку; убежищем ему нередко служит лужа или грязная яма, отчего он часто бывает покрыт корой толстой, засохшей грязи. По недостатку такого мягкого и наиболее удовлетворяющего его потребностям ложа он ищет прохладу в чаще леса или в ущелье, чтобы наслаждаться отдыхом без помех, а на открытых равнинах довольствуется тенью какого-нибудь жалкого куста или дерева. Ближе к вечеру он поднимается и с перерывами пасется до раннего утра**, но не со спокойным довольством, подобно другим быкам, а в тревожной торопливости отмахивается от докучливых мух, часто выражает свое раздражение глухим ревом, подозрительно обнюхивает воздух всегда влажным толстым носом, поводит широкими ушами, украшенными длинными волосами, и сердито бьет себя по бокам кистью хвоста. Даже самого бесстрашного наблюдателя внешний вид его смущает выражением необузданной ярости, безумной лютости и сосредоточенного коварства. «Черные буйволы, — говорит Кольбе, — очень опасные животные. Если они раздражены видом красного цвета или выстрелами и упорным преследованием, то нельзя поручиться за свою жизнь: тогда они начинают реветь и бить землю ногами и уже никого не боятся, хотя бы противники их были хорошо вооружены и очень многочисленны. В ярости бросаются они в огонь и в воду, опрокидывая все, что находится на их пути».

«Когда наступила ночь, — рассказывает Швейнфурт, — и я только успел удобно улечься для отдыха, как произошла тревога, не раз повторявшаяся потом во время моего путешествия. От гула дрожала земля, как от приближавшегося землетрясения: весь обширный лагерь, казалось, пришел в беспорядок, со всех сторон раздавались крики и ружейные залпы. Необыкновенно большое стадо буйволов опять наткнулось на часть нашего лагеря и обратилось в дикое бегство через кусты по всем направлениям. Многие шалаши были опрокинуты, и жители их, проснувшись в испуге, рисковали быть растоптанными». Подобные происшествия случаются очень часто, но буйволы производят эти смятения не из мести или злобы, а потому, что, как всякое дикое животное, в страхе и суматохе они иным способом помочь себе не умеют.

Не будучи трусливыми, буйволы, однако, от приближающегося человека спасаются бегством и, если за ними охотятся очень часто, старательно избегают встречи со своим злейшим врагом; но раздраженные и доведенные до крайности, они обращаются

** Беременность длится 11 месяцев, для родов самки на несколько дней удаляются из стада; новорожденный весит 26—50 кг. Теленок-самец покидает мать в 2 года и присоединяется к группе холостяков, а молодая самка остается в клане. Самки достигают половозрелости в 3 года, самцы — с 4,5 лет. Средняя продолжительность жизни в природе около 20 лет, в неволе — 29 лет.*

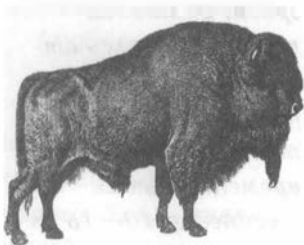
*** Буйвол привязан к воде, и перекочевки стад вызваны зачастую нехваткой воды. Каждый день взрослый буйвол выпивает 30—40 л воды. Буйволы, особенно самцы, с удовольствием и подолгу валяются в грязи, охлаждая тело и спасаясь от кровососущих насекомых. На пастьбу тратят около 40% времени, съедая ежедневно 10—15 кг зеленой массы.*

против него со слепой решимостью и в своем исступлении не бояться ни копий, ни пуль. Раненый буйвол, как это заметил Гейглин, никогда не убегает далеко, а прячется поблизости в высокой траве и коварно подстерегает преследователей, чтобы броситься на них с быстротой молнии. Если враги успевают скрыться, он яростно следит за ними и чутьем старается определить их убежище. Шпаррман тоже уверяет, что черный буйвол прячется позади деревьев и, выждав удобный момент, когда к нему приблизятся, внезапно бросается из засады и нападает почти всегда удачно. Особенно опасны, говорят, изгнанные из стада отшельники. «Как известно, — пишет Драйсон, — по общему для всех животных побуждению, они бегут от человека, если только он их не ранил или не попался на глаза в то время, когда животное раздражено; но эти старые отшельники не нуждаются в таких побуждениях и по собственному почину идут навстречу охотнику и первые вступают в бой».

Селус, застреливший в южной Африке многие сотни буйволов, говорит, что преследуемый буйвол обыкновенно прячется, становясь поперек к направлению своих следов, и что «буйвол, задетый пулей, непременно нападает на преследователя, если видит его прямо перед собой, но если находится от него на расстоянии 60—80 шагов, то решается на это очень редко». Этот наблюдатель полагает еще, что люди, подвергавшиеся различным нападениям со стороны буйволов, которых они не преследовали и даже не видели, как бы искупают вину других охотников, незадолго перед этим ранивших животных. В подтверждение этого он даже приводит некоторые известные ему случаи. «Я не считаю старых изгнанников опаснее стадных быков: пока не ранены, они в большинстве случаев бегут от человека, а получив раны, оказываются ничуть не злее любого животного из стада». Чтобы дать представление о страшной силе этих животных, он рассказывает, как однажды, сидя в засаде, был атакован подстреленным буйволом, подбросившим его вместе с лошадей в воздух, «точно собаку». Письменно сообщает нам Генель, что по его и графа Телеки наблюдениям, подстреленный буйвол всегда становится поперек к своему следу и злобно следит за преследователем, стараясь даже подкрасться к нему и неожиданно ударить с тыла.

Из всего сказанного можно заключить, что охота на буйволов не лишена опасности; они редко сразу падают мертвыми от выстрелов и имеют еще достаточно сил и времени, чтобы отомстить за себя. У озера Чад раненый буйвол, неистовствуя среди людей Эдуарда Фогеля, опасно ранил человека и убил двух лошадей. Подстреленного Бэкером буйвола преследовал отряд охотников, нуждавшихся в мясе, и буйвол был найден только на другой день: обессилев, он залег в глубокий ил, но сохранил еще настолько жизни, что одним ударом рога пронзил храбрейшего из своих преследователей и умиротвил его. Известно, что таким же

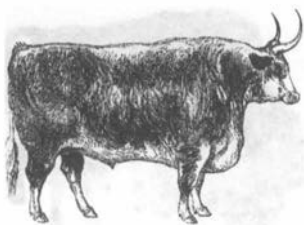

образом в 1861 году погиб один немецкий путешественник по Африке, барон Вильгельм фон Гарнир. Раненный им буйвол ринулся на проводника из туземцев и бросил его на землю. Чтобы спасти находившегося под его ногами человека и привлечь к себе разъяренное животное, фон Гарнир мужественно ударил буйвола прикладом ружья, но был затем исколот и затоптан так, что его нашли в виде неузнаваемой массы. Проводник, вместо того чтобы поспешить на помощь своему великодушному господину, убежал и оставил самоотверженного заступника на произвол судьбы. «Я посетил, — говорит Бэкер, — с понятной скорбью могилу храброго пруссака, отдавшего свою благородную жизнь за жалкого, ничтожного и трусливого дикаря». В прошлом десятилетии под рогами буйвола погиб лорд Рессель, после того как он убил 39 животных; Томсон в земле масаев был тоже на волосок от смерти. Он неосторожно подошел к тяжело раненому и лежащему на земле быку, как тот мгновенно поднял его на рога, швырнул и нанес тяжкие повреждения, на долгое время лишившие его возможности ходить. Буйвол еще стоял над ним и мог убить, если бы вовремя не явилась спасительная помощь со стороны. Но если принять во внимание, какое громадное число буйволов ежегодно гибнет от рук охотников, то число приведенных несчастных случаев должно казаться ничтожным. Опытный в этом деле Селус говорит: «Бывают, конечно, разные неблагоприятные случаи на охоте за буйволами, но опасности мне все же кажутся преувеличенными». К этому в другом месте рассказчик прибавляет следующее: «Все рисунки, изображающие южноафриканских буйволов, несущихся на врага с низко опущенной головой, могут быть названы выдумками, потому что в таком положении эти животные не приближаются никогда; напротив, они всегда держат морду приподнятой кверху, опрокидывают рога на плечи и только в момент столкновения наклоняют голову вниз»*.

Против черного буйвола европеец выступает исключительно с огнестрельным оружием, а туземец вооружается или копьем, или устраивает западни. Чтобы ранить буйвола смертельно, охотник приближается к нему настолько близко, насколько можно считать это благоразумным, и целится или в нижнюю часть лба, или под лопатку.

Очень часто одиночного буйвола можно встретить совершенно случайно. Так, Швейнфурт во время своего путешествия обратил внимание на неясный предмет, казавшийся черным пнем среди широких листьев. «Еще я не успел подумать, — говорит путешественник, — куда мне, собственно, нужно стрелять, как темная масса пришла в движение, и выставилась огромная пара рогов. В такие минуты первой мыслью охотника бывает спустить курок и выстрелить; мысль о последствиях этого приходит после, и я инстинктивно выстрелил. В то же самое мгновение с гулом и треском, как от падающего с горных высот утеса, мимо меня бурей

* Кафрский буйвол считается самым опасным из «большой африканской пятерки», включающей также льва, леопарда, слона и носорога. Он действительно очень агрессивен, однако охотничьи рассказы о его свирепости и коварстве обычно страдают сильными преувеличениями. Используя современное огнестрельное оружие, человек сильно сократил поголовье вида, хотя местами буйволы все еще довольно обычны.

промчалось, скучившись в массу и с поднятыми кверху хвостами, стадо буйволов голов в двадцать. У меня зарябило в глазах; наугад я разрядил свою двустволку». Далее он сообщает нам, как для охоты за черным буйволом жители Белой реки применяют крепкий лук, в котором тетива сильно натягивается посредством рычага. «Очень крепкие веревки из ремней растягиваются ими в высокой траве на местах, посещаемых буйволами. Один конец ремня прикрепляют к ближайшему дереву или прочно вбитому в землю колу, а на другом конце делают петлю, приводя ее в сообщение с луком таким образом, что при наступлении на ремень он вследствие движения рычага поднимается и закидывает петлю на ноги животного. Испугавшись, буйвол делает прыжок и еще сильнее затягивает петлю. Этим моментом пользуются охотники, сидящие в засаде, и с копьями устремляются на упавшее или по крайней мере неспособное к быстрому бегу по высокой траве животное».

Мясо черного буйвола, как уверяет Швейнфурт, по своей доброкачественности соперничает с мясом откормленных домашних быков, хотя оно жестче и имеет более грубые волокна, но, несмотря на недостаток жира, очень сочно и вкусно.

Человек не единственный враг черного буйвола, лев также отваживается нападать на это могучее животное и может, задрвав ему голову и переломив шею, убить его. Во всяком случае, для южноафриканских охотников не редка встреча с такими буйволами, которые в борьбе с сильным хищником получили глубокие раны на шее и плечах. Селус говорит, что буйволы, так тяжело израненные львом, бывают очень раздражительны и свирепы*.

В Европу первого живого буйвола привез Гейглин. «Несмотря на свою необузданность в пустыне, — говорит он, — это животное, кажется, легко делается ручным и, может быть, когда-нибудь его силой сумеют воспользоваться. Подаренный мне буйвол-теленочек был принят и вскормлен домашней коровой и с самого начала отличался от своих домашних родичей смышленным видом и смешными выходками. Он знал всех ласкающих его, встречал радостным мычанием и следовал за ними, пока это было можно; даже с моими лошадьми, верблюдами и антилопами он был в самых лучших отношениях и только появление жирафов, которых я держал на соседнем дворе, приводило его в ужас». Я видел буйвола, когда его только что привезли в Шенбрунский зверинец, а в последнее время встречал их во многих других зоологических садах Амстердама и Берлина. Животные эти, казалось, постепенно примирились со своей участью или, по крайней мере, привыкли к плену; двигались они обыкновенно спокойно внутри своей загородки; подружились со сторожем, на посторонних посетителей обращали внимание только тогда, когда их манили лакомыми кусочками: в таком случае они мерным шагом подходили к решетке и равнодушно принимали то, что им подавалось. Коро-

** Лев является единственным хищником, осмеливающимся нападать на взрослых буйволов. В некоторых местах буйволы составляют 30—62% от добычи львов. Более серьезный ущерб, чем хищники и даже преследование человека, нанесли популяциям буйволов вспышки «наганы» — бычьей чумы, завезенной в Африку вместе с домашним скотом. Выявляются все новые и новые очаги заболевания.*

вы понимали дружественное обращение знакомых людей, знали свою кличку, позволяли трогать и гладить себя, и вообще в них не было заметно той свойственной породе дикости, которая время от времени прорывается у быков, даже довольно ручных.

В некоторых зоологических садах черный буйвол плодится; рожденные в неволе детеныши мало отличаются от непосредственно вывезенных из Африки телят. И те, и другие растут скоро, как и прочие быки.

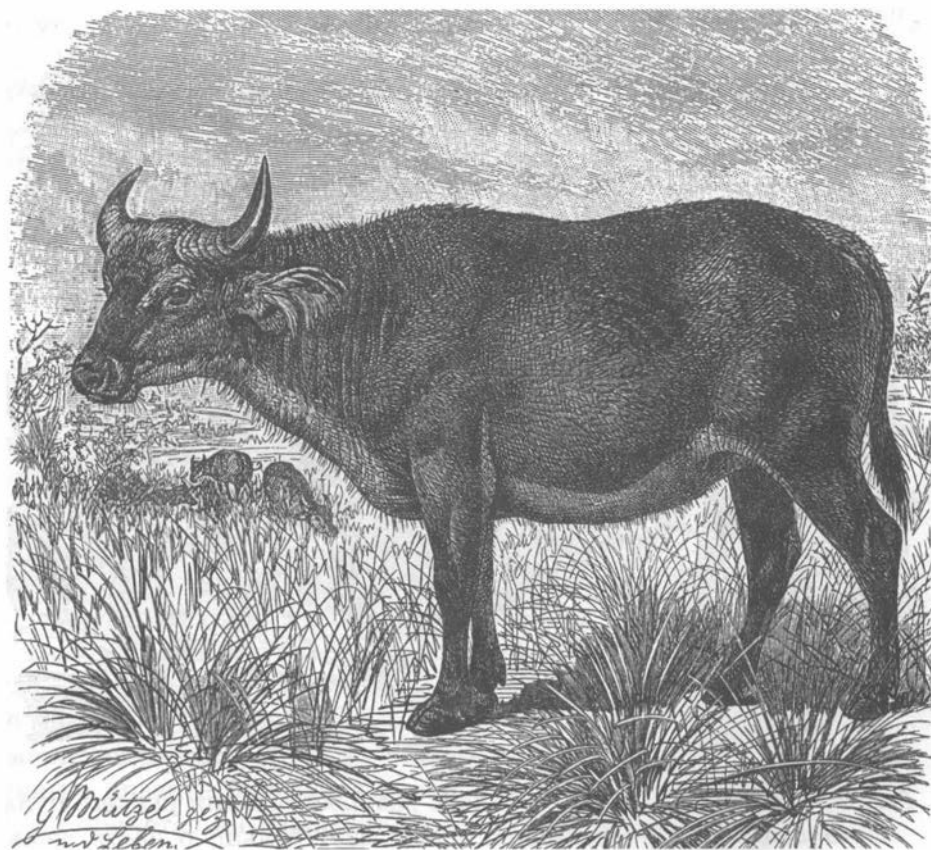
Еще в 1555 году Белон видел рога; их сравнительно малые размеры заставили его предположить о существовании небольшого африканского буйвола. Вслед за ним Грэй и Пеннант тоже упоминали об этом животном, а Тертон впервые в 1806 году описал вид, существование которого потом было признано Грэйем (1837) и Блайтом (1863).

Между тем музеи приобретали все новые рога и новые шкуры, а в 1875 году Мютцель мог уже срисовать содержавшегося в Антверпенском зоологическом саду рыжего буйвола. В настоящее время нельзя сомневаться, что в средней части западной половины Африки действительно существует буйвол, которого надо строго отделить от черного буйвола.

Рыжий (красный) буйвол (*Syncerus caffer nanus*), как его принято называть в противопо-

ложность черному буйволу, в Верхней Гвинее у европейцев известен под именем «кустарная корова». Высота плеч у этого буйвола достигает 1,2—1,5 м, и вес наиболее крупного животного едва превышает 350 кг*. Волосы, покрывающие его светлую кожу, большей частью густые и на нижней стороне тела нередко даже мохнатые, имеют желтоватый, рыжеватый или буроватый цвета, но попадаются также и более темные экземпляры, которые издали кажутся почти черными. Мютцель в Антверпене видел рыжего буйвола из Сьерра-Леоне, имевшего почти совсем безво-

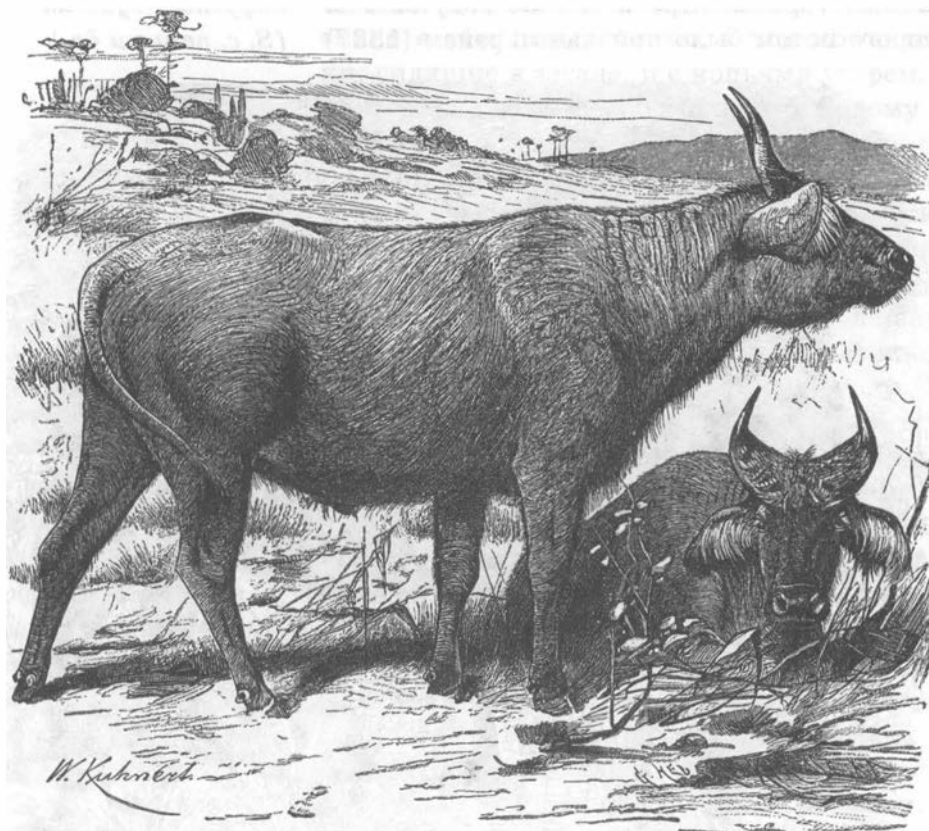
* Некрупные рыжеватые буйволы, обитающие в лесах Западной и Центральной Африки, считаются группой подвидов кафрского буйвола (*S. c. papus* и др.).

Рыжий (красный) буйвол
(*Syncerus caffer nanus*)

В холке он достигает всего 1—1,2 м, весит 250—350 кг.

лосое розовое брюхо, резко отграниченное от остального светло-желтого волосяного покрова. Конец хвоста, украшенный кисточкой, а также нижние части конечностей у этого вида черные. На очень больших ушах заметны светло-желтые пучки волос 15—18 см в длину. Рога широко сидят на лбу, что замечается, кажется, только у экземпляров из северо-западной Африки; они плоские или круглые и простой дугой загибаются вверх. Судя по письменным сообщениям, рисункам и присланным образцам рогов, разные исследователи, такие, как Бютикофер в Либерии, Клинг в области Таго и Цинтграф в Камеруне, находили только таких рыжих буйволов, у которых рога плоские и серпо-

Рыжий (красный)
буйвол
(*Syncerus caffer nanus*)

образно загнуты и лоб почти совсем открыт. Напротив, у экземпляров, живущих в Нижней Гвинее и внутренних областях, рога закрывают большую часть лба. У корня они плоские, достигают 10—12 см в ширину. Рога направляются в стороны и круто вверх, на двух третях своей длины делают загиб, затем тонкие концы изгибаются вперед и внутрь. Наибольшее расстояние между рогами 35—40 см; концы рогов отстоят друг от друга на 20—25 см.

Область распространения рыжего буйвола в западной половине Африки занимает большую часть лежащих между тропиками стран. Эти животные водятся в прибрежных странах, внутри материка попадают в западной части озера Чад, по верхнему Нигеру, особенно часто в травянистых степях Адамауа; к югу, по точным сообщениям Поггеса, их можно встретить в южной области Конго по Кассаи и Лулуа. Восточные границы их распространения, по Бауману, проходят в Конго приблизительно через водопады Стэнли.

Рыжий буйвол одинаково живет как на равнинах, так и в гористых странах. «Его движения нельзя назвать неуклюжими, — говорит Пехуель-Леше, — по травянистой или покрытой кустар-

ником степи он бежит почти так же хорошо, как крупные антилопы. С большим проворством двигается по обрывистым склонам гор, карабкается вверх и вниз по самым крупным отвесам глубоких оврагов. Такими большими стадами, какие образуют черные буйволы, рыжих буйволов я не встречал, но чаще всего они попадаются семействами от 3 до 5 голов, а общества в 10—12 голов уже очень редки; часто можно видеть их и в одиночку. Болотистых мест рыжий буйвол для купания, кажется, не посещает. Он держится преимущественно на открытых лугах, усеянных рощами; мне, по крайней мере, в обширном густом лесу никогда не попадались его следы».

В течение дня рыжий буйвол отдыхает среди низких колючих степных кустов и молодых порослей, подобно антилопам; иногда попадает в самых небольших рощах, а также вдоль поросшего лесом берега. В утренние и вечерние часы он очень подвижен, а ночью пасется. Нередко забирается на плантации, но особенно охотно посещает опустошенные пожаром полосы, где только что начинает пробиваться молодая трава: там он мирно пасется рядом с антилопами, не смешиваясь, однако, с ними и не согласуя своих действий с их поступками. Он не нуждается в антилопах ни как в проводниках, ни как в сторожах, потому что сам очень внимателен и пуглив. Буйвол распознает человека и обонянием, и зрением на расстоянии 300 шагов. Как только заметит вдали что-нибудь подозрительное, сейчас же поднимает голову, нюхает воздух короткими затяжками и делает несколько шагов вперед, не сводя глаз с беспокоящего его предмета; при этом грозно трясет головой, подается вперед и, подняв кверху хвост, спасается бегством. Помимо частого и довольно громкого сопения, которое выдает его даже в темноте, я слышал короткое хрюканье.

На открытом месте он очень пуглив, но, спрятавшись в чащу, лежит там затаившись. Оттуда никаким шумом его нельзя выманить: он пропускает мимо своего убежища загонщиков и собак и встает только тогда, когда они сами на него наткнутся. Но и в таком случае он еще медлит с защитой. Другое дело, если его заденет пуля: тогда он может сделаться столь же опасным, как и черный буйвол, если еще не опаснее благодаря своей ловкости. Получив тяжелую рану, он прячется в ближайшие кусты, становится здесь под ветром, подстерегает запальчиво следующего за ним стрелка и неожиданно нападает на него, причем нередко подхватывает на рога и случайно идущего мимо человека. В Конго во время утренней охоты Линднер подвергся нападению коровы тотчас после неудачно сделанного по ней выстрела, но подпустил ее к себе очень близко и второй пулей убил наповал. Не так счастливо отделался Коппенфельс: он как-то раз, не успев выстрелить вторично, был поднят на рога, брошен наземь и так страшно изранен острыми рогами, что мог поплатиться жизнью, если бы

несколькими счастливыми ударами охотничьего ножа ему не удалось свалить животное.

Азиатский, или индийский, водяной буйвол, или арни (*Bubalus arnee*)*. Не черный буйвол, и не рыжий, а живущий еще в наше время в юго-восточной Азии индийский буйвол является родоначальником домашних буйволов, которые водятся уже в Дунайских странах и в Италии, а еще в большем количестве в Египте и Индии. В восточной области распространения эти животные крупнее, рога у них крупнее и представляют большое разнообразие форм: у одних они длинные, почти прямые, широко расходящиеся и закинутые назад, а у других более короткие и сильно загнуты.

* Рога азиатских буйволов имеют продольную грань.

**Азиатский
водяной буйвол
(*Bubalus arnee*)**

Беременность длится 9—10 месяцев, половозрелость наступает в 1,5—2,5 года.

Индийский буйвол имеет около 3 м длины, включая сюда и длину хвоста в 50—60 см, при 1,4—1,8 м высоты плеч. У крупного быка высота плеч нередко достигает 1,93 м, а длина туловища по линии от морды до корня хвоста даже 3,12 м. Голова у него короче и шире, чем у домашнего быка, лоб большой, лицевая часть короткая и толстая, спереди со складками, но без подгрудка. Туловище несколько продолговатое, но полное и округленное; на загривке возвышается небольшой

горб. Спина со впадиной, высокий крестец округло спускается к заду, грудь узкая, хвост небольшой. Крепкие, сравнительно низкие ноги снабжены длинными, широкими копытами, которые могут сильно раздвигаться. Глаза невелики и имеют дикое и задорное выражение. Длинные и широкие уши торчат горизонтально и на внешней стороне имеют короткий волосяной покров, а на внутренней покрыты длинными пучками волос. Большие могучие рога, у корня утолщенные и расширенные, постепенно сужаются и оканчиваются тупыми концами, до половины своей длины они покрыты сильными поперечными морщинами, а ближе к

концу и на задней поверхности совершенно гладкие, в разрезе они представляют неправильный треугольник. Редкий, жесткий щетинистый волосяной покров удлиняется на лбу, на плечах, по всей передней части шеи и немного на хвосте; задняя часть спины, крестец, грудь, брюхо, лопатки и большая часть ног почти совершенно голые. От этого в окраске животного преобладает темно-серая или почти черная кожа, а серый цвет волос, приближающийся то к бурому, то к рыже-бурому, бывает редко заметен. Попадаются белые и пятнистые экземпляры, но редко. Корова от быка отличается несколько меньшим ростом, а от других видов рогатого скота — своим выменем, потому что все четыре соска у нее находятся почти в одном поперечном ряду.

Область распространения дико живущего индийского буйвола простирается к югу от подошвы Гималайских гор через восточные земли средней Индии почти до долины Годавари, а к востоку — через Бирму до северо-западной части Сиамского залива; на Цейлоне это животное размножилось особенно сильно*.

Как и все животные этого семейства, индийский буйвол большой любитель воды и потому живет только в болотистых местностях, по низовьям рек или в непосредственной близости, небольших, хотя бы даже только временно содержащих воду озер или около мелких лагун по взморью. Его движения неуклюжи, но он очень силен и вынослив и отлично плавает. Из чувств самыми острыми оказываются обоняние и слух; зрение и осязание слабы, а вкус особенно мало развит, так как индийский буйвол довольствуется самой плохой пищей, которой пренебрегают другие быки. Буйволы пасутся преимущественно ночью и охотно посещают плантации, где производят сильные опустошения. Туземцев они нисколько не боятся, чувствуют себя полными хозяевами на полюбившихся им полях, а на всякую попытку людей их прогнать отвечают немедленным нападением. Форсит рассказывает, что он как раз в такое время прибыл однажды к одному злополучному земледельцу, которому небольшое стадо буйволов в продолжение целых недель не позволяло ступить на поле. Он спас остаток жатвы, убив назойливого буйвола-вожака и одну корову, после чего остальное стадо рассеялось.

Индийского буйвола считают животным сердитым и капризным, но сильным и мужественным; индусская поэзия изображает его достойным противником тигра. «Буйвол-бык очень силен и всегда готов к бою, — сообщает Ходжсон, — он не только осмеливается напасть на взрослого слона, но и может при случае причинить ему смерть».

Форсит на охоте, будучи верхом на лошади, подвергся преследованию одной коровы из стада, хотя он ее совсем не беспокоил. Жердон рассказывает, что раздраженное животное действительно часто не колеблясь идет на охотничьего слона; к этим словам он прибавляет следующее: «Буйволы далеко не пугливы,

** Разрозненные дикие популяции сохранились в лесах и заболоченных высокотравных саваннах Индии, Шри-Ланки, Юго-Восточной Азии. В Индии и Непале обитает не более 1000 особей, на остальных участках ареала еще меньше. Вместе с тем одомашненная форма буйвола распространилась по тропикам и субтропикам всего мира, включая юг Европы, Латинскую Америку, океанические острова. В Австралии, на Новой Гвинее, некоторых островах Индонезии завезенные домашние буйволы вторично одичали. Основную опасность для дикого буйвола представляет браконьерская охота, осушение болот и поглотительное скрещивание с домашним буйволом (с настоящими быками буйволы не скрещиваются). Основу стада составляют матриархальные семьи, самцы держатся поодиночке.*

исключая тех местностей, где часто стреляют; можно приблизиться к ним на расстояние выстрела даже и со слонами, без которых нельзя вести успешную охоту. На меня однажды устремилось целое стадо, но достаточно было сделать один или два выстрела по нападающим, чтобы обратить их в бегство».

Голос буйвола — глубокий, звучный рев. Время спаривания, по словам Ходжсона, приходится на осень; тогда многочисленные стада распадаются на отдельные группы, собирающиеся вокруг каждого быка. Телята рождаются обыкновенно по одному, а иногда по два, после 10-месячной беременности. По сообщениям Штольца, индусы ловят буйволов большей частью в зрелом возрасте. С этой целью устраивается загородка, а у входа, на деревьях, растущих двумя рядами, располагаются люди: они запасаются пучками сухого хвороста и производят ими сильнейший шум в то время, когда между этими рядами бежит гонимое извне стадо. Таким образом животные попадают в загородку, где их спутывают арканами. Потом, завязав глаза и заткнув уши, выводят и мало-помалу приучают к домашним и полевым работам.

Индийский буйвол до некоторой степени природный враг тигра и в борьбе с ним почти всегда оказывается победителем. Райс рассказывает, что тигр нападает иногда на взрослых буйволов, но те защищаются отчаянным образом и часто калечат или убивают хищника. Если один буйвол подвергнется нападению, то другие спешат ему на помощь и обыкновенно принуждают неприятеля искать спасения в бегстве. Пастухи, стерегущие ручных буйволов, не боятся ездить верхом на этих животных по самой непроходимой части леса. Райс видел однажды, как буйволы, почуяв запах крови подстреленного тигра, пришли в исступление и всем стадом бешено пустились преследовать его по свежему следу, ломая кусты, взрывая землю копытами, и наконец, совсем обезумев от ярости, к великому прискорбию пастуха, стали драться между собой. Джонсон рассказывает, что однажды тигр напал на самого крайнего человека в караване. Пастух, находившийся поблизости со своими буйволами, поспешил на помощь и ранил зверя. Тигр тотчас бросил первую жертву и схватил пастуха, но буйволы, увидев хозяина в опасности, кинулись на хищника и оставили его на месте мертвым. Со Стерндалем был такой же случай.

Как и каким путем индийский буйвол попал в другие страны, мы точно не знаем. Но можно предположить, что он с воюющими и переселяющимися народами дошел до Персии, где его застали спутники Александра Македонского. Позднее магометане переселили его в Сирию и Египет. В 596 году нашего летоисчисления он появился, к немалому изумлению европейцев, в Италии. Сначала, как кажется, распространение шло очень медленно, но ныне он встречается в южном Китае, на полуостровах Индостан и Индокитай, в Афганистане, Персии, Армении, Сирии и Пале-

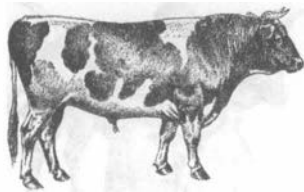
стине. Из Азии перешел в Турцию, Грецию, водится теперь в Придунайской низменности и в Италии, распространен по всему Египту, но не в Нубии.

Индийский буйвол любит жаркие болотистые или орошенные водой страны подобно всем другим родственным ему видам; Нильская дельта служит для него раем, в нижних долинах Дуная он тоже ведет привольную жизнь; в итальянских болотах является единственным представителем рода быков, потому что другие виды не выносят здешнего нездорового климата. В нижнем Египте живет повсюду и после козы является единственным домашним животным, снабжающим туземцев молоком и маслом. Во всякой деревушке среди хижин найдется большая лужа, служащая исключительно для того, чтобы доставить буйволам удобное купание. Гораздо чаще, чем на пастбище, буйволов можно видеть в Ниле; при этом они погружаются так глубоко, что на поверхности воды высовываются только голова да небольшая часть спины. С наступлением наводнений для них начинается пора полного блаженства. Плавая, странствуют они по затопленным полям, питаются луговыми злаками и жесткой осокой необработанных полей, соединяются большими стадами, резвятся в воде и возвращаются домой только тогда, когда коровам надо избавиться от отягощающего их молока. Очень красиво смотреть, когда стадо буйволов переправляется через реку шириной не менее километра. Множество пастухов, преимущественно детей 8—10-летнего возраста, беспечно сидят на спинах, и верные животные несут их над страшной глубиной среди высоко вздымающихся волн. Глядя на то, что буйволы проделывают в воде, можно подумать, что они родились в этой стихии. Животные ныряют, ложатся боком, почти на спину, плывут по течению или, как по шнурку, пересекают реку перпендикулярно к берегу. Они, наверное, проводят в воде ежедневно от 6 до 8 часов; привольно вытянувшись на дне, жуют свою жвачку с таким же самодовольным видом, с каким занимаются этим делом их родичи, отдыхая на земле. Все буйволы становятся беспокойными и даже злобными, если долгое время бывают лишены воды. Грязные лужи нравятся им гораздо менее чистого пруда и прохладных волн реки. В Египте во время засухи случается видеть жирных, грязных буйволов, несущихся вскачь, как в минуты сильнейшей ярости, чтобы стремглав броситься в воду. В Индии, а также в Италии их страсть к воде бывает причиной гибели многих людей, случается, что запряженные в фуры буйволы безумно бросаются к реке и тонут вместе с кладью и экипажем.

На суше буйвол гораздо беспомощнее, чем в воде. Поступь грузная, а бег хотя и довольно быстрый, но очень его утомляет. В сильном гневе или стремясь к воде, это грузное животное пускается галопом, если только так можно назвать его тяжелые и неуклюжие прыжки. Он не может проскакать таким образом бо-

Семейство половогие

лее 100—200 шагов, а постепенно переходит на рысь и вскоре движется своим обыкновенным спокойным шагом.

Увидев в первый раз домашнего буйвола, можно испугаться. Выражение его морды выказывает необузданно дерзкий, скрытный и дикий нрав; в глазах можно прочесть лютость и коварство. Скоро, однако, убеждаешься в том, что совершенно несправедливо судить о буйволе по его внешнему виду. В Египте, по крайней мере, это животное в высшей степени добродушное, так что управлять им любой крестьянин не задумываясь поручит самому малому ребенку. Непокколебимое равнодушие ко всему, что не касается воды и еды, за исключением новорожденного теленка для коровы, составляет отличительное свойство нрава этого животного. С тупым равнодушием покоряется он неизбежной участи, безразлично тянет плуг и телегу, позволяет гнать себя на поле и обратно и ничего не требует, кроме удобного купания в течение нескольких часов сряду. Он служит преимущественно как упряжное животное и для верховой езды при переправе через Нил и редко употребляется для обработки полей.

Главную добродетель буйвола составляет его неприхотливость. Верблюд, восхваляемый как образец наименее требовательных животных, и осел, считающий репейник лакомством, не выдерживают сравнения с буйволом, который пренебрегает сочными, вкусными для прочих быков травами и ищет самые жесткие, твердые и безвкусные растения. Если ему в ясли бросали сочные злаки, клевер и траву, он оставлял все нетронутым, скучая по более простой пище. Камыш, осоку и другую подобную растительность, которую не захочет есть ни одно травоядное, он пожирает с наслаждением, как самый лакомый корм. И отлично перерабатывает эту пищу, потому что корова дает вкусное и очень жирное молоко, из которого в большом количестве готовится хорошего качества масло. Египтянин называет своего буйвола самым полезным в доме животным, и, действительно, он прав. Неприятность причиняет буйвол одной своей неопрятностью. Иногда он похож на свинью, только что валявшуюся в грязи, потому что и сам, подобно этой любительнице луж, не пропускает случая освежиться в такой ванне. Висят ли потом на его редких щетинистых волосах комки грязи в палец толщиной, или во время долгого купания в светлом Ниле он успел как следует вымыться — это для него безразлично, по крайней мере такие мелочные неприятности он умеет сносить спокойно и с достоинством. Говорят, что по временам в красном знамени Пророка он видит предмет, возбуждающий его негодование, и тогда с неистовой злобой бросается на священную хоругвь. За это правоверные турки считают его отверженным животным, попирающим самым ужасным образом высшие законы; но египтяне, памятуя приносимую им пользу, без размышлений прощают ему эти проступки против свя-

ценных обычаев, надеясь, что милость Аллаха будет оказана даже и такому нечестивцу. Различные азиатские племена тоже ставят буйвола очень высоко, и многие из них оказывают ему почти бо- жеские почести.

Буйвол очень молчаливое создание. Отдыхает ли он в своей прохладной ванне, пасется или работает, никогда не издает ни единого звука. Только коровы, имеющие сосунков, или быки, приведенные в ярость, пускают иногда в дело свои голосовые средства: тогда раздается в высшей степени неблагозвучный, раздражающе громкий рев — что-то среднее между мычанием нашего обыкновенного рогатого скота и хрюканьем свиньи.

В более северных областях распространения буйволы, предоставленные самим себе, совокупляются в апреле и в мае; после 10-месячной беременности корова телится. Новорожденный теленок очень нескладное создание, но мать любит его с нежностью и во время опасности защищает. На четвертом или пятом году буйвол становится взрослым; жизнь его продолжается до 18—20 лет.

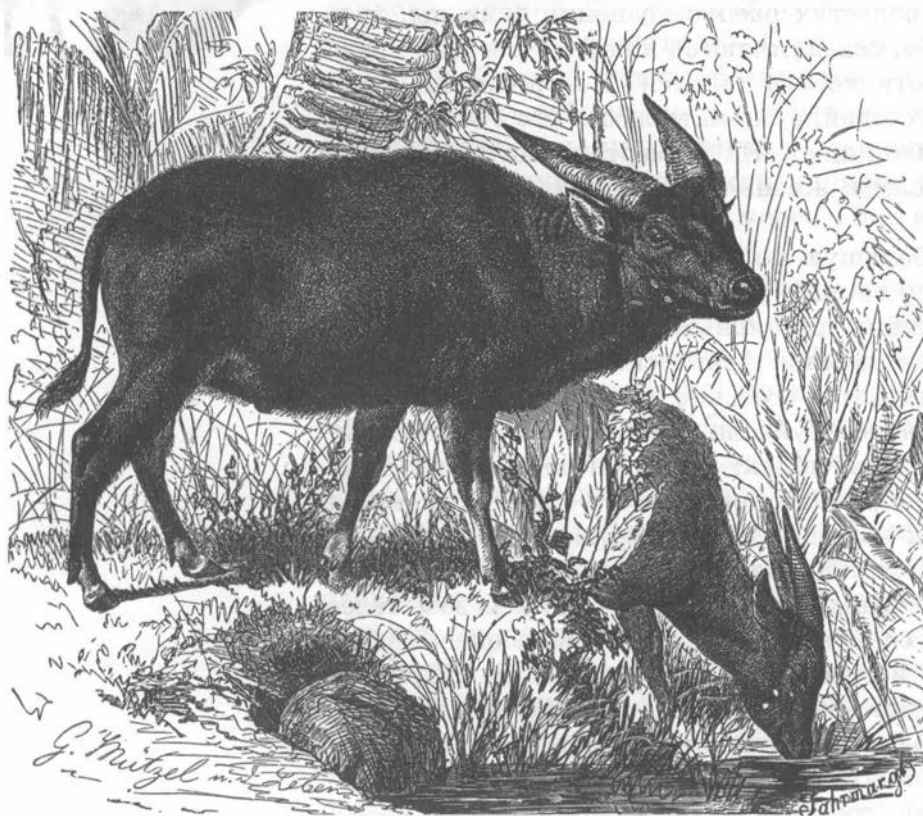
Буйвол приносит большую пользу, он почти не требует никакого ухода и кормится такими растениями, которыми пренебрегают остальные домашние травоядные. Недостаток понятливости у него восполняется огромной физической силой. В болотистых местностях он оказывается особенно полезным при возделывании полей. Колкхун видел буйвола в южном Китае работающим на болотистых рисовых полях; чтобы он не бросал в лицо рабочим грязь хвостом, принято привязывать хвост к шее. На Цейлоне он служит как вьючное и как упряжное животное: в первом случае им пользуются для доставки тяжелых грузов с солью с берега в глубь страны, а во втором — для перевоза телег по таким дорогам, где сила всякого другого быка оказывается недостаточной. В одной местности, между Баттикалоа и Тринкомали, туземцы используют его, как сообщает Теннет, для очень остроумной охоты за водяными птицами, которые массами живут в обширных соляных болотах и илистых озерах и совершенно свыклись с буйволами, имеющими здесь общее с ними местопребывание. Буйволов приучают двигаться по болоту в илистой воде, так что они, прикрывая собой стрелка, дают ему возможность подойти к дичи на необходимое для выстрела расстояние. Подобным образом пользуются буйволом и в северных частях Индии, подкрадываясь к оленям, точно так же ведется и ночная охота за всякой другой дичью.

Мясо буйволов из-за жесткости и присущего ему мускусного запаха не употребляется в пищу, по крайней мере европейцами; но мясо телят, говорят, очень хорошо, а жир по вкусу и нежности не уступает свиному салу. Толстая, крепкая шкура этих животных дает превосходную кожу, а из рогов выделывают прочную утварь разного рода.

Семейство половогие

* Высота аноа в плечах примерно 98 см, масса 150—200 кг, длина откинутых назад рогов около 40 см.

Аноа,
карликовый буйвол
(*Bubalus depressicornis*)

Только в одной Индии да еще, быть может, в Персии имеются у буйвола враги, которые в состоянии ему вредить. В Дунайских низменностях редко случается, чтобы стая волков осмелилась напасть на буйвола; этот буйвол должен быть по каким-нибудь причинам слишком обессилен и истомлен, чтобы такие враги сделались для него опасными. Подобным образом происходит и в Индии, хотя здесь против него выступает тот самый неприятель, который преследует и дикого буйвола, а именно тигр. Бывают случаи, когда этот страшный хищник находит жертву среди буйволов; но верно также и то, что стадо буйволов всякого тигра обращает в бегство.

Буйвол аноа (*Bubalus depressicornis*). Животное это должно считаться карликом в семействе быков, его высота в плечах 1,3—1,4 м, длина туловища, включая хвост в 30 см, достигает только 2 м*.

Туловище у него коренастое и толще всего в средней части, а сзади утрачивает свою массивность; загривок поднимается выше, чем крестец. Шея короткая, слегка округленная, голова в лобной части широкая, а к морде заостряется. Голая часть носа большая и занимает всю верхнюю губу; переносье несколько горбатое. Темно-карие глаза с кругловатым зрачком снабжены сверху большими ресницами; ухо короткое. Рога у корня широко отстоят один от другого. Помещааясь у краев лобной кости, они направляются вверх и немного назад. Рога довольно явственной трехгранной формы; внизу имеют кольцевые полосы, поверхность их делается кверху гладкой и конусообразной; заканчиваются они шиловидным острием. Средней длины хвост постепенно утончается и на конце имеет жидкую кисть волос. Низкие, толстые, широко расставленные ноги снабжены округлыми копытами. Слезные впадины отсутствуют. Волосы на всем

теле не очень длинные. Шерсть имеет общую темно-бурую окраску, принимающую более светлый оттенок на почти обнаженных частях морды и переходящую на внешней стороне ушей в грязный светло-бурый цвет, а на нижней стороне в светло-бурый. Плечевые и паховые области с внутренней стороны окрашены в желтовато-белый цвет*.

О жизни аноа на воле и в настоящее время почти ничего не известно. Путешественники, посещавшие область их распространения, говорят о них вскользь, и даже Розенберг, убивший на охоте многих животных этого вида, сообщает только то, что они необыкновенно осторожны, и поэтому охота за ними очень затруднительна**. Аноа, как кажется, встречается почти исключительно на Целебесе и только в гористых местностях этого острова***. Попавшихся в неволю очень редко доставляли в Европу; первые из привезенных были доставлены в Роттердам.

Аноа похож на маленького быка и к тому же по обычаю своих родичей ленив, не любит движения, по целым часам стоит на одном и том же месте, занятый едой или жвачкой, и, кажется, очень мало или даже вовсе не заботится об окружающем его мире. Всегдашняя поступь его — медленный шаг, но иногда он решается сделать несколько неуклюжих скачков. Как все буйволы, аноа отличается молчаливостью; очень редко удается услышать его голос, это бывает простое, короткое блеяние, которое скорее всего можно было бы назвать стоном. Свое родство с буйволом аноа доказывает пристрастием к воде и вообще к сырости и затем еще, как замечает Гааке, сильным мускусным запахом. Он пьет много и длинными глотками, останавливается только для передышек, намеренно опрокидывает поставленный для него сосуд с водой и с удовольствием катается потом по мокрой земле; если есть возможность, то с наслаждением идет в воду прохладиться. С особенной охотой ест болотные и другие подобные растения.

Об одном аноа, живущем в Франкфуртском зоологическом саду, Гааке пишет мне следующее: «Летом 1888 года мы получили теленка аноа ростом с полувзрослую овцу, который играл с детьми своего прежнего хозяина и был до того ручной, что спешил на зов и всюду по саду следовал за служителем. Он отличался такой игривостью, какой я не наблюдал ни у какого другого жвачного животного, и очень любил, когда его навещали. Особенную радость доставлял я ему, приводя во время таких посещений собаку Кору, которая сама была не прочь порезвиться с веселым буйволенком и возилась с ним в загородке до тех пор, пока ее не утомляла буйная шаловливость аноа, острые рога которого давали себя чувствовать очень неприятно. Весной 1889 года наш аноа изрядно вырос; я давно не был у него, и когда наконец случайно подошел к загородке, то обрадованное моим приходом животное поднялось даже на решетку передними ногами. Я вошел в загородку, но аноа так неистово и больно приветствовал меня удара-

* Темно-серая или бурая окраска аноа, как правило, оживляется белым полулунным пятном на груди, белыми отметинами на морде, ушах и перед копытами.

** Аноа населяют густые тропические леса, кормятся листьями, плодами, травой, много пьют, любят купаться, валяться в грязи. Они оседлы, держатся на своей территории моногамными парами или небольшими семейными группами. Сезонности в размножении нет.

*** На о. Сулавеси (Целебес) сейчас выделяют второй вид — горного аноа (*B. quarlesi*), обитающего на высотах до 1800 м, и отличающегося меньшими размерами, более длинной шерстью без отметин и круглыми, а не трехгранными в поперечнике рогами. Истреблен в Северо-Восточном Китае.

Семейство полорогие

* «Антилопы» — обиходное собирательное название, не имеющее таксономического смысла. Антилопами традиционно называли всех полорогих, не относящихся к буйволам/быкам или козлам/баранам. На самом деле в группу «антилоп» попали не только представители 6 африканских групп, традиционно «располагающиеся» между двумя «полюсами тяготения»: молодыми прогрессивными подсемействами бычьих (*Bovinae*) и козлов/баранов (*Caprinae*), но и некоторые нетипичные представители последних двух, и даже вилорог, относящийся к другому семейству. Таким образом, искать общие черты антилоп — бессмысленно.

ми рогов по икрам, что я вынужден был отстранить животное. Обиженный этим аноа теснил меня все упорнее. Попыткой к бегству я мог навлечь на себя чувствительные удары, поэтому волея-неволей пришлось вступить с ним в борьбу. Когда мне после довольно продолжительного времени удалось крепко схватить его за рога обеими руками и удержать в таком положении, я находился в совершенном изнеможении и был близок к обмороку. Я вывел аноа из загородки и, оставаясь снаружи, втолкнул его обратно головой вперед; иным способом я не мог освободиться от своего любимца, успевшего уже сделаться очень опасным животным. Не считая незначительных ссадин на коже, из этого сражения я вынес на левой руке и на обоих бедрах глубокие раны, потребовавшие несколько недель лечения; этим закончились мои визиты в загородку аноа. Хотя животное и до сих пор с легким блеянием бежит на зов мой и других знакомых и всегда с опущенной к земле головой, но «ласки» буйвола не позволяют даже служителю входить в его стойло или в загородку.

Таким образом бычья природа сказывается в своей первобытной простоте».

К антилопам принадлежат самые красивые и самые изящные полорогие. Конечно, этого нельзя сказать о всех этих животных*. Рядом с самыми стройными и красивыми представителями встречаются неуклюжие, грузные создания. Однако в целом об антилопах можно сказать, что эти животные стройного телосложения, похожие на оленя, с коротким, почти всегда плотно прилегающим к телу волосяным покровом и более или менее выгнутыми рогами, развитыми у обоих полов почти одинаково. Некоторые роды необыкновенно схожи между собой по телосложению, и только внешний вид рогов, копыт и хвоста, а также некоторое изменение волосяного покрова служат верными признаками для их различения. Но число антилоп так велико, что в крайних членах общего ряда уже трудно бывает подметить родственные черты; с большим числом видов увеличивается и различие между ними. Здесь одни животные напоминают своей массивностью быков; другие стройные, как козули; некоторые похожи на маленькую нежную кабаргу или напоминают внешним видом лошадь. Хвост у одних короткий, как у быков, у других неразвит, как у некоторых оленей. На шее иногда бывает небольшая грива; вокруг морды шерсть может так своеобразно разрастаться, что получается подобие бороды, как у коз. Рога представляют то простую, то двойную дугу, иногда делают несколько винтообразных оборотов; концы их загибаются назад или вперед, внутрь или наружу. У некоторых экземпляров оба рога представляют вид лиры; у других ветви рогов, каждая порознь, заворачиваются наподобие винта, попадают совершенно прямые рога или только со слабой кривизной. Бывают рога круглые и граненые, сплюснутые и ребристые; у одних поперечные борозды, обозначающие

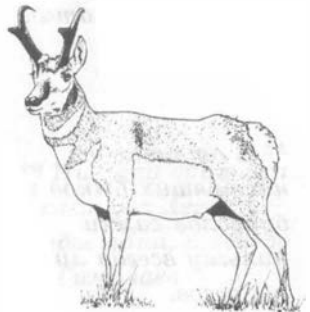
возраст, выступают явственно, но у других едва заметны; встречается один вид даже с четырьмя рогами. Внутреннее строение тела антилоп, мало подвергавшееся точным исследованиям, почти такое же, как у других полорогих животных. Самки на вымени имеют иногда два, а иногда четыре соска. Они рожают обыкновенно одного детеныша, редко двух; время беременности продолжается большей частью 9 месяцев. Теленок через 14—18 месяцев достигает полного роста, хотя в эту пору он не всегда еще способен к размножению.

Вся Африка, западная, южная и средняя Азия, южная и средняя Европа служат родиной антилопам. Каждый вид имеет, по видимому, свою любимую пищу; этим и обуславливается его широкая область распространения. Большинство из них любят равнину, но некоторые предпочитают гористые страны низменностям и достигают границы вечных снегов. Одни живут в открытых, бедных растительностью местностях, другие встречаются в редких порослях, иные же в густых лесах, а некоторые даже на болотах и топях. Крупные виды живут группами или стадами, часто очень большими, более мелкие — парами или не столь многочисленными обществами.

Антилопы пасутся и днем и ночью; их движения большей частью живы, быстры и притом чрезвычайно грациозны. Ни одно из млекопитающих не может превзойти в быстроте некоторые виды этих животных, а в грации положительно никто не может сравниться с ними. Важнее всего для них воздух, свет и безграничный простор; поэтому многие обитают в пустынях и оживляют их мертвое однообразие. Только редкие виды бегают неуклюже и тяжело и утомляются от непродолжительного преследования; остальные как бы воодушевляются во время бега. Внешние чувства их очень остры: они обладают прекрасным зрением, слухом и чутьем; очень разборчивы в пище и вообще восприимчивы к внешнему влиянию. Антилопы не особенно умны. Будучи по природе любопытными, бодрыми, веселыми и игривыми, как козы, они, подвергнувшись раз преследованию, используют приобретенный опыт, выставляют сторожей и делаются в высшей степени пугливыми. Одни виды отличаются миролюбием, другие бывают очень злы. Их голос, сходный с блеянием, стоном или свистом, слышен обыкновенно только во время спаривания.

Пища антилоп исключительно растительная; они едят травы, листья, почки и молодые побеги растений. Некоторые довольствуются самой скудной пищей, другие очень разборчивы и питаются лишь самыми сочными и вкусными растениями. При свежем зеленом корме большинство может долго терпеть жажду; те, которые живут в бесплодной пустыне, обходятся без воды в течение нескольких дней и даже недель. Антилоп можно назвать полезными животными, и при этом едва ли нужно делать какие-нибудь оговорки. Они полезны своим мясом, рогами и прекрас-

Семейство полорогие

* *Нильгау, или голубой бык (Boselaphus tragocamelus — буквально «быкоолень козловерблюд»), вместе с четырехрогой антилопой составляет особую трибу подсемейства бычьих, наиболее близкую к буйволам. Характерны высокие ноги, толстая шея с висячей гривой и кистью волос под горлом, очень покатая спина. Как у азиатских буйволов и винторогих антилоп, рога нильгау несут продольные ребра, развиты полулунные пятна на шее, белые отметины на морде и над копытами. О причудливом внешнем виде животного красноречиво говорит латинское название.*

** *В отличие от настоящих быков и буйволов самки нильгау всегда лишены рогов.*

ными шкурами. Поэтому за ними усердно охотятся народы, населяющие их отечество. Некоторые антилопы прославлены с незапамятных времен, они восхваляются поэтами и путешественниками; из-за них альпийские охотники сотни раз рискуют своей жизнью. Вообще все виды привлекательны для человека. Большинство, по крайней мере на своей родине, легко приручаются, хорошо переносят неволю, плодятся и радуют хозяев доверчивостью. Некоторые становятся совсем домашними животными, и в старину действительно считались таковыми.

В мифических и исторических повествованиях упоминаются отдельные виды антилоп. «Довольно значительное число видов, — пишет мне Дюмихен, — мы встречаем в изображениях на древнеегипетских памятниках и особенно на стенах Гизека, Фив, Бене-Гассана и Эль-Каба. Чаще всего, и поистине восхитительно, изображается древними египтянами грациозная газель, и особенно часто молодое животное, узнаваемое по не вполне развитым рогам... Древние египтяне, — продолжает Дюмихен, — убивали антилоп стрелами. На египетских изображениях мы видим охотника обыкновенно в сопровождении степной борзой собаки, называемой в иероглифах «тезем», а нынешними арабами «слугуй»; изредка сопутствует ему гиена, которую древние жители страны фараонов умели так же хорошо приручать и дрессировать, как и гепарда. При охоте на водяных козлов употребляли пращу. Особенного внимания заслуживает тот факт, что саблерогие и мендес-антилопы были у древних египтян домашними животными, и причем не отдельные экземпляры, а целые стада наряду с коровами и козами. Так, например, в одной из гробниц перечисляется богатство знатного египтянина: 405 быков редкой породы, 1225 быков обыкновенной, 1220 телят длиннорогой, 1138 телят короткорогой породы, 1135 газелей, 1308 саблерогой породы и 1244 мендес-антилоп».

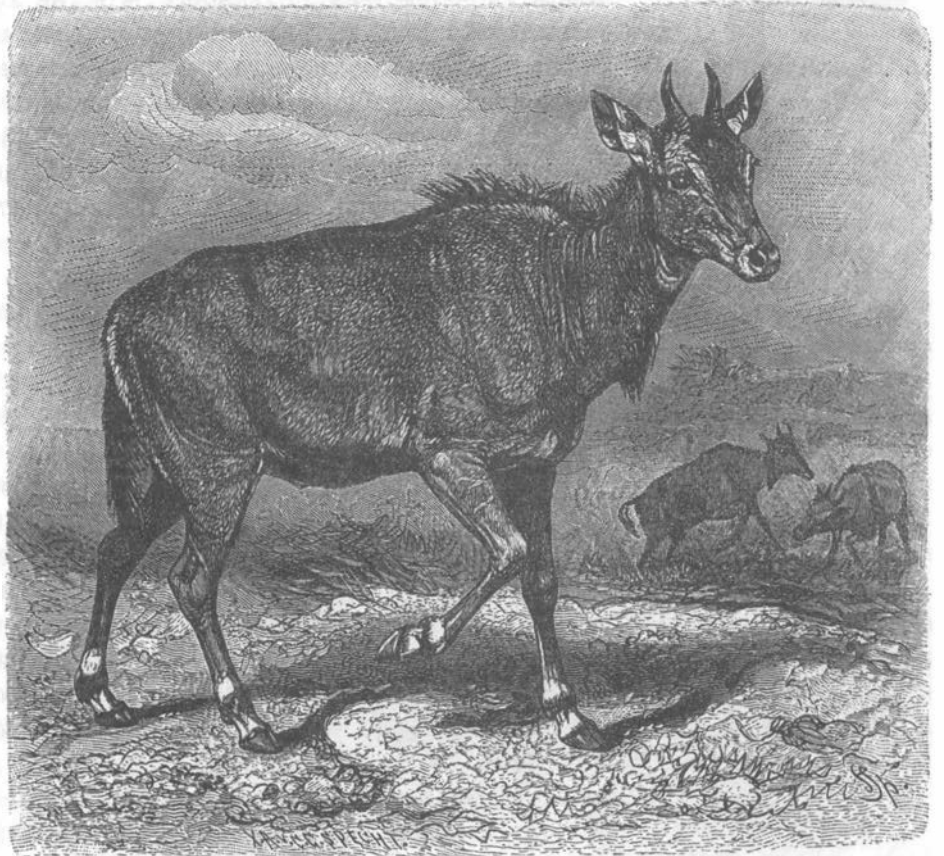
Мы приводим лишь важнейшие виды этой группы жвачных.

Последнее время к нам стали привозить одну индийскую антилопу, называемую **нильгау**, или **голубой бык** (*Boselaphus tragocamelus*), которая в прошлых столетиях даже в самой Индии еще довольно редко встречалась в неволе. Нильгау по форме тела и по цвету — один из самых замечательных видов семейства антилоп*. Голова, шея и ноги у него короткие, остальные части тела напоминают быка. Туловище довольно короткое и толстое, у загривка оно выше, а в груди шире и крепче, чем сзади. На холке находится небольшой горб. Вертикально стоящие конические рога изогнуты почти полумесяцем; они толсты у корня, спереди слегка ребристы и имеют 20—25 см в длину. У самок рога значительно меньше, а иногда их даже не бывает**. Ноги высокие и относительно толстые, с большими широкими копытами и приплюснутыми, сплюснутыми шпорцами. Хвост спускается до пя-

ток; наверху он покрыт короткими, а по бокам и на конце длинными волосами. У самки две пары сосков. Тело покрыто короткой, гладко прилегающей, несколько жесткой шерстью. Общий цвет шерсти темный буровато-серый с легким голубоватым отливом. Старые самки имеют более чалый оттенок, приближающийся к серо-бурому цвету оленей. Взрослые самцы достигают длины в 2,4—2,6 м, из которых 45—50 см приходится на хвост, высота у загривка 1,3—1,4 м*.

* Самцы заметно крупнее самок, весят до 200 кг.

Родина нильгау в Ост-Индии, от подножия Гималайских гор до Майсура. По Жердону, он встречается чаще всего в средней части Индии; к северу же от Ганга и на самом юге он становится редким, а в Ассаме совсем его нет. По Адамсу, и в Пенджабе он также встречается очень редко**. Нильгау не любит гористых местностей, но все же попадает там, если они покрыты негустыми лесами. Иногда он появляется и в открытых, только слегка поросших кустарником местностях, но только в том случае, если может найти здесь воду. По сообщению Стерндаля, нильгау ежедневно ходит на водопой. Говорят,

Нильгау
(*Boselaphus
tragocamelus*)

что он испражняется всегда на одном и том же месте. Обычно нильгау держится стадами в 6—20 голов, одинокие старые самцы ходят отдельными группами. Они пасутся чаще утром и вечером, чем ночью, а в жаркие часы дня отдыхают. Впрочем, Стерндаль удавалось встречать их во всякое время дня. Когда наступает время спаривания, между самцами происходят жестокие драки. Нильгау смелое животное, иногда, преследуемый охотником, он поворачивается и храбро нападает на него. В неволе они становятся довольно ручными; в Индии иногда такие прирученные животные пользуются полной свободой и, несмотря на это, не убегают на волю. Но нильгау, даже прирученные, не утра-

** Нильгау обитает в светлых лесах Индостана, к северу до Гималаев.

Семейство половогие

** Гон на севере ареала приходится на март—апрель, на юге не приурочен к определенному сезону. Половозрелы с 1,5 года, продолжительность жизни 12—15 лет в природе, до 21 года в неволе. Основные враги — тигр, леопард, красный волк.*

чивают своей свирепости, и сторожа побаиваются их, особенно во время течки. В Англии один нильгау, увидев человека, приблизившегося к его загородке, бросился на него так стремительно, что, ударившись о столб, сломал себе один рог и вскоре затем умер; один самец, которого я воспитывал, опасно ранил своего сторожа.

В движениях этой антилопы есть много особенностей. Обычно она ходит, как все другие, но, как только ее что-нибудь рассердит, выгибает спину, вытягивает шею и медленно крадется, мрачно озираясь и косясь во все стороны; при этом поджимает хвост. Впрочем, Гааке сообщает, что так ходят только самцы; он считает эту походку просто проявлением полового инстинкта. На полном скаку у нильгау гордая, величественная осанка, и он очень красив, особенно когда бежит, подняв свой пушистый хвост.

Беременность самки продолжается 8 месяцев; первый раз она рождает одного теленка, а затем обычно по два. В Индии время спаривания приходится на март, а детеныши появляются в декабре*. В европейских зоологических садах самки разрешались от бремени в летние месяцы. По цвету и бычки, и телки походят на мать, но к концу второго года самец получает свою постоянную окраску. Детеныш только через несколько дней после рождения приобретает живость, свойственную другим новорожденным антилопам; обычно он лежит на том же месте, где родился. Самка заботится о нем; когда тот сосет, нежно облизывает его и при этом поджимает хвост, немного прикрывая им детеныша. Содержащиеся в неволе самки недоверчиво следят за сторожем, когда он подходит к теленку; они даже приближаются к нему, чтобы в случае нужды заступиться за свое детище; впрочем, кроме этого, они ничем не проявляют своего возбуждения. Телята растут быстро; сначала они очень игривы, но вскоре становятся такими же угрюмыми, как и взрослые животные.

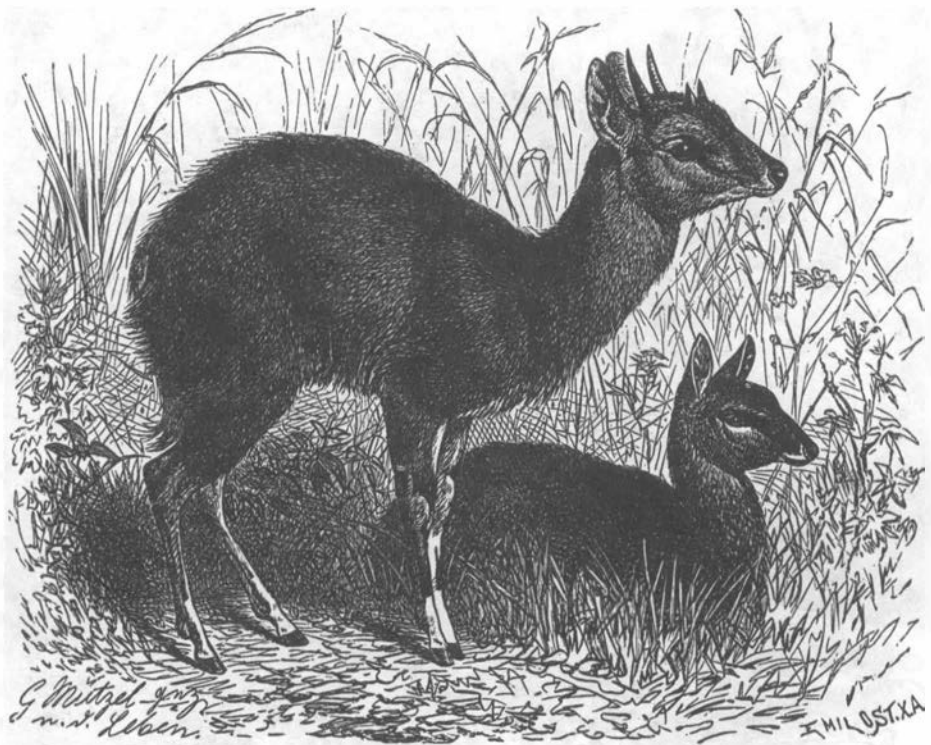
Европейские охотники не считают охоту на нильгау особенно увлекательной. В животное стреляют, подкравшись к нему, или гонятся за ним верхом; его нетрудно загнать, если пустить лошадь во весь опор. Уже с давних пор подданные индийских князей считают за честь дарить своему повелителю антилоп этого вида, и потому их довольно часто можно встретить в саду того или другого вельможи. Только в 1767 году была привезена в Англию первая пара нильгау; в конце прошлого столетия их завезли во Францию, Голландию и Германию. Теперь антилоп можно встретить в каждом зоологическом саду, где они отлично размножаются. Из всех антилоп, по-видимому, легче всего было акклиматизировать в Европе нильгау. В зоологический сад, принадлежащий итальянскому королю, привезли в 1860 году четырех нильгау, а в 1862 году еще двенадцать. Здесь они так быстро расплодились, что через три года образовалось стадо из 14 самцов и 35 самок. В 1866 году попробовали выпустить их в лес; они

прожили на свободе всю зиму, несмотря на то, что по временам температура была весьма низкая, и только изредка укрывались от непогоды, забираясь под стог сена. В лесу животные ели охотнее листья акации, чем зелень дуба и орешника; с особенным удовольствием ели также капусту и салат.

В качестве дичи нильгау не особенно ценится в Индии, но мясо вовремя убитого животного бывает иногда очень вкусно и сочно.

Прежде чем перейти из Индии в Африку, эту настоящую родину антилоп, мы займемся еще одним из замечательнейших видов этого семейства и даже всех жвачных вообще — **четырёхрогой антилопой** (*Tetracerus quadricornis*). Насколько известно из сделанных до сих пор наблюдений, она представляет совершенно единичное явление. Ни у одного из дико живущих животных не встречается такой аномалии в росте рогов, как у этой антилопы.

Четырёхрогая антилопа — небольшое изящное животное. Его длина 70—80 см, хвост равен 12 см, высота загривка 60—65 см*. Отличительными признаками животного являются большие закругленные уши, длинные слезные ямки, широкий голый кончик носа, стройные ноги и длинный мех — буро-чалый наверху и белый на нижней части туловища. Самки окрашены светлее самцов. Рога имеют только самцы. Передняя пара рогов сидит над внутренним углом глаз. Рога слегка загнуты вперед, внизу кольчатые, концы гладкие; их длина всего 3—3,7 см, но у некоторых животных они представлены едва заметными шишками. Задняя пара рогов достигает 10—12,5 см. Четырёхрогая антилопа, по-видимому, водится во всей Ост-Индии и местами встречается очень часто; ее любимое местопребывание — холмы, поросшие лесом или кустарником. На Цейлоне она не водится, нечасто попадает и восточнее Бенгальского залива**.

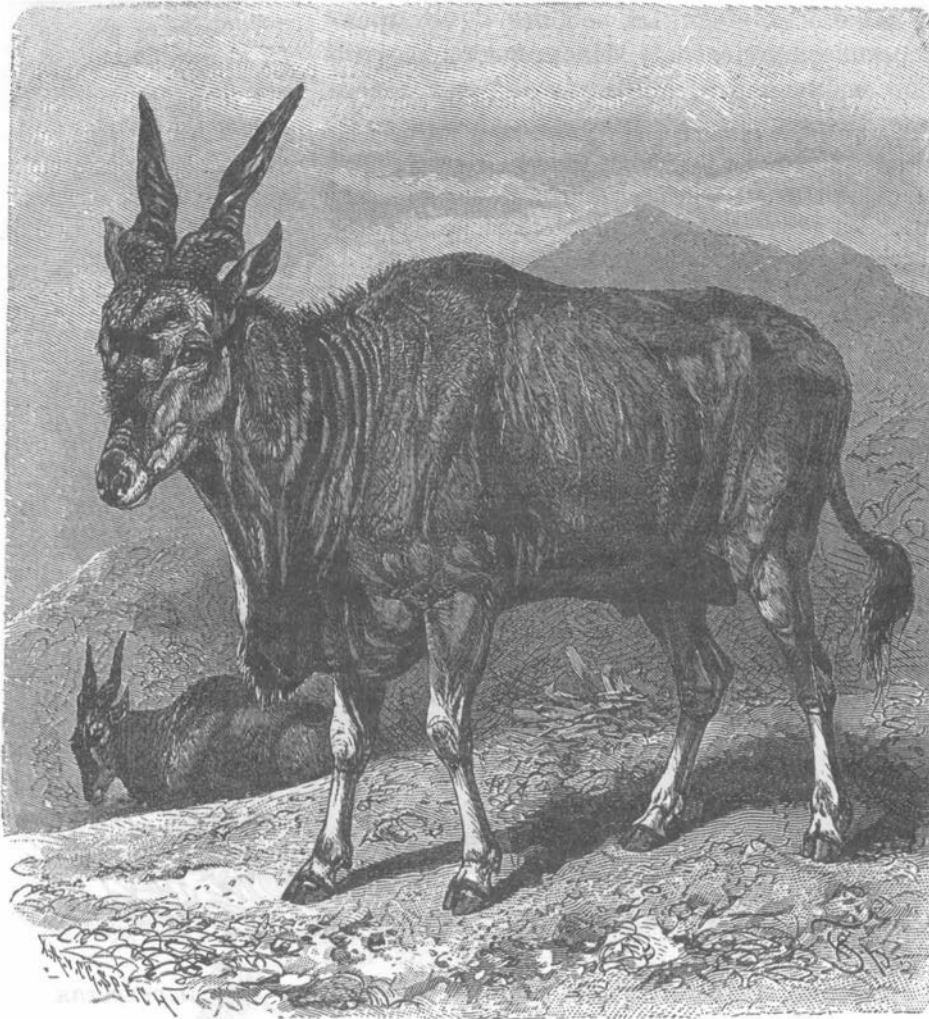

* Четырёхрогая антилопа самый маленький член подсемейства бычьих, размером меньше козули (масса 15—25 кг) и единственное полорогое, самцы которого имеют две пары рогов.

Четырёхрогая
антилопа
(*Tetracerus
quadricornis*)

** Ареал и биотопические предпочтения, как у нильгау.

Пугливость этой антилопы делает наблюдения над ее жизнью на свободе весьма затруднительными; о тех немногих, которых удавалось видеть в неволе, знают только, что даже пойманные молодыми, они делаются с возрастом все злее и злее. Самцы ко времени спаривания становились до того свирепыми, что даже нападали на сторожа, который ежедневно кормил их. Четырехрогие антилопы, принадлежавшие Гардвику, плодились в неволе. Самка родила сразу двух телят. Мясо четырехрогой антилопы сухо и мало ценится.

Канна
(*Taurotragus oryx*)

* Обычная канна весит 600—800 кг при росте в холке 175—180 см .

Канна (*Taurotragus oryx*) достигает длины почти 4 м, из которых 70 см приходится на хвост; высота у загривка 1,5—1,9 м; масса 500 кг, а по Гаррису, доходит даже до 1000 кг*. Окраска изменяется в зависимости от возраста, а по наблюдениям Селуса, и в зависимости от местности. У взрослых самцов верхняя часть тела светло-бурого или желтовато-серого цвета с ржаво-красным оттенком, бока желтовато-белые, нижняя часть тела и наружная поверхность голени и предплечья также желтовато-белые; голова светлого желтовато-бурого цвета, а грива на затылке и пучок

волос на подгрудке желтовато-бурые или темно-рыжие. Полоса на спине почти такого же цвета. Самки значительно меньше самцов и не так коренасты, рога у них длиннее и стройнее, обыкновенно шире расставлены и более или менее изогнуты; подгрудок или мал, или его совсем нет, окраска темнее, чем у самцов. Часто встречаются полосатые канны, иногда полосатость эта выражена очень ясно, иногда слабо; обыкновенно полосы бывают попере-

ными*. Самые длинные рога, какие приходилось измерять Селусу, у самцов равнялись 76 см, а у самок 86 см. Рога у самцов с возрастом стираются, поэтому у очень старых самцов их длина всего 30—40 см**. Детеныш канны, родившийся во Франкфуртском зоологическом саду, имел 65 см в длину, голова у него была очень тонкая и изящная, украшенная маленькими рожками, величиной 3 см; ноги высокие, суставы необыкновенно сильно раздуты; окраска такая же красивая желтовато-серая, как и у матери, но на одном боку у него было 10, а на другом 8 белых поперечных полосок шириной не более 1 см, тянувшихся от спины к брюху.

Область распространения канны оказывается гораздо обширнее, чем предполагали прежде. До исследований, проведенных Гейглином и Швейнфуртом, думали, что канна водится только на юге Африки, теперь же мы знаем, что она распространена во всей южной, а также в восточной части Африки, где встречается значительно севернее экватора***.

В прошлом столетии канны водилась внутри Капской земли; в начале нынешнего столетия, когда эту страну посетил Лихтенштейн, они держались еще довольно большими стадами голов в 20—30 на границе поселений; теперь же их вытеснили далее в глубь страны, и южнее тропика Козерога они стали настолько редки, что Фритш предполагает, что он был последним путешественником, встретившим южнее тропика стадо в 50 голов. Однако почти не подлежит сомнению, что здесь канны водятся только в южной части Калахари.

В стране Бонго, по верхнему течению Белого Нила, как сообщает Швейнфурт, канны вовсе не редкость, хотя уже почти не попадаются большие стада. Любимое их местопребывание — травяные степи, редко поросшие мимозами; во время засухи они перекочевывают в богатые водами низменности. Но странно, что канны встречаются и в горах, и притом в самых диких, почти недоступных местах. Ганс Мейер на плоскогорье Килиманджаро встретил на высоте 4400 м несколько стад этих антилоп и даже на высоте 4700 м видел их следы.

Канны любят пастись на невысоких холмах, которые в южной Африке часто, подобно островам, выдаются над каменистыми, лишенными растительности равнинами. Обыкновенно антилопы держатся группами по 8—10 голов, в которых только один или два самца. Но в известные периоды такие общества соединяются в большие стада: Гаррис упоминает о стаде в 300 голов, а Селус еще в прошлом десятилетии видел в области Чобе стадо более чем в 100 голов. Издали канн можно принять за стадо домашнего скота: одни животные медленно расхаживают, пощипывая траву, другие греются на солнце или отдыхают под тенью жидких мимоз, пережевывая жвачку — словом, такое общество поразительно похоже на пасущихся коров. При перемещении места пастбища канны под предводительством старого самца

** Взрослая обыкновенная канна чаще бывает однотонной. Светлые поперечные полосы на корпусе, а также широкая темная полоса на шее характерны для гигантской канны. Она отличается также более широко расставленными рогами и очень развитым подгрудком.*

*** Средняя длина рогов обыкновенной канны 73 см, гигантской 89 см. Максимальная длина 110 и 124 см соответственно.*

**** Обыкновенная канна обитает в саваннах востока и юга Африки. В саваннах Западной и Центральной Африки ее замещает гигантская канна. В настоящее время ареал мозаичен.*

медленно бегут в одном направлении, подобно кавалерийскому полку под надежным начальством, мелкой рысью продвигаются вперед. Если канну преследуют, то она убегает небыстрой, но очень крупной рысью, а в крайнем случае пускается в галоп и бежит таким образом очень долго. Молодые самцы и самки могут бежать быстро и долго, их часто не удается поймать даже на отличной лошади; старые и жирные самцы обыкновенно скоро устают, и опытному охотнику на хорошей лошади почти всегда удается настичь их.

По сообщению Лихтенштейна, пища канн состоит из тех же растений, которые служат отличным кормом для овец и быков; пахучесть трав, по-видимому, оказывается чрезвычайно полезной для всех жвачных. Подобно другим представителям семейства быков и антилоп, старые самцы-канны распространяют такой сильный запах мускуса, что благодаря ему не только издалека случается открыть присутствие этих животных, но можно узнать место их отдыха, которое они давно уже покинули.

Все месяцы засухи, когда мало корма, канны бывают довольно вялы, но в остальное время между старыми самцами часто происходят жестокие драки, при которых они наносят друг другу опасные раны и ломают рога. Сильные и злые самцы прогоняют более слабых из стада и остаются полными властелинами над всеми самками. Изгнанные самцы соединяются вместе и ведут жизнь холостяков. По-видимому, спаривание у канн не связано с определенным временем года, по крайней мере Гаррис уверяет, что в разные месяцы можно видеть беременных самок и маленьких телят. По наблюдениям, произведенным над находившимися в неволе животными, беременность продолжается 282 дня. Пойманные молодыми, канны приручаются чуть ли не легче, чем даже добродушные дикие виды быков; они охотно дают какой-нибудь корове выкормить себя, а подросши, пристают к стаду домашнего скота; даже в старости они остаются довольно миролюбивыми и не причиняют хозяину особых хлопот*.

** Удачные опыты по одомашниванию канн известны со времен Древнего Египта. Канны прекрасно размножаются и позволяют себя доить в заповеднике Аскания-Нова на юге Украины. В неволе доживают до 25 лет.*

Канны были одно время обыкновенным явлением в зоологических садах Европы, но теперь они здесь вымирают. Все имеющиеся у нас экземпляры являются, как сообщает Вейнланд, потомками двух пар, которых в 1840 и 1851 годах привез в Англию лорд Дерби. Из Лондона канны распространились сначала по Великобритании, а оттуда уже попали в зоологические сады остальной Европы. Они плодятся довольно легко; поэтому полагали, что их стоит акклиматизировать; но успешные опыты, предпринятые с этой целью, пришлось бросить, так как не было достаточного подвоза новых животных из Африки и порода стала вырождаться.

За этой дичью ревностно охотятся всюду, где она встречается. В Капской земле прежде ловили канн, выкапывая волчьи ямы, а также тенетами, которые расставлялись вокруг полей и садов.

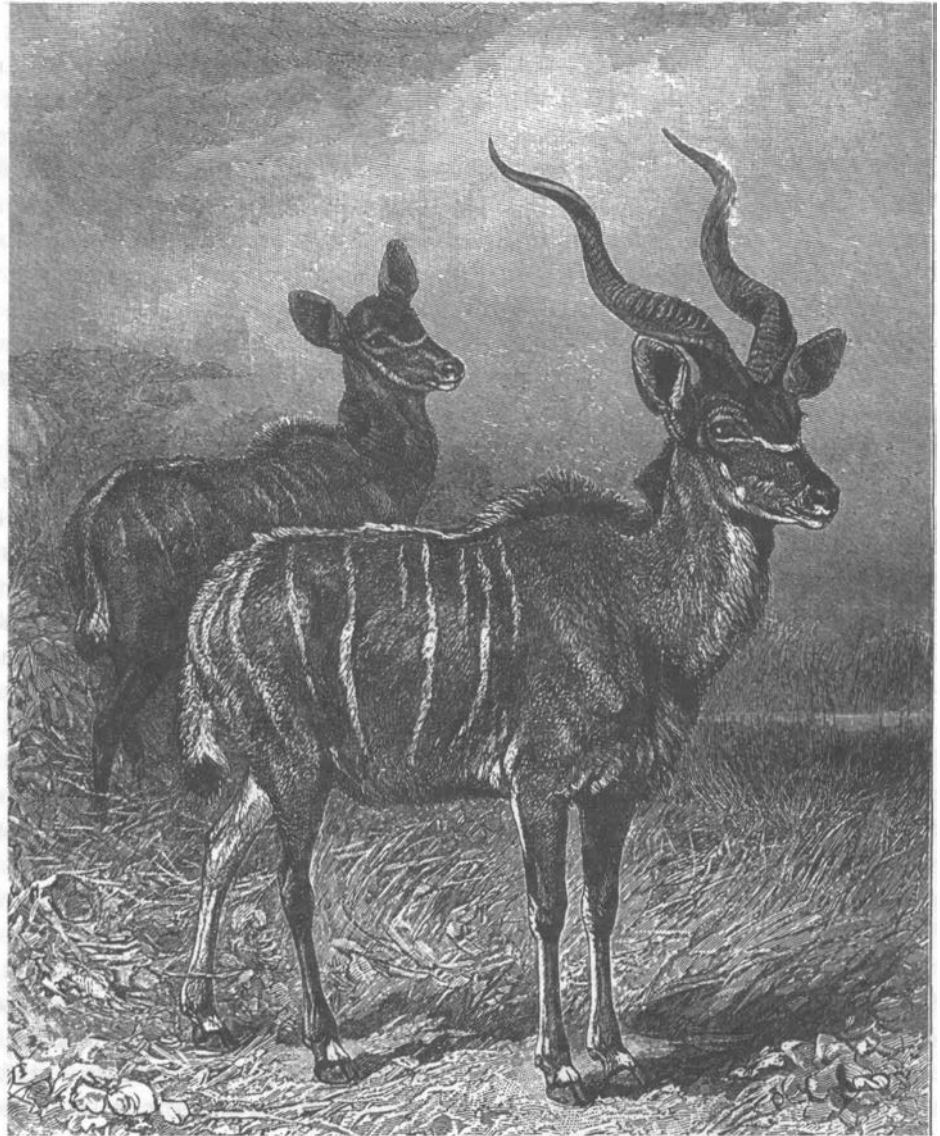
Теперь же охотятся на них почти исключительно верхом: за животным гонятся, пока оно не выбьется из сил, и тогда убивают его из ружья.

Охота за каннами чрезвычайно выгодна. Мясо их сушат и солят или обертывают в шкуры и в телегах везут домой: здесь оно подвергается копчению и в таком виде дает очень здоровую и дешевую пищу. К жиру, которого иногда бывает очень много, пришивают немного бычьего сала и квасцов и приготавливают из него хорошие свечи, а из необыкновенно толстой и крепкой кожи выделывают превосходные ремни.

Кроме человека у канны есть еще много других врагов, но большинство из них для нее не особенно опасно. Из хищников для нее страшен только один лев.

Большой куду (*Tragelaphus strepsiceros*) превосходит величиной нашего оленя. Взрослый самец от носа до конца хвоста длиной 50 см имеет 3 м в длину, высота у загривка 1,7 м, масса достигает 300 кг и даже больше. Самка значительно меньше. Измеренная однажды мной взрослая самка все-таки

имела 2,5 м в длину и 1,5 м в высоту у загривка. По телосложению куду напоминает во многих отношениях оленя. Основной цвет шерсти, трудно определяемый, — рыжеватый буро-серый — переходит на задней части живота и на внутренней стороне ног в беловато-серый; грива на затылке темно-бурая или черная, а у очень старых животных вдоль всей передней части шеи светло-

Большой куду
(*Tragelaphus strepsiceros*)

** Если следовать по спирали (имеющей 2—3 витка), длина рогов может составлять 120—180 см. Самки, как и у всех винторогих антилоп, безроги.*

*** Большой куду обитает в саваннах, буше и горных районах (до 4500 м) Африки: от Судана, Чада и Эфиопии до северных частей Южной Африки. Тропических лесов бассейна Конго избегает.*

серого цвета. Хвост сверху темно-бурый, снизу белый, кисть черная. На темном фоне основной окраски резко выступают белые полосы числом от 7 до 9, некоторые разветвляются. Они идут на одинаковом расстоянии друг от друга по бокам, вниз от спины. Между глазами лежит белый полумесяц, обращенный выпуклой частью к концу морды. У самки все полосы слабые и бледные; у молодых животных их больше, чем у старых. Рога составляют поистине красоту этого животного, ни у одного вида антилоп нет таких великолепных рогов. Длина их по прямой линии имеет 90—100 и даже 105 см, расстояние между верхними концами до 70—80 см. Трудно понять, каким образом животное может так легко и гордо носить свой тяжелый головной убор. От основания рога идут косо назад и расходятся*.

Знакомство с куду началось только со второй половины прошлого столетия. Наши предки не были знакомы с этими винторогими антилопами, рога которых, однако, часто привозили в Европу. Только к концу прошлого столетия доставили живого куду в Голландию, и с тех пор мы имеем сведения об этом стройном животном; однако точного описания его образа жизни все еще не существует.

Куду обитает в значительной части Африки, его встречают в восточной части материка: от Капской колонии до областей, орошаемых Нилом. В Капской колонии они встречаются лишь на землях крупных владельцев, которые охраняют их от окончательного истребления. Далее к северу куду встречается в значительном количестве, за исключением немецкой восточной Африки, где Бем видел его только изредка, а внутри страны, ближе к озеру Танганьика, совсем не встречал. В середине западной Африки куду также, по-видимому, совсем нет**.

Эти антилопы живут преимущественно в скалистых и горных местностях, но в южной Африке встречаются и в низменностях; они любят равнины, поросшие кустарником и деревьями, а также попадают в густых зарослях колючего кустарника, но их нельзя считать лесным животным в полном смысле этого слова. В землях богосов мы находили куду не ниже 600 и не выше 2000 м над уровнем моря, всегда возле обрывов, где они величественно ходили между зелеными мимозами. Сильные самцы живут в одиночку, самки любят соединяться в небольшие кучки от 4 до 6 антилоп. Южноафриканские охотники наблюдали, что молодые самцы, отбитые старыми от стада, собираются вместе и ведут угрюмую жизнь холостяков.

По сделанным нами наблюдениям и по сведениям, которые мы могли собрать, куду держится постоянного и довольно большого пространства и бродит по нему взад и вперед. Своей гордой осанкой и изящной размеренной поступью он напоминает оленя. Пока куду не встревожен, он ходит довольно медленно вдоль утесов, пасется на удобных местах, тщательно избегая колючих рас-

тений; почки и листья различных кустарников составляют главную его пищу, но он не пренебрегает и травами. Спугнутый куду бежит довольно тяжело и пускается в галоп только на ровном месте. Но и тогда его бег довольно медленный. Чтобы не зацепиться в кустарниках, он должен пригибать свои рога далеко назад, так что концы их почти касаются спины. Прежде чем пуститься бежать, он громко фыркает, а иногда издает звук, похожий на глухое блеяние. Впрочем, эти звуки принадлежат самке; самец кричит только во время спаривания, но зато так же выразительно, как наш олень.

В Абиссинии время течки у животных начинается в конце января. С высоких мест слышатся тогда голоса самцов, вызывающих соперников на бой*. Едва ли подлежит сомнению, что между самцами происходят жестокие драки, так как куду чрезвычайно храброе и воинственное животное. Рождение детенышей совпадает с началом больших дождей, обыкновенно к концу августа: беременность, следовательно, продолжается 7 или 8 месяцев. Чрезвычайно редко можно видеть самцов около родивших самок: обыкновенно на одной матери лежит забота о кормлении, надзоре и защите детеныша.

Во всех странах, где водится красиво окрашенный куду, он подвергается жестокому преследованию. Его мясо, как я сам имел случай убедиться, превосходно и напоминает вкусом оленину. Костный мозг считается величайшим лакомством у некоторых южноафриканских племен. Кафры, как только убьют куду, прежде всего очищают кости от мяса, разбивают их и высасывают мозг. Кожа также высоко ценится на юге Африки и в некоторых случаях считается незаменимой. Колонисты платят за нее очень дорого и используют для изготовления бичей, особенно кончиков бичей, которые необходимы для щелканья. Кроме того, кожа идет на ремни, которыми сшивают шкуры или шнуруют тюки, а также на сбрую, седла, сапоги и т. п. В Абиссинии кожу дубят, а стволы рогов, отделенных от кости посредством гниения, употребляют для хранения меда, соли, кофе и т. п.

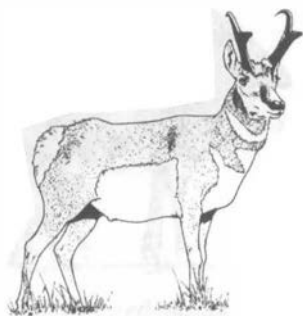
Охотятся на куду различными способами. Филлипини предпочитал всем другим способам охоту из засады. Он знал любимые места дичи и старался подкрасться незамеченным к высокому, видимым издали животным. Всего чаще он охотился после обеда, так как животные в это время спускаются обыкновенно в долину на водопой. Засада на тропинке также может иметь хороший результат, потому что куду по большей части ходят по одной и той же дороге. Приближаться к ним надо осторожно, так как они чрезвычайно бдительны, а их замечательно острые органы чувств дают возможность узнавать вовремя о приближении неприятеля. Кафры, плохое оружие которых совсем не годится для такой чуткой дичи, изобрели собственный способ охоты: они собираются большими партиями и преследуют антилоп, зная, что

Семейство половогие

* Голос самца куду в брачный период напоминает рывканье крупного хищника, тревожный крик — лай собаки.

* Бушбок широко распространен по всей тропической Африке, очень варьирует по окраске и размерам в зависимости от области обитания. Он весит от 35 до 80 кг, в холке достигает от 65 до 93 см. Спираль рогов имеет меньше 2 оборотов. Западные подвиды имеют хорошо развитые белые пятна и поперечные полосы, самки гораздо светлее самцов, восточные и южные более однотонные, половой диморфизм в окраске развит слабо. Бушбок ведет скрытный ночной образ жизни в зарослях, держится парами.

они очень скоро устают. Гоняя их то туда, то сюда, они не дают животным ни минуты покоя, заставляя их бежать изо всех сил в продолжение нескольких часов. Жены охотников размещаются в разных местах с сосудами из страусовых яиц, наполненных водой для освежения утомленных охотников; последним удается наконец благодаря необыкновенной выносливости загнать стройную антилопу, и тут все с криками подбегают к желанной добыче. Они бросают столько дротиков в окруженное со всех сторон животное, что оно наконец умирает от нанесенных ран. От собак, которые могут догнать животное через несколько минут после начала погони, куду храбро защищается, причем бьет и рогами, и ногами; его твердые копыта настолько остры, что он может нанести опасные раны. Поэтому кафры и не используют своих верных помощников при травле, а справляются большей частью собственными силами.

Мы приготавливали мясо куду по-европейски, и я могу уверить, что редко ел более вкусное; особенно хороши сочные куски, вырезанные из филея. За исключением человека, взрослый куду имеет мало врагов. Царь зверей, лев, справляющийся с диким буйволом, вряд ли боится острых рогов куду; однако самец этой антилопы оказывается сильнее леопардов и диких собак.

Куду, пойманные молодыми, легко становятся ручными. Андерсон, которому удалось поймать молодое животное, называет его милым и игривым созданием. Когда его поймали, детеныш был еще так беспомощен, что ему приходилось давать молоко из бутылки, слегка заткнутой пробкой из полотна. Но скоро воспитанник привык к своему хозяину и сделался совсем домашним животным.

В Европу до сих пор куду привозили только в небольшом числе, и еще и теперь это животное считается большой редкостью.

В заключение следует еще упомянуть, что арабы считают самца и самку куду разными животными и потому дают им особые названия. Самец в окрестностях Манассы называется «гарреа» (смелый), самка — «неллет» (проворная, или сильная).

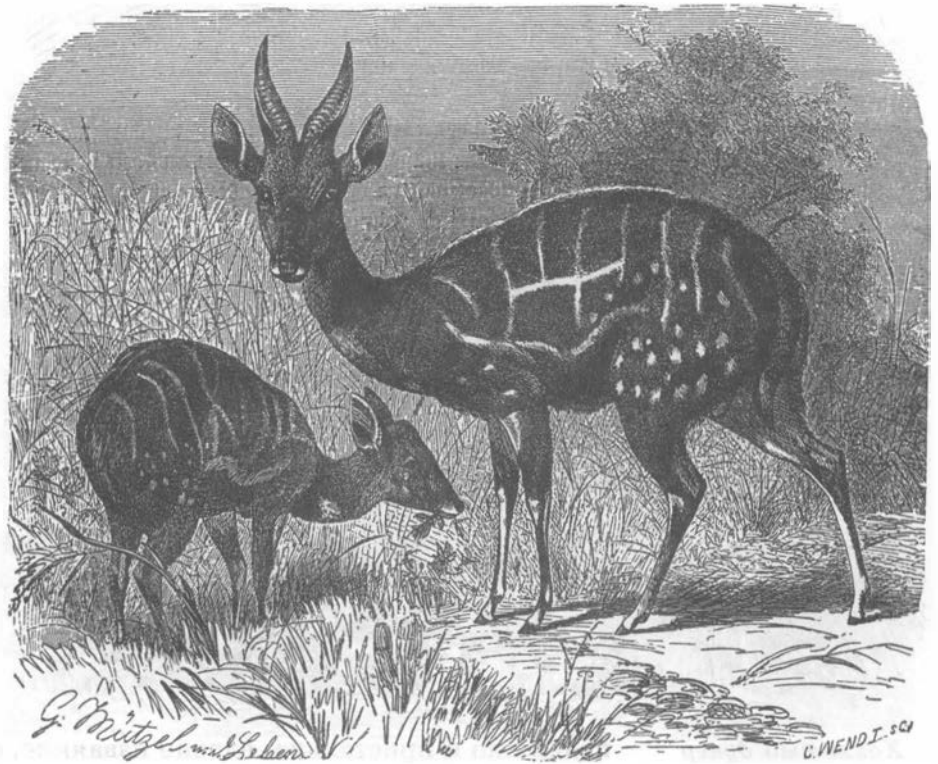
Бушбок, или пестрая лесная антилопа (*Tragelaphus scriptus*). Общая длина взрослого самца 1,6 м, из которых около 15 см приходится на хвост, высота у загривка 85, у крестца 90 см, длина рога 20—30 см*. В ее пестрой окраске, которая, впрочем, довольно изменчива, чередуются три цвета. Волосы на голове и шее рыжие, голова бывает также чало-серого цвета, шея, передняя часть туловища и спины темные рыжевато-серые, бока и бедра чисто рыжие. Рисунок на боках видоизменяется не только у разных животных, но иногда у одного и того же бывает не одинаков с обеих сторон тела. Он состоит обыкновенно из полос и пятен. Область распространения пестрой лесной антилопы, или, вернее, нескольких трудно отличимых от нее видов, обнимает, вероятно,

северную часть южной Африки, во всяком случае, всю ее западную половину, а также и некоторые части восточной, где Бем и Кайзер ее часто встречали.

С вышеописанной антилопой очень сходна по окраске только еще более пятнистая, **большая лесная антилопа** (*Tragelaphus scriptus silvaticus*), живущая преимущественно в южной Африке, но, по сообщению Ноака, попадающаяся и в западной; ростом она несколько больше предыдущей. Окраска этой антилопы бывает очень разнообразной, и, по словам Селуса, различные экземпляры этого животного принимались за отдельные виды. «Общим признаком всех больших лесных антилоп, — говорит Селус, — которых я видел от Капской долины до Чобе, является обнаженная полоса вокруг шеи, как будто от ошейника, вытершего шерсть и оставившего только мягкий подшерсток».

Хохлатыми антилопами называют небольшие виды с прямыми, слегка загнутыми вперед рогами, обыкновенно составляющими отличие одного только самца, но иногда вырастающими и у самок. У них большое голое рыло, морщина между глазами и длинный пучок волос между рогами, который они поднимают в виде хохолка.

Дукер (*Cephalophus*) — один из самых крупных видов этой группы, достигает в длину 1,2 м, из которых около 20 см приходятся на хвост; высота у загривка 55 см. Прямые шиловидные рога с 4—6 плоскими кольчатыми утолщениями не длиннее или даже значительно короче ушей и совсем исчезают в волосах хохла. Рога имеют 7 — 10, редко до 12,5 см в длину. Вместо слезных ямок изогнутая голая полоска. Ноги стройные, копыта и шпорцы небольшие; хвост короткий. Верхняя часть туловища обыкновенно серо-оливкового цвета; у самца она бывает желто-бурой с черными крапинками вдоль спины и бедер; нижняя часть белая. Область распространения этой антилопы — преимуществен-

Бушбок
(*Tragelaphus scriptus*)

* Дукеры по многим признакам сходны с оленьками и мелкими примитивными оленями. Трудно понять, какой из видов дукеров имеет

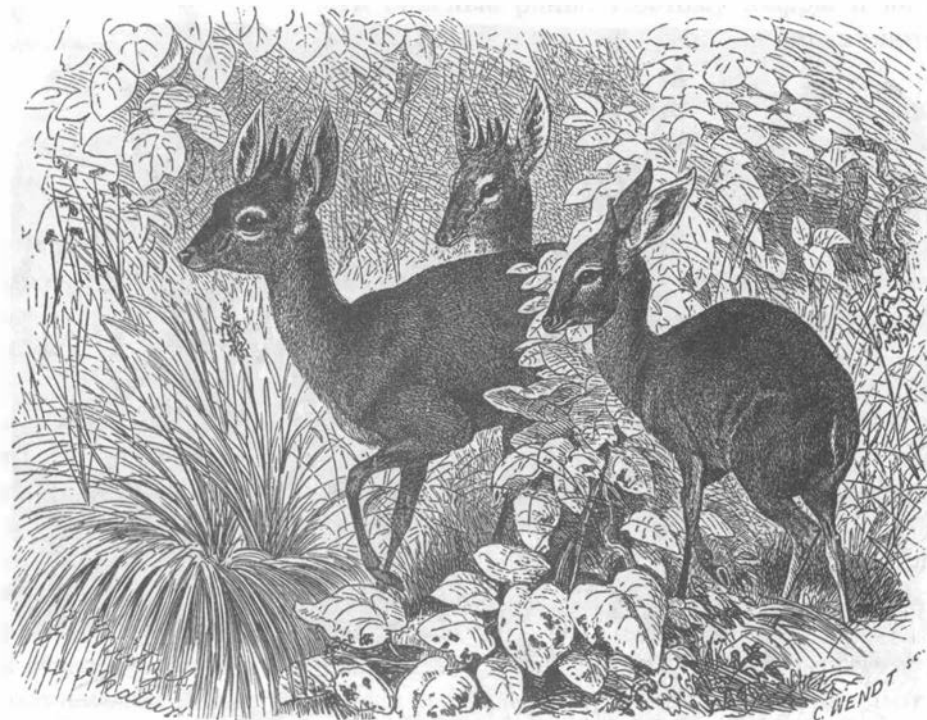
но южная Африка, где и в настоящее время водится в большом количестве в местностях, поросших кустарником. По сообщению Ноака, изредка встречается на западе вплоть до Гвинейского залива и, вероятно, в восточной Африке*.

Дукер — одна из первых антилоп, с которой встречается путешественник, прибывающий в Капскую землю, так как это животное водится в зарослях кустарника, тянущихся вдоль берега моря, чаще, пожалуй, чем внутри страны. Как все небольшие карликовые антилопы, дукеры бродят или поодиночке, или парами. Никогда не встретишь их на открытом месте, они всегда прячутся среди кустов. Через самую густую чащу ветвей дукер пробирается так ловко, осторожно и хитро, что вполне заслуживает названия,

данного ему голландскими поселенцами, — «ползун». Вспугнутый со своего логовища, он одним большим скачком достигает ближайшего куста и затем бежит или пробирается ползком между низкими ветвями так искусно и быстро, что ему часто удается благополучно уйти от охотника.

«При приближении человека или другого врага, — говорит Драйсон, — дукер остается в своем логовище. Не-

подвижно и пристально, словно изваяние, смотрит он на приближающегося, пока не убедится, что его заметили: тогда вскакивает и бросается бежать, делает множество крутых поворотов, шмыгает по кустам или прыгает через них. А когда он уверен, что скрылся от преследователей, то пригибается и ползет через кусты и траву осторожно и в то же время быстро. Он никогда не ложится, а пробирается ползком все дальше и дальше от преследователя, пока не уйдет довольно далеко; тогда он снова скачет во всю прыть. Дукер часто обманывает самого опытного охотника и самую умную собаку; впрочем, если следить за ним внимательно и заметить место, где он улегся, то к нему легко подойти против ветра. Однако, чтобы завладеть им, в него нужно выпустить хороший заряд крупной дроби, и стрелять следует очень метко, чтобы

Хохлатый дукер
(*Cephalophus*)

в виду Брем. Скорее всего это кустарниковый дукер (*Sylvicapra grimmia*) либо голубой дукер (*Cephalophus monticola*).

* Каама распростра-
нена в Калахари. С
наступлением
сухого сезона живот-

попасть в него, когда он виден — во время его высоких скачков. Часто после выстрела он убегает, как будто в него не попало ни одной дробинки; потом вдруг останавливается, и тогда ясно видно, что он ранен. Мне приходилось наблюдать, что даже смертельно раненый дукер вскакивал как ни в чем не бывало. Самая простая собака может догнать дукера. Старая легавая собака, с которой я охотился, несколько раз догоняла самцов и задерживала до тех пор, пока я не приближался настолько, что легко мог застрелить их. Из кожи дукера в Капской земле плетут длинные кнуты, из мяса варят превосходный суп. Самое мясо южноафриканских дукеров слишком сухо и безвкусно; но всем гастрономам я рекомендую, как необыкновенно лакомое блюдо, печень этой маленькой антилопы. Бозры шпигуют мясо дукера жиром канны или бегемота и готовят таким образом очень вкусное жаркое».

Каама, обыкновенный бубал, конгони (*Alcelaphus buselaphus caata*) — отличается узкой и длинной головой, сравнитель-

но небольшими ушами и необычной окраской. Короткие рога, толстые у основания, снабжены приблизительно 16 узловатыми утолщениями. Сначала рога растут прямо вверх, затем слегка вперед, а острые концы их почти под прямым углом загнуты назад. У этой антилопы преобладающий цвет шерсти прекрасный светло-бурый; лоб и передняя часть головы темно-бурые; две продольные полосы на предплечье и голени и кисть на хвосте окрашены в черный цвет. Белую окраску имеют кольцеобразные пятна вокруг глаз, нижняя часть груди, живот, внутренняя сторона бедер и широкое, имеющее форму полумесяца зеркало, заходящее и на бедра.

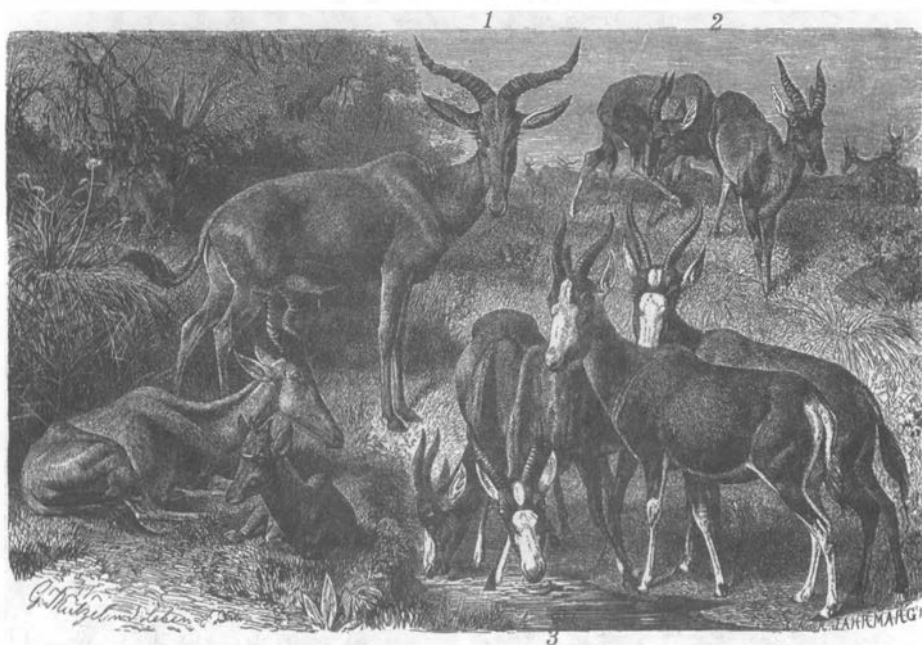
Каама водилась прежде в северной части Капской земли*, но теперь постоянными преследованиями вытеснена оттуда за

*Каама, обыкновенный бубал, конгони (*Alcelaphus buselaphus caata*)*

ные мигрируют к границе пустыни. Во время миграции семьи гаремного типа сливаются в стада до нескольких сот голов.

Оранжевую реку. Швейнфурт указывал, что каама наиболее распространена в землях Бонга и Ньям-Ньям. «Всего чаще, — говорит он, — попадаются стада в 5—10 голов в необитаемых пустынях; в заселенных местностях каама предпочитает редкий кустарник, растущий близ речных долин. Она имеет привычку в полдень отдыхать, стоя около деревьев или ярко освещенных солнцем термитовых куч, и тогда благодаря своей неподвижности часто остается незамеченной охотниками, так как ее окраска почти не отличается от сходного по цвету фона выбираемых ею для отдыха мест». По словам Гарриса, в южной Африке во главе каждого стада находится старый самец, который очень ревнив и не терпит в своем стаде соперника. Несмотря на некрасивое сложение и безобразную голову, в ее наружности есть

1 — Обыкновенный бубал, или конгопи, подвид тора (*Alcelaphus buselaphus tora*)

2 — Топи, или лирогий бубал (*Damaliscus lunatus*)

3 — Беломордый бубал (два подвидов) (*Damaliscus dorcas*)

что-то величественное, особенно когда она бежит галопом. Правда, сначала кажется, будто она прихрамывает на задние ноги, но когда как следует разбежится, то не производит такого впечатления; она бежит быстрой, но спокойной рысью, гордо закинув голову, подобно благородному коню, высоко поднимая ноги и, как это делают лошади в цирке, ударяя себя по белым бедрам блестящим черным хвостом. Не менее подвижные, чем все другие антилопы, каамы часто забавляются, делая удивительные прыжки или неожиданные повороты, а иногда они затевают очень странные игры, которые Швейнфурт описывает следующим образом: «Резвящееся стадо каам на расстоянии едва ли 500 шагов от дороги привлекло наше внимание. Они играли друг с другом таким образом, что, казалось, делали повороты, будто управляемые невидимыми всадниками. Они бегали попарно вокруг деревьев, словно на арене; при этом небольшие группы из 3—4 каам стояли, внимательно наблюдая за бегающими, и время от времени сменяли их. Все это я наблюдал вблизи. Вероятно, это странное поведение объясняется тем, что было время течки и под влиянием страсти они не замечали грозящей им опасности». Насколько правдоподобно это предположение Швейнфурта, видно из того, что подобные

игры переходят у каам в серьезные поединки, как только в стаде, кроме признанного главы, появится другой сильный самец. В этих поединках каамы бросаются на колени и, пригнув голову к передним ногам, приближаются в таком положении друг к другу, так что почти сталкиваются лбами, и начинают биться рогами с такой силой, что звук ударов бывает слышен на далеком расстоянии. Подобно оленям, бойцы нередко так сильно сцепляются рогами, что не в состоянии разойтись, пока у одного из них не отломается рог. Раны, которые наносят друг другу самцы, бывают глубоки и опасны. Говорят, защищаясь от неприятеля, эти антилопы принимают ту же позу, что при поединках*.

До сих пор нет точных указаний относительно того, сколько времени продолжается у каамы беременность. По сообщению Гарриса, самка рождает по одному детенышу в апреле и сентябре, следовательно, спаривание должно происходить дважды в год. Привезенные в зоологические сады в Германии каамы отлично размножались в неволе, и телят удавалось выращивать без особого труда**. Детеныш, родившийся во Франкфуртском зоологическом саду, был больше новорожденного оленя и чрезвычайно походил на теленка; у него были высокие ноги, длинная голова, но притом очень выпуклый лоб; окраска рыжеватая, как и у взрослых животных. Тотчас после рождения он уже бегал с матерью, но движения его были еще очень неловки. Из наблюдений над молодыми животными оказывается, что рога у них появляются приблизительно на третьем месяце, но только через несколько лет они приобретают характерную для каамы изогнутость, так что некоторое время они совсем не похожи на рога взрослого животного, да и форма их постоянно меняется, пока они растут.

Кроме львов, леопардов и других крупных хищников, каамы страдают от нападающих на них паразитов. Один вид оводов кладет яйца под кожу, другой — в слизистую оболочку носа; из этих яиц развиваются личинки. Антилопам удается иногда удалять их всех сразу из носа чиханием или фырканьем; в противном случае они причиняют животным сильные страдания.

За каамами всюду, где они встречаются, охотятся и туземцы, и белые. Когда их преследуют, они обыкновенно стараются сохранить одно и то же расстояние между собой и охотником, как бы в насмешку над ним; с этого расстояния их можно застрелить разве только из очень дальнобойного ружья. Мясо этих антилоп очень ценится, оно вкуснее мяса большинства других животных. В Капской земле мясо режут на полосы, сушат на воздухе и потом употребляют для варки крепкого супа. Из шкуры делают одеяло. Из дубленой кожи — ремни и сбрую, из твердых и блестящих рогов вытачивают разные вещицы.

Самая замечательная из антилоп, конечно, гну — чрезвычайно странное жвачное животное. Гну с раздвоенными копытами и бычьей головой имеет вид лошади и быка одновременно и

Семейство пolorогие

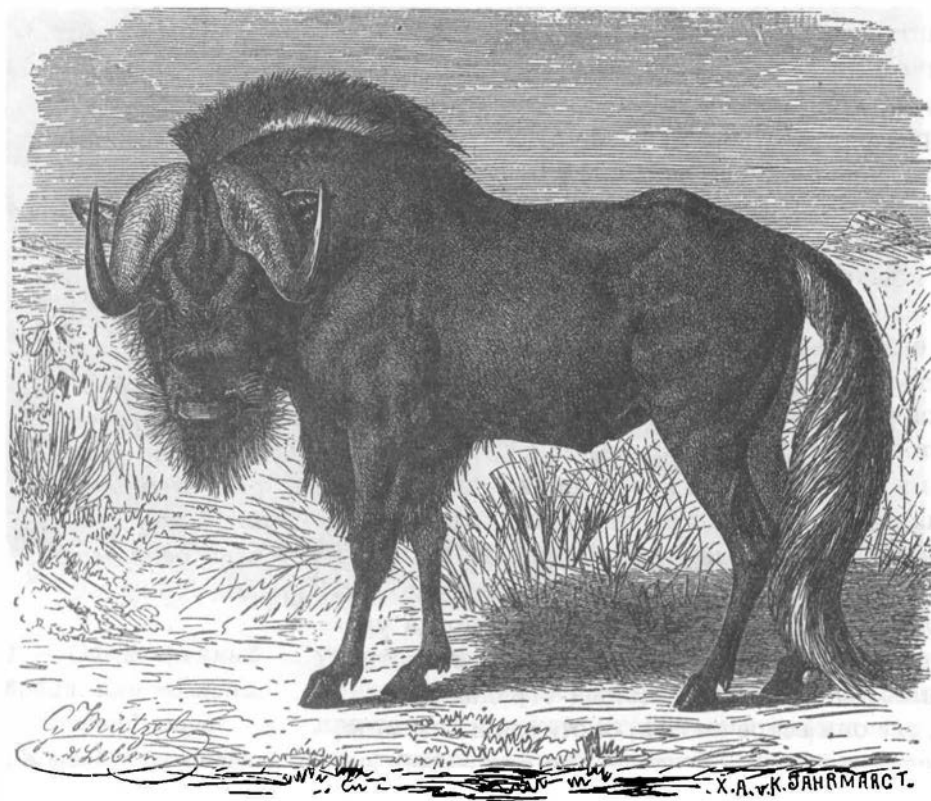
** Бубалы и гну во время турнирных поединков действительно сражаются на коленях, но при защите от хищников избегают это делать.*

*** Период размножения не приурочен к определенному сезону. Беременность около 8 месяцев, в помёте один детеныш.*

Семейство полорогие

* Белохвостый гну достигает в холке 115 см и весит 160—180 кг. Средняя длина рогов 67 см, но может достигать 78 см.

Белохвостый гну
(*Connochaetes gnou*)

** В настоящее время численность белохвостого гну в резерватах и национальных парках Южной Африки достигла 3100 особей.

доказывает своими действиями и привычками, что и нрав его вполне соответствует странной смеси этих двух видов. Невозможно назвать гну красивым животным, как бы изящно ни были сложены отдельные части его тела. Отличительные признаки этого рода следующие: толстое туловище на довольно высоких и стройных ногах спереди приподнято выше, чем сзади; голова почти квадратная, морда так же широка, как у быков, ноздри прикрыты складками кожи; окруженные кольцами лучистых беловатых щетинок глаза имеют дикое и злобное выражение; уши короткие и заостренные. Рога бывают у обоих полов; они сидят низко на лбу, сплющены, очень широки, покрыты рубцами, изогнуты от основания книзу, а концами обращены вверх. Хвост покрыт длинными волосами наподобие лошадиных, волосы на лбу, спине, шее и щеках густые и длинные, на остальных частях тела гладко прилегающие. Ноздри снабжены подвижными клапанами; на щеках вместо слезных ямочек находятся желваки, покрытые железками.

Белохвостый гну (*Connochaetes gnou*) достигает 2,8 м в длину; из этого числа на хвост, без волос, приходится 50 см, а с волосами 86—90 см; высота в плечах 1,2 м*. Преобладающий цвет шерсти серовато-бурый; длинные пучки волос на гру-

ди, шее, переносье и над глазами бурые; щетина вокруг глаз, усы и борода беловатые; волосы на хвосте у основания серо-бурые, а на конце тоже беловатые. Цвет у обоих полов одинаковый. Рост и рога у самок меньше, чем у самцов. У новорожденных гну нет рогов, но они уже имеют гриву на затылке и шее.

Гну живет в южной Африке, однако в Капской земле уже истреблен**. По рассказам лучших наблюдателей, гну ежегодно кочует с места на место. А. Смит думает, что его к тому побуждает врожденный инстинкт, который заставляет двигаться вперед, без оглядки, даже навстречу собственной гибели точно так, как

перелетных птиц. По моему же мнению, они кочуют, как и прочие антилопы, вследствие недостатка корма на прежнем месте. Гну чрезвычайно подвижные, резвые животные, способные ожить своим присутствием самую обширную степь. «Из всех животных, — говорит Гаррис, — гну, кажется, самое неуклюжее и странное как по своему внешнему виду, так и по своим нравам и привычкам. Созданный странной прихотью природы, он так неуклюж, что невозможно смотреть на него без смеха. Опустив между стройными и сильными ногами мохнатую и бородатую голову и разметав по ветру длинный белый хвост, это уморительное и пугливое животное производит самое дикое и смешное впечатление на наблюдателя. Внезапно гну останавливается, опускает низко голову, как бы собираясь пустить в ход рога; глаза мечут искры, громкое и выразительное рычание, напоминающее рев льва, раздается по степи, но через мгновение он уже скачет, распустив длинный хвост по ветру, прыгает, поднимается на дыбы, вертится на месте, падает на колени, опять вскакивает на ноги, а минуту спустя несется стремглав по степи, так что только пыль клубится за ним облаком». Каждый путешественник, бывший во внутренней части южной Африки, легко может познакомиться с этим животным, так как оно в высшей степени любопытное и подходит к каждому предмету, который возбуждает его внимание, а в особенности к человеку. Любящий общество, подвижный и неутомимый, не связанный никакими привычками к воде, к степи или к тенистым рощам, гну с каждым временем года меняет свое местопребывание, и путешественник может встретить его везде большими стадами, большей частью в обществе квагг и антилоп-прыгунов, с которыми они живут весьма дружно*. Подобные смешанные стада находятся в непрерывном движении, так как гну едва ли нуждаются в отдыхе и ежеминутно способны выкидывать самые удивительные гимнастические упражнения.

Косматые стада этих странных и грозных на вид антилоп носятся бесконечными кругами вокруг своих преследователей. Как только охотники подходят ближе к тому или другому животному, с целью застрелить его, остальные окружают их справа и слева и становятся на место, только что покинутое всадниками. Можно иногда видеть, как старые самцы на некотором расстоянии друг от друга, поодиночке или небольшими группами стоят целое утро неподвижно в степи и тупо смотрят перед собой, наблюдая за движениями остальных животных. При этом они издают время от времени особенные звуки, вроде короткого резкого храпа или громкого сопения.

Многие путешественники называют гну олицетворением необузданной любви к свободе и приписывают ему необычайную силу и мужество. Готтентоты и кафры рассказывают всевозможные басни про этих животных, и даже европейцы, вероятно, под влиянием удивительной внешности гну, сообщают о нем самые странные вещи.

** Основу стад белохвостых гну составляли гаремные группы самок и молодняка (5—10 особей), возглавляемые самцом. Спаривание и брачные турниры приурочены к февралю—марту.*

* Голубой гну — второй, более крупный вид рода, отличается менее пропорциональным сложением, рогами, слегка

Голубой гну
(*Connochaetes
taurinus*)

отогнутыми назад, а не направленными вперед. Достигает 1,4 м в холке, весит до 270 кг, самка лишь немного мельче самца.

Не подлежит сомнению, что в поведении гну столько же загадочного, как и во всей его фигуре. Движения его своеобразны. Гну настоящий иноходец и даже в галопе ступает почти всегда то на обе правые, то на обе левые ноги. Из внешних чувств зрение, обоняние и слух превосходны; умственные способности, кажется, довольно незначительны.

Охота на взрослых гну имеет свои трудности вследствие необычайной быстроты и выносливости этих животных. Спасаящийся от погони гну имеет необыкновенное сходство с дикими быками. Все их поведение, когда они чем-нибудь встревожены, например, закидывание головы назад, привычка приседать к земле и лягаться, живо напоминает этих жвачных животных. Подобно быкам, они имеют обыкновение перед бегством внимательно оглядеть предмет, внушающий им страх. Случается, что стадо дает к себе подъехать нескольким охотникам, не трогаясь при этом с места. Гну редко попадает в ямы или веревочные петли. Взрослые пленники мечутся, как безумные, молодые же, когда их выкармливают коровьим молоком и заботливо за ними ухаживают, становятся скоро ручными, так что их

можно посылать на пастбище с домашним скотом и предоставлять полную свободу.

Полезность от убитого гну та же, что и от других африканских диких жвачных: мясо едят, так как оно сочно и вкусно, из шкуры выделывают разные кожаные вещи, а из рогов — ручки для ножей и другие предметы.

Другой вид этого рода — голубой, или полосатый, гну (*Connochaetes taurinus*), значительно больше белохвостого гну. Длина его более 3 м, высота в плечах 1,6 м; кроме того, он отличается от своего родича более выпуклым носом, более высоким затылком и более длинной гривой*. Преобладающий цвет шерсти серый, от которого ясно отделяются поперечные черные полосы.

Голубой гну тоже водится в южной Африке; Селус не встречал его севернее реки Замбези, а Бем не видел его в восточной Африке; Фишер, напротив, нашел эту антилопу в стране масаев, а Гейглин — в областях Верхнего Нила*. Животное избегает холмистых и скалистых местностей, а любит травянистые равнины, на которых произрастают небольшие рощицы различных пород мимозы. Здесь он живет, как и обыкновенный гну, и кочует с места на место в зависимости от времени года. По нраву и привычкам мало чем отличается от своих родичей.

Одними из красивейших представителей описываемого нами семейства являются лошадиные антилопы (*Hippotragus*)**, названные так потому, что у них на затылке и шее растет густая грива. Рога, имеющиеся у обоих полов, сидят на лобном утолщении, загнуты дугообразно назад и почти до гладких концов покрыты резкими кольчатыми утолщениями. Формой головы эти антилопы напоминают серну, уши у них, как совершенно верно замечает Гаррис, имеют сходство с ослиными. Шея короткая и толстая; на стройных ногах покоится довольно плотное туловище; высота его у загривка более, чем у крестца; хвост длинный, с большой кистью; слезных ямок, копытных желез и паховых ямок нет. У самки два соска.

В старинных описаниях путешествий по южной Африке часто упоминается об антилопе, называемой поселенцами Капской земли «голубой козел»***; но уже с начала нынешнего столетия более не встречается в области поселений. Вероятно, этот голубой козел был нечто иное, как ярко окрашенный самец лошадиной (чалой) антилопы (*Hippotragus equinus*). Это большое, красивое животное имеет 2,2 м в длину (без хвоста, имеющего 75 см) и 1,6 м в высоту у загривка; преобладающая окраска меха — ржавая с несколько желтоватым молочно-белым оттенком. Уши, имеющие 35 см в длину, острые и загибаются назад и вниз; хвост покрыт короткими волосами, только на конце его находится довольно большая кисть. Передняя часть головы черноватая, лосы впереди и позади глаз и пятно между рогами — белые. Туловище рыжеватое-белое, волосы гривы на концах бурые, пятно на груди черновато-серое, на ногах шерсть темно-рыжего оттенка. Как сообщают Гартман и Селус, попадаются чалые антилопы, имеющие грязно-желтую окраску с рыжеватым или чало-серым оттенком, а иногда совсем серую, как у осла. У самца довольно большие рога, достигающие 75 см в длину по кривизне. Они загнуты назад, расходятся кверху и почти до концов покрыты кольчатыми утолщениями, до трех четвертей длины имеют яйцевидное сечение; их изгиб и наклон у отдельных особей весьма различны. У самок длина рогов меньше — около 65 см, и они менее изогнуты, чем у самцов.

Второй вид лошадиных антилоп был открыт Гаррисом — это черная антилопа (*Hippotragus niger*). Ростом черная анти-

* Голубой гну один из наиболее характерных, «ландшафтообразующих» копытных саванн Восточной и Южной Африки, его численность составляет 2—2,5 млн голов.

** Под *Hippotragus* вместе с родами *Oryx* и *Addax* выделяют в отдельное подсемейство лошадиных антилоп (*Hippotraginae*), насчитывающее 6—8 видов.

*** Голубым козлом в Южной Африке называли голубую антилопу (*Hippotragus leucophaeus*), жившую в Капской провинции и полностью истребленную человеком к 1800 году. Это было сравнительно не крупное животное с рыжеватой макушкой, светлой головой, голубовато-серой (самцы) или бурой (самки) окраской корпуса.

лопа почти нисколько не уступает чалой, длина ее вместе с хвостом почти 3 м, а высота у загривка 1,5 м. Уши длиной в 25 см прямые и заостренные; грива на затылке и спине состоит из мягких волос, на шее она тоже хорошо развита. Голова длинная, суживающаяся к морде; хвост снабжен большой кистью. Преобладающая окраска темная, блестяще-черная, только местами имеющая буроватый оттенок. С обеих сторон морды спускаются широкие белые полосы; передняя и нижняя части морды, грудь, брюхо,

верхняя половина внутренней стороны бедер и внутренняя поверхность ушей также белые. Самки заметно меньше самцов, имеют темно-бурюю, местами черноватую окраску. У обоих полов есть рога, которые очень похожи на рога чалой антилопы, но они больше и еще сильнее изогнуты; у самцов достигают в длину 110 см, у самок — 85 см.

Прежде полагали, что родиной лошадиной и черной антилоп является исключительно южная Африка; теперь же мы знаем, что оба этих вида водятся и во внутренней части восточной Африки, где они распространены с севера до верховьев

Нила. В средней части западной Африки их, по-видимому, нет; но лошадиная антилопа, по наблюдениям Пехуель-Леше, встречается в Нижней Гвинее, начиная от южной ее границы до Кинзембо. Оба вида попадают как в открытой степи, так и в гористых и скалистых местностях, поросших низким кустарником, обыкновенно они ходят небольшими стадами в 6—12 голов; но Селусу случалось встречать в южной Африке чалых антилоп группами в 20 голов, там же он видел и стада черных антилоп в 50 и

1 — Черная антилопа
(*Hippotragus niger*)
2 — Лошадиная
антилопа
(*Hippotragus equinus*)

более голов. Бем также наблюдал «маленькие общества и большие стада» черных антилоп. Сильные старые самцы нередко встречаются и в одиночку. Эти антилопы бывают более или менее пугливы, смотря по тому, насколько они подвергались преследованиям со стороны человека. Бег у них быстрый, но, по-видимому, они довольно скоро утомляются*. Кроме того, их рога служат хорошим оружием для защиты. «Раненая черная антилопа, — пишет Селус, — бывает довольно опасна и, подобно чалой антилопе, может наделать немало хлопот целой своре собак: я знаю случаи, когда такая антилопа тремя взмахами своих длинных рогов убила трех собак».

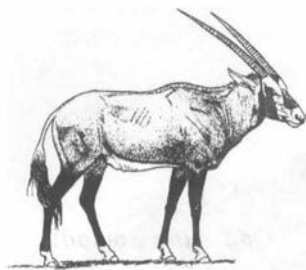
Гордон Кюмминг говорит с восторгом о черной антилопе: «Проезжая верхом по лесу, я увидел одно из прекраснейших творений природы — старого самца черной антилопы, одного из самых красивых и величественных животных. Это была первая антилопа, виденная мной, и я никогда не забуду впечатления, охватившего меня при этом зрелище, столь восхитительном для охотника. Антилопа стояла как раз на нашем пути и, к сожалению, заметила нас раньше, чем мы ее. Я кликнул свою свору и пустился за ней в погоню. Но день был душный и жаркий, и собаки были утомлены, а так как и лошадь у меня была не из лучших, то я скоро отстал, и прекрасное животное ушло далеко и навсегда скрылось из моих глаз. Ночью я как ни старался, не мог уснуть: образ антилопы не переставал носиться передо мной».

К числу антилоп, известных и славившихся еще в древности, принадлежат сернобыки, изображения одного из видов которого часто встречаются на египетских и нубийских памятниках. Тут можно видеть сернобыка в самых разнообразных позах, обыкновенно с веревкой на шее в знак того, что его поймали. В залах большой Хеопсовой пирамиды находятся несколько изображений сернобыка с одним только рогом. Ссылаясь на эти изображения, некоторые натуралисты утверждают, что сернобык подал повод к возникновению сказания об единороге, тогда как под библейским единорогом можно понимать только носорога. Древние рассказывали о сернобыках самые удивительные вещи. Они думали, что сернобык, подобно стадам коз, знает время восхождения Сириуса, становится против этой звезды и как бы поклоняется ей; далее, что он мутит и загрязняет воду, чем и навлекает на себя ненависть египетских жрецов; он может менять, по желанию, рога; носить то четыре, то два, то, наконец, только один рог.

Еще в конце средних веков и даже до позднейшего времени считали правдоподобными описания древних. «Между дикими козами, — говорит старинный автор Геснер, — есть особый род животных, называемых «орикс»: у них волосы обращены кончиками к голове, чего никогда не бывает у других животных, у которых они всегда направлены от головы назад». Оппиан следующим образом описал орикса: «Животное орикс живет в лесах и

** Оба вида лошадиных антилоп держатся табунками по 3—20 (изредка до 60) голов. В группе обычно один взрослый самец, несколько самок и молодых. Сравнительно оседлы, привязаны к воде. В случае опасности могут бежать со скоростью 50—70 км/ч. Размножаются вне зависимости от сезона, беременность — 9 месяцев, рождается, как правило, один детеныш. Хорошо переносят неволю, доживают до 17 лет (в природе — 12—15 лет).*

* Некоторые ученые и сейчас считают, что существует всего один, чрезвычайно изменчивый вид ориксов, чаще же в роде *Орикс* выделяют 3 современных вида.

ненавистно для других диких зверей; оно совершенно белое, кроме морды и щек; у него крепкий, жирный и толстый затылок, украшенный высокими, прямостоящими черными и очень острыми рогами; они до того тверды, что превосходят крепостью железо и другие металлы, а также камни. Это совершенно дикое и жестокое животное, ибо не страшится лая собак, не обращает внимания ни на хрюканье кабана, ни на мычание быка, ни на рев льва, ни на жалобный голос пантеры; не покоряется силе и могуществу человека, но часто одолевает и убивает самого сильного охотника. Они даже часто убивают друг друга. Иные писатели утверждают, что у этого животного только один рог, и действительно, говорят, что в некоторых местностях встречаются дикие козы с одним рогом».

В древности, по свидетельству Гартмана, изображали сернобыков как с прямыми, так и с изогнутыми рогами; их часто приручали и убивали для жертвоприношений. На памятниках их изображения встречаются не иначе как с изображениями древних египтян. Это обстоятельство, равно как и то, что сернобыки никогда не являлись данью, получаемой фараонами из южных стран, заставляет думать, что египетско-нубийский вид этой антилопы водился в достаточном количестве в пустынных долинах земли фараонов. По-видимому, в Азию сернобыки были приведены евреями, персами и другими народами, занимавшимися здесь их приручением.

Сернобыки принадлежат к самым крупным и сильным видам антилоп и производят величественное впечатление. Все известные до сих пор виды этих антилоп настолько похожи друг на друга, что многие считают их только разновидностями одного и того же вида. Но когда различных сернобыков видишь рядом, то убеждаешься в необоснованности такого мнения*.

Наиболее типичным представителем этого рода считается **настоящий орикс**, или **сернобык** (*Oryx gazella*). Длина тела этого статного животного 2,4 м, длина хвоста 40 см, а высота у загривка 1,2 м. Шерсть, густая и гладкая, состоит из коротких, жестких волос, которые почти везде одинаковой длины, за исключением гривы, торчащей в виде гребня на верхней стороне шеи и на передней части спины, а также пучка длинных щетинистых волос на нижней стороне шеи. Шея, затылок, спина и бока имеют желтовато-белую окраску; голова, уши, верхняя часть бедер, грудь, живот и ноги книзу от последнего сустава — ослепительно белые. Полоса на лбу, широкое пятно на передней части носа, полосы, идущие от рогов к глазам и продолжающиеся до нижней челюсти, и две параллельные им полосы, отделяющие белую окраску головы от желтовато-серой, а также наружный край ушей — совершенно черные. Благодаря такой окраске сернобык издали кажется как бы взнузданным. Большие черные рога, которыми снабжены оба пола, или только слегка изогнуты, или пря-

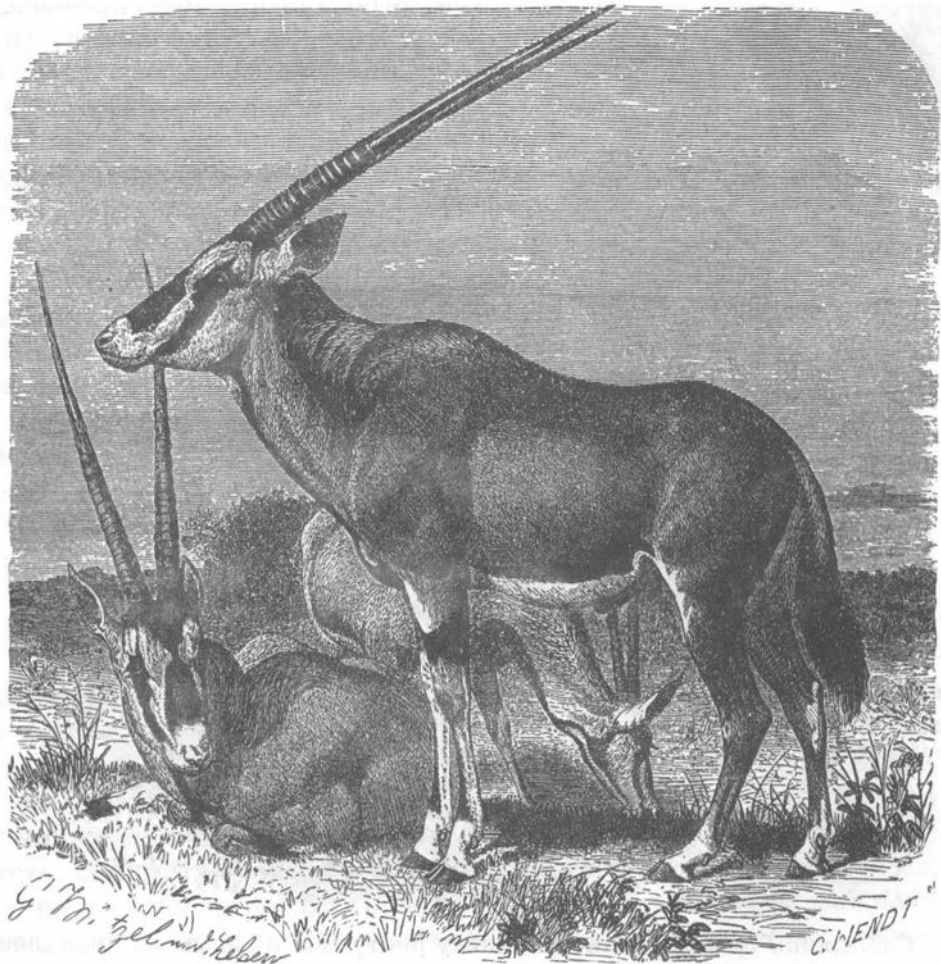
мые; нижняя их половина в кольчатых буграх, верхняя гладкая и кончается очень остро. У самцов рога толще, но и заметно короче, чем у самок. У самцов рога достигают 105, у самок 120 см*. Насколько известно, сернобык встречается только в южной Африке.

В северо-восточной его заменяет другой очень близкий к нему вид, бейза (*Oryx beisa*). Это животное и есть, вероятно, «огух» древних, так как цвет его подобен «весеннему молоку». Бейза ростом не уступает сернобыку, с которым он очень схож по окраске. Основная окраска желтовато-чало-серая или желтовато-белая и у обоих полов одинакова. У самки и самца рога более или менее прямые, длиной около 1 м. Бейза водится в северо-восточной Африке приблизительно до 20 градуса северной широты.

Саблерогая антилопа, или саблерогий орикс (*Oryx dammah*). Имеет длинные и кольчатые рога, но более изогнутые, направленные наружу и назад; вследствие значительного изгиба концы их смотрят вниз. Основной цвет шерсти желтовато-белый, который на нижней части тела и на внутренней поверхности ног становится несколько светлее, а на шее переходит в рыжеватый. На голове шесть матово-бурых пятен: одно между рогами, два между ушами, два между рогами и глазами и шестое тянется полосой вдоль переносья. Старые самцы достигают более 2 м в длину, при высоте у загривка 1,3 м.

Область распространения саблерогой антилопы обнимает всю северо-восточную часть Центральной Африки; она встречается часто в Сеннаре и Кордофанае, реже в среднем и западном Суда-

* Настоящий орикс, или сернобык, весит до 205 кг.

Орикс, или сернобык
(*Oryx gazella*)

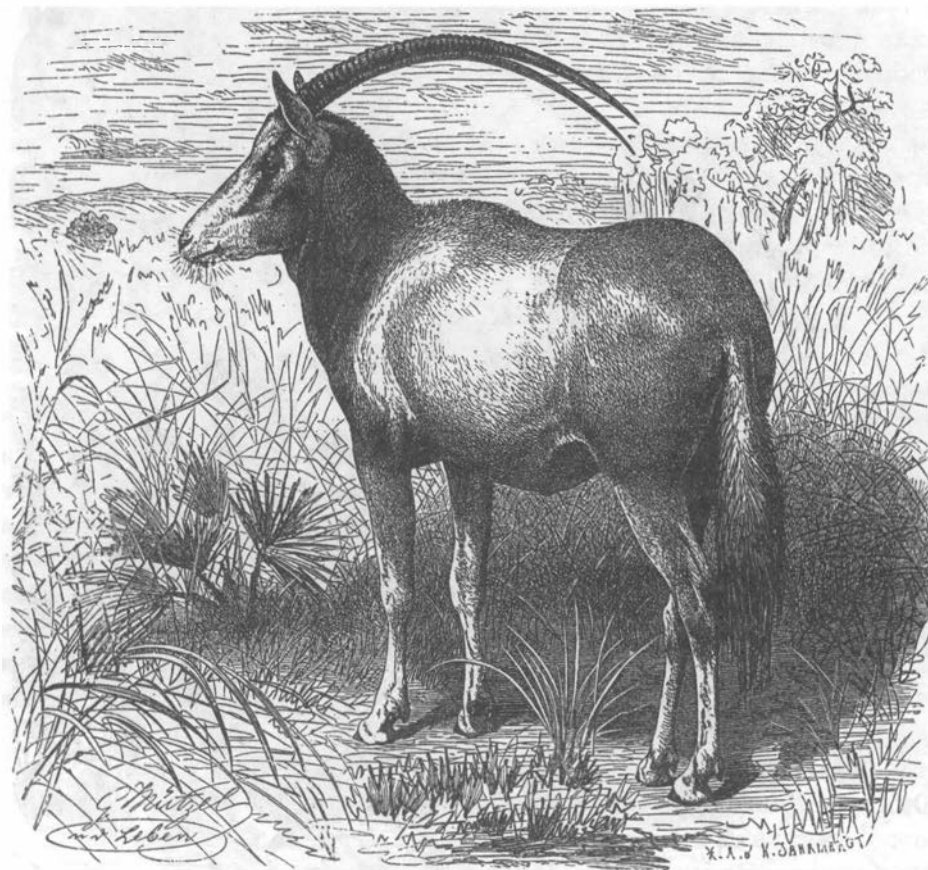
Брем описывает окраску восточноафриканских ориксов. Южноафриканские имеют светлокофейную или песчаную окраску корпуса.

не; к северу, по словам Нахтигаля, попадаетея в Тибести, а также в степи Бауда и некоторых пустынных долинах Нубии.

По образу жизни все виды сернобыка сходны между собой, но в настоящее время сделано еще мало наблюдений над их жизнью на свободе, и сведения наши об этих столь известных еще в древности животных чрезвычайно скудны.

«Сернобык, — говорит Гордон Кюмминг, — кажется, самой природой предназначен к тому, чтобы населять сухие степи южной Африки; строение его тела превосходно приспособлено к

жизни в этой местности. Он обитает в таких бесплодных местах, где, кажется, и кузнечик не нашел бы себе пищи, и, несмотря на страшно жаркий климат своей родины, обходится совершенно без воды. Из собственных наблюдений и рассказов бозров я убедился, что он никогда не пьет воду, даже если бы и представился случай». В совершенно таких же условиях живут и северные сернобыки, хотя они не так равнодушны к воде, как более южные. Правда, эти стройные животные, которых благодаря

**Саблерогий орикс
(*Oryx dammah*)**

* Ориксы, как правило, образуют группы гаремного типа по 6—12 голов, лишь изредка объединяются в стада в сотни и даже тысячи голов. При пастыбе нередко объединяются.

их большому росту можно заметить издалека, встречаются в жарких безводных степях южной Нубии и Кордофана, так что, глядя на них, недоумеваешь, каким образом они ухитряются утолять здесь свою жажду. Но в этих же местах водится много и других животных, пьющих воду, да и содержащиеся в неволе сернобыки не отказываются от питья.

Сернобыки встречаются обыкновенно парами или очень небольшими группами; часто случается видеть одну мать с теленком. Только изредка попадаются более значительные стада в 20 с лишним голов, которые видел Гордон Кюмминг*. В ненаселенных местностях эти прекрасные животные не составляют редкости, но не бывают и особенно многочисленными; притом они так

чутки и пугливы, что удается увидеть только очень немногих из живущих в определенной местности: они убегают обыкновенно раньше, чем всадник успеет приблизиться к ним. По моим наблюдениям, сернобыки избегают лесов; в Кордофани они держатся исключительно в степи. Здесь богатая растительность дает им сытный корм, так что до наступления голодного времени, то есть зимы, они успевают запастись достаточным количеством жира, чтобы некоторое время прожить, питаясь кое-как сухой травой и голыми прутьями. Только попадающиеся там и сям кусты мимоз дают им тогда более свежую пищу. Объедая листья, сернобыки высоко поднимают шею и опираются передними ногами о ствол дерева, чтобы достать более высокие ветки.

Сернобыки очень быстроногие животные. Шаг у них легкий, рысь твердая, галоп тяжелый, но выносливый и равномерно ускоряющийся. Однако сернобыка, как сообщает Селус, на лошади можно загнать до такой степени, что он от усталости в конце концов останавливается. С другими антилопами сернобыки живут, по-видимому, в ладу, по крайней мере южноафриканский сернобык часто мирно пасется рядом с канной. Самцы саблерогой антилопы, как мне приходилось наблюдать лично, иногда чрезвычайно неуживчивы и в дурном расположении духа бывают очень опасны для других животных. К чести сернобыков надо сказать, что как они ни пугливы, но характером скорее напоминают быков. Рассерженные, с яростью бросаются на противника и стараются поранить его самым жестоким образом. Против нападения собак они защищаются очень ловко: наклонив рога, начинают быстро мотать головой вправо и влево с такой силой, что могут проткнуть собаку насквозь, если та не успеет вовремя увернуться. Лихтенштейн рассказывает, что один из его спутников нашел в большой степи Каррао скелеты леопарда и сернобыка, лежащие рядом. Сернобык успел убить страшного врага ударом рогов, но и сам умер от полученных ран. Гаррис полагает, нет ничего невероятного в том, что иногда и льва постигает подобная участь. В минуту опасности сернобык бросается не только на собак, но и на человека. На Гордона Кюмминга, как он пишет сам, напал сернобык, и он спасся от смерти только потому, что разбежавшееся на него животное упало за несколько шагов, истощенное от потери крови*.

О размножении сернобыков на свободе мы не имеем обстоятельных сведений; Вейнланд заметил, что беременность у саблерогих антилоп продолжается 248 дней**.

На сернобыков охотятся большей частью на лошадях. Гордон Кюмминг описывает яркими красками такую охоту и говорит, что он преследовал почти целый день уже раненого сернобыка, прежде чем тот окончательно выбился из сил. Ни одна антилопа не представляет более великолепного вида, как быстро несущийся сернобык. Я сам охотился за бейзой. Два раза видел это

** Поединки между ориксами очень ритуализованы ввиду опасного строения рогов. Отмечены случаи турнирного «фехтования» рогами, когда один из противников был безрогим. В отличие от большинства антилоп ориксы часто используют рога для обороны от хищников.*

*** Размножение не приурочено к определенному сезону, беременность — 8—10 месяцев, рождается один, редко два детеныша.*

Семейство пolorогие

* *Продолжительность жизни в неволе — до 18 лет.*

** *Аддакс — наиболее приспособленное к условиям пустыни пolorогое. Исторический ареал аддакса совпадал с ареалом саблерогой антилопы. В настоящее время сохранился в изолированных участках на территории Алжира, Судана, Мали, Мавритании, Чада. Выращенные в неволе животные акклиматизированы в национальных парках Ближнего Востока. Современная численность неизвестна, очевидно, снижается, вид включен в Красную книгу МСОП.*

красивое животное в марте 1862 года, а именно в Самхаре, в первый раз только одного самца, во второй раз небольшое стадо в шесть голов. Самец и другие пустились в бегство, едва завидев нас. Мы попробовали было прокрасться к ним, однако за поворотом оврага, совершенно скрывавшего нас, мы неожиданно оказались под ветром, и мгновенно животные пустились бежать. Таким образом, я убедился в том, что бейза обладает таким же хорошим чутьем, как северный олень, так как мы были на расстоянии 500 шагов от него. Случайно то же самое стадо спустя полчаса приблизилось к нам на расстояние 70 шагов, то есть на ружейный выстрел, и только особенное несчастье помешало мне убить великолепный экземпляр самца: я забыл, что дробовой ствол моего ружья был слева, пустил в стройное животное заряд дробы в плечо и был так ошеломлен своим неудачным выстрелом, что, растерявшись, не выстрелил второй раз. Хотя самец и был ранен, но он не напал на меня, как того можно было ожидать из указания Рюппеля, а довольно медленной рысью молча последовал за другими.

Степные кочевники ловят молодых сернобыков и привозят их в город с целью продать знатым туземцам или европейцам. Таким образом, во время моего пребывания в Африке я приобрел несколько представителей этого вида. Я не могу отозваться с похвалой о пленных животных. Они были ленивы, надоедливы, неуживчивы. Сернобыки хорошо переносят неволю, узнают хозяина и привыкают к нему; однако ни в каком случае им не надо доверять, так как они, как бы шутя, могут нанести опасные раны своими рогами.

Последнее время саблерогие антилопы привозились часто в Европу, где они в зоологических садах хорошо освоились с неволей и легко размножались. Не так часто встречается бейза и еще реже сернобык*.

Мясо и шкура сернобыков употребляются обыкновенным образом. Из прямых рогов сернобыка и бейзы часто делают накопники копий. Для этого ждут, пока роговая оболочка при гниении не отделится от крепких пеньков, потом снимают рога, прикрепляют их к обыкновенным древкам — и оружие готово. Европейцы Капской колонии полируют рога, украшают серебряными набалдашниками и употребляют как трости.

Мендес, или аддакс (*Addax nasomaculatus*)** довольно неуклюжее животное; туловище у нее коренастое, у загривка заметно приподнятое, у крестца сильно закругленное, голова вытянута в длину, но широкая сзади; ноги сильные и довольно толстые. Шерсть густая и, за исключением некоторых мест, короткая и жесткая. Спереди рогов у корня их имеется хохол, свешивающийся на лоб; от ушей до затылка тянется полоса длинных волос; переднюю часть шеи украшает длинная грива. Бурый цвет шерсти на голове, шее и гриве довольно резко отделя-

ется от основного желтовато-белого. Под глазами тянется широкая полоса, позади глаз, равно как и на верхней губе, белые пятна; кисть на довольно длинном хвосте состоит из белых и бурых волос. В холодное время года желтовато-белый цвет шерсти постепенно переходит в серый. У самца цвет шерсти темнее и грива больше, чем у самки. Молодые животные бывают совсем белые. Длина туловища 2 м, высота у загривка более 1 м. Рога, направленные вверх и назад, образуют два винтовых поворота, постепенно расходятся кверху, с самого основания обхватены кривыми, не совсем правильно расположенными кольцами числом от 30 до 45; на последней трети, впрочем, они прямые и совершенно гладкие*.

Аддаксы водятся во внутренних странах северной Африки к югу от 18 градуса северной широты, начиная от стран, орошаемых Нилом, до области озера Чад. Они живут в самых сухих местах, где, по уверению кочевников, на огромном расстоянии нет ни капли воды; если можно доверять этим людям, то аддаксы в состоянии обходиться без воды по целым месяцам. Они робки и пугливы, как и другие антилопы, проворны и неутомимы на бегу. Из животных их преследуют только гиены и каракал; зато с особенным усердием на них охотятся туземные знатные особы. Повелители кочевников и бедуинов считают мендес-антилопу одним из благороднейших животных и охотятся на них не только из-за мяса, а чтобы испытать быстроту своих лошадей и борзых собак, а также чтобы добыть молодых животных и затем приручить их.

Охотники числом 12—15 человек берут с собой слуг, палатки, превосходных борзых и ученых соколов. Как только завидят стадо аддаксов или других антилоп, живущих в этих местах, стараются незаметно приблизиться к ним. Подъехав довольно близко, слуги соскакивают с верблюдов или лошадей и, держа собак на длинной сворке, зажимают им рты, чтобы они не лаяли. Потом указывают умным животным на находящуюся еще вдали

Охотники числом 12—15 человек берут с собой слуг, палатки, превосходных борзых и ученых соколов. Как только завидят стадо аддаксов или других антилоп, живущих в этих местах, стараются незаметно приблизиться к ним. Подъехав довольно близко, слуги соскакивают с верблюдов или лошадей и, держа собак на длинной сворке, зажимают им рты, чтобы они не лаяли. Потом указывают умным животным на находящуюся еще вдали

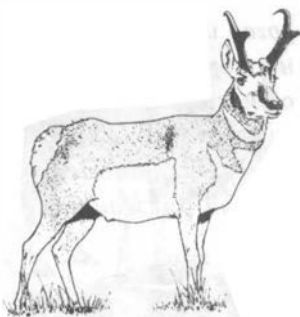
Семейство половогие

* Из-за строения рогов и белой полосы на морде аддакса относили к винторогим антилопам. Сейчас считается, что он ближайший

Аддакс, или мендес
(*Adax nasomaculatus*)

родственник ориксов. Отличается от ориксов неуклюжим сложением, чем-то напоминающим сложение северного оленя. В холке аддакс достигает 115 см, весит до 125 кг.

дичь и, наконец, разом спускают всех со сворки. Едва только успеют это сделать, благородные собаки пускаются стрелой по равнине, и вся кавалькада несется за ними, ободряя и воодушевляя их разными ласковыми словами: «О, брат мой, о друг мой, о господин мой, спеши, быстроногий, спеши! Они там, спеши, мой возлюбленный, беги, несравненный!» За льстивыми словами следуют угрозы, похвалу сменяет брань, смотря по тому, нагоняет собака антилопу или последняя удаляется от нее. Антилопа старается убежать от врага, бросается то вправо, то влево, прыгает через собаку, отскакивает назад. Собака перерезает ей дорогу и нагоняет, все ближе и ближе. Наконец антилопа останавливается и выставляет рога; но в тот самый момент, когда она пригибает голову к земле, чтобы нанести опасный удар своему противнику, собака хватается ее за шею, валит на землю и перегрызает затылок или артерию. Такая охота часто продолжается несколько недель. Охотники питаются убитой дичью, которая иногда бывает так обильна, что они почти каждый день могут посылать нагруженного верблюда к своим палаткам, чтобы поделиться добычей с женами и детьми.

Живых мендес-антилоп часто привозили в Европу и содержали в зоологических садах. Характером они напоминают своих близких родственников сернобыков. Они так же капризны и неуживчивы, как и последние. Впрочем, бывают и исключения.

Болотные антилопы имеют сходство с газелью. Это большие или средней величины антилопы, коренастые, с довольно длинным хвостом; рога, сидящие низко почти над глазами, есть только у самцов; они круглые, у основания кольчатые, концы их загнуты вперед. Слезные ямки выражены неясно. У самки четыре соска*.

Из принадлежащих к этому роду антилоп наиболее известен **большой болотный козел**, или **большой редунка** (*Redunca arundinum*). Это красивое животное имеет вместе с хвостом 1,4—1,5 м в длину; высота его у загривка около 95 см, а у крестца 80 см**. Болотный козел похож на нашу косулю, но сложен несколько стройнее. Длинные, большие, узкие и заостренные уши с обеих сторон покрыты густыми волосами, копыта средней величины, несколько выпуклые, шпорцы плоские. Хвост умеренной длины, покрыт чрезвычайно густыми волосами. Довольно короткая и густая шерсть лежит не так гладко на теле, как у других антилоп; она удлиняется на брюхе, на задней стороне плеч, а также на передней части шеи до груди. На середине спины, внизу передней части шеи и на темени волосы образуют вихры. Спина и бока у болотного козла имеют рыжеватую серо-бурую окраску; передние ноги внизу и с внутренней стороны белые. Хвост сверху чало-бурый, снизу белый; копыта и побочные копытца черные. Иногда встречаются экземпляры, у которых цвет более желтоватый или более рыжеватый. Самка отличается отсутствием рогов

* В подсемействе болотных антилоп, или водяных козлов (*Reduncinae*), насчитывают 3—4 африканских рода с 9 видами. Эти полорогие держатся у воды, хорошо плавают и ныряют, некоторые виды могут пастись по плечи в воде.

** Большой редунка весит 55—80 кг.

и меньшим ростом. У самцов рога достигают длины 30, редко 40 см; они загнуты вперед, расходятся в стороны и почти до самых концов покрыты небольшими кольчатыми утолщениями.

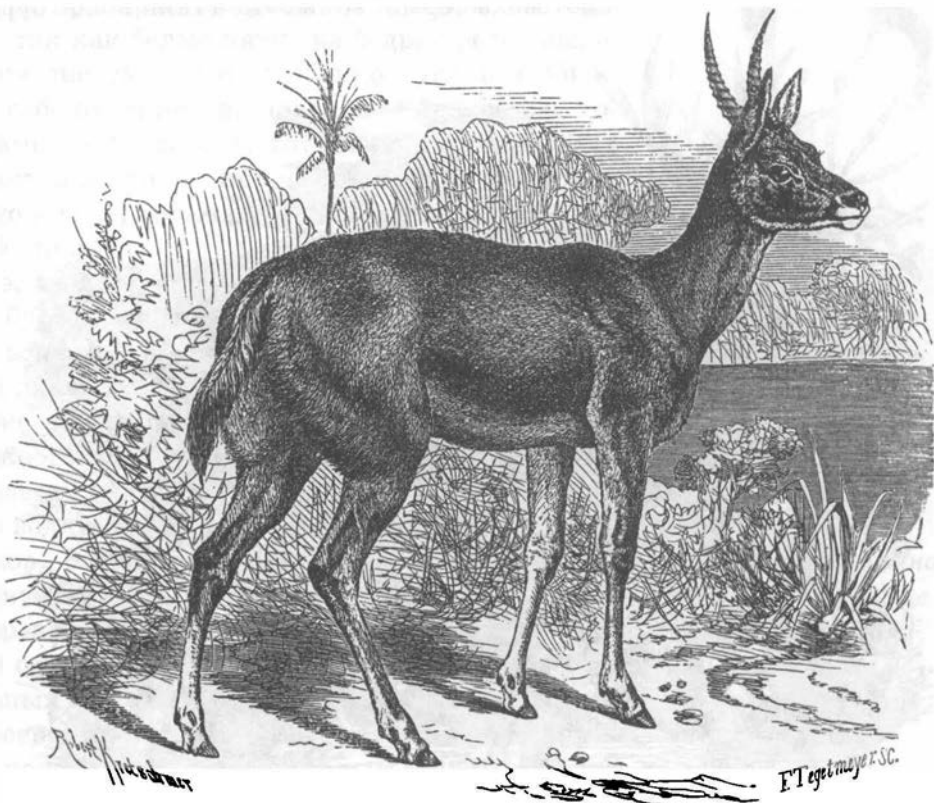
Болотный козел водится в южной и восточной части центральной Африки*. Эти животные держатся обыкновенно попарно в зарослях кустарника вблизи озер и болот, встречаются также в зарослях ситника, тростника и высокой осоки, растущей во временно пересыхающих реках. Болотный козел редко показывается на открытых местностях, его не часто удается встретить, хотя он и принадлежит к числу весьма распространенных видов.

Вот что сообщает о его образе жизни Драйсон: «Обыкновенно болотный козел лежит, спрятавшись, в осоке и дает подойти к себе очень близко; спугнутый, он отбегает на небольшое расстояние, останавливается и оглядывается на преследователей. При этом чихает особенным образом, что, вероятно, должно служить предостережением другим находящимся поблизости антилопам. Этот звук часто бывает причиной гибели животного, указывая охотнику на его присутствие. Болотный козел очень любит молодые всходы посевных злаков, за что кафры его глубоко ненавидят, всячески стараются прогнать. Если им на охоте удастся уничтожить хотя бы одного болотного козла, они будут чрезвычайно довольны результатом, так как ни о чем не заботятся более, чем о защите своих полей от этого животного. Мне не раз случалось приобрести дружбу целой деревни, застрелив несколько козлов, которые досаждали жителям в продолжение нескольких недель.

Селус утверждает, что болотный козел до сих пор встречается во внутренней части южной Африки всюду, где есть низменные луга и воды, богатые тростниками. Большею частью эти животные держатся попарно. Редко попадают вместе более 3—4 голов, в таких случаях обыкновенно двое из них еще молодые.

Семейство половогие

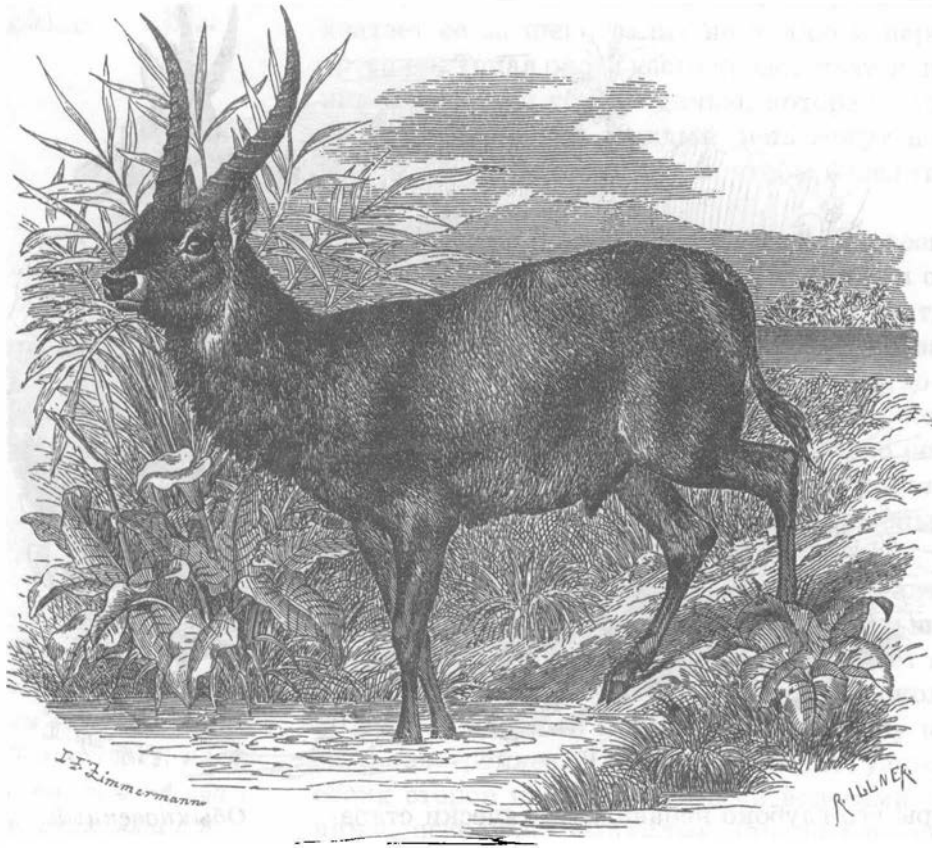
* Большой редунка водится только к югу от экватора, болота же Верхнего Нила населяет обыкновенный редунка (*R. redunca*).

Обыкновенный
редунка, или
болотный козел
(*Redunca redunca*)

Биология всех редунк схожа — они активны в основном утром и вечером, половозрелы с 1,5 года, доживают в природе до 10 лет.

* *Водяной козел* — наиболее крупный представитель подсемейства, самцы весят до 270 кг.

Водяной козел
(*Kobus ellipsiprymnus*)

Широко распространен в Африке к югу от Сахары.

Козлы никогда не встречаются вдали от воды, но выбирают все-таки сухие места, а не болота и трясины; когда их преследуют и загоняют к воде, они иногда не решаются перебраться даже через очень мелкие места. Когда встревожены или испуганы, то, подобно сернам, выпускают резкий свист.

Водяной козел (*Kobus ellipsiprymnus*) — красивое животное ростом почти с оленя; имеет 2 м в длину вместе с хвостом, на который приходится около 50 см, и 1,3 м в высоту у крестца*. Жирные и жесткие волосы короткие и чрезвычайно густые только на маковке, губах, наружной стороне ушей и ногах; на всем же остальном туловище они длинные и косматые. Преобладающий цвет меха серый, только кончики волос бурые. На голове, туловище, хвосте и бедрах мех имеет рыжий или рыжеватобурый оттенок. Самка сложена менее плотно, чем самец, и отличается более бледной окраской. Довольно толстые рога, которыми обладают одни самцы, изогнуты у основания слегка назад, затем вперед и наружу, концы их снова сближаются; измеренные по кривизне, они имеют около 80 см в длину и почти до самых концов покрыты толстыми кольчатыми утолщениями с острыми краями.

А. Смит встречал эту антилопу маленькими стадами в 8—10 голов по берегам рек южной Африки, к северу от Куррихано. Гейглин и после него Швейнфур познакомились с водяным козлом, путешествуя по северо-восточной части центральной Африки, а Пехуель-Леше встречал его в довольно большом количестве в западном Конго, а нередко также и в других местностях Нижней Гвинеи и Верхней Гвинеи по реке Вольта. Вероятно, он водится во всей восточной Африке. В каждом стаде находятся два или три самца, но из них только один вполне взрослый, который, по-видимому, не терпит соперников.

Несмотря на неуклюжее сложение, вид водяного козла производит приятное впечатление. У него живые глаза, выражающие сознание собственного достоинства, движения грациозны. Пока он пасется, выглядит неповоротливым; но когда встревожен, в наружности его появляется какая-то представительность и даже величавость, особенно когда он высоко поднимет голову. По наблюдениям Гейглина, водяной козел — не настоящее болотное животное и держится главным образом в высоких зарослях тростника, иногда в рост человека. Он имеет обыкновение взбираться на постройки термитов и с высоты осматривать болотистые владения; но благодаря этой привычке, часто выдает свое присутствие; впрочем, когда он пробирается среди кустарника, его также нетрудно заметить, так как белые пятна на бедрах резко выделяются на темном фоне листвы. Он не особенно пуглив и обыкновенно подпускает к себе охотника на довольно близкое расстояние. Вожак стада, заметив опасность, тотчас бросается бежать стремительным галопом, а вслед за ним несется и все стадо, направляясь обыкновенно к воде, добежав до которой животные кидаются с разбегу в волны.

В южной Африке, как сообщает Селус, преследуемые водяные козлы спасаются, бросаясь в воду. Но в западной Африке они не везде привычны к воде. Здесь, по сообщению Пехуеля-Леше, они часто встречаются далеко от воды в совершенно сухих и скалистых местах, а также на крутых склонах холмов, по которым лазают с большой ловкостью. Когда они убегают от охотника, то прячутся в густой траве, в поросших кустарником лощинах или оврагах. Обыкновенно водяные козлы держатся стадами по 3—8, иногда по 15—20 голов, редко число их достигает 30. Стадом всегда предводительствует старая самка, а не самец*. В большом стаде самок бывает гораздо больше, чем самцов; из самцов только один — большой и сильный, два или три других — еще слабые. Окраска у отдельных особей бывает различной: то чалой, то рыжей, то серебристо-серой или темно-серой; встречаются одинокие старые самцы с почти совершенно черным мехом. Чтобы успешно охотиться за водяным козлом, надо быть отличным стрелком, так как если его сразу не убить наповал, то он убегает очень далеко и пропадает для охотника, которому трудно преследовать его по болотам и густым зарослям тростника или кустарника.

Говорят, что мясо водяного козла невозможно употреблять в пищу, так как оно жестко, волокнисто и имеет сильный неприятный запах, из-за которого от него отказываются даже голодные кафры. Гаррис уверяет, что иногда этот дурной запах заставлял его бросить убитую им антилопу, так как он был не в состоянии снять со своей добычи шкуру. Швейнфурт, напротив, находил, что нежное, хотя и нежирное мясо молодых животных очень вкусно. Селус, подобно Гаррису, считает мясо водяного козла очень пло-

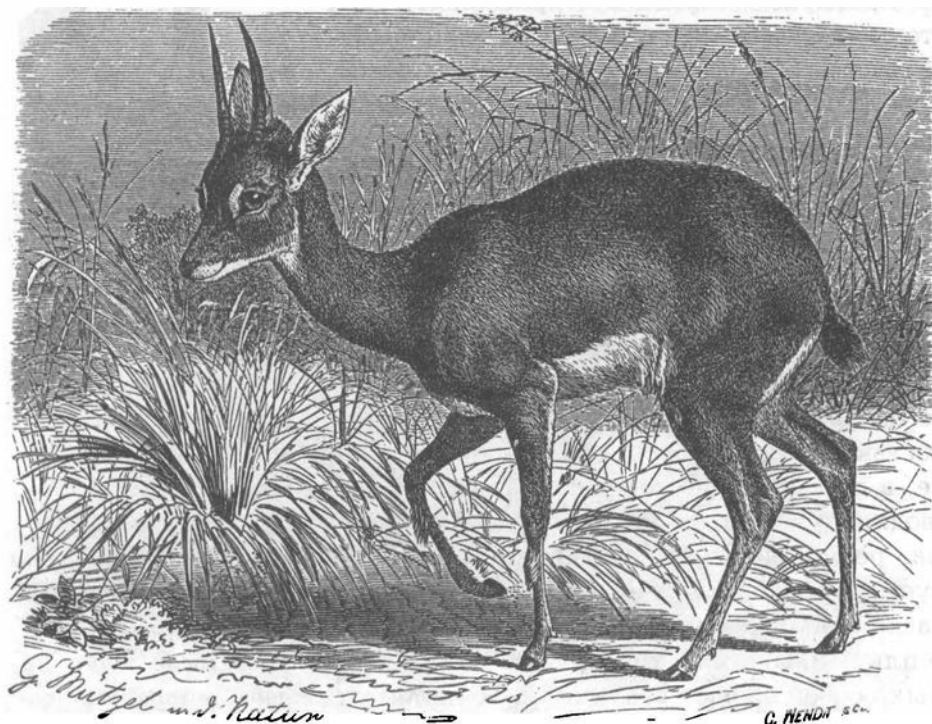

* В период паводков водяные козлы собираются большими стадами на возвышенных местах (так называемый лек), где обычно происходят брачные турниры и спаривание. После спада воды возвращаются в пойму. Самки рожают одного детеныша, который становится самостоятельным в 6—8 месяцев. Самки могут приступать к размножению в возрасте 1—1,5 года, самцы — в возрасте 3—4 лет, когда обзаведутся индивидуальным участком. Продолжительность жизни до 19 лет.

* Ориби — самый
крупный представи-
тель группы карли-
ковых антилоп.
Ориби весит до 20
кг, широко распрост-

хим и утверждает, кроме того, что жир этого животного имеет неприятное свойство прилипать во рту, если его не есть совершенно горячим.

Ориби (*Ourebia ourebi*). Это животное едва ли меньше нашей косули: длина 1,1 м, высота у загривка 60 см, а в крестце немного выше. Оно поражает изяществом и правильностью телосложения. Окраска светло-рыжая или светло-бурая на верхней части тела и почти белоснежная на животе и на внутренней стороне конечностей. Маленькие рога, встречающиеся лишь у самцов, поднимаются почти прямо и достигают 12 см. Они загибаются сначала назад, затем немного вперед; у основания имеют около 9 колец. На передних конечностях от коленного сустава опускаются довольно длинные пучки волос. Хвост короткий и оканчивается кистью. Родина ориби — южная Африка, но Селлус находил их и севернее долины Замбези*.

Ориби
(*Ourebia ourebi*)

ранен в саваннах и
редколесьях Африки
к югу от Сахары.

Жизнь ориби
Драйсон описывает следующим образом: «Большинство животных, в особенности антилоп, избегают человека, и крупные виды их в Капской земле предпочитают селиться на сотни миль от жилища плантаторов. Однако между ними встречаются и такие, которым, по-видимому, чужд страх перед злейшими их врагами; они так привязываются к своей родине, что живут там до последней возможности или до тех пор, пока за доверие не заплатят своей жизнью. Очень вероятно, что некоторые места удобны для обитания этих животных: когда одних истребляют, на их место приходят другие. То же самое можно сказать и об ориби. Это милостивое красивое животное водится в самом близком расстоянии от жилища человека. Охотник, бродя по своим владениям, может убить всех ориби, которые ему попадутся. Но ему не надо ждать и пяти дней, чтобы снова найти дичь. Если он по прошествии этого времени снова выйдет на охоту, то увидит много маленьких антилоп, которые опять поселились вокруг деревень. Ориби встречаются

обыкновенно парами в долинах; даже если их преследуют, они редко пытаются скрыться в кустарнике или в лесу. Их обычным местожительством служит высокая трава или же склоны холмов, богатые ущельями, где они скрываются между скалами и камнями*.

Способ бегства ориби, когда они потревожены, поистине может привести в восторг. Они бегут с большой скоростью и вдруг подсакивают на метр в воздух, потом снова бегут, подсакивают еще раз и т. д. Делают они это, должно быть, с намерением лучше осмотреть ближайшие окрестности, так как слишком малы, чтобы видеть через траву. Опускаясь на землю, животное становится сначала на задние ноги. Иногда ориби подсакивает несколько раз подряд, в особенности если заметит при первом прыжке какой-нибудь подозрительный предмет; тогда неопытному глазу может показаться, что это существо одарено крыльями и имеет способность держаться в воздухе. Если, например, собака напала на его след и бежит за ним по высокой траве, то ориби подпрыгивает несколько раз подряд, внимательно поглядывая в ту сторону, откуда приближается преследователь, вдруг делает крюк и теряется из вида врага. Вспугнутый ориби в первые минуты своего бегства проделывает то же по земле, что поднявшийся бекас по воздуху. Он бросается зигзагами из стороны в сторону, с быстротой молнии пролезает или перескакивает через траву и, прежде чем охотник успеет прицелиться, бывает от него шагах в ста. Хорошие охотники бьют этих антилоп крупной дробью. В первые дни я следовал их примеру, но потом нашел, что лучше употреблять вместо дроби пулю. Там, где трава достигает высоты двух метров, я охотился на лошади, чтобы видеть животное. Именно такому способу охоты я обязан тем, что мог наблюдать за этой дичью».

Антилопа-прыгун (*Oreotragus oreotragus*) представляет особый вид. Это прелестное животное занимает среднее место между серной и некоторыми маленькими видами коз. Тело сжато, шея короткая, голова тупая и закругленная, хвост очень короткий, конечности низкие и несколько неуклюжие; очень длинные широкие уши; большие глаза. Высокие раздвоенные копыта на концах сплюснуты, снизу кругло отточены; мех грубый, жесткий и очень густой. Вот наиболее существенные признаки этого животного. У самца короткие, прямые, черные рога, достигающие 10 см в длину и прямостоящие на голове, имеют у основания ясные кольца. Общей окраской сасса похожа на нашу косулю. Длина животного около 1 м, высота около 60 см**.

«Я часто замечал, — говорит Гордон Кюммминг, — на дне пропасти, двух или трех этих привлекательных созданий, лежащих обыкновенно друг около друга на большом плоском выступе скалы, защищенном тенью деревца от палящих лучей полуденного солнца. Если я вспугивал их, то они во время бегства

** Ориби обитает в самых разных ландшафтах, в горы поднимается до 3000 м. Питается травянистой растительностью, в меньшей степени листьями и побегами деревьев и кустарников. Активна утром и вечером, при тревоге издает протяжный свист. Беременность длится 7 месяцев, единственный детеныш рождается в Южной Африке в сентябре—декабре. Выкармливание молоком длится 4—5 месяцев, половозрелость наступает с 1,5 года. Продолжительность жизни ориби 8—12 лет.*

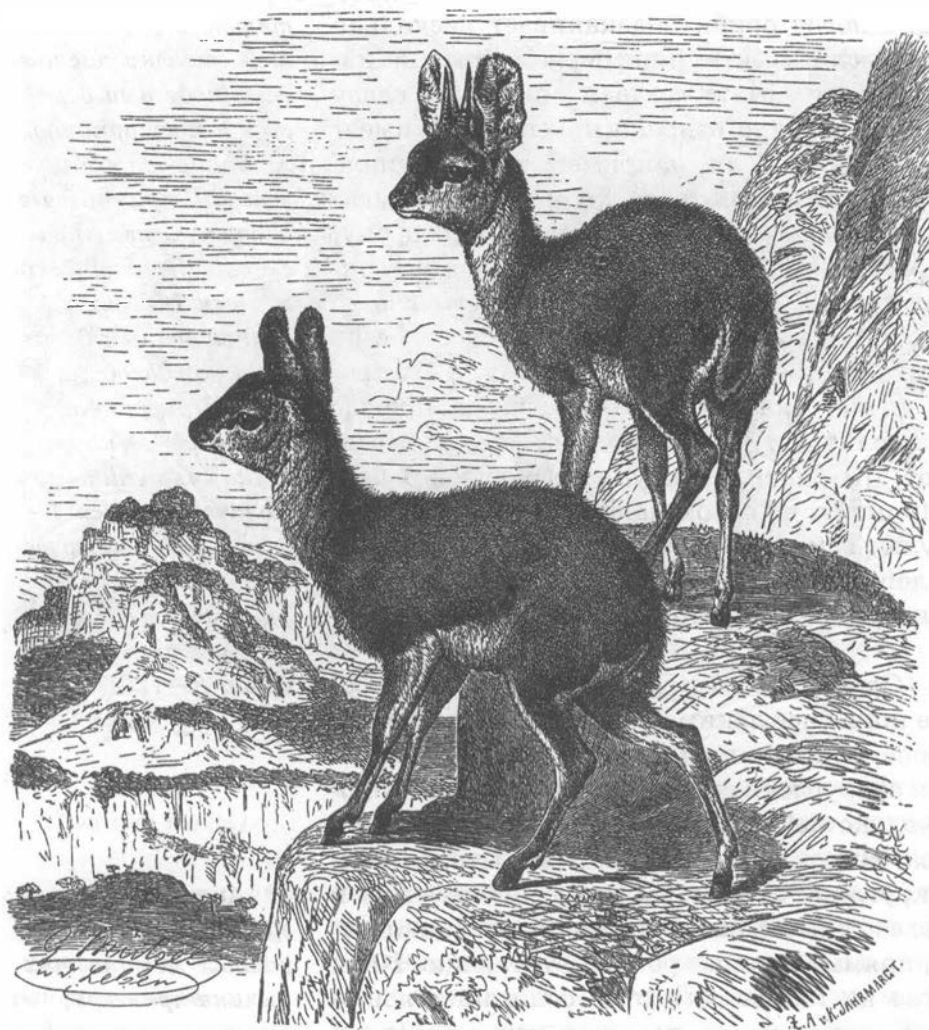
*** Антилопа-прыгун, называемая в разных местностях «клипшпрингер», «сасса», «горный скакун», отличается серовато-бурой окраской, вертикально поставленными рожками длиной до 16 см.*

Семейство половогие

* Прыгун мозаично распространён от Северо-Восточной до Центральной и Южной Африки, придерживаясь

делали невероятные скачки с упругостью резинового мяча со скалы на скалу, через пропасти и ущелья, и всегда с необыкновенным проворством и уверенностью». Насколько мне известно, Рюппель первый настойчиво утверждал, что сасса и антилопа-серна — одно и то же животное. До его научного путешествия по Абиссинии не имелось сведений о том, что эта антилопа встречается в таких северных местностях; по крайней мере все натуралисты указывали на южную Африку как на родину антилоп-серн. Впоследствии Бем находил их также в западной Африке.

Антилопа-прыгун, или сасса, встречается на довольно высо-

Антилопа-прыгун
(*Oreotragus oreotragus*)

выходов скал на
равнинах и засушли-
вых гор.

ких горах; на земле богосов достигает приблизительно 600—2000 м* над уровнем моря. Они живут парами, как и хохлатая антилопа, но все-таки встречаются маленькие стада, состоящие из трех и даже четырех голов; это или семейство с детенышем, или две пары, соединившиеся и пасущиеся некоторое время вместе. В хорошую погоду каждое такое стадо отыскивает по возможности самые возвышенные места, при продолжительных же дождях спускается глубже в долину. Утром и вечером парочки взбираются на скалистые утесы, охотнее всего на такие, которые ближе к вершине горы, и стоят там, тесно сдвинув ноги, как часовые по целым часам без движения. Пока трава еще мокрая от росы, они бродят по скалам и кряжам, во время же полуденного зноя находят убежища под деревьями или под большими скалами. Особенно любят они тенистые выступы, с которых открывается широкий вид. Время от времени по крайней мере одна из них появля-

ется на ближайшей вершине, чтобы осмотреть окрестность. Каждая пара придерживается избранного места с большой привязанностью.

Пища антилоп состоит из мимоз и других древесных листьев, трав и сочных альпийских растений; едят они утром и после полудня до позднего вечера. В это время сассу совсем не видно между кустами молочая или в высокой траве вокруг каменных глыб. Напрасно охотник старается найти и без того труднозамечное животное. Но зато ранним утром ее хорошо видно издали благодаря чистоте горного воздуха и в особенности благодаря занимаемой ею позиции на самых высоких камнях.

Нельзя сказать, чтобы сасса была особенно пуглива, поскольку абиссинцы мало охотятся. Вспугнутые, они показывают все свои дарования. С быстротой птицы эти проворные создания перепрыгивают с одного уступа на другой, по самым крутым скалам и мимо страшных пропастей, карабкаясь с одинаковой ловкостью как вверх, так и вниз. Малейшая неровность достаточна ей, чтобы крепко поставить ногу. Ее движения при всевозможных положениях одинаково верны и скоры. Больше всего удивляешься, когда сасса бежит вверх на гору. Тело кажется еще более сильным, чем обыкновенно, конечности будто выкованы из упругой стали, каждый их мускул напряженно работает. При прыжке животное подлетает высоко в воздух; оно то скрывается из глаз, то снова показывается и опять исчезает между камнями или высокими растениями, которые покрывают склоны ущелий. В странах, где огнестрельное оружие не общеупотребительно, животные сначала обращают мало внимания на пальбу, особенно серны, которые, вероятно, так привыкли к грохоту и треску скатывающихся с гор камней, что выстрелы едва ли тревожат их. Время вывода детей у сассы, кажется, в Абиссинии совпадает с началом больших дождей. В марте я встретил парочку, которую сопровождал почти полугодовалый детеныш. Подробнее абиссинцы ничего не могли мне рассказать, хотя сасса всем хорошо известна*.

Единственная антилопа-прыгун, которую я видел в зоологическом саду, жила в 1875 году в Берлине. Надо заметить, что она, должно быть, попала под присмотр людей еще новорожденным теленочком, так как по доверчивости ее можно было сравнить только с самыми кроткими домашними животными.

Газели стройные, чрезвычайно миловидные антилопы с кольчатými лировидными рогами, слезными ямками, паховыми железами, длинными острыми ушами, маленькими шпорцами. У самок два соска; хвост короткий и с пучком волос на конце; пучки волос имеются еще только на запястьях. У обоих полов есть рога**.

Газель представляет в пустыне прекрасную картину, она с давних пор вдохновляла восточных поэтов, увлекательно воспе-

Семейство половогие

* Социальные отношения и биология прыгуна сходны с ориби.

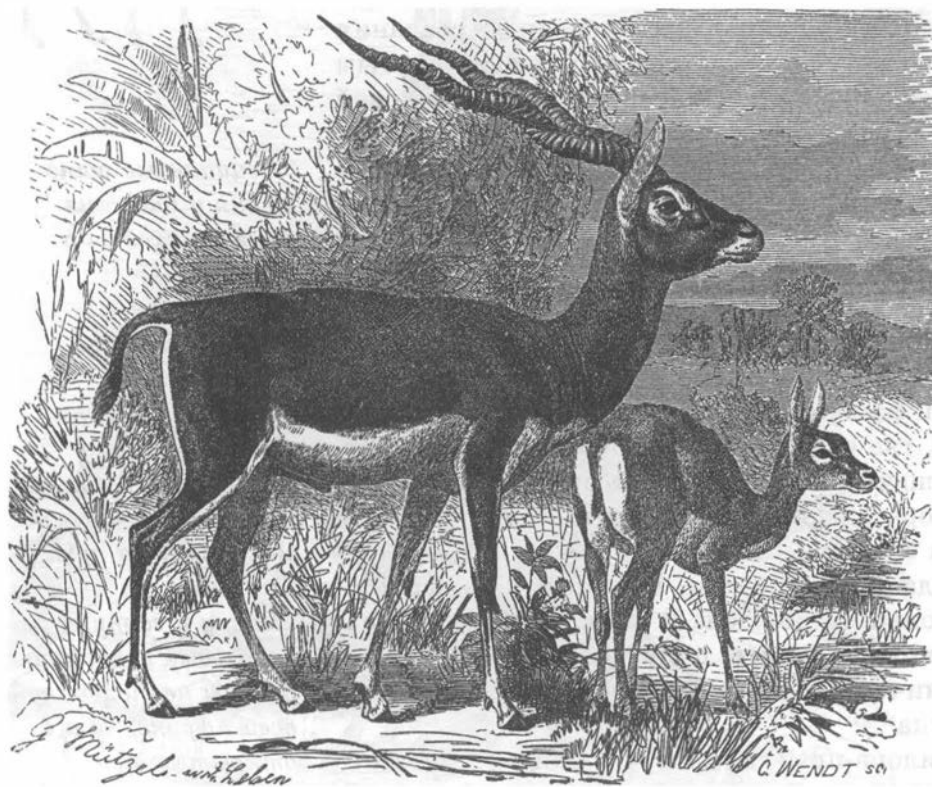
** Подсемейство газелевых (*Antilopinae*) охватывает помимо мелких форм, обычно называемых «газелями», два вида крупных антилоп — импалу и гарну. Газелевые распространены не только по всей Африке, но и в открытых пространствах Азии вплоть до Сибири, Китая, Тибета и Индии. Животные стройного, легкого телосложения, обычно светлой, рыжеватой или бежевой окраски. У самок рога развиты слабо или отсутствуют.

вавших это прелестное создание. Даже пришелец с Запада, если ему удастся увидеть газель на свободе, понимает, отчего она бывает так бесконечно дорога жителю Востока: ему передается часть того восторга, который заставляет восточного поэта посвящать ей самые восторженные хвалебные гимны, вытекающие в звучных рифмах. Сын пустыни сравнивает глаза женщины, покоровившей его сердце и зажегшей в нем страсть, с глазами газели; стройную белую шею, вокруг которой обвиваются его руки в часы любви, он называет шейей газели; благочестивому человеку это изящное создание служит символом, выражающим стремление его сердца к возвышенному — словом, газель своей красотой околдовывает всякого. Древние египтяне посвятили газель величественной Изиде

и приносили ее детенышей в жертву этой богине. Автор «Песни песней» подразумевает газель под именами «серна» и «полевая лань». Арабские поэты всех времен не находят слов, чтобы достойно описать газель; самые древние литературные памятники этого народа восхваляют ее, а уличные певцы и ныне прославляют ее красоту.

Гарна (*Antilope cervicapra*), в Индии называется также «гирун», играет важную роль в индийской мифологии.

В индусских знаках Зодиака она занимает место Козерога, и наряду со многими другими животными посвящена богине Чандра, или Луне. Она немного меньше, стройнее и гораздо изящнее нашей лани. Длина туловища 1,2—1,3 м, длина хвоста 15 см, высота у загривка 80 см. Цвет шерсти изменяется, смотря по возрасту и полу. У старых самцов шея, спина и бока имеют темную буро-серую окраску. У самок окраска гораздо светлее — чалобурая, по бокам как бы полинялого темного желтовато-грязного цвета. Молодые животные отличаются от старых более рыжеватым оттенком. Рога, существующие только у самцов, достигают 40—50 см и лишь изредка 60—65 см; они слабо винтообразно

Гарна
(*Antilope cervicapra*)

закручены, большей частью 3 или 4 раза, иногда, впрочем, и 5 раз. У основания сближены, концы удалены друг от друга на 30—40 см*.

Гарна живет в открытых, низменных местностях Индостана, кроме нижней Бенгалии и Малабарского берега; по Стерндалю, она не встречается западнее Инда, но к востоку попадает до Ассама. Обыкновенно гарны собираются в стада до 20—30, а часто и до 40—60 голов, Жердон видел стада, как он думает, в несколько тысяч голов, а Скотт сообщает даже о стаде в 8—10 тысяч голов. Вероятно, эти животные, как и африканские антилопы, в случае нужды собираются в большие стада, когда отправляются на водопой или на пастбище**. Гарны предпочитают открытые местности густым зарослям, так как они чрезвычайно осторожны. Вильямсон рассказывает, что когда стадо пробирается на какое-нибудь излюбленное пастбище, то всегда вперед отправляются несколько молодых самцов и старых самок. Эти сторожа особенно внимательно осматривают кусты, за которыми мог бы спрятаться охотник. «Было бы нелепо, — уверяет наблюдатель, — натравливать на них борзых, потому что успеха можно ожидать только тогда, когда застанешь их врасплох; в противном случае гарны моментально обращаются в бегство и скрываются с поразительной быстротой. Высота и длина их прыжков приводит всякого в изумление: они поднимаются более чем на 3 метра от земли, а длина скачков равняется 6—10 метрам, так что кажется, будто они издеваются над собаками». Поэтому индийские князья и не пробуют охотиться с собаками, а пускают на них соколов и охотничьих леопардов. Эти красивые антилопы питаются злаками и сочными травами. Они могут долгое время обходиться без воды.

Для спаривания, по-видимому, нет определенного времени; оно может происходить во все времена года, смотря по местности. Через 9 месяцев после спаривания самка рождает одного вполне развитого детеныша, прячет его в продолжение нескольких дней в кустах, старательно кормит и затем приводит в стадо. Самки способны к размножению со второго года, а самцы не раньше, чем с третьего. Гарны чрезвычайно плодовиты. Во Франкфурте, как сообщает Гааке, первый детеныш родился у самки в октябре 1888 года, а в июле 1890 года третий детеныш был уже почти взрослым животным; притом еще до его рождения новое поколение тоже начало размножаться***.

В Индии злейшими врагами гарны являются тигр, пантера и волк. Индусы ловят ее оригинальным способом. Для этой цели употребляют ручного самца, которого пускают в стадо диких антилоп, навязав ему на рога веревку со многими петлями. Как только чужой самец появится в стаде, вожак вступает с ним в драку, в которую вмешиваются и самки; при этом несколько антилоп обыкновенно запутываются в петлях веревки, мечутся во все стороны и в конце концов падают. Европейцы охотятся на

Семейство половогие

* Гарна (буквально — «антилопа оленекоза») нетипичный член подсемейства газелевых, хотя бы из-за винтообразно изогнутых рогов самца и резкого полового диморфизма в окраске (взрослые самцы черно-белые, самки песчаного цвета). Самки гарны весят 25 кг, самцы — 45 кг.

** Гарна держится группами в 5—10 голов. Это семьи «гаремного» типа или объединения холостых самцов. Характерны небольшие кочевки, обычно зимой.

*** В период размножения самцы отстаивают участки и «своих» самок в поединках. Самка способна приносить 2 помёта по 1—2 детеныша в год. Половозрелость наступает в 1—1,5 года. Продолжительность жизни 8—9 лет в природе и до 15 в неволе.

Семейство половогие

* Животные предпочитают открытые засушливые ландшафты, распространенные в основном на северо-западе Индии. В настоящее время их численность и ареал сокращаются из-за охоты, перевыпаса домашнего скота, развития земледелия в аридной зоне.

** Газель доркас (*Gazella dorcas*) — один из видов мелких светлоокрашенных пустынных газелей. Масса в пределах 20—23 кг.

гарн с ружьем, и притом стараются подкрасться к вожаку стада, отличающегося красивыми длинными рогами. Вожак убегает последним, когда стадо, обеспокоенное чем-нибудь, покидает пастбище. Застигнутые врасплох, антилопы не всегда ищут спасения в бегстве, а умеют хорошо и скоро прятаться в густом кустарнике, причем они так тихо лежат там, что охотнику, по свидетельству Вальтера Эллиота, нелегко разыскать их. Жердон подтверждает это наблюдение, а Стерндаль рассказывает, что один самец, преследуемый им, прыгнул даже в воду и, нырнув, старался спрятаться в тростнике. Тот же наблюдатель сообщает, что гарны не любят покидать свое пастбище и упорно возвращаются на него даже тогда, когда их отгонят оттуда на расстояние нескольких миль.

Пойманные смолоду, животные становятся ручными. Они чувствуют себя лучше, если им предоставляют много простора. В больших парках гарны представляют прекрасное зрелище благодаря своей миловидности и грациозности и становятся здесь более ручными, чем в загородках, где самцы бросаются иногда на своих сторожей и наносят им удары рогами. В Индии гарн часто приручают как священных животных; уход за ними поручают женщинам, которые поят их молоком. Только брамины имеют право есть мясо священных антилоп. Из рогов изготавливают особое оружие, скрепляя основания железными или серебряными шипами. Это оружие носят как палку и употребляют в качестве дротика*.

Безоаровые камни, извлекаемые из желудка этой антилопы, считаются чрезвычайно действенным лекарством.

Газель доркас (*Gazella dorcas*) ростом меньше нашей козули, но сложена гораздо изящнее и стройнее, а также красивее окрашена. Старые самцы достигают 1,1 м в длину, а с хвостом и 1,3 м; их высота у загривка 60 см**. Туловище плотное, но кажется стройным благодаря высоким ногам; спина слабо изогнута, у крестца выше, чем у загривка, хвост сравнительно длинный, с густыми волосами на конце. Ноги чрезвычайно нежные и стройные, с изящными копытами. Шея вытянутая, голова средней величины, сзади она широкая и высокая, спереди несколько суживается, а у морды слегка закруглена; глаза большие, огненные, оживленные, с почти круглым зрачком; слезные ямки средней величины. Преобладающая окраска песчано-желтая, на спине и ногах переходящая в более или менее темную красно-бурую. По обеим сторонам тела тянется еще более темная полоса и отделяет ослепительно белую нижнюю часть тела от темной верхней. Как у самцов, так и у самок рога обращены вверх и назад, если смотреть на них спереди, то они напоминают древнюю лиру. Рога у самца больше, кольчатые бороздки на них выражены яснее, чем у самки. С возрастом годовые кольца на рогах все более и более продвигаются к концам; у очень старых самцов

они доходят до самых концов, вероятно, потому, что рога постепенно стираются. Кольца эти только приблизительно говорят нам о возрасте газели; у воспитанного в неволе самца, которому шел только второй год, было уже пять колец на еще очень коротких рогах.

Газель встречается от Марокко до Аравии и Сирии и от берегов Средиземного моря до Абиссинских гор и степей внутренней Африки. Местопребыванием ее можно считать всю пустыню и окружающие ее степи. На Абиссинских горах, как свидетельствует Гейглин, она достигает не более чем 1500 м над уровнем моря*. Чем степь богаче растительностью, тем чаще встречается это животное, но при этом следует напомнить, что место, богатое растительностью, по понятием жителей северо-восточной Африки, далеко не то же, что по нашим. Мы бы очень ошиблись, если бы предполагали найти газель постоянной обитательницей действительно плодородных долин; в такие места она забегает только изредка и, по-видимому, если к этому вынуждена**. Ее любимые места — мимозовые рощи, а еще более те песчаные местности, где ряды холмов сменяются долинами, а мимозы рассеяны повсюду, не образуя густых зарослей. Газель попадает и в травянистых степях, притом иногда в больших количествах, но и здесь она предпочитает местности, поросшие редким кустарником***.

Каждый путешественник, которому приходится бывать в пустыне, хотя бы только в продолжение нескольких часов, может увидеть газель. А кто знает ее образ жизни, тот наверняка разыщет животное во всех частях области ее распространения. Будучи дневным животным, газель показывается в самое благоприятное время. Только в жаркое время дня, от полудня до четырех вечера, она отдыхает, пережевывая пищу под тенью мимозы; в остальное время почти всегда находится в движении. Заметить ее, однако, не очень легко, так как сходство окраски антилопы с преобладающим цветом почвы затрудняет это. Мы перестаем различать ее уже на расстоянии гораздо менее мили, но соколиные глаза жителей Африки замечают ее часто и на расстоянии больше мили. Стадо располагается обыкновенно около кустов мимозы, верхушки которых расширяются, как зонтики, и укрывают, таким образом, животных. Газель, стоящая настороже, пасется, другие лежат недалеко от нее и жуют жвачку или просто отдыхают. Заметить можно только ту, которая стоит; лежащая газель до того похожа на камень, что даже опытный охотник может ошибиться. Если все вокруг спокойно, то стадо пасется в одной избранной местности и только переходит с одного места на другое; но оно тотчас оставляет пастбище, если завидит преследователей. Иногда бывает достаточно просто перемены ветра, чтобы заставить газель перекочевать на другое место. Она располагается обыкновенно под ветром, чаще всего так, чтобы с высоты

Семейство половогие

** Этот вид распространен в Северной Африке, включая всю Сахару и Синайский полуостров. В горах Эфиопии он не встречается.*

*** Довольно много газелей разных видов населяют богатые зеленым кормом травянистые и кустарниковые саванны тропической Африки.*

**** Настоящие газели (род Gazella) поедают листву и ветки кустарников и деревьев лишь при отсутствии травянистой растительности. Большинство пустынных газелей, довольствуясь влажной, содержащейся в зеленом корме, могут долго обходиться без воды.*

** Скорость некоторых газелей на короткой дистанции достигает 80 км/ч.*

можно было видеть лежащую перед ней долину, а ветер давал бы ей возможность чутя опасность за спиной.

Газель, несомненно, очень высокоодаренное животное. В подвижности не уступит ни одной другой антилопе, притом она жива, проворна и чрезвычайно грациозна. Бег ее замечательно легок, кажется, будто она едва касается земли. Убегающее стадо представляет действительно великолепное зрелище; даже когда опасность близка, кажется, что газели бегут как бы шутя. Часто они просто из шалости прыгают на 1—2 метра от земли, перескакивая одна через другую, нередко перепрыгивают через камни и кусты, лежащие на пути, которые очень легко можно обойти*.

Все чувства газели прекрасно развиты. У нее превосходное чутье, острое зрение и тонкий слух. Притом она умна, хитра и даже лукава, обладает прекрасной памятью и, приобретая опыт, становится еще понятливее. Это мирное и несколько пугливое создание, но далеко не настолько трусливое, как обыкновенно думают. В стадах часто бывают драки между животными одного пола, особенно между самцами, которые охотно устраивают поединки в честь своих прекрасных подруг; с самками они очень милы до времени спаривания, равно как и те с ними. Со всеми другими животными газель живет в мире, и потому ее нередко можно видеть в обществе родственных ей антилоп.

Газель нельзя назвать трусливой, но она осторожна и старательно избегает всего необыкновенного, даже иного животного, кажущегося ей опасным. В Кордофана я ехал однажды вдаль от большой дороги по малонаселенной местности, где попадались очень обширные травяные заросли. Здесь в продолжение одного дня я видел до двадцати стад газелей, и притом стад очень больших. По-видимому, газели еще не были знакомы с огнестрельным оружием. Они подпускали шагов на 40, потом спокойно удалялись, не обращая на меня особенного внимания. Сначала эти прекрасные животные до того меня очаровали, что я и не думал по ним стрелять. Но скоро страсть к охоте взяла верх. Я выстрелил в первого подвернувшегося под ружье самца и убил его. Другие побежали, но не далее 100 шагов, опять остановились и потом потихоньку продолжали свой путь. Мне снова удалось приблизиться к ним на расстояние 80 шагов, и я застрелил второго самца, наконец, убил третьего из того же стада, только тогда оно обратилось в бегство.

Разнообразие климатических условий северо-восточной Африки обуславливает и большое различие во времени спаривания газелей. На севере оно тянется с августа до октября; в странах, лежащих под экватором, начинается только в конце октября и продолжается до конца декабря. Самцы громким бляением вызывают друг друга на бой и дерутся так сильно, что ломают рога: мне случалось убить несколько самцов, у которых один из рогов был отломан у самого корня.

Самка, конечно, отдает предпочтение самому сильному самцу, который не терпит соперников. Рождает одного детеныша, на севере в конце февраля или в начале марта, на юге — в марте или мае; беременность продолжается, следовательно, 5—6 месяцев. Большинство из тех самок, которых я убивал в конце марта и в начале апреля, были беременны*. В первые дни после рождения молодые животные чрезвычайно беспомощные создания, и потому часто случается, что проворные арабы и абиссинцы ловят их руками. Чем детеныш беспомощнее, тем мать больше любит его и защищает. Однако молодому животному приходится претерпеть много опасностей, прежде чем оно научится бегать так же быстро, как его родители. Мы не преувеличим, если скажем, что до половины детенышей газели становятся жертвами бесчисленных хищников. Правда, газели чрезмерно бы размножились без этих плотоядных животных, которые восстанавливают равновесие в природе.

Пойманные молодыми, газели через несколько дней становятся ручными и легко переносят неволю, особенно в своем отечестве. Красота глаз этих животных настолько ценится всеми восточными народами, что женщины, ожидающие прибавления семейства, держат газелей из-за того, чтобы глазам их ребенка сообщила красота глаз этого животного. Часто женщина подолгу сидит перед газелью и смотрит в ее прекрасные глаза, проводит пальцами по ее белым зубам и затем дотрагивается до своих зубов, произнося при этом особые заклинания, в которые она верит. В больших городах северо-восточной Африки, в домах европейцев, постоянно встречаются ручные газели, и между ними есть много таких, которые так привыкли к человеку, что их можно считать настоящими домашними животными. Они следуют за своим господином, как собаки, входят в комнаты, просят подачки за столом, бегают по соседним лугам или пустыням, охотно и весело возвращаются домой с наступлением вечера или когда услышат любимый голос своего хозяина. Даже у нас газели живут по несколько лет при хорошем уходе. Этих нежных детей юга надо тщательно охранять от зимних холодов. Им необходимы теплый хлев на зиму и довольно большой парк для лета. Стадо газелей лучше всяких других животных украшает большой сад или парк. Красивая косуля кажется в сравнении с газелью неуклюжей и неловкой; почти все жвачные уступают ей в грации и миловидности.

На родине за ней охотятся ревностно, можно даже сказать — страстно. Охотятся или с ружьем, или с соколами, а также травят борзыми. Соколиная охота требует большого числа людей, лошадей, собак и соколов, а потому она обходится очень дорого и доступна только самым богатым людям. По сообщению Спони, Халил-паша на подобной охоте губил ежегодно не менее 15 лошадей и 30 собак.

** Гон у газели доркас приходится на осень, самцы занимают и охраняют участки, на которые привлекают стада самок. Самки рожают весной 1—2, редко 3 детёнышей. Выкармливание молоком длится до полугода, половозрелость наступает после 1—1,5 лет. Из-за обилия хищников редко живут в природе свыше 6—8 лет.*

В некоторых местностях северной Африки охотники преследуют газелей верхом и стараются убить их с лошади. Но это нелегко: как ни быстроноги кони пустыни, но и им трудно догнать убегающую газель. После продолжительной травли, в которой участвуют несколько всадников попеременно, все-таки удается приблизиться к измученному животному, и тогда гибель ее неизбежна. Охотники с замечательной меткостью бросают под ноги газели толстые палки и почти наверняка переламывают ей какую-нибудь кость. Тогда уже ничего не стоит схватить несчастное искалеченное животное.

Охота с ружьем дает обыкновенно богатую добычу. В Кордофане и других частях внутренней Африки не у всякого есть огнестрельное оружие, считающееся преимущественно оружием белых и все еще внушающее туземцам некоторый страх. Поэтому там чаще занимаются ловлей газелей, чем охотой на них. Для ловли употребляют так называемые тарелки, которые расставляют на небольших расстояниях друг от друга в таких местах, где часто бывают газели, причем каждую тарелку окружают петлей, к которой привязывают толстую палку. Тарелка состоит из обручей с дырками, в которые вставлено множество палочек; последние сходятся концами к центру обруча, направлены несколько вниз и заострены на конце. Каждую тарелку окружают петлей, к которой привязывают толстую палку. Такой снаряд кладут в небольшую яму, вырытую в песке, обкладывают кольцеобразно согнутым куском кожи, чтобы она не засыпалась песком. Газель, спокойно идущая своей дорогой, наступает на западную, ее гладкое копыто скользит по гибким палочкам к середине, нога проваливается и глубоко погружается в яму; таким образом она оказывается в ужасных оковах, острие которых пребольно колит. Газель старается освободиться, выдернуть ногу, но при этом затягивает петлю. Испугавшись, она пускается бежать, но палка, которую волочит за собой, пугает ее еще больше; она мчится во всю прыть, палка колотит ее по ногам и в конце концов перешибает одну из них. Неспособное более к бегству животное легко попадает в руки человека. Таким способом ловят много газелей да и других антилоп, но все-таки это не самый выгодный способ. Самую богатую добычу дает охота со степными борзыми, которые ловят иногда 30—40 штук газелей в день.

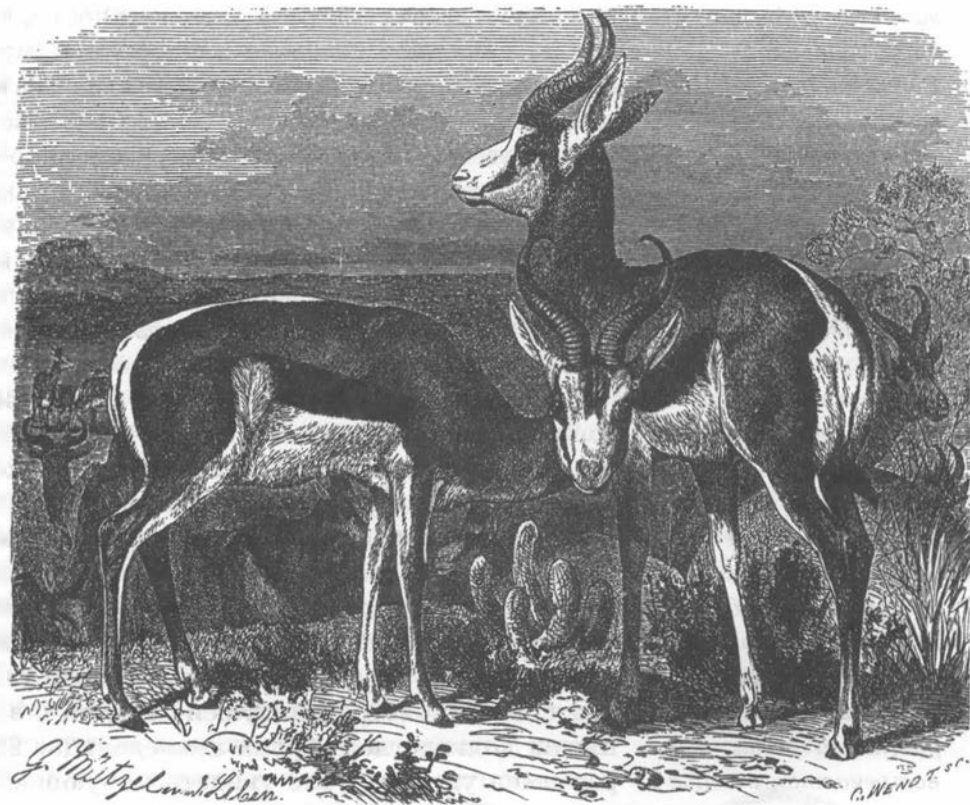
Грандиозные травли устраивают бедуинские племена, причем в случае удачной охоты погибают сотни газелей. В некоторых пустынях, где водится очень много антилоп, встречаются сложенные из камня стены выше человеческого роста; эти стены ограждают большие пространства, образуя полузамкнутые дворы. Если случится, что вблизи этих стен соберется большое количество антилоп, то целое племя бедуинов начинает охоту на них. Всадники, образуя большой полукруг, стараются загнать дичь в огороженное пространство, что очень часто им удается.

Когда газели окажутся внутри стен, им уже нет спасения; в страхе они даже не пытаются перескочить через них. В конце концов все стадо загоняется в загороженное пространство, и тогда начинается отвратительнейшая бойня, не имеющая решительно ничего общего с охотой в истинном смысле этого слова. У газелей немного врагов, кроме человека; самые злые из них — леопарды, шакалы и другие степные собаки, да пожалуй, еще некоторые виды орлов.

Газель-прыгун, или **спрингбок** (*Antidorcas marsupialis*) — замечательная антилопа, имеющая в длину 1,5 м, из которых 20 см приходится на хвост, а высота у загривка 85 см. Окраска ее темная коричневато-желтая, довольно яркая; полоса орехово-бурого цвета идет от рогов через глаза к носу; того же цвета широкая полоса тянется по бокам от плеча к бедру, все остальные части тела белые. Самка окраской нисколько не отличается от самца. Вымя у нее с двумя сосками. Черные рога самца по прямой линии достигают иногда 28—30 см, если же принять в расчет изгибы, то и 30—40 см; на них бывает около 20 кольчатых утолщений, но концы рогов гладкие. У самки рога короче, тоньше, меньше изогнуты и колец на них меньше*.

Прыгуны водятся только в южной Африке; по крайней мере, не подтверждаются показания, будто бы они встречаются узкой полосой севернее экватора и даже в Судане. Еще и теперь они попадают в Капской земле, в северо-западной ее части, но главным образом оживляют бесконечные малонаселенные степи и пустынные местности, тянущиеся между Оранжевой рекой и областью Нгами. Севернее, где пространство, заросшее травой и кустарником, становится гуще и переходит в заросли, скакуны попадают все реже и, наконец, совсем исчезают. Главным местопребыванием прыгунов надо счи-

* Спрингбок отличается от настоящих газелей (*Gazella*) специфической кожной продольной складкой на

Газель-прыгун, или
спрингбок
(*Antidorcas marsupialis*)

спине — «сумкой». В холке достигает 70—90 см и весит 18—45 кг.

** Спрингбок населяет полупустынные области Южной и Юго-Западной Африки, далее к северу его замещают другие виды газелей. В Восточной Африке за него принимали похожих газелей Томсона.*

*** Некогда спрингбок встречался огромными стадами свыше миллиона голов, совершал грандиозные миграции, поедая всю зелень на своем пути. В результате истребления охотниками, конкуренции с домашним скотом численность вида упала в несколько раз, и сейчас он встречается в основном в национальных парках. Вне кочевков спрингбоки держатся группами по 5—50 особей. По особенностям биологии они сходны с другими газелями; живут 10—15 лет.*

тать Калахари и многие местности немецких колоний в юго-западной Африке*. Здесь они бродят стадами в 30—40, а иногда в 100—200 голов; переходят с места на место, разбиваются на маленькие стада или собираются в большие, смотря по тому, насколько их беспокоят преследованиями, а также в зависимости от количества выпадающего дождя, которым обуславливается обилие корма и наполнение водоемов. Когда время от времени в южной Африке наступают сильные засухи, то прыгуны, не находя корма, покидают населенные ими местности и перекочевывают в другие.

К странствующим прыгунам присоединяется стадо за стадом, и в конце концов они собираются в количестве многих тысяч. За ними следуют хищные животные и уничтожают слабых или павших животных. То враспынную, то плотной массой движутся они в одном и том же направлении, истребляя по дороге последние остатки бедной растительности, и, наконец, подобно саранче, нападают на более плодородные местности. В настоящее время эти переселения утратили свое значение и случаются гораздо реже просто от того, что количество этих антилоп значительно уменьшилось**. Но еще несколько десятилетий тому назад нашествие прыгунов для южноафриканских поселений бывало иногда настоящим бедствием. Из различных показаний видно, что последнее громадное стадо скакунов, больше чем в 10000 голов, перекочевавшее из Калахари, появилось около Оранжевой реки приблизительно на 21 градусе восточной долготы в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов.

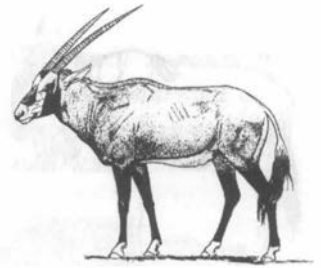
Вот что мы читаем у Гордона Кюмминга, описывающего то, что происходило лет 40 тому назад: «Каждый путешественник, видевший, подобно мне, громадное количество прыгунов во время переселения и верно описывающий виденное, может опасаться, что к рассказу его отнесутся с недоверием — до того поразителен вид этих переселяющихся стад. Верно и метко сравнивали их с опустошительными полчищами саранчи, которые так хорошо известны путешественникам по этой стране чудес; подобно саранче, они в несколько часов уничтожают всякую растительность, встречающуюся на пути, и в одну ночь истребляют плоды долголетнего труда земледельца. 28 декабря я в первый раз имел удовольствие увидеть кочующее стадо прыгунов. Мне кажется, что это было самое величественное зрелище из всех виденных мной в этом роде. Часа за два до рассвета я лежал в повозке и прислушивался к хрюканью самцов, которое слышалось приблизительно на расстоянии 200 шагов. Я думал, что большое стадо скакунов просто пасется недалеко от меня; но когда рассвело, увидел, что решительно вся равнина покрыта несметным количеством антилоп. Они медленно бродили взад и вперед и покрывали все пространство, начиная от холмов на западе, через которые устремлялись все новые стада, и до возвышенно-

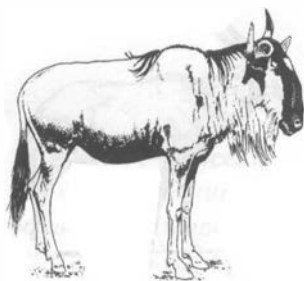
сти к северо-востоку, за которой они исчезали. Часа два я стоял на передке повозки, любуясь этим удивительным зрелищем; мне стоило некоторого труда убедить себя, что происходящее передо мной — действительность, а не фантастический сон. Между тем неисчислимое количество животных безостановочно прибывало, пробираясь через проход между холмами. Наконец я оседлал лошадь, взял ружье и отправился со своими спутниками в самую середину стада, мы стреляли до тех пор, пока не убили 14 антилоп. Тогда я закричал: «Стой, довольно!», и мы занялись убитыми животными, которых надо было защитить от прожорливых коршунов. Как ни громадно было стадо скакунов, которое я видел утром, но то, которое мне пришлось увидеть вечером, далеко превосходило его по размерам. Переехав через низкий ряд холмов, я увидел, что равнина и даже склоны окружающих ее пригорков были покрыты не отдельными группами, а сплошной массой. Насколько видел глаз, ими кишела вся окрестность, вдали они сливались в неясную живую массу. Было бы напрасно стараться определить число виденных мной в этот день антилоп, но я, не опасаясь преувеличить, утверждаю, что видел их несколько сот тысяч».

Мы готовы были считать это описание, принадлежащее известному африканскому охотнику, за настоящую охотничью сказку, если бы справедливость рассказа не подтверждалась всеми путешественниками. Левальян также упоминает о стадах до 50 000 голов, которых преследуют львы, леопарды, рыси и гиены, а Эдуард Кречмер рассказывал лет сорок тому назад о стадах прыгунов в несколько миллионов штук во время засухи, длившейся более года, от которой погибло множество животных.

Странствующие прыгуны обыкновенно возвращаются в родные места по другой дороге, путь их представляет, таким образом, громадный удлиненный эллипсис или громадный четырехугольник, поперечник которого бывает равен нескольким сотням миль. Животные проходят этот путь в промежуток времени от 6 месяцев до целого года. Удивительно, как плотно держатся иногда такие стада. Гаррис рассказывает, что стада овец, попавшие в середину странствующих прыгунов, вынуждены были бежать с ними. Говорят, что даже могучий лев, охотящийся за этими антилопами, попадает иногда прямо-таки в плен к такому стаду. Прыгуны, бегущие позади стада, конечно, не могут противостоять бесчисленным голодным врагам, преследующим их, но ни львам, ни леопардам, ни гиенам и шакалам, сопровождающим стадо, ни тысячам коршунов, парящим над ним, нет нужды трудиться, так как из несметного множества переселяющихся скакунов ежедневно погибает от недостатка в пище такое громадное количество, что все хищники могут наесться ими досыта.

Рассказывают, что животные, бегущие впереди, постоянно сменяются. Те из них, которые предводительствуют отрядом, на-

** Прыжки спрингбока иногда достигают 15 м в длину и до 3,5 м в высоту. Во время прыжков спрингбок горбит спину, и от этого становится заметна «сумка», выставленная длинным белым мехом. Несомненно, такое поведение несет сигнальную функцию.*

ходят, конечно, больше пищи, чем следующие, которым придется искать ее там, где уже насытились тысячи антилоп; таким образом, передовым животным пропитание достается без труда, и они становятся жирными и ленивыми. Но тут-то и кончается счастливое для них время: более голодные протискиваются вперед, а разжиревшие отстают и попадают в конец стада. Несколько дней пути и голода подстрекают их занять прежнее место, и таким образом в стаде происходит постоянное передвижение животных вперед и назад.

Поселенцы очень удачно называли описываемую нами антилопу «прыгун». Убегая от врага, она делает ряд странных отвесных прыжков; причем, выпрямляя сразу ноги, она подлетает высоко в воздух; животные представляют тогда действительно чудное зрелище. Этот способ передвижения дает возможность отличить их от других антилоп. «Вид быстро убегающего стада прыгунов, — говорит Лихтенштейн, — представляет большой интерес для всякого наблюдателя, не только для охотника. Некоторое время животные бегут очень быстро; но когда на пути попадает куст или камень, они, живо перескочив через них, останавливаются, оглядываются назад, а потом все стадо снова приходит в движение, попеременно то бежит, то прыгает». Они делают прыжки иногда более чем 2 метра в высоту и 4—5 метров в длину, по видимому, без малейшего напряжения. Перед скачком пригибают голову к передним ногам, затем отталкиваются сразу всеми четырьмя конечностями и, сильно согнув спину, поднимаются на высоту. Подпрыгнув, они словно зависают некоторое время в воздухе, потом опускаются сразу на все четыре ноги и снова поднимаются от земли, точно хотят улететь*. Таким образом, они передвигаются на несколько сот шагов, а потом бегут чрезвычайно легкой рысью. Заметив врага, внезапно останавливаются, поворачиваются и всматриваются в испугавший их предмет.

Обыкновенно прыгуны пасутся в обществе гну, белолобых бубалов, квагг и страусов, хотя нередко попадают в стада, состоящие исключительно из прыгунов.

Туземцы, которым странствующие стада прыгунов доставляют обильную пищу и целый ряд праздничных дней, поджигают степь перед дождливым временем года, чтобы здесь земля раньше покрылась свежим зеленым ковром сочной травы. Прыгуны, выбирающие для корма самые нежные растения, появляются в изобилии на приготовленных для них пастбищах, доставляя легкую добычу человеку.

Прыгуны, пойманные смолоду, скоро приручаются. Те животные, которых мне приходилось видеть или самому воспитывать, были пугливы и осторожны с чужими, но очень резвы и шаловливы со знакомыми. В неволе несколько прыгунов не всегда уживаются; особенно несносны бывают самцы, которые мучают даже самок или по крайней мере очень надоедают им. Однако,

несмотря на эту неуживчивость, в неволе они все-таки бывают очаровательны. К сожалению, к нам привозят мало живых прыгунов. Добрая половина животных, отправляемых с мыса Доброй Надежды, погибает во время длинного морского путешествия, остальные часто не переносят сурового климата, особенно тесноты отводимого им помещения. Большинство животных в зоологических садах сами бывают виновниками своей смерти: без всякой понятной причины они иногда бросаются на решетку, ломают ноги или наносят себе другие раны, от которых и погибают.

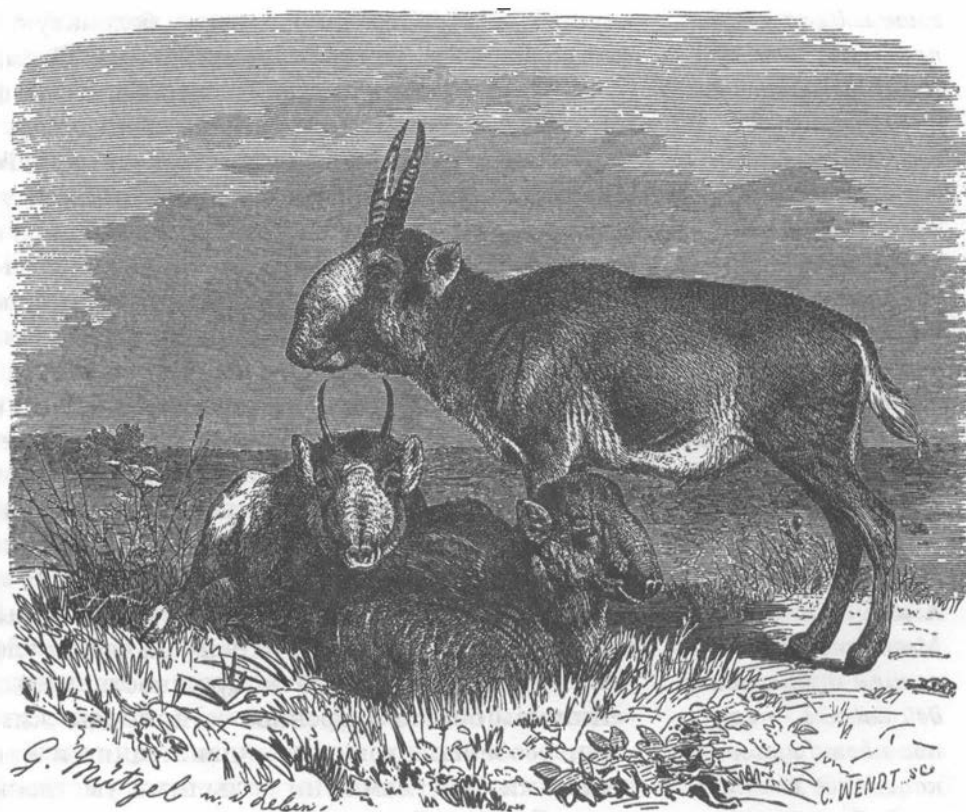
Живущая на юго-востоке Европы и в Азии степная антилопа, называемая сайга, или сайгак (*Saiga tatarica*), значительно отличается от всех уже известных антилоп*.

Внешним видом и образом жизни она походит на овцу, некоторыми признаками напоминает северного оленя. Это довольно неуклюжее животное с толстым и коренастым туловищем и довольно стройными, но низкими ногами; длинная и мягкая шерсть покрывает все тело гладким пушистым мехом. Но отличительным признаком этого вида все-таки оста-

ется оригинальная форма его морды, а в особенности устройство носа. Нос далеко выдается за нижнюю челюсть и разделен посередине продольной бороздкой; он хрящеватый и покрыт кожей, которая легко морщится, вследствие чего нос очень подвижен. Тупой конец и большие круглые, по краям волосатые, а внутри голые ноздри придают ему вид хобота. Рога, которые встречаются только у самца, посажены довольно далеко друг от друга над глазами впадинами, они изогнуты в виде лиры, имеют в нижней части едва заметные кольцеобразные полоски, на концах заостренные и гладкие; цветом они бледно-рыжие и прозрачны. Почти совершенно скрытые в шерсти уши короткие, широкие, неуклюжей формы и покрыты с внутренней стороны жидкими косматы-

Семейство палорогие

* Сайгаки характерны для областей с холодным и умеренным климатом,

Сайгак
(*Saiga tatarica*)

в тропики Азии и Африки проникают только по горным системам.

** В холке сайгак имеет 60—79 см, масса — 23—40 кг. В году бывают две линьки, белесый зимний мех намного гуще и длиннее песчаного летнего. Во вздутых носовых пазухах летом оседает пыль, зимой же согревается морозный воздух, перед тем, как попасть в легкие.*

*** В настоящее время вид населяет степную зону материка от Калмыкии и Нижнего Поволжья, через весь Казахстан и север Средней Азии до Синцзяня и Монголии. С исчезновением диких лошадей сайгак — главное пастбищное копытное степной зоны Евразии.*

**** Обычно сайгаки передвигаются иноходью, в крайнем случае — галопом. Скорость сайгака на рыси — 60/70 км/ч, причем животные могут довольно долго ее поддерживать, передвигаясь плотным стадом.*

ми волосами. Небольшие глаза, сидящие далеко друг от друга, в очень глубоких глазных впадинах, имеют почти голые веки; зрачок продолговатый, а радужная оболочка желтовато-бурая. Стройные ноги немного загнуты внутрь, передние копыта короткие и окружены сзади мозолистой кожей, которая спускается с бабок; передние копыта имеют трехгранную форму; задние очень схожи с передними, только острее. Летом короткая шерсть едва достигает 2 см длины, поздней осенью вырастает до 7 см и более. Спина и бока летом серовато-желтого цвета, конечности ниже колен темнее, шея и нижние части туловища, так же как и внутренняя часть ног, — белые. К зиме мех становится светлее и получает желтовато-серую, сверху беловатую окраску. Длина взрослого самца 1,3 м, причем хвост около 11 см; высота в плечах едва достигает 80 см; длина рогов взрослого самца, измеряя по изгибу, 25—30 см. У самки на вымени два соска*.

Сайгак, начиная от южных придунайских стран и Карпат, встречается в степях вдоль Черного моря, у Кавказских гор, Каспийского и Аральского морей до Иртыша и Оби к северу до 55 градуса северной широты**. Сайги живут всегда небольшими семьями, но в начале осени собираются стадами в несколько тысяч голов и совершают переходы с одного места на другое; только к весне возвращаются они на старые места. Очень редко можно встретить сайгу, отделившуюся от других, так как старые самцы даже летом не покидают стад. Паллас заметил, что во время общего отдыха несколько сайгаков всегда бодрствуют и оберегают тех, которые покоятся на траве, пережевывая жвачку. Когда один из сторожей ложится, то на его место встает другой. Прежний сторож приглашает нового себе на смену своеобразным кивком головы или став к нему нос к носу. Только когда заместитель встал на ноги и принял охрану на себя — ложится первый. Однако, несмотря на такую осторожность, нельзя сказать, что сайгак слишком богато одаренное от природы животное. Он не вызывает особенной ловкости в движениях и не обладает ни слишком тонкими чувствами, ни большими умственными способностями.

Взрослый самец бежит, правда, так быстро, что ни лошади, ни гончей собаке его не догнать; молодые скоро утомляются, да и старые часто делаются добычей хищников, например волков***. Они ступают одновременно диагонально расположенными ногами, вытягивают шею и опускают при этом низко голову. Они, правда, могут довольно быстро и далеко прыгать, но движения их при этом нисколько не напоминают грациозных скачков прочих антилоп, а напротив, неловки и тяжеловаты.

Из внешних чувств лучше всего развито у сайгаков обоняние, они отлично чуют врага. Зрение их, должно быть, слабо, потому что, ослепленные солнцем, они даже иногда натываются на повозки и глупо оглядываются кругом, как будто не могут распознать находящегося перед ним предмета. Об уме этих живот-

ных тоже нельзя сказать ничего особенно лестного. Они пугливы, как вообще все степные животные, нерассудительны и в минуту настоящей опасности редко умеют умно выпутаться из беды. Кроме того, они едва ли умеют отличать своих злейших врагов от безобидных животных. Еще издали завидев незнакомое существо, поспешно обращаются в бегство; прежде всего они сбегаются в кучу, боязливо осматриваются, потом уже бегут один за другим, длинной вереницей, в полном безмолвии, постоянно оглядываясь назад. Самец-маргач обыкновенно бежит впереди, но случается, что предводительствует старая самка. При этом только одни детеныши блеют, как овцы, взрослые сайги всегда молчат.

Пища их состоит большей частью из солончаковых растений, покрывающих в изобилии некоторые места жарких бесплодных степей, по которым протекают соляные источники. Вероятно, из-за такой особенной пищи мясо сайгака принимает едкий смолистый запах, который, в особенности с непривычки, так противен, что редко кто решается это мясо употреблять в пищу*. Время течки наступает около конца ноября; в это время самцы борются между собой. Беременность самки продолжается обыкновенно до мая; около половины этого месяца они мечут по одному весьма неуклюжему детенышу**.

Несмотря на дурной вкус мяса, степные жители страстно охотятся за сайгаками. Их преследуют на лошадях и с собаками и обыкновенно настигают, особенно если приходится пробежать большие пространства. Как и другим антилопам, сайгам опасны самые незначительные раны. Киргизы проделывают тропинки в жесткой степной траве и тростнике, срезая стебли до определенной высоты, потом загоняют туда лошадьми стада сайгаков, которые, поранившись об острые концы тростника, погибают от этих ран. Но еще чаще убивают их из огнестрельного оружия или ловят с помощью приученных к тому хищных птиц, но употребляют для этой охоты не соколов, а больших орлов, которые издавна принадлежат к злейшим врагам антилоп и, охотясь за ними, как будто следуют своему естественному инстинкту. Волки тоже производят страшные опустошения в стадах этих животных и пожирают мясо убитых, оставляя одни черепа и рога, которые киргизы и казахи продают в Китай по дешевой цене***. Но этим еще не ограничивается число врагов сайгака. Один вид слепней кладет свои яйца под их кожу, и иногда в таком количестве, что вылупившиеся личинки образуют на коже сильные опухоли, которые воспаляются и губят животное.

Через посредство Московского зоологического сада, а позднее стараниями торговца животными Стадера сайгаков несколько раз привозили в немецкие зоологические сады, но они там до сих пор принадлежат к редким животным. По словам Стадера, их обыкновенно ловят спустя несколько часов после рождения, потом подпускают под коз и овец, которые воспитывают их до той поры,

* Однако многие исследователи отмечают прекрасный вкус сайгачатины. В пищевой рацион сайгака входят около 100 видов травянистых растений, в основном солянки, злаки, полыни, зимой — лишайники.

** Гон у сайгаков наступает поздней осенью, в это время на территории самца держатся от 5 до 50 самок. Продолжительность беременности — 5 месяцев. Перед родами самка покидает стадо. В помете 1—2 детеныша, которые сперва лежат затаившись, лишь в возрасте 10 дней начинают следовать за самкой. Самки половозрелы с года, самцы — с двух. Продолжительность жизни — до 12 лет.

*** Порошок из толченых рогов сайгака считается целебным в восточной медицине, по типу действия напоминающим рог носорога.

** Серну иногда называют единственной европейской антилопой, но на самом деле это своеобразный род горных коз. Серна имеет довольно плотное сложение и весит до 50 кг.*

*** Серна не водилась в историческое время в Крыму. Однако она встречается по горным системам от севера Пиренейского полуострова до Татр, Карпат, Закавказья, Греции, Турции. Серну, обитающую в Апеннинских и Пиренейских горах, иногда выделяют в отдельный вид — *R. rupinae*. Серны были акклиматизированы в некоторых районах Франции и Германии, где они не жили до этого, а также в Новой Зеландии. В настоящее время не представляют редкости в большинстве мест обитания.*

когда они смогут самостоятельно питаться и в состоянии перенести трудный переезд.

Сайги, за которыми я наблюдал, очень скоро становились ручными и привыкали к своему сторожу. Но уже первое впечатление, производимое сайгаками, не особенно благоприятно, так как опытный наблюдатель тотчас увидит в их поведении растерянность и глупость. Лишь немногие сайгаки долго прожили в неволе. Виной тому были скорее они сами, чем несоответствующая пища. Животные, испуганные каким-нибудь необыкновенным происшествием, как безумные, наскакивали на давно знакомую им решетку, причем, случалось, ломали шеи и оставались висеть на прутьях решетки.

Серна (*Rupicapra rupicapra*)* достигает в длину 1,1 м, при этом 8 см приходится на хвост, высота в загривке 75, а в крестце 80 см. Вес тела до 45 кг. Рога, измеренные по кривизне, имеют около 25 см, у самца они больше, круче изогнуты и отстоят один от другого дальше, чем у самки. Во всем остальном оба пола почти совсем сходны между собой, хотя ростом козлы всегда больше коз. Довольно жесткая шерсть их летом коротка, не превышает 3 см, у корня серо-бурая, на концах светло-рыжая; зимой она бывает до 12 см длины, а на загривке волосы, образующие так называемую челку, достигают 18—20 см. Волосы на концах челки черного цвета. Темная полоса, идущая от кончика морды к ушам, черно-бурая. Молодые особи красно-бурого цвета, места около глаз у них светлее. Светло окрашенные экземпляры и альбиносы попадаются очень редко; уродливые рога также встречаются редко. В некоторых местностях показывают черепа с четырьмя рогами, но это не что иное, как обман; в таком случае берут четырехрогие черепа обыкновенной козы и искусственно отделивают рога, загибая их крючками, как у серн.

Настоящая родина серн — Альпы. Область их распространения простирается гораздо дальше, так как серны встречаются в Аbruции, Пиренеях, Кантабрийских горах, Греции, Далмации, Карпатах, на вершинах Высоких Татр, в Трансильванских Альпах и, наконец, на Кавказе и в Крыму. Центром же местопребывания этого животного следует считать Альпийские горы**. Старания развести серн в Норвегии остались тщетными, дело это не привело ни к каким результатам; причем надо заметить, что за него никогда не принимались с должной энергией.

В настоящее время в Швейцарии серны встречаются редко, гораздо реже, нежели в восточной части Альп, а именно в Баварии, Зальцбурге, северной части Тироля, в Штирии и Коринтии. Здесь крупные, богатые землевладельцы и арендаторы охотничьих участков, знатоки охоты заботятся о них и берегут, поэтому серны успешно размножаются. Высокие неприступные вершины Карпатских гор служат хорошим убежищем для многих животных, хотя здесь никто о них не беспокоится.

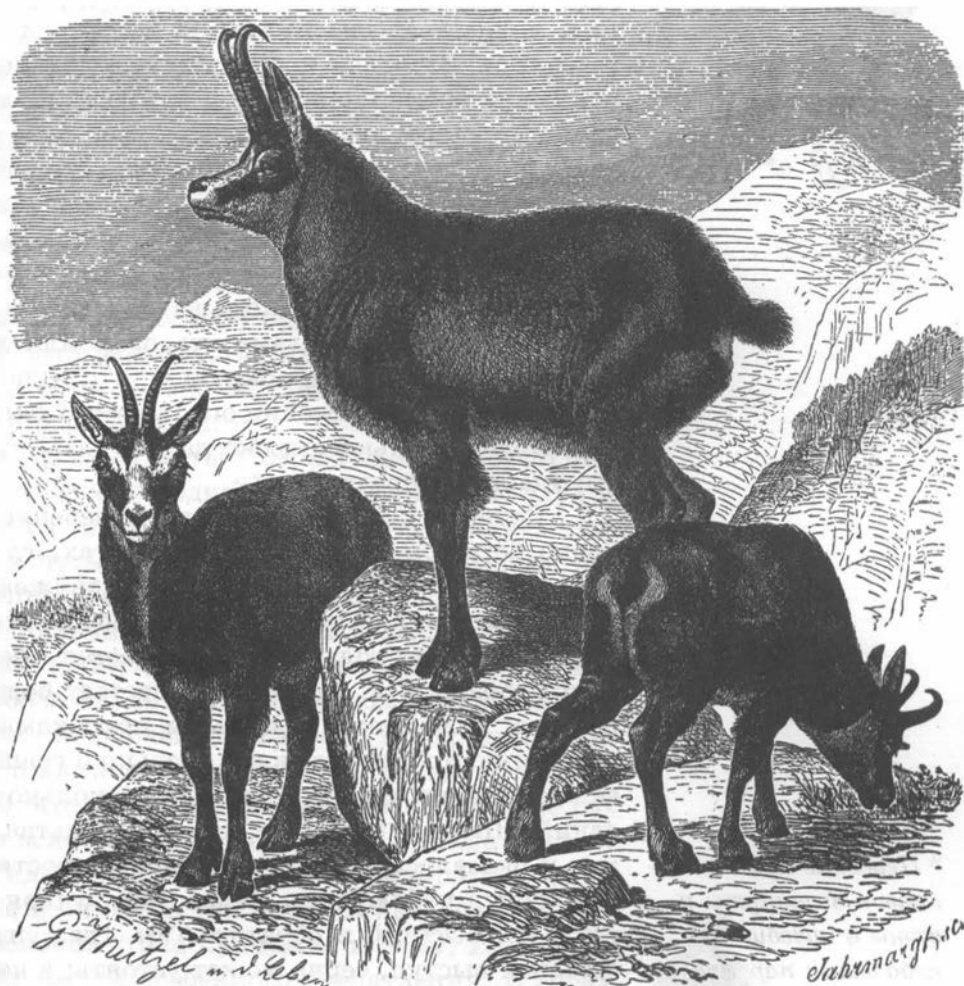
Нельзя принять общераспространенного мнения, что серна животное альпийское, которое живет исключительно в горном поясе выше хвойных лесов в непосредственной близости от глетчеров. Ее следует причислить к лесным антилопам. Там, где их не беспокоят, серны решительно предпочитает лесные участки. Конечно, летом они большими или меньшими стадами поднимаются в горы, проживают по нескольку недель и даже месяцев близ глетчеров и вечных снегов, выбирая самые высокие луга или голые безлесные скалы*. Летом поселяются на северных и западных склонах гор, в остальное время года, напротив, на вос-

точных и южных; это объясняется просто: серна, как и всякая чуткая дичь, в выборе места сообразуется с погодой. Стадо пасется на довольно обширном пространстве, временами покидает его и может перекочевать довольно далеко, по уверению опытных охотников, до 10 и 12 часов ходьбы; оно хотя и редко, но появляется в таких местах, где с незапамятных времен не попадались серны. Старые козлы более склонны совершать подобные путешествия, чем козы и молодые козлята. Ночью серны отдыхают. С рассветом они поднимаются с ночлега, выбранного ими с вечера, уходят

на пастбище, причем всегда тихо направляются вниз. Перед полуднем лежат с поджатыми ногами в тени нависшего утеса или под сенью старой развесистой ели и пережевывают жвачку, в полдень встают и тихо направляются в гору; затем, после полудня, опять несколько часов отдыхают под деревьями, на гладкой площадке торчащего утеса, на снеговом поле или в другом подобном, случайно выбранном месте; они очень капризны, постоянных мест

Семейство палорогие

* Серны чаще встречаются на высотах 1800—2000 м. Летом они посещают альпийские луга, зимой укрываются в

Серна
(*Rupicapra rupicapra*)

лесном поясе, пита-
ясь там ветками и
лишайниками.

** Передние края копыт вытянуты у серны в подобие небольших параллельных шипов, именно благодаря такому строению ног животное способно на акробатические трюки на скалах.*

не любят, а появятся то там, то сям и редко дважды посетят одно и то же логовище. Вечером идут еще раз пастись и с наступлением сумерек укладываются на покой. В лунные летние ночи они допускают отступление от такого правильного распределения дня. Поздней осенью и зимой серны пасутся целый день; когда выпадает снег, то переходят в наиболее защищенные места, преимущественно на солнечную сторону, так как тут снег держится менее прочно, чем в тенистых местах. На ночлег располагаются там, где горизонт открыт и ничто не препятствует видеть даль.

Серны, как животные в высшей степени общительные, собираются большими стадами, в состав которых входят козы, козлята и молодые козлы не старше второго и в крайнем случае третьего года. Взрослые козлы живут отдельно, каждый сам по себе, исключая время спаривания, и только немногие подбирают в товарищи одного, двух и много — трех самцов. Руководить стадом часто берется старая, опытная коза, хотя надо заметить, что никто ее на эту должность не избирает и за недостаток бдительности предводительницу немедленно изгоняют из стада. В большинстве случаев этот вожак направляет движение стада, которое, однако, на осторожность его одного не полагается. В каждом отдыхающем стаде нельзя не заметить одну или двух серн, прямо стоящих и озирающихся вокруг; они-то и дают знать всем присутствующим о приближении опасности. Каждая серна, заметив что-либо подозрительное, издает далеко слышимый свист, сопровождая его ударами передней ноги.

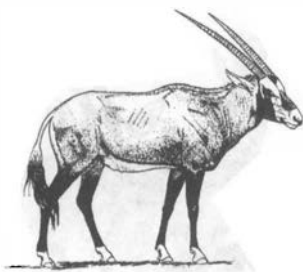
Серна искусно карабкается, уверенно прыгает, проворно и ловко бежит в таких опасных местах, где альпийская коза не сумела бы пройти. При медленных движениях походка ее тяжеловата, несколько неуклюжа, и вообще вся фигура не особенно красива, но как только она обращается в бегство, то все существо ее преображается. Вид ее приобретает бодрость, отвагу и благородство; она несется быстрыми прыжками, проявляя в каждом движении столько же силы, сколько и грации. О необыкновенной ее способности прыгать сделано несколько определенных наблюдений. Шинц утверждает, что фон Вольтен измерил прыжок серны, и оказалось, что расстояние его простирается на 7 м. Вышеуказанный наблюдатель видел, как ручная серна прыгала на стену в 4 м высотой и обратно. Там, где существует хоть незначительный выступ, серна может устоять; в несколько прыжков она забирается на высоту, как бы взлетая. Вверх ей легче прыгать, нежели вниз. Передними ногами она ступает с необыкновенной осторожностью, боясь расшатать и свалить камни. Часто, спасаясь бегством, она несется по самым опасным тропинкам и даже тогда, когда одна нога у нее прострелена, она движется с не меньшим проворством, чем здоровая*.

В высшей степени осторожно ступает серна по занесенным снегом ледникам и искусно избегает скрытых под снегом рассе-

лин, хотя не может их видеть. Так же медленно и осторожно спускается она с крутых утесов. «Мы видели, — рассказывает Чуди, — как стадо серн переходило через опасный, очень крутой карниз, покрытый мелкими камнями, и не могли налюбоваться терпением и умом этих животных. Одна серна шла впереди и осторожно поднималась вверх, между тем как другие не трогались с места, пока первая не достигла вершины и камни уже не катились вниз; только тогда последовали за ней вторая, третья и так далее. Животные, прибывшие наверх первыми, не рассыпались по лугу, а остановились на краю обрыва, не сводя глаз с других серн, пока все до последней не присоединились благополучно к ним». Опытные охотники говорят, что серна выказывает такую же осторожность и ловкость при переходах через шумящие горные потоки. В крайнем случае она, правда, без оглядки бросается в воду и, переплыв реку, несется дальше. Но когда ее никто не преследует, она долго высматривает удобное место для переправы, бегаем туда и сюда по краю потока, осматривает различные места и наконец выбирает то, которое кажется ей более пригодным для исполнения намерения. Необыкновенная память очень помогает серне во время ее отважных путешествий. Она замечает каждую тропинку, по которой прошла хоть раз, и знает в окрестностях своего местожительства каждый камешек; при этом она чувствует себя дома только на высоких горах; покинув их, кажется неловкой и растерянной.

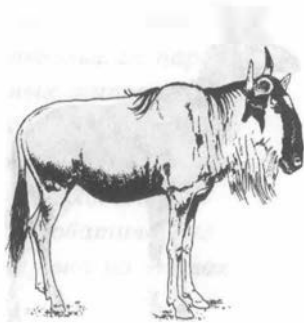
Не все внешние чувства развиты у серны одинаково, но они не менее остры, чем у других ее родичей. Лучше развиты слух и обоняние, зрение, кажется, слабее. Острота обоняния обнаруживается не в одном тонком чутье, но и в изумительном умении находить след и с неизменной уверенностью держаться его. Заметили, что серна тотчас останавливается и даже возвращается назад, наткнувшись на человеческий след. Кто хочет наблюдать серн поближе, тот должен обязательно встать за ветром, так как иначе чуткие животные тотчас же обращаются в бегство. Трудно определить, на каком расстоянии действует чутье серны, но можно сказать с уверенностью, что оно простирается гораздо дальше ружейного выстрела. Во всяком случае, обоняние прежде всего и вернее всего предупреждает ее о близкой опасности. Слух чаще обманывает серну, хотя и он очень тонок. Шум падающего с высоты камня мало ее беспокоит: она привыкла к нему; даже звук выстрела не производит на нее особенного впечатления. В горах и охотник с трудом распознает то направление, откуда раздается выстрел, и не всегда может определить, слышал он звук выстрела или шум скатившегося с высоты камня. Нет сомнения, что серны очень дальнорезки, но одним зрением они не распознают врага, стоящего неподвижно или наполовину спрятавшегося. Как большая часть животных, серны только тогда признают в человеке врага, когда он двинется с места.

Умственные способности серны достигают высокого развития. Она не пуглива, а только в высшей степени осторожна: она отлично знает все опасности, которым может подвергнуться, живя среди гор, знает о вреде, который ей могут нанести скатывающиеся лавины или камни, и старается по возможности избежать их. Как всякое животное, серна ведет себя различно в тех местах, где за ней охотятся, и там, где охота не дозволена. К человеку она, правда, относится недоверчиво, но не всегда избегает его присутствия. Ее иногда можно встретить около одиноко стоящих пастушеских или охотничьих хижин, где она, не обращая внимания на идущий из трубы дым, перед самым домом на лужайке щиплет траву. Заметив человека и признав в нем врага, она часто долго стоит на одном месте, но пускается в бегство, как только решит, что никто уже не следит за нею. Она очень любопытна, и потому ее внимание легко можно отвлечь и обратить на другой предмет. Этим свойством серна напоминает козу, с которой имеет еще одну общую черту: склонность к всевозможным шалостям и играм. Молодые серны устраивают превеселые шуточные битвы и таким образом готовят себя к настоящим сражениям, которые ожидают их, когда они сделаются взрослыми.

Кламферер говорит об одной очень оригинальной игре, которой иногда предаются серны, и в верности его сообщения нельзя сомневаться, так как оно подтверждается лесничим Виппелем. Когда серны летом доберутся до плотного снега, называемого «фирн», где чувствуют себя в безопасности, они часто забавляются тем, что бросаются с вершины крутого ледника вниз. Сначала они отталкиваются всеми четырьмя ногами, а потом, поджав под себя ноги, катятся вниз по снежной поверхности, как бы на салазках, причем снег высоко вздымается кругом и осыпает их белой пылью. Докатившись донизу, они немедленно вскакивают на ноги и карабкаются вверх по той же дороге, по которой только что скатились. Прочие серны весело посматривают на катящихся товарищей, и то одна, то другая присоединяются к забаве. Часто одна и та же серна скатывается 3—4 раза с вершины ледника до подошвы; иногда целый ряд их катится вниз. Однако, как бы они ни были заняты игрой, их бдительность никогда не ослабевает. Один только вид человека, даже на очень далеком расстоянии, заставляет их бросить забаву; мгновенно улетучивается беззаботность этих подозрительных животных.

Ко времени течки, которая начинается у серн в середине ноября и продолжается до конца декабря, взрослые самцы присоединяются к стадам, причем безостановочно перебегают с места на место от одного стада к другому, теряя весь свой жир за 6—8 дней. Голос их — глухое хрюканье, которое в течение остального времени совсем не слышно, теперь раздаётся беспрестанно. При появлении новых самцов молодые козлы испуганно расступаются. Старые самцы, находящиеся при стаде, выступают вперед, на-

чинают борьбу с вновь прибывшими и между собой; сильный самец не терпит соперника в стаде, хотя бы оно состояло из 30—40 голов.

В это время самец страшно ревнив и яростен: подозрительно осматривается кругом, не замечая в своем возбуждении даже присутствия охотника; задорно несется навстречу всякому появляющемуся новому самцу и тотчас вступает с ним в битву, если тот сразу не отступает. С самками самец ведет себя нетерпеливо и грубо, гоняется за ними и силой покоряет тех, которые не поддаются добровольно. Случается, что самец из-за бешеной ревности и драчливости даже проглядывает самку, так как молодые самцы пользуются всяким случаем, чтобы удовлетворить свое половое стремление, пока другие дерутся. Возбуждение у самок бывает почти так же сильно, как и у самцов. Относительно продолжительности беременности серн мнения натуралистов различны. Шепф, к сообщениям которого я еще вернусь, удостоверился, что у живших у него серн детеныши рождались на 150-й день после случки; ошибки тут быть не могло, так как злобность самца после случки принудила Шепфа отделить его от самки. Все же охотники за сернами утверждают, что беременность более продолжительная. На Штирийских и Каринтийских Альпах течка начинается в ноябре и кончается, по-видимому, к 10 декабря; самка же мечет только в конце мая или в начале июня, так что беременность нужно считать в 28 недель, или 200 дней. У старых самок иногда рождаются два, редко три детеныша, у молодых всегда бывает только по одному*.

Маленькие серны прелестные создания, покрытые пушистой шерстью бледно-красноватого цвета; тотчас после рождения, едва успев обсохнуть, они следуют за матерью шаг за шагом и дня через два становятся так же подвижны, как и она. В продолжение шести месяцев мать очень нежна со своим детенышем, заботится о нем и обучает всем тем искусствам, которые нужны ему в жизни: подзывает его голосом, очень схожим на бляение козы, учит лазать и прыгать и несколько раз проделывает перед ним какой-нибудь особенно искусный прыжок, пока не убедится, что малыш может так же ловко повторить его. Детеныши чувствуют к матери самую нежную привязанность и не покидают ее даже после смерти. Охотники часто замечали, как молодые серны возвращались к своим убитым матерям и с жалобным бляением стояли около них. Известны даже примеры, что они давали себя брать с тела матери, хотя в то же время выражали свой страх перед людьми глухим бляением. Говорят, что сиротки иногда находят вторых матерей в других самках, которые принимают их и заботливо воспитывают. Самец нимало не заботится о своем потомстве, однако, пока не наступило половое возбуждение, обращается с молодыми сернами довольно ласково и даже радуется их веселости, хотя сам остается всегда серьезным. Молодые сер-

Семейство половогие

* *Беременность длится 23—25 недель. В мае—июне рождается единственный детеныш массой 2—2,5 кг.*

ны растут необыкновенно быстро: уже на третьем месяце вырастают у них рожки, а в три года они достигают почти совершенного возраста или, по крайней мере, становятся способными к размножению. Говорят, что серны живут до 20—25 лет, но это сообщение не вполне проверено опытом*.

В течение лета серны питаются самыми лучшими, сочными и вкусными альпийскими растениями, преимущественно теми, которые растут у снеговой линии. Кроме того, они объедают молодые ростки и побеги кустарников тех же высот, начиная с альпийской розы и кончая молодыми ветвями хвойных деревьев. Поздней осенью и зимой им приходится довольствоваться травой, торчащей из-под снега, а также мхом и лишайниками разного рода**. Соль им необходима, как почти всем жвачным, но они легко обходятся без воды для питья и жажду, вероятно, утоляют слизыванием росы с листьев. Серны лакомки, когда оказывается это возможным, и неприхотливы, когда это необходимо. При хорошем корме быстро толстеют, при недостаточном питании очень быстро худеют. Когда глубокий снег покрывает землю, они с трудом перебиваются, так как даже в лесах, у подошв гор, не всегда находят достаточно корма, хотя говорят, что серны могут целыми днями или даже неделями питаться длинными лишайниками, висящими с нижних ветвей деревьев в виде бахромы. Около стогов сена, оставляемых в некоторых местностях Альп под открытым небом, собираются иногда целые стада серн; они выедают в этих стогах такие большие углубления, что могут под сеном спрятаться от непогоды. В тех местах, где нет стогов, они остаются в суровые зимы без корма и очень бедствуют. Чуди считает невероятным, чтобы серны зимой умирали от голода, но опытные охотники хорошо знают, что в суровые зимы их погибают сотни на небольшом пространстве.

Зима приносит с собой не только голод, она страшна еще снежными лавинами, которые погребают под собой иногда целые стада. Серны, правда, узнают об этой опасности и стараются выбрать защищенные места, но тем не менее нередко погибают от лавин. Некоторых животных убивают катящиеся с высоты камни и обломки скал. Повальные болезни уносят немало жертв; многие враги, например рыси, волки, медведи, орлы и ягнятники, преследуют их по пятам. Орлы и ягнятники, как молния с ясного неба, опускаются на них, унося молодых серн в когтях, старых же стараются спихнуть в пропасть, несмотря на их сопротивление. К этим преследователям присоединяется самый страшный враг серн — человек, особенно в тех местах, где закон не ограждает от истребления этих благородных животных. Понятие о праве собственности так путается в умах самых честных обитателей гор, что каждый альпийский охотник видит в каждой серне свою собственность, за которой он может гнаться, где бы она ему ни встретилась. Необузданные горные жители и по сей день мало обра-

* Половозрелость у серн наступает в 1,5—2 года. Продолжительность жизни в природе в среднем 10 лет, максимум 22 года. В неволе дожили до 25 лет.

** Спектр кормов включает свыше 100 видов растений.

щают внимания на охотничьи законы. В таких местностях, где всякий может охотиться, стада серн немногочисленны; между тем животные очень быстро размножаются там, где их заботливо охраняют.

Издавна охота за сернами считалась удовольствием, достойным высокопоставленных особ. Император Максимилиан любил поохотиться за этими проворными детьми Альп. Он даже поднялся на такие вершины, откуда, как гласит сказание, только благодаря чуду мог спуститься в долину, населенную людьми. После него немногие правители охотились так страстно за сернами. Впоследствии стали охотиться и архиепископы альпийских стран, которые издали даже законы для ограждения и защиты животных, становившихся все более редкими. Во время верования в чудесную силу «безоарового камня» за сернами охотились немилосердно. После того настал период покоя, продолжавшийся более ста лет. В настоящее время охота за сернами стала почти исключительно княжеской забавой. Жаркое из серны отличным своим вкусом может поспорить со всяким другим; на мой взгляд, оно превосходит даже жаркое из косули, которая, как известно, считается у нас самой нежной и вкусной дичью, так как отличается пряным, ей одной свойственным вкусом. Только в пору любви мясо серны напоминает козье мясо, чем пользуются изобретательные швейцарские трактирщики: вымочив и приправив козье мясо, они подают его иностранным путешественникам как мясо серны. Почти так же высоко ценится шкура, из которой выделяется превосходный товар. Рога тоже идут в дело; наконец, из длинных волос, растущих вдоль спинного хребта, охотники изготавливают украшения для своих шляп.

В народной поэзии у жителей наших Альп серна играет ту же роль, что и газель у жителей Востока. Сотни песен с большими подробностями и очень красочно описывают серну и охоту за ней. Множество басен, суеверий, предрассудков существует относительно этого животного. Так, охотник разрезает сердце только что убитой дичи, чтобы выпить еще теплую кровь, в уверенности, что это придаст силу его мускулам и чувствам и навсегда освободит от опасного головокружения. По другому преданию, охотник, застреливший белую серну, рано или поздно сам убьется до смерти, упав с высоты в пропасть.

Молодые серны легко делаются ручными. Серны, пойманные в старости, остаются всегда боязливыми и дикими.

Та чрезвычайная ловкость, которой мы восхищаемся у антилопы-серны, присуща и индийскому горалу. Эти антилопы имеют большое сходство с козами.

Горал (*Nemorhaedus goral*) размером с козу. Длина его тела немного более 1,2 м, длина хвоста 10 см, с волосистой кистью — 20 см, высота у загривка 75 см. Короткие, тонкие, закругленные рога в длину имеют 15—22 см, у основания они стоят близко друг к

Семейство половогие

* Сейчас выделяют несколько видов горалов, обитающих до высот 4000 м. Встречаются от Приамурья, Кореи и

Горал
(*Nemorhaedus goral*)

Восточного Китая до Тибета, Гималаев, гор Индокитая. Гон — осенью. В начале лета самка рождает 1 детеныша в нише под навесом из скал. Козленок следует за самкой лишь к концу второго месяца жизни.

другу, к концу же расходятся. Количество годовых колец колеблется между 20 и 40. Шерсть короткая, густая, слегка стоячая, завитая на туловище и шее, серого или красновато-бурого цвета; покрыта черными и красноватыми крапинами, за исключением желтой продольной полосы на брюхе; подбородок, горло и идущая сзади щеки к уху полоса белые, грива же вдоль спины черная. Рога самки короче и тоньше, чем у самца; у обоих полов, впрочем, они одинаковы по положению и окраске.

Область распространения горала ограничивается, по словам Адамса, Жердона и Кинлоха, Гималайскими горами, а именно по-

ясом, находящимся между 1000 и 2600 м над уровнем моря. По Кинлоху, он живет иногда большими стадами; обыкновенно же они разделяются на маленькие группы, ходят также поодиночке и парами. Они селятся в лесах, на голых скалах и на каменистых склонах, но больше всего любят обрывистые утесы, покрытые редким кустарником и отдельными группами деревьев*. От палящего солнца они

стараятся скрыться в тени, когда же небо покрыто тучами, часто пасутся в продолжение целого дня. Часто встречаются вблизи жилищ и привыкли к пастухам и дровосекам; поэтому их мало беспокоит появление охотника. Звук выстрела не особенно тревожит пасущихся горалов, и если они обращаются в бегство, то не имеют обыкновения далеко уходить. Движения горала мало в чем уступают или даже совсем не уступают движениям антилопы-серны. Жители Непала считают его самым быстрым из всех созданий. Вспугнутый горал, как и серна, издает резкое фырканье и стремительно убегает по своей дороге, не разбирая, хороша она или на ней можно свернуть голову. На самые крутые скалистые стены взбираются они с такой же ловкостью, как и серны.

По словам Жердона, беременность самки горала продолжается 6 месяцев, и детеныши рождаются в мае и июне. Животные, пойманные молодыми, выращиваются с помощью козы и легко

делаются ручными; пойманные более взрослыми, даже при самом внимательном уходе, остаются пугливыми и дикими. При этом их очень трудно держать в неволе, потому что они, как и козероги, взбираются на стены и постоянно убегают, если не принять особых мер предосторожности. В Европу до сих пор не привозили живых горалов, и даже чучела этих животных принадлежат в музеях к числу редкостей*.

На негостеприимных пространствах далекого Севера, в тех безотрадных странах, где земля только летом оттаивает на поверхности, где малорослая древесная растительность едва прозябает, где широко протянулись моховые и лишайниковые тундры, рядом с северным оленем бродит другое жвачное — **овцебык**, или **мускусный бык** (*Ovibos moschatus*). Прежде овцебык жил в более южных местностях и, по словам Дункана, упорно боролся за свое существование, как доказывают нам оставшиеся от него обломки костей на месте многих прежних русел рек в Европе и Азии. Южная граница области его распространения проходила прежде на 15 градусов южнее, а теперь в Америке, единственной части света, обитаемой им, она начинается только с 60 градуса северной широты. По Гартлаубу, который собрал различные сообщения северных путешественников об овцебыке, область его распространения простирается через тундры Североамериканского материка на острова, лежащие далее на север и на большую часть Гренландии. Юго-западной границей их распространения может служить линия, служащая одновременно границей северных лесов; она начинается несколько южнее 61 градуса северной широты, у Гудзонова залива, направляется на запад, приблизительно до середины Большого Медвежьего озера под 66 градусом северной широты, а отсюда идет в северо-западном направлении до устья Маккензи. По сообщениям Ричардсона, западнее реки Маккензи овцебык не встречается, но, по справкам Бичи, вероятно, что он распространяется и далее на запад. Существование этого животного в западной Гренландии в прежние времена подтверждалось, но и оспаривалось. Члены экспедиции, ездившие на корабле «Полярис», встречали овцебыка в западной Гренландии, и притом под 81 градусом северной широты, из чего следует, что это животное на Севере достигает крайних пределов распространения млекопитающих**.

Овцебык удивительным образом соединяет в себе признаки овец и быков. Овцебык Берлинского музея, которого, вероятно, следует считать вполне взрослым, дает мне возможность подробно описать его. Общая длина, включая короткий хвост в 7 см, равняется 2,44 м, высота в плечах 1,1 м. Туловище, покоящееся на коротких и сильных ногах, массивно и одинаковой высоты сзади и спереди; шея короткая и толстая; хвост имеет вид спрятанного в шерсти отростка; голова очень тяжелая, относительно узкая и высокая; лоб большей частью закрыт рогами; надбров-

** В России осталось не более 750 горалов. Горал внесен в Красную книгу России. Значительный урон популяциям в зимнее время приносят волки. Продолжительность жизни в природе 12—15 лет, в неволе — до 17 лет.*

*** К настоящему времени размножающиеся популяции овцебыка созданы путем интродукции на Аляске, юге Гренландии, островах Нунавук, Шпицберген, Врангеля, в горах Норвегии и Швеции, тундрах Таймыра. Численность достигла 600 тыс. особей и продолжает возрастать. В Америке местным жителям (эскимосам) разрешена ограниченная охота. В России — несколько сот животных в двух очагах (Таймыр, о. Врангеля).*

Семейство половогие

** Толщина «шлема» на лбу, образованного основаниями рогов, может достигать 10 см.*

*** Овцебык наилучшим образом приспособлен к жизни в высоких широтах. Благодаря массивному сложению, коротким ногам, хвосту и ушам площадь поверхности тела очень мала по отношению к объему, что помогает ему сохранять тепло. Длинная грубая ость предохраняет от ветра и снега, а тонкий мягкий подшерсток является, по некоторым данным, самым теплоизолирующим веществом в мире.*

ные возвышенности высоко вздуты; продолговато-закругленные и не особенно маленькие уши спрятаны в шерсти; глаза малы; большие овальные ноздри расположены косо и окружены голым краем. Большая неуклюжая морда отличается толстыми губами. Рога закрывают почти весь лоб, так как очень широкие и плоские у корня, они так сближаются посередине, что между ними остается только узкая и глубокая борозда; рога до половины своей длины покрыты продольными валиками, которые можно заметить еще на концах в виде тонких полос*. Копыта велики, широки и круглы; придаточные копытца малы и сидят высоко. Рога окрашены в светло-серый роговой цвет, копыта — в темный.

Туловище покрыто необыкновенно густым мехом, верхняя часть морды и ноги — тоже. Довольно толстые волосы ости повсюду длинны и более или менее волнисты, от подбородка до груди удлиняются в гриву, почти достигающую земли, а по бокам, особенно сзади, спускаются до копыт в виде длинной бахромы. Мех очень длинен на холке, образует здесь род седла, которое начинается за рогами и лежит с обеих сторон шеи, закрывая даже уши. Только грива, все более и более удлиняющаяся от подбородка, состоит из гладких волос. Остальной мех повсюду волнист, на краях спинного седла курчавый, сбитый наподобие войлока, на морде волосы относительно коротки, но все-таки имеют до 7 см длины. За исключением морды и ног, покрытых гладкими волосами, повсюду между остью замечается обильный подшерсток. Общая окраска темно-бурая, переходящая на морде и волосах гривы в темную; более светлая окраска заметна на седле. Теленок через несколько дней после рождения почти совершенно похож на взрослое животное, покрыт густым мехом и отличается по окраске только тем, что бледно-серый цвет поднимается выше на ногах, а спина и подхвостье светлее, чем у взрослых**.

Первые известия об овцебыке мы находим у испанского путешественника и историка XVI столетия Гомараса, сообщающего о «длинношерстных, живущих в стране Квивира, овцах величиной с лошадь, с очень коротким хвостом и удивительно большими рогами». Это описание может относиться к мускусным быкам, однако может возбуждать и сомнения. Затем мы узнаем нечто определенное об этом животном от французского путешественника и охотника за пушными зверями Жереми в его сообщениях, появившихся в 1720 году, о землях, которые окружают Гудзонов залив. Как сообщает упомянутый писатель, он встречал на западном берегу Гудзонова залива под 59 градусом северной широты быков, названных им «мускусные», потому что они так сильно пахли этим веществом, что «в известное время невозможно было употреблять в пищу их мясо. Этих животных при глубоком снеге убивали ударами копий, так как они не в состоянии были убежать». Жереми велел изготовить себе из шерсти этого животного чулки, которые были лучше и мягче, чем шелковые,

следовательно, и в этом отношении шерсть описываемого животного достаточно характерна. Позже мы получили более подробные известия о мускусных быках от Армстронга, Бельчера, Франклина, Герне, Мак-Клинтока, Мак-Кармика, Мечема, Парри, Ричардса и других. Наконец, при новейших экспедициях его встречают и на востоке, и на западе Гренландии; сведения о нем если и не обогащаются существенно, то все же дополняются, и, что особенно важно, новые известия подтверждают прежние. Если попытаться свести воедино все сообщения, получится приблизительно следующее жизнеописание животного.

В своей обширной области распространения мускусные быки живут во всех местах, доставляющих им хотя бы временно пищу и пристанище. Собравшись в стадо, которое часто меняется в численности, они располагаются преимущественно в долинах и низменностях. Члены второй немецкой полярной экспедиции на основании своих исследований утверждают это относительно восточной Гренландии. Им встречались стада в 20—30 голов. Быков в

стаде всегда немного сравнительно с количеством коров, редко бывает больше двух или трех вполне взрослых, так как во время спаривания они жестоко дерутся и драки эти нередко кончаются смертью одного из противников, что доказывают валяющиеся трупы быков*. В продолжение лета эти стада предпочтительно держатся на севере материка Америки, преимущественно вблизи рек; с наступлением осени передвигаются на юг. В это же время они собираются большими стадами, между тем как раньше чаще пасутся особняком. Когда крепость льда позволяет, то нередко видно, как они длинными вереницами тянутся с одного острова на другой, чтобы найти место, изобилующее пищей; опустошив его, они перекочевывают дальше. Как далеко простира-

Семейство половогие

* Во главе стада из самок и молодняка стоит взрослый самец. Самцы-холостяки живут поодиночке или образуют

Овцебык
(*Ovibos moschatus*)

отдельные группы. Во время гона самцы издают сильный мускусный запах — отсюда второе название: «мускусный бык».

** Овцебыки совершают лишь местные кочевки с наветренных на подветренные склоны и берега. Зимой они питаются побегами и ветками кустарников и кустарничков, копытят для этого снег. Летом животные питаются злаками, осоками, мхами и лишайниками.*

*** Благодаря длительному выкармливанию и коллективной защите стада от врагов смертность среди молодежи мала. Продолжительность жизни 25—35 лет нередко старые животные стирают зубы до корней и уже не могут питаться. Неволю овцебыки не всегда легко переносят, велика опасность инфекционных заболеваний, к которым они непривычны.*

ются их странствования, пока еще не известно; кажется, однако, что на самом дальнем севере они и зимой не бросают свои стоянки, даже тогда, когда приходится добывать пищу из-под глубокого снега. Только удивительная неприхотливость дает им возможность выносить страшные зимы. Медленно и осмотрительно проходят они по бесконечным снежным пустыням, чтобы достигнуть мест, обещающих им пропитание. С таянием снегов для них наступает время, самое удобное для поиска пищи, но зато богатое другими страданиями. После зимы, давшей им лишь скудную, глубоко под снегом погребенную еду, они теперь без труда питаются низкой растительностью, которая местами роскошно распускается, хотя и на короткое время*. Но зато овцебыки страдают от комаров, появляющихся иногда поистине бесчисленными роями; в это время они должны выдержать еще и линьку. Последнее, по-видимому, проходит нелегко по причине плотности руна. Стараясь защититься от своих мучителей, быки часто валяются в болотах и трясилах, выбирают менее открытые места для стоянок. Только после окончательной линьки они снова терпеливо и неустанно продолжают блуждать по обширным пространствам своей печальной родины.

В конце августа происходит спаривание, а в конце мая, через 9 месяцев, корова телится. Теленок — маленькое и необыкновенно милое создание, нежно любимое родителями, которые в случае опасности защищают его с великим мужеством**.

Несмотря на неуклюжую фигуру, овцебыки двигаются с удивительной легкостью, по словам Росса, даже с ловкостью и проворством антилоп. Подобно козам, они лазают по скалам, без всяких усилий взбираются на крутые стены и без головокружения смотрят с высоты вниз.

Относительно понятливости овцебыка высказываются различные суждения. Это объясняется проще всего тем, что европейцы, действительно способные к наблюдению, очень редко сталкивались с ними. Маленькие глаза с тупым выражением не говорят об особенном развитии зрения; почти спрятанные в шерсти уши также мало свидетельствуют о тонкости слуха. Обоняние, напротив, несмотря на плохое развитие слизистой оболочки на морде, должно быть тонким, по крайней мере так же развито, как у овец; относительно органов вкуса и осязания едва ли можно выразить суждение по имеющимся до сих пор сообщениям, но нет никаких оснований для предположения, что они развиты у них хуже, чем у быков. То же самое можно сказать и относительно их понятливости. Те овцебыки, которые очень редко, а может быть, и никогда не встречались с непримиримым врагом всех животных — человеком, при встрече с ним часто бывают беспомощными, однако скоро соображают в чем дело и получают правильное представление о той ужасной опасности, которой они подвергаются при встрече с противником, внезапно появившимся на

их родных полях, ранее посещаемых разве волками и полярными медведями. Сознавая предстоящую опасность, они своевременно обращаются в бегство. Сначала быки «стоят как вкопанные, пристально всматриваются в незнакомого им врага и лишь медленно и осмотрительно приходят к какому-нибудь решению». По причине своей доверчивости они приближаются к незнакомому существу и выказывают свое удивление разными странными телодвижениями и неуклюжими выходками: так, четыре мускусных быка вздумали заигрывать с Пайером, напав на его астролябию*.

Если нескольким охотникам одновременно удастся подкрасться с разных сторон к спокойно пасущемуся стаду мускусных быков, то они, вместо того чтобы бежать и рассеяться, сгущаются теснее и тем самым дают возможность выстрелить по ним несколько раз. Такая охота, по совершенно справедливому мнению Пайера и Копеланда, вполне безопасна и не труднее, чем стрельба из пастушьей хижины по расположившемуся вокруг нее стаду коз или коров. Считаю, однако, неправильным обобщать подобные замечания, тем более что этому противоречат показания прежних наблюдателей. Раненые животные приходят в ярость и бешено бросаются на охотника, который может считать себя счастливым, если не будет опрокинут ими или проткнут острыми рогами. Подобную неприятность испытал на себе Трамниц: отправившись однажды на охоту за мускусным быком, он вернулся не только без добычи, но и с испорченным ружьем и изорванным платьем, так как бык повалил и топтал его. Индейцы также утверждают, что животные эти очень хорошо умеют пользоваться своим оружием — рогами и убивают даже медведей и волков.

Эскимосы, которые охотятся за мускусными быками, тоже считают их небезопасными животными, тем более что, не имея огнестрельного оружия, они вынуждены убивать дичь стрелами. «Они уже осенью, — пишет Росс, — начинают свои охотничьи походы; с ловкостью и мужеством приближаются к стаду, дразнят быков, затем быстро сторонятся и втыкают им в брюхо копье или пускают в них свои стрелы». Некоторые одинокие быки, преимущественно старые, по Пайеру и Копеланду, относятся к выстрелу, даже нанесшему легкую рану, с величайшим хладнокровием и «закрывают тело, опустив свою неуязвимую голову, избегая положения, открывающего бока. Случилось, что одному из этих животных всадили заряд из ружья; выстрел попал в лоб, закрытый, как панцирем, гигантскими рогами; бык перенес это как ни в чем не бывало, между тем как пуля упала на землю, сплюснутая в лепешку».

Мясу их присущ всегда заметный мускусный запах; однако у коров он не настолько силен, чтобы сделать его несъедобным, как у быков, убитых в период спаривания. Наши северные путешественники находили, что мясо мускусных коров превосходно;

** При нападениях волков взрослые овцебыки встают в круг головами наружу, молодые животные находятся в центре. Нападающие волки всюду встречаются опущенные рога и очень редко могут сбить с толку животных и проникнуть внутрь круга. Вожак периодически выходит из круга и атакует волков быстрыми наскоками. Известны случаи гибели волков от овцебыков. Однако эта тактика обороны оказалась неэффективной при встрече с человеком, вооруженным огнестрельным оружием. Животные не обращались в бегство, даже когда половина стада оказывалась перебитой. Так возникло мнение о «тупости» овцебыков.*

то же самое высказывали и другие европейцы. В окрестностях Форт-Уэльса индейцы ведут прибыльную меновую торговлю мясом убитой ими дичи. Разрезав тушу на довольно большие куски, они вывешивают мясо на воздухе, дают ему высохнуть и доставляют в поселения охотников, где его охотно покупают. Шерсть и кожа высоко ценятся индейцами и эскимосами. Шерсть так тонка, что можно было бы вырабатывать из нее превосходные ткани, если бы только ее можно было иметь в достаточном количестве. Из хвостов эскимосы делают опухала от мух, а из кожи хорошую обувь.

Козлы и бараны имеют такое близкое родство, что едва возможно указать их существенные отличительные признаки. Коренастое и крепкое туловище козлов опирается на сильные, не очень высокие ноги; шея коротка, голова также относительно коротка и широка в лобной части; хвост, стоящий торчком, треугольный и снизу голый. Глаза большие и живые, слезных ямок нет, уши стоящие, тонко заостренные и очень подвижные. Четырехугольные, с закругленными краями или сжатые с боков рога имеют ясные кольца, соответствующие годовому приращению, и с наружной стороны вздуты; они встречаются у обоих полов и идут назад в виде полумесяца или выгибаются на концах наподобие лиры. У козлов они обыкновенно больше, чем у коз. мех двойной, так как тонкий подшерсток покрывается более грубыми волосами ости. У многих видов остевые волосы прилегают довольно плотно, у некоторых они удлиняются в виде гривы, а у большинства на подбородке в виде жесткой бороды. Окраска меха более или менее темная, землистая или цвета скал, преимущественно бурая или серая. К отличительным признакам этих животных следует отнести также резкий запах, известный под названием «козлиной вони»; он свойственен всем козлам во всякое время, но особенно делается невыносимым во время течки.

Дикие козлы водятся в средней и южной Азии, в Европе и в северной Африке; прирученных животных этого вида люди распространили в настоящее время по всему свету. В горах козлы отыскивают наиболее уединенные, пустынные места. Многие виды поднимаются за границу вечных снегов. Любимым их местожительством служат сухие пастбища на солнечной стороне гор, редкие леса, отлогие и крутые обрывы, а также голые утесы и скалы, выступающие из-под вечного снега и льда. Все виды общительны. Козлы — подвижные, живые, беспокойные, умные и задорные животные. Они беспрестанно бегают и прыгают с места на место и только во время пережевывания жвачки лежат спокойно. Одни лишь старые самцы живут отшельниками; все другие постоянно держатся вместе. Хотя козлы способны к деятельности как днем, так и ночью, но все-таки предпочитают день. Они замечательно ловко лазают и прыгают, причем выказывают много отваги, сообразительности и решимости. Уверенно пробираются по самым

опасным местам в горах; не испытывая головокружения, стоят на самых узких карнизах скал, равнодушно смотрят вниз, в зияющие под ними пропасти, и с дерзкой беспечностью пасутся на краю страшных обрывов. Козлы обладают, сравнительно с их величиной, громадной силой и замечательной выносливостью, благодаря которым могут существовать в самой скудной местности, где каждый листочек, каждый стебелек должен быть взят с боя. Задорные и резвые между собой, они крайне осторожны и пугливы с другими животными; при малейшем шуме обыкновенно убегают, хотя трудно предположить с достоверностью, что это делают из страха, так как при необходимости козлы способны мужественно и храбро встретиться лицом к лицу с опасностью; они дерутся с большим увлечением, которое им очень идет.

Всевозможные сочные горные растения составляют главную пищу козлов. Будучи большими лакомками, они выбирают самые лучшие растения, отлично умеют находить такие места, которые предоставляли бы им отличные пастбища, и для этого постоянно кочуют из одной местности в другую. Все виды — большие любители соли и потому старательно посещают те места, где находится это лакомство. Вода для них необходима, вследствие чего они избегают мест, в которых нет ни источников, ни рек.

Внешние чувства развиты, по-видимому, довольно равномерно. Козлы очень хорошо видят, слышат и чуют, некоторые виды даже на невероятных расстояниях. Умственные способности стоят, как уже замечено, на довольно высокой ступени; их прямо можно назвать умными и предусмотрительными животными. Хотя память не особенно хороша, но опыт учит их распознавать опасность, которую они умеют предотвращать с большой ловкостью. У некоторых видов проявляется своенравие, у других прямо-таки злобность и хитрость. Количество детенышей колеблется между одним и четырьмя; все живущие в диком состоянии козы рожают не более двух детенышей зараз, домашние в редких случаях приносят четырех. Козлята появляются на свет вполне развитыми и с открытыми глазами и спустя несколько минут после рождения, бывают уже в состоянии следовать за матерью. Дикие козлята с первого дня своей жизни бегают по горам с такой же отвагой и уверенностью, как и взрослые.

Можно смело сказать, что козлы в большинстве случаев полезные животные. Причиняемый ими вред так ничтожен, что в немногих местностях может быть принят во внимание, а польза очень значительная, особенно там, где их используют в качестве домашних животных. Пустынные горы на юге Европы буквально усеяны стадами коз, которые поедают траву на таких крутых утесах, где не ступала еще ни одна человеческая нога. От диких видов пользуются решительно всем — мясом, шкурой, рогами и шерстью, а домашние козы помимо того доставляют всевозможные молочные продукты*.

** Пожалуй, нет более вредного для дикой природы животного, чем домашняя коза. Благодаря универсальности в питании, ловкости и способности достать корм даже из наиболее труднодоступных мест (могут залезать даже на деревья), привычке выдирать растения с корнями размножившиеся домашние и вторично одичавшие козы буквально опустошили страны Средиземноморья, значительную часть Африки, Западную и Среднюю Азию, многие океанические острова.*

* Гималайский тар достигает веса 105 кг, самки на четверть легче самцов. Этот вид обитает в лесном и альпийском

Весьма трудно установить различие между отдельными видами диких козлов, так все они схожи между собой. Гималайский тар, или полукозел (*Hemitragus jemlahicus*) — красивое, рослое животное, туловище которого имеет 1,8 м, а хвост 9 см в длину; высота в зашейке 87 см. Стерндаль определяет высоту самца в плечах даже в 90—100 см. В отношении строения всего тела тар — настоящий козел; рога, на которых основывается главный родовой признак, значительно не отличаются от рогов других козлов. Длина рогов почти 60 см, а у козы они гораздо меньше. Мех тара, состоящий из грубых, жестких волос ости и очень мягкого, тонкого подшерстка, по всему телу

очень густой, а в некоторых местах даже поразительно длинный. Морда, нижняя часть головы и ноги покрыты короткими волосами; шея, бедра и бока обросли длинной гривой, волосы которой достигают 30 см в длину; у самки удлиненные пучки волос только намечены. Бороды у обоих полов нет. По наблюдениям, сделанным над козлом Лондонского зоологического сада, летний покров его мало отличается от зимнего. С возрастом длина гривы замечательно увеличивается;

*Гималайский тар
(Hemitragus jemlahicus)*

поясах Гималаев, на высотах 2500—4400 м; акклиматизирован также в горах Новой Зеландии.

меняется также и окраска. Старые козлы светлого чало-бурого цвета и только отдельные места на их мехе темно-бурые. Козлята, как самцы, так и самки, темно-бурые, а ноги у них, за исключением светлой полосы на задней стороне, почти черные. Рога и копыта серовато-черные. Тар распространен по всему Гималайскому хребту, но водится только на больших высотах*.

Маркгам дает описание местообитания этого малоизвестного животного: «Обыкновенное местожительство тара составляют изобилующие травой крутые холмы, именно те, на которых не

растут деревья; случается, что это животное поселяется и в лесах, если почва их кремнистая и скалистая. Леса, расположенные на высоте более 2000 метров над уровнем моря на южных и западных склонах состоят преимущественно из дуба. Грунт там сухой и обыкновенно кремнистый, деревья растут разрозненно, и низкая растительность имеет здесь почти такой же характер, как луга на безлесных холмах. На северной стороне склонов, где леса гуще и богаче видами, тар не встречается или только в виде редкого исключения».

Относительно образа жизни тара на свободе до сих пор очень мало сведений. По Адамсу, который часто встречал его в горной части Кашмира, он держится стадами, день проводит в лесах и в тенистых местах, вечером идет за кормом и нередко пасется в обществе винторогих козлов.

Из охотничьих записок Кинлоха узнаем, что тары с уверенностью серн обходят наиболее опасные места. Самок часто можно встретить разгуливающими, старые же козлы держатся преимущественно в лесах и горных ущельях. Осенью животные очень жирны, и козлы издают своеобразный запах, который можно различить за 100 шагов. Кинлох отдает предпочтение мясу тучных самок, так как оно лишено этого специфического запаха.

Из всех данных следует, что тар по существу настоящий козел: он такой же упрямый и резвый, внимательный и самостоятельный, подвижный, неутомимый и осторожный, большой задир и забияка, как все виды этого рода*.

Козероги**, по мнению некоторых исследователей, составляют особый род и живут на таких горах и вершинах, где другие крупные млекопитающие не могли бы существовать. Только не многие жвачные проникают летом вслед за ними на те высокие пастбища, где они пасутся круглый год. А спускаются в более низкие ложбины только в крайнем случае, когда их сгонит с высот чрезмерный холод. Поэтому не мудрено, что из-за подобного образа жизни всякий отдельный вид имеет ограниченную область распространения.

Само собой разумеется, что ближе всего нам тот вид козлов, который живет на наших Альпах.

Альпийский козел, или альпийский козерог (*Capra ibex*) — гордое, стройное и видное животное с туловищем 1,5—1,6 м длиной, 80—85 см высотой в плечах и массой в 75—100 кг. Глядя на него, тотчас же признаем сильное, выносливое животное. Туловище его сжатое, шея средней длины, голова относительно маленькая, но с большим выпуклым лбом; ноги сильные и средней высоты. Рога имеются у обоих полов. У старых козлов они достигают значительной величины и толщины, выгнуты назад и несколько в стороны дугой или в виде полумесяца. У корня рога толще, там они близко сходятся, затем постепенно расходятся, утончаясь к концу. Ежегодное утолщение рогов в виде больших, выпуклых,

** Гималайские тары держатся поодиночке и стадами в 30—40 голов. Гон в декабре, беременность длится 7—8 месяцев, рождается 1—2 козленка. Живут 10—14 лет. Объект охоты для местных жителей.*

*** Род горных козлов (*Capra*) включает 8—9 диких видов, распространенных в горах Евразии и Северо-Восточной Африки, а также домашнюю козу. Характерны специфические железы на хвосте, издающие резкий «козлиный» запах. Приспособлены к лазанию по отвесным скалам. Держатся в гористых местностях обычно семейными группами до 40 животных. Многие виды стали редки из-за перепромысла человеком.*

Семейство палорогие

* Самки отличаются от самцов рыжеватым оттенком шерсти, старые самцы нередко ста-

Альпийский козел
(*Capra ibex*)

новятся серо-седыми с темными ногами и ремнем на спине.

вздутых рубцов или валиков выступает особенно резко на передней поверхности; эти рубцы заходят отчасти и на боковую поверхность, только здесь они не поднимаются так высоко, как спереди. Всего крупнее эти рубцы в середине рогов, где лежат плотно один к другому. Рога самца достигают в длину 80—100 см при массе в 10—15 кг. У взрослой самки они относительно малы, не больше 15—18 см, в разрезе почти круглые, имеют незначительные поперечные складки и просто загнуты назад. В первый же месяц жизни у детеныша появляются признаки рогов; у годовалого козерога они представляют собой еще короткий пенек, на

котором у самого корня обнаруживается первый поперечный нарост; на рогах двухлетнего козла появляются уже два-три вздутых рубца. У трехлетнего животного рога достигают 45 см, и число рубцов значительно увеличивается. У взрослых козрогов может быть до 24 таких рубцов. Охотники думают, что по числу рубцов или колец между ними можно определить возраст козла, но это не совсем точно.

Мех козла грубый и густой, различный в разные времена года: зимой более длинный, грубый, курчавый и тусклый, чем летом, так как в суровое время года он смешивается с густым подшерстком, который с наступающим теплом выпадает. На верхней части туловища мех короче и гуще, чем на нижней. На задней части шеи и на затылке волосы удлиняются в виде гривы; кроме того, у старых самцов на загривке закручивается вихор, а под нижней челюстью вырастает маленькая борода не менее 5 см, которой нет у молодых козлят и коз. На остальном теле волосы почти одинаковой длины. Окраска меха зависит от возраста и времени года.

Летом преобладает рыжевато-серый цвет, зимой — желтовато-серый или чалый*.

Уже сотни лет тому назад козероги стали переводиться, и если бы в прошлом столетии не было принято особых мер для сохранения этого вида, то теперь, пожалуй, не нашлось бы ни одного экземпляра. Согласно старым описаниям, козероги населяли прежде все вершины Швейцарских Альп, а в доисторические

времена водились даже в предгорьях. Во время римского владычества они были, по-видимому, многочисленны: этот тщеславный народ препровождал нередко 100—200 живьем пойманных козрогов в Рим для потешных боев. Уже в XV веке козероги почти перевелись в Швейцарии. В кантоне Гларус последний экземпляр был убит в 1550 году; в Граубиндене в 1574 году смотритель замка мог только с большим трудом достать козерога для эрцгерцога Австрийского. Но в горах Бергелля и Оберенгадина они в XVII веке еще не считались за редких животных. В 1612 году была запрещена охота на козорогов под страхом штрафа в 50 крон, а 21 год спустя денежный штраф был заменен телесным наказанием.

В Зальцбурге и Тироле козорогов, согласно новейшим исследованиям, вполне подтверждающим прежние сообщения, стали разводить в первой половине XVI века, вероятно, благодаря стараниям богатых владельцев фон Кейчбах; но они держались там недолго. Вследствие того, что рога, кровь козерога и разные другие части его тела считались целебными, отчаянные браконьеры с таким усердием преследовали животное, что владелец земель, на которых они охотились, обратился в 1566 году к архиепископу Зальцбургскому, прося защитить его права. В 1584 году архиепископ принял в свое ведение право на охоту за козерогами. Он и его преемники принимали всевозможные меры для обеспечения неприкосновенности благородных животных. Они учетверили количество охранников, завели сторожки с лесничими на высочайших вершинах Альп и приказали ловить молодых козлят, чтобы выращивать их в особых парках. Около сотни самых ловких и отважных охотников были заняты с апреля до июня ловлей в сети козорогов, когда они при таянии снегов спускались в долины, ближе к пастушеским хижинам. Несмотря на это, в продолжение трех лет для разведения в парках было поймано не более двух козлов, четырех самок и трех козлят. Так обстояло дело потому, что браконьерство продолжалось, и сами архиепископы пользовались козерогами для подарков иностранным дворам. В то время за каждую, так называемую сердечную кость козерога платили червонец, за найденный рог 2 рейхсталера, а за безоаровый камень 2 гульдена. По этой причине в Циллертале в 1666 году вывелись почти все козероги, и осталось всего около 60 самок. Тогда были введены особые билеты на право охоты за животными, подписанные самим архиепископом, и без такого билета никто не смел их убивать. Местным землевладельцам платили ежегодно по 100 талеров, чтобы они не пускали скот на те высочайшие пастбища, где паслись козероги. В 1694 году количество благородных животных увеличилось до 72 козлов, 83 самок и 24 козлят. Но снова возросло браконьерство, животных опять стали ловить, их переселяли в другие места или отсылали в качестве подарков. В 1706

году было поймано 5 козлов и 7 самок, и с тех пор там уже не встречали ни одного козерога.

На южных склонах Альп козероги стали так быстро переводиться, что еще в 1821 году Цумштейн горячо ходатайствовал за них перед тогдашним правительством. Он выхлопотал указ о запрете на дальнейшую охоту за козерогами. Этому указу мы обязаны тем, что козерог не окончательно вымер и хоть в ограниченной местности, но еще водится. Чуди утверждал в 1865 году, что с некоторых пор благородное животное снова появилось в довольно многочисленном количестве на Монте-Роза, где в последний раз в семидесятых годах прошлого столетия видели 40 животных. Впрочем, встречавшиеся на Монте-Роза козероги не составляли постоянного стада, а были просто туда забредшими отдельными экземплярами. «Я сделал, — говорит Кинг в своем сочинении об итальянских долинах Пеннинских Альп, появившемся в 1858 году, — несколько исследований в самых разнообразных местностях, причем руководствовался указаниями людей, вполне достойных доверия, и никто из них не мог подтвердить, чтобы на их памяти козероги появлялись на Монте-Роза или где-нибудь в окрестностях. Исключительным их местожительством можно считать скорее Грайские Альпы, а именно высокие, лежащие в полосе вечных снегов и льда долины Конь, Саваранш, Гризанш, а также, может быть, Динь, следовательно, они населяют величественные уединенные склоны Альп между Пьемонтом и Савойей. Средоточием их является пик Гривола, откуда произошли все добытые в нынешнем столетии экземпляры». Сотрудник «Охотничьей газеты», вероятно, сам барон Пеккотс, владетель больших поместий в Валь-де-Лиз, который ежегодно осенью охотится за сернами, дает в 1864 году указания почти на те же местности, как и Кинг, называя их тогдашней родиной козерога. Что положение вещей не изменилось в течение следующих десяти лет, видно из сообщений графа Вильчека, который в 1874 года охотился на козорогов в долине Конь. Из его тогдашних наблюдений оказалось, что нередко попадались рассеянные экземпляры козорогов, которые заходили иногда далеко от их главного местожительства; один охотник встретил в 1874 году большого козерога в горах около Наудерса, на границе Тироля и Швейцарии.

Некоторые обстоятельства указывают на то, что подобные набеги старых, живущих уединенно козорогов случаются чаще, чем до сих пор думали. Во всех местах, граничащих с областью распространения этого животного, можно время от времени слышать рассказы неустрашимых охотников или любителей, что они на той или другой опасной крутизне встречали рогатого дьявола, который загораживал им дорогу или пытался низвергнуть в пропасть. Но к их счастью, дьяволом оказывался не кто иной, как большой козерог, в котором дьявольскими были разве что сверкающие огнем глаза да рога.

Здесь я упомяну, что сохранением козерога до нашего времени мы обязаны исключительно королю Виктору Эммануилу, который, по словам Лессона и Сальвадори, вступив на итальянский престол, принял энергичные меры для охраны этих благородных животных и стал содействовать их размножению. В упомянутой выше «Охотничьей газете» за 1858 год говорится, что жители общин Конь, Валь-Саваранш, Шампорше и Бомбозе предоставили право свободной охоты на козерогов в исключительное ведение короля. В 1863 году итальянский король купил у жителей округа Курмажер право охоты за козерогами в Валь-д'Аоста на горной цепи Монблана, от Коль-де-Ферре до Коль-де-ля-Сейнь. После того он мог оградить этого благородного животного по крайней мере от посягательств незаконных охотников.

По словам Туккота, члена английского альпийского клуба, путешественник в охотничьих районах на каждом шагу может натолкнуться на вывешенное предостережение, запрещающее в этих долинах всякую охоту. Во всех центральных пунктах округов Конь, Кампилья, Серизоль и Саваранш живут сторожа, в обязанности которых входит строгое наблюдение за неприкосновенностью королевского охотничьего парка. Меры эти самым благоприятным образом сказались на численности козерогов.

Заходил ли козерог когда-нибудь прежде за границы Альп и попадает ли он в наше время где-либо в других горах, я не могу сказать определенно. Многие сведущие в охоте и зоологии трансильванцы уверяли меня, что в прежние времена козероги жили в Трансильванских Альпах, но уже в конце прошлого столетия совершенно там вывелись. Иногда и теперь там попадаются находки в виде рогов, но крестьяне высоких горных долин не придают им никакого значения*.

Козероги держатся стадами различной численности; старые козлы примыкают к стаду только во время спаривания, в остальное время они ведут отшельнический образ жизни. «Летом, — пишет мне граф Вильчек, — козероги живут на самых возвышенных диких и уединенных скалах, на самых крутых и недоступных человеку гребнях, причем в летнее время держатся тенистой и северной стороны гор, а зимой обыкновенно спускаются ниже, в горные ущелья». Самки с детенышами весь год живут в более низких горах, чем самцы, которые до того привязаны к высоким утесам, что только недостаток в пище или сильные холода могут заставить их спуститься ниже. Палящий зной альпийские козероги переносят гораздо труднее, чем сильный холод, к которому они мало чувствительны. Берт фон Бергхем, указания которого вошли в большую часть жизнеописания этого животного и еще теперь заслуживают внимания, говорит, что все козлы старше шестилетнего возраста держатся наиболее возвышенных мест и, забираясь все выше и выше на скалы, становятся так не чувствительны к самому суровому холоду, что никакие

Семейство пolorогие

** Кроме Альп этот вид интродуцирован и в другие горы Европы. Он встречается на высотах 2300—3500 м.*

бури не страшны им; их часто видели стоящими неподвижно, как статуи, на вершинах утесов, несмотря на свирепствовавшую бурю, причем нередко находили с отморозенными кончиками ушей. Козероги пасутся по ночам в лесах, но как только взойдет солнышко, они тотчас начинают карабкаться на вершины, выискивая для отдыха наиболее теплые и высокие места, обращенные на восток или на юг. После полудня они снова спускаются вниз, чтобы попасться и провести ночь по возможности в лесу.

Никакое другое жвачное, кажется, не способно жить на таких крутых и высоких горах, как все дикие козлы и козерог в особенности. «Какие смелые и быстрые прыжки делает это животное с одного утеса на другой, — говорит старик Геснер, — трудно даже говорить, если бы сам не видел этого. Где есть хоть малейшая точка опоры для его расщепленных и острых копыт, там он не видит никаких препятствий для достижения в несколько прыжков любого утеса, как бы высок он ни был и хотя бы отстоял от другой скалы на далеком расстоянии». Все наблюдатели соглашались с этим описанием. Каждое движение козерога стремительно, сильно и вместе с тем легко. Он бежит быстро и неутомимо, карабкается по горам с удивительной легкостью и с невероятной, иной раз необъяснимой уверенностью и быстротой взбирается на самые крутые утесы, где только может поставить ногу. Едва заметная человеческому глазу шероховатость достаточна для него, чтобы служить точкой опоры; расселина скалы, маленькая щель и т. п. являются вполне удобными ступенями. Действительно, можно удивляться той уверенности, с какой козерог прыгает через пропасти и трещины в скалах. Играя, он носится с одного утеса на другой и без колебания бросается вниз со значительной высоты. Старые писатели придумывали удивительные сказки, чтобы объяснить эту замечательную способность козерогов; многие из этих басен пережили целое столетие и до сих пор еще принимаются на веру несведущими людьми. Так, Геснер думает, что животное пользуется рогами главным образом для того, чтобы опираться на них, когда прыгает с большой высоты, а также чтобы задерживать ими скатывающиеся камни, угрожающие ему гибелью; а когда козерог чувствует приближение смерти, «он поднимается на самый высокий гребень, упирается своими рогами в скалу и начинает ходить кругами до тех пор, пока рога совсем не сотрутся: тогда он падает и умирает».

Голос козерога похож на свист серны, только он более протяжный. В испуге козерог издает короткое чихание, в гневе громко фыркает сквозь ноздри, маленький детеныш блеет. Среди внешних чувств на первом месте стоит зрение. По исследованиям Вильчека, зрение козерога гораздо острее, чем у серны; чутье значительно слабее, слух его прекрасный. Умственными способностями он одарен в той же мере, как и все козлы. Козерог доказывает это осознанным выбором местожительства и тропинок, по которым ходит, расчетливос-

тью и постоянной осторожностью, умением избегать опасностей и способностью легко приспосабливаться к перемене обстоятельств.

В тихих, уединенных горных долинах козероги пасутся в полуденное время; в тех же местах, где их могут беспокоить, они гуляют только ранним утром или в сумерки, может быть, даже ночью. Пища их состоит из вкусных альпийских трав, почек, листьев и молодых побегов, в особенности они любят укроп, полынь, тимьян, почки и ветки карликовых ив, берез, альпийских рододендронов, а зимой они едят сухую траву и лишай. Излюбленным их лакомством считается соль, и потому они предпочитают держаться тех гор, где есть солончаки; иногда они до того увлекаются этим лакомством, что забывают свойственную им осторожность. Далеко раздающееся хрюканье свидетельствует о том высоком наслаждении, какое испытывает козерог, вкушая соль.

Время спаривания совпадает с январем. Сильные козероги мужественно и неутомимо дерутся мощными рогами; они бросаются друг на друга с разбега, становятся на дыбы и, стараясь направить удар сбоку, сильно и с шумом бодаются рогами. На крутых обрывах эти битвы могут быть опасными. Спустя пять месяцев после спаривания, в конце июня или в начале июля, самка рождает одного или двух детенышей, по величине почти равных новорожденному домашнему козленку; она досуха облизывает их, и вскоре они вместе убегают. Альпийский козленок в высшей степени милостивое живое создание; он появляется на свет покрытым пушистым подшерстком и только к осени обрастает настоящим мехом из более грубых и жестких волос ости. Через несколько часов после рождения почти с такой же уверенностью и ловкостью бегают по горам, как и мать. Самка козерога окружает детеныша самой нежной любовью, постоянно лижет, водит с собой, ласково блеет, то и дело подзывая к себе и, пока он сосет, скрывается с ним в ущелье; не оставляет его ни на минуту, кроме разве тех случаев, когда ее преследует злой человек и она вынуждена спасать собственную жизнь, без которой и детеныш погибнет. При угрожающей опасности она бежит по страшным обрывам и ищет спасения в уединенных расселинах. Детеныш между тем очень ловко прячется за камни или в какой-нибудь щели, смиренненько лежит там, не шевелясь, и только смотрит, прислушивается и нюхает во все стороны. Серый цвет его меха до такой степени подходит к общему тону камней, что даже самый пронзительный соколиный глаз не в состоянии заметить или отличить козленка от скалы, которая заменяет ему на это время скрывающуюся мать. Как только опасность минует, спасающаяся самка возвращается к своему детенышу; если же она почему-либо замедлит, то козленок выходит из убежища, зовет мать и затем снова поспешно прячется. Если мать убьют, то козленок в страхе убежит, но всегда в скором времени возвращается и надолго остается в том месте, где потерял свою верную защитницу.

Семейство пolorогие

Существует масса разнородных причин, тормозящих размножение козорогов даже там, где их особенно старательно берегут. За исключением человека, непосредственных врагов у альпийского козерога немного. Большие хищные птицы, например, ягнятник, преследуют маленьких козлят, но почти всегда безуспешно благодаря зоркой бдительности их матерей. Взрослые козороги могут, правда, стать добычей рысей, волков и медведей, однако я никогда не наталкивался на подобные случаи и потому не могу их подтвердить. Губительнее всего влияют на козорогов неблагоприятные условия их существования, особенно зимой и весной. По исследованиям Вильчека, в Валь-Саваранше относительно большое число козорогов ежегодно гибнет от обвалов, схода лавин, притом жертвами катастрофы становятся чаще взрослые, сильные козороги, которые с большей стойкостью смотрят в глаза опасности, чем юные и робкие козлята.

Самым злейшим врагом козорогов всегда был и будет человек, особенно браконьер. Охота на альпийских козорогов в том виде, как она производится, может считаться самым опасным предприятием в мире. Альпийский козел — животное очень редкое, и браконьер вынужден иногда по 8—14 дней выжидать его, большей частью под открытым небом, вдали от человеческого жилья, претерпевая невзгоды — мороз и снег, голод и жажду, туман и метели; он проводит многие ночи под леденящим ветром, не имея другого пристанища, кроме суровых скал, и при всем этом часто рискует вернуться домой с пустыми руками. Даже в благоприятном случае ему нелегко бывает донести ношу домой по опасным крутым тропинкам, на которых возможна встреча с караульщиками. Часто случается, что вместо убитого козерога охотник приносит в свою бедную семью новую нужду и нищету.

Удачно подстреленного козерога охотник, по словам Чуди, тут же потрошит, чтобы облегчить ношу, затем связывает вместе четыре ноги, притягивает их веревкой к тяжелым рогам и перекидывает ношу себе через голову; только таким образом и возможно охотнику, отягощенному ружьем и ягдташем, пуститься в обратный путь с добычей, имеющей массу в 60—80 кг.

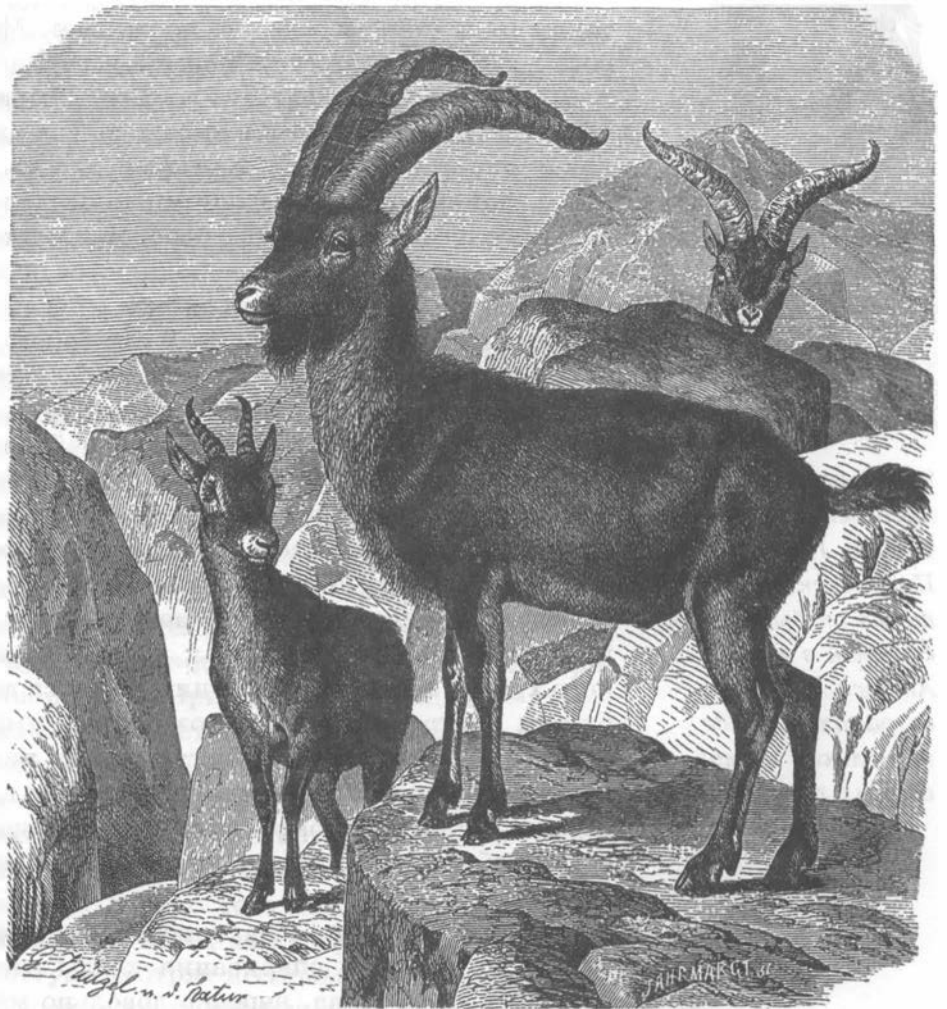
Пойманных молодых альпийских козлов можно вырастить, если дать им в качестве кормилицы домашнюю козу; они скоро становятся ручными, но с возрастом, однако, утрачивают это качество.

В первых числах ноября 1856 года вместе с братом Рейнгольдом и одним нашим общим другом я предпринял в сопровождении опытного местного охотника восхождение на Сьерра-Неваду в южной Испании, с целью поохотиться там на козерога. Время охоты приходится на июль и август, мы же собрались попытать счастья в ноябре, когда свирепствуют снежные метели и холода, которые скоро заставили нас, к сожалению, вернуться. Впоследствии мой брат охотился на козерога в средней Испании гораздо удачнее, так как в благодарность за оказанную им меди-

цинскую помощь он заручился содействием крестьян из деревень, лежащих у подошвы Сьерра-де-Гредос. Снабженный всеми необходимыми средствами и обладая замечательной наблюдательностью, он не ограничился одной простой охотой на пиренейских козерогов, которых ему удалось убить достаточно много, а воспользовался возможностью изучить на месте нравы этого животного и потому мог дать обстоятельную картину их интересной жизни. В нижеследующем я возвращусь еще к наблюдениям, сделанным моим братом, и вместе с тем дам первое обстоятельное описание этого прекрасного животного.

Пиренейский козел, или пиренейский козерог (*Capra pyrenaica*), величиной с альпийского козла, но существенно отличается от него устройством и формой рогов. Взрослый козерог имеет 1,45—1,6 м в длину, из которых 12 см приходится на хвост без кисти; высота в зашейке 75 см, а в крестце — 78 см. Коза достигает трех четвертей этой длины, а в высоту она на 10 см ниже козла. Рога козерога у корня так близко сходятся друг с другом, что расстояние между ними спереди не превышает четырех сантиметров, а сзади даже одного сантиметра; сначала они круто

взвиваются вверх, чуть-чуть загибаясь; с первой трети длины резко загибаются, поворачиваются и расходятся лирообразно, в последней трети достигают наиболее широкого расстояния между собой, к концам снова сближаются, и в таком направлении идут кверху. Ежегодные рубцы или годовалые кольца рогов ясно видны, хотя и нет таких определенных выпуклостей, как у альпийского козерога. Длина и толщина рогов у козла с возрастом за-

Пиренейский козел
(*Capra pyrenaica*)

Семейство полорогие

** Пиренейский козел населяет высоты от 1500 м. Помимо гор Пиренейского полуострова он был распространен в горах Атласа. Сейчас сохранился в виде нескольких изолированных популяций.*

метно увеличиваются, более слабые рога самки меняются только до определенного возраста; они имеют приблизительно 15 см в длину, просто загнуты назад и покрыты до второй трети своей длины многочисленными и плотно лежащими один подле другого тонкими валиками. «У меня есть, — пишет мне мой брат, — рога старого пиренейского козерога, стволы которого имеют 76 см в длину при 22 см в обхвате у корня, и лишь одиннадцать годовых колец; но я не сомневаюсь, что длина рогов при измерении по всем извилинам может доходить до одного метра».

Качество и окраска меха существенно изменяются не только по временам года, она зависит от возраста, пола животного, а также от местности, где оно проживает. Мех пиренейского козерога необыкновенно густой зимой и редкий летом. При линьке в мае, когда шерсть выпадает клочьями, вырастают остевые волосы, которые от самого корня имеют почти одинаковую окраску, к концу августа они достигают 2 см длины. Гривообразная прядь волос, начинающаяся за рогами и продолжающаяся до первого спинного позвонка, вместе с бородой и кистью хвоста не подвергаются линьке, а, напротив, пополняются постепенно подрастающими волосами. Поэтому они имеют круглый год приблизительно ту же самую длину: грива 8—9 см, борода 9 см, хвост 12 см, но летом значительно реже, чем зимой. Преобладающая окраска животного красивого светло-бурого цвета.

Область распространения пиренейского козла простирается от берега Бискайского залива до Средиземного моря; он живет в Пиренеях и во всех высоких горных хребтах северной и средней Испании*, особенно часто он попадает именно в Сьерра-де-Гредос; напротив, в Кантабрийских горах его, кажется, совсем нет. «Сьерра-де-Гредос, — описывает мой брат, — составляет самый высокий подъем Кордильеры; высочайшая вершина этого длинного хребта, Альмансор, поднимающаяся до 2600 м, является любимым местопребыванием козерогов. Зимой случается, что они спускаются ниже, преимущественно на нижнюю сторону гор, по направлению к Эстремадуре, летом же их в избытке можно встретить в ближайшей окрестности Альмансора и совершенно свободно наблюдать их стада, состоящие обыкновенно из старых козерогов.

Большую часть года пиренейские козлы живут отдельно, только ко времени спаривания козлы соединяются с козами и образуют тогда стада, нередко довольно многочисленные, насчитывающие 100—150 голов. Я сам однажды видел стадо из 135 козлов; очень может быть, что в таком стаде соединились почти все живущие на Гредосе козлы. Обыкновенно они имеют привычку рассыпаться маленькими группами по всем горам. Презиная снег и холод, козлы живут круглый год в избранных ими местностях, исключительно на вершинах гор, тогда как козы уже с поздней осени стремятся к южным склонам, а в суровые зимы

спускаются в долины, даже до самых деревень. Предводителем стада бывает всегда самый сильный и, что замечательно, самый старый и опытный козел. Можно видеть, как козероги медленными шагами пробираются по крутым утесам и по узким карнизам горного хребта, осторожно оглядываясь, зорко посматривая во все стороны, Проводник идет впереди стада и охраняет его; через каждые 10—12 шагов он останавливается, поджидая стадо, а затем продолжает путь таким же образом. Во время пастбы стадо козрогов выставляет нескольких караульных, которые обязаны предупредить о малейшей опасности. Если такой сторож заметит что-нибудь подозрительное, или ветер донесет до него близость врага, то он испускает свистящее сопение, покидает свой сторожевой пункт и немедленно убегает вместе со всем остальным стадом; они несутся рысью или пускаются в галоп, смотря по тому, насколько близка опасность. Пробежав некоторое расстояние, стадо останавливается, чтобы определить причину, нарушившую их покой. Если поводом к тому было появление человека, то стадо быстрыми шагами спешит дальше и бежит без оглядки в течение получаса, а иногда и целого часа, если же нарушителем покоя является волк или собака, то козероги просто взбираются на крутой утес и здесь останавливаются на таком месте, которое недоступно для незваных преследователей. Кажется невероятным, как козероги могут, притом еще с такой уверенностью, поразительной ловкостью и быстротой, взбираться почти по отвесным скалам, на которых незаметно ни малейшей точки опоры.

Когда стадо считает себя в полной безопасности, одна часть его покойно ложится с вытянутыми ногами, чтобы отдохнуть и пережевать жвачку, в то время как другая часть щиплет траву и сочные побеги альпийской растительности, выбирая преимущественно цветы низких кустарников дрока, при этом два или три козла стоят постоянно на страже. При сильном солнцепеке стадо располагается в тени скалистых выступов или скрывается в ущельях, обеспечив себе покой выставленной на случай опасности стражей. Козлы всегда менее осмотрительны и осторожны, чем козы. Особенно часто отстают от стада старые самцы и в таких случаях допускают возможность приблизиться подкрадывающемуся против ветра человеку. Вместо того чтобы тотчас же пуститься в бегство, как это делают козы, они вспрыгивают на скалу или на высокий утес и оттуда смотрят несколько минут на врага, так что этим дают ему возможность сделать меткий выстрел. Я сам однажды убил очень большого козла именно при таких обстоятельствах. Во время кочевок отделившийся от стада козел проявляет меньше осторожности, чем когда он следует вместе с другими.

По отношению к безвредным животным пиренейский козел не обнаруживает ни страха, ни особенной приязни. Иногда среди лета можно видеть на Сьерра-де-Гредос, что козероги дружески

пасутся вместе с домашними козами, стада которых из деревень, расположенных у подошвы горы, заходят на верхние пастбища.

В начале ноября наступает время спаривания. Козлы соединяются с козами, и тут между самцами, преимущественно наиболее старыми, происходят горячие схватки, представляющие весьма занятное зрелище для молодых животных, которые остаются безучастными свидетелями происходящего. В декабре самцы и самки снова расходятся; впрочем, молодые козлы, имеющие от роду 1—3 года, и после еще забегают в стада коз. В конце апреля или начале мая, после 20—24-недельной беременности, коза производит на свет детеныша, который уже через несколько часов после своего рождения свободно следует по стопам своей матери, старательно оберегаемый ею. В это время родившие самки держатся исключительно на южной, обращенной к солнцу стороне гор и вместо голых склонов забираются в поросшие дробом покатоности и овраги, в которых и проводят большую часть конца весны и начала лета. Когда что-нибудь спугнет козлят, они поспешно прибегают под защиту матери, и если при преследовании не в состоянии поспеть за старыми козами, то прячутся за густым кустом, за обломком скалы или залезают в расщелину и остаются здесь до возвращения матери. В области вечных снегов пиренейские козы заходят неохотно, а когда с ними козлята, то они из осторожности избегают их.

Пиренейские козлы уже с четверть века как стали переводиться. Да иначе и быть не могло, так как испанцы не имеют никакого понятия о важном значении охраны этого животного; притом каждый пастух в этих горах владеет оружием и во время длинных стоянок на вершинах гор днем и ночью преследует благородных козерогов. Если бы можно было ввести строгий запрет на охоту во время весенних месяцев, то пиренейские козероги, имеющие мало других врагов, кроме человека, в короткий период снова значительно расплодились бы. Бородатый ягнятник и орел-могильник часто схватывают козленка, но, по рассказу спрошенных мною пастухов, никогда не отваживаются уносить взрослого козла или козу. Для них кроме человека опасен разве один волк, но и тот вследствие того, что редко поднимается на значительные высоты, наносит им ущерб только зимой, когда стадо пиренейских козерогов уже спустится в долины; здесь волки могут застать животных врасплох, когда глубокие снега отделяют их от спасительных скал и препятствуют успешному бегству; при таких несчастных обстоятельствах козероги в изнеможении падают или останавливаются на месте и легко делаются добычей алчных хищников.

Испанский охотник или гоняется по следу за пиренейским козлом, или подкарауливает его на стойке. Я применял на Сьерра-де-Гредос охоту загоном и достиг замечательного успеха. Тщательно исследовав направление ветра, я занял с несколькими стрел-

ками гребень одной котловины; между тем загонщики окружили намеченную местность и стали выгонять засевших там животных громкими криками и камнями. Кроме единственного прохода, который вел к занятой охотниками котловине, все прочие были закрыты для козрогов, так что им волей-неволей пришлось идти прямо на нас. Случается, что пройдет добрый час, прежде чем козерог попадет в руки, и в этом-то и состоит главная прелесть охоты. Стадо обыкновенно так медленно приближается к месту засады стрелков, что вполне достаточно времени, чтобы спокойно прицелиться и пустить смертельную пулю в сердце ничего не подозревающей жертвы.

Для туземного охотника польза от этой охоты немаловажная. Убитое животное он потрошит на месте, набивает его ароматными травами и тащит тяжелую добычу, зачастую по самой опасной дороге, с риском сломать шею, вниз, в долину, до ближайшего хутора, откуда везет дальше уже на муле. Мясо козрогов всеми любимо и потому всегда в высокой цене; шкура и рога тоже оплачиваются очень хорошо».

О козлах, живущих в диком состоянии преимущественно в Азии, нам известно еще так мало, что мы не в состоянии хотя бы приблизительно определить численность их видов. Многие натуралисты думают, что происхождение домашнего козла мы должны приписать дикому безоаровому козлу, который действительно во всем существенно похож на домашнего.

Безоаровый, или бородатый, козел (*Capra aegagrus*), хотя несколько меньше европейского козерога, но все-таки значительно больше нашего домашнего козла. Длина взрослого самца достигает 1,5 м, длина хвоста 20 см, высота в зашейке 95 см, а в крестце на 2 см выше. Коза значительно меньше*. Туловище козла довольно вытянутое, спина острая, шея средней длины, голова короткая, морда тупая, лоб широкий, составляющий с переносицей почти прямую линию, глаза средней величины, уши большие. Ноги относительно высокие и сильные, копыта с тупым концом; хвост очень короткий и покрыт длинными косматыми волосами. Очень большие и сильные рога с обеих сторон сплюснуты и имеют острые края как спереди, так и сзади; наружная их сторона скруглена или вздута; уже у полувзрослого животного они достигают 40 см, а у старых вырастают часто до 80 см. Рога начинают загибаться у самого корня в виде довольно крутой и правильной дуги, которая у старых самцов описывает приблизительно полукруг; у корня они стоят близко друг от друга, потом постепенно отклоняются в стороны, на концах снова круто поворачивают вперед и внутрь. Так что на самом конце они на 12—15 см сходятся ближе, чем на середине, где расстояние между ними достигает 30—40 см. Правый рог слегка изогнут концом в правую сторону, а левый — в левую. Поперечных бугров или узлов, между которыми лежат многочисленные поперечные складки, бы-

* Безоаровый, или бородатый, козел заметно отличается длинной бородой и уплощенными, параболически загнутыми рогами от других представителей рода. Кавказские животные в холке достигают 1 м, весят до 80 кг, островные популяции Эгейского моря заметно мельче.

вает у старых козлов до 10 или 12. У обоих полов есть довольно большая борода; остальной мех состоит из длинных, жестких, плотно прилегающих волос ости и короткого, не очень тонкого подшерстка. Окраска его светлая рыжевато-серая или ржаво-буро-желтая; по сторонам шеи к животу она светлее: грудь и нижняя часть шеи темные и черно-бурые; брюхо, внутренняя и задняя стороны бедер белые. Вдоль всего хребта до одноцветно-черного хвоста проходит резко разграниченная, суживающаяся к заду темная черно-бурая полоса.

Область распространения безоарового козла занимает обшир-

ное пространство в западной и средней Азии. Он водится на юге Кавказа и в большей части гор Малой Азии и Персии; Хуттон встречал его в южном Афганистане. По А. Вальтеру, «он рассеян по всему Копетдагу до границы Афганистана и населяет отдельные возвышенности Великого Балхана. Как в тех, так и в других горах он держится оврагов в долинах и даже спускается в степи. Но от Балхан он, по-видимому, не заходит севернее горного хребта Каспийского побережья. Во всяком случае, в Кубадаге, у Красноводска, его нет. Также он ред-

Безоаровый козел
(*Capra aegagrus*)

ко встречается на возвышенностях полуострова Мангышлак и в Усть-Урте. Известно, что в Туркестане его вовсе нет. Таким образом, в Азии самая северная граница его распространения — Великий Балхан, куда он проник из Копетдага через Кюрандаг и Малый Балхан. Здесь, как и в Копетдаге, козлы нередко встречаются стадами в 30—40 голов».

Безоаровый козел водится также на многих островах Средиземного моря и, может быть, на высоких горах Греции. Иссле-

дования ставят вне сомнения, что Гомер имел в виду именно это животное, когда описывал остров циклопов: «Бесчисленное множество козлов бродит по нему в диком состоянии, потому что никогда человеческая стезя не вспугивает их»*.

О жизни безоарового козла на островах делает сообщения Эргард, которые впоследствии были подтверждены Сандвитом. На Крите до сих пор находят в значительном количестве безоарового козла, который водится в горах, но в особенности на Иде, возвышающейся на 2456 метров над уровнем моря, и в ее окрестностях. Обыкновенно стада собираются в 40—50 голов; ко времени же спаривания, т. е. в половине осени, они разбиваются на маленькие группы в 6—8 голов. Коза рождает большей частью еще до наступления весны двух, редко трех детенышей, которые со дня своего рождения присоединяются к стаду, где находится их мать. Пища диких козлов состоит из всевозможных, как сочных, так и сухих, трав, но с особенной любовью они оципывают каперсовые кусты. На Антимелосе безоаровый козел издавна жил значительно меньшими стадами, чем на Крите, а в последних годах встречается лишь одиночно; такое быстрое уменьшение следует приписать не столько охоте, сколько несчастной случайности, так как бараны, с годами перебравшиеся для пастбы на этот остров, заразили козлов чумой, от которой многие и околели. Так как на ограниченной площади этого маленького островка не растет ни деревца, ни кустика, то, по Эргарду, пища козлов может состоять лишь из в изобилии растущих по всем островам колючих трав: тамариска, тимьяна, зольника, перечной травы и т. п.

В западной Азии, где безоаровый козел водится в большинстве случаев в изобилии, он держится, по Кочи, в горном поясе на высоте 1500 метров преимущественно в тех горных местностях, где вокруг голых утесов растут зонтичные растения с желтыми цветами, составляющие их главную пищу. По сообщениям турецких охотников, называющих безоарового козла «гейик», а старого козла — «токе», он, подобно козерогу, любит держаться на вершинах гор поблизости от вечных снегов и глетчеров. По другим сообщениям, животные рано утром уходят из леса, где проводят ночь, на вершины гор, пасутся там на высоких склонах, часто в непосредственной близости от глетчеров, а вечером снова возвращаются в леса.

По образу жизни, нравам и по характеру безоаровый козел напоминает козерога. Быстро, беззаботно бегаёт он по самым опасным тропинкам, стоит иногда по целым часам на выступе скалы и, не испытывая головокружения, смотрит в ужасную бездну, превосходно лазает, делает опасные прыжки с больш смелостью и ловкостью. Он в высшей степени осторожен и умеет избегать опасности. Внешние чувства его развиты в совершенстве: он чует на огромном расстоянии и слышит малейший шум. Умственные способности стоят приблизительно на такой же степени развития, как и у козерога.

Семейство палорогие

* *Естественный ареал безоарового козла охватывает восток Средиземноморья и запад Азии — от Греции и Кавказа до гор Средней Азии, Ирана и запада Индии. Выделяют несколько подвидов. В России вид обитает на восточном Кавказе, на высотах 500—3000 м; занесен в Красную книгу. Сохранилось менее 1500 голов.*

Во время спаривания, которое бывает в ноябре, козлы упорно и ожесточенно дерутся между собой, о чем свидетельствуют зазубрины на рогах и отбитые от них осколки. Роды наступают в апреле или мае; молодые козы рожают по одному или по два детеныша, старые обыкновенно двоих, а нередко также и троих. Козлята следуют за матерью тотчас после рождения, на третий день своей жизни идут вместе с ней по самым опасным тропинкам, растут быстро и, как все козлята, очень любят играть и возиться.

В западной Азии у безоаровых козлов масса врагов в лице хищных животных. Пардовая рысь и пантера в Тавре, тигр и лев в горах Персии опасны взрослым козлам, а орлы и бородатый ягнятник повсюду преследуют козлят. При восхождении на высокий Демавенд в северной Персии Кочи случайно был свидетелем сцены преследования тигром безоаровых козлов, которые из страха перед злым врагом утратили свою обычную осторожность и смешались с пасущимся стадом мулов этого путешественника, надеясь найти здесь защиту. Только один из погонщиков в испуге указал на тигра, который был виден на возвышенности на расстоянии почти 500 шагов.

Суеверие, существующее и по настоящее время, хотя давно уже опровергнутое, служит причиной того, что человек во многих странах Азии усердно преследует этих резвых жителей гор. Думают, что в желудках убитых безоаровых козлов чаще, чем у других жвачных, находят именно тот «камень», который послужил поводом к названию этого козла «безоаровым». Потому повсюду, где еще верят в чудодейственную силу безоарового камня, ведется истребительная война против его производителей. С древних времен восточные властелины присвоили себе право торговли безоаровыми камнями. Еще старый Бонциус знал, что эти чудесные камни вовсе не имеют приписываемого им целебного свойства. Румф рассказывает, что индусы смеются над европейцами, которые утверждают, что безоаровый камень находят в желудке дикого козла, тогда как они со своей стороны хорошо знают, что это лекарство добывается из желудка обезьян. Известно также, что сейчас пользуются безоаровыми камнями, добытыми не только от козлов, но и от всякого другого жвачного животного. Несмотря на это, гнусное шарлатанское средство ценится очень высоко в Индии и Персии, из-за него предприимчивые охотники продолжают истребление безоаровых козлов.

Ни на островах Средиземноморья, ни на Кавказе, ни в Тавре, по-видимому, ничего не известно о целебном свойстве безоарового камня, и потому здесь преследуют козла исключительно из-за его мяса, шерсти и рогов. На Антимелосе и на Крите охотой на него занимаются только в некоторых местах, притом весьма немногие, хорошо знакомые с горами пастухи, так как охота эта до сих пор еще очень опасна. К этому следует прибавить чрезвычай-

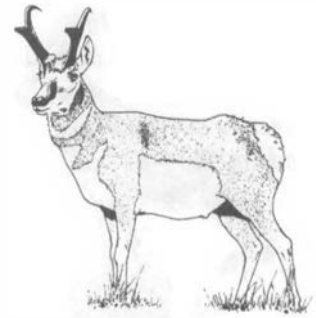
ную живучесть этого зверя, который, даже смертельно раненный, в состоянии бежать по крутым скалистым стенам почти с такой же быстротой, как здоровый, и таким образом большей частью пропадает для охотника. Старые козлы бывают очень смелы и иногда сбрасывают неосторожного охотника в страшную пропасть. В неприступных прибрежных местах охота производится с лодок посредством дальнобойных ружей.

Мясо безоаровых козлов славится своим замечательным вкусом, что и подстрекает пастухов на опасную охоту; только редко им удается убить эту драгоценную добычу, лишь в некоторых хижинах виднеется украшение из рогов убитого козла, как трофей счастливой охоты. Эргард выражает опасение, что со временем безоаровые козлы совсем переведутся на Антимелосе; зато на Крите Сандвит пророчит им долгое и довольно безмятежное существование, так как на этом острове не встречаются хищные животные, за исключением холзанов и бородатых ягнятников, жертвами которых делаются только новорожденные козлята.

На Тавре охота начинается лишь тогда, когда многочисленные стада уже покинули горное пастбище, хозяйственные запасы на зиму в домах сделаны и последние полевые работы закончены. Охотники поднимаются в горы до высоких лугов, находят следы диких козлов и залегают тогда на стойку, а если заметят хорошо протоптанные тропинки, то устраивают облаву. Нередко в продолжение многих дней охотники исходят всю гору, не встретив ни одного из этих драгоценных животных, а в другое время с первого раза наталкиваются на группу в 4—12 козлов или коз. Обыкновенный охотник считает себя счастливым, если в течение зимы добудет 4—5 безоаровых козлов.

Польза от этой охоты весьма значительна. Чрезвычайно вкусное мясо дикого козла, напоминающее мясо нашей косули, такое же нежное и мягкое, употребляется то в свежем виде, то в вяленом; в последнем случае его режут длинными узкими полосами, сушат на воздухе и заготавливают впрок. Длинноволосый мех, добытый зимой, употребляется мусульманами на коврики для молитвы и благодаря своему резкому запаху, который они находят приятным, ценится очень дорого; коротковолосая летняя шкура идет на кожи, рога — на выделку сабельных эфесов, пороховниц и других мелочей; таким образом, убитый безоаровый козел доставляет немало барышей.

Заслуживает упоминания **винторогий козел** (*Capra falconeri*). Он, по всей вероятности, содействовал происхождению породы наших домашних коз. Винторогий козел по величине не уступает альпийскому козерогу; общая длина его тела равняется 1,55 м, из которых 18 см приходится на хвост; высота в зашейке 80 см. Кинлох, так же как и Стерндаль, недавно определил высоту в плечах гораздо большую: первый из них считает ее в 110 см, а второй даже в 115 см. Из этого выходит, что винторогий козел

Семейство половогие

* *Винторогий козел*
(подрод *Orthaegoceros*) в холке достигают 90 см, самцы весят 80—120 кг, самки 40—60 кг.

Винторогий козел
(*Capra falconeri*)

гораздо крупнее альпийского козла и вообще может считаться самым большим из всех козлов*. Туловище его, опирающиеся на средней высоты ноги, можно назвать скорее стройным, чем толстым, шея довольно длинная, но сильная, голова относительно большая, уши маленькие, заостренные, хвост средней длины. Мех густой, у самцов очень густая борода и длинные волосы на затылке и на груди; у самок борода меньше, а на груди совсем нет свешивающихся гривой волос. Но самое замечательное в этом козле — его тяжелые своеобразные рога. Рога козы длиной в 25 см, сплюснутые и тупые; у козла, если высчитать все изгибы, они могут достигать в длину 1 м. В поперечном разрезе рога пред-

ставляют форму половины яйца, по обоим краям которого идет валькообразный кант. У корня они сходятся очень близко, затем идут вверх и назад и закручиваются в виде винта с внутренней стороны к наружной, то на более узком, то на более широком расстоянии, описывая полтора-два оборота. Рога покрыты поперечными валиками, годовые кольца врезаются глубоко. У некоторых козлов рога походят на штопор, у других обороты шире, хотя и не теряют своей винтовой формы. В первом случае они поднимаются от го-

ловы почти отвесно и прямо; во втором — более изгибаются назад и наружу, сплющиваются и получают своеобразную форму.

Мех так значительно удлиняется на верхней части шеи, на плечах и вдоль спины до крестца, что принимает вид гривы, но особенно разрастается он на передней стороне, где образует не только густую бороду, но свешивается ниже шеи и по всей груди в виде бахромы; у старых козлов волосы висят даже до ступней. От спины к животу они постепенно укорачиваются; у ног, как и

на носу, они совсем короткие. Длинные волосы меха волнисты, а короткие гладки и ровны. Смотри по времени года, окраска их меняется. Летом преобладает светло-чалый или светло-серебристый цвет, который на верхней части головы и на ногах делается темнее, борода же и хвост, обросший с обеих сторон волосами, темно-бурого цвета. К зиме концы бледнеют, и густо разросшийся подшерсток выступает тогда сильнее, отчего весь мех кажется гораздо светлее, чем летом. Рога светло-серого цвета, копыта и ложные копыта черные. Коза значительно меньше козла, но не отличается от него по окраске.

Винторогий козел был открыт в первый раз бароном Гюгелем на высочайших горах Тибета, и название получил в честь его друга Фальконера; под этим названием он и был описан в 1839 году Вагнером. В 1840 году с этим козлом ознакомился Винь и также описал его. От обоих путешественников мы узнаем, что этот козел живет на высочайших горах своей родины, также показывается на низких, но неприступных скалах поблизости от воды, откуда и произошло его местное название «тзура» (вода); туземцы думают, что он ест змей, почему они назвали его «маркур» (змееед). Первое обстоятельное сообщение об этом животном дает Адамс.

Отечеством винторогого козла служат западная часть Гималайских гор и северный Афганистан, может быть до самой Персии. Он водится в Солимановых горах и, по всей вероятности, в Гиндукуше, по всему Кашмиру и еще восточнее, на тибетской стороне Гималаев*. Внутри посещенной Адамсом области встречается маленькими группами, обыкновенно на бедных растительностью скалах, выше или ниже, смотря по времени года. Образ жизни винторогого козла сходен с жизнью всех диких козлов. Относительно народного поверья, характеризующего винторогого козла как змеееда, Адамс напрасно старался найти доводы, объясняющие это поверье, и узнал только, что оно распространено между всеми горными жителями. Кинлох тоже не добился доказательства, которое подтверждало бы справедливость такого мнения, но, во всяком случае, не опровергает его.

Блайт признает в винторогом козле не что иное, как одичалую породу домашнего козла, но Адамс самым положительным образом опровергает это мнение и рассматривает его скорее как родоначальника нашего домашнего козла; новейшие исследователи соглашаются с ним. Наблюдения, сделанные над животными, которые в новейшее время снова были доставлены в Европу и даже размножались в разных зоологических садах, более содействовали подтверждению последнего взгляда, чем первого, так как винторогий козел производит впечатление первобытного, а не перерожденного животного. Он проявляет те же качества, как и его родичи, такую же силу, ловкость и проворство, такую же предприимчивость, резвость и любовь к борьбе и все прочие отличитель-

Семейство палорогие

** Ареал винторогого козла охватывает горы севера и северо-запада Индии, Пакистана, Афганистана и Таджикистана в верховьях Амударьи.*

ные черты характера остальных диких козлов, ни в чем не отличаясь от них. В молодости веселый, задорный и игривый, но при этом все-таки осторожный и даже в некоторой степени робкий, с возрастом он все больше и больше принимает упрямый, вызывающий характер, свойственный всем козлам.

Домашний козел (*Capra hircus*). При попытке выяснить вопрос о происхождении нашей домашней козы и ее чрезвычайно многочисленных пород история и предания оставляют нас в потемках. Безоаровый и винторогий козел, разумеется, имеют больше всего прав считать себя праотцами этого полезного домашне-

го животного; но мы не можем определить, когда тот или другой вид был приведен в домашнее состояние, имело ли место скрещивание между обоими родами, когда впервые это случилось и как образовались настоящие признаки породы. Во время первого каменного периода домашняя коза в Швейцарии встречалась чаще барана, но эта столь древняя порода ни в каком отношении не отличалась от живущих в настоящее время на Альпах обыкновенных коз. На египетских памятниках мы можем сделать почти такие же наблюдения. «Мы нахо-

Домашний козел
(*Capra hircus*)

дим, — замечает Дюмихен, — египетскую козу, изображенную на всех древнейших памятниках. Насколько простираются наши знания, мы узнаем посредством рисунков и надписей, что с древнейших времен коз причисляли к домашним животным древних жителей долины Нила, во всякое время они были главной составной частью их стад. В изображениях и надписях постоянно говорится о козах и козьих стадах, о пастбищах и пастухах, о молоке и мясе коз, об их мехе и коже, из которой перед повсеместным

употреблением папируса, следовательно в древнейшие времена египетской истории, изготовлялся материал для письма. Когда в истории говорится о древних документах, то нередко означает, что они были писаны на козлиной коже. Слово «ар» выражало в египетских письменах понятие «коза» и равным образом «козья кожа». Оно писалось в обоих случаях одинаково и различалось только стоящим после слова определенным знаком. Одна замечательная надпись в библиотеке при храме Едфу говорит, что там выставлялись многочисленные ящики, содержавшие в себе папирусные и кожаные свитки. Последние и здесь обозначены словом «ар». На могильных памятниках Гизеха, в Сауйете-эль-Мейтине и Бени-Гассоне, в Сеуте, Фивах и Эль-Кабе, всюду встречаются изображения коз на рисунках, характеризующих жизнь древних египтян как сельских хозяев*.

Из вышесказанного следует, что домашние козы существовали с самых древних времен и что они ничем не отличались от живущих в наши дни; это постоянство пород и затрудняет точное определение их происхождения. Необыкновенная многочисленность пород не дает в настоящее время возможности составить их полное перечисление, не говоря уже об их строго научном и ясном описании*.

Совершенно бесполезно, если бы даже размеры нашей книги и позволяли, пространно описывать все эти бесконечно разнообразные породы; тем не менее о некоторых из них мы вкратце поговорим.

Самая благородная из всех пород, конечно, **ангорская коза**, которая, по мнению некоторых натуралистов, потомок винторогого козла. Это прекрасное крупное животное с вытянутым стройным туловищем, с сильными ногами, короткой шеей и головой, со своеобразно закрученными рогами и с удивительным мехом. Преобладающая окраска меха у этой породы — ровная блестяще-белая; изредка встречаются экземпляры, у которых по светлому фону разбросаны темные пятна. Летом руно вылезает большими клочьями, но быстро вырастает снова. Французские скотоводы нашли, что руно одной ангорской козы весит от 1,25 до 2,50 кг.

Ангорская коза, по-видимому, была неизвестна древним. Белон первый упоминает об этой густошерстой козе, руно которой тонко, как шелк, и бело, как снег, и употреблялось на изготовление камлота. Название свое она получила от одного маленького турецкого городка — Ангоры в Анатолии (Малой Азии), который древним был известен своим торговым значением под именем Анкиры. Родина этих коз — в стране с сухим и жарким летом и очень холодной зимой, хотя зима продолжается три или четыре месяца. Когда в горах нельзя более найти пищу, коз переводят в скверные хлева. В жаркое время года руно моют и вычесывают несколько раз в месяц, чтобы поддержать его красоту и вызвать лучший рост.

** По прежнему считается, что в становлении домашней козы (*C. hircus*) в разной мере участвовали безоаровый и винторогий козел. Предполагают, что одомашнивание козы произошло около 9500 лет назад на территории Ирана.*

Количество коз, разводимых в Анатолии, достигает полумиллиона. На одного козла приходится почти сотня коз и даже более. Стрижка происходит в апреле, затем шерсть, так называемый мохер, упаковывается. Одна Ангора доставляет почти миллион килограммов шерсти стоимостью на 3,6 миллиона марок. Часть ее расходуется на месте и идет на изготовление толстых материй для мужского платья и тонких — для женского, также на выделку чулок и перчаток; вся остальная шерсть идет в Англию. В Ангоре почти каждый житель занимается торговлей шерстью. Наблюдения показали, что тонкость руна уменьшается с возрастом козы. У годовалых животных руно замечательно нежно; уже на второй год оно ухудшается; с четвертого же года быстро утрачивает свои прежние качества, а шестигодовалую козу следует убивать, потому что она совсем не годна как производительница шерсти.

Почти столь же драгоценна кашмирская коза — довольно маленькое, но очень стройное животное, длиной приблизительно в 1,5 м, а высотой в плечах 60 см. Длинные, прямые, тонкие и гладкие волосы ости прикрывают короткий, необыкновенно тонкий, мягкий и пушистый подшерсток; только морда и уши покрыты короткой шерстью. Окраска изменяется. Обыкновенно все туловище серебристо-белого или чуть желтоватого цвета; впрочем, встречаются и одноцветные кашмирские козы: чисто-белые, бледно-желтые или светло-бурые, а также темно-бурые и черные. У животных со светлой окраской подшерсток белый или беловато-серый, при темной же окраске меха он пепельно-серый. От Тибета область распространения этой красивой козы простирается через Бухару до киргизских степей. В Бенгалию она завезена; в Тибетских горах, откуда ее не сгоняет даже зима и самые жестокие холода, она попадает часто.

Французский доктор Бернье, находясь в 1664 году в свите Великого Могола, посетил Тибет. Он узнал, что шерсть, идущую на изготовление ткани, доставляют два вида коз, из которых один живет в диком состоянии, а другой — в домашнем. Впоследствии армянский купец, ездивший в Кашмир по поручению одного турецкого торгового дома, сообщил, что ту тонкую шерсть, какую употребляют кашмирские ткачи, доставляют козы, живущие исключительно в Тибете. Козлы дают шерсти больше, чем козы, но зато не такую тонкую. Стрижка животных происходит в мае и июне. Полученную шерсть очищают, отделенные волосы ости идут на изготовление обыкновенных материй, а подшерсток подвергается вторичному старательному пересмотру и сортировке. Большой спрос существует на чисто-белую шерсть, которая обладает блеском и красотой настоящего шелка. С одного животного снималось около 0,3—0,4 кг годного к употреблению пуха.

Во время владычества Великого Могола в Кашмире находилось 40 000 заведений, где ткались шали; но постепенно эта зна-

чительная отрасль промышленности ослабела, так что из 60 000 рабочих, которым эти ткацкие заведения доставляли средства к существованию, многие вынуждены были эмигрировать из-за недостатка заработка на месте. И сейчас ткацкое производство в Кашмире не может поправиться.

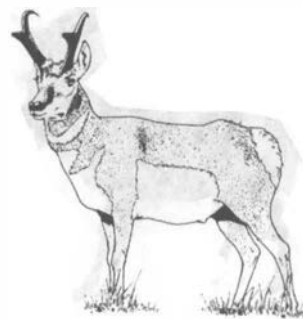
Теперь следует упомянуть о **нильской**, или **египетской**, козе, которая так часто попадает на изображения египетских памятников. Величиной она заметно уступает нашей домашней козе, только у нее ноги выше, а рога короче; но особенно отличается она маленькой головой и горбатым носом. Рогов обыкновенно нет у обоих полов, а если есть, то они маленькие, тонкие, в виде пеньков; бороды я также не видел у тех коз, которых мне пришлось наблюдать. У нее относительно маленькие глаза, тонкие, щелевидные ноздри, тонкие, тупо-округленные и плоские уши длиной почти с голову и висящие в виде лопастей, отвислые сережки на шее. Гладкая, ровная, большей частью яркая рыже-бурая окраска меха переходит на бедрах в более желтую. Аспидно-серые или пятнистые нильские козы принадлежат к редким явлениям. Пятна обыкновенно круглые и светлее основной окраски.

Это животное разводится повсюду в нижней долине Нила и распространяется до средней Нубии.

Карликовая коза — животное не более 70 см длины, 50 см высоты в загривке и не больше 25 кг веса — представляет собой грациозное создание. Туловище этой козы, опирающееся на короткие и сильные ноги, сжатое; относительно широкая голова носит у обоих полов короткие, только в палец длиной рога, которые у корня слегка загибаются назад и наружу, а в своей верхней трети чуть-чуть заворачиваются вперед. Довольно короткий, но густой мех имеет темную окраску, в которой преобладают смешанные черный и рыжевато-чалый цвета. Бывает, что все тело испещрено по темному фону белыми пятнами или крапинами. Череп, затылок, переносье и полоса, идущая вдоль спины, обыкновенно черные, бока беловато-чалые. От горла спускается на грудь черная полоса, которая здесь разделяется и идет по плечам, окружая их до зашейка. Широкая белая полоса проходит через середину темного брюха. Рыжеватые, желто-бурые и совершенно черные карликовые козы встречаются редко.

Отечеством этой породы мы могли бы признать все местности, лежащие между долинами Белого Нила и Нигера. В долине Белого Нила я встречал карликовых коз в большом количестве; Швейнфурт находил эту породу и еще другую, стоящую близко к ней, до нижней Африки. Несомненно, что эти козы заходят в западные береговые местности.

Домашние козы в настоящее время распространены почти по всей земле, они живут у всех народов, ведущих мало-мальски оседлую жизнь. Они обитают при самых разных условиях, большей частью как свободные стадные животные, которые днем на

воле разгуливают по пастбищам, ночью содержатся под присмотром человека. Одичалые козы встречаются там и сям в южноазиатских горах и на отдельных маленьких островах Средиземного моря.

Многочисленные козы острова Робинзон-Крузо в Тихом океане происходят от нескольких особей, которых там водворил в 1563 году Хуан Фернандес, открывший этот и рядом лежащие острова. Эти козы необыкновенно размножились в новом, вполне соответствующем их привычкам гористом отечестве. Они стали служить желанной добычей для пристававших к этому острову судов, в том числе и врагов испанцев. Тогда испанцы, чтобы истребить коз, напустили на остров собак. Эти последние так значительно уменьшили численность коз, что лорд Ансон, который в 1741 году провел на острове два месяца, с июня до сентября, вместе со своей эскадрой, сильно заболевшей цингой, насчитал только 200 голов, живших небольшими стадами в 20—30 штук. Лорд Ансон описывает в качестве очевидца, как находившиеся на острове одичалые собаки нападали на коз и как те защищались. Он заметил на вершине стадо коз. Когда те увидели собак, то отступили на другое место по тропинке, которая шла по узкому карнизу. Здесь выступил козел-вожак и стал в выжидательном положении, готовый каждого преследователя свергнуть в пропасть. Собаки приблизились на 20 или 30 шагов, но не отважились ступить на опасную, хорошо защищенную тропу и улеглись на земле, окончательно отказавшись от своего намерения. В отношении людей козы держались так осторожно, что команда Ансона едва могла добыть одну козу в день. Когда 25 лет тому назад Пехуель-Леше посетил этот остров, там уже не попадались одичалые собаки, а коз, несмотря на то, что на них усердно охотились, было больше, чем во времена лорда Ансона. Они выглядели очень робкими и держались исключительно на неприступных местах. Окраска их была красновато-бурая, только изредка попадались отдельные экземпляры с грязно-белыми пятнами или крапинами, как у оленей. А. Эрмель, посетивший в 1885 году остров Робинзон, сообщает, что колонисты в настоящее время усердно занимаются не совсем безопасной охотой на коз с огнестрельным оружием и выдрессированными для этой цели собаками. По его словам, соседний с этим и не населенный вследствие своей неприступности остров также изобилует козами. При случае охотились и на нем, особенно когда буйные каторжники были переведены туда с острова Робинзон, который служил местом ссылки преступников из Чили*.

** В мире около полу-миллиарда домашних коз, половина из них приходится на Азию, треть на Африку. Число пород точно не установлено.*

Коза создана для гор. Чем гора круче, уединеннее и неприступнее, тем лучше она себя там чувствует. На юге Европы и в прочих умеренных странах других частей света, бродя по горам, трудно не встретить стада этих животных. Они способствуют оживлению самых пустынных скал и умеют делать привлека-

тельными самые унылые местности. Это резвое, веселое, любопытное, задорное создание, расположенное к забавным шалостям, может доставить большое удовольствие всякому наблюдателю. Ей незнакомо головокружение, и она с полным спокойствием идет или ложится на узком карнизе над самой опасной бездной. Ужасны бывают схватки, происходящие между рогатыми козлами, которые в первый раз сходятся друг с другом. Треск сталкивающихся рогов раздается на далеком расстоянии. Они беспощадно бодаются прямо в глаза, в морду, в брюхо — одним словом, куда попало и, кажется, совсем не чувствуют боли; подобные драки, продолжающиеся часто по четверти часа, не оставляют других следов, кроме красных глаз.

Козел всем своим поведением выказывает важность и новизность и отличается от коз положительной отвагой и большой резвостью. В высоких горных областях Испании коз благодаря их уму используют в качестве проводников в стадах овец. Дорогие овцы-мериносы пасутся там в продолжение всего лета, на юге Испании часто на вершинах, лежащих на высоте 2000—3000 м над уровнем моря. Здесь пастухи не могут обойтись без коз. В Греции козы почти единственное домашнее двукопытное животное, которое там встречается; они оживляют все горы и издали дают знать о себе путешественнику специфическим запахом.

Во внутренней Африке козы днем также пасутся на открытых пастбищах, но вечером загоняются в так называемые серибы — плетни из колючих растений, где они защищены от нападения хищных животных. Из всех коз, которых я изучал, карликовая коза показалась мне наиболее подвижной и ловкой, так как, к моему немалому удивлению, она доказала, что жвачные животные могут забираться на деревья. Привлекательное зрелище представляется глазам наблюдателя, когда 5—10 таких маленьких коз сидят на верхушке большой акации. Какой-нибудь косо наклоненный ствол дает им возможность влезть на дерево, а там сучья и ветки образуют дальнейший путь к вершине. Часто это смелое создание можно видеть в положениях, которые почти невероятны для жвачного животного: коза стоит четырьмя ногами на сучке и, беспечно покачиваясь на таком шатком помосте, не только поддерживает равновесие, но при необходимости даже тянется или нагибается, чтобы достать сочный лист мимозы.

В западной Африке козы тоже бегают на воле, взбираются на низкие деревья с косыми стволами и перелезают даже через поперечные загородки, но там, где попадаются леопарды — их злейшие враги, по ночам их старательно стерегут. Они преданы своим хозяевам, а также и европейцам. Путешественник, который ведет караван коз, только в начале пути должен позаботиться о них, потому что через несколько дней козы свыкаются с караваном. По ночам они доверчиво толпятся вместе с людьми у лагерного очага и выискивают наиболее уютное и тепленькое

местечко. В общем они отважны, упрямы и выказывают себя лакомками при выборе пищи.

В Америку коз завезли европейцы. В настоящее время они распространены как в Северной, так и в Южной частях Нового Света. Однако их разведением не везде занимаются с одинаковым усердием, в некоторых местах это дело совсем в заброшено, например в Перу, Парагвае, в Бразилии и Суринаме, тогда как в Чили, напротив, о нем очень радеют. В Австралию это полезное животное также ввезено и достигло там значительного распространения.

По сделанным наблюдениям, в Германии коза ест из 576 сортов местных растений 449. При еде особенно ярко выступают ее непостоянство и прихотливость: она вечно бросается на новое кушанье, пощипывает везде всего понемножку, пробует и лакомится то от того, то от другого растения и никогда не бывает удовлетворена. Особенно она падка до древесной листвы и поэтому наносит лесному хозяйству значительный ущерб. Надо удивляться, что она без всяких дурных для себя последствий ест растения, которые безусловно вредны другим животным, таковы: молочай, чистотел, волчец и колючник, и с большим удовольствием лакомится курительным табаком и старыми окурками.

Коза уже с полугодовалого возраста способна к размножению. Половое возбуждение, продолжающееся обыкновенно от сентября до ноября и иногда вторично проявляющееся в мае, сопровождается постоянным блеянием и помахиванием хвостом. Если желаниям ее оказывают в это время препятствие, то она слегка заболевает. Козел в своем цветущем возрасте, т. е. когда ему от двух до восьми лет, во всякое время готов к услугам сотни коз. Спустя 21—22 недели после спаривания коза производит на свет одного или двух, реже трех и только в виде исключения 4 или 5 детенышей. Через несколько минут после рождения козлята приободряются и начинают искать материнское вымя; на следующий день они уже бегают, а через 4—5 дней всюду следуют за своей матерью. Растут они очень быстро: на втором месяце прорезаются рожки, а по прошествии года козлята достигают почти полного роста.

Коза во многих местностях может быть справедливо названа добрым другом бедных людей. Содержание ее обходится дешево, летом же сводится к нулю, а между тем она снабжает дом молоком, шерстью, а также доставляет навоз для полей. Ленц, который добросовестно делал наблюдения за удоями коз, нашел, что каждая коза при хорошем корме может дать в год 942 литра молока.

Кроме молока и выделяемого из него масла и сыра, имеющего большое распространение в Греции, коза приносит пользу мясом, шкурой и рогами. Мясо молоденьких козлят очень вкусно, хотя иногда чересчур уж нежно; мясо старых коз тоже недурно;

и если мы не умеем ценить его так, как другие народы, то этим только оправдываем известную поговорку: «На вкус и цвет товарищей нет». Шкура идет на изготовление сафьяна, реже — на пергамент. Главным местом, доставляющим кожи лучших сортов, является Восток. Из шкур козлов там шьют брюки и крепкие перчатки, в Греции делают меха для вина, а в Африке — для воды. Всего выше ценятся в кожевенном производстве шкуры обыкновенных капских коз. Грубые волосы меха кое-где употребляются на приготовление кистей или пряжи для вязания. Рога идут на выделку разнообразных вещей, а на Востоке и у полудиких народов так называемые знахари употребляют их как кровопускательное средство. Таким образом, это превосходное животное оказывает пользу как при жизни, так и после смерти.

Строением тела бараны стоят необыкновенно близко к козлам. Но отличаются присутствием слезных ямок, плоским лбом, угловатыми, почти трехгранными спирально закрученными рогами с поперечными складками и отсутствием бороды. В общем это — стройно сложенные животные с худощавым туловищем, тонкими, высокими ногами и коротким хвостом, с головой, сильно суженной спереди, умеренной величины глазами и ушами и косматым или шерстистым мехом. В скелете не заметно значительного различия между ними и козлами, а также антилопами и оленями. Внутреннее строение тела не представляет никаких особенностей*.

Все дикие бараны живут в горах северного полушария. Область их распространения — Азия, южная Европа, Африка и Северная Америка. Каждая горная цепь в Азии имеет свой вид или даже несколько видов; напротив, Европа, Африка и Америка очень бедны баранами и, насколько до сих пор известно, имеют лишь по одному виду. Многие виды очень близко подходят друг к другу и различие основано главным образом в устройстве рогов, величина и изгиб которых рассматриваются как характерные признаки. У некоторых правый рог загибается от корня к концу влево, а левый — вправо: тогда концы рогов выступают наружу; у других правый рог загибается в правую сторону, а левый — в левую.

Все бараны — настоящие жители гор и, по-видимому, лучше всего чувствуют себя на значительных высотах; большая часть поднимается выше границы вечных снегов, некоторые даже на возвышенности, стоящие на 6000 и 7000 м над уровнем моря, где, кроме них, могут существовать лишь козлы, один из быков, кабарга и некоторые птицы. На равнинах живут только домашние овцы. Местожительством диких баранов служат изобилующие травой пастбища или редкие леса, крутые скалы и пустынные отлоги, среди которых только кое-где попадает кустик. Смотря по времени года они переходят с места на место, с вершин в лощины и обратно. Лето заманивает их наверх, а холодная зима загоняет в более теплые места, потому что на высотах им нечем уже питать-

Семейство половогие

* Бараны (роды *Ammotragus*, *Pseudois*, *Ovis*) очень близки к козлам, но имеют довольно высокие тонкие ноги и более длинную шею. Придерживаются открытых ландшафтов — плато, плоскогорий, пологих склонов, равнин. Турниры между самцами заключаются в сшибании лбами с разбега, дистанция между соперниками составляет 5—15 м, скорость сближения может достигать 70 км/ч, а звук удара слышен за 1,5 км. Особое устройство черепа с пневматическими полостями позволяет избежать сотрясения мозга. Многие подвиды и популяции баранов находятся на грани исчезновения и нуждаются в охране.

ся. Пища баранов состоит летом из свежей, сочной альпийской растительности, зимой из мха, лишайников и сухих трав. Бараны большие лакомки, когда им предоставляется богатый выбор, и довольствуются до крайности малым, если этот выбор скуден: так, зимой сплошь и рядом они поддерживают свое существование только сухими травами, ростками, древесной корой, и такой недостаток в пище почти не отражается на их состоянии.

На баранах более, чем на других домашних животных, за исключением, может быть, только северного оленя, видно, насколько рабство извращает породу. Домашний баран представляет собой лишь далекий намек на дикого. Козел и в неволе сохраняет до некоторой степени самостоятельность, баран же на службе у человека совершенно теряет волю. Резвость и проворство, подвижность и ловкость, умение лазать, осмысленное отношение к опасности и способность предотвращать ее, храбрость и стремление к дракам — все эти свойства характера дикого барана совершенно утрачиваются у домашнего; он делается прямой противоположностью своих свободных собратьев.

Размножение баранов довольно значительно. После 20—25-недельной беременности самка приносит одного или двух, реже трех или четырех ягнят, которые вскоре после своего рождения уже в состоянии следовать за своими родителями. Самки диких баранов защищают детенышей, рискуя собственной жизнью, и выказывают по отношению к ним необыкновенную любовь. Домашние овцы равнодушны к собственным детям, и только бессмысленно таращат глаза на человека, который отнимает от них ягнят, не думая защищаться и оказывать противодействие. В относительно короткое время ягнята становятся самостоятельными и уже к концу первого года своей жизни сами способны к размножению.

Мы начинаем описание диких баранов с того вида, который отсутствием слезных ямок и слабым развитием рогов напоминает козлов. Это **гривистый баран** (*Ammotragus lervia*), представляющий собой благодаря висящей длинной гриве весьма замечательное животное. Туловище у него более сжатое, чем у большинства других баранов; тело очень сильное; шея короткая; голова вытянутая, но красивая, в лобной части широкая, к морде постепенно суживающаяся; переносье прямое. Глаза большие и выразительные благодаря бронзового цвета радужной оболочке, из которой рельефно выступает поперек стоящий зрачок. Уши маленькие, тонкие и с обеих сторон равномерно заостренные; голая часть морды очень мала и узка, на краю ограничена ноздрями. Сидящие на лбу рога сначала наклоняются вперед, потом постепенно заггибаются назад и наружу, а концами немного вниз и внутрь. Средней длины, широкий на конце кистеобразный хвост свешивается вниз, так что волосы кисти достигают пяточного сустава; ноги короткие и сильные, копыта высокие, ложные копыта

** Самцы гривистого барана достигают в холке 1 м и весят до 140 кг. Обитает в каменистых пустынных нагорьях*

малы и скрыты в шерсти. Мех состоит из крепких, жестких, грубых, но не особенно густых волос ости и тонкого курчавого, покрывающего все тело подшерстка. На верхней стороне шеи, на затылке и на зашейке волосы удлиняются в виде торчащего короткого гребня, а спереди и снизу они спускаются до самой земли роскошной густой гривой, которая ниспадает вдоль шеи, на подгрудке разделяется и расходится по обеим сторонам ключицы, продолжаясь по передним ногам. Ниже коленного сустава она пополняется отдельными пучками волос, которые свешиваются спереди кистями как с наружной, так и с задней стороны. Рост волос усиливается вверху по обеим сторонам шеи, где они образуют нечто вроде пушных подушек. Наконец, по краям брюха висит курчавая грива; на остальных частях тела мех развит очень равномерно. Самка отличается от самца главным образом более короткой гривой; рога у нее также довольно большие и сильные. Взрослые бараны достигают общей длины 1,8—1,9 м, включая и хвост в 25 см; высота в плечах от 95 до 100 см; взрослая овца имеет общую длину в 1,55 м при высоте в плечах 90 см; рога у баранов могут быть 70 см в длину, считая все их изгибы, а у овцы 40 см*.

**Гривистый баран
(*Ammotragus lervia*)**

Уже в 1561 году Кай Британникус описал гривистого барана, мех которого был доставлен ему из Мавритании. С тех пор прошло много времени, прежде чем снова услышали об этом животном; первым после того упомянул о нем Пеннант, а потом Жоффруа Сент-Илер. Последний нашел его в горах, поблизости, Каира; другие натуралисты наблюдали его на Верхнем Ниле и в Абиссинии. Всего чаще попадает он в Атласских горах. Р. Ян-наш нашел его в южном Марокко. Относительно образа жизни этого барана ничего не было известно, так что если бы Буври не сообщил мне нижеследующего, то я мог бы познакомить с его

Северной Африки до Красного моря, юга Судана и Нигера в виде мелких изолированных популяций. Акклиматизирован на юго-западе США, как объект спортивной охоты.

** Гривистые бараны нередко только имитируют драку. Этот вид лучше других баранов лазит по кручам, объединяется в семейные группы и вне периода размножения. В помёте часто 2—3 детеныша весом по 4,5 кг.*

жизнью разве только в неволе, потому что во время путешествия мне не попадалось это животное.

«Гривистый баран носит у туземцев южного Алжира общее имя «аруи»; баран называется «фетшал», овца — «масса», а ягненок — «каруф». В провинции Константина животное это держится на южных склонах Аурасских гор; по данным, заимствованным от арабов, оно должно также попадаться в степях, ограниченных этими горами, и даже в песчаной пустыне Вади-Синф. На западе гривистый баран встречается в Джебель-Амуре и в провинции Оран на южном склоне Джебель-Сиди-Шейх. Несомненно, что в наиболее высоких горах Марокканского Атласа он многочисленнее, чем в Алжире, так как неприступность и безлюдность этих гор, могут только привлекать к себе это жвачное.

Баран любит высочайшие скалистые карнизы, куда можно проникнуть только через лабиринты обломков скал и нагромождений валунов, вследствие чего охота на это животное в высшей степени трудна и часто опасна; к тому же она не обещает больших выгод, так как гривистые бараны держатся поодиночке. Только во время течки, которая бывает в ноябре, несколько овец собираются вместе, а к ним присоединяются и бараны; они проводят совместно некоторое время, а затем снова расходятся каждый своей дорогой. Случается, что в пору любви между баранами происходят чрезвычайно упорные схватки. Арабы уверяют, что в таких случаях не известно, чему больше удивляться — то ли упорству, с которым влюбленные бараны по полчаса и больше стоят друг против друга с наклоненной вниз головой, или силе столкновения, когда они ударяют друг друга, или же, наконец, крепости их рогов, выдерживающих такие удары, которые, надо полагать, могли бы разmozжить череп слону*. Пища барана состоит летом из сочной горной растительности, а зимой из лишаев и сухих трав; может быть, ему приходится по вкусу некоторые отдельно стоящие низкие тернистые кустарники.

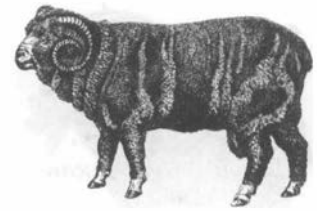
Охоту на гривистого барана я представлял себе легче, чем она оказалась в действительности. В сопровождении Али ибн Абея я вышел из оазиса Бискра и взял северо-восточное направление к Джебель-эль-Мелх, той части Аурасских гор, которая круто нависла над равниной и, как обыкновенно бывает, усеяна у подошвы осколками скал, рассыпанными по пустынным покатосям. Мы долго плутали, прежде чем нашли проход между этими горами камней. Несколько часов с большим трудом лезли мы наверх и поднялись наконец на возвышенность, стоящую на 1600 м над уровнем моря; там мы увидели прохладный, весело журчащий источник, манивший нас на отдых. Мы в восторге испили драгоценной влаги и, наклоняясь к источнику, увидели следы. Я знал, что гривистый баран, который сегодня пил здесь, снова вернется сюда. Ночевали поблизости от источника. Утро еще не брезжило, когда мы залегли в засаду. В вы-

жидательном безмолвии пролежали, должно быть, с полтора часа, как вдруг заметили шедшего медленными шагами прямо на нас мощного барана. Каждое движение его было благородно и горделиво, каждый шаг уверен, тверд и спокоен. Он осторожно искал более отлогий берег и, найдя, нагнул голову, чтобы напиться; тогда сверкнул огонь из обеих наших ружей. Баран с криком упал, но вдруг снова вскочил и с невероятной быстротой бросился вскачь, чего раньше я никогда не видел у этих животных. Подобно серне, уверенно и смело неся он вперед, а мы стояли смущенные и только смотрели ему вслед. Он, очевидно, был ранен и далеко уйти не мог, и потому мы бросились вдогонку. Но проходил час за часом, а мы все еще гнались за бараном; следы привели нас на край утеса, который висел над котловиной в 60 м глубиной. Здесь следы терялись. Араб полез в котловину и едва достиг ее дна, как радостный крик, раздавшийся оттуда, возвестил мне, что мертвый баран лежал внизу.

Судя по годовым кольцам рогов, убитое животное могло иметь 8—10 лет от роду, но как мой араб, так и другие, которых я потом спрашивал, единогласно высказались, что этого барана отнюдь нельзя было считать таким старым*. Арабы — большие любители мяса дикого барана, да я и сам должен сознаться, что оно чрезвычайно вкусно; жаркое из дикого барана очень походит по вкусу на оленину. Из меха животного арабы изготавливают одеяла или ковры под ноги; шкуры повсеместно дубят и выделывают из них сафьян».

В новейшее время гривистый баран часто привозится в Европу живым, и теперь уже там он не редкость.

Почти через 160 дней после спаривания самка гривистого барана рождает одного или двух ягнят — маленьких, милостивых, уже через несколько часов после рождения в высшей степени подвижных, очень резвых зверьков, которые благодаря своей страсти к лазанью напоминают козлят. На вторые сутки после рождения они с видимым удовольствием поднимаются на все возвышенности, какие найдут в своей загородке; на второй или третий день проявляют такое проворство и ловкость, которые доказывают, как трудно поймать их на свободе. Первые детские прыжки постепенно переходят в задорную игривость. Мать следит за всеми движениями своего потомства с несколько меньшим равнодушием, какое мы привыкли видеть в домашней овце; она иногда тоже лазает за своими бойкими детенышами или подманивает их к себе бляением; по этому знаку они почти одновременно старательно ухватываются за вымя, причем сосут так же, как и наши домашние ягнята и козлята, сильными толчками в вымя стараясь добыть по возможности больше молока. При благоприятной погоде вырастают быстро; почти уже с восьмого дня начинают пощипывать отдельные стебельки травы, а через месяц едят всякий корм, какой дают родителям, но все еще сосут и отучаются от

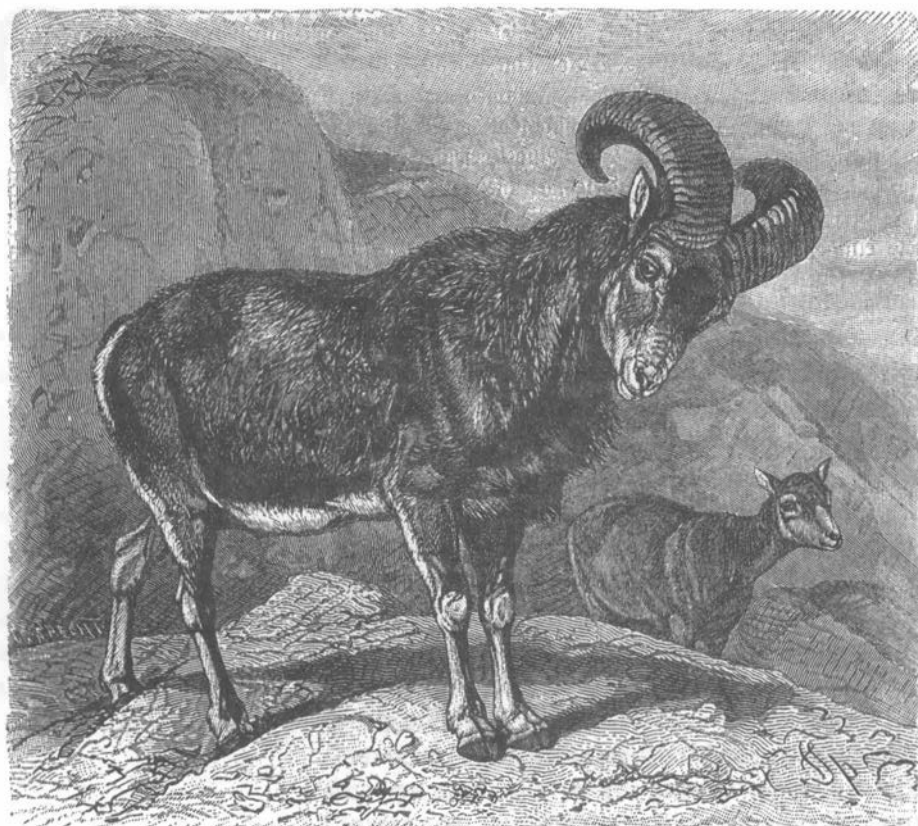

** Продолжительность жизни в неволе — 10—12 лет.*

Семейство полорогие

* Выделяют три вида горного барана: муфлона (*O. orientalis*), обитающего в Средиземноморье, Малой Азии, Закавказья;

Муфлон
(*Ovis orientalis*)

казье; уриала (*O. vignei*) — жителя Средней Азии, Ирана, Аравии, Кашмира; архара, или аргали (*O. ammon*), — в высокогорьях Центральной Азии.

молока только около времени спаривания или, вернее, когда мать уже больше не подпускает их к себе.

Муфлон (*Ovis orientalis*)* — единственный дикий баран, который живет в Европе, а именно в горах Сардинии и Корсики. Многие думают, что в прежние времена муфлон водился и в других частях южной Европы, например, на Балеарских островах и в Греции, но это мнение, однако, не могли доказать. В Испании, юго-восточная часть которой некоторыми считается родиной муфлона, он более уже не встречается, да, по всей вероятности, никогда и не водился там. Его, думается, перепутали с козерогом. Я с особен-

ным старанием собирал сведения о муфлоне и подробно исследовал все коллекции и удостоверился, что, кроме козерога, никакие другие дикие козлы или бараны не живут на Иберийском полуострове. В настоящее время муфлон, известный у горных жителей под названием «муфроне» — для барана и «муфра» — для овцы, держится все еще стадами, в которых насчитывают иногда до полусотни голов, но обыкновенно меньше. Граф А. Шмизинг-Керсенброк, охотившийся в

последнее десятилетие на Корсике, говорит, что хотя там еще много муфлонов, но он не видел и даже ничего не слышал о больших стадах и во время облавы встречал только отдельные экземпляры или по четыре-пять голов за раз и только один раз встретил группу из семи баранов. Древние римляне отличают корсиканских муфлонов от сардинских; Плиний называет первого из них «мусмоном», а второго, как греки, — «офионом».

Из древних источников мы узнаем, что прежде дикие бараны были необыкновенно многочисленны. Иногда на некоторых больших охотах случалось убивать 400—500 муфлонов, в настоящее же время рады, когда убьют одного. Уже в конце прошлого столетия, во времена аббата Цетти, которому мы обязаны первым

жизнеописанием муфлона, считалось в высшей степени удачной охотой, когда убивали 100 муфлонов.

Муфлон принадлежит к самым маленьким видам диких баранов, хотя длина его, включая хвост в 10 см, достигает 1,25 м, высота в зашее 70 см, а вес около 40—50 кг. Рога, считая все их извилины, достигают почти 65 см в длину и от 4 до 6 кг веса. Туловище короче, чем у других диких баранов. Довольно короткий волосной покров лежит гладко; особенно густой мех зимой, когда короткий, тонкий и курчавый подшерсток сильно разрастается; на груди волосы удлиняются и образуют как бы короткую гриву. Середина спины темно-бурая, остальная окраска красно-рыжая; на голове она переходит в пепельно-серую, а на морде, крестце, по краям хвоста, на концах ног и на нижней стороне тела — в белую. Зимой мех темнеет и переходит в каштаново-бурый цвет; тогда он на боках имеет по резко ограниченному от общей окраски большому, почти четырехугольному, бледно-желтоватому или беловатому пятну. Рога у муфлона сильные и длинные, у корня очень толстые, начиная с середины длины постепенно утончаются и заостряются. На поверхности рогов от корня до кончика выступают 30—40 складок, которые сидят плотно одна подле другой. Самка заметно меньше ростом и отличается более светлой окраской меха и отсутствием рогов; они бывают только в редких случаях и тогда очень коротки, 5—6 см длиной.

В противоположность гривистому барану муфлон живет стадами, предводительство которыми принимают на себе старые, сильные самцы. Это стадо, по словам Мимо, избирает своим местожительством высочайшие горные вершины и устраивает стоянки на крутых, неприступных скалах. Подобно другим стадно живущим жвачным, муфлоны имеют своих сторожей, которые, заметив что-нибудь подозрительное, издают крики ужаса и этим извещают об опасности товарищей, которые тотчас же обращаются в бегство. В пору любви стадо разделяется на маленькие группы, состоящие из нескольких овец и одного барана, который завоевывает себе это положение ценой жаркой битвы. Насколько труслив и боязлив муфлон в обыкновенное время, настолько он смел в битвах с себе равными. В декабре и январе в горах часто слышится звук сталкивающихся рогов, и если осторожно подкрасться, то можно видеть, как два сильных барана стоят друг против друга с наклоненными головами и с такой силой наскакивают один на другого, что просто непостижимо, как бойцы могут удержаться на месте. Нередко случается, что один из соперников бывает столкнут с утеса и низвергнут в бездну.

В апреле или мае, через 21 неделю после спаривания, овца рождает одного или двух ягнят, которые уже через несколько дней с большой уверенностью следуют за матерью по самым

*Семейство
палорогие*

опасным тропинкам и скоро сравниваются с ней в ловкости. На четвертом месяце у молодых барашков прорезаются рожки, к концу первого года муфлоны уже готовы к спариванию, хотя полный рост их и возмужание завершаются только на третьем году.

Движения муфлона живы, ловки, проворны и уверенны, но довольно скоро звери утомляются, по крайней мере на ровной почве; главное их искусство заключается в лазании. Цетти говорит, что муфлон очень боязлив и при малейшем шуме весь дрожит от страха и убегает как можно скорее. Если неприятель загонит его в такое тесное место, где и искусство в лазании не может выручить, то от страха он мочится или, как некоторые думают, умышленно прыскает мочой в своего врага. К врагам муфлона следует причислить волка и рысь; ягнята часто становятся жертвой орлов.

Человек применяет всевозможные средства, чтобы добыть драгоценное животное. Жаркое из муфлона — превосходное кушанье, так как оно соединяет в себе пряный вкус дичи со вкусом баранины. В конце мая для муфлона начинается тучное время, когда он становится почти таким же жирным, как откормленный баран. Кроме мяса пользуются шкурой и рогами муфлонов, но больше всего ценится безоаровый камень, который изредка находят в первом отделении желудка муфлона и употребляют как самое верное и действенное потогонное средство.

Уже древним было известно, что муфлон плодотворно скрещивается с домашней овцой, но они не знали, что ублюдки их, названные «умбрами», так же плодovitы.

Муфлона легко содержать в больших парках и в тесной неволе. Уже в начале прошлого столетия в императорском зоологическом саду близ Вены жили муфлоны в полудиком состоянии, пользуясь совершенно одинаковым уходом с содержащимися там же оленями и кабанями. Так как к ним время от времени подвозили новые экземпляры муфлонов, то они сохранили все привычки и нравы своих диких собратьев: были такими же пугливыми, такими же живыми, как их родоначальники из Сардинии и Корсики, правильно размножались и по справедливости считались редкой и привлекательной дичью.

Аргали, или архар (*Ovis ammon*), представляет собой очень крупного барана размером с девятимесячного теленка. Ноги высокие и стройные, копыта узкие и короткие, скрытые в шерсти неразвитые копыта малы. Могучие трехгранные широкие рога имеют в разрезе треугольную форму. Узкое основание этого треугольника обращено вперед и вверх, а вершина его — вниз; у основания рога стоят тесно прижатые один к другому, затем загибаются сначала назад и наружу, потом вниз и в стороны, концами снова назад и вверх; таким образом, если смотреть на них сбоку, то кажется, что они описывают почти полный круг. Рога от самого основания

покрыты рельефно выступающими и охватывающими весь рог волнистыми или переходящими один в другой вальками, в промежутках между которыми заметны глубокие бороздки ростовых колец. Густые, волнистые и хрупкие волосы ости, которые немного удлиняются лишь на подгрудке и на зашееке, и тонкий, короткий подшерсток составляют волосяной покров животного. Он распределен по всему телу весьма равномерно, за исключением одного места в плечевой области, позади верхней части плеча, покрытого короткими, жесткими волосами. Преобладающая окраска меха матовая бледно-серая. Общая длина аргали, включая хвост в 11 см, достигает 1,93 м, высота в зашееке 1,12 см. Ширина передней поперечной стороны рогов 7 см, широкая сторона их имеет 14 см; длина рогов, считая все изгибы, 1,22 м, расстояние между концами 93 см. Заметно более слабая по сложению овца аргали походит на барана окраской, рога у нее гораздо меньше, т. е. короче.

Область распространения аргали идет от Алтая до гор Алатау, а быть может, и далее на юг. В пределах очерченных границ он живет не на всех горных хребтах; местами в последнее время истреблен.

Аргали избегает сырых гор, покрытых лесом, и значительных высот. Любимым местожительством ему служат горные хребты от 600 до 1000 м над уровнем моря, если они богаты голыми скалами, имеют склоны со скудно растущими деревьями и долины с широким и ровным дном. Здесь живет он как зимой, так и летом, приблизительно в одной и той же местности, только в виде исключения переходя с одного горного хребта на другой. Там, где архары не подвергаются преследованию, нередко какая-нибудь гора в течение многих лет служит местопребыванием одного

Архар
(*Ovis ammon*)

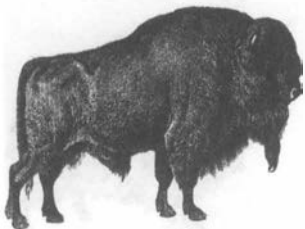
стада. Почти до самого периода случки бараны бродят отдельно от овец. Незадолго до случки они соединяются в маленькие стада не более 15 голов.

Суточное распределение времени у архара отличается замечательной постоянностью. Они животные дневные. Рано утром, не спеша, спускаются по склонам и пасутся у подошвы гор, в седловинах между ними, в широких долинах или на равнинах, расположенных вокруг гор. При этом один из баранов забирается на ближайшую скалу, чтобы караулить, и стоит на страже, смотря по надобности, более или менее продолжительное время. Около полудня стадо собирается на крутом склоне, ложится здесь и, пережевывая жвачку, предается покою. Перед вечером они еще раз отправляются на пастбище, пьют воду, полизав перед этим немного соли, и опять медленно поднимаются на гору, чтобы до наступления темноты добраться до места своего ночлега.

Летом аргали употребляет в пищу все те растения, которые ест и домашняя овца; зимой довольствуется мхом, лишайниками и сухой травой. Для этого забирается на вершины скал, с которых ветер сдул снег. Относительно водопоя он разборчивее, чем в пище, каждый раз приходит к определенному источнику, решительно предпочитая его другим. Солончаки посещаются им часто как лакомство, излюбленное всеми жвачными.

Время случки указывают самое разное. По сведениям, которые Пржевальский получил от монголов, самец аргали на юго-востоке Гоби уже в августе расположен к случке; по показаниям, которые я получил от киргизов в юго-западной Сибири, — не ранее половины октября. Старые бараны около этого срока занимают определенные места и не допускают сюда тех, которые моложе и слабее их. С равными по силе они вступают в бой из-за места и из-за овец. Бои, которыми заканчиваются ссоры, похожи на поединки домашних баранов.

Аргали-самка через семь месяцев после спаривания рождает одного или двух ягнят; матери помоложе обыкновенно приносят только одного, старые же, напротив, двух. Ягнята заметно больше, чем у домашних овец: длина доходит до 65, а высота в плечах до 54 см. Уже через несколько часов после рождения ягнята всюду следуют за своими матерями, даже по самым трудным тропинкам; они бегают очень скоро и лазают не хуже взрослых. Если в первые дни жизни им угрожает опасность, то по знаку матери они припадают к камням среди скал, прижимая шею и голову к земле, и становятся как бы живыми камнями; таким образом они скрываются от многих врагов, тем более что последние обращают все внимание на старую овцу, которая, продолжая бегство, отвлекает их от своих детенышей. В таком положении ягнята лежат долго и убегают только тогда, когда враг их спугнет. До ближайшего периода слу-

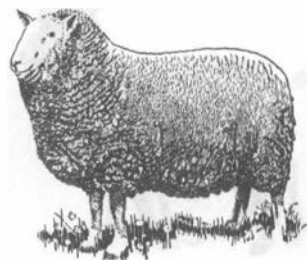
чек они остаются в обществе матерей, сосут же до тех пор, пока старые им это позволяют.

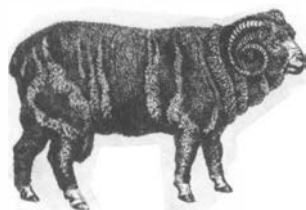
Движения архара соответствуют его сильному, плотному и не лишенному грации сложению. Обыкновенный бег — рысь, но самый быстрый способ передвижения, который я видел, — галоп, отличающийся необыкновенной легкостью; при этом передняя и задняя части тела животного попеременно высоко вскидываются. Во время бегства овцы аргали, соединенные в стадо, следуют почти всегда одна за другой в один ряд, совсем так, как это делают козероги и серны. При передвижениях по скалам они отличаются силой и ловкостью и в то же время быстротой и решительностью. По словам Пржевальского, рассказы о том, что баран в случае опасности бросается в глубокие пропасти и что при этом он всегда падает на рога, оказываются чистейшим вымыслом. «Собственные наблюдения убедили меня, что аргали соскакивал с высоты в 6—10 м, но падал всегда на ноги; к тому же он старался даже скользить ногами по скале, чтобы тем ослабить силу падения». Аргали редко действуют необдуманно, редко безрассудно увеличивают или уменьшают быстроту своего бега. Преследуемые, они часто останавливаются, влезают на встречающиеся по пути возвышенности и холмы, чтоб осмотреться, возобновляют бег только при новом приближении врагов; безостановочно мчатся лишь через широкие долины.

Внешние чувства у них, по-видимому, развиты отлично и в равной степени. Они видят, слышат и обоняют прекрасно. Если возможно, то становятся разборчивыми в пище и, по всей вероятности, не обижены природой и осязанием. Они очень уверены в себе; у них можно заметить и некоторую обдуманность в поступках. Аргали, подвергавшиеся неоднократным преследованиям, становятся очень осторожными, однако не пугливыми. При других обстоятельствах они выказывают поразительную доверчивость. Пржевальский в горах Средней Азии встречал таких доверчивых аргали, что охотник мог подойти к стаду до расстояния в 500 шагов, не беспокоив его. В местностях, где китайцы и монголы из-за недостатка ружей почти не преследуют аргали, последние до того привыкли к людям и к их деятельности, что часто пасутся возле скота монголов и вместе с ними приходят к водопою, несмотря на то, что вблизи разбиты юрты. «Когда мы, — говорит Пржевальский, — в первый раз заметили на расстоянии полуверсты от нашей палатки на зеленом склоне горы спокойно пасущееся стадо этих горных животных, то не поверили своим глазам».

Несмотря на это, охота на животных требует большого искусства и меткости охотника и затрудняется тем, что аргали не везде можно преследовать. Подкрасться к нему еще труднее, а между тем выстрел должен быть безусловно смертельным. Дичь

Семейство палорогие

эта очень ценится киргизами, и действительно, мясо аргали превосходно, хотя имеет несколько острый вкус.

Взрослых архаров, кроме людей, преследуют тигры, волки, впрочем, в редких случаях успешно. Чаще всего этим хищникам удается захватить ягненка; самый ужасный враг последних — это беркут. Его зоркий глаз не ошибется и в таких случаях, когда ягненок, как уже было описано, превращается как бы в камень; молодое беспомощное млекопитающее безвозвратно погибает, если мать его не возвратится вовремя. В бытность нашу на охоте в Аркатских горах киргизы принесли нам ягненка, растерзанного могучей хищной птицей. Мы видели, как мать спасалась от загонщиков и вслед за тем возвратилась; но достаточно было и этого недолгого отсутствия ее, чтобы беркут успел схватить ягненка.

Знаменитейший путешественник средних веков, Марко Поло, странствовавший в конце XIII века по внутренней Азии, рассказывает, что «в горной стране Памир, на высоте более 4000 м, я видел много диких животных, в особенности гигантских овец». Рога их имели в длину три, четыре, даже шесть ладоней и использовались пастухами как сосуды для сохранения съестных припасов. Многие овцы становятся добычей волков, и потому жители находят множество рогов и костей, из которых пастухи нагромождают кучи для указания дороги путешественникам, когда снег покрывает равнину. В первой трети нашего столетия Бернс, в своем путешествии в Бухару, упоминает о том же животном, которое по известиям, полученным им у киргизов, больше коровы, но меньше лошади, белого цвета, с длинными висящими волосами на подбородке; живет оно на самых холодных высотах. Киргизы любят охотиться за ним из-за мяса, которое ценится дорого, и убивают его стрелами; в случае счастливой охоты необходима пара лошадей, чтобы доставить на место эту огромную тушу. Спутник Бернса Вуд подтверждает показания Марко Поло и прибавляет, что видел труп одной овцы. «Это гордое животное высотой с двухлетнего жеребенка, с большой бородой и двумя великолепными рогами, которые вместе с головой были так тяжелы, что трудно поднять их с земли. Выпотрошенная туша составляла груз, достаточный для небольшой лошади. Мясо его было жестко и неприятно, осенью оно, говорят, гораздо лучше и даже имеет тогда особенный вкус дичины». До новейшего времени мы не имели ближайших сведений о прекрасном животном и лишь Северцову и Пржевальскому пришлось впервые познакомить нас не только с внешним видом и окраской, но и с образом жизни этого самого большого из описанных до сих пор диких баранов. Северцов нашел диких баранов в Тянь-Шане. Здесь он впервые в верхнем течении Нарына встретил следы жвачного животного, известного до сих пор только по рогам, и не только собрал большое количество черепов с рогами, но был настолько удачлив, что убил не-

скольких. Он дал им название «качкары». Почти одновременно с ним в 1874 году тех же баранов описал и Столичка, а через три года и Пржевальский. Итак, в настоящее время мы имеем о них достаточно полные сведения.

Баран Марко Поло, или **качкар** (*Ovis ammon polej*), действительно достигает величины, указанной Бернсом. Общая длина взрослого барана, по Столичке, равняется 1,97 м, по Северцову, даже без хвоста 2,04 м; длина головы 35 см и длина хвоста 11 см; высота в плечах 1,2 м, масса его около 230 кг*. Коренастое туловище покоится на крепких, но тонких и потому красивых ногах; голову животное держит всегда высоко, морда выразительная, хотя с несколько вздернутым носом и с висящими губами. Глаза умеренно большие, но живые, с карим зрачком; уши сравнительно малы, узки и заметно заострены; слезные ямки достаточно большие и глубокие. Рога старого барана почти трехгранные, на всей поверхности более или менее бороздчатые, соприкасаются один с другим у основания. Рога постепенно широкой дугой направляются вперед, затем назад, описывают полный круг, потом их сплюснутые концы опять обращены назад и кнаружи. При измерении по всем изгибам они достигают длины в 1,5 м, имея у корней в обхвате 50 см; рога овцы достигают лишь 40 см длины. Шерсть на задней части головы и на затылке удлиняется и образует вокруг шеи гриву из грубых, шерстистых волос длиной в 13—14 см.

В настоящее время еще невозможно установить точно область распространения качкара; кажется, что он живет не только в Тянь-Шане и в северном Тибете, а встречается также на других плоскогорьях внутренней Азии. От своих родичей качкар, по-видимому, отличается тем, что населяет исключительно горные вершины за границей лесов, а не спускается подобно им в местности, лежащие ниже.

Качкар по образу жизни похож на аргали. Пржевальский зимой встречал стада от 5 до 15 голов, в исключительных случаях и по 25—30 особей. В каждом стаде находятся два или три барана, из которых один берет на себя предводительство и руководство над овцами. Овцы, безусловно, доверяют бдительности предводителя; как только он пускается бежать, стадо слепо бросается за ним. Баран обыкновенно идет впереди и время от времени останавливается, чтобы осмотреться; то же делает и все стадо, но при этом сбивается в тесную кучу, и все зорко смотрят в сторону, откуда грозит опасность. По временам для большей предосторожности баран взбирается на ближайшую скалу или холм.

По утрам качкары пасутся на склонах гор или в долинах, но когда солнце поднимается высоко, они укладываются на отдых. Для этого выбирают покатые, защищенные от ветра склоны, имеющие открытый во всех направлениях горизонт; предвари-

* Баран Марко Поло, или качкар (*O. a. polei*), является подвидом архара. Длина рогов достигает 190 см. Распространен на Памире и в прилегающих горах, а в Гималаях живет другой подвид — гималайский баран (*O. a. hodgsoni*).

* Канадский толсторог отличается более массивным сложением, чем архар, шерсть на шее не образует гривы, рога толще, но короче (в среднем 1,1 м, пара рогов весит до 15 кг), закручены в более крутую спираль диаметром до 46 см. Общая окраска темно-бурая, к зиме могут светлеть спина и лоб. Выделяются обширное белое зеркало на крупе и белый конец морды. Высота в холке может достигать 65—125 см, вес 60—140 кг (самцы) и 30—90 кг (самки).

тельно взрыв почву, они ложатся на землю. При отдыхе всего стада бараны обыкновенно располагаются несколько в стороне, чтобы ничто не препятствовало им наблюдать; если же стадо состоит исключительно из баранов, из трех или четырех, то они располагаются один возле другого, но так, что головы их обращены в разные стороны. Никогда они не забывают о таких мерах предосторожности.

Охота на качкаров ведется туземными охотниками в Тянь-Шане особенным образом. Как бы ловок ни был охотник, ему редко удастся убить дикого барана; он только в исключительных случаях падает от первого выстрела. По этой причине как киргизы, так и казахи предпочитают охотиться вдвоем. Вооружившись очень длинными и тяжелыми ружьями, которые при стрельбе опираются на вилообразную рогатку, охотники вместе выслеживают дичь, подкрадываются к ней незаметно под ветром и стреляют. Если животное падает, то охота этим кончается; если же оно, как это чаще бывает, убегает, то один охотник старается обогнать его; другой преследует на коне по всему извилистому пути, стараясь уличить момент для выстрела. Трудность охоты увеличивается удивительной живучестью качкара: даже тяжело раненый несколько раз, он в состоянии бежать еще очень далеко. Эта нечувствительность к ранам объясняется гигантской телесной силой животного.

Кроме людей, качкара преследуют те же хищные животные, как и аргали. По уверению монголов, злейший враг старого барана — его собственные рога: с течением времени концы их становятся такими длинными, что выступают перед ртом животного, препятствуют ему кормиться и обрекают на голодную смерть. Пржевальский не имел возможности выяснить, имеются ли какие-либо свидетельства, подтверждающие это.

Канадский снежный баран, толсторог (*Ovis canadensis*). Первые известия о толсторогих баранах доставили два миссионера из Калифорнии в 1697 году. «Мы нашли, — говорит патер Пиколло, — в этой стране два вида неизвестных нам еще животных и назвали их овцами, потому что они до некоторой степени походили на них. Один из видов величиной с однолетнего или двухлетнего теленка; голова его похожа на оленью, а очень длинные рога — на бараньи. Хвост, подобно меху, пятнистый, но короче, чем у оленя; копыта, напротив, велики, круглы и расщеплены, как у быка. Мясо этого животного я ел; оно очень нежное и вкусное. Овцы второго вида, некоторые белые, другие черные, немногим отличаются от наших; они несколько крупнее, имеют больше хорошей шерсти, которую легко прясть и ткать»*.

В благоприятных местах толсторогие бараны встречаются еще довольно часто. Принц фон Вид видел у реки Елаутон стада в 50, 80 и больше голов; Одюбон в той же местности ви-

дел стадо в 22 головы; Ричардсон сообщает, что животные ходят обыкновенно группами от 3 до 30 особей. Но эти сообщения относятся ко временам, после которых прошло 50—70 лет; уже в середине семидесятых годов Тильман жалуется, что в своих охотничьих экскурсиях он не видел в горах толсторогих баранов, даже ни разу не встречал их следов. Овцы и ягнята образуют стада; старые бараны, за исключением времени спаривания, держатся отдельно по несколько голов или же живут по одиночке. В декабре они соединяются с овцами, и тогда происходят серьезные поединки между баранами. В остальное время животные мирно живут друг с другом, подобно нашим домашним овцам, на которых они очень походят по нраву. В июне или июле овцы ягнятся; в первый раз имеют по одному, позже по два детеныша, которых матери очень скоро начинают водить на самые недоступные высоты.

Образом жизни толсторогие бараны существенно не отличаются от своих родичей, даже от козорогов. Они превосходно карабкаются по горам. Как только замечают что-либо незнакомое, то убегают на крутые скалы и там становятся на самый край, чтобы осмотреть местность. Познакомившись с человеком, начинают бояться его в такой же мере, как и другого своего злейшего врага — волка. Мясо баранов едят как белые, так и индейцы, но оно имеет особый овечий запах, который очень заметен у самцов, особенно в период спаривания. Прочная и крепкая, вместе с тем мягкая и гибкая кожа в очень большом спросе у индейцев для их нарядных кожаных рубашек.

О праотце наших домашних овец (*Ovis aries*) мы можем сообщить так же мало точных данных, как и о происхождении других жвачных, ставших вполне домашними. Мнения натуралистов расходятся. Одни думают, что все овцы происходят от

Канадский снежный
баран
(*Ovis canadensis*)

** Одомашнивание дикой овцы произошло раньше, чем одомашнивание большинства копытных — около 10 500 лет назад, предположительно на территории нынешнего Ирака либо, по другим данным, на юге Средней Азии. Искусственный отбор во многом строился на скороспелости и продуктивности животных. Домашние овцы половозрелы с 5—7 месяцев, нередко принося 2—3 (до 8!) ягнят.*

*** Овцеводство сильно воздействовало на культуру человека. Множество «овцеводческих» терминов и атрибутов привнесено в великие ближневосточные религии. Надо отметить также, что первой «ласточкой» искусственного воспроизведения — клонирования — животных стала английская овца Долли.*

одного дикого вида, который, вероятно, уже в незапамятные времена вымер или перешел в домашнее состояние. Другие, напротив, высказывают мнение, что наши овцы произошли от нескольких видов диких овец и, следовательно, представляют собой результат продолжительного скрещивания. Одни хотят признать основным видом муфлона, другие — аргали, некоторые — гривистого барана. Иные же, к которым я должен отнести и себя, сознаются открыто и честно в своем незнании и справедливо утверждают, что одни лишь предположения не могут ускорить решения вопроса. На древних памятниках мы узнаем изображения овец, которые существенно похожи на живущих еще и ныне. При этом наши сельские хозяева хорошо доказывают, как легко изменить овец постоянно продолжающимися скрещиваниями.

Из рисунков и надписей на каменных египетских памятниках можно сделать вывод, что овца вошла в домашнее хозяйство человека позже других жвачных животных*. «Я не могу не обратить внимание в этом труде на тот замечательный факт, — говорит Дюмихен, — что из числа жвачных, именно овцы, козы и быка, из которых состоят теперь главнейшие стада в Нильской долине, овца совсем отсутствует на древних египетских памятниках. Все то, что можно сказать о распространенной в настоящее время в Египте курице, а также лошади и верблюде, касается и овцы. Стены древнейших усыпальниц, относящихся к 5-му и 4-му тысячелетиям до Рождества Христова, бесконечно богаты превосходными изображениями, но именно среди них ни разу не встречается изображение овцы. Мы здесь видим порознь и группами быков и коз, а также разнообразные виды антилоп, которых древние египтяне приручали и содержали большими стадами, но нигде не встречаем овец. Из отсутствия изображения овцы на древних памятниках можно сделать вывод, что она принадлежит к животным, позднее ввезенным в Нильскую долину. В позднейших памятниках Нового царства встречаются отдельные изображения овцы, как, например, бой баранов на прекрасном рисунке могилы в Гурне. Мы находим также в храмах Нового царства высеченных из камня баранов, украшавших ограды. Нередко упоминается в надписях того времени иероглифическое «зерау», часто — «зау», — название домашней овцы**.

Недавно вопросом о породах овец занимался Дарвин и осветил его с иной точки зрения. По самым тщательным исследованиям этого превосходного наблюдателя, каждая страна имеет свою собственную породу, а многие страны имеют по несколько пород, значительно отличающихся одна от другой.

Под непосредственным влиянием жизненных условий овца изменяется легче других домашних животных: так, киргизская овца с курдюком через несколько поколений, выросших в России, вырождается, и жир у нее исчезает. Таким же образом ка-

ракулевые расы, перенесенные из Бухары в Персию или в какую-нибудь другую страну, теряют свое тонкое вьющееся руно. Значительная жара изменяет руно: например, в Антигуе уже после третьего поколения исчезает настоящая шерсть, уступая место жидкому волосяному покрову.

Плодовитость овец зависит от породы: одни постоянно рожают двойни и даже тройни, в то время как другие дают только по одному ягненку. Всякий, знающий хоть что-либо об этом предмете, не станет сомневаться, что целесообразный выбор производителей может внести значительные изменения у многих пород овец. Заботливым выбором производителей можно уничтожить даже склонность к вырождению. Поэтому есть возможность содержать ценные породы овец, например тонкорунных, везде, где только живут внимательные и понимающие дело сельские хозяева.

Можно привести много примеров возникновения новых пород овец. Так, в 1791 году в Массачусетсе родился барашек, напоминающий таксу, с короткими кривыми ногами и длинным туловищем; он стал родоначальником особой породы овец, которые не могли перепрыгивать через ограды и потому считались очень удобными. Впоследствии порода эта вымерла, но до того времени кривоножки передавали свои признаки потомкам. Когда же их скрещивали с другими видами, они давали потомство, которое, за редким исключением, вместо признаков помеси представляло сходство с породой отца или матери.

В 1828 году во Франции родился барашек меринос, отличающийся длинной, прямой, гладкой, шелковистой, одним сло-

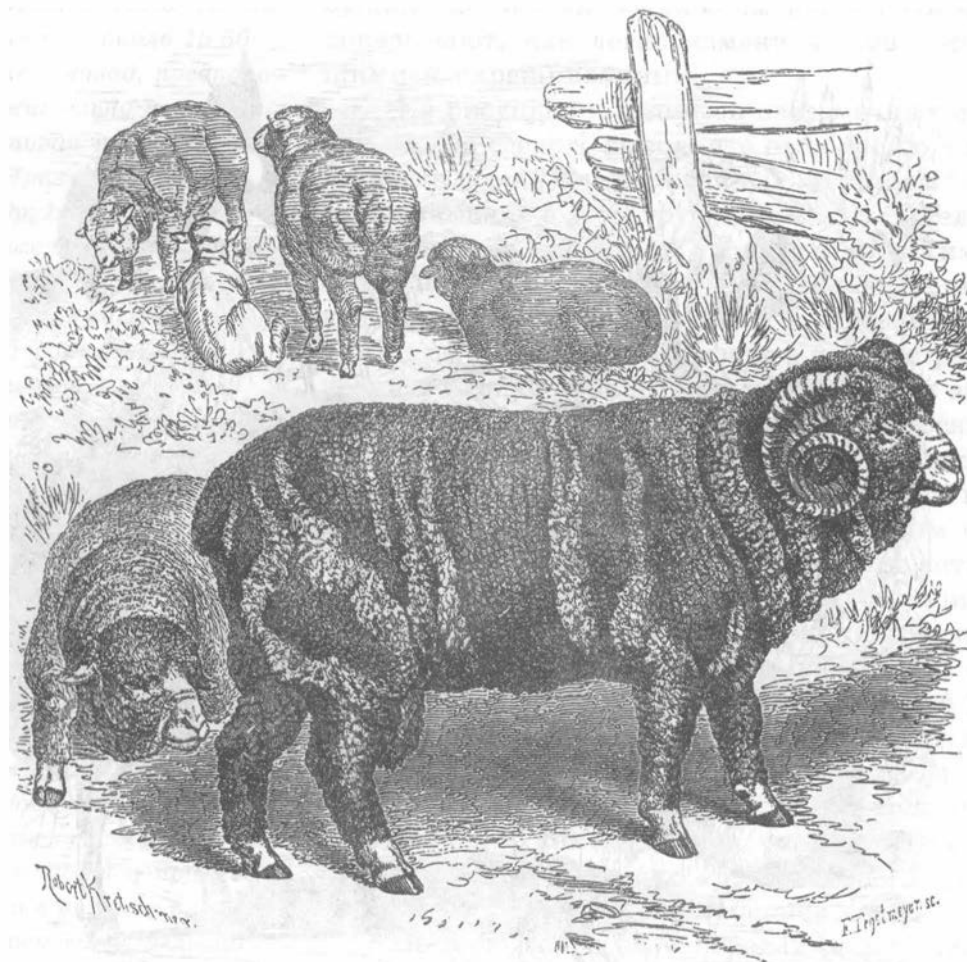

Домашняя овца
(*Ovis aries*)

Семейство половогие

* В мире насчитывают более 150 пород овец, которых условно можно разделить на тонкорунные,

вом, превосходной шерстью. До 1833 года владелец Гро воспитал много овец этой породы и образовал из них целое стадо, а через несколько лет стал продавать их. Первый баран и его непосредственные потомки были невелики, имели большую голову, длинную шею, узкую грудь и длинные бока; но этот недостаток был устранен заботливым скрещиванием и выбором заводских овец и баранов. Дарвин говорит: «Если бы происхождение двух выше упомянутых пород произошло 100 или 200 лет тому назад, то мы не имели бы никаких сведений о их происхождении, и многие естествоиспытатели утверждали бы,

Домашняя овца
(*Ovis aries*)

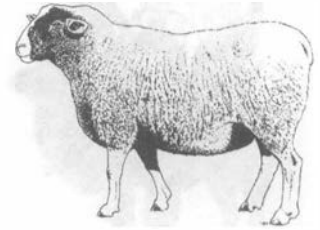
грубошерстные,
мясные и курдючные.
Вес обычно 30—
60 кг, но достигает
100—180 кг.

не сомневаясь, что каждая форма происходит от какого-нибудь неизвестного вида или же произошла от скрещивания с ним».

Вышесказанным, по-видимому, подтверждается мнение, что различные породы овец — результат стараний человека и что они подвержены изменениям, относительно внешнего вида, величины, устройства рогов, руна, образа жизни, нрава и всех других особенностей. Подробное описание и сравнение всех пород, более или менее различаемых, не входит в рамки нашего труда*.

Домашняя овца — терпеливая, кроткая, ограниченная, рабски покорная, лишенная воли, боязливая и трусливая — короче, скучное создание. Ей нельзя приписать каких-нибудь особенных качеств: она вовсе лишена характера. Только в период случек обнаруживается у нее отдаленное сходство с нравом других жвачных и выказываются черты характера, которые могут, хоть отчасти, возбудить к ней участие человека. В сте-

пях России и Азии пастухам часто приходится много терпеть от трусости и глупости овец. Во время метелей и бурь стада бросаются враспышную, как безумные мчатся по степи, низвергаются в водоемы, даже в море. А иногда останавливаются и торчат на одном и том же месте, не сопротивляются заносящему их снегу и жестокому морозу и не думают о том, чтобы как-нибудь оградить себя от непогоды или отыскать пищу. Случается, что в один день погибают тысячи. В России также пользуются в качестве проводников овец козами, но и они не всегда в состоянии руководить этими глупыми животными.

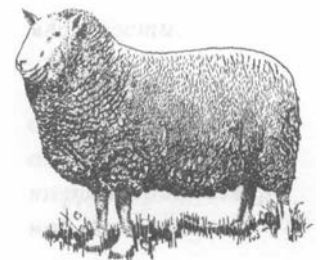

Точно так же ведут себя у нас в деревне овцы во время сильных гроз, при наводнениях или пожарах. Во время грозы они скучиваются, их невозможно сдвинуть с места. «Если молния ударяет в стадо, — говорит Ленц, — то сразу погибают многие; если загорается овчарня, то овцы не выбегают из нее и даже бросаются в огонь. Я видел однажды большую сгоревшую овчарню, наполненную изжаренными овцами; несмотря на все старания, удалось спасти лишь немногих. Несколько лет тому назад задохлось почти целое стадо из-за того, что в овчарню вскочили две охотничьи собаки и этим до того перепугали овец, что они, скучившись, задушили друг друга. Другое стадо до такой степени было разогнано собакой какого-то прохожего, что многие погибли в лесу». Лучшее средство спасти овец из горящей овчарни — выгнать их оттуда с помощью знакомых им овчарок.

Эти рассказы во многом характеризуют нравы овец. Конечно, до известной степени и овца обнаруживает умственные способности. Она узнает своего хозяина, послушно следует его зову, кажется впечатлительной к музыке, по крайней мере внимательно слушает игру пастуха на дудке, предчувствует и замечает перемены погоды.

Овца предпочитает сухие и высокие местности сырым и низким. По сообщениям Линнея, она поедает 327 видов обыкновенных среднеевропейских растений и отказывается есть 141 вид. Овца очень любит соль, а свежий водопой является для нее необходимой потребностью.

Половое возбуждение впервые появляется в марте и затем продолжается все лето. Древние римляне допускали случки своих овец между маем и июнем; сельские хозяева в более холодных странах предпочитают время от сентября до октября. Ягнята появляются в половине февраля и скоро получают хороший и свежий корм. Обыкновенно матка рождает одного или двух ягнят, а трех очень редко. Вначале маленьких животных следует заботливо предохранять от влияния погоды, позже их можно пускать на пастбище. На первом месяце жизни у них прорезываются молочные зубы, на шестом появляется первый постоянный коренной зуб; на втором году жизни молочные резцы вы-

*Семейство
палорогие*

падают и заменяются постоянными, к концу этого года показывается третий коренной зуб; только на пятом году заменяются передние молочные зубы и вместе с тем оканчивается вырастание зубов. Собственно, только после замены всех зубов следовало бы считать животное взрослым, но овца уже в годовом, а баран в восемнадцатимесячном возрасте способны к случке и оплодотворению. Все породы легко плодятся между собой, поэтому породе овцы легко можно облагородить.

В нашей стране это ценное домашнее животное имеет мало врагов, но уже на севере и юге Европы за стадами довольно часто крадется волк. В Азии, Африке и Америке овцы преследуются большими кошками и более крупными дикими собаками, в Австралии врагами их являются динго и сумчатый волк. Наш медведь также любит поживиться овцой. Ягнятам опасны орлы и ягнятники. Зато овцы, всего больше преследуемые врагами, менее страдают от повальных болезней, и таким образом уравнивается потеря. Не много десятилетий тому назад пользы от овец было несравненно больше, чем в настоящее время. В южных странах пользуются ее молоком, чтобы приготовить из него хороший сыр (на Кавказе — «брынза»); породистых овец не доят, потому что от этого ухудшается качество шерсти.

Овцы могут доживать до 14-летнего возраста, но уже на девятом или десятом году жизни у них выпадает большинство зубов. Их следует тогда как можно скорее откормить и зарезать.

ОТРЯД
МОЗОЛЕНОГИЕ
(Tylopoda)

Семейство
верблюдовые

СЕМЕЙСТВО
ВЕРБЛЮДОВЫЕ (Camelidae)

Верблюды отличаются мозолистыми подошвами, отсутствием рогов и недоразвитых пальцев, раздвоенной верхней губой и особенностями зубной системой. Устройство зубов служит отличительным признаком верблюдов, отделяющим их от жвачных.

Они имеют два резца в верхней челюсти, между тем как в нижней их шесть. Копыта очень малы и похожи на тупые когти на мозолистых подошвах. Желудок состоит только из трех отделений, так как «книжка», по своей незначительной величине может считаться частью сычуга*.

Верблюды — очень большие животные с длинной шеей, вытянутой головой, туловищем, подтянутым в паху, и с косматым, почти шерстистым мехом; шейные позвонки необыкновенно длинные и почти без отростков, ребра широки, кости конечностей очень толсты.

Родина этих животных — северная Африка, центральная Азия и юго-западная Америка**.

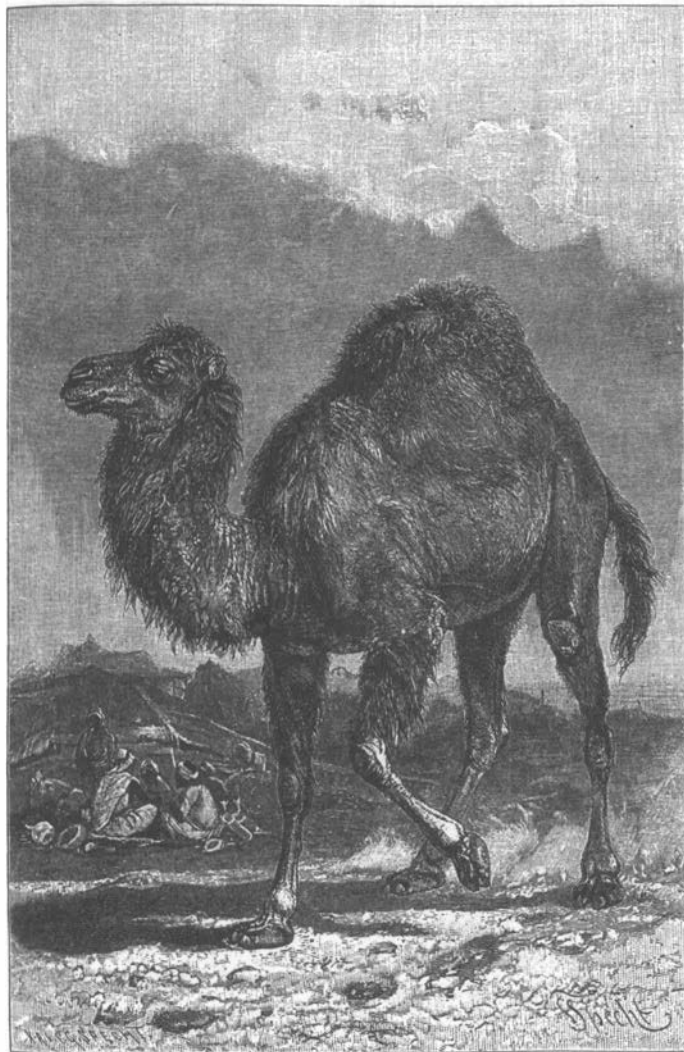
В Старом Свете все немногие виды, относящиеся к этому роду, обращены в домашнее состояние, а в Новом Свете приручены только немногие. В Америке они обитают на высоких горах, поднимаясь до 4000 м над уровнем моря; в Старом Свете живут на сухих жарких равнинах. Пищей им служат злаки, травы, древесные листья, ветви, репейники и колючие растения. Верблюды в высшей степени выносливы и могут долго голодать и переносить жажду. Ходят иноходью, бегают, хотя и очень скоро, но переваливаясь и, по-видимому, очень неповоротливы. Дикие породы живут стадами, но все без исключения любят общество себе подобных. Их нельзя назвать кроткими, добродушными, умными и терпеливыми животными, хотя они довольно легко подчиняются воле человека и признают его власть. У самки рождается только один детеныш, за которым она ухаживает с большой любовью.

Верблюды отличаются значительной величиной, одним или двумя горбами на спине, у них одним коренным зубом больше, чем у лам. Внешний вид их некрасив, особенно поразительно

* У верблюдов независимо от настоящих жвачных возник четырехкамерный «жвачный» желудок, правда «книжка» мала, слепая кишка осталась короткой. Конечности длинные, двупалые, концы пальцев заключены в довольно эластичную кожистую подошву-подушку, а собственно копыта редуцируются до ногтевидных образований спереди. Это недавнее (миоценовое) «приобретение» верблюдовых, связанное с адаптацией к жизни в пустынной местности.

** Вся эволюция семейства верблюдовых происходила на территории Северной Америки.

безобразна голова, шерсть очень неровная, в одних местах длиннее, чем в других. На груди, коленях и бабках находятся мозолистые наросты. Различают два вида верблюдов, из которых одни населяют преимущественно Африку, другие же — Азию; первые называются дромедарами, вторые двугорбыми верблюдами.

*Дромедар, или
одногогорбый верблюд
(Camelus dromedarius)*

* Вес дромедара достигает 700 кг (обычно — 400 кг). Самки легче и меньше самцов.

Хотя между верблюдами не встречается так много пород, как у лошадей, но все же и у этих животных мы замечаем несколько разновидностей. Вообще можно сказать, что в степях и пустынях верблюды представляют собой стройное, высокое, длинноногое животное, между тем как в плодородных странах, именно в северной Африке, они гораздо тяжелее и более неуклюжи. Между так называемыми бишаринами или породой, которая разводится у бишарских кочевников, и египетским вьючным верблюдом существует такая же разница, как между арабской лошастью и водовозной ключей. Первый из верблюдов — превосходное животное для верховой езды, последний же — сильное вьючное. Арабы различают более двадцати разнообразных пород дромедаров, так как в Африке подробное знакомство с различными породами верблюдов имеет такое же значение, как у нас коневодство, и между дромедарами встречаются породистые и непородистые

Дромедар, или одногогорбый верблюд (*Camelus dromedarius*), — огромное жвачное животное, достигающее в среднем от 2—2,3 м высоты и от 3—3,3 м длины от морды до конца хвоста*.

Спина идет от шеи дугообразно вверх до загривка, поднимается там очень круто до верхушки горба, откуда снова круто спадает к хвосту. Горб стоит вертикально, но в течение года изменяет свою величину. Чем лучше питается верблюд, тем выше растет его горб, чем скуднее его пища, тем больше горб спадает. У жирных, хорошо упитанных животных он имеет вид пирамиды и занимает не менее четверти спины, у тощих почти совсем исчезает. В дождливое время, доставляющее сочную растительную пищу, горб очень быстро вырастает, и его вес может достиг 15 кг, между тем как

вес этот может понизиться до 2 или 3 кг в голодное и сухое время. Ноги худо сложены, задние бедра выдаются из туловища и тем увеличивают безобразие животного. Довольно длинные и широкие пальцы на ногах покрыты до конца такой же кожей, как и все тело. Внизу нога образует как бы подушку и округляется как спереди, так и сзади. След, который оставляет животное, имеет продолговатый отпечаток с двумя перетяжками и двумя острыми углублениями спереди, происходящими от маленьких копыт. Оканчивающийся жидкой кистью хвост доходит до пяточного сустава. Шерсть мягкая, несколько волнистая и значительно удлинена на темени, затылке, под горлом, на плечах и на горбе, а кончик хвоста утолщен. Своеобразны также мозоли, которые находятся на груди, суставах передних конечностей, на коленях и пяточных суставах; с годами они увеличиваются в объеме и делаются более твердыми. Мозоли на груди сильно выдаются из остальной кожи, как особый горб, и составляют как бы подушку, на которой покоится все тело, когда животное отдыхает*.

Первоначально во рту дромедара замечается по шесть резцов на верхней и нижней челюстях. Четыре средних резца в верхней челюсти очень рано выпадают и снова уже не вырастают. Поэтому у взрослых животных бывает в верхней челюсти только два резца, которые довольно велики, имеют форму клыков, заострены и согнуты на конце, между тем как в нижней челюсти резцы очень похожи на лошадиные. Кроме того, в каждой челюсти находятся клыки, которые в верхней челюсти по величине и виду скорее напоминают клыки сильного хищника, чем зубы жвачного животного. И коренные зубы имеют своеобразную форму**.

Окраска верблюда очень разнообразна. Чаще всего, без сомнения, встречаются верблюды светлого песочного цвета, серые, бурые и совсем черные или с бледными светлыми ногами, но пегих никогда не бывает. Арабы считают черных верблюдов худшими и менее ценными, чем светлых, и потому они имеют обыкновение убивать их в ранней молодости. Молодые верблюды отличаются от взрослых мягкой шерстью, которая покрывает все тело, а также и более красивым округленным телосложением, так как все угловатости, замечаемые у взрослых верблюдов, появляются только с годами.

Дромедар, без сомнения, полезнейшее из всех домашних животных в Африке. Но по крайней мере в тех местах, где я его наблюдал, это самое неприветливое, глупое, упрямое и неприятное создание, какое себе только можно вообразить. Славой он обязан своими телесными способностями, но его душевные качества не могут похвалить даже добродушные арабы, хотя многие из них не могли бы существовать без этого животного. В настоящее время дромедар известен лишь как домашнее животное во всех странах Африки от Средиземного моря до 12 градуса северной широты, так же, как и в юго-западной Азии. На крайнем Востоке, в

** Мозоли на груди, запястьях, коленях, локтях, предохраняют тело верблюда от ожогов при контакте с раскаленными на солнце песком, камнями. Мозоли, широкие кожистые подошвы, запас жира в горбах являются чертами специализации верблюдов к резко континентальному ариднему климату.*

*** Коренные зубы не просто сложные и высококоронковые, но они растут всю жизнь, не образуя корней, что очень важно при питании жесткими злаками, быстро стирающими зубы.*

** Дромедары были одомашнены не позже 6 тыс. лет назад. В домашнем виде дромедар распространен от Средиземноморья до экваториальной Африки, северной Индии, Предкавказья и Средней Азии. Всего в мире около 17 млн одногорбых верблюдов, более 50 % мировой популяции приходится на Судан и Сомали, в Азии — не более 20 %.*

Бухаре и Туркмении, дромедар встречается рядом с двугорбым верблюдом и, по словам Вальтера, там попадаются очень высоко ценимые ублюдки обоих видов. Затем дромедара мы находим в Персии, Малой Азии, Сирии, Аравии. Он находится на Канарских островах и, кроме того, ввезен в Австралию, Северную Америку, Италию и южную Испанию. В сухих местностях северной Индии он чувствует себя вполне хорошо. «На острове Занзибар, — говорит Ганс Мейер, — дромедары работают у султана на маслобойнях, но худо переносят тамошний климат»*.

Первоначальной родиной дромедара, по-видимому, была Аравия, так как в северную Африку, по всей вероятности, перевезли его довольно поздно. На древнеегипетских памятниках не находят изображения этого странного животного, а также не упоминают о нем, как о туземном животном, римские и греческие писатели, которые путешествовали по древнему Египту. «Несмотря на то, — пишет Дюмихен, — животное было уже известно древним египтянам в последние времена древнего египетского царствования. Название «дромедар», по-видимому, заимствовано из семитских наречий. На одном из папирусов, относящихся к тому времени, когда древняя египетская письменность была наиболее развита, говорится о путешествии по Сирии и Палестине одного египтянина, который рассказывает, что путешественникам давали в пищу верблюжье мясо. В другом же папирусе того же времени, переданном нам Шаба, значится: «Верблюда, повинующегося каждому слову, привозят в Египет из Эфиопии». Древние египтяне, отлично умевшие дрессировать животных, кажется, научили и верблюда особого рода танцу. Этот танец носил название «кен-кен», но египтяне сами имели подобный танец, который подражал неуклюжим движениям танцующего верблюда, и вследствие этого танец получил название «каmeli-каmeli» («каmeli» — верблюд).

На одном папирусе, относящемся к вышеупомянутому царствованию Рамзеса, ясно говорится, что верблюда начинают обучать танцам. Другой папирус свидетельствует о том, что верблюд употребляется как вьючное животное. Эти примеры достаточно указывают на то, что уже древние египтяне были знакомы с верблюдами и пользовались ими». В Библии это животное очень часто упоминается под названием «гамаль»; у Иова было сначала 3000, а потом 6000 верблюдов, у медианитян и амалекитян их было «как песку в море». Животными этими пользовались так же, как и теперь. По северной Африке дромедары распространились вместе с арабами. Их приручение относится к доисторическим временам. Дикие или одичалые верблюды этого вида теперь уже нигде не встречаются. Верблюд — настоящее животное пустыни и только в самых сухих и жарких странах чувствует себя хорошо, между тем как в обработанных и сырых местностях он теряет многие из своих хороших качеств. В Египте, вероятно,

благодаря обильному корму, разводили больших и плотных верблюдов, но они потеряли многие из своих драгоценнейших достоинств: легкость хода, выносливость, умеренность, и потому арабы пустыни их невысоко ценят. В экваториальных же странах Африки, где растительность становится богаче, верблюды более не встречаются. Многие попытки проникнуть с ними в самый центр Африки не имели успеха.

До сих пор это полезное животное не старались развести севернее Сахары; но едва ли можно сомневаться, что оно может жить только в тех странах, климатические условия которых мало отличаются от его настоящей родины*. В 1622 году Фердинанд II Медичи велел привезти дромедаров в Тоскану, к которым, как говорит Греберг, в 1736—1739 году присоединили еще 14 верблюдов, перевезенных из Туниса, и до сих пор эти животные там разводятся. В области Сан-Россоре, около Пизы, на большой песчаной равнине верблюды чувствуют себя вполне хорошо и живут как на родине. В 1810 году там насчитывали до 170 этих животных, а в 1840 году только одним больше; более 200 верблюдов, по словам Лессона, никогда не бывало. Дромедары и в настоящее время живут там и могут считаться вполне туземными животными. Самок держат для размножения, а самцов — для работ, которые они превосходно исполняют, так как гораздо лучше лошадей и волов способны перевозить тяжести по песчаному грунту, и их гораздо дешевле содержать. Отсюда снабжаются дромедарами зоологические сады и зверинцы. В Сицилии, куда их также завезли, хотели воспользоваться ими как вьючными животными для серных рудников, но все они погибли. В южной Испании также начали разводить верблюдов и получили благоприятные результаты**.

В 1856 году правительство Соединенных Штатов закупило через посредство Генриха Вайна в Смирне 75 дромедаров и перевезло их в Северную Америку, где они должны были служить вьючными животными в степях Техаса, Аризоны, Новой Мексики и т. д. Секретарь Смитсоновской академии в Вашингтоне Г. Ланглей очень любезно известил нас о ходе этого предприятия: «При начале междоусобной войны все эти дромедары попали во власть Южных Штатов. Их держали в Кампо-Верде, находящемся приблизительно в 60 английских милях на северо-запад от Сант-Антонио, в Техасе, и употребляли для отправки почты между обоими местами. Иногда проходили они туда и обратно 120 английских миль в один день. В Кампо-Верде число верблюдов немного увеличилось. По окончании междоусобной войны они снова перешли во владение правительства Соединенных Штатов. Но впоследствии животные эти перестали пользоваться внимательным надзором со стороны офицеров, и потому число их значительно уменьшилось. В 1866 году правительство продало всех верблюдов в Сант-Антонио с публичного торга. Некоторых отправили в

** Распространение дромедара на север ограничено зимними температурами — он неважно переносит морозы ниже 10 градусов.*

*** В Европе дромедаров перестали разводить с середины XIX века.*

Семейство верблюдовые

** Дромедары, завезенные в пустыни Западного полушария и впоследствии одичавшие, в настоящее время считаются вымершими.*

*** Верблюд съедает в день до 20 кг травы, листьев и веток, посвящая пастыбе 8—12 часов в день и преодолевая в поисках пищи 5 км за 3 часа. Может довольствоваться сухой растительностью, а также растительностью, богатой солью. Способен срывать листья с деревьев на высоте до 3,5 м. При случае поедает и корм животного происхождения.*

Аризону, но большинство — в северный Техас, где ими пользовались скотоводы этой местности. Вскоре после этого ими перестали заниматься. Некоторые околели, некоторых выпустили на волю и, говорят, что до сих пор еще один или два из этих верблюдов рыщут в одичалом состоянии по местности, называемой Льяно-Эстакадо. В то же самое время, когда продавали стадо с публичного торгового рынка, некоторые дромедары были куплены в Калифорнию, где должны были перевозить тяжести между Инио в Калифорнии и Карзон в Неваде, но так как результаты не оправдывали ожиданий, то этих верблюдов также отпустили на волю. Мне сообщали, что еще и в настоящее время некоторые верблюды, оставшиеся в живых, бродят в одичалом состоянии в пустынях южной Аризоны и Калифорнии. В январе 1889 года был пойман в Аризоне в местечке, называемом Жила-Бэнд, один из одичалых дромедаров. Это было последнее известие, которое мы получили об этих животных»*.

Дромедары разводятся в большом количестве по всему северу и востоку Африки. Бесчисленные количества их движутся по большим дорогам пустыни, между бассейном Нигера и севером Африки. Число ежегодно околевающих на этих дорогах верблюдов не может быть точно исчислено, но насколько оно велико лучше всего видеть, когда сам проедешь по этой пустыни. В Нубийской пустыне так же, как в пустыне Баюда, нашел я в начале и в конце вышеупомянутых дорог на пространстве нескольких миль скелеты верблюдов, лежащих так часто один от другого, что вся дорога была обозначена их чисто выбеленными костями. Пустыня служит верблюдам не только отечеством и местом рождения, но и местом смерти и могилой; малое количество убиваемых верблюдов в сравнении с оканчивающими свою жизнь на трудовом пути так незначительно, что не стоит о нем упоминать.

Верблюд питается исключительно растительной пищей, но при этом он неразборчив. Конечно, можно с уверенностью утверждать, что умеренность — главная его добродетель: он довольствуется самым дурным кормом. Верблюд может по целым неделям питаться самыми сухими и жесткими растениями, свойственными пустыне**.

При случае он с удовольствием съедает старую корзину или матту из расщепленных черешков листьев финиковой пальмы. В восточном Судане шалаши туземцев состоят из тонких жердей, переплетенных степной травой; эти хижинки приходится окружать густой изгородью из колючих кустарников, так как иначе верблюды съедали бы весь шалаш до основания. Удивительно, что самые большие и острые шипы и колючки не ранят твердую пасть верблюда. Я видел несколько сот раз, что дромедары преспокойно съедали целые ветви акаций, которые буквально покрыты шипами. Факт этот получает особое значение, если принять во внимание, что большинство этих шипов очень остры и

могут даже проткнуть насквозь толстую подошву сапог. Когда караван останавливается для отдыха и верблюдов пускают свободно пастись для отыскивания пищи, то они бегают от дерева к дереву и пожирают все ветви, которые могут достать. Они очень искусно отламывают ветви своими губами, а затем целиком проглатывают их, вовсе не обращая внимания на то, в каком направлении сидят шипы на стебле*. Однако верблюды очень довольны, когда добираются до сочных растений: они страшным образом опустошают поля, охотно едят низкорослые бобы, горох и вику, а зерна всякого рода служат им лакомством. Во время путешествия по пустыне арабы берут с собой только немного зерен дурро или ячменя и каждый вечер дают верблюду две пригоршни этих зерен, высыпав корм в складку своего бурнуса или просто к себе на колени. В городах их кормят часто конскими бобами, а в деревнях они получают только жесткое сено или солому дурро. Однако листья различных деревьев и кустарников составляют любимую пищу дромедаров; по крайней мере замечено, что эти животные точно так, как и жирафы, всегда направляются к деревьям, если им предоставить свободу.

При сочном корме дромедар может по целым неделям обходиться без воды, если только он не слишком тяжело навьючен, если его не очень утомляют длинными переходами и если он может выбирать корм по своему усмотрению. Кочующие племена иногда по несколько недель вовсе не заботятся о своих верблюдах, предоставляя им самим отыскивать корм, где хотят, и часто случается, что животные все это время вовсе не пьют воды, а довольствуются листьями, покрытыми росой, и сочными травами. Иначе бывает во время засухи. Утверждают, что в это время верблюды могут 14—20 дней обходиться без воды, но рассказы эти следует считать баснями, которые возбуждают улыбку у всякого человека, знакомого с местными условиями**.

Однако в последнее время мы получили точное сведение, что верблюды в крайнем случае действительно могут довольно долгое время обходиться без питья. Когда Джэмс в январе 1885 года со своей экспедицией проходил через Сомали, то его 103 вьючных верблюда прошли 340 километров за 13 дней, не получивши во время пути ни капли воды. Конечно, солнце в это время не очень сильно жгло, так как дни были довольно коротки, но все-таки засуха была очень сильна, верблюды получали только плохой корм, и поэтому такое долгое воздержание от воды следует считать удивительным фактом.

В прежние времена выносливость верблюда относительно питья пытались объяснить особенным строением его желудка. Думали, что крупные сетчатые полости, замечаемые в первых двух желудках верблюда, служат запасными местами для воды. В старых описаниях путешествий по Африке говорится, что путники, в крайнем случае убивавшие своих верблюдов, находили

** Верблюды охотно поедают даже верблюжью колючку, утыканную 5-сантиметровыми шипами. Очень подвижные губы (верхняя — глубоко расщеплена) помогают осторожно срывать и правильно ориентировать во рту колючие ветки, и пережевывать их, не уколовшись.*

*** Сейчас считается, что верблюд может обойтись без воды не более 15 дней.*

** У верблюда испарение воды через кожу и слизистые оболочки сведены к минимуму, он практически не потеет, чтобы охладить организм, выделяет очень сухие экскременты и концентрированную мочу. Днем температура тела может достигать 41 градуса, ночью опускается до 34 градусов, такие колебания температуры помогают сохранить до 5 литров воды. Верблюд за один раз может выпить до 130 л воды, пьет он и соленую воду.*

некоторое количество воды в их желудках. Хотя я уже сомневался в справедливости этого факта, однако нарочно переспросил об этом всех старых, поседевших в степи погонщиков верблюдов: ни один из них ничего не слышал об этой истории и даже не мог поверить, что кто-нибудь может повторять такую страшную ложь. Впоследствии, когда приходилось присутствовать при убое верблюдов, которые накануне были еще напоены, то я лично убедился, что нет никакой возможности выпить воду, которая в течение целого дня была в желудке смешана с пищей и желудочной слизью. Вообще верблюд имеет очень неприятный запах, а кашка из его желудка так страшно воняет, что даже полумертвый от жажды человек не решится ее проглотить*.

Следует заметить, что выносливость верблюда в значительной степени зависит от воспитания. Как ни умеренно это животное, но его легко избаловать, и тогда в известном отношении оно делается никуда не годным. Верблюды, живущие в пустыне, которые с юности привыкли пить только через 4—6 дней и должны питаться скудными растениями своего отечества, без сомнения, более пригодны для путешествия по Сахаре, чем дромедары, которые живут в местностях с хорошей растительностью и потому привыкли к обильному корму и ежедневному питью. Верблюды пустыни почти всегда меньше и худее, хотя это нельзя считать постоянным явлением. Нахтигаль, описывая верблюдов страны Тибести, говорит, что число их не очень значительно, но очень хвалит их хорошие качества. «Племя Тибу, — продолжает он, — вместе с жителями Эннеди выращивают лучших верблюдов восточной части Сахары, и верблюды эти относятся к той породе, которая свойственна южной и средней части пустыни и отличается от североафриканской породы, называемой иногда арабской. Арабская порода имеет короткие толстые конечности, плотное туловище, толстую голову на короткой шее и мохнатую шерсть; верблюды эти, очевидно, более пригодны как вьючные животные. Верблюды туарегов и тибу имеют стройное телосложение, высокие ноги, короткую гладкую шерсть и маленькую голову на тонкой шее; с первого взгляда заметно, что эти животные более способны к быстрым движениям, чем к перевозке тяжестей. Удивительно, с какой легкостью и уверенностью они лазают по горам своей родины. Шейх-эт-Тунизи не преувеличивает, утверждая, что тибу умеют дрессировать верблюдов, как лошадей. Впоследствии я имел возможность убедиться, что туареги и некоторые племена Аравийской пустыни еще лучше, чем тибу, дрессируют верховых дромедаров. С северными верблюдами невозможно следовать за верблюдами племени тибу, особенно по каменистому грунту и по горам; зато на равнинах при одинаковом корме северные верблюды большей частью выносливее».

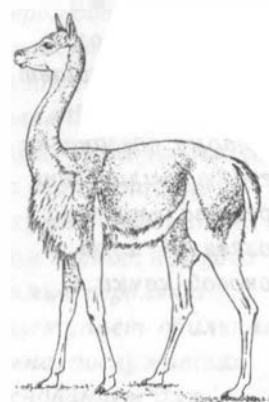
Когда смотришь на спокойно стоящего дромедара, то нельзя вообразить, что это животное может в скорости соперничать с

арабскою лошадыю, однако это верно. Верблюды, выращенные в пустыне, — прекрасные верховые животные и могут, не отдыхая, пробегать большие пространства, чем какое-либо другое домашнее животное. Все верблюды, двигаясь шагом или рысью, идут, по-видимому, очень неуклюжей иноходью, но у хорошо дрессированных дромедаров иноходь очень удобна и грациозна. Когда верблюд идет тихим шагом, то он удивительно странно переступает ногами и, кроме того, постоянно качает головой поочередно вперед и назад, поэтому тихая походка верблюда в высшей степени некрасива. Но если верблюда хорошей породы пустить рысью, то он, не останавливаясь, сохраняет этот аллюр и бежит легко и красиво*.

Быстроногих, дрессированных верблюдов в Африке называют «хеджин», или «верблюд паломников», а всадника его «хеджан», понимая, впрочем, под этим словом верхового почтаря. Почтари эти в короткое время проезжают необыкновенно большие пространства. Особенно знамениты дромедары, которых выращивают около города Эсна в Верхнем Египте, но еще знаменитее действительно превосходные верблюды племени бишарин в восточном Судане. На таком хеджине бежал Мехмед-Али из Каира в Александрию, проехав без отдыха 175 км за 12 часов. В Египте и Нубии называют дромедаров, которые могут проехать в один день десять станций, «десятиниками», и ценят этих животных очень высоко, что совершенно справедливо, так как расстояния между станциями в среднем от 10 до 14, а иногда до 18 километров. Ни одна лошадь не выносит такой езды, как бы хороша она ни была. Хотя лошадь вначале и перегоняет дромедара, когда оба идут рысью, но она очень скоро отстает, между тем как верблюд продолжает весь день идти тем же шагом. Если дать дромедару среди дня несколько отдохнуть, то на нем можно ехать остальную часть дня; с раннего утра до позднего вечера в течение 16 часов, причем без особого напряжения, он пробегает рысью 140 км. Хороший верблюд при обильном корме и достаточном количестве воды для питья выдерживает от трех до четырех дней подряд такой езды и может в это время проехать до 500 километров.

Обыкновенные дромедары и вьючные верблюды идут гораздо тише. Первые при хороших условиях могут пробежать в один день лишь половину того, что пробегают вышеупомянутые хеджины, но большей частью лишь 50 км в сутки; вьючные верблюды, по словам Вильямса, с ношей в 150 кг проходят средним числом лишь 4 км в час, но могут без остановки идти 12 часов, а иногда и дольше. Нахтигаль имел случай довольно точно измерить скорость движения караванов по пустыне и нашел, что верблюды проходят в час 3,5 км, если им позволяют время от времени на пути срывать траву для еды; если же их держать в порядке и не позволять им пастись по дороге, то они при благоприятных условиях могут пройти 4 км и даже несколько более. При небольших

* Для всех верблюдов характерна иноходь — аллюр с одновременным переставлением правых или левых ног. Иноходь развита у длинноногих короткотельных животных (слонов, жирафов), чтобы при ходьбе не подсесть задней ногой переднюю.

Семейство верблюдовые

** Максимальная скорость бега дромедара — 25 км/ч, шагом он движется со скоростью 3,5 км/ч и проходит в таком темпе до 40 км в день (в исключительных случаях — до 80 км). Максимальный вес груза, с которым способен передвигаться верблюд, — 300 кг, обычно навьючивают около 100 кг.*

*** При иноходи центр тяжести тела животного постоянно смещается «влево-вправо», поэтому поездка на верблюде или слоне чревата «морской болезнью» из-за боковой качки.*

переходах и при хорошей дороге караваны проходят иногда до 40 км в сутки, но во время длинного пути, если считать необходимые для верблюдов дни отдыха, караваны проходят средним числом до 25—30 км в сутки; следовательно, они достигают почти той же скорости, как европейская кавалерия при больших переходах. Чтобы ускорить бег верблюдов, погонщики щелкают языком или бьют по воздуху бичами, что для хорошего верблюда совершенно достаточно. В некоторых караванах привешивают верблюдам бубенчики или колокольчики, что, по-видимому, нравится этим животным. Пение также их приободряет. Хотя при путешествиях через пустыню в восточной части Африки тяжесть вьюков одного верблюда обыкновенно не превышает 150 кг, но очень часто случается, что вьюки бывают гораздо тяжелее. В средней Сахаре, по Нахтигалю, на верблюда кладут до 200 кг, а на пути из Донгола в Дарфур арабы кладут на каждого верблюда до 400 кг. Для того, чтобы урегулировать тяжесть вьюков на верблюдах, египетское правительство приказало не класть более 250 кг на одно животное*.

Араб требует от хорошего дромедара трех качеств: во-первых, он должен иметь покойный ход при рыси, во-вторых, не требовать кнута и, в-третьих, не кричать, когда встает или ложится. Только тот, кто часто имел дело с верблюдами, может понять значение этих требований, так как обыкновенный вьючный верблюд есть ужасное животное для верховой езды. При обыкновенной иноходи верблюд бросает ездока из стороны в сторону, и он покачивается, как китайский истукан, вперед и назад, направо и налево. Но если верблюд бежит рысью, то ездоку гораздо легче: боковое покачивание прекращается и, если хорошенько усесться в седло, то трясет не больше, чем при езде рысью на лошади. При очень сильном возбуждении верблюд начинает бежать галопом, но долго не может выдержать этого аллюра; всадник же, даже самый искусный в верховой езде, при этом непременно валится на землю, а верблюд весело бежит дальше и скоро переходит на обыкновенную рысь. Поэтому арабы приучают хороших верблюдов идти только рысью**.

Верблюд, выращенный на равнинах, почти не годится для употребления в горных странах, так как подниматься на высоту ему чрезвычайно трудно, центр тяжести верблюда при его длинных ногах лежит очень высоко, и потому при спуске с горы ему затруднительно удерживать равновесие. В воде верблюд чувствует себя еще хуже; уже на водопоях он очень неловко входит в воду, если же приходится с верблюдами переходить через большую реку, то затруднения в сильной степени увеличиваются: плоты и барки бывают большей частью слишком малы для него, и потому приходится заставлять верблюда плыть около плота, поддерживая его за голову и хвост, что, конечно, вовсе неудобно.

Голос дромедара трудно описать; в нем смешиваются самым удивительным образом стон и клекотанье, ворчанье и рев. Между внешними чувствами слух, вероятно, развит лучше других, зрение, кажется, гораздо слабее, а обоняние, наверное, очень плохо развито*. Осязание, напротив того, довольно тонкое, и верблюды очень часто выказывают присутствие вкуса; однако следует признать, что у этого животного внешние чувства не особенно тонки. Не может он похвалиться душевными способностями. Между тысячами верблюдов, которых приходилось видеть в Африке, мне случилось встретить только одного, выказывающего некоторую привязанность к своему хозяину.

Во время течки дромедар делается страшным зверем. Это происходит в северной части Африки от января до марта, причем возбуждение продолжается от 8—10 недель. Самец в это время шумит, ревет, кусается, бьет передними и лягается задними ногами, не щадя ни своих товарищей, ни людей; он делается до того беспокойным и яростным, что ему часто приходится надевать намордник, чтобы предупредить несчастные случаи. Один из моих погонщиков был искалечен бешеным от полового возбуждения верблюдом. Яростное животное схватило его за руку в то время, когда он укладывал вьюки, и одним укусом размозжило локтевой сустав. Человек этот остался калекой на всю жизнь. Бывали случаи, что верблюды в это время наносили людям смертельные раны.

В течение полового возбуждения беспокойство животного все увеличивается. Оно перестает есть, скрипит зубами и как только увидит другого верблюда, выпячивает из пасти большой кожистый пузырь противного вида, так называемый ревун; тогда верблюд начинает реветь, сопеть и ворчать самым невыносимым образом. У молодых самцов мешок этот еще не настолько велик, чтобы выпячиваться изо рта, а у старых он имеет иногда до 30—35 см длины и настолько выступает наружу, что достигает величины человеческой головы. Случается, что пузыри появляются по обеим сторонам рта, но чаще выступает лишь один с правой или левой стороны. При выпускании мешка животное вытягивает голову вперед и надувает пузырь воздухом, отчего кровеносные сосуды, покрывающие его поверхность, очень ясно выступают. При вдыхании пузырь спадает и получает вид округленного кожистого мешка, который прячется в рот, но при выдыхании снова выпячивается**.

Один самец достаточен для 6—8 самок. После 11—13 месяцев беременности самка дромедара родит одного детеныша. Маленький верблюд рождается с открытыми глазами и покрыт довольно длинной, густой, мягкой, волнистой шерстью. Горб у него очень маленький, и мозоли на ногах едва заметны. По росту он значительно превосходит новорожденного жеребенка: сначала высота его бывает в 1 м, но через неделю уже он гораздо выше.

** Зрение играет главную роль в жизни верблюдов как обитателей открытых пространств. Глаза очень велики и защищены густыми ресницами от попадания песка. Обоняние развито очень хорошо и регулирует социальные отношения между животными в группе. По-видимому, верблюды способны чувствовать запах за несколько километров.*

*** На свободе верблюды образуют группы гаремного типа, насчитывающие 6—30 голов. В них входит взрослый самец, самки и детеныши. Холостые самцы держатся поодиночке, либо образуют собственные группы. Гон у верблюдов может происходить в любой сезон года. Помимо выпячивания кожистого выроста мягкого нёба, который служит резонатором звуков, на губах самца верблюда выступает обильная пена, послужившая основанием для*

Семейство верблюдовые

рассказов о «плюющих» верблюдах. Кроме того, животные обильно мочатся. Затылочные кожные железы выделяют обильный секрет, животные трутся затылком о другие части тела, закинув голову. Самцы дерутся между собой, иногда нанося сопернику смертельные укусы. Ухаживание за самкой может длиться довольно долго, сигналом для спаривания служит опускание самки на землю.

** Молоко верблюдицы очень концентрированное, самка производит до 15 л в день. Верблюжонка отучают сосать молоко в возрасте 7—10 месяцев, уже с 3 месяцев он пробует растительный корм. Самка рождает в среднем каждые 2 года, плодовитость сохраняется иногда до 30 лет.*

*** Половая зрелость у верблюдиц наступает в 3—4 года, у самцов — на год позже. Продолжи-*

При дальнейшем росте шерсть делается еще более густой и длинной, и молодой верблюд тогда очень похож на своего американского сородича. Тотчас по рождении он следует за своей матерью, которая с любовью за ним ухаживает. Когда две самки с детенышами сойдутся вместе, то сии последние весело играют друг с другом, а матери одобрительно ворчат. Самка верблюда кормит детеныша молоком больше одного года и в это время выказывает много мужества и при случае храбро защищает его. Мать заботится только о своем собственном детеныше и на чужих не обращает никакого внимания*.

В начале второго года арабы отучают молодого верблюда от молока. Самку верблюда употребляют в работу через несколько дней после того, как она отелилась, и детеныш постоянно бежит около нее. Молодых верблюдов, уже отученных от молока, берут с собой в дорогу, чтобы они смолоду приучались к большим переходам. Смотря по величине и красоте, уже с третьего года его дрессируют или к верховой езде, или к ношению вьюков. Там, где верблюдов много, их начинают объезжать только на пятом году, а в тех местах, где они редки, принуждают работать уже начиная с третьего года. Верховых верблюдов объезжают мальчишки. Молодое животное седлают легким седлом и надевают на морду петлю из веревки. Юный наездник садится верхом и заставляет верблюда идти рысью, но как только он переходит в галоп, то наездник его останавливает, заставляет встать на колени и бьет бичом; если верблюд идет шагом, то наездник приободряет его голосом и маханием хлыста до тех пор, пока животное не приучится постоянно бежать рысью, когда на нем сидит всадник. В конце четвертого года молодого верблюда уже употребляют в дело во время дальних путешествий**.

Цена хорошего верблюда очень колеблется в различных странах. Отличный бишарин стоит, если его покупать из первых рук, от 200—300 марок, а обыкновенный вьючный верблюд редко стоит более 90 марок. По европейским понятиям, цена эта, конечно, невысока, но в Судане это большие деньги. Молодых и плохих верблюдов можно купить и за 30 марок. Почти везде в Африке цена верблюда примерно равняется цене осла, но в Судане осел стоит гораздо дороже хорошего верблюда.

Верблюд подвержен многим болезням, но они принимают вид эпизоотии только в тропических местностях. Нахтигаль рассказывает, что верблюды одного каравана страдали болезнью, похожей на грипп, и прибавляет, что эти животные вообще склонны к легким и серьезным формам легочных болезней, на которые местные жители, однако, не обращают большого внимания, что очень странно, так как верблюды необыкновенно скоро слабеют от малейшего расстройства своего здоровья и быстро околевают даже от легких болезней. Однако большинство верблюдов околевают не от болезней, а от истощения во время длинных переходов.

Только очень немногих убивают. Мясо старых верблюдов считается многими жестким и твердым: по словам Нахтигала, оно имеет своеобразный вкус, к которому он однако скоро привык; мясо это переваривается легко, и в некоторых странах его едят с удовольствием. Вильям считает мясо молодых верблюдов за очень лакомое блюдо. Верблюжьими кожами покрывают шатры и изготовляют из них различные изделия, хотя кожа эта не очень прочна. Верблюжья шерсть прядется, и из нее делают сукно и другие материи.

Молоко верблюда так жирно и густо, что в пищу его употреблять противно, и потому оно редко находит применение. Помет верблюдов, напротив того, часто употребляется в дело. При путешествиях по пустыне, где чувствуется недостаток в дровах, утром собирают круглые, крепкие катышки верблюжьего помета, имеющие величину грецкого ореха, и вечером их жгут для согревания пищи. В тех местностях Египта, где мало лесов, старательно собирают навоз верблюда и других домашних животных, мнут его и приготавливают род круглых лепешек, которые сушатся на солнце и употребляются для топлива.

Почти такое же значение, как дромедар для Африки, имеет **двугорбый верблюд**, или **бактриан** (*Camelus bactrianus*), для восточной и средней Азии. Он отличается от вышеописанного верблюда двумя горбами, из которых один сидит на зашее, а другой перед крестцом. Сложение тела у него неуклюжее и приземистое. Туловище длиннее, чем у дромедара, шерсть гораздо длиннее, а цвет обыкновенно темнее, чаще всего темно-бурый, а летом рыжеватый*.

Оба вида легко скрещиваются, и потомство это способно к размножению. Ублюдки этих двух верблюдов, которых Вальтер наблюдал в Закаспийской области, более походили на дромедаров, чем на двугорбых верблюдов, но кроме хорошо развитого заднего горба имели зачаток второго**.

Пржевальский в семидесятых годах нашего столетия доказал, что во внутренней Азии еще живут в большом числе настоящие дикие верблюды, а не только одичалые (*Camelus bactrianus ferus*). Горбы у них гораздо меньше, чем у домашних, на передних коленях заметны мозолистые наросты, и череп имеет несколько иное строение; насколько известно, дикие верблюды водятся в южной Джунгарии, восточном Туркестане и Тибете***.

Двугорбого верблюда разводят во всех степных странах Средней Азии, и он служит главным образом для перевозки товаров между Китаем и южной Сибирью или Туркестаном. В Бухаре и Туркмении его заменяет уже дромедар и совершенно вытесняет его там, где степь принимает вид песчаной пустыни. Киргизы очень ценят верблюда, но к разведению его относятся не так внимательно, как к разведению других домашних животных, и пользуются им гораздо менее, чем лошастью; для монголов восточной

тельность жизни —
30—40 лет.

* Бактриан в холке достигает 1,8—2 м, не считая высоких горбов, которые при голодании свешиваются набок. Шерсть у него густая (особенно зимой) и он легко переносит перепады температуры в 80 градусов.

** Гибриды местной породы дромедара и бактриана распространены в Средней Азии, они называются «коспак» и имеют невысокий удлиненный горб вдоль всей спины. Эти гибриды плодовиты и считаются более выносливыми вьючными животными.

*** Дикий двугорбый верблюд — хабтагай был открыт Н. М. Пржевальским в 1883 г. В отличие от обеих форм домашних верблюдов, не имеет мозолей на ногах и груди (что удивительно!). Официально хабтагаи охраняются в Китае и Монголии, но численность

Семейство верблюдовые

*нестабильна и
последняя популяция
может в любой
момент угаснуть.*

** Двугорбый верблюд
распространен как
домашнее животное
от Калмыкии, Повол-
жья, Приуралья и
востока Турции до
северного Ирана,
Афганистана, Забай-
калья, Тибета и
востока Китая.
Особенно распрост-
ранен в Казахстане
и Монголии. Одомаш-
нивание двугорбого
верблюда произошло
предположительно
4500 лет назад на
востоке Ирана и юге
Туркестана.*

*** Беременность у
бактриана в сред-
нем длится на месяц
дольше, чем у дrome-
дара, двойни редки.
Остальные особенно-
сти размножения и
развития детены-
шей — как у одно-
горбого верблюда.*

Азии, напротив, этот верблюд имеет такое же важное значение, как дромедар для арабов. Отдельных пород верблюдов немного, но они довольно резко отличаются одна от другой. Лучшие верблюды разводятся в южной части Тургайской области*.

Хотя можно смело сказать, что двугорбый верблюд по своим привычкам и характеру очень похож на дромедара, но следует, однако, признать, что он более добродушен; его легче словить, он охотнее повинуется приказаниям хозяина, ложится на землю без особых усилий, причем издает только слабое ворчанье или громкий рев, сам останавливается, если вьюки на его спине сдвинулись с места. Следует высоко ценить его выносливость, неприхотливость, силу и постоянство, но, кроме этого, много хорошего о нем сказать нельзя. Его душевные способности стоят столь же низко, как и у дромедара: он точно так же глуп, равнодушен и труслив, как и его африканский сородич. «Случается, — пишет Пржевальский, — что заяц, выскочивший из-под его ног, приводит его в ужас: он быстро отскакивает в сторону и несется как безумный по степи, причем другие верблюды следуют за ним, не распознав, в чем дело. Большой черный камень на дороге, куча костей, свалившееся седло пугают его до того, что он теряет присутствие духа и приводит в замешательство весь караван. Если на него нападает волк, то он и не думает о защите. Ему было бы легко повалить подобного врага одним ударом ноги, но он только плюет на него и орет во все горло. Даже вороны обижают это бестолковое животное: они садятся к нему на спину и клюют наполовину закрывшиеся раны, натертые вьюками, причем даже отрывают куски мяса от горба, верблюд же и здесь не знает, как справиться и только плюется и кричит. Исключением здесь служат самцы во время полового возбуждения, которые делаются такими бешеными, что их приходится привязывать цепями, чтобы они кого-либо не искалечили. Но как только время возбуждения пройдет, то и самцы делаются смиренными и ко всему равнодушными, как прежде».

Верблюду этому плохо живется на хороших лугах; он требует степных растений, которыми с трудом довольствуются другие травоядные животные, например полыни, дикого лука, побегов степных кустарников, а главным образом тех растений, которые свойственны солончакам; эти последние особенно полезны для поддержания его сил и здоровья. Вообще соль необходима верблюду: он очень охотно пьет соленую воду степных водоемов и жадно хватается соль, осевшую по краям их. Если в пище его недостает соли, то он очень худеет, даже в том случае, когда пасется на самом хорошем лугу. Мучимый голодом верблюд, по словам Пржевальского, ест все, что может схватить, даже кожаные ремни, войлок, кости, шкуры животных, мясо, рыбу и другие предметы.

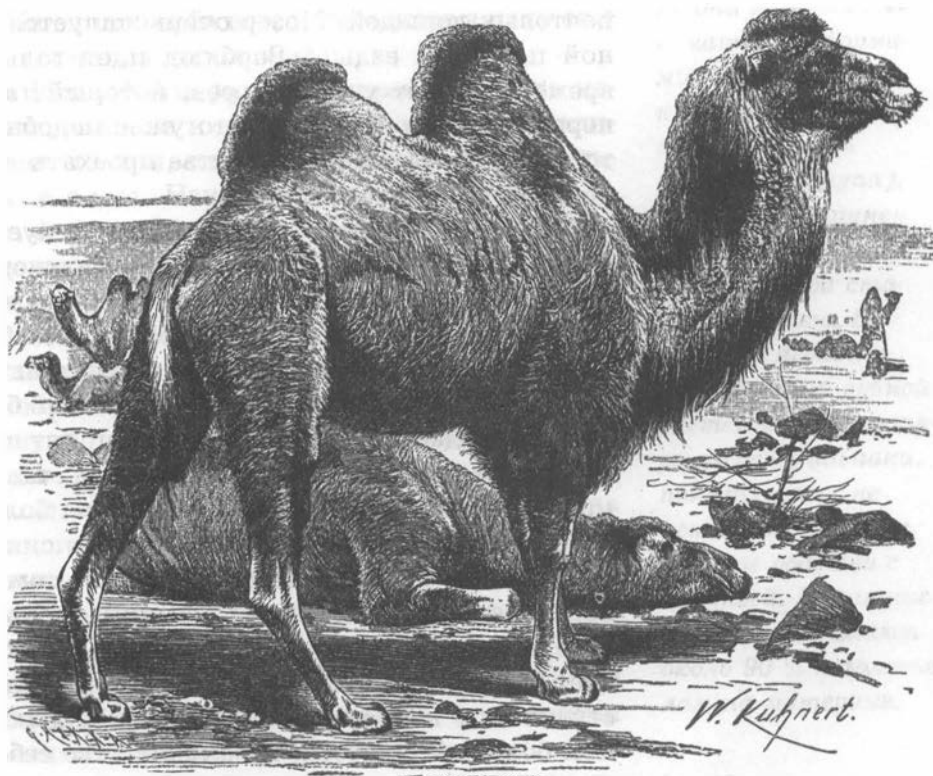
Спаривание происходит от февраля до марта. Самка телится через 13 месяцев всегда одним детенышем**, который сначала

* Продолжительность жизни бактриана — до 50 лет.

столь беспомощен, что за ним необходим особый уход и приходится его прикладывать к вымени матери; однако он скоро повсюду следует за самкой, которая его очень любит и бережет. Несколько недель после рождения молодой верблюд начинает есть траву, и его тогда отделяют от матери, которую доят, точно так, как и других домашних животных. На втором году жизни верблюду прокалывают носовую перегородку и продевают в это отверстие палочку, к которой привязывается узда, и с этих пор начинается его дрессировка. На третьем году жизни на нем понемножку начинают ездить верхом, на четвертом — приучают к легким вьюкам, а на пятом году он уже считается взрослым и способным ко всякой работе. При хорошем обращении он может служить до 25 лет*.

Чтобы седло не натирало спину верблюда, ему кладут на оба горба несколько войлоков и на них вьючное седло, которое обыкновенно также подбито чем-нибудь мягким; к седлу же привязывают вьюки. Сильный верблюд проходит ежедневно 30—40 км, неся тяжесть в 220 кг, а некоторые более сильные верблюды до 270 кг; если вьюк наполовину меньше, то верблюд

рысью пробегает в день 60—80 км. Летом он может обойтись без воды от 2—3, зимой от 5—8 дней, а без корма — половину этого количества времени. При продолжительных путешествиях каждые 6—8 дней верблюдам надо давать 24 часа отдыха. Летом в Монголии очень редко навьючивают верблюдов, у киргизов, например, разве только для того, чтобы перенести юрту с одного места стоянки на другое, зато зимой он несет тяжелую службу. По дороге из Пекина в Кяхту ему дают отдых в 10 или 14 дней только после всего пути, который длится целый месяц, и такого рода работа продолжается всю зиму, до 6—7 месяцев; в Закаспийских степях верблюдов никогда не заставляют без отдыха делать такие тяжелые переходы. Во время линьки, именно в мар-

Двугорбый верблюд,
или бактриан
(*Camelus bactrianus*)

Семейство верблюдовые

те, верблюдов берегут, насколько возможно; когда большая часть волос выпадет или бывает вычесана, то животное покрывают войлоками, чтобы избежать простуды, войлок подстилают и на землю, куда верблюд ложится. В это время, а в восточной Монголии даже все лето, верблюдам дают почти полную свободу и позволяют по произволу пастись по степи, только самок пять раз в день пригоняют к юртам, чтобы их подоить. Это свободное житье очень нравится животным. Потерянная сила быстро восстанавливается на привольном пастбище, и в конце лета верблюд гордо шествует, когда у него вырастает новая шерсть. В киргизских степях они не только служат вьючными животными, но поодиночке или парно запрягаются в возы, а на сыпучих песках даже заменяют почтовых лошадей. Мозер очень жалуется на медленность подобной почтовой езды: «Верблюд идет только шагом и время от времени издает ужасный рев, который так сильно действует на нервы путешественника, что ужас подобной езды может понять только тот, кто имел несчастье проехать таким образом несколько дней подряд».

Успешный уход за верблюдом требует хорошего знакомства с его натурой, большого опыта и необыкновенного терпения. Киргизы и монголы считают его за самое нежное из всех домашних животных и постоянно заботятся об его благосостоянии. Зимой он легко переносит страшные снежные вьюги и в это время года без особого затруднения совершает очень большие переходы, зато летом страдает от всякого неблагоприятного изменения погоды; ему могут повредить как жаркие дни, так и холодные ночи. Зимой с него не снимают седла даже при больших путешествиях, а по прибытии на место стоянки с него снимают только вьюки, и оседланным пускают на пастбища. Летом, даже при небольших переходах, с верблюда надо каждый день снимать седло, чтобы избежать натертых ран. Однако нельзя этого делать сразу, а следует подождать, чтобы верблюд совершенно остыл; иначе он простудится и непременно погибнет. Верблюд не переносит слишком большой тяжести. Любя общество себе подобных, он плетется насколько хватит сил за другими верблюдами, но если от усталости ляжет, то никакая сила не может заставить его подняться. В таком случае его обыкновенно поручают владельцу ближайшей юрты, а потом, когда он отдохнет от усталости и соберется с новыми силами, за ним нарочно приезжают.

Несмотря на все его недостатки, двугорбого верблюда следует считать одним из наиболее полезных животных, которых человек подчинил своей власти. Он во многих отношениях приносит пользу, и в некоторых местностях не может быть заменен никаким другим домашним животным. Человек пользуется его шерстью, молоком, шкурой и мясом, запрягает его в воз и употребляет как вьючное животное. На верблюдах перевозят тяжести по безводным пустыням, где лошади не могли бы вынести труд-

ности переезда, с ним взбираются на горы до 4000 м высоты, где из домашних животных живет кроме него только як. Конь может считаться товарищем, а верблюд — слугой обитателя степей.

Очень похожи на верблюдов, но гораздо меньше их по росту ламы. Они принадлежат к обитателям горных стран и потому уже не могут достигнуть той же величины, как верблюды Старого Света, которые живут на обширных равнинах. Впрочем, ламы отличаются от верблюдов не только своей величиной, но и сравнительно большей головой, которая сильно выдвинута назад и имеет острую морду; большими ушами и глазами, тонкой худощавой шеей и высокими стройными ногами с двумя глубоко раздвоенными пальцами и незначительными мозолями, а также длинной и волнистой шерстью. На спине горба нет, и туловище в паху еще более поджато, чем у настоящих верблюдов.

Коренные жители Южной Америки разделяют ламу на четыре вида: гуанако, лама, альпака и викунья. Правда, натуралисты еще не вполне согласны в том, следует ли считать эти отдельные формы за особенные виды. Некоторые считают гуанако за первоначальную форму, от которой произошли ламы и альпаки, и доказывают это, между прочим, тем, что ламы и гуанако плодородно скрещиваются, и от них рождаются способные к размножению ублюдки; другие считают незначительные различия, существующие между вышеназванными формами, уже достаточно важными для того, чтобы образовать четыре отдельных вида. Чуди, натуралист, который изучал лам в их отечестве, присоединяется к мнению аборигенов, и взгляд его долго разделяли все натуралисты. Но если принять во внимание, какое сильное влияние на внешнюю форму животного может иметь приручение, то мы должны признать правильным противоположный взгляд, и ламу, точно так как и альпаку, считать лишь за прирученных потомков гуанако*.

Гуанако и викунья до сих пор еще встречаются в диком состоянии, между тем как лама и альпака сделаны домашними животными с незапамятных времен**. Первые европейцы, посетившие Америку, уже нашли обоих животных прирученными; сказания перуанцев относят приручение этих двух животных к первобытным временам существования человека на земле, и появление их соединяют с жизнью своих полубогов. У туземцев Америки существовал суеверный взгляд на принесение этих животных в жертву богам; цвет жертвы был, например, очень точно определен, смотря по тому и другому празднику. Первые завоеватели Южной Америки, испанцы, уже нашли у горных народов значительные стада лам и описали этих животных, хотя не очень ясно, но довольно подробно, так что без труда можно узнать отдельные породы.

Уже Херес, описавший завоевание Перу испанцем Пизарро, упоминает о ламе, как о вьючном животном. «Шесть миль от

* Споры системати-
ков относительно
родства диких и
домашних форм лам
идут и сегодня.
Чаще всего выделя-
ют всего два рода и
вида лам — гуанако
(*Lama guanicoe*) с
домашними форма-
ми ламой и альпа-
кой (пакой) и вику-
ньей, или вигонь
(*Vikugna vicugna*).
Однако одомашнен-
ным формам прида-
ют и видовой ста-
тус (*L. glama*, *L.*
pacos), а недавние
исследования зубной
системы и структу-
ры шерсти альпаки,
показали, что не
исключено ее более
близкое родство с
викуньей. Домашние
формы составляют
около 90 % поголовья
лам на материке.

** Одомашнивание
лам началось 4—5
тыс. лет назад в
районе оз. Титикака,
на территории
нынешних Перу и
Боливии.

Семейство верблюдовые

Кахамалка, — говорит он, — живут около озера, обросшего деревьями, индейские пастухи, у которых мы видели различного сорта овец: некоторые из них такие же небольшие, как и европейские, а другие так велики, что индейцы их навьючивают различными вещами». Педро-де-Сиенца очень точно различает четыре вида лам уже в 1541 году. «Ни в одной части света, — замечает он, — не встречается таких удивительных овец, как в Перу, Чили и в некоторых провинциях Ла-Платы. Они принадлежат к полезнейшим и лучшим животным, созданным Господом Богом в виде особенной милости к живущим там людям, которые без этой скотины не могли бы поддерживать своего существования. В долинах и равнинах туземцы сеют хлопчатник и из волокон его готовят одежду; на высоких горах и во многих других местах не растет ни одного дерева и нельзя сеять хлопчатник, так что живущим там индейцам не из чего было бы готовить себе одежду; поэтому Господь Бог послал им множество овец, но жестокие войны испанцев значительно уменьшили их число. Туземцы называют этих овец «лама», а баранов «уркос». По росту они равняются маленькому ослу с широким крестцом и толстым животом. По шее и ногам похожи на верблюдов, а по внешнему виду на овец. Животные питаются травами, растущими на лугах, они очень ручные и совсем не упрямы, только, когда им больно, ложатся на землю и стонут, как верблюды. Самцы носят от 2—3 арроб (арроба равняется почти пуду) на спине, а мясо их очень вкусно и не теряет своего достоинства вследствие того, что животные носят тяжести. Там встречаются другие, похожие на них животные, которые называются «гуанако», но по росту они больше лам. Большие стада гуанако рыщут в диком состоянии по степям и так скоро бегают, что собакам их трудно догнать. Кроме того, там встречается еще другая порода этих овец, которые зовутся «викуни»; они бегают еще быстрее, чем гуанако, и живут в степях, где питаются травами, которые Бог для них создал. Шерсть их очень хороша и по достоинству еще лучше, чем шерсть мериносовых овец. Я не знаю, можно ли делать из нее сукно, но та материя, которая изготавливается из шерсти викуни для знатных особ, может быть названа превосходной. Мясо викуни и гуанако очень приятно и по вкусу похоже на баранину. В городе Де-ла-Плац я ел копченое мясо жирного гуанако, и мне оно понравилось лучше всякого другого. Наконец существует еще домашняя порода этих животных, которая носит название «пако», очень мохнатая и имеет длинную шерсть. По виду они похожи на лам, но гораздо меньшего роста. Ягнята их чрезвычайно похожи на испанских. Без этих овец было бы невозможно перевозить так много товаров из Потози в этот город, который ведет очень большую торговлю».

Из вышесказанного явствует, что в течение последних трех столетий четыре главные формы лам не изменились. Все породы

лам живут в горных странах высоких Кордильеров. Им хорошо живется только в довольно холодных странах, и потому на равнинах они встречаются лишь далеко на юге в пампасах Патагонии. Около экватора обыкновенное местожительство их находится между 4000—5000 м над уровнем моря, ниже 2000 м они здесь разводятся плохо, между тем как в более холодной Патагонии хорошо живут и на меньшей высоте. Дикие виды поднимаются в дождливое время года на высокие горные хребты, а в сухое время спускаются в плодоносные равнины. Они живут большими или маленькими обществами, нередко даже огромными стадами, и за ними усердно охотятся.

Гуанако (*Lama guanicoe*) самое крупное, хотя встречается только в диком состоянии, и одно из самых важнейших млекопитающих Южной Америки. По росту равняется примерно благородному оленю, а по внешнему виду представляет странную смесь форм овцы и верблюда. У вполне взрослых животных общая длина тела равняется 2,25 м, причем длина хвоста около 24 см, а высота в плечах 1,15 м. Голова находится на высоте 1,6 м*. Самка меньше ростом, но по внешнему виду и окраске вполне похожа на самца. Туловище гуанако довольно коротко и сжато, около груди и плеч оно выше и шире, а сзади уже. Шея длинная, тонкая, стройная и несколько загнута вперед. Голова длинная и сжата с боков, морда мало суживается и на конце тупая, верхняя губа выдается вперед, глубоко раздвоена, покрыта редкими волосами и очень подвижна. Переносье покрыто волосами, а длинные узкие ноздри могут закрываться; уши длиной равняются примерно половине головы, очень подвижны. Глаза довольно велики и оживлены, зрачок у них поперечный. Ноги высоки и стройны, части пальцев,

Гуанако
(*Lama guanicoe*)

* Гуанако может
весить 100—200 кг.

Семейство верблюдовые

** Шерсть красно-коричневая; живот, внутренние стороны ног, низ шеи — беловатые; морда сероватая.*

*** Гуанако населяет высокие плоскогорья юга Перу, запада Боливи, горы и предгорья Чили и западной Аргентины, равнины Патагонии и Огненной Земли. До прибытия европейцев ареал был шире, а численность достигала 50 млн голов, в настоящее время сохранилось менее миллиона голов. Гуанако встречается в различных ландшафтах — безводных жарких пустынях (Атакама) и холодных полупустынях, горных влажных лугах (парамос) и сухих горных степях (пуна), в пампе и на морских побережьях.*

**** Гуанако встречаются небольшими, до 10 животных, группами гаремного типа, лишь на кочевках объединяясь в стада до 150 голов. Самец занимает участок*

касающиеся земли, довольно длинны и раздвоены до половины; на концах их заметны небольшие узкие и острые копытца, которые несколько загнуты в сторону; нижняя сторона пальцев покрыта большими мозолями. На суставах передних ног нет мозолей, которые находятся у других видов лам точно так, как у верблюдов. Хвост, который животное на ходу всегда приподнимает, очень короткий, у основания густо покрыт волосами, а на кончике почти голый. Вымя самки имеет четыре сосца. Все тело покрыто длинной, густой и волнистой шерстью. Шерсть имеет грязный буровато-рыжий цвет, середина груди, брюха, внутренняя сторона конечностей и место под хвостом беловатого цвета. Радужная оболочка темно-бурая, ресницы черные, а копыта черновато-серые*.

Гуанако распространены почти по всем Кордильерам, от покрытых лесами островов Огненной Земли до северного Перу. Они особенно часто встречаются в южных частях этого горного хребта, а в населенных местностях число их от постоянных преследований значительно уменьшилось; однако Геринг встречал еще несколько экземпляров вблизи города Мендоца. Гуанако предпочитают горные высоты, но встречаются и на равнинах: Дарвин нигде не видал так много гуанако, как в равнинах южной Патагонии. Весной и в то время, когда на горах встречается молодая трава, животные эти поднимаются до границы вечных снегов, а в начале сухого времени года спускаются в плодоносные долины. Они избегают высоких мест, покрытых снегом, а в долинах выбирают самые богатые пастбища. Гуанако иногда предпринимают большие странствования, отыскивая пастбища. Дарвин видел однажды следы стада в 30—40 штук в 30 милях от морского берега, там, где животные эти очень редки; они шли почти гуськом по прямому направлению к тинистому и соленому заливу. По всей вероятности, они заметили, что приближаются к морю, потому что повернули обратно, почти так же правильно, как это делает кавалерия, и в том же порядке пошли назад в гору. Моря, впрочем, они не боятся, бесстрашно входят в воду и переплывают от одного острова к другому**.

Они живут обществами и небольшими стадами. Мейен видал стада от 7—100 голов, которые паслись около ручьев, а Дарвин замечает, что чаще всего стада этих животных бывают до 12—30 голов, но он, однако, видел на берегах реки Санта-Круц огромное стадо, по крайней мере в 500 голов. Стадо состоит большей частью из самок и одного сильного самца, который допускает в свое общество только молодых, не вполне взрослых животных своего пола. Когда молодые достигают известного возраста, то начинаются драки, и слабые бывают принуждены удалиться и образовать отдельные стада с молодыми самками***. Днем гуанако переходят из одной долины в другую, пасясь почти безостановочно, ночью они никогда не едят. К водопою ходят утром и

вечером, соленую воду пьют точно так же охотно, а может быть, даже и охотнее, чем пресную: спутник Дарвина видал, как стадо гуанако с жадностью пило морскую воду около мыса Бланко. Питаются эти животные преимущественно сочными травами, а в случае нужды — мхом. У гуанако есть очень странная привычка, как у некоторых антилоп, выпускать свой помёт в одну общую кучу и только тогда начинать класть другую, когда первая возросла до значительного объема. Индейцы очень хорошо пользуются этими кучами; они употребляют помёт гуанако как топливо и не должны трудиться над собиранием его. Около куч помета всегда находятся ямы в сыпучем песке или рыхлой земле, где гуанако валяются с особенным удовольствием, что происходит почти всегда около полудня. Зимой они валяются в снегу.

Все движения гуанако быстры, хотя не так скоры, как можно было бы предполагать. На равнине хорошая лошадь скоро догоняет бегущее стадо, но обыкновенные собаки только с трудом за ним следуют. Животные эти бегут короткой, развалистой иноходью. Длинная шея при быстром беге вытягивается вперед. Гуанако прекрасно лазают по горам; они, как серны, быстро поднимаются и спускаются по таким крутым откосам, где опытные ходоки по горам не могут держаться на ногах, причем, очевидно, у животного не кружится голова, когда оно глядит в глубину. Во время покоя животное это ложится, как верблюд, на грудь и на ноги и, так же как и он, становится на колени и встает. Когда они отдыхают, то все время задумчиво пережевывают жвачку.

Обыкновенно гуанако очень дики и пугливы. Они постоянно озираются, видят врагов издалека и бегут, как только заметят что-нибудь подозрительное. Когда они испуганы, то убегают за несколько верст, но держатся при этом известных, сильно протоптанных тропинок. Вожак самец почти всегда пасется на расстоянии нескольких шагов от стада и очень зорко сторожит его. При малейшей опасности он издает громкое бляенье; животные мгновенно поднимают головы, осматриваются во все стороны и быстро пускаются в бегство, при этом, по словам Мейена, самки и детеныши бегут впереди, а старый самец образует арьергард и головой толкает передних.

Время спаривания бывает в августе и сентябре. Самцы в это время сильно дерутся за право первенства в стаде. Противники нападают друг на друга с большим ожесточением и страшным криком, кусаются, лягаются, гоняются один за другим и стараются повалить соперника и даже сбросить его с крутизны. После 10—11-месячной беременности самка рождает вполне развитого детеныша, у которого глаза уже открыты и все тело покрыто шерстью. Мать кормит его в течение четырех месяцев, внимательно следит за ним, относится к нему с большой нежностью и держит его около себя до полного возмужания, когда молодой гуанако сам способен к размножению и начинает

30—65 га, куда привлекает табунки самок, границы пометает кучами помета и отстаивает их от владельцев соседних участков. Самец обычно держится несколько особняком от группы самок с детенышами. Между участками кочуют одиночные самцы, постоянно вступающие в конфликты с «землевладельцами» в попытках завладеть территорией и соответственно самками хозяина. Наконец на периферии держатся табунки холостящих самцов, чаще всего еще недостаточно взрослых, чтобы претендовать на самок и участки. Звуковой репертуар всех лам довольно беден, отношения в группе поддерживаются при помощи различных поз.

Семейство верблюдовые

** Во время гона, так же как и круглый год, на границах территорий, между самцами вспыхивают ожесточенные драки. Угрожающе пригнув шею и прижав уши, соперники сближаются. Если ритуальная угроза не действует, животные кусаются, лягаются встав на дыбы, плюются. Новорожденный весит 8—15 кг. Лишь около 10 раз в день малыш подходит к матери пососать очень жирного и питательного молока. Хотя молодые достигают половой зрелости после 2 лет, уже в возрасте 7 месяцев (самцы) и 12 месяцев (самки) они бывают изгнаны из семьи и ожидают возможности влиться в другие семейные группы.*

*** Как и верблюды, все ламы передвигаются иноходью, скорость гуанако достигает 50 км/ч.*

принимать участие в драках, сопровождающих половое возбуждение*.

Иногда отдельные гуанако присоединяются к стадам лам и викуний, не смешиваясь, однако, с ними; но гуанако и альпаки очень часто пасутся вместе на горных лугах.

Гуанако защищается от нападения других животных, лягаясь и кусаясь, но от сколько-нибудь опасных врагов он трусливо убегает, не думая о защите. Даже большая собака может удерживать на месте одного из этих крупных животных до тех пор, пока приблизится охотник. Когда гуанако привыкнут к людям и собакам, то делаются смелее, храбро ждут своего противника и стараются его укусить или лягнуть или употребляют свойственный всем ламам другой способ защиты: дают противнику близко подойти к себе, отгибают уши назад, принимают вызывающий вид и выплевывают в лицо человека или в морду животного слюну, а иногда находящуюся во рту траву или отрыгнутую жвачку. Человек всегда был и будет самым страшным врагом этих животных; от других они всегда могут спастись бегством. Может ли кондор успешно нападать на них, как иные утверждают, это еще достоверно не доказано. Жители Южной Америки с особенной страстью предаются охоте на гуанако, так как эта охота из-за ценной шкуры и вкусного мяса довольно выгодна. С помощью хороших собак стараются загнать пасущихся животных в узкое ущелье, гонятся за ними верхом и бросают на шею лассо или ошеломляют ударами чугунных шаров, прикрепленных к длинным ремням. Опытные охотники часто пользуются любопытством гуанако, ложатся на землю и производят разные странные телодвижения, чтобы привлечь к себе животных. По уверениям Дарвина, охотники успевают в таком случае сделать несколько выстрелов, так как гуанако не пугаются первых выстрелов, а считают их принадлежностью того странного явления, которое привлекло их внимание. На равнинах их часто убивают в большом количестве, так как они, подобно глупым овцам, позволяют себя окружить несколькими всадниками, долгое время недоумевают и позволяют себя загнать за какую-нибудь изгородь, откуда для них уже нет спасения. На откосах гор они, напротив того, гораздо легче спасаются от своих преследователей, и здесь бывает трудно к ним приблизиться даже на расстояние выстрела**.

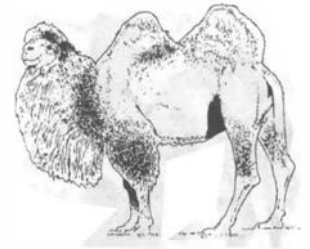
Раненые гуанако бегут, по словам Дарвина, к рекам и околачивают только на их берегах, но кажется, что даже не раненые, а больные и старые животные отыскивают себе особенные места для того, чтобы там лечь и умереть. «На берегах реки Санта-Круц, — пишет Дарвин, — я находил небольшие, обросшие кустарником полянки, которые были густо усеяны уже совсем

белыми костями. Я подробно исследовал эти кости и нашел, что ни одна из них не показывала следа зубов хищного зверя, что совершенно исключает возможность предположения, будто кости эти затащены сюда какими-нибудь хищниками. По всей вероятности, животные еще до смерти залезли сюда в кусты».

На южноамериканских равнинах и в горах гуанако часто ловят живыми, чтобы их приручить. Они очень смирны и приятны, пока молоды; доверчивы и привязчивы, следуют как собаки по стопам своего господина и ведут себя совершенно как ягнята; но чем они становятся старше, тем более исчезают у них любовь и привязанность к человеку. Ручные гуанако, наподобие домашних лам, пасутся около дома и к вечеру сами возвращаются на двор; старые животные, однако, всячески стараются сбросить с себя власть человека и плевками в лицо доказывают, как он им неприятен. Пленных гуанако легко кормить сеном, травой, хлебом и зерном; их теперь часто привозят в Европу, где при хорошем уходе они даже размножаются.

Лама встречается преимущественно в Перу и уживается там лучше всего на высоких плоскогорьях. Она ростом несколько выше гуанако и отличается мозолистыми наростами на груди и на передней части сустава, соединяющего предплечье с кистью. Голова коротка и узка, губы покрыты волосами, уши короткие и мозолистая кожа на нижней стороне пальцев очень велика. Ламы бывают различного цвета: белые, черные, пегие, рыжевато-бурые с белыми пятнами, темно-бурые, ярко-рыжие, желтовато-рыжие и т. д. Взрослое животное от конца ноги до темени достигает 2,6—2,8 м, вышина в плечах — около 1,2 м.

Акоста рассказывает: «Индейцы водят через горы целые стада этих «овец», навьюченных различными товарами, причем число их бывает 300—500 и даже до 1000 голов. Я часто удивлялся, видя подобные стада, навьюченные двумя или тремя тысячами слитков серебра ценой до 300 тысяч дукатов, переправляющиеся через горы в сопровождении лишь нескольких индейцев, которые погоняют животных, навьючивают и развьючивают их, и ведут в полном порядке под наблюдением двух-трех испанцев. Караваны эти во время дороги отдыхают под открытым небом и, несмотря на это, ничего не пропадает, до того велика безопасность дорог в Перу. На стоянках, около ручьев, окруженных лугами, где могут пастись животные, индейцы их развьючивают, устраивают шатры, варят пищу и чувствуют себя очень хорошо, несмотря на трудности длинного пути. Если караван находится в дороге лишь один день, то каждая из овец несет на себе 8 арроб (почти 8 пудов) и проходит с такой ношей в день 8—10 легуа (29—36 километров). Однако это могут делать лишь те животные, которые

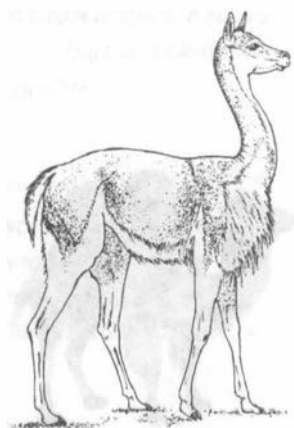

Семейство верблюдовые

принадлежат бедным солдатам, совершающим походы через Перу. «Овцы» эти любят холодный воздух и чувствуют себя вполне здоровыми в горах; на равнинах страдают от жары. Случается, что они бывают покрыты инеем и ледяными сосульками и все-таки остаются здоровыми. Те из них, у которых шерсть коротка, имеют очень смешной вид. Иногда они вдруг останавливаются, поднимают шею, внимательно осматривают своих проводников и некоторое время стоят неподвижно, не выказывая ни страха, ни недовольства. Случается, что они внезапно пугаются и с вьюками карабкаются на самые неприступные скалы; куда люди не могут за ними следовать; тогда приходится их застрелить, чтобы не потерять серебряные слитки, находящиеся в их вьюках».

Только самцов употребляют как вьючных животных, а самок держат для завода. «Караван этих животных, — говорит Стефенсон, — представляет очень красивое зрелище: животные эти, из которых каждое несет до одного центнера тяжести, идут в большом порядке гуськом, следуя за передней ламой, которая служит вожакom и отличается от других украшенным недоуздом, колокольчиком и маленьким флагом на голове. Караваны проходят по снежным вершинам Кордильер и по крутым горным тропинкам, где лошади или мулы могли бы пройти с большим трудом; при этом они так послушны, что погонщики не употребляют ни палок, ни кнутов, чтобы погонять и направлять их. От стоянки до стоянки ламы идут спокойно и не останавливаясь». Чуди к этому прибавляет, что ламы постоянно из любопытства оглядываются по сторонам. «Когда они увидят вблизи какой-нибудь незнакомый предмет, который их пугает, то вмиг разбегаются в разные стороны, и бедные погонщики могут только с трудом снова собрать их. Индейцы очень любят этих животных и перед навьючиванием украшают и ласкают их. Несмотря на хороший уход и осторожность, при каждом путешествии к берегу моря много лам погибает, так как они не могут переносить жаркого климата. Для возки экипажа и для верховой езды этих животных не употребляют; только очень редко индеец садится на одну из своих лам, когда приходится переезжать через реку и проводнику не хочется промокнуть, но, переехавши на тот берег, всадник тотчас же слезает... Лама может нести не более 50 кг. Если вьюк слишком тяжел, то она ложится и не встает до тех пор, пока не облегчат ее ноши. Вьюки кладутся обыкновенно без всякого седла и войлока, на тонкий кусок материи, покрывающий густую шерсть животного, и привязываются к туловищу шерстяными веревками. Навьюченные таким образом ламы проходят в день 10, много 20 км и идут так тихо, беззаботно и свободно, что тяжесть, по-видимому, вовсе не беспокоит их; при этом они пасутся по дороге, на

равнине расходятся в разные стороны, лазают на горы, но слушаются голоса или свистка проводников. Они требуют необыкновенно мягкого обращения и тогда очень послушны; если же с ними обращаются неприветливо и грубо, то делаются злыми, глупыми и ни к чему не пригодными. Лама есть животное, как бы созданное нарочно для индейцев, которые отличаются необыкновенным терпением и хладнокровием; благодаря этим качествам туземцы могут легко справляться с этими очень упрямыми животными».

Мейен считает лам столь же важными для перуанцев, как северного оленя для лапландцев. На высоких плоскогорьях Кордильер держат огромные стада этих животных. Ночью их запирают в загородку, стены которой сделаны из камней, а днем выпускают; они тогда рысью бегут на пастбище без всяких пастухов, а вечером сами возвращаются обратно. С ними часто пасутся гуанакос и викуни. Если кто проедет верхом мимо стада, то ламы издали ужестораживают уши, затем целой толпой в галоп приближаются к всаднику, останавливаются в 30 или 50 шагах от него, любопытно осматривают его, а затем возвращаются на пастбище.

Мясо лам едят везде охотно, и однолетние животные считаются особенно вкусными. Вполне взрослых лам убивают большей частью для приготовления сушеного мяса, которое в Перу и Боливии называется «чарки». На плоскогорье Пуна, между двумя хребтами Кордильер, лет десять тому назад за ламу средним числом платили около 20 марок и соответственно этой цене платили дороже или дешевле за сушеное мясо. Из шерсти готовят лишь грубые материи и веревки; цена ее невелика. В рассказах вышеупомянутых путешественников находится примерно все то, что нам известно о жизни лам на их родине. Теперь можно видеть этих животных почти во всех зоологических садах. Если их держать несколько штук вместе, то они гораздо смиреннее и ласковее, чем если их держать поодиночке; тогда они, очевидно, скучают. Они очень хорошо сживаются с другими ламами и со сродными видами, а пары этих животных живут очень дружно между собой. Они научаются узнавать своих сторожей и обходятся с ними сносно, но к чужим людям относятся как верблюды, всегда раздражительно и недоверчиво*.

Третий вид этой группы, пако, или альпака (*Lama guanicoe*), ростом меньше ламы и по строению тела несколько похожа на нашу овцу, но шея у нее длиннее и голова красивее; шерсть ее очень длинна и удивительно мягкая; на некоторых местах, например по сторонам туловища, длина волос достигает 10—12 см. Цвет шерсти бывает или совсем белый, или черный, однако встречаются и пегие животные**.

* Лам разводят только в горной местности на высоте 2—4 тыс. м, 70 % лам живет в Боливии. Характерные для горных животных черты — увеличенный объем сердца и легких, повышенная концентрация эритроцитов в крови сделали ламу незаменимым транспортным средством индейцев в высокогорьях. Выделяют две породы ламы: длинношерстная шаку и короткошерстная кара. Ламы доживают до 30 лет.

** Альпака имеет высоту в холке около 94—104 см, весит 55—65 кг. Разводится только ради шерсти, как вьючное животное не используется. Свыше 90 % животных живет в Перу. Характерны шапка волос на голове, «бакенбарды» на щеках, густые «начесы» на ногах. Беременность у альпаки короче, чем у ламы, составляет 342—345 дней, детеныш весит 6—7 кг.

«Альпак, — говорит Чуди, — держат большими стадами, которые целый год пасутся на высоких горных лугах, и их гонят вниз к хижинам индейцев только на время стрижки. Едва ли существует животное более упрямое, чем альпака. Если одна из них отделена от стада, то она бросается на землю, и ни ласками, ни ударами нельзя заставить ее встать. Она переносит самые сильные удары и даже мучительную смерть, но ни за что не послушается. Отдельных животных можно только тогда заставить идти, когда их присоединяют к стадам лам или овец. Индейцы уже с давних времен готовят из шерсти альпак и лам одеяла и плащи».

Пако, или альпака
(*Lama guanicoe pacos*)

* Различают несколько пород альпакки, имеющих более нежную или грубую, длинную или короткую, прямую или вьющуюся, курчавую

По показани-
ям Акосты, индей-
цы называют более
грубую шерсть «ха-
наска», тонкую
же — «кумби». Из
последней они с
большим искусст-
вом готовят
салфетки для сто-
лов и другие ценные
вещи, отличающие-
ся прочностью и
глянцевитостью.
Перуанские инки
имели хороших ма-
стеров по части тка-
нья. Самые искус-
ные жили у озера
Титикака. Они ок-

рашивали грубую и тонкую шерсть различными травами в очень яркие краски. В настоящее время они умеют ткать лишь теплые одеяла и плащи, но зато шерсть в большом количестве отправляется в Европу*.

«Красивее ламы, — говорит Чуди, — викунья (*Vicugna vicugna*). По величине она стоит между ламой и пако, отличается же от обеих более короткой и вьющейся шерстью замечательной тонкости. Темя, верхняя сторона шеи, туловище и бедра окрашены в особенный красно-желтый цвет (цвет викуньи); нижняя сторона шеи и внутренние части конечностей — светло-жел-

того цвета, шерсть на груди, достигающая 12 см длины, и нижняя часть живота — белые*.

В продолжение дождливого времени года викуньи живут на хребтах Кордильер, где растительность в высшей степени скудна. Они остаются постоянно на лугах, поросших травой, вследствие того, что копыта их мягки и чувствительны; никогда не бегут, даже при преследовании по каменистым голым вершинам и более всего избегают, как и наши серны, глетчеров и снежных полей. В жаркое время года спускаются в долины. Кажущееся противоречие, что животные зимой отыскивают холодные, а летом жаркие места, объясняется тем, что в продолжение сухого времени хребты Кордильер совсем высыхают, и скудная растительность доставляет им достаточную пищу лишь в долинах, где есть источники и болота. Они пасутся почти целый день, и считается большой редкостью застать стадо этих животных лежащим. Во время течки самцы сильно дерутся между собой за первенство в стаде, состоящем обыкновенно из 6—15 самок; в каждом стаде может быть только один самец. Самец держится в двух-трех шагах от своего стада и тщательно оберегает его, между тем как самки беззаботно пасутся. При приближении малейшей опасности вожак подает знак громким свистом и быстро становится во главе стада. Все животные тотчас соединяются, с любопытством поворачивают головы в том направлении, откуда грозит опасность, и приближаются на несколько шагов, а затем вдруг обращаются в бегство; самец следует за ними, часто останавливается и следит за врагом. Движения при быстром беге состоят из галопа, причем животные переваливаются с боку на бок довольно тихими прыжками. Бег этот не настолько быстр, чтобы животных нельзя было бы нагнать на равнине всаднику на хорошей лошади. Но даже и на самой быстрой лошади невозможно этого сделать, если викуньи находятся на горных откосах, и в особенности, когда они бегут вверх, так как тогда они имеют большое преимущество перед лошадьми. Самки редкой верностью и привязанностью вознаграждают бдительность своего вожака и, если он бывает ранен или убит, бегают с громким свистом вокруг него и позволяют даже перестрелять себя, но в бегство не обращаются. Если же смертоносный свинец поражает самку, то все стадо убегает. Напротив того, самки гуанако быстро удаляются, если их вожак бывает убит.

В феврале у каждой самки рождается один детеныш, который тотчас же после рождения выказывает необычайную выносливость и быстроту**.

Молодые самцы викуний до тех пор остаются при матерях, пока не вырастут; тогда стадо самок набрасывается на способных

Семейство верблюдовые

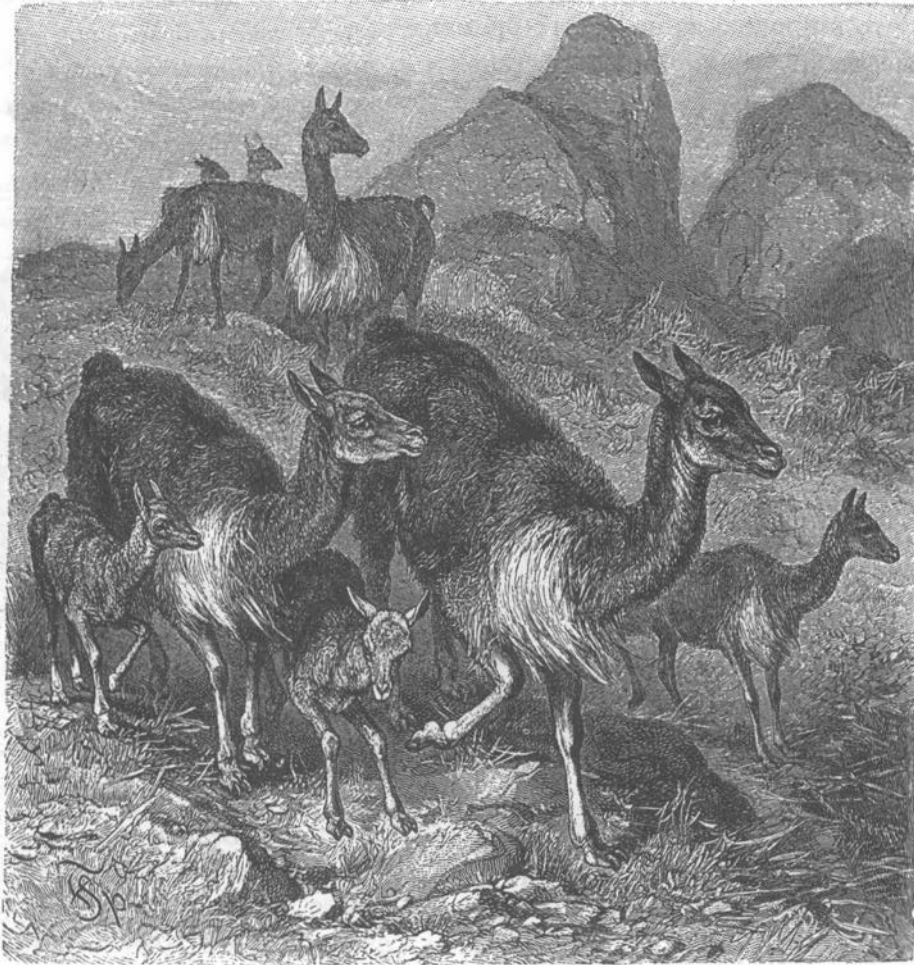
шерсть. Для улучшения качества шерсти альпаку скрещивали с викуньей, полученные гибриды — паковикуньи — имели довольно тонкую шерсть и в 4 раза длиннее, чем у альпаки, но оказались стерильны.

** Высота викуньи в холке — 85—120 см, вес самцов — 60 кг, самок — 40 кг. Очень характерны тонкая гибкая шея, покрытая короткой шерстью и обширное белое пятно на груди, образованное удлиненными волосами.*

*** Беременность длится 11,5 месяца, детеныш рождается летом, в сезон дождей. Вес новорожденного — 4—6 кг. Половая зрелость наступает в 2 года. Продолжительность жизни в природе около 10 лет, в неволе — 15—24 года.*

**Семейство
верблюдовые**

уже к размножению самцов, толкает и кусает их до тех пор, пока они не убегут от них. Молодые собираются в особенные стада, к которым присоединяются еще другие, состоящие из побежденных самцов, и образуют общества, достигающие 20—30 голов. Между ними, конечно, не всегда бывает спокойно. Так как это стадо не руководится вожаком, то все животные делают крайне недоверчивыми и чуткими, так что охотник лишь с большой осторожностью и большим трудом может приблизиться к подобному стаду и очень редко убивает более одного животного.

Во время течки беспорядок в стадах викуний бывает страшный: все животные толкуются на одном месте, кусаются, лягаются и при этом издают очень неприятные крики, несколько похожие на ржание испуганных лошадей. Крик этот трудно описать, но он настолько характерен, что, услышав раз, его уже нельзя забыть. Чистый редкий воздух передает эти пронзительные звуки на такое большое расстояние, что даже самый зоркий глаз не может еще различить животных».

«Индейцы, — продолжает далее

Викунья
(*Vicugna vicugna*)

Чуди, — очень редко употребляют огнестрельное оружие на охоте за викунями. Они устраивают облаву, на которую каждое семейство плоскогорья должно доставлять по крайней мере одного человека; вдовы служат в этой артели кухарками. Охотники забирают с собой палки и огромные клубки бечевки. На подходящей равнине палки втыкают в землю на расстоянии 12—15 шагов и связывают их веревками на высоте 80 см. Та-

ким образом огораживают круглое пространство около двух верст в окружности и с одной стороны оставляют вход, шириной в несколько сот шагов. Женщины навешивают на веревки круга пестрые тряпки, которые развеваются по ветру. Когда все готово, мужчины, из которых часть верхом на лошадях, расходятся по сторонам и с многих миль в окружности сгоняют все стада через отверстие в круг. Если надлежащее количество загнано, этот круг загораживают. Пугливые животные не отваживаются перескочить через веревку с колеблющимися тряпками, и их легко убивают так называемыми белассами, которые состоят из трех чугунных шаров, привязанных на длинных ремнях. Бросающий кружит ими около головы избранного животного и очень метко с размаху кидает в нее, сам же опутывает ему ноги, и жертва падает. Пойманные таким образом викуньи закалываются, и мясо делится поровну между присутствующими; меха жертвуют церкви.

В 1827 году Боливар издал закон, по которому пойманных викуний не велено было убивать, а только стричь. Но закон этот не имел силы, так как стрижка животных вследствие их дикости была почти невозможна. Во времена инков охоты устраивались в гораздо больших размерах: собирали ежегодно до 30 тысяч индейцев, которые должны были загонять всю дичь по вышеупомянутому способу в огороженное пространство, миль с 20 в окружности. При постепенном суживании круга загонщиков, индейцы под конец шли в несколько рядов, так что ни одно животное не могло спастись. Вредных животных, как то медведей, лисиц и кугуаров убивали, а из оленей, ланей, викуний и гуанако убивали только известное число. Иногда их сгоняли, говорят, до 4000 штук. Если в такие западни попадались гуанако, то они разрывали веревку или перескакивали через нее, и тогда за ними следовали и викуньи. Поэтому обращали внимание на то, чтобы не загонять гуанако. Как только все викуньи в окруженном пространстве были убиты, то охоту продолжали в каком-нибудь другом месте; она длилась около недели. Число убиваемых в настоящее время животных доходит часто только до пятидесяти, иногда их бывает более сотни. Я принимал участие в продолжение пяти дней в такой охоте; убито было 122 викуньи, и на вырученные от шкур деньги выстроили новый алтарь в церкви*.

Пойманные молодыми викуньи легко приручаются и ведут себя очень доверчиво; они с любовью привязываются к хозяину и как хорошо воспитанные домашние животные следуют за ним по пятам; с годами же становятся, как и все их родичи, злыми и невыносимыми своими постоянными плевками».

** Популяции викуний, в результате охоты и вытеснения стадами домашних животных, находятся в угрожаемом состоянии. В настоящее время викуньи сохранились в высокогорных пустынях Перу, Чили, Боливии, Аргентины. В этих районах очень скудная растительность и суровый климат, но викуньи хорошо приспособлены к подобным условиям существования. В результате охраны численность стабилизировалась, составляет около 100 тыс. особей, испытывает тенденцию к росту.*

*Семейство
верблюдовые*

Уже при Аюте индейцы стригли викуний и приготавливали из их шерсти ценные одеяла, которые имели вид шелковой материи и были очень прочны, так как не требовали окраски. Одежда из этой материи в особенности годится для жаркой погоды. И до сих пор еще ткнут из этой шерсти тончайшие и самые прочные материи, а также валяют мягкие войлочные шляпы, которые очень долго носятся.

От всех видов лам получают желудочные камни (безоары), которым в прежние времена придавали большое значение в медицине.

ОТРЯД ЯЩЕРЫ (Pholidota)

СЕМЕЙСТВО ЯЩЕРОВЫЕ (Manidae)

Ящеры, несмотря на сходство с муравьедами по форме тела и образу жизни, составляют вполне обособленный отряд*. Тело всех принадлежащих к отряду животных покрыто по внешней стороне большими пластинкообразными роговыми чешуями, которые налегают друг на друга, как черепицы, или, лучше сказать, как чешуи еловой шишки. Этот покров, главнейший отличительный признак, представляет нечто единственное в своем роде, его скорее можно сравнить с чешуей рыбы или пресмыкающегося, чем с каким-либо другим кожным образованием млекопитающего**.

Более точной характеристикой ящеров может служить следующая. Тело вытянуто, хвост длинный; голова мала, морда конически заострена; передние и задние ноги коротки, пятипалы и вооружены очень большими когтями, служащими для рытья. Лишь на горле, нижней стороне тела и внутренней стороне ног имеются волосы, между тем как вся остальная часть тела одета панцирем. Все чешуи, которые одним концом сидят в коже тела, имеют ромбовидную форму, очень острые края, и притом необыкновенно тверды и плотны. Такое расположение делает возможной довольно большую подвижность чешуй по всем направлениям; они могут сдвигаться в сторону, подниматься или опускаться. Между отдельными чешуями и на свободных местах тела находятся тонкие волосы, которые иногда на брюхе совершенно стираются. Морда без чешуй, но покрыта твердой, похожей на рог кожей. Челюсти лишены зубов***. Ребра широкие, их хрящи с возрастом окостеневают почти совершенно; грудная кость также широка. Особый мускул, который лежит, как у ежа, под кожей и тянется по обеим сторонам позвоночного столба, производит свертывание тела в шар. Язык довольно длинный и вытяжной, чрезвычайно большие слюн-

*Семейство
ящеровые*

* Название «ящеры» выглядит не совсем удачным, поскольку так обычно называют вымерших рептилий. Второе название представителей отряда — «панголины», от малайского слова «пенголин» — сворачивающийся в шар.

** Чешую ящеров скорее можно сравнить с ногтевыми пластинами, растущими из глубоких слоев кожи. Образно выражаясь, это «слипшиеся волосы», состоящие из кератина.

*** Роль зубов выполняют роговые зазубренные пластины в задней части желудка, у выхода в кишечник.

Семейство ящеровые

* Большинство панголинов — лесные животные. Некрупные виды, обладающие длинным хватательным хвостом, находят убежище не в норах, а в дуплах. Норы крупных панголинов могут достигать глубины 3—6 м и длины до 40 м.

** По земле панголины передвигаются, в основном опираясь на задние стопоходящие ноги. Передними конечностями с загнутыми когтями они лишь слегка отталкиваются от земли. Несмотря на фактически «двуногое» передвижение тело ящера располагается горизонтально, так как прекрасно уравнивается длинным тяжелым хвостом.

*** Обоняние у ящеров развито прекрасно, некоторые виды имеют анальные железы, продуцирующие сильнопахнущий секрет и общаются при помощи запаховых меток.

ные железы, которые простираются вниз почти до грудной кости, доставляют слизь, необходимую для того, чтобы добыча прилипла к языку; пища состоит из насекомых и преимущественно из муравьев и термитов.

Большая часть Африки и вся южная Азия, а также некоторые прилегающие острова составляют родину этих странных животных; степи и лесистые местности как в горах, так и на равнинах, являются их местообитанием. Вероятно, они живут в выкопанных ими самими норах поодиночке, так как необщительны, днем прячутся, бродят ночью*.

В Кордофане я нашел в большом числе норы ящеров, однако мне удалось добыть только одного из них. Большинство нор было необитаемо, почему можно предположить, что ящеры, подобно муравьедам и броненосцам, с наступлением дня выкапывают себе новые норы, если им слишком далеко и неудобно возвращаться в старые. Как наблюдали за содержащимися в неволе ящерами, они спят днем, свернувшись и спрятав голову под хвост. С наступлением сумерек просыпаются и бродят, отыскивая пищу. Движения их вовсе не так медленны и вялы, как считали прежде.

Об одном виде — гигантском ящере (*Manis gigantea*), наблюдавшемся в западной Африке, в Либерии, Бьюттикофер говорит: «Это животное, вопреки сведениям, сообщаемым в зоологии, бегаёт очень быстро, так что человек едва может догнать его, и во время бегства всегда поднимается на задние ноги и хвост, чтобы осмотреться, причем свешивает передние ноги**».

Так как животное не может ни свернуться, ни повернуться в норе, то нора имеет отдельные вход и выход». Кроме того, наш товарищ по профессии подтверждает тот факт, что два других африканских вида: длиннохвостый ящер (*Manis tetradactyla*) и белобрюхий ящер (*M. tricuspis*) тоже хорошо бегают, и притом ловко лазают по деревьям.

Единственные звуки, которые приходилось слышать у ящеров, состояли из скрипа, писка или фырканья. Зрение и слух, по видимому, развиты у них очень слабо, да и обоняние не особенно хорошо, хотя этим чувством животное и руководствуется во время своей охоты***. О размножении известно лишь то, что самка рождает в своей норе только одного детеныша, который длиной около 30 см и уже при рождении покрыт чешуями; однако чешуи мягкие и у конца морды слабо развиты. Однако Свайно получил семейство, состоявшее из обоих родителей и трех детенышей; из этого видно, как мало значения следует придавать

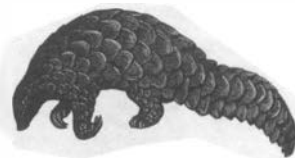
старым указаниям и как мало еще наблюдали историю размножения этих замечательных животных*.

Неволю ящеры при надлежащем уходе могут переносить долгое время. Они довольно легко привыкают к молоку, хлебу и даже к хлебным зернам, хотя насекомые остаются любимой их пищей. Туземцы едят мясо ящеров и считают его вкусным; панцирь употребляется некоторыми племенами для украшения различной утвари; чешуи считаются у различных народов внутренней Африки волшебным средством или талисманом, а у китайцев служат во врачебном искусстве для всякого рода шарлатанства. Местами жители жалуются на вред, который ящеры приносят, подрывая полезные растения; но в общем эти безобидные создания, поедая муравьев и термитов, оказывают лишь услугу человеку.

Длиннохвостый, или **четырепалый**, **ящер** (*Manis tetradactyla*), длиной 1—1,3 метра, две трети которой приходится на хвост. У более молодых животных хвост вдвое длиннее тела и укорачивается лишь позднее, по мере роста тела. Тело умеренной толщины, сильно вытянутое и постепенно переходит с одной стороны в довольно короткую шею и голову, с другой — в хвост. Нос выдается вперед, ротовая щель мала, верхняя челюсть выдается над нижней, глаза малы и слабы; уши едва видны снаружи, так как на месте ушной раковины видна лишь складка кожи. Ноги короткие, толстые и почти равной длины, их пальцы не совсем подвижны. Когти передних ног, служащие для рытья, значительно больше, чем когти задних. Подошвы ног толстые, мозолистые и голые, на задних ногах они выгнуты книзу, так что при ходьбе когти едва касаются земли. Длинный и широкий, несколько сплюснутый хвост, начиная с основания, постепенно сужается к концу. Чешуи покрывают за исключением нижней части наружной стороны передних ног всю верхнюю и наружную сторону тела, а на хвосте — и нижнюю сторону; места, лишенные чешуи, покрыты жесткими щетинами. Лице и горло почти голые. Чрезвычайно крепкие, острые чешуи наибольшей величины находятся посередине спины и образуют на голове, боках, ногах, на конце хвоста, на крестце и на спине одиннадцать продольных полос, между которыми нет щетин. Довольно длинные глубокие бороздки пробегают по поверхности чешуи, начиная от основания тела. На спине чешуи плоские, на краю хвоста похожи на черепицы, на боках имеют форму ланцета. Две особенно большие чешуи лежат позади плеч. Обыкновенно средний ряд на верхней части туловища состоит на голове из девяти, на теле из четырнадцати и на хвосте из 42—44 чешуи.

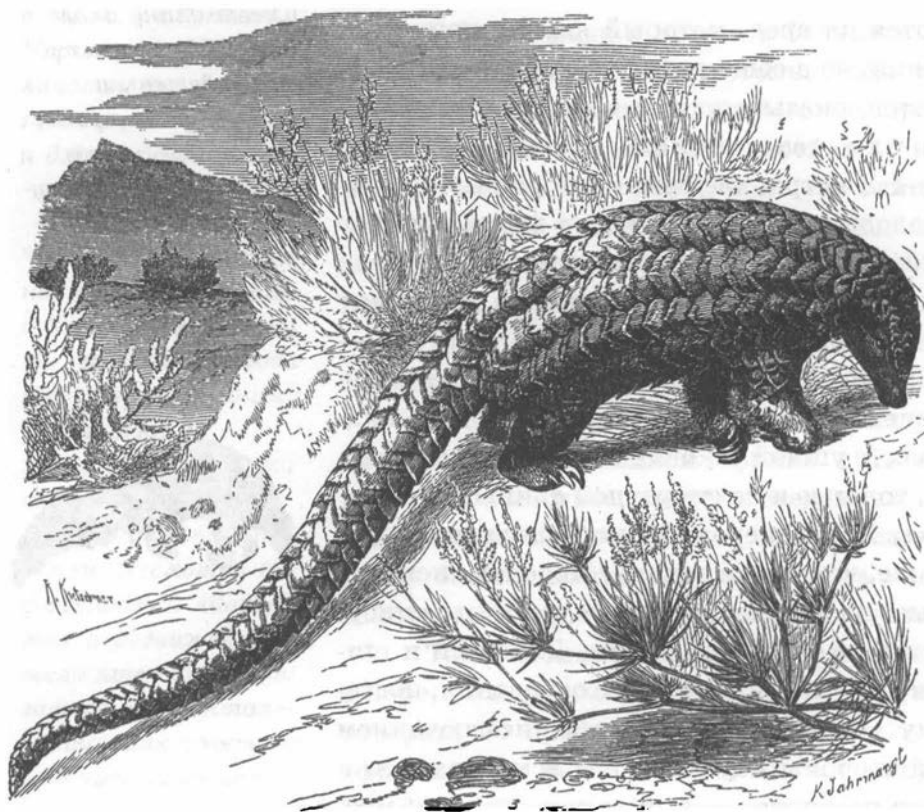
Семейство ящеровые

* Самка приносит одного, редко двух детенышей, покрытых мягкими чешуйками, твердеющими на второй день. Новорожденный имеет длину около 30 см. У крупных видов детеныш первое время проводит в норе, у мелких — путешествует на хвосте матери, удерживаясь за чешуи когтями и цепким хвостом.

Общий цвет их черновато-бурый с рыжеватым оттенком; отдельные чешуи при основании черно-бурые и окаймлены на краях желтоватой каймой. Щетинистые волосы черного цвета.

Родина животного — западная Африка. Первые подробные сведения об образе жизни этого животного дал Демарше: «В Гвинее в лесах встречается четвероногое животное, которое негры называют «квогело». Оно покрыто от шеи до конца хвоста чешуями, которые почти такой же формы, как листики артишока, только несколько острее. Они тесно налегают друг на друга и

Длиннохвостый, или
четырёхпалый, ящер
(*Manis tetradactyla*)

достаточно толсты и тверды для того, чтобы защищать животное от когтей и зубов других зверей, которые нападают на него. Леопарды постоянно преследуют его, и им нетрудно догнать животное, так как оно бежит гораздо тише, чем они. Оно убегает, но скоро его догоняют. И ни когти, ни рот не могут служить ему оружием против страшных когтей и зубов этих хищников; тогда оно свертывается в виде шара и загибает хвост под брюхо, так что со всех сторон наружу торчат острия. Большие кошки тихо катают его туда-сюда своими когтями, но укалываются, как только тронут лапой сильнее, и принуждены оставлять его в покое. Негры убивают его палками, обдирают, продают шкуру белым и едят мясо. Оно очень бело и нежно, чему я охотно верю, если правда, что животное питается только муравьями, наверное, нежной и вкусной пищей! В его морде, которую можно сравнить с утиным клювом, лежит очень длинный липкий язык, который животное всовывает в отверстие муравейников или кладет на их пути; муравьи тотчас сбегаются на него, привлеченные запахом, и прилипают. Когда животное замечает, что его язык покрыт насекомыми, то втягивает его и ест добычу. Оно не злобно, ни на кого не нападает, и если находит муравьев, то доволен, и живет полной жизнью!»

Бьюттикофер, наблюдавший этих животных в Либерии, говорит о них: «Ящеры очень ловко и быстро лазают, их часто находят спящими, свернувшись в шар, в развилинах ветвей или в дуплах деревьев. Я держал одно животное некоторое время живым; мы кормили его личинками из грибообразных построек термитов, которые для этой цели приносили из лесу и разбивали. Оно лазало с величайшим проворством по стенам до самой крыши и исследовало ее, ища насекомых, особенно докучливых домовых термитов».

Панголин, китайский ящер (*Manis pentadactyla*)*, имеет короткий хвост, и наружная сторона его ног покрыта панцирем. Животное населяет Индостан и Цейлон, по Жердону, охотнее всего холмистые местности, но нигде не встречается в большом числе. Уже Элиан упоминает, что в Индии

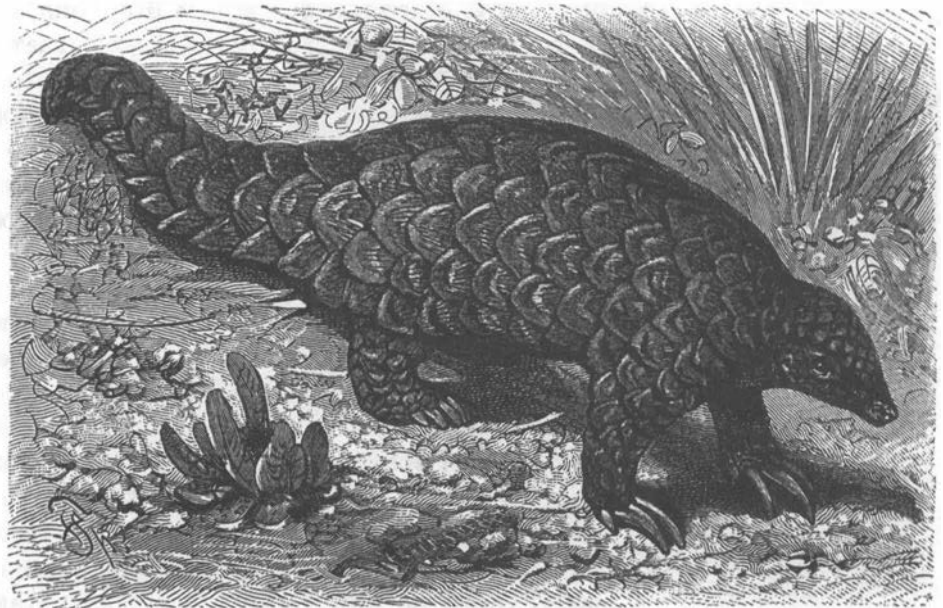
есть животное, имеющее вид земного крокодила. Ростом с небольшую собаку, кожа его покрыта такой плотной и шероховатой корой, что снятая употребляется в качестве напильника и берет даже медь и железо. Индийцы дали ему имя «фатаген».

От остальных ящеров, за исключением степного ящера, панголин отличается величиной и

тем, что его чешуи расположены 11—13 рядами, на спине и хвосте очень широки и нигде не имеют кля; хвост у корня такой же толщины, как тело, то есть не отделен от него. Взрослый самец может достигать длины 1,3 метра, около половины приходится на туловище. Чешуи тела на конце имеют ширину вдвое большую, чем их длина, и к концу несколько выгнуты, поверхность их от конца более чем до половины длины тела гладкая; расположены они в 11, иногда в 13 продольных рядов, причем по бокам прибавляются еще по два меньших ряда. Средний ряд состоит на голове из 11 чешуй, на спине и хвосте из 16. Длина языка около 30 см.

Об образе жизни этого вида мы тоже знаем еще мало. «Это животное, — говорит Эллиот, — вырывает ходы в наклонном положении от поверхности земли до глубины 2 — 4 метров и от-

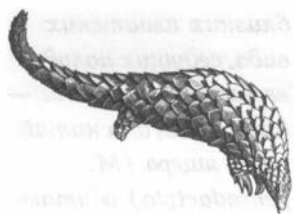
* Брем смешивает два близких азиатских вида, ведущих полудревесный образ жизни — панголина, или китайского ящера (*Manis pentadactyla*), обитающего в южном Китае, Индокитае и Ассаме, и

Панголин,
китайский ящер
(*Manis pentadactyla*)

индийского ящера (*M. crassicaudata*), распространенного в Индостане и на о. Шри-Ланка (Цейлон).

Семейство ящеровые

кряваются в большую камеру, которая может иметь в диаметре более 0,5 метра. Они живут парами, от января до марта их можно найти здесь с 1—2 детенышами. Находясь в норе, они обыкновенно так закупоривают вход землей, что его было бы нелегко отыскать, если бы снаружи не замечались их странные следы. Самка, которую я держал в неволе, спала днем и была бодрой всю ночь. Она не хотела есть ни термитов, ни муравьев, которых я приносил в клетку, хотя помет ее показывал, что она ела их прежде. К поставленной воде самка, напротив, подошла тотчас же и стала пить, причем так быстро погружала и вытягивала свой длинный, подвижный язык, что вода покрылась пеной. Когда я получил ее, она пищала или фыркала, если ее беспокоили». Мак Мастер тоже указывает, что животные, которых он наблюдал, днем были всегда сонны и лишь ночью становились беспокойными и жадно пили воду. Мясо их, по словам Жердона, считается туземцами за возбуждающее средство. Бурт рассказывает, что панголин ест только муравьев и истребляет их очень много, но может и голодать два месяца; ночью бродит, и очень беспокоен в неволе; может довольно быстро двигаться, а если на него напасть, спокойно позволяет поднять себя за хвост, не делая ни малейшей попытки защищаться. Китайцы делают из его шкуры панцири и прибывают ее к щитам.

Теннент говорит о панголине лишь коротко: «Единственный вид неполнозубых животных, водящийся на Цейлоне, есть панцирный муравьед, называемый сингалезцами кабаллайя, малайцами — панголин; животное способно свертываться, нагибая голову к груди и обвивая хвостом голову и шею, чем оно защищает себя от вражеских нападений. Норы кабаллайя, имеющие 2 метра глубины, встречаешь в сухих местах и узнаешь, что эти животные живут здесь парами и ежегодно рожают по два или три детеныша. Я держал в различное время два экземпляра живыми. Один из них добыт поблизости Канди и имел приблизительно 60 см длины; это было милое и преданное существо, которое после прогулок и охоты в доме за муравьями обращало мое внимание на свои потребности, взбираясь ко мне на колени, где оно очень ловко держалось с помощью цепкого хвоста. Другой, которого поймали в джунглях близ Чиллава, был вдвое больше, но менее красив. Оба умели очень ловко ловить муравьев своим круглым и слизистым языком. В течение дня они были спокойны и смирны, но живее становились при наступлении ночи».

«Китайцы и индусы, — замечает Теннент далее, — причисляют панголина к рыбам. В Индии простонародье называет это животное рыбой джунглей». В одном сочинении о естественной истории Китая написано: «Лунг-Ле, или карп, живущий на холмах, называется так потому, что по форме тела и виду похож на карпа; с тех пор, как он живет на суше в норах и трещинах скал на холмах, он получил это имя. Некоторые называют его также

«драконовый карп», так как его чешуи похожи на чешуи дракона». Адамс, из сообщений которого, по-видимому, заимствованы последние данные, упоминает, что китайцы рассказывают, будто панголин устраивает опасные ловушки различным насекомым, и особенно мухам; для этого он приподнимает чешуи и ждет, пока между ними не наберется некоторое количество насекомых, привлеченных его испарениями, затем, быстро складывая чешуи панциря, убивает всех мух и съедает их*. Панголина часто можно видеть в домах китайцев, которые считают его привлекательным животным, употребляют чешуи в качестве лекарства, однако не едят его сочного мяса.

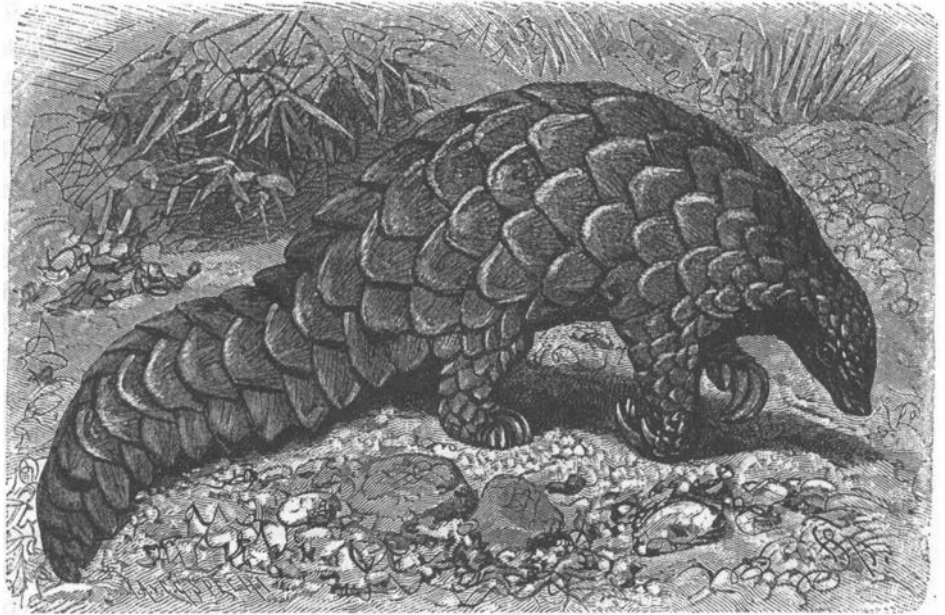
У степного ящера (*Manis temmincki*) хвост относительно короток, широк, на конце более или менее округлен. Он был най-

ден путешественником Смитом и с большой точностью им описан в материалах для изучения животных южной Африки. По величине и виду этот ящер более всего похож на своего индийского родича. Хвост, который почти достигает длины тела, утончается лишь к концу, где он вдруг заканчивается округленным и усеченным концом. Тело широкое, голова короткая и тол-

стая. Яйцевидные чешуи покрывают голову; очень большие, покрытые у основания тонкими, продольными бороздками, гладкие на конце чешуи располагаются на спине 11—13 рядами, на хвосте 5 рядов. В среднем ряду на голове насчитывается 9 чешуй, на спине 13 и на хвосте 6. На нижней стороне хвоста тоже лежат два ряда этих роговых образований. Цвет их желтовато-бурый, конец хвоста светлее и зачастую окаймлен продолговатой желтой полоской. Голые части темно-буроватые, глаза красновато-бурые. Конец морды — черный. Взрослые самцы достигают приблизительно 80 см длины, из которых хвост занимает 30 см. Степной ящер живет преимущественно в восточной и южной Африке, но встречается и в западной.

«Отец, покрытый корою», как называют степного ящера жители Кордофана, находит в богатых термитами степях Афри-

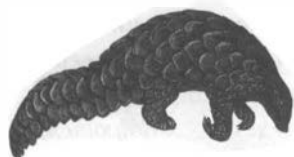
* Панголины на самом деле иногда разоряют муравейники и, приподняв чешуи, дожидаются, когда разъяренные насекомые заберутся под них. Таким образом при помощи

Степной ящер
(*Manis temmincki*)

муравьиной кислоты ящеры борются с кожными паразитами. Это явление называется энтинг. «Муравьиные ванны» принимают с подобными целями многие животные.

Семейство ящеровые

ки достаточную пищу и желанное уединение. Норы в земле служат жилищем; однако он никогда не зарывается так глубоко, как трубкозуб. Степной ящер — ночное животное и появляется лишь после наступления сумерек; он не ловок и не быстр, а также не умеет защищаться от врагов. Муравьи, термиты, кузнечики, жуки составляют его пищу. Единственный детеныш, рождаемый им, появляется на свет уже вполне покрытый чешуями; однако чешуи еще мягки и к концу хвоста мало развиты. Аборигены не охотятся за этим животным и потому его трудно достать. Один принесенный нам экземпляр, взрослый самец, был случайно убит турком, когда вылезал из норы. Турок, крайне пораженный странным явлением, быстро нанес саблей страшный удар по панцирю чудовища, и с большим изумлением увидел, что этот удар едва ли произвел какое-либо действие. Мы нашли, что треть одной чешуи была отрублена, а некоторые другие несколько повреждены. Сопровождавший турка араб убил знакомое ему существо одним ударом по голове и повесил его в виде победного трофея на лошадь хозяина, который любезно передал нам свою добычу в качестве подарка.

Впоследствии я видел это замечательное создание живым у одного купца в Хартуме, который кормил его молоком и белым хлебом. Ящер был совершенно безобиден, как и остальные представители его рода; с ним можно было делать что угодно. Днем он лежал, свернувшись в каком-нибудь углу, ночью выходил и ел, причем часто погружал язык в молоко. По указаниям Гейглина, степной ящер живет в норе, вырытой им самим, которая, однако, менее глубока, чем нора трубкозуба. Здесь он спит днем, свернувшись, причем прячет голову под хвост. Обыкновенно ходит на задних ногах, не касаясь земли очень подвижным хвостом, и может поднимать верхнюю часть тела почти вертикально. Так как он не может спастись от своих врагов бегством и вообще беззащитен, то ему остается лишь свертываться в случае нападения в твердый клубок и таким образом отдаваться на произвол судьбы в надежде, что крепкий панцирь достаточно защитит его от зубов и когтей. Пища его состоит из различных видов муравьев, жуков и кузнечиков; по словам туземцев, он ест, однако, и просо.

ОТРЯД ГРЫЗУНЫ (Rodentia)

Отряд
грызуны

Это совершенно естественная и обособленная группа животного царства*. Они носят свое название чуть ли еще не с большим правом, чем хищные свое, так как стоит только посмотреть им в рот, чтобы сразу признать в них грызущих животных. Два резца в каждой из обеих челюстей, превращенные в большие грызущие зубы, и отсутствие клыков — отличительные и постоянные признаки этого отряда.

О внешнем виде грызунов, в общем, распространяться много не приходится, так как отряд, очень богатый семействами и видами, охватывает собой самые разнообразные типы**. Общие признаки следующие: туловище в большинстве случаев цилиндрическое и опирается на низкие конечности большей частью неравной длины, так как задние ноги обыкновенно длиннее передних. Голова сидит на короткой, толстой шее, глаза большие и сильно выступающие из орбит, губы мясистые, снабжены усами, чрезвычайно подвижные и спереди раздвоенные. Передние ноги обыкновенно имеют четыре, а задние — пять пальцев с сильными когтями, а иногда также соединены между собой плавательной перепонкой. Волосы, покрывающие тело, почти всегда равной длины, только в редких случаях удлинены на концах ушей в виде кисточек или сгущаются на хвосте.

Резцы значительно больше остальных зубов, верхние всегда больше нижних***, все четыре дугообразно изогнуты, с широким остроконечным или долотообразным режущим краем, у корня трех- или четырехгранные, плоские или выгнутые, гладкие или бороздчатые, белые или желтоватые, даже красные. Наружная или передняя их поверхность покрыта твердой, как сталь, эмалью, из которой состоят также острые венчики или широкие режущие края зубов; остальная часть зуба состоит из зубного вещества. При постоянном употреблении этих главных зубов они должны были иступиться или стереться, если бы не обладали драгоценным преимуществом перед зубами всех прочих млекопитающих — расти в течение всей жизни. Острые венчики поддерживаются постоянным трением зубов один о другой, способствующим их оттачиванию; нижняя челюсть может двигаться не только вверх и вниз, но также вперед и назад. Таким образом резцы

* Отряд грызуны является самой «успешной» группой класса млекопитающих. Возникнув в палеоцене в Азии, грызуны в течение кайнозоя образовали не менее 50 семейств, более половины из которых дожили до современности.

** В настоящее время на Земле обитают более 1700 их видов (почти половина всех видов млекопитающих).

*** Наоборот — нижние резцы крупнее и длиннее верхних.

Отряд грызуны

* Этот промежуток называется «диастема».

** Головной мозг относительно крупный, но поверхность полушарий лишена извилин. Хорошо развит мозжечок. Грызуны живут в мире запахов, у них имеются многочисленные специфические кожные железы для нанесения запаховых меток. Важную роль играет также осязание — усы-вibrиссы у большинства грызунов очень длинные и густые.

*** Фактически только Антарктида, Новая Зеландия, удаленные тихоокеанские архипелаги и острова Арктики и Субантарктики не имеют собственной фауны грызунов (но на многие из них грызуны завезены человеком).

совмещают в себе все необходимое, чтобы наилучшим образом исполнять требуемую от них работу. Коренные зубы, отделяющиеся от резцов большим промежутком*, имеют или обыкновенные, или постоянно растущие корни; поверхность их покрыта эмалевой каймой или эмалевыми складками, которые служат отличными приметам для характеристики видов. Число их колеблется между двумя и шестью с каждой стороны челюстей.

Продолговатый череп сверху сплюснут, затылочное отверстие расположено на задней плоскости, скуловые дуги почти всегда замкнуты; верхнечелюстные кости короткие, межчелюстные значительно развиты, нижняя челюсть так крепко вправлена, что ее боковые движения почти невозможны. Позвоночный столб состоит, кроме шейных, из 12—16 спинных, 5—7 поясничных, 3—6 крестцовых, 6—32 хвостовых позвонков. У многих грызунов на внутренней стороне рта имеются защечные мешки, которые иногда простираются до плеч и при собирании пищи служат запасными складами. Особая мышца оттягивает эти мешки назад, когда они наполнены. Слюнные железы развиты обыкновенно очень сильно. Желудок простой, но иногда бывает разделен перехватом на два отделения. Мозг указывает на ничтожное развитие душевных способностей, полушария большого мозга малы и с весьма слабыми извилинами. Органы чувств в большинстве случаев развиты равномерно и довольно совершенны**.

Грызуны распространены по всем частям света и уживаются во всех климатах, встречаются везде, где только существует растительность***. «Среди вечных снегов и льдов, — говорит Блазиус, — в местах, где теплый солнечный луч только на несколько недель вызывает скудную, жалкую растительность, на безлюдных уединенных снеговых вершинах Альп, на широких пустынных равнинах севера — всюду можно встретить грызунов, которые не нуждаются в более теплых лучах дневного светила. Но чем богаче и роскошнее растительность, тем пестрее и разнообразнее жизнь этого отряда, который едва ли оставил незанятым какой-нибудь уголок земли». Образ жизни этих животных в высшей степени разнообразен; большинство из них живут на деревьях, многие на земле, одни обитают в воде, другие в подземных, выкопанных ими самими норах, некоторые в кустарниках или же в чистом поле. Все представляют собой более или менее подвижные создания, которые, смотря по образу жизни, умеют отлично бегать, лазать, рыть землю или же плавать. Хотя все они большей частью отличаются остротой органов чувств, резвостью, тем не менее их нельзя назвать умными животными; напротив, это скорее недалекие в умственном отношении существа, проявляющие больше трусости, чем осторожности или хитрости. Многие из грызунов живут парами, некоторые семьями, а иногда и целыми стадами; они хорошо уживаются с другими животными, не дружа однако с ними. Весьма немногие из них проявляют злость или хитрость, дикость

или дерзость, как результат известной обдуманности. При опасности они как можно скорее убегают в свои норы, и только меньшинство вступает в борьбу или избегает преследования с помощью хитрости. Все грызуны питаются главным образом растительными веществами: кореньями, корой, листьями, цветами, всевозможными плодами, овощами, травой, мучнистыми луковичками и даже древесиной; многие используют и животную пищу, становясь настоящими всеядными животными. Те из них, которые сознают себя слишком слабыми для больших путешествий или для борьбы с суровыми зимами, собирают запасы и складывают их в подземных норах. Среди всех млекопитающих грызуны могут быть названы самыми искусными зодчими, так как некоторые из них сооружают такие замысловатые постройки, которые уже с древнейших времен вызывали удивление в людях. Многие из них проводят зиму в спячке, впадают в оцепенение и кормятся тем жиром, который массой скопляется у них за лето; при упадке жизненной деятельности этот пищевой материал расходуется весьма медленно.

Несмотря на свою незначительную величину, грызуны имеют весьма важное значение в природе; они являются для нас самыми вредными, опасными врагами. Если бы у них не было, в свою очередь, множества врагов и если бы они не подвергались повальным болезням, то опустошили бы всю землю и всецело овладели бы ею. Непрерывная истребительная война, которая ведется против них, уравнивается только их замечательной плодовитостью и способностью к размножению, пересиливающими часто влияние первой. Станным покажется, а между тем на деле совершенно так: пара некоторых видов грызунов в течение одного года может произвести до тысячи штук потомства. Виды, обладающие такой поразительной производительностью, становятся часто страшными опустошителями и разоряют ценное имущество людей. Вред, наносимый ими в полях и садах, уничтожение и порча всяких полезных вещей и растений, хищничество в амбарах и жилых помещениях до такой степени сильны, что значительно превосходят доставляемую ими ничтожную пользу. Поэтому человек должен примкнуть к полчищу врагов этих животных и употребить все средства, чтобы оградить себя от этих паразитов земли*. Польза, доставляемая мясом и мехом некоторых грызунов, весьма ничтожна, так что ничуть не искупает причиняемого ими вреда.

СЕМЕЙСТВО БЕЛИЧЬИ (Sciuridae)**

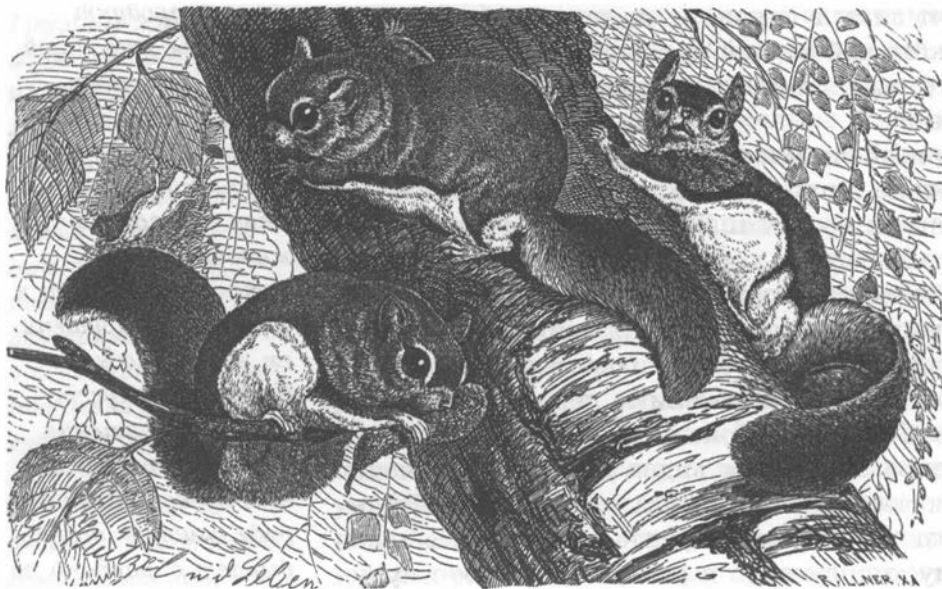
Летучие белки, или летяги, отличаются главным образом тем, что их ноги соединены широкой летательной перепонкой. Этот своего рода парашют, помогающий летягам легко совершать

** Грызуны являются неотъемлемым и важным звеном пищевых цепей в природе, перерабатывая огромное количество растительной биомассы в более энергетически концентрированный и ценный продукт биомассы животной. Нельзя забывать, что грызуны являются кормовой базой огромного количества плотоядных животных, и их истребление ведет к серьезным нарушениям экологического баланса. Искусственное сокращение численности массовых видов грызунов в ряде районов иногда бывает оправдано по причине, Бремен не названной, а именно — опасности возникновения эпидемий опасных болезней, переносчиками которых являются грызуны.*

*** Беличьи распространены почти всемирно от тундр до тропических лесов, однако отсутствуют в Австралийской области, на Мадагас-*

Семейство беличьи

каре, в южной части Южной Америки. Происхождением они, видимо, связаны с тропиками восточного полушария. В России — 18 видов беличьих из 5 родов.

Обыкновенная летяга
(*Pteromys volans*)

* У летяг почти равные передние и задние конечности. Для некоторых видов характерен не только патагиум — кожная складка между передними и задними конечностями, но и дополнительные складки от задних ног к хвосту и от плеч к голове.

значительные прыжки сверху вниз в косом направлении, состоит из плотной кожи, которая прикрепляется к передним и задним конечностям и обеим сторонам туловища, покрыта на спине густыми, а на нижней стороне жидкими и редкими волосами. На пальцах есть костяная шпорца, которая подпирает передний конец летательной перепонки. Хвост служит хорошим рулем и отличается силой, однако он у различных видов разный: у одних он просто густой, у других же — перистый*.

В северной части восточной Европы и почти во всей Сибири живет **обыкновенная летяга** (*Pteromys volans*), или полетуха у русских. Животное это значительно меньше нашей белки, туловище всего 16 см в длину, хвост 10 см или вместе с длинными волосами 13 см, а масса взрослого животного редко превышает

180 г. Густой, мягкий, шелковистый мех летом на спине бледно-бурый, на летательной перепонке и на наружной стороне ног темнее, серо-бурого цвета, на животе белый, а на хвосте сверху бледно-серый, а снизу светло-ржавый. Все волосы верхней части туловища у основания темно-серые, а на концах значительно светлее, на нижней же стороне одноцветно-бе-

лые. Зимой мех становится длиннее, гуще и светлее, так что вся спина вместе с хвостом выглядит тогда серебристо-серой, хотя основная окраска волос вовсе не изменяется.

Летяга обитает в больших березовых или смешанных лесах, состоящих из пихты, сосны и березы. Береза, кажется, является для летяги существенной потребностью, с ее корой сочетается даже окраска меха животного, подобно тому, как наша белка окраской похожа по цвету на кору сосен и елей. Она становится теперь все более и более редким зверьком, а из многих местностей, где прежде встречалась довольно часто, уже совершенно вытеснена, однако все-таки попадает и даже может быть чаще, чем это думают. В России же ее нельзя считать редким зверем, особенно в Сибири, где ее зачастую можно видеть в благоприятных для нее местностях, то есть в березовых и вообще в лиственных лесах, нередко она заходит и в села, встречаясь даже в садах. Живет всегда на

деревьях одиночно или парами. Днем она спит в дуплах деревьев или в гнездах, свернувшись как орешниковая соня и обернув себя хвостом, с наступлением же сумерек выходит и начинает свою деятельную жизнь. В движениях она так же проворна, как и дневная белка, отлично лазает, ловко прыгает с одной ветви на другую и при помощи широко раскрывающейся летательной перепонки перепрыгивает расстояния в 20—30 метров. Чтобы перелететь такое расстояние, летяга забирается на самую верхушку и прыгает оттуда на нижние сучья намеченного дерева*. На земле она настолько же беспомощна и не уверена в себе, насколько ловка и проворна на деревьях. Бегать ей сильно мешает летательная перепонка, которая болтается складками по обеим сторонам туловища.

Пища летяги состоит из орехов, семян различных растений, из ягод, березовых почек, молодых побегов и сережек, но при нужде животное довольствуется также молодыми сосновыми побегами и почками**. При еде летяга садится на задние лапы, как настоящая белка, и подносит пищу ко рту передними лапами. Вообще всеми своими качествами она вполне напоминает белку и отличается от нее только тем, что принадлежит к ночным животным. Подобно всем своим сородичам, летяга очень чистоплотна: постоянно чистится и кладет свои нечистоты исключительно на землю. С наступлением холодов она впадает в зимнюю спячку, которая временами прерывается, так как она спит только в морозные дни, при умеренных же холодах она просыпается и, по крайней мере, два часа в день посвящает поискам пищи***. Для спячки она готовит себе обычно или одно из своих старых гнезд, или водворяется в гнездо какой-нибудь птицы. Свое собственное гнездо она устраивает в дуплистых деревьях как можно выше над землей, выстилает его мягким мхом или рыхлой землей и этим же прикрывает и законопачивает вход. В таком гнезде она рождает летом 2—3 детенышей****. Они являются на свет голыми и слепыми и довольно долгое время остаются в беспомощном состоянии, требуя постоянных забот о себе. Днем мать окутывает их своей летательной перепонкой, чтобы согреть и так ей удобнее их кормить, ночью же, отлучаясь на поиски добычи, она заботливо покрывает свое молодое потомство мхом. Спустя 6 дней после рождения у них прорезываются резцы, а еще через 10 дней открываются глазки и затем на теле начинают расти волосы. Осенью часто многие из летяг устраивают общее большое гнездо, где и живут все вместе. Несмотря на плохой мех, за этим животным все-таки охотятся весьма деятельно и каждую зиму истребляют его в больших количествах. Летяги довольно легко попадают в петли, а в зимнее время в ловушки, куда их приманивают любимой пищей. Охотники легко нападают на их след по кучам помета, весьма похожего на мышиный, который они оставляют под деревьями.

** Летяги способны долго лететь почти не теряя высоты. Стартуя с большой высоты и поймав восходящие токи воздуха, они могут кружить в воздухе и планировать на расстояние до 450 м.*

*** Значительную роль в рационе летяги играет кора деревьев. Ольховые и березовые шишечки она запасает на зиму, иногда в больших количествах.*

**** В настоящую зимнюю спячку летяги не впадают, но гораздо реже выходят из гнезда, в мороз могут не кормиться по нескольку дней.*

***** Размножение летяги до сих пор плохо изучено. В году — один выводок, до 4 детенышей.*

* Ассапан, южная или восточная летяга, отличается от обыкновенной несколько более крупными размерами и контрастной окраской, несколько более узкой и вытянутой мордочкой. Обитает в широколиственных лесах востока материка от южной Канады до южной Мексики и Гондураса. Севернее ее сменяет другой вид рода американских летяг — северная летяга (*P. sabrinus*).

Пленные летяги обычно скоро приручаются, становясь доверчивыми, безбоязненно садятся на руки, охотно позволяют гладить себя и спокойно поглядывают при этом на своего хозяина замечательно большими и прекрасными черными глазками, едят из рук орехи, но отказываются от предлагаемых им почек различных деревьев.

Ассапан (*Glaucomys volans*) *, так называется в Северной Америке сородич вышеупомянутой летучей белки. Величина его не превышает 24 см, вместе с хвостом в 10 см. В высшей степени мягкая и нежная шерсть на спине буро-серого цвета, на лапах серебристо-белая, а на всей нижней стороне желтовато-белая, хвост пепельно-серый с буроватым оттенком, летательная перепонка черная с белыми краями, глаза черновато-бурые. Зверек живет обществами в лесах теплого и умеренного пояса Северной Америки совершенно так же, как и летяга, но только ловится чаще последней, вывозится в Германию и выдерживает в неволе при соответствующем уходе годы без видимого вреда для себя и даже размножаясь в клетке.

День летяги проводят в клетке, лежа свернувшись в клубок и спрятавшись как можно дальше. В сонном состоянии они позволяют делать над собой какие угодно наблюдения. Их можно брать в руки, вертеть, ворочать во все стороны, осматривать и при этом они вовсе не пускают в ход свои острые зубы. В крайнем случае отваживаются только на попытку ускользнуть, а их шелковисто-мягкий мех по своей гладкости и упругости как нельзя более способствует легкому выскальзыванию из рук. Они просыпаются некоторое время спустя после захода солнца, редко раньше 9 часов вечера. Сначала на верхнем краю ящичка для спанья показывается круглая головка, затем высовывается туловище, а там и весь зверек по-беличьи грациозно усаживается на узком краю гнездышка, отчасти притянув свою летательную перепонку к телу, отчасти свесив ее через край. Своими маленькими, совершенно открытыми ушами, носом, окаймленным усами и большими темными глазами ассапан исследует окружающую его обстановку. Когда ничего подозрительного не замечается, летяга как тень проскальзывает в глубину по косой или вертикальной линии, держа голову постоянно вперед, не издавая ни малейшего шума и двигаясь почти незаметно для глаз при помощи конечностей, в большинстве случаев покрытых летательной перепонкой. С необыкновенной ловкостью ходит она кверху ногами, цепляясь за плетеную крышку клетки, как будто в обыкновенном положении по гладкой площадке, на тонких ветвях она словно по канату балансирует с неподражаемой уверенностью и ловкостью, по земле шмыгает быстрее мыши и при этом умеет с помощью летательной перепонки стрелой перелетать все пространство клетки и, перелетев, сразу прицепиться, как бы прирасти, к сучку, на который села, не сделав при этом ни малейшего колебательного

движения для восстановления равновесия. По дороге она схватывает какой-нибудь кусочек, орех, пшеничное зернышко, крошку мяса из чашки, пьет, скорее причмокивая, чем лакая, из сосуда, моет себе головку слюной, причесывает волосы ногтями передних ног, приглаживает их затем ладонью, а сама поминутно вертится, вытягивается, изгибается, словно кожа — это мешок, в котором свободно болтается туловище. Тем временем товарищи по ящичку тоже начинают пошевеливаться, карабкаться друг другу на спину, взлезать на жерди, цепляться за них, за стенки клетки и висеть или бегать и прыгать во всевозможных положениях, на что очень способны все грызуны.

После того, как голод и жажда утолены, а мех приведен в надлежащий порядок, летяга всецело предается веселью и играм. С минуту она сидит как бы раздумывая, что ей предпринять, затем сразу бросается в косом направлении вниз, перерезывая все пространство клетки с помощью полностью развернутой летательной перепонки. На миг она прицепляется к противоположной стене и вслед за тем снова стремится назад, цепляясь при прыжках за ближние ветви и жерди, а оттуда так же стремительно переносится куда-нибудь в другое место. Это необыкновенно подвижное животное каждую минуту меняет положение: задрав голову вверх, оно носится по клетке, мечется во все стороны, бросается вверх на крышку или вниз на землю, виснет на стенках, прицепляется к краю ящичка для спанья, от чашки для корма перепрыгивает к сосуду с водой, из одного угла в другой, бегаёт, носится как вихрь, прыгает, скользит, летает, вешается, присаживаясь среди всего этого лишь на минуту, — одним словом, находится в вечной суете, как будто у него тысячи двигающихся суставов и словно природа не создала для него никаких препятствий*. Надо обладать проницательной и неустанной наблюдательностью, чтобы уследить за всеми движениями летяг, различить отдельные положения животных, превосходно лазающих и оставляющих в этом искусстве за собой всех прочих животных, и отметить их в то время, когда они двигаются целыми обществами.

Кажущиеся с виду в высшей степени миролюбивыми, невинными и добродушными зверьками, летяги без всяких колебаний нападают на каждое маленькое животное, особенно на маленьких птичек, и без всякой жалости загрызают их насмерть**. По отношению к своей добыче ассапан так же жесток, как и хищные звери, неопишущая ловкость и кровожадность делают его грозным врагом для всякого маленького существа. Сам же он не проявляет ни малейшего страха перед другими млекопитающими равной с ним величины, например к другим грызунам. Всякий пролаза, проникший во владения этих белок, сначала подвергается обнюхиванию, затем царапанью и укусам, и если он окажется плохо защищенным для борьбы, то просто выгоняется. Поэтому в белках отнюдь нельзя отрицать мужества, которое про-

* Ассапан проворнее нашей летяги, планируя, пролетает 22 м за 12 с. В брачный период летают особенно активно, обмениваются с партнерами разнообразными звуковыми сигналами. Самки территориальны, участки самцов широко перекрываются.

** Рацион американских летяг более разнообразен, чем обыкновенной. Он включает орехи, кору, грибы, лишайники, ягоды и другие сочные плоды. Часто поедают насекомых, иногда ловят и съедают мелких позвоночных.

Семейство беличьи

* Биология и экология южной летяги сходна с обыкновенной, но в году бывает два выводка — весной и во второй половине лета. Беременность длится 40 дней, рожают 1—6 голых слепых детенышей, весом 3—6 г.

** По-видимому, Брем имеет в виду земляных белок, бурундуков, некоторых сусликов.

*** Помимо обычных небольших сезонных кочевков, при неурожаях корма белки совершают массовые направленные миграции, нередко фронтом до 300 км, пытаясь преодолевать даже крупные реки и морские заливы. Скорость передвижения мигрирующей группы — 3—4 км/ч, продолжительность миграции — до 45 дней.

является в них так же определено, как хищничество и кровожадность. Но внешний вид зверька настолько привлекателен, что все вышеназванные качества невольно ступшеваются и ассапан считается одним из самых занимательных и интересных грызунов*.

Туловище у настоящих белок продолговатое и имеет более или менее длинный хвост, волосы которого часто расчесаны на две стороны с пробором посередине. Глаза довольно большие и выступают вперед, уши у одних малы, у других велики, иногда покрыты редкими волосами, у некоторых снабжены кисточками. Передняя пара ног заметно короче задней. Передние лапы имеют четыре пальца и зачаток большого пальца, задние с пятью пальцами.

Белки живут по всей земле, за исключением Австралии. Они распространяются далеко на север, встречаются и на самом знойном юге, многие виды селятся в горах, другие в равнинах. Леса, или по крайней мере заросли, служат их главным местожительством, так как большинство белок ведут в полном смысле слова древесную жизнь, и лишь немногие их виды гнездятся в подземных убежищах, выкопанных ими самими**. Обыкновенно каждая белка живет сама по себе, но при известных обстоятельствах они сходятся в более или менее многочисленные общества или же парами и живут так продолжительное время. Некоторые виды из-за недостатка пищи предпринимают путешествия, причем соединяются в огромные стада. Галль рассказывает, что на всем западе Северной Америки белки в иные года так размножаются, что им поневоле приходится расселяться. Осенью животные все более и более скучиваются и двигаются к юго-востоку, опустошая поля и сады, грабя леса и рощи, перебираясь через горы и реки. Несмотря на то, что на всем пути бегства их преследует целое полчище врагов, убыль их не только не существенна, но даже едва заметна***. В деле истребления таких беглецов с людьми соперничают лисицы, хорьки, соколы и совы. По берегам больших рек можно встретить толпы мальчишек, вооруженных палками, которые сотнями убивают животных в то время, как они переплывают с одного берега на другой. Каждый крестьянин беспощадно убивает их при всяком удобном случае, и все-таки ряды их не уменьшаются. В начале таких странствований белки бывают жирные и блестящего цвета, но по мере того как на них во время похода сыплются всякие бедствия, они заболевают, худеют и сотнями падают жертвами нужды и болезней. Сама природа принимает участие в истреблении этих плодовитых животных, без чего человеку, конечно, было бы не под силу справиться с ними.

Движения всех белок как на деревьях, так и на земле крайне быстрые, оживленные и ловкие. Только летяги лишены проворства на земле, зато они наделены способностью делать необыкновенно большие прыжки, хотя всегда только сверху вниз. Боль-

шинство бегают прыжками, ступая при этом всей ступней. Почти все превосходно лазают и перепрыгивают большие расстояния с одного дерева на другое. Во время сна они свертываются, предварительно выискивая для этого удобные убежища. Они отдыхают в подземных норах, в дуплах деревьев или же в гнездах, которые заранее устраивают для себя. Белки, живущие в холодных странах, при наступлении зимы переселяются на юг или впадают во временную спячку, имея большее или меньшее количество запасов, которыми и пользуются при нужде. Белки могут издавать звуки в виде свиста и особенного, трудно поддающегося описанию, бормотанья, ворчания и шипения*. Душевные способности довольно ограничены, хотя в сравнении с другими грызунами белки по уму стоят гораздо выше. Наиболее развиты зрение, слух и обоняние, у некоторых видов проявляется довольно тонкое осязание, и они способны предчувствовать изменения температуры.

Большинство видов ежегодно приносят детенышей, и притом даже более одного раза. В пору любви самец продолжительное время живет с самкой, помогает ей в устройстве жилища, в котором она впоследствии прячет потомство. Число детенышей одного помета колеблется между двумя и семью. Детеныши появляются на свет почти голыми и слепыми, поэтому и нуждаются в теплом гнезде, в усердных заботах и любви со стороны матери. Белочки, взятые из гнезда молодыми, могут без особого труда быть приручены и легко переносят продолжительную неволю.

Хотя все белки предпочитают растительную пищу, а иногда даже питаются исключительно ею, но все-таки они не отвергают, как и многие другие грызуны, мясной пищи, нападают с этой целью на слабых млекопитающих, усердно преследуют птиц, немилосердно разоряют их гнезда и умерщвляют птенцов как настоящие хищные животные. Все, что кажется хоть сколько-нибудь съедобным, падает жертвой их ненасытной прожорливости**. На Яве Гаскарлю случалось видеть целые деревни, в которых многочисленные кокосовые пальмы никогда не давали созревших плодов, потому что тысячи белок, гнездившихся там, портили своими зубами еще не созревшие плоды. Кроме того, они употребляли кокосовые орехи себе на гнезда и потому просверливали их не только для того, чтобы съесть, но и чтобы воспользоваться скорлупой. Хотя мех многих беличьих идет на продажу, а в некоторых местностях едят и их мясо, все же эта польза не может перевешивать того вреда, который белки приносят разным полезным растениям и птицам. Упомянутые Гаскарлем деревни разорились от этих животных, и крестьяне выселились из них. В Северной Америке также попадают селения, которым белки ужасным грабежом на полях приносят громадные убытки. В Германии их усердно истребляют как вредных животных, незначительная польза которых вся поглощается обилием приносимого вреда. В больших просторных лесах их еще можно терпеть, но в

Семейство беличьи

* Наиболее характерны для всех белок цокающие звуки (сигнал тревоги), стрекот.

** Интродуцированные в новые районы, например в леса Северного Кавказа, белки наносят значительный ущерб птичьему населению, не привыкшему к присутствию здесь этого зверька. Крупная всеядная серая белка (*Sciurus carolinensis*), завезенная на Британские острова, заселила все парки и леса Англии и вытеснила в Шотландию аборигенный вид — обыкновенную белку.

Семейство беличьи

** В пределах одной популяции белок может встречаться до 5 цветовых вариаций, отличающихся окраской как летнего, так и зимнего меха. Чем дальше к востоку тем меньше рыжих тонов становится в окраске белок. Южносибирские (телеутки) и дальневосточные белки летом обычно абсолютно черные с белым брюшком, зимой — темно-серые.*

*** Летом кисточки на ушах часто полностью исчезают.*

**** Естественный ареал обыкновенной белки простирается от Атлантики до Тихого океана, но не опускается к югу дальше зоны лесостепи Европы, Сибири, Дальнего Востока. В Индокитае и на большей части Китая она отсутствует, но была акклиматизирована на Кавказе, Тянь-Шане, в Крыму, многих районах Казахстана, в XX веке проникла на*

парках и садах необходимо истреблять. Они уничтожают гораздо более того, чем им необходимо для насыщения, как разорители гнезд они вполне заслуживают враждебного отношения и самого упорного преследования даже там, где не размножаются целыми полчищами.

Обыкновенная белка, или векша (*Sciurus vulgaris*), принадлежит к тем немногим грызунам, с которыми человек допускает сближение; несмотря на многие неприятные качества, ее все-таки держат в домах как забавного зверька и даже воспевают поэты. Животное это было отмечено уже греками, от которых мы и заимствовали его научное название, означающее «осеняющий себя хвостом». Всякий, кому понятно значение слова *Sciurus*, представит себе этого подвижного, резвого зверька, грациозно примостившегося на верхушке дерева.

Длина туловища белки почти 25 см, хвост 20 см, высота в плечах 10 см, а масса взрослого животного несколько более 0,25 кг. мех бывает различного цвета зимой и летом, на севере и на юге, кроме того, встречаются еще случайные изменения. Летом окраска меха буровато-красная, зимой мех на верхней части тела буро-красный, смешанный с серовато-белыми волосами, а на нижней — белый. В Сибири и в северной Европе зимний мех часто беловато-серый без всяких признаков рыжих волос. Кроме того, в лесах Германии часто попадаются черные экземпляры, но их отнюдь не следует причислять к особому виду, так как между детенышами одного помета можно встретить и красных, и черных белочек*. Чрезвычайно редки белые белки или покрытые белыми пятнами, а также совсем белохвостые или с белым наполовину хвостом. Хвост вообще очень пушистый и перистый, уши укорашены пучком длинных волос** ступни ног голые.

Обыкновенная белка так же хорошо известна в Греции и Испании, как в Сибири и Лапландии. Область ее распространения обнимает всю Европу, переходит за Кавказ и Урал и через южную Сибирь простирается до Алтая и Индокитая***. Везде, где есть деревья, и особенно там, где деревья образуют рощи и леса, можно найти белку, но она не везде и не во всякое время бывает одинаково многочисленна. Более всего она любит селиться в высоких, сухих и глухих лесах, сырости и солнечного света не выносит. Во время созревания плодов и орехов посещает в деревнях сады, но только в тех случаях, если они примыкают к лесу или рядам отдельных деревьев или кустарников. В местах, изобилующих сосновыми и еловыми шишками, она устраивается на долгое житье, располагаясь в собственных жилищах или в старых вороньих гнездах, которые искусно приспособляет для себя. Для временного пребывания она пользуется покинутыми гнездами сорок, ворон и хищных птиц в таком виде, как они оставлены. То же жилище, которое служит для ночлега, для защиты против непогоды или для помещения самки на время родов, строится

совсем заново, хотя материал для него берется часто из запасов, сделанных птицами. Некоторые утверждают, что каждая белка имеет по три-четыре гнезда, достоверно это неизвестно; мои наблюдения показали, что нрав и потребности животного обуславливаются личным его характером. Белка любит забираться в дупла деревьев или прямо в пустые стволы, где и устраивает себе гнездо. Открытые гнезда помещаются обыкновенно на разветвлении двух сучков возле главного ствола дерева. Основание гнезда такое же, как и в большом птичьем, но сверху оно довольно плотно прикрыто плоской, конической крышей, как это бывает в гнездах сорок, чтобы защититься от дождя. Главный вход устроен в стороне и обращен обыкновенно на восток, возле самого ствола находится другое отверстие, служащее на случай бегства. Внутренность гнезда устлана мягкой подстилкой из нежного мха. Наружная сторона состоит из переплетенных между собой тонких или толстых прутьев. Особенно охотно белка пользуется для основания своего гнезда прочным, скрепленным землей и глиной дном старого вороньего гнезда*.

Немного найдется млекопитающих, которые постоянно были бы так резвы и так неусидчивы, как белка при сколько-нибудь сносной погоде. Она беспрестанно меняет свое положение, перескакивая с дерева на дерево, с одной верхушки на другую, с ветки на ветку; даже на земле она ведет себя как дома, нимало не стесняясь. Но ловкость ее особенно проявляется при лазании. С изумительной уверенностью и быстротой взлезает она по самым гладким стволам деревьев; длинные и острые когти на гибких пальцах оказывают ей при этом неоценимые услуги. Она вцепляется ими в кору дерева и притом всеми четырьмя ногами сразу, затем приседает для прыжка и снова ухватывается когтями. Все это проделывает так быстро, и прыжки так безостановочно следуют один за другим, что наблюдателю кажется, будто животное скользит по стволу вверх. При лазании она производит шум, который кажется непрерывным, так как отдельных прыжков различить нельзя. Обыкновенно белка подымается на самый верх дерева без остановки, добравшись до крайней вершины, она взбегаёт на какой-нибудь из горизонтальных сучков и отсюда перепрыгивает на сук другого дерева, перескакивая иногда расстояния в 4—5 метров, и непременно сверху вниз**. Белка отлично плавает, но в воду идет неохотно. По поводу этого сочинили различные басни: будто бы она бросает предварительно в воду кусок коры, в которую садится, как в лодку, а распущенный и поднятый хвост служит ей при этом парусом.

В спокойном состоянии белка постоянно занята отыскиванием пищи. Ест она, смотря по времени года, плоды или семена, почки, ветви, кору, ягоды, зерна и грибы, но более всего любит еловые и сосновые семена, почки и молодые побеги. Она отгрызает шишку хвойных деревьев у самого основания, удобно усажива-

Семейство беличьи

*Камчатку. Белку, живущую в Японии, выделяют в отдельный вид *S. lis*, а в лесах Закавказья и Ближнего Востока обыкновенную белку замещает персидская (*S. apomalus*). Остальные 30 видов этого рода обитают в Новом Свете.*

** Беличье гнездо — гайно может достигать до полуметра в диаметре. Действительно, на участке белки (в среднем площадью 2—5 га) таких гнезд может быть несколько. Ядро участка зверек активно защищает от вторжений.*

*** Прыжки «по нисходящей» могут достигать 10—15 м.*

ется на задние лапы, передними подносит шишку ко рту и, поворачивая ее во все стороны, чешуйка за чешуйкой, очищает своими прекрасными зубами, а зерна подхватывает языком и забирает в рот. Очень интересно ее видеть, когда ей удастся достать много орехов, — ее излюбленное лакомство. Особенно она любит совершенно зрелые орехи. Она срывает их, берет передними лапами и проворно скребет в том месте, где скорлупа раздваивается, вертя орех туда и сюда до тех пор, пока скорлупа не расколется пополам или даже на несколько частей; затем достает зернышко и ловко раздробляет коренными зубами. Кроме семян и зерен белка любит черничные и брусничные листья и грибы (по Чуди, также и трюфели). Собственно плодами она не пользуется, например, в груше или яблоке сдирает всю мякоть, чтобы добраться до семечек. К сожалению, она большая любительница яиц и бесцеремонно таскает их из

Обыкновенная белка,
или векша
(*Sciurus vulgaris*)

но таскает их из гнезд, не щадит также молодых птичек, а иногда отваживается нападать и на старых. Ленц отбил у одной белки старого дрозда, который был еще настолько силен, что, освободившись, тотчас же далеко улетел. Многие наблюдатели также имели случай убедиться, что в столь невинном и безвредном на вид грызуне таится кровожадный хищник, который не щадит ни одного маленького позвоночного животного. Шахт нашел однажды в гнезде белки даже убитого крота.

Когда у животного много пищи, оно тотчас же принимается собирать ее на черный день. Кладовые белка устраивает в расщелинах и дуплах пустых деревьев и корней, в вырытых самой норах, между кустарниками и камнями, в одном из своих гнезд и в других подобных местах, и сюда часто издалека притаскивает орехи, всякие зерна и семена. В лесах юго-восточной Сибири белки собирают также и грибы, притом совершенно своеобразным образом. «Они, — замечает Радде, — так не эгоистичны в этом отношении, что не только не прячут найденные грибы, но насаживают их на иглы сосен и елей или на сучки лиственниц и предоставляют им там сохнуть, чтобы потом сделаться достоянием каких-нибудь изморенных голодом несчастных странствующих

собратьев. Складом для грибов избираются верхушки старых деревьев, но еще чаще густой кустарник хвойного леса».

Собирание этих запасов на зиму свидетельствует о чрезмерной чувствительности белок к изменению погоды. Когда солнечные лучи начинают припекать сильнее обычного, белки проводят полуденное время во сне, спрятавшись в гнездо, а гулять в лес выходят рано утром или вечером; но еще больше они боятся ливня, всякой непогоды, бурь и особенно метелей. Они предчувствуют перемену погоды замечательно верно. С появлением первых признаков дурной погоды они тотчас же прячутся по своим гнездам или по несколько белок в одну нору, затыкают отверстие со стороны дующего ветра и, уютно свернувшись в клубок, переживают непогоду. В холодной Сибири после хлопотливой осенней жизни зимние морозы вызывают в белках такое продолжительное бездействие, что оно почти переходит в кратковременную зимнюю спячку. Вначале белки ежедневно, хоть и не надолго выходят из своих гнезд, но потом они прячутся в них на целые дни, так что охотникам приходится вспугивать их ударами топора по дуплу дерева. Дурная осень для них обыкновенно губительна, так как вынуждает съесть запасы, приготовленные на зиму. Если за такой осенью следует мало-мальски суровая зима, то белок гибнет очень много. Некоторые кладовые забываются ими, к другим мешает подступиться глубокий снег, и несчастные зверьки, столь веселые и бодрые раньше, должны умирать с голоду. То здесь, то там валяются они мертвые в своих гнездах или падают от изнурения с верхушек деревьев, становясь легкой добычей куниц. В буковых и дубовых лесах белкам все-таки живется легче, потому что, кроме оставшихся на деревьях орехов и желудей, еще в большем количестве они выкапывают их из-под снега и таким образом поддерживают свое питание*.

Голос белки в испуге громко звучит, как «дук-дук»; удовольствие или досаду животное выражает особенным, непередаваемым слогом ворчанием или, как удачно выражаются Дитрих и Ленц, бормотаньем. При сильной радости или возбуждении она свистит. Зрение, слух и обоняние отличаются своим высоким развитием; не бездействует и осязание, как о том свидетельствует способность белок предчувствовать погоду. Наблюдения над пленными животными показали, что и вкус у них также развит. О душевных способностях белок говорит их прекрасная память, а также хитрость, к которой прибегает животное, желая спастись от врагов: с быстротой молнии бросается белка на самое высокое из близлежащих деревьев, направляется почти всегда по противоположной стороне ствола вверх до первого разветвления, при этом голову высовывает только в крайнем случае, вся сжимается, прячется и старается, как можно незаметнее совершить свое бегство.

Старые белки спариваются первый раз в марте, молодые же немного позже. Самка собирает вокруг себя в это время до десяти

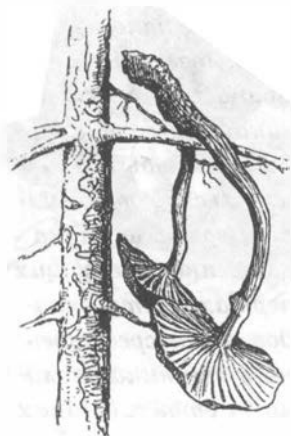
Семейство беличьи

* Долгое время было неясно, как белка разыскивает под снегом свои тайники, сделанные осенью. Считалось, что она может унюхать тайник даже через полуметровый слой снега, но это представляется маловероятным, учитывая что припасы она может закапывать еще на 30 см вглубь почвы или лесной подстилки. Вероятно, белка запоминает в общих чертах места складов, а непосредственно у тайника различает стойкий запах секрета своих желез, которым белка метит тайник. До 20 % тайников белка не находит и желуди, орехи, другие семена в них прорастают весной. Таким образом белка является в определенной мере «сеятелем леса».

Семейство беличьи

** Сезон размножения начинается в январе—феврале, заканчивается в августе. На юге ареала иногда может быть не 2, а 3 выводка в год. В выводке может быть от 2 до 11 слепых голых бельчат длиной около 5 см и массой около 8 г. Беременность длится 38 дней, лактация — 8 недель.*

*** Лишь четверть белок доживает до половой зрелости (1 год). Максимальный срок жизни — 12 лет.*

и более самцов, которые вступают из-за нее в кровавые драки. Через четыре недели после спаривания в хорошо устроенном и мягко выстланном гнезде появляется от трех до семи детенышей, которые приблизительно в течение девяти дней остаются слепыми и пользуются нежной заботой матери. Для родов белки избирают преимущественно дупла деревьев. Ленц утверждает, что самки устраиваются на это время также в скворечниках, которые висят на деревьях тут же в лесу; с этой целью их тщательно выстилают мхом, снабжают удобным входом, а запасное отверстие расширяют зубами для большего удобства. Когда детеныши перестанут сосать, мать, а может быть, также и отец, в продолжение еще нескольких дней приносят им пищу, затем родители оставляют юное потомство на произвол судьбы и после того приступают к вторичному спариванию. Покинутые детеныши еще некоторое время находятся вместе, мило играют друг с другом и скоро свыкаются с привычками взрослых. В июне самка вторично рождает обыкновенно меньшее число детенышей, чем в первый раз. Когда и эти подрастут уже настолько, что могут бегать повсюду самостоятельно, она часто соединяет их с прежним выводком, и тогда вся ватага в 12—16 штук поселяется вместе в какой-нибудь части леса*.

Белка замечательно чистоплотна: она способна беспрерывно лизать и чистить себя. Ни своего, ни детского кала она никогда не оставляет в гнезде, а в большинстве случаев сваливает у ствола дерева. В этом отношении белка весьма пригодна для содержания в комнатах. Желая приручить белок, их берут из гнезда еще маленькими и кормят молоком и булкой, пока они не смогут есть зерна. Если в доме имеется недавно родившая кошка, и притом добродушного нрава, то маленькую белочку поручают для вскармливания ей, и та получает такое хорошее воспитание, какого человек никогда не мог бы предоставить ей сам. Некоторые добродушные кошки берут на себя подобные заботы, и действительно трудно представить себе что-нибудь милее такого тесного общения двух различных животных.

В молодости все белки представляют собой резвых, веселых и совершенно безвредных зверьков, которые охотно поддаются ласкам и баловству со стороны человека. Они скоро привыкают и привязываются к своему воспитателю и проявляют понятливость, быстро распознают свою кличку. К сожалению, под старость даже самые ручные белки становятся злыми и хитрыми**.

Самый опасный враг белки — куница. Лисице редко удается поймать белку, точно так же зверек умеет укрываться от коршунов, ястребов и больших сов, ловко спасаясь от их преследований на дереве, куда взбирается с быстротой стрелы, крутясь спиралью вокруг ствола. Птицы не успевают следовать за ней, потому что им приходится описывать большие круги, а белка тем временем достигает своей норы на густой верхушке, где и может

безопасно укрыться. Совершенно другое дело, когда ей приходится спасаться от куницы. Этот страшный хищник лазает почти так же хорошо, как и белка. Он преследует несчастного грызуна шаг за шагом как на верхушках деревьев, так и на земле, залезает даже в дупла, где он думает спастись, или в самые гнезда с толстыми стенами. Оглашая воздух пугливым щелканьем и свистом, белка старается убежать от своего врага, но быстроногий хищник следует по пятам, конкурируя с ней в ловкости и быстроте прыжков. Единственная возможность спасения для белки заключается в ее способности без вреда для себя спрыгивать на землю с самой высокой верхушки дерева и затем, как ни в чем не бывало, бежать дальше, чтобы снова взлезть на дерево и при необходимости снова повторить этот фортель. Поэтому, когда ее преследует куница, она старается, как можно скорее добраться до вершины, употребляя при этом обычный способ лазать по спирали, так как в это время ствол служит ей прикрытием. Куница и перед этим не останавливается: она мигмом взбирается вслед за белкой на высочайшую вершину. Ловкий хищник готов уже схватить белку за шею, но та сильным дугообразным прыжком спрыгивает с высоты, как стрела прорезывает воздух, горизонтально вытянув все члены, и ловко падает на землю; через мгновение она снова встает совершенно невредимой и, робко озираясь, спешит укрыться в безопасном месте. Тут уж кунице не поспеть за белкой; тем не менее шустрый зверек все-таки в конце концов становится добычей куницы, так как неутомимый хищник охотится до тех пор, пока измученная жертва сама не отдается ему в лапы. Молодые белочки подвергаются гораздо большим опасностям, чем взрослые*.

На Лене крестьяне всю весну с начала марта до половины апреля занимаются исключительно ловлей белок. Некоторые ставят с этою целью до тысячи ловушек, которые состоят из двух досок, с укрепленной между ними палочкой, куда для приманки нацепляют кусочек сушеной рыбы. Как только белка дотрагивается до приманки, ее тотчас же пришибает верхняя доска. Чтобы не испортить мех, тунгусы стреляют в нее тупыми стрелами или вооружаются винтовками с пулями, величиной с горошину, которыми и убивают зверька прямо в голову. По устным сообщениям Радде, охота за белками в юго-восточной Сибири чрезвычайно занимательна и действует возбуждающе. Охотника сильно заинтересовывает количество убитых зверьков, так как мех их, известный под названием «белычьего» или «фе», представляет выгодный товар, который всегда находит покупателей. Самые лучшие меха получают из Сибири и, по Ломеру, чем дальше на восток, тем темнее и дороже, к западу от Урала белки светлее. Меха, вывозимые из Лапландии, так плохи, что о них не стоит и говорить. Самыми лучшими местами белычьей шкурки считаются спинка и брюшко. Вместе со шкурками идут в употребление так-

** Не менее опасными врагами белок являются ястребы. Эти хищники, обладающие очень маневренным полетом, легко «берут» белку даже в густой кроне. В некоторых районах белки составляют до 34 % рациона семьи ястреба. В парках белки порой страдают от одичавших кошек.*

Семейство белчицы

* Несмотря на большое сходство с белками, бурундуки — скорее родственники сусликов и вместе с ними входят в подсемейство сурковых. Из 18 видов настоящих бурундуков (*Tamias*), лишь один встречается в Евразии, остальные — жители Северной Америки, до севера Мексики. Два вида белчичьих бурундуков (*Sciurotamias*) живут в горах Южного Китая.

** «Бурундук» — слово монгольского происхождения.

*** Восточный бурундук (*T. striatus*) — наиболее близкий к азиатскому бурундуку американский вид, составляет с ним особый подвид *Eutamias*. Населяет восточную часть Северной Америки до Великих прерий. Чипмунками называют любых американских бурундуков.

же и хвосты, преимущественно для боа, из отдельных волос хвоста делают рисовальные кисти. На белое, нежное, вкусное мясо белки повсюду находятся любители.

Древние считали, что мозг и мясо белки обладают чудесными целебными свойствами; до сих пор держится суеверие, что пепел сожженного самца-белки помогает от всяких болезней больному жеребцу, а пепел самки — больной кобыле. Многие акробаты и канатные плясуны уверены, что могут уберечь себя от головокружения, если будут принимать истертый в порошок мозг белки.

Следует еще упомянуть об особой группе семейства белчичьих — бурундуках. Наличие защечных мешков, которые достигают до затылка, и более или менее подземный образ жизни ставят их посередине между белками и сусликами, но во всяком случае с первыми они более сходны, чем с последними. Пятипалые ноги короче, чем у белок, хвост, покрытый редкими волосами, короче туловища, мех короткий и не очень мягкий, спина обыкновенно испещрена резкими продольными полосами. Известно лишь немного видов, которые населяют восточную Европу, Сибирь и Северную Америку*.

Азиатский бурундук (*Tamias sibiricus*)** значительно меньше и неуклюжее обыкновенной белки; вся длина его, считая 10 см хвоста, не превышает 20 см, а высота в шейке 5 см. Продолговатая головка снабжена мало выдающимся, кругловатым, покрытым редкими волосами носом, черными глазами и короткими маленькими ушами. Конечности довольно сильные, подошвы голые, бородавка, заменяющая на передних ногах большой палец, покрыта вместо ногтя роговой пластинкой; хвост с кольчатой кожей не очень пушист. Верхняя губа обсажена редкими, разделенными на пять рядов усами, на щеках и над глазами торчат отдельные щетинистые волоски. Окраска короткого, жесткого, плотно прилегающего к телу меха на голове, шее и по бокам туловища желтоватая, перемешанная с длинными, белыми на кончиках волосами; вдоль спины на неравных одна от другой расстояниях пробегают пять черных полос.

Восточный бурундук (*Tamias striatus*) — американский вид бурундука, область распространения которого обнимает все Соединенные Штаты Америки, начиная с Мексиканского залива, называется чипмунком***. Он приблизительно такой же величины, как и азиатский бурундук, цвет шерсти на задней стороне красновато-бурый, на животе беловатый; полосы, идущие вдоль спины, темно-бурого цвета, черная кайма глаз сверху и снизу обведена белым, широкая белая полоса, пробегающая по бокам туловища, окаймлена черно-бурым; темно-бурые волосы хвоста с нижней стороны выглядят красноватыми.

Родиной азиатских бурундуков считается большая часть северной Азии и небольшое пространство восточной Европы. Область распространения их ограничивается, с одной стороны, река-

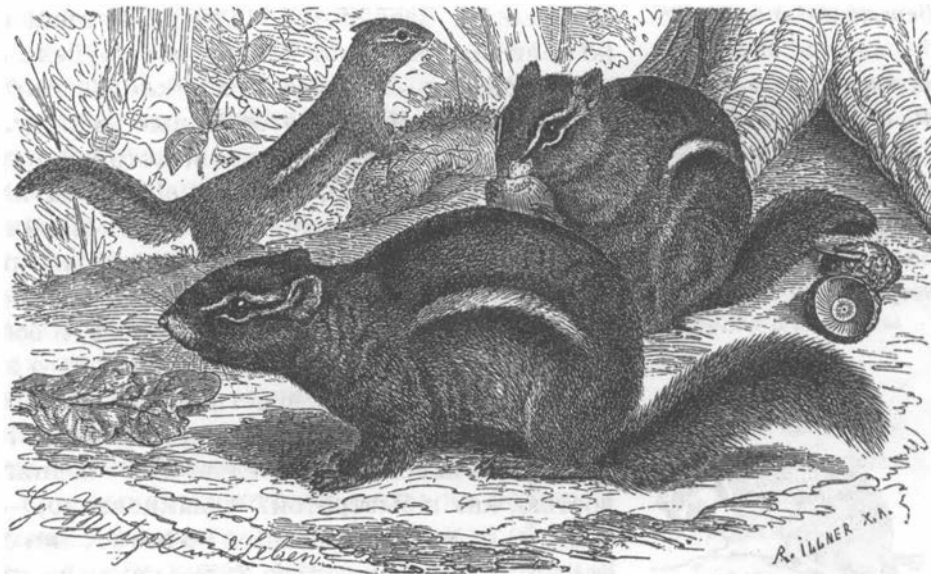
ми Двиной и Камой, а с востока — Охотским морем и Анадырской губой. В Сибири она продолжается за исключением дауромонгольских степей до Амура. Азиатский бурундук живет в лесах, как в хвойных, так и в березовых, чаще всего в кедровых. Под корнями этих деревьев он устраивает себе для жилья довольно незатейливую простую нору, которая сообщается, с одной стороны, с гнездом, с другой — с двумя или тремя кладовыми для зимних запасов, а отдельный длинный изогнутый выход ведет на поверхность*. Пища бурундуков состоит из семян различных растений и ягод, но в особенности из зерен и орехов, которых они запасают на зиму иногда до 5—8 кг, перенося их в свои кладовые в защечных мешках.

На Нижней Шилке бурундук набивает кладовые кедровыми орехами, иногда до 1,5 кг, так что запас этого не поедается за зиму и остается медведям. На Байкале бурундук избирает себе излюбленным местом для жилья леса с находящимися посреди них небольшими пашнями. Случается, что он набирает до 4 кг сжатых колосьев, доставляющих 2—3 кг чистого зерна. Почти так же устраивает свою жизнь и чипмунк. В позднее лето его можно видеть поспешно бегающим туда и сюда с туго набитыми защечными мешками, и зоркий наблюдатель подметит выражение сытого самодовольства, светящееся

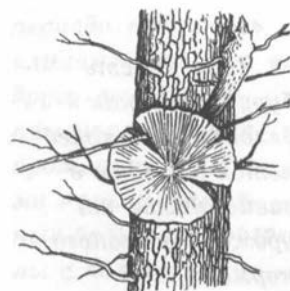
в темных глазах запасливого зверька. Спустя несколько месяцев он складывает в одно место свои разнообразные запасы, состоящие большей частью из гречихи, орехов, семян клена и маиса. Как азиатский бурундук, так и чипмунк подвержены зимней спячке, которая часто прерывается, так как животные и в продолжение всей зимы нуждаются в пище. Чипмунк никогда не зарывается в нору раньше ноября, бурундук в южной Сибири придерживается того же времени; в средней Сибири, где морозы начинаются рано, он уходит на зимний покой самое позднее в середине октября. Ни тот, ни другой не покидают подземных жилищ во время зимы, но вход в них держат открытым даже во время непогоды, когда можно видеть, как бурундук усердно занимается

Семейство беличьи

* Летом азиатские бурундуки иногда селятся в пустых стволах поваленных деревьев, пнях, реже — в дуплах. В горных местностях бурундуки живут в пустотах между камнями.

Восточный бурундук
(*Tamias striatus*)

Семейство беличьи

** У азиатского бурундука, в отличие от восточного, обычно один помёт 4—10 детенышей (лишь на юге ареала — 2 выводка). Спариванию предшествуют активные перемещения самцов, ориентирующихся на посылки самки. Беременность продолжается около месяца, лактация — 40 дней. В возрасте 7 недель молодые покидают нору матери, становятся половозрелыми — в возрасте 1 года.*

*** Численность бурундуков, как и белок, сильно колеблется по годам в зависимости от урожая основного корма.*

расчисткой его от снега. С наступлением первых теплых дней животные выходят на поверхность земли и здесь начинают свою деятельность. Первые детеныши рождаются в мае; второй помёт появляется на свет обыкновенно в августе*. В период любви происходят горячие схватки между заинтересованными самцами. Многие уверяют, что едва ли можно найти более буйное животное, нежели это маленькое, но необыкновенно резвое существо. Особенное оживление проявляется среди бурундуков за несколько недель перед тем, как они залегают в нору. В лазании они значительно уступают другим белкам, но зато этот недостаток возмещается их поразительным проворством в бегании. Подобно маленьким птичкам шмыгают они между кустами с быстротой молнии, то несясь по прямому направлению, то ежеминутно изменяя его.

Для сельских хозяев бурундуки представляют собой весьма нежеланных гостей: подобно мышам, они забираются в амбары и производят там значительные опустошения, если появятся во множестве. Зато потеря иногда возмещается тем, что местные жители раскапывают кладовые этих беличьих подобно тому, как в Германии распоряжаются с кладовыми хомяков, и выгребают оттуда все запасы, заготовленные на зиму. Сибиряки пользуются также шкурками бурундуков, которые идут главным образом на опушку теплых шуб. Чипмунка преследуют гораздо усерднее, чем его сибирского собрата, у него есть полчище врагов. Ласки преследуют их даже под землей, сумчатые крысы усердно гоняются за ними, домашние кошки считают их за такую же хорошую добычу, как крыс и мышей. Кроме того, и все большие хищные птицы не пропускают случая схватить этого зверька. Американский мохноногий сарыч вследствие ревностного преследования белок даже получил название «беличий сокол». По наблюдениям Гейера, гремучая змея преследует этого беднягу с такой же настойчивостью, как и быстротой. «Обыкновенно, — говорит этот наблюдатель, — бурундук бросается во все уголки своей норы; змея следует за ним и опережает его, пока, наконец, он, стараясь дать тягу, не скатывается несчастным образом по какому-нибудь склону, тогда змея схватывает беднягу и бросается со своей жертвой в близкую чащу». Сама природа также способствует истреблению бурундуков, так как морозная зима уносит множество молодых, родившихся за лето. Однако, в благоприятные годы бурундуки размножаются в громадном количестве: чрезмерная плодовитость самок уравнивает все эти значительные потери**.

Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его любимым зверьком, которого охотно держат в домах. Впрочем, их не удастся приручать вполне, потому что они всегда остаются робкими и нелюдимыми, к тому же, как всякие беличьи, они довольно несносны своей страстью грызть решительно все, что им попадется. С другими видами они не жи-

ваются; особенно часто ссорятся между собой самцы. Содержание бурундуков не представляет никаких затруднений, так как для их корма вполне достаточно обыкновенных зерен и плодов. При соответствующем уходе они выдерживают в неволе многие годы и легко размножаются.

Земляные, или сусликовые, белки (*Xerus inauris*)* в высшей степени некрасивые грызуны, которые только тогда и могут казаться симпатичными, когда их наблюдают издали. Туловище у них вытянутое, голова остроконечная, перистый хвост почти такой же длины, как и туловище, уши малы, ноги непропорционально длинны, лапы вооружены крепкими, сжатыми с боков когтями. мех их замечателен в двояком отношении: волосы его так редки, что едва прикрывают кожу, при этом они очень жестки. мех имеет такой вид, как будто бы к коже приклеены отдельные волоски.

Красная земляная белка («шиллу» у абиссинцев) (*Xerus rutilus*)** имеет 50 см длины, из которых почти 22 см приходится на хвост. Окраска меха сверху красновато-желтая, по бокам и на брюхе светлая, почти беловатая. Перистый мех по бокам и на конце белый, в середине красный, испещренный белыми пятнышками, происходящими оттого, что многие волосы имеют белые кончики. Такие же пятна замечаются и на спине.

Они живут в сухих степных рощах, даже в безлесных равнинах, в гористых и холмистых местностях со скудной растительностью, они искусно и быстро выкапывают себе глубокие норы под густыми кустарниками, между корнями деревьев и под обломками скал. По словам Рюппеля, они лазают преимущественно в низких кустарниках, но при опасности поспешно скрываются в свои подземные норы. Днем их можно видеть бродящими поодиночке или парами, иногда даже очень близко от деревьев, но если их вспугнуть, то они немедленно убегают в нору***. Где местность не скалиста они выкапывают себе ходы на большом протяжении под крупными деревьями, по крайней мере об этом можно судить по значительным кучам земли, нарытым ими у входных отверстий. Более подробное исследование их нор связано с большими трудностями, так как они обыкновенно расположены между корнями деревьев или же между обломками скал, — что несколько не лучше, потому что сусликовые белки избирают для жилья наименее доступные места.

Относительно их размножения я не узнал ничего точного. Только один раз видел семейство, состоящее из четырех экземпляров, и на основании этого сужу, что сусликовые белки рожают только двух детенышей, что также подтверждается присутствием лишь двух сосцов у самки****.

Главным их врагом считается хохлатый орел — чрезвычайно отважный и опасный хищник тех мест. Зато с маленьким ястребом, истребляющим саранчу, они уживаются довольно хоро-

* Распространены в аридных открытых ландшафтах Африки. Образом жизни и повадками напоминают сусликов. Но в отличие от них не впадают в спячку и обычно не образуют колоний.

** Обитает в Кении, Эфиопии, Сомали.

*** Несмотря на жару, эти грызуны активны днем, питаются они сочными подземными частями растений, насекомыми, ящерицами.

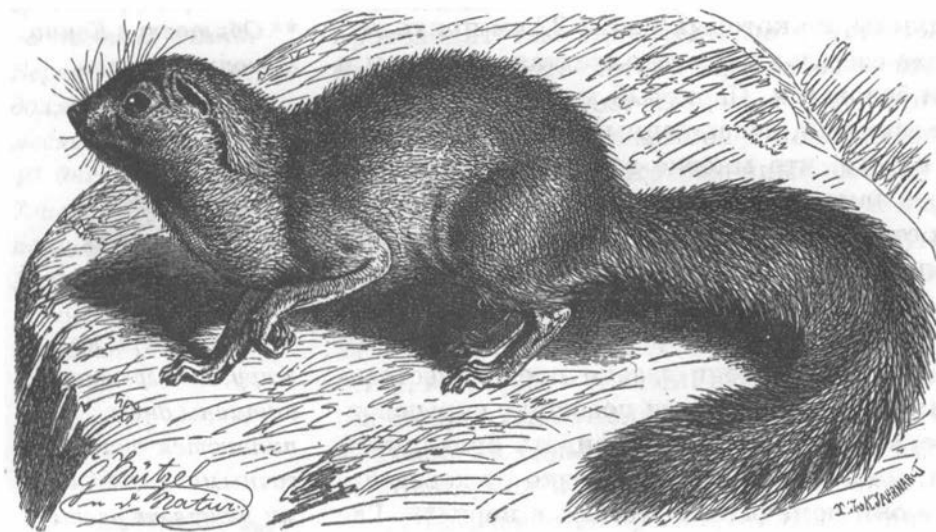
**** В помете обычно 4 (2—6) детенышей. Самцы сражаются друг с другом в начале брачного периода, становясь «лицом» друг к другу, высоко подпрыгивая и пиная противника задними ногами. Земляные белки половозрелы с полугода.

шо, по крайней мере можно видеть, как белки беззаботно бегают вокруг деревьев, на которых сидит эта хищная птица. Самыми усердными их преследователями являются борзые собаки. Магометане и христианские жители внутренней Африки не трогают их, так как считают за нечистых животных.

Сурки отличаются от белок более неуклюжим и сжатым туловищем, коротким хвостом и тем, что передние верхние коренные зубы хотя и маленькие, но одинаковой длины с другими; спереди они очень округлены, сзади же сильно сужены и на поверхности их заметны выпуклые складки эмали.

Разнообразные виды сурков распространены по всей средней Европе, северной Азии и Северной Америке. Большинство живут на низменностях, некоторые же, напротив, на самых высоких горах*. Сухие, глинистые, песчаные или каменистые местности, обильные травой равнины и степи, поля и сады составляют

их главное местожи-тельство, и только горные сурки предпочитают луга и поляны, лежащие выше границы произрастания лесов, а также отдельные ущелья скал и долины в полосе между областью вечных снегов и границей лесов. Все виды имеют свои жилища и никогда не кочуют. Они устраивают глубокие подземные

**Красная земляная
белка**
(*Xerus rutilus*)

* Брем под именем «сурки», видимо, имеет в виду группу родов, включая сусликов и луговых собачек.

норы и живут в них колониями, иногда даже очень многочисленными. Многие из них, смотря по времени года и тем работам, которые они исполняют, имеют несколько жилищ, другие по целым годам живут в одной и той же норе. Сурки вполне земные животные, они проворны и ловки в своих движениях, хотя и уступают в подвижности белкам, но некоторые виды неуклюжи. Пища их состоит из травы, злаков, нежных побегов, молодых растений, семян, овощей, ягод, корней и луковиц, и только немногие, с трудом взбирающиеся на деревья и кусты, питаются молоденькими листьями и почками. Несомненно, что наравне с растительной пищей они не пренебрегают и животной, если могут легко достать ее. Ловят при случае насекомых, маленьких млекопитающих, более неповоротливых птиц и разоряют их гнезда. Во время еды они, подобно белкам, сидят на задней части тела и подносят пищу ко рту передними лапами. С созреванием плодов они начи-

нают собирать запасы и, смотря по местности, наполняют кладовые своих жилищ травой, листьями, семенами и зернами. К зиме они зарываются в свои норы и впадают в непрерывную и глубокую спячку, которая в значительной степени уменьшает все их жизненные отправления.

Они издают свистящие звуки или звуки тьяканья и особого рода ворчания, которое, если бывает тихое, выражает хорошее расположение духа, иначе же свидетельствует о гневе. Из чувств лучше всего развиты осязание и зрение. Сурки имеют способность предугадывать перемену погоды и сообразно с этим принимают меры предосторожности. В умственном отношении они превосходят белок. В высшей степени внимательные, осторожные, чуткие и боязливые, они часто ставят особую стражу для обеспечения себе большей безопасности и при малейшем признаке близкой опасности быстро скрываются в подземных убежищах.

Размножение их весьма значительно. Хотя самки сурков рожают всего раз в год, но зато по три—десять детенышей, которые уже в ближайшую весну сами становятся способными к размножению.

У некоторых сурков используют мех, у других — мясо, кроме того, их охотно воспитывают в качестве домашних животных.

Суслики — красивенькие зверьки с относительно стройным туловищем, вытянутой головой, со спрятанными в меху ушами, коротким хвостом, перистым и пушистым только на конце; передние лапы имеют четыре пальца и бородавку вместе большого пальца, на задних лапах пять пальцев. Суслики обладают большими защечными мешками.

Многочисленные суслики северного полушария живут на открытых и поросших кустарником равнинах, иногда обществами или поодиночке в выкопанных ими самими норах, питаются различными зернами, ягодами, нежными плодами и кореньями, но не пренебрегают мышами и маленькими птичками*.

Европейский суслик (*Spermophilus citellus*) — миловидный зверек, величиной почти с хомяка, но с более стройным туловищем и красивой головкой, имеет в длину 22—24 см и хвост 7 см; высота в зашейке 9 см, масса животного приблизительно 0,5 кг**. Мех суслика довольно жидкий и состоит из жестких, в середине более темных волос; окраска его на спине желто-серая с рыжеватым оттенком и с мелкими крапинками, на животе — ржаво-желтая, на подбородке и в передней части шеи — белая. Новорожденные суслики окрашены светлее, а те, которые уже бегают, имеют грубый и резкий крап по темному фону. Впрочем, в окраске шерсти встречаются значительные изменения.

Главное место жительства суслика — восток Европы. Альберт Магнус наблюдал его вблизи Регенсбурга, где теперь он уже перевелся и отодвинулся дальше на восток, хотя в Силезии заме-

* Суслики распространены только во внетропических частях Евразии и Северной Америки. Обитают суслики преимущественно в степях, лесостепях, пустынях, тундрах, в горах до высот 3500 м. Некоторые виды населяют и лесную зону.

** Европейский суслик (*S. citellus*) — сравнительно некрупный представитель рода.

** Европейский суслик — самый западный суслик Евразии. В России он не встречается, самые восточные части ареала доходят до юго-запада Украины и Армении. Русское название «суслик», вошедшее во многие языки и видовую латынь, было присвоено близкому виду, непосредственно замещающему европейского суслика восточнее — крапчатому суслику (*S. suslicus*). Вообще многие суслики как бы сменяют друг друга с запада на восток, границами ареалов обычно служат крупные реки — Днестр, Днепр, Волга. Европейский суслик предпочитает лесостепь, не любит чрезмерной сухости климата и это ограничивает его распространение на восток. В отличие от многих других сусликов он почти не образует колоний.*

чено его распространение по направлению к западу. Лет 50 назад его там еще вовсе не знали, а лет 40 он встречался уже в западной части провинции, именно в Лигницком округе, откуда и распространяется все дальше на запад. Это, по-видимому, самый распространенный вид сусликов. Он населяет всю южную, степную полосу России, Галицию, Силезию, Венгрию, Штирию, Моравию и Богемию, Каринтию, Крайову и местности, лежащие по северному берегу Черного моря. Что суслика можно причислить к российским животным, указывает самое название его «суслик», которое в Польше переделали в «сузель», а в Богемии в «сизель». Древние называли его понтийской мышью, или симор*. Везде, где водится суслик, он встречается в большом количестве и причиняет значительный вред земледелию. Суслик распространен в сухих безлесных местностях с песчаным или глинистым грунтом, то есть больше всего он водится на полях и в степях. По словам Герклоца, суслик стал пользоваться железнодорожными насыпями, взрытый грунт которых облегчает ему рытье и предоставляет верное убежище от проливных дождей. Он всегда живет обществами, однако норы в земле выкапывает каждый отдельно для себя, причем самка роет гораздо глубже, чем самец. Самое гнездо лежит на глубине 1—1,5 м под поверхностью земли, имеет продолговато-округлую форму, в диаметре приблизительно 30 см и выстлано сухой травой. Вверх ведет только один ход, довольно узкий, извилистый и проложенный неглубоко под поверхностью; у его устья всегда лежит небольшая куча взрытой земли. Ходом пользуются в продолжение только одного года, потому что с наступлением осенних холодов суслик засыпает входное отверстие и выкапывает из своего гнезда другой ход, не доходящий до поверхности; весной, когда заканчивается зимняя спячка, этот новый ход открывается и им пользуются до самой осени. Таким образом количество различных ходов вполне определяет давность жилища, но отнюдь не возраст живущего в нем животного, так как нередко суслик пользуется старым, но еще годным к употреблению жилищем одного из своих предшественников, погибшего случайной смертью. Соседние с норой отделения используются для склада зимних запасов, заготавливаемых с осени. Нора, служащая самке для родов, всегда бывает глубже других, для того чтобы обеспечить достаточную защиту трем—восемью любимым детенышам, которые рождаются весной, обыкновенно в апреле или мае, совершенно беспомощными, голыми и слепыми.

Обыкновенную пищу суслика составляют нежные травы и коренья, например подорожник и клевер, хлебные растения, стручковые плоды и разного рода ягоды и зелень. К осени он собирает из этих веществ запасы, переносит их, подобно хомяку, в защечных мешках. При этом суслик бывает опасен мышам и птицам, которые гнездятся на земле, так как он не только раворяет их гнезда, но и нападает на взрослых, убивая их двумя укусами, выедаёт у

них мозг и затем съедает целиком. Жертву свою он держит передними лапами и ест ее в полусидячем положении. После еды чистит себе мордочку и голову, лижет, моет и чешет весь свой мех как сверху, так и снизу. Пьет он вообще очень мало и воду употребляет обыкновенно только после еды.

Вред, который суслик причиняет своими грабежами, ощутителен только тогда, когда животное слишком сильно размножается. Самка суслика, как и все грызуны, в высшей степени плодовита и в апреле или мае, после 25—30-дневной беременности рождает на мягкой постельке своей глубокой норы многочисленное потомство*. Детеныши пользуются нежной любовью матери, которая кормит их молоком, охраняет, стережет и заботится о них даже тогда, когда они достаточно подрастут, чтобы самим выходить из гнезда. Растут они очень быстро, через месяц после рождения уже достигают

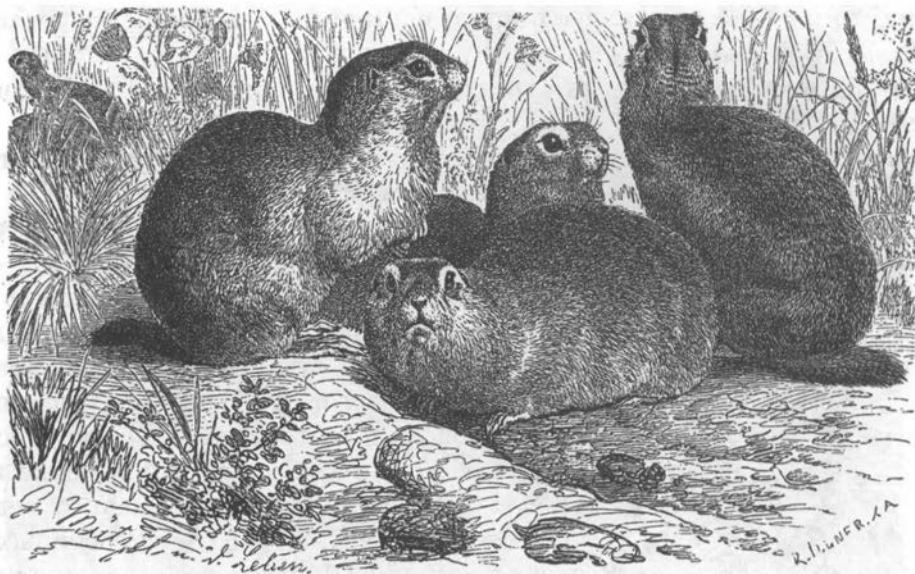
половины настоящего роста, а в конце лета их едва можно отличить от родителей. Полного роста зверьки достигают к осени и в ближайшую весну делают сами способными к размножению. До осени все семейство живет вместе с родителями в одной норе, но затем каждый детеныш выкапывает себе отдельную нору, приносит в нее зим-

ние запасы и живет совершенно самостоятельно. Если бы это веселое общество не имело целого полчища врагов, то размножение его достигло бы громадных размеров, несмотря на то, что в плодовитости они все-таки уступают крысам и мышам. Но их беспрестанно преследуют горностаи, ласки, хорьки и каменные куницы, соколы, вороны, цапли, дрофы, собаки-крысодавы, даже кошки и многие другие животные. Большая дрофа, по Герклоцу, принадлежит не только к врагам мышей, но преследует также и суслика, убивая его ловким и сильным ударом клюва, после чего съедает его вместе с кожей и шерстью. Совокупность всех этих причин сильно препятствует размножению суслика. Но самым злейшим врагом его является зима. С поздней осенью заканчивается веселая деятельность сусликов**;

самцы прекращают заботы о нуждах своей общины, которая не только отъелась за лето и нагуляла себе жиру, но также и в досталь набила кладовые. Каждый

Семейство беличьи

* В выводке в среднем 6 (2—13) детенышей. Половая зрелость наступает на втором году жизни.

Европейский суслик
(*Spermophilus citellus*)

** Период активности этого вида длится всего 5, 5 месяца, что заметно меньше, чем у других сусликов. Пробуждаясь в конце марта — апреле, зверьки начинают уходить в спячку уже в конце июня. В связи с этим европейский

Семейство беличы

суслик сравнительно редок, малозаметен и никогда не являлся серьезным сельскохозяйственным вредителем.

* Этот вид распространен по всем Великим равнинам от юга Канады до севера Мексики. В отличие от сусликов и сурков у луговых собачек нет защищенных мешков.

** Собачки живут крупными сообществами, достигающими нескольких тысяч особей. Внутри сообщества развита сложная клановая структура между особями, поддерживаемая разнообразными звуковыми сигналами, запаховыми метками, позами, прикосновениями.

суслик удаляется в отдельную нору, законопачивает ее отверстие, выкапывает новый ход и впадает в спячку. Многим из них суждено упокоиться вечным сном: холод и сырость, проникая во внутренность норы, донимает полуоцепенелых зверьков и в соединении с морозом быстро убивает эти веселые создания. Проливные дожди летом также способствуют истреблению сусликов.

По исследованиям Герклоца, мясо сусликов оказалось очень вкусным и напоминает куриное мясо. Мех находит себе весьма незначительное применение: он идет только на подкладку или на опушку шуб, а также на выделку кошельков и кисетов. Внутренности животного употребляют в качестве целебного средства, бесполезность которого сама по себе понятна.

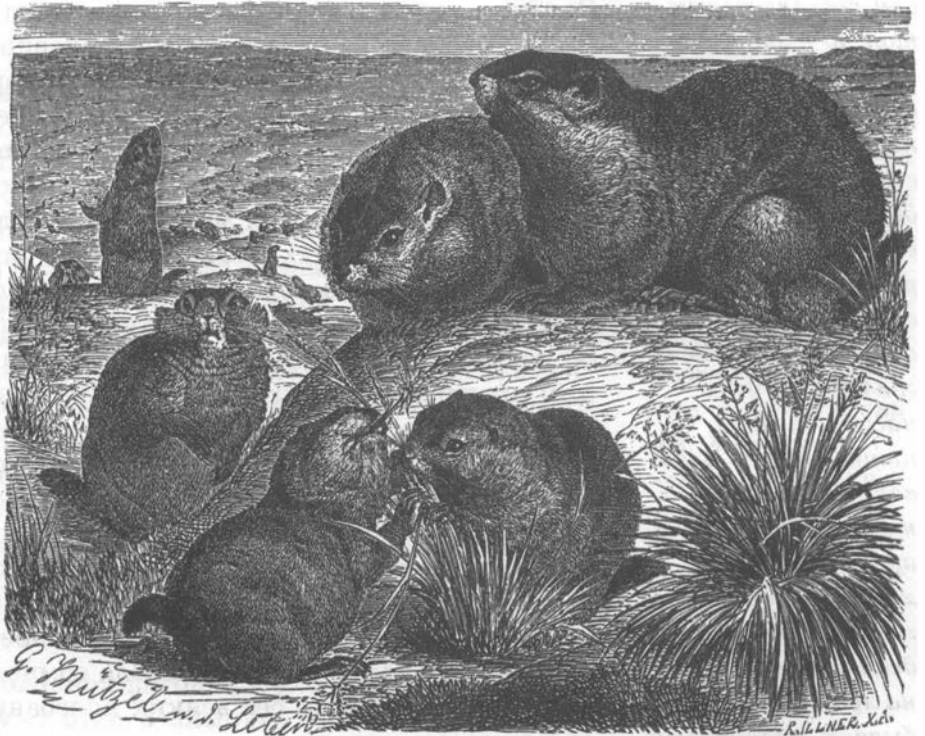
Живущая в Северной Америке чернохвостая луговая собачка (*Onychomys ludovicianus*)* соединяет некоторым образом сусликов с настоящими сурками. Взрослая луговая собачка достигает в длину почти 40 см, из которых около 7 см приходится на хвост. Шерсть на спине светло-красновато-бурая, перемешанная с серыми и черноватыми волосами, на животе грязновато-белая; короткий хвост на кончике имеет бурую перевязку. Название «луговая собачка», окончательное привившееся теперь к этому животному, первоначально дано его первыми исследователями, старыми канадскими трапперами — охотниками на пушных зверей, которые называли так нашего зверька вследствие его голоса, похожего на лай; во внешнем виде самое грубое сравнение не указало бы ни малейшего сходства его с собакой. Обширные поселения луговой собачки, называемые деревнями, находятся обыкновенно на низменных лугах, роскошная трава которых представляет для них отличный зеленый ковер и доставляет вместе с тем удобную пищу. «До какого невероятного протяжения могут дойти поселения этих миролюбивых земляных жителей, — говорит Балдуин Мольгаузен, — лучше всего убедиться, путешествуя без перерыва в продолжение целых дней между рядами маленьких бугорков, из которых каждый указывает на жилище двух или нескольких таких животных. Отдельные жилища обыкновенно находятся на расстоянии 5—6 метров одно от другого, и каждый маленький холмик, возвышающийся перед входом в него, заключает в себе хороший воз земли, постепенно нанесенный жителями на поверхность из подземных ходов. Некоторые жилища имеют один вход, другие — два. Они соединены между собой плотно протоптанными тропинками, которые заставляют предполагать, что резвые маленькие зверьки живут в тесном общении**. При выборе места для своих поселений они обращают внимание на присутствие короткой кудрявой травы, растущей преимущественно на плоских возвышенностях и составляющей вместе с корнями их единственную пищу. Даже на плоских возвышенностях Новой Мексики, где на несколько миль вокруг нельзя

найти ни капли воды, попадаетея очень много луговых собачек. В этих местах по целым месяцам не выпадает дождей, а чтобы добраться до подпочвенной воды, надо рыть землю по крайней мере на 30 метров в глубину, и можно допустить, что луговые собачки не нуждаются в воде и довольствуются сыростью, которая остается на траве после обильной росы. Не подлежит сомнению, что этот зверек подвержен зимней спячке, так как трава вокруг их нор совершенно высыхает к осени, а мороз до такой степени сковывает почву, что им не было бы никакой возможности доставать себе пищу. Чувствуя приближение спячки, которая наступает обыкновенно в последних числах октября, луговая собачка закрывает все выходы своего жилища, чтобы защитить себя от зимнего холода. В спячке она находится до тех пор, пока теплые весенние дни не пробудят ее к новой жизненной деятельности. По словам индейцев, она открывает иногда еще в холодное время двери своего жилища, и это служит верным предвестником наступающих теплых дней».

Замечателен подтверждаемый несколькими наблюдателями факт, что луговая собачка разделяет свое жилище с двумя враждебными этому маленькому грызуну животными.

Нередко можно видеть, как эти грызуны, земляные совы и гремучие змеи направляются к одной и той же норе. Гейер предполагает, однако, что тут не может быть и речи о дружеском сожитии этих столь различных между собой животных, и что с течением времени гремучая змея совершенно истребляет такое поселение луговых собачек, пожирая их одну за одной. Впрочем, такое мнение Гейра надо считать ошибочным.

«Когда в 1872 году, — пишет Финш, — мне пришлось проезжать по железной дороге через Канзас, то я имел случай впервые познакомиться там с поселениями луговых собачек. Жизнь этих животных так же, как жизнь бизонов и вилорогих антилоп, связана с плоскими возвышенностями, где вовсе нет деревьев и кус-

Чернохвостая
луговая собачка
(*Cynomys ludovicianus*)

Семейство беличы

* Взрослые луговые собачки — слишком крупная дичь и для гремучих змей и для кроличьей совы (*Athene cunicularia*). В «города» луговых собачек их привлекают убежища, причем они поселяются не только в заброшенных норах, но и в отнорках жилых нор. Случается, что сова поймает молодого зверька, но чаще собачки находят и разоряют гнездо совы в одном из отнорков. Для отпугивания собачек насиживающая птица может издавать звук, поразительно напоминающий треск погребушки рассерженной гремучей змеи. Нападения гремучников на луговых собачек, бывает, оканчиваются гибелью змеи.

** У луговых собачек прекрасно развито зрение, глаза расположены очень высоко на голове, что позволяет обозревать окрестности, едва высунув кончик мордочки из норы. Попеременно зверьки

тов, но которые сплошь усеяны так называемой бизоновой травой и потому называются бизоновыми лугами. Такие луга и тянутся по линиям Канзасской и Денверской железных дорог. Подобно бизону и антилопе, луговые собачки совершенно свыклись с шумом железнодорожного поезда, и потому их часто можно видеть беспечно сидящими на краю своих нор и рассматривающими идущий поезд с тем самым любопытством, с каким наблюдатели рассматривают их самих. Вид таких колоний животных вносит приятное разнообразие в утомительной дороге, и путешественники часто прямо с площадки вагона стреляют по невинным зверькам, хотя почти всегда неудачно, к моему великому удовольствию. Большей частью поселения луговых собачек тянутся по самой линии железной дороги, отделяясь от полотна только насыпью. Затем на значительном расстоянии не встречается ни одной норы этих животных. Когда в первой половине ноября мы возвращались из Калифорнии по той же самой дороге, то нашли луговых собачек в таком же изобилии, как и прежде: большие пожары, свирепствовавшие в то время, нимало не повлияли на них. Они по-прежнему сидели у главных входов своих нор на холмиках, на совершенно выгоревших местах, их негодующее тьяканье звучно разносилось по воздуху. Само собой разумеется, наблюдателю следовало соблюдать осторожность, так как достаточно было взяться за ружье, чтобы зверьки моментально исчезли. Сообщение Гейера об истреблении луговых собачек гремучими змеями стоит в прямом противоречии с тем, что я узнал об этом на Западе. Всякий, кто знаком с жизнью в прериях, — а я справлялся об этом у наиболее сведущих людей, — знает, что луговые собачки, земляные и полевые совы, гремучие змеи мирно уживаются друг с другом в одной норе*. Изготовители чучел на далеком Западе очень любят составлять группы этих животных и выставляют их в народных музеях под названием «счастливое семейство». Такие экспозиции всегда возбуждают большое любопытство у иностранцев. Так как я не вижу повода сомневаться в показаниях достоверных людей, то без всяких колебаний готов принять их сообщение за правду».

«Храбро прокладывает себе луговая собачка дорогу между толпой бродящих бизонов, — говорит Мольгаузен, — но стоит только охотнику, сидящему в засаде, сделать неосторожное движение, как все общество моментально скрывается в свои темные ходы**». Только тихий лай, глухо раздающийся из глубины земли, да множество холмиков на ее поверхности свидетельствуют о густой населенности этого государства. Мясо этих животных довольно вкусно, но охота на них столь затруднительна и так редко венчается успехом, что если делают попытки убить зверька-другого, то единственно ради любознательности. Так как луговая собачка величиной не более большой белки, то на обед даже небольшому обществу пришлось бы убить по крайней мере несколько штук.

Многие из подстреленных часто скатываются в свою отвесную нору прежде, чем охотник успеет схватить их, или же, если верить нижеприведенному рассказу, их своевременно спасают товарищи». «Один траппер, охотившийся за луговыми собаками, — рассказывает Вуд, — удачно прицелившись, убил выстрелом одного из сторожей, стоявших на холмике перед своим жилищем. В ту же минуту появился товарищ убитого, который до тех пор трусливо прятался от пули охотника, и, схватив тело друга, потащил его во внутренность норы». Смертельно раненная луговая собачка и та не попадает в руки охотника, потому что она умудряется доползти до своей норы, где и умирает. «Даже те из них, — утверждает Финш, — которых, как нам казалось, застреливали насмерть, имели еще силы, чтобы проскользнуть в свою нору. По словам охотников, чаще удается схватить их тогда, когда они несколько удаляются от своих ходов. Во время постройки выше-названной железной дороги луговые собачки служили рабочим обыкновенной и излюбленной пищей».

О пленных луговых собачках Гааке пишет следующее: «Редко можно встретить других животных, у которых бы неволя так мало изменяла обычаи их свободной жизни; в плену они дают вполне верную картину своего образа жизни на свободе, и их колония во Франкфуртском зоологическом саду привлекает своей кипучей деятельностью массу зрителей*. Здесь луговым собачкам предоставлена возможность устраивать норы, и с жизнью в них и вокруг этих нор настолько связан быт луговых собачек, что в тесной клетке животное почти неузнаваемо. Едва мы в последнее лето снова устроили садок для луговых собачек, в котором были введены некоторые усовершенствования, как тотчас же в нем началась самая энергичная работа зверьков по рытью нор. Водворение туда жителей состоялось в послеобеденное время, а к ночи они уже заготовили себе норы, в которых и могли спать.

С наступлением холодной погоды, в октябре и ноябре наши луговые собачки погружаются в зимнюю спячку**. Зиму они оставались в своем помещении, весной все снова предстали своим полным составом. Если зимой выпадают теплые дни, то сон их ненадолго прерывается».

Подобно тому, как луговая собачка населяет плоские возвышенности Нового Света, так байбак (*Marmota bobak*) принадлежит к жителям равнин Старого Света. Длина туловища байбака, который только недавно был выделен в особый вид, достигает 37 см, хвост 9 см. мех байбака довольно густой, чалого ржаво-желтого цвета, подшерсток сверху темный серо-бурый, снизу более светло-бурый, на передней части шеи и на горле — серо-беловатый***. Детеныши окрашены тусклее взрослых, но также и между ними, по исследованиям Радде, попадаются различные изменения в окраске.

выполняют роль «часовых», представляя остальным спокойно пастись. Основными врагами вне норы являются койоты, лисы, хищные птицы, норы разрушают дикие копытные.

** В неволе собачки доживали до 8,5 лет.*

*** Впадают в спячку с конца июля — августа, пробуждаются — в феврале — марте. Это не настоящая глубокая спячка, как у сусликов. Животные могут временами просыпаться, выходить на поверхность.*

**** Байбак, или степной сурок (*M. bobak*), — крупный вид, с длиной тела 49—58 см, хвоста — 12—18 см. Окрашен более однотонно, чем другие сурки, верх головы чуть темнее. В отличие от альпийского сурка эмаль резцов белая, а не оранжевая.*

Семейство беличьи

* Брем смешивает ареалы нескольких видов сурков, в том числе гималайского, серого, монгольского, черношапочного. Собственно байбак распространен в степях от востока Украины до Прииртышья. Ареал этого сурка сильно фрагментирован, поскольку байбак предпочитает целинные, нераспаханные степи. Вид внесен в Красную книгу России, охраняется в заповедниках.

** Главным естественным врагом байбака является степной орел (*Aquila nipalensis*), обычно подстерегающий молодняк.

Область распространения байбака, начиная от южной Польши и Галиции, доходит на востоке до Амура и даже до Камчатки, а через Гималайские горы до Сиккима, но байбак многочисленнее на Тибетской стороне этих гор. Хотя Жердон определяет границу его распространения здесь в 4000 метров, но достоверно известно, что он попадается и выше 5000 метров. Если тот вид сурков, о котором упоминает Пржевальский, есть обыкновенный байбак, то надо признать, что это животное распространено также и севернее Тибета. Оно живет на равнинах и в каменистых, холмистых странах, избегает лесов и песчаных местностей, которые неудобны для устройства глубоких нор. Радде повсюду часто встречал байбака в благоприятных для него местностях Сибири, а Адамс нашел его даже в пространных долинах Кашмира на высоте 2000—3000 метров над уровнем моря*. Здесь он живет в плодородных долинах, где летом произрастает пышная, хотя и низкорослая растительность, выискивая между ней голые равнины и скаты. Всегда и всюду живет многочисленными семьями, образующими колонии, и оставляет на обитаемой местности особенный отпечаток. Бесчисленные холмы, встречающиеся в зеленых степях внутренней Азии, обязаны своим происхождением этим суркам, которые своей оживленной деятельностью привлекают внимание путешественников, а мясом своим оказывают важную услугу как степным жителям, так и различным животным.

Во всех поселениях байбаков в продолжение всего лета царствует самая кипучая деятельность. Родившиеся в апреле или в мае детеныши к этому времени уже настолько подрастают, что могут заниматься делом наравне со взрослыми, хотя еще и не успевают приобрести их опыта. С восходом солнца они вместе со старшими выходят из нор, жадно слизывают с листьев росу — в большинстве случаев их единственное питье в безводных степях, — кормятся и весело играют до полудня на вскопанных перед норами холмиках. Жаркие часы дня проводят в сладкой дреме на мягкой подстилке внутри нор, к вечеру снова появляются на поверхности земли, чтобы запастись закуской на ночь. Они весьма неохотно едят траву, растущую около входов в норы, и прокладывают тропинки, которые ведут к выгонам, удаленным от нор часто на 40—50 метров; точно так же неохотно отправляются они в места, откуда бы не могли добраться в ту же минуту, по крайней мере, до временной норы. Пока не угрожает никакая опасность, в поселениях байбаков жизнь идет таким же чередом, как и в деревнях луговых собачек. Точно так же они моментально кубарем бросаются в свои норы, как только узнают о приближении опасности в виде волка, собаки, орла, бородатого ягнятника или человека**, о чем им дает знать стоящий на страже караульный, который издает лающие крики предостережения. В июне байбаки начинают собирать зимние запасы, но работают над этим еще вяло, полное усердие и рвение проявляются позже. Насту-

пившие холода действуют на них угнетающим образом: по утрам после холодной ночи можно видеть, как они медленно, шатающейся походкой, словно спросонья, тащатся со своих холмов, и прежней бодрости в них и следа уже нет. В степях юго-восточной Сибири они забираются в зимние квартиры почти всегда в первой половине сентября, причем заваливают отверстия главного хода почти на метр в глубину камнями, песком, травой, собственным пометом и там, в глубине нор, до наступления зимы продолжают еще пока полусонную жизнь*.

Внешняя форма нор бывает почти всегда одинакова, внутренние же размеры ее различны, согласуясь в общем с качеством почвы: там, где она тверже, норы делают обширнее**. В начале своего водворения в зимние убежища байбаки, по-видимому, еще довольно бодры и, очевидно, занимаются поеданием собранных запасов, о чем свидетельствуют большие кучи кала, оставляемые ими там. Бодрствование продолжается, по всей вероятности, еще довольно долго, так как ни хорькам, ни тунгусам, занимающимся выкапыванием сурковых нор, в начале зимы не удается овладеть зверьком. Наконец зима вступает в свои права, и с декабря до конца февраля байбак впадает в мертвый сон, от которого впервые пробуждается для новой жизни лишь в марте. Байбаки принадлежат к числу животных, первыми просыпающимися от зимней спячки. Как только они почувствуют приближение весны, тотчас же принимаются откапывать заваленные с осени входы своих подземных жилищ и выходят на свет Божий.

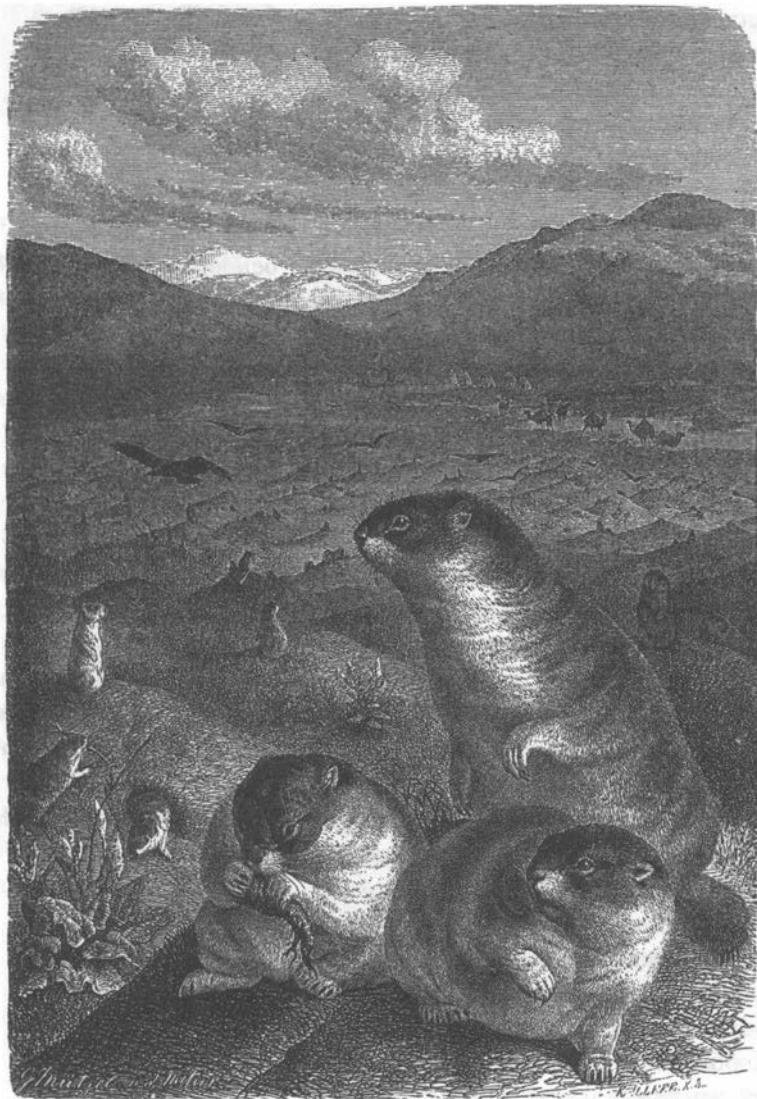
Вначале им приходится плохо. Старая трава, оставшаяся на холмах и около них, уже вся съедена коровами, и байбаки находят одну голую, наполовину оттаявшую землю. Единственной пищей служат им торчащие близ входов в норы высокие, высохшие стебли крапивы, с которой ветер давно уже сорвал сухие листья, да уцелевшие кое-где стебли ревеня. Не легче им бывает и тогда, когда на лугах появится первая молоденькая травка, так как эта пища вызывает у них сильный понос. Поэтому неудивительно, что несчастные зверьки быстро худеют, от слабости едва могут держаться на ногах и очень легко становятся добычей многочисленных врагов. Такое тяжелое время продолжается для них до тех пор, пока благодатный май обилием пищи достаточно не укрепит их силы и не восстановит жизнерадостное настроение. Во время своей голодовки они становятся жертвами не только орла, который таскает байбаков одного за другим, но даже и волка, который предпочитает оставлять на это время преследование домашнего скота и гоняется за сурками, как за добычей менее рискованной. Волк по целым часам сидит, притаившись за холмами, и подстерегает выход байбаков, которых голод делает неосторожными, заставляя их удаляться на несколько шагов от своих надежных жилищ.

Семейство беличьи

* В зависимости от климатических условий спячка байбака может продолжаться от 5,5 до 8 месяцев. В одной норе зимуют до 12—15 зверьков.

** В норе байбака основной ход нередко достигает 15—20 м и может идти на глубину 3 м. Есть гнездовая камера и несколько выходов. Выбросы земли образуют сурчину — холмик в диаметре до 20—25 м и высотой более полуметра (до 1,5 м).

Байбак
(*Marmota bobak*)

К этим естественным врагам, которые здесь еще далеко не все перечислены, присоединяется и человек. Около того времени, когда байбак пробуждается и готов выйти на поверхность земли, тунгус или бурят, живущие охотой, седлают лошадь, заряжают винтовку и отправляются на охоту за сурками. «После продолжительной зимы, — рассказывает Радде, — во время которой тунгус редко имел возможность

есть мясо и кое-как существовал в холодной юрте, он с рвением набрасывается на сурков, мясо которых вдобавок хорошо только вначале, а потом с каждым днем будет утрачивать свою доброкачественность. Опыт многих лет показал ему, что байбаки ничуть не теряют за зиму своего жира и из нор выходят такими же упитанными, какими осенью входили туда; известно ему также, что по прошествии нескольких дней жизни на свободе они значительно худеют и до мая так изнуряются, что их не стоит труда и убивать. Вооружившись винтовкой, охотник ложится позади холма, возвышающегося над жилищем сурка и, не шевелясь, терпеливо ожидает его появления. Старый байбак, уже наученный опытами предыдущих лет, осторожно высовывается из норы, но тотчас же опять быстро прячет голову назад. До тунгуса доносится лишь короткий, подобный лаю собак, крик животного, и он выжидает, держа винтовку наготове. Но это продолжается недолго: скоро желто-бурый, короткохвостый

подземный житель вылезает из норы, подымается на задние ноги, озирается вокруг, потом снова садится, помахивает хвостиком и с лаем отбегает на три-четыре шага от входа, чтобы хорошенько обозреть местность. Еще один момент, раздается выстрел, и байбак падает замертво. Стрелок подбирает зверька и вынимает из него внутренности, так как они вредят вкусу. В случае, если тунгус находится слишком далеко от своей юрты, он немедленно

принимается за приготовление жаркого; с этой целью собирает сухой навоз, зажигает его, бросает в огонь подобранные камни и, когда те раскалятся докрасна, сует их в брюхо сурка, затем кладет сурка на чепрак за седло и часа через два съедает с большим аппетитом, без всяких приправ. Но этот способ приготовления сурков практикуется только в крайнем случае, у себя дома, в юрте, тунгусы готовят это жаркое лучше»*.

На вершинах каменистых склонов Альп, где не растут деревья и кустарники, куда не заходит рогатый скот, кроме коз и овец, среди больших глетчеров, где в году не более чем на шесть недель сходит снег под теплыми солнечными лучами, находится родина известного уже с древних времен другого вида сурков. Хотя во всем существенном он вполне сходен с только что описанным родичем, но вследствие разных условий, представляемых самим местом обитания, по образу жизни он во многом отличается от байбака. Римляне называли это животное альпийской мышью, савояры называют его мармота.

Альпийский сурок (*Marmota marmota*) достигает почти 62 см общей длины, из них 51 см приходится на туловище, а 11 см на хвост, при 15 см высоты в плечах. По виду и строению он очень схож со своими родичами. Шерсть, состоящая из более короткого подшерстка и длинной ости, густа и довольно длинна, окраска ее на спине буро-черная. На затылке, у корня хвоста и на всем животе шерсть темного красновато-бурого цвета, на ногах, по бокам туловища и на задней части тела еще светлее, а на морде и на ногах ржаво-желтая. Глаза и когти черные, передние зубы буро-желтые. Впрочем, встречаются экземпляры совершенно черные или белые, или с белыми жемчужными пятнами.

Новейшие исследования доказывают, что альпийский сурок живет исключительно в Европе. Высокие Альпы, Пиренеи и Карпаты служат ему пристанищем. Здесь он обитает на высочайших вершинах, располагаясь между вечными льдами и снегами, и редко спускается до границы произрастания лесов**. Для своего местожительства он выбирает открытые места, окруженные крутыми отвесными скалами, или небольшие узкие горные ущелья, лежащие между отдельно возвышающимися вершинами, притом больше всего любит те места, которые как можно дальше удалены от человека. Чем уединеннее горы, тем чаще его можно встретить; там, где водворился человек, сурок уже вывелся. Одним из главных условий при выборе местности является ее расположение: сурок селится только на тех плоских возвышенностях и склонах, которые обращены на юг, восток или запад, потому что он, как и большинство дневных животных, любит солнечные лучи. Здесь он выкапывает себе несколько маленьких простых, но глубоких нор, из которых одни предназначаются для лета, другие для зимы. Первые служат для защиты против случайных опасностей или непогоды, а вторые против грозной, суровой зимы,

* Мясо сурка очень вкусно, а жир считается целебным у всех степных народов. Поголовье некоторых видов сурков, подорванное в результате противочумных мероприятий 60—80-х годов XX века никак не может восстановиться из-за браконьерства местных жителей.

** Альпийский сурок встречается в поясе альпийских лугов, обычно на высотах 1200—2700 м. Помимо Альп, населяет Татры (Западные Карпаты), интродуцирован в Пиренеях.

Семейство беличьи

** По последним данным, спячка альпийского сурка не продолжается дольше полугода.*

*** Семейная жизнь альпийских сурков очень разнообразна, встречаются крепкие семейные пары, неразлучные несколько сезонов, «гаремы» и наоборот семьи из одной самки и нескольких самцов. Как правило, самец-семьянин периодически вступает в стычки с претендентами на обладание его семьей. В случае победы пришельца он нередко уничтожает потомство своего предшественника (такая же стратегия наблюдается у некоторых хищников, обезьян), обеспечивая тем самым быстрое производство собственного потомства. Постоянный участок семьи достигает от 2000 до 20 000 кв. м, что зависит от его экспозиции и обилия корма. В году — один выводок, от 1*

которая продолжается там шесть, восемь или даже десять месяцев. Этот замечательный зверек спит добрых две трети года, а иногда даже и больше, потому что в тех высотах, где он поселился, его бодрствование и деятельная жизнь продолжаются иногда всего два месяца*.

Летняя жизнь сурка, по Чуди, чрезвычайно забавна. С рассветом прежде всех выходят из своих нор старые сурки; они осторожно высовывают из входных отверстий головы, осматриваются кругом, прислушиваются и, только убедившись, что все обстоит благополучно, решаются вылезти окончательно. После этого проворными шажками взбираются вверх на гору, садятся на задние ноги и стремительно принимаются щипать короткую траву. Вслед за ними высовывают свои головки и молодые сурки; вышмыгнув из норы, они пощипывают травку, по целым часам греются на солнышке, садятся на задние лапы и мило играют между собой. Среди всего этого они не перестают поминутно озираться и внимательно исследовать местность. Первый, кто заметит что-нибудь подозрительное, вроде хищной птицы, лисицы или человека, издает низкий и громкий носовой свист, остальные повторяют его, и все в одно мгновение исчезают. Вместо свиста многие сурки издают громкое тьяканье, откуда, вероятно, и происходит их валлийское название «мистбеллери» (навозный крикун). Но выставляют ли они вообще особую стражу, это еще не установлено. Лучшие их защитники против опасности — незначительная величина и зоркие глаза, а особенно прекрасно развитые органы слуха и обоняния. Летом сурки живут поодиночке или парами в собственных летних помещениях, к которым ведут ходы, длиной 1—4 метра, имеющие побочные боковые проходы на случай бегства. Эти последние бывают так узки, что туда едва можно просунуть кулак. Только часть вскопанной земли они выбрасывают наружу, остальная идет на утрамбовку проходов, которые вследствие этого становятся твердыми и гладкими. Выход норы в большинстве случаев устраивают между камнями. Поблизости его часто находят множество неглубоких, предназначенных только для временного убежища, нор и ходов. Самое логовище довольно тесное. Здесь животные спариваются, по всей вероятности в апреле, здесь же после шестинедельной беременности самка рождает двух-четырёх детенышей, которые, пока не подрастут, редко выходят из норы и живут в ней все время вместе с родителями**.

С наступлением осени сурки выкапывают под горой особые глубокие норы для зимних жилищ, которые, впрочем, редко превышают глубину 1,5 метра. Эти жилища располагаются на более низких высотах, чем летние, которые зачастую достигают высоты 2600 метров над уровнем моря, тогда как зимние находятся обыкновенно в полосе высочайших альпийских пастбищ, а иногда даже ниже границы произрастания

лесов*. Помещение зимней норы рассчитано обыкновенно на целую семью, состоящую из 5—15 членов, и потому делается обширным. Охотник узнает обитаемые зимние норы частью по разбросанному около них селу или по тому, что вход в нору, хотя и не превышающий размеры кулака, бывает тщательно законопачен сеном, землей и камнями, тогда как вход летней норы всегда открыт. Если снять с отверстия входа эту покрывку, то прежде всего глазам представится длинный проход в несколько футов протяжения, старательно выложенный землей, песком и камнями. Следуя дальше по этому проходу, на несколько метров расстояния от поверхности, наталкиваешься на перекресток, откуда расходятся два прохода. Один из них, в котором обыкновенно складывают помет и шерсть, простирается недалеко и, по всей вероятности, служит лишь строительным материалом для выстилки стенок главного хода. Этот последний после перекрестка начинает постепенно идти в гору и приводит охотника к широкому логовищу, находящемуся иногда на высоте 8—10 метров от входного отверстия и представляющему отличное гнездо для зимней спячки. Оно в большинстве случаев имеет форму яйца или хлебной печки и набито мягким, сухим красновато-бурым сеном, которое каждый год частично подновляется. Уже с августа умные зверьки начинают запасать траву и сушить ее, а потом во рту перетаскивают в нору, иногда ее скопится так много, что человеку не под силу ее унести. В старину об этом сенокосе рассказывали всякие небылицы: будто бы сурок ложился на спину, другие сурки нагружали его сеном, и воз таким образом, как на санях, довозился до норы. Поводом к этой басне послужило то обстоятельство, что нередко попадаются сурки со стертymi спинами, но дознались, что это происходит только от шмыганья по узким проходам. Кроме этих двух жилищ сурок имеет еще особые норы, в которых он прячется во время опасности, а если не успеет добежать до норы, то скрывается под камнями и в расщелинах скал.

Пища сурков состоит из свежей и сочной альпийской растительности, трав и корней. К излюбленной пище принадлежат: тысячелистник, акант, конский щавель, клевер, астры, альпийский подорожник и водяной лютик, но сурок может довольствоваться и простой травой, не только свежей, но даже сухой, какая попадается вблизи норы. На водопой он ходит редко, но зато сразу выпивает много и притом чмокает и после каждого глотка поднимает голову вверх, как это делают куры или гуси. Привычка быть постоянно настроже, не оставляющая его даже во время еды, не дает ему спокойно съесть ни одного куса; он беспрестанно приподнимается, оглядывается и вечно тревожится, пока самым достоверным образом не убедится, что ему не угрожает ни малейшей опасности. Все наблюдения подтверждают, что альпийский сурок обладает способностью верно предугадывать всякую пере-

Семейство беличьи

до 7 детенышей, весящих до 30 г каждый. Беременность длится 32—34 дня, выкармливание молоком — 6—8 недель. Половозрелость наступает в 3 года, живут же сурки 13—15 лет, в неволе доживали до 20 лет.

** Обычно зимняя нора располагается в закрытой от ветра местности — в ущелье или под защитой леса. Для выстилки общего гнезда сурки заготавливают до 12 кг травы.*

Семейство беличьи

* Масса взрослого альпийского сурка варьирует, в зависимости от сезона, от 3 кг при пробуждении до 7 кг перед залеганием в спячку.

Альпийский сурок
(*Marmota marmota*)

мену погоды. Горцы твердо верят, что своим свистом он возвещает о перемене погоды, и убеждены, что если несмотря на солнечный день сурки не играют на горе, то в самое ближайшее время будет дождь.

Как большая часть животных, подверженных зимней спячке, альпийские сурки в конце лета и осени бывают необыкновенно жирными*. Как только наступят первые морозы, они перестают есть, но продолжают много пить, затем хорошенько испражняются удаляются в зимние жилища семьями. Перед началом спячки узкий вход, ведущий в просторное логовище, на протяжении 1—2 метра набивают землей и камнями, куда, кроме того,

подмешивают глину, траву и сено, и этим крепко законопачивают, так что все делается похожим на каменную стену, в которой трава служит цементом. Благодаря такому плотному законопачиванию доступ в нору внешнего воздуха совершенно прегражден, и теплота, исходящая от сурков, поддерживает в логовище довольно высокую температуру, достигающую иногда до 10—11 градусов по Цельсию. Набитое и выстланное кругом сухим сеном логовище служит общим гнез-

дом целому обществу. Тут все семейство лежит, тесно прижавшись друг к другу. Всякая жизненная деятельность понижается до последних пределов, каждое животное лежит неподвижное и похолодевшее в оцепенении, подобном смерти, в раз принятом положении, и не проявляет ни малейшего признака жизни. Теплота крови понижается до температуры воздуха в норе; дыхание замедляется до пятнадцати раз в час. Если во время спячки сурка вынуть из норы и внести в теплое помещение, то при температуре 21 градус его дыхание становится внятным, при 25 градусах зверек начинает храпеть, при 27,5 градуса вытягивает члены, а при 31 градусе окончательно пробуждается, начинает, пошатыва-

ясь, двигаться взад и вперед, становится постепенно бодрее, и наконец, принимается есть*. Весной сурки в очень исхудалом виде появляются перед отверстием своих зимних жилищ, жадно выматривают чего-нибудь съедобное и зачастую бывают вынуждены совершать далекие странствования по выступам и карнизам гор, отыскивая места, где ветер сдул снег и обнажил засохшую траву. Эта сохранившаяся за зиму трава вначале составляет их исключительную пищу, но скоро показывается молодая, свежая, сочная альпийская растительность, и утраченные за зиму силы и полнота зверька быстро восстанавливаются.

Охота на сурков и ловля их представляют различные затруднения. Приближающийся охотник почти всегда бывает замечен кем-нибудь из членов общества, который предостерегает остальных пронзительным свистом. Тогда все в одну минуту скрываются по норам и уже нескоро появляются. Впрочем, огнестрельным оружием добывают только небольшое количество сурков. Обыкновенно их ловят посредством всевозможных ловушек или выкапывают из нор в начале зимы. Уже в прежние времена их усердно преследовали, да и теперь положение несколько не улучшилось. Как бы просты ни были ловушки, но они доставляют большой улов и значительно уменьшают число сурков; раскапывание нор зимой истребляет их целыми семьями. Поэтому в некоторых кантонах Швейцарии запрещено выкапывание сурков, так как это может привести к совершенному истреблению этих животных, тогда как простая охота особенно не вредит им. Раскапывание нор летом бесполезно, потому что находящийся в это время в бодрствующем состоянии зверек вкапывается в гору гораздо скорее, чем человек может за ним поспеть.

Это маленькое животное важно для горного жителя не только как пищевой продукт, но и как целебное средство от всевозможных болезней. Жирное, очень вкусное мясо считается особенным укрепляющим средством для родильниц; жир будто бы тоже помогает в родах, уничтожает резь в животе, останавливает кашель, разбивает затверделость в грудях; только что снятая шкура употребляется при ревматических и тому подобных болях. Свежее мясо имеет такой сильный землистый вкус дичи, что в человеке, непривычном к нему, возбуждает тошноту. Только что убитого сурка ошпаривают кипятком, как это делают со свиньей, ошпаривают и несколько дней коптят в дыму, и только после этого мясо годно к варке и жаренью**. Приготовленное таким образом жаркое из сурка считается очень вкусным. Монахи Сен-Галльского монастыря еще в 1000 году составили для этого блюда особенную благословляющую молитву: «Да сделает его благословение Божие жирным»! В те времена этого зверька в монастырях называли *Cassus alpinus*, а сведущие люди даже составили его описание. Иезуит Кирхер, по словам Чуди, считал его помесью барсука и белки; но Альтман воздерживается от такого предпо-

* Сурки — самые крупные животные, впадающие в крепкую спячку, с понижением температуры тела и замедлением всех жизненных процессов. Однако выражение «спит как сурок» скорее надо отнести к сусликам и бурундукам, сурки же периодически пробуждаются раз в 2—3 недели.

** Перед готовкой мяса необходимо вырезать плечевые пахучие железы, секретом которых сурки метят территорию. Если этого не сделать, мясо приобретает неприятный вкус и запах.

Семейство гоферовые

* Семейство грызунов, родственных белчицам, но специализированных к роющему, подземному образу жизни. Раньше гоферов называли мешотчатыми крысами, из-за сильно развитых щечных мешков.

** Семейство эндемично для североамериканского континента.

*** Гоферы не впадают в зимнюю спячку, хотя их активность в сильные морозы заметно падает. Иногда они передвигаются и под снегом, устраивая туннели.

**** В сложной норе гофера различают центральную галерею длиной до 140 м с боковыми ответвлениями, некоторые из которых оканчиваются выходами на поверхность и гнездовую камеру, на глубине примерно 60—90 см.

ложения, принимает сурка за маленького барсука и обоих причисляет к свиным; он рассказывает также, что зверек уже за 14 дней перед спячкой не принимает пищи, но охотно и много пьет воду, чтобы прополоскать себе внутренности и этим предохранить их на зиму от гниения.

СЕМЕЙСТВО ГОФЕРОВЫЕ (Geomysidae)*

Гофер (*Geomys bursarius*) ростом несколько меньше нашего хомяка, длина его (вместе с хвостом в 6,5 см) равняется 35 см; по внешнему виду он занимает среднее место между хомяком и кротом. Шерсть его необыкновенно густая, мягкая и тонкая. Волосы у корня серо-голубого цвета, а на концах — красного на верхней половине и желто-серого цвета на нижней половине тела; хвост и покрытые редкими волосами лапы имеют белую окраску.

Гофер распространен в Северной Америке повсеместно к востоку от Скалистых гор, к западу от Миссисипи и между 34 и 52 градусами северной широты**. Он ведет, как крот, подземную жизнь, роет многочисленные и далеко разветвленные ходы в различных направлениях и выбрасывает такие же кучи земли. Иногда его подземная работа придает поверхности вид вспаханного поля, в другое время, например зимой, деятельность его едва заметна. Гофер выходит на поверхность земли только в теплое время года, в холодное же он, по-видимому, засыпает***. Несмотря на то, что гофер известен с конца прошлого столетия, более точные наблюдения над его образом жизни и подробные описания его подземной жизни были сделаны натуралистами Одюбоном, Бахманом и Геснером только в недавнее время: «В саду, в котором мы заметили несколько свежих холмиков, — рассказывают первые из этих наблюдателей, — мы стали копать по следам гофера и таким образом обнажили много подземных ходов в самых разнообразных направлениях. Один из главных ходов шел приблизительно в 30 см под землей, а в тех местах, где перекрещивался с садовыми дорожками, еще глубже. Мы проследили весь ход, который направлялся через широкую грядку и две дорожки к другой грядке, и обнаружили, что многие из лучших растений были уничтожены этими животными, так как они ели корни, отгрызая их у самой поверхности земли. Нора оканчивалась вблизи растений под розовым кустом. Затем мы проследили другой главный ход, который тянулся до корня большого букового дерева: здесь животное обглодало всю кору. Продолжая исследовать далее, мы нашли этих нор очень много, и некоторые из них оказывались вне сада, в поле и в ближайшем лесу, где мы уже не могли продолжать наших розысков****. Кучи земли, выбрасываемой гоферами, достигают высоты почти 30—40 см и расположены совершенно хаотично то на близком,

то на далеком друг от друга расстоянии. Обычно норы имеют недалеко от поверхности отверстие, хорошо прикрытое травой или другими растениями».

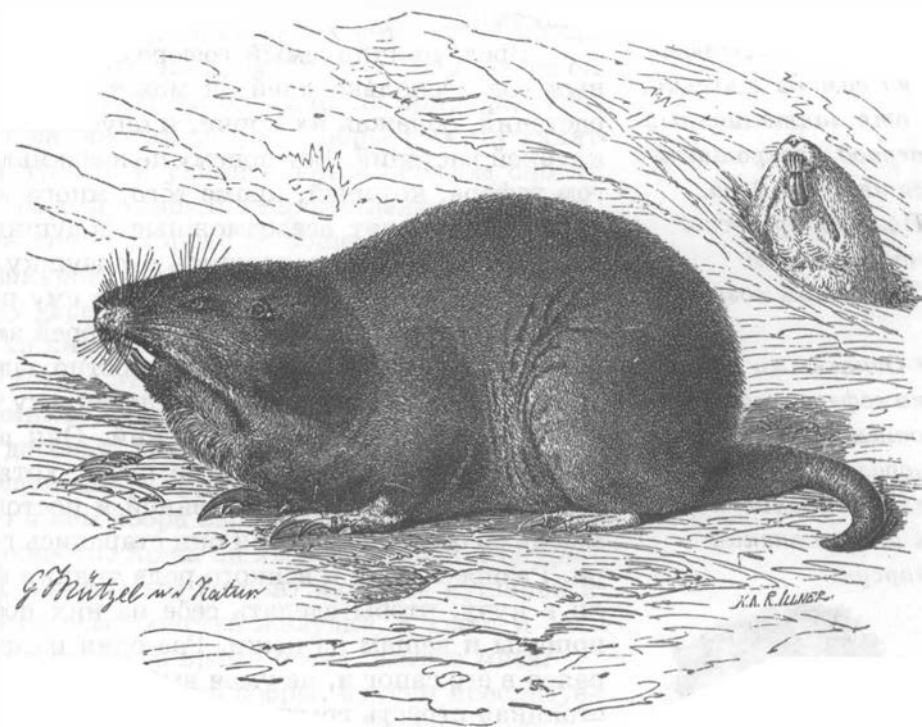
В разных местах от главных ходов идут боковые. Гнездо, в котором живет животное, устраивается под древесными корнями на глубине около 1,5 метра, ход в него спускается винтообразно, оно просторно, выстлано мягкой травой, напоминает несколько гнездо белки и служит животному для отдыха и сна. Гнездо, в котором самка в конце марта или в начале апреля мечет 5—7 детенышей, похоже на обыкновенное логовище с той лишь разницей, что кроме травы выстлано еще волосами матери*.

Подобно гнезду крота, оно окружено ветвистыми ходами. Геснер нашел, что из гнезда ход ведет в большую нору, служащую кладовой. Она наполнена корнями, земляными плодами (картофелем), орехами и различными семенами. В утренние часы, от 4 до 10, гофер усерднее всего работает над расширением и устройством своего жилища, без сомнения, с целью добыть пищу. Если место богато пищей, то в означенный промежуток времени гофер вырывает 3—5 ходов и 2—5 куч, в противном же случае он разрывает большие пространства и работает дальше. Временами он прерывает работу на недели и, по-видимому, поедает в это время собранный запас.

По земле гофер бежит с трудом, переваливаясь, никогда не прыгает и ходит часто с подвернутыми когтями передних лап, волоча хвост по земле. Он может одинаково бегать задом и передом, но подвигается не быстрее обыкновенной походки человека. В своей норе он движется с такой же скоростью, как и крот. Он кажется совершенно беспомощным, если положить его на спину; нужна, по крайней мере, минута, чтобы ему удалось, работая ногами, с трудом стать в надлежащее положение. Во время еды он часто садится на задние лапы, а передними держит пищу, как

Семейство гоферовые

* В течение года гоферы живут поодиночке, случайные встречи кончаются драками, за исключением кратковременного образования пар в брачный

Восточный
равнинный гофер
(*Geomys bursarius*)

сезон, когда самцы покидают норы в поисках самок. В году обычно бывает 1—2 выводка с пиком поздней зимой — ранним летом, в южных

Семейство бобровые

краях они размножаются круглый год. В выводке от 2 до 6 детенышей, весящих 2—3 г, хотя число эмбрионов может достигать 13, часть из них рассасываются. Детеныши остаются с самкой 2 месяца, хотя лактационный период прекращается через 10 дней. Половая зрелость наступает в 3-месячном возрасте.

* Основными врагами гоферов, настигающими зверьков в норах, являются американский хорь и американский барсук.

** Семейство бобровых относится к стволу белкообразных грызунов. Бобры современного рода *Castor* появились в Евразии 3—7 млн лет назад, позже проникли в Северную Америку. Сохранилось лишь два вида.

белки. Спит он свернувшись клубком, спрятав голову на груди между передними лапами. Во время странствований за пищей он наполняет свои огромные защечные мешки при помощи языка и опорожняет их передними лапами. Эти защечные мешки, как и у других грызунов, по мере их наполнения, выдаются все более и более в виде овальных шишек, но никогда не висят по обеим сторонам морды и потому нисколько не затрудняют движений животного. Собранный запас пищи гофер относит в свою кладовую через отвесный ход, отверстие которого потом заделывается. Совершенно неверным оказался рассказ, будто гофер выносит из своего жилища выкопанную землю в своих защечных мешках. Поводом к подобной выдумке послужила шутка индейца, который в первый раз принес натуралисту гофера с набитыми землей мешками.

Вред, причиняемый гофером, может быть очень значительным. За несколько дней он может уничтожить сотни полезных растений, обнажая их корни, и опустошает поля в своих поисках клубней растений. Вот почему человек является опаснейшим врагом гофера, который, кроме того, много терпит от наводнений и змей. Ему ставят всевозможные ловушки, особенно маленькие капканы. Обычно, попавшись в ловушку или капкан, он всеми силами старается освободиться, что ему нередко удается к великой досаде охотника и иногда с потерей защемленной ноги. Против нападающего врага гофер яростно защищается зубами*.

Одюбон держал у себя по несколько недель многих гоферов и кормил их клубнями растений. Они оказались удивительно прожорливыми, но ничего не пили, хотя им давали не только воду, но и молоко. Единственной и постоянной заботой их была мысль об освобождении, и они старались прогрызть ящики и двери. Разное платье и всякого рода тряпки они изгрызали и сносили в кучу, чтобы сделать себе из них постель. Не было от них пощады и вещам из кожи. Раз один из пленников Одюбона забрался в его сапог и, не умея выбраться назад, прогрыз носок. Постоянная страсть грызть и производимый при этом шум сделали наконец гоферов невыносимыми даже и для этого самоотверженного исследователя.

СЕМЕЙСТВО БОБРОВЫЕ (*Castoridae*) **

Бобр во многих отношениях существенно отличается от остальных своих родичей. Его следует рассматривать как представителя особого семейства. Уже с древнейших времен бобр обратил на себя внимание наблюдателей, и древние писатели часто упоминают о нем в своих сочинениях, называя его *Castor* и *Fiber*. Однако сведения о его образе жизни, которые мы находим у них, с одной стороны, не многочисленны, с другой, не точны. Аристо-

тель пишет, что бобр принадлежит к четвероногим животным, которые, подобно выдре, ищут свою пищу на берегах озер и рек. Плиний говорит о действии бобровой струи и сообщает, что бобр сильно кусается, что он, схватив человека, не выпускает его до тех пор, пока не переломает ему костей, что он валит деревья, точно рубит их топором, хвост у него, как у рыбы, в остальном же он похож на выдру. В знаменитом описании Олая Великого, епископа Упсальского, издавшего около 1520 года замечательное сочинение о Норвегии и населяющих ее животных, мы уже находим различного рода ошибки и басни, касающиеся нашего зверя. Ученый прелат сообщает, что, хотя Солинис считает только воды Черного моря за место пребывания и размножения бобра, однако он во множестве водится также на Рейне, Дунае, в болотах Моравии и еще дальше на север, так как здесь на реках нет такого шума, как на Рейне и Дунае, где постоянно проходят суда. На севере он с удивительным искусством, которым его одарила природа, строит из дерева свои дома на многих реках. Бобры сообщают валить деревья, перегрызая их зубами и удивительным образом сносят их к своим логовицам. Какому-нибудь старому ленивому бобру, который постоянно держится в стороне от общества, приходится расплачиваться своей шкурой. Бобры кладут его вверх ногами на землю, помещают ему дерево между передними и задними ногами и тащат к своим хижинам, затем они снимают поклажу и до тех пор возят взад и вперед эти живые салазки, пока не окончат постройки своего домика. Зубы этих зверей до того остры, что они могут срезать ими деревья, как ножом. Жилище состоит из 2—3 помещений, расположенных друг на друге, и устроено так, что туловище живущего в нем бобра выглядывает из-под воды, а хвост лежит на ее поверхности. Кожа на хвосте твердая и покрыта чешуями, как у рыб, из его мяса готовят вкусные кушанья и лекарственные средства от расстройства желудка, а хвост и задние ноги употребляются в пищу во время поста, вместо мяса.

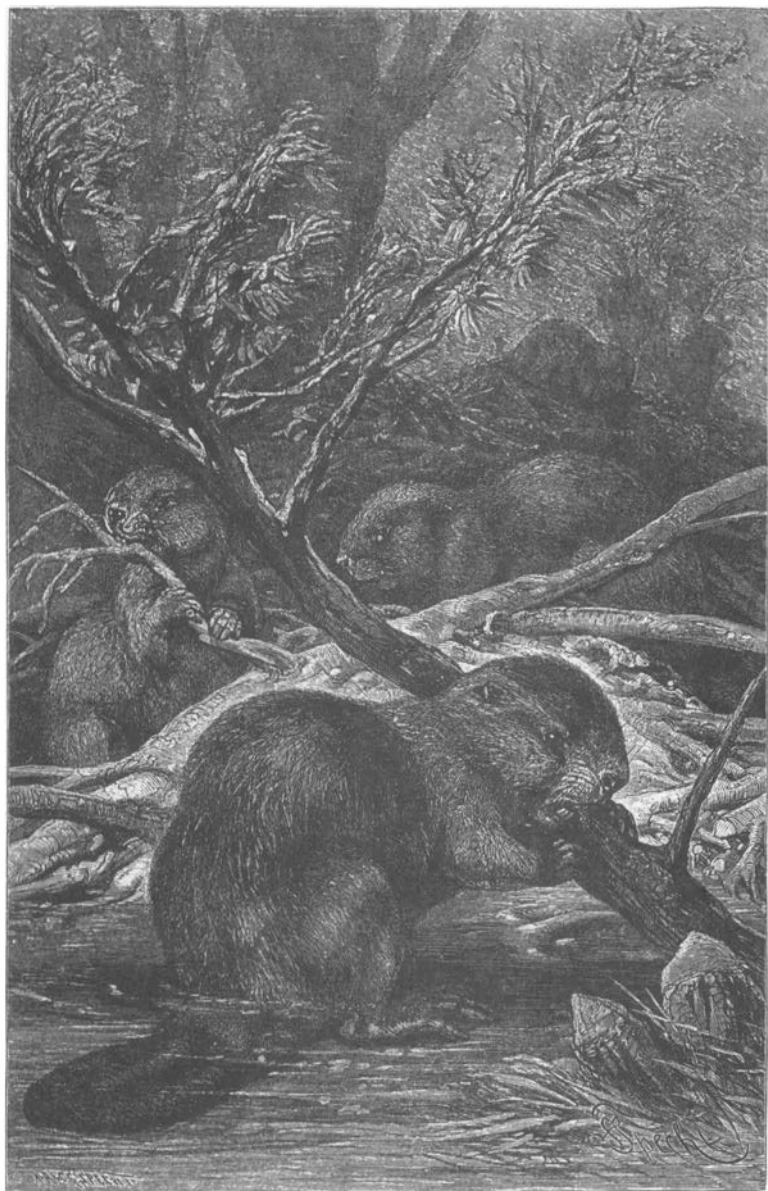
Неверно показание Солиниса, что бобры, будучи преследуемы и желая спастись, откусывают свой мешок с бобровой струей и бросают его охотникам, так как мешок этот находили у всех пойманных бобров, и, лишаясь мешка, животному неизбежно приходится лишиться жизни. Бобровая струя представляет собой прекрасное противоядие против чумы, во время лихорадки и помогает против всех болезней, которые только можно себе представить; но, кроме этого, бобр очень полезен еще в других отношениях. По большей или меньшей высоте жилищ бобра можно узнать до какой вышины поднимется вода во время разлива, и крестьяне, наблюдая постройки бобра, приближают засеянные поля к самой реке, если постройки невысоки, или удаляют поля от реки, если хижины бобров высоки, так как иначе поле будет непременно залито водой. Шерсть их мягкая и нежная, как пух, прекрасно защищает от суровой стужи и потому дает ценную одежду для

знатных и богатых людей. Писатели, жившие позже, верили этим сказкам и увеличивали число их своими собственными добавлениями. Мариус, врач в Ульме и Аугсбурге, написал в 1640 году книгу почти сплошь из одних рецептов об употреблении бобра на лекарственные средства. В 1685 году Иоганн Франк значительно дополнил ее. Кожа, жир, кровь, шерсть, зубы и, главным образом, бобровая струя представляют собой превосходные лекарственные средства. Из шерсти делают шляпы, которые предохраняют от болезни; зубы вешают на шею детям, так как они облегчают прорезывание зубов.

Эти древние сочинения хороши тем, что дают нам возможность судить о прежнем распространении бобров. Из них мы видим, что вряд ли какое-либо другое животное так быстро уменьшилось в числе, как этот драгоценный грызун.

Речной бобр (*Castor fiber*). В нынешнее время бобр распространен в трех частях света и населяет все страны, расположенные между 33 и 68 градусами северной широты, но в прежние времена ареал его распространения, вероятно, был значительно шире. Религией индийский магов запрещено убивать их, следовательно, они жили также, вероятно, и в Индии*. «Хотя животное это, — говорит Геснер, — обыкновенно во всех странах и вообще охотно селится там, где имеется рыба и раки, подобно разбойникам на улицах,

Речной бобр
(*Castor fiber*)

* Ареал речного бобра некогда простирался в умеренной зоне Евразии от

тем не менее они охотнее всего живут в тех местах, где протекают большие реки, например их очень много на реке Бирс около Базеля в Швейцарии, в Испании они попадаются почти на всех реках и, по словам Страбона, в Италии в тех местах, где река По впадает в море». Во Франции и Германии бобр попадался почти повсюду. Прежде всего он был истреблен в Англии. Теперь его еще находят в Германии на Эльбе. Из европейских стран он чаще всего попада-

ется в Боснии, России (а именно в северных притоках Припяти в Минской губернии), а также в Скандинавии, особенно в Норвегии. В Азии их живет значительно большее число, чем в Европе. Они во множестве населяют большие реки центральной и северной Сибири и, как говорят, ведут оседлую жизнь также в реках, впадающих в Каспийское море. Их можно найти в притоках Кубани на северном склоне Кавказского хребта, а также и в Месопотамии*. Они были очень обыкновенны в Америке, но количество их сильно уменьшилось, благодаря неустанным преследованиям. Ла-Гонтан, путешествовавший два столетия тому назад по Америке, рассказывает, что в лесах Канады нельзя пройти 4—5 часов без того, чтобы не наткнуться на пруд, населенный бобрами. На реке племени «вожючих индейцев» (Puants) к западу от озера Иллинойс на расстоянии 20 часов находилось более 60 прудов, населенных бобрами, на которых охотникам хватило дела на целую зиму. С тех пор число этих животных очень сократилось. Одюбон (1849) указывает еще только на Лабрадор, Ньюфаундленд, Канаду и на некоторые местности штатов Мэн и Массачусетс, как на родину этого зверя, однако присовокупляет к этому, что одиночные экземпляры еще находятся в различных местностях Соединенных Штатов.

Бобр, принадлежащий к роду *Castor*, — один из самых крупных грызунов. У взрослых самцов длина туловища достигает 75—95 см, длина хвоста 30 см, высота в плечах столько же, масса 20—30 кг. Неуклюжее и толстое туловище его значительно толще сзади, спина изогнутая, брюхо отвислое, шея короткая и толстая, голова сзади широкая, суживающаяся впереди, плоская, с короткой и тупой мордой; ноги короткие и очень сильные, задние немного длиннее передних, на ногах по пять пальцев, причем на задних они до самых когтей связаны между собой широкой плавательной перепонкой**. Хвост, неясно отделяющийся от туловища, у корня круглый, посередине, сверху и снизу приплюснутый, достигает до 20 см ширины, тупо закруглен на конце, сильно заострен на краях и имеет яйцевидную форму, если смотреть на него сверху. Продолговато-круглые, почти совершенно скрытые под шерстью уши маленькие и короткие, покрыты волосами внутри и снаружи и могут быть так прижаты к голове, что почти совершенно закрывают слуховой проход. Маленькие глаза отличаются мигательной перепонкой, зрачок их расположен вертикально. Ноздри снабжены мясистыми краями и также могут закрываться. Ротовая щель маленькая, верхняя губа широкая, со складкой посередине, расщеплена книзу. Шерсть состоит из необыкновенно густых, пушистых, шелковистых волос подшерстка и редких длинных, толстых, упругих и блестящих волос ости, которые на голове и нижней части спины короткие, а на остальных частях тела имеют более 5 см длины. На верхней губе несколько рядов толстых, упругих, не очень длинных щетин. Шерсть на спине темного каштанового цвета, который переходит в сероватый, на брю-

Семейство бобровые

Атлантики до Приамурья, и от Заполярья до Малой Азии. В настоящее время он распался на несколько небольших изолированных участков. В тропиках бобры в историческое время не жили.

** В бассейне Волги бобр встречался когда-то до Каспия, в бассейне Кубани в историческое время не жил, в Месопотамии не жил никогда. В Азии он встречается в среднем течении и низовьях Оби, верховьях Енисея, в Прибайкалье, северо-западной Монголии. Интродуцирован в низовья Амура.*

*** Передние лапы бобра — хватательного типа, большой палец на них укорочен, а функцию большого пальца выполняет мизинец, противопоставленный остальным пальцам.*

Семейство бобровые

* Историческая область распространения канадского бобра — практически вся Северная Америка. Отличается от речного несколько более крупными размерами. Лучше приспособлен к суровому климату и имеет более темный, нежный и ценный мех. Благодаря этим качествам его планируют акклиматизировать в северо-восточной Сибири, где речной бобр отсутствует. Акклиматизация канадского бобра в местах обитания речного (в Финляндии) привела к вытеснению последнего. Между собой виды не гибридизируют.

хе она светлее. Хвост у корня в первой трети покрыт очень длинными волосами, но остальное пространство голо. Эта голая часть хвоста имеет бледный черновато-серый цвет с синеватым оттенком. В отношении общей окраски шерсти встречаются отклонения, причем цвет ее переходит то в более черный, то в более серый, а иногда также в красновато-белый оттенок. Находят также, хотя и весьма редко, белых и пятнистых бобров.

Резцы очень большие, крепкие, спереди плоские, гладкие, в поперечном разрезе имеют почти трехгранную, с боку долотовидную форму и далеко выдаются из челюсти, коренные зубы, устроенные одинаково, имеют в верхней челюсти, снаружи три — внутри одну, а в нижней, наоборот, снаружи одну, внутри — три поперечно расположенных складки эмали. Череп развит очень сильно. Все кости крепкие и широкие и служат для прикрепления сильных мускулов. У обоих полов в нижней части брюшной полости около заднего прохода и половых органов находятся две своеобразные, обычно отделенные одна от другой, открывающиеся в половые органы железы, выделяющие бобровую струю — кастореум. Вещество это выделяется внутренними извилинами желез, покрытых слизистой оболочкой, которая образует чешуевидные мешочки и складки. Бобровая струя представляет собою темную красную-бурую, желто-бурую или черно-бурую, довольно мягкую, похожую на мазь массу, обладающую очень сильным, неприятным запахом и долго остающимся во рту, горьковатым смолистым вкусом. В прежние времена бобровая струя часто применялась в качестве останавливающего судороги и успокоительного средства, но в настоящее время все более и более предается забвению.

Канадский бобр (*Castor canadensis*) отличается от европейского более выпуклой лицевой линией, более узкой головой и другими особенностями черепа, более темной шерстью и, особенно, расположением бобровых желез. Самостоятельность этого вида не подлежит сомнению*.

Если освободить описание жизни бобра от всех басен и сказок, которыми сопровождалось оно почти до новейшего времени, то окажется, приблизительно, следующее.

Бобры живут большей частью попарно и соединяются более или менее многочисленными семьями только в наиболее уединенных местностях. Часто они обитают, подобно выдре, в подземных норах и не думают строить себе искусственных жилищ.

После долгих колебаний животные выбирают какую-нибудь реку или ручей, где по берегам достаточно пищи и которые кажутся им особенно хорошо приспособленными для устройства ходов нор, плотин и замков. Бобры, живущие в одиночку, обитают, подобно выдре, в простых подземных норах, если же бобры живут обществами, состоящими обычно из нескольких семейств, то почти всегда возводят замки и в случае нужды — плотины, чтобы повысить уровень воды и удержать его на одной и той же высоте.

Постройки эти снабжены одним или несколькими ведущими в них ходами, длина которых бывает различна и колеблется от 2 до 6 метров; они оканчиваются под водой и ведут в просторную котловину, расположенную более или менее высоко над поверхностью воды. Котловина состоит обычно из одного жилого помещения, тщательно и аккуратно выложенного тонко расщепленными щепками и служащего спальней, а в исключительных случаях также логовищем самки во время родов. В уединенных и тихих лесах бобры пользуются подземными постройками только в качестве потайных выходов в случае опасности и постоянно воздвигают так называемые замки — расположенные над поверхностью земли жилые помещения бобров, в которые ведут начинающиеся более глубоко под водой ходы.

Замки эти представляют собой толстостенные кучи в виде хлебной печки, составленные из наваленных друг на друга кусков дерева и сучьев, лишенных коры, а также земли, глины и песка, говорят, что внутри, кроме жилого помещения, есть еще кладовые для хранения пищевых запасов*. Если уровень воды в реке или ручье значительно изменяется в течение года или если ручей не имеет желаемой глубины, то бобры проводят поперек течения высокие и, в зависимости от быстроты течения, толстые плотины, повышают уровень воды и устраивают себе таким образом выше плотины открытый водный бассейн. Несколько лет тому назад Морганс исследовал более 50 подобных плотин в первобытных лесах на берегах Верхнего озера в Северной Америке, сфотографировал и подробно описал их в сочинении о бобре и его постройках. Некоторые из этих плотин достигают 150—200 метров в длину, 2—3 метров в ширину, в толщину у основания 4—6 метров, а у вершины только 1—2 метра**. Они состоят из жердей толщиной с руку или ногу, длиной в 1—2 метра, которые одним концом вбиты в землю, а другим выходят на поверхность воды, соединены между собой более тонкими прутьями, а промежутки между ними заполнены тростником, илом и землей, так что со стороны течения образуется почти отвесная плотная стена, а с противоположной стороны — скат. Бобры не всегда проводят плотину по прямой линии поперек течения и также далеко не всегда устраиваются ее так, чтобы она посередине имела вид выступающего угла, часто проводят ее в воде в форме дуги, с выпуклостью против течения. Наконец от образующихся выше плотин прудов бобры прокладывают тропинки или каналы для того, чтобы удобнее было доставлять и сплавлять по ним строительные материалы и пищу.

Без особой нужды бобры не покидают основанных ими колоний. Поэтому в ненаселенных лесах можно встретить очень старые бобровые постройки. Агасис, исследуя плотину одного пруда, еще заселенного бобрами, нашел, что старые, обглоданные животными куски деревьев и сучьев были покрыты слоем торфа в 3 метра толщиной, и вывел отсюда заключение, что колонии эти

** Бобровые хатки
бывают до 3 м
высотой и 12 м в
диаметре. Жилое
помещение внутри
хатки имеет около
0,6 м высоты и 2 м
в диаметре, таких
помещений может
быть несколько.
Вход в хатку, так
же, как и вход в нору,
всегда подводный, но
от жилой камеры,
через крышу хатки
наружу ведет узкое
вентиляционное
отверстие. Места
лежки зверей при-
подняты и всегда
сухи и чисты.*

*** Длина бобровой
плотины— 20—30 м,
но в некоторых
районах Америки
бобры перегоражива-
ют целые озера
огромными плотина-
ми длиной до 600 м.*

Семейство бобровые

** Бобры относятся к немногим «ландшафтообразующим» животным, наряду со слонами или термитами. Их гидротехническая деятельность ведет к изменению режима рек, запруживанию и заболачиванию территорий, смене биоценозов и даже местным климатическим изменениям. В ряде районов деятельность бобров благотворна, в других — отрицательно сказывается на естественных ландшафтах, и численность бобра здесь нуждается в регуляции.*

должны были существовать по крайней мере 900 лет тому назад. По выводам того же исследователя, бобровые постройки в Америке оказывают заметное влияние на сельскохозяйственное значение данной местности. Плотины превращают небольшие ручейки, первоначально спокойно протекавшие в лесной тени, в ряд прудов, из которых некоторые занимают площадь в 10—20 гектаров. Вблизи их благодаря тому, что бобры срубают деревья, образуются поляны, так называемые бобровые лужайки, занимающие пространство в 100 гектаров и более, которые часто являются единственными прогалинами в еще девственных первобытных лесах. Берега прудов быстро обрастают торфяными растениями, и постепенно образуются торфяные болота на значительном протяжении. С другой стороны, каналы, проведенные этими животными, дают сток водам болот, осушают их, и вследствие этого образуются сухие безлесные пространства*.

Все работы бобров находятся в тесной связи с их привычками и потребностями, поэтому описание их дает представление об образе жизни этих животных. Подобно большинству грызунов, они деятельны по преимуществу ночью и только в совершенно уединенных местностях, где им не приходится встречаться с человеком, они ведут также дневной образ жизни. «Вскоре после заката солнца, — говорит фон Мейеринк, — они покидают свои норы, издают громкий свист и с шумом падают в воду. Они плавают некоторое время вблизи своих замков, причем двигаются с одинаковой скоростью как вверх, так и вниз по течению, и, смотря по тому, насколько чувствуют себя в безопасности, выставляют из-под воды нос и лоб или голову и спину. Убедившись в полной своей безопасности, они вылезают на берег и удаляются от реки на расстояние 50 шагов и даже далее для того, чтобы нарезать деревьев для корма и для своих построек. Плавая, они удаляются на расстояние около полмили от своих построек, но всегда в ту же ночь возвращаются обратно. Зимой они так же по ночам отправляются отыскивать себе пищу, иногда, однако, в течение 8—14 дней не покидают своего жилища и питаются корой тех ивовых сучьев, которые они осенью натаскивают в норы и которыми заделывают выходные отверстия на берегу». Ветви в несколько сантиметров толщиной бобр перегрызает сразу, деревья валит, обгрызая ствол кругом со всех сторон и особенно со стороны, обращенной к реке, пока он не наклонится в этом направлении и не обрушится в воду. Следы его работ состоят из бесчисленного количества плоских раковинообразных разрезов сучьев и деревьев, которые до того гладки и резко очерчены, что кажутся выдолбленными слегка изогнутым долотом. Случается, что бобры срезают стволы, толщиной более диаметра человеческого туловища. На Эльбе Пехуель-Леше измерил стволы некоторых срезанных бобрами деревьев, имевших не только 15 и 20 см, но также 40 и даже 60 см в толщину, причем в последнем случае это были

всегда черные и серебристые тополи. Раз эти животные свалили даже дуб в 25—30 см толщиной. Из этих деревьев большая часть стояла прежде вблизи воды, в которую они и упали, но некоторые из них, особенно более тонкие, были удалены от берега Эльбы на расстояние до 300 шагов и росли в такой чаще, что не могли упасть и верхушками своими завязли в кронах соседних деревьев. Оказывается, что большая часть деревьев срубается бобрами без всякой цели, то есть только в виде упражнения, благодаря унаследованной привычке и желанию погрызть, по крайней мере, срубив их, бобры до них более не дотрагиваются, ведь толстые сучки гораздо легче найти в ивовых зарослях, расположенных на самом берегу*.

Бобры, содержащиеся в неволе, за которыми я ухаживал и которых я устройством спусков в воду побудил построить замок, доставили мне лучший материал для изучения способа, которым они производят свои работы, чем помещенные выше и всякие другие рассказы. Раз освоившись с местностью и окружавшим их движением, бобры, о которых идет речь, уже в последние послеобеденные часы стали появляться вне стен своей норы для производства работ. Посаженные в землю стволы они предпочитали жердям, брошенным на землю, и постоянно срезали их. Бобр садится у корня какого-нибудь деревца и обгрызает его кругом в каком-нибудь одном месте, пока дерево не свалится, при толщине ивового или березового ствола в 8 сантиметров, ему для этого достаточно 5 минут. Затем он схватывает упавшее дерево зубами за его толстый конец, поднимает голову и, переваливаясь, идет вперед. Кажется, подчас, будто он хочет взвалить свою тяжесть на спину, однако этого никогда не бывает. Если ветвь легка, то бобр несет ее к цели без остановок, если же тяжесть более значительна, то он делает это с перерывами, причем сильным толчком головой старается подвинуть кусок дерева вперед. Если стволы имеют много сучьев, то, прежде чем унести, бобр их тщательно осматривает, делит в некоторых случаях на куски, отрезает служащие помехой концы отломанных сучьев, но все куски дерева предварительно утаскивает в воду, где сдирает с них кожу или складывает их на будущее. Только тогда, когда кожа с сучка содрана, бобр употребляет его для построек, вытаскивает из воды, несет до ближайшей постройки и там использует его, как сказано выше.

Нужды свои бобр удовлетворяет разумно, однако не думает класть строительный материал правильными слоями. Куски дерева лежат то горизонтально, то косо, то стоят вертикально, некоторые из них одним концом торчат высоко над стенами замка, другие совершенно покрыты землей; бобры постоянно заняты изменением, увеличением и улучшением своих построек. Мои питомцы прежде всего вырыли себе у конца спуска в воду корытообразное углубление, затем из набросанной земли устроили вокруг крепкую, высокую и плотную насыпь и выложили дно уг-

Семейство бобровые

** Бобр валит дерево толщиной в 12 см за полчаса, толщиной в 25 см — за 4—5 часов. Далеко не всегда зверь предвидит траекторию упавшего дерева, нередко бобр предпринимает несколько попыток повалить дерево в нужную сторону. Сваленные, но не «утилизированные» стволы, являются свидетельством таких попыток. На зиму бобр запасает веточный корм, втыкая концы чурбачков, веток и прутьев в дно, или придавливая их камнями, благодаря низкой температуре воды этот корм остается свежим всю зиму. Семья бобров может заготовить до 80 кубометров корма. Правда, в сильные морозы бобры неактивны, могут впадать в кратковременное оцепенение и существуют за счет жировых запасов.*

* Основу рациона бобра составляют листья, ветки, кора и камбий различных видов ивы, осины, тополя, ольхи, клена. Летом питание — более разнообразное, включает сочные водяные растения, некоторые виды трав, ветки и листья смородины и других кустарников. В желудке бобра — три отдела с микрофлорой, расщепляющей клетчатку. Как и у зайцеобразных, у бобров развито «двойное» переваривание, когда частично переваренный и обогащенный бактериями корм выделяется в виде мягких зеленых капсул первичного помета, которые зверь поедает. «Окончательный» помет твердый и сухой. И все же бобр усваивает лишь 32—33% съеденной целлюлозы, что значительно ниже аналогичной способности жвачных копытных.

лублиения длинными тонкими щепками, которые были приготовлены ими нарочно для этой цели. После этого конец спуска был покрыт крышей из сучьев, затем бобры повысили заднюю часть стены и снабдили ее куполообразной крышей и, когда эти работы были окончены, законопатили всю постройку землей. Все необходимые вещества (землю, песок, глину или ил) бобры передвигают, пуская в ход всегда только морду и передние конечности, а для обработки материала пользуются исключительно конечностями. Куски дерна или жирную глинистую землю бобр выламывает лапами и зубами, берет комок в зубы, прижимает его снизу передними лапами, обращенными своей наружной стороной кверху, и осторожно отправляется, переваливаясь с боку на бок, идя на задних лапах, и время от времени опираясь на одну из передних, по направлению к месту постройки, более рыхлую землю или песок он взрывает, сгребает в кучку, прикладывает к ней сзади ладони и двигает ее вперед на расстояние нескольких метров. Хвост служит при этом только для поддержания равновесия, но никогда не употребляется в качестве лопатки.

У большей части животных обязанность архитектора исполняет самка, самец же играет роль скорее рабочего и доставляет материал. Оба работают в продолжение всего года, однако не всегда обнаруживают одинаковую деятельность. Летом и в начале осени они больше играют, чем занимаются своей постройкой, но перед наступлением холодной погоды они безостановочно работают всю ночь. Из наблюдений Эксингера, сообщенных Фитцингером, бобры обладают замечательно развитой способностью предчувствовать погоду и стараются по возможности подготовиться к ее изменениям.

Пища бобров состоит главным образом из коры и листьев различных деревьев*. Из ветвей, которые бросались моим пленникам, они прежде всего выбирали всегда ивовые и только за недостатком их пользовались ветвями обыкновенного тополя, черного тополя, осины, ясеня и березы и реже всего ольхи и дуба. Они едят не только кору, но также листья и мягкие побеги, причем последние, очевидно, им очень нравятся. С более твердых ветвей, которые они держат в лапах и все время вертят, бобры сдирают кожу очень изящно и с необыкновенным искусством и совершают это так аккуратно, что на ветви, лишенной коры, невозможно найти и следа их зубов. Время от времени они питаются также свежей травой, причем поступают довольно неловко, схватывают лапами пук травы и стискивают его, стараясь таким образом иметь под зубами более плотную массу. К хлебу, сухарям, яблокам и моркови они привыкают очень скоро и в конце концов начинают считать плоды за лакомство.

Во время ходьбы бобры одной ногой описывают вокруг другой полукруг, так как почти волочащееся по земле брюхо не допускает быстрых, равномерных движений. При величайшей по-

спешности они делают скачки, которые своей неуклюжестью и неловкостью превосходят скачки всех остальных известных мне млекопитающих, и представляют собой попеременное подбрасывание кверху передней и задней частей тела, несмотря на это, тем не менее быстро продвигаются вперед. В воду они падают с шумом только тогда, когда бывают испуганы чем-нибудь, обычно же бесшумно спускаются в глубину. Плавая, так глубоко погружают в воду заднюю часть своего тела, что над водой выдаются только ноздри, глаза, уши и средняя часть спины, а корень хвоста находится под водой. Подвигаются вперед при помощи одновременных, реже попеременных толчков задних ног, хвост служит им вместо руля, причем они никогда не ставят его вертикально, а всегда повертывают его несколько вкось и иногда производят им сильные толчки в соответствующем направлении; передние ноги не принимают участия при плавании. Быстро ныряя, бобры опускаются вперед, сильно отталкиваются кверху своими веслообразными, покрытыми широкой плавательной перепонкой задними ногами, ударяют с громким шумом хвостом по поверхности воды и быстро погружаются почти в отвесном направлении. Под водой могут пробыть около двух минут, пока потребность в воздухе не заставит их снова вынырнуть на поверхность*.

Голос бобра представляет собой слабый звук, который вернее всего можно было бы назвать стоном, его слышишь каждый раз, когда животное бывает взволнованно, и скоро начинаешь также понимать различные значения издаваемых звуков, так как сила и интонация их представляют для этого достаточно данных. Из пяти чувств слух и обоняние занимают, по-видимому, первое место, маленькие глаза имеют довольно тусклый вид, однако зрение развито так же хорошо, как и вкус, также нельзя отрицать у этого животного присутствия осязания. Относительно степени понятливости бобра можно быть различного мнения; однако нужно признать, что в ряду других членов своего отряда он занимает высокое место. Лучше всякого другого животного из отряда грызунов он принаравливается к изменившимся условиям и извлекает из них всевозможные выгоды и более, чем кто-нибудь из его родичей, обдумывает какое-нибудь дело, прежде чем приступить к нему, рассуждает и выводит заключения. Его постройки не искуснее, чем у других грызунов, но, строя их, он всегда верно принаравливается к условиям местности; всякие повреждения в них исправляет обдуманно. «Что бобр должен быть мыслящим животным и почти разумно берется за дело, — говорится в одном докладе Виттингауерского лесного управления, — подтверждается наблюдаемым здесь фактом. Ручей, в котором живут бобры, протекает через пруд, из которого по истечении нескольких лет спускают воду для того, чтобы выловить всю рыбу, таким образом он на несколько дней остается сухим. Во время последнего

Семейство бобровые

* Бобр плавает со скоростью до 5 км/ч, может совершать кратковременные рывки 2 м/сек (или 7 км/ч). На поверхности воды он плавает, по очереди загребая задними лапами, под водой использует главным образом хвостовую лопасть, изгибая тело в вертикальной плоскости, как киты и дельфины. Громкий удар хвостом плашмя по воде служит сигналом тревоги для других бобров. Под водой бобр может проплыть до 750 м, задержав дыхание на 4—5 минут.

Семейство бобровые

** Брачные игры, включающие погони на воде, начинаются у бобров в январе—феврале. Более крупная самка доминирует над самцом. Пары обычно образуются на всю жизнь (исключение среди грызунов). Спаривание происходит брюшко к брюшку, чаще под водой и даже подо льдом. Несомненно, запаховые метки выделенными прианальных желез играют в процессе ухаживания важнейшую роль.*

*** Беременность длится 100—110 дней, в апреле—мае рождается 2—6 (речной бобр) или 3—9 (канадский бобр) детенышей. Бобрята при рождении весят около 500 г, они зрячие, покрыты шерстью. Молодые бобры предыдущих выводков присматривают за младшими, приносят им корм, учат плавать. Благодаря заботам всей семьи смертность среди детенышей очень низкая.*

спуска воды, предпринятого для ловли рыбы, случилось, что бобр при наступившей убыли воды доискался до причины этого и, найдя, что вода вытекает через сделанную канаву, запрудил ее тростником и илом, так что через нее не могло проникнуть ни капли воды. Таким способом он хотел сохранить для себя воду. Стоило немалых трудов устранить эту плотину». Принимая во внимание такого рода факт, никто, конечно, не станет отрицать того, что бобр рассуждает, обдумывает и действует разумно.

По отношению к другим зверям бобр, живущий в плену, держит себя неприветливо, по отношению к человеку ведет себя по меньшей мере сдержанно; но он скоро привыкает к тягостному ему вначале соседству и подчиняется владычеству своего хозяина, не терпя, однако, никаких несправедливостей. Бобры, с которыми обращаются хорошо, в конце концов не имеют ничего против того, чтобы их ласкали, идут даже к своему сторожу и прямо-таки здороваются с ним, но оказывают сопротивление всякому насилию, причем выгибают спину, скалят зубы и даже нападают, если нужно.

Бобры, пойманные в молодости, могут сделаться очень ручными. Писатели, повествующие про Америку, рассказывают про бобров, которых они находили до известной степени прирученными в индейских деревушках.

Смотря по месту жительства бобра, время размножения его происходит в различные месяцы. Некоторые считают, что течка бывает в начале зимы, другие — в феврале или марте. В этом случае, говорят, играет некоторую роль бобровая струя и служит для приманивания других бобров. Одюбон узнал от одного охотника, что бобр на известном месте выпускает содержимое из своих мешков с бобровой струей, что вследствие этого на то же место приманивается другой, который покрывает выпущенную бобровую струю землей и на нее в свою очередь выпускает свою и так далее, так что часто образуются высокие холмы, сильно пахнущие бобровой струей. Самец и самка, как то много раз наблюдали на пленных бобрах, относятся друг к другу очень нежно, садятся один возле другого, буквально обнимают друг друга и покачиваются верхней частью тела взад и вперед*. После нескольких недель беременности самка мечет в своем сухом жилище 2—3 покрытых волосами, но еще слепых детенышей; через 8 дней они открывают глаза, и уже тогда, а также иногда только на 10-й день, мать ведет своих детенышей с собой в воду. Эймут указывает на апрель и май, как на время рождения детенышей; самые поздние роды были 10 июля**.

В настоящее время за исключением князя Шварценберга, выставившего на Венской всемирной выставке пару бобров, разведением их никто не занимается, хотя это дело настолько же привлекательно, насколько прибыльно, а также не представляет особых затруднений, как это видно из наблюдений, собранных в

имениях вышеназванного князя. Пара бобров, которых в 1773 году поселили в Ротенгофе, уже 6 лет спустя увеличилась в числе до 14 штук, а спустя 10 лет — до 25 штук; после этого, однако, разведение их было ограничено, так как бобров было приказано переселить на волю, и они стали причинять здесь много вреда. В Нимфенбурге, в Баварии, также содержались бобры, причем оказалось, что некоторые из них выдерживают около 50 лет неволи*.

Кроме человека у бобра, живущего на воле, мало врагов. Благодаря своей осторожности, он часто благополучно уходит даже от преследований ловкого охотника**. Когда его побеспокоят, он при малейшей опасности старается уйти в воду, где чувствует себя более или менее в безопасности. Североамериканские трапперы утверждают, что там, где бобры живут во множестве, они выставляют караульных, которые будто бы, громко хлопая хвостом по поверхности воды, предупреждают остальных о приближающейся опасности. Это нужно понимать так, что в обществе осторожных животных многие скорее могут усмотреть врага, чем одно, и таким образом каждый член колонии становится сторожем. Так как шум, производимый хлопанием хвоста по воде, происходит только тогда, когда бобр быстро ныряет в глубину, а это бывает всегда в тех случаях, когда он думает, что заметил опасность, то все, конечно, обращают внимание на этот шум, слышимый на далекое расстояние, и исчезают, как только заслышат его, с поверхности воды. Впрочем, в населенных местностях, как показывает опыт, бобру не помогает даже величайшая осторожность; настойчивый охотник все-таки умеет обмануть его, а при большой ценности добычи охота на бобра слишком выгодна для того, чтобы его не стали истреблять даже в тех местностях, где он находится под защитой строгих охотничьих законов. Архиепископ Иоганн Эрнст Зальцбургский за убиение бобра в прошлом столетии ссылал на галеры, а их все-таки стреляли. Так делается везде. То небольшое количество бобров, которое еще населяет Европу, из года в год уменьшается и наверное разделит участь своих собратьев***. В Америке на бобра охотятся главным образом с огнестрельным оружием, но кроме того, ловят его в различного рода капканы. Благоразумные охотники всегда оставляют несколько бобров и довольствуются известным числом их, но в пограничных местностях, где несколько племен разделяют между собой одну область, каждый убивает столько бобров, сколько может. Из-за этой охоты между различными племенами часто возникают ссоры, которые иногда оканчиваются кровавыми распрями и стоят многих жертв с обеих сторон.

Польза, которую доставляет бобр, почти сглаживает причиняемый им вред. Он живет преимущественно в ненаселенных местностях и охотнее всего срезает тонкие стволы тех родов деревьев, которые быстро вырастают снова. Зато он своим мехом и мясом, а еще более бобровой струей очень богато оплачивает не только

Семейство бобровые

* Максимальная продолжительность жизни бобра — 20—24 года.

** Взрослым бобрам угрожают хищные звери, птицы и даже щуки. Бобр мощно обороняется и может обратить в бегство даже медведя.

*** К счастью, прогноз Брема относительно вымирания бобра не оправдался. С 1922 г. охота была запрещена, немного позже, специально для охраны бобра, были созданы заповедники. Начались большие работы по разведению с последующим выпуском в природу во многих районах СССР. К концу 60-х годов численность бобра возросла в 100 раз, а ареал приблизился к ареалу XVII столетия.

Семейство ДОЛГОНОГИЕ

* К настоящему времени в Северной Америке ежегодно добывают до 800 тыс. зверей, шкурки которых идут по 16—24 доллара за штуку. В России и Скандинавии добывают не более 1 тыс. зверей.

** Бобр являлся важнейшим персонажем эпосов не только лесных индейцев, но и некоторых финно-угорских и тунгусских, маньчжурских и тюркских народов Приуралья и Сибири. Нередко ему приписывалось сотворение мира. В европейских сказках и легендах бобр занимает второстепенное место.

*** Кафрский долгоног (*Pedetes cafer*) — представитель монотипического семейства долгоногих (*Pedetidae*), сближаемого то с дикобразными, то с белкообразными грызунами, но, видимо, равно далекого от обеих групп.

причиненный им вред, но также и все труды и невзгоды охоты. По Ломеру, из Америки привозят в Европу ежегодно и продают около 150 000 шкур, стоящих около 3 миллионов марок; за одну шкуру платят 20—60 марок, смотря по ее достоинству. В России меха эти известны под названием немецкого бобра*.

Их ощипывают, прежде чем пустить в дело, то есть вырывают все жесткие волосы ости и оставляют один подшерсток, или коротко обстригают верхние волосы; на войлочные шляпы перерабатывается лишь шерсть самых дурных и попорченных шкур. Двадцать лет тому назад за один лот бобровой струи платили 1 гульден, в настоящее время 10 граммов самой лучшей, а именно сибирской, бобровой струи стоит 2,6 марки, канадской же — лишь половину этой цены. По Плейшлю, мешки с бобровой струей ценили круглым счетом в 180 гульденов, однако случалось, что за бобра платили и вдвое дороже. Мясо считается особенно хорошим тогда, когда бобр питался кувшинками, на хвост бобра смотрят как на превосходное лакомое блюдо, за которое в прежние времена платили весьма значительную сумму в 6 гульденов. Так как бобра считали за рыбоподобное животное и потому думали, что его можно есть во время поста, то в католических странах за бобровое жаркое платили очень хорошую цену. В некоторых местах жиром и кровью бобра пользуются в качестве целебных средств, в Сибири женщины употребляют кости его как предохранительное средство против ножной боли, зубы носят в виде ожерелья, облегчающего детям прорезывание зубов и унимающего зубную боль.

У дикарей Америки бобр пользуется очень большим почетом. Они считают его столь же разумным, как и человека, и утверждают, что это превосходное животное, безусловно, должно обладать бессмертной душой; о других сказках мы уже не упоминаем**.

СЕМЕЙСТВО ДОЛГОНОГИЕ (*Pedetidae*)

Кафрский долгоног (*Pedetes cafer*) в настоящее время считают представителем особого семейства***. Продолговатое тело постепенно утолщается к заду, шея довольно толстая, однако отделяется от тела и гораздо подвижнее, чем у его родичей; передние лапы очень короткие, но гораздо сильнее, нежели у тушканчиков, пять пальцев снабжены сильными, длинными, крючковатыми когтями, а задние конечности, представляющие собой длинные, сильные прыгательные ноги, имеют по четыре пальца, которые прикреплены к отдельным плюсневым костям и вооружены крепкими и широкими, но довольно короткими, почти копытообразными когтями. Очень длинный сильный и пушистый хвост у корня тонок, но утолщается к концу благодаря обильному ко-

личеству шерсти и оканчивается тупым пучком волос. Голова довольно большая, на затылке широкая, с боков сдавлена, морда средней длины, довольно тупая, рот маленький, верхняя губа не раздвоена. Большие, выпуклые глаза и узкие, острые, средней величины уши, усы же сравнительно короткие. У самки на груди четыре сосца. Длинная, густая, обильная и мягкая шерсть долгонога на спине бледная рыжевато-бурая с черным оттенком, так как многие волосы на конце черные, на животе же белые. По окраске и величине зверек похож на нашего зайца, длина туловища около 60 см*.

Долгоног живет в бедных растительностью странах и в пустынных степях. Он распространен в большей части южной Африки, но также встречается на северо-западе, по крайней мере до Анголы и в районах восточной Африки**. В Капской земле он встречается довольно часто как в гористых местностях, так и в открытых равнинах, иногда даже в таком количестве, что образует настоящие колонии. Подобно своим родичам, он роет себе подземные норы, с длинными, обычно не глубокими, сильно разветвленными ходами, ведущими в более глубокую котловину***.

В таких норах живет большей частью несколько пар, даже несколько семейств, иногда в некоторых ходах селятся дикие пчелы и таким образом мирно разделяют одно и то же жилище с их хозяевами. Готтентоты говорят, что когда долгоног роет землю, то пускает в ход не только передние лапы, но также и зубы. Лихтенштейн на опыте узнал, что вовсе не так легко достать его из-под земли. Старания его остались безуспешными, хотя он открыл бесчисленное количество отверстий у подошвы горы и заставил множество готтентотов раскапывать неглубокие ходы лопатами и кирками. Сеть, которую образовывали эти ходы, была так обширна, что не было никакой возможности отрезать все пути долгоногу, и рассказ готтентотов о том, что он роет землю проворнее, чем человек лопатой, казался, по крайней мере, довольно вероятным.

Так как он принадлежит к ночным животным, то только с наступлением сумерек начинается его настоящая жизнь. Он потихоньку выходит из своего жилища, скорее ползет, нежели идет на четвереньках, отыскивает себе коренья, листья и зерна, составляющие его пищу. Почти каждую минуту приподнимается на задних лапах и прислушивается, так как находится в постоянном беспокойстве.

Если он не ест, то чистится, а когда не чистится, то заботится, по-видимому, о своей безопасности. Временами он издает хрюканье или бляенье, вероятно, для того чтобы созвать своих товарищей. Пищу он подносит ко рту, как и тушканчики, передними лапами. Насколько медленно он движется, когда идет на всех четырех ногах, настолько проворен его бег, состоящий из скачков, следующих быстро друг за другом. На задних ногах он быстро

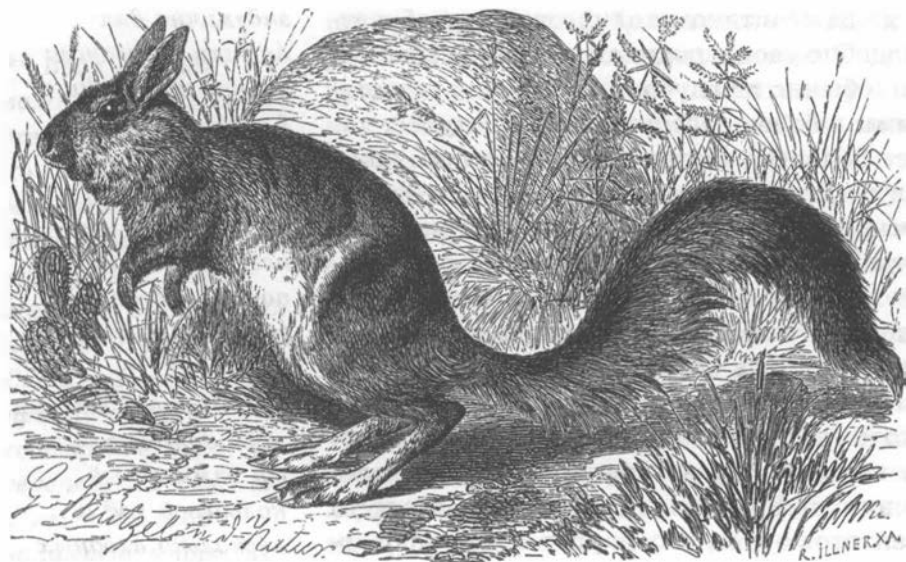
* Длина тела долгонога 34—45 см, хвоста — 37—48 см, масса 3—4 кг. Образуясь, он похож на огромного тушканчика или помесь зайца с кенгурой.

** Это семейство эндемично для Африки. Долгоноги живут от Кении и Анголы до самого юга континента. Предпочитают засушливую местность с песчаной почвой и бедной растительностью.

*** Индивидуальная нора долгонога имеет замкнутый кольцевой ход и несколько входных отверстий, которые на день забиваются земляными пробками для защиты от змей и поддержания в норе относительной прохлады. Выбираясь вечером из норы, долгоног выпрыгивает стремительным прыжком, выбивая эту пробку.

Семейство долгоногие

* Долгоног использует бег прыжками на задних лапах. Хвост при этом выполняет роль балансира.

Кафрский долгоног
(*Pedetes cafer*)

** Размножаются долгоноги круглый год. Беременность длится около 80 дней. Новорожденный весит около 250 г, созревает через 2 дня.

*** Продолжительность жизни около 15 лет.

отскакивает от земли вверх и опять падает на задние ноги, не опрокидываясь вперед*. Передние ноги остаются сложенными на груди. Длина его прыжка достигает 2—3 метров, но если его преследуют, то он ускоряет свой бег, и тогда средняя длина его прыжка достигает 6—10 метров (числа эти единогласно дают Форстер и Шпаррман). Делает это долгоног с такой легкостью, что кажется, будто он не в состоянии когда-нибудь утомиться, и таким образом обычно спасается от своих врагов. Только сырость ослабляет его проворство. Готтентоты уверяли Лихтенштейна, что он в дождливую погоду никогда не выходит из своего жилища и что во время сильного ливня его легко поймать руками, до того он ослабевает. Если же провести в нору воду, то можно поймать сколько угодно долгоногов. Несмотря на это, все-таки не так легко овладеть зверьком, ибо он сильно защищается задними ногами, уда-

ряя ими вперед и причиняя своими когтями серьезные повреждения.

Относительно их размножения известно еще мало. Самка рождает летом 3—4 детенышей, которых она долгое время кормит молоком, затем они вместе выходят и долго живут в одном помещении**. Говорят, что при наступлении дождливого времени все семейство часто целые дни про-

водит в свернутом положении, тесно прижавшись друг к другу внутри своего жилища. При хорошем уходе долгоног переносит неволю легко и долго, скоро становится ручным и доверчивым к своему хозяину***.

У голландских поселенцев южной Африки охота на этого зверька одна из любимейших, ибо мясо их очень ценится, а мех имеет то же применение, что у нашего зайца. Охотятся почти исключительно при ясном лунном свете, становясь в местах, где много норок, и ожидая, пока какой-нибудь долгоног не приблизится. По словам Фритша, иногда в одну лунную ночь можно убить до дюжины этих проворных животных. В сравнении с пользой, приносимой охотой на долгоногов, вред, который они причиняют, роясь иногда в полях и садах, очень незначителен, к тому же очень легко их прогнать, если они становятся в тягость.

СЕМЕЙСТВО ХОМЯКОВЫЕ (Cricetidae)*

Хомяки животные более или менее неуклюжего сложения, часто большого роста с расщепленными губами, большими защечными мешками. Довольно красивый по внешности, но безобразный по характеру — ворчливый, раздражительный и, вместе с тем, отважный **обыкновенный хомяк** (*Cricetus cricetus*) достигает 30 см общей длины, причем на хвост приходится 5 см **. Тело коренастое, шея толстая, голова довольно заостренная; кожистые уши средней величины, глаза большие и блестящие, ноги короткие, ступни и пальцы хорошо сложены, когти светлые и короткие, хвост конически заостренный, на конце усечен. Густой, гладкий, слегка блестящий мех состоит из короткого и мягкого подшерстка и из более длинных и жестких, но реже растущих волос ости. Верхняя часть туловища окрашена в светло-желто-бурый цвет. Верхняя сторона рыльца, глазная область и некоторое подобие ошейника — красно-бурого цвета, пятно на щеках — желтое, рот беловатый, нижняя часть туловища, передние ноги до ступни и задние с внутренней стороны, равно как и полоска над лбом — черного цвета, ступни, наоборот, белого. Большей частью желтые пятна бывают еще за ушами, а также впереди и сзади передних ног. Но встречаются много разновидностей: одни совершенно черны, другие черного цвета с белой шеей и серой макушкой, светлые бледно-желто-серые экземпляры с темно-серой нижней стороной туловища и бледно-желтыми пятнами на плечах, другие имеют спину матово-желтую, живот светло-серый, плечи беловатые, иногда попадаются и совершенно белые хомяки.

Плодородные пашни от Рейна до Оби предоставляют хомяку жилище и пищу. Кажется, благополучие его обуславливается главным образом умеренно твердой, сухой, но плодородной почвой. Ради прочности копаемых им сооружений он обходит песчаные местности, вместе с тем он не склонен затрачивать много труда при копании и потому на слишком твердой или каменистой почве он не селится. Избегает он гор и лесов; сырых низменностей также не любит. В местностях, в которых хомяк водится, он попадает часто, иногда в невероятном количестве.

Нора хомяка состоит из большой жилой камеры на глубине 1—2 метров, из наклонного выхода и отвесного входа. Жилая камера сообщается ходами с помещением для запасов. Норы видоизменяются сообразно полу и возрасту хомяка: у молодых они ниже и короче, у самок значительно больше, а у старых самцов самые большие. Постройки хомяков легко узнать по кучке земли, которая лежит у выхода и обычно усыпана мякиной и шелухой. Входная галерея направлена в землю всегда отвесно, иногда до того прямо, что в нее можно вставить длинную палку, но этот ход не ведет прямо в камеру; вниз он проходит к котло-

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

* Возникнув в умеренных широтах Азии, хомяковые не смогли освоить тропики Старого Света и Австралию, возможно, из-за конкуренции с мышьями. Однако они проникли через берингийскую сушу в Северную Америку, а с возникновением Панамского перешейка, и в Южную. Они заместили отсутствующих в обеих Америках мышьяных, соневых и других мелких грызунов, заняв самые разнообразные экологические ниши. В России около 20 родов и до 60 видов хомяковых.

** Обыкновенный хомяк — наряду с ондатрой — самый крупный представитель семейства: длина тела до 34 см (не считая хвоста), масса осенью достигает до полукилограмма.

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

** Наиболее сложны зимовочные норы взрослых самцов. Помимо постоянных, есть и временные норы простого строения. Система нор соединена наземными дорожками. В кладовых хомяка находили до 16 кг различных семян и клубней.*

вине то в горизонтальном, то в наклонном направлении. Выходная галерея, напротив, редко имеет прямое направление, она чаще изогнута. По ходам очень легко узнать, обитаемы постройки или нет. Если в них встречается мох, плесень или трава, или если они выглядят шероховато, то постройки наверняка покинуты, так как каждый хомяк содержит свой дом и входные отверстия необыкновенно чисто и в порядке. Долго обитаемые проходы так полируются шерстью хомяка при его входах и выходах, что стены их блестят. Снаружи галереи шире, чем при их продолжении, там они большей частью имеют 5—8 сантиметров в разрезе. Из камер меньшая — жилая с гладкими стенами, она всегда выстлана очень тонкой соломой, большей частью листьями злаков, которые образуют мягкую подстилку. В нее впадают три прохода: один выходной, другой входной и третий, ведущий в камеру для запасов. Последняя совсем схожа с жилой: круглая или яйцеобразная, наверху со сводом, внутри гладкая, к осени она полностью наполнена зерном. Молодые хомяки устраивают только одну такую камеру, старые же, особенно самцы, которые круглое лето только припасают, роют себе 3—5 таких амбаров и тогда в каждом из них можно найти по мере зерна (около 2 гарнцев). Иногда хомяк засыпает землей проход из жилой камеры в кладовую, случается также, что он наполняет его зерном*.

Прежде ошибочно утверждали, что хомяк насыпает каждый сорт хлеба отдельно, между тем он таскает всякие зерна, какие находит, и складывает их в одну кучу под землю. Редко они встречаются совершенно чистыми от зерновой шелухи или мякины. Если в постройке находят отдельно различные сорта хлеба, то это происходит не от склонности обитателя к порядку, но просто потому, что он в соответствующее время находит только тот, а потом только другой сорт зерен. Поздней осенью некоторые присоединяют к запасам также и зеленый корм. В проходе, который ведет к выходу, часто близ самой камеры одно место расширено: здесь хомяк обычно оставляет свой помёт. Норка самки во многих отношениях отступает от только что описанной: в ней одна лишь выходная, но 2—8 входных галерей, из которых, впрочем, пока детеныши еще малы, употребляется чаще лишь одна. Родильное ложе самки кругловато, имеет приблизительно 30 сантиметров в разрезе и от 8 до 13 сантиметров высоты и выстлано очень мягкой соломой. Из камеры с гнездом расходятся по всем входным отверстиям особенные проходы, иногда соединенные между собой галереями. В норах самки кладовые встречаются очень редко, потому что она, пока у нее есть детеныши, ничего не запасает.

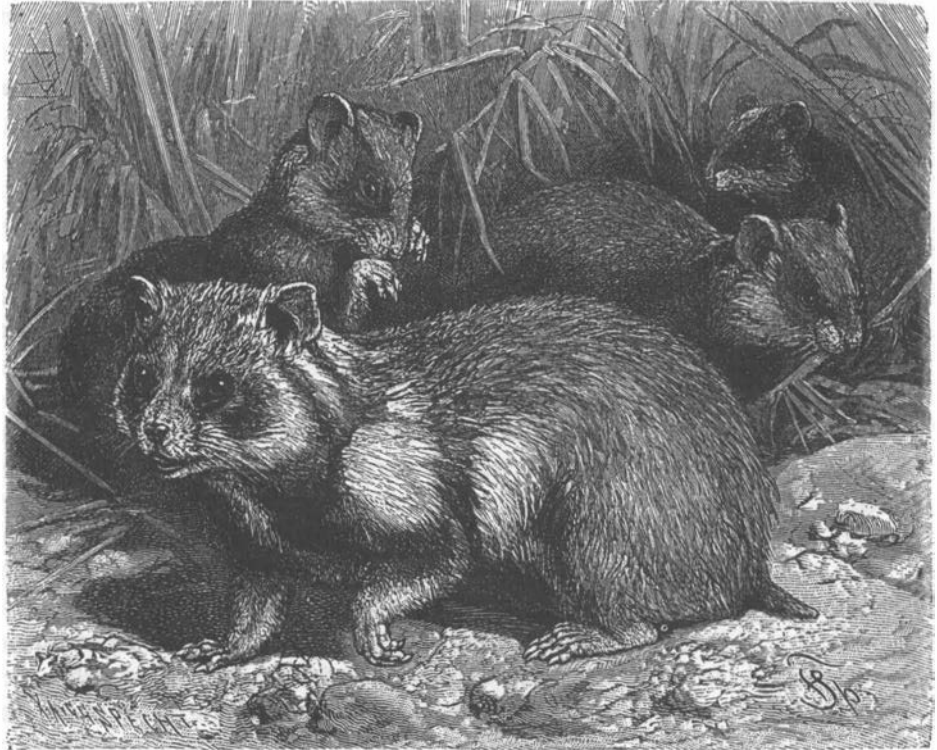
Хомяк, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, животное довольно ловкое. Он трусит мелкими шажками, как еж, причем живот почти касается земли. В гневе двигается быстрее и решается тогда даже на большие и высокие прыжки. Там, где может

опереться с двух сторон, например по углам ящичков или же между шкафами и стенкой, он довольно хорошо лазает, чрезвычайно быстро взбирается также он вверх по занавесям. Он может уцепиться одной ногой за выступ и висеть таким образом и настолько искусен, что при этом может поворачиваться и снова подняться на высоту, на краю которой висит, даже в том случае, если держится на одной задней ноге. Копать он умеет мастерски. Если посадить его в бочку, наполненную землей, он немедленно приступает к делу. Начинает разрыхлять землю передними ногами, а если почва тверда, то зубами, бросает землю первоначально под живот, потом захватывает ее задними ногами и швыряет назад. Дойдя до

глубины, пятится задом, выталкивая сразу целую кучу земли; но никогда не пользуются для этого своими защечными мешками, как ошибочно об этом сообщали. В воде двигается довольно ловко, хотя вообще боится и избегает ее. Если его бросить в сосуд, наполненный водой, то он быстро плавает кругом, но неистово ворчит и вообще выказывает недовольство*. Купанье настолько утомляет его, что, почувствовав себя опять на суше, он на радостях совершенно

забывает свойственную ему злобу и ярость. Тотчас же после купанья начинается чрезвычайно тщательная чистка. Хомяк необыкновенно ловко умеет пользоваться передними ногами, почти как руками. Ими он подносит пищу ко рту, держит и вертит колосья, которые вылуцивает, чтобы сложить зерна в защечные мешки, ими же приводит в порядок свой мех. Если нечаянно застать его врасплох, то он немедленно поднимается на задние ноги, причем из передних одна обычно несколько ниже другой. Пристально смотрит при этом на предмет, взволновавший его, очевидно готовый в случае надобности броситься и пустить в ход свои зубы.

Внешние чувства хомяка, кажется, развиты довольно равномерно, по крайней мере незаметно, чтобы одно из них было осо-

Обыкновенный хомяк
(*Cricetus cricetus*)

* Попадая в воду, хомяк наддувает воздухом защечные мешки, это помогает ему держаться на поверхности.

бенно развито за счет других. Его духовные качества не могут сделать его любимцем человека. Гнев преобладает в характере хомяка до такой степени, как ни у одного грызуна подобной незначительной величины, исключая разве крыс и пеструшек. При малейшем поводе он сердито готовится к защите, глухо рычит, скрежещет зубами и необыкновенно быстро и сильно щелкает ими. Мужество его так же велико, как и гнев. Он защищается против всякого нападающего на него животного до тех пор, пока в силах. Неопытных собак часто побеждает, только умные пинчеры умеют его схватить и тогда почти мгновенно встряхивают его до смерти. Хомяк защищается не только против собак, но также смело выступает против человека, даже против такого, который вовсе не хочет его трогать. Нередко случается, что у человека, спокойно проходящего мимо норы, хомяк вдруг как бешеный виснет на платье. В лошадь он также впивается зубами, а против хищных птиц, поднявших его с земли, защищается еще и в воздухе. Кусая, он так крепко стискивает зубы, что его отцепить можно, только убив.

Понятно, что такое злобное животное не может быть уживчивым. Даже детеныши, едва подросши, не остаются с матерью; самец, встречаясь с самкой не во время течки, загрызает ее до смерти. В неволе хомяки редко живут в мире друг с другом, старые же, вероятно, никогда. Молодые, не достигшие еще года, уживаются лучше. Я содержал довольно долго в ящике трех хомяков, они никогда не ссорились, напротив, очень миролюбиво жались друг к другу, к тому же часто сидели один на другом.

Случается, что старый хомяк становится даже браконьером. Опытный наблюдатель, учитель Зейдлер в Клозевице близ Йены, проходя по полям, услышал шум и голоса животных и заметил в одном месте среди зелени какое-то сильное движение. Он нашел там сильного хомяка, насевшего на зайчика одной с ним величины, с которым он только что покончил укусами в затылок. Он с такой жадностью пожирал свою жертву, что не заметил подходящего человека. Из растительности хомяк поедает почти все годное для пищи, охотнее всего хлебные зерна и бобовые растения, также зелень посевов, разные травы, морковь, картофель, кроме того, различные коренья, а также спелые и зеленые плоды. В неволе он питается также пирогами и хлебом, маслом, сыром — словом, он оказывается настоящим всеядным животным.

Хомяк подвержен зимней спячке. Просыпается, как только земля оттаивает, часто уже в феврале, никак не позже марта. Он сначала не открывает своих забитых выходов, а спокойно сидит внизу в своей норе и питается приготовленными запасами. Старые самцы в половине марта, а самки в начале апреля раскрывают входные отверстия. Тогда они уже отыскивают себе пищу на полях, приносят в норы хлеб с недавно засеянных нив, где заботливо собирают зерна. Вскоре они начинают предпочитать зер-

нам молодые ростки и отыскивают этот корм или же забирают по пути, как желанную добычу, неловкую птичку, мышь, жука, гусеницу. В то же время стараются вырыть новую нору, в которой рассчитывают прожить лето, и, как только она готова, оба пола спариваются. Летняя нора обычно глубиной 30, самое большее 60 сантиметров, котловина имеет вид мягкого гнезда, возле которого устраивается чулан для провизии в том случае, если в окружающей местности много посевов. В конце апреля самцы отправляются в жилища самок и, как кажется, мирно живут с ней несколько дней; оба обнаруживают даже некоторую взаимную привязанность в том, что помогают друг другу, когда придется защищаться кому-то из них. Если к одной самке является два самца, то происходит горячий поединок, пока слабейший противник не падет или не спасется бегством: часто попадают самцы с глубокими рубцами на теле, признаками таких драк из-за любовных дел*.

Спустя 4—5 недель после случки, в первый раз в конце мая и второй — в июле, самка рождает в своем тепло и мягко устроенном гнезде от 6 до 18 детенышей**. Они появляются на свет голыми и слепыми, но с зубами, растут необыкновенно быстро. Вслед за рождением, обсохнув, они пищат подобно маленьким щенкам. На второй или третий день у них вырастают редкие пушистые волосы, которые скоро становятся гуще и покрывают все тело. Приблизительно на восьмой или девятый день жизни они открывают глаза и тут начинают уже ползать по гнезду. Мать очень любовно обращается со своим потомством, допускает, чтобы ей подкладывали для кормления чужих детенышей, даже таких, которые не одинаковой величины с ее собственными. В двухнедельном возрасте молодые хомяки начинают рыть, и как только этому выучатся, неласковая мать приучает их к самостоятельной жизни, попросту выгоняет из своей норы и принуждает самих заботиться о своем пропитании. Это, по-видимому, не трудно для хомячков, потому что уже на пятый или шестой день, когда они едва покрыты волосами и совершенно слепы, они отлично умеют держать в передних лапках пшеничные зерна и пускать в дело острые зубки. Но все же необходим целый год, чтобы они достигли своей настоящей величины. Родившаяся в мае самка осенью способна уже к размножению***. Если грозит опасность, то маленькие зверьки, как ни жалки они на вид, проворно шныряют по норе, при этом чрезвычайно ловко один прячется в одном углу, другой в другом, но большинство, однако, придерживаются старой самки, следуя за ней повсюду, через груды земли и песка, которые она отбрасывает за собой.

Когда поспевают хлеб и овощи на полях, хомякам приходится много работать над жатвой. Каждый в отдельности натаскивает, если он в состоянии, до центнера зерен в свою нору. Кажется, они предпочитают всем другим зернам корочки льна,

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

* Хомяки — одиночные территориальные животные, яростно отстаивающие свой индивидуальный участок. У самцов участок может достигать 12 га. Во время брачного периода самец берет под охрану территории нескольких самок, образуется временный «гарем».

** Беременность длится около 20 дней, столько же продолжается выкармливание потомства. Молодые еще некоторое время живут вместе без матери, затем расселяются. В южных частях ареала у хомяков нередко третьи выводки.

*** Сеголетки в размножении не участвуют.

**Семейство
ХОМЯКОВЫЕ**

бобы и горох. Хомяк, живущий на льняном поле, едва ли соберет что-либо, кроме льняного семени; то же бывает и на гороховых полях, но зверек не отказывается и от других видов хлебов. Замечено, что старые самцы, если у них хватает времени, собирают хлеб, сортируют и складывают его гораздо заботливее, чем самки, которые после последнего приплода должны поспешно рыть нору и наполнять ее запасами. Днем хомяк собирает урожай только при полной безопасности; обычно трудовым временем его являются первая половина ночи и утро перед восходом солнца. Он нагибает передними лапами высокие стебли, откусывает колос, хватая его лапами, вертит несколько раз туда и сюда и при этом успевает не только вылущить зерна, но и забрать их в защечные мешки. Таким образом наполняются обширные мешки до краев, иногда хомяк за один раз приносит домой до 50 граммов зерна. Нагруженный таким образом, он очень забавен и представляется самым неуклюжим зверем в мире. Его без страха можно взять руками, потому что набитые мешки мешают ему кусаться, но не нужно медлить, иначе он выбрасывает зерна и становится в оборонительное положение.

В начале октября, когда становится холодно и поля пустеют, хомяк серьезно подумывает об устройстве своего зимнего жилища. Прежде всего он затыкает как можно плотнее землей выходное отверстие, потом закладывает снизу от камеры доверху проход, иногда совсем до уровня земли. Если у него не хватает времени или же он боится морозов, то роет себе еще глубже гнездо и амбары и здесь складывает свои запасы. Ложе у него невелико и густо усыпано тончайшей соломой. Теперь ленивая тварь наедается до ожирения и, свернувшись клубочком, укладывается спать. Обычно он лежит на боку, прижав голову к животу между задними ногами. Волосы все лежат в полном порядке и несколько оттопыриваются от туловища. Конечности на ощупь холодны как лед, их трудно сгибать, если же согнуть их насильно, то они, как у мертвых животных, моментально принимают прежнее положение, глаза закрыты, но если их открыть, то оказываются блестящими и чистыми, как у живого, и сами вновь закрываются. Дыхания и сердцебиения незаметно. Животное представляет полную картину смерти. Во время спячки сердце бьется обычно 14—15 раз в минуту. Незадолго до пробуждения прежде всего замечается уменьшение окоченения, потом начинается дыхание, а за ним следуют некоторые движения: сонный зверек зевает, хрипит, потягивается, открывает глаза, шатается как пьяный, пробует садиться, падает, снова поднимается, приходит в себя и, наконец, начинает медленно бегать, тут же начинает есть, если ему бросить что-нибудь; чистит и гладит себя и наконец становится совсем бодрым. Впрочем, не мешает остерегаться, когда с хомяком производят опыт такого пробуждения, потому что совершенно безжизненный по наружности хомяк иному доказывает самым чув-

ствительным образом, что он не мертв. На свободе животные, вероятно, также просыпаются среди зимы, иногда они открывают свои ямы в декабре при морозе в несколько градусов и хоть немного бегают по полям*. В постоянно отапливаемой комнате их можно продержать весь год без спячки, но это им вредно и они скоро умирают.

Большое счастье, что у хомяка так много врагов, потому что он иногда сильно размножается и тогда причиняет значительный вред. Сарычи и совы, вороны и некоторые другие птицы, но особенно хорьки и ласки, следят за ним беспрестанно и, когда только представляется возможность, убивают его. Хорек и горностаи пролезают в его подземные жилища, а потому их следует признать самыми злейшими врагами хомяков**. Каждый сельский хозяин в местностях, где много хомяков, если бы понимал свои выгоды, должен был бы щадить и охранять этих двух полезных хищников и ухаживать за ними.

В некоторых местах человек ведет правильную борьбу против хомяков. В Тюрингии, например, есть люди, для которых откапывание и уничтожение хомяков является выгодным ремеслом. Сельские общества дают плату за каждого убитого хомяка, за самца и детеныша меньшую, а за самку большую. В окрестностях Ашерслебена в одном лишь 1888 году было поймано 97 519 штук хомяков и за их поимку уплачено 1950 марок. Но главную выгоду этой охоты составляют запасы, которые натаскивает этот своеобразный зверек. Местные жители просто обмывают зерна, найденные в норках, высушивают их и мелют, как всякий другой хлеб. Шкурками также пользуются, хотя не в такой степени, как они того заслуживают, потому что, по всем сведениям, они представляют превосходный легкий и прочный мех. В некоторых местностях едят мясо хомяка, и действительно нет ни малейшего основания возражать против такой пищи, потому что во всяком случае мясо его такое же хорошее, как и у белки и у других грызунов, которых считают дичью и едят.

Мускусная крыса, или ондатра (*Ondatra zibethicus*), называемая в Америке обыкновенно индейским словом «мускваш», единственный полезный вид из этого семейства, с длинным хвостом, широкими задними ногами, с тупой мордой и замыкающимися, покрытыми короткими волосами, ушами. На передних ногах 4 пальца и вместо большого — бородавка, на задних — 5; пальцы, как и плюсна, с боков покрыты длинными плавательными волосами и снабжены довольно сильными когтями***. Хвост закруглен только на конце, по сторонам приплюснут, около конца с острыми краями, покрыт маленькими чешуйками, между которыми, окаймляя их по сторонам, выступают короткие, довольно редко растущие, но гладко прилегающие волосы. Близ половых органов находится железа, величиной с маленькую грушу, она имеет отверстие снаружи и выделяет белую маслянистую жидкость,

* В этом отличие зимнего сна хомяков, от более глубокой спячки сусликов, сурков, бурундуков. Проснувшись, хомяк прежде всего подкрепляется в одной из своих кладовых.

** Наиболее специализирован в охоте на хомяка степной хорь (*Mustela evermanni*), который ловит зверьков даже зимой, разрывая норы, забитые земляными пробками. Горностаи (*M. erminea*) охотятся в основном на молодых хомяков. В природе хомяки могут доживать до 3—4 лет.

*** Между пальцами задних ног есть небольшие перепонки.

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

** Ондатра, или мускусная крыса, — самая крупная из полевок. Длина тела 23—36 см, хвоста — 18—30 см. Масса до 575 г.*

*** Естественный ареал охватывает практически всю Северную Америку. В настоящее время она расселена по всей Евразии. В Англии была истреблена и сейчас здесь не встречается. Ондатра легко выживает в условиях различных природных зон от тундр до пустынь, в большинстве мест относится к самым многочисленным грызунам.*

**** В России эти сооружения диаметром до 2 м и высотой до 1 м называют хатками. Хатки ондатры строят в болотистых местах с низкими берегами и в тростниковых плавнях.*

имеющую сильный запах мускуса. Туловище у них коренастое, голова кругловатая, довольно короткая и широкая, морда толстая и притупленная, верхняя губа расщепленная и по бокам покрытая длинными усами; уши почти скрыты под мехом, глаза малы, задние ноги значительно длиннее передних. Мех густой, гладкий, мягкий и блестящий; подшерсток необыкновенно нежный, тонкий и короткий, волосы же ости очень блестящие и вдвое длиннее подшерстка. Верхняя часть туловища окрашена темно-бурым цветом, иногда с желтоватым оттенком, нижняя — серая с красным налетом, хвост черный, плавательные волосы на пальцах белые, когти красноватого цвета. Отступления с более темным оттенком встречаются редко, гораздо чаще попадаются белые. Взрослые самцы достигают до 58 сантиметров длины, причем на хвост приходится почти половина*.

Ондатра живет в странах Северной Америки, лежащих между 30 и 69 градусами северной широты**. Прежде думали, что существуют и другие виды этого рода, но более точные исследования показали, что есть только один вид. Чаще всего это животное попадает в обильной водой Канаде и на Аляске, здесь особенно на севере от полуострова вокруг Бристольского залива. Травянистые берега больших озер или широких, медленно текущих рек, тихие ручьи и болота, но чаще всего не слишком большие пруды, покрытые тростником и водяными растениями, составляют местопребывание этой крысы, ценимой в качестве пушного зверя. Здесь они живут семьями или целыми племенами и входят в сношения с другими соседними обществами животных того же вида. По образу жизни ондатра во многих отношениях напоминает бобра, поэтому индейцы называют обоих животных братьями и утверждают, что из них бобр старше и умнее, а мускусная крыса глупее. Постройки их, как и у бобров, представляют или простые котлообразные углубления под землей со многими выходными галереями, которые все оканчиваются под водой, или же они строят так называемые замки над поверхностью земли. Последние, устраиваемые преимущественно на севере, бывают круглые, шаровидные или куполообразные и сооружаются на куче ила, так что они выдаются над поверхностью воды***. Стены этого замка построены из тростника, осоки, ситника и смазаны илом, впрочем, некоторые наблюдатели утверждают, что вся хижина построена из одного лишь ила и что только потом она постепенно покрывается тонким слоем травы и ситника, пригоняемых водой. Внутри замок состоит из одной камеры, имеющей в разрезе от 40 до 60 сантиметров. К ней ведет проход, оканчивающийся на поверхности воды. Другие ходы не имеют на конце отверстия и расходятся от камеры в разные стороны, частью они продолжают под землей и, смотря по обстоятельствам, более или менее удлиняются, так как служат почти исключительно для собирания корней водяных растений. Зимой ондатра наполняет свою

камеру водяными лилиями, листьями, травами и тростником и, по словам Одюбона, заботится о вентиляции своего жилища, для чего покрывает середину купола слегка сложенными слоями растений, способными пропускать достаточное количество свежего воздуха и выпускать испорченный. Пока болото или пруд не замерзнет до дна, ондатра живет вполне уютно в теплом жилище, защищенном к тому же еще и лежащим на нем толстым снежным покровом. Но если холод проникает так глубоко, что для ондатры закрывается свободный выход, то она немало страдает от неудобства таких условий, иногда в поселении погибают многие сотни из-за того, что им не удается устроить во льду отверстия для дыхания и надолго сохранить их открытыми. Ричардсон, который сообщает эти данные, прибавляет, что только в очень суровые зимы эти животные испытывают действительные бедствия, потому что большей частью постройки строятся в глубоких болотах и озерах или же вблизи источников, где вода не замерзает. Ондатра следит всегда за тем, чтобы быть вне опасности во время наводнения и иметь возможность достать поблизости пищу. Поэтому она всего охотнее выбирает воды, имеющие постоянный уровень и богатую растительность.

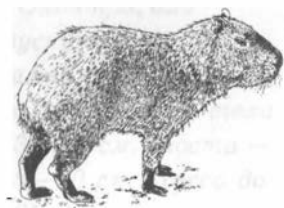
Пища ондатры состоит почти исключительно из водяных растений, хотя в постройки у многих находили выеденные раковины. Одюбон наблюдал на пойманных животных, что они очень охотно пожирали моллюсков. Тех из них, у которых раковины мягкие, они вскрывают зубами, а когда раковины слишком крепкие, то крысы ждут, чтоб они сами открылись, быстро набрасываются на них и съедают обитателя крепкой оболочки*. Если вблизи поселения находятся сады или другие плантации, то их часто посещают мускусные крысы, и тогда они поедают там много овощей. Эти животные опустошают гораздо больше, чем пожирают, так как они вырывают между корнями глубокие ямы и кроме растений, отгрызаемых ими, подрывают корни многих растений или опрокидывают их.

Одюбон и Бахман хорошо описали нравы и привычки этого зверя. «Ондатры, находясь в своей стихии в воде, оказываются очень живыми и игривыми созданиями, — говорят они в своем

Мускусная крыса,
или ондатра
(*Ondatra zibethicus*)

* Ондатра нередко поедает водяных насекомых, ракообразных, моллюсков, лягушек, мелкую рыбу, разделявая их на специальных «кормовых столиках» характерных для полевков.

труде. — В тихую ночь можно видеть в пруду или в глубоких уединенных водах, как они резвятся, плавают по всем направлениям, оставляя за собой длинные, блестящие полосы на воде; другие сидят некоторое время на кочках травы, на камнях или колодах, откуда они могут достать плывущую по воде пищу; иные сидят на берегу пруда и, подобно лягушкам, одна за другой прыгают в воду. Иногда можно видеть, как одна из них лежит совершенно спокойно на поверхности пруда или реки: туловище ее широко раскинуто и сплюснуто насколько возможно. Время от времени она сильно ударяет хвостом по воде, почти так же, как это делает бобр, и исчезает тогда с быстротой молнии под поверхностью воды, напоминая стремительностью и ловкостью уток и гагар, ныряющих в глубину, когда над ними раздастся выстрел. Потом на расстоянии от 10—20 метров зверек снова всплывает на поверхность воды, чтобы соединиться с товарищами, может быть, для еды или чтобы продолжать прежнюю игру. В это же самое время другие заняты сбором пищи на травянистых берегах, причем они выкапывают различные виды корней и выносят их на более сухие места.

Кажется, что эти животные составляют маленькую, тихую общину, которая для полного счастья требует лишь безопасности и покоя со стороны человека. Если выстрелить в то время, когда ондатры так заняты, то поднимается страшная беготня и замешательство. Вслед за выстрелом дюжины их мгновенно ныряют или же исчезают в своих норах с необыкновенной быстротой. Даже днем, когда они плохо видят, убить одну из них чрезвычайно трудно, потому что прежде чем дробь из самого лучшего оружия достигнет их, они успеют нырнуть в воду*. Попав в затруднительное положение, они, несмотря на свою трусость, по мере сил защищаются. Бульгер рассказывает о мускусных крысах, которые не только выступали против его маленькой собачки, но, подобно хомякам, даже против него самого и обнаруживали при этом такую готовность к нападению, что он вынужден был защищаться от них палкой.

О размножении ондатр мы знаем еще мало. В апреле и мае, после оставления зимних помещений, звери спариваются, и самка рождает в своей норе или в просторной яме 3—6 детенышей, по одним сообщениям, один раз в год, по другим — 3—4**. Как долго остаются детеныши при родителях и сколько времени продолжается их рост, неизвестно***. Пойманные смолоду легко приручаются, да и вообще у этих животных поразительно кроткий нрав. Рытьем своим они часто вредят владельцам прудов с водными мельницами, они прокапывают также дыры на речных плотинах и таким образом подвергают наводнению близлежащие луга. Но все же их преследуют не столько за вред, причиняемый ими, сколько из-за выгоды. Хотя из-за долго сохраняющегося мускусного запаха некоторые не любят их меха, но все-таки в насто-

* Ондатра — лучший пловец среди полевок, может оставаться под водой до 12 минут.

** В году бывает 1—2 (на юге до 3) помёта в среднем по 6—7 детенышей. Беременность — около 25 дней.

*** Молодые живут с родителями до следующей весны, после чего изгоняются с семейного участка. Некоторые самки становятся половозрелыми уже в течение первого года жизни.

ящее время он идет на шубы, воротники и муфты, особенно же сбывается в Америке и Китае. В России мех продается под названием выхухоли. Мясо их едят только индейцы, потому что оно до того пропитано упомянутым мускусным запахом, что для европейцев совершенно негодно для употребления в пищу.

Мускусных крыс заманивают в ловушки с яблоками в виде приманки, ставят западни перед их норками или же убивают в их жилищах. Индейцы знают очень точно, какие хижины обитаемы, тихо приближаются к ним и со всей силой острым копьем пробивают стены постройки, протыкая при этом обыкновенно и жильцов. Ловушки расставляют так, чтобы они упали в воду и утопили пойманных. Если этого не сделать, то последних окружают товарищи и поступают с ними по обычаю крыс, разрывают на части и пожирают. Если мускусная крыса застрелена и не убрана моментально,

то товарищи тотчас окружают труп, чтобы отнять его у охотника и беспрепятственно съесть его. Кое-где применяют также серу, выкуривая ею крыс из их построек, или же подкарауливают у выходов и, как только они показываются там, пронзают их — одним словом и здесь применяют все средства и способы для удовлетворения человеческой жадности.

Кроме того, мускусных крыс преследуют рыси и лисицы, норки и куницы, орлы, филины и снежные совы. По Ломеру, на рынок ежегодно поступает 2—4 миллиона мехов ондатры. Лучшие меха, после удаления ости, окрашиваются в темно-коричневый цвет и употребляются для опушек, которые похожи на морского котика.

Водяная полёвка (*Arvicola terrestris*)* — вреднейший из грызунов, хорошо известный естествоиспытателям. Разнообразие образа жизни этого животного поразительно. Водяная полёвка, как показывает самое название, живет близ воды или в воде, преимущественно в стоячих водах, устраивается она тут в вырытых ею подземных норах, которые косо поднимаются вверх над поверхностью воды и кончаются в широком, котлообразном углублении, от которого собственно жилая камера обычно спускается к

Водяная полёвка
(*Arvicola terrestris*)

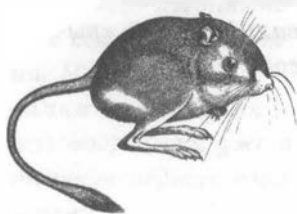
* Во времена Брема этого зверька называли водяной крысой.

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

* Длина тела водяной полевки — 14—25 см, хвоста — 7—11 см, масса до 300 г.

** Ареал водяной полевки доходит на восток только до Лены и Байкала, на юг — до севера Средиземноморья, Малой Азии, северного Казахстана, Монголии. В горах зверек встречается до субальпийских лугов на высоте 2800 м.

воде. Полевка эта шныряет по воде, прискивает себе пищу и не думает предпринимать больших странствований. Иногда, смотря по обстоятельствам, живет неделями и месяцами вдали от воды и вовсе ее не ищет, роет, как крот, длинные, неглубокие ходы, валит при этом многие растения, стоящие над ними, пожирает корни и этим вредит гораздо больше, чем крот.

Животное, о котором идет речь, в длину 21—24 см, из которых на хвост приходится 6,5—8,5 см*. Мех можно назвать одноцветным, потому что серо-коричневая и коричнево-черная верхняя сторона постепенно переходит к более светлому, беловатому цвету или к серой, черной или черно-коричневой окраске нижней стороны туловища. От черной крысы водяную полевку можно отличить сразу по толстой, круглой, короткой голове с поразительно короткими ушами, не выступающими из шерсти и достигающими едва четверти длины головы, а также по более короткому хвосту, который состоит из 130—140 чешуйчатых колец, со всех сторон равномерно и довольно густо покрытых короткими стоячими волосами. Кончик носа имеет розовый цвет, радужная оболочка черно-коричневая, усы черные, иногда с белыми кончиками, передние зубы желто-коричневые. Встречаются некоторые отклонения в окраске.

Водяная полевка встречается везде довольно часто. Область распространения ее простирается от Атлантического океана до Охотского, от Белого и до Средиземного моря, она в равной мере встречается как на равнинах, так и в гористых местах, попадает даже в высоких горных странах**.

Водяная полевка по образу жизни во многих отношениях напоминает не только крота, но также ондатру и других живущих в воде грызунов. Норы вблизи воды всегда проще устроены, чем в сухих местах, в садах и на полях. Как замечено выше, около воды кривой ход ведет в камеру, которая иногда очень мягко устлана, а в норах, заложенных в сухих местах, животное прокладывает ходы, которые могут быть длиной в несколько сот шагов, подобно кротам они выбрасывают кучи земли и в одном из больших ходов строят камеру. Большей частью длинные ходы идут непосредственно под поверхностью почвы, очень редко глубже слоя, до которого достигают корни растений, часто так близко, что покров земли при рытье явно приподнимается и свод хода состоит из слоя земли толщиной только в 2—3 сантиметра. Такие ходы очень часто разрушаются и становятся непроходимыми, но водяная полевка в исправлении их неумолима, даже в тех случаях, когда ей приходится в течение одного дня несколько раз приниматься за ту же работу. Иногда ходы ее проложены под проезжей дорогой и существуют только до тех пор, пока дорога не задействована, и все же животное не меняет раз намеченного направления, предпочитая постоянно сызнова возобновлять свой труд. Ходы эти легко отличить от ходов крота, так как кучи их неравномер-

ны и состоят из больших комков земли, расположены не по прямой линии и никогда не имеют отверстия. В таких постройках водяные полевки живут попарно, но одна пара очень охотно живет непосредственно возле другой. Животное бегаёт не очень быстро, но зато роет отлично и мастерски плавает, хотя и не так хорошо, как водяная землеройка. В уединенных местах ее можно видеть за работой как днем, так и ночью, но она осторожна и исчезает в свою нору, как только заметит, что за ней наблюдают. Только тогда, когда она бегаёт между тростником, ее легко наблюдать.

Из чувств у водяных полевок, по-видимому, отлично развиты зрение и слух. По душевным свойствам она гораздо выше крыс. Она любопытна, но вообще не умна и довольно добродушна*. Пищу выбирает себе предпочтительно из растительного царства и этим часто наносит много вреда, особенно если поселится в саду. При необыкновенном любопытстве ее не так-то легко изгнать и, если она где-либо расположилась, то не уйдет добровольно, пока не пожрет всю пригодную для нее пищу. «Однажды, — рассказывал мой отец, — земляная крыса поселилась в здешнем пасторском саду. Жилище ее расположено было в грядке савойской капусты, но так глубоко, что пришлось бы разрыть всю грядку, если бы захотели откопать ее. Из камеры многие ходы вели в сад. Когда было особенно тихо, она выходила наружу, откусывала лист капусты, захватывала его зубами, тащила в яму и поедала в своей норе. Она отгрызала корни у деревьев и даже у таких, которые достигли уже значительной величины. Я приказал окулировать белой розой штамп шиповника и, на мою радость, в первый же год получил 154 цветка. Потом роза вдруг засохла и, раскопав землю, я нашел, что все корни не только лишены оболочки, но оказались почти насквозь проеденными. Легко себе представить, насколько эти опустошения усилили мою ненависть к этому скверному животному. Но убить крысу было очень трудно. Я ежегодно видел из окна, как она облагала контрибуцией кочаны моей капусты, но было слишком далеко, чтоб застрелить ее, а как только кто-нибудь показывался, она скрывалась под землей. Только через две недели удалось убить ее, и то с помощью засады, устроенной нарочно ради нее. Но до этого времени она опустошила почти весь мой сад».

Прудам водяная полевка наносит сравнительно меньше вреда, если конечно исключить вред, наносимый ею подкапыванием плотин, чем она дает нежелательный исток для воды. Тут пища ее главным образом состоит из тростников, которые она поедает совершенно особенным образом. Она устраивает себе настоящий обеденный стол. «Эти обеденные столы, — говорил мой отец, — помещены на переломленных стеблях камыша, возвышаются на несколько сантиметров над поверхностью воды и состоят из зеленой осоки. В разрезе они имеют 20—30 сантиметров. Построены из крепкой, плотной массы, сверху вполне плоски, потому что слу-

* Водяная полевка весьма агрессивна, нередко успешно защищает даже от собак.

жат зверькам только местом отдыха и обеденным столом. В наших Рентдорфских прудах животные летом питаются почти исключительно тростником. Они откусывают его на уровне воды и относят во рту на ближайший обеденный стол. Взобравшись сюда, они приподнимаются на задние лапки, захватывают передними тростник и подвигают его к себе до тех пор, пока не доберутся до верхней мягкой части; тут они крепко захватывают тростник и пожирают всю верхушку. Покончив с одной тростинкой, они приносят сюда же другую, поступают с нею точно так же и, если им не мешают, продолжают эту работу до тех пор, пока не насытятся. Они не любят, чтобы наблюдали за ними во время обеда и бросаются в воду при малейшем шуме или при виде человека, проходящего мимо даже на довольно значительном расстоянии, ныряют и уплывают к безопасному убежищу. Если же обед окончился без помехи, то они, свернувшись, все вместе ложатся на обеденный стол и отдыхают». Живущие при прудах водяные полевки наряду с тростником поедают различные корни растений и сочные травы, а иногда и плоды. Полевки вредят всем без различия овощам и уничтожают их гораздо больше, чем им действительно нужно. «Известны примеры, — говорит Блазиус, — что благодаря этим зверькам на целых полях и полосах погибала большая половина хлебной жатвы. Они подъедают соломинку у корня для того, чтобы колос упал; умея ловко лазать, достают также маисовые зерна из початков или спелые плоды со шпалер и деревьев». Не пренебрегают они и животной пищей. В воде ловят насекомых и их личинки, маленьких лягушек, рыб и раков, на суше преследуют полевых и других мышей, отбирают яйца у птиц, высиживающих их в траве, у кожевников они поедают целые куски размягченных кож. Осенью расширяют свою нору, устраивая камеру для запасов и соединяют ее ходами со старым гнездом. Камеру наполняют провизией из близлежащих садов и полей: горохом, бобами, луком и картофелем, и питаются этим с поздней осени до весны или до тех пор, пока не потеплеет. Только при сильном морозе впадают они в спячку, но не окоченевают. Следы водяных крыс очень редко встречаются на снегу, обычно они не покидают своих нор во время холодов.

** Период размножения иногда начинается уже в феврале, в году бывает 4—6 помётов, причем родившиеся весной самки к осени успевают принести 1—2 выводка. Среднее число детенышей в помёте — 6—7 (от 2 до 10).*

Водяные полевки быстро размножаются. От трех до четырех раз в году в подземном теплом, мягко устланном гнезде находят от 2 до 7 детенышей, причем часто в одном гнезде попадают детеныши различной окраски*. «Глубина земляной норы, в которой устраивается гнездо, — говорит Ландоа, — колеблется между 30 и 60 сантиметрами. К ней всегда ведут несколько ходов. Само гнездо заполняет совершенно земляную нору, оно шарообразно, имеет в разрезе от 15 до 20 сантиметров и состоит из бесчисленных, крайне тонких, сухих корневых волокон. Более толстые волокна и корни при постройке устраняются, и таким образом сооружается гнездо, которое мягкостью и теплотой пере-

щеголяет многие птичьи гнезда». Иногда гнезда находят в густом и тернистом кустарнике непосредственно на земле, попадают они также и в камышах. Подобное гнездо описывает Блазиус. «Оно находилось на высоте одного метра над поверхностью воды, вплетенное, подобно гнезду камышевки, между тремя стеблями тростника, приблизительно в 30 шагах от сухого берега, и имело шарообразную форму; построено оно было из тонких, мягких листочков травы, выход был закупорен; снаружи оно имело в разрезе около 10 сантиметров ширины, а внутри немного больше 5 сантиметров; в гнезде находились два полувзрослых черных, как уголь, детеныша. Из взрослых животных одно, которое при моем приближении удалилось из гнезда и прыгнуло в воду, было также черного цвета. Оно плавало и ныряло с большой ловкостью. Так как пруд везде имел до 1 метра глубины от берега до гнезда, то старые могли добираться до последнего только вплавь и при этом должны были карабкаться вверх по стеблю тростника.

Способ постройки гнезда водяных полевок резко отличается от описанного, между тем как тут была полная возможность устроить подземное гнездо на близлежащем поле, в саду или на лугу; легко бы было выстроить здесь и надземное гнездо в густом кустарнике на плотине пруда, так что невозможно найти причины, объясняющей такое отступление. Если бы, отыскивая гнезда камышевки и чомги, я случайно не нашел этого гнезда, то мне никогда не пришлось бы в голову искать в подобных местах гнезда водяных полевок».

Случке предшествуют продолжительные игры обоих полов. В частности, самец поступает очень своеобразно. Он иногда так быстро кружится на воде, что может показаться, будто сильный водоворот вращает или перекачивает его. Хотя самка, по-видимому, довольно равнодушно взирает на это, но все же эти искусные упражнения ее очень веселят, потому что по окончании кружений обезумевшего от любви самца, она приближается, оба дружно плывут рядом и за этим почти всегда следует случка. Мать ухаживает за детьми с нежной любовью и в случае опасности защищает их. Когда ей кажется, что детенышам не безопасно в гнезде, она отыскивает более надежное место, уносит их туда во рту и переплывает с ними даже через широкие реки. Забывая о собственной безопасности, она при этом иногда допускает схватить себя руками, но отнять детеныша, которого она держит в зубах, можно лишь с трудом. После трех недель выводит своих детенышей из норы и в то время, как они пасутся на дерне или огородных грядках, носит для них в нору нежные побеги различных трав, особенно горох, любимейшую пищу детенышей. Скоро они начинают свои первые опыты копания и уже в ранней молодости становятся очень вредными на лугах и полях, а еще более в садах*.

Самыми опасными врагами водяных полевок являются ласки и горностаи, потому что преследуют их в подземных ходах и

* Продолжительность жизни водяных полевок — до 2 лет, но обычно гораздо меньше. Осенью популяции зверьков более чем наполовину состоят из сеголетков. Характерны резкие (иногда более чем в 1000 раз) изменения численности по годам. В благоприятный год плотность может достигать 500 особей на 1 гектар. В такие годы вид превращается в серьезного сельскохозяйственного вредителя.

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

* Основным фактором, лимитирующим численность водяной полевки, являются не хищники, а высокие весенние паводки. Шкурки водяной полевки считаются второстепенной пушниной.

** Снежные полевки (*Chionomys*) — род высокогорных полевок, выделенный из серых полевок. Во времена Брема был известен только один вид — снежная полевка (*Chionomys nivalis*), в начале XX века открыты еще два вида — эндемики Кавказа и Закавказья.

*** Снежная полевка обитает не только в Альпах и Пиренеях, но и в горах Иберийского полуострова, на Балканах, в Малой Азии, на Кавказе, в Туркмении, Иране, Ливане. Основная высотная амплитуда вида — 1000—2600 м, но есть популяции, обитающие метров на 150 ниже; и выше — до 4100 м над уровнем моря. Для вида

даже в воде. Покидая нору, водяная полевка становится добычей лесного сыча, белой совы, хорька и кошки, но в общем она в значительной мере предохранена от хищников, и этим вызывается необходимость беспощадного преследования ее со стороны человека. Мало защищают от водяной полевки ловушки или зарытые в землю большие горшки с гладкими стенками, препятствующими ей выбраться, если она упадет туда во время ночных прогулок по земле: она, по возможности, избегает и тех, и других, и таким образом у человека против нее остается лишь одно средство. Оно заключается в том, что открывают ее ходы так, чтобы в них проникли свет и воздух. «Уже спустя несколько минут после этого, — говорит Шахт, подтверждая более ранние указания Ландоа, — водяная полевка приближается к выходу и с любопытством высовывает голову, опять исчезает, а потом вскоре начинает рыть новую нору под только что открытой. Чтоб выманить ее, перед отверстием норы кладут иногда ее любимое кушанье — корешок петрушки. Как только она выйдет, ее убивают. Конечно, охота на полевок не особенно благородна, но все же эта дичь достойна заряда пороха»*.

Высоко в Альпах, далеко за пределами прекращения всякой иной животной жизни, обитает второй вид этого рода, сопротивляясь всяким переменам погоды и не помышляя, подобно другим грызунам, искать защиты в недрах земли. Несмотря на то, что исследованием его жизни занимались многие натуралисты, мы до сих пор не имеем обстоятельных сведений об этом животном, так как негостеприимность его местожительства сильно затрудняет наблюдения.

Снежная полевка (*Chionomys nivalis*) представляет собой маленькое животное, общая длина которого 18 см при длине туловища 12,5 см и хвоста 6,8 см**. Мех ее двухцветный, верхняя сторона светлая буровато-серого цвета, середина спины темнее, чем бока, нижняя часть довольно явственно отделена и серовато-белая. «Снежная полевка, — говорит Блазиус, — среди всех мышей имеет наименьший, но своеобразный район распространения: она встречается во всех частях Альпийских гор. Мне не известно ни одного примера нахождения ее ниже 1000 метров над уровнем моря, даже при 1300 метрах она попадает только изредка***. Выше встречается на всех высотах до крайних пределов растительности. Чаще всего она появляется вблизи снежной линии, но случается, что пересекает ее и живет на самых маленьких растительных островках, на обнажениях южной стороны высоких вершин, скупо поросших скудными альпийскими травами, посреди снежных полей, где теплые солнечные лучи едва на 2—3 месяца немного прогревают землю. В этом величественном горном уединении проводит полевка не только прекрасное короткое альпийское лето, но также и 9—10-месячную суровую альпийскую зиму, погребенная под крепким

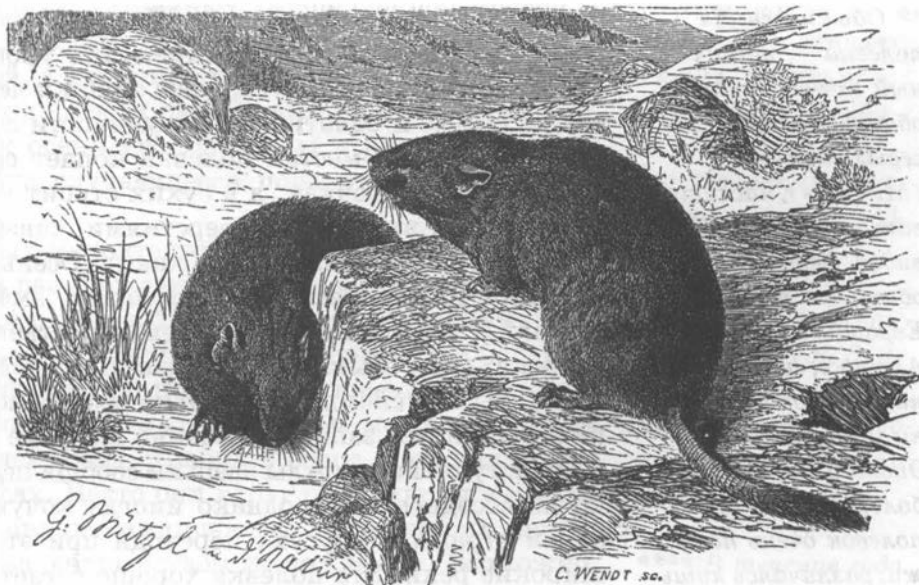
снежным покровом, так как она не странствует, хотя и прокладывает зимой норы под снегом, чтобы отыскивать корни растений, когда не хватает собранных запасов. Никакое другое млекопитающее не может долго прожить там, где живет постоянно снеговая полевка, только ласка или горноста́й, ее неутомимые враги, лишь изредка идут по ее следам».

Снежная полевка стала известна естествоиспытателям только несколько десятилетий тому назад. Нагер открыл ее в 1841 году в Андерматте на Сан-Готарде, Мартенс нашел ее на Фаульгорне, Хуги — на самом высоком гребне Штральэка, выше 3000 метров над уровнем моря и на Финстераргорне на 3600 метрах над уровнем моря. «Мы отыскивали, — рассказывает он, — хижину на Штирегальпе, которая наконец обнаружилась в виде несколько приподнятого снежного места, мы стали копать вглубь, и ночь давно уже наступила, когда мы нашли крышу, а по ней быстро добрались и до сторон хижины. Мы отрыли снег от двери, с большой радостью вошли туда и убили семь альпийских мышей, причем более 20 обратилось в бегство, по-видимому, не имея намерения отстаивать свой подземный дворец». Блазиус наблюдал снеговых полевок в горах у Шамбери, на Монблане и на Бернине при высоте 3600 метров.

Жизнь, которую ведет снежная полевка в своем негостеприимном, печально-бедном отечестве, до сих пор еще загадочна. Известно, что она питается растениями, главным образом корнями и свежими альпийскими травами, а также сеном и из этого же материала собирает запасы на зиму, но едва ли понятно, как она в таких местах находит достаточно пищи, так как иногда попадает только один вид растения, который может служить для пропитания, относительно других мест нельзя понять, чем только она живет. Летом полевка, конечно, не терпит нужды, посещает пастушьи хижины, коровьи и овечьи пастбища и лакомится всем найденным там съестным, кроме мясного. В ее норах находят погрызенное сено и стебли, часто также корни разных альпийских трав. В гнезде, по всей вероятности дважды в

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

характерны небольшие высотные сезонные кочевки. Предпочитает скалистые участки и иногда не делает нор, а селится в пустотах между камнями.

Снежная полевка
(*Chionomys nivalis*)

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

* Биология снежной полевки плохо изучена и ныне. Беременность длится около 20 дней, в году бывает 2 выводка, по другим данным — 4 выводка, по 1—4 (до 6) детеныша в каждом.

** Обыкновенная полевка — типичный представитель обширного рода серых полевок (*Microtus*), насчитывающего от 40 до 80 видов. Серые полевки обитают повсюду в Евразии и Северной Америке, за исключением высокой Арктики и тропиков. Экология и биология большинства серых полевок очень похожи, различаясь лишь мелкими деталями. Эти зверьки предпочитают влажные высокоотравные луговины, либо лесное широколиственное, реже — сухие степи, в горы поднимаются до 4500 м.

год, оказывается 4—7 детенышей*. Блазиус нашел таковых даже около конца сентября. С наступлением зимы снежная полевка переселяется немного ниже, но и тогда не доходит до обитаемых местностей. В это время она питается собранными запасами и, когда их не хватает, прокладывает длинные ходы в снегу от растения до растения, от корня до корня, с немалыми трудностями добывая себе насущное пропитание.

Важнейший для нас вид — **обыкновенная полевка** (*Microtus arvalis*)** — зверек общей длиной в 14 см или туловищем 11 и хвостом 3 см. мех неясно двухцветный, на спине желтовато-серый, на боках светлее, внизу грязный ржаво-белый, лапки более чистого белого цвета. Отчеством этого маленького зверька служит вся средняя и часть северной Европы, а также западная часть средней и северной Азии, не встречается в Ирландии, Исландии, на Корсике, Сардинии и Сицилии. Она свойственна как равнинам, так и горам, хотя чаще обитает в низменностях. В Альпах распространена до 2000 метров над уровнем моря. Безлесные пространства, поля и луга, реже опушки лесов и лесные поляны, а также сырые и болотистые низменности служат ей местожительством. В сырых местах полевка копает свои подземные ходы и гнезда в сухих кочках, а в сухих строит неглубокие норы с 4—6 различными входными отверстиями, связанными снаружи утоптаннами, углубленными дорожками. Осенью она удаляется в скирды хлеба или появляется в жилищах, амбарах, конюшнях и погребах. В домах она живет преимущественно в погребах, а не на чердаках, как обыкновенные мыши. Зимой она выкапывает длинные ходы под снегом. Где только возможно, обыкновенная полевка накапливает запасы, особенно хлебные зерна и другие семена; при наступлении нужды зверьки сообща переселяются, чаще только на соседнее поле, однако иногда кочуют целыми стадами из одной страны в другую, переходя при этом горы и переплывая широкие реки. Эта полевка хорошо бегаёт, превосходно плавает, лазает, однако, мало и неловко. Копать она умеет мастерски, роет быстрее, чем всякая другая мышь, и кажется неутомимой в рытье нор. По образу жизни она в равной степени как дневной, так и ночной зверек. По-видимому, она предпочитает утреннюю и вечернюю пору жаркому полудню, но ее можно видеть вне норы и во время самого сильного солнечного зноя. Теплота и сухость — необходимые для нее жизненные условия, при продолжительной сырости она погибает.

Пища обыкновенной полевки состоит из всевозможных растительных веществ. Имея зерна, она ограничивается только ими, в противном случае довольствуется свежей травой и зеленью с корнями и листьями, клевером, плодами и ягодами. В большом количестве истребляет она буковые орешки, настоящие орехи, хлебные зерна, репу и картофель. Когда хлеба начинают созревать, эти полевки собираются целыми стаями на полях, откусыва-

ют внизу соломины и, свалив, отгрызают их наверху и тащат колосья в свои норы. Во время жатвы она следует по пятам жнецов, вместе с ними переходит от озимых полей к яровым, и, поедая осыпавшиеся зерна, собирает свалившиеся при связывании снопов колосья. Из леса она тащит в свою нору упавшие плоды шиповника и можжевельника, буковые орешки, желуди и настоящие орехи*. В течение самого сурового времени года она впадает в непрерывную зимнюю спячку, а при умеренной погоде просыпается и питается своими запасами**.

В высшей степени общительная, обыкновенная полевка живет довольно дружно с себе подобными, по меньшей мере попарно, чаще же большими стадами, поэтому-то и норы их тесно прилегают одна к другой***. Размножается она необыкновенно быстро. В ее теплых гнездах, лежащих на 40—60 сантиметров ниже поверхности земли и мягко устланных расщепленной травой и тонко разжеванными стеблями, а иногда и мхом, уже в апреле находят 4—8 детенышей, а в течение теплого времени года самка рождает еще от четырех до шести раз. Весьма вероятно, что детеныши первого помета к осени уже способны к размножению, и этим объясняется иногда случающееся поразительное увеличение их числа****.

«При благоприятных обстоятельствах, — говорит Блазиус, — обыкновенные полевки размножаются в невероятных размерах. Известно много примеров, когда благодаря их чрезмерному размножению, на больших пространствах была уничтожена большая часть посевов и молодой буковой поросли. Человек, не переживший таких обильных мышами годов, с трудом может составить себе понятие о наводящей ужас страшной возне и хозяйничанье мышей на полях и в лесах. Часто они вдруг появляются в какой-нибудь местности, где раньше не замечалось постепенного прироста их, как бы вызванные волшебством из-под земли. Возможно, что в некоторые места они приходят извне, обыкновенно же их чрезвычайное размножение можно предвидеть за недели вперед по увеличению числа сарычей. В двадцатых годах на нижнем Рейне этот бич страны повторялся неоднократно. Почва на полях местами была до того изрыта, что трудно было поставить ногу на землю, не касаясь при этом мышиных нор, между отверстиями которых были глубоко протоптаны бесчисленные дорожки. Даже днем все кишмя кишело мышами, свободно и безопасно бегавшими вокруг. При чем-нибудь приближении 8—10 из них сразу подбегали к одному и тому же отверстию, чтобы прошмыгнуть в него, и произвольно загораживали друг другу входы. При этой давке у проходов нетрудно было убить с полдюжины одним ударом палки. Все мыши казались сильными и здоровыми, хотя большей частью довольно маленькими, вероятно, вследствие преобладания молодых. Три недели спустя я посетил те же места. Число мышей увеличилось еще больше, но зверьки, очевидно, были

** Полевка питается преимущественно зеленью, корой или подземными частями растений, ягодами, на зиму заготавливает не подверженный порче зерновой корм.*

*** Полевки не впадают в зимнюю спячку, иногда размножаются зимой.*

**** Полевки селятся колониями, представляющими собой систему сообщающихся нор с многими (до 300 и более) выходами, несколькими кладовыми и гнездовыми камерами.*

***** В течение года у полевок бывает до 7 помётов, сеголетки из весенних выводков осенью уже размножаются. Полная смена поколений, по-видимому, происходит в течение 1—1,5 года. Пики численности полёвок наступают через каждые 3—4 года.*

в болезненном состоянии. Когда я, четыре недели спустя, посетил в третий раз эти местности, в них исчез всякий след мышей; но порожние ходы и жилища производили впечатление еще тягостнее прежнего, когда они была так оживлены. Говорили, что животные внезапно, как бы по волшебству, исчезли. Многие могли погибнуть от заразной болезни, многие могли быть съедены себе подобными, как они это делают и в неволе, но говорили также о бесчисленных стадах, среди белого дня в разных местах переплывших Рейн. Между тем нигде, даже далеко в округности не заметили необыкновенного прироста их, напротив, казалось они повсюду исчезли одновременно, нигде не появляясь снова. Природа сделала чрезмерное их размножение одновременно орудием их же истребления. Погода, прекрасное теплое позднее лето, казалось, благоприятствовало им до конца».

Обыкновенная полевка
(*Microtus arvalis*)

часов между Эрфуртом и Готой принуждены были перепахать около 12 000 акров земли. Посев каждого акра стоил по тогдашним ценам 2 талера; собственно перепашку можно было оценить в полталера и, таким образом, убыток составлял по меньшей мере, 20 000—30 000 талеров, а возможно намного больше. Близ Бреслава в одном большом имении в течение 7 недель были пойманы 200 000 полевок и доставлены на Бреславский завод земледобрильных туков, который платил тогда за каждую дюжину 1 пфенниг. Некоторые ловцы мышей могли ежедневно поставлять фабрике 1400—1500 штук». В 1872 и 1873 годах почти со всех концов нашего отечества раздавались жалобы на мышиное нашествие. Это была беда, которую можно уподобить египетским казням. Даже в такой бесплодной местности как Бранденбург, на отдельных полях можно было насчитать тысячи полевок; на тучных же пашнях Нижней Саксонии, Тюрингии, Гессена они хозяйничали ужасно. Наполовину созревшие жатвы пропали, сотни

Чтобы представить числовые данные о массах мышей, появляющихся иногда в различных местностях, я замечу, что в одном округе Цаберн в 1822 году за 14 дней было поймано 1 570 000 обыкновенных полевок, в округах Нидда — 590 327 и Пуцбахе — 271 941 штуки. «Осенью 1856 года, — говорит Ленц, — было так много мышей, что в округности четырех

тысяч моргов были перепаханы, многие тысячи марок истрачены на истребление мышей. Как в сельскохозяйственных обществах, так и в министерствах обсуждались средства и способы для отращения бедствия.

Временами обыкновенная полевка нападает даже на леса. В 1813 и 1814 годах она причинила опустошения в Англии в одно- и двухлетних древесных насаждениях, что возбудило серьезные опасения. На больших пространствах зверьки эти не только объели кору на всех саженцах, но обгрызли также корни многих больших уже дубов и каштанов, так что деревья совсем погибли. Правительство вынуждено было принять самые энергичные меры для устранения огромного вреда.

К несчастью, человек почти бессилён в борьбе с полевками. Все придуманные доселе средства истребления оказываются недостаточными из-за их удивительной плодовитости: помочь могут только появляющиеся между ними повальные болезни и в значительной степени также преследуемые человеком хищные звери. При перепашке полей детей заставляют следовать за плугом с палками и избивать всех попадающихся мышей. Иногда их норы наполняют дымом, бросают туда отравленные зерна, поливают даже целые поля отваром чилибухи или молочая — одним словом, пользуются всеми способами, чтобы освободиться от этой ужасной язвы, но обычно большинство этих средств оказываются почти напрасными, а некоторые из них, именно отравление, к тому же в высшей степени опасно: даже самый сильно действующий яд не уничтожит всех полевок, а только погубит их злейших врагов, то есть наших друзей: лисиц, хорьков, горностаев, ласок, сарычей, сов, ворон, а также куропаток, зайцев, и даже домашних животных, от голубя до рогатого скота или лошадей; очевидно, достаточно оснований, чтобы совершенно отвергнуть рассыпание яда*. Все зоологи и друзья животных в 1872 году с грустью видели, как отравлялись и уничтожались враги мышей, между тем как они заслуживали охраны и заботы о себе. Предостережения благоразумных сотоварищей по профессии оставались до той поры напрасными, и только позже была признана истина, которую они возвестили письменно и устно, что разбрасывание отравы на полях выгодно торговцам ядами, а никак не сельским хозяевам. Наряду с ядом на жирных почвах применялось также с успехом и выкуривание обыкновенных полевок, причем забивали все выходы нор, а во вновь открываемые мышами впускали ядовитые газы (углекислоту и сернистый ангидрид), но и этот, сам по себе прекрасный способ не везде мог быть применим, потому что стоил очень дорого.

Норвежский лемминг (*Lemmus lemmus*) достигает 15 см общей длины, из них никак не больше 2 см приходится на короткий хвостик. Густой и длинный мех окрашен очень красиво. Среди коричнево-желтого, на спине волнистого основного цвета выда-

* Высказывая свою точку зрения на вред химикатов, уничтожающих не столько врагов, сколько друзей, Брем почти на 100 лет опередил свою эпоху. Поразительно верно Брем оценивает также положительную роль хищников в борьбе с грызунами, называя их союзниками человека.

** Во времена Брема всех «бесхвостых» полевковых в России называли пеструшками, очевидно, за пеструю окраску норвежского лемминга. Сейчас по-русски пеструшками называют два близких рода евразийских степных полевковых, а финским словом «лемминг» — комплекс довольно далеких друг от друга родов (Myopus, Lemmus, Dicrostonyx, Synaptomys, 15—20 видов), распространенных в арктической, тундровой и таежной зонах Евразии и Северной Америки. Лемминги — грызуны, в наибольшей степени адаптированные к обитанию в северных краях с долгой, морозной и снежной зимой. Плотное сложение создает выгодное соотношение поверхности тела лемминга к объему, почти отсутствующие ушные раковины и хвост, покрытые мехом ступни, также сводят к минимуму потери тепла.*

ются темные пятна, от глаз на заднюю часть головы спускаются две желтые полосы. Хвост и лапы желтого, нижние части бурого-желтого, почти песочного цвета *.

Лемминг несомненно самый загадочный зверь всей Скандинавии. Еще и теперь крестьяне горных местностей верят, что они в виде дождя падают с неба и потому являются в таком громадном количестве. Олаус Магнус рассказывает, что в 1018 году он видел очень много горностаев в одном лесу, который весь был наполнен их зловонием. Виновны в этом, будто бы, маленькие четвероногие зверьки по имени «Лемар», падающие иногда с неба при внезапной грозе и дожде, причем неизвестно, перенесены ли они ветром из отдаленных местностей или рождены в облаках. «Эти животные, появляющиеся, подобно саранче, громадными массами, уничтожают всю зелень, и даже растения, только надкусанные ими, погибают, как отравленные. Они живут там, пока не дождутся свежей травы. Перед уходом они собираются в стада подобно ласточкам, иногда они умирают массами и заражают воздух, отчего у людей появляются головокружения или желтуха, иногда поедаются горностаями, которые буквально откармливаются ими».

Одни ученые просто цитируют рассказ вышеназванного епископа, а Олаус Ворниус в 1633 году издал целую книгу, в которой старается доказать, что животные могут рождаться в облаках и падать из них, причем прибавляет, что напрасно пытались прогнать пеструшек заклинаниями. Лишь К. Линней впервые в 1740 году описал лемминга научно и так подробно, что не много можно прибавить к его описанию. Сам я в 1860 году застал этих зверьков в большом количестве в Доврефьеллье и мог изучать их посредством собственного наблюдения. По сведениям, полученным мною в Норвегии, они встречаются также на всех более высоких горах страны и на соседних островах, если они гористы. Дальше на севере они спускаются с гор до тундры. На бесконечных болотах между Альтенфиордом и рекой Таной я находил помет леммингов на всех сухих местах в невероятном количестве, но уже не увидел там ни одного из них. В Доврефьеллье они представляют обычно явление в мае и многочисленнее всего в самом верхнем поясе, между 1000—2000 метрами над уровнем моря, то есть от границы пихтовых лесов вверх до линии вечного снега. Некоторых я находил также в Гульдбрандедалене, едва выше 100 метров над уровнем моря, а именно в обильных водой местностях, поблизости от Лаугена. В Доврефьеллье они жили близко, один возле другого, и часто можно было видеть и слышать 8—10 из них одновременно. Зверьки эти чрезвычайно милы. Они выглядят как маленькие сурки или как хомяки и нравом особенно схожи с последними. Местом пребывания им служат более сухие места на болотах, покрывающих значительную часть Норвегии. Они селятся здесь в неглубоких норах под камнями или во

мху, но часто встречаются бегающими по кочкам, возвышающимся над трясинной. Изредка можно заметить протоптанные тропинки, ведущие от одной норы к другой; большие ходы они вырывают только в снегу. И днем, и ночью лемминг бодр и находится в движении. Ходит он вприпрыжку, но быстро, хотя человеку легко его догнать. В бегстве они проявляют чрезвычайную ловкость, отыскивая всякое сухое место даже в самой ужасной трясине и пользуясь им, как мостом. Воды избегают, и если их бросить в озеро или речку, они очень сердито пищат и ворчат, стараясь как можно скорее попасть опять на сушу. Обычно лемминги сами выдают свое присутствие. Часто они спокойно сидят в своих норах, и прохожий наверняка не заметил бы их, но появление человека волнует их настолько, что они не могут молчать. Громким хрюканьем и писканием, наподобие морских свинок, встречают они вторгнувшегося в их пределы, точно желая этим преградить ему доступ в свои владения. Они обращаются в бегство только тогда, когда бывают на поверхности земли, когда же к ним приближаются, они спешат к одной из бесчисленных норок, там прочно усаживаются и больше уж не выходят оттуда, скорее позволив убить себя или поймать.

Меня ужасно забавляли эти отважные зверьки, я никогда не упустил случая вызвать их на бой. Если подойти вплотную к их норе, лемминги выскакивают оттуда, пищат, хрюкают, поднимаются на задние лапы, опрокидывают голову назад, так что она почти лежит на спине, и глядят так свирепо своими маленькими глазами на противника, что в самом деле не решаешься — брать ли их рукой или нет. Так уставившись, они и не думают об отступлении. Если протянуть им сапог, то они кусают его, так же точно и палку или ствол ружья, хотя и понимают, что тут ничего не поделаешь. Некоторые так впивались зубами в мои панталоны, что я едва мог их стряхнуть. В таких битвах они впадают в страшную ярость и походят тогда совсем на злобных хомяков. Если быстро наступать на них, то они пятятся задом, подняв голову, при этом громко пищат и хрюкают; натолкнувшись на какое-нибудь препятствие, они снова останавливаются и храбро защищаются. Иногда лемминги маленькими прыжками наскочивают на своего противника; они не боятся, по-видимому, никого и с безумной отвагой вступают в бой. На дорогах их часто переезжают, так как они упрямо становятся на пути и не желают уступать его. Многих загрызают на дворах собаки, а кошки поедают их так много, что постоянно сыты. Зимой, как выше сказано, они прорывают в снегу длинные ходы, в которых при оттепели строят себе большие с толстыми стенами гнезда из травы. Гнезда помещаются на 20—30 сантиметров над поверхностью земли, и от них в разные стороны ведут сквозь снег длинные ходы, большая часть которых направлена вниз и прокладываются далее, подобно ходам нашей полевки, наполовину во мху, наполовину в снегу*.

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

Норвежский лемминг населяет север Скандинавии, в России встречается на Кольском полуострове.

** Летом лемминги живут в неглубоких простых норах, соединенных дорожками, протоптанными в моховых и травяных кочках (нередко — внутри кочек). Лишь зимой они обитают в больших шарообразных гнездах (диаметром до 20 см), располагающихся на поверхности земли, но под снегом. Зима — лучшее время для леммингов, в это время они могут питаться растительным кормом под снегом, не опасаясь быть замеченными многочисленными в это время на севере хищниками.*

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

** Поскольку лемминги нередко размножаются и зимой, под снегом, находка выводков в наземных гнездах вполне вероятна. В течение года бывает 3—5 выводков по 3—9 (обычно 5—6) детенышей. Скорость созревания детенышей и смены поколений — как у других полевок.*

*** Основу питания леммингов составляет зеленый корм. Ягель и грибы также занимают существенное место в рационе. Сезонный корм — насекомые, ягоды. Для пополнения организма минеральными веществами глодают кости. Многочисленная армия леммингов каждый год начисто сгрызает тонны рогов, сброшенных северными оленями.*

**** Иногда лемминги запасают на зиму веточный корм.*

Детеныши леммингов, по уверению одного старого охотника, выводятся в обитаемых ими гнездах. Мне самому не повезло найти гнездо с детенышами, и я готов думать, что во время моего пребывания в Доврефьеллье время размножения не наступило. Линней говорит, что зверьки эти имеют большей частью 5—6 детенышей, а Шаффер прибавляет, что они плодятся несколько раз в году. Кроме этого я ничего не знаю об их размножении*.

Пища их состоит главным образом из немногих альпийских растений, свойственных их бедной родине, точнее оленьего мха, сережек карликовой березы и, вероятно, также из различных корней. Лемминги поднимаются до той же высоты, до которой и лишайники, и вовсе не встречаются там, где их нет. Это указывает на то, что они составляют самую существенную часть их пищи**. Насколько я узнал, они ничего не запасают себе на зиму и питаются только тем, что находят под покровом снега, особенно почками занесенных кустарников***. Лемминги не приносят большого вреда человеку, потому что в областях их распространения нет полей, а в дома они не заходят. Если они и попадают изредка в усадьбах, то лишь по случайности. Однако один житель Лофотенских островов сообщил мне, что в некоторые годы картофельные поля страдают от пеструшек. Зверьки прорывают себе длинные ходы и проводят норы непосредственно между клубнями, которыми они потом и питаются со всем удобствами. Только в некоторые годы пеструшки страдают от голода и тогда вынуждены предпринимать странствования.

При упоминании этого общеизвестного факта я обращаю особое внимание на то, что жители Доврефьеллье ничего не знали об этих странствованиях и что население Лапландии также мало могло мне сообщить о них. Финны, которых я спрашивал, также ничего не знали, и если бы такой известный натуралист, как Линней, не свидетельствовал об этом факте, то я едва ли счел бы эти странствования достойными упоминания. Из сообщения Линнея видно, что великий естествоиспытатель сам не видел переселения пеструшек, а повторяет лишь слышанное. Новейшие путешественники упоминают о странствующих пеструшках и говорят при этом, что шествие их подобно волнующемуся морю, но описания их не настолько подробны и точны, чтобы по ним можно было составить себе ясное представление об этих странствованиях. Мартинс рассказывает, что в пихтовом лесу на берегу Муонио он нашел леммингов в большем количестве, чем где бы то ни было перед тем и что невозможно было сосчитать всех одновременно. Чем дальше он и его спутник проникали вглубь леса, тем больше становилось их число, потом, выйдя на открытое место, исследователи убедились, что все зверьки бежали в одном направлении, совпадавшем с течением речки. Их часто наблюдали в то время, когда они взбирались на тот или на другой берег Му-

онио. Также как и Линней, Мартинс не мог определить причину странствования.

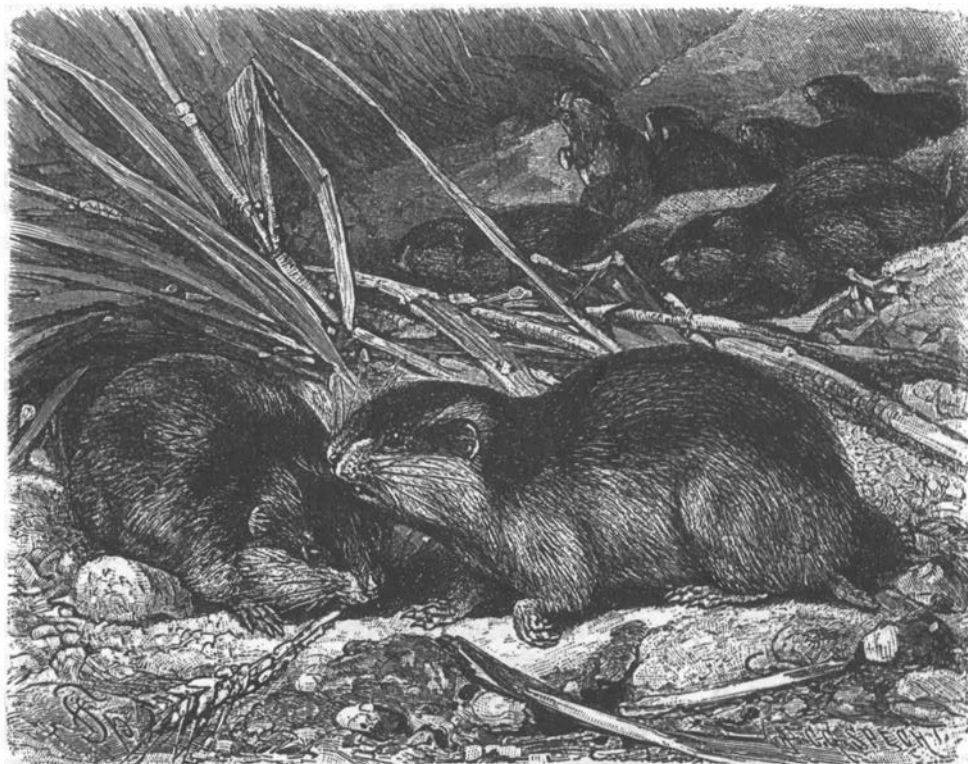
«Самое замечательное у этих зверей, — говорит вышеназванный исследователь, — их странствования, так как в известное время, обычно через 10—20 лет, они уходят из мест своего жительства в таком множестве, что невольно удивляешься. В конце концов они вытаптывают настоящую тропу в земле, на два пальца в глубину и на полпальца в ширину. Эти тропинки удалены друг от друга на несколько шагов и все идут в одном направлении. Дорогой лемминги пожирают траву и высунувшиеся наружу корни, как говорят, они часто рожают в пути и уносят одного детеныша во рту,

а другого на спине. Встретив на пути человека, они не уклоняются от него, а стараются пройти между его ногами или же садятся на задние ноги и кусают протянутую палку. Они не обходят стог сена, а роют и прогрызают его насквозь, большой камень обегают кругом и продолжают свой путь по прямой линии. Они переплывают большие озера, а, подойдя к лодке, прыгают в нее и с

другой стороны бросаются снова в воду. Они не страшатся бушующей реки, бросаются в нее, даже если при этом и пришлось бы поплатиться жизнью».

По моему мнению, причина таких переселений должна скрываться, так же как и у других полевок, в появляющемся время от времени недостатке пищи*. Хотя лемминги, как выше замечено, спускаются иногда в низменности, они все же должны считаться горными зверями, потому что тундра на дальнем севере Скандинавии имеет характер широких, плоских гребней более южных гор. Если тут за умеренной зимой следуют хорошая весна и сухое лето, то условий этих достаточно для успешного размножения,

Семейство ХОМЯКОВЫЕ

Норвежский лемминг
(*Lemmus lemmus*)

* Обычно массовые выселения леммингов связаны с перенаселением ограниченных площадей в годы пика численности.

** Лемминги находят в основании пищевой пирамиды в тундре (сразу после растений) и от их благополучия зависит существование большинства других животных. Лемминги составляют основу питания песца, волка, горноста, белой совы, зимняка, некоторых поморников и чаек. В год пика численности леммингов эти хищники приносят большое потомство, в годы резкого спада — могут вообще не приступать к размножению или перемещаться на большие расстояния в поисках более благоприятной ситуации с численностью грызунов. В «немышиные» годы сокращается численность и резко падает успех размножения большинства тундровых птиц, зайцев, многих других животных, испытывающих усиленный пресс со стороны хищников, размножившихся в предыдущий год — год пика численности*

которое, так же как и у других полевок, может быть названо безграничным. Но излишняя сухость ослабляет рост излюбленных ими питательных растений, вследствие чего большие пространства пастбищ уже становятся негодными и не могут удовлетворять массу прожорливых существ, и вот они вынуждены искать пропитание где-нибудь в другом месте. При таких обстоятельствах, как известно, собираются толпами не только грызуны, но и другие травоядные, например антилопы, которые странствуют и дорогой забирают с собой товарищей по виду. Только после того, как сотни тысяч леммингов погибли от нужды, болезней, трудностей и опасностей пути, пережившие пытаются достигнуть снова высот, составляющих их настоящее место жительства, при этом, конечно, может случиться, что они, как наблюдал Гомстрем, опять-таки идут по прямой линии. Таким образом странствования леммингов кажутся мне вовсе не чудеснее или менее объяснимыми, чем странствования других млекопитающих, особенно полевок.

Судя по всем полученным мной сообщениям, нельзя сомневаться, что лемминги пытаются переплыть море с одного острова на другой; но рассказы и об этих путешествиях сильно преувеличивались. Часто проходят многие годы, прежде чем пеструшки являются большими толпами. В Доврефьелле в течение 15 лет они не были так многочисленны, как летом 1860 года. Это внезапное появление их подает много поводов к суеверию и бредням. Нельзя объяснить себе, как вдруг на уединенном острове появляются в таком множестве невиданные раньше животные, но при этом забывают, однако, о тех немногих, которые, несомненно из года в год живут там и при благоприятных обстоятельствах благодаря плодовитости могут размножаться до невероятного количества.

Счастье еще, что у леммингов так много врагов; иначе, при несметном количестве их, они наводнили бы всю страну и сожрали бы все съедобное*. Во всяком случае, климат — лучший истребитель этих зверей. Дождливое лето, холодная, ранняя, бесснежная осень убивают их миллионами и, конечно, требуется много лет, чтобы размножение их до некоторой степени вознаградило вымирание. Кроме того, леммингов преследует бесчисленное множество животных; можно сказать, что ими откармливаются все хищные звери Скандинавии. Волки и лисицы на целые мили следуют за ними и, когда есть лемминги, ничего другого не едят; россомаха, как я сам наблюдал, усердно преследует наших зверьков; куница, хорек и горноста, охотятся часто только за ними, вечно голодные собаки лапландцев считают годы, богатые пеструшками, как бы праздниками, которые так редко выпадают на их долю; совы также сопровождают стада наших зверьков; снеговая сова встречается почти исключительно в местах, где водятся пеструшки; сарычи без усталости стараются истреблять бедня-

жек; вороны выкармливают ими своих детенышей. Даже северные олени, по утверждению многих, едят иногда леммингов или, по крайней мере, убивают их передними копытами, раздраженные, вероятно, задором маленьких тварей. Чрезвычайно смешно смотреть, когда ворона нападает на пеструшку самца, не желающего добровольно сдаться. Мне удалось присутствовать при таком единоборстве. Серая ворона, долго солидно сидевшая на скале, вдруг устремилась вниз на мох и там старалась что-то схватить, но дело было не так просто: это нечто (пеструшка) сопротивлялось изо всех сил, рычало, ворчало, хрюкало, пищало, становилось в боевую позицию, делало прыжки по направлению птицы и угрожало ей так серьезно, что последняя несколько раз отскакивала назад, очевидно труся. Но храбрая ворона не прекращала своей охоты, а снова кидалась на пеструшку, пока последняя, ослабев, не проглядела нападения и не получила хорошо направленный удар клювом, лишивший ее жизни.

Человек становится врагом пеструшек, только когда находится в величайшей нужде. Во всех высоко лежащих местностях Скандинавии он предоставляет этим зверькам жить и размножаться, как им угодно.

СЕМЕЙСТВО СЛЕПЫШОВЫЕ (*Spalacidae*)*

Известнейший вид этого семейства — **обыкновенный слепыш** (*Spalax microphthalmos*)**. Тупорылая голова шире туловища, короткая неподвижная шея так же толста, как бесхвостое тело, на коротких ногах широкие ступни с сильными пальцами и когтями. Глаза едва величиной с маковое зерно и спрятаны под кожей, следовательно, не могут служить для зрения. Туловище 20 см длиной. Череп толстой головы приплюснут, лоб плоский, рыло тупо округлено, нос толст, широк и хрящеват, с круглыми, далеко отстоящими одна от другой ноздрями. Могучие, толстые, одинаково широкие, спереди долотообразно отточенные резцы далеко выступают из рта. Все пальцы на ногах сильны и снабжены крепкими когтями для рытья, на передних ногах они расположены далеко один от другого и только у основания соединены короткой перепонкой. Хвост обозначен слабо выдающейся бородавкой. Туловище покрыто густым, гладко прилегающим мягким мехом, на верхней стороне шерсть длиннее, чем на нижней. Жесткие, щетинообразные волосы покрывают голову по сторонам от ноздрей до глаз и образуют щеткообразную волосяную кайму. Пальцы на ногах без волос, но пятки опушены кругом жесткими, длинными, направленными вниз щетинами. В общем, окраска желто-коричневая с серо-пепельным оттенком, голова светлее, сзади бурая, нижняя сторона туловища темного пепельно-серого цвета с белыми продольными полосами на задней части брюха и белыми

Семейство СЛЕПЫШОВЫЕ

ти леммингов. Напротив, «немышиный» год является наиболее благоприятным для вегетации растений и их плодоношения. Таким образом циклы численности леммингов сообщают определенную цикличность всей северной биоте.

* Семейство слепышовых — небольшая группа грызунов, ведущих происхождение от общих с хомяками предков.

** Имеет наиболее широкий ареал в лесостепной и степной зонах Европы, местами вредит огородам и полям.

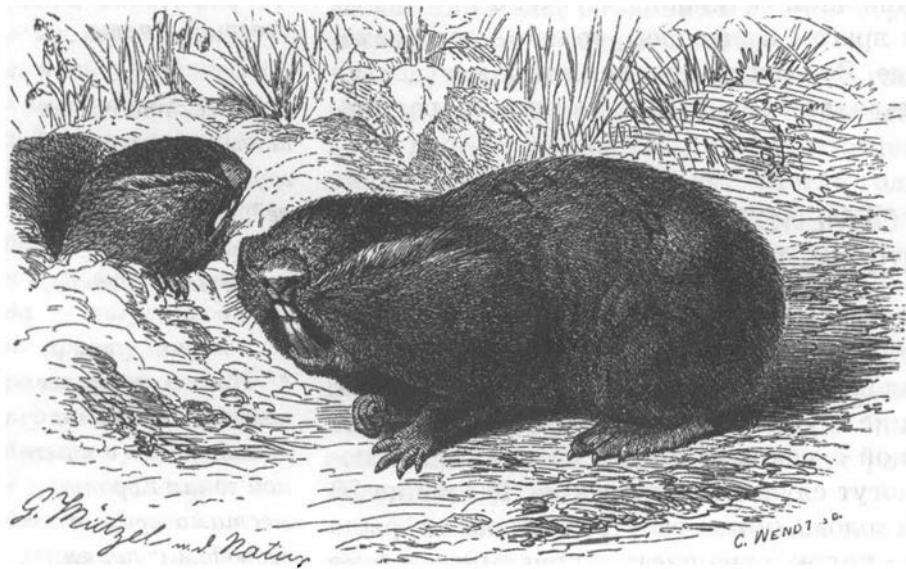
Семейство слепышовые

* Слепыши — грызуны, в наибольшей степени приспособившиеся к подземному образу жизни.

пятнышками между задними ногами, область рта, как и подбородок и лапы, — грязно-белого цвета*.

Слепыш встречается в юго-восточной Европе и в западной Азии, особенно в южной России по Волге и Дону, в Молдавии и местами в Венгрии и Галиции, иногда попадают они также в Турцию и Греции, в Азии их местопребывание ограничивается Кавказом и Уралом. Особенно многочисленны они на Украине.

Как почти все кротообразные мыши, слепыш живет в плодородных местностях и располагается в подземных, далеко разветвляющихся норах, о существовании которых можно узнать по бесчисленным кучам набросанной земли. Последние очень велики, гораздо больше, чем у кротов, но не высоки, а поразительно плоски. Необыкновенно угловатый ход пролегает на небольшой глубине под поверхностью земли, прорезает сырые, совершенно на-

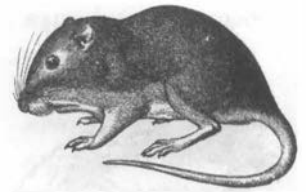

Обыкновенный
слепыш
(*Spalax
microphthalmos*)

** У слепышей различают кормовые ходы, располагающиеся неглубоко под поверхностью, основные ходы, ведущие в гнездовую камеру, и кладовые ходы на глубине до 3,5 м.

сыщенные водой долины, пересекает ручьи и взбирается на склоны горных обрывов. Там и сям отделяется боковой ход, иногда выходящий на поверхность земли. Зимой ходы проводятся до того близко к дерну, что их земляной свод обычно никак не толще 2 сантиметров, а настоящим покровом служит, собственно говоря, снег, лежащий наверху**. Слепыш не подвержен зимней спячке, поэтому рабо-

тает постоянно, всего усерднее, по уверению киргизов, в полдень и при солнечном свете, ленивее утром и в дождливую погоду. По их словам, слепыш пользуется крепкими резцами, чтобы перегрызать корни и вместе с тем дробить землю, лежащую между корнями. Вырытую землю он головой подбрасывает вверх, а затем передними и задними ногами откидывает назад. Слепыш так же мало общителен, как и крот, однако чаще живет в большой близости с другими собратьями своего вида. Во время течки он иногда выходит и днем на поверхность земли, чтобы погреться на солнце, при угрожающей опасности спешит как можно скорее к своей норе и, не находя тотчас же отверстия, мгновенно исчезает, зарываясь с поразительной быстротой в землю. Еще чаще, чем в полдень, показывается из своих ходов ранним утром и ночью.

Движения слепыша не так неловки и неповоротливы, как их обычно описывают. Наблюдения показали, что слепыш очень чувствителен к шуму и руководствуется главным образом слухом. Находясь на поверхности земли, он сидит спокойно с поднятой головой у отверстия своих ходов и чрезвычайно внимательно прислушивается во все стороны. При малейшем шуме он поднимает голову еще выше и принимает угрожающее положение или же зарывается отвесно в землю и исчезает. Вероятно, обоняние также до известной степени заменяет недостающее зрение. Образ жизни их, кажется, таков же, как и у других маленьких грызунов. Слепыша изображают сердитым и кусающимся созданием, умеющим, в случае нужды, весьма ощутимо пускать в ход свои крепкие зубы; схваченный, он яростно фыркает, скрежещет и злобно кусает все вокруг себя*.

Слепыш кормится, если не исключительно, то все же предпочтительно растительными веществами, особенно всевозможными кореньями, а в случае нужды и древесной корой. Если в районе его жительства находятся растения с глубоко идущими корнями, то зимой он опускает свои ходы ниже замерзшего слоя почвы, если же таких растений нет, то прорывает свои плоские ходы почти непосредственно под снегом**. В их ходах не встречали зимних запасов, но находили гнезда, устроенные из тончайших корней. В таком гнезде самка родит летом 2—4 детенышей***. Зверек этот, хоть ему и приписывают много зла, причиняет человеку ничтожный вред, хотя, с другой стороны, так же мало приносит и пользы. У нас верят, будто бы он может придать человеку особенную целебную силу, так как тот, кто имеет достаточно мужества, чтобы посадить слепыша на голую руку, дать ему искушать себя и тут же медленно задавить его, будет затем одарен способностью излечивать простым возложением руки опухоль желез всякого рода.

СЕМЕЙСТВО МЫШИНЫЕ (Muridae)****

Никакое другое семейство не дает нам столь основательно понятия о том, что такое грызуны, как то, которое включает в себя мышей. Семейство это не только самое богатое родами и видами, но и одно из наиболее распространенных, а, благодаря своей склонности следовать повсюду за человеком, оно и теперь способно к еще большему распространению, по крайней мере, что касается некоторых отдельных родов. Члены этого семейства все без исключения маленького роста, но этот недостаток вполне вознаграждается численностью особей. Желая дать общую картину внешности этих зверьков, можно сказать, что отличительными признаками семейства служат: острое рыльце, большие, черные глаза, широкие, глубоко вогнутые, покрытые редкими волосами

* Пойманный слепыш громко пыхтит. Между собой слепыши общаются, постукивая головой в потолок ходов и воспринимая колебания всем телом.

** Напротив, слепыши зимой уходят в глубину и сокращают перемещения, многие ходы забивают землей. На зиму заготавливают до 18 кг корма.

*** Часто лабиринт самца соединен с лабиринтами одной или двух самок, но зверьки изменяют одиночному образу жизни лишь в брачный период.

**** Мышиные — самое обширное семейство современных грызунов и вообще млекопитающих. Оно насчитывает около 120 родов и примерно 400—500 видов.

Семейство мышиные

** Мышиные особенно разнообразны в тропиках Африки и Азии, в естественных ландшафтах умеренной же зоны они уступают численностью и разнообразием полевкам и другим хомяковым. Западное полушарие и удаленные океанические острова освоили лишь 4—5 видов мышиных уже в историческое время, став спутниками человека и используя его плавательные средства. Вопреки бытующему мнению, лишь малая часть представителей семейства испытывает тягу к антропогенным ландшафтам и стала синантропными животными.*

уши, длинный, покрытый волосами или часто голо-чешуйчатый хвост и маленькие ножки, тонкие нежные с пятью пальцами лапки, а также короткая мягкая шубка. Более или менее в соотношении с этими внешними изменениями основного типа находится строение зубов. Обычно резцы узки и более толсты, чем широки, с широким острым краем или простым острием, они на передней поверхности плоски или выпуклы, белы или окрашены, а иногда с продольной бороздкой посередине. Три коренных зуба в каждом ряду, уменьшающиеся спереди назад, образуют остальную часть зубного аппарата, но число их также уменьшается до двух или увеличивается до четырех в верхней челюсти. Они бывают или покрыты эмалевыми бугорками и с двумя корнями, или с поперечными складками и с боковыми выемками. От жевания они стачиваются, и тогда получается поверхность ровная или складчатая. У некоторых видов встречаются также защечные мешки, но у других они совершенно отсутствуют; у одних желудок устроен просто, у других сильно перетянут и пр.

Мыши — космополиты, но, к сожалению, в худшем значении этого слова. Все части земного шара знают представителей этого семейства, и те счастливые острова, которые до настоящего времени были ими пощажены, с течением времени непременно заселятся хоть, по крайней мере, одним каким-либо видом, так как многие из мышей имеют страсть к путешествиям. Мыши населяют все страны, и хотя равнины умеренных и теплых широт они предпочитают суровым горным местностям или холодному северу, однако встречаются и там, куда достигает граница растительности, стало быть, в гористых местностях доходят до линии вечного снега*. В России обитает 12—15 видов мышиных из 5 родов. Благоустроенные местности, плодородные поля, плантации составляют, безусловно, любимейшие их местопребывания, но и болотистые пространства, берега рек и ручьев точно так же достаточно пригодны для них, и даже тощие, сухие, еле поросшие травой и кустарником равнины предоставляют им еще возможность для существования. Некоторые виды избегают близости человеческих поселений, другие, наоборот, навязываются человеку, как непрощенные гости, и следуют за ним всюду, где он основывает новое поселение, даже через море. Они заселяют дома и дворы, амбары и конюшни, сады и поля, луга и леса, везде причиняя своими зубами вред и бедствие. Только немногие виды живут отдельно или парами, большая часть живет обществами, и некоторые виды встречаются несметными стадами. Почти все обладают необыкновенной способностью к размножению, число детенышей одного только помёта колеблется от 6 до 21, и большая часть видов дает приплод несколько раз в год, не исключая даже зимы.

Мыши приспособлены во всех отношениях к тому, чтобы терзать и мучить людей, и все устройство тела, по-видимому, осо-

бенно помогает им в этом. Ловкие и проворные в движениях, они превосходно умеют бегать, прыгать, лазать, плавать, проникать сквозь самые узкие отверстия, а если не находят доступа, то острыми зубами пробивают себе путь. Они довольно умны и осторожны, но в то же время дерзки, бесстыдны, наглы, хитры и смелы; все их чувства утончены, но обоняние и слух далеко превосходят остальные. Пищу их составляют все съедобные вещества растительного и животного царства*. Семена, плоды, корни, кора, листья, трава, составляющие их естественную пищу, пожираются ими не менее охотно, чем насекомые, мясо, жир, кровь и молоко, масло и сыр, кожа и кости, а то, чего не могут съесть, они по крайней мере изгрызут и искусают, как, например, бумагу и дерево. Воду они пьют очень редко, зато крайне любят более питательные жидкости и самыми хитрыми способами стараются достать их. При этом они опустошают всегда гораздо больше, чем съедают, и потому становятся самыми неприятными врагами человека, вызывающими неизбежно всю его ненависть; жестокость, которую он позволяет себе при их преследовании, с этой точки зрения, если не извинительна, то все-таки понятна. Только очень немногие из них — безобидные и безвредные зверьки и заслуживают нашего расположения ради своего щеголеватого вида, прелести движений и добродушного нрава. К ним принадлежат мастера в строительном искусстве, строящие лучше всех других млекопитающих свои гнезда и благодаря своей малочисленности и незначительному потреблению пищи не столь вредные, как их сородичи, между тем как другие виды — тоже своего рода строители, возводящие себе жилища под землей, — становятся ненавистными именно благодаря этому обстоятельству. Некоторые виды, обитающие в холодных и умеренных странах, подвергаются зимней спячке и заготавливают запасы на зиму**, иные временами несметными толпами предпринимают переселения, оканчивающиеся, впрочем, обычно их гибелью.

Для содержания в неволе годятся немногие породы, потому что только самая незначительная часть всего семейства способна легко приручаться и отличается миролюбивым отношением друг к другу. Остальные и в клетке остаются неприятными, задорными, злыми созданиями, которые оплачивают злом за посвящаемые им дружбу и заботы. Собственно пользы мыши не приносят человеку никакой если же и употребляют в дело иногда шкурки того или иного вида или даже едят их мясо, то это не может вознаградить того громадного вреда, который причиняет все это семейство.

В обыденной жизни различают две главные группы: крыс и мышей. Это же деление признает и наука***. Крысы более неуклюжего и более противного вида, мыши же более красивы и миловидны. У первых хвост имеет около 200—260 чешуйчатых колец, у вторых от 120 до 180; у тех ноги толстые и сильные, у

Семейство МЫШИНЫЕ

** Секрет успеха мышинных — хорошая способность приспособления к меняющимся условиям. Мышиные прекрасно лазают, неплохо бегают, умеют рыть норы, существуют полуводные формы. Почти для всех мышинных характерна ночная или сумеречная активность. В питании широко всеядны. Наконец, у мышинных идет быстрая смена поколений, высокий темп воспроизводства и высокая смертность.*

*** Мышиные, несомненно, делают запасы пищи на зиму, но в зимнюю спячку не впадают.*

**** Эти названия не несут никакого таксономического значения, а лишь указывают на приблизительные размеры животного.*

Семейство Мышиные

* Считается, что сначала Европу заселила так называемая бурая крыса, затем ее вытеснила новая волна — собственно черная крыса.

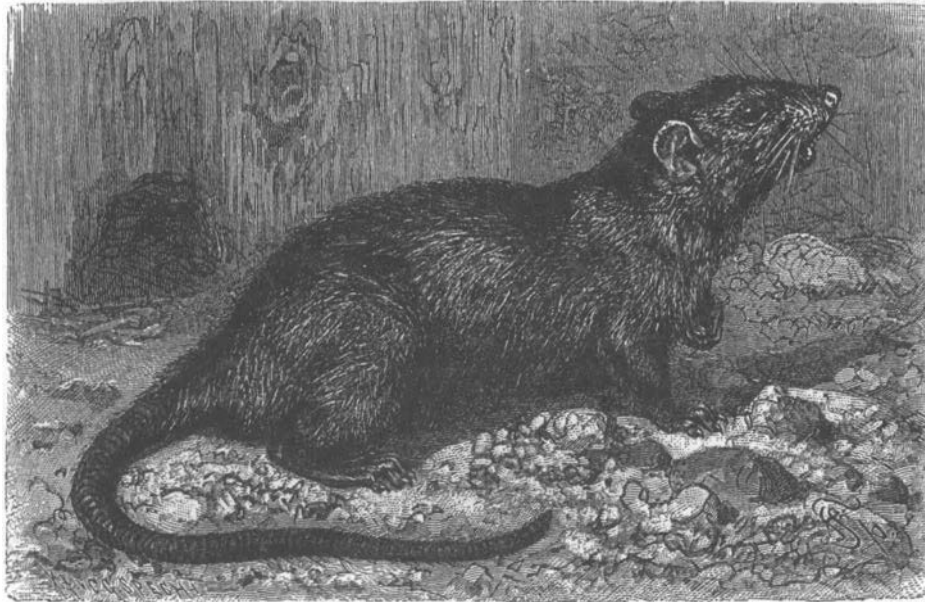
этих стройные и тонкие; крысы во взрослом состоянии значительно больше, чем их сородичи. По образу жизни собственно крысы различаются от настоящих мышей довольно резко.

С достаточным основанием мы можем считать, что крысы, живущие в Европе, первоначально не принадлежали к туземным животным и только впоследствии переселились к нам. В сочинениях древних писателей находится только одно единственное место, могущее указывать на крыс, остается, однако, невыясненным, какой вид мог подразумевать Аминтас, сообщение которого приводит Элиан. По некоторым данным, черная крыса появилась в Европе и Германии раньше других, за ней последовал пасюк.

Будет достаточно, если опишу два самых известных вида, черную крысу и пасюка.

Черная крыса

(*Rattus rattus*) достигает 35 см длины, причем туловище имеет до 16 см, а хвост до 19 см, туловище сверху темного, буровато-черного цвета, снизу немного светлее, серовато-черного цвета*. Темно-серые у основания волосы имеют зеленоватый металлический отлив. Ноги имеют серо-бурый, с боков несколько более светлый цвет. На

Черная крыса
(*Rattus rattus*)

** Родиной черной крысы следует считать тропическую Азию. Здесь она встречается и в естественных условиях.

относительно длинном хвосте насчитывают 260—270 чешуйчатых колец. Альбиносы нередки.

Когда появился этот вид в Европе, с точностью определить нельзя. Альберт Магнус, первый из зоологов, описывает его, как животное, водящееся в Германии. Судя по этому, он уже в XIII столетии жил в Европе. Геснер описывает эту крысу как животное, которое «многим больше знакомо, чем любо». Епископ Отенский в начале XV столетия произносит над ней церковное проклятие; в Зондерсхаузене, чтобы избавиться от крыс, устанавливается день молитвы и покаяния. Весьма возможно, что эти животные родом из Персии, где еще до сих пор они встречаются в невероятном количестве**. До первой половины прошлого столетия только этот вид в Европе и встречался, но с того времени пасюк начинает оспаривать у него место, и с та-

ким успехом, что тот повсюду должен был уступить. Хотя черная крыса и в настоящее время еще значительно распространена по всем частям земли, но редко является в сомкнутых массах, а почти повсюду рассеяна в одиночку. В Германии, кажется, она исчезла везде. Она также последовала за человеком во все широты земного шара и путешествовала с ним по суше и морю вокруг света. Нет ни малейшего сомнения в том, что раньше она не встречалась ни в Америке, ни в Австралии, ни в Африке, но суда перенесли ее на все берега, а с берегов переселялась она все дальше и дальше вглубь страны. Теперь же встречаются ее также в южных частях Азии, особенно в Индии, в Африке и преимущественно в Египте и Марокко, а также на мысе Доброй Надежды, в Америке, Австралии и на островах Тихого океана.

Пасюк (*Rattus norvegicus*) значительно больше, длиной тела 42 см, включая 18 см длины хвоста, цвет шерсти различен на спине и на животе*. Верхняя часть тела и хвоста буровато-серого цвета, нижняя часть туловища серовато-белого, обе части разграничены. Подшерсток большей частью бледно-серый. Хвост имеет около 210 чешуйчатых колец. Иногда встречаются особи совершенно черные, белые с красными глазами, чалые и пегие.

С большой вероятностью можно принять, что пасюк пришел к нам из Азии, а именно из Индии или Персии**. Весьма возможно, что уже Элиан имел его в виду, рассказывая, что «каспийская мышь» в известное время переселяется в бесконечном множестве, безбоязненно переплывая реки, причем каждое животное зубами держится за хвост переднего. «Если они нападают на поля, — говорит он, — то подтачивают хлеб и влезают на деревья за плодами, но в свою очередь становятся добычей налетающих целыми тучами хищных птиц и множества живущих там лисиц. По величине они нисколько не уступают ихневмону, очень злы и зубасты и имеют столь крепкие зубы, что могут перегрызть ими даже железо, как вавилонские мыши, нежные шкурки которых вывозятся в Персию, где они идут на подкладку платьев». Паллас первый описывает пасюка, как несомненно принадлежащего к европейским животным, и сообщает, что он осенью 1727 года после одного землетрясения в большом количестве появился в Европе из прикаспийских стран. В Туркмении, по показаниям А. Вальтера, он не считался туземным животным и в прошлом десятилетии еще совершенно не встречался в Ашхабаде и Мерве, куда теперь, вероятно, занесла его русская железная дорога***. В начале прошлого столетия он большими стадами переправлялся через Волгу у Астрахани и оттуда быстро распространился к западу. Почти в то же время, а именно в 1732 году, он был доставлен на кораблях из Ост-Индии в Англию и тогда начал свое кругосветное путешествие также отсюда. В восточной Пруссии он появился в 1750 году, в Париже в 1753, а в 1780 году был уже

* Пасюк, называемый также серой, рыжей, норвежской или корабельной крысой, изредка достигает длины 28 см, при длине хвоста 23 см и массе свыше полукилограмма. По некоторым данным, иногда в результате мутаций появляются крысы еще более внушительных размеров.

** По одной из версий, родиной пасюка является Китай, и в Европу она пришла с востока, форсируя крупные реки, например Волгу, не раньше середины XVI века.

*** В настоящее время серая крыса распространена по всем населенным пунктам России, включая Заполярье, отсутствует лишь на некоторых высокоарктических островах, ряде районов Центральной и Восточной Сибири.

Семейство Мышиные

** Поскольку экологические ниши серой и черной крыс не тождественны, полного вытеснения одного вида другим не произошло. Черная крыса более теплолюбива, является лучшим верхолазом, в местах совместного обитания с пасюком она уходит от конкуренции на верхние этажи, чердаки.*

*** Пасюки могут селиться даже в холодильниках, с постоянной температурой ниже 10 градусов мороза. Вообще же есть целые популяции серых крыс живущих круглогодично, или только летом вне строений — на полях, огородах, в садах, парках, на пустырях. В южных районах России они заселяют и естественные ландшафты, предпочитая околородные биотопы.*

известен во всей Германии, в Швейцарии только с 1809 года, а в Дании приблизительно с того же времени его считают туземным животным. В 1755 году он был перевезен в Северную Америку и здесь точно так же в течение самого короткого времени достиг невероятного распространения, однако в 1825 году он проник еще недалеко за Кингстон на север Канады и в прошлом десятилетии не достиг еще верховьев Миссури. Однако достоверно известно, что теперь он распространен во всех частях Великого океана и находится даже на самых пустынных и уединенных островах. Будучи больше и сильнее черной крысы, он захватывает везде те места, в которых прежде жила она, и численно увеличивается в такой же степени, в какой та убывает*.

По образу жизни, по своим нравам и привычкам, а также местам обитания оба вида крыс настолько сходны, что, описывая одну, изображаешь и другую. Если принять, что пасюки гнездятся чаще в нижних помещениях строений и главным образом в сырых погребах и подвалах, водосточных трубах, шлюзах, выгребных и помойных ямах и по берегам рек, тогда как черная крыса предпочитает верхние части домов, например хлебные амбары, чердаки, то весьма мало останется такого, что бы не было общим обеим породам. И тот, и другой вид этих вредных животных живет во всевозможных закоулках человеческих жилищ и всех местах, доставляющих им возможность добывать себе пищу. От погреба до чердака, от парадных комнат до отхожего места, от дворца до хижины — повсюду встречаются они**. Они живут там, где представляется хотя бы малейшая возможность к существованию, впрочем, черная крыса все-таки имеет более права на название домашнего животного и, по возможности, только немного удаляется от самого жилища человека. Эти крысы, одаренные как в телесном, так и в духовном отношении всеми качествами, для того, чтобы сделаться врагами человека, не перестают мучить, докучать, беспокоить и беспрестанно причинять ему вред. От них не защищает ни забор, ни стена, ни дверь, ни замок; куда нет дороги, они прокладывают ее себе, прогрызают и вырывают ходы сквозь прочнейшие дубовые половицы и толстые стены. Только если фундамент глубоко погружен в землю, если все щели между камнями замазаны крепким цементом и, может быть, еще для предосторожности между каменными стенами насыпан слой битого стекла, только тогда можно считать себя некоторым образом в безопасности. Но беда хорошо защищенному пространству, если хоть один камень в стене расшатается, ибо в таком случае они непременно там найдут лазейку!

И это разрушение жилищ, этот ужасный погрыз во всех направлениях стен наших домов представляет собой все-таки наименьшее из зол, причиняемых крысами. Гораздо больший вред приносят они, отыскивая себе пищу. Они питаются всем, что только съедобно. Человек не ест ничего такого, что бы крысы не ели

также, и это касается не только еды, но также и питья его. Не довольствуясь и без того уже богатым выбором кушаний, они нападают одинаково жадно на все, а подчас даже на животных. Самые грязные отбросы человеческого хозяйства для них все еще пригодны; гниющая падаль находит в них любителей. Они едят кожу и рог, зерна и древесную кору — одним словом все, какие только можно себе представить, растительные и животные вещества, а чего они не могут съесть, то по крайней мере разгрызают. Плантациям сахарного тростника и кофе они наносят иногда значительные повреждения. Есть примеры, за достоверность которых можно поручиться, что они съедали живыми маленьких детей, и всякий более зажиточный помещик испытал, как жестоко крысы преследуют его дворовых животных. У очень жирных свиней они выедают в теле отверстия, у гусей, сидящих плотно прижавшись друг к другу, отъедают плавательные перепонки между пальцами, молодых уток утаскивают в воду и топят их там*.

Если в каком-нибудь месте они размножаются более обыкновенного, то это поистине едва выносимо. Существуют места, где они появляются в таком количестве, о котором едва можно составить себе понятие. В Париже на одной из боен в течение 4 недель было убито 16 000 штук**, а на одной живодерне вблизи той же столицы они в течение одной только ночи уничтожили 35 лошадиных трупов до костей. Как только они замечают, что человек против них бессилен, наглость их принимает поистине удивительные размеры, так что если бы не приходилось до полусмерти сердиться на этих животных, то иногда могло бы даже возникнуть желание посмеяться над их бесстыдством, превосходящим всякие границы. Лас Казес рассказывает, что 27 июня 1816 года на острове Св. Елены Наполеон со своими спутниками должен был остаться без завтрака, потому что в предыдущую ночь крысы пробрались в кухню, и все было растаскано ими. Они водились там в большом количестве, были очень злы и слишком бесстыдны. Обычно им достаточно было лишь нескольких дней для того, чтобы прогрызть каменные стены и дощатые перегородки простого жилища императора. Во время обеда Наполеона они приходили в залу, а после еды с ними вели настоящую войну. По той же причине пришлось отказаться держать дворовых птиц, так как крысы пожирали их, они доставали птиц ночью даже с деревьев, на которых последние спали. В факториях далеких стран, всюду, куда вместе с товарами высаживаются на сушу также и пасюки, они являются очень тяжким бичом и причиняют часто серьезный вред. Все путешественники, и особенно собиратели коллекций, жалуются на них, рассказывая, как много очень редких и с трудом приобретенных предметов часто уничтожают эти страшные звери***.

Морякам также приходится от них очень плохо, так как нет ни одного судна без крыс, будь то парусный купеческий ко-

** По характеру питания крысы — скорее плотоядные, чем всеядные животные, растительные корма, входящие в рацион, как правило, являются высококалорийными — семена, плоды. Известны случаи нападения крыс на людей, находящихся в беспомощном состоянии. Нередки случаи каннибализма и активного хищничества по отношению к более мелким грызунам. Вблизи человека популяции крыс нашли постоянную кормовую базу в виде пищевых отходов и фекалий.*

*** По некоторым расчетам коммунальных служб, осуществляющих дератизацию (уничтожение крыс и мышей), число крыс в крупных городах превышает число людей примерно в 5 раз. Согласно этой логике в Москве обитает не менее 50 млн крыс.*

**** Крысы представляют серьезную*

Семейство Мышиные

угрозу, как постоянный резервуар опасных эпидемических заболеваний — тифа, туляремии, чумы и др. Переносчиками возбудителей болезней являются блохи и клещи, паразитирующие на крысах и временами переходящие на людей. Пандемией чумы, опустошившей в XIV—XV веках всю Евразию, человечество во многом обязано крысам. Однако непосредственно укусы крыс чреваты лишь заражением лихорадкой содоку.

** Попад в трюмах кораблей на отдаленные архипелаги, крысы становятся самыми страшными врагами местной фауны, развивавшейся в условиях отсутствия хищников и потерявшей защитные приспособления. Множество эндемичных видов животных навсегда исчезли с лица земли благодаря крысам, невольно завезенным человеком. Во многих островных государствах внедряются*

рабль, судно для рыболовного промысла, великолепнейший быстороходный пароход новейшей конструкции или содержащееся в образцовом порядке военное судно. На старых судах их истребить невозможно, а новые они заселяют немедленно, как только принят первый груз. Во время продолжительных морских путешествий, особенно когда у них достаточно пищи, они размножаются в значительном количестве, и тогда на корабле оставаться почти невозможно. Когда судно Кана во время своей полярной экспедиции было затерто льдами близ 80 градуса северной широты, крысы до того размножились, что стали причинять значительный вред. Наконец, решено было задушить их по старому морскому способу: все люки были закрыты, а в трюме зажгли смесь из серы, угля, кожи и мышьяка. Холодную ночь последнего числа сентября экипаж провел на палубе. За короткое время все замкнутое пространство так сильно наполнилось удушливыми газами, что двое людей, неосторожно отважившихся сойти вниз, тотчас упали без чувств на пол и только с большим трудом могли быть вынесены на палубу. Опущенный вниз зажженный фонарь мгновенно потух, несмотря на это в конце концов нашли только 25 крысиных трупов, а оставшиеся в живых размножились в таком количестве, что от них ничего больше уже нельзя было спасти. Тогда напали на новое средство. Самая умная и храбрая собака была спущена в трюм, главное пристанище их, чтобы водворить там порядок, но вскоре жалобный вой ее возвестил, что не она одержала верх над крысами, а крысы над ней. Ее вытащили и нашли, что ненавистные грызуны отъели у нее кожу на лапах. Впоследствии один эскимос вызвался перестрелять крыс постепенно стрелами и был настолько удачлив, что Кан, который приказал варить себе добычу, в продолжение долгой зимы постоянно имел свежий суп из крысиного мяса. Случайно была поймана лисица, и ее заперли в трюм: она, наконец, очистила судно от крыс*.

Крысы во всяких телесных упражнениях великие мастера. Они бегают быстро и ловко, превосходно лазают, даже по довольно гладким стенам, мастерски плавают, с уверенностью выполняют прыжки на довольно далекое расстояние и очень хорошо роются в земле, хотя и не охотно занимаются этим продолжительное время. Более сильный пасюк, по-видимому, еще ловчее черной крысы, по крайней мере плавать он гораздо лучше. Его способность нырять почти так же велика, как у настоящих водных животных. Он смело может отправляться на рыбную ловлю, так как в воде достаточно проворен, чтобы преследовать даже настоящих жителей влажной стихии. Иногда он поступает так, как будто бы вода была его настоящим местожительством. Будучи испуган, он мгновенно спасается бегством в реку, пруд или канаву и, если нужно, не останавливаясь, переплывает широчайшее водное пространство или в течение нескольких минут бежит вперед

по дну реки*. Черная крыса поступает так лишь в самом крайнем случае, однако владеет искусством плавания также очень хорошо. Впрочем, у крыс отнюдь нет недостатка в мужестве; они защищаются против всякого рода преследователей и даже нередко бросаются на человека, если он очень притесняет их.

Между чувствами крыс на первом плане стоят слух и обоняние, особенно превосходен первый, но зрение также не дурно, а вкус их слишком часто обнаруживается на деле в кладовых, где крысы всегда умеют выбрать себе самую лакомую пищу. Относительно их умственных способностей мне, после всего сказанного, остается прибавить уже немного. У них положительно нельзя отрицать ум, а еще менее расчетливой хитрости и известного рода лукавства, с которыми они умеют избегать самых разнообразных опасностей и добывать желаемый лакомый кусочек. Уже много раз рассказывали о способе, при помощи которого они уносили яйца, не разбивая их по дороге. Сомнения, могущие возникнуть относительно практикуемого ими способа, не имеют более основания после того, как натуралист Далла-Торре, сообщил в 1880 году следующий, лично им виденный случай: «В погребе одного дома в Инсбруке нынешней зимой то и дело стало пропадать по нескольку яиц, сохраняемых там на это время года. Подозрение прежде всего, конечно, пало на служанку, которая тогда всячески стала стараться доказать свою невинность, но напрасно. Находясь в таком щекотливом положении, она стала подстергать крыс и сделалась свидетельницей воровской уловки, которую они употребляли, чтобы доставать яйца. Яйца были сложены в кучу, из норки вышла сначала одна крыса-лакомка, а вскоре вслед за ней другая. Тут первая схватила одно яйцо передними лапами и с помощью второй отодвинула его несколько в сторону, насколько они могли сделать это несколькими сильными толчками. Потом первая крыса схватила яйцо передними конечностями и крепко обхватила его наподобие пауков, несущих яичный мешок. Понятно, что она теперь не могла больше двигаться, так как передние лапы должны были крепко держать добычу. Тогда вторая схватила в рот хвост первой и с большой поспешностью и безостановочно потащила ее к норе, откуда они вышли. Вся операция, подготовленная, как можно было заключить по числу исчезнувших яиц, большим количеством упражнений, продолжалась минуты две, не более. Час спустя, после того как воровская парочка исчезла со сцены, она появилась снова, несомненно с той же целью, и благодаря любезному приглашению семейства, где случилось только что описанное, я имел случай быть очевидцем этой проделки, которая, по уверениям служанки, всегда разыгрывалась одинаковым образом. Здесь было бы кстати произвести наблюдения над умом и инстинктом животных и существующим между ними различием. Я позволю себе только заметить, что довольно распространено здесь в краю мнение, что сурки подобным же обра-

Семейство МЫШИНЫЕ

программы по борьбе с крысами для спасения еще сохранившейся аборигенной фауны.

** Серые крысы природных популяций тяготеют к поймам и берегам водоемов, фактически ведут полуводный образ жизни. Основу их питания составляют рыба, моллюски, лягушки, ракообразные.*

Семейство Мышиные

** Колония крыс состоит из нескольких семей, включающих самца, одну или нескольких самок и их потомство. Семьи имеют общую кормовую территорию, но самцы охраняют участки с гнездовыми камерами своей семьи. Размножаются крысы круглый год, более интенсивно — весной и летом. В году бывает до 3 выводков, в среднем по 7 детенышей (от 1 до 17), крысята через 3—4 месяца уже покидают семью и становятся половозрелыми. У крыс выработались естественные ограничители рождаемости, возможно, на гормональном уровне. Известно, что в стабильных популяциях размножается одновременно не более 20% самок.*

*** Опыты с ручными и дикими крысами показали, что они отличаются необычайной смысленностью, способны легко обучаться, подстраивать свое поведение под самые разнооб-*

зом сносят или, скорее, стаскивают себе запасы сена, вовсе не неправдоподобно, так как и те, и другие, как грызуны, могут иметь и одинаковые обычаи». Однако относительно сурков мы, во всяком случае, будем держаться высказанных нами выше сомнений, пока и на этот счет не будет надежных наблюдений.

У некоторых крыс в случае большой опасности была наблюдаема особенная хитрость. Они притворяются мертвыми, как то делает опоссум. Мой отец поймал однажды крысу, которая без движения лежала в крысоловке и позволяла себя в ней трясти во все стороны. Но еще блестящий глаз ее был слишком ясным признаком жизни для того, чтобы такой знаток-наблюдатель мог быть обманут. Отец мой вытряхнул фокусницу из ловушки на дворе, но сделал это в присутствии ее злейшего врага — кошки, и вот мнимоумершая тотчас ожила и опомнилась и хотела удрать как можно скорее, но киска села ей на шею прежде, чем та успела сделать один шаг.

Спаривание сопровождается громким шумом, писком и криком, так как влюбленные самцы жестоко сражаются за обладание самками. Приблизительно через месяц после случки самки мечут от 5 до 22 детенышей, маленьких премиленьких зверьков, которые понравились бы каждому, не будь они крысами*.

Содержащиеся в неволе крысы при хорошем уходе становятся до того ручными, что позволяют себя не только трогать, но играют с детьми, приучаются выходить и входить в дом, бегать по двору и саду, следуют за своим воспитателем как собаки, приходят на зов, короче говоря, становятся домашними или комнатными животными в лучшем смысле слова**.

У свободно живущих крыс случается иногда особая болезнь. Несколько их срastaются между собой хвостами и образуют тогда так называемого «крысиного короля», которого в старину представляли себе, конечно, совсем иначе, чем теперь, когда его можно видеть в том или другом музее. Прежде думали, что крысиный король, украшенный золотой короной, сидит на группе тесно сросшихся крыс, как на троне, и отсюда управляет всем крысиным царством. Достоверно лишь то, что иногда находят большое количество крыс, перепутавшихся друг с другом хвостами, которых из сострадания кормят другие крысы, так как они сами двигаться не в состоянии. В Альтенбурге сохраняют одного такого «крысиного короля», состоящего из 27 крыс; в Бонне, у Шнепфенталя, во Франкфурте, в Эрфурте и в Линденау близ Лейпцига найдены были другие подобные «короли». Последний официально подробно описан, и я считаю не лишним привести здесь содержание относящихся сюда актов.

«Января, 17 дня 1774 года в земский суд в Лейпциге явился Христиан Кайзер, батрак с мельницы в Линденау, и заявил, что в прошлую среду рано утром на мельнице в Линденау он поймал «крысиного короля» из 16 штук крыс, сросшихся друг с другом

хвостами, которого он, так как последний хотел прыгнуть на него, тотчас бросил о землю и убил. Этого крысиного короля Иоганн Адам Фасгауер из Линденау под предлогом, что хочет срисовать его, унес у его хозяина, Товия Егерна, мельника в Линденау, не хотел отдать его назад, и с того времени при помощи его заработал много денег, поэтому он всепокорнейше просит суд принудить *сум ехрэнсис* Фасгауера возвратить ему тотчас крысиного короля и заплатить все заработанные на нем деньги.

Февраля, 22 дня 1774 года он снова явился в земский суд.

Христиан Кайзер, батрак с мельницы в Линденау показал: «что он в самом деле января 12 дня на мельнице в Линденау поймал крысиного короля из 16 штук крыс. Указанного числа он услышал на мельнице, а именно под полом верхнего этажа, у лестницы, шум, после чего поднялся в том месте вверх по лестнице и увидел в отверстии подполья несколько выглядывавших оттуда крыс, которых и убил куском дерева. Затем он приставил к этому же месту лестницу, чтобы посмотреть, нет ли там еще крыс, и сбросил этого крысиного короля с помощью топора на пол; многие из крыс были еще живы, хотя и упали с высоты, но он, некоторое время спустя, убил также и этих. Шестнадцать штук крыс крепко переплелись друг с другом, а именно 15 штук — хвостами, 16-я же своим хвостом приросла к волосам на спине другой. При падении с верхнего этажа ни одна из них не отделилась от других, после этого же многие еще некоторое время были живы и прыгали, однако этим способом не могли оторваться друг от друга. Они так крепко переплелись между собой, что он не думает, чтобы было возможно оторвать их друг от друга, или, по крайней мере, что это можно было бы сделать лишь с большим трудом, и т. д.»

Затем следуют еще несколько других свидетельских показаний, которые подтверждают сказанное. В конце находится описание врача и хирурга, которые по требованию земского суда подробно исследовали дело. Врач сообщает об этом следующее:

«Чтобы убедиться в том, чему можно верить из рассказа о крысином короле, передаваемом многими с большими прикрасами, я отправился 16 января в Линденау и там нашел, что в шинке «Почтовая труба», в прохладной комнате на столе лежало 16 штук мертвых крыс, из них 15 штук до того перепутались между собой хвостами, что последние образовали толстый узел, напоминая собой веревку о нескольких концах, а многие из хвостов совершенно запутались в этом узле на расстоянии около 1—2 дюймов от туловища. Головы их были направлены к периферии, а хвосты к центру образованного ими узла. Возле этих тесно друг с другом соединенных крыс лежала шестнадцатая, которая, по заявлению стоявшего тут живописца Фасгауера, была оторвана от узла. Для удовлетворения своего любопытства я менее всего занимался расспросами, тем более, что на вопросы то и дело приходивших туда

Семейство Мышиные

разные и меняющиеся условия. Многие из описанных Бреммов случаев подтверждают это. Благодаря своим способностям, ярко выраженным индивидуальным чертам поведения, «культурные» крысы необычайно интересны и привлекательны в качестве домашних любимцев.

посетителей, дивившихся чуду, давались самые нелепые и смешные ответы; я только исследовал туловища и хвосты крыс и нашел: 1) что все эти крысы имели совершенно естественное строение головы, туловища и четырех ног; 2) что по окраске некоторые были пепельно-серые, другие несколько темнее, третьи почти совершенно черные; 3) что некоторые были величиной с целую ладонь; 4) что толщина и ширина их была пропорциональна длине, однако так, что они казались более истощавшими, чем откормленными; 5) что хвосты их можно было считать длиной немногим более или менее лейпцигского локтя; они были немного грязны и сыры.

Когда я при помощи кусочка дерева приподнял узел и висевших на нем крыс, то очень ясно заметил, что не представляло бы особого труда отодрать друг от друга некоторых из перепутанных между собой хвостов, но присутствовавший при этом живописец с некоторым негодованием удержал меня от этого. У упомянутой выше шестнадцатой крысы я ясно заметил, что ее хвост без малейшего повреждения находится при ней и что, значит, она была отделена от остальных без всякого труда. Взвесив все эти обстоятельства со всевозможной тщательностью, я пришел к полнейшему убеждению, что означенные 16 крыс не представляют собой никакого особенного «крысиного короля», а просто известное число крыс различной величины, толщины и масти, а также (по моему мнению) разного возраста и пола. Относительно того, как происходит переплетение между собой крыс, я представляю себе дело так: за несколько дней до открытия этого гадкого сборища крыс наступивший очень суровый холод заставил этих животных столпиться в один угол, чтобы согреться, лежа друг возле друга или друг на друге; несомненно, они приняли такое направление, что хвосты были направлены более наружу, а головы к месту, более защищенному от влияния мороза. Не послужили ли испражнения выше сидящих крыс, падая по необходимости на хвосты низших, причиной того, что хвосты смерзлись? Не возможно ли таким образом, что крысы, у которых хвосты смерзлись, желая отправиться за едой, не могли освободиться от других и образовали столь крепкое сплетение, что потом даже при наступлении опасности для жизни не были в состоянии оторваться от других?

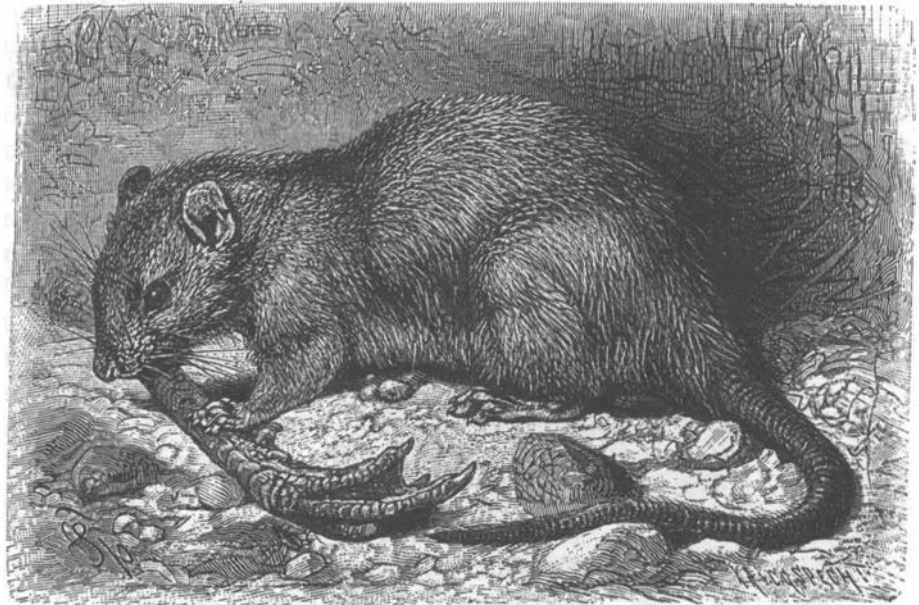
По требованию высоко почтенного земского суда я откровенно изложил здесь свои мысли, а также то, что, согласно этому докладу, мы с господином Эггольденом нашли при исследовании и в подлинности чего мы с ним собственноручно подписались».

Возможно, что скопления подобного рода встречаются чаще, чем думают, но находят их весьма немного, ибо в большинстве местностей суеверие настолько велико, что всякого найденного крысиного короля уничтожают возможно скорее.

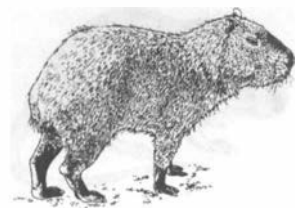
Средства, которые уже употреблялись для истребления крыс, неисчислимы. Против них ставятся ловушки всевозможных сортов, и временно помогает немного всякий способ охоты. Если животные замечают, что их сильно преследуют, то они нередко выселяются, но водворяются снова, когда гонение ослабевает. Если они снова вернулись, то за короткое время размножаются в такой степени, что прежняя мука возобновляется в полной силе. Самыми обыкновенными средствами для их истребления остаются яды различных сортов, которые ставят на излюбленных крысами местах, но помимо того, что, отравляя животных, причиняют им самую ужасную и мучительную смерть, средства эти все-таки опасны, ибо крысы иногда рвет, этим они отравляют хлеб или картофель и могут таким образом сделаться опасными для других животных и даже для людей. Гораздо лучше давать им смесь солода и негашеной извести: она возбуждает в них жажду и влечет за собой смерть, после того, как они выпьют должное количество воды, необходимое для погашения извести.

Лучшими истребителями крыс остаются во всех отношениях их естественные враги, прежде всего совы, ласки, кошки и собаки-крысоловы, хотя часто случается, что кошки не осмеливаются нападать на крыс, особенно на пасюков. Дене видел в

Пасюк
(*Rattus norvegicus*)

Гамбурге на берегу каналов собак, кошек и крыс, гуляющих вместе, причем ни одно из упомянутых животных и не думало объявлять другому войну, и мне лично известны многие примеры того, что кошки не обращают никакого внимания на крыс. Как между другими домашними животными, так и между кошками есть хорошие породы, члены которых страстно предаются охоте за крысами, хотя им сначала приходится много потрудиться, чтобы одолеть этих зубастых грызунов. Едва ли меньшую услугу приносят хорек и ласка, первый в доме, вторая в саду и в конюшнях. Против этих хищников, которые также таскают то яйцо, то цыпленка, то голубя и даже курицу, еще можно защититься, заперев покрепче хлев, но против крыс всякая защита напрасна, и потому следовало бы холить и оберегать этих стройных хищников, где только возможно.

В заключение я опишу на пользу и в назидание многих из моих читателей мышеловку, которая, правда, не делает чести человеческому сердцу, но зато действует превосходно. В местах, часто посещаемых крысами, например, между конюшнями, вблизи отхожих мест, шлюзов и других, выкапывают яму в 1,5 метра глубины и выкладывают ее внутри гладкими каменными плитами. Четырехугольная плита в один квадратный метр образует основание, 4 других, более узких вверху, образуют стены. Яма должна быть наверху наполовину уже, чем внизу, так, чтобы стены нависали со всех сторон и отнимали бы у попавших туда крыс возможность выкарабкаться обратно. Затем на дно наливают растопленное сало, разбавленный водой мед и другие сильно пахучие вещества, ставят туда глиняный сосуд с узким отверстием вверху, мажут его медом и наполняют кукурузой, пшеницей, коноплей, овсом, жареным салом и другими лакомствами. Потом насыпают на дно ямы немного рубленой соломы и наконец кладут решетку над отверстием, чтобы случайно не упали в него курица или какое-либо другое молодое неловкое домашнее животное. Теперь все готово и ни о чем больше не нужно заботиться. «Приятный запах и теплая сечка из соломы — говорит Ленц, — побуждают крысу весело и в приятном ожидании прыгнуть вниз. Там все пахнет так прекрасно: и салом, и медом, и сыром, и зернами, но приходится довольствоваться только запахом, ибо во внутренность горшка нельзя пробраться и ничего другого не остается, как только одному пленному пожирать другого». Первая, упавшая вниз крыса, понятно, скоро начинает ощущать голод и тщетно старается выбраться из ужасной тюрьмы, затем падает сверху вторая. Начинают взаимно обнюхиваться, может быть, они и советуются, как тут быть, но первая пленница слишком голодна, чтобы пускаться в долгие рассуждения. Начинается страшная драка, борьба не на жизнь, а на смерть, и одна пленница умерщвляет другую. Если остается победительницей первая, то она моментально набрасывается на труп подруги, чтобы пожрать его, если же победила вторая, то происходит то же самое несколькими часами позже. Только крайне редко можно найти трех крыс разом в этой ловушке, а на следующий день, уже наверное, не хватит одной из них. Короче говоря, одна пленница съедает другую, а яма остается довольно чистой, хотя представляет собой пещеру смерти в самом ужасном значении этого слова.

Более простая, но точно так же постоянно действующая и гораздо менее жестокая ловушка состоит из прямо поставленной, вверху открытой бочки, к краю которой ведет шероховатая планка. Поперек отверстия бочки укреплена на легко подвижном валике гладкая дощечка, снабженная снаружи небольшим грузом, благодаря которому она очень легко опрокидывается, но тотчас же опять выпрямляется. На конце, удаленном от планки, на дощечке укрепляется на проволоке кусочек зажаренного сала

таким образом, что его нельзя достать с края сосуда. Привлекаемые запахом крысы бегут по планке вверх и всходят на дощечку, чтобы достать приманку: дощечка тотчас опрокидывается, и крыса падает в бочонок. В нем находится вода, но она покрыта слоем мелко изрубленной соломы, который настолько мешает крысе плавать, что она скоро утомляется и тонет. Эта ловушка действует превосходно, остается только вынимать погибших*.

Мыши гораздо меньше и милевиднее этих противных длиннохвостых домашних воров, хотя и они, несмотря на свою красивую наружность и на веселый, милый нрав, являются злыми врагами человека и преследуются им почти с такой же ненавистью, как их большие и более противные родичи.

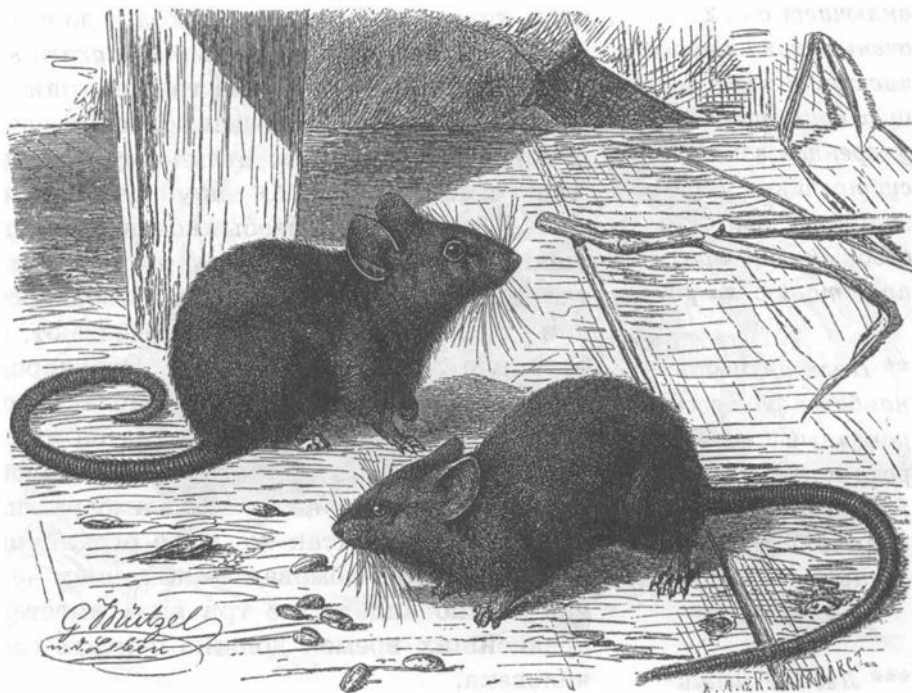
Смело можно сказать, что сидящую в клетке мышь всякий найдет прелестной, и даже дамы, которые обычно ощущают сильный, хотя совершенно безосновательный страх, если в погребе или на кухне мышь перебежит им дорогу, и те должны признать ее за прелестное создание, когда поближе познакомятся с ней. Но, конечно, острые резцы и страсть лакомиться у мышей так сильно развиты, что могут исполнить гневом и жаждой мести даже

кроткое сердце женщины. Уж слишком неприятно постоянно опасаться за все съестные припасы, даже когда они находятся под замком; слишком возмутительно не иметь в доме ни одного места, где бы можно было быть полным хозяином и где бы не докучали эти назойливые, маленькие гости! А так как мыши умеют пролезть всюду и проникают даже в места, недоступные крысам, то они возбудили против себя целую войну преследования, которая вряд ли когда-либо прекратится.

Домовая мышь (*Mus musculus*) по своему внешнему виду еще имеет некоторое сходство с черной крысой, однако она гораздо красивее, части тела у нее более пропорциональны, и ростом она значительно меньше. Вся длина ее приблизительно 19 см, из которых 9 см приходятся на туловище. Хвост имеет 180 чешуй-

Семейство МЫШИНЫЕ

* Ловушки не способны серьезно сократить численность крыс, поскольку умные животные скоро распознают подвох и избегают ловушек. Ко многим

Домовая мышь
(*Mus musculus*)

ядам у крыс постепенно вырабатывается иммунитет. Сейчас для дератизации применяют в основном антикоагулянты и вещества, приводящие к бесплодию.

Семейство Мышиные

* *Лесная мышь* населяет всю Европу на восток до Белоруссии и Украины, в России же ее сменяет близкий вид — малая лесная мышь (*S. uralensis*). Род лесных мышей включает до 12 очень похожих видов, частично замещающих друг друга в умеренной зоне и субтропиках Евразии. Брем дает обобщенный образ представителя рода.

** *Полевая мышь* — наиболее распространенный из 9 видов рода полевых мышей. Раньше в этот род включали и мышей лесных.

*** *Лесные мыши* зимой часто переселяются в жилища человека, но полевая мышь обычно остается зимовать в естественных местообитаниях.

чатых колец. Она одноцветная: желтоватый, серовато-черный цвет верхней части тела и хвоста переходит мало-помалу в более светлую нижнюю часть, ноги и пальцы желтовато-серого цвета.

*Лесная мышь (Sylviaemus sylvaticus)** достигает 20 см длины, хвост ее, состоящий приблизительно из 150 чешуйчатых колец, имеет 11,5 см длины. Мышь эта двухцветная, верхняя часть туловища и хвоста светло-серо-бурого цвета, нижняя часть, ноги и пальцы — белые, и цвет их резко отличается от цвета спинки. Оба эти вида отличаются от следующего своими более длинными ушами. У следующего вида уши достигают приблизительно только трети длины головы и, будучи с боку прижаты к голове, не доходят до глаз, тогда как у первых они имеют половину длины головы и, прижатые к голове, доходят до глаз.

*Полевая мышь (Apodemus agrarius)*** достигает 18 см длины, хвост имеет 8 см. Она трехцветная: верхняя часть туловища рыжевато-бурая с черными полосами вдоль спины, нижняя часть и ноги белые и резко отличаются от верхней части туловища. Хвост имеет около 120 чешуйчатых колец.

Все эти мыши необыкновенно походят друг на друга в отношении своего местопребывания, нрава и образа жизни, хотя как та, так и другая имеют свои особенности. В одном отношении они сходятся все три: они выказывают, по крайней мере иногда, большую любовь к человеку. Эти породы часто встречаются в домах, начиная с погреба и до чердака, особенно зимой, а домовая мышь чаще других***. Ни одна из них не привязана исключительно к месту, от которого получила свое название: лесная мышь одинаково охотно живет как в амбарах или домах, так и на поле, а полевая мышь так же мало ограничивает свое местопребывание полем, как домовая — жилищем человека, так что при случае можно видеть все три вида вместе. Домовую мышь уже с древнейших времен должно считать самым верным спутником человека.

Уже Аристотель и Плиний упоминают о ней, а Альбертус Магнус знаком с ней хорошо. В наше время она распространена по всей земле. Она пробралась вслед за человеком и следовала за ним на крайний север и в хижину высочайших Альп. По всей вероятности, в настоящее время найдется мало мест, где бы ее не было; вероятнее, что ее там еще не заметили. На Зондских островах, например, она еще не попадалась. Ее местопребыванием служат все части человеческих жилищ. В деревне она живет иногда на воле, в саду или в ближайших полях и рощах; в городе же она ограничивается исключительно жилым помещением и его пристройками. Здесь каждая щель, каждое углубление — словом, каждый уголок предоставляют ей надежное убежище, а оттуда она предпринимает свои набег. Она бежит по земле с большой скоростью, превосходно лазает, делает довольно боль-

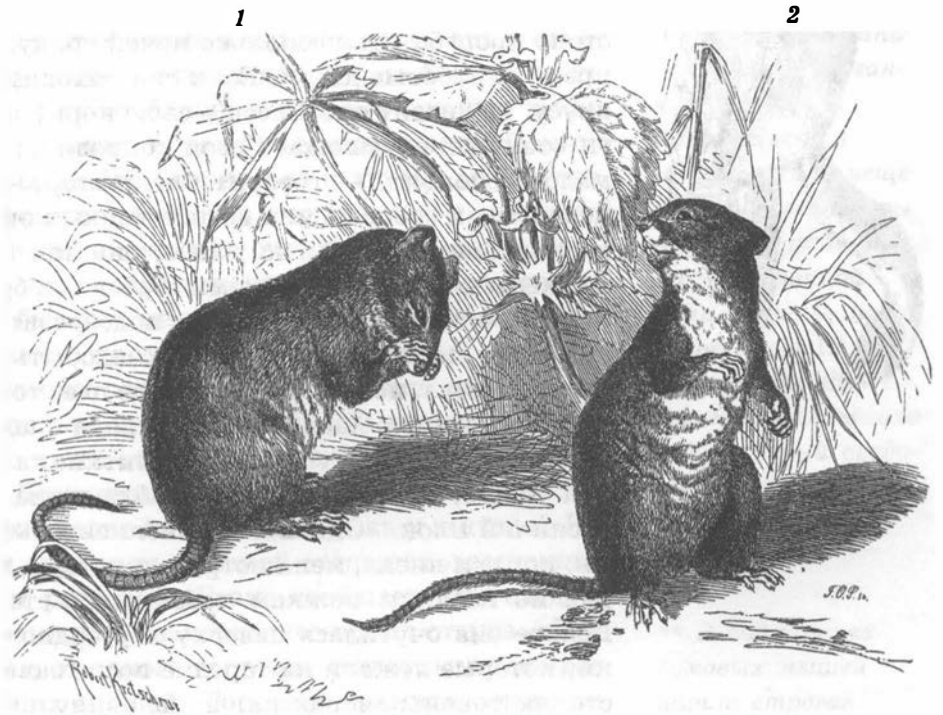
шие прыжки и двигается очень быстро и долгое время короткими скачками.

За ручной мышью можно наблюдать, как ловко она проделывает все эти движения. Если она лезет по косо протянутойверху бечевке или пруту, то каждый раз, когда боится упасть, быстро обвивает свой хвост вокруг веревки, подобно настоящим цепкохвостым животным, снова возвращается в положение равновесия и бежит дальше; если ее посадить на очень гибкий стебелек, то она взбирается по нему до самого верха, и если стебель нагибается, то мышь прицепляется к нижней его части и затем медленно спускается вниз без малейшего затруднения. Она умеет также плавать, хотя в воду идет только в крайнем случае.

Если ее бросить в пруд или ручей, то можно видеть, что она плавает почти с такой же быстротой, как водяная крыса, и устремляется к первому сухому месту, чтобы взобраться на него и снова достигнуть суши. Чувства у нее развиты превосходно: она слышит малейший шум, обоняние имеет острое и чует на далекое расстояние, видит хорошо, днем, может быть, еще лучше, чем ночью. Умственные способности делают ее истинным

любимцем того, кто стремится познать жизнь животного. Она добродушна и беззаботна и ничуть не похожа на своих злых, коварных и задорных сестер — крыс, любопытна и исследует все основательно, весела и умна, очень скоро смекает, где ее щадят, и со временем так привыкает к человеку, что перед его глазами бегаёт взад и вперед и справляет свои домашние дела, как будто не существует для нее никакой опасности.

В клетке она уже через несколько дней становится ручной; даже старые мыши довольно скоро осваиваются с человеком, а пойманные молодыми превосходят своим добродушием и беззаботностью большинство других грызунов, которых содержат в неволе. Приятные звуки выманивают ее из убежища и заставляют забывать всякий страх. Она появляется среди бела дня в ком-

1. Полевая мышь
(*Apodemus agrarius*)
2. Лесная мышь
(*Sylvemus sylvaticus*)

натах, где играют на каком-нибудь инструменте, а места, где постоянно звучит музыка, становятся ее любимейшим местопребыванием.

Все приятные качества нашей сожительницы, к сожалению, значительно умаляются ее жадностью и нахальством. Трудно представить себе животное более лакомку, чем домашняя мышь, которая может распорядиться с полным произволом припасами кладовой. Она доказывает самым наглядным образом, что чувство вкуса у нее развито прекрасно. Она безусловно предпочитает сладости всякого рода, молоко, мясо, сыр, жир и зерна, а если ей предоставлен выбор, то из всего выбирает самое лучшее. Острые резцы ее делают ее еще более ненавистой всем. Она умеет пробить себе путь всюду, где чует что-нибудь съестное, и ей ничего не стоит проработать несколько ночей сряду, чтобы прогрызть даже крепкие дубовые двери. Если она находит много пищи по своему вкусу, то уносит ее запасец в свою норку и с торопливостью скряги собирает и умножает свои сокровища. «В тех местах, где ее мало беспокоят, — говорит Фитцингер, — иногда можно найти целые кучи грецких или обыкновенных орехов, нагроможденных на пол-локтя высоты по углам; они так правильно и аккуратно сложены и покрыты разными обрезками бумаги или материи, что едва ли в этом кто-нибудь мог подозревать работу мыши». Воды она вовсе не пьет, если может раздобыть другие сочные съедобные вещества, но и при сухой пище пьет только изредка, наоборот, с наслаждением лакает всякого рода сладкие напитки. Что она набрасывается и на спиртные напитки, как это делает иногда лесная мышь, доказывает одно наблюдение, которое мне сообщил лесничий Блок. «Однажды, приблизительно в 1843 году, в то время, когда я писал, меня потревожил шум, и я увидел мышь, которая по гладким ножкам небольшого стола взбиралась наверх. Вскоре она очутилась наверху и усердно стала подбирать крошки, которые лежали на тарелке после завтрака. Посреди тарелки стояла тоненькая рюмка, наполовину наполненная кюммелем. Одним прыжком мышка очутилась на краю рюмки, нагнулась вперед, усердно стала лакать и затем спрыгнула вниз, выпив предварительно еще немного этого сладкого яда. Потревоженная шумом с моей стороны, она одним скачком спрыгнула со стола и исчезла за шкафом со стеклянной посудой. Теперь, казалось, спирт стал действовать на нее, так как тотчас же она появилась снова и начала выделять презабавнейшие движения, стараясь, хоть и напрасно, еще раз взобраться на стол. Я встал и подошел к ней, но не спугнул, а принес кошку; тогда мышь на одно мгновение убежала, но тотчас появилась снова. Кошка спрыгнула с моих рук на землю, и пьяненькая мышка очутилась у нее в когтях».

Вред, который причиняет домашняя мышь, пожирая различные съестные припасы, в общем незначителен, самый существенный вред их состоит в том, что они нагрызают ценные предметы.

В библиотеках и в естественноисторических собраниях мыши хозяйничают самым губительным образом и могут причинить неизмеримый вред, если всеми силами не положить предел их страсти к разрушению. Кажется, что они грызут что-нибудь только из шалости, и очень вероятно, что это случается чаще тогда, когда мыши мучаются от жажды, чем в тех местах, где они имеют, чем утолить ее. Поэтому в библиотеках, кроме зерен, которые для них заготавливают, ставят им также и сосуды с водой — одним словом их положительно поят и кормят за казенный счет*.

Домашняя мышь размножается необыкновенно быстро. Она рождает спустя 22—24 дня после случки от 4 до 6, редко 8 детенышей, а в течение года наверное от 5 до 6 раз, так что непосредственное потомство одного года доходит по меньшей мере до 30 голов. Самка разрешается от бремени в каждом углу, лишь бы он имел мягкую подстилку и обеспечивал некоторую безопасность. Нередко находят гнездо в выдолбленном хлебе, в брюкве, в карманах, в человеческих черепках и даже в мышеловках. Обычно оно состоит из соломы, сена, бумаги, перьев и других предметов, тщательно собранных вместе; случается, однако, что подстилкой служат только опилки и даже ореховая скорлупа. Мышата, только что родившиеся на свет, необыкновенно малы и совсем голые, прозрачные, но растут быстро; между седьмым и восьмым днем они покрываются волосами, но только на тринадцатый день становятся зрячими. Тогда они остаются в гнезде еще дня два, не более, а затем самостоятельно отправляются добывать пищу. Старая мышь обращается с ними очень нежно и ради них сама подвергается опасности**. Домашним животным, в собственном значении этого слова, обыкновенная мышь сделалась у жителей Китая и Японии, которые довели до высокой степени совершенства разведение животных и растений. Гааке сообщает нам следующее о мышках, доставляемых нам в последнее время оттуда. «Время от времени я получаю от одного торговца животными две различных породы домашних мышей. Торговец называл одних китайскими лазающими мышками, а других японскими танцующими мышками. Первые отличаются исключительно своей разнообразно меняющейся окраской, так как лазать они, кажется, умеют не лучше других мышей. Окраска же в высшей степени разнообразна. Наряду с одноцветно-серыми, бледно-желтыми и белыми, у меня были и пегие, серые с белым, черные с белым, желтые с белым и голубые с белым. У желтых и белых, а также у желтовато и голубовато-белых мышей всегда красные глаза, у серых же и у черных с белым — никогда. Трехцветные мыши, кажется, очень редки. Известно, что и у нас встречаются белые, черные и желтые мыши, а иногда и пегие. Китайцы воспользовались этой разнообразной окраской мышей, чтобы удовлетворить свою страсть к воспитанию животных странного вида. Японцы, не меньшие любители разведения животных, сумели сделать из мыши поистине

** Домовая мышь действительно всеядна, зверьки природных популяций, например курганчиковая мышь, летом охотно поедают насекомых, зимой переходят на зерно. Зимние запасы корма у курганчиковой мыши, находящиеся в нескольких помещениях сложной норы внутри курганчика — насыпной кучи земли — порой достигают 10 кг. Домовая мышь — серьезный сельскохозяйственный вредитель, переносчик эпидемических заболеваний.*

*** В популяциях домовых мышей царит строгая иерархия. Самец-доминант доказывает свое превосходство стычками с другими самцами. Размножаются мыши круглый год, принося до 5 помётов по 3—7 детенышей (до 15). Беременность длится 17—21 день, половозрелость наступает в возрасте 2 меся-*

Семейство Мышиные

цев. В природе мыши живут обычно 5—13 месяцев, в неволе максимальный срок жизни — 6 лет.

Существуют циклы численности, с массовым размножением через 3—4 года.

** Выведено много «культурных» пород домашней мыши, использующихся как декоративные комнатные и лабораторные животные. Белая мышь-альбинос — самое распространенное лабораторное животное в мире.*

*** Некоторые виды рода лесных мышей, например крупная и яркая желтогорлая мышь (*S. flavicollis*), тяготеют к широколиственным лесам, селятся в дуплах, хорошо лазают по деревьям.*

удивительное животное. Японская мышь, справедливо названная мышью-танцовщицей, встречается также разнообразной окраски, у меня были черные и желтые с белым, также серые и голубые с белым. От обыкновенной мыши она отличается меньшей величиной и удлинённой головой. Но главный ее характерный признак заключается во врожденной привычке с бешеной быстротой описывать круги или с невероятной скоростью кружиться на одном месте. На такой танец часто сходятся две, редко три мыши, танец обычно начинается в сумерки и время от времени возобновляется ночью, по большей же части он исполняется в одиночку, и неутомимые танцовки движениями своими совершенно очищают некоторые места пола своей клетки от покрывающего его толстого слоя опилок. И при обыкновенных движениях эта мышь выказывает свою живую натуру. Она с быстротой молнии, по видимому, бесцельно, поворачивается то туда, то сюда и беспрестанно мордочкой обнюхивает воздух. Один торговец, с которым я разговаривал о танцующих мышах, вероятно на основании слышанного, старался истолковывать себе наследственную страсть этих животных по-своему. Он утверждал, будто танцующие мыши происходят из Перу и устраивают себе гнезда в зрелых плодах хлопчатника и кружатся для того, чтобы образовать в мягкой вате пустоту, вследствие этого мышь-танцовщицу называют также «хлопчатниковой мышью». Во всяком случае она происходит, так же как и лазающая мышь, из Японии или Китая, хотя мне не удалось добыть на этот счет более точных сведений. В книгах и временных изданиях я ничего не мог найти относительно домашних мышей китайцев и японцев*.

Самым злейшим врагом домашней мыши всегда была и останется кошка. В старых постройках верной помощницей ее является сова, а в деревне оказывают хорошие услуги хорек и ласка, еж и землеройка, во всяком случае лучшие, чем всякого рода ловушки.

Лесная и полевая мышь разделяют большинство качеств домашней мыши. Первая, за исключением разве стран дальнего севера, распространена по всей Европе и средней Азии и в горах доходит до 1000 метров над уровнем моря. Она живет в лесах, по опушкам, в садах, реже также в открытых безлесных полях, а зимой любит забираться в дома, погреба и кладовые, но как только появляется возможность, взбирается наверх и бродит на чердаках и под крышами. В своих движениях она по меньшей мере так же ловка, как домовая мышь, но отличается от нее тем, что прыгает большими скачками, наподобие тушканчиков, делает несколько прыжков подряд и затем только немного отдыхает**. По наблюдениям Радде, зрение у нее не очень развито; можно, осторожно подвигаясь вперед, приблизиться к ней на расстояние около 60 сантиметров и без особого труда убить ее. На воле она ест насекомых и червей, плоды, вишневые косточки, орехи, желу-

ди, буковые орешки, а в случае нужды также кору молодых деревьев. Она заготавливает себе также запас на зиму, но не подвержена зимней спячке и лакоится накопленными сокровищами только в ненастные дни*.

Лесная мышь два или три раза в год мечет по 4—6, реже по 8 голых детенышей, которые растут довольно медленно, а красивый, рыжевато-желтый оттенок своей шкурки получают только на второй год.

Границы распространения полевой мыши гораздо уже, чем у родственных ей пород, она живет от Рейна до западной Сибири, и от северной Гольштинии до Ломбардии. В Германии она почти везде очень обыкновенна, но на высоких горах отсутствует**. Местопребыванием ее служат возделанные поля, опушки лесов, редкий кустарник, а зимой скирды хлеба, амбары и конюшни. Во время жатвы бывают видны целые скопления их, бегающих по жнивью. Паллас рассказывает, что в Сибири они иногда переселяются с места на место неправильными группами. В своих движениях полевая мышь гораздо менее ловка, а по нравам или гораздо добродушнее, или гораздо глупее своих родичей. Пища ее состоит главным образом из хлебных зерен, семян растений, луковиц, насекомых и червей. Она точно так же собирает запасы***. Летом она три или четыре раза мечет от 4 до 8 детенышей.

Как ни красивы, как ни милостивы все маленькие мыши, как ни прелестно ведут они себя в неволе, но самый маленький вид этого семейства, **мышь-малютка** (*Micromys minutus*), все-таки превосходит других во всех отношениях. Она подвижнее, ловчее, веселее, словом, гораздо более привлекательный зверек, чем все остальные. В длину она имеет 13 см, из которых почти половина приходится на долю хвоста****. Окраска шерсти изменчива бывает двух цветов: верхняя часть тела и хвост желто-буро-красные, брюхо и ноги совершенно белые, попадаются, однако, также более темные или светлые, более красные или бурые, сероватые или желтоватые; брюхо не особенно отличается от верхней части. Молодые зверьки имеют несколько иное телосложение, чем старые, и совершенно иную окраску тела, а именно, гораздо более серого цвета на спине.

Мышь-малютка издавна представляла собой загадку для зоологов. Паллас открыл ее в Сибири, в точности описал и довольно хорошо нарисовал, но после него почти каждый натуралист, которому она попадалась в руки, выдавал ее за новый вид, и каждый считал себя правым. Только благодаря непрерывным наблюдениям выяснилась та неопровержимая истина, что наша малютка действительно распространена от Сибири через всю Россию, Венгрию, Польшу и Германию до самой Франции, Англии и Италии и только в исключительных случаях не встречается в некоторых местностях. Она живет на всех равнинах, где процветает земледелие, но далеко не всегда водится на полях, а преимущ-

* В питании лесных мышей преобладают калорийные растительные корма — семена злаков, желуди, орехи. В норах желтогорлой мыши находили кладовые с 4 килограммами лесных орехов.

** На север полевая мышь доходит до границы южной тайги. Ареал в Евразии разорван в области Байкала и Монголии на европейско-сибирскую и дальневосточно-китайскую части.

*** Полевые мыши помимо семян охотно поедают насекомых, ягоды, зелень. На зиму они не делают больших запасов.

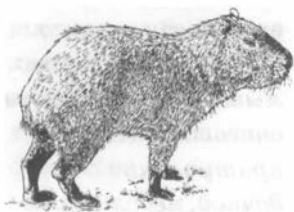
**** Мышь-малютка — единственный представитель рода и, вероятно, один из самых мелких в мире грызунов. Ее масса составляет в среднем всего 6 г (3,5—13 г). От мышат других видов она отличается притупленной мордочкой, небольшими

Семейство Мышиные

*ушами и глазами,
полухватательным,
покрытым волосами
хвостом. В отличие
от других мышей,
малютка чаще
активна днем.*

** Малютка обитает по всей умеренной зоне Евразии, предпочитает луговины юга лесной зоны, лесостепь, по соответствующим высотным поясам проникает в горы юга Евразии до северной Индии и Вьетнама. На Кавказе встречается до 2200 м.*

*** Гнездо имеет диаметр от 60 до 130 мм. Зимой зверьки переселяются в норы, в сельскохозяйственных ландшафтах предпочитают стога, скирды, иногда амбары.*

щественно в болотах, тростниках и камышах. В Сибири и в степях у подножия Кавказских гор она очень обыкновенна, в России, Англии, Гольштинии она встречается нередко. Но и в других странах Европы она иногда может попадаться во множестве*. Летом можно встретить этого милovidного зверька на хлебных полях, зимой же в громадном количестве под скирдами, а также в амбарах, куда они попадают вместе с зерном. Если она зимует в открытом поле, то, хотя и проводит в спячке часть холодного времени, однако никогда не впадает в полное оцепенение и поэтому летом заготавливает запасы в своих норах, чтобы можно было питаться ими во время нужды. Питается она тем же, чем и все остальные мыши: хлебом и семенами всевозможных трав и деревьев, а также всякого рода маленькими насекомыми.

В своих движениях мышь-малютка отличается от всех других видов этого семейства. Несмотря на ее незначительную величину, она бежит необыкновенно быстро и лазает с величайшим совершенством и ловкостью. Повиснув на тончайших веточках кустов и на стеблях трав, которые настолько тонки, что вместе с ней наклоняются к земле, она по ним бежит кверху, почти так же скоро бегаёт и по деревьям, причем с особенной ловкостью цепляется своим хорошеньким маленьким хвостиком. Она также одинаково хорошо умеет плавать и нырять. Таким образом она может жить повсюду.

Но величайшее совершенство она проявляет еще в другом отношении. Она художница, каких мало между млекопитающими, художница, которая может соперничать с самыми даровитыми птицами, потому что она строит гнездо, превосходящее красотой гнезда всех других млекопитающих. Она до того своеобразно выводит свою хорошенькую постройку, как будто переняла это искусство у птички. Смотря по характеру местности, гнездо или бывает устроено на 20—30 листьях осоки, верхушки которых расщеплены и так переплетены между собой, что окружают постройку со всех сторон, или оно висит на высоте 0,5—1 метра от земли свободно на ветвях куста, на стебле тростника и тому подобном, так что оно выглядит как бы висящим в воздухе. По наружности оно походит более всего на тупое яйцо, например, на очень круглое гусиное яйцо, которому приблизительно равно по величине**. Наружная оболочка его всегда состоит из совершенно расщепленных листьев тростника или осоки, стебли которых образуют основание всей постройки. Малютка берет каждый листочек зубами в рот и несколько раз пропускает его между острыми, как иголка, концами, пока не разделит каждый отдельный лист на шесть, восемь или десять частей, как бы несколько отдельных волокон, затем все это необыкновенно тщательно свивается и переплетается друг с другом. Внутренность выстлана пленками тростника, пухом некоторых болотных растений, пушистыми сережками верб и цветочными кистями всякого рода. Сбоку в

гнездо ведет маленькое отверстие, а если через него ощупать внутренность гнезда, то оно оказывается как вверху, так и внизу равномерно-гладким, чрезвычайно мягким и нежным на ощупь. Отдельные составные части его так плотно соединены и переплетены между собой, что гнездо действительно приобретает большую прочность. Если с искусным клювом птиц-строителей сравнить менее приспособленные орудия мышей, то на постройку их придется смотреть не без удивления, и работу мыши-малютки поставить выше построек многих птиц. Каждое гнездышко строится всегда главным образом из листьев того растения, на котором оно находится. Необходимым следствием этого является то обстоятельство, что снаружи гнездо имеет почти или совершенно такой же цвет, как и сам куст, на котором оно висит. Каждым из своих произведений искусства мышь-малютка пользуется только во время родов, которые продолжаются лишь короткое время, таким образом детеныши всегда покидают гнездо раньше, чем листья, окружающие его, успеют завянуть и принять вследствие этого отличную от гнезда окраску.

Полагают, что каждая мышь-малютка рождает два или три раза в год каждый раз по 5—9 штук детенышей. Старые матери строят свои гнезда всегда с большим искусством, чем молодые, но и у последних замечается уже стремление достигнуть искусства старых. Детеныши уже на первом году строят себе довольно затейливые гнезда и отдыхают в них. В своей великолепной колыбели они остаются до тех пор, пока не станут зрячими. Старая самка каждый раз тепло укрывает их или, лучше сказать, запирает вход в гнездо, когда ей приходится покинуть его, чтобы принести себе пищи. Между тем она уже опять сошлась с самцом своей породы и снова уже беременна, в то время как ей еще нужно кормить молоком своих детенышей. Затем, как только они настолько подрастут, что могут кое-как прокормить себя, старая самка предоставляет их самим себе, пробыв их руководителем и советчиком самое большее несколько дней*.

Если кому-нибудь посчастливится быть поблизости как раз в то время, когда старая самка в первый раз выводит своих детенышей, то ему представится случай насладиться одной из самых привлекательных семейных картин из жизни млекопитающих.

Всю эту деятельность можно наблюдать с большим удобством, если взять все гнездо к себе домой и поместить его в клетку с частой проволочной сеткой. Мышей-малюток содержать легко, если давать им коноплю, овес, груши, сладкие яблоки, мясо и комнатных мух, и они своим приятным нравом в тысячу раз вознаграждают труды человека, который ухаживает за ними**. Молодые мышата очень скоро становятся ручными, но пугливыми по мере того, как взрослеют, если не заниматься ими особенно часто и с прилежанием. С наступлением того времени, когда они на воле прячутся в свои убежища, они становятся очень беспо-

* Большинство зверьков живет всего 2—3 месяца, так что до зимы доживают лишь молодые из последнего выводка.

** Основу питания мышей-малюток составляют семена, летом также насекомые, вегетативные части растений. На зиму делают небольшие запасы пищи. Малютка очень прожорлива, за сутки съедает около 5 г корма, что лишь немногим меньше ее веса.

Семейство Мышиные

* Около 9 видов
полосатых мышей
(род *Lemniscomys*)
населяют тропическую
Африку. Лишь
варварийская мышь
встречается и к
северу от Сахары в
горах Марокко,
доходя до высоты
2100 м.

Полосатая, или
варварийская, мышь
(*Lemniscomys barbarus*)

койными и всячески стараются убежать, совершенно подобно тому, как это делают перелетные птицы, когда приближается время отлета. В марте они также выказывают особое желание удалиться из клетки. В общем же они скоро свыкаются с новыми условиями жизни, весело принимаются за постройку своих искусных гнезд, берут листья и протягивают их лапками через рот, чтобы расщепить, приводят в порядок и переплетают их между собой — словом, стараются устроиться как можно лучше.

Один из красивейших видов этого семейства это **полосатая, или варварийская, мышь** (*Lemniscomys barbarus*), зверек, достигающий около 22 см длины, включая сюда и хвост, длиной в 12 см*. Основной окраской туловища является красивый желтовато-коричневый или красноватый глиняно-желтый цвет. От головы, покрытой черными крапинками, до основания хвоста тянется черно-бурая продольная полоса, и много подобных же полос

проходит, хотя и не в совсем прямом направлении, по бокам тела. Брюхо совершенно белого цвета. Уши покрыты красновато-желтыми волосками, черные усы оканчиваются большей частью белым кончиком. Хвост сверху черно-бурого, снизу желто-бурого цвета.

Варварийская мышь живет в северной и центральной Африке, особенно часто встречается в Атласских горах, одна-

ко попадает нередко в степях, лежащих внутри страны. Я наблюдал ее несколько раз в Кордофоне, но видеть ее мне удавалось всегда только нескольку мгновений, когда она быстро пробежала в высокой степной траве. «Подобно всем другим ее родичам, обитающим в степи, — рассказывает Буври, — арабы называют варварийскую мышь просто-напросто мышью пустыни, презирают и мало наблюдают ее. Туземцы поэтому ничего не могут сообщить про нее. Ее можно встретить вдоль всего Алжирского берега, преимущественно в каменистых странах, а также там, где цепи бесплодных возвышенностей ограничивают собой плодоносные долины. На склонах холмов она вырывает себе ходы, ведущие в глубже лежащее помещение, там она складывает себе осенью за-

пасы из хлебных колосьев и трав и питается ими по мере надобности в холодное или дождливое время года. Остающаяся от изгрызенных колосьев мякина идет на выстилку помещения. Смотри по времени года пища полосатой мыши состоит из хлебных зерен и семян или из других растительных веществ. Плоды, особенно садовые, составляют ее любимое лакомство: в ловушки, которые я расставлял и куда для приманки клал кусочек арбуза, я ловил многих. Ловит ли и ест ли она также насекомых, я не знаю. Нравом своим полосатая мышь во многом напоминает крыс. Она прожорлива, но также зла и, если дело коснется ее любви к супругу или детям, она не побоится прямо пойти на врага, превосходящего ее силой, с целью обратить его в бегство. В остальном она настоящая мышь и обнаруживает ту же гибкость, грациозность и ловкость в своих движениях, как и другие ее родичи. Относительно размножения ее мне ничего не известно»*.

Из-за красоты ее тела варварийскую мышь часто привозят в Европу. Она очень хорошо переносит наш климат, так как и в своем отечестве ей приходится, по крайней мере некоторое время, переносить довольно значительный холод.

СЕМЕЙСТВО СОНЕВЫЕ (Myoxidae)**

По своему внешнему виду и по образу жизни сони близко стоят к белкам, но значительно разнятся от них некоторыми особенностями в строении тела. Они имеют узкую голову с более или менее заостренной мордой, довольно большие глаза и большие голые уши, вытянутое туловище, небольшие конечности и тонкие ноги, на передних лапах которых по четыре пальца, и вместо большого — бородавка с приплюснутым ногтем, а на задних — по пяти пальцев. Хвост средней величины, густой и перистый; мех также густой и мягкий. Передние зубы плоско закруглены, нижние с боков сжаты, четыре коренных зуба каждой челюсти имеют резко выделяющиеся корни и несколько довольно ровно обточенных, глубоко врезающихся в эмалевую поверхность поперечных бороздок. Череп похож скорее на мышинный, нежели на беличий.

До сих пор известно не больше дюжины отдельных видов этого семейства, все они принадлежат к жителям Старого Света. Местопребыванием своим они избирают холмистые и гористые местности, леса и кустарники, рощи и сады. Сони живут на деревьях и в дуплах, реже — в земляных норах, выкопанных ими самими, а также между корнями деревьев или в расщелинах скал и каменных стен, причем стараются запрятаться как можно глубже и дальше от глаз. Большинство днем спят и только рано утром и в вечерние сумерки выходят за добычей. Поэтому достать это животное довольно трудно и видеть можно только случайно.

Семейство СОНЕВЫЕ

** Полосатые мыши активны днем, делают наземные гнезда из травы, иногда занимают норы других грызунов. Питаются растительными кормами, размножаются круглый год, либо во влажный сезон, принося до 4 выводков по 2—5 (до 12) детенышей.*

*** Соневые — одна из самых древних групп современных грызунов. Большое количество подсемейств и родов при невысоком видовом богатстве указывает на реликтовость группы. Древесные формы похожи скорее на белок, наземные — на мышей, у древесных форм развиты подошвенные мозоли для лучшего лазания, наружные пальцы могут противопоставляться остальным. В природе сони живут 2—6 лет. Шкурки крупных сонь считаются второстепенной пушниной.*

Семейство СОНЕВЫЕ

* *Шесть видов африканских сонь рода *Graphiurus* населяют Африку к югу от Сахары, остальные сони обитают во внутритропической Евразии: в Европе и Средиземноморье живут 7 видов, в аридных внутренних частях Азии — 4 вида, в горах Китая — 1 и в Японии — 1. В горы сони поднимаются до 4500 м над уровнем моря. В России — 4 вида из 4 родов.*

** *Полчок — крупнейший представитель семейства. Длина тела до 19 см, хвоста до 16,5 см, масса около 170 г. Мягкий, довольно густой мех на спине одноцветный пепельно-серый, то с более светлым, с более темным черновато-бурым отливом; по сторонам тела он светлее. На животе и внутренней стороне ног, шерсть молочно-белого цвета с серебристым блеском. Вокруг глаз темно-бурое кольцо.*

Но, выславшись, они становятся крайне подвижными: отлично бегают и еще лучше лазают, хотя не могут делать таких больших прыжков, как белки.

В умеренных странах с наступлением холодного времени года сони впадают в оцепенение и проводят зиму в сонном состоянии в гнездах. Многие из них собирают для этого времени пищевые запасы и едят их в перерывах от сна; другие же в этом не нуждаются, так как за лето и осень откармливаются и могут существовать за счет накопленного жира. Их пища состоит из плодов и различных семян; многие, кроме того, едят насекомых, яйца и молодых птенцов. Во время еды они сидят по-беличьи на задней части тела и передними лапами подносят пищу ко рту.

Некоторые сони держатся обществами или, по крайней мере, парами; другие в высшей степени неуживчивы. Летом самка мечет в красивом гнезде от 4—5 детенышей, которых воспитывает с большой любовью. Пойманные молодыми, все сони становятся довольно ручными, только они не любят, чтобы до них дотрагивались руками, а старые звери совсем этого не выносят. Существенной пользы сони не приносят, а скорее даже вред, так как они занимаются хищничеством в наших садах; но их миловидность заставляет забывать разные провинности и завоевывает наше расположение, какого большинство их не заслуживают.

Семейство сонь подразделяют на четыре рода, из которых три имеют своих представителей у нас в Европе, тогда как четвертый род принадлежит Африке*.

К первому роду принадлежит *соня-полчок* (*Myoxuglis*)**.

Это животное хорошо известно по имени, но не многим удавалось его внимательно рассмотреть. Каждый, изучавший древнюю историю, знает эту соню, как любимца римлян, которые имели даже особенные заведения для воспитания этих животных. Дубовые и буковые роци обносили гладкими стенами, на которые не могли взлезть сони, и устраивали там различные норы для гнезд и спанья. Полчков вскармливали желудями и каштанами, а впоследствии для окончательного откармливания сажали в глиняные сосуды или кадки, называвшиеся глирариями. Раскопки Геркуланума познакомили нас воочию с этими глирариями: это были небольшие, полукруглые чаши с перегородками в виде выступов на внутренних стенках и закрывавшиеся сверху решеткой. В них сажали по несколько полчков, которым в излишке давали пищу. Откормив как следует, зверьков убивали, чтобы в качестве особенно лакомого блюда подавать к столу богатых гастрономов. Марциал даже воспел этих маленьких животных, в уста которых он вложил такие слова: «Зима, мы тебя просыпаем и чванимся своим дородством как раз в те месяцы, когда нас ничто, кроме сна не питает!» Полчок имеет в длину 16 см и хвост в 13 см.

Настоящая родина полчка — южная и восточная Европа. Область его распространения охватывает Испанию, Грецию, Италию, южную и среднюю Германию; в Австрии, Штирии, Каринтии, Моравии, Силезии, Богемии и Баварии этот зверек очень многочислен, а в Кроации, Венгрии и южной России распространен решительно повсюду. На севере Европы, даже в северной Германии, Англии и Дании его уже нет. Живет он преимущественно в гористых местностях; сухие дубовые и буковые леса — любимое его местопребывание. Весь день он лежит, спрятавшись в дуплистых деревьях или в расселинах скал, в норах, выкопанных в земле между корнями деревьев, в оставленных норах хомяков или же, наконец, помещается в гнездах сорок и ворон; к вечеру выходит из своего убежища и всю ночь рыщет, отыскивая пищу; по временам забегает в нору, чтобы переварить съеденную пищу

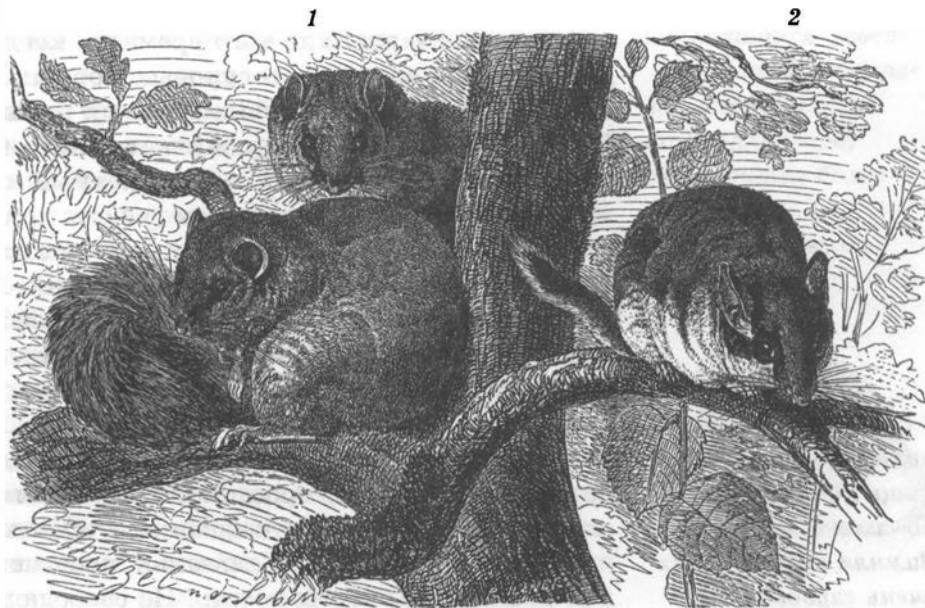
и немного отдохнуть, после чего снова отправляется за добычей и только к утру, редко когда после солнечного восхода, соединившись обыкновенно с самкой или с каким-нибудь товарищем, возвращается в свое убежище, чтобы залечь в нем на весь день. Во время ночных походов полчок проявляет большую подвижность, расторопность и оживленную деятель-

ность; он с ловкостью настоящей белки лазает по деревьям и скалистым выступам, уверенно прыгает с ветки на ветку, сверху вниз, а по земле быстро бегаёт вприпрыжку. Однако видеть все это можно только в тех местах, где уже заранее открыто его местопребывание, так как ночь совершенно скрывает его от глаз человека и многих других врагов.

Немного найдется грызунов, которые бы превзошли полчка в прожорливости. Он ест до тех пор, пока в состоянии есть. Главную пищу составляют желуди, буковые и другие лесные орехи; не отказывается от грецких орехов, каштанов, сладких и сочных плодов. В животной пище полчок также, по-видимому, ощущает потребность, потому что нападает на каждое маленькое животное, которое ему под силу догнать, умерщвляет его и поедает, разоряет, разрушает гнезда, душит птенцов — одним словом, проявляет свои

Семейство СОНЕВЫЕ

Густой и перистый хвост буроватосерый с белой продольной полоской внизу.

1. Соня-полчок
(*Myoxus glis*)
2. Садовая соня
(*Eliomys quercinus*)

хищнические наклонности. Воды пьет мало, а когда у него есть сочные плоды, то и совсем ее не употребляет.

В продолжение всего лета полчок каждую ночь, если только не очень дурная погода, рыщет за добычей по своим владениям. Во время таких походов он поминутно садится по-беличьи и передними лапами кладет в рот что-нибудь съедобное. Постоянно можно слышать щелканье орехов, которые полчок разгрызает, или падение выеденных плодов, которые он бросает вниз. К осени зверек собирает пищевые запасы и складывает в своих норах. В это время он еще ест, пока в силах; затем начинает заботиться об устройстве зимнего жилища, prepares глубокую нору или отыскивает подходящее местечко в трещинах и расселинах скал и старых стен или в глубоких дуплах деревьев, где и устраивает из нежного мха теплое гнездо. Здесь он свертывается в клубок в сообществе с несколькими товарищами и погружается в глубокий сон еще задолго до того времени, когда термометр опустится до точки замерзания; в суровых горных местностях это время настает уже в августе, в более теплых равнинах — около октября. В это время полчок обнаруживает такую же нечувствительность, как и другие животные, подверженные зимней спячке; его сон может быть даже крепче, чем у всех других. Его смело можно взять из гнезда и унести куда угодно: он по-прежнему будет спать и останется в бесчувственном состоянии. В теплой комнате, постепенно пробуждаясь, он начинает пошевеливать членами и мало-помалу приходит в движение, хотя выглядит все еще сонным. На свободе иногда сам просыпается и как бы бессознательно начинает есть запасы*.

** Сони не делают никаких запасов пищи на зиму, только сильно жиреют. Зимняя спячка у них очень глубокая — настоящий анабиоз с сильным понижением температуры тела и резким снижением уровня метаболизма. Только такая спячка позволяет соням «продержаться» на жировых запасах более полугода.*

Полчки, которых воспитывал Ленц, держа их зимой в холодном помещении, просыпались почти каждые четыре недели, ели и снова засыпали так крепко, что казались мертвыми; другие же, воспитывавшиеся у Гальваньи, просыпались только через каждые два месяца, чтобы поесть. На свободе наш полчок просыпается только поздней весной, редко раньше конца апреля. Таким образом продолжительность их зимней спячки достигает полных 7 месяцев.

Вскоре после пробуждения полчки спариваются, и приблизительно после шести недель беременности самка родит в мягком гнезде дуплистого дерева или другой какой-нибудь норы (в окрестностях Альтенбурга очень часто в скворечниках, которые на высоких шестах устраиваются над фруктовыми деревьями или на них) 3—6 голых слепых детенышей, которые вырастают необыкновенно скоро и питаются молоком матери только самое короткое время, а затем сами начинают добывать пищу. Полчок никогда не устраивает гнезда открыто на деревьях, как наша белка, а, по возможности, в скрытом месте. Там, где много буковых деревьев, это животное размножается очень быстро, так как его благосостояние зависит от урожая плодов.

Многочисленные враги наносят полчкам значительный ущерб. Самыми грозными их гонителями являются лесные куницы и хорьки, дикие кошки и ласки, филины и совы; хотя полчок храбро защищается против самых сильных врагов, фыркает на них, злобно кусается и даже пускает в дело свои слабые когти, тем не менее ему приходится в конце концов сдаться*.

Человек тоже усердно преследует полчка в тех местах, где его много, ради мяса и ради меха; зверька заманивают в искусственные зимние жилища, то есть в ямы, устроенные с этой целью в лесу, между кустарником и склонами скал в сухих, на юг обращенных местах; эти ямы предательски устланы мхом, покрыты соломой и сухими ветвями и в изобилии снабжены буковыми орешками. Кроме того, устраиваются и другие ловушки. В Баварии крестьяне ловят полчка в обыкновенные западни для синиц, в которых для приманки рассыпают конопляное семя. В других местах крестьяне ловят полчков капканами, которые они или вешают на сучья, или ставят перед выслеженными норами этих зверьков, кладя в них для приманки сочную грушу или сливу. Кроме того, иногда закапывают в землю наполненные плодами кадки, которые имеют один только выход сверху, прикрытый сеткой из железной проволоки так, что внутрь кадки зверек может проскользнуть, а обратно никаким образом не выйдет. В подобные капканы полчков попадает такое множество, что некоторые охотники набирали их в продолжение осени от 200 до 400 штук.

Полчки относительно редко держатся в неволе. Можно было заранее предвидеть, что такой обжора не проявит особенного развития душевных способностей и каких-нибудь хороших качеств. Образ его жизни и свойства характера не из симпатичных; самой большой добродетелью в нем является его чистоплотность; в остальном он несносен. Вечно раздраженный, вовсе не сближается со своим воспитателем и злобно, с каким-то особенным храпом ворчит на каждого, кто осмелится приблизиться к нему. Того, кто его неловко схватит, он несколько раз сряду больно кусает, чем дает знать, что не намерен позволять беспокоить свою особу. Ночью, как сумасшедший, принимается неистово скакать по клетке и уж одним этим может надоесть до отвращения. При всем этом он требует самого тщательного надзора и обильного корма, иначе прогрызет клетку или съест кого-нибудь из своих товарищей. Как только у полчка не хватает пищи, он без дальнейших рассуждений нападает на кого-нибудь из своих родичей, умерщвляет его и съедает с полной невозмутимостью. Даже родившиеся в неволе полчки не утрачивают неприятных свойств своих родичей и постоянно остаются такими же несимпатичными, как и старые.

Лесная соня (*Dryomys nitedula*) является связующим звеном между полчком и садовой соней, имеет в длину 17 см, из которых почти половина приходится на хвост**.

** Для пассивной защиты от врагов у полчка, как и у других сонь, есть одно средство. Шкурка на хвосте очень непрочная и легко срывается «чулком», когда хищник хватается сою за хвост. Оголившийся хвост засыхает и отмирает, зверек, лишившись балансира, становится более неуклюжим, но сохраняет жизнь.*

*** Длина тела лесной соню — до 11 см, хвост такой же длины. Хвост равномерно опушен, как у полчка, но волосы сверху словно расчесаны на прямой пробор. На задних лапах противопоставляются остальным может не только наружный, но и внутренний палец.*

Семейство СОНЕВЫЕ

* Лесная соня имеет самый широкий ареал среди сонь, на север и северо-восток она доходит до Швеции, Поволжья, Алтая, на юг — до Италии, лесных массивов Передней и Средней Азии, на Восток — до Монголии. На западе доходит только до Австрии и Южной Германии. Предпочитает широколиственные и жестколистственные леса средиземноморского типа.

** Садовая соня в значительной мере связана с хвойными породами деревьев, на север она проникает дальше других видов — до Карелии, Вологодской области, на восток — до Урала, но при этом отсутствует на Балканах, Кавказе, в Малой Азии.

Окраска меха на голове и спине красновато-бурая или буровато-серая, на животе совсем белая; под глазами начинается черная полоса, которая, расширяясь, охватывает глаза и продолжается до ушей; позади ушей лежит грязное серовато-белое пятно. Хвост сверху темный, буро-серый, на конце немного светлее, а снизу белый.

Родиной лесной сони надо считать южную Россию; отсюда она распространилась на запад до Венгрии, южной части Австрии и Силезии, однако там встречается довольно редко*. По образу жизни она, насколько до сих пор известно, ничем существенным не разнится от полчков и садовых сонь.

Садовая соня (*Eliotmys quercinus*) достигает в длину самое большее 14 см, при 9,5 см длины хвоста. Голова и спина красновато-серо-бурые, брюшко белое; глаза окаймлены блестяще-черным кольцом, которое продолжается под ушами до шеи; перед ушами и позади находится по беловатому пятну, а над ухом — черноватое. Хвост у корня серо-бурый, а на конце двухцветный — сверху черный, снизу белый. Волосы на животе двухцветные — у корней они серые, на кончиках белые, а местами попадаются желтоватые или сероватые. Уши мясного цвета, усы черные, с белыми кончиками; когти цвета светлого рога, верхние передние зубы светло-бурые, нижние светло-желтые. Красивые темные чернокarie глаза придают садовой соне умное, живое выражение.

Садовая соня, известная уже древним римлянам под названием *Nitella*, принадлежит главным образом умеренной полосе средней и западной Европы; отечеством ее считаются Франция, Бельгия, Швейцария, Италия, Германия, Венгрия, Галиция, Трансильвания и русские остзейские губернии**. Она живет как на равнинах, так и в холмистых странах, но все же охотнее ютится в гористых местностях и здесь преимущественно в лиственных лесах, хотя попадает и в хвойных, а иногда заходит в низкие кустарники и сады. В Швейцарии подымается до высоких глетчеров. Питается тем же, чем и полчок; но, кроме того, таскает из домов горных жителей сало и масло, жир и ветчину; молодых птичек и яйца ест, по-видимому, еще охотнее и больше, чем полчок, которого она, безусловно, превосходит в лазании и прыгании. Гнездо ее отличается от гнезда полчка тем, что находится в открытом месте; впрочем, иногда садовая соня пользуется щелями в стенах, старыми крысиными норами, ходами кротов и другими углублениями между камнями и в земле; она мягко устилает гнездо мхом и устраивает его с возможным удобством. Особенно охотно селится в пустых гнездах белок; в случае необходимости и сама может построить гнездо, которое вешает на видном месте между ветвями дерева.

Пора любви для садовой сони наступает в первой половине мая. Несколько самцов часто заводят горячий спор из-за обладания самкой, гоняются друг за другом, при этом шипят, сопят и

носятся по деревьям, как угорелые. Насколько они миролюбивы в обыкновенное время, настолько теперь делаются задорными, злыми и драчливыми; между ними происходят настоящие битвы, и притом с такой яростью, какой трудно было от них ожидать; часто случается, что один из противников бывает смертельно укушен другим и тут же съеден. После 24—30-дневной беременности самка мечет 4—6 голых слепых детенышей в большинстве случаев в прекрасно приготовленном и открыто помещенном на дереве гнезде; для этого она часто пользуется старым гнездом белки, вороны или черных и обыкновенных дроздов, которые захватывает иногда насильственным образом, затем выстилает мхом и шерстью и наглухо закрывает. Мать кормит детенышей довольно долгое время и, когда они немного подрастут, приносит им в изобилии пищу. Если в это время подойти к ее гнезду и попробовать вынуть оттуда детенышей, то встревоженная самка со сверкающими глазами начинает шипеть на врага, оскаливает зубы, бросается ему прямо в лицо и с остервенением старается укусить. Замечательно, что во всем другом чистоплотная садовая соня содержит свое гнездо крайне неопрятно. Вонючие испражнения накапливаются в гнезде целыми кучами и распространяют такую сильную вонь, что не только собаки, но даже и привычный человек на далеком расстоянии в состоянии узнать присутствие такого гнезда. Спустя несколько недель детеныши достигают величины матери и еще через некоторое время пускаются бегать поблизости от норы, чтобы под надзором и руководством матери найти пищу. Впоследствии они заводят свои собственные жилища и в следующем году становятся уже способными к размножению. При особенно благоприятной погоде самка рождает в одном году два раза.

На время зимней спячки садовая соня отыскивает сухие и защищенные норы в деревьях и в стенах или располагается в норах кротов, иногда заходит в лесные сторожки, в садовые беседки, в амбары, на сеновалы, в хижинки угольщиков и в другие жилые строения, где и прячется. Обыкновенно их находят по несколько штук в одном гнезде так тесно прижавшимися друг к другу, что они образуют как бы один клубок. Сони спят без перерыва, но не так крепко, как другие; при оттепели просыпаются, едят из пищевых запасов и при возобновляющемся холоде снова впадают в спячку. В противоположность другим животным, подверженным зимней спячке, садовые сони обнаруживают в это время известную чувствительность к внешнему раздражению. Из нор они выходят весной редко раньше конца апреля; сначала поедают весь зимний запас пищи и тогда уже возобновляют летнюю деятельность.

Садовая соня ненавистна всем садоводам, разводящим нежные фруктовые деревья. Достаточно забраться в такой сад лишь одной соне, чтобы уничтожить весь сбор персиков или абрикосов.

Семейство СОНЕВЫЕ

** Растительные корма не занимают ведущего положения в рационе этой соны, основу питания составляют беспозвоночные и мелкие позвоночные. Больше других родичей садовая соня проводит время на земле в поисках пищи. В ряде районов Европы предпочитает селиться возле человека, конкурируя с крысами и даже вытесняя их благодаря своей агрессивности. Местами действительно наносит ощутимый вред садам. На востоке ареала встречается редко, нуждается в охране.*

При выборе лакомства садовая соня обнаруживает много тонкого вкуса. Она выбирает только самые лучшие и сочные плоды, которые узнает не по виду, а по вкусу, так что портит при этом гораздо больше, чем съедает* .

Нет никаких средств избавиться от вредного гостя, забравшегося в сад, так как он умеет преодолевать всякие препятствия; взлезает по частоколам и деревьям, проскальзывает через петли сетей, которыми защищают деревья, или прогрызает их, если они слишком часты, и может пробраться даже через проволочную сетку. Только поздно созревающие плоды могут быть спасены от сонь, так как в это время зверьки залегают уже в свои норы. Садовая соня приносит только вред и лишь самую незначительную пользу своим мясом и шкурой, поэтому ее усердно преследуют и истребляют, особенно садовладельцы, которым больше всего приходится терпеть от нее. Лучшими ловушками считаются проволочные силки, которые вешают на плодовые деревья, или маленькие капканы. Но лучшим защитником садов против этих грабителей является кошка. Куницы, ласки, филины и совы также усердно преследуют садовую соню; поэтому помещики, живущие вблизи лесов, поступают вполне основательно, оказывая покровительство этим естественным врагам вредных грызунов.

Для содержания в неволе садовая соня так же мало пригодна, как и полчок. Она редко привыкает к человеку и при каждом неожиданном появлении его так сильно кусается, что боль оказывается весьма чувствительной. При этом она имеет то же неприятное качество, какое присуще и полчку, — днем сидит смиренно, а ночью бунтует в клетке; пытается перегрызть прутья и решетку, чтобы прорваться через нее и, если ей это удастся, то неистовствует так, будто в комнате десяток сонь; при этом все, что стоит на дороге, опрокидывается и разрушается. Выбравшуюся из клетки садовую соню нелегко снова словить. В ее разбойничьих наклонностях легко убедиться, делая наблюдения над зверьками, находящимися в неволе. Она проявляет кровожадность ласки в соединении с прожорливостью полчка; с яростью набрасывается на всякое маленькое позвоночное животное, внесенное в клетку, в одно мгновение душист птицу, с задорной мышью справляется в несколько минут, как бы та ни сопротивлялась, и не щадит даже себе равного. Голод влечет неизбежную междуособную борьбу, которая кончается тем, что один умерщвляет и съедает другого, а зимняя спячка ведет за собой торжество сильного, воздерживающегося от спячки, и гибель слабого, поддающегося ей. Стоит только одной из нескольких содержащихся вместе садовых сонь впасть в зимнюю спячку в то время, когда другие еще бодрствуют, как она может считать себя уже погибшей: коварные товарищи нападают на спящих, загрызают их насмерть и съедают. То же самое происходит, когда несколько находившихся в зимней спячке садовых сонь начинают просыпаться друг за другом; проснувшаяся прежде

других умерщвляет своих беспомощных товарищей. Обыкновенный дневной сон такой опасности не представляет, потому что спящая соня быстро просыпается и защищает свою шкуру.

Орешниковая соня (*Muscardinus avellanarius*) — один из самых милостивых, симпатичных и резвых европейских грызунов; она нравится не только внешней красотой, но и чистоплотностью, милостивостью, а также кротостью характера. Животное это приблизительно такой же величины, как наша домашняя мышь; общая длина его достигает 14 см, из которых почти половина приходится на хвост. Густой и гладкий мех состоит из средней длины блестящих и мягких волос желтовато-рыжего цвета, снизу мех немного светлее, на груди и на горле — белый; глазные

впадины и уши — светло-красноватые, ноги — рыжие, пальцы — беловатые, верхняя сторона хвоста — буровато-красная. Зимой верхняя сторона последней половины хвоста покрывается легким черноватым налетом. Это происходит оттого, что новые волосы остии имеют черноватые кончики, впоследствии стирающиеся. Молодые животные — ярко-рыжего цвета. Родина маленьких орешниковых сонь — средняя Европа: Швеция и Англия составляют, по-видимо-

му, северную границу ее распространения, а Тоскана и северная часть Турции — южную; на востоке она не переходит за пределы Галиции, Венгрии и Трансильвании. Особенно многочисленна орешниковая соня в Тироле, Каринтии, Штирии, Богемии, Силезии, Словении и в северной Италии, так как в южных краях она водится в большем количестве, чем в северных*.

Жилища их почти такие же, как и у их родичей; образ жизни нисколько не отличается от вышеописанного. Орешниковая соня селится как по равнинам, так и по горам, но она не поднимается выше границы произрастания лесов, т. е. 1500 метров над уровнем моря. Излюбленным местожительством служат низкий кустарник, терновник, а главным образом ореховые рощи.

Семейство СОНЕВЫЕ

* Этот самый мелкий вид семейства (весит 15—35 г), предпочитая широколиственные леса, тем не менее отсутствует на большей части

Орешниковая соня
(*Muscardinus avellanarius*)

Малой Азии, в Крыму и на Кавказе. Северная граница в России совпадает с северной границей смешанных лесов. На восток орешниковая соня распространена

Семейство СОНЕВЫЕ

до Предуралья. Численность вида везде невысока, отмечена высокая смертность молодых. Систематически орешниковая соня близка к полчку, как и он, является наиболее древесным видом сонь, сравнительно редко спускающимся на землю.

* Орешниковая соня питается почти исключительно растительной пищей, летом это главным образом сочные корма, к осени — калорийные твердые семена, орехи.

** В благоприятные годы орешниковая соня приносит до 3 выводков, роды происходят с интервалом в 2 месяца. Брачный сезон начинается в апреле, протекает весьма мирно, без конфликтов и драк между самцами. В это время орешниковая соня молчаливее других видов, партнеры ориентируются главным образом не на брачные «песни», а на запаховые метки. В выводке обычно 3—

Днем орешниковая соня лежит где-нибудь спрятавшись и спит, ночью добывает пищу, которая состоит из орехов, желудей, твердых семян, сочных плодов, ягод и почек; но больше всего она любит орехи, которые искусно разгрызает и съедает: не срывает орехи с дерева и не вынимает их из зеленой оболочки. Она любит ягоды рябины и потому нередко попадает в силки, расставленные для птиц*. Орешниковые сони живут маленькими обществами, впрочем, не тесно связанными друг с другом. Каждая соня отдельно или две сони вместе выстраивают в очень густом кустарнике мягкое, теплое, довольно искусно сделанное гнездо из травы, листьев, мха, кореньев и шерсти, а ночью выходят из него, чтобы в товариществе с другими, живущими поблизости, раздобыть пищи. Как настоящие древесные животные, они мастерски лазают даже по самым тонким ветвям, не только как белки и другие сони, но и по-обезьяны; часто можно видеть, как она вешается задними ногами за ветвь, чтобы достать дальний орех и разгрызть его, или бегаёт по нижней стороне сучка с такой же уверенностью, как и по верхней, совершенно так же, как и обезьяны — лесные акробаты тропических стран. Даже по гладкой земле они бегают очень проворно, особенно когда торопятся вернуться в свои древесные владения.

Время случки у орешниковых сонь совпадает с серединой лета; редко спаривание происходит раньше июля. Приблизительно после четырехнедельной беременности, обыкновенно в августе, самка мечет 3—4 голых, слепых детенышей в своем круглом, очень удобном летнем гнезде, искусно построенном из мха и травы и выстланном внутри шерстью разных животных. Гнездо это сони стараются устроить в густом кустарнике на высоте одного метра над землей. Детеныши вырастают необыкновенно скоро, но сосут еще целый месяц, пока настолько не возмужают, чтобы самостоятельно бегать за пищей**.

Трудно поймать орешниковую соню, когда она бодрствует; очень редко попадает в ловушки, которые расставляют в излюбленных зверьком местах, кладя в них для приманку — орехи или другую лакомую пищу. Легче всего ее можно достать поздней осенью или зимой в лесах и садах, во время сгребания сухих листьев и сучьев. Забравшись на зимовку в гнездо, устроенное под сухими листьями, орешниковые сони легко даются в руки опытному охотнику, так как выдают свое присутствие писком; тогда охотник осторожно выкапывает гнездо, плотно укутывает его мехом и несет домой, где устраивает зверьков в клетке или передает какому-нибудь любителю. Если орешниковая соня попала в руки, то ее легко сделать совсем ручной. Ей никогда не придет в голову употребить насилие против своего хозяина, защищаться и кусаться; при самом сильном испуге ограничивается тем, что пищит или громко шипит. Она скоро покоряется своей участи, спокойно дается в руки и подчиняется воле челове-

ка, оставляет всякую дикость, хотя не утрачивает врожденной робости и пугливости. В Англии их держат в качестве комнатных животных в обыкновенных птичьих клетках и продают на рынке. Зверьков можно держать в самых изысканных комнатах, так как они не распространяют никакого дурного запаха, и только летом немного пахнут мускусом, да и то так слабо, что не вызывают ни малейшего отвращения.

В неволе орешниковая соя подвергается зимней спячке, если в помещении не поддерживают одинаково теплую температуру. Перед спячкой она пробует устроить гнездышко и свертывается в нем или засыпает в уголке клетки. Если спящую сою снова внести в теплое место, она пробуждается, но скоро снова засыпает.

СЕМЕЙСТВО ТУШКАНЧИКОВЫЕ (Dipodidae)*

Тушканчиковые по своему строению напоминают кенгуру. У них ясно видна та же непропорциональность тела, как и у кенгуру. Задняя часть гораздо сильнее, задние ноги длиннее передних раза в три, хвост относительно длинен и обычно разделен на две кисточки. Голова очень толстая и снабжена более длинными усами, чем у всех других млекопитающих: они часто достигают длины самого тела. Большие глаза указывают на ночной образ жизни, но они так живы и прелестны, как у немногих других ночных животных. Средней величины, прямостоящие, ложкаобразные уши бывают длиной от одной трети до величины целой головы**. Они указывают на то, что слух развит не хуже зрения. Шея очень толстая и неподвижная, туловище стройное. На маленьких передних лапках находится обычно по пять пальцев, на задних по три, иногда с одним или двумя неразвитыми пальцами. мех густой и мягкий, у различных видов и родов очень схожий, окрашенный под цвет песка. Внутреннее строение тела тоже имеет некоторые особенности. Устройство зубной системы не представляет ничего интересного. Резцы у одних гладкие, у других с бороздками, число коренных зубов колеблется от трех до четырех в каждом ряду, в верхней челюсти встречается недоразвитый зуб впереди трех собственно коренных зубов. Череп характеризуется широкой мозговой коробкой и огромными слуховыми пузырями. Шейные позвонки срастаются часто в одну кость. Позвоночный столб состоит из 11—12 спинных позвонков, 7—8 поясничных и 3—4 крестцовых, число хвостовых позвонков доходит до 30. На плюсне расположенные друг возле друга различные косточки сливаются в одну, на конце которой находятся суставные головки для отдельных пальцев.

Тушканчики обитают преимущественно в Африке и Азии, но некоторые роды встречаются и в южной Европе***. Судя по

Семейство тушканчиковые

4 детеныша, которые через месяц после рождения перестают питаться молоком и становятся вполне самостоятельными.

** Крупное семейство мышеобразных грызунов, объединяющее около 12 родов и свыше 30 видов.*

*** Уши у тушканчиков обычно большие, продолговатые, иногда их основания срастаются в трубку.*

**** Центры разнообразия семейства — пустыни Средней Азии и полупустыни западной Монголии. Нередко в одной и той же местности сосуществует до 6 видов. В России встречается 7 видов из 5 родов.*

Семейство тушканчиковые

** Случаи каннибализма, питания птицами, падалью не отмечены у тушканчиков.*

*** Способ бега тушканчиков называют «рикошетирующим бегом». В отличие от кенгуру, тушканчики, синхронно отталкиваясь обеими ногами, редко приземляются на них одновременно, обычно одна нога идет впереди другой. Некоторые виды вообще могут переходить на двуногую рысь, попеременно переставляя конечности. Тонкий длинный хвост с пушистой кистью — «знаменем» на конце — служит балансиром при прямолинейном беге и рулем при резких поворотах. Черно-белое «знамя» может отвлекать хищника при преследовании, но основное значение контрастной окраски — сигнальное.*

окраске, они настоящие животные песчаных пустынь; обитают также на сухих, открытых равнинах, в травянистых степях. Тушканчики живут на глинистой или песчаной почве, в долинах, реже на возвышенностях или по окраинам густо заросших кустарником лугов и вблизи полей, сами выкапывают жилища в виде подземных нор со множеством разветвляющихся, но очень неглубоких ходов, всегда открывающихся выходами. Скрываясь в течение дня в своих жилищах, они появляются с закатом солнца на поверхности и начинают веселую жизнь. Пища их состоит из корней, луковиц, клубней, зерен и семян, плодов, листьев, травы и злаков. Некоторые едят насекомых и даже маленьких птичек, бросаются на падаль и при случае пожирают друг друга*. Пищу принимают в полувертикальном положении, опершись на заднюю часть туловища и хвост, поднося пищу ко рту передними лапками.

Их движения весьма своеобразны. Спокойная походка отличается от походки кенгуру тем, что тушканчики быстро переставляют одну ногу перед другой; но при быстром беге двигаются прыжками, высоко подскакивая на сильных задних ногах, а раздвоенным хвостом изменяют направление прыжка и удерживают равновесие тела**. При этом передние ноги они прижимают к подбородку или, подобно быстро бегущему человеку, скрещивают их на груди, тогда действительно кажется, будто зверьки имеют только две ноги. Более крупные виды могут делать огромные скачки; про всех можно сказать, что длина производимых ими прыжков в 20 раз превосходит длину их тела. На полном скаку один прыжок следует за другим, и видишь только какой-то желтый предмет, который, как стрела, рассекает воздух. С таким же проворством роятся они в земле, несмотря на слабость передних ног. Когда пасутся, то, как и кенгуру, передвигаются на четырех ногах, однако очень медленно и только короткое время. Сидя, они опираются на ступни задних ног.

Все породы обладают сильно развитыми внешними чувствами, особенно отличаются тонким слухом и дальнорукостью, поэтому могут легко избегать всякой грозящей им опасности. Крайне боязливые, робкие и быстрые тушканчики при малейшем беспокойстве стараются мгновенно спастись в своих норах, а если это невозможно, то обращаются с невероятной скоростью в бегство. Самый крупный вид защищается в случае крайней опасности, подобно кенгуру, задними ногами, меньшие породы, напротив, когда их хватают, никогда не пускают в ход своего природного оружия. Голос тушканчика представляет особый род визга, который похож на крик молодых котят, а у иных он походит на глухое хрюканье. Но от тушканчиков редко можно услышать звук. При понижении температуры они впадают в зимнюю спячку или, по крайней мере,

коченеют на короткое время, но не заготавливают запасов на зиму, как другие грызуны*.

Пойманные тушканчики весьма приятные и милые сожители человека: своим добродушием, кротостью и беззаботностью они могут снискать чью угодно любовь. Почти все виды совершенно безвредны. Степь и пустыня дают им так много пищи, что у них нет нужды расхищать имущество людей. Правда, один вид посещает плантации и поля и тем причиняет вред человеку, однако вознаграждает его вкусным мясом и шкуркой.

Как представителя этого семейства я выберу **египетского тушканчика** (*Jaculus jaculus*), арабы называют его джербоа**. Это милый зверек с туловищем длиной 17 см и хвостом (не считая кисти на конце) длиной 21 см; сверху серовато-песочного цвета, снизу белого, с широкой белой полосой, которая тянется сзади по бедрам; хвост сверху бледно-желтый, снизу беловатый, кисточка окрашена в виде стрелки в белый и черный цвета. Тушканчики были хорошо известны уже древним. Мы находим частые упоминания о них у греческих и римских писателей, всегда под именем «двуногие мыши», название, которое и поныне еще применяется для латинского обозначения рода. Плиний рассказывает, что в Египте есть мыши, которые ходят на двух ногах; Теофраст и Элиан указывают, что эти большие двуногие мыши употребляют свои передние короткие ноги как руки, а на задних ходят прямо и прыгают во время преследования. Гораздо большее значение, чем эти указания, имеют скульптурные изображения тушканчиков на монетах и орнаментах храмов, хотя они недостаточно верны. В Библии также упоминается об этих зверьках. Исаия грозит карой тем, кто ест их. Арабы, наоборот, не только считают тушканчиков за чистых животных, но и описывают их очень верно и рассказывают много прекрасного об образе жизни этих зверьков.

Египетский тушканчик распространен по большей части северо-восточной Африки, а также в граничащих с ней странах западной Азии, и встречается к югу до средней Нубии, где начинается граница распространения другого похожего вида***. Открытые сухие равнины, степи и песчаные пустыни служат им местожительством: они населяют неприветливые и пустынейшие местности и обитают в таких местах, которые почти не представляют возможности для существования: на таких печальных равнинах, которые покрыты жесткой травой, они встречаются иногда довольно большими обществами. Такие места обитания тушканчики делят со степной куропаткой и степным жаворонком; едва можно понять, как они находят пищу там, где эти птицы, которые, кроме зерен, едят и насекомых, находят пропитание лишь в весьма скудном количестве. В жестком крупном песке тушканчики роют сильно разветвляющиеся, но довольно мелкие норы, в которые скрываются при малейшей опасности. По утверждениям арабов, над постройкой этих подземных жилищ работа-

Семейство тушканчиковые

* В областях с теплой зимой тушканчики в спячку не впадают. Некоторые мелкие тушканчики запасают жир на зиму в передней половине хвоста. Перед залеганием в спячку их хвост формой напоминает морковь. К весне хвост сильно «худеет».

** Египетский тушканчик — представитель рода песчаных тушканчиков. Как и у других видов рода, задние ноги у него трехпалые, подошвы снабжены щетками волос.

*** Ареал египетского тушканчика охватывает всю Северную Африку, на юг до Мали и Судана, а также Ближний Восток. Второй африканский вид рода распространен не южнее, а севернее — на средиземноморском побережье.

Семейство тушканчиковые

* Латинское название мохноногого тушканчика — *Dipus sagitta* — можно перевести, как «двуногая стрела». Однако далеко не все тушканчики бегут так быстро, что их не может догнать человек.

ет целое общество. Животные роют при помощи острых когтей передних лап, пользуются при этом резцами, когда нужно раскрошить твердую почву.

Несмотря на их многочисленность, видеть этих красивых зверьков приходится довольно редко. Они беспокойны и трусливы, и при малейшем шуме или при виде незнакомого предмета поспешно прячутся в норки. Кроме того, тушканчики становятся заметными только на незначительном отдалении, ибо окраска их совершенно похожа на цвет песка, и нужно довольно близко подойти, чтобы увидеть их, между тем утонченно-острые чувства дают зверькам возможность узнать о приближении человека уже на большом расстоянии.

Поистине можно сказать, что едва ли найдется другое более прелестное созданище, чем эти тушканчики. Насколько странно они выглядят и кажутся уродливыми на первый взгляд, если держать их в руках или смотреть на них, когда они сидят смиренно, настолько красивы они, когда приходят в движение. Только тогда они являются истинными детьми пустыни и дают возможность познакомиться с их прыткостью. Движения их следуют друг за другом с такой скоростью, которая прямо-таки невероятна: кажется, будто они становятся птицами. При спокойной походке зверьки ставят одну ногу перед другой и очень быстро бегут вперед; двигаясь с большой поспешностью, они мчатся прыжками, которые следуют один за другим так быстро, что едва можно уловить тот момент, когда животное касается земли. При этом тушканчики наклоняют вперед туловище меньше, чем обычно, передние лапы когтями прикладывают друг к другу и протягивают вперед, а хвост для поддержания равновесия направляют прямо назад. Если увидеть зверька, бегущего в некотором отдалении, то можно принять его за снаряд, пущенный из орудия *. Ни один человек не в состоянии догнать тушканчика, находящегося на бегу, и самый опытный стрелок должен выказать все свое искусство, если пожелает застрелить одного из них. Даже в замкнутом пространстве этот красивый зверек двигается так быстро, что охотничья собака едва может догнать его.

Если тушканчика ничто не тревожит и он чувствует себя в безопасности, то сидит прямо на задней части тела, часто опершись на хвост, прижав передние лапы к груди. Он пасется таким же образом, как и кенгуру; но роет больше клубней и корней, которые, по-видимому, составляют его главную пищу. Кроме того, ест различные листья, плоды и семена, говорят даже, что питается падалью или, по крайней мере, жадно преследует насекомых. Это утверждает между прочими Гейглин, который известен как превосходный наблюдатель. Хотя египетский тушканчик — настоящее ночное животное и прогулки его начинаются лишь после заката солнца, однако иногда можно видеть, как он в самых ярких солнечных лучах, даже во время сильнейшей жары сидит и

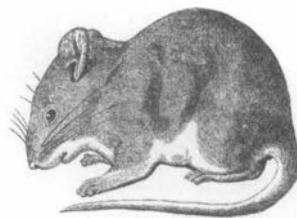
играет перед своей норкой. В таких случаях он выказывает такое равнодушие по отношению к полуденному зною африканского солнца, которое действительно достойно удивления, так как нужно знать, что вряд ли какое-нибудь животное движется в это время в пустыне, ибо жгучая жара становится невыносимой даже для коренных уроженцев этой страны. Зато он в высшей степени чувствителен к холоду и сырости и потому в дурную погоду прячется в норе, а также иногда впадает на некоторое время в оцепенение, напоминающее зимнюю спячку северных животных.

Относительно размножения тушканчика ничего достоверного неизвестно. Арабы рассказывали мне, что он устраивает в глубокой котловине своей норы гнездо, выстилает его, подобно кролику, шерстью, выщипанной с нижней части брюха, и что в этом гнезде находят от 2—4 детенышей: насколько этот рассказ справедлив, я утверждать не решаюсь, хотя должен допустить, что арабы лучше других знакомы с этим животным*. Они часто охотятся за ним, так как едят и довольно высоко ценят его мясо, ловят без особого труда живьем или убивают, когда он выходит из своих нор. Способ охоты очень прост. Вооружившись длинной крепкой палкой, арабы отправляются к какой-нибудь колонии тушканчиков, затыкают большую часть ходов и разрывают затем один ход за другим, причем всовывают крепкую палку в ход и разламывают его крышу. Напуганные этим тушканчики забиваются в самый дальний угол или бросаются через запасной ход наружу, причем попадают в расставленную там сеть или просто в подставленный арабом рукав его верхнего платья. Таким способом ловят иногда 10—20 штук сразу; по крайней мере, не составляет никакого труда добыть такое количество живьем: арабы, знакомые с этой охотой, приносят столько тушканчиков, сколько пожелают.

Кроме человека, у этих животных мало других врагов. Фенек и каракал, а также, может быть, некоторые совы принадлежат к числу самых опасных хищников, которые подстерегают их, еще более опасным врагом можно считать египетскую очковую змею**, ту известную ядовитую змею Африки, которая изображалась на древнеегипетских памятниках и которой еще в настоящее время пользуются египетские фокусники для проделывания различных штук. Она живет в тех же местностях, которые населяют тушканчики, с легкостью проникает в ходы, вырываемые ими, и убивает многих из них.

Интересующиеся природой европейцы, живущие в Египте и Алжире, часто держат тушканчиков в неволе. Я могу утверждать по собственному опыту, что это животное как в клетке, так и в комнате может доставить много удовольствия. Во время пребывания в Африке мне часто приносили по 10—12 тушканчиков сразу. В таких случаях я отводил этому обществу большое помещение, чтобы лучше следить за их движениями. Уже с первого момента пленники выказывали себя безобидными и доверчивы-

Семейство тушканчиковые

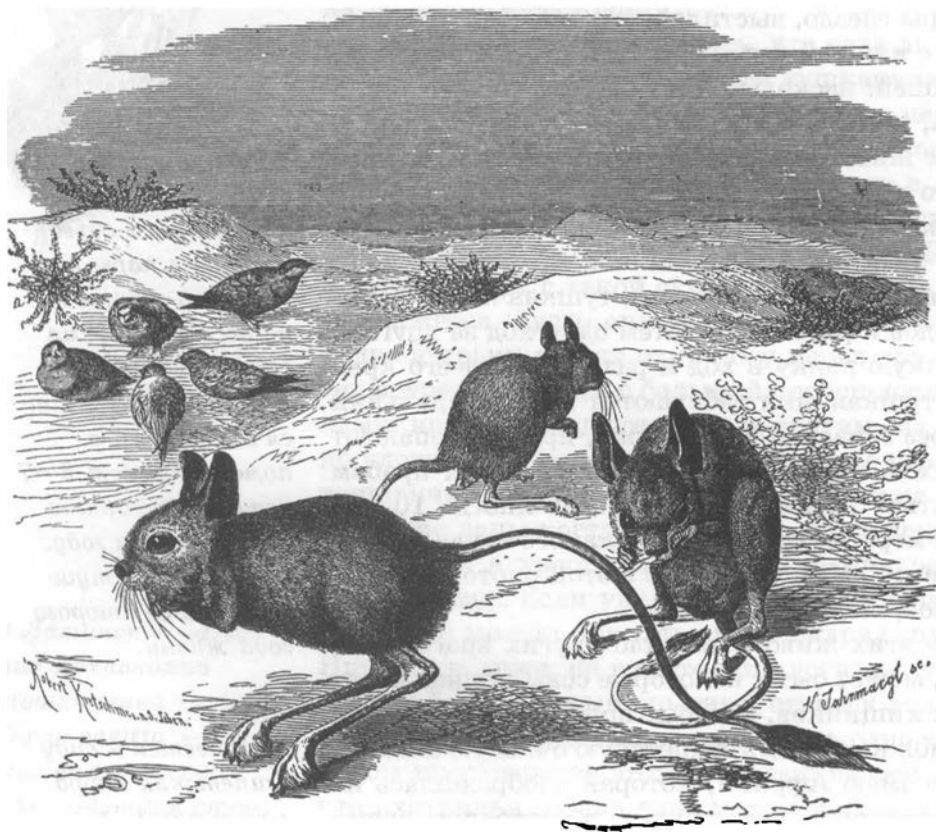

* Тушканчики — одиночные животные. Зверьки объединяются в пары на краткий срок, обычно весной во время брачного периода. Беременность длится 25—42 дня, в помете бывает 2—7 детенышей, иногда два помета в году. Половозрелы тушканчики со второго года жизни.

** Имеется в виду египетская кобра (*Naja haje*).

ми. Они, не противясь, позволяли трогать себя, не подавали вида, что боятся человека. Ходить по комнате нужно было осторожно, чтобы не наступить на них, до того спокойно они оставались сидеть, когда к ним приближались. Тушканчики и в неволе относятся друг к другу удивительно миролюбиво. Они, по-видимому, особенно любят сухие зерна, рис, морковь, репу и другие корни, а также многие плоды, кроме того, охотно едят капусту, траву и даже цветочные лепестки, например, лепестки роз, однако нельзя кормить их исключительно одними сочными растениями. Они привыкли к скудной и сухой пище. Если у них нет таковой, то

**Египетский
тушканчик**
(*Jaculus jaculus*)

становятся печальными, чахнут и постепенно умирают. Если им давать пшеницу, рис, немного молока и время от времени виноградинку, кусочек яблока, моркови или другой овощ, то они чувствуют себя хорошо и живут очень долго. В Европу их привозят в настоящее время нередко.

Тушканчики, которых держал у себя в Египте Сони-ни, были бодрее всего, когда через окно светило солнце, те, которых я держал в неволе, находились в движении, иногда также днем, однако достаточно убедительно доказывали, что настоящей порой веселой деятельности им служит ночь. Каждый тушканчик спит в течение целого дня с раннего утра до позднего вечера, не выходит, если его не беспокоят, ни на одно мгновение из своего гнезда, и спит добрых 12 часов подряд. Но и ночью он также несколько раз отдыхает по полчаса.

Если взять его из гнезда днем, то он оказывается очень заспанным, сидя на руке, качается из стороны в сторону и долго не может окончательно проснуться. Во время сна принимает своеобразное положение. Он сидит обычно в гнезде на пяточных суставах, довольно близко приставленных друг к другу, поэтому далеко

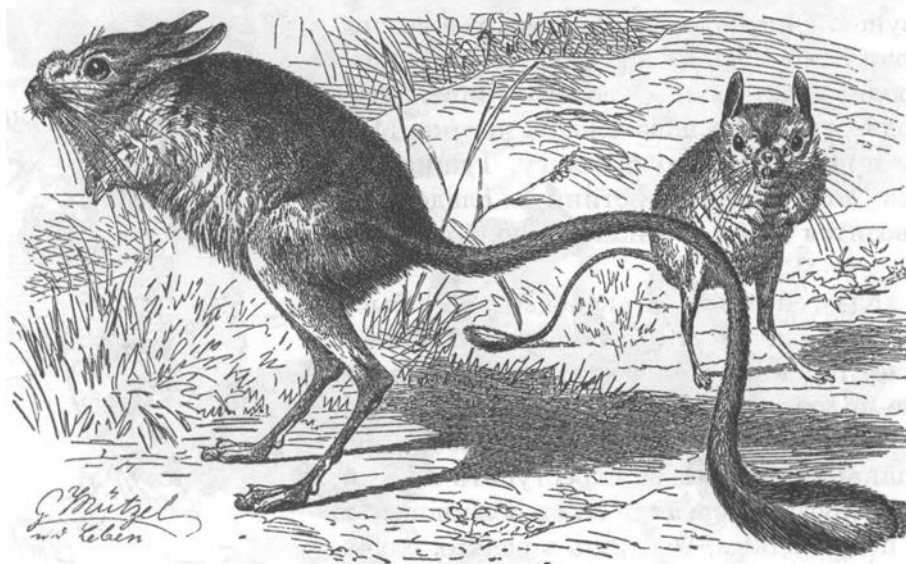
расставленные концы ног торчат кверху. Голову нагибает вниз, лбом касается земли, а морду прижимает к нижней части брюха. Хвост лежит широкой дугой, перекинутой через концы ног. В таком положении животное походит на мячик, над поверхностью которого выдаются лишь непомерно длинные ноги. Иногда тушканчик ложится на бок или даже на спину, причем странным образом протягивает ноги кверху, оставаясь всегда в свернувшимся положении. Уши во время сна плотно прижимает к голове и заворачивает на концах так, что они кажутся покрытыми складками, как бы измятыми. Животное без движения лежит в своем теплом гнездышке, пока совершенно не стемнеет. Тогда в гнезде замечается легкий шорох и движение. Соня чистится, приглаживает уши, издает тихий, похожий на слабый кашель, звук, одним прыжком выскакивает из гнезда и начинает свою оригинальную ночную деятельность. По чистоплотности тушканчик превосходит других грызунов. Он употребляет почти все свободное время на то, чтобы держать в порядке свою мягкую, как шелк, шкурку. Прочесывает и облизывает каждый волосок, причем все части тела, даже хвост подвергаются основательной чистке. Мелкий песок оказывает ему при этом важную услугу. Тушканчик вообще не может обойтись без песка; он с истинным сладострастием валяется, роется и возится в нем и никак не может от него оторваться.

Когда это животное ходит спокойно, то передвигается быстрыми шагами. Во время ходьбы вытягивает ноги в пяточном суставе вперед и так сгибает голень, что она кажется выходящей из тела несколько дальше половины туловища, которое спереди несколько приподнято кверху и удерживается в равновесии при помощи хвоста. Тогда тушканчик начинает переступать ногами, быстро ставя их одну перед другой. Передние он по обыкновению держит сложенными под подбородком. Он лишь в редких случаях делает более значительные прыжки, что происходит главным образом тогда, когда ему приходится преодолеть какое-нибудь препятствие, например перепрыгнуть через большую, поставленную перед ним книгу. При этом он подпрыгивает без всякого разбега исключительно при помощи одних задних ног на высоту 40 сантиметров и более. Когда я однажды неожиданным движением вспугнул одного из них во время ночного странствования, он прыгнул кверху на высоту одного метра. Если его сажаешь на стол, то он без отдыха бегаёт взад и вперед и поглядывает вниз, выбирая удобное место для того, чтобы соскочить, он упирается на передние ноги, только когда доходит до края стола, в другом случае этого не делает. Рассказы, будто тушканчик при каждом прыжке на одно мгновение падает на передние ноги и затем снова поспешно приподнимается, не верны. Даже в том случае, когда прыгает на землю с высоты одного метра и более, всегда падает на задние ноги и, не нагибаясь вперед, продолжает бежать так же

Семейство тушканчиковые

* Осязание играет исключительно важную роль у этих ночных зверьков. Усы-вибриссы у многих видов тушканчиков очень густые и могут достигать длины тела.

Большой тушканчик,
или земляной заяц
(*Allactaga major*)

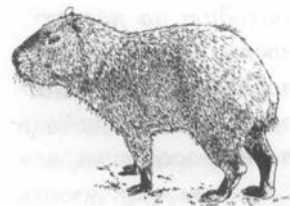
спокойно, как будто сделал самый обыкновенный шаг. Благодаря сильным задним ногам и хвосту, на который упирается, он может удерживать свое туловище как в горизонтальном, так и в вертикальном положении и в состоянии также нагибаться вперед до самой земли.

Во время еды тушканчик сидит, опираясь на всю ступню, причем сильно нагибает туловище вперед и быстро схватывает с земли пищу. Питья требует очень мало и может обходиться без него в продолжение нескольких месяцев, если давать ему сочные корни.

По-видимому, у тушканчика все чувства очень хорошо развиты. Он видит и слышит очень хорошо, о том свидетельствуют его большие глаза и уши, но также хорошо у него обоняние и осязание, потому что, уронив зерно или кусочек моркови или дру-

гую пищу на землю, он всегда отыскивает их чутьем, а также, может быть, ощупывает усами*, затем с большой уверенностью хватает этот предмет. Сладкие плоды ест с таким очевидным удовольствием, что не остается никакого сомнения, что он испытывает при этом очень сильное вкусовое наслаждение. Осязание выражается ясно как чувствительностью

кожи при прикосновении, так и способностью ощупывать предметы. У тушканчика очень тонко развито чувство осязания в усах, а также в передних лапах, особенно же в концах пальцев. Его умственное развитие я ставлю не очень высоко, но нет никакого сомнения, что он очень скоро привыкает к определенному месту, хорошо знакомится с людьми, которые занимаются им, и проявляет некоторую сообразительность в своих поступках. Зверек каждое утро довольно долгое время занимается устройством своего гнезда. Если ему дать сена, ваты и шерсти и положить начало постройки гнезда, то он разумно продолжает ее, приносит клочки ваты, тербит и укладывает их лапами, втыкает куда следует шерсть, затем чистит и гладит округленное углубление гнездышка до тех пор, пока оно, на его взгляд, не примет надлежащий вид. Затем вытаскивает или откусывает торчащие стебельки и тем окончательно приводит все в полнейший порядок.

Из всех бывших у меня до сих пор в плену грызунов тушканчик доставлял мне наибольшее удовольствие. Своими качествами он располагает к себе всякого. Зверек такой безобидный, ласковый, ручной, чистоплотный, а в бодром состоянии такой веселый и резвый, позы, которые он принимает, так оригинальны и вместе с тем представляют столько разнообразия, что им можно забавляться целыми часами.

К хозяину своему тушканчик относится крайне ласково. Ему никогда не приходит в голову укусить того, кто его берет в руки, позволяет себя трогать, гладить и носить. Тушканчики приносят немаловажную пользу. Арабы охотно изготавливают из их блестящего меха шубки детям и женам или же украшают ими седла, обшивают попоны и т. д. Вреда тушканчики, конечно, не приносят, они пользуются лишь теми пустынными местами, где не живет никакое другое животное.

Благодаря прекрасным описаниям Палласа, Брандта и других, нам особенно стал известен **большой тушканчик**, или **земляной заяц** (*Allactaga major*)*. Туловище его имеет 18 см, хвост 16 см длины. Голова очень красива, с живыми навывкате глазами и совершенно круглыми зрачками, уши большие, длинные и узкие, длиннее головы, и очень длинные, серовато-черные, заостренные усы, расположенные с обеих сторон верхней губы в восемь продольных рядов. Задние ноги почти вчетверо длиннее передних. Средний палец длиннее других, два боковых достигают только до первого его сочленения, а остальные едва заслуживают внимания: они прикреплены так высоко и вместе с тем так коротки, что на ходу никогда не касаются земли, и потому вполне справедливо могут быть названы неразвитыми пальцами. Когти на задних ногах короткие, тупые, почти копытообразные, на передних длинные, кривые и острые. Шкура на спине красновато-бурого цвета с бледно-сероватым оттенком, бока и верхняя часть бедер немного светлее, живот и ноги с внутренней стороны белые. От верхней части бедер до хвоста тянется продолговатое, как полоса, белое пятно, почти точно такое же на передней части задних ног. Хвост до кисточки рыжевато-желтого цвета, а сама кисточка вначале черная, кончик же ее белый и имеет форму стрелы.

Хотя земляного зайца можно также встретить в юго-восточной Европе, особенно в степях около Дона и в Крыму, тем не менее Азия всегда остается его настоящей родиной. К северу он водится не дальше 52 градуса северной широты, но зато граница его распространения тянется до восточной Монголии**. Русские называют его земляным зайцем, на Урале тушканчиком или зайчиком. Монголы и буряты дали ему имя алактагой, которое Кювье принял в качестве видового названия. Подобно тому, как египетский тушканчик населяет пустыни Африки, так земляной заяц живет в открытых равнинах степей южной Европы и Азии, преимущественно на глинистой почве. Он избегает зыбкого песка, не

* *Земляной заяц* — самый крупный представитель тушканчиков, с длиной тела до 26 см, хвоста — до 30 см.

** *Земляной заяц* наиболее широко распространен из тушканчиков и дальше всех заходит на север в лесостепную и даже таежную зону — до 55—56 градусов северной широты на юге Подмосковья и в Волжско-Камском крае. Его ареал простирается от Украины до Алтая с запада на восток и на юг от Урала и Сибири до Приаралья и Тянь-Шаня. В горы поднимается до 1100 м. В настоящее время на северной границе ареала очень редок.

Семейство тушканчиковые

** Обычно зверек выходит на поверхность через полчаса после захода солнца, прячется в нору перед рассветом.*

*** Земляной заяц развивает наивысшую среди тушканчиков скорость — 40—50 км/ч, рекордная длина прыжков достигает 3 м.*

**** Постоянные норы, особенно зимовочные, могут достигать глубины 2,5 м и состоять из нескольких камер. Их входное отверстие обычно забито земляной пробкой.*

*****Сезон размножения у большого тушканчика очень растянут. В году, видимо, лишь один выводок из 3—4 детенышей. Обычно детеныши рождаются в апреле—мае.*

представляющего достаточно твердости для его ходов и нор, общителен, как и его родичи, но живет небольшими стадами.

Днем земляной заяц отдыхает, скрываясь в своем искусно построенном жилище, с наступлением сумерек скитается в его окрестностях, но, по словам Радде, ночью неоднократно возвращается в нору*. В движениях схож с вышеописанными родичами.

Когда он спокойно пасется, то, подобно кенгуру, бегаёт на всех четырех лапах, но когда спасается бегством, то удирает прыжками исключительно на задних лапах. Говорят, он делает еще большие скачки, нежели тушканчики, и на всем скаку мчит так быстро, что лучший конь не в состоянии догнать его**. Он пуглив и труслив и при малейшей опасности обращается в бегство, даже когда пасется спокойно и тогда постоянно приподнимается на задних лапах, чтобы убедиться в безопасности. Если его преследуют, то скачет он не в прямом направлении, а по возможности зигзагом, пока не утомит своего преследователя или не найдет удобной норы, в которой тотчас скрывается. Эти норы построены другими ему подобными животными и представляют довольно искусные постройки. Обычно простые, хотя и очень извилистые ходы ведут снаружи в косом направлении к главному ходу, который нередко несколько раз разветвляется, а оттуда к просторной котловине, которая, в свою очередь, соединяется с несколькими боковыми отделениями. Другой ход ведет в противоположном направлении из норы кверху, под самую поверхность земли, по нему они спасаются бегством. В минуту опасности они пробивают его окончательно и таким путем почти всегда спасаются, так как никто из преследовавших врагов не может знать, в каком направлении находится отверстие. У земляного зайца своеобразная привычка затыкать все ходы жилища, как только он вошел в него, но именно это и служит верным признаком его присутствия. Перед отверстием главного хода постоянно навале на более или менее значительная кучка земли, как мы это видим у большинства нор роющих животных. Обычно в одной и той же норе их живет 2—3 парочки, и этим, вероятно, объясняется существование боковых отделений жилища,***.

Земляной заяц питается всевозможными растениями и их частями. Главную пищу его составляют луковицы; но и от насекомых он не отказывается, иногда, вероятно, съедает степного жаворонка или, по крайней мере, его яйца и птенцов. Он обгладывает кору у кустарников, а у сочных степных растений съедает лишь самые молодые побеги. Самка в течение лета мечет 5—6 детенышей в своем теплом логовище, устланном собственной шерстью. Долго ли они остаются при матери, неизвестно, очень вероятно, что вплоть до зимы разделяют с ней то же жилище****. С наступлением зимы земляной заяц впадает в спячку. Своим тонким чутьем он заранее предчувствует погоду, например замечали, что он и перед дождливым временем старается скрыться и

запрятаться в своем гнезде. По мере приближения зимы он особенно тщательно снаружи затыкает ходы и с другими себе подобными свертывается в клубок в мягком гнезде, чтобы проспать неприятное время года. Хотя в холодные ночи иногда еще и показывается и гораздо легче своих родичей переносит холод, но все-таки, говорит Радде, ложится на спячку уже в первых числах сентября и показывается вне своего жилища не раньше второй половины апреля*. Так как степные жители особенно охотно едят мясо земляного зайца, то его и преследуют очень сильно. По странному стечению обстоятельств, мы обязаны лучшими описаниями его жизни в неволе не натуралисту, а археологу Гайму. Чтобы пояснить себе золотую монету из Кириinei, на которой были изображены с одной стороны всадник, на обороте же знаменитая трава Silphium, а под ней земляной заяц, Гайм добыл себе этого зверька, продержал его в плену более года, тщательно наблюдал за ним и сообщил нам свои наблюдения.

«Он стоит то на всех четырех ногах, то только на задних; но ходит всегда исключительно на задних. Высоко приподнимается на задние лапы, когда его испугают, и бежит очень скоро почти в прямом направлении, подпрыгивая, как маленькая птица. Я пробовал давать ему разную пищу, но в первые 3—4 месяца он ел только миндаль, фисташки и дробленые зерна, и притом ничего не пил. Мне говорили, что он не пьет, а потому я и не давал ему воды.

Позднее я узнал, что он также ест яблоки, морковь, а еще охотнее различные травы, однако не очень пахучие: шпинат, салат, крапиву и др. Руту, мяту или тимьян не ел никогда; воду пил охотно, хотя не всегда. Однажды, когда ему нездоровилось, я хотел дать ему воды с шафраном, но он не стал ее пить, сколько я его ни принуждал. Хлеб, сахар и тому подобные продукты он ел охотно, но от сыра и от всего молочного упорно отказывался. Однажды я посадил его на сырой песок и он проглотил его такое количество, что, когда я взял его в руки, то заметил, что он стал гораздо тяжелее. Под конец он предпочитал всякой другой пище конопляное семя. Зверек совсем не распространял зловония, подобно мышам, белкам и кроликам, притом был так кроток, что его смело можно было брать в руки; он никогда не кусался. Боязливый, как заяц, он боялся даже маленьких безобидных животных. В холодное время года сильно страдал, поэтому я должен был зимой держать его постоянно близ печки. Все-таки я думаю, что зверек мой прожил бы долго, если бы не был случайно убит».

СЕМЕЙСТВО ДИКОБРАЗОВЫЕ (Hystricidae)**

Иглистый покров гораздо больше, чем у других млекопитающих, вооруженных иглами, развит в семействе дикобразовых, заключающем в себе многие виды. Вся эта группа носит назва-

** Зимняя спячка продолжается с ноября по март, но может прерываться, и тогда земляных зайцев можно наблюдать на снегу в 30-градусные морозы.*

*** В семейство дикобразовых (Hystricidae), понимаемое в нынешнем объеме, входят 11 видов, объединяемых в 3—4 рода. Распространение дикобразов охватывает большую часть Африки, Средиземноморье, Азию, на север до Закавказья, предгорий Средней Азии, Тибета, юго-востока Китая. Это наземные животные, они предпочитают леса, кустарниковые заросли, в горы поднимаются до 3000 м. Во времена Брема к этому семейству относили и американских дикобразов, ныне выделяемых в особое семейство.*

Семейство дикобразовые

* Имеются в виду
цепкохвостые амери-
канские дикобразы.

ние, данное наиболее известному виду. Что касается внешних признаков членов этого семейства, то нет надобности вдаваться в подробное описание их. Иглистый покров, как бы различно он ни был образован, составляет принадлежность всех животных этой группы. Туловище сжато, шея короткая, голова толстая, морда короткая, тупая с раздвоенной верхней губой, хвост короткий или очень длинный, а у одной породы цепкий*, ноги почти одинаковой длины, лапы четырех- или пятипалые с широкими ступнями, пальцы вооружены сильно изогнутыми когтями, уши и глаза маленькие. Отличающиеся длиной и твердостью иглы стоят рядами между редким подшерстком или между длинными волосами, которых бывает так много, что они совершенно закрывают иглы, которые отличаются довольно яркой окраской. Резцы на передней стороне гладкие или с бороздками, четыре коренных зуба в каждом ряду почти одинаковой величины и со складками зубной эмали.

Все дикобразовые водятся в умеренных и жарких странах Старого Света. Будучи необщительными, они, однако, соединяются в небольшие общества на время течки и тогда проводят вместе несколько дней, в остальное время каждая особь живет отдельно, сама по себе. Движения их медленны, размеренны, ленивы, лазающие породы обладают в высшей степени трудным искусством оставаться неподвижными на одном и том же месте целыми часами и днями. Однако было бы ошибкой утверждать, что дикобразовые неспособны к более быстрым и ловким движениям. С наступлением ночи эти животные обычно делаются бодрее, тогда одни из них весьма быстро бегают по земле вприпрыжку, другие довольно ловко лазают по ветвям вверх и вниз, хотя, конечно, не так проворно, как белки. Живущие на земле мастерски умеют рыть землю и устранять всякие трудности, предоставляемые им твердой почвой. Из внешних чувств у всех без исключения лучше всего развито обоняние, зрение же и слух, напротив, слабы. Умственные способности стоят на низкой ступени. Они глупы, беспамятны, мало изобретательны, злы, сердиты, трусливы и пугливы, хотя при угрожающей опасности стараются испугать врага, топорща свои иглы, а некоторые шуршат особенным образом хвостовыми иглами. С другими животными дружат так же мало, как и между собой; из-за любого кусочка даже между самкой и самцом может возникнуть сильная ссора. Никогда не приходилось видеть, чтобы два дикобраза играли друг с другом или общались дружески. Каждый живет сам по себе, нисколько не заботясь о других, и разве только двух спящих дикобразовых можно встретить лежащих рядом.

Они никогда не дружат с человеком, который содержит их в неволе и заботится о них, не умеют даже отличать своего сторожа от других лиц. Голос их состоит из хрюкающих глухих звуков, сопенья, тихих стонов и не поддающегося описанию визга.

Семейство дикообразовые

Пищей дикообразовых служат всевозможные части растений от корня до плодов. Подобно другим грызунам, они подносят пищу ко рту передними лапами или прижимают ими ее к земле, пока едят. По-видимому, они могут обходиться долгое время без воды, вероятно, им достаточно росы на съедаемых ими листьях.

О размножении дикообразовых наблюдения собраны только в недавнее время. Детеныши, число которых колеблется между 1—4, рождаются приблизительно после 7—9 недель беременности*.

Для человека дикообразовые почти не имеют никакого значения. Впрочем, они надоедают тем, что роют норы в полях и садах, но зато приносят пользу мясом и красиво разрисованными гладкими иглами, употребляющимися для различных целей.

Гребенчатый дикообраз (*Hystrix cristata*)** больше нашего барсука, но туловище у него не длиннее, вследствие своего иглистого покрова оно кажется толще и объемнее, чем в действительности. Длина его достигает 65 см, длина хвоста 11 см, а высота 24 см, масса колеблется между 15—12 кг***. Только на короткой тупой морде находятся волосы, толстая верхняя губа покрыта многими рядами блестящих черных усов, и такие же щетины находятся на наростах над глазами и за ними. На шее поднимается грива, которая состоит из обращенных к хвосту очень длинных, изогнутых и твердых щетин, которые животное может произвольно поднимать и опускать. Щетины эти весьма гибкие, частью белого, частью серого цвета, в основном с белыми кончиками. Остальная верхняя часть тела покрыта сидящими близко друг к другу то длинными, то короткими, гладкими и заостренными иглами, между которыми разбросаны щетинистые волосы: иглы эти темно-коричневого и белого цвета, некрепко держатся на коже, а потому легко выпадают. По бокам туловища, на плечах и на крестце иглы короче и тупее, чем на середине спины, и с заостренными кончиками. Тонкие и гибкие иглы достигают длины 40 см, короткие и жесткие бывают только 15—30 см длины, толщина их — 0,5 см. Внутри все они полые или наполнены губчатой массой, корень и кончики большей частью белого цвета. Короткие иглы темно-коричневого цвета и кольчатые, но и у них корень и кончики обычно белого цвета. На конце хвоста находятся совершенно иначе образованные иглы, почти 5 см длины и 7 мм толщины. Они состоят из усеченных, тонкостенных трубок с открытым концом и похожи на открытый ствол пера, корни их, напротив, длинны, тонки и гибки. При помощи большого, сильного мускула, который находится под кожей животного и способен быстро сокращаться, все иглы могут произвольно подниматься и опускаться. Нижняя сторона тела покрыта темно-бурыми волосами с рыжеватыми заостренными кончиками, вокруг шеи тянется белая полоса. Когти черно-рогового цвета, глаза черные. Водящиеся в Европе дикообразы, по всей вероятности, происходят из Северной

* Беременность длится от 42 до 110 дней, в течение года бывает один помёт из 1—5 (обычно 2) детенышей.

** Крупнейший представитель семейства дикообразовых и самый крупный после бобра грызун Старого Света.

*** Длина тела достигает 90 см, хвоста — 15 см (не считая игл). Масса может доходить до 18—27 кг.

Семейство дикобразовые

* В Африке этот вид немного переходит экватор, южнее его замещает южноафриканский дикобраз (*H. africae australis*). От Ливана, Закавказья и Средней Азии до юга Индии и о. Шри-Ланка гребенчатого дикобраза сменяет индийский (*H. indica*), с которыми его нередко объединяют в один вид, восточнее живут еще два близких вида настоящих дикобразов.

** Убежищами дикобразу служат сложные многолетние и более простые временные норы, а также естественные пещеры, гроты, расселины. Ночью, в поисках корма, может уходить за 10—15 км, утром возвращается обратно.

Африки и привезены сюда впервые римлянами. В настоящее время животное встречается вдоль берегов Средиземного моря, в Алжире, Тунисе до Судана. В Европе оно водится в большом числе в Кампании около Рима, на Сицилии, в Калабрии и Греции. В Нижнем Египте, где дикобраз должен бы, по-видимому, водиться, мне не случилось напасть на его следы*.

Уже древние хорошо знали дикобраза, но их естественноисторические сведения затемнены баснями. Аристотель сообщает, будто дикобраз предаётся зимней спячке, Плиний прибавляет, что он может свои иглы бросать вперед при помощи напряжения кожи, а Оппиан рассказывает следующее: «Дикобразы имеют страшный вид и принадлежат к числу самых опасных животных. Когда их преследуют, они убегают с быстротой ветра, но, продолжая бороться, стреляют своими смертоносными иглами во врага позади себя. Охотник не осмеливается преследовать их с собакой, но, чтобы поймать их, должен употребить хитрость».

Дикобраз живет уединенно. Днем отдыхает в длинных низких ходах, которые сам вырывает в земле, ночью выходит и рыщет в поисках пищи**. Она состоит из всякого рода растений, чертополоха и других трав, корней и плодов, коры различных деревьев и разных листьев. Дикобраз откусывает растение, схватывает его передними зубами и крепко держит передними лапами, пока ест. Все движения его медленны и неуклюжи, походка ленива, осторожна, бег не скор. Это неуклюжее животное обнаруживает, однако, некоторую ловкость при рытье, но роет не настолько быстро, чтобы спастись от ловкого, проворного врага. Зимой он остается дольше, чем обычно, в норе и спит там целыми днями, но настоящей зимней спячке не подвержен.

Если неожиданно захватить дикобраза вне его норы, то он грозно выпрямляет голову и затылок, топорщит все иглы и гремит ими, особенно полыми иглами хвоста, которыми он так ударяет друг о друга, что при этом происходит очень странный шум, действительно способный напугать неопытного и несколько трусливого человека. При сильном раздражении дикобраз ударяет задними ногами о землю, а если схватить его, то издает глухое хрюканье. При движении некоторые иглы выпадают, что и послужило поводом к известной сказке о стрельбе иглами. Несмотря на страшное бряцание иглами, животное представляет совершенно беспомощное, безобидное создание, которое легко пугается, каждому уступает дорогу и почти не думает о том, чтобы пустить в дело свои острые зубы. Равным образом и иглы служат более средствами защиты, чем орудием для нападения. Кто приближается к нему неосмотрительно, конечно, может быть поранен, ловкий охотник хватая животное за гриву и легко уносит его. Правда, когда приближаешься к дикобразу, он загибает голову назад, поднимает на спине иглы и бежит несколько шагов к противнику, но палкой можно отстранить иглы и достаточно большого платка,

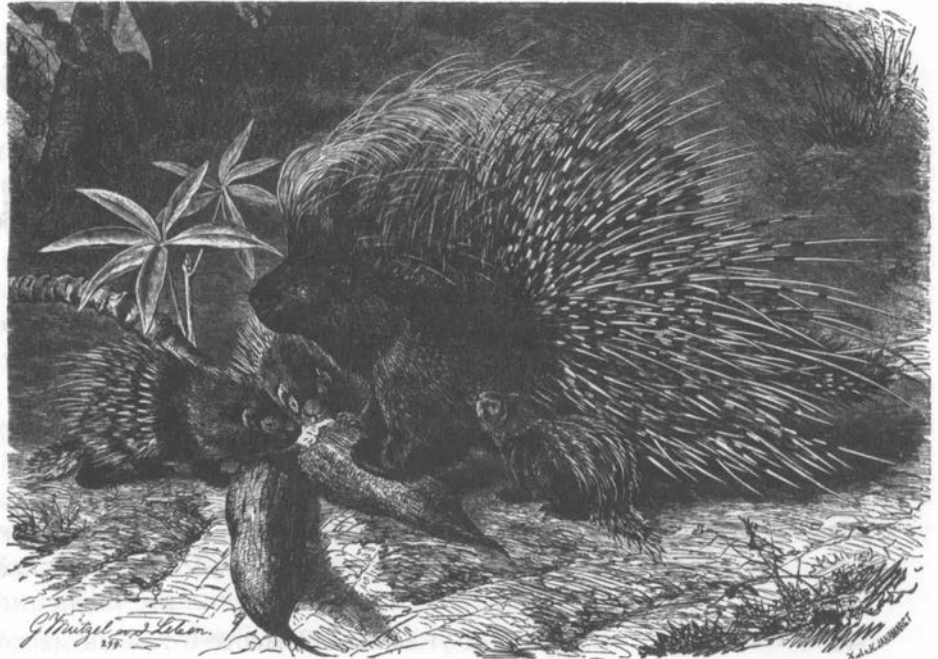
Семейство дикобразовые

* Дикобразы не обладают способностью сворачиваться клубком.

чтобы обезоружить животное. В случае крайней нужды бедняга свертывается, как еж, и тогда, конечно, довольно трудно взять его*. Стерндаль рассказывает об одном индийском дикобразе, которого ему пришлось видеть, с успехом защищающимся против собак. Он встретил многих туземцев, ревностно занятых раскапыванием свержу норы дикобраза, между тем, как две собаки стерегли его у выхода. Когда они докопались до жилища, дикобраз быстро выскочил и, гремя иглами, в крайнем раздражении бросился между собаками. При этом он так быстро и ловко поворачивал своими растопыренными иглами и вперед, и в сторону, что оба противника с лаем отступили. Одной собаке игла глубоко воткнулась в верхнюю часть шеи, а другой в нижнюю челюсть и в морду подле глаза и так глубоко засела в ране, что потребовалось много усилий, чтобы освободить от нее воющую собаку.

Умственные способности нашего дикобраза так же ограничены, как и у родственных ему животных, о рассудительности его едва ли может быть речь, хотя и нельзя совершенно отвергать у него некоторой понятливости. Из внешних чувств наиболее развито обоняние, зрение и слух слабы.

Время спаривания изменяется в зависимости от климатических условий. Можно признать, что оно повсюду совпадает с началом весны: в северной Африке происходит в январе, в южной Европе — в апреле. В это время самцы отыскивают своих самок и живут вместе с ними несколько дней. Спустя 60—70 дней после спаривания самка в своей норе, мягко устланной листьями, корнями и травами, мечет 2—4 детенышей, которые рождаются с открытыми глазами, с короткими, мягкими, плотно прилегающими к телу иглами: иглы эти очень скоро твердеют и растут чрезвычайно быстро, хотя полной длины достигают только в зрелом возрасте. Как только детеныши становятся способными сами добывать пищу, мать покидает их. Равным образом плодятся и дикобразы, содержащиеся в неволе.

Гребенчатый
дикобраз
(*Hystrix cristata*)

Нельзя сказать, чтобы дикобраз причинял человеку вред, потому что он нигде не встречается в больших количествах, и опустошениям, которые он иногда производит в расположенных недалеко от его норы садах, едва ли следует придавать большое значение. Там, где он живет, держится пустынных местностей, и поэтому редко надоедает. Тем не менее, его усердно преследуют. Иглы дикобраза получают разнообразное применение, а в некоторых местах едят и его мясо. Неловкого зверя ловят или в западни, которые ставят перед норой, или с помощью обученных собак, которые ловят его во время ночных странствований, затем охотники берут его просто с земли или предварительно убивают его ударом по носу. В римской Кампании охота за дикобразом считается особенным удовольствием; и, действительно, она устраивается там так, что представляет много странного и привлекательного.

Дикобраз охотнее всего устраивает свои норы в глубоких рвах, которыми прорезана Кампания и, выходя ночью, редко удаляется от них на далекое расстояние. На охоту выходят темной ночью с хорошо выдрессированными собаками, наводят на след зверя и заставляют их искать. Громкий, сердитый лай дает знать, что собаки отыскали ди-

**Африканский
дикобраз, или
кистехвост**
(*Atherurus africanus*)

кобраза, и указывает вместе с тем на место, где происходит между ними борьба — если только в данном случае может быть речь о борьбе. Тогда все охотники зажигают заранее приготовленные факелы и приближаются к этому месту. Как только собаки замечают приближение своих господ, они начинают громко визжать от радости и с бешенством бросаются на свою добычу. Дикобраз пытается, конечно, прогнать их, бренчит на все лады своими иглами, хрюкает, ворчит и старается всячески защититься растопыренными во все стороны иглами. Наконец охотники окружают дикобраза и его преследователей. При ярком свете факелов им, конечно, легко завладеть зверем, убить его или принести живым домой.

Итальянцы ходят с прирученными животными из деревни в деревню, подобно савоярам с сурками, и показывают там странное создание за деньги. Даже при не очень тщательном

уходе содержать дикобраза в неволе можно в течение 8—10 лет*. Можно даже привести пример, что он прожил в неволе 18 лет. Если обращаться с ним хорошо, то его легко приручить. Пойманные молодыми, дикобразы учатся узнавать своего хозяина и следуют за ним как собака. Присущие животному боязливость и робость никогда, однако, не оставляют его, и часто по поводу самых безвредных вещей оно обнаруживает страх и ужас и брэнчит из всех сил своим панцирем. Дурного обращения он не выносит.

Пищу дикобраза в неволе составляют морковь, картофель, салат, капуста и другие растения, может совершенно обходиться без воды, если дают ему есть сочные плоды или листья, при сухой пище он пьет, хотя и не часто. Нельзя утверждать, чтобы животное это было приятным товарищем для человека. В комнате его едва ли можно держать.

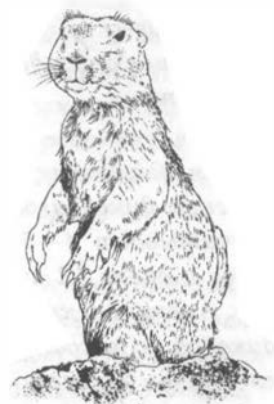
В прежнее время в медицине играл важную роль безоаровый камень, полученный от дикобраза. Его считали верным средством против различных болезней и платили за него по 100 крон, вследствие его редкости. Эти камни привозили из Ост-Индии, где добывали их от живущих там дикобразов, они были жирны на ощупь и имели чрезвычайно горький вкус.

Африканский дикобраз, или кистехвост (*Atherurus africanus*)**, в настоящее время часто привозимый в Европу живым, представляет собой довольно стройное животное, около 60 см длины, из которых третья часть должна быть отнесена на долю хвоста. Иглы плоские, с продольными бороздками, очень острые и с крючочками на конце, у корня они грязно-белого цвета, а далее бурого, некоторые на боках с белыми кончиками. Длина игл постепенно увеличивается от головы к хвосту: на плечах они около 4 см, а на спине почти 11 см длины. Роговые пластинки хвостовой кисти желтовато-белого цвета. Буровато-белый, довольно густой и мягкий мех покрывает нижнюю сторону тела, по обеим сторонам морды сидят очень длинные бурые усы, у корня белые. Родина животного — западная Африка, по крайней мере, от Сьерра-Леоне до Бенгелы***.

О жизни кистехвоста на воле известно очень немного. Бюттикофер сообщает о нем из Либерии следующее: «Оставленные термитами постройки составляют любимое убежище для животных этого рода. В покрытых лесами склонах гор Кап Маунт я нашел нору дикобраза. Она была устроена между корнями могучего дерева и имела шесть различных выходов, которые, к сожалению, не могли быть скоро разысканы и заложены, так что только одним детенышем из восьми нам удалось овладеть. У подошвы вышеупомянутых гор, около самого морского берега, я нашел такую же нору между расселинами скалы, но здесь невозможно было добраться до ее обитателей. Третью нору мы нашли на крутом берегу реки, а четвертую опять между скалами». Судя

Семейство дикобразовые

* В природе дикобразы доживают до 12—15 лет, в неволе — до 20 лет.

** Африканский дикобраз относится к роду кистехвостых дикобразов. Это некрупный вид — длина тела 40—55 см, хвоста — 15—25 см, масса — 1,5—4 кг.

*** Ранее выделяли несколько видов африканских кистехвостых дикобразов с разными ареалами, сейчас считается, что все это — один вид, распространенный в лесах от крайнего запада Африки, через бассейн Конго до Великих озер.

Семейство американские дикообразы

* *Кистехвостые дикообразы могут лазать по деревьям, неплохо плавают. В некоторых убежищах собираются до 6 животных.*

** *Семейство американских дикообразов насчитывает 4—5 родов и около 12 видов. Американские дикообразы находятся в очень дальнем родстве с дикообразом Старого Света, но являются ближайшими родственниками кавиоморфных грызунов.*

*** *Единственный тропический член семейства и самый северный в мире дикообразный грызун.*

**** *Иглы бывают от 3 до 10 см длиной, они светлые с темными вершинами и могут поворачиваться в разных направлениях.*

по поведению зверей, находящихся в неволе, можно полагать, что их нрав сходен с нравом других роющих дикообразов. Я неоднократно видел это животное живым и мог долго наблюдать его. Кистехвост производит гораздо более благоприятное впечатление, чем обыкновенный дикообраз. Днем он, по возможности, прячется в отведенном для него уголке, любит лежать, зарывшись в сено, с закатом солнца становится оживленнее и бежит с большой поспешностью, подпрыгивая, вокруг изгороди. Движения его равномерны, быстры и вполне ловки. На груды камней и другие возвышенные предметы он влезает легко, а по земле быстро шмыгает*. Хвост чаще всего держит поднятым вверх, иглы топорщит. Он делает это, когда рассердится, причем шумит хвостовой кистью, но не так громко, как другие дикообразы.

По-видимому, кистехвосты не так боятся света, как остальные дикообразы. Правда, днем они отворачиваются от света, который, как кажется, производит болезненное впечатление на их большие, живые глаза, но они выходят раньше сумерек, между тем, как другие виды всегда выжидают темной ночи, прежде чем показаться. Мясо кистехвоста не особенно вкусно.

СЕМЕЙСТВО АМЕРИКАНСКИЕ ДИКООБРАЗЫ (Erethizontidae)**

В Северной Америке представителем дикообразов является **иглошерст** (*Erethizon dorsatum*)***. Он отличается от южноамериканских лазающих дикообразов сжатым с боков туловищем и коротким, плоским и широким хвостом, покрытым с верхней стороны иглами, а с нижней — щетинами. Иглошерст достигает длины 80 см, из которых на долю хвоста приходится 19 см. Голова у него короткая, толстая и тупая, морда усеченная, маленькие ноздри более или менее плотно прикрываются полукруглыми клапанами. Передние ноги четырехпалые и без большого пальца, задние пятипалые, когти длинные и сильные, подошвы голые, с сетью бороздок на коже. Тело покрыто густым мехом, который на затылке достигает 11 см длины, а на нижней стороне тела и на кончике хвоста переходит в колючие щетины. Между волосами и щетинами по всей верхней стороне тела находятся иглы около 8 см длиной, которые большей частью прикрыты волосами****. Окраска его представляет смесь бурого, черного и белого цветов, волосы на верхней губе желтовато-бурые, на щеках и на лбу бурые, перемешанные с черным и белым, длинные волосы туловища совершенно черные, или совершенно белые, или черные у корня и белые на кончиках, волосы нижней части тела бурые, волосы же хвоста на кончиках грязно-белые.

Картрайт, Одюбон, Бахман и принц фон Вид дают нам подробное описание жизни и нрава этого животного. Иглошерст живет в лесах северной Америки до Виргинии и Кентукки и от Лабра-

дора до Скалистых гор. Часто встречается в лесистых местностях к западу от Миссури, в восточных же странах, напротив, почти совсем вывелся*. «Иглошерст, — говорит Картрайт, — ловко лазают, и зимой, по всей вероятности, не спускается на землю, пока не уничтожит кору на вершине дерева. Обычно он движется в лесу по прямой линии и редко проходит мимо дерева, разве уж оно очень старое. Но больше всего любит молодые деревья: один иглошерст может в течение зимы погубить сотни деревьев. Знакомые с нравами этого животного всегда легко могут отыскать его, так как путь его движения указывается трухой обглоданной коры». Одюбон уверяет, что ему случалось проходить через леса, в которых кора была ободрана иглошерстом со всех деревьев, так что можно подумать, что в лесу свирепствовал пожар. Иглошерст наносит особенно большой вред вязам, тополям и елям. Своими бурыми блестящими резцами он снимает кору с ветвей так гладко, как будто работа сделана ножом. Говорят, что он всегда начинает с вершины дерева и затем спускается ниже, чтобы снять кору с ветвей, а наконец и со ствола**. Можно с некоторой уверенностью рассчитывать, что ежедневно в течение нескольких месяцев найдешь его в том же дупле, которое он раз выбрал себе для сна***. Зимней спячке он не подвержен; но очень вероятно, что в самые холодные зимние дни прячется в заранее выбранное убежище.

В таких дуплах или в расщелинах скал находят его гнездо и в нем в апреле или в мае детенышей, обычно двух, реже трех или четырех. По сообщению принца фон Вида, индейцы полагают, что самка иглошерста не имеет сосцов, следовательно детеныши ее не могут сосать, и она поэтому принуждена тотчас же после рождения отгонять их от себя и таким образом принуждает их уже с первых дней своей жизни приниматься за трудную работу****.

Детеныши, которых берут из гнезда и содержат в неволе, скоро привыкают к своим хозяевам и к окружающей обстановке. Кормят их всякого рода растениями, очень охотно они едят хлеб. Если их пускают свободно бегать в саду, то они тотчас же взбираются на деревья и начинают есть кору и листья. Одюбон рассказывает, что бывший на его попечении иглошерст только тогда гневался, когда его хотели удалить с садового дерева, на которое он всегда взбирался. «Наш пленник мало-помалу сделался очень ручным и редко пускал в дело свои иглы, а поэтому его можно было время от времени выпускать на свободу из его клетки и давать возможность пользоваться удовольствием свободной прогулки в саду. Он знал нас; если мы его звали и предлагали ему картофель или яблоко, он медленно оборачивал к нам свою голову, смотрел на нас кротко и дружелюбно, медленно приближался, брал плод из рук, садился на задние лапы и подносил ко рту пищу передними. Он часто приходил в нашу комнату, когда бывала открыта дверь, приближался к нам, терся о ноги и смот-

** Лишь на юго-востоке США дикобраз не живет, несмотря на богатую древесную растительность. На Аляске и Лабрадоре встречается вплоть до арктического побережья.*

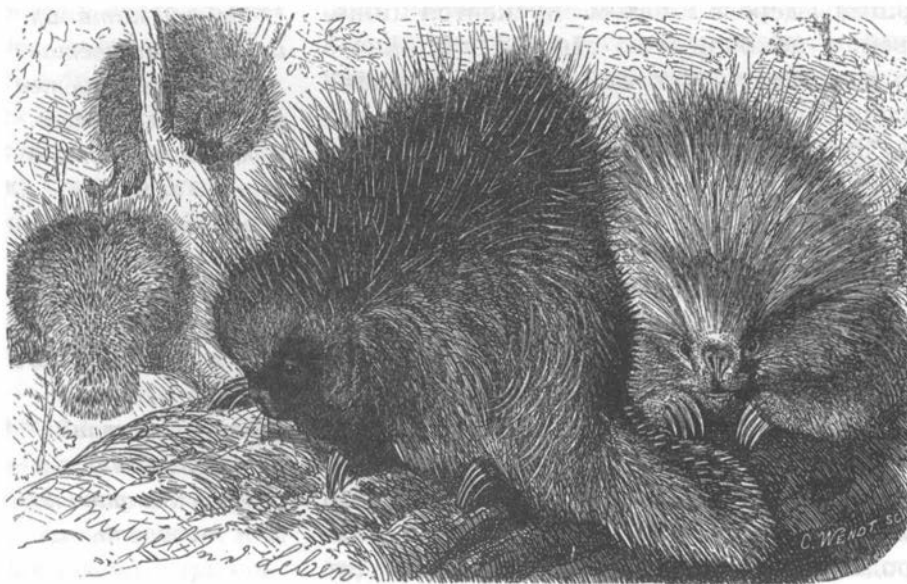
*** Основу питания иглошерста составляют летом листья различных деревьев, особенно тополей и берез, а зимой — кора и камбий, мелкие веточки хвойных.*

**** Он ведет одиночный образ жизни, избегает пограничных конфликтов и совершенно равнодушен к собратьям.*

***** Самка иглошерста имеет 2 пары сосков. Сразу после рождения детеныш способен следовать за матерью, быстро приучается к зеленому корму, но питается молоком до 4 месяцев.*

Семейство американские дикобразы

* Иглы проникают в тело врага и иногда вызывают смерть, попав, например, в кровоток. Еще одним средством защиты служит едкий запах, распространяемый железой у основания хвоста.

Иглошерст
(*Erethizon dorsatum*)

рел просительно, в надежде получить что-нибудь лакомое. Напрасно старались мы его рассердить: он никогда не употреблял своих игл против нас. Но иначе он вел себя, когда приближалась собака. Тотчас же становился в оборонительное положение. Опустив нос, растопырив все иглы и шевеля хвостом, он казался совершенно готовым к борьбе*.

Большой, злой и в высшей степени драчливый бульдог, живший по соседству, имел привычку выкапывать себе проход под забором нашего сада и время от времени являться к нам незванным гостем. Однажды утром мы увидели, что он бежит в угол нашего сада, направляясь к какому-то предмету: это был, как оказалось, наш иглошерст. Ночью он высвободился из своей клетки и бегал спокойно по саду, пока не явилась собака. Его обычная угроза, по-видимому, не подействовала на бульдога, последний, может быть, думал, что ему приходится иметь дело с жи-

вотным не сильнее кошки, одним словом, бульдог внезапно с разинутой пастью бросился на иглошерста. В эту минуту иглошерст сделался словно вдвое больше своего роста, зорко наблюдал за приближающимся врагом и, улучив удобную минуту, нанес ему хвостом такой удар, что бульдог мгновенно утратил свою храбрость и громко, жалобно завизжал. Его морда,

язык и нос были усеяны иглами противника. Он не мог сжать челюстей и с открытой пастью опрометью бросился бегать по саду. Кажется, это послужило ему уроком на всю жизнь, потому что ничто не могло его заставить возвратиться к тому месту, где он однажды был так негостеприимно принят. Хотя ему тотчас же выдернули иглы из рта, тем не менее голова его в течение многих недель оставалась опухшей и рот зажил не ранее, чем через несколько месяцев».

Иглошерстов год от года становится все меньше. «В западном Коннектикуте, — так рассказывал Вильям Казе Одюбону, — иглошерст несколько лет тому назад встречался так часто, что, охотясь за белками, можно было в полдня убить их от 7—8 штук, и притом на расстоянии 3—4 миль от города,

между тем в настоящее время там не встретишь ни одного иглошерста*.

Они выводятся с удивительной быстротой; охотники убивают их из мести за раны, причиняемые ими охотничьим собакам. Кроме человека, только немногие враги оказываются опасными так хорошо вооруженному животному**.

Одюбону принесли канадскую рысь, которая жестоко поплатилась за нападение на иглошерста. Это хищное животное находилось почти при смерти, голова его была сильно воспалена, а рот полон острых игл. Этот же натуралист неоднократно слышал, что собаки, волки и даже ягуары умирают от подобных ран. Только индейцы умеют надлежащим образом использовать убитого иглошерста. Они охотно едят его мясо, от которого, впрочем, не отказываются и белые. Мех зверя после удаления из него игл вследствие своей мягкости находится в большом употреблении, а иглами украшают охотничьи сумки, сапоги и другие вещи.

Восточные берега Мексики служат местом жительства мексиканского дикобраза (*Sphiggurus mexicanus****). Животное это достигает 95 см, из которых почти третья часть приходится на долю хвоста. Блестящие волосы очень густы и мягки, слегка курчавы и настолько длинные, что совершенно закрывают многие иглы. На нижней части тела нет игл; нижняя часть шеи, внутренняя сторона ног, морда и половина кончика хвоста сверху голые, снизу покрыты черными, а с боков желтыми щетинами. Волосистой покров кажется черным, потому что отдельные волосы, у корня отливающие буроватым и светло-серым цветом, на кончиках имеют блестящую черную окраску. На морде имеются очень длинные усы, а на бедрах передних и задних конечностей — отдельные длинные жесткие волосы. Иглы желтого цвета с черным кончиком, у корня очень тонкие, затем мало-помалу утолщаются, а потом вдруг заостряются, в середине они гладкие, а на заостренном, как игла, конце снабжены крючочками, обращенными назад. Около глаз и ушей они стоят так густо, что волос совсем не видно, и ухо совершенно закрыто ими. Но здесь они гораздо короче и светлее окрашены, чем на остальных частях тела; на спине находятся самые длинные и темные иглы. Глаза очень выпуклые, радужная оболочка светло-бурая, зрачок не больше булавочной головки, только удлинённый, и глаза выдаются, как стеклянные бусинки. Пока животное находится в спокойном состоянии, иглы его малозаметны, за исключением мест около глаз и ушей мех кажется заманчиво-мягким и гладким, и только когда животное сердится, различные неровности указывают на скрытые под волосами иглы. В сильном гневе животное приподнимает все иглы, так что они торчат по всем сторонам тела, и если погладить рукой мех, то они чувствуются всюду. Они сидят в коже так слабо, что выпадают при малейшем прикосновении, если провести рукой несколько раз по меху,

Семейство американские дикобразы

* Популяции иглошерста испытывают 12—20-летние колебания численности, связанные с циклической обилием кормовых растений.

** Крупная американская куница пекан, или илька (*Martes pennanti*), специализируется в охоте на иглошерстов. Она вертится вокруг грызуна и, улучив момент, быстрыми укусами в голову приканчивает его.

*** Обитает в высокогорных лесах. Относится к не крупным видам древесных дикобразов с цепким хвостом. Масса достигает 2,6 кг. Кончик морды голый, розовый и выглядит вздутым, что придает зверьку смешной вид. Оголен также хватательный конец хвоста.

Семейство американские дикообразы

* Более мелкий вид
(вес до 1 кг) с мас-
кировочной окраской.

то можно вырвать дюжину игл, из которых некоторые непременно воткнутся в руку.

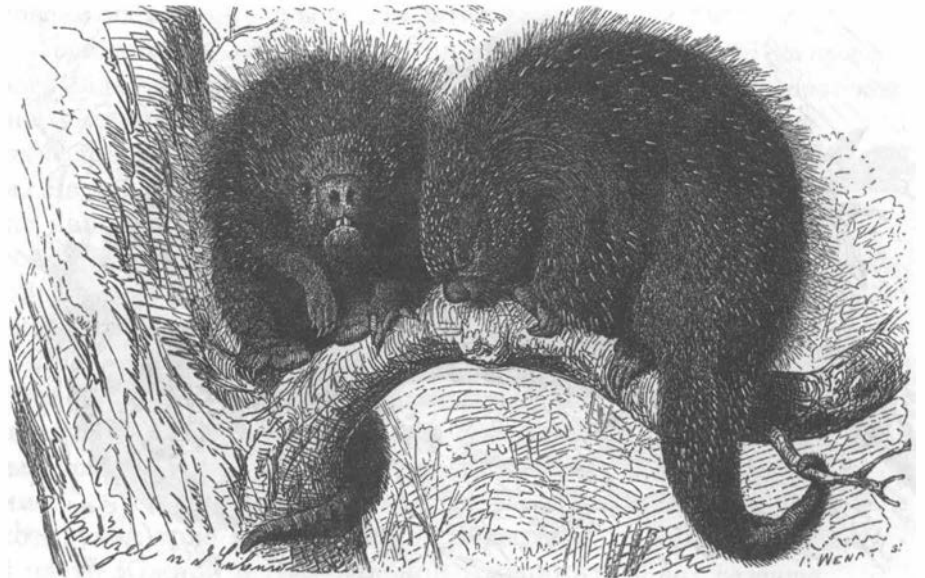
О жизни мексиканских дикообразов на воле, равно как и других лазающих дикообразов, имеются очень скудные сведения. Больше всего мы знаем об одном родственном виде, который известен под именем **кюий**, или **бразильский дикообраз** (*Sphiggurus insidiosus*)*; о нем сообщают нам сведения Азара, Ренггер, принц фон Вид и Бурмейстер. Животное это распространено по всей Бразилии и по странам, лежащим к югу от Парагвая, хотя оно здесь и везде известно, но нигде не встречается в большом количестве. Для своего жилища кюий выбирает места главным образом в высоких лесах, но находят его также и в местах, поросших кустарником. Большую часть года он живет один и притом в определенной области, всегда на деревьях, по ветвям которых он ловко передвигается. В течение дня он отдыхает, свернувшись клубком, сидя в развилине древесного сука, ночью же лазает кругом медленно и осторожно, но очень уверенно. Гензель указывает на то, что фигура и окраска животного как нельзя более подходят к окружающей его обстановке. «Природа, — говорит он, — по-видимому, пожелала оказать этому животному особое благоволение, так как она не удовольствовалась только тем, чтобы защитить его против врагов имеющимся у него орудием защиты, — она оказала ему особое покровительство против хищных птиц. Бразилия изобилует многими хищными птицами, которые питаются преимущественно лазающими млекопитающими животными первобытного леса. Против этих-то хищных птиц дикообраз и получил для защиты себя способность уподобляться окружающей обстановке, на что до последнего времени не обращалось внимания. А именно: весь его покров изобилует длинными, тонкими волосами седоватой окраски. Эти волосы придают животному, когда оно, свернувшись, сидит спокойно на ветвях дерева, обманчивое сходство с глыбой длинного серого мха, и даже самый зоркий охотник часто проходит мимо него, будучи обманут развевающимися от ветра волосами неподвижного животного, или иной раз стреляет в какой-нибудь пучок мха, что, конечно, не делает ему чести». Положение дикообраза на деревьях очень оригинально: он сидит, как это я наблюдал на моем пленнике, на задних лапах и держит близко к ним передние, согнув их иногда так, что опирается на наружную сторону кисти, голову при этом он вертикально свешивает вниз, выпрямляет хвост и загибает его сверху крючком. Обычно он держится, зацепившись хвостом за ветку. Но и без этого прочно сидит на самых тонких ветвях, потому что его широкие лапы, вогнутые изнутри, дают ему возможность твердо держаться. При лазании крепко прижимает свои мясистые широкие подошвы к ветвям, которые и обхватывает мягкой ладонью. Днем движется очень неохотно и даже совсем не лазает, когда его не беспокоят, если выпустить дикообраза на свободу,

то он побежит переваливающейся походкой до первого попавшегося дерева, взберется по стволу довольно быстро вверх, выберет себе в ветвях тенистое местечко, чтобы спрятаться, и тотчас же начинает есть. Когда он хочет перебраться с одной ветви на другую, стоящую дальше, то крепко зацепляется там, где сидит обеими задними ногами и хвостом, вытягивает тело горизонтально и старается схватить намеченную ветвь передними лапами. В таком положении, требующем большой силы, он может оставаться в течение нескольких минут и качаться довольно легко в ту и другую сторону. Схватив ветвь передними лапами, он сперва освобождает задние лапы, а потом и хвост, опускается под действием собственной тяжести вниз, зацепляется за новую ветвь сперва хвостом, а потом задними ногами, спокойно взбирается наверх и отправляется дальше по ветке. Ренггер утверждает, что дикобраз только тогда пользуется хвостом, когда спускается вниз, но я, на основании собственных наблюдений, могу уверить, что это неправда.

Пища бразильского дикобраза состоит главным образом из плодов, почек, листьев и корней, которые он подносит ко рту передними лапами. Находившиеся у меня в неволе звери охотно пожирали кору молодых побегов. В клетке мы кормили их морковью, картофелем и рисом, они ели также и молочную булку. В Америке их кормят бананами.

Ренггер сообщает, что оба пола этих обычно одиноких животных сближаются в течение зимы и тогда некоторое время живут парами. Когда в их отечестве наступает зима, то есть в начале октября, самка мечет 1—2 детенышей. Азара, наблюдавший беременную самку, нашел только одного детеныша, который, подобно матери, уже был покрыт иглами. Более точных подробностей относительно их размножения я не могу сообщить.

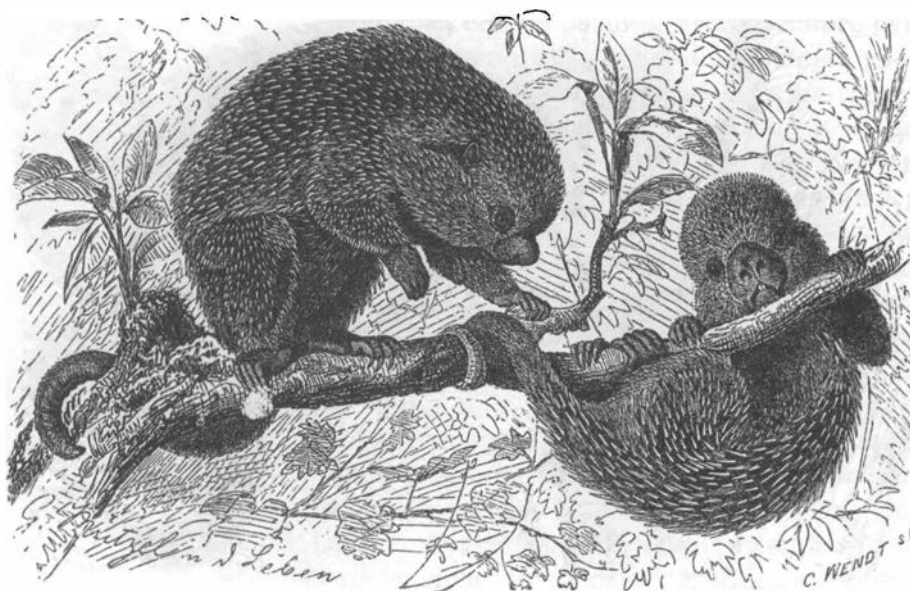
Так как по своему внешнему виду дикобраз малопривлекателен, то жители Парагвая редко ловят и воспитывают зверя, тем не менее это не избавляет его от преследований. Бурмейстер вскоре после своего прибытия в Рио-де-Жанейро получил одного дикобраза, который, согласно тамошнему обычаю, по всей своей длине

*Кюий, или бразильский
дикобраз
(Sphiggurus insidiosus)*

**Семейство
американские
дикобразы**

был привязан к палке и ужасно избит, так что первое время после освобождения он почти не мог ходить, затем Бурмейстер нашел другого дикобраза, лежавшего мертвым возле дороги, точно так же сделавшегося жертвой ничем не оправдываемой кровожадности. Генкель сообщает нам о причине непонятого ожесточения туземцев. «Самое ненавистное животное в бразильских лесах — это дикобраз. Природа не удовольствовалась тем, что иглами защитила его, подобно ежу, от неприятелей, но эти неприятели за нападение должны еще подвергнуться самому страшному наказанию, а именно: эти иглы у своего корня так тонки и сидят в коже настолько слабо, что при самом незначительном движении легко отделяются, поэтому они остаются в постороннем теле, если проникнут в него своим острием. Если собака схватит спокойно лежащего на земле дикобраза, который, созна-

**Цепкохвостый
дикобраз, или коэнду
(*Coendou prehensilis*)**

вая свою ужасную силу, даже не думает бежать, то несчетное множество игл не только вонзаются в мягкие части ее пасти и остаются там, но при помощи крючочков, которыми снабжены, и из-за движения самой собаки, иглы постепенно проникают еще глубже. Несчастное животное уже не может закрыть пасть вследствие опухоли зева и гортани, и, если только не будет оказана немедленная помощь, может после мучительнейших страданий или задохнуться, или умереть от голода. Если помощь будет оказана быстро, то на первых порах надо удалить иглы, захватывая их между большим пальцем и острием ножа, позднее и это средство оказывается невозможным, так как иглы ломаются. Вот почему многие охотники выходят в лес не иначе, как запасшись клещами. При таких обстоятельствах делается понятным, почему никакие другие животные, даже ядовитые змеи, не внушают местному охотнику такой ненависти и такого страха, как дикобраз. Неудивительно поэтому, что всякий найденный дикобраз умерщвляется без милосердия, хотя животное это само по себе совершенно безвредно. Замечательно, что у оцелота под кожей часто попадаются отдельные иглы. Надо предполагать, что эта кошка осмеливается нападать на дикобраза, но с каким успехом, этого с уверенностью

в свою ужасную силу, даже не думает бежать, то несчетное множество игл не только вонзаются в мягкие части ее пасти и остаются там, но при помощи крючочков, которыми снабжены, и из-за движения самой собаки, иглы постепенно проникают еще глубже. Несчастное животное уже не может закрыть пасть вследствие опухоли зева и гортани, и, если только не будет оказана немедленная

решить невозможно. Какие ранения могут причинить эти иглы, я сам имел случай наблюдать на одной из моих собак, у которой мне удалось вырвать большую часть игл. Я каждый день по нескольку раз осматривал собаку, захватывая выступавшие кончики игл клещами, с помощью которых их удобно было вытащить, последнюю иглу я выдернул на стороне шеи уже по истечении шести недель».

Цепкохвостый дикобраз, или **коэнду** (*Coendou prehensilis*)*, по внешнему виду похож на бразильского дикобраза, но заметно больше его и кажется крепче сложенным.

Длина его составляет около 1 м, причем 45 см приходится на долю хвоста. Иглы начинаются у самой морды, распространяются по всей верхней части тела, покрывают ноги до щиколотки, верхнюю часть хвоста и даже всю нижнюю часть живота, но неплотно прилегают к телу. Редкие волосы, выступающие между ними, большей частью совсем ими прикрыты и делаются заметными только тогда, когда раздвинешь иглы. Сидят они в коже очень слабо, все одинакового вида — твердые, крепкие, почти круглые, гладкие и блестящие, у корня слабые, на остальном протяжении имеют равномерную толщину, а к очень острому концу сразу сильно утончаются. На задней части спины иглы достигают около 12 см длины, по направлению к нижней части живота постепенно укорачиваются и на брюхе мало-помалу переходят в настоящие щетины, которые в нижней стороне хвоста снова становятся иглообразными, то есть, жесткими и колючими. Цвет светлый, желтовато-бледный, но под кончиком резко выступает темно-коричневая полоска. Волосы на носу и морде рыжеватые, на остальном теле бурые, между ними встречаются белые щетинки. Очень крепкие и длинные усы, располагающиеся продольными рядами, кажутся черными.

Об образе жизни коэнду на воле малоизвестно. Животное обитает на значительной части Южной и Центральной Америки и в некоторых местностях попадает нередко**. По примеру своих родичей, коэнду спит днем, сидя на верхушке дерева в указанном выше положении, а ночью бегаёт по ветвям медленно, но ловко. Пища его состоит из разного рода листьев.

Мясо коэнду ценится туземцами, иглы служат для различного употребления. Между индейцами распространены такие же сказки о коэнду, как у нас о дикобразе. Некоторыми индейскими племенами иглы коэнду употребляются для лечения, так как они верят, что воткнутые в кожу больного иглы действуют как пиявки.

СЕМЕЙСТВО СВИНКОВЫЕ (Caviidae)***

Внешними признаками семейства свинок, или полукопытных, признаются более или менее вытянутое тело, поддержи-

* Более крупный вид, чем предыдущие, весит до 5,3 кг.

** Коэнду распространен в тропической части Южной Америки к востоку от Анд. В горы поднимается до 1500 м. Лапы коэнду прекрасно приспособлены для лазания благодаря сильным когтям и своеобразным костным и кожным мозолям. Вместо большого пальца на передних лапах развита подушечка, противопоставляемая четырем пальцам. Ведут одиночный ночной образ жизни. Система размножения — как у иглошеста.

*** Свиноквые дали название кавиоморфам — большой группе родственных семейств дикобразных грызунов Нового Света.

Семейство СВИНКОВЫЕ

* По некоторым данным, единственный прямой предок морской свинки и сейчас обитает в льяносах севера Южной Америки. Все дикие свинки — однотонно окрашенные животные рыжевато-бурой окраски, с пушистым длинным мехом, очень отличающимся от гладкой блестящей шерсти домашнего сородича. Длина тела достигает 35 см, хвоста нет, масса 0,5—2 кг. Инки одомашнили морскую свинку в XIII — XV веках нашей эры, зверьков выращивали ради очень вкусного мяса и для развлечения. В Европу свинок привезли в эпоху Великих географических открытий, отчего они получили название «(за)морские». В настоящее время свинка является массовым лабораторным животным.

ваемое длинными ногами, четырехпалые передние конечности и задние, имеющие от трех до пяти пальцев, пальцы конечностей вооружены большими копытообразными, спереди ребристыми когтями. Далее кургузый хвост, большие уши и грубый волосяной покров. Зубную систему образуют четыре коренных зуба приблизительно равной величины и большие, широкие, спереди всегда белые резцы. Спинной хребет имеет 19 спинных, 4 крестцовых и от 6 до 10 хвостовых позвонков. Весь скелет состоит из толстых, иногда даже совсем грубых костей.

Свинковые живут исключительно в Южной Америке, на юге и в центральной части, но в самых различных местностях: на равнинах, в лесах, сухих полосах, среди скал, в болотах и даже в воде. Они уживаются в расселинах дуплистых стволов, трещинах скал, в зарослях и кустарниках, некоторые в норах, вырытых ими самими или покинутых другими животными. Почти все полукопытные живут обществами и ночью бывают бодрее, чем днем. Пища их состоит из растительных веществ всякого рода: злаков, трав, цветов, листьев, кореньев, капусты, семян, плодов и древесной коры. Во время еды они сидят в прямом положении на задней части тела и передними конечностями крепко держат пищу. В движениях ловки, хотя поступь их довольно медленна. Некоторые входят в воду и плавают с большим искусством и продолжительно. Нрав мирный, незлобивый и робкий; маленькие виды пугливы, боязливы и кротки, а большие несколько смелее, но и они при приближающейся опасности бросаются бежать, насколько хватает силы. Из всех чувств обоняние и слух у них наиболее совершенны. Но вообще их душевные способности незначительны. Они легко делаются ручными, привыкают к человеку и умеют его узнавать, однако не дружат с ним. Плодовитость очень значительна: число детенышей колеблется от 1 до 8, и многие виды мечут по несколько раз в год.

Всем известная морская свинка (*Cavia porcellus*) долго разделяла участь многих домашних животных, никто не мог с уверенностью определить ее родоначальников*. Мы знаем, что это маленькое животное было привезено к нам вскоре после открытия Америки, следовательно, в XVI столетии, и кажется, голландцами. Уже Геснеру морская свинка была известна, и с тех пор у нас продолжают разводить ее.

Кроме одноцветных морских свинок, которые чаще всего бывают белыми, попадаются еще пегие трехцветные, испещренные белыми, желтыми и черными пятнами. Но Гааке восстает против тех наблюдателей, которые оспаривают существование двухцветных морских свинок. Между морскими свинками, содержащимися во Франкфуртском зоологическом саду для кормления других животных, он несколько раз встречал особей, покрытых только желтыми и белыми пятнами, они имеют всегда красные глаза. По наблюдениям Неринга, мумии морских сви-

нок на Анконском кладбище инков в Перу черных пятен не имели. Все они были или одноцветные — белые, или красно-бурые, или, если двухцветные, то красно-бурые с желто-бурыми пятнами*. У нас встречаются морские свинки с красно-бурыми, желтовато-серыми и мышино-серыми пятнами. Трехцветные с пепельно-серыми пятнами, вместо черных, по наблюдениям Гааке, нередки, и у них тоже красные глаза. В наше время особенно полюбилась растрепанная морская свинка — порода с длинным волосяным покровом, свивающимся в некоторых местах тела в своеобразные вихры**.

Из целого класса грызунов морская свинка принадлежит к самым любимым домашним животным как по выносливости, так и по незлобности и добродушию. Если поместить животное в прохладный и сухой хлев, то содержание ее не обременительно. Она ест всякую растительную пищу от корней и до листьев, сухое зерно и свежие сочные растения и требует только некоторой сменяемости пищи. Когда ей дают сочный корм, то она обходится без питья, хотя очень любит молоко. Зверек доволен всем и равнодушно переносит даже дурное обращение. Поэтому служит приятной забавой для детей, которые с особенным рвением занимаются его воспитанием.

Своими привычками он напоминает и кроликов, и других мышей. Походка у него не быстрая и состоит скорее из прыжков, но зверька нельзя назвать неуклюжим, а, напротив, очень проворным. Обычно, когда он сидит, то опирается на все четыре лапы, плотно прижимаясь к земле животом. Но сидит он редко, а почти все время безостановочно бегаёт по хлеву, с наибольшим удовольствием вдоль стен, где вскоре прокладывает гладко протоптанную дорожку. Если зверьков много, то беготня эта очень забавна: одна свинка следует за другой, и целый ряд их обегает хлев, быть может, сотню раз без перерыва. Голос состоит из хрюканья, послужившего поводом к сравнению этого животного со свиньей; кроме того, замечается какое-то особое бормотанье и писк. Бормотаньем выражается довольство, тогда как писк служит признаком волнения***.

Самец и самка живут вместе и обращаются друг с другом нежно. По чистоплотности, свойственной всем грызунам, каждый из супругов облизывает другого и, кроме того, использует свои передние лапы, чтобы гладко причесать ему шерсть****. Когда один из парочки спит, другой бодрствует для его безопасности, а если это длится очень долго, то старается разбудить спящего лизаньем и расчесыванием, и как только последний открывает глаза, дежурный в свою очередь спешит заснуть, полагаясь на бдительность другого. Часто самец гонит свою самочку впереди и всячески старается выказать ей любовь и заботливость. Особи одного пола тоже живут совершенно в согласии, пока этому не помешает жадность — желание захватить лучший кусок из еды и лучшее

Семейство СВИНКОВЫЕ

* Разнообразные цветовые вариации свинок вывели еще инки.

** Сейчас эту породу свинок называют «ангорской», по аналогии с длинношерстными породами кошек и коз, действительно происходящими из Ангоры (Анкара, Турция).

*** У всех свинок чрезвычайно развита звуковая коммуникация. Наиболее характерным звуком следует считать пронзительный свист.

**** Образ жизни диких свинок существенно отличается от такового домашних сородичей. Это сумеречные животные. Группы по 5—10 особей живут в норах. Внутри семьи существует четкая иерархия, отдельная для самцов и самок.

Семейство свинковые

* В среднем самка приносит 4 детеныша, но их число может колебаться от 1 до 13. Самка может приносить до 5 выводков в год.

Морская свинка
(*Cavia porcellus*)

** Беременность длится 56—74 дня, половозрелость наступает в возрасте 55—70 дней, рекорд жизни — 10 лет.

место для отдыха. Влюбленные самцы, спорящие из-за одной самки, часто приходят в гнев, скрипят зубами, топают ногами о землю, угощают друг друга пинками, вцепившись один другому в волосы, иногда дело доходит до таких поединков, при которых усердно работают зубы и случаются серьезные ранения.

Немногие млекопитающие своей плодовитостью могут сравниться с морской свинкой. У нас самка мечет три раза в год по 2—3, иногда по 4—5 детенышей, а в жарких странах даже по 6—7*. Детеныши появляются на свет вполне развитыми, рождаются с открытыми глазами и уже через несколько часов после рождения бывают в состоянии бегать рядом с матерью. На другой день своей жизни они нередко вместе со всеми садятся к корму и едят зелень и даже зерна почти с таким же удовольствием, как и сама

мать. Тем не менее мать в течение 14 дней кормит их молоком и в это время проявляет большую любовь и заботу: защищает, удерживает их вместе, водит к корму и так далее. По мере того как детеныши становятся разумнее, эта пылкая любовь охладевает, а по истечении трех недель, когда мать снова спаривается с самцом, она уже больше не заботится о своем прежнем потомстве. Отец с самого начала

относится к детенышам безразлично, даже враждебно, и часто случается, что он загрызает их до смерти и пожирает. Пятимесячное или шестимесячное молодое поколение уже способно размножаться, а через 8—9 месяцев после рождения достигает полного своего роста. При хорошем уходе эти животные могут жить 6—8 лет**.

Очень чувствительные к холодному и сырому воздуху, морские свинки, подвергаясь действию суровой погоды, заболевают, и тогда легко погибают.

Человеку морские свинки вреда причинить не могут, разве только в том случае, когда, помещенные в комнату, могут оказаться неудобными из-за своей повадки все грызть. Но это не принимается в расчет в виду многих хороших качеств, которыми

они доставляют нам удовольствие. Они оказали огромную услугу делу научного изучения физиологии, Бишоф пользовался ими для своих исследований о развитии животных и этим обеспечил им почетное место в нашей научной литературе.

В высшей степени своеобразное животное, встречающееся в американских пустынях, **мара** (*Dolichotis patagonicum*) служит представителем второго рода полукопытных. Во многих отношениях напоминая зайца, мара значительно отличается от него высокими ногами и более короткими и тупыми ушами. Тело у нее довольно тонкое, вытянутое и спереди тоньше, чем сзади, ноги длинные, задние длиннее передних, при этом задние трехпалые, а передние четырехпалые, на задних ногах пальцы длинные, а на передних короткие, но в обоих случаях они свободны и вооружены длинными и сильными когтями. На довольно тощей шее помещается сверху приплюснутая, а у морды заостренная голова с длинными, довольно тонкими, округленными стоячими ушами и небольшими живыми глазами. Хвост короткий и загнут кверху. мех мягкий, густой и глянцевитый, волосы короткие и гладко прилегают к телу. Верхняя часть тела окрашена в особый буросерый цвет с тонкими белыми крапинами. На боках и на внешних частях ног эта окраска переходит в светло-бурую. Вся нижняя часть тела белая, грудь светло-бурого цвета до глотки, а горло опять белое. блестящие черные усы сильно отличаются от остальных волос. У взрослых животных длина всего тела составляет 50 см, из них на долю кургузого хвоста приходится 4—5 см, высота в плечах достигает 45 см, поэтому зверек, на первый взгляд, походит скорее на жвачное животное, чем на грызуна*. Не удивительно, что прежние мореплаватели, Нарборуг, Вуд, Байрон и другие, встречавшие мару на негостеприимных берегах Патагонии, описывали ее так неточно, что нельзя было догадаться, о каком животном они говорили. Азара первый указал подобающее ей место среди грызунов. «Европейцы, — говорит он, — называют это животное зайцем, хотя оно во всем от него отличается. Оно больше и сильнее, бегаёт не так быстро и устает скорее, так что охотник на хорошей лошади может догнать мару и убить копьем или ударом лассо. Почти всегда находят мар по несколько штук вместе или, по крайней мере, самцов поблизости от самок. При необходимости, зверьки в одно время поднимаются и бегут вместе. Часто ночью случалось мне слышать неприятный, резкий голос, звучащий приблизительно, как «оови»; так точно кричит это животное, когда его поймашь и держишь в руке. Дикари и простолюдины-европейцы едят его мягкое мясо, но ценят его менее мяса броненосца. Оно по вкусу отличается от мяса нашего европейского зайца.

Мне говорили, что этот зверек устраивает свое жилище в норах вискаши и что в случае опасности он в них ищет убежища. Но те зверьки, которых я преследовал, всегда искали спасения в

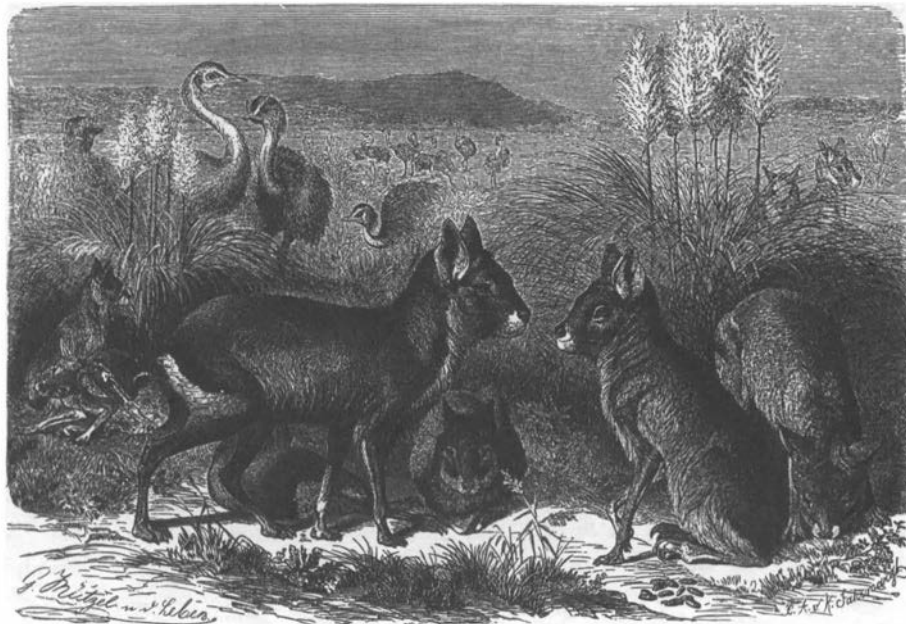

* Мара — самый крупный представитель семейства, достигает длины 75 см (без хвоста) и массы 9—16 кг. Удивительно одновременное сходство мара и с зайцами, и с мелкими копытными. Тупые когти на задних ногах действительно напоминают копыта.

Семейство СВИНКОВЫЕ

* Собственно, *мара* встречается только в Патагонии. На севере Аргентины, юге Боливии и Парагвае ее заменяет более мелкий близкий вид *D. salinicola*.

Мара
(*Dolichotis*
patagonicum)

своих норах, хотя поблизости находилось несколько нор вискашей. Мне не приходилось встречать зверька в логовище, а всегда стоящим прямо, как олень или косуля; обычно мара тотчас же обращалась в бегство и убегала на довольно большое расстояние. Попавшие в неволю молодыми мараы делаются ручными; они удаляются от дома и возвращаются опять, ходят на пастбище и едят всякую пищу. Один мой приятель прислал мне двух мар, выросших в его доме. Это были необыкновенно милые и ручные животные, к сожалению, выйдя из дома, они были разорваны собакой».

Позднее Дарвин сообщил более точные сведения об этом замечательном животном. От него мы узнали, что мара не встречается к северу выше 37-й параллели южной широты. Каменистая и пустынная Патагония — ее родина. Там, где Сьерра Тал-

паквен служит границей этой пустыни и почва становится влажнее и богаче растениями, мара совершенно исчезает. К западу она встречается почти до самой Мендосы, следовательно, до 33 параллели южной широты, возможно даже, что она попадает в окрестностях Кордовы, в Аргентине*. Еще два столетия тому назад животное это встречалось гораздо чаще, чем в настоящее время, когда оно являет-

ся многочисленным только в таких странах, где защитой для него служит бесплодие почвы. Но и здесь, несмотря на многочисленность, добыть это животное оказывается делом нелегким по той простой причине, что его очень трудно увидеть. Оно или скрывается в своей норе, или лежит, плотно прижавшись к земле, и в этом случае, из-за землистого цвета своего меха делается совершенно неразличимым. К этому присоединяются его пугливость и боязливость. Мара при малейшей опасности обращается в бегство; при этом зверьки, всегда держащиеся вместе, следуют за вожаком короткими непрерывными прыжками, не уклоняясь от прямой линии. Старые путешественники рассказывают, что мара поселяется исключительно в норах, вырытых вискашами, если другое земляное животное еще не успело ими завладеть. Дарвин полагает, однако, что она сама вырывает себе нору, но, кажется, не

особенно дорожит таким жилищем*. Дарвин, много раз видевший ее в сидячем положении перед норой, узнал, однако, что она, вопреки обычаю грызунов и прочих обитателей нор, часто удаляется от своего жилища и в сообществе с другими уходит на несколько миль и не всегда возвращается в прежнее убежище. Мара — вполне дневное животное, хотя и прячется в нору во время полуденного жара. Ее пищу составляют различные растения, корни, кора и вообще то, чем пренебрегают другие млекопитающие. Во многих местностях Патагонии, где на кремнистой почве могут жалко прозябать только сухие и колючие кусты, мара единственное животное, которое здесь можно увидеть.

Она бывает многочисленнее в таких уединенных местах, которые, не будучи совершенными пустынями, покрыты кустарником. Здесь можно видеть их по 4—8 штук и даже стадами от 30—40 голов. Именно в этих самых местах рядом с ними живет хорошенький зук, называемый здесь «мартинетта», и можно смело рассчитывать, что там, где попадется эта птица, встретишь непременно и мару, и наоборот. Геринг никогда не видел мару в норах, хотя она несомненно живет в них, так как около их нор всегда находятся большие кучи особенного вида продолговато-круглого помета**.

Мара принадлежит к числу немногих млекопитающих, которые именно при солнечном свете чувствуют себя особенно хорошо. Если ничто ее не тревожит, то мара ложится на бок или плотно брюхом к земле и при этом загибает кисти передних конечностей внутрь, чего не делает ни один из грызунов***. Время от времени отдыхающие мары потягиваются и вытягиваются в полном удовольствии, но при малейшем шорохе вскакивают, становятся передними ногами на копыта, а задними на всю ступню, так что лапы задних ног приподняты. Оцепенев как статуи, животные остаются в таком положении, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в направлении того места, откуда произошел шум. Если он продолжается, они полностью поднимаются, несколько секунд наблюдают стоя и, наконец, если им кажется, что опасность приближается, пускаются своеобразным, часто прерываемым галопом. Они отбегают и садятся, потом встают и, снова пробежав некоторое расстояние, опять садятся, пробежав шагов 50—100, еще раз присаживаются, и только тогда бросаются бежать, но все-таки неровными скачками. Тем не менее такой бег довольно быстр, потому что они в состоянии делать прыжки от 1,5—2 метров. Хорошая борзая собака, конечно, могла бы догнать их, но верховой охотник должен долго преследовать их и истомить, чтобы поймать.

Пищу животных составляют немногие травы, растущие на их бедной родине, но иногда забираются на плантации и отлично лакомятся, особенно на полях, засеянных клевером. Они отгрызают злаки, потом, выпрямившись, едят в сидячем положении, по-

** Мары сами роют норы, но могут с равной вероятностью поселяться и в норах других животных.*

*** Раз в год самка приносит в норе 2—5 детенышей. Как и зайчата, детеныши мары — одни из самых развитых и «скороспелых» в мире.*

**** Отдыхающих мар многие очевидцы сравнивают с каменными львиными статуями, настолько величественна осанка животных и необычна, по крайней мере для грызунов, поза.*

Семейство ВОДОСВИНКОВЫЕ

* Это семейство очень близко к семейству свиноквых. Представлено единственным современным родом и видом грызунов — водосвинкой, или капибарой, напоминающим гигантскую морскую свинку.

** Эмаль передней поверхности резцов капибары белая, а не оранжевая, как у большинства грызунов.

*** Длина тела капибары достигает 130 см, вес — 50—80 кг. Животных из Панамы, севера Колумбии, запада Венесуэлы, максимальный вес которых не превышает 30 кг, иногда выделяют в отдельный вид — малую водосвинку (*H. isthimus*). На юге США в плейстоцене обитала водосвинка, еще более крупная, чем современная.

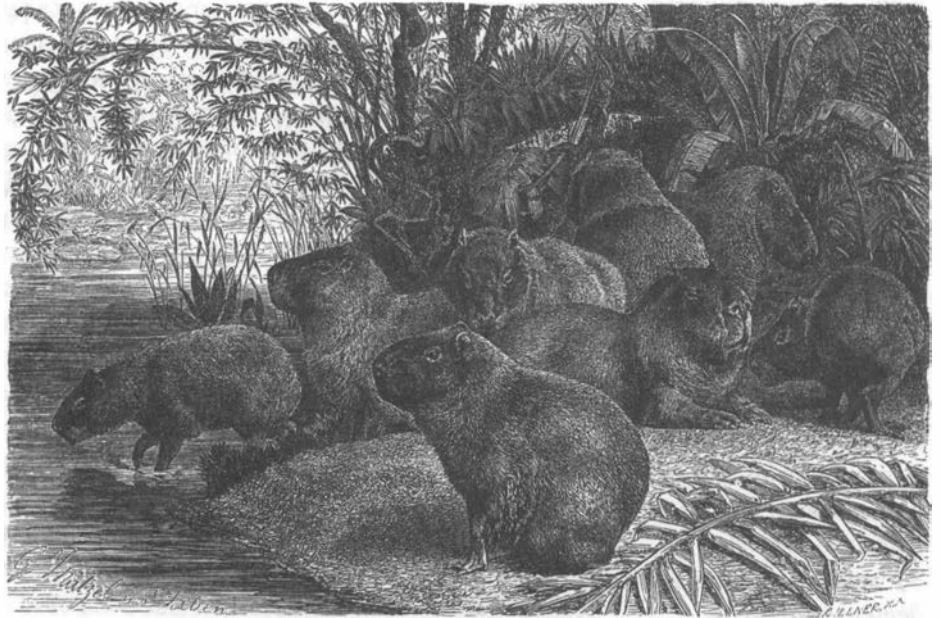
чти ничем не шевеля, кроме как челюстями. При этом слышится довольно сильный шум, и очень странно видеть, как постепенно исчезают длинные соломинки и листья, а между тем жевательные движения почти незаметны. Сочной пищи совершенно достаточно для утоления их жажды.

Мара чрезвычайно осторожна и для отдыха или для еды всегда избирает открытое место, не поросшее кустарником, как бы сознавая, что из-за кустов к ней можно подкрасться. Поэтому очень нелегко подойти к ней на расстояние выстрела. В логовище ее застать нельзя, чувства у нее такие тонкие, что уже издали она замечает приближение врага. Опытный наездник скорее всего убивает мару посредством лассо. Продолжительный бег ее утомляет и тогда на быстрой лошади ее можно догнать. Индейцы и гаучо со страстью охотятся за ней, главным образом ради меха, из которого делают мягкие ковры и одеяла.

СЕМЕЙСТВО ВОДОСВИНКОВЫЕ (*Hydrochoeridae*)*

Водосвинка, или капибара (*Hydrochoerus hydrochaeris*), в одном отношении может считаться самым замечательным из всех грызунов: это самый большой и массивный представитель отряда. Она по праву носит свое название, так как сложением и щетинообразной шерстью решительно напоминает свинью. Признаки водосвинки: малые уши, расщепленная верхняя губа, отсутствие хвоста, короткие плавательные перепонки между пальцами ног и крепкие копытообразные когти, а также крайне своеобразное строение зубов. Громадные резцы** при незначительной толщине имеют по крайней мере 2 см в ширину, на их передней стороне находится несколько неглубоких бороздок, из коренных зубов последний по величине равняется трем передним. Тело замечательно толсто и массивно, шея коротка, голова продолговата, высока и широка с тупой мордой и своеобразным выражением. Довольно большие округленные глаза сильно выдаются, верхушка уха округлена, передний край выворочен, задний усечен. Задние ноги заметно длиннее передних, передние четырехпалые, задние трехпалые. Совершенно своеобразна также складка кожи, окружающая заднепроходное отверстие и половые органы, так что их не видно снаружи и самцов нельзя отличить от самок. Грубый редкий мех имеет какой-то неопределенный цвет: неясно-бурый с оттенком рыжего и буровато-желтого распределен по телу, нигде не выступая резко. Лишь щетинки вокруг рта определенного черного цвета. Взрослая водосвинка достигает приблизительно величины годовалой домашней свиньи и веса в 50 кг. Длина тела более 1 м; высота у загривка 50 см и более***.

Азара первый дал точное описание водосвинки. «Гуарани, — говорит он, — называют это животное «капюгуа»; это имя означает приблизительно «житель тростниковых лесов по берегам рек»; испанское название «капибара» представляет извращение этого названия. Дикари называют старых животных «очагу», а молодых «лакай». Капибара живет в Парагвае до Рио-де-ла-Платы по берегам всех рек, луж и озер, не удаляясь от них более, чем на 100 шагов. В испуге она поднимает громкий крик, звучащий, приблизительно, как «апп», и мгновенно бросается в воду, в которой легко плавает, выставляя над поверхностью воды одни лишь ноздри. Если же опасность велика и животное ранено, то оно ныряет и проплывает под водой большие расстояния. Каждое отдельное семейство избирает себе обычно определенное место, которое легко узнать по большим кучам помета. Логовищ капибара не выкапывает, она миролюбива, спокойна, глупа и способна подолгу просиживать на задней части тела, не двигаясь. Мясо ее жирно и ценится дикарями. Полагают, что самка раз в год рождает 4—8 детенышей на несколько примятой сухой траве, детеныши позднее, как говорят, сопровождают мать. Молодые капибары легко приручаются. Они бегают на свободе, уходят и снова возвращаются, слушаются зова и радуются, когда их чешут». Новейшие наблюдатели подробнее описали это животное. Капибара распространена по всей Южной Америке и водится от Ориноко до Ла-Платы и от Атлантического океана до предгорий Анд. Местопребывание ее составляют низменные, лесистые и болотистые местности, особенно реки и берега озер и болот. Охотнее всего живет она у больших рек и никогда не оставляет их, а если это и случается, то удаляется от них, лишь следуя течению впадающих в них мелких ручейков. Местами она чрезвычайно обыкновенна, в населенных местностях, понятно, реже, чем в необитаемых. В первых ее можно видеть лишь по утрам и по вечерам, в безлюдных, мало посещаемых речных долинах, ее замечают массами и днем, всегда у самой реки или пасущейся, или сидящей по-собачьи на согнутых

*Водосвинка, или
капибара
(*Hydrochoerus
hydrochaeris*)*

Семейство ВОДОСВИНКОВЫЕ

** Сходство с бегемотом водосвинке придадут высоко поставленные глаза, уши и ноздри, типичные для полуводных животных, позволяют ей контролировать ситуацию на берегу, почти полностью погрузившись в воду. Ноздри снабжены особыми клапанами и смыкаются при нырянии. Предки капибар, очевидно, были крупными сухопутными бегущими грызунами.*

*** Капибары размножаются круглый год, пик рождений наступает перед сезоном дождей. Беременность длится 4 месяца, рождается 2—4 (редко до 8) хорошо развитых детеныша, весом почти до 1 кг.*

**** Группа капибар обычно насчитывает около 20 особей и представляет собой взрослого самца с гаремом разновозрастных самок и их неполовозрелым потомством. В группе поддерживается жесткая*

задних ног. В этой позе эти странные создания, напоминающие гиппопотамов*, по-видимому, отдыхают охотнее всего, по крайней мере, очень редко случается видеть их лежащими на брюхе.

Двигутся водосвинки медленным шагом, бег их непродолжителен, в крайнем случае животное движется и прыжками. Плавают они, напротив, превосходно и легко переплывают через водные пространства, если их преследуют или если они на одном берегу реки чувствует недостаток в пище. Как ни крепко держится водосвинка определенной области, она оставляет ее в случае преследований. Настоящего логовища у нее нет, хотя она и держится на известных любимых местах берега. Пища ее состоит из водяных растений и коры молодых деревьев и, лишь когда капибара живет поблизости от плантаций, она нападает на арбузы или на маис, рис и сахарный тростник и подчас причиняет значительный вред. Водосвинка смирное и спокойное животное. Уже с первого взгляда каждому становится ясно, что он имеет дело с существом, обладающим крайне тупыми чувствами и слабыми душевными способностями. Никогда не приходилось видеть, чтобы капибары играли между собой. Животные, составляющие стадо, медленным шагом отыскивают пищу или отдыхают в сидячем положении. Время от времени они поворачивают голову, чтобы посмотреть, не видно ли врага. Увидев его, они не торопятся обратиться в бегство, а медленно подбегают к воде, но в крайнем испуге с криком поспешно бросаются в воду и ныряют. Если капибары не привыкли видеть людей, то часто подолгу смотрят на них, прежде чем убежать. Они не издают никакого другого крика кроме упомянутого крика испуга, который Азара передает слогом «апп». Но этот крик так пронзителен, что его можно услышать на расстоянии четверти часа ходьбы.

Самка мечет лишь раз в год 5—6 детенышей. Происходит ли это в особом приготовленном для этого логовище, не удалось выяснить. Детеныши тотчас же следуют за матерью, но обнаруживают к ней мало привязанности**. По наблюдениям Азары, самец водит с собой двух или трех самок***. «Я видел в Парагвае, — рассказывает Ренггер — несколько капибар, которых поймали молодыми и воспитали. Они были очень ручными домашними животными, подобно им входили и выходили и позволяли всякому трогать себя. Однако не обнаруживали ни послушания, ни привязанности к людям. К своему месту жительства они так привыкли, что никогда не уходили от него далеко. Кормить их не нужно, они сами отыскивают себе пищу днем или ночью. Любимой пищей их оставались, как и на свободе, болотные и водяные растения, которые они и доставали себе ежедневно из ближних рек, прудов и болот, однако поедали корни маниока и корки арбузов, которые им предлагали. Из их чувств, по-видимому, лучше всего развито обоняние, слух и зре-

ние плохи. Недостаток остроты чувств возмещается у них мышечной силой, так что двое мужчин едва в состоянии одолеть капибару». По словам Каплера, водосвинка, хотя она обычно крайне робка, подстреленная становится очень опасной для собак и может наносить им зубами тяжелые раны и даже прокусить кости.

В последнее время живые капибары часто привозились в Европу. Я долгое время держал одну из них. Она была в высшей степени привязана ко мне, знала мой голос, приходила, когда я ее звал, радовалась, когда ласкал, и следовала за мной, как собака. Не ко всем она относилась так дружелюбно: однажды, когда сторож хотел прогнать ее, она бросилась ему на грудь и укусила, к счастью, более за сюртук, чем за тело. Послушной ее нельзя было назвать: она слушалась лишь, когда хотела. Равнодушные капибары более кажущееся, чем действительное. Лишь только я звал ее, как она, издавая крик, бросалась в воду, ныряла и медленно поднималась на другой берег, приближалась ко мне, ворчала или хихикала крайне оригинальным образом, причем, как я убедился, делала это носом. Звуки, производимые капибарой таким образом, можно скорее всего сравнить со скрежетом зубов. Они отрывисты и не поддаются подражанию и даже описанию и служат выражением самого приятного состояния животного, это известного рода разговор животного с самим собой, который прерывается, если оно чем-нибудь возбуждено. Я не могу назвать движений водосвинки неуклюжими и неповоротливыми. Она редко бегаёт быстро, чаще же не торопясь и большими шагами, но без труда перепрыгивает через решетку в метр вышиной. В воде движется мастерски. С равномерной быстротой переплывает широкие водные пространства с такой же скоростью, как идет человек, одним прыжком ныряет, минутами остается под водой, причем плывет и на глубине, не сбиваясь с намеченного направления. Содержание ее не представляет ни малейшего труда. Она ест всевозможные растительные вещества, как и свинья, и требует много, но вовсе не хорошей пищи. Более всего нравятся ей свежая сочная трава, морковь, репа и клевер. С помощью своих широких резцов она щиплет траву, как лошадь, и пьет подобно ей, всасывая воду длинными глотками. Водосвинка любит тепло, но не боится и холода, еще в ноябре она смело и без вреда для себя бросается в холодную, как лед, воду. В большую жару ищет тень под густыми кустами и выкапывает здесь небольшое углубление.

Гензель высказывает мнение, что водосвинка могла бы быть ввезена и приручена у нас в Европе и таким образом оказалась бы полезной. Это животное не может, правда, соперничать со свиньей, но очень хорошо держалось бы в болотах южной Европы, а вкус его мяса, вероятно, улучшился бы, благодаря перемене пищи. Возможно, со временем капибара превратилась

*иерархия, постоянно
происходят корот-
кие стычки.*

Семейство ВОДОСВИНКОВЫЕ

** Капибара неприхотлива, легко разводится в неволе, живет до 10 лет. Несколько групп капибар могут находиться на «выпасе» под присмотром одного человека. Учитывая высокую плодовитость и скорость роста, капибара рассматривается сейчас в некоторых латиноамериканских странах, как перспективное домашнее животное, даже несмотря на не слишком высокое качество мяса.*

*** Помимо человека и ягуара, некоторый урон водосвинкам наносят кайманы и анаконды. Несмотря на некоторое сокращение численности в ряде районов, капибара может считаться одним из самых обычных грызунов тропической Америки.*

бы в настоящее домашнее животное и стала приносить пользу, так как содержание ее не требует значительных издержек, и ее можно с успехом разводить даже в Германии, если только дать летом пруд для купания, а зимой держать в овечьем хлеву. Но я не разделяю таких больших ожиданий. По нашим наблюдениям, проведенным в зоологических садах, не так просто добиться размножения представителей этого семейства, а если бы это и случилось, то при употреблении в пищу выращенных водосвинок пришлось бы бороться со всякого рода предубеждениями*. В диких местностях довольствуются и не особенно вкусным мясом, у нас же требуют самого лучшего, а такого водосвинка безусловно не доставляет. По рассказам всех путешественников, мясо ее едят лишь индейцы, а европейцам оно противно, так как имеет особый отвратительный вкус ворвани. Говорят, правда, что этот вкус можно удалить, сварив мясо в воде и вымочив его, утверждают даже, что оно в этом случае становится таким же вкусным, как нежнейшая телятина; однако я думаю, что последнюю всегда будут предпочитать мясу водосвинки. Толстая, почти голая шкура крайне губчата и мягка и дает кожу, легко пропускающую воду и употребляемую поэтому лишь на ремни, покрывала для ног и седла. Для последних эта кожа, по словам Гензеля, потому особенно хороша, что не твердеет от пота, и на наружной стороне благодаря многочисленным и шероховатым возвышениям еще шершавее, чем свиная. Девушки у ботокудов нанизывают резцы этого животного на нитки и делают из них браслеты и ожерелья. Другой пользы это животное не приносит.

Южноамериканцы охотятся за водосвинкой для развлечения, неожиданно нападая на нее и сваливая арканами. Чаще охотятся за ними на реке. «В одном из тех легких челноков, — говорит Гензель, — которые вмещают лишь одного человека, охотятся, бесшумно гребя, в тихих бухтах больших вод, где капибара более обыкновенна. Уже на некотором расстоянии слышно скрежетание и хруст сильных коренных зубов, пережевывающих водяные растения, и если можно приблизиться без шума, то скоро замечаешь неуклюжее животное, которое, стоя наполовину в воде, поедает понтодерии». Если водосвинка только ранена, то она тотчас бросается в воду, но скоро снова старается выбраться на сушу, если не чувствует себя обессиленной раной. В случае крайности подстреленная водосвинка сильно защищается зубами и нередко наносит противнику тяжелые раны. Стрелять в животное, плывущее в воде, бесполезно, так как подстреленное оно быстро умирает, погружается в воду и пропадает. Кроме человека худшим врагом капибары можно считать ягуара. Днем и ночью этот хитрый хищник следит за ними, и на речных низменностях они составляют, вероятно, обыкновеннейшую добычу этой кошки**.

СЕМЕЙСТВО АГУТИЕВЫЕ (*Dasyproctidae*)*

Агути, или гути, своим видом сильно напоминают маленькую кабаргу, это высоконогие, коренастые грызуны с длинной остромордой головой, маленькими круглыми ушами, голым, кургузым хвостом и задними конечностями, которые гораздо длиннее передних. Эти последние, при четырех пальцах, имеют еще маленький зачаток большого пальца, тогда как на задних конечностях имеется только три пальца, совершенно разделенных и очень длинных. Все пальцы вооружены крепкими, широкими, мало загнутыми копытообразными когтями, которые особенно на задних ногах сильно развиты, зачаток большого пальца имеет небольшой плоский ноготь. В общем агути сложены легко и красиво и потому производят очень приятное впечатление.

Зубы у них хорошо развиты: особенно бросаются в глаза плоские, гладкие резцы, верхняя их пара окрашена в довольно яркий красный цвет, а нижняя в желтоватый, несколько закругленные коренные зубы имеют единственную срединную полосу и несколько отдельных островков эмали.

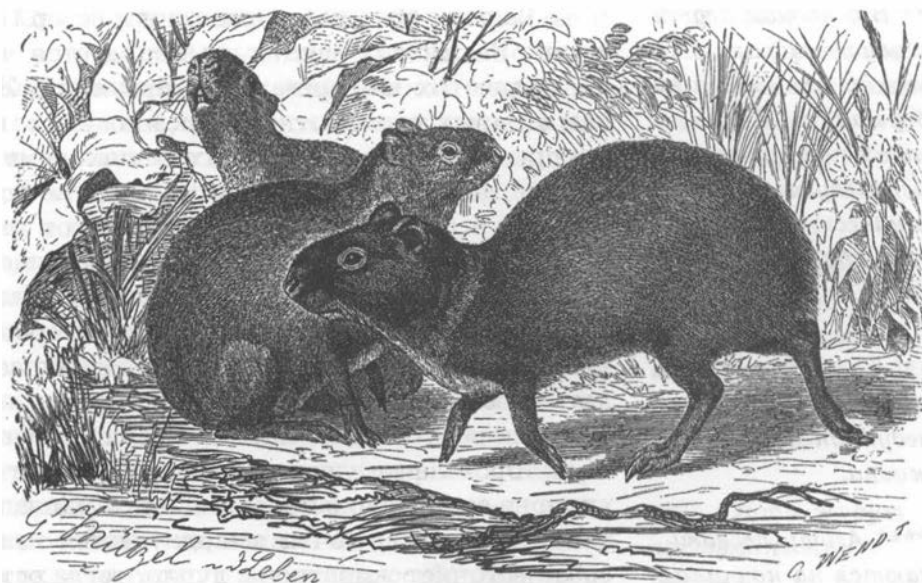
В настоящее время агути живут или парами, или маленькими стадами** в лесистых равнинах и преимущественно в самых густых лесах по низовьям рек, но некоторые из них поднимаются в горы до 2000 метров над уровнем моря. Из описания самого обыкновенного вида мы можем познакомиться с жизнью всех их.

Бразильский агути, или золотой заяц (*Dasyprocta agouti*), как его называют еще за его красивый мех, есть один из самых нарядных видов всего семейства и имеет густой, гладко прилегающий волосяной покров. Жесткие, толстые, почти щетинистые волосы имеют сильный глянец. Мех красновато-лимонного цвета, перемешанный с черно-бурым, на волосах имеет от трех до четырех черно-бурых поперечных полос и столько же красновато-лимонных, некоторые волосы со светлым кончиком, а другие с темным, отчего и происходит перелив цветов. На некоторых мес-

Семейство агутиевые

* Небольшое семейство кавиоморфных грызунов, насчитывает 3—4 рода и около 16 видов.

Близки к свиноквым и капибаровым.

Бразильский агути,
или золотой заяц
(*Dasyprocta agouti*)

** Агути живут только постоянными парами, сохраняющимися до смерти одного из партнеров. Площадь участка семьи составляет 1—2 га, его границы активно охраняются.

Семейство агутиевые

* Длина тела взрослых агути достигает 62 см, масса — до 4 кг.

** В основном агути живут в норах между камнями и в берегах рек. Дупла, ниши под корнями используются лишь в качестве временных убежищ для отдыха.

*** Там, где зверьков не тревожат, агути ведут дневной образ жизни.

**** Агути передвигаются на кончиках пальцев, бегают галопом и рысью, могут совершать прыжки до 2 м в высоту. Затаившись в зарослях, зверек всегда находится на чеку, подняв одну из передних лап, или, опираясь локтями, он готов с места развить максимальную скорость.

тах преобладает желтый цвет, причем черный или совершенно исчезает, или образует только узкое кольцо. Таким образом общая окраска может изменяться или вследствие движений животного, или от различного освещения, или, наконец, от того, что на иных местах волосы длиннее, а на других короче. Морда и конечности покрыты только короткими волосами, задняя часть тела более длинными, на крестце и на бедрах длина волос доходит до 6 сантиметров; горло голое. На голове, затылке, нижней части спины и на наружной стороне конечностей преобладает рыжеватый цвет, потому что здесь очень густо разбросаны крапинки; на нижней части спины в области крестца животное кажется более желтым, потому что крапины здесь реже. Общая окраска зависит также и от времени года: летом она светлее, зимой — темнее. Длина тела взрослого самца достигает 40 см, а длина кургузого хвоста только 1,5 см*.

Гвиана, Суринам, Бразилия и север Перу являются родиной агути. Во многих местах он попадает часто, но чаще всего в низменностях по берегам рек Бразилии. Живет в лесах, притом как в сырых первобытных, так и в сухих, внутри страны. Бродит и в прилежащих травянистых степях, заменяя зайца, в открытых полях с короткой травой он никогда не встречается. Обычно его находят в дуплах деревьев невысоко от земли и чаще в одиночку**. Днем он лежит спокойно в убежище и показывается только там, где считает себя совершенно в безопасности***. С закатом солнца выходит кормиться, и в хорошую погоду рыщет целую ночь. Он имеет привычку, как сообщает Ренггер, часто покидать свое жилище и снова возвращаться, от этого быстро образуется узкая тропинка, иногда имеющая около 100 метров длины, по которой легко узнать местопребывание животного. Если логовище не запрятано в непроницаемой чаще, то, направив собаку по такой тропинке, почти всегда удается взять агути живым. Лай собак загоняет животное в дупло, тогда остается вытащить его из убежища или откопать. Но если агути вовремя заметит приближение собак, то он мгновенно удаляется и, тогда ловкость и быстрота бега скоро уносят его за пределы преследования.

Агути совершенно безбидный, боязливый зверек и потому подвергается многим опасностям, только необыкновенное проворство и тонкость чувств могут спасти его от гибели. Своими прыжками он напоминает маленьких антилоп и кабаргу. Его бег состоит из прыжков, так быстро следующих один за другим, что кажется, будто животное мчится полным галопом, а его спокойная походка — довольно медленный шаг****. Из внешних чувств наиболее развито у него обоняние, но и слух также очень чуткий, зато зрение, напротив, очень слабо и вкус далеко не тонкий. Умственные способности очень ограничены; заметно только, что может запоминать окружающую местность. Пища агути состоит из трав и растений, которые они съедают целиком, от корней до цве-

тов и зерен*. Их острым резцам не может противиться никакая часть растений: они раскалывают самые твердые орехи. В обработанных местах агути посещает иногда плантации сахарного тростника и огороды и этим приносит вред, но действительный ущерб наносит он только там, где водится в большом количестве.

О размножении живущих на воле агути еще не имеется точных сведений. Известно, что животное сильно размножается, а беременная самка встречается во всякое время года и может произвести несколько детенышей сразу. Одно и то же животное мечет обычно два раза в год: первый раз в октябре, в начале дождливой поры или весны, а второй раз несколькими месяцами позднее, но до наступления засухи**. К этому времени самец избирает самку и гоняется за ней со свистом и хрюканьем, пока не добьется ее благосклонности, несмотря на ее первоначальную суровость***. Вскоре после спаривания самец и самка расходятся и живут отдельно****. Самка переходит на свое старое жилье и исправляет его для своего потомства, выстилает как можно плотнее листьями, кореньями и волосами, на этой мягкой подстилке она производит на свет детенышей, кормит их несколько недель с большой нежностью и в заключение водит некоторое время с собой, поучая, как находить пищу и защищая на первых порах. Агути плодятся нередко и в неволе*****.

Среди многих врагов, нападающих на агути, первое место занимают крупные кошки и бразильские собаки, но и сам человек не отличается особенной благосклонностью к красивому грызуну, а охотник после дикобраза видит в нем самое ненавистное животное. «Едва охотник начинает, — описывает Гензель, — забираться в горы со своими собаками в надежде добыть запас мяса на несколько дней, убить несколько носух или запереть в пещере целую стаю пекари, а, пожалуй, если особенно посчастливится, то повалить и тапира, — как собаки уже напали на след и, горячась, лают и мчатся вниз по склону горы, пока вдали особенный призывный лай не возвестит охотнику, что дичь уже загнана. С негодованием при первом лае собак охотник уже отгадал, какая дичь поднята. Ожидать собак было бы бесполезно, с проклятиями следует он за ними и, наконец, останавливается перед стволом исполина первобытного леса, который с прогнившей внутренностью свалился наземь и ждет разрушения. Новый мир непроницаемых растений, вызванных к жизни светом и теплотой, высится над поверженным великаном. Здесь над всеми щелями и скважинами трудятся собаки, хотя усердие их далеко не всегда завершается успехом. Довольно еще твердый ствол не поддается их зубам, а внутри слышится ворчанье агути. Напрасно берется охотник за охотничий нож. Наконец, в бессильной злобе он решается сделать врага, по крайней мере, безвредным навсегда. Изюм вбивает клин в отверстие ствола и обрезаемое животное на мучительную голодную смерть. Не без труда отозваны,

** Основу питания агути составляют сочные плоды, семена и орехи, реже используется зелень. Пищу обычно держит в передних лапах, как белка, не съеденное зарывает про запас «на черный день».*

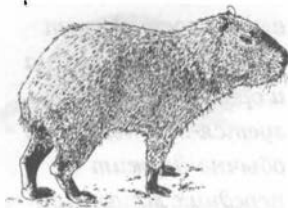
*** После 3,5—4 месяцев беременности самка приносит всего 1—3 крупных, зрячих, хорошо развитых детенышей.*

**** Гон сопровождается ожесточенными драками самцов, иногда приводящими к серьезным увечьям соперников.*

***** Агути живут постоянными парами.*

****** Агути легко приручаются, индейцы во множестве содержат их в деревнях ради вкусного мяса. Возможно, именно индейцы акклиматизировали полуприрученных агути на ряде островов Восточной Индии. В неволе агути доживали до 18—20 лет.*

Семейство агутиевые

* Хотя животное напоминает скорее свинью, его родовая латынь переводится как «собачка».

** Назначение складчатых щечных пластин до сих пор не выяснено, это образование уникально среди грызунов.

*** Пака имеет массивное сложение, она весит до 10 кг, при длине тела 60—80 см, хвоста — 20—30 см.

**** Распространение паки охватывает всю тропическую часть Центральной и Южной Америки от юга Мексики до Парагвая, но на материке к западу от Анд и на Антилских островах она отсутствует.

наконец, собаки и охотник снова начинают подниматься в горы, но разгорается новая охота, и он в отчаянии должен покинуть участок, потому что лучшие часы для охоты уже прошли. Конечно, можно было бы поймать и агути, но в большинстве случаев овладеть зверьком совершенно невозможно. Агути отлично знает все пустые стволы в своей округе и под носом у собак спасается в первый попавшийся, чтобы тотчас же покинуть его с противоположного конца. Прежде чем собаки найдут выход, он уже давно в другом стволе, и это повторяется до тех пор, пока собаки, обескураженные и истомленные, не прекратят охоты. Понятна теперь ненависть охотника. Есть местности в этих первобытных лесах, где из-за множества агути правильная охота совсем невозможна. К тому же и мясо этой дичи мало ценится и употребляется в пищу только за неимением лучшего».

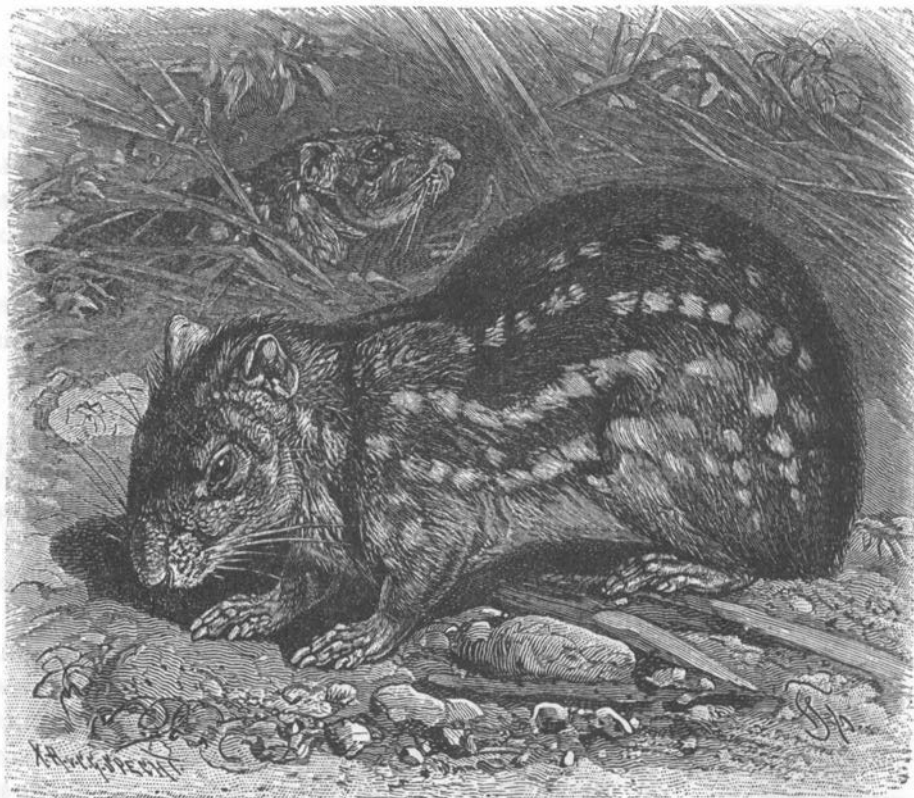
Пака (*Cuniculus paca*)* отличается своеобразно толстой головой, большими глазами и малыми ушами, кургузым хвостом, высокими ногами с пятью пальцами, щетинистым, редким, прилегающим мехом и особенно замечательно разросшейся скуловой дугой, снабженной на внутренней стороне полостью. Эту полую кость надо считать как бы продолжением защечных мешков. Такие мешки действительно существуют, но они образуют собственно только складку кожи. От них исходит узкая щель, открывающаяся вниз в полость скуловой дуги.

Полость эта одета внутри тонкой кожицей и наполовину заткнута, так что только небольшим отверстием сообщается с полостью рта. Значение этой полости еще до сих пор неизвестно с достоверностью, но ее нельзя принимать за видоизменившиеся защечные мешки**. Развитие скуловой дуги делает череп паки очень высоким и угловатым. «По своей наружности, — говорит Ренггер, — пака имеет некоторое сходство с молодой свиньей. Голова у нее широкая, рыло тупое, верхняя губа расщеплена, ноздри продолговатые, туловище толстое, ноги также толстые, пальцы снабжены тупыми выпуклыми когтями. Хвост имеет вид волосистой кисти. Мех состоит из коротких, плотно прилегающих волос, которые на верхней стороне и на внешних частях имеют желтовато-бурый цвет, а на нижней и внутренней сторонах ног желтовато-белый. По обеим сторонам плеч идут пять рядов желтовато-белых пятен яйцеобразной формы, проходящих до заднего края бедер. Цвет пятен нижнего ряда отчасти смешивается с общей окраской всего тела. Вокруг рта и над глазами сидят несколько обращенных назад щетинок. Ухо короткое и мало покрыто волосами, а подошвы и концы ног совершенно голые. Взрослые самцы бывают до 70 см длины, высотой до 35 см и массой до 10 кг***.

Пака распространена в большей части Южной Америки, по Суринаму и через Бразилию до Парагвая, но попадает также и на Малых Антильских островах****. Чем уединеннее и пустынь-

нее местность, тем чаще встречается здесь пака, а в населенных частях страны очень редко. Опушки леса, поросшие кустарником берега рек и болота служат ей местами обитания. Здесь она вырывает себе в земле нору от 1 до 2 метров длины и спит в ней целый день. В сумерки выходит кормиться и посещает при этом плантации сахарного тростника и дынь, которым причиняет значительный вред. Кроме того, питается листьями, цветами и плодами различных растений. Живет пака и парами, и в одиночку, необыкновенно боязлива и быстра, с легкостью переплывает широкие реки, но всегда возвращается в свое обычное жилище. Самка в середине лета мечет 1—2 детенышей, скрывает их, по уверениям дикарей, в норе в течение периода кормления и потом водит их с собой еще несколько месяцев.

«Один из моих знакомых, — сообщает Ренггер, — державший паку три года в своем доме, рассказывает о ее жизни в домашнем состоянии следующее. Моя пленница, хотя еще и очень молодая, оказалась очень дикой и неукротимой и кусалась, когда к ней приближались. Весь день она пряталась, а ночью бегала, старалась процарапать пол, издавала различные хрюкающие звуки и едва касалась предлагаемой ей пищи. Через несколько месяцев она постепенно утратила свою дикость и стала привыкать к неволе. Впоследствии она сделалась еще ручнее, позволяла трогать себя и ласкать и подходила к своему хозяину и посторонним лицам, но никому не оказывала привязанности. Так как дети днем не давали ей покоя, то она изменила своим обычаям только в том отношении, что ночью стала спокойнее и стала принимать пищу. Ее кормили всем, что ели в доме, за исключением мяса. Пищу схватывала она резцами, а жидкость лакала. Она или ходила шагом, или быстро бегала, припрыгивая. Яркий дневной свет, казалось, ослеплял ее, но глаза у нее в темноте не светились. Хотя

Пака
(*Cuniculus paca*)

Семейство агутиевые

она, по-видимому, совершенно свыклась с человеком и со своим жилищем, но в ней все-таки осталось сильное стремление к свободе. Она убежала после трехлетнего плена при первом удобном случае, который ей представился». Кожа паки слишком тонка, а волос чересчур груб, чтобы можно было пользоваться ее мехом. В феврале — марте она бывает очень жирна, тогда мясо ее чрезвычайно вкусно и его очень любят. Каплер говорит по этому поводу: «Мясо ее белое, жирное и вкусом превосходит все известные мне сорта мяса». В бразильских лесах рядом с агути и различными породами сумчатых животных это самая обыкновенная дичь. Принц фон Вид часто ловил ее в дремучих лесах капканами, но за ней охотятся также и с собаками, а на рынке она известна под именем «королевской дичи». «Когда пака в норе, — говорит Гензель, — к ней приблизиться невозможно; но если внимательно следить по опушке плантации, то в густых зарослях тростника скоро откроются признаки пребывания животного. Тут-то и ставит охотник свои сети с маисовым початком для приманки и следующее утро щедро вознаграждает его труд. Пака представляет превосходнейшую дичь Бразилии: нежнее и вкуснее ее едва ли найдется другое мясо. Она имеет такую тонкую и слабую кожу, что ее не снимают. А животное целиком ошпаривают кипятком, как свинью. Приготовленная таким образом туша, у которой голова и ноги обрезаны, до того походит на тушу поросенка, что их можно спутать. По Каплеру, в том случае, если преследуемое животное не имеет возможности достигнуть своей норы, оно бросается даже в воду, ныряет и остается там до тех пор, пока преследователь не удалится, он полагает, что пака при этом плывет под водой».

** Трудно поверить в холодостойкость паки и возможность ее акклиматизации в умеренном климате. В неволе же зверьки доживали до 16 лет.*

В последнее время это животное нередко привозили живым в Европу. Уже Бюффон долгое время содержал паку-самку, которая была совсем ручная, она устроила себе логовище под печкой, днем спала, ночью бегала, и если ее запирали в ящик, то начинала грызть стенки, знакомым людям она лизала руку и позволяла чесать себя, при этом она вытягивалась и выражала свое удовольствие тихими звуками. Незнакомых людей, детей и собак она кусала. В гневе она совершенно особенно хрюкала и скрипела зубами. К холоду пака была так малочувствительна, что, по мнению Бюффона, ее можно было бы акклиматизировать в Европе. Я наблюдал паку более года и нахожу ее ленивым и малопривлекательным животным. Днем она редко показывается из своей норы и только с закатом солнца выходит из нее. Она миролюбива или, правильнее сказать, совершенно равнодушна по отношению к другим животным, себя она в обиду не дает, но первая на своих товарищей не нападает. Так как она очень нетребовательна, то не нуждается ни в особенно хорошей пище, ни в особенно хорошо устроенном хлеве. Относительно ее выносливости при сильном холоде*, я должен согласиться с Бюффо-

ном, но не думаю, чтобы разведение ее в Европе могло принести какую-либо пользу.

СЕМЕЙСТВО ШИНШИЛЛОВЫЕ (*Chinchillidae*)*

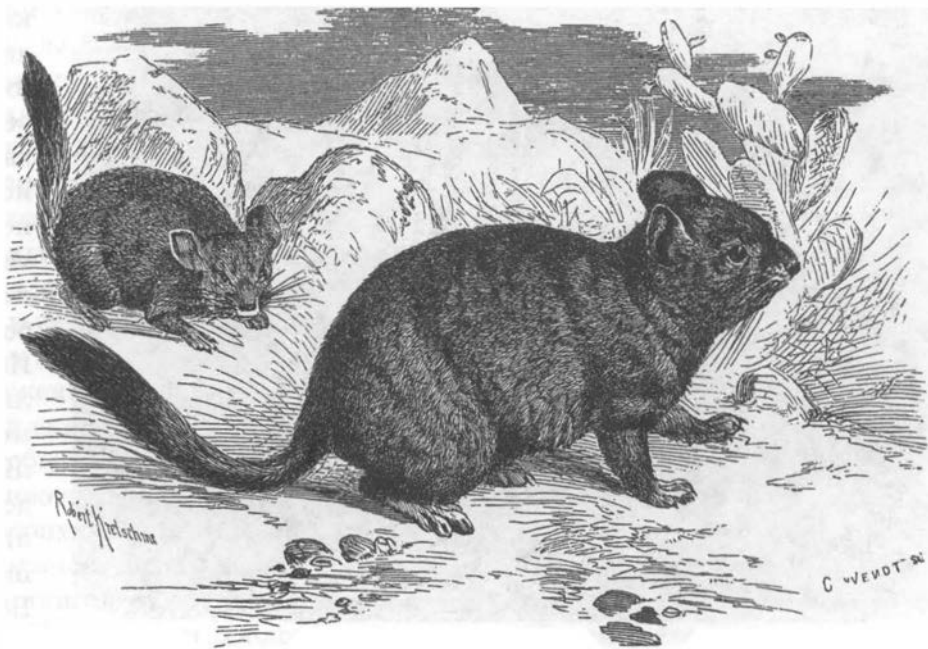
Лишь в последнее время стали лучше известны представители этого маленького семейства американских животных, шкуры которых уже с древних времен употреблялись коренными обитателями Южной Америки, а начиная с конца прошлого столетия стали в больших количествах привозиться в Европу. Тело их одето мехом, более нежным, чем у всех остальных млекопитающих. Цвет меха светло-серый с белым и чернo-бурым или желтым оттенком.

Все шиншиллы живут в Южной Америке и большей частью в горах на значительной высоте, между голыми скалами ниже снеговой линии, лишь один вид обитает в низменности. Жилищем им служат естественные пещеры или вырытые ими самими норы. Все они общительны, некоторые живут семьями в одной и той

же пещере. Избегая, подобно зайцам, света, они показываются в основном в сумерках или ночью. Это быстрые, ловкие, робкие и пугливые животные, по своим движениям они полукролики, полумыши. Слух у них, по-видимому, — наиболее развитое чувство. Умственные способности ничтожны. Корни и лишай, луковицы и кора, а также и плоды составляют их пищу. Размножение приблизительно так же сильно, как у зайцев. Они легко переносят неволю и доставляют удовольствие своей чистоплотностью и легкой приручаемостью. Некоторые виды приносят вред или, по крайней мере, досаждают, роясь под землей, но все полезны своим мясом и мехом.

Известны лишь два вида этих животных: короткохвостая шиншилла (*Chinchilla brevicaudata*) и собственно шиншилла (*Chinchilla laniger*). Первая достигает в длину 30 см, хвост ее

* Небольшое семейство кавиоморфных грызунов, включающее 3 рода и 6 видов.

Короткохвостая
шиншилла
(*Chinchilla
brevicaudata*)

Семейство шиншилловые

длиной 13 см, а с волосами 20 см. Однообразный, тонкий, чрезвычайно мягкий мех на спине и на боках состоит из волос, имеющих более 2 см длины, волосы у корня темного голубовато-серого цвета, далее покрыты широкими белыми кольцами, а на концах темно-серые. Благодаря этому общий цвет кажется серебристым с темным налетом. Нижняя сторона и ноги чисто белого цвета; хвост сверху имеет две темные поперечные полоски; усы у корня черно-бурые, на кончике серо-бурые; большие глаза черного цвета.

Уже во времена инков перуанцы из тонкой шелковистой шерсти шиншилл делали сукно и другие подобные материи, которые были в большом ходу, и такие писатели, как Акоста и Молина, дают довольно подробные, хотя и не совсем верные, описания этого важного в промышленном отношении животного. В прошлом столетии первые шкуры появлялись в Европе как большая редкость через Испанию, теперь они стали обыкновенным предметом торговли. Торговцы мехами знали гораздо раньше зоологов два вида настоящих шиншилл. Лишь в 1829 году Беннет мог сообщить об этом животном более

Шиншилла
(*Chinchilla laniger*)

* Имеются в виду горные вискаши (*Lagidium*). И шиншиллы, и горные вискаши редко роют собственные норы, предпочитая находить убежища в пустотах под камнями, расщелинах скал.

подробные сведения, после того как достал его живым и долгое время наблюдал в Англии. Но и теперь еще естественная история шиншиллы во многих пунктах очень темна.

Путешественник, который с западного берега Южной Америки поднимается в Кордильеры, достигнув высоты 2000—3000 метров над уровнем моря, замечает часто на протяжении целых миль, что все скалы покрыты шиншиллами и двумя видами другого рода того же семейства*. В Перу, Боливии и Чили эти животные должны быть чрезвычайно обычны, так как от путешественников мы узнаем, что они в течение одного дня проезжали мимо тысячи зверьков. В светлые дни можно видеть, как шиншиллы сидят перед своими норами, но не на солнечной стороне скал, а всегда в глубочайшей тени. Еще чаще замечаешь их в утренние и вечерние часы. Они оживляют тогда горы и особенно хребты бесплодных каменистых и скалистых местностей, где существует лишь самая скудная

растительность. По-видимому, именно на совершенно голых крутых скалах они бродят взад и вперед с необыкновенной быстротой и живостью. С изумительной легкостью лазают туда и сюда по отвесным скалам, на которых не за что уцепиться. Поднимаются вверх на 6—10 метров с такой ловкостью и быстротой, что за ними едва можно уследить глазами. Хотя они и не особенно робки, но не позволяют подойти близко и мгновенно исчезают, лишь только сделаешь вид, что хочешь их преследовать. Отвесная скала, покрытая сотнями животных, становится пустой и мертвой в ту же минуту, как только по ним выстрелят. Каждая шиншилла поспешно прячется в расщелине скалы и исчезает в ней, точно волшебством скрывшись с глаз. Чем более раздроблены утесы, тем чаще они населены шиншиллами, так как именно щели, расщелины и пустоты между камнями дают им убежище. Иногда случается, что путешественник, который, не делая ничего дурного этим животным, отдыхает на высотах, бывает просто осажден этими жителями скал. Камни понемногу оживляются, из каждой щели, каждой расселины выглядывает голова*. Самые любопытные и доверчивые шиншиллы отваживаются приблизиться и, наконец, безбоязненно бегают под ногами пасущихся мулов. Походка их представляет скорее известного рода прыганье, чем ходьбу, но напоминает движения наших мышей. Отдыхая, они сидят на задней части тела, подтянув передние ноги к груди и вытянув хвост назад, однако могут совершенно свободно подниматься на задних ногах и держаться некоторое время в этом положении. При лазании хватаются всеми четырьмя лапами за щели скал, и самой незначительной неровности достаточно для них, чтобы твердо удержаться**. Все наблюдатели показывают, что это животное способно оживить даже самую пустынную и печальную горную местность и вместе с тем развлекает и забавляет человека, одиноко проезжающего на этих высотах.

О размножении шиншиллы нет еще точных сведений, хотя она и размножалась в Лондонском зоологическом саду. На их родине находили беременных самок в любое время года и узнали от туземцев, что число детенышей колеблется от 4 до 6, более подробных сведений не имеется. Детеныши становятся самостоятельными, как только могут оставлять щели скал, в которых впервые увидели свет, а старая самка, по-видимому, с момента их выхода перестает заботиться о своем потомстве***. На родине их часто приручают, в Европу они попадают все еще довольно редко. На свободе шиншилла ест траву, корни и мох и пользуется передними лапами, чтобы подносить пищу ко рту.

В прежние времена шиншилла водилась, говорят, до самого моря на всех горах так же часто, как теперь на высоких; в настоящее время ее встречают на более низких горах лишь в виде отдельных экземпляров. Неустанное преследование, которому она подвергается ради шкуры, прогнало ее на высоты. За ней ревностно охотились уже с древних времен и даже теперь используют

** В описанные
Бремом времена
шиншиллы встреча-
лись колониями до
100 и более особей.
Из-за бесконтроль-
ного промысла их
численность резко
упала, но сейчас
снова восстанавли-
вается в результа-
те охранных мер.*

*** Способность к
лазанию и прыжкам
(в неволе шиншилла
может легко вско-
чить с пола на
плечо человека) тем
более удивительна,
что конечности
шиншиллы выгля-
дят чересчур ма-
ленькими и слабыми,
а когти на них —
короткие и тупые.*

**** Несмотря на
жизнь колониями,
шиншиллы — моно-
гамы, причем самки
крупнее и агрессив-
нее самцов, занима-
ют доминирующее
положение в коло-
нии. В году обычно
бывает 2 выводка
(реже 1 или 3) по
2—3 (до 6) зрелых
развитых детены-
шей, имеющих пол-
ный набор зубов.*

Семейство ШИНШИЛЛОВЫЕ

* *Длиннохвостая, или белополосая ласка (Mustela frenata) — мелкий хищник, очень сходный с горностаем, но несколько крупнее.*

** *Сейчас шиншиллы обитают только на скалистых плато на высотах 3000 — 5000 м над уровнем моря.*

почти совершенно те же способы охоты, как прежде. Европейцы, правда, убивают ее иногда огнестрельным оружием или из самострелов, однако эта охота дает ненадежные результаты, потому что если в шиншиллу не попасть так, чтобы она умерла мгновенно, то она прячется в одну из трещин скалы и пропадает для охотника. Гораздо надежнее тот способ охоты, которым пользуются индейцы. Они ставят хорошо сделанные петли перед всеми трещинами скал, до которых могут добраться, и на следующее утро вынимают шиншилл, попавших в эти силки. Кроме того, индейцы страстно любят охоту, которую мы применяем для кроликов. Они умеют мастерски приручать ласку* и дрессировать для охоты за шиншиллами, затем поступают точно так же, как наши охотники с хорьками, или же предоставляют самой ласке вытащить умерщвленное внутри логовища животное.

Чуди упоминает, что один купец в Молиносе, самом западном местечке штатов Ла-Платы, вывозил прежде ежегодно по 2000—3000 дюжин шкур шиншиллы, а уже в 1857 году мог пустить в торговлю лишь 600 дюжин. «Многие из охотников-индейцев, — рассказывает он, — жаловались в моем присутствии на большое уменьшение числа этих животных и на все возрастающую трудность их ловли. Это следствие непрерывного неосмотрительного преследования. Промотав деньги, вырученные за продажу добычи, охотник за шиншиллами покупает в долг некоторое количество съестных припасов, обязуясь уплатить после охоты, и отправляется в самые дикие горные местности за шиншиллами**. Здесь эти милостивые зверьки живут в почти недоступных трещинах или у подножия скал в выкопанных ими самими логовищах. Они необыкновенно робки, и всякое необычное явление или непривычный шум прогоняет их с быстротой молнии в надежные убежища, если они в это время ели или, что они особенно любят, играли на солнце на небольшом расстоянии оттуда. Около старых или новых поселений шиншилл, которые охотник заметил своим орлиным глазом во время трудных скитаний, он ставит перед входными отверстиями петли из крепкого конского волоса или простые ловушки и ждет результатов, хорошо спрятавшись на некотором расстоянии. Любопытные шиншиллы, когда сочтут, что опасность миновала, быстро выскакивают из своих убежищ и или повисают в петлях, или убиваются ловушками. Индеец спешит, вынимает их и снова расставляет орудия ловли. Но теперь проходит более долгое время, прежде чем напуганные животные решатся оставить свое жилище. Они остаются по два дня в своих логовищах, прежде чем снова отважатся выйти наружу, за что и платятся жизнью. Легко понять, что выносливый и терпеливо выжидающий индеец может таким образом истребить целое поселение, под конец голод загоняет в петли и последних шиншилл. Их не стреляют, потому что даже очень тяжело раненные убегают в свои логовища и в таком случае пропадают, и кровь из ран так

сильно пачкает чрезвычайно нежные волосы, что такие шкуры сильно теряют в красоте и ценности. После многонедельного пребывания в Кордильерах охотник за шиншиллами возвращается с добычей в Молинос и получает за дюжину шкур по 5—6 песо».

На севере и в средней части Чили короткохвостую шиншиллу заменяет другой, более мелкий вид*. По образу жизни этот вид, по-видимому, совершенно сходен с предыдущим, также близок к нему по внешнему виду и окраске меха. Но он гораздо меньше: вся длина равняется самое большее 35—40 см, из которых хвост занимает приблизительно треть. Густая мягкая шерсть на спине длиной 2 см, на задней части и боках 3 см. Цвет ее светло пепельно-серый с темными крапинками, нижняя сторона и ноги с матово-сероватым или желтоватым налетом. На верхней стороне хвоста волосы при основании и на кончике грязно-белого цвета, посередине буро-черного, нижняя сторона хвоста бурая.

Лишь после многих просьб естествоиспытателей в Европу** были присланы несколько черепов, а позднее и живые животные, хотя о шиншилле путешественники упоминают уже очень давно. Хаукинс, издавший описание своего путешествия в 1622 году, сравнивает ее с белкой, а Овалле говорит, что эти белки водятся лишь в долине Гуаско и чрезвычайно ценятся и преследуются ради хорошего меха. Молина познакомил нас с этим животным в конце прошлого столетия. Он говорит, что шерсть этого вида так тонка, как нити паутины, и притом так длинна, что ее можно прясть. «Животное это живет под землей в северных областях Чили и охотно держится вместе с другими родичами. Пища его состоит из луковиц и луковичных растений, обыкновенных в тех сторонах. Оно рождает два раза в год по 5—6 детенышей. Пойманные становятся настолько ручными, что не пытаются кусаться или убежать, если их берут в руки, они спокойно сидят, даже если их посадить на колени, как будто бы это было их собственное логовище, и, по-видимому, чрезвычайно любят, чтобы их гладили. Так как они очень чистоплотны, то нет основания бояться, чтобы они запачкали платье или придали ему дурной запах, у них и нет особенно дурного запаха, как у других мышей. Зверьков можно поэтому держать в домах без неудобств и с незначительными издержками, все расходы они с избытком возмещали бы, если им стричь шерсть. Древние перуанцы, которые были гораздо изобретательнее нынешних, умели делать из этой шерсти одеяла и другие материи».

В 1829 году малая шиншилла была привезена живой в Лондон и описана Беннетом. Это очень тихое существо, которое, однако, иногда пыталось кусаться, если находилось в дурном расположении духа. Она редко была весела, и лишь иногда можно было видеть ее странные прыжки. Садилась на задние лапы, но могла стоять и стоя держаться на задних ногах, пищу подносила ко рту передними лапами. Зимой пришлось внести ее в умеренно отапливаемую комнату. Зерна и сочные растения она любила больше,

** Крупная короткохвостая шиншилла населяет Анды Южного Перу, Боливии и Северной Аргентины. Собственно шиншилла обитает на севере Чили.*

*** В настоящее время во всем мире налажено разведение шиншиллы на фермах в качестве пушного животного, поголовье насчитывает более миллиона особей, ведется селекция, созданы породы с различной окраской меха, от белого до черного. К сожалению, мех клеточных зверьков через 1—2 поколения начинает уступать меху диких шиншилл. В неволе шиншиллы доживали до 20 лет.*

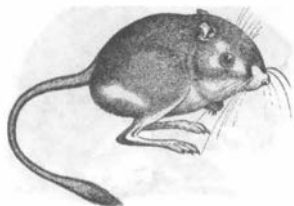

Семейство ШИНШИЛЛОВЫЕ

* В противоположность сказанному Бремом, мех более крупной короткохвостой шиншиллы ценится меньше меха собственно шиншиллы, продолжающего оставаться одним из самых дорогих в мире.

** Во времена Брема этих животных называли пушаками. Горные вискаши (*Lagidium*) живут колониями до 80 зверьков в сухих скалистых, очень бедных растительностью районах Анд от Перу до Патагонии. В отличие от шиншилл ведут дневной образ жизни и приносят всего по 1 детенышу в каждом помете.

***Сейчас выделяют три вида горных вискаш.

чем сухие травы, которые, наоборот, очень охотно ела более крупная короткохвостая шиншилла. Малую шиншиллу нельзя было сажать вместе с большой; когда однажды сделали это, началась страшная битва, в которой малая непременно погибла бы, если бы бойцов не разъединили тотчас же.

Наблюдения, которые я мог произвести сам над одной малой шиншиллой в неволе, согласуются в существенных чертах с данными Беннета. Однако моя пленница доказывала, что она более ночное, чем дневное животное. Правда, шиншилла и днем могла бодрствовать, но лишь в том случае, если ее тревожили. Когда она однажды ускользнула из клетки и могла по желанию бродить по дому, то постоянно пряталась днем, зато тем живее была ночью.

Южноамериканцы очень охотно едят мясо обоих видов шиншилл, европейским путешественникам оно, по-видимому, тоже нравится, хотя они и говорят, что его нельзя сравнить с мясом нашего зайца. Впрочем, мясо это употребляется лишь между прочим, главную цель охоты составляет шкура. Шиншиллы высоких Кордильер особенно ценятся, по словам Чуди, так как волосы их длиннее, гуще и тоньше и у них гораздо более прочный мех, чем у береговых зверьков, шкуры которых почти не имеют никакой ценности. В Америке теперь из этой шерсти делают лишь шляпы; искусство первобытных мастеров умерло вместе с ними.

В меховой торговле различают, по словам Ломера, два рода шкур: шкуры более крупных короткохвостых шиншилл, длинно- и тонко-волосистые, и шкуры меньших шиншилл, коротко-волосистые; первые стоят по 15—25 марок штука, вторые лишь по 1—5 марок*. Первых в торговлю поступает ежегодно до 20 000. Различие между самыми лучшими и самыми худшими шкурами очень бросается в глаза, но есть переходные формы, определение которых затруднительно и для знатока.

Горные вискаши (*Lagidium*)** имеют значительно более длинные уши, хвост, покрытый по всей его верхней поверхности пушистыми волосами, четырехпалые ноги и очень длинные усы. По строению зубов шиншиллы и вискаши стоят очень близко друг к другу, по образу жизни они сходны почти совершенно. До настоящего времени достоверно известны лишь два вида горных вискаш***, которые живут среди голых скал Кордильер около самой границы вечного снега на высоте от 3000 до 5000 метров над уровнем моря. Они так же подвижны и ловки, как шиншиллы, обнаруживают те же свойства и питаются более или менее теми же или по крайней мере подобными растениями. Из двух видов один населяет плоскогорья южной части Перу и Боливию, другой — северную часть Перу и Эквадор.

Перуанская вискаша (*Lagidium peruanum*) — животное по величине и виду похоже приблизительно на кролика, только задние ноги гораздо длиннее, чем у настоящих кроликов, а длинный хвост не допускает и сравнения с хвостом наших зайцев. Уши около 8 см длиной, наружный край их несколько завернут внутрь, конец закруглен, снаружи они покрыты редкой шерстью, внутри

почти голы, край довольно густо обсажен волосами. Мех очень мягок и длинен, волосы, за исключением отдельных темных, у корня белого цвета, на кончике грязно-белого, смешанного с желтовато-бурым. Мех получает благодаря этому пепельно-серый цвет, который на боках несколько светлее и переходит в желтоватый. Хвост снизу и по бокам усажен короткими волосами, белыми и черными, а к концу совершенно черными; сверху волосы буровато-черные, длинные и взъерошенные. Особенно бросаются в глаза длинные, достигающие почти до плеч усы*.

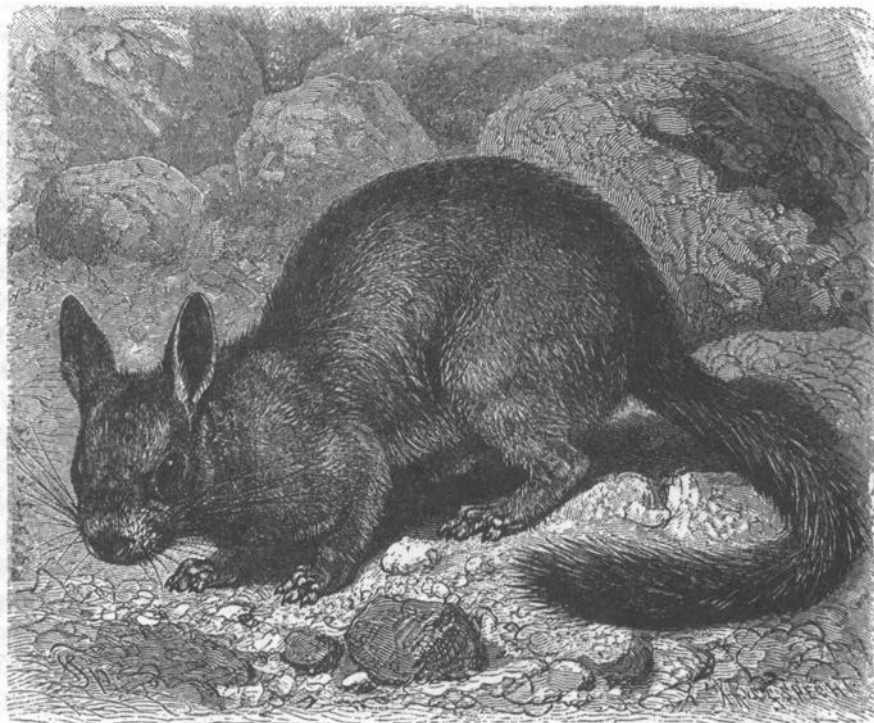
От этого животного происходят, вероятно, те шкуры, которые поступают в торговлю под названием «шиншиллоны». Они имеют ничтожную ценность, лишь несколько сотен попадает ежегодно в Европу.

Равнинная вискаша (*Lagostomus maximus*) более похожа на шиншиллу, чем на горных вискаш**. Тело плотное с короткой шеей и сильно выпуклой спиной, передние ноги короткие и четырехпалые, сильные задние ноги вдвое длиннее их и трехпалые. Голова толстая, округленная, сверху плоская, а по бокам раздутая, морда короткая и тупая. На губах и щеках сидят усы, отличающиеся особой жесткостью, они даже больше похожи на металлические, чем на

роговые образования, обладают большой эластичностью и звенят, если по ним провести чем-нибудь. Почти голые, узкие, тупоконечные уши средней величины, широко расставленные глаза тоже не велики, покрытый шерстью нос и глубоко расщепленная верхняя губа составляют другие особенности головы. Нижняя сторона задних лап спереди покрыта шерстью, сзади обнажена и мозолиста, нижняя сторона передних лап, напротив, совершенно голая. Короткие когти, окруженные мягкими волосами, составляют вооружение передних ног, более длинные и крепкие — задних. Тело покрыто довольно густым мехом, на верхней стороне он состоит из равномерно распределенных серых и черных волос, почему спина и кажется довольно темной, голова более серого цвета, чем бока тела, широкая полоса, которая тя-

Семейство ШИНШИЛЛОВЫЕ

* Необыкновенно длинные усы характерны для всех представителей семейства.

Перуанская вискаша
(*Lagidium peruanum*)

** Равнинная вискаша не похожа внешне на шиншиллу и горных вискаш. Встречается не только на равнинах, но и в низкогорьях, на горных плато до 2600 м.

Семейство шиншилловые

** Масса взрослой особи может достигать 7 кг. Максимальный вес шиншиллы и горных вискаш — 1,6 кг.*

*** Обычно вискачерас занимает площадь около 600 м² и насчитывает около 20 нор до 200 м длиной и входом до 1 м в диаметре. Население одного вискачераса составляет 20—30 зверьков, «руководит» им взрослый самец. Благодаря выбросам земли из системы нор, территория колонии приподнята над плоской поверхностью пампы на 50—80 см.*

**** Вискачерас населяют многие животные. Большинство квартирников занимают уже брошенные норы и безвредны для колонии, лисы и крупные змеи представляют угрозу.*

нется по верхней части морды и по щекам, — белая, хвост покрыт грязно-белыми и бурыми пятнами, вся нижняя и внутренняя сторона ног белого цвета. Встречаются, впрочем, иногда отклонения от этой окраски. У иных спина более рыжевато-серая с черными пятнами, нижняя сторона белая, на щеках рыжеватобурая поперечная полоска, морда черная, хвост каштановобурий. Длина тела равняется 50 см, длина хвоста 18 см*.

Равнинная вискаша заменяет своих родичей по семейству на восточной стороне Анд, область распространения ее в настоящее время составляют пампасы, от Буэнос-Айреса до Патагонии. Пока возделывание земли не подвинулось так далеко, как теперь, ее находили и в Парагвае. Где она еще существует, там встречается в большом количестве. В некоторых местах ее так много, что по обе стороны дороги сидят целые стада, но это бывает только ночью.

Именно самые уединенные и пустынные местности составляют ее местопребывание, однако она доходит вплоть до самых возделанных местностей, путешественники даже знают, что если попадается множество вискачерасов, то есть жилищ этого животного, то значит, недалеко испанские поселения.

Вискаша селится на скудно поросших и на большие пространства обнаженных сухих равнинах и выкапывает здесь обширные подземные норы, охотнее всего поблизости от кустарников и недалеко от полей. Норы устраиваются сообща и населяются тоже сообща. Они снабжены бесчисленными ходами и галереями для бегства и внутри разделены на несколько камер, в зависимости от величины семейства, которое здесь поселилось. Число членов семьи может доходить до 8—10, но в таком случае часть населения оставляет старое жилище и основывает новое, охотно селясь около старого**. Нередко случается, что пещерная сова является сюда и без больших затруднений овладевает тем или другим жилищем. Чистоплотные вискаши никогда не выносят присутствия сожителя, который не заботится о порядке в такой же степени, как они, и мгновенно удаляются, если один из пришельцев досаждают им своей нечистоплотностью***. Благодаря этому почва оказывается иногда подрытой на пространстве квадратной мили. Целый день все семейство лежит, спрятавшись в жилище, ко времени солнечного заката показывается одно животное, другое, а с наступлением сумерек перед входами собирается многочисленное общество. Оно заботливо исследует, все ли спокойно, и долго бродит поблизости жилища, прежде чем идти за пищей. В это время можно видеть, как сотни этих зверьков играют между собой, и слышать уже на значительном расстоянии их хрюканье, похожее на свиное. Если все совершенно спокойно, то общество направляется за пищей, и ему годится все съедобное, что ни попадется. Травы, корни и кора составляют, конечно, главную часть корма, но если поблизости есть поля, то животные посещают и их и производят там заметные опустошения. При своих переходах на пастбище они тоже крайне осторожны: никогда не

случается, чтобы они забыли обезопасить себя. Один за другим вискаши поднимаются на задние лапы, тщательно прислушиваются и вглядываются в ночную темноту. При малейшем шуме обращаются в бегство и с поспешностью, издавая громкий крик, бросаются к своим норам; страх их так велик, что они и тогда еще кричат и шумят, когда уже достигнут безопасного жилища*.

Своими движениями вискаши во многом сходны с кроликами, однако они значительно уступают им в быстроте, хотя бодрее, веселее и более расположены к играм. Идя на пастбище, они почти непрерывно заигрывают друг с другом, суетливо бегают вокруг, прыгают с хрюканьем друг через друга**. Они уносят к своим норам различные вещи, которые находят во время выходов на пастбище и кладут их беспорядочной кучей перед входом, как будто бы эти предметы могут служить им игрушками. Перед норами бывают нагромождены кости и гнезда, коровий помет и случайно потерянные человеком вещи, которые не приносят животным ни малейшей пользы, и гаучо, потеряв что-нибудь, отправляются к ближайшим вискачерасам, чтобы поискать там утраченный предмет. Из своих жилищ животные заботливо удаляют все лишнее. Собирают ли они запасы на зиму в норах, чтобы питаться ими в течение сурового времени года, еще не известно, по крайней мере это утверждает один из старых естествоиспытателей. Их голос — странное, громкое и неприятное фырканье или хрюканье, не поддающееся описанию.

О размножении до настоящего времени ничего достоверно не известно. Говорят, что самки рожают 2—4 детенышей, которые вырастают за 2—4 месяца***. Геринг видел при старых вискашах лишь по одному детенышу. Он держался всегда около самой матери. Она обращается с ним с большой любовью и защищает в случае опасности. Если поймать детенышей и заниматься ими, то они становятся ручными и их легко держать, как и наших кроликов. Местами они встречаются и в европейских зоологических садах, вискаша, которую держали во Франкфуртском саду, была, по словам Гааке, всегда невосприимчива, угрюма и отличалась бешеной злобой.

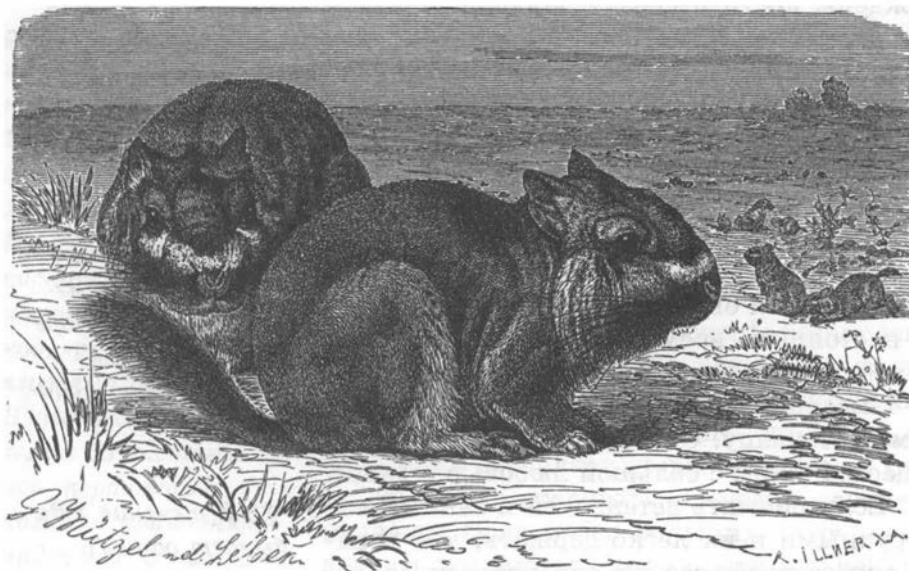
Вискаш менее преследуют ради их мяса и шкуры, чем из-за их подземного рытья. В тех местах, где они обыкновенны, верховая езда действительно связана с опасностью для жизни, так как лошади часто продавливают своды неглубоко лежащих ходов и от этого чрезвычайно пугаются, если совсем не падают, сбрасывают седока или даже ломают ноги. Туземец уже издали узнает вискачерас по одной маленькой дикой горькой дыне, которую животные охотно едят. Это растение всегда встречается там, где много вискачерасов, что служит признаком, по которому можно избегать опасных мест. Вискаш стараются изгнать из мест, близких к селениям, всеми средствами и употребляют огонь и воду для их уничтожения. Траву вокруг нор сжигают, лишая их таким образом пищи, жилища затопляют и заставляют животных искать спасения вне норы, где подстерегающие собаки скоро их схватывают. Кроме

** Вискаши постоянно поддерживают связь в колонии звуковыми сигналами. Их репертуар необычайно богат.*

*** Вискаши бегают со скоростью 40 км/ч, могут совершать трехметровые прыжки. Нередко им приходится пасть довольно далеко от вискачераса, поскольку трава вокруг него давно съедена, и стремглав бежать к норе при опасности, делая резкие повороты.*

**** В течение года бывает один (в северных районах — два) выводок в июле — августе. Беременность длится 5 месяцев, в помете обычно 2 хорошо развитых детеныша. В неволе вискаши доживали до 10 лет.*

человека у этого животного множество других врагов. Кондор, говорят, так же часто охотится за вискашами, как и за их родичами в горах, дикие собаки и лисицы сильно преследуют их в степи, если они покажутся перед норами, а сумчатая крыса проникает даже в их жилища, где и нападает на животных. Правда, вискаша по мере сил защищается от своих сильных врагов, долго дерется с собаками, храбро сражается с сумчатой крысой, даже кусает за ноги людей, но что может поделать бедный грызун против сильных хищников! Однако несмотря на все эти преследования, число вискаш едва ли стало уменьшаться, если бы их размножению не препятствовало все расширяющееся возделывание почвы. И в этом отношении человек, завладев почвой, становится самым страшным врагом этого животного.

Равнинная вискаша
(*Lagostomus maximus*)

индейцы с петлями и сетями. Естественно, что запертые вискаши боятся выйти, замечая около жилища собаку, и индеец достигает таким образом своей цели.

Индейцы едят мясо вискаш и пользуются их шкурой, хотя она имеет гораздо меньшую ценность, чем шкуры вышеназванных видов.

* Семейство включает единственный род и вид — нутрию, или болотного бобра.

СЕМЕЙСТВО НУТРИЕВЫЕ (*Myocastoridae*)*

Болотный бобр, или нутрия (*Myocastor coypus*). Тело коренастое, шея короткая и толстая, голова толстая, длинная и широкая с тупой мордой и плоским теменем, глаза средней величины, круглые и выдаются, уши маленькие, округлены и несколько больше в высоту, чем в ширину. Конечности короткие и толстые, задние немного длиннее передних, те и другие пятипалые, но пальцы

Степные индейцы полагают, что запертая в своей норе вискаша не способна освободиться сама и должна погибнуть, если ее не откопают сородичи. Поэтому индейцы затыкают главные выходы вискачерасов и привязывают там в качестве сторожа одну из своих собак, чтобы она не позволяла приблизиться другим вискашам, которые готовы прийти на помощь заключенным, пока туда не возвратятся

на задних ногах значительно длиннее, чем на передних, соединены широкой плавательной перепонкой и вооружены длинными, сильно согнутыми и острыми когтями, а внутренний палец передних ног — плоским ногтем. Длинный хвост имеет округлое сечение, усажен кольцеобразно расположенными чешуйками и довольно обильными, плотно прилегающими толстыми щетинистыми волосами. Остальная шерсть густая, довольно длинная и мягкая и состоит из почти непроницаемого для воды короткого мягкого, пухообразного подшерстка и более длинных, мягких, слабо блестящих волос ости, которые определяют цвет меха, так как совершенно покрывают подшерсток. Очень большие, широкие резцы напоминают своим строением зубы бобра.

Болотный бобр почти достигает величины выдры, длина тела его равняется обычно 40—45 см, длина хвоста почти такая же, однако иногда попадаются очень старые самцы, достигающие в длину целого метра. Цвет волос грязно-серый при основании и рыжевато-бурый или буро-желтый на концах, длинные волосы ости темнее. Спина кажется каштаново-бурой, а нижняя сторона почти черно-бурой, бока ярко-рыжие, конец носа и губы почти всегда белые или светло-серые. Некоторые экземпляры испещрены серо-желтоватыми и светло-бурыми крапинками, многие совершенно ржаво-рыжие.

Большая часть умеренного пояса Южной Америки служит родиной этого замечательного пушного зверя. Болотный бобр известен почти во всех странах к югу от тропика Козерога. В Ла-Плате, Буэнос-Айресе, Патагонии и среднем Чили он встречается повсюду. Область распространения его простирается от Атлантического океана до Тихого через горы и от 24 до 43 градуса южной широты*. Он живет, по Ренггеру, парами по берегам озер и рек, преимущественно у тихих вод, где водяные растения встречаются в таком количестве, что образуют на воде достаточно крепкую крышу, чтобы выдерживать тяжесть его тела**. Каждая пара выкапывает себе на берегу нору, глубиной в метр и шириной от 40 до 60 сантиметров, в которой и проводит ночь, а иногда и часть дня***. В этом жилище самка мечет от 4 до 6 детенышей, которые, как рассказывает Азара, уже очень рано следуют за матерью.

Болотный бобр превосходно плавает, но плохо ныряет. На земле он движется медленно, так как его ноги, по словам Азара, так коротки, что тело почти волочится по земле, поэтому он и ходит по земле лишь в том случае, если ему надо перейти из одного водоема в другой. В случае опасности мгновенно бросается в воду и ныряет, если преследование продолжается, то прячется в свою нору, в которой обычно проводит лишь ночь.

Душевные способности его незначительны. Он робок, пуглив и сохраняет эти качества в неволе. Его нельзя назвать умным, хотя он постепенно и приучается узнавать того, кто за ним ходит. Животные, пойманные старыми, кусаются как бешеные, отказываются обычно от пищи, так что их редко удается продержать более нескольких дней. В Лондонском зоологическом саду нутрии живут

** Благодаря ценному меху и прекрасным вкусовым качествам мяса нутрию активно разводят на зверофермах, акклиматизировали во многих районах Европы и Северной Америки.*

*** Нутрии питаются сочными корневищами и стеблями водных и прибрежных растений.*

**** По суше нутрии передвигаются неважно. Они не уходят дальше 200 м от воды, протоптывают постоянные тропы в зарослях. Активны преимущественно в сумерках и ночью. Вход в нору находится не под водой, как у бобра, а у самого уреза воды. Помимо нор нутрии сооружают из растительного материала гнезда и лежки над водой — в густых зарослях тростника, на низко расположенных ветвях кустарников или на зыбкой сплавине.*

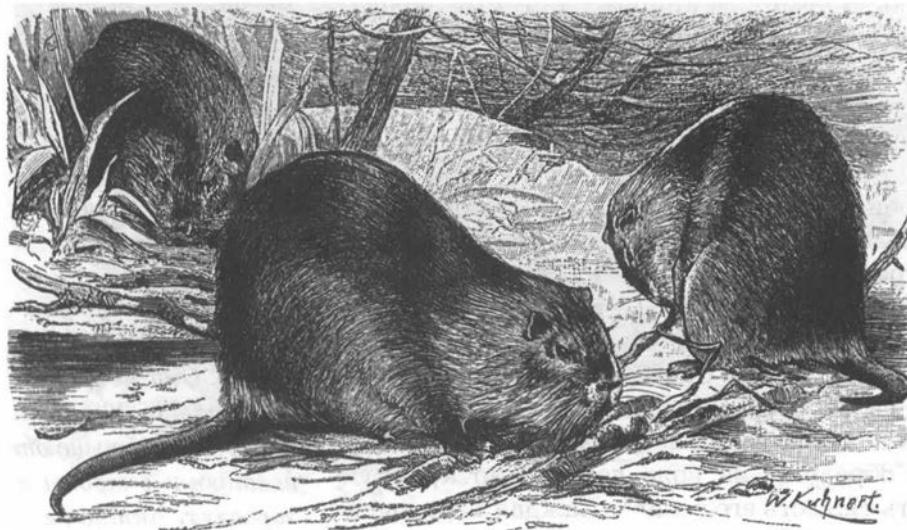
**Семейство
восьмизубые**

постоянно, в новейшее время их стали держать и в других зоологических садах.

Болотного бобра ревностно преследуют ради его ценной шкуры. До 1823 года на европейский рынок ежегодно привозили от 15 до 20 тысяч шкур. В 1827 году из провинции Энтре-Риос, по официальным данным таможни в Буэнос-Айресе, было вывезено 300 000 штук, и вывоз повысился еще, так как в начале тридцатых годов из одних лишь болот Буэнос-Айреса и Монтевидео посылалось в Англию до 50 000 шкур. В настоящее время, по Ломеру, ежегодно поступают в торговлю около 1,5 миллиона шкур, из которых около двух третей, именно худшие, служат для приготовления войлока, а треть, длинно- и густоволосистые, после выщипывания ости перерабатываются в меха, причем или оставляют их естественный цвет, или окрашивают «под котика». Шкуры, годные для меха, стоят 3—7 марок штука, волос стоит 2—3 марки килограмм. Во многих мес-

тах туземцы едят белое вкусное мясо болотного бобра, в других не трогают его.

За нутриями в Буэнос-Айресе охотятся главным образом с помощью особо дрессированных собак, которые отыскивают их в воде и гонят к охотнику на выстрел или же вступают с ними в битву, хотя этот большой грызун умеет мужественно и сильно защищаться. В мелких

**Болотный бобр, или
нутрия
(*Myocastor coypus*)**

* *Восьмизубые* — небольшое семейство кавиоморфных грызунов, включающее 5 родов и около 8 видов. Распространены в Южной Америке. В горах встречаются до 3500 м, тропических лесов избегают. Во

местах и перед норами охотники ставят ловушки. В Парагвае за ними не охотятся иначе, как встретив их случайно. К животным нелегко подойти, так как при малейшем шуме они обращаются в бегство и прячутся, притом стрелку не удается убить болотного бобра одним выстрелом, так как гладкий густой мех мешает проникновению дроби, а если бобр только ранен, то может еще спастись. Если ему прострелить голову, то он тонет, как свинец, и в таком случае по большей части пропадает.

**СЕМЕЙСТВО
ВОСЬМИЗУБЫЕ (*Octodontidae*)***

Не особенно многочисленное, но оригинальное семейство крысообразных грызунов населяет Южную Америку и Африку. Восьмизубые напоминают по форме и окраске до некоторой степени крыс. Уши короткие, широки и покрыты редкими волосами,

Семейство восьмизубые

ноги четырех- или пятипалые, хвост различной длины и часто покрыт кольцами чешуек, как у настоящих крыс: но этим и исчерпывается сходство этих животных с крысами. мех у некоторых восьмизубых мягок и красив, у других жесток и щетинист и даже смешан с отдельными, плоскими и поперечно-полосатыми иглами, а хвост не только покрыт волосами, но даже иногда пушист. Зубная система включает по четыре, в исключительных случаях по три коренных зуба в каждом ряду, жевательные поверхности их имеют три-четыре эмалевые складки на краю. Эти складки образуют на каждом зубе узор, похожий на цифру 8, почему семейство и получило название «восьмизубые».

Восьмизубые живут в лесах или открытых местностях, одни около изгородей и кустарников, другие на плантациях вдоль дорог, среди скал, на берегах рек, даже на берегу моря. Чаще они живут обществами в выкопанных ими подземных норах с многочисленными входами. Некоторые из них настоящие роющие животные, которые, подобно кротам, выбрасывают на поверхность кучки вырытой земли и почти постоянно остаются под землей, другие держатся в чащах и искусно лазают по деревьям. Они работают большей частью ночью, лишь немногие деятельны и днем*. В общем, они неуклюжи и неповоротливы, но некоторые обнаруживают удивительную быстроту в движениях на деревьях или под землей. Некоторые виды — настоящие водяные животные и умеют превосходно плавать и нырять**. Насколько известно в настоящее время, они не впадают в зимнюю спячку, тем не менее некоторые из них собирают запасы пищи. Из чувств выше всего стоят слух и обоняние, зрение развито лишь у немногих, а у живущих под землей оно недоразвито, что и понятно. Их душевные способности незначительны: лишь самые крупные и совершенные виды обнаруживают известную понятливость. Неволю переносят довольно легко, любопытны, подвижны, учатся узнавать тех, кто за ними ходит, и следовать за ними и доставляют удовольствие своим изящным видом. Размножение довольно значительно, так как число детенышей колеблется от 2 до 7, и они, как и большая часть других грызунов, мечут детенышей по несколько раз в год*** и могут возрасти в числе до больших стад, причиняющих значительный вред на плантациях и полях****. По сравнению с этими опустошениями та незначительная польза, которую они приносят своим мясом и шкурой, не заслуживает и упоминания.

*Дегу (Octodon degus)****** сверху буровато-серого цвета, неравномерно пятнистого, снизу серо-буроватого, на груди и затылке темнее, у корня хвоста светлее, почти белого цвета. Уши снаружи темно-серые, внутри белые, усы частью черные, частью белые, хвост сверху и на конце черного цвета, снизу до первой трети длины светло-серого. Вся длина достигает 26 см, из которых несколько более трети приходится на хвост.

«Дегу, — говорит Пеппиг, — принадлежит к самым обыкновенным животным в средней провинции Чили. Сотни их на-

времена Брема объем семейства понимался шире, в него включали несколько других американских и африканских семейств.

* *Одни виды активны ночью, другие днем, некоторые — круглосуточно.*

** *В современном объеме среди представителей семейства нет водных и полуводных форм.*

*** *В течение года бывают два помёта по два детеныша, лактация продолжается около 2 месяцев.*

**** *Питаются восьмизубые луковичами, клубнями, побегами и корой. Существенного вреда посевам не приносят.*

***** *Распространен в прибрежных холмистых районах Чили, поднимаясь в горы до 1200 м. Ведет наземный образ жизни, активен днем.*

Семейство туко-туковые

* *Туко-туко* обладают очень сильными резцами, которыми копают ходы. Как и у других подземных грызунов, во избежание попадания земли

Дегу
(*Octodon degus*)

в рот, губы туко-туко смыкаются позади резцов. При рытье туко-туко выталкивают землю ступнями, снабженными оторочками из щетинистых волос.

селяют изгороди и кустарники, даже в непосредственной близости многолюдных городов они безбоязненно бегают по большим дорогам, смело врываются в сады и поля, где и причиняют вред бесцельным разгрызанием растений и своей прожорливостью. Редко удаляются они от земли, чтобы влезть на нижние ветви кустов, выжидают с вызывающей смелостью приближение врагов, но затем в беспорядке бросаются, подняв хвост вверх, в отверстия своих сильно разветвленных нор, чтобы через несколько мгновений снова появиться в другом месте. По нраву животное гораздо более похоже на белку, чем на крысу. Оно собирает, несмотря на теплый климат, запасы, но не впадает в зимнюю спячку».

Время спаривания, продолжительность беременности, а также число детенышей, по-видимому, неизвестны, несмотря на то, что животное это так обыкновенно. Можно лишь заключить, что

дегу способны сильно размножаться. Неволю они переносят очень легко и скоро становятся совсем ручными. По отношению к пище не обнаруживают особой взыскательности, а довольствуются обыкновенной едой грызунов. Они научаются узнавать и отличать своего сторожа, точно так, как и другие грызуны подобной величины; не кусаются, но и не отличаются доверчивостью.

СЕМЕЙСТВО ТУКО-ТУКОВЫЕ (*Ctenomyidae*)

От южной части Бразилии до Магелланова пролива простирается родина гребнемышей, или туко-туко. Они представляют отдаленное сходство с кустарниковыми крысами, но маленькие глаза и еще гораздо меньшие уши, почти скрытые в мехе, указывают на подземный образ жизни. Тело укорочено и вальковато, шея короткая и толстая, голова тоже короткая с тупой мордой, хвост короткий, толстый и с тупым концом. Ноги короткие с пятью пальцами, вооруженными крепкими роющими когтями*. Мех прилегает гладко, короткий на голове и несколько длиннее на теле, тонкие волосы ости порознь выступают из меха.

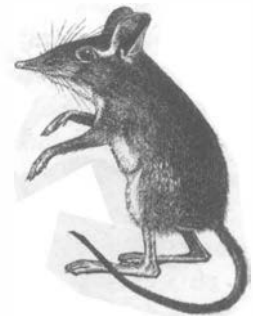
Оригинально то, что грызуны этого рода встречаются в Кордильерах в поясе, лежащем на высоте, где растительность, по-видимому, совершенно отсутствует. Чуди рассказывает, что его удивляли многие тысячи нор гребнемышей в лишенных растительности местах на отдельных плоскогорьях Кордильер. «Я видел, — говорит он, — лишь мельком перед двумя норами их обитателей и поэтому не могу определить вида. Чем питаются здесь эти животные? Несмотря на долгое размышление, я не мог дать надлежащего ответа на этот вопрос. Я думаю, что они проводят зиму в спячке, а летом здесь появляется скудная растительность, которая и доставляет им пищу в течение нескольких месяцев. Но этому взгляду противоречит то, что другие путешественники, и в том числе Филиппи, объехавшие эту пустыню в летние месяцы и в тех местах, где почва была изрыта норами гребнемышей, нашли ее такой же сухой, песчаной и без малейшей растительности, какой я нашел ее зимой. Может быть, здесь есть какое-нибудь подземное растение, которое скрывалось до сих пор от глаз исследователя? Сотни тысяч этих грызунов нуждаются в значительном количестве пищи, так как они не малы и по всей вероятности, как и все представители их отряда, очень прожорливы*. Они не ходят на большие расстояния за пищей, как, например, стада гуанако. Почему эти животные не выкапывают себе нор там, где находят пищу, или в непосредственной близости от них, или у них есть другие норы, кроме тех, в которых они живут? Размножение их должно быть очень интенсивным, и я не знаю ни одного их врага, кроме одной хищной птицы, которая время от времени может словить одного из этих животных**. Образ жизни гребневику — неразрешенная загадка».

Путешественник, который в первый раз посещает эти страны, слышит своеобразные отдельные хрюкающие звуки, которые равномерно раздаются через равные промежутки времени под землей и приблизительно соответствуют слогам «туко-туко». Звуки эти издает магелланский туко-туко (*Stenomys magellanicus*). Животное это по величине равняется приблизительно полувзрослому хомяку, тело достигает 20 см, хвост — 7 см. Цвет верхней части тела буровато-серый с желтым оттенком и мягкими черными крапинками. Отдельные волосы свинцового цвета, при основании и на конце пепельно-серого с буроватым оттенком. Некоторые разбросанные волосы ости с черными концами, на нижней части этих волос ости нет и потому окраска здесь кажется гораздо светлее. Подбородок и передняя сторона шеи бледно-желтые; ноги и хвост, который под волосами покрыт кольцами чешуек, белого цвета.

Открытием туко-туко и первым описанием его мы обязаны Дарвину, который оказал столь важные услуги для естественно-исторического описания южных окраин Америки. Данное им описание образа жизни этого животного никем еще не пополнено и до настоящего времени. Туко-туко был открыт у восточного входа в Магелланов пролив и, начиная оттуда, найден на довольно

Семейство туко-туковые

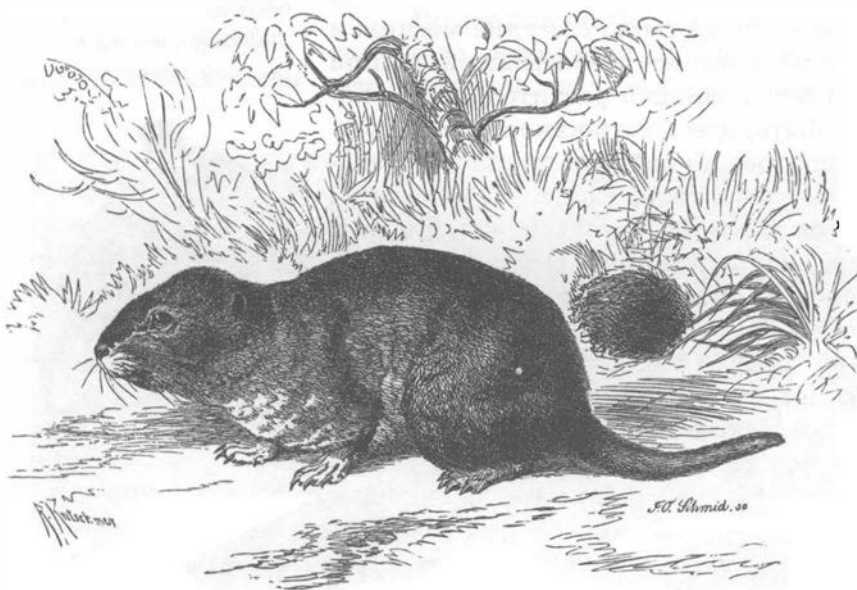
* Туко-туко питаются сочными подземными частями растений. Они практически не появляются на поверхности земли, проводя всю жизнь в сложных системах ходов, вырытых в рыхлой почве.

** В течение года зверьки приносят один помёт из 1—5 хорошо развитых детёнышей. Беременность длится 3,5 месяца. Продолжительность жизни составляет около 3 лет. Естественных врагов у туко-туко практически нет, однако их численность подвержена значительным колебаниям в результате болезней и климатических изменений, влияющих на запасы пищи.

**Семейство
тростниковые
крысы**

значительной части Патагонии по направлению к северу и западу. Он живет на обширных сухих, песчаных и бесплодных равнинах. Роет здесь землю, как крот, на больших пространствах, особенно ночью, днем, по-видимому, отдыхает, хотя именно в это время часто слышен его голос. Походка на ровном месте очень неуклюжа и беспомощна, животное не в состоянии перепрыгнуть через малейшее препятствие и так неловок, что вне своей норы его легко схватить. Из чувств более всего развиты обоняние и слух, зрение очень слабо. Корни встречающихся кустарников составляют его исключительную пищу. Местами он собирает их

запасы, хотя, вероятно, и не впадает в зимнюю спячку. О размножении, времени спаривания и числе детенышей пока нет точных сведений. Пойманные туко-туко, которых держал у себя Дарвин, скоро стали ручными, но не отличались понятливостью. Пищу они брали, как и вообще грызуны, передними лапами и подносили таким образом ко рту.

Патагонцы, которые в своей бедной родине не имеют большого выбора, едят мясо туко-туко и потому охотятся за ним. Во многих местностях пу-

тешественники жалуются на подземную деятельность туко-туко, так как при быстрой езде лошади часто проваливаются сквозь тонкие своды нор. Этим и ограничиваются наши сведения об этом животном.

**Магелланский
туко-туко
(*Ctenomys magellanicus*)**

**СЕМЕЙСТВО
ТРОСТНИКОВЫЕ КРЫСЫ (*Thryonomyidae*)***

* Семейство тростниковые крысы составляет один род с двумя видами дикобразных грызунов, распространенных в Африке к югу от Сахары. Внешне они очень напоминают нутрию.

Малая тростниковая крыса (*Thryonomys gregorianus*). Животное плотного сложения с маленькой головой, короткой и широкой мордой, маленькими, голыми, полукруглыми ушами и короткими четырехпальными ногами с зачаточными большими пальцами. Пальцы снабжены крупными серповидными когтями, длина тонкого хвоста достигает длины половины туловища, которая равна приблизительно 50 см. Из зубов особенно своеобразны верхние резцы, отличающиеся тремя бороздками, пробегающими по верхней половине передней стороны. Масса животного, по наблю-

*Семейство
ТРОСТНИКОВЫЕ
КРЫСЫ*

дениям, проведенным в западной Африке, около 4—5 кг. Мех состоит из гладких, похожих на иглы, щетин с гибкими концами. При основании они пепельно-серого цвета, посередине темнее, а на конце, перед которым по большей части находится буровато-желтое кольцо, черного цвета. Подбородок и верхняя губа беловатые, грудь грязно-желтоватая, нижняя сторона тела буроватая с серо-бурыми крапинками. Шерсть на ушах желтовато-белого цвета, усы окрашены белым и черным цветом*.

От этого вида, не имеющего плавательных перепонок, описанного впервые Темминком, фон Гейглин отличил в области Верхнего Нила второй вид, **большую тростниковую крысу** (*Thryonomys swinderianus*), отличающуюся своими плавательными перепонками на задних ногах. Однако этот вид вовсе не ограничивается упомянутой областью, а встречается также, как показал в новейшее время Ноак, в западной Африке на Нижнем Конго. Область распространения тростниковой крысы простирается, по нашим сведениям, по восточной Африке на юг до Капской области и охватывает в западной Африке как Верхнюю, так и Нижнюю Гвинею, в области Верхнего Нила водится, по-видимому, лишь второй вид.

По образу жизни оба вида в сущности сходны между собой. Они не живут обществами и не составляют больших стад, но встречаются в удобных для них местах довольно часто. Они всегда держатся поблизости воды и живут преимущественно в береговой полосе в густых зарослях травы, камыша и тростника, а также в низком и густом кустарнике. По Швейнфурту, тростниковые крысы, находящиеся на северо-востоке, выкапывают глубокие норы, но относительно живущих в Нижней Гвинее этого не известно; Бюттикофер тоже ничего не сообщает об этом из Либерии, а Друммонд говорит о тех, которых он наблюдал в юго-восточной Африке, следующее: «Они не выкапывают никаких подземных жилищ, а убегают, если их выгнать из травы и тростника, где они прятались, в какие-нибудь отверстия и щели скал или же в покинутые жилища других животных»**. Пища их состоит из трав, корней и клубней, которые они находят в достаточном количестве по берегам вод и на влажных низменностях. Друммонд рисует их очень вредными животными, которые могут производить большие опустошения на полях сахарного тростника и маиса, и потому ревностно преследуются в населенных местностях. По его словам, некоторые плантаторы в юго-восточной Африке, которым эти животные сильно досаждают, оплачивают за каждый убитый экземпляр от 0,5 до 1 марки. В Либерии они тоже, по словам Бюттикофера, приносят большой вред рисовым и маисовым плантациям. В западной Африке животное это пользуется дурной славой, так как по решительным, но не доказанным уверениям как туземцев, так и европейцев, иногда грызет слоновую кость и портит прекрасные бивни. По-видимому, это безосновательно, по крайней мере, насколько

** Брем в описании явно смешивает малую тростниковую и большую тростниковую крысу.*

*** Большие тростниковые крысы населяют прибрежные заросли, заболоченные поймы, малые крысы предпочитают более сухие участки со скалами, встречаются до высот 2600 м. Оба вида активны ночью, но малая — иногда и днем. Живут в неглубоких норах, питаются сочными частями растений, семенами, орехами, малая тростниковая крыса — и корой деревьев. Образуют смешанные по возрасту и полу группы, возможно, семьи, но в сухой сезон самки объединяются в отдельные группы, самцы держатся поодиночке. В году бывает два помёта, обычно в сухой сезон. Самки рожают от 2 до 6 (обычно 4) зрячих, покрытых*

Семейство тростниковые крысы

шерсткой детенышей. Половозрелы с годовалого возраста, продолжительность жизни не превышает 3 лет. Оба вида обычны, местами вредят плантациям, активно истребляются из-за вкусного мяса.

** Все тропические грызуны утоляют свой минеральный голод, грызя кости крупных животных. Слоновые бивни не составляют исключения.*

простираются наблюдения Пехуель-Леше, на исследованных им бивнях отдельные бороздки на обгрызенных местах были слишком узки и слишком округлены, одним словом, слишком аккуратны, чтобы можно было предположить, что они прорезаны крепкими и широкими резцами тростниковой крысы. Тот же результат выяснился при исследовании многочисленных кусков слоновой кости в обширной коллекции В. Вестендарпа в Гамбурге. Животное это, может быть, и обгрызает иногда слоновую кость, но гораздо большее число повреждений на бивнях производится, вероятно, различными и гораздо меньшими по размеру грызунами. Тем не менее очень примечательно, что и на дальнем северо-востоке Африки этих крыс обвиняют в том же самом. «Они хорошо известны в Ниам-Ниам, — пишет Швейнфурт, — главным образом благодаря тем опустошениям, которые обычно производят в запасах слоновой кости, обгрызая ее, чтобы точить резцы на удобном для этого предмете. Дело в том, что жители Ниам-Ниам, следуя обычаю многих африканских народов, зарывают свою слоновую кость в мокрую болотную почву, чтобы защитить ее на случай военного нападения, а может быть, и на случай пожара. Здесь ее находят эти животные и обгрызают во всех направлениях»*.

Тростниковую крысу преследуют как туземцы, так и любящие охоту европейцы, так как из нее получается более вкусное жаркое, чем из какого-либо другого африканского млекопитающего. По крайней мере, все вышеназванные натуралисты, за исключением Друммонда, согласны в том, что это прекрасная дичь. Ее мясо жирно и похоже на мясо здорового поросенка-сосунка и свободно от какого-либо противного постороннего вкуса. Кожа, хотя и толстая, но очень легко рвется и довольно крепко срастается с лежащим под ней слоем жира, ее обычно не снимают, а только опаливают щетину и затем готовят дичь целиком. Охотятся за грызунами с помощью ловушек, собак или огня и, если собаки не загрызут зверька, то его колют копьями или забивают до смерти. При охоте в одиночку поиск тростниковой крысы облегчается ее привычкой лежать долго на одном месте, подобно зайцу, и убегать по тем тропинкам, которые она проложила через чащу. Этим пользуются туземцы западной Африки, на тропинки они кладут длинные корзины, сделанные из тонких щепок и похожие на рыболовные верши, по сторонам под острым углом к тропинке крылообразно располагают короткие изгороди. Вспугнутые животные бросаются в эти корзины-ловушки, иногда по нескольку штук одна за другой и застревают там. Их гибкая темница до такой степени узка, что они не могут в ней повернуться и таким образом беспомощно защемленные попадают в руки преследователей. Более богата добычей в известное время большая

охота загоном, в которой действуют вместе люди, собаки и огонь. Когда в сухое время года некоторые водоемы иссякают и большие пространства травяных зарослей выгорают, тростниковые крысы по необходимости собираются в уцелевших остатках чащи. Эти чащи окружают, зажигают и убивают убегающих животных, кто как может.

«Конец февраля, — пишет Швейнфурт, — был самым удобным временем для охоты, поэтому я устроил однажды большую охотничью экскурсию к Дьюру, собрав вокруг себя самых ловких туземцев. Вооруженные копьями и хорошо знакомые с местами, в которых предпочтительно держится это замечательное животное, они должны были служить мне в качестве загонщиков и охотников. В это время, когда даже около рек и в болотистых низменностях засохла вся трава, казалось легким делом набить с помощью охотников грызунов, во множестве водящихся в таких местностях. Добычей дня было действительно десять штук, однако большинство благодаря грубому способу охоты, оказались растерзанными ударами брошенных в них копий и зубами моих собак и негодными для научных целей. Как только находили место, где были эти животные, их окружали и зажигали высокую траву сразу со всех сторон; ускользнуть было невозможно, каждое прятавшееся там живое существо должно было показаться. Однако животные имели дурную привычку ждать до последнего момента и решаться на бегство, лишь опалив шерсть и обжегши лапы; поэтому добыть неповрежденные шкуры было нелегко. Подобно зайцу, зверек остается неподвижным в своем убежище, где считает себя безопасным, даже в непосредственной близости от преследователя. Поэтому туземцы нередко убивают их ударом камня или дубины. В некоторых местах, где уцелевшая от степного пожара трава отличалась особенной густотой, сопровождавшие меня туземцы лишь кололи наудачу своими копьями, чтобы пронзить несколько грызунов точно так, как ловят рыбу в лужах, оставшихся от пересохшей реки».

Большая
тростниковая крыса
(*Thryonomys*
swinderlanus)

* Брем смешивает несколько южноафриканских представителей этого семейства — капского пескороя (*Bathyergus suillus*), готтентотского пескороя (*Cryptomys hottentotus*) и капского землекопа (*Georchus capensis*). Впрочем, биология и экология этих видов различаются лишь в деталях.

** Буры, или африканеры, — потомки голландских переселенцев, колонизировавших Южную Африку в XVII—XVIII веках.

Африканская кротообразная мышь капский пескорой (*Bathyergus suillus*)* так же некрасив, как и остальные, сюда принадлежащие животные, он неуклюж, туловище его валькообразное, голова широкая, тупая, без ушных раковин, с очень маленькими глазами и широким хрящевым кончиком носа; у него короткие ноги и пятипалые ступни, вооруженные огромными когтями для рытья. Густой мех необыкновенно мягок и тонок, длинные, толстые усы окружают морду, хвост как бы обрубленный, кончается лучистой кистью. Слабоизогнутые белые резцы паразитической длины и далеко выдаются, на верхней паре заметны глубокие желобки. Из четырех коренных зубов в каждой челюсти задний — самый большой. Общая окраска меха белая, наверху желтоватая, а внизу с серым налетом. Длина, включая сюда хвост в 5 см, доходит до 30 см.

Капский пескорой распространен в относительно малой части южной Африки, чаще всего встречается на мысе Доброй Надежды. Песчаные побережья являются местом его пребывания, более твердой и богатой растениями почвы он тщательно избегает; поэтому часто встречается на дюнах или песчаных прибрежных буграх. Образ жизни его подземный. Он роет себе глубоко в песке длинные ветвистые трубчатые ходы, лучеобразно расходящиеся из многих центров и многократно связанные между собой. Их направление обозначено рядами набросанных куч. Ходы гораздо шире, чем у крота, так как животные величиной почти с хомяка должны рыть ходы с большим диаметром, чем маленький крот. Создается впечатление, что пескорой настойчиво старается всюду преградить доступ наружному воздуху в свои норы, так как он в высшей степени боится света. Попадая случайно на поверхность земли, он спасается бегством. Если его схватить, то он сердито бросается передней частью тела во все стороны и яростно кусает все вокруг себя. Буры** ненавидят пескороя, потому что он так подрывает землю, что лошади часто проваливаются в ямы и подвергаются опасности сломать ноги, даже люди и те часто ушибаются. Обыкновенно пескорой набрасывает свои кучи утром около шести часов или ночью около полуночи. Этим пользуются крестьяне для истребления животного. Они убирают прочь кучу, открывают одно из отверстий, кладут в нее морковь или другой корнеплод, прикрепляя его к веревке, которая тянет курок ружья, направленного дулом к дыре. Как только пескорой дернет за морковь, он разряжает ружье и выстрелом убивает самого себя. Проводят также в нору воду, чтобы утопить его.

ОТРЯД ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ (Lagomorpha)*

Отряд
зайцеобразные

Зайцеобразные — единственные грызуны, у которых более двух резцов: позади острых и широких передних резцов, служащих для того, чтобы грызть пищу, находится два маленьких, тупых, почти четырехугольных стержня. Это придает зубной системе настолько своеобразный отпечаток, что зайцы в этом отношении стоят совершенно особняком. Кроме того, в каждой челюсти находится еще по 5—6 коренных зубов, из двух эмалевых пластинок каждый. Позвоночный столб кроме шейных позвонков состоит из 12 спинных, 9 поясничных, 2—4 крестцовых и 12—20 хвостовых. Общие признаки зайцев: вытянутое тело с длинными задними ногами, длинный вытянутый череп с большими ушами и глазами, пятипалые передние и четырехпалые задние ноги, толстые, крайне подвижные, глубоко расщепленные губы с большими усами по обеим сторонам и густой, шерстистый мех.

Отряд этот имеет мало видов, но распространен на большей части земли **.

Лишь в Австралии без участия человека зайцев не было бы; теперь же и в Австралии, и Новой Зеландии широко распространены два вида. Зайцы встречаются во всех климатах, на равнинах и в горах, на открытых полях и в трещинах скал, на земле и под ней, одним словом, всюду, и где кончается область распространения одного вида, начинается область другого, местность, не занятая одним, охотно заселяется другим. Все питаются мягкими сочными частями растений, однако можно сказать, что они не щадят ничего, что только могут достать: поедают растения от корня до плода, хотя охотнее всего едят листья низких трав. Большая часть видов мало общественные и очень твердо держатся раз избранного или выпавшего им на долю места жительства. Здесь они целый день лежат, спрятавшись в углублении или норе, а ночью бродят, отыскивая пищу. Они отдыхают, строго говоря, лишь в полуденные часы, а если чувствуют себя в безопасности, то бегают также утром и вечером при свете солнца. Их движения совершенно своеобразны. Известная быстрота зайцев проявляется лишь при беге, при медленной ходьбе они движутся крайне неловко и неуклюже благодаря длинным задним ногам, которые затрудняют равномерное движение. Однако

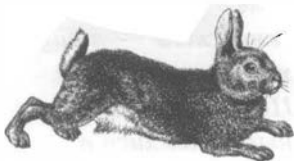
**Характерная особенность представителей отряда — цекотрофия, позволяющая полнее усвоить малокалорийный растительный корм. Днем, после первого цикла переваривания, животные выделяют экскременты в виде мягких, покрытых слизью шариков. Фактически это полупереваренный корм с белково-азотистыми добавками бактериальной микрофлоры кишечника. Поедая эти «концентраты», животные получают жизненно необходимые элементы. Вечерние (окончательные) экскременты — сухие и твердые шарики.*

*** Этот отряд включает всего 2 семейства — пищуховых и зайцевых. Первые зайцеобразные появились в*

Отряд зайцеобразные

палеоцене Азии, затем заселили Европу и Северную Америку и лишь совсем недавно — Африку и Южную Америку. В Океании, в том числе Австралии, заяц-русак и дикий кролик акклиматизированы человеком.

* Американские пустынные зайцы достигают скорости 70 км/ч, прыгают на 2,5 м в высоту. Медленно бегающие коротконогие виды семейства обычно живут в норах, их называют кроликами. Некоторые виды кроликов ведут полуводный образ жизни, хотя не имеют приспособлений для плавания. Эндемик островов Рюкю — лазающий заяц (*Pentalagus furnessi*) лазает по стволам и ветвям, цепляясь за кору толстыми кривыми когтями, отдыхает в дуплах.

при самом быстром беге умеют делать всевозможные повороты и обнаруживают ловкость, которой от них нельзя было бы ожидать. Воды они избегают, хотя в крайнем случае переплывают реки*.

Из их чувств несомненно выше всего стоит слух: он достигает такого развития, как у немногих других животных, и, без сомнения, лучше, чем у всех других грызунов. Обоняние слабее, но не очень плохое, зрение развито довольно хорошо. Голос их представляет глухое ворчание, а в страхе — громкий жалобный крик. Принадлежащие к этому отряду пищухи оправдывают это название. Поддержкой голосу, который вообще приходится слышать лишь редко, служит своеобразное топание задними ногами, которое, как говорят, выражает как страх, так и гнев, а также и предостережение. Душевные качества их довольно богаты противоположностями. В общем зайцы не соответствуют тому представлению, которое часто составляют себе о них. Их называют добродушными, смиренными, безобидными и трусливыми; но оказывается, что они могут проявлять и противоположные качества. Точные наблюдатели вовсе не признают у них добродушия, напротив, называют зайцев в высшей степени злобными и беспокойными. Общеизвестен их страх, осторожность и пугливость, менее известна их хитрость, которая с возрастом доходит поистине до удивительной степени. Трусость их тоже не так велика, как полагают. Во всяком случае с ними поступают несправедливо, выставляя это качество в такой степени, как это делал Линней, который на вечные времена заклеил один вид, именно беляка, именем труса (*Lepus timidus*). Один английский писатель говорит очень удачно, что нечего удивляться трусости зайцев: каждый леопард, каждый тигр и лев стали бы искать спасения в бегстве, если бы 20, 30 собак и хорошо вооруженные охотники стали отыскивать его во время отдыха и преследовать с такой же кровожадностью, как мы преследуем бедняг.

Если размножение зайцев и не так сильно, как у грызунов, то оно все же довольно велико и имеет полное развитие в тех местах, где жизнь улыбается зайцу и преследование не слишком сильно. Большинство зайцев рожают детенышей несколько раз в год, некоторые по 3—6 и до 11, но почти все обращаются со своим потомством крайне легкомысленно, и потому-то так много детенышей погибает. Кроме того, за этой вкусной дичью охотится целое войско врагов; в каждой части света враги новые, но везде их одинаково много.

Нечего удивляться, что при огромной массе врагов зайцы не размножаются в такой степени, как можно бы ожидать. Это большое счастье для нас, иначе они поели бы все наши посевы. Во всех странах, где размножение их сильно перевешивает истребление, они становятся бичом.

СЕМЕЙСТВО ЗАЙЦЕВЫЕ (Leporidae)*

Отличительными признаками собственно зайцев служат уши, по длине равные голове, укороченные большие пальцы передних лап, очень длинные задние ноги, поднятый вверх зачаточный хвост и 6 коренных зубов в каждой верхней челюсти.

Заяц-русак, тумак** (*Lepus europaeus*), общая длина которого равняется 75 см (причем лишь 8 см приходится на хвост), а высота 30 см, — один из двух водящихся у нас представителей этого рода. Он достигает массы 5—6 кг, а в редких случаях старый самец достигает 7—8, даже 9 кг. Цвет меха нелегко описать немногими словами. Мех состоит из коротких волос подшерстка и длинных волос ости, первые очень густы и курчавы, волосы ости толсты, длинны и также несколько курчавы. Благодаря этому мех получает настоящую земляную окраску. Цвет, кроме того, изменяется летом и зимой. Самка рыжее самца, встречаются различные отклонения, темные, пятнистые, белые зайцы, короче, окраска может быть очень разнообразна. Большею частью цвет этого грызуна превосходно приспособлен к тому, чтобы скрываться от врагов, когда он лежит на земле. Уже на незначительном расстоянии цвет его так похож на цвет окружающей обстановки, что нельзя отличить шкуру зайца от земли***. Подошвы ног покрыты густыми и мягкими волосами.

Русак носит различные названия в зависимости от пола и места жительства. В Германии и России охотники отличают несколько типов зайцев, и для них существует особая охотничья терминология, которую здесь приводить незачем.

Родиной этого зайца служит вся средняя Европа и большая часть западной Азии. Северной границы своей области он достигает в Шотландии, южной Швеции и северной России, южной границы — в южной Франции и северной Италии****. Плодородные равнины с лесом или без него и лесистые предгорья составляют его любимые места, однако в Альпах он поднимается до высоты в 1500 метров над уровнем моря, а на Кавказе — до высоты 2000 метров. Он предпочитает страны с умеренным климатом и из любви к теплу избирает поля, лежащие с подветренной стороны и защищенные горами. Попытки распространить его на север не удалось, зато легко удалось развести в Австралии и Новой Зеландии. В южной Австралии он местами так обычен, что, как сообщает Гааке, часто за прекрасные экземпляры платят лишь по 1 марке.

«В общем, — говорит Дитрих Винкель, давший, по моему мнению, самое удачное описание жизни русака, — заяц более ночное, чем дневное животное, хотя и можно видеть его бродящим по полям в ясный солнечный день еще до заката солнца и утром. Крайне неохотно оставляет он то место, где вырос. Если русак не

Семейство зайцевые

* Семейство зайцевые объединяет зайцев и кроликов. Зайцевые населяют все природные зоны от тундр до экваториальных лесов и пустынь, в горы поднимаются до 4900 м. Длина тела представителей семейства 25—74 см, масса — до 10 кг, самки несколько крупнее самцов. В России — 4 вида зайцев из 2 родов, еще один вид — дикого кролика неоднократно акклиматизировали в южных областях.

** Тумак — гибрид зайца-русака и зайца-беляка.

*** Зимой, после осенней линьки, окраска русака становится более светлой, белеют бедра, плечи, бока тела. К лету белевые кончики волос изнашиваются и окраска темнеет.

**** На восток ареал русака простирается по лесостепям Западной Сибири до Алтая, на

Семейство зайцевые

*юг — до Приаралья,
акклиматизирован в
Прибайкалье и на
Дальнем Востоке.*

** По своему проис-
хождению русак —
степной зверь, в
лесную зону он
проник вслед за
открытыми ланд-
шафтами, созданны-
ми человеком, —
полями, пастбищами,
пустырями.*

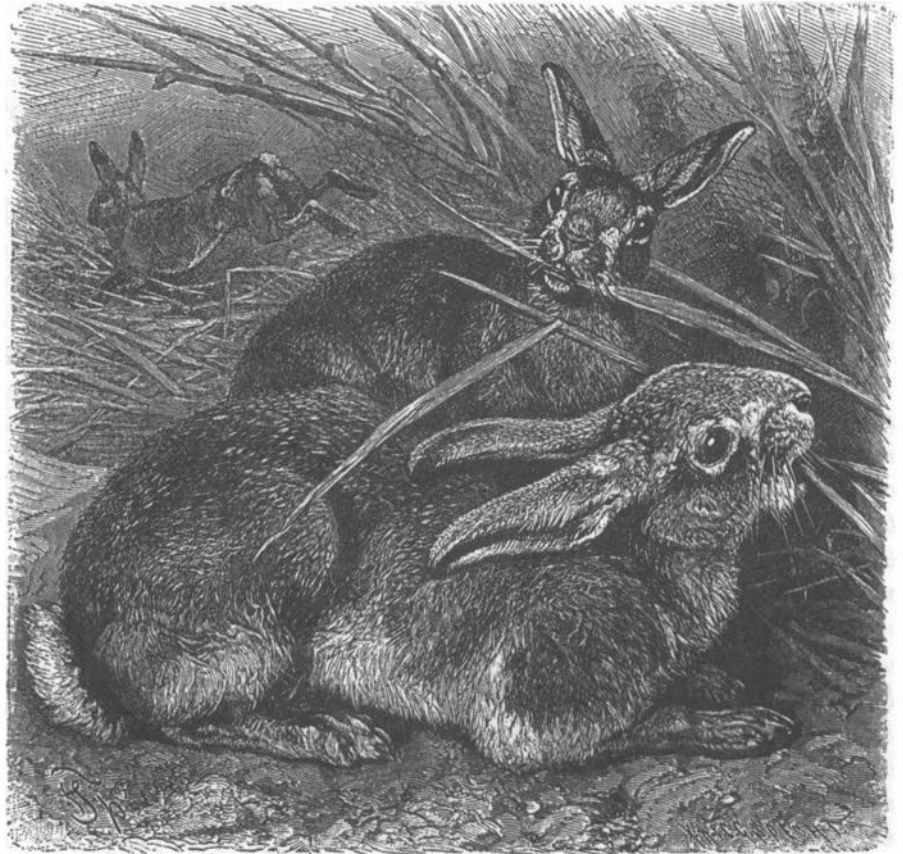

встречает там другого зайца, с которым мог бы спариться, или испытывает недостаток в пище, то уходит далее, чем обычно. Но самка при приближении времени спаривания возвращается на то место, где родилась, то же делает осенью самец. Особенно крепко держится он того места, где его долго не беспокоят; продолжительное же преследование прогоняет его навсегда. Русак живет преимущественно на полях и уходит оттуда, только когда идет дождь*. Если ту рощу, в которой он поселился, срубаят, то переходит в другое место, на хлебные поля и огороды, засеянные репой, капустой и др. Здесь он роскошествует, окруженный со всех сторон обильным кормом. Все сорта капусты и репы составляют для него лакомство. Петрушке он, по-видимому, отдает особое предпочтение. Поздней осенью избирает немного заросшие после пахоты поля, не слишком влажные, поросшие ситником низкие места и поля, засеянные маслянистыми растениями, которые после озимых хлебов составляют главную часть его пищи. Пока еще мало или вовсе нет снега, он не меняет своего местопребывания, лишь ночью отправляется в огороды и отыскивает срезанную и сложенную капусту. Если выпадает сильный снег, то позволяет занести себя снегом, но как скоро непогода прекращается, перебирается на клеверные поля. Если на снегу образуется ледяная корка, то недостаток в пище становится все ощутимее, и чем дольше это длится, тем больший вред наносит заяц садам и древесным питомникам. В это время он с одинаковым удовольствием ест листья любимого браунколя, грызет кору молодых деревьев, особенно акации, лиственницы и терновника. Если благодаря оттепели снег уменьшается или вовсе пропадает, то заяц снова возвращается на прежнее место, и озимые всякого рода опять составляют его исключительные пастбища. Пока озимые не начнут колоситься, он питается ими. Затем отправляется в яровые поля, обычно перед закатом солнца или после теплого дождя. Он перестает есть и эти злаки, когда они сильно вырастут, но остается жить в этих полях и посещает по вечерам недавно засеянные поля капусты, репы и др. Заяц, живущий в кустарниках, выходит на поля лишь вечером и возвращается в лес с наступлением дня или вскоре после восхода солнца. Но в течение лета он иногда меняет свое местопребывание, переходя в дневное время на поля, заросшие высокими хлебами, или, если идет дождь, на поля, лежащие под паром или перепаханные. Осенью, когда кусты обнажаются, он совсем уходит из леса, так как шум падения листьев для него невыносим и пугает его, зимой он уходит в самую чащу леса, но с наступлением оттепели снова возвращается в более редкий лес.

«Кроме времени спаривания, когда зайцы необыкновенно возбуждены, они весь день спят или дремлют в своих логовищах. Заяц никогда не идет прямо к старому логовищу или туда, где хочет устроить новое, а сначала пробежит на некоторое расстояние дальше того места, где собирается залечь, возвращается, снова

делает несколько прыжков вперед, затем прыжок в сторону и повторяет это еще несколько раз, пока не бросится сильным прыжком в то место, где хочет остаться. Готовя логовище, он в открытом поле вырывает в земле ямку около 5—8 сантиметров глубины, несколько расширенную на заднем конце; она имеет такую длину и ширину, что если заяц вытянет передние лапы, положит на них голову с прижатыми ушами и подожмет под себя задние ноги, то верхняя часть спины едва заметна. В этом логовище он в теплое время года кое-как укрывается от бури и дождя. Зимой обычно углубляет логовище настолько, что заметна только его мордочка. Летом поворачивается мордой на север, зимой на юг, а в бурную погоду так, что сидит под ветром». С этим описанием не согласится, конечно, ни один наблюдатель. Напротив, заяц обычно меняет свое положение, смотря по погоде и именно смотря по направлению ветра, а также сообразуется с видом местности: так, в неровных местностях, на склонах он непременно обращается головой книзу.

Незнакомых предметов он чрезвычайно боится и потому тщательно избегает пугал, которые выставляются на полях, чтобы отгонять его. Но случается и так, что старые опытные зайцы оказываются до того дерзкими, что их нельзя прогнать даже собаками. Заметив, что собаки заперты или привязаны, они приближаются к огородам с неимоверным бесстыдством и пасутся, так сказать, на глазах у собак. Ленц не раз видел, как зайцы прокрадывались так близко под его окном и около привязанных собак, что пена из пасти взбешенных собак брызгала им на мех. Быстрота бега зайца зависит главным образом от его сложения, то есть задние ноги зайца длиннее передних. В этом заключается и причина того, что он может лучше бежать в гору, чем под гору, и что в следах его отпечатки задних ног всегда

Заяц-русак
(*Lepus europaeus*)

Семейство зайцевые

** Зрение у русака, как и у других зайцев, превосходное. Расположение глаз — навывкате, по бокам головы обеспечивает его необычайно широким полем зрения (почти 360 градусов), но зона объемного бинокулярного зрения очень мала. Уши достигают длины 13 см, они подвижны, могут поворачиваться на 190 градусов.*

*** В брачный период зайцы собираются группами до нескольких десятков особей, самцы жестоко дерутся, встав на дыбы и нанося противнику удары передними лапами, иногда кусаясь. Между самцом и самкой, не готовой к спариванию, тоже возникают стычки, в которых обычно побеждает более крупная самка.*

**** На севере у русака бывает лишь 2 помета в году, на юге — до 4. Первый выводок в народе называют «настовиками», последний «листопадниками».*

лежат спереди отпечатков передних. Если он спокоен, то движется короткими медленными прыжками, если ему надо подвигаться быстро, то очень большими. Убегая, имеет привычку на некотором расстоянии от логовища без всякой видимой причины садиться по-собачьи на задние лапы; если собака от него еще довольно далеко, то он не только поднимается на совершенно вытянутые задние ноги, но даже пробегает так несколько шагов, осматриваясь при этом во все стороны. Обыкновенно заяц издает звуки лишь в том случае, если видит себя в опасности, и крик этот похож на плач маленьких детей.

Из внешних чувств зайца, как можно судить по большим ушам, лучше всего развит слух, обоняние очень хорошо, но зрение довольно слабо*. Из душевных качеств лучше всего развиты чрезвычайная осторожность и внимательность. Самый тихий звук, который он услышит, шелест листьев от ветра, шорох листа достаточны для того, чтобы разбудить его, если он спит, и привлечь внимание. Прошмыгнувшая ящерица, кваканье лягушки могут спугнуть его с логовища, и, даже если он движется полным бегом, достаточно тихого свиста, чтобы остановить его.

Время спаривания начинается после суровых зим в начале марта, в мягкие зимы — в феврале и даже январе.

Достойные доверия охотники утверждают, что поединки между влюбленными зайцами, какими бы невинными они ни казались, не обходятся без увечий; охотники нередко встречали в своих округах ослепших зайцев, у которых в таких битвах были повреждены глаза. Иногда и зайчиха может так серьезно пострадать, что долго болеет или даже умирает**. Выцарапанная шерсть, лежащая на местах побоищ, служит охотнику знаком, что время спаривания у зайцев действительно наступило.

Беременность зайчихи продолжается около 30 дней. Обычно она рождает первый раз между серединой и концом марта, четвертый и последний раз в августе, первый помет состоит из одного или двух детенышей, второй из трех-четырех, третий из трех, а четвертый опять из одного или двух, в исключительных случаях рождается сразу по пять или более детенышей***. Роды происходят в очень простом углублении, в спокойном месте леса или поля: на куче навоза, в углублении старого бревна, засыпанном листьями, или же и без подстилки, в глубокой борозде и, наконец, на ровном месте, где попало. Детеныши рождаются с открытыми глазами и, во всяком случае, уже очень развитыми. По словам некоторых охотников, им приходится самим сушиться и чиститься тотчас же после рождения. Достоверно то, что мать остается при детенышах в течение первых 5—6 дней. Лишь время от времени она возвращается на то место, где произвела на свет детенышей, и дает им сосать. Но во всяком случае, она продолжает заботиться о них, так как без нее беспомощные зверьки должны были бы погибнуть жалким образом. При приближении

врага она оставляет детенышей, хотя известны случаи, когда старые зайчихи защищали свое потомство от хищных птиц или воронов. Из первого помета большая часть детенышей погибает: переход из теплого тела матери на холодную землю слишком резок, маленькое создание коченеет и околевавает. А если оно и сохранит свою слабую жизнь, то ему угрожают опасности всякого рода, даже от собственного отца*.

Семейство молодых зайцев неохотно оставляет ту местность, в которой родилось. Детеныши одного помета редко удаляются друг от друга, хотя каждый и выкапывает себе отдельное логовище. По вечерам они вместе выходят на пастбище, по утрам вместе возвращаются к логовищам: так идет их жизнь, которая с течением времени становится очень веселой и деятельной, до тех пор, пока они не станут полувзрослыми. Тогда они отделяются друг от друга. Зайчата вырастают за 15 месяцев, но уже в первый год жизни способны к размножению. Продолжительность жизни, которой заяц достигает у нас, может равняться 7—8 годам, но встречаются примеры, что зайцы, избегая всех преследований, еще более долгое время не умирают от старческой дряхлости**. В первую четверть этого столетия на моей родине был известен охотникам один заяц-самец: мой отец знал его 8 лет. Хитрецу постоянно удавалось уходить от всех преследований, и лишь в очень суровую зиму был убит моим отцом из засады. При взвешивании оказалось, что он достиг 9 килограммов.

«Жизнь нашего грызуна, — говорит Адольф Мюллер, — есть почти непрерывная цепь бед, нужды и страданий, чтобы избежать их, у зайца, правда, существует бдительность и осторожность, но все-таки самым верным средством спасения остается заячий страх, над которым так смеются. Ведь целое войско наших туземных хищников из млекопитающих и птиц высылает за этим мирным и беззащитным существом шпионов, обманщиков, разбойников и убийц, чтобы превратить тихий рай его лугов и лесов в арену страха и смерти. Ведь собаки, от медленной, косолапой таксы, до длинноногой, тонкой, быстрой, как буря, борзой, затравливают насмерть его, быстрейшего из бегунов. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собаки, когда чутье, лукавство и кровожадность хищников, дурная погода и естественные бедствия пощадят горемыку, тогда еще и человек со своей хитростью держит наготове различные средства для истребления бедняги. Как самый свирепый и коварный хищник, он осуждает рожденного для страдания еще и на повешение. Человек прокрадывается, как убийца, ночью и в тумане в лес, кладет на пути гнусные проволочные петли, в которые безобидное животное попадает головой и умирает жалкой смертью удавленника. Но это делает лишь жадный промышленник, а охотник — никогда!»

О правильной и неправильной охоте за зайцами написаны книги, и потому входить в подробное рассмотрение различных

Максимальное количество зайчат в одном выводке — 8.

** Запаховые и потовые железы находятся у зайцев на подошвах. Поэтому прижавшийся к субстрату детеныш, имеющий криптическую окраску, не только незаметен, но и практически не пахнет. Зайчиха, стараясь не демаскировать месторасположение выводка своими «пахучими» следами, очень редко посещает зайчат. Молоко у зайчихи чрезвычайно жирное и питательное, одной-двух кормежек хватает зайчонку на сутки. Зайчихи кормят не только своих, но и «чужих» зайчат. Через две недели после рождения зайчата переходят на питание зеленым кормом.*

*** Самки становятся половозрелыми через полгода после рождения, самцы — в 9—12 месяцев. Продолжительность жизни русака — до 5 лет.*

способов охоты я не намерен. По моему мнению, наибольшее удовольствие доставляет охотнику отыскивание зайца по следам и подстерегание из засады. Травля борзыми, правда, очень возбуждает, но так запугивает зайцев, что они перестают водиться в известных участках. Охота загоном, как ни приятна она не в слишком населенных местах, обращается под конец там, где зайцев много, в настоящую бойню; между тем как выслеживание и подстерегание постоянно держат охотника в напряжении и наиболее достойны настоящего охотника.

Пойманные зайцы легко приручаются, привыкают без сопротивления ко всякой пище, какой кормят кроликов, но нежны и легко умирают. Если давать им лишь сено, хлеб и воду, но никогда не давать зелени, то они живут дольше.

О пользе и вреде зайца господствуют различные взгляды в зависимости от того, с какой точки зрения судят: сельскохозяйственной или охотничьей. Беспристрастный судья, безусловно, должен будет признать, что заяц — животное вредное: он потребляет по крайней мере вдвое больше того, сколько сам стоит на рынке. Во многих местностях Германии это мало ощутительно, потому что заяц обычно лакомится везде понемногу и таким образом распределяет свои опустошения на большое пространство, но оспаривать приносимый им вред тем не менее нельзя.

Если вред зайца и может считаться доказанным, то этим еще не сказано, что его следует истреблять. И без того достаточно заботятся об уменьшении числа зайцев. Те, кому они очевидно вредят и надоедают, могут, насколько заблагорассудится, уменьшить их число; тем же, кто высказывается в пользу их безусловного истребления, можно возразить, что заслуживают внимания и удовольствие охоты, и вкусное мясо зайца.

Кроме справедливо ценимого мяса зайца, в дело идет и его шкура. Из лишенной волос и выдубленной шкуры делают обувь и род пергамента или употребляют ее на выделку клея, волосы идут на изготовление войлочных шляп. Ежегодно, по Ломеру, в торговлю поступает 3—4 миллиона шкур, ценой по 30—75 пфенигов за штуку. Сибирские белые заячьи шкуры получили за последние десять лет выгодное применение: их окрашивают в черный и бурый цвет, обстригают и окрашивают под цвет меха рыси или шиншиллы и таким образом превращают в очень красивый, но непрочный мех. Этих шкур ежегодно поступает в торговлю 1—1,5 миллиона штук, ценой 0,5—2 марки за штуку. В старой медицине волосы, жир, кровь, мозг, кости, даже помет зайца играли важную роль, и еще в настоящее время суеверные люди употребляют шкуру и жир зайца против болезней. Долгое время заяц считался заколдованным существом. Еще в прошлом столетии верили, что заяц гермафродит, и были твердо убеждены, что он может произвольно изменять пол, а следовательно, является как самцом, так и самкой. Тропинки, которые он прогрызает в

высоких хлебах, еще и в настоящее время носят название «ведьминых дорожек».

Заяц-беляк (*Lepus timidus*) определенно отличается по форме тела и характеру от русака. «Он, — говорит Чуди, — резвее, живее, смелее, голова его короче, круглее, выпуклее, нос короче, уши меньше, щеки шире, задние ноги длиннее, подошвы гуще усажены волосами, пальцы отделены друг от друга глубокими промежутками, могут широко расставляться и вооружены длинными, острыми, кривыми, слегка втяжными когтями. Глаза более темного бурого цвета, чем у русака. Обыкновенно беляк несколько меньше русака, однако встречаются самцы массой до 6 кг, в Бюндене был застрелен один, весивший даже 7,5 кг. Точное сравнение полузрелого альпийского зайца с обыкновенным зайцем того же возраста показало, что первый отличался гораздо более хитрым и умным выражением морды, в движениях он проявлял больше легкости и был менее глупо пуглив. Голень его была гораздо сильнее согнута, голова и нос короче, уши меньше, задние ноги длиннее, чем у русака; этот последний был пугливее своего альпийского родича*.

В декабре, когда Альпы лежат погребенные в снегу, этот заяц получает чисто-белоснежный цвет, только концы ушей остаются черными. Весеннее солнце, начиная с марта, вызывает замечательное изменение цвета. Сначала у него спина становится серой, и на боках серые волосы все в большем количестве примешиваются к белым. В апреле он принимает очень странный вид, делается пятнистым или крапчатым. Со дня на день темно-бурый цвет берет перевес, и это изменение заканчивается лишь в мае. В это время заяц чисто одноцветен, без крапин, как обыкновенный заяц, шерсть его притом более жесткая, чем у альпийского зайца. Осенью он уже с первым снегом начинает приобретать отдельные белые волосы; но зима скорее наступает в Альпах, чем весна, и изменение цвета осенью идет быстрее и за-

Семейство зайцевые

** По сравнению с русаком беляк более коротконог, имеет более короткие уши. Такая тенденция изменения пропорций вообще характерна для более*

Заяц-беляк
(*Lepus timidus*)

северных и «лесных» животных по сравнению с их южными «степными» родственниками. Беляк бегаёт медленнее русака.

Семейство зайцевые

** У беляка летом более однотонная бурая окраска, целиком белый хвост без темного пятна сверху и темные глаза.*

*** Беляк, а также американский заяц, или малый беляк (*L. americanus*), в отличие от других зайцев, линяют дважды в год, приобретая к зиме абсолютно белую окраску, а весной сменяя ее на бурую. Помимо маскировки белая шубка помогает поддерживать температуру тела в морозы, снижая интенсивность отдачи тепла во внешнюю среду. Сезонная линька продолжается 50—70 дней и обусловливается гормональными сдвигами, но гормональная перестройка запускается извне — сокращением или удлинением светового дня. Иногда приобретение белого наряда происходит раньше выпадения снега, в такие годы численность беляка сильно*

канчивается в период от начала октября до середины ноября. Когда серны становятся черными, их сосед, заяц, становится белым. При этом мы замечаем следующие любопытные явления. Во-первых, изменение цвета не происходит постоянно в одно и то же время, а смотря по погоде, так что в случае более ранней зимы оно наступает раньше, то же самое и в случае более ранней весны; во-вторых, оно всегда происходит одновременно с изменением цвета горностая и горного тетерева, которые подлежат тем же законам. Далее, осеннее изменение цвета происходит благодаря линьке; но изменение цвета весной, по-видимому, происходит без замены старых волос новыми. Сначала более длинные волосы на голове, шее и спине, начиная от корня и до кончика, становятся черноватыми, а нижние волосы подшерстка — серыми. Однако еще не вполне известно, не происходит ли линька отчасти и весной. В летней одежде альпийский заяц отличается от русака тем, что становится более оливково-серого цвета с большей примесью черного, а брюхо и часть ушей у него остаются белыми; русак летом приобретает рыжевато-бурю окраску с меньшей примесью черного, чем у альпийского зайца, а нижняя сторона окрашивается желтым и белым»*.

Судя по наблюдениям за беляками, которых я держал, Чуди неверно описал ход изменения цвета. И заяц линяет лишь один раз и именно весной, а к осени получает зимнюю одежду путем простого выцветания летней**. «Мы думаем, что перемена цвета является следствием уже наступившей перемены погоды; животное часто страдает, если его зимний мех уже поредел, а снова наступает мороз и выпадает снег». Этому мнению Чуди противоречат другие наблюдения. Русский беляк одевается в зимнюю одежду часто еще до первого снега и в таком случае, употребляя выражение одного русского натуралиста, «сияет, как звезда, среди темно-зеленых кустов и буро-желтой травы». «Беляка, — рассказывает Чуди далее, — можно, наверное, встретить на высотах во всех альпийских кантонах и обычно в таком же количестве, как русака в нижнем поясе. Охотнее всего он держится между границей сосен и вечным снегом, приблизительно на одной высоте с альпийским тетеревом и сурком, между 1600 и 2600 метрами над уровнем моря, однако часто забегает и гораздо выше. Леман видел одного зайца на высоте 3600 м над уровнем моря. Глубокая зима заставляет его спуститься несколько ниже к альпийским лесам, где он может найти некоторую защиту и свободные от снега места для пастбища, однако заяц неохотно спускается ниже 1000 м и как можно скорее возвращается на свои любимые высоты».

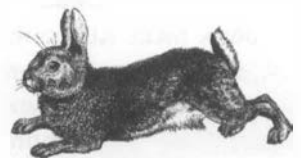
Летом наш зверек живет приблизительно так: логовище его расположено между камнями, в пещерке или под стелящимися или карликовыми соснами. Здесь самец лежит, подняв голову и уши. Самка, напротив, обычно кладет голову на передние ноги

и закладывает уши назад. Рано утром или еще ночью оба оставляют логовище и пасутся на солнечных местах, поросших травой, причем уши в движении, а нос нюхает, нет ли поблизости одного из их многочисленных врагов: лисицы или лесной куницы, которая, правда, редко забегает на эти высоты, ястреба, орла, сокола, ворона, может быть, и ласки, которая вполне может справиться с молодым зайцем. Любимая пища беляка состоит из клевера, ромашки, тысячелистника и фиалок, малорослой ивы и коры волчника. Между тем аконит и кусты герани, которые, по-видимому, и для него ядовиты, он не трогает даже в такие зимы, когда терпит большой недостаток в пище. Насытившись, заяц ложится, вытянувшись, в теплую траву или на освещенный солнцем камень, на котором его нелегко заметить, так как цвет его подходит к цвету почвы. Он лишь изредка пьет воду. Когда наступает вечер, снова пасется и прогуливается по скалам и пастбищам, причем часто высоко поднимается на задних ногах. Затем возвращается обратно к своему логовищу. Ночью подвергается преследованиям со стороны лисиц, хорьков и куниц, но филин, который легко бы мог овладеть им, никогда не подымается на эти высоты. Зато заяц часто становится жертвой других больших альпийских хищных птиц*.

«Зимой ему часто приходится терпеть нужду. Если ранний снег захватит прежде, чем у зайца вырастет более густая зимняя шерсть, он часто по нескольку дней не выходит из-под своего камня или куста, голодает и зябнет. Точно так же остается лежать в поле, если повалит сильный снег. Он, подобно рябчикам и белым тетеревам, предоставляет снегу засыпать себя, часто сантиметров на шестьдесят, и выходит наружу лишь тогда, когда мороз сделает снег настолько твердым, что может выдержать его. До этого заяц разгребает под снегом чистое место и грызет листья и корни альпийских растений. Если зима окончательно наступила, то он отыскивает траву и кору в жидких альпийских лесах. Очень часто в это время года альпийские зайцы подходят к сараям с сеном. Если им удастся добраться с помощью прыжков до сена, то они поселяются там, часто целым обществом, съедают значительную часть сена и покрывают его своим пометом. Но обычно в это время сено свозят на санях в долину. Тогда зайцы усердно посещают санные дороги, подбирают упавшие травинки или ночью разыскивают места полуденных стоянок дровозов, чтобы поджечь остатки лошадиного корма. Во время перевозки сена они охотно прячутся в пустых хижинах или сараях и бывают при этом очень осторожны, нередко по очереди наблюдают, нет ли опасности. Если приближаются люди, то убегают вместе, мало того, тот из них, который первый заметит опасность, вместо того, чтобы тотчас убежать, сначала обегает вокруг сарая, чтобы разбудить спящего товарища, после чего оба спасаются бегством. Как скоро ветер обнажит места земли, заяц снова возвращается на высокие Альпы.

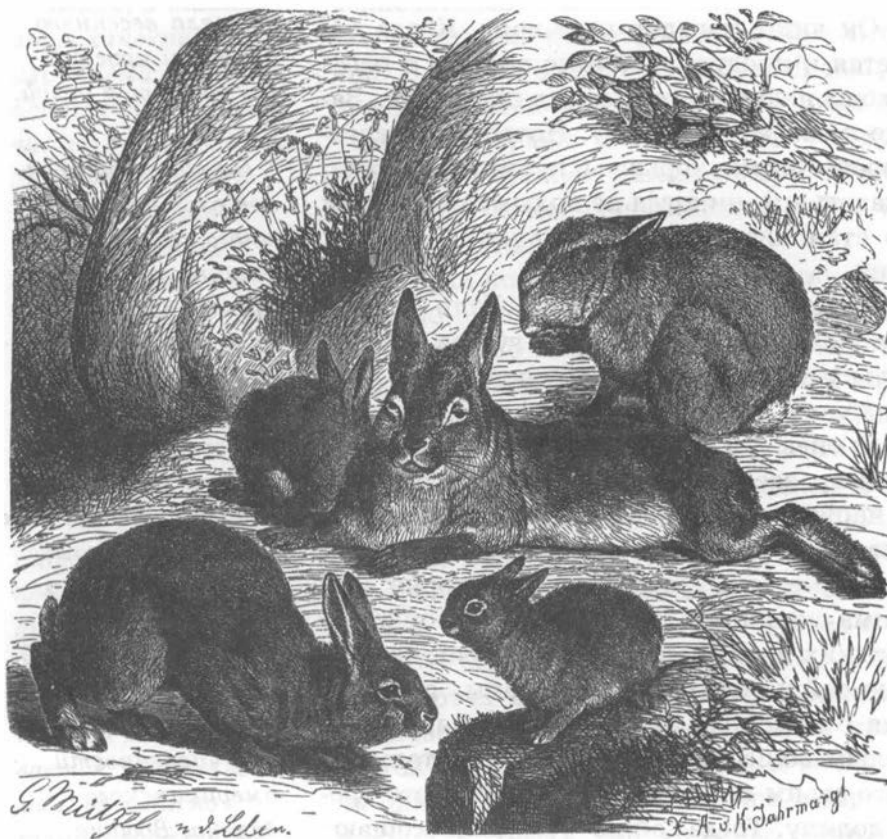
*сокращается из-за прессы хищников. Интересно, что происшедшая от беляка крупная тундровая форма — вид или подвид, арктический заяц (*L. arcticus*), — потеряла весеннюю линьку и круглый год остается белой.*

** На оба вида беляков охотится очень много хищников. Из хищных птиц это прежде всего беркут, ястреб-тетеревятник, филин, белая сова. Наиболее специализированным в охоте на зайцев четвероногим хищником оказывается не лисица, а рысь. Динамика численности канадской рыси тесно увязана с динамикой численности американского беляка. Вообще численность беляков подвержена регулярным циклическим колебаниям в 3—4 года.*

Семейство зайцевые

* В тундровой зоне беляк приносит только один выводок, в тайге — 2, в средней полосе — 3. Обычно рождается 2—5 детенышей, редко — до 7.

Дикий европейский кролик (*Oryctolagus cuniculus*)

Столь же плодовитая, как и самка обыкновенного зайца, альпийская зайчиха каждый раз приносит по 2—5 детенышей величиной с мышь, уже на второй день они прыгают вслед за матерью и очень скоро начинают есть молодые травы. Первый помет приходится обычно на апрель или май, второй на июль или август, бывает ли третий помет рано весной или поздно осенью, об этом еще спорят, но охотники утверждают, что встречали с мая до октября каждый месяц детенышей величиной в четверть взрослого животного*. Беременность зайчихи продолжается 30 дней. Почти невозможно наблюдать семейную жизнь этих животных, так как чутье их очень остро, а детеныши умеют чрезвычайно хорошо прятаться во всех щелях и дырах между камнями.

Охота на них представляет известные трудности, но зато и вознаграждает охотника. След альпийского зайца представляет нечто своеобразное: он состоит из больших прыжков, причем передние ноги очень широко отставляются от задних. Строение ноги альпийского зайца превосходно приспособлено к жизни в снежном царстве. Подошва сама по себе шире, а лапы толще, чем у обыкновенного зайца. На бегу он широко расставляет пальцы, которые служат ему при этом как бы лыжами, и потому не проваливается, на льду ему оказывают превосходную услугу

выдвижные когти. Если за ним охотятся с собаками, то он при преследовании лишь изредка прячется в узкие норы сурков, но никогда в норы лисиц.

Замечательно, что альпийского зайца легче приручить, чем обыкновенного, он ведет себя спокойнее и доверчивее, но редко долго выдерживает неволю. Зимой он белеет и в неволе. Шкура его ценится невысоко, мясо очень вкусно.

Дикий европейский кролик (*Oryctolagus cuniculus*) отличается от настоящих зайцев гораздо меньшей величиной, более

тонким сложением и более короткими головой, ушами и задними ногами*. Длина тела животного равняется 40 см, из которых 7 см приходится на хвост, масса старого самца 2—3 кг. Уши короче головы, и, если их пригнуть вниз, они не достают до конца морды. Хвост одноцветный, сверху черный, снизу белый, остальное тело одето серым мехом, который сверху имеет желто-бурый оттенок, спереди мех рыже-желтый, на боках и бедрах светло-ржавый, а на нижней стороне, на брюхе, горле и внутренней стороне ног переходит в белый. Передняя часть шеи ржаво-желто-серая, верхняя часть, как и затылок, одноцветная ржаво-рыжая. Отклонения в цвете, по-видимому, встречаются, но реже, чем у русака.

Почти все естествоиспытатели признают, что первоначальным отечеством кролика была южная Европа и что во все страны к северу от Альп он был завезен. Плиний упоминает о нем под названием *Cuniculus*, Аристотель называет его *Dasypusce*. Все старые писатели называют Испанию его отечеством. Страбон указывает, что он попал в Италию с Балеарских островов, Плиний уверяет, что кролик иногда размножается в Испании в бесчисленном множестве, а на Балеарских островах причиняет голод, уничтожая все посевы. Жители этих островов испросили у императора Августа солдат на помощь против этих животных, и ловцы кроликов были там весьма уважаемыми людьми. Подобные явления видим мы в новейшее время в Австралии и Новой Зеландии.

В настоящее время дикий кролик распространен по всей средней и южной Европе и в некоторых местах крайне обычен. В странах, окружающих Средиземное море, он все еще многочисленнее, чем где-либо, хотя там не дают ему пощады и преследуют во всякое время года. В Англии его развели в различных областях для охоты и сначала очень высоко ценили, еще в 1309 году дикий кролик стоил столько же, сколько поросенок. В северных странах он не встречается: тщетно пытались развести его в России и Швеции**.

Кролик требует холмистых и песчаных местностей с лощинами, трещинами скал и низким кустарником, особенно любит он молодые сухие заросли соснового леса, короче — места, где ему удобно прятаться. Здесь он устраивает на удобных, чаще всего на солнечных местах довольно простые норы, охотно живет обществами, часто целыми поселениями. Каждая нора состоит из камеры, лежащей довольно глубоко, и угловатых ходов с несколькими выходами каждый. Выходы бывают довольно сильно расширены, но сама галерея так узка, что ее жилец может лишь проползать в ней. Каждая пара имеет свое отдельное жилище и не терпит в нем никакого другого животного, но часто ходы, принадлежащие различным жилищам, пересекаются между собой. Кролик прячется почти весь день в своей норе. С наступлением вечера отправляется за пищей, но с большой осторожностью, покида-

* Дикий европейский кролик, дословно — норный заяц-собачка. Специализация кроликов — способность к рытью с сохранением относительно быстрого бега. В отличие от зайцев селится колониями.

** Родиной дикого кролика являются Пиренейский полуостров и Северная Африка. Начиная с античных времен его акклиматизировали по всей Европе, вплоть до Швеции, Молдовы, Украины. Помимо Австралии и Новой Зеландии кролик был завезен в США, Южную Америку, некоторые районы Африки, на многие океанические острова. Ограничивающим фактором расселения кролика в новых районах является климат — слишком суровая и снежная зима либо повышенная влажность и жара летом.

Семейство зайцевые

** Кролик бежит сравнительно медленно — 20—25 км/ч. Он уступает зайцам и в остроте зрения и слуха.*

*** Беременность у кроликов длится 28—33 дня. В отличие от зайчат крольчата рождаются слепыми, голыми и беспомощными, что, несомненно, связано с тем, что выводок находится в относительной безопасности в норе. В год бывает от 3 до 5 пометов с марта по октябрь, насчитывающих от 4 до 9 детенышей каждый (в среднем по 6). Однако исследования показали, что самка в год приносит не более 10—11 детенышей (правда, в Австралии, где кролики размножаются круглый год, а число пометов достигает 9, — до 40 детенышей). Смертность молодняка в первые недели может достигать 40% и более. Кролики половозрелы с полугодовалого возраста.*

ет нору только после продолжительного рассматривания, нет ли где опасности. Заметив врага, он предупреждает своих товарищей сильным топотом задних ног, и все спешат как можно быстрее обратно в норы.

Движения кролика существенно отличаются от движений зайца. В первое мгновение он превосходит его в быстроте и ловкости*. Он мастерски умеет делать петли, и для охоты за ним нужны превосходно дрессированная гончая и хороший стрелок. Кролик несравненно хитрее зайца, к нему крайне редко удается подкрасться в то время, когда он пасется, а в случае опасности почти всегда сумеет найти, куда спрятаться. Если бы он убежал по прямой линии, то уже и в этом случае собака среднего качества поймала бы его нескоро, а он прячется в кустарниках, в щелях скал и норах и уходит от преследований врагов. Зрение, слух и чутье у него так же остры, а может быть, и острее, чем у зайцев. Его нрав имеет некоторые привлекательные черты. Он общителен и дружелюбен, матери с горячей любовью ухаживают за детенышами, которые выказывают большое послушание родителям. В феврале и марте у кроликов наступает время течки. Пары живут согласно, по крайней мере гораздо согласнее, чем у зайцев, однако нельзя утверждать, что кролик живет в единобрачии. В теплых странах детеныши уже на пятом месяце способны размножаться, в холодных — на восьмом, однако лишь на двенадцатом месяце достигают полного роста. Пеннант вычислил возможное потомство одной пары кроликов. Если принять, что каждая самка рождает в год семь раз и каждый раз по 8 детенышей, то потомство за 4 года может достигнуть громадной цифры 1 274 840 штук**. Не раз утверждали, что кролики кроме зайцев спариваются и с другими грызунами и рожают детенышей, способных размножаться: однако все относящиеся сюда данные остаются неподтвержденными.

Питается кролик совершенно тем же, чем заяц. Но он причиняет гораздо более заметный вред не только потому, что живет в ограниченном пространстве, но и потому, что очень любит кору деревьев и часто уничтожает целые насаждения молодых посадок. Трудно представить себе, какие опустошения может причинить поселение кроликов при такой громадной плодовитости, если не помешать их размножению. «Присутствие этого крайне вредного грызуна, — говорят братья Мюллер, — существенно сказывается в двух отношениях: во-первых, он держится в очень ограниченном районе, во-вторых, роясь под землей, губит большие площади. Еще более существенны опустошения, которые он производит в лесу; каждый внимательный лесничий может привести примеры этого. Любая молодая растительность от простой бузины до благороднейших видов становится жертвой его вечно работающих резцов. Что делает белка на дереве, то совершает кролик на земле, которую он подкапывает во всех направлениях, причи-

няя уже одним этим вред лесным зарослям, особенно хвойному лесу на очень рыхлой почве». К тому же кролики благодаря своему беспокойному характеру прогоняют другую дичь: где они сильно размножились, редко можно найти зайцев.

Там, где кролики чувствуют себя в безопасности, они становятся невероятно смелы. В венском Пратере они прежде жили тысячами, безбоязненно бегали днем и не обращали внимания на крики или на бросаемые в них камни. Их нигде не охраняют, а убивают, где только можно, даже в то время, когда щадят всех остальных животных. Тем не менее без помощи хищных животных кроликов нельзя истребить. Лишь в том случае, если в данной местности сильно размножатся хорьки, горностаи и каменные куницы или если там есть филины и другие совы, то замечается, что они уменьшаются в числе. Различные виды куниц преследуют кроликов в их логовищах, и в этом случае они почти всегда погибают, а филины схватывают их ночью на пастбище.

В местностях, очень благоприятных для размножения, кролики могут стать истинным бичом страны и приносить чрезвычайный вред земледелию. В Новой Зеландии, как и в Австралии*, где они размножились в громадной степени и объедают догола пастбища, с ними до сих пор борются столь же ревностно, как и безуспешно. Во что оценивают приносимый ими вред, видно из того, что правительство Валлиса в прошлое десятилетие употребило около 15 миллионов марок на борьбу с этим злом и в заключение гарантировало вознаграждение в 500 000 марок тому, кто изобретет действенное средство против этого бича страны, то есть для уничтожения кроликов. Яды, петли, хорьки, проволочные изгороди оказались недостаточными для того, чтобы остановить превосходящее всякую меру истребление корма этими грызунами. Предпринятый во Франции и, как говорят, увенчавшийся успехом опыт Пастера быстро и окончательно истребляет кроликов, заражая их куриной холерой (посыпая корм бактериями, вызывающими эту болезнь), по новейшим известиям, удачно применяется в Австралии. Мясо кролика белое и вкусное, шкура употребляется в дело, подобно шкуре зайца.

Наш домашний кролик, который в настоящее время бывает различного цвета, без сомнения, происходит от дикого, которого можно за короткое время приручить, домашний же за несколько месяцев совершенно дичает и производит потомство, возвращающееся к цвету дикого**.

СЕМЕЙСТВО

ПИЩУХОВЫЕ (Ochotonidae)***

Водящиеся в Азии пищухи отличаются от зайцев гораздо более короткими ушами, едва удлинненными задними ногами, невидимым снаружи зачатком хвоста и зубной системой, заклю-

** В Австралии до сих пор существуют многокилометровые изгороди, которыми пытались отгородить некоторые территории от нашествия кроликов. Заражение кроликов возбудителями заболеваний, например вирусом миксоматоза, на первых порах дало хорошие плоды, но затем у зверьков выработался иммунитет. Проблема регуляции численности кроликов в Австралии актуальна и сегодня.*

*** Выведено множество пород домашних кроликов, отличающихся размерами, пропорциями, окраской, длиной и фактурой шерсти. Кроликов разводят для получения диетического мяса, шкурок, нежного пуха, а также как лабораторных и декоративных животных.*

**** В семействе единственный род Ochotona с 20—25 видами, распростра-*

Семейство пищуховые

ненными во внутро-
пических, преимуще-
ственно горных и
степных частях
Азии и Северной
Америки. В России
обитают 5 видов.
Обычно пищухи
живут колониями,
редко — поодиночке.

* Алтайская пи-
ху — наиболее
крупный предстает-
ель рода, отличает-
ся очень изменчивой
окраской.

** Во времена Брема
к этому виду отно-
сили и более мелкую
северную пищуху (*O.
hyperborea*), широко
распространенную в
горах Северной Азии
от Урала до Чукот-
ки, Камчатки и
Сахалина. Местами
она встречается и в
таежном низкогорье.

чающей в себе лишь по 5 (вместе 6) коренных зубов в каждом ряду. Верхние резцы очень широки и имеют глубокий желобок, благодаря чему они оканчиваются двумя верхушками, нижние малы и довольно сильно согнуты.

Алтайская пищуха, или сеноставка (*Ochotona alpina*), один из более известных видов, напоминает морскую свинку, однако голова длиннее и уже, а нос не так туп, как у нее. Телосложение плотное, хвост снаружи не виден и обозначается лишь маленьким жировым бугорком, ухо средней величины, яйцевидно округленное, снаружи совершенно голое. Жесткий, густой и короткий мех на верхней стороне туловища рыжевато-желтый с черными крапинками; бока и передняя часть шеи одноцветные, ржаво-рыжие; нижняя сторона туловища и ноги светлого и буровато-желтого цвета; горло сероватое; наружная сторона ушей черноватая, внутренняя — желтоватая. Отдельные экземпляры могут быть совершенно одноцветными и чисто-черного цвета. Взрослые пищухи достигают приблизительно 25 см длины*.

Паллас сообщил первые данные о жизни сеноставок, Радде обнаружил дальнейшие наблюдения, а Пржевальский существенно дополнил в новейшее время описания обоих. Сеноставки водятся по всей длинной цепи гор, окаймляющей с севера среднеазиатские плоские возвышенности, на высоте от 1000 до 4000 метров над уровнем моря, однако встречаются и на Камчатке. Они предпочитают, по мнению Радде, лесистые местности и избегают голых степей на возвышенностях**.

Маленькие, выкопанные ими норы и естественные трещины скал служат жилищами пищухам. Жилища их составляют поселения из различного, но обычно значительного числа отдельных нор, так что там, где найдешь одну из них, можно заметить их десять, сто и даже тысячи. В ясную погоду они прячутся до заката солнца, в пасмурную и днем очень деятельны. Когда наступит сильная зимняя стужа, сеноставки хотя и не впадают в спячку, однако не покидают своих подземных жилищ, а когда холод уменьшается, они показываются, садятся перед входом, чтобы греться на солнце, и торопливо бегают, громко свистя, от одной норы к другой. Из страха перед врагами часто высовываются из норы лишь наполовину, затем поднимают голову, чтобы убедиться, что они в безопасности. Характер их представляет соединение любопытства и боязливости. Пищухи так долго рассматривают приближающегося человека или собаку, что те могут подойти к ним на десять шагов, прежде чем они исчезнут в своих норах, теперь, правда, с быстротой молнии. Однако любопытство скоро преодолевает страх: через несколько минут у входа в подземное жилище снова показывается головка, зверек боязливо осматривается

во все стороны и тотчас же снова появляется на прежнем месте, если предмет, внушавший страх, удалился. Радде называет пищух деятельными, миролюбивыми и очень прилежными грызунами, которые собирают большие запасы сена, правильно складывают его в кучи и иногда прикрывают широколиственными растениями, чтобы защитить от дождя.

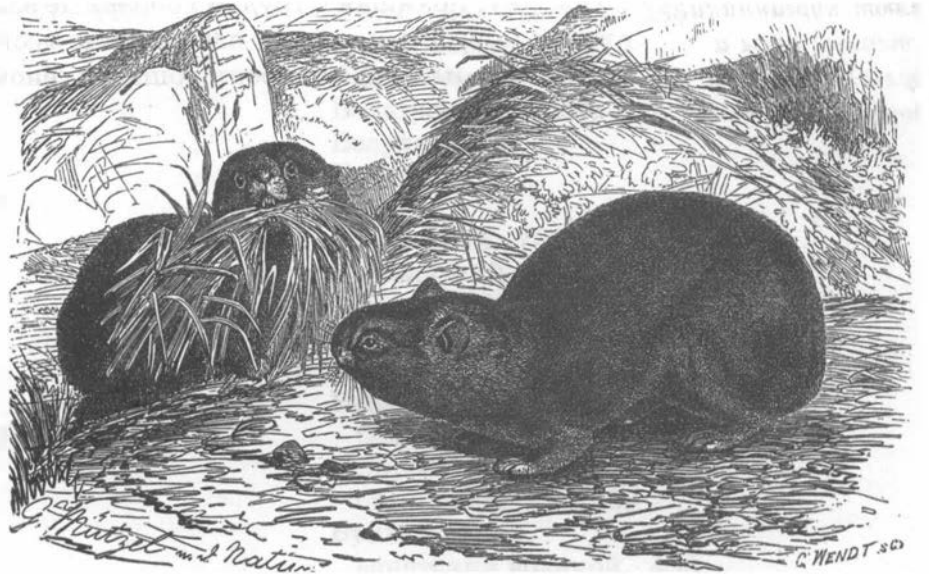
Сенокосовка начинает уже с середины июня собирать запасы на зиму и к концу месяца занята этим делом самым ревностным образом. В выборе трав она оказывается не особенно разборчивой: там, где ей не мешают, охотно ест самые сочные травы, но там, где шаловливые мальчики уничтожают ее запасы или их поедает пасущийся скот, довольствуется сухими травами и другими растениями, которых прочие животные вообще избегают.

Сложенные ею кучи сена достигают 12—18 сантиметров в высоту и 15—30 сантиметров в диаметре*. Если скалы имеют расщелины, то они служат пищухе амбарами. К жилищу ведут узкие тропинки, протоптанные пищухами, по обе стороны которых они объедают короткую траву. Если прилежным собирателям помешают в их работе, то они скоро снова принима-

ются за нее, иногда даже в сентябре таскают и собирают уже пожелтевшие степные растения. Когда наступает зима, пищухи проводят под снегом ходы от своих нор к санным стогам; эти ходы различным образом изогнуты, и каждый ход снабжен отверстием, открывающимся на воздух.

Все пищухи пьют мало. Летом они имеют, правда, в своем распоряжении дождевую воду, а зимой снег, но в течение весны и осени, когда на монгольском плоскогорье часто целые месяцы не бывает никаких осадков и сухость воздуха достигает крайних пределов, они не имеют даже ночной росы, чтобы освежиться, и тем не менее, по-видимому, не ощущают ни в чем недостатка. Голос сенокосовки, который можно слышать даже в полночь, похож на крик нашего пестрого дятла и быстро повторяется, но редко более трех раз. Оготона** свистит по-мышинному, но громче

* Алтайская пищуха обычно не делает «стожков», а прячет охапки сухой травы в щелях камней или под навесами скал.

Алтайская пищуха,
или сенокосовка
(*Ochotona alpina*)

** Брем применил устаревшее название пищух, произведенное от латинского *Ochotona*.

Семейство пищуховые

** В охоте на пищу специализируются многие пернатые и четвероногие хищники. В норах и пустотах между камнями их настигают узкотельные хищники из семейства куньих. Вне норы основную угрозу представляют курганники, степные орлы и соколы балобаны.*

и чище и так часто повторяет свой крик, что он звучит как пронзительная, шипящая трель.

К сожалению, эти зверьки имеют много врагов. Их, правда, не преследуют охотники, но зато на них постоянно нападают манул, волк, корсак, различные орлы и соколы, а зимой они привлекают снежную сову, своего самого опасного врага*. «Ловкость, — говорит Пржевальский, — которую пернатые хищники проявляют при охоте за пищухами, удивительна. Я часто видел, как сарычи с такой быстротой бросались вниз на оготонов, что те не успевали спрятаться в нору. Раз один орел у нас на глазах бросился с высоты по крайней мере 60 метров на пищуху, сидевшую перед своей норой, и унес ее». Сарычи до такой степени исключительно питаются оготонами, что даже селятся на зиму в Гоби лишь ради пищух. Но и человек вредит безобидному грызуну, похищая с трудом собранные запасы. В очень снежные зимы монголы выгоняют овец в такие местности, где живет много оготонов, или кормят своих лошадей сеном, которое оготоны сложили в кучи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русские названия

- Агути бразильский, 717
Агутиевые, семейство, 717—723
Алдакс, 442
Аксис, 304
Альпака, 553
Аноа, 412
Антилопа
 лесная большая, 427
 лесная пестрая, 426
 лошадиная, 435
 саблерогая, 439
 чалая, 435
 черная, 435
 четырёхрогая, 419
Антилопа-прыгун, 449
Аргали, 516
Арни, 406
Архар, 516
Ассапан, 572
Бабирусса, 271
Байбак, 593
Бактриан, 541
Бантенг, 384
Баран
 гривистый, 510
 канадский снежный, 522
 Марко Поло, 521
Бегемот, 279
Бегемот
 карликовый, 290
 либерийский, 290
Бегемотовые, семейство, 279—290
Бейза, 439
Беличи, семейство, 569—602
Белка
 земляная красная, 585
 обыкновенная, 576
Белки земляные, 585
Белки сусликовые, 585
Белуха, 95
Бизон, 367
Бобр
 болотный, 732
 канадский, 608
 речной, 606
Бобровые, семейство, 604—616
Бородавочник африканский, 274
Бубал
 беломордый, 430
 лиророгий, 430
 обыкновенный, 429
Буйвол
 азиатский водяной, 406
 африканский чёрный, 397
 индийский водяной, 406
 карликовый, 412
 кафрский, 397
 красный, 403
 рыжий, 403
Бурундук
 азиатский, 582
 восточный, 582
Бушбок, 426
Бык
 голубой, 416
 длиннолобый, 389
 лобастый, 389
 мускусный, 475
 первобытный, 389

Векша, 576
Верблюды
двугорбый, 541
одногорбый, 530
Верблюдовые, семейство, 529—559
Викунья, 554
Вилорог, 351
Вилороговые, семейство, 351—356
Вискаша
перуанская, 728
равнинная, 729
Вискаши горные, 728
Водосвинка, 712
Водосвинковые, семейство, 712—716
Восьмизубые, семейство, 734—736

Газель доркас, 454
Газель-прыгун, 459
Гарна, 452
Гаур, 381
Гаял, 379
Гиппопотам, 279
Гну
белохвостый, 432
голубой, 434
полосатый, 434
Горал, 473
Горбач, 121
Гофер, 602
Гоферовые, семейство, 602—604
Гринда обыкновенная, 87
Грызуны, отряд, 567—742
Гуанако, 547

Даман
Брюса, 255
древесный, 255
капский скалистый, 255
скалистый, 251
Дамановые, семейство, 250—256
Даманы, отряд, 250—256
Дегу, 735
Дельфин
гангский, 76
обыкновенный, 92
речной амазонский, 73
шароголовый, 87
Дельфин-белобочка, 92
Дельфиновые, семейство, 77—95
Дельфины речные, семейство, 73—77
Джигетай, 198

Дикобраз
африканский, 697
бразильский, 702
гребенчатый, 693
мексиканский, 701
цепкохвостый, 705
Дикобразовые, семейство, 691—698
Дикобразы американские,
семейство, 698—705
Долгоног кафрский, 616
Долгоногие, семейство, 616—618
Дромедар, 530
Дукер, 427
Дюгоневы, семейство, 136—141
Дюгонь, 136

Единорог, 98

Жвачные, подотряд, 291—528
Жирав, 345
Жиравовые, семейство, 345—351
Зайцевые, семейство, 745—757
Зайцеобразные, отряд, 743—760
Замбар индийский, 307
Заяц
земляной, 689
золотой, 717
Заяц-беляк, 751
Заяц-русак, 745
Зебра
бурчеллова, 214
горная, 215
Греви, 215
саванная, 214
Чапмана, 215
Землекоповые, семейство, 742
Зубр, 359

Иглошерст, 698
Иния, 73

Каама, 429
Кабан, 262
Кабарга сибирская, 295
Канна, 420
Канчиль яванский, 291
Капибара, 712
Капустница, 142
Качкар, 521
Кашалот, 102
Кашалотовые, семейство, 102—112
Квагга, 213
Киданг, 300

- Кистехвост, 697
 Кит гренландский, 115
 Китообразные, отряд, 59—129
 Киты гладкие, семейство, 115—121
 Киты настоящие, семейство, 115—121
 Киты зубатые, подотряд, 73—112
 Киты усатые, подотряд 113—129
 Коза
 ангорская, 503
 дикая, 321
 египетская, 505
 карликовая, 505
 кашмирская, 504
 нильская, 505
 Козел
 альпийский, 483
 безоаровый, 495
 большой болотный, 444
 бородатый, 495
 винторогий, 499
 водяной, 446
 домашний, 502
 пиренейский, 491
 Козерог
 альпийский, 483
 пиренейский, 491
 Конгоны, 429
 Корова
 морская, 142
 стеллерова, 142
 Коровы морские, семейство, 141—144
 Косатка, 77
 Косуля
 европейская, 321
 сибирская, 323
 Котик морской северный, 16
 Коэнду, 705
 Кролик дикий европейский, 754
 Крыса
 мускусная, 625
 тростниковая большая, 739
 тростниковая малая, 738
 черная, 650
 Крысы тростниковые, семейство, 738—741
 Куду большой, 423
 Кулан, 198
 Кюий, 702
 Лама, 551
 Ламантин
 американский, 133
 бразильский, 134
 Ламантиновые, семейство, 132—136
 Лань, 305
 Ластоногие, отряд, 5—72
 Лев
 морской калифорнийский, 10
 морской южный, 23
 Лемминг норвежский, 639
 Летяга обыкновенная, 570
 Лось, 327
 Лошадиные, семейство, 177—220
 Лошадь
 арабская, 186
 берберская, 191
 верховая чистокровная английская, 191
 домашняя, 182
 тракненская, 193
 Лысун, 48
 Мазама большой, 320
 Мара, 709
 Мендес, 442
 Мозолоногие, отряд, 529—558
 Морж, 26
 Моржовые, семейство, 26—37
 Мунтжак, 300
 Муфлон, 514
 Мышиные, семейство, 647—671
 Мышь
 варварийская, 670
 домовая, 661
 лесная, 662
 полевая, 662
 полосатая, 670
 Мышь-малютка, 667
 Нарвал, 98
 Нарваловые, семейство, 95—102
 Нежвачные, подотряд, 262—290
 Непарнокопытные, отряд, 177—260
 Нерпа каспийская, 48
 Нильгау, 416
 Носорог
 белый, 236
 индийский, 232
 чёрный, 234
 шерстистый, 231
 яванский, 233
 Носороговые, семейство, 229—249
 Нутриевые, семейство, 732—734
 Нутрия, 732
 Овца домашняя, 523
 Овцебык, 475

Оленевые, семейство, 293—345
Оленек малый, 291
Олень
 белохвостый, 314
 благородный, 309
 виргинский, 314
 пампасный, 319
 свиной, 302
 северный, 335
Оленьковые, семейство, 291—292
Онагр, 205
Ондатра, 625
Ориби, 448
Орикс
 настоящий, 438
 саблерогий, 439
Осел
 дикий африканский, 206
 домашний, 208
 нубийский, 206
 сомалийский, 207
Пака, 720
Пако, 553
Панголин, 563
Парнокопытные, отряд, 261—528
Пасюк, 651
Пекари
 белобородый, 276
 белогубый, 276
 ошейниковый, 276
Пекариевые, семейство, 276—279
Пескорой капский, 742
Пищуха алтайская, 758
Пищуховые, семейство, 757—760
Полёвка
 водяная, 629
 обыкновенная, 636
 снежная, 634
Полорогие, семейство, 356—528
Полосатик
 длиннорукий, 121
 малый, 127
 настоящий, 124
Полосатиковые, семейство, 121—129
Полукозел, 482
Пони шотландский, 193
Редунка большой, 444
Сайга, 463
Сайгак, 463
Свинка морская, 706

Свинковые, семейство, 705—712
Свиные, семейство, 262—275
Свинья
 дикая, 262
 домашняя, 268
 кистеухая, 269
 морская обыкновенная, 83
Сеноставка, 758
Серна, 466
Сернобык, 438
Сивуч, 9
Сирены, отряд, 130—144
Слепыш обыкновенный, 645
Слепышовые, семейство, 645—647
Слон
 азиатский, 148
 африканский, 153
 индийский, 148
 морской южный, 53
Слоновые, семейство, 148—176
Собачка луговая чернохвостая, 590
Соневые, семейство, 671—681
Соня
 лесная, 675
 орешниковая, 679
 садовая, 676
Соня-полчок, 672
Спрингбок, 459
Сурок альпийский, 597
Суслик европейский, 587
Сусук, 76
Тапир
 равнинный, 223
 чепрачный, 220
Тапировые, семейство, 220—229
Тар гималайский, 482
Тарпан, 179
Толсторог, 522
Топи, 430
Трубкозуб
 африканский, 257
 капский, 257
Трубкозубовые, семейство, 257—260
Трубкозубые, отряд, 257—260
Туко-туко магелланский, 737
Туко-туковые, семейство, 736—738
Тушканчик
 большой, 689
 египетский, 683
Тушканчиковые, семейство, 681—691
Тюленевые, семейство, 37—58

Тюлени ушастые, семейство, 8—25
Тюлень
 гренландский, 48
 обыкновенный, 47
Финвал, 124
Хоботные, отряд, 145—260
Хомяк обыкновенный, 619
Хомяковые, семейство, 619—645
Хохляк, 51
Шиншилла, 723

Шиншилла короткохвостая, 723
Шиншилловые, семейство, 723—732
Як, 374
Ящер
 гигантский, 560
 длиннохвостый, 561
 китайский, 563
 степной, 565
 четырепалый, 561
Ящеровые, семейство, 559—566
Ящеры, отряд, 559—566

Латинские названия

Addax nasomaculatus, 442
Alcelaphus
 buselaphus caama, 429
 buselaphus tora, 430
Alces alces, 327
Allactaga major, 689
Ammotragus lervia, 510
Antidorcas marsupialis, 459
Antilocapra americana, 351
Antilocapridae, 351
Antilope cervicapra, 452
Apodemus agrarius, 662
Artiodactyla, 261
Arvicola terrestris, 629
Atherurus africanus, 697
Axis
 axis, 304
 porcinus, 302
Babyrousa babyrussa, 271
Balaena mysticetus, 115
Balaenidae, 115
Balaenoptera
 acutirostrata, 127
 physalus, 124
Balaenopteridae, 121
Bathyergidae, 742
Bathyergus suillus, 742
Bison
 bison, 367
 bonasus, 359

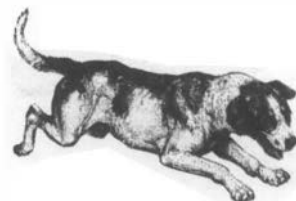
Bos
 frontalis, 379
 frontosus, 389
 gaurus, 381
 javanicus, 384
 longifrons, 389
 primigenius, 389
Boselaphus tragocamelus, 416
Bovidae, 356
Bubalus
 arnee, 406
 depressicornis, 412
Callorhinus ursinus, 16
Camelidae, 529
Camelus
 bactrianus, 541
 dromedarius, 530
Capra
 aegagrus, 495
 falconeri, 499
 hircus, 502
 ibex, 483
 pyrenaica, 491
Capreolus
 capreolus, 321
 pygargus, 323
Castor
 canadensis, 608
 fiber, 606
Castoridae, 604
Cavia porcellus, 706
Caviidae, 705

Cephalophus, 427
Ceratotherium simum, 236
Cervidae, 293
Cervus
 elaphus, 309
 unicolor, 307
Cetacea, 59
Chinchilla
 brevicaudata, 723
 laniger, 723
Chinchillidae, 723
Chionomys nivalis, 634
Choeropsis liberiensis, 290
Coelodonta antiquitatis, 231
Coendou prehensilis, 705
Connochaetes
 gnou, 432
 taurinus, 434
Cricetidae, 619
Cricetus cricetus, 619
Ctenomyidae, 736
Ctenomys magellanicus, 737
Cuniculus paca, 720
Cynomys ludovicianus, 590
Cystophora cristata, 51
Dama dama, 305
Damaliscus
 dorcas, 430
 lunatus, 430
Dasyprocta agouti, 717
Dasyproctidae, 717
Delphinapterus leucas, 95
Delphinidae, 77
Delphinus delphis, 92
Dendroxyrax arboreus, 255
Diceros bicornis, 234
Dipodidae, 681
Dolichotis patagonicum, 709
Dryomys nitedula, 675
Dugong dugon, 136
Dugongidae, 136
Elephantidae, 148
Elephas maximus, 148
Eliomys quercinus, 676
Equidae, 177
Equus
 asinus, 206
 asinus asinus, 206
 asinus somaliensis, 207
 burchelli, 214
 burchelli chapmani, 215
 caballus, 179
 caballus ferus, 182
 grevyi, 215
 hemionus, 198
 onager, 205
 quagga, 213
 zebra, 215
Erethizon dorsatum, 698
Erethizontidae, 698
Eumetopias jubatus, 9
Gazella, 459
Gazella dorcas, 454
Geomyidae, 602
Geomys bursarius, 602
Giraffa camelopardalis, 345
Giraffidae, 345
Glaucomys volans, 572
Globicephalus melaena, 87
Hemitragus jemlahicus, 482
Heteroxyrax brucei, 255
Hippopotamidae, 279
Hippopotamus amphibius, 279
Hippotraginae, 435
Hippotragus, 435
Hippotragus
 equinus, 435
 leucophaeus, 435
 niger, 435
Hydrochoeridae, 712
Hydrochoerus hydrochaeris, 712
Hydrodamalidae, 141
Hydrodamalis gigas, 142
Hyracoidea, 250
Hystricidae, 691
Hystrix cristata, 693
Inia geoffrensis, 73
Jaculus jaculus, 683
Kobus ellipsiprymnus, 446
Lagidium, 728
Lagidium peruanum, 728
Lagomorpha, 743
Lagostomus maximus, 729
Lama
 guanicoe, 547
 guanicoe pacos, 553
Lemmus lemmus, 639
Lemniscomys barbarus, 670

Leporidae, 745
 Lepus
 europaeus, 745
 timidus, 751
 Loxodonta africana, 153
 Manidae, 559
 Manis
 gigantea, 560
 pentadactyla, 563
 temmincki, 565
 tetradactyla, 561
 Marmota
 bobak, 593
 marmota, 597
 Mazama americana, 320
 Megaptera novaeangliae, 121
 Micromys minutus, 667
 Microtus arvalis, 636
 Mirounga leonina, 53
 Monodon monoceros, 98
 Monodontidae, 95
 Moschus moschiferus, 295
 Muntiacus muntjak, 300
 Muridae, 647
 Mus musculus, 661
 Muscardinus avellanarius, 679
 Myocastor coypus, 732
 Myocastoridae, 732
 Myoxidae, 671
 Myoxus glis, 672
 Mysticeti, 113
 Nemorhaedus goral, 473
 Ochotona alpina, 758
 Ochotonidae, 757
 Octodon degus, 735
 Octodontidae, 734
 Odobenidae, 26
 Odobenus rosmarus, 26
 Odocoileus virginianus, 314
 Odontoceti, 73
 Ondatra zibethicus, 625
 Orcinus orca, 77
 Oreotragus oreotragus, 449
 Orycteropodidae, 257
 Orycteropus afer, 257
 Oryctolagus cuniculus, 754
 Oryx
 beisa, 439
 dammah, 439
 gazella, 438
 Otaria jubata, 23
 Otariidae, 8
 Ourebia ourebi, 448
 Ovibos moschatus, 475
 Ovis
 ammon, 516
 ammon polej, 521
 aries, 523
 canadensis, 522
 orientalis, 514
 Ozotoceros bezoarcticus, 319
 Pagophilus groenlandica, 48
 Pedetes cafer, 616
 Pedetidae, 616
 Perissodactyla, 177
 Phacochoerus aethiopicus, 274
 Phoca
 caspiica, 48
 vitulina, 47
 Phocoena phocoena, 83
 Phocidae, 37
 Pholidota, 559
 Physeter catodon, 102
 Physeteridae, 102
 Pinnipedia, 5
 Platanista gangetica, 76
 Platanistidae, 73
 Poephus mutus, 374
 Potamochoerus porcus, 269
 Procavia capensis, 251, 255
 Procaviidae, 250
 Prodocoidea, 145
 Pteromys volans, 570
 Rangifer tarandus, 335
 Rattus
 norvegicus, 651
 rattus, 650
 Redunca arundinum, 444
 Rhinoceros
 sondaicus, 233
 unicornis, 232
 Rhinocerotidae, 229
 Rodentia, 567
 Ruminantia, 291
 Rupicapra rupicapra, 466
 Saiga tatarica, 463
 Sciuridae, 569
 Sciurus vulgaris, 576
 Sirenia, 130

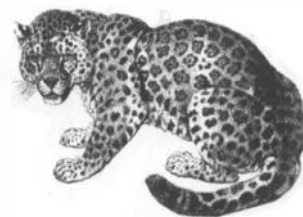
Spalacidae, 645
Spalax microphtalmos, 645
Spermophilus citellus, 587
Sphiggurus
 insidiosus, 702
 mexicanus, 701
Suidae, 262
Suiformes, 262
Sus
 lybicus, 262
 scrofa, 262
 scrofa domesticus, 268
Sylvaemus sylvaticus, 662
Syncerus
 caffer, 397
 caffer nanus, 403
Tamias
 sibiricus, 582
 striatus, 582
Tapiridae, 220
Tapirus
 indicus, 220
 terrestris, 223
Taurotragus oryx, 420
Tayassu
 pecari, 276

 tajacu, 276
Tayassuidae, 276
Tetracerus quadricornis, 419
Thryonomyidae, 738
Thryonomys
 gregorianus, 738
 swinderianus, 739
Tragelaphus
 scriptus, 426
 scriptus silvaticus, 427
 strepsiceros, 423
Tragulidae, 291
Tragulus javanicus, 291
Trichechidae, 132
Trichechus
 inunguis, 134
 manatus, 133
Tubulidentata, 257
Tylopoda, 529
Vicugna vicugna, 554
Xerus
 inauris, 585
 rutilus, 585
Zalophus californianus, 10

СОДЕРЖАНИЕ

Отряд ластоногие	5
Семейство ушастые тюлени	8
Семейство моржовые	26
Семейство тюленевые	37
Отряд китообразные	59
Подотряд зубатые киты	73
Семейство речные дельфины	73
Семейство дельфиновые	77
Семейство нарваловые	95
Семейство кашалотовые	102
Подотряд усатые киты	113
Семейство настоящие, или гладкие, киты	115
Семейство полосатиковые	121
Отряд сирены	130
Семейство ламантиновые	132
Семейство дюгоневые	136
Семейство морские коровы	141
Отряд хоботные	145
Семейство слоновые	148
Отряд непарнокопытные	177
Семейство лошадиные	177
Семейство тапировые	220
Семейство носороговые	229
Отряд даманы	250
Семейство дамановые	250
Отряд трубкозубые	257
Семейство трубкозубовые	257
Отряд парнокопытные	261

Подотряд нежвачные	262
Семейство свиньи	262
Семейство пекариевые	276
Семейство бегемотовые	279
Подотряд жвачные	291
Семейство оленьковые	291
Семейство оленивые	293
Семейство жирафовые	345
Семейство вилороговые	351
Семейство полорогие	356
Отряд мозоленогие	529
Семейство верблюдовые	529
Отряд ящеры	559
Семейство ящеровые	559
Отряд грызуны	567
Семейство беличьи	569
Семейство гоферовые	602
Семейство бобровые	604
Семейство долгоногие	616
Семейство хомяковые	619
Семейство слепышовые	645
Семейство мышинные	647
Семейство соневые	671
Семейство тушканчиковые	681
Семейство дикобразовые	691
Семейство американские дикобразы	698
Семейство свинковые	705
Семейство водосвинковые	712
Семейство агутиевые	717
Семейство шиншилловые	723
Семейство нутриевые	732
Семейство восьмизубые	734
Семейство туко-туковые	736
Семейство тростниковые крысы	738
Семейство землекоповые	742
Отряд зайцеобразные	743
Семейство зайцевые	745
Семейство пищуховые	757
Алфавитный указатель	761
Русские названия	761
Латинские названия	765

Брем Альфред

ЗВЕРИ

том II

Директор издательства *О.С. Бартенев*
Оформление художника *М.А. Трубецкого*
Редактор *Н.А. Рожкова*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Набор и верстка *Ю.Н. Дородницына, Л.Ф. Комаровская,*
Р.А. Курбакова, Н.Е. Манушкина

Корректор *Н.С. Емельянова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 23.01.2000. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать Офсетная. Печ. л. 48,5. Тираж 10 000 экз. Заказ 4056.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»».

ЛР № 066236 от 22.12.98 г.

366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а.

ООО «Издательство Астрель».

143900, Московская область, г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81.

ЛР № 066647 от 01. 06. 99 г.

E-mail: AST@POSTMAN.RU

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

